

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
КЛУБ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник
Выпуск 10
Часть III

Москва – 2015

Редакционный совет

И.А. Андреева – директор Парламентской библиотеки ГД ФС РФ, *Ю.М. Арский* – академик РАН, директор ВИНТИ, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, Председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, советник Президента РФ, председатель, *Б.С. Есенькин* – д.э.н., профессор Заслуженный работник культуры РФ, президент ТД «Библио-Глобус», *В.В. Иванов* – д.э.н., заместитель Президента РАН, *В.Л. Макаров* – академик РАН, директор ЦЭМИ РАН, *Ю.С. Пивоваров* – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН, *О.С. Сироткин* – член-корреспондент РАН, ген. директор Национального института авиационных технологий, президент Национальной технологической палаты, *М.А. Эскиндаров* – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Финансового университета.

Редакционная коллегия

Т.А. Агапова – д.э.н., профессор МГУ, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. секретарь, *В.В. Иванов* – д.э.н., заместитель Президента РАН, сопредседатель, *С.Ю. Мкртычева* – вице-президент НП «Гильдия книжников», *Е.А. Наумов* – к.т.н., профессор, заместитель директора по науке Института природных и технических систем РАН, *Н.В. Озерова* – начальник отдела ТД «Библио-Глобус», *Ю.С. Пивоваров* – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН, отв. редактор, *М.А. Ратникова* – директор Международного Союза экономистов, член Президиума ВЭО России, академик Международной Академии менеджмента, *А.И. Селиванов* – д.филос.н., профессор, *А.А. Халатов* – зав. сектором ИНИОН РАН, *Н.В. Шелюбская* – к.э.н., с.н.с. ИМЭМО РАН, *М.И. Шичкина* – генеральный директор Российской ассоциации инновационного развития, *С.А. Шуванов* – председатель Совета МОД «Российская служба мира», директор Центра культур народов БРИКС, профессор общественной Академии геополитических наук.

Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 10. Часть III. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – 716 с.
ISBN 978-5-248-00787-5

Рассматриваются проблемы государственного управления, становления человеко-ориентированного и социального государства в России, демографической политики, модернизации здравоохранения, институты социальной памяти, процессы модернизации в регионах и городах России. В ежегоднике представлены материалы XV Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения», Москва, ИНИОН РАН, 18–19 декабря 2014 г.

Для специалистов в области россиеведения, государственного управления, регионального развития, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

ББК 60ю54
66.75 (2 Рос)

Содержание

Качество государственного управления и конкурентоспособность российского государства

Андреева Г.Н. Модернизация конституционного регулирования публичных финансов в зарубежных странах	9
Кулик А.Н. Эффективность правления как ключевая проблема модернизации экономики и инновационно-технологического развития	15
Лаптев С.В. Противоречия применения важнейших экономических инструментов политики модернизации: Возможны ли эффективные решения?	21
Лихачева В.В., Лихачева Е.В. Промышленная политика России в контексте импортозамещения	26
Лихачева В.В., Лихачева Е.В., Пономарев О.В. О необходимости ликвидации теневой экономики	29
Мальцева Д.А. Политика и инновации: Использование IT-технологий в политическом управлении в современной России	33
Митрошенков О.А. Правление в контексте культурных детерминаций	36
Молчанов И.Н. Влияние финансовых отношений экономических субъектов на эффективность государственно-частного партнерства в регионах России	42
Назарян М.М. Основы разработки приоритетных направлений развития науки и техники (Украинский опыт)	48
Нестеров А.В. О стандарте (концепции) открытости «Открытого правительства»	54
Нисневич Ю.А. Кадровая приватизация Совета Федерации	59
Новиков В.Е., Дербенева Г.Ф. Таможенные аспекты промышленной политики России	61
Новоселов А.С., Маршалова А.С. Проблемы повышения эффективности регионального развития и суть перехода к инновационной системе управления	65
Павлов В.П. Государственное регулирование коммерческого использования результатов интеллектуальной деятельности: Проблемы и перспективы	69
Панзабекова А.Ж. Зарубежный опыт противодействия коррупции и возможности его применения в странах ЕАЭС	73
Перчинская Н.П., Додон С.В. Приватизация и её влияние на государственный бюджет (Опыт Республики Молдова)	79
Погребняк А.О. Информационное обеспечение социально-экономического и инновационного развития России	84
Положихина М.А. Некоторые итоги и препятствия формированию в России «электронного государства»	87
Разумовский В.А. Об успешности государства и качестве государственного управления	91
Тарасенко Ф.П. О некоторых возможностях повышения качества управления в социальных системах	98
Титова Т.П. Селективная иммиграционная политика: Стратегии и практики привлечения высококвалифицированных специалистов	103
Тюриков А.Г., Тюриков Р.А. Качество муниципальной власти: Сравнительный анализ на Евразийском пространстве	107
Черкай А.Д. О перспективности использования лингвистических моделей при решении задач управления в экономике	112

Чернов С.Б. Совершенствование государственной политики противодействия коррупции и теневой экономике	116

Становление человеко-ориентированного и социального государства в России: Современные реалии и перспективы

Айзинова И.М. Уроки европейской социальной политики	119
Акопов А.Ю., Несмеянов А.А. Перспективы развития игорного бизнеса в России	125
Алейников А.В. Конфликтная динамика и социальная аномия современного российского общества	128
Братишко Ю.С. Научно-практические подходы к диагностике социальной ответственности фармацевтического бизнеса	133
Васина Е.А. Семья как фактор социогенеза: Ценностно-нормативный аспект	139
Вэй Лиань Опыт диверсификации управления социальным жильем в КНР: От концепции к реализации	143
Гундаров И.А. Государство народа как альтернатива капитализму и коммунизму в России	149
Гурко Т.А., Островский К.Г. Ориентиры в воспитании ребенка молодых матерей различных социальных групп: Конформизм vs само-реализация	154
Довейко А.Б., Магомедова Т.И., Стеценко А.И. Эффективный детский сад в представлении педагогов и родителей	160
Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Никифорова А.А. Отношение студентов страны к олимпийским играм в Сочи: Общее и особенное (По итогам социологического исследования)	166
Жвиташвили А.Ш. Проблемы типологии российского общества и его социально-классовой структуры	171
Жук Н.А., Жук Л.В. Проблемы и перспективы пенсионных систем	177
Захаров В.К., Голикова Е.И. Прогрессивность шкалы налогообложения доходов физических лиц и показатели благосостояния стран мира	181
Зернов С.В. Эволюция социального управления: Управленческий суд	203
Зернова Л.П. Актуализация семейных ценностей как фактор укрепления российской государственности	207
Злотникова Л.М., Саралиева З.М. Особенности организации социальной работы в условиях модернизации экономики	212
Иванько А.А., Иванько Я.А., Стельмахов Ю.Н. От национальной идеи к народной экономической идее Украины и России	216
Кабыткина И.Б. Особенности гражданской социализации в России: Политологический аспект	223
Кузнецова И.П. Повышение качества жизни населения как приоритетное направление социально-экономического развития: Сравнительный анализ России и Евросоюза	227
Микайлова И.Г. Социальное государство в XXI веке: Исторический опыт воспроизводства социокультурной динамики российской государственности	231
Муханова М.Н. Структура занятости сельского населения в неформальном секторе	237
Нурпеисова А.А. Направления инвестирования активов пенсионной системы в индустриально-инновационную модернизацию экономики Республики Казахстан	243
Овчинникова Т.Н. Столкновение двух систем в социально-экономическом пространстве России	249
Пациорковский В.В. Приоритеты социально-экономического развития: Формирования новых форм хозяйствования и жизни	253
Петрыкина И.Н. Человеческий капитал региона: Проблемы развития и пути их решения	259
Платонова А.П. Роль интернет-коммуникаций в социализации детей	266
Радовель М.Р. Характеристики солидарности/поляризованности российского социума: Опыт количественного анализа	269

Родионова Н.В.	
«Благодетельность» и благотворительность: Выгодность и полезность	274
Росинская Г.М.	
Экономика домохозяйства как основа развития человеческого потенциала России	281
Сауткина В.А.	
Перспективы расширения возможностей институтов гражданского общества в области профилактики этно-социальных конфликтов	283
Секачева Л.Л.	
На пути нравственного возрождения гражданского общества	286
Сенюшкина М.А.	
Капитал как фактор функционирования социальной политики	288
Сергиенко Е.Л.	
Психологические составляющие карьеры актеров: Стратегии достижения профессионального успеха	294
Слободенюк Е.Д.	
Бедность как барьер на пути социально-экономического развития России: Структура группы бедных и методологические рекомендации	299
Соловьев А.К.	
Государственная стратегия долгосрочного развития пенсионной системы России: Старые проблемы и новые риски	301
Соснина Т.Н.	
Капитал отношений и его роль в становлении и развитии инновационного уклада современной экономики	307
Теребихин В.М.	
Государственная гуманитарная политика (антропологическая) как механизм формирования российского человекоориентированного государства: Идеи к проектированию концепции	310
Урмина И.А.	
Роль и значение культурного и природного наследия в формировании человеческого потенциала России	317
Филина Ф.В.	
Социальная ответственность бизнеса и совершенствование корпоративного управления в целях обеспечения устойчивого развития	323
Хайруллина В.Г., Гилязетдинова Е.Р.	
Формирование трудоспособности как качественной характеристики трудовых ресурсов	329
Шедько Ю.Н., Верева А.В.	
Развитие сферы формирования человеческого потенциала региона: Физическая культура и массовый спорт в ХМАО – Югре	331
Шутов А.С.	
Проект гуманистической идеологии для модернизации России	336
Щегорцов А.А.	
Модернизация кадрового обеспечения системы социальной защиты населения	339
Шукина М.Ю.	
Социальная активность НКО в интересах устойчивого развития сельских территорий	345
Яковлева М.Н.	
Социальная динамика и эмиграция в России и Беларуси	347

Демографические процессы и сбережение нации

Апанасенко Г.Л.	
Биологическая деградация homo sapiens и четвёртый демографический переход: Пути решения проблем	353
Бараненкова Т.А.	
Трудовой потенциал современной России: Проблемы формирования	357
Берова Ф.Ж., Яхутлова М.Л., Яхутлов К.Л.	
Демографическая политика в России: Прогнозы и возможности	362
Бухарбаева Л.Я., Франц М.В., Егорова Ю.В.	
Формирование механизма организационного управления ресурсами на уровне подсистем оказания специализированной медицинской помощи по группам социально значимых заболеваний	366
Венедиктов Д.Д., Дартау Л.А.	
Модернизация здравоохранения России: Организационно-правовые аспекты	373
Галаева Е.В., Санаев А.О.	
Инновационные технологии в повышении квалификации менеджеров сферы здравоохранения	377
Злотникова Л.М.	
Социально-нравственные проблемы реформирования здравоохранения	381
Караваев В.Е., Варникова О.Р., Тезикова И.В.	
Контроль качества медицинской помощи и его роль в совершенствовании здравоохранения	386
Караваев В.Е., Лихова И.Н., Варникова О.Р.	
Оптимизация экспертной работы одна из возможностей модернизации здравоохранения России	389

Карнов Г.Г.	
Проблемы регулирования трудовой миграции в начале XXI в.: Британский опыт	392
Кожемов А.А., Хадарцев А.А., Несмеянов А.А.	
Врачебно-педагогический контроль эффективности спортивной игры питербаскет в условиях уроков физической культуры	396
Муравьева Н.Н., Левицкая Н.А.	
Региональные особенности страны с учетом реинтеграции Крыма и дифференциация уровня качества и доступности медицинской помощи	400
Несмеянов Н.А., Несмеянов А.А.	
Природа формирования заболеваний населения и пути их предотвращения	403
Сауткина В.А.	
Здравоохранение: Современное положение, угрозы и риски	410
Соболева С.В., Чудаева О.В.	
Демографическое будущее России: Современные вызовы	413
Соколенко А.С., Полчанинова И.Л.	
Управление здоровьем как экономическая стратегия	421
Фадеева Т.А.	
Проблемы трансформации миграции населения на территории РФ в свете модернизации и инновационного развития России	433
Фетисова С.Л., Фокин А.М., Несмеянов А.А.	
Врачебный контроль за состоянием физической подготовленности детей дошкольного и начального школьного возраста, занимающихся мини-питербаскетом	438

Институты социальной памяти (библиотеки, архивы, музеи) в изменяющемся мире

Волкова В.Н.	
Институты социальной памяти как основа негэнтропийных тенденций в обществе	444
Гринченко С.Н.	
Социальная память как элемент системной памяти человечества	448
Зеленина Н.В., Зеленина Е.В.	
Музей – социальный институт памяти как фактор формирования национальной идентичности	452
Корнева-Чаева И.А.	
Роль музея в процессе популяризации культурных ценностей на примере работы музейной группы Архива РАН	454
Лопатина Н.В.	
Библиотека в условиях информатизации: Проблемы и перспективы	456
Любин В.П., Громан К.М.	
Дворцовая библиотека, музеи и памятники города Готы как пример сохранения социальной и исторической памяти	459
Обедков А.П.	
Исторические города Северо-Западного Федерального округа как объекты культурного наследия и центры культурно-познавательного туризма	461
Соколова Н.Ю.	
Институты социальной памяти в контексте культурной политики (Опыт Китая и России)	465
Тимощук Е.А.	
Феноменологическая дескрипция как инструмент социальной модернизации	470

Регионы и города России: Стратегии модернизации и их воплощение в проектах инновационного и технологического развития

Абдулаев Ш.-С. О., Черкашин В.И., Дохолян С.В., Садыкова А.М.	
Технологические, эколого-экономические и социальные проблемы инновационного развития субъектов РФ	476
Алексеев А.В.	
Государственные программы: Реальный или потенциальный инструмент регионального развития?	480
Ахмедов А.Ш.	
Проблемы развития и пути эффективного использования инновационного потенциала Дагестана для модернизации экономики региона	483
Бабинцев В.П.	
Интеллектуальное сообщество как субъект модернизации субъекта РФ и основной оппонент региональной бюрократии	487
Блохин В.Н.	
Проблемы и перспективы развития сельских территорий Российско-Белорусского приграничья	491
Богачев Ю.С., Васильева Л.В.	
Инновационный потенциал развития субъектов Российской Федерации (Динамический аспект)	497
Валинурова Л.С., Казакова О.Б.	
Управление инвестиционной привлекательностью на муниципальном уровне	504

Вертинская Т.С. Стратегическое развитие г. Минска как столичной агломерации: Основные проблемы и вызовы, новые концептуальные подходы к управлению	508
Глизица М.Ю., Лысенко М.В. Развитие малого бизнеса: Стратегия и тактика преодоления барьеров	514
Горишкова Е.В. Особенности подготовки контролеров общественного транспорта	519
Гудкова А.А., Турко Т.И. Инновационное развитие регионов Российской Федерации: Тенденции, перспективы роста	522
Гуриева Л.К. Миграционные факторы стратегической конкурентоспособности региона	529
Дартау Л.А. Муниципалитеты, их роль и место в сотрудничестве с населением по обеспечению качества жизни на местах	537
Донцов Д.Г., Юшкова Н.Г. Адаптация территориального планирования к стратегическим инициативам инновационно-технологического развития регионов: Особенности разработки сводного плана социально-экономического развития Волгоградской области до 2020 года	541
Дохолян С.В. Региональная социально-экономическая политика как составная часть экономической политики государства	547
Дымченко Е.В., Дранеза Я.В. Приток инвестиций в жилищно-коммунальное хозяйство можно сделать реальностью	557
Иванов В.А. Специфика и барьеры модернизации аграрного производства Северного региона	563
Иванов С.Е. Особенности разработки региональных программ диверсификации территориального промышленного комплекса	569
Исмаилова В.С., Исмаилова А.Р. Инновационное развитие территорий – перспектива конкурентного преимущества муниципальных образований	574
Кабанов В.Н. Количественная оценка эффективности социально-экономической политики региональных органов государственной власти	579
Калугина З.И. Интеллектуальные риски развития Сибири	583
Кандрокова М.М., Туменова С.А. Региональная инновационная система: Модель, структура, особенности	589
Капицына Д.В. Муниципальная правовая политика и процесс модернизации в России	596
Клименко Л.В. Гражданско-правовые установки жителей Юга России в контексте модернизации поликультурного региона	599
Кожевникова Н.И. Транспортные особенности регионов Сибири и Дальнего Востока: Влияние на демографический фактор инновационного развития	607
Кузьминых Н.А. Инновационный облик территории	610
Кундиус В.А., Ан Е.А. Кластерная политика в системе стратегического управления инновационным развитием трансграничных регионов России и Казахстана	613
Лапин Н.И., Беляева Л.А. Социокультурные вызовы российской модернизации и дистанции между состояниями модернизированности Федеральных округов России	618
Мальцева И.С. Направления трансформация аграрного пространства Северного региона	625
Михайлова Е.В. Система оценки потенциала экономического развития региона	629
Морозенкова О.В. Подготовка российских кадров для освоения Арктических территорий	633
Морунова Г.В. Проблемы оценки качества управления финансами и мониторинг эффективности деятельности органов местного самоуправления	637
Мурзина И.Я. Региональный кластер культурологического образования и проблемы инновационного развития территории	640
Обедков А.П. Большие города как организующие центры модернизации и пространственного развития Северных территорий России	643

Петросянец В.З.

Стратегическое регулирование развития проблемных регионов в условиях инновационных преобразований экономики 649

Плотников А.Н., Шамьенова Г.Р.

Формирование механизма инвестирования инновационной деятельности территориального образования 653

Поплыко В.И.

Инновационное и технологическое развитие регионов (На примере Республики Беларусь) 656

Рабаданова А.А.

Направления структурной политики региона в условиях модернизации 659

Рабцевич А.А.

Показатели, потенциально применимые для анализа инновационной ориентации субъектов рынка труда 660

Радионова С.П.

Современные тенденции развития рынка государственно-частного партнерства в России на примере реализации проектов развития транспортно-логистической инфраструктуры (региона, района) 665

Радковская Е.В.

Информационно-аналитическая поддержка обеспечения сбалансированности регионального развития 672

Рисин И.Е., Бунин Д.А.

Инструменты стратегического управления развитием промышленности крупного города 676

Симагин Ю.А.

Тенденции развития моноотраслевых городских поселений России 680

Стыров М.М., Колечков Д.В.

Особенности инвестиционно-инновационной системы Северных регионов России 682

Сухотин А.Б., Чернова Л.С.

Уровни народнохозяйственного и регионального развития – ретроанализ (2000–2008 гг.) 687

Третьяк В.П., Сагина О.А.

Необходимы ли дорожные карты по Арктике? 692

Третьякова Л.А.

Особенности формирования конкурентных преимуществ региона в условиях глобальных рисков 695

Царьков А.С.

IT-сфера как эффективный фактор стабилизации и развития региональной экономики 700

Шеркунов С.А.

Использование зарубежного опыта межрегионального взаимодействия в российских условиях 709

Янгиров А.В.

Концептуальные основы формирования экономического потенциала региона 712

КАЧЕСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Андреева Г.Н.

к.ю.н., в.н.с. ИНИОН РАН

МОДЕРНИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Ключевые слова: *публичные финансы, модернизация публичного сектора, зарубежный опыт, анти-кризисное регулирование, конституционные реформы.*

Необходимость модернизации публичного сектора, и, особенно, публичных финансов в условиях глобализации была осознана мировым сообществом задолго до финансового кризиса, последний ускорил поиск новых форм. В этом плане ответы на вызовы, выдвинутые финансовым и экономическим кризисом, в том числе путем внесения изменений в конституционное регулирование публичных финансов, являются в значительной степени и ответами на вызовы глобализации. Финансовый кризис затронул разные страны в различной степени. Для одних он стал серьезным экзаменом на прочность (Испания, Италия, Греция, Португалия), другие в меньшей степени были вовлечены в кризисные процессы и адаптировались к новым условиям за счет ранее произведенных конституционных изменений (Бразилия), в третьих кризис стимулировал разработку новой стратегии (Франция), но та или иная реакция на кризис была во всех странах. Суть произведенных изменений состоит в модернизации конституционного регулирования публичных финансов. В отличие от правительственных решений, которые в условиях кризисов из-за спешки могут быть спонтанными и не всегда взвешенными, конституционные реформы, которые затрагивают фундаментальные основы общества и рассчитаны на долгосрочное действие, по своей природе должны готовиться обстоятельно, учитывать разнообразные социальные риски в долгосрочной перспективе.

Если рассматривать особенности современного конституционного регулирования публичных финансов в результате проведенных в этой сфере реформ с точки зрения исходного «импульса» для преобразований в публичной сфере, то их можно разделить на две группы: для части стран он был, прежде всего, «внешним», например, для стран ЕС, действующих в рамках и в соответствии с целями и задачами европейской интеграции; для остальных стран – внутренним, поскольку они были ориентированы, прежде всего, на решение внутренних национальных проблем.

Страны ЕС изменили конституционное регулирование публичных финансов исходя из необходимости стимулирования процессов интеграции, темпы которой снизились в результате мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. и последовавшего за ним кризиса в зоне евро. В ЕС антикризисные меры были разработаны на общеевропейском уровне. Инициаторами создания новых европейских финансовых инструментов – Европейского инструмента финансовой стабилизации и Европейского механизма финансовой стабилизации – стали Франция и Германия. Это создало общеевропейские механизмы, которые позволяют выкупать государственные облигации стран, имеющих серьезные финансовые проблемы, а соответствующим правительствам – осуществлять рефинансирование государственной задолженности.

Одновременно на общеевропейском уровне было решено активнее использовать внутренние национальные механизмы регулирования публичных финансов. При этом была поставлена задача формирования единых подходов к обеспечению бюджетной стабильности на наднациональном и национальном уровнях регулирования. «Пакт евро плюс» (Euro Plus Pact), принятый в марте 2011 г. семнадцатью странами зоны евро, а также Болгарией, Данией, Латвией, Литвой, Польшей и Румынией предусмотрел проведение согласованных макроэкономических реформ, направленных на повышение устойчивости государственных финансов и на стабилизацию финансовых рынков. Для их правового подкрепления Приложение 1 к этому Пакту содержит обязательство государств-участников задействовать соответствующие законодательные и конституционные механизмы для решения указанных проблем. Указанные механизмы получили название «золотого правила» бюджетного равновесия.

Следует отметить тот факт, что, несмотря на стремление к унификации, реализация данного решения на конституционном уровне в странах ЕС оказалась вариативной. В силу различий в структуре и содержании национальных конституций, традициях регулирования и используемой законодательной техники положения о бюджетной стабильности были вписаны в разный конституционный инструментарий и контекст: в Германии – в оптимизацию функционирования федерации, во Франции в положения о программных законах, в Италии – в бюджетные механизмы и т.д. Таким образом, даже в рамках унифицирующего наднационального влияния конституционные решения оказались разными. Кроме того, часть стран-участников ввела данное правило до принятия соответствующего решения на уровне ЕС (Германия и Австрия), в них были отработаны соответствующие подходы и механизмы в качестве «пилотных» (по сравнению с опытом других стран) проектов, соответственно не требовалось вносить изменения после принятия

Пакта евро плюс. Другие страны искали пути вписывания данного правила в свой конституционный контекст уже по следам принятого решения.

Использование конституционного регулирования для решения проблем модернизации публичных финансов может осуществляться различным образом, и при этом могут быть задействованы разные правовые инструменты, как давно разработанные и применявшиеся в отдельных аспектах регулирования финансов, так и новые. Далее будут рассмотрены различные модели модернизации конституционного регулирования публичных финансов; каждая из моделей будет представлена страной, в которой соответствующий подход нашел яркое выражение.

1. «Повторение пройденного»

В данном случае речь идет о модели использования таких конституционных механизмов, которые уже ранее были апробированы для решения аналогичных или близких задач. Стремление правящих кругов прибегнуть к уже известным приемам для разрешения новой по содержанию и уровню проблем ситуации психологически вполне понятно, поскольку в отличие от новаторских подходов, известные варианты дают большую уверенность в возможности получения позитивного результата. Однако в этом случае очень важна реалистичная оценка степени успешности данных конституционных механизмов и правильный прогноз относительно результатов их применения к публичным финансам. Рассмотрим пример Великобритании. В данной стране конституционные изменения производились в виде маневра в рамках цикла приватизация-национализация, отработавшегося десятилетиями, при этом опыт Великобритании в области приватизации публичного сектора стал образцом для многих стран мира.

Необходимо отметить, что с точки зрения конституционного права Великобритания представляет собой уникальное явление. Эта страна относится к англосаксонской системе права и не имеет писаной конституции в виде единого кодифицированного акта, а изменения и уточнения некодифицированной конституции (включающей статуты, судебные прецеденты и конституционные обычаи) происходят постоянно за счет изменения ее составляющих, но при этом сохраняется стабильность ядра регулирования. Строго говоря, использование ее опыта в условиях других правовых систем с наличием писаной кодифицированной конституции вообще проблематично. Тем не менее, в этой стране существует, хоть и отличающееся значительным своеобразием, конституционное право, а дисперсность конституционных норм не является препятствием для создания противодействия злоупотреблению властью в виде правового государства, разделения властей, верховенства парламента¹. Кроме того, в стране действуют европейские гарантии прав человека.

Как известно, Великобритания в течение десятилетий придерживалась политики приватизации, причем проведенной в таких масштабах, что это привело к серьезному сокращению публичного сектора и изменению его конфигурации. В литературе подвергается сомнению необходимость проведения приватизации в таких масштабах, кроме того, обращается внимание на то обстоятельство, что результаты передачи осуществления социальных услуг частному сектору были далеко не однозначны, в случае неудач проводилась национализация ранее приватизированного и впоследствии часть публичных услуг опять стала осуществляться публичным сектором. Таким образом, во-первых, данная политика не была эталонно-образцовой, как она нередко воспринималась другими странами², а ожидаемые от ее проведения результаты достигались далеко не всегда³; во-вторых, хотя официально она характеризовалась как приватизация, в реальности имела место тактика циклической смены приватизации-национализации.

Эта же тактика была использована в условиях финансового кризиса. Между сентябрем 2007 г. и февралем 2010 г. правительство для того, чтобы снизить давление на банковский сектор, национализировало полностью или частично четыре банка⁴. При этом в качестве борьбы с кризисными явлениями и для уменьшения финансовой нагрузки на публичный сектор проводилась приватизация публичных услуг, притом в значительных масштабах: было объявлено о приватизации Королевской почты («Royal Mail»), т.е. возобладала циклическая тенденция. Ожидания от данной приватизации не оправдались: По оценкам парламентского комитета по бизнесу и инновациям правительством и советниками была избрана ошибочная стратегия, что привело к занижению стоимости активов и недополучению бюджетом, а следовательно, и налогоплательщиками, минимум 1 млрд. фунтов (1,25 млрд. евро)⁵.

Помимо экономических потерь, общество понесло и потери в отношении конституционного строя. Хотя главной целью политики санации служил публичный сектор, произошло снижение общего уровня транспарентности и отступление от фундаментальных конституционных начал ради смягчения последствий кризиса. Так, принцип парла-

¹ Hood Phillips O., Jackson P., Leopold P. Constitutional and administrative law. – London, 2001. – P. 22–36.

² См. в частности о таком использовании опыта Великобритании в российской полемике по приватизации: Боровский Ю.В. Приватизация российских энергетических активов в международном контексте // Вестник МГИМО Университета. – М., 2013. – № 4 (31). – С. 247.

³ Например, приватизированные железные дороги Великобритании являются самыми дотационными в ЕС. «Как отмечает большинство экспертов, идеи, заложенные в приватизацию железных дорог, не дали результатов. Если бы идеологи приватизации знали тогда, что получится в итоге, то не повторили бы сейчас тех реформ. Вливание частного капитала в значительном объеме не сработало. Идея хорошая, но на практике – фиаско. Хотя сказать однозначно, что ухудшение наступило по всем параметрам – тоже нельзя» (Иванов О.Б., Остин Ф. Железные дороги Великобритании: уроки организации и приватизации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2013. – № 1. – С. 40).

⁴ Black J. Managing the Financial Crisis // Law Society and Economy Working Papers. 2010. – N 12. – P. 37.

⁵ Приватизация Royal Mail – фиаско для бюджета. Сайт Euronews. 11.07. 2014. – <http://ru.euronews.com/2014/07/11/royal-mail-sell-off-criticised-cost-taxpayers-dear-says-review-committee>

ментского верховенства был ослаблен Актом о банках 2009 г. (Banking Act 2009), в частности положением о том, что полномочия Банка Англии по переносу документов не требуют одобрения Парламента¹.

Поскольку даже, казалось бы, вполне освоенные властями инструменты, применяемые в кризисных условиях, влекут отступления от конституционных принципов, это свидетельствует о недостаточной разработанности данных механизмов, их до определенных пределов адаптированности только к стандартным, обычным некризисным условиям, и, соответственно, о необходимости соблюдения осторожности в их применении.

2. Модернизация путем изменения механизмов федеративного устройства

Федеративное устройство государства является важным инструментом, влияющим на эффективность формирования и использования публичных финансов. Изменений взаимоотношений между федеральным и другими уровнями власти, перераспределение полномочий и функций федеральной власти и субъектов федерации способно серьезно изменить конфигурацию публичных финансов, сделать их использование более, или наоборот, менее эффективным. Опыт Германии по модернизации конституционного регулирования публичных финансов может рассматриваться как пример модернизации путем использования механизмов федеративного устройства. В этой стране с 2003 года² готовилась реформа федерации³, на первом этапе которой (2006 г.) были введены новые положения о финансовых полномочиях Федерации и налоговой автономии земель, а на втором этапе (2009 г.) – путем изменения ст. 109 и 115 Основного закона ФРГ 1949 г. – собственно правило бюджетного равновесия. При этом на конституционном уровне была указана связь с европейскими обязательствами и прямо установлены предельные размеры государственного долга. В числе часто критикуемых недостатков данного конституционного опыта Германии отмечается то, что оно не было распространено в Основном законе на общины и не были урегулированы вопросы достижения договоренностей для реализации «золотого правила», а также слишком растянут срок его вступления в силу (некоторые аспекты «золотого правила» начнут в полной мере действовать с 2020 г., если к тому времени, конечно, эти положения не будут вновь изменены), что позволяет Федерации не выполнять полностью конституционные положения. Кроме того, тем самым был создан барьер для принятия землями долгосрочных политических и финансовых решений и вызван кризис «горизонтальной солидарности» земель в виде обеспечения равных условий жизни на территории Федерации, а также другие проблемы⁴. Тем не менее, именно германский опыт стал моделью для других стран⁵, как представляется не в последнюю очередь благодаря жизнеспособности и высокому потенциалу самой германской экономики.

С точки зрения оценки значения данного конституционного опыта следует отметить, что само по себе установление в конституции конкретных показателей не является магистральным направлением конституционного регулирования. Из истории известно, что в различных странах в конституционные положения неоднократно включались конкретные показатели (число министров в правительстве, размер гражданского листа монарха в виде конкретной суммы и т.д.), но в конечном итоге конституционный законодатель отказывался от такого регулирования, поскольку оно, с одной стороны, вроде бы создает дополнительные гарантии реализации данных показателей, с другой стороны, при различного рода конъюнктурных колебаниях является препятствием для управленческого маневра. Кроме того, сама природа конституционного регулирования такова, что оно призвано регулировать общественные отношения в общей форме, создавая базу для конкретного регулирования текущим законодательством, поэтому включение такого рода конкретных норм создает определенное напряжение между уровнями регулирования. Особенно это относится к странам, в конституциях которых такого рода конкретика отсутствует, как, например, в России. В них, как представляется, такие конституционные нормы, содержащие конкретные меры по изменению публичного сектора в процентном выражении, могут быть только временным маневром в случае острой необходимости. С другой стороны, в силу федеративного устройства РФ опыт Германии по перераспределению полномочий между федерацией и субъектами заслуживает пристального анализа независимо от возможности его применения, поскольку в ходе такого анализа могут быть выявлены аспекты, которые следует учитывать и в России.

3. «Экспресс-реформа»

В Испании конституционная реформа по установлению правила бюджетного равновесия может рассматриваться как пример внесения конституционных изменений в «пожарном порядке» под давлением органов ЕС, в научной литературе за скорость проведения, несвойственную конституциям, она получила название «экспресс-реформы»⁶. Эта реформа стала второй в истории Конституции 1978 г. Изменения, внесенные в ст. 135 Конституции Испании и теку-

¹ Kerr H. La dimension del Estado y de las administraciones publicas en perspectiva comparada: el Reino Unido // *Revista de derecho constitucional europeo*. – Granada, 2014. – N 21. – http://www.ugr.es/~redce/REDCE21/articulos/03_kerr.htm#cinco

² Когда была создана совместная комиссия Бундестага и Бундесрата по модернизации федерации.

³ Подробнее см.: Казак Е.С. Реформа федеративных отношений в Германии: соотношение права и политики // *Конституционное и муниципальное право*. – М., 2012. – № 7. – С. 51–56.

⁴ Poli M.D. La administración pública en Alemania: Principios, etapas evolutivas y sostenimiento del sistema frente a la crisis // *Revista de derecho constitucional europeo*. – Granada, 2013. – N 20. – http://www.ugr.es/~redce/REDCE20/articulos/03_MD_POLI.htm

⁵ Perez de las Heras B., Larrasabal Besañez S. Control presupuestario en la Unión Europea, reforma constitucional, ajuste de los presupuestos de las Administraciones Públicas y su impacto en el autogobierno vasco en el marco del concierto económico // *Revista Vasca de Administración Pública. Herri-Arduralaritzako Euskal Aldizkaria (R.V.A.P.)*. – Bilbao, 2012. – N 94. – P. 149.

⁶ Reforma expres y sin referendum. El Pais. 23.08.2011. – http://politica.elpais.com/politica/2011/08/23/actualidad/1314128715_080054.html

шее законодательство, затрагивают не только автономии, но и местные власти. Официально идея конституционной реформы ст. 135 обосновывалась ее инициаторами только экономическими и политическими соображениями¹. Их реализацию должны обеспечить следующие положения. Во-первых, новая редакция ст. 135 распространила действие принципа бюджетной стабильности на все органы публичной администрации (ч. 1 ст. 135 Конституции Испании). Во-вторых, был установлен запрет как государству, так и автономным сообществам создавать структурный дефицит, превышающий границы, установленные ЕС для государств-членов. Местные сообщества, в свою очередь, также должны обеспечивать бюджетное равновесие (ч. 2 ст. 135 Конституции). В-третьих, общая совокупность государственных долгов всех администраций не может превышать предел, установленный Договором о функционировании ЕС. В новой редакции оплата государственного долга имеет абсолютный приоритет, что отмечается в испанской литературе как нововведение, не имеющее аналогов в сравнительном конституционном праве². В-четвертых, в конституционное регулирование заложена и определенная возможность «маневра», поскольку перечислены условия, при которых допустимо отклонение от установленного предела (стихийное бедствие, которому государство не в силах противостоять; экономический спад и др.), наличие данных исключений должно быть подтверждено абсолютным большинством депутатов Конгресса депутатов. В-пятых, было предусмотрено издание Органического закона об определении пределов структурного дефицита и объема государственного долга и круг регулируемых им вопросов.

Данная конституционная реформа вызвала острую критику, прежде всего, из-за стремительности ее проведения без традиционных консультаций с различными политическими силами, что нарушило уже сложившуюся к моменту ее проведения демократическую практику достижения конституционного консенсуса³. так и с содержательной стороны, поскольку прямо затрагивает статус автономных сообществ и ограничивает возможности их развития, а также ставит ряд вопросов о соотношении данного регулирования с конституционным принципом социального государства⁴.

4. Пролонгированное действие предшествующих реформ

Использование результатов реформ, проведенных в предкризисный период, доступно странам, которые испытывали трудности и кризисные явления по внутренним причинам и были вынуждены бороться с ними до наступления кризиса. В качестве примера может служить опыт Бразилии. В этой стране конституционные реформы в области фискальной политики, в сфере экономики, избирательного права, законодательных и судебных полномочий и взаимодействия законодательной и исполнительной власти были осуществлены в предшествующий мировому финансовому кризису период. К 2007 г. за год до кризиса уже были проведены важные конституционные реформы, причем 35% осуществленных конституционных изменений касались фискальной политики, 13% – экономики, 11% – избирательной системы, 11% – судебных и законодательных полномочий) и т.д.⁵ Налоговая система была серьезно обновлена в плане сокращения затрат федерации, штатов и муниципий, а также создания условий для увеличения их доходов (конституционные поправки 49/06, 40/03, 36/02, 09/95 и др.).

Эти конституционные изменения позволили в условиях кризиса правительству действовать в конституционном поле, обеспечивая необходимые меры по защите национальной промышленности и изменению фискальной, денежной и кредитной политики. В условиях падения промышленного производства материалов для гражданского строительства в 2008 г., правительство увеличило потолок кредитования для покупки материалов для строительства, выделило для стимулирования потребления в различных секторах значительные суммы, а также контролировало курс национальной валюты в условиях ее колебаний⁶. В начале XXI в. была проведена реформа, расширяющая государственную помощь. Той части населения, которая жила в условиях нищеты части населения, были учреждены специальные фонды (как, например, Фонд борьбы с бедностью и ее искоренения). Вместе с тем был обеспечен рост ВВП, хотя и слабый (например, в 2012 г. он составил 0,9% по сравнению с предыдущим)⁷. Причинами незначительного роста считается влияние европейского экономического кризиса, падение внутреннего потребления, проблемы с климатом, влекущие в том числе увеличение импорта в сельскохозяйственном секторе и слабый рост сферы услуг⁸.

Хотя нельзя сказать, что кризис никак не отразился на Бразилии, тем не менее его последствия не были столь же значительными как в Испании, Италии, Греции или Португалии. Можно с высокой степенью вероятности предположить, что определенную роль в этом сыграло то обстоятельство, что главные изменения в публичном секторе были осуществлены до пика кризиса. Видимо поэтому в Бразилии в последние пять лет не проводились никакие конституционные реформы, направленные на то, чтобы обеспечить противостояние кризису. Это не означает, что отсутствова-

¹ Boletín oficial del Estado. – Madrid, 2011, martes 27. – N 233. – P.101932.

² Ridaura Martínez M^aJ. La reforma del artículo 135 de la Constitución española: Pueden los mercados quebrar el consenso constitucional? // UNED. Teoría y Realidad Constitucional. – Madrid, 2012. – N 29. – P. 237–260.

³ Ibid. P. 260.

⁴ Sánchez Barrilao J.F. La crisis de la deuda soberana y la reforma del artículo 135 de la Constitución española // Boletín mexicano de derecho comparado. – México, 2013. – N 137. – P. 692–697.

⁵ Souza C. Regras e contexto: as reformas da Constituicao de 1988 // DADOS – Revista de Ciencias Sociais. – Rio de Janeiro, 2008. – Vol. 51, N 4. – P. 802.

⁶ Giraldi R. Em reacao a crise economica global, governo anuncia medidas para preservar mercado interno // Agencia Brasil, 10.10.2011. – <http://agenciabrasil.ebc.com.br/noticia/2011-10-10/em-reacao-cri-se-economica-global-governo-anuncia-medidas-para-preservar-mercado-interno>

⁷ Araújo de Gusmão H.C. Un análisis del diseño constitucional y de la evolución del sector público brasileño // Revista de derecho constitucional Europeo. – Granada, 2014. – N 21. – http://www.ugr.es/~redce/REDCE21/articulos/01_araujo.htm

⁸ Ibid.

ло желание снизить негативное воздействие кризиса, но эти меры осуществлялись в рамках обычной экономической политики правительства, соответственно в рамках действующих конституционных ограничений и не повлекли явно выраженных деформаций конституционного поля, которые характерны для поспешно проводимых реформ. Здесь напрашивается достаточно очевидный, но далеко не всегда реализуемый на практике, вывод о предпочтительности для обеспечения стабильности конституционного развития последовательно проводимой превентивной политики перед пожарными мерами.

5. Попытка прорывного решения проблем модернизации

В условиях кризиса может возобладать и тенденция признания необходимости выработки новых комплексных механизмов, имеющих превентивное воздействие. Однако как разработка, так и реализация данной сложной задачи требует времени, которого в условиях кризиса как раз в достаточной степени не имеется. Опыт Франции можно в целом оценить как попытку прорывного и на основе учета достижений различных наук решения проблем модернизации публичного сектора в кризисных условиях. В этой стране отношение на правительственном уровне к вопросу о конституционных изменениях публичного сектора весьма основательно. На первой правительственной конференции по вопросам бюджетного дефицита в январе 2010 г.¹ по инициативе премьер-министра была сформирована рабочая группа экспертов, под руководством М. Камдессю². Главной задачей группы стало формулирование предложений по реализации принципа бюджетного равновесия для всей публичной администрации. В частности, премьер-министр попросил их разработать предложения о способах такого функционирования публичной администрации в условиях бюджетного равновесия, при котором публичные финансы играли бы роль автоматического стабилизатора, разработать способы координации действий различных органов публичной администрации по обеспечению бюджетного равновесия; предложить график вступления в силу этого правила с учетом обязательства Франции не превышать трехпроцентный дефицит государственного бюджета; разработать юридический инструментарий применения нового правила на национальном уровне и максимально эффективные средства контроля за его применением. Таким образом, правительство стремилось обеспечить комплексный подход к решению проблемы. Однако проведение конституционных реформ через парламент требует достижения политического консенсуса, которое пока не достигнуто.

В результате в настоящее время реально на «выходе» имеется внесение изменений в ст. 34 Конституции 1958 г., посвященную программным и иным законам³. Теперь прямо предполагается издавать в финансовой области программные законы, причем не только тесно увязывая финансирование публичной сферы с целями государства, но и подчиняя его принципу сбалансированности счетов публичной администрации, т.е. прежде всего достижению баланса поступлений и расходов. Кроме того, правило бюджетного равновесия текстуально связано с финансированием социального обеспечения, что ставит вопрос об обеспечении функции социального государства в условиях хронического дефицита в этой сфере⁴. Вместе с тем, новое регулирование страдает рядом недостатков: в Конституции не определено место этих законов в иерархии правовых актов Франции по отношению к другим законам, регулирующим финансовые отношения, а сама последовательность изложения материала в ст. 34 (сначала речь идет о финансовых законах в целом, затем о законах о финансировании социального обеспечения, и уже затем о программных законах) допускает различные интерпретации их места в системе законодательных актов. Кроме того, требует усовершенствования институт парламентского контроля в данной сфере с учетом специфики данных законов; возможности контроля за финансовыми законами со стороны Конституционного совета ограничены; сроки достижения целей бюджетного равновесия неопределенны; способы координации действий органов публичной администрации не соответствуют современному, глобальному подходу к публичным финансам и др.⁵

Как представляется, французский опыт проведения и обсуждения конституционной реформы публичных финансов (даже при не столь масштабных реальных изменениях конституционного регулирования) свидетельствует о необходимости разработки комплексных и взаимосвязанных конституционных механизмов, позволяющих адаптировать публичные финансы к происходящим в обществе и мире изменениям.

¹ Вопросы дефицита бюджета в 2010 г. стояли особенно остро, поскольку расходы центрального правительства составляли 425,7 млрд. евро (367,1 млрд. евро в 2009 г.), а поступления 274,9 млрд. евро (против 237,2 млрд. евро в 2009 г.) (данные Forex <http://www.weltrade.ru/analytics/nems/17596/>), т.е. наблюдался значительный рост бюджетного дефицита.

² Мишель Камдессю, бывший директор распорядитель Международного валютного фонда 1987-2000 гг., дольше всех находившийся на этом посту, и Управляющий банком Франции в 1983–1987 гг.

³ Новая редакция ст. 34 Конституции гласит: «Финансовые законы определяют доходы и расходы государства в соответствии с условиями и с оговорками, предусмотренными органическим законом. Законы о финансировании социального обеспечения определяют общие условия его финансовой сбалансированности и, с учетом прогнозируемых поступлений, устанавливают цели расходов в соответствии с условиями и с оговорками, предусмотренными органическим законом. Программные законы определяют цели деятельности государства. Направления публичного финансирования, рассчитанные на несколько лет, определяются программными законами. Они должны соответствовать цели достижения сбалансированности счетов органов публичной администрации. Положения настоящей статьи могут быть уточнены и дополнены органическим законом». *Constitution de la République française du 4 octobre 1958. Assemblée nationale.* – <http://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp>

⁴ Baudu A. La «regla de oro» de las finanzas públicas: ¿una tragicomedia a la francesa?// CDP. Cuadernos de Derecho Público. – Madrid, 2009. – № 38. – P. 185–188.

⁵ Ruiz Ruiz J.J., Sánchez Navarro A.J. El debate sobre el consagración constitucional de la estabilidad presupuestaria en Francia // Realidad constitucional. – Madrid, 2012. – N 29. – P. 222.

Заключение

С одной стороны конституционные реформы в сфере финансов свидетельствуют о попытках перехода к системным изменениям в данной сфере, созданию на конституционном уровне механизмов, стабилизирующих финансовую систему и препятствующих негативным явлениям. С другой стороны в настоящее время оптимизация публичных финансов перед лицом кризиса нередко происходит за счет снижения запаса прочности конституционного строя и его принципов, на которых во многом держится прочность и стабильность всей государственной системы. Высокая степень неопределенности воздействия данных реформ усиливается тем, что органам конституционного контроля, которые должны будут оценивать текущее законодательство с точки зрения соответствия произведенным конституционным изменениям, сложно оценивать новые элементы конституционного регулирования, которые имеют в большей степени экономическое, а не правовое содержание. Однако, поскольку общие контуры проблемы выявлены, конституционная практика покажет, в каком направлении следует идти в дальнейшем конституционному законодателю для создания эффективных конституционных механизмов финансовой стабилизации.

Кулик А.Н.

к.т.н., с.н.с. ИНИОН РАН

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВЛЕНИЯ КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

Ключевые слова: модернизация экономики, инновационно-технологическое развитие, государственное управление.

Keywords: *economy modernization, innovative development, governance efficiency.*

В своей недавней публикации советник российского президента Сергей Глазьев указывает, что 2015–2018 годы – это период выхода нового технологического уклада в фазу роста, когда начинается модернизация экономики. В начале 2020-х годов должно начаться технологическое перевооружение развитых стран и Китая, а США и другие западные страны совершат новый технологический скачок. Если России за 3–5 лет не удастся осуществить прорыв в освоении базовых производств нового технологического уклада, то ее технологическое отставание от передовых стран станет быстро возрастать, а экономика окажется запертой в ловушке догоняющего развития, сырьевой специализации и неэквивалентного внешнеэкономического обмена еще на 20–30 лет. Причину низких темпов экономического роста и деградации научно-производственного потенциала страны, Глазьев видит в **низком качестве системы государственного управления**, пораженной коррупцией и некомпетентностью².

В странах, которые встали сегодня «на волну роста нового технологического уклада», интерес к проблеме повышения эффективности государства актуализировался в середине 80-х – начале 90-х годов, когда они столкнулись с серьезным кризисом государственного управления. Эта проблема не обошла и постсоветскую Россию. В своем первом Послании Федеральному Собранию РФ в 2000 году президент Владимир Путин констатировал: «Мы проигрываем в конкуренции на мировом рынке, все более и более ориентируемся на инновационные сектора, на новую экономику – экономику знаний и технологий». Главной причиной «длительного и глубокого экономического кризиса» он назвал «неэффективное государство» и заявил: «Сегодня мы, прежде всего, ставим задачу наведения порядка в органах власти»³.

Ту же самую задачу наведения порядка, без которого «невозможны движение вперед, решение самых насущных проблем», ставил и его предшественник, первый российский президент Борис Ельцин в своем Послании 1997 г., которое так и называлось «Порядок во власти – порядок в стране»⁴.

С тех пор, уже на протяжении многих лет неэффективность государственного управления как главное препятствие на пути экономического, технологического и социального развития страны стала притчей во языцех в публичных выступлениях политиков и общественных деятелей разного масштаба. Дмитрий Медведев, заместивший в 2008 г. В. Путина на посту президента вынужден был снова говорить о примитивной структуре экономики и унижительной сырьевой зависимости, о необходимости преодоления хронической отсталости и коррупции через всестороннюю модернизацию, создание «умной экономики», способной обеспечить выживание нашей страны и занятие ею лидерских позиций в современном мире⁵. Вернувшийся затем в свое кресло после четырехлетнего руководства работой правительства, В. Путин вновь констатирует в очередном послании Федеральному собранию: «Всем очевидны и главные проблемы, ничего нового здесь тоже не скажу – это низкая эффективность государственной власти и коррупция. Без качественного современного госуправления, без высокой персональной ответственности тех, кто этим занимается, мы не решим задач, стоящих перед обществом и страной»⁶.

С началом реформ на Западе, когда стала очевидной прямая зависимость социально-экономического развития и благополучия страны от качества правления – *governance*⁷, возникла потребность в создании инструментария, кото-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РГНФ № 13-0300553а.

² Глазьев С. Как не проиграть в войне // Электронный ресурс «Мировой кризис», 25.07.2014. – <http://worldcrisis.ru/crisis/1584472>

³ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации в 2000 году. – <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/message>

⁴ Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: 1997 год. – <http://viperson.ru/wind.php?ID=257773&soch=1>. Послание завершается словами: «Установить порядок, в основе которого лежали бы не диктатура и подавление, а общность целей, разум и согласие, энергия примирения и созидания, – поистине историческая задача для России».

⁵ Послание Президента Федеральному Собранию РФ, 12 ноября 2009 года. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>

⁶ Послание Президента Федеральному Собранию РФ, 12 декабря 2012 года. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>

⁷ Понятие *governance* для сферы государственного управления характеризует качество государственной власти, оцениваемое по конечным результатам ее деятельности для общества. Его подробный анализ дан, например, в работе Джанда К. «Governance», верховенство закона и партийные системы // Политическая наука. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – № 4: Политические партии, демократия и качество государственного управления в современном обществе. – С. 113–142.

рый позволял бы оценивать и отслеживать в сравнительном и временном контексте динамику его изменений в процессе реформирования. В 1996 г. Институт Всемирного банка открывает проект *Worldwide Governance Indicators* (WGI) – мониторинга качества правления, охватывающий сегодня 215 развитых и развивающихся стран и территорий мира.

Хотя существует несколько альтернативных систем оценки *governance*, индикаторы WGI заслужили наибольшее доверие в мире как наиболее полный комплекс показателей качества государственного правления. Их значения рассчитываются ежегодно на основе нескольких сотен переменных из порядка 40 источников данных, которые ведут 32 различные организации по всему миру, включая социологические и экспертные центры, национальные институты, международные и неправительственные организации и частные фирмы. Методология расчета значений индикаторов, равно как и цели глобального проекта, делают маловероятной избирательную ангажированность оценок в отношении каких-либо отдельных стран¹.

Шесть агрегированных индикаторов, выделенных на основе концептуального определения *governance*, оценивают формальные институты и неформальные практики правления, определяющие в совокупности его качество в восприятии заинтересованных респондентов – жителей данной страны, предпринимателей, зарубежных инвесторов, гражданского общества в широком понимании. Комплексная оценка *governance* включает не только качество работы правительства, предоставляемых им гражданам услуг и принимаемых нормативных актов и контроль коррупции, но и состояние отношений между государством и обществом, возможность граждан участвовать в политике, выбирать, контролировать и сменять власть, а также уровень их доверия государственным институтам, уважение властью и гражданами институтов, определяющих экономические и социальные взаимоотношения между ними².

Особое место среди индикаторов занимает «Верховенство права» (Rule of Law). *Верховенство права* является центральным понятием во многих концепциях *governance*. Этот индикатор отличает наибольшее среднее значение коэффициентов корреляции с остальными пятью³, что означает, что там, где строго соблюдается верховенство права, более высокие значения имеют и остальные индикаторы эффективности правления. Он измеряет меру доверия граждан к правовым нормам общества и их приверженность к исполнению таковых; качество работы правоохранительных органов и органов правосудия, а также ожидаемость правонарушений и насилия. Необходимым условием должного исполнения законов является независимость судебной системы.

Исследования Всемирного банка фиксируют существование положительной корреляции между значением качества *governance*, оцениваемым по этим шести индикаторам, и социально-экономическим развитием страны⁴. Содержание большинства государственных реформ в различных странах с 1980-х годов определил переход государственного управления от концепции *government* к концепции *governance*, предполагающей публичность принятия решений, гражданское участие и последующий контроль общества за исполнением принятых решений.

Данные мониторинга WGI по России подтверждают отрицательные оценки эффективности государственного управления, высказанные в разное время ее политиками и экономистами. Страна стабильно находится в негативной части мирового рейтинга качества правления в течение всего периода мониторинга, начиная с 1996 г. Эти данные свидетельствуют о том, что меры, предпринимавшиеся до настоящего времени для повышения эффективности государства, включая наведение порядка во власти, отстраивание президентской вертикали и ручное управление, административные реформы и реформы государственной службы, кампании по борьбе с коррупцией⁵, создание Общественной палаты как инструмента взаимодействия власти и граждан, внедрение технологий электронного правительства, и пр., не дали и, если пролонгировать существующий устойчивый тренд, не способны дать предполагаемый результат.

Некоторой частной, но достаточно выразительной иллюстрацией эффективности системы государственного управления может служить факт, приводившийся на втором «Форуме действий» Общероссийского народного фронта 18 ноября 2014 г., в работе которого принимал участие и В. Путин, что даже 80 процентов поручений президента за этот год остались невыполненными⁶.

До сравнительно недавнего времени национальные природные ресурсы страны благоприятствовали укреплению позиций административной элиты, тесно связанной с сырьевым сектором в экономике и не заинтересованной в инновационной модернизации, а доходы, получаемые от продажи сырья, прежде всего – углеводородного, позволяли режиму пренебрегать эффективностью правления ради сохранения политического статус-кво и фактически подменять реальную модернизацию словесными заверениями в приверженности ей. Даже в «тучные» нулевые годы экономического бума, когда огромный спрос и устойчиво высокие цены на энергоносители на мировых рынках приносили высокие доходы в бюджет страны, не было сделано практически ничего, чтобы изменить структуру экономики и избавиться от хронической зависимости ее «рентной» модели от стоимости нефти.

¹ Kaufmann, Daniel and Kraay, Aart and Mastruzzi, Massimo, The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues (September 2010). World Bank Policy Research Working Paper N 5430. – <http://ssrn.com/abstract=1682130>

² Как отмечают авторы проекта, страна может иметь номинально набор институтов, соответствующий определенным стандартам, но для того, чтобы эти институты обеспечивали эффективность правления, необходимо доверие к ним населения.

³ Джанда К. «Governance», верховенство закона и партийные системы. С. 124.

⁴ Kaufmann Daniel, Kraay Aart, Zoido-Lobaton Pablo. «Governance Matter» (October 1999). World Bank Policy Research Working Paper N 2196. – P. 3. – http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=188568

⁵ Как констатировал недавно председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов, коррупционерами являются около 30% чиновников. Взятки берет каждый третий чиновник в России // Российский коммуникационный портал «Mail.ru», 09 12 2014. – <http://news.mail.ru/incident/20406229/?frommail=1>

⁶ Путин призвал ОНФ следить за выполнением майских указов. – <http://lenta.ru/news/2014/11/18/putin>

В разработанном еще в 2008 г. Российской академией наук прогнозе научно-технологического развития РФ до 2030 г. указывается на бесперспективность преодоления угроз и вызовов перехода к новому технологическому укладу в рамках сложившейся сырьевой модели развития¹.

После тяжелейшего кризиса 2008 г. Д. Медведев, выступая на Московском нанофоруме, тогда еще в качестве Президента РФ, заявил: «Наша посткризисная экономика должна базироваться на знаниях, должна базироваться на инновационных технологиях, а не на сырьевых возможностях России, сколь бы безграничны они не были». И тут же был вынужден признать, что «Пока изменений в этой сфере у нас нет, и, несмотря на то, что кризис больно ударил по всем, меняться никто особенно не хочет»². По сути, он признал, что нынешняя модель правления оказалась неспособной обеспечить выход из тупика социально-экономического и технологического развития.

В конце 2012 – начале 2013 года темпы экономического роста в России резко замедлились. В 2013 году рост составил 1,4 процента³ против не менее 5–6 процентов ежегодного роста ВВП, о необходимости которых в ближайшем десятилетии для развития страны говорил В. Путин⁴. Как отметила на Гайдаровском форуме Юлия Цепляева, директор Центра макроэкономических исследований Сбербанка, тогда, в начале 2013 года, ещё казалось, что замедление роста ВВП до 2–3% станет рубежом, после которого власти наконец-то перейдут от имитации к реальным системным реформам. Но прошел год, а в поведении властей ничего не изменилось⁵.

Накопление негативных тенденций структурного характера в экономике фактически привело к 2013 году к ее стагнации. На этот процесс наложились санкции США, ЕС и ряда других стран, вызванные позицией России в политическом кризисе на Украине и фактически приостановившие экономическое сотрудничество с Западом, а также падение цен на энергоносители, продажа которых давала более половины доходной части государственного бюджета⁶.

В конце 2014 года Алексей Кудрин, бывший министр финансов России, констатирует: Россия входит в полноценный экономический кризис; ВВП страны может упасть в 2015 году на 2–4%, а инфляция составить 12–15%⁷.

В. Путин на своей Большой пресс-конференции 18 декабря 2014 г. был вынужден признать, что «... нами многое не сделано из того, что мы планировали сделать и говорили, что мы должны сделать по диверсификации нашей экономики в течение практически предыдущих 20 лет»⁸. Надежды на выход страны из экономического кризиса в течение последующих двух лет («при самом неблагоприятном стечении обстоятельств») президент связал с ожиданиями роста мировой экономики, которой потребуются дополнительные энергетические ресурсы, и выразил уверенность, что за эти два года удастся диверсифицировать экономику, сделать то, что существующей системе правления не удавалось 20 лет даже в периоды гораздо более благополучной геополитической и социально-экономической ситуации.

Кризисные явления в экономике, вызванные ее фундаментальными проблемами⁹, разворачиваются в то время, когда для страны жизненно важно не упустить волну становления нового технологического уклада в трансформации мирохозяйственной системы.

Обсуждая перспективы экономики России в 2014–2016 годах еще до начала кризиса, А. Кудрин высказал убеждение, что выбраться из нынешней ситуации России позволит только проведение структурных экономических реформ. Кризис лишь акцентировал их неотложность. Естественно возникает вопрос, насколько способна система государственного управления в ее нынешнем виде провести такие реформы и совершить инновационный технологический прорыв, или же для этого она сама нуждается в реформировании.

Как соотносятся значения индикаторов качества правления в России и в США и странах ЕС (выборочно), уровня которых должна достичь Россия за 3–5 лет, совершив прорыв в освоении базовых производств нового технологического уклада?

¹ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 2030 г.) Концептуальные подходы, направления, прогнозные оценки и условия реализации. – РАН. Москва, 2008. – http://mrgr.org/upload/iblock/58d/Prognoz_28-11-2008%20nufaopnveb-1.pdf

² Медведев: кризис пока ничему не научил бизнес в России / РИА Новости, Москва, 6 окт. 2009 г. – <http://news.mail.ru/politics/2948213>

³ Впрочем, как свидетельствует РБК, премьер-министр Д. Медведев ранее выразил мнение, что сегодняшние экономические проблемы России не результат ошибок прошлого, а напротив, являются следствием успешной реализации экономической политики последних 10–12 лет. На фоне глобального кризиса ситуация в России, как он отметил, выглядит достаточно стабильной – ВВП растет, бюджет сбалансирован, государственный долг и безработица невелики, инфляция находится под контролем. – <http://top.rbc.ru/economics/29/01/2014/902154.shtml>

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию РФ, 12 декабря 2012 года.

⁵ Фаляхов Р. Это рост отстающей страны. – <http://www.gazeta.ru/business/2014/01/16/5851989.shtml>

⁶ В 2014 г. доходы российского бюджета на 51,9% формировались от продажи нефти и газа – такой сильной зависимости от углеводородного сырья в России не было никогда.

⁷ Россия входит в полноценный экономический кризис / ТАСС. МОСКВА, 22 декабря, 2014 г. – <http://news.mail.ru/politics/20545129>

⁸ Большая пресс-конференция Владимира Путина, 18 декабря 2014 года. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/47250>

⁹ Мнение большинства отечественных экономистов относительно природы нынешнего кризиса нашло отражение в выступлении Германа Грефа в Общественной палате: «Санкции добавили негатива, но давайте не сваливать все на санкции. У нас куча собственных проблем, мы бы и так имели без всяких санкций в следующем году или нулевой, или отрицательный рост (экономики – ред.) Поэтому вопрос в нас, а не в санкциях». / Греф: экономика РФ в 2015 г ушла бы в минус и без санкций. 8 декабря 2014 г. – РИА Новости. – <http://news.mail.ru/economics/20399338/?frommail=1>

Значения индикаторов качества правления России, США и некоторых европейских стран за 2013 год

Индикатор	США	Германия	Франция	Швеция	Великобритания	РФ
Право голоса и подотчётность						
Процентильный ранг*	83.9	93.8	88.6	99.1	92.4	18.96
Рейтинг**	1.1	1.4	1.2	1.7	1.3	-1.01
Кол-во источников***	113	12	12	12	12	14
Политическая стабильность и отсутствие насилия						
Процентильный ранг	65.9	76.8	61.6	90.5	63.0	22.27
Рейтинг	0.6	0.9	0.4	1.1	0.5	-0.75
Кол-во источников	9	9	9	9	9	9
Эффективность правительства						
Процентильный ранг	90.9	91.4	89.5	98.6	90.0	43.06–0.36
Рейтинг	1.5	1.5	1.5	1.9	1.5	10
Кол-во источников	7	7	7	7	7	
Качество законодательства						
Процентильный ранг	86.6	92.8	85.2	99.0	96.2	37.32–0.37
Рейтинг	1.38	1.6	1.1	1.9	1.8	12
Кол-во источников	8	8	8	8	8	
Верховенство права						
Процентильный ранг	90.5	91.9	88.2	99.5	92.9	24.64
Рейтинг	1.5	1.6	1.4	2.0	1.7	-0.78 15
Кол-во источников	12	11	11	11	11	
Контроль коррупции						
Процентильный ранг	85.2 1.3	94.3	88.0	99.0	93.3	16.75
Рейтинг	11	1.8	1.3	2.3	1.7	-99
Кол-во источников		9	9	8	9	13

* Числовое значение процентиля 83.9 по индикатору *Право голоса и подотчётность* означает, что качество правления по данному критерию на момент измерения лучше, чем в 83.9% стран, охваченных исследованием, но хуже, чем в 16.1 %. Аналогичное значение имеют величины рейтингов по каждому из остальных индикаторов эффективности правления.

** Значение показателя *Рейтинг* определяется на шкале от - 2.5 до + 2.5, где большему числу соответствует более эффективное правление.

*** *Кол-во источников* – число источников данных, по которым рассчитаны данные значения индикатора.

Источник: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#reports>.

Из данных таблицы видно, что Россия уступает США и странам ЕС в качестве *governance*, прежде всего, по индикаторам, характеризующим публичность политического процесса, участие гражданского общества в принятии решений, на расширении которых был изначально сделан акцент в реформах государственного управления в этих странах. Значение такого индикатора публичности правления, как *Право голоса и подотчетность (власти)* постоянно снижалось с 39.4 в 1996 году и в 2013 году составило 18.96, т.е. хуже, чем в 174 странах из 215, проанализированных в проекте Всемирного банка¹.

Можно сделать вывод, что решение проблемы повышения качества правления, необходимого для осуществления структурной реформы экономики и достижения заявленных целей инновационного развития, лежит в социально-политической составляющей модернизации, т.е. в модернизации политической системы.

В 2008 г. Российская академия наук по поручению Д. Медведева, тогда Президента РФ, разработала *Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 2030 г.)*. Ученые академии, пришли к выводу, что: «Обязательным условием достижения темпов инновационного развития России, обеспечивающих её устойчивое присутствие в числе мировых лидеров, является организация взаимодействия государства с обществом, наукой, и бизнесом, направленного на достижение национального консенсуса», т.е. обеспечение публичности политического процесса, включение в него гражданского общества².

На зависимость успеха постиндустриальной модернизации от эффективности системы управления и ее социально-политической составляющей указывается в аналитическом докладе «Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее», подготовленном группой авторитетных независимых российских экспертов по инициативе Программы развития ООН. Эксперты указывают на необходимость перестройки механизмов и институтов государства, охватывающей одновременно экономическую, политическую и социальную сферы. Одним из главных приоритетов государства должно стать повышение эффективности функционирования институтов политической демократии и правоприменения. «Экономическая политика не даст должного результата, и даже самое лучшее экономическое законодательство останется пустым звуком, если не будет сильных и уважаемых судов, принимающих справедливые решения; пользующихся доверием общества органов правопорядка, обеспечивающих реализацию принятых законов и

¹ The WGI Project. – http://info.worldbank.org/governance/wgi/sc_chart.asp

² Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (до 2030 г.)

судебных решений; средств массовой информации, обеспечивающих общественный контроль за деятельностью институтов государственной власти», говорится в докладе¹.

Герман Греф, в 2000 году руководитель Центра стратегических разработок (ЦСР), где в то время, когда там была подготовлена стратегия социально-экономического развития страны до 2010 г. (Программа Грефа), спустя 10 лет, объяснил неудачу реформ тем, что еще до внесения документа в правительство из него был изъят один из ключевых разделов – реформа государства. «Если бы я вернулся в начало 2000-х, – признался он – я бы поставил во главу угла реформу власти и образования [класса элиты и управленцев, которые занимались осуществлением реформ – ред.]»². Об этом же позднее говорил Александр Аузан, Президент Института национального проекта «Общественный договор»: «В чем была драма так называемой программы Грефа, то есть программы реформ первого путинского срока? В том, что там были разделы, которые связаны с судебной системой, с изменением институтов. Но они куда-то делись...»³

Евгений Ясин, научный руководитель Национального исследовательского Университета – Высшая школа экономики уточняет, куда делись эти разделы: «Когда рассматривали программу Грефа, из неё вынули всё, что касалось политико-правовых вопросов, передали в администрацию [президента – ред.], там это всё благополучно заглохло»⁴.

Тема модернизации политической системы – постоянный предмет дискурса политологического сообщества на протяжении многих лет, еще со времен горбачевской перестройки. Из этого профессионального круга в широкое публичное пространство она вышла в период президентства Д. Медведева, который стремился позиционировать себя как политика, открытого технологическим и политическим новациям, способного преодолеть застой и вывести страну на новые рубежи.

В сентябре 2009 года он обратился к гражданам страны со своим политическим манифестом «Россия, Вперед!». В нем Д. Медведев резко раскритиковал созданную его патроном систему правления за «унизительную сырьевую зависимость», «позорно низкие энергоэффективность и производительность труда большинства предприятий», «хроническую коррупцию», «далекое от идеала качество демократических институтов». Представляя обществу видение своей цели на посту президента, Д. Медведев говорит о переходе страны на «следующую, более высокую ступень цивилизации», о реализации таких фундаментальных политических свобод, как свобода слова и собраний (признавая тем самым де-факто их отсутствие), и об открытости и гибкости политической системы, которая «будет обновляться и совершенствоваться в ходе свободного соревнования открытых политических объединений», о беспрецедентных открытости и прозрачности общества («Даже если это не нравится правящему классу»). Успех технологической модернизации он связывает с политической модернизацией и с укреплением судебной системы.

В своем обращении Д. Медведев пригласил всех граждан к сотрудничеству и дискуссии, обещая, что их «оценки, замечания и предложения будут учтены при подготовке Послания Президента России Федеральному Собранию. Практических планов развития нашего государства»⁵. Научное сообщество, откликнувшись на обращение президента, активно включилось в разработку для них «дорожной карты» организацией научных конференций и круглых столов, подготовкой аналитических докладов, публикациями экспертов в научных и общественно-политических журналах, в СМИ и в Интернете. Так, Институт современного развития (ИНСОР), который создавался как один из аналитических центров президента Д. Медведева, в начале 2010 года подготовил и представил обществу и президенту доклад «Россия XXI века: образ желаемого завтра»⁶.

Новый подъем активности гражданского общества по формированию национальной повестки дня происходит накануне президентских выборов 2012 года, когда до последнего момента власть сохраняла интригу, кто будет номинирован и, соответственно, станет президентом, Д. Медведев, провозгласивший необходимость смены вектора развития, или В.Путин, приверженный идеологии стабилизации.

На конференции ИНСОР, где обсуждалась предложенная его экспертами национальная повестка дня для России на новый президентский срок, Е. Ясин, говоря о модернизации экономики, подчеркнул *настоятельную необходимость* существенных изменений в области политической и правовой систем, без которых построить модель экономики развития невозможно⁷.

Но интрига с выборами завершилась банальной рокировкой тандема: В. Путин вернулся в свое кресло, а Медведев стал премьер-министром и главой «Единой России». С возвращением В. Путина на пост Президента РФ все вернулось на круги своя; смена вектора развития как проблема повестки дня исчезает из публичного пространства. Выступая с посланием Федеральному собранию в декабре 2012 года, Путин ограничился заявлением: «Изменение, модернизация политической системы естественна и даже необходима, однако платить за жажду перемен разрушением самого государства недопустимо»⁸.

¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010 «Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее». – http://www.undp.ru/nhdr2010/National_Human_Development_Report_in_the_RF_2010_RUS.pdf

² <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/06/02/236177>

³ Конференция «Обретение будущего: диалоги», ИНСОР, 18 мая 2011 года. С. 9. – http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/insor/Stenogramma_May_18.pdf

⁴ Там же.

⁵ Россия, вперед! Статья Дмитрия Медведева. 10 сентября 2009 года. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/5413>

⁶ Россия XXI века: образ желаемого завтра. – М.: Экон-Информ, 2010. – http://emsu.ru/nmsu/2010/Obraz_gel_zavtra.pdf

⁷ Конференция «Обретение будущего: диалоги», ИНСОР, 18 мая 2011 года. – http://www.insor-russia.ru/files/Stenogramma_May_18.pdf

⁸ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года.

На запрос общества на демократизацию, прозвучавший в протестных выступлениях 2011-2012 годов, режим ответил ужесточением санкций, направленных против оппозиции.

В ноябре 2013 года по инициативе Комитета гражданских инициатив (КГИ) состоялся Общероссийский гражданский форум «Повестка дня для России». Накануне открытия один из его организаторов, зам. директора Института мировой экономики и международных отношений РАН Евгений Гонтмахер высказал убеждение, что Россия вошла не только в экономический, но и в политический кризис, когда государству для спасения себя как института необходимо включение в процесс принятия решений гражданского общества¹.

Однако политическое развитие пошло в противоположном направлении. Позиция и действия России в ситуации разразившегося в 2013 г. на Украине политического кризиса не нашли понимания в западном сообществе. США, ЕС и ряд других стран не признали присоединения Крыма к России и обвинили Москву во вмешательстве в конфликт на юго-востоке Украины. 27 марта 2014 года Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов приняла резолюцию о своей приверженности территориальной целостности Украины и непризнании присоединения Крыма к России.

Введение против России политических и экономических санкций странами Запада российское руководство расценило как недружественные действия. Президент В.Путин, еще недавно называвший в своей программной предвыборной статье США и страны Западной Европы образцами «цивилизованной, зрелой демократии»², в Крымской речи обвинил Запад в проведении «пресловутой политики сдерживания России», еще с XVII века и до настоящего времени³.

Ответом на реакцию Запада стала негативная мобилизация общества в условиях «осажденной крепости», призыв к консолидации вокруг национального лидера. Эту позицию власти предельно четко выразил первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ Вячеслав Володин: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России»⁴. В СМИ стали появляться публикации, утверждающие, что «сегодня мы находимся буквально на грани начала новой большой войны в Европе»⁵. Геополитика окончательно вытеснила проблематику инновационной модернизации и демократизации политической системы из повестки дня власти.

Однако эволюция геополитической ситуации, в которую втянулась Россия, не снимает, а, скорее, только актуализирует проблему реформы системы управления, включая социально-политическую составляющую, для упрочения ее положения влиятельной мировой державы в формирующейся новой структуре международных отношений. Как констатирует бывший министр финансов, а ныне глава Комитета гражданских инициатив Алексей Кудрин, политическая система, выстроенная в России, мешает ее модернизации по всем направлениям⁶.

¹ Гонтмахер о гражданском форуме: «Если есть шанс обойтись без очередной катавасии, надо его использовать» / РБК daily, 30.10.2013. – <http://rbcdaily.ru/society/562949989394449>

² В. Путин. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. – М., 2012. – № 20/П (4805), 6 февраля.

³ Обращение Президента Российской Федерации, 18 марта 2014 года. – <http://www.kremlin.ru/news/20603>

⁴ Володин: без Путина нет России и атака на Путина – атака на Россию // Новая газета. – М., 2014. – 23 октября. – <http://www.novayagazeta.ru/news/1688556.html?p=2>

⁵ См. например, Быков П. Долгая дорога на войну // Эксперт. – М., 2015. – № 4 (930), 19 января. – <http://expert.ru/expert/2015/04/dolgaya-doroga-na-voynu>

⁶ Калюков Е. Кудрин назвал созданную «ЕдРом» политическую систему тормозом для страны // РБК, 22 июля 2014 г. – <http://top.rbc.ru/economics/22/07/2014/938029.shtml>

Лантев С.В.

д.э.н., профессор МЭСИ

laptev5552@mail.ru

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ВАЖНЕЙШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ ПОЛИТИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ВОЗМОЖНЫ ЛИ ЭФФЕКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ?

Ключевые слова: модернизация, экономическая политика, бюджетно-налоговая политика, денежно-кредитная политика, инновационное развитие.

Применение важнейших инструментов экономической политики в российской практике противоречиво настолько, что нередко приводит к результатам, прямо противоположным тем, на которые рассчитывали. Рассмотрим этот тезис на примере долгосрочной политики модернизации экономики и формирования инновационной модели ее развития. Ключевые инструменты этой политики – бюджетно-налоговые и денежно-кредитные. Проанализируем порядок использования этих инструментов для реализации целей экономической политики. Использование бюджетных инструментов: дотаций, субсидий, финансирования объектов инфраструктуры, отдельных статей расходов в рамках федеральных или региональных программ поддержки процессов модернизации и инноваций и т.д., – улучшает saldo баланса доходов и расходов организаций, формирует дополнительные источники средств для осуществления модернизации производства или финансирования инноваций.

При этом стратегически поддержка процессов модернизации и инновационных изменений должна быть построена таким образом, что раз предполагается, что поддерживаемые организации действительно имеют устойчивую мотивацию к осуществлению данных процессов, то несущественно, на какие конкретные цели в рамках текущей финансово-экономической политики органы государственной власти или местного самоуправления выделяют средства. В любом случае получаемые организациями дополнительные средства должны прямо или косвенно увеличивать их совокупные расходы на реализацию стратегических целей. С этой точки зрения об эффективности реализации государственной стратегии модернизации экономики и осуществления ее последующего перехода к инновационной модели развития можно судить по тому, какие дополнительные технические, технологические, организационные изменения, связанные с модернизацией и инновациями, произошли в поддерживаемых организациях в расчете на суммарную величину государственного финансирования этих организаций.

Ниже приведены таблицы, составленные на основе данных российской статистики, которые могут характеризовать эффективность бюджетно-налоговой политики модернизации экономики и обеспечения ее перехода к инновационной модели развития.

Таблица 1

Степень износа основных фондов по видам экономической деятельности (на конец года; в процентах)¹

	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Все основные фонды	43,6	47,1	47,9	47,7
по видам экономической деятельности:				
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	46,2	42,1	42,8	42,5
рыболовство, рыбоводство	54,1	64,7	65,9	65,1
добыча полезных ископаемых	53,3	51,1	52,2	51,1
обрабатывающие производства	47,1	46,1	46,7	46,8
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	52,2	51,1	50,5	47,8
строительство	44,6	48,3	47,5	49,0
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	35,6	33,6	36,5	39,8
гостиницы и рестораны	41,4	41,2	41,8	42,5
транспорт и связь	52,3	56,4	57,2	56,2
финансовая деятельность	50,4	38,6	44,0	42,0
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	30,1	35,3	34,6	36,3
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	45,6	50,2	54,0	53,5
образование	43,8	53,2	54,3	54,3
здравоохранение и предоставление социальных услуг	47,8	53,3	53,9	52,7
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	39,8	44,5	42,5	44,9

¹ Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 301.

По данным табл. 1 видно, что техническое, технологическое состояние основных отраслей российской экономики достаточно плачевно. Степень износа основных фондов близок к уровню, при котором резко возрастает опасность аварий на производстве, техногенных катастроф, и этот уровень продолжает увеличиваться. Это говорит о том, что обновление основных фондов в целом по стране не обеспечивает даже простого воспроизводства. Расширенного активного воспроизводства основных фондов в стране не наблюдается. Тем более, нельзя говорить о том, что существующие темпы выбытия (0,7–1,1% в среднем по экономике) и ввода (3,0–3,9% в среднем по экономике) основных фондов даже в относительно благоприятные годы могут обеспечить массовое обновление основных фондов.

Интересно посмотреть, какими финансовыми возможностями обладают предприятия разных отраслей экономики для решения задачи обновления основных фондов.

Таблица 2

Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) и активов организаций по видам экономической деятельности (в процентах)¹

	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг)				
Всего в экономике	13,5	10,0	9,6	8,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6,7	9,1	9,1	10,7
Добыча полезных ископаемых	35,6	31,9	31,4	28,0
из нее:				
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	34,7	29,2	27,5	25,8
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	42,8	53,5	64,6	45,3
Обрабатывающие производства	15,3	14,8	13,2	10,7
из них:				
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	7,9	10,8	7,8	9,4
текстильное и швейное производство	2,7	5,4	6,3	6,2
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	5,0	6,6	8,6	9,1
обработка древесины и производство изделий из дерева	4,2	3,0	3,7	0,7
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	11,2	11,3	11,5	10,1
производство кокса и нефтепродуктов	21,4	25,5	21,9	12,8
химическое производство	19,3	19,2	24,1	21,2
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	12,3	8,1	10,8	11,3
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	26,7	19,1	14,2	11,3
из них металлургическое производство	30,1	21,3	15,7	12,1
производство машин и оборудования	8,2	6,9	6,6	7,0
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	8,4	9,1	9,1	8,3
производство транспортных средств и оборудования	6,9	4,8	5,5	5,3
из него:				
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,3	7,1	6,4	3,9
Строительство	3,9	4,5	4,3	5,0
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	9,7	8,3	8,9	6,7
Гостиницы и рестораны	11,6	6,2	5,9	5,9
Транспорт и связь	14,4	13,5	11,4	11,1
из них связь	33,6	27,7	21,9	23,7
Финансовая деятельность	5,8	0,6	-0,3	0,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	10,9	9,3	9,2	10,6
из них:				
управление эксплуатацией жилого фонда	-17,0	-5,3	-3,1	-3,2
научные исследования и разработки	9,1	7,4	7,4	7,0
Образование	4,3	6,6	4,1	2,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,4	5,6	1,7	6,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	5,7	-0,8	-0,1	-5,8

Из табл. 2 видно, что отдельные отрасли экономики существенно различаются между собой по уровню рентабельности продукции, работ, услуг. Есть отрасли, имеющие высокие показатели рентабельности: добыча полезных ископаемых, металлургическое производство, химическое производство, связь. Есть отрасли с существенно более низким уровнем показателей рентабельности: текстильное и швейное производство, обработка древесины и производство товаров из дерева, сельское хозяйство. Высокорентабельные отрасли обладают благоприятными возможностями для финансирования расходов на обновление основных фондов, развитие модернизации и инновационных процессов. Однако, судя по данным табл. 1, они эти возможности не используют, поскольку даже в относительно благополучных по внутренним финансовым возможностям отраслях коэффициент износа основных фондов возрастает за анализируемый период. Единственная крупная отрасль экономики, которая имеет позитивную динамику уменьшения коэффициента износа основных фондов – сельское хозяйство

¹ Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 552.

У этой отрасли экономики не хватает собственных финансовых ресурсов для того, чтобы хотя бы частично улучшать обеспеченность производства современными основными фондами, увеличивая коэффициент годности и снижая коэффициент износа основных фондов. Эта отрасль добивается некоторой положительной динамики за счет финансовой поддержки государства. Но ведь другие отрасли, имеющие гораздо больше внутренних ресурсов для развития: например, такие, как топливно-энергетический комплекс, транспорт, связь и др., – получают финансовую поддержку из бюджета, как это видно из данных табл. 3.

Таблица 3

Исполнение расходной части федерального бюджета Российской Федерации в 2012 г.¹

	Утверждено сводной бюджетной росписью (с учетом внесенных изменений за 2012 г.), млрд. руб.	Фактическое исполнение		
		млрд. руб.	в процентах	
			к утвержденному бюджету	к ВВП
Всего	13035,4	12895,0	98,9	20,6
из них расходы:				
на общегосударственные вопросы	816,4	809,9	99,2	1,3
на обслуживание государственного и муниципального долга	332,0	320,0	96,4	0,5
на национальную оборону	1832,2	1812,4	98,9	2,9
на национальную безопасность и правоохранительную деятельность	1821,0	1843,0	101,2	2,9
на национальную экономику	2051,9	1968,5	95,9	3,1
из них расходы:				
на топливно-энергетический комплекс	108,1	107,8	99,7	0,2
на сельское хозяйство и рыболовство	149,6	148,8	99,5	0,2
на транспорт	372,0	339,7	91,3	0,5
на дорожное хозяйство (дорожные фонды)	483,7	442,4	91,5	0,7
на связь и информатику	42,2	41,3	98,0	0,1
на прикладные научные исследования в области национальной экономики	230,7	229,1	99,3	0,4
на другие вопросы в области национальной экономики	531,6	526,6	99,0	0,8
на социально-культурные мероприятия	5319,0	5290,5	99,5	8,5
на межбюджетные трансферты общего характера бюджетам субъектов Российской Федерации и муниципальных образований	600,3	599,4	99,9	1,0

Между тем, эти относительно благополучные отрасли, располагающие немалыми внутренними финансовыми возможностями, получая финансовую поддержку из бюджета, не только не используют ее на цели ускоренного обновления производственного потенциала, но даже ухудшают показатели обеспеченности основными фондами, коэффициенты износа и годности основных фондов. Получается, что и собственные финансовые ресурсы, и финансовая помощь государства используются де-факто главным образом на текущие нужды организаций данных относительно благополучных сфер. Финансовая помощь государства, вместо того, чтобы улучшать состояние производственного потенциала, способствовать повышению конкурентоспособности благоприятных отраслей, искусственно усугубляет действие обстоятельств, в которых проявляется то, что Лейбенштайн назвал X-неэффективностью: принятие не самых лучших, то есть неэффективных решений об использовании экономических ресурсов в ситуации, когда доходы значительно превышают расходы, а конкуренция ограничена. Названные отрасли экономики, находящиеся в благоприятном финансовом положении, как раз отличаются высокой степенью монополизации.

Только сельское хозяйство, не относящееся ни к благоприятным в финансовом отношении отраслям, ни к монополизированным, оказалось относительно благодарной сферой приложения государственной финансовой помощи.

Рассмотрим теперь денежно-кредитную политику государства. С 2006 по 2013 гг. общий объем кредитов, выданных нефинансовым организациям, увеличился с 6 211 992 млн. руб. до 32886943 млн. руб.², то есть более чем в 5 раз. При этом процентная ставка по кредитам, выданным нефинансовым организациям, согласно данным Банка России, за этот период оставалась на уровне 9,0–9,1%. Если за анализируемый период времени (а фактически аналогичные тенденции действовали более продолжительное время – с конца 1990-х гг.) предприятия не вкладывали значительных денег в расширение производственного потенциала, это означает, что значительно увеличившаяся за этот период денежная масса вкладывалась в основном в текущие производственные затраты. Эти затраты соответственно увеличивались, причем, гораздо быстрее, чем реальная величина ВВП. За это время Банк России поддерживал стабильными и даже несколько снижал норму обязательных резервов и ставку рефинансирования, пытаясь стимулировать экономический рост. Однако вместо роста и заметного обновления производственного потенциала, возрастающий объем кредитов направлялся во все большей мере на покрытие растущих текущих расходов организаций.

С одной стороны, опережающее экономический рост удорожание текущих расходов связано с монополистической практикой естественных и организационных монополий, которая инициировала развитие инфляции издержек. С другой стороны, организация товарных рынков в большинстве отраслей экономики оказалась неэффективной, поскольку рынок не смог достаточно результативно выполнять свои основные функции: воспроизводственную, распре-

¹ Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 526.

² Там же. – С. 532.

делительную, информационную, стимулирующую и др. Сил самоорганизации рынка в большинстве отраслей российской экономики оказывается недостаточно для того, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство на основе правильного развития производственного потенциала. Мы видели, что во многих случаях производственный потенциал сокращается и ухудшается. Условия приложения капитала в разных отраслях существенно различаются по степени выгодности. Но даже в этих отраслях инвестиций в основной капитал недостаточно даже для обеспечения простого воспроизводства. Капитал слишком торопится «снять сливки» с наиболее выгодного его текущего применения. Очевидно, что степень выгодности текущего применения капитала, определяемая соотношением доходности и риска, существенно превышает степень выгодности инвестиций. Например, в сфере нефтедобычи получаемая в расчете на единицу прибыль так велика, что капитал даже не заботится об обустройстве мест добычи, создании предпосылок для повышения степени извлекаемости сырья из каждой скважины, каждого месторождения.

Это означает, например, в рассматриваемом конкретном случае, что арендаторы общественной собственности по существу не выполняют значительной части своих обязательств по обустройству и эксплуатации месторождений – объектов государственной собственности, перекладывают на государство значительную часть своих текущих затрат и присваивают значительную часть не принадлежащей им прибыли – природной ренты. Фактические мягкие бюджетные ограничения (как сказал бы известный экономист Я. Корнаи) в сфере взаимоотношений представителей привилегированного и в большинстве случаев монополизированного бизнеса с государством, а также представителями смежных отраслей или потребителями их продукции позволяют перекладывать на партнеров по экономическим отношениям значительную часть своих текущих расходов. Поэтому доходность текущих операций капитала оказывается неоправданно высокой. Следовательно, альтернативные издержки инвестиций в основной капитал – в части упущенной выгоды от альтернативно возможных текущих вложений – оказываются слишком большими, чтобы дополнительные инвестиции в основной капитал стали привлекательными для бизнеса.

Для того чтобы изменить ситуацию, связанную с недостатком инвестиций в основной капитал, государству надо серьезно подумать о том, чтобы сделать бюджетные ограничения привилегированного бизнеса более жесткими и более четкими: более жестко и четко определить налоговые, экологические и иные партнерские обязательства бизнеса (например как арендатора государственной собственности, государственного имущества) по отношению к государству. Следует также подумать о более последовательной и жесткой защите прав собственности прочих участников отношений привилегированного бизнеса: наемных работников, представителей мелкого и среднего бизнеса, населения прилегающих территорий и т.д. В результате этой работы права всех контрагентов, с которыми соотносится привилегированный бизнес, станут более защищенными. Государство получит больше налоговых доходов и избавится от необходимости несения значительной части дополнительных затрат, актуальных для настоящего времени либо отложенных на будущее. Доходность текущих операций партнеров привилегированного бизнеса возрастет, потенциальные источники их инвестиций в основной капитал возрастут, а сами инвестиции станут для них более привлекательными.

В итоге доходность текущих операций капитала в привилегированных отраслях снизится, а соответственно, привлекательность инвестиций в основной капитал повысится. Общий объем инвестиций во всех отраслях экономики возрастет.

Что же делает государство на самом деле? – Оно использует значительную часть бюджетных средств для оказания финансовой поддержки бизнесу из привилегированных отраслей. Достаточно вспомнить о том, что после активизации политики введения санкций против России, первыми из тех, кому государство пообещало компенсировать снижение доходов, оказались представители привилегированного бизнеса добывающих отраслей. В настоящее время политика государства по отношению к привилегированному бизнесу является ошибочной. Вместо того чтобы увеличивать степень жесткости бюджетных ограничений в сфере организации текущих расходов предприятий, уменьшать собственные неоправданные с позиции интересов общества расходы, оправдывающие неэффективное управление текущими расходами представителями бизнеса, государство искусственно консервирует и усугубляет положение привилегированного бизнеса, в котором его бюджетные ограничения становятся все более мягкими, а соответственно предпочтения долгосрочным инвестициям в основной капитал все уменьшаются.

Следовательно, важнейшим стратегическим направлением совершенствования экономической политики государства должна стать системная и кропотливая работа, направленная на повышение эффективности организации товарных рынков. Итогом этой работы должны стать два позитивных эффекта. Первый: внутри- и межотраслевая конкуренция, поддерживаемая институциональными изменениями в организации рынков, должна сделать контроль организаций над текущими расходами более жестким и эффективным, а возможности переложения части текущих расходов на контрагентов по рыночным сделкам должны быть минимизированы. Второй: альтернативные издержки организаций, связанные с финансированием долгосрочных инвестиций (в части упущенной выгоды от сокращения операций по текущему применению капитала) должны уменьшиться. В итоге предпочтения предпринимателей в отношении долгосрочных инвестиций, а следовательно, и объемы этих инвестиций должны увеличиться.

Оба этих эффекта, постепенно усиливаясь, будут постепенно повышать эффективность бюджетно-налоговой политики поддержки модернизации ключевых отраслей экономики и стимулирования инновационных процессов. Во-первых, потому, что государство будет избавлено от необходимости нести значительный объем неоправданных расходов, связанных с неэффективным управлением текущими расходами получателями финансовой поддержки на цели модернизации производства и финансирование инноваций. Во-вторых, потому, что увеличатся предпочтения инвестициям самих получателей финансовой или иной экономической поддержки перед иными, текущими формами использования дополнительных капиталов. Мотивация к инвестициям и объем инвестиций по собственной инициативе получателей финансовой поддержки увеличатся. Это сделает более очевидным и точным ответ на вопрос, кому необ-

ходимо отдать предпочтение при оказании финансовой поддержки, и увеличит совокупный результат финансирования модернизационных и инновационных процессов в обществе.

Целенаправленное формирование позитивных эффектов в области организации товарных рынков – в сфере управления текущими расходами организаций и в сфере управления инвестициями – радикально повышает долгосрочную эффективность денежно-кредитной политики. Во-первых, потому что со временем сами организации по своей инициативе и под воздействием усиливающейся внутри- и межотраслевой конкуренции начинают лучше управлять текущими расходами, и необходимость ограничения нарастания неэффективных, порождающих инфляцию текущих расходов посредством жесткой монетарной политики постепенно ослабляется. Во-вторых, потому, что поскольку предпочтения организаций инвестициям постепенно усиливаются, все большая часть дополнительной денежной массы попадает на рынки инвестиционных товаров и услуг. Согласно теории денег Д.М. Кейнса, быструю инфляцию вызывает дополнительный приток денег на рынки потребительских товаров, не обеспеченный адекватным приростом товарной массы. Приток дополнительных денег на инвестиционные рынки, если он не имеет спекулятивного характера и формирует дополнительные заказы на инвестиционные товары, создает минимальные инфляционные эффекты, которые будут постепенно ослабевать по мере увеличения гибкости и эластичности предложения инвестиционных товаров.

Целенаправленная работа над постепенным – в долгосрочном плане увеличением эффективности товарных рынков в отношении их способности управления текущими и инвестиционными расходами будет приводить к тому, что все большая часть дополнительной денежной массы будет попадать на рынок инвестиционных товаров, инфляционные эффекты от увеличения денежной массы будут уменьшаться. Это создаст объективные предпосылки для постепенного смягчения денежно-кредитной политики Банка России. Коэффициент монетизации экономики (то есть отношение денежного агрегата M_2 к ВВП) будет постепенно увеличиваться при не увеличивающихся, а сокращающихся темпах инфляции. Рост денежного предложения при одновременном уменьшении давления на кредитный рынок инструментов ограничения денежной массы: применения высоких норм обязательных резервов и высокой ключевой ставки – будет сопровождаться постепенным снижением номинальной и реальной процентной ставки. Приток кредитных ресурсов в реальный сектор будет увеличиваться, а условия кредитования будут становиться все более благоприятными для большинства нормально работающих предприятий. Следовательно, денежно-кредитная политика будет со временем становиться все более значимым фактором, способным позитивно повлиять на масштабы и скорость проведения модернизации, ускорение инновационных процессов.

Таким образом, ключевым условием повышения долгосрочной эффективности бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики на стратегически важном направлении модернизации важнейших отраслей экономики и ее перевода на рельсы инновационного развития является успешная реализация политики, направленной на повышение эффективности товарных рынков. Построение такой политики – отдельная большая и относительно самостоятельная проблема, которая нуждается в скорейшем и эффективном решении.

Лихачева В.В.

м.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН, доцент Школы экономики и менеджмента
Дальневосточного федерального университета
vialliih@mail.ru

Лихачева Е.В.

к.т.н., Школа экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета
evgenlikh@mail.ru

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Ключевые слова: экономика России, стратегии экономического развития, промышленная политика, импортозамещение.

Не секрет, что одной из основных проблем любой развивающейся страны является выбор стратегии экономического развития. И сделать выбор в пользу той или иной стратегии порой бывает достаточно трудно. Выбирая модель экономической стратегии, необходимо учитывать не только имеющийся ресурсный, производственный и финансовый потенциал страны, географию ее расположения и характер взаимоотношений со своими соседями, но и, казалось бы, такие нематериальные факторы, как менталитет населения и особенности участия государства в социально-экономических процессах. Одним из выходов из этого положения, способных придать несырьевому сектору новый импульс развития, может стать импортозамещение.

Несмотря на то, что история импортозамещения в мире насчитывает уже более полутора веков, споры вокруг целесообразности данной стратегии, ее положительных сторон и недостатков не прекращаются. Большинство развитых стран в период своего становления прошли через этап защиты своей экономики от зарубежной экспансии. Политика импортозамещения не является чем-то принципиально новым ни для России, ни для целого ряда других стран и активно реализуется в целях сокращения зависимости от импорта, обеспечения развития в стране высокотехнологичных и конкурентоспособных (как минимум, на внутреннем рынке) производств. В связи с обострением международной обстановки, введением рядом стран санкций против России, в нашей стране активизировался процесс импортозамещения, в том числе на уровне государственной политики¹.

Основной целью импортозамещения является создание высокоэффективной и конкурентоспособной продукции с ее последующим экспортом. Это позволяет получить дополнительный доход, превышающий истинную альтернативную стоимость используемых активов. Развитие собственных импортозамещающих производств, при обязательном условии наличия высокой конкурентоспособности и экономической эффективности после вытеснения импортных товаров на внутреннем рынке, неизбежно способствует увеличению экспорта, а значит, и международной специализации в долгосрочном периоде. Поэтому импортозамещение не противоречит, как считалось многими экономистами ранее, а, наоборот, предполагает экспортоориентированность экономики. В случае, когда производство не открыто для иностранных компаний, оно неизбежно оказывается неконкурентоспособным (что уже само по себе противоречит основному признаку импортозамещения), что нередко наблюдается на практике. Следовательно, импортозамещение рассматривает поддержку отечественных производителей, замещающих импорт собственной продукцией, как первый этап на пути освоения экспортоориентированных производств, и не ограничивается лишь вытеснением импорта.

В соответствии с существующими тремя альтернативными определениями импортозамещения (импортозамещение – как экономическая категория; импортозамещение – как экономический процесс; импортозамещение – как государственная экономическая политика) определены и два способа импортозамещения: прямой и косвенный.

Прямое импортозамещение предусматривает организацию собственного производства продукции взамен импортируемой. Косвенное импортозамещение заключается в сокращении ввоза и потребления импортируемых товаров за счет усиления экономии и ресурсосбережения, внедрения новых технологий и инноваций.

Значительное импортозамещение наблюдалось в России после сильной девальвации рубля, произошедшей в 1998 г. Катастрофическое падение курса рубля, больно ударив по жизненному уровню россиян, одновременно создает солидные предпосылки для импортозамещения. По оценке ряда экономистов, рост ВВП и промышленного производства в России, произошедший в 1999 г., на 25% был обязан процессу импортозамещения. В дальнейшем импортозамещение продолжилось, но уже было менее интенсивным. Дополнительный толчок ему дал экономический кризис 2008–2009 гг., сопровождавшийся значительным падением курса рубля. Именно заниженный курс национальной валюты ряда восточноазиатских и латиноамериканских стран во многом способствовал успеху индустриализации национальной экономики на основе экспортоориентированного процесса импортозамещения. Примерно таким путем

¹ Никологорский Д.Ю. Финансово-бюджетные механизмы реализации программы импортозамещения. – http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2014/27_545/VSF_NEW_27_545.pdf

Россия шла три года после дефолта, с 1999 по 2001 год. Но правительство не закрепило этот путь адекватной политикой, и Россия шла другим путем – наращивание сырьевого экспорта. А для реального запуска процесса импортозамещения, необходим целый ряд конкретных условий: наличие современного оборудования, дешевизна ресурсов и рабочей силы, допустимая стоимость разработки новой продукции, качественный менеджмент на предприятии, невысокий уровень налогообложения и благоприятный предпринимательский климат. Однако в России эта цепочка необходимых факторов и по сей день действует неудовлетворительно. Результат – в 2013 г. Россия ввезла машин, оборудования, транспортных средств на 150 миллиардов долларов, в 15 раз больше, чем в 2000, продовольствия – в 6 раз¹.

В целом же импортозамещение – это та стратегия, которая может позволить в обозримом будущем вырваться из тупика экспортно-сырьевого развития. Она даст возможность задействовать имеющиеся ресурсы промышленного роста, причем в тех регионах страны, которые давно находятся в депрессивном состоянии. А если население почувствует реальные подвижки в экономической ситуации – заработают мотивационные механизмы. Но при всех импортозамещающих тенденциях в российской экономике отечественные товаропроизводители не в состоянии удовлетворить внутренний спрос, отдавая солидную его часть на откуп импортируемым товарам, которые зачастую являются далеко не высшего качества. Поэтому проблема России видится не в импортозамещающей политике, а, скорее, в отсутствии четкой стратегии экономического развития, в том числе и импортозамещающей. Политическое руководство России положительно оценивает импортозамещение, особенно в стратегически важных отраслях, в то же время, выступая против полного ограничения импорта². По мнению В.В. Путина целью импортозамещения является не закрытие внутреннего рынка и консервация отсталости, а, наоборот, создание по-настоящему конкурентоспособных новых производств, выпускающих качественные и востребованные потребительские товары. Россия будет проводить «активную политику импортозамещения» в соответствии с нормами ВТО и обязательствами перед партнерами по Евразийскому экономическому союзу. При этом поддержка импортозамещения будет осуществляться только в тех направлениях, где это перспективно, где российские производители могут и должны быть конкурентоспособными. «За счет модернизации промышленности, строительства новых предприятий, локализации конкурентного производства в России мы сможем <...> не нарушая норм международной торговли, не вводя каких-либо ограничений и барьеров, – существенно сократить импорт по многим позициям, вернуть собственный рынок национальным производителям»³.

В целом процесс импортозамещения не предполагает тотального сокращения импорта, так как определенный набор высококачественных и технологичных импортных товаров заменить едва ли возможно, а порой и нецелесообразно ввиду недостаточной развитости или отсутствия национальных технологий и производств. Поэтому в процессе импортозамещения первоначально необходимо ориентироваться на замещение не высокотехнологичной импортной продукции, а замещение качественных импортных товаров товарами отечественного производства с равнозначными или сравнимыми техническими показателями. Выбирая отрасли подходящие для стратегии импортозамещения, мы должны руководствоваться многими факторами, но все методики едины в том, что они должны иметь большой потенциал роста с тем, чтобы в дальнейшем реализовывая его, мы могли сохранять и улучшать уровень, достигнутый путем использования данной стратегии.

В то же время не надо стремиться к полному импортозамещению, так как импортные товары дают ориентиры на то, что происходит на мировых рынках, куда движутся разработчики новой продукции. Негативными сторонами импортозамещающей модели промышленной политики являются самоизоляция от новых тенденций в мировой экономике; возможность технологического, а, следовательно, конкурентного отставания от развитых стран; опасность создания тепличных условий для национальных производителей, что приведёт к неэффективному управлению и использованию ресурсов; необходимость, независимо от международного разделения труда, выстраивать полностью производственные цепочки, которые могут быть более капиталоемкими и ресурсоемкими, чем уже существующие в других странах. Но на сегодняшний день импортозамещение имеет место почти во всех отраслях промышленности: от электроэнергетики до строительства, т. е. импортозамещением необходимо заниматься по всему фронту товарных позиций⁴. И, следовательно, в случае реализации продуманной политики импортозамещения, преодолев все трудности, к 2020 году можно рассчитывать на снижение импортозависимости по разным отраслям промышленности с уровня 70–90% до уровня 50–60%. А в ряде отраслей возможен выход на более низкие показатели⁵.

Для того чтобы помочь отечественным производителям отвоевать внутренний рынок у импорта, нужно в первую очередь найти средства на модернизацию. А для этого нужно наладить контроль за использованием природной ренты. В настоящее время она почти полностью попадает в частные руки, и ее использование далеко от народнохозяйственных интересов. В процессе модернизации необходимо применять традиционную систему организации управления предприятием, в основе которой, например, в Японии лежала институция «из» – дом, семья. И главная черта «японской модели» – громадная роль государства в экономическом развитии страны. Государство здесь напоминает чуткий барометр, моментально реагирующий на экономические затруднения и принимающий почти автоматически меры, необходимые для регулирования рынка. Россия – богатейшая в мире страна, если посмотреть на ее природные

¹ http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2014/27_545/VSF_NEW_27_545.pdf

² Медведев Д. России надо развивать импортозамещение. – <http://ria.ru/economy/20140325/1001014233.html#14226954759603&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>

³ <http://www.eer.ru/a/contents/xii-peterburgskiy-mezhdunarodnyy-ekonomicheskii-forum-/22-24.05.2014/0>

⁴ Гринберг Р.С. Импортозамещение в России: как избежать перекосов и реализовать потенциал? – http://www.yartpp.ru/images/prompolit/stenogramma_perekos.pdf

⁵ Неёлов Ю.В. Перспективы импортозамещения в Российской Федерации. – http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2014/27_545/VSF_NEW_27_545.pdf

ресурсы. Если когда-нибудь Россия сможет разумно относиться к добыче и производству нефти, газа и драгоценных металлов, она станет экономической сверхдержавой с фактически безграничным потенциалом.

В решении этой и предыдущих проблем может помочь умелое использование генетических экономических преимуществ России:

- 1) высокая квалификация рабочей силы при относительно низкой ее цене;
- 2) большой образовательный и научный потенциал;
- 3) наличие развитой индустриальной базы и высокотехнологичных производств;
- 4) высокий сырьевой потенциал России;
- 5) огромное количество неиспользуемых земель, в том числе производственного, сельскохозяйственного назначения;
- 6) стратегическое геополитическое положение России как связующего моста между Европой и Азией.

Готовы ли мы к реализации этой стратегии? Ответить на этот вопрос однозначно достаточно сложно, поскольку противоречивы сами процессы, которые сегодня наблюдаются в экономике и социальной сфере. Однако, как показывает опыт большинства стран «догоняющего развития», иного пути к прогрессу, устойчивому росту не существует. «У нас есть все для динамичного развития — земля, люди, традиции производства, огромный внутренний рынок и доступ на внешние рынки. Не хватает только грамотной экономической политики, без которой модернизировать производство нельзя»¹.

Чтобы проводить эффективную политику импортозамещения, необходимо наличие целого набора институциональных механизмов. В России отсутствует большинство институтов поддержки импортозамещения и повышения конкурентоспособности, существующих в других странах. Если государство считает, что такой курс является частью его экономической политики, то оно должно направить на его проведение финансовые, материальные и организационные ресурсы.

Программа стратегии импортозамещения должна содержать такие направления как:

– развитие системы образования исходя из учетов интересов экономики. В России проживают 10% ученых мира, однако доля нашей страны на наукоемких рынках не превышает 0,3%.

– развитие инновационной структуры и коммерциализация разработки новых технологических процессов. В частности, речь может идти о поддержке создания инновационных предприятий на базе университетов.

– содействие повышению экономических потенциалов регионов. Известно, что территориальное расположение фирмы существенно сказывается на уровне ее конкурентоспособности. Это напрямую связано с политикой местных властей по созданию благоприятного производственного климата, развитию всей необходимой инфраструктуры. И задача государства — способствовать тому, чтобы на территориях такая политика проводилась как можно активнее. С этой целью необходимо пропагандировать имеющийся в стране позитивный опыт и стимулировать местные власти, предоставляя им бюджетные гранты. Но для этого необходимо разработать понятные всем индикаторы. Например, снижение административных барьеров. Опросы показывают, что, несмотря на провозглашенный курс, административная нагрузка на бизнес в целом не сократилась².

В условиях реализации концепции импортозамещения чрезвычайно важна роль государства. И сегодня государство готово существенно изменить и активизировать свою политику в сфере импортозамещения. Задача правительства состоит в создании благоприятных условий для каждого специфического вида деятельности. Когда к экономике применяются унифицированные рецепты, на некоторых отраслях это отражается негативно.

Для достижения максимально положительного эффекта в процессе реализации стратегии импортозамещения при открытой экономике и обстановке конкурентной борьбы на внутреннем рынке развиваемые отрасли производства должны быть ориентированы как на внутренний рынок, так и на внешний, поскольку только в этом случае они смогут легко завоевать лояльность внутренних потребителей и конкурировать с иностранными производителями на внешних рынках. Но перед переходом к широкой экспансии на внешние рынки необходимо, чтобы внутренний рынок был уже охвачен отечественными производителями, поскольку именно на этом этапе страна формирует свои конкурентные преимущества и впоследствии, опираясь на них, ей было гораздо легче перейти к развитию экспортных направлений. А Россия в решении этого вопроса отстала. Но новые направления промышленной политики России в условиях импортозамещения лежат в русле развития инновационности производства – что свидетельствует о переходе к новой модели экономического развития – инновационной экономике³.

¹ Глазкова Л. Импортозамещение – не цель, а результат // Российская Федерация сегодня. – М., 2014. – № 18. – <http://www.russia-today.ru/article.php?i=1119>

² Мнение бизнесменов Приморья учтут при создании ТОРов. – <http://primamedia.ru/news/primorye/14.10.2014/393406/mnenie-biznesmenov-primorya-uchtut-pri-sozdanii-torov.html>

³ Вертакова Ю.В. Перспективы импортозамещения в высокотехнологичных отраслях промышленности / Ю.В. Вертакова, В.А. Плотноков. – http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2014/27_545/VSF_NEW_27_545.pdf

Лихачева В.В.

м.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН, доцент Школы экономики и менеджмента
Дальневосточного федерального университета
vialli@mail.ru

Лихачева Е.В.

к.т.н., Школа экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета
evgenli@mail.ru

Пономарев О.В.

Юридическая школа Дальневосточного Федерального университета
ponomarevov@mail.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ ЛИКВИДАЦИИ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: экономика России, теневая экономика, экономическая безопасность.

Теневая экономика как явление существует с древних времен и «успешно» функционирует по настоящее время. Теневая экономика – явление, до сих пор не имеющее четкого научного определения, является предметом интереса исследователей с 30-х годов XX века (табл. 1). Факты таковы, что теневой экономический сектор наличествует в любой стране, господствует ли в ней рыночная, переходная к рыночной или даже чисто административная экономика. Но дискуссии о теневой экономике, неоднозначной роли теневого сегмента в жизни периодически разгораются в России с новой силой, особенно во время кризисов.

Рост теневой экономики – явление общемировое. Основными причинами, способствующими зарождению и развитию теневой экономики, являются: неадекватная государственная правовая и экономическая политика – с одной стороны, и стремление человека к самосохранению, защите своих социальных благ и неадекватному обогащению – с другой. Весь этот процесс происходит в благоприятных для роста теневой экономики условиях, в бюрократической и коррупционной среде. Недостатки правовой базы и практической деятельности правоохранительных органов заставляют государство постоянно совершенствовать законодательство и методы борьбы с нелегальной и полуправовой экономической деятельностью. В ответ на это появляются все новые схемы теневого бизнеса и финансовых технологий с целью бесконтрольного расширения поля высокоприбыльных операций.

Таблица 1

Определение понятия «теневая экономика»

Понятие «теневая экономика»	Источник
Нелегальная экономика состоит из дохода, произведенного экономической деятельностью, нарушающей юридические нормативы, определяющие сферу законных форм коммерции. Несообщенная экономика включает ту экономическую деятельность, которая обходит институционально установленные фискальные правила, зафиксированные в налоговом кодексе, либо уклоняется от них. Незарегистрированная экономика состоит из той экономической деятельности, которая обходит институциональные правила, установленные требованиями государственных статистических органов. Неформальная экономика включает ту экономическую деятельность, которая экономит [частные] издержки, нарушая [общественные] выгоды и права, предписанные законами и административными правилами, регулирующими отношения собственности, коммерческое лицензирование, трудовые контракты, отношения финансового кредитования и социального страхования.	Feige E. L.
Концепция неформальности – вид хозяйственной деятельности, которая уклоняется от официального учета и контроля и часто (но не всегда) носит противоправный характер.	Э. de Coto
Деформация экономических отношений, которые не находят отражения в законодательстве и соответственно не признаются правонарушениями и по которым не предусматриваются юридические санкции.	А. Нестеров, А. Вакурин
Фиктивная экономика – экономика приписок, спекулятивных сделок, взяточничества и всякого рода мошенничеств.	Н.Д. Эриашвили
Теневая экономика трактуется как незарегистрируемая деятельность тех же самых агентов, которые действуют и в регистрируемой части экономики.	Д. Макаров
Теневая экономика – это сфера хозяйственной жизни (производственная, коммерческая, финансовая деятельность), которая находится вне контроля государства и его регулирующих мер	Г.С.Вечканов
Теневая экономика – это комплекс социально-экономических явлений, происходящих вследствие уголовно и административно наказуемых действий, осуществляемых через различные организационно-правовые формы юридических лиц и без них по получению доходов путем совершения противоречащих законодательству и нормативным актам финансовых, торговых, производственных и иных операций, и легальной и (или) нелегальной деятельности	В. Ю. Касатонов
Теневая экономика – это всякая экономическая активность, которая не зарегистрирована официально уполномоченными органами.	В. Исправников, В. Куликов

Это такой уклад экономических отношений, который складывается в обществе вопреки законам, правовым нормам, формальным правилам хозяйственной жизни, т.е. находится вне рамок правового поля. Деятельность, направленная на получение необоснованных выгод и льгот субъектами хозяйствования на основе организованных коррупционных связей	
Теневая экономика представляет собой совокупность отношений по поводу производства, распределения, перераспределения, обмена и потребления, материальных благ и услуг, результаты которых по тем или иным причинам не учитываются официальной статистикой	Н. Бокун, И. Кулибаба
Теневая экономика представляет собой объективно существующую и постоянно воспроизводящуюся подсистему рыночного хозяйства, в которой хозяйствующие субъекты стремятся добиться экономической выгоды методами недобросовестной конкуренции, т.е. по своей личной инициативе или под воздействием внешних обстоятельств прибегают к действиям, противоречащим закону, деловой этике, правилам игры между бизнесом и властью, морально-нравственным нормам общества.	А.К. Бекряшев
Теневая экономика представляет собой объективно существующую и постоянно воспроизводящуюся подсистему рыночного хозяйства, в которой хозяйствующие субъекты стремятся добиться экономической выгоды методами недобросовестной конкуренции.	Попов Ю.Н., Тарасов М.Е.
Теневая экономическая деятельность – совокупность финансово-хозяйственных операций юридических и физических лиц, скрывающих	В.А. Фадеев
материальные и финансовые потоки, находящиеся в противоречии с требованиями учета, налогообложения и законодательства.	В.А. Фадеев
«... это, прежде всего, неконтролируемый обществом сектор общественного воспроизводства в ходе производства, распределения, обмена и потребления экономических благ и предпринимательских способностей, скрываемых от органов государственного управления и контроля экономических отношений между хозяйствующими субъектами по использованию государственной, негосударственной и криминально нажитой собственности в целях извлечения сверхдоходов (сверхприбыли) для удовлетворения личных и групповых потребностей небольшой части населения страны»	А. В. Шестаков
Теневой экономикой называют все виды экономической деятельности, которые не отражены в официальной статистике. Особый акцент при этом делают на те из них, которые идут вразрез с правовыми нормами и связаны с нарушениями закона. Теневая экономика является реакцией на регулирование хозяйственной жизни общества какими-либо институтами (прежде всего государством), которые вырабатывают некоторые «правила игры», полезные для общества в целом, но наносящие ущерб многим конкретным лицам. Она существует в любых экономических системах с государственной организацией – от азиатского способа производства до современных развитых стран, вступающих в постиндустриальное общество. Теневая экономика есть особый экономический институт, выполняющий различные функции, как деструктивные, так и конструктивные.	Латов Ю.В.

Источник: Степичева О.А. Развитие механизмов регулирования теневой экономики в России: дис. ... д-ра эконом. наук: 08.00.01. – Тамбов, 2008. – 300 с.

Характерной особенностью теневой экономики в России является ее бурное развитие, чему способствуют явные просчеты и ошибки в проведении экономических преобразований. Как правило, все формы теневой экономики в реальной жизни переплетены, и ее субъекты могут одновременно выступать в разных видах деятельности. Теневая экономика имеет более развитые адаптивные способности к непрерывно меняющимся жизненным условиям, нежели экономика официальная – отсюда сложилась классификация теневой экономики: официальной «белой»; скрытая, «вторая»; неформальная, «серая»; нелегальная; преступная и часть нелегальной, коррупционная, «черная». И в современной России теневая экономика выступает в роли важного инструмента поддержания экономического и социального равновесия, так как создает условия для выживания бизнеса и населения¹. Ее наличие в отдельные периоды может способствовать повышению устойчивости экономической системы в целом. Важной особенностью теневой экономики России является ее переплетение с формальной экономикой. Сегодня говорить в России о теневой экономике – значит говорить об экономике вообще. Линия раздела между формальной и неформальной (теневой) частями экономики весьма подвижна, малозаметна и извилиста. В теневой экономике формируется тот же набор механизмов, что и в официальной хозяйственной системе: собственные правила ценообразования, механизмы инвестирования, способы обеспечения соблюдения контрактов, специфический набор профессий со своим кодексом поведения и др.

Национальные статистические службы, в том числе и российская, пытаются следовать Международным стандартам, рекомендующим статистическим органам делать поправки ко всем макроэкономическим показателям на ненаблюдаемую экономическую деятельность. Каким образом следует делать эти поправки – на 100% малоизвестно. И это не только проблема России, это общая проблема, различия лишь в ее масштабах². Так глава Минфина А. Силуанов оценил теневой сектор экономики РФ примерно в 15–20% от ВВП РФ. Аналитики же американского исследовательского института Global Financial Integrity (GFI) считают, что теневая экономика РФ оценивается в 46% от ВВП ежегодно³. И в течение 1994–2011 гг. из России незаконно утекло 211,5 млрд. долл. в виде взяток, скрытых от налогов доходов и средств, заработанных на торговле наркотиками, оружием и людьми. По данным Всемирного банка, российская теневая экономика в 3,5 раза больше, чем у других стран «Большой семерки». Кроме того, объемы теневой экономики и незаконные денежные потоки динамично растут на протяжении этих лет, чему способствуют низкая эффективность политического управления и широко распространенное уклонение от уплаты налогов. А это приводит к подрыву экономической и политической стабильности в стране. По оценкам международной консалтинговой группы

¹ Пескова Д.Р. Теневая экономика и экономический рост – определение направлений взаимовлияния // Государственная политика противодействия коррупции в теневой экономике: Матер. Всерос. научн. конф. – М.: Научный эксперт, 2013. – С. 360–374.

² Gutmann P.M. Statistical Illusions, Mistaken Policies // Challenge. 1979. – Vol. 6, N 22. – P. 14–17.

³ <http://www.eer.ru/a/contents/xii-peterburgskiy-mezhdunarodnyy-ekonomicheskij-forum-/22-24.05.2014/0>

А. Т. Kearney, объем мировой теневой экономики исчисляется триллионами долларов и варьирует в диапазоне от 9–10% ВВП в Великобритании, США и Швейцарии более 40% ВВП во многих странах с развивающимся рынком. Следствием является замедление развития глобальной экономики, а в результате все больше предприятий выталкивается в тень¹. Примером является то, что двукратное увеличение размера страховых взносов для индивидуальных предпринимателей заставило их сниматься с регистрационного учета и уходить в тень. С начала 2013 г. свернули свою деятельность 336 тыс. ИП, а всего до конца года законную деятельность прекратили 600 тыс. ИП. А это нанесло огромный урон тому, что сделано за последние десять лет в развитии малого и микробизнеса².

В настоящее время разработано довольно много методов оценки масштабов теневой экономики. Каждый из них имеет положительные и отрицательные стороны, связан с определенными условиями и сферой применения³. Многообразие применяемых методов свидетельствует об отсутствии единой методики количественной оценки параметров теневой экономической деятельности, критериев достоверности результатов. При исследовании теневой экономики Ю. Латовым⁴, был сделан вывод, что по результатам расчетов прямые методы дают, как правило, заниженную оценку теневой экономики; косвенные методы, методы скрытых переменных, мягкого моделирования, структурный метод – завышенную. Полезным оказывается также изучение вторичных источников информации (материалов прессы и т.д.), что позволяет оценить отдельные аспекты теневой деятельности. Но наиболее объективная оценка теневой экономики возможна при комплексном использовании различных методов с последующим сравнением полученных результатов. На основе результатов исследований можно говорить о том, что для получения достоверных оценок теневой экономики необходимо использование совокупности рассмотренных методов с учетом их системной увязки. Чтобы принимать полноценные инвестиционные решения, необходимо иметь хорошее представление об этой теневой составляющей и ее воздействии на экономику страны как отрицательном, так и положительном. А пока практически не разработана методика качественной и количественной оценки инвестиционной деятельности теневого сектора экономики, а существующая статистическая информация не позволяет в должной мере учесть масштабы и структуру инвестиций в теневой экономике⁵. Только подорвав инвестиционные возможности теневой экономики, можно успешно реализовать планы по построению цивилизованной экономики, а это во многом зависит от того, насколько успешно будет проводиться государственная политика по ограничению масштабов теневого сектора экономики, в частности, инвестиционной деятельности в данном секторе экономики.

В свою очередь размах теневых экономических процессов отрицательно складывается и на международных экономических отношениях и связях России. Согласно исследованию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), средний размер взятки чиновнику при крупных сделках на международном уровне составляет либо около 10,9% от контракта, либо до 34,5% от полученного дохода. При этом дача взятки в двух из трёх случаев (66%) связана с поиском доступа к государственным заказам, а каждый восьмой случай (12%) связан с прохождением таможенных процедур⁶.

Практически все признают необходимость борьбы с развитием теневой экономики, однако есть расхождения в определении целей и инструментов этой борьбы⁷. Прежде всего, обыденное представление о желательности достижения цели полной ликвидации теневой экономики является заведомо ошибочным, так как последствия теневой экономической деятельности нельзя оценивать однозначно⁸. Что касается методов борьбы с теневой экономикой, то по этому поводу мнения специалистов расходятся в зависимости от того, какие именно причины развития теневой экономики считать более важными. Многие виды теневой экономики (например, уклонение от налогов) объясняются недостатками государственного регулирования – бюрократизацией управления, слишком высокими налогами и т.д. Даже самая лучшая система централизованного управления может уменьшить масштабы теневой экономики, но никак не ликвидировать ее.

По нашему мнению, ключом к снижению теневой активности в России является ее легализация государством, повышение адекватности государственного регулирования в целом, его прозрачности и предсказуемости. Правительство «загнало» предпринимателя в тень и теперь обязано предоставить ему возможность из тени выйти. Карательные меры к теневикам-предпринимателям приведут к безвозвратной утрате страной огромных капиталов, в создание которых тем или иным путем вложен труд практически каждого россиянина. Заставить эти средства работать для общего дела – задача, достойная настоящих реформаторов. При решении же основных проблем безопасности теневой экономики (недостаточной правовой базы, регулирующей порядок деятельности по борьбе с теневой экономикой; отсутст-

¹ [http://top.rbc.ru/economics/29/04/2013/856181.shtml#xtor=AL-\[internal_traffic\]--\[top.rbc.ru\]-\[862716\]-\[related\]](http://top.rbc.ru/economics/29/04/2013/856181.shtml#xtor=AL-[internal_traffic]--[top.rbc.ru]-[862716]-[related])

² <http://www.eer.ru/a/contents/xii-peterburgskiy-mezhdunarodnyy-ekonomicheskij-forum-/22-24.05.2014/0>

³ Cassel D., Cichy U. The Shadow Economy and Economic Policy in East and West: A Comparative System Approach // The Unofficial Economy. Consequences and Perspectives in Different Economic Systems / Ed. by S. Alessandrini and B. Dallago. – Gower, 1987. – P. 140–141.

⁴ Латов Ю.В. Неформальная экономика: тайны трех миров. Рецензия на работу Эрнандо де Сото «Иной путь» // Экономическая теория преступлений и наказаний. 2009. – № 3. – С. 7–15.

⁵ Карпенко Т.Г. Теневые инвестиции: сущность, оценка масштабов: монография / Т.Г. Карпенко, В.А. Останин, Ю.В. Рожков. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2006. – 196 с.

⁶ http://www.ecsecurity.ru/blog.php?tag=tenevaya_ekonomika

⁷ Feige E.L. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach // World Development. 1990. – Vol. 18, N 7. – P. 991–992.

⁸ Мациевский Н.С. Теневая экономика: анализ и оценки // Известия Томского политехнического университета. 2010. – Т. 316, № 6. – С. 46–48.

⁹ http://www.ecsecurity.ru/blog.php?tag=tenevaya_ekonomika

вие единой государственной политики по противодействию теневой экономике и обеспечению экономической безопасности; слабой скоординированности действий различных правоохранительных органов; низкой готовности правоохранительных органов решать задачи, связанные с противодействием экономической преступности; коррумпированности правоохранительных органов) одним из механизмов противодействия теневой экономике и управления процессами обеспечения экономической безопасности является повышение ответственности государственных, региональных и муниципальных должностных лиц.

Мальцева Д.А.¹

ПОЛИТИКА И ИННОВАЦИИ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: управление, стратегии, технологии, коммуникация, it-программы, инновации, эффективность, интерактивность, политические институты, стратегический менеджмент.

Keywords: governance, strategy, technology, communication, it-programs, innovations, efficiency, interactivity, political institutions, strategic management

Ни для кого не секрет, что на современном этапе развитие информационных технологий претерпевает существенные изменения как в технологическом, экономическом, так и в политическом аспектах. Очевидной становится тенденция сближения медиа-коммуникаций с сектором ИТ, что обеспечивает появление новых технологических конфигураций, способствующих оптимизации процесса модернизации современной России. Все это формирует новое интеллектуальное пространство, использующее инновационный потенциал информационных технологий в процессе политического управления. Таким образом, стоит признать, что в рамках анализа модернизационного развития политической системы России сегодня ни одна составляющая менеджериального дискурса не может рассматриваться отдельно от анализа информационных потоков, пронизывающих каждое стратегическое решение, а тем более – действие. «Активно внедряясь в сферу политики, новые информационно-коммуникационные технологии не только качественно видоизменили старые представления, установки, стереотипы, но и сломали многие формы поведения, модели взаимоотношений между политическими институтами и индивидами»². Таким образом, «информация превращается в глобальный неистощимый ресурс человечества, вступившего в новую эпоху развития цивилизации – эпоху интенсивного освоения этого ресурса и неслыханных возможностей феномена управления» (Авдеев, 1994, с. 7).

Одной из наиболее существенных задач стратегического менеджмента является обретение и распространение своевременной и доступной фактологической информации, как внутрисетевой, так и проистекающей из внешней части политического пространства.

Информационные процессы, хотя и существуют в различных пространствах (общественном, политическом, медийном, культурном, ментальном и т.д.) вполне самобытно, в категориях построения стратегических моделей управления все же нуждаются в упорядочивании путем формирования особой внутриорганизационной культуры, имеющей в своей основе механизмы работы с информацией: ее получение, интеллектуальную обработку и применение на благо реализации всего стратегического плана, ограждая политическую организацию от повторения уже совершенных ошибок или вторичного изобретения годами апробированных методик управления, что существенно детерминирует эффективность процесса модернизации на современном этапе. Безусловно, признается также и факт деструктивной сущности информационных процессов, а также их всенарастающего манипулятивного свойства. Однако в данной статье феномен информации будет рассмотрен не в качестве метафоры создания дискурсов, а скорее в категориях его включенности в процессы стратегического мышления с целью повышения эффективности работы политических институтов, трансформации их привычной управленческой схемы на базе внедрения новейших разработок, предлагаемых it-корпорациями.

Таким образом, рассматривая информацию в дискурсе анализа стратегий управления в политических институтах, стоит сконцентрировать внимание на анализе it-программ, обеспечивающих компьютерную автоматизацию политических процессов.

В парадигме данного исследования, общее количество компьютерных программ, использование которых представляется эффективным в контексте стратегического моделирования управленческих процессов в политике, снижающих риски модернизационного развития, можно условно разделить на четыре блока, согласно выполняемым функциям: программы, нацеленные на поиск и принятие эффективного решения; программы, обслуживающие процесс менеджмента ресурсов; программы, упорядочивающие внутривидовую работу политического института и способствующие перекрестному информационному обмену между различными государственными структурами на федеральном и региональном уровнях, а также их взаимодействию с экономическими и научно-техническими корпорациями; и, наконец, специализированные программы, работающие в режиме on-line, а также web-ресурсы, обеспечи-

¹ Мальцева Дарья Александровна – к.полит.н., ассистент кафедры теории и философии политики СПбГУ. Приоритетные темы научных исследований: политические стратегии, политическое управление, политические коммуникации. E-mail: buenafiest@mail.ru

² http://www.russcomm.ru/rca_biblio/v/vershinin02.shtml

вающие интерактивность политических процессов, пробуждающую социальную активность, что играет существенную роль в условиях развития «сетевого общества»¹.

Первый блок программ, подлежащих анализу в данной статье, интерпретируется как система, поддерживающая выработку решения (Decision Support System, DSS). Получив широкое распространение в экономических структурах с начала 60-х годов, программы данного типа стали проникать в научные учреждения, а также в банковскую сферу, где и привлекли к себе особое внимание. Основной пафос их имплементации основан на внедрении механизма автоматизации тех функций и процессов управления, которые существенно разгружают работу политических топ-менеджеров, являясь обязательными в повседневной действительности, и способствуют более быстрой координации и повышению степени объективности анализа в условиях принятия сложных стратегических решений. DSS-программы предлагают политическому менеджеру набор тематических блоков, составляющихся индивидуально для каждой политической организации. Каждый выделенный блок представляет собой сферу для потенциального принятия решения. Эффективно интегрируемые в процесс работы министерств, данные программы включают в себя стандартный набор блоков: локальная внутриорганизационная сфера (кадровые решения, финансовая аналитика, реструктуризация подразделений, антикризисные меры и т.д.), основные масштабные проекты и маркетингово-репрезентативная сфера деятельности политического института. Работа со всеми блоками осуществляется посредством использования различных методик, спектр которых варьирует в зависимости от технологической сложности программы, а значит, и от непосредственной стоимости заказа на ее создание². Рассмотрим специфику основных методик, используемых в DSS-программах. Во-первых, речь идет о поисковых механизмах. Программы DSS должны составляться таким образом, чтобы содержать в себе как можно более детализированную информацию, способствующую обслуживанию формальной стороны процесса принятия решения. В данном контексте можно говорить о разветвленной базе законодательных актов и системе прецедентов, научно-теоретической поддержке процесса принятия решений, доступе к перманентно обновляющимся общемировым новостным блокам и т.д. Во-вторых, существенную роль играют процессы внедрения схем математического прогнозирования политических процессов, а также методик сценарного или имитационного моделирования, что позволяет отсеять огромное количество неадекватных той или иной ситуации вариантов без траты ценного временного ресурса на их апробацию. И, наконец, наиболее инновационным и эффективным, на наш взгляд, является внедрение техник интерактивного консалтинга в процесс принятия политических решений, позволяющего в кратчайшие сроки получить рекомендации широкого круга высококвалифицированных специалистов: ученых, политтехнологов, экономистов, юристов и т.д. со всего мира, перечень которых также формируется заранее индивидуально для каждой новой DSS-программы.

Второй тип программ, о которых пойдет речь в данной статье, направлен на учет и распределение ресурсов. Получив название RMS-системы (Resource Management System, RMS), данный вид информационных программ уже более 20 лет широко используется в структурных подразделениях большинства транснациональных корпораций, особенно в энергетическом секторе. Однако сфера политического управления исключительно пренебрежительно относится к данному типу технологий, что, вероятно, является крайне деструктивным. RMS-программы способны предложить политическому институту возможность перманентного контроля ресурсов, перечень которых вносится в программу по требованию ее заказчика. В случае внедрения в политическую организацию, наравне с математической оценкой затраченного и полученного финансового ресурса, нам кажется актуальным внесение некоторых дополнений к стандартно разрабатываемым RMS-системам. Во-первых, речь идет об учете человеческого ресурса посредством составления базы данных сотрудников политического института с подробными досье, учитывающим навыки, достижения, функциональный спектр, результаты деятельности и т.д., что существенно экономит время при ранжировании стратегических задач, а также при выборе кандидатуры, несущей ответственность за реализацию того или иного политического решения. Во-вторых, сфера политического управления нуждается в учете инвестиций частных корпораций в государственные проекты, что позволит со временем выявить тенденции и надежные маршруты для сотрудничества. И, наконец, в-третьих, современные информационные системы позволяют внедрение мощных механизмов бюджетирования по инновационным технологиям, что делает доступным составление плана ожидаемого прихода ресурсов и дальнейшее планирование посредством моделирования сфер их возможного применения, которые политическому топ-менеджеру предложит сама RMS-программа в форме графиков и схем, ведущая комплексный учет ресурсного потенциала политического института, полей его приложения, а также степени эффективности данного процесса.

Третий вид информационных программ, интересных с точки зрения анализа процесса модернизации политического дискурса, способствует налаживанию механизмов интегративного обмена между подструктурами политического института, а также самого института в целом с организациями, специфика работы которых в той или иной степени пересекается с его собственным полем политической деятельности. Речь в данном контексте может идти о взаимодействии близких по роду министерств (культуры и образования, экономики и финансов и т.д., если последние не соединены), регионов, имеющих в себе элементы подобию (в экономическом, территориальном, национальном и ином отношениях), государственных и частных корпораций, осуществляющих единый проект и т.д. Условно данный тип программ может быть назван SIS-системой (Share Information System, SIS). В ее основе лежит создание огромных информационных серверов, подключенных в единую разветвленную коммуникационную сетку. Каждый сервер представляет собой комбинацию упорядоченных по разделам доминант (информационных блоков), составляющих работу той или иной организации, сущность которых способна иметь стратегическое значение для партнеров. SIS-платформа может содержать вариативные базы данных, открытые для обмена, анализ принимаемых законов и трансляцию про-

1 Сморгун, <http://conf.infosoc.ru/2005/thes/68.pdf>

2 Power, <http://DSSResources.com>

цесса их постепенного претворения в жизнь как бы режиме on-line (то есть подлежащую постоянному обновлению) в различных субъектах и даже государствах с целью объективной оценки действительности и обмена практическим опытом, механизмы наблюдения и контроля за деятельностью партнера по тому или иному совместному мероприятию (например, в ситуации, когда национальный проект курируется сразу несколькими министерствами, работа каждого из которых серьезно детерминирует эффективность других или же когда государственный заказ был отдан по тендеру или иначе на выполнение частным корпорациям). Применение SIS-системы видится также крайне результативным в процессе работы внутриполитического института, особенно если речь идет о масштабных политических организациях. Зачастую ведомства и отделы испытывают трудности в получении оперативной информации о деятельности друг друга, даже документальные акты, порой, существуют исключительно на бумаге, что дестабилизирует управленческий процесс и понижает скорость принятия решений. Таким образом, вполне очевидно, что специализированные SIS-платформы способны существенно упорядочить процесс политического управления, а главное – повернуть его в сторону системного действия, а не индивидуального.

И, наконец, последний вид программных платформ призван обеспечить функцию публичности информационной стратегической модели, а, следовательно, и обеспечить высокий уровень легитимности последней, что напрямую детерминирует степень эффективности процесса политического развития¹. По сути, в данном контексте рассматриваются традиционные для политической сферы программы виртуального характера (программы, работающие с правительственными информационными серверами или стандартные web-ресурсы политических организаций, позволяющие индивиду включиться в процесс принятия решений, а также детально ознакомиться со структурой интересующей его организации), сущность которых лежит в основе огромного количества концепций, основанных на утверждении примата информационной составляющей в политических процессах, и подробно изучается уже на протяжении нескольких десятилетий. В данной статье исследовательский интерес будет прикован лишь к инновационным тенденциям в данной сфере. Речь идет о различного рода программах, устанавливаемых на компьютер пользователя, предоставляющих ему возможность перманентного отслеживания интересующей его контекстной информации в политическом пространстве. Например, программы, обеспечивающие открытость процесса рассмотрения и принятия законов (Law Analysis System, LAS); программы, создаваемые для индивидов, имеющих определенную партийную принадлежность и желающих глубоко погрузиться в недра работы партии, приверженцами которой они являются, как в своем округе, так и за его пределами, а также ознакомиться с последними тенденциями и новостями (Party Member System, PMS); программы, оперативно доставляющие информацию о динамике стоимости акций государственных корпораций и составляющие прогноз, основанный на измерении их стоимостных колебаний (Stock Holder System, SHS), что добавляет прозрачности процессу политического управления и стабилизирует отношение населения к финансовому сотрудничеству с государственным сектором, воплощающему основу экономического процветания политической системы.

Таким образом, вполне очевидно, что своевременное внедрение инновационных it-технологий гармонизирует стратегический процесс управления, добавляя в него элементы системности и рациональности, что существенно снижает политические риски, адаптирует общество к позитивному восприятию модернизационного процесса, а также повышает индексы доверия. Их работа в огромной степени оптимизирует процесс принятия решений, координирует работу непересекающихся секторов в политических организациях, оптимизирует использование ресурсного фундамента, а также обеспечивает налаживание интерактивных механизмов, в которых нуждаются все политические системы в XXI веке.

Список литературы

1. Авдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: Владос, 1994.
2. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований. – http://www.russcomm.ru/rca_biblio/v/vershinin02.shtml
3. Ефремова А.О. Управление лояльностью с помощью технологии Internet // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. – № 3. – <http://www.mevriz.ru>
4. Сморгун Л.В. Политические сети, информационные технологии и публичное управление: переход от концепции «E-government» к «E-Governance» // Технологии информационного общества — Интернет и современное общество (IST/IMS–2005). – <http://conf.infosoc.ru/2005/thes/68.pdf>
5. Power D.J. A Brief History of Decision Support Systems. DSSResources.COM, World Wide Web. – <http://DSSResources.COM/history/dsshhistory.html>, version 2.8, May 31, 2003.

1 См: Ефремова, <http://www.mevriz.ru>

ПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ДЕТЕРМИНАЦИЙ

Ключевые слова: культура, управление, влияние культуры, конфигурация культуры, генетический код культуры, культурная матрица, интервалы культуры, интервальная диалектика, управленческие практики, функциональные режимы культуры, смыслообразование в культуре.

1. Управление в контексте культуры

Уровень рефлексии и дискурса по проблеме «Культура и управление» в мировой и отечественной мысли не просто низок, а очень низок – дальше некуда. Обычно всё сводится к рассмотрению феноменов культуры и управления по отдельности. В наиболее объемных книгах повествование о каждом из них начинается с Шумера и Вавилона, Древней Греции и Рима и т.д., вплоть до XXI века. Затем обсуждение ожидаемо переходит к концепту «управленческая культура», ее описанию и выделению различных типов, чем дело и заканчивается. Историческое повествование, как правило, неспешно, многословно и банально, вызывает недоумение и неудовлетворение. Читать большинство книг по этой проблеме чаще всего невозможно, да и не нужно. При всех усилиях автора ему не удалось встретить (возможно, это проблема самого автора) литературы высокого качества, которая рассматривала бы культуру и управление в органичном единстве, а не порознь и не в эклектико-механистической связке. Западная литература по менеджменту преимущественно рецептурна и технологична и составлена из сентенций на темы «9 принципов успеха», «12 правил эффективного бизнеса», «14 приемов обработки клиента» и т.д. Культура в таких книгах «присутствует» в лучшем случае в виде ценностей управляющего класса или корпоративной культуры. Другие ее элементы, части, уровни, измерения остаются вне поля зрения многочисленных авторов.

Проблема эта, однако, помимо того что исключительно важна, еще и чрезвычайно сложна. Культура – масштабный, глубинный, многомерный феномен, онтологически обуславливающий практически все в социуме и распространяющийся в своих проявлениях и влияниях и на природу. Рядом с ним по масштабности можно поставить только феномены общества, цивилизации, человека (тесно связанные с ним) и особо – природы, из которой вышли и развились первые.

Неисчерпаемая структурная и содержательная сложность феномена культуры не оставляет шансов никому из исследователей рассмотреть *все* ее обнаружения, манифестации, проекции, эманации, измерения, уровни, смыслы, составные части и взаимосвязи между ними. К тому же культура не сводится к материальным артефактам и сумме эмпирических проявлений. Она представляет скорее континуум всепроникающих интенций, совокупность тонких и незримых взаимосвязей, лишь условно и ситуационно фиксируемых в каких-либо пространственно-временных локусах. Глубинные основания, коды, матрицы культуры нельзя «пощупать», хотя отдельные показатели и индикаторы для их «замера», вероятно, использовать можно. Судить об этих глубинах культуры возможно лишь на основании тех косвенных изменений, которые они производят в мире относительно феноменов, имеющих свои вполне очерченные контуры и интервалы и являющихся (феноменов), в свою очередь, частичными обнаружениями культуры. Иначе говоря, одни части культуры влияют на другие части культуры. И эту зависимость еще надо уметь выявить – культурные влияния исключительно трудно поддаются чисто рационалистическим методикам экспериментального верифицирования.

Управление же, обуславливаемое культурой и являющееся ее частью – одно из онтологических оснований человека наряду с другими (такими как разница полов, деятельность, воля, смысло- и целеполагание, сознание и интеллект, язык, любовь, игра, творчество, смерть, которые также несут на себе глубокую печать культуры). Это то, без чего человек немислим и не может существовать.

На первый взгляд влияние культуры на управление очевидно, равно как и обратное воздействие. Низкий уровень общей культуры субъекта управления практически неизбежно худшим образом отражается на эффективности его деятельности, коммуникации, результатах. Однако в истории встречается немало случаев, когда, например, отсутствие образования и светских манер не мешало человеку стать выдающимся управленцем или политиком. И наоборот, обучение профессии управлять имеет много достоинств, однако умение систематически и глубоко мыслить в них не входит, особенно в России. Есть и другие парадоксы. Поэтому то, как культура воздействует и отражается на феномене управления, какие механизмы и зависимости при этом «работают» – вопрос открытый и сложный. Ответить на него в рамках статьи или раздела книги – задача непосильная. Однако сделать такую попытку хотя бы в общих чертах и по возможности на концептуальном уровне – вещь вполне реальная.

¹ Митрошенков Олег Александрович – д.филос.н., профессор кафедры философии Института общественных наук РАН-ХиГС. E-mail: omitosh6@mail.ru

Культура, ее внутренняя и внешняя конфигурация и функциональные режимы детерминируют все ее производные компоненты, собственные «продукты» – сознание, мышление, логос, язык, мифологию, религию, мораль, искусство, философию, право, экономику, политику, науку, идеологию, образование, повседневность, ценности, духовность и т.д. (все перечислить невозможно), которые, как и собственно онтологические основания человека и общества, бытийствуют в ткани и пространстве культуры и не могут существовать (тем более рассматриваться) вне ее. Эти производные культуры, подобно протуберанцам Солнца, время от времени выбрасываются, выплескиваются из ее глубин, вырываются вперед в своем развитии (или маргинальности и деструкции, которые, впрочем, представляют собой часть эволюции самой культуры) и в свою очередь могут обуславливать и отчасти менять характер, содержание и конфигурацию культуры в целом и другие ее производные, причем самым очевидным образом – в частности, *мифология* в древнем и значительной мере и в современном мире; *религия* в средневековой Европе; *литература* «золотого» и «серебряного» веков в России; *идеология, идеократия* – в СССР и социалистическом блоке; *политика* в XIX и XX вв.; *наука* в Новое и новейшее время; *реклама* в современной жизни и т.д. История демонстрирует влияние на культуру и других ее же собственных производных, например, милитаризма (Древний Рим, Германия времен Бисмарка и нацизма), средств массовой информации и коммуникации, национализма, религиозного фундаментализма, искусства, образования, манипулирования, «мягкой силы», социальных технологий, утопий, философских концептов, проектов и смыслов, преступности, коррупции и т.д. Этот тезис о влиянии на культуру ее же собственных эманаций ограждает нас, будем надеяться, от возможных обвинений в безграничном культурном детерминизме и редукционизме.

Культура есть метасреда, метаонтология, лежащая в основе обнаружения, «мерцания» в ее «субстрате» всех остальных феноменов и факторов, в том числе управления, и вместе с тем – картина мира, мировосприятие, миропонимание, образ действия. Это *не определение*, это лишь некоторый «рабочий» взгляд, угол зрения. Проблема заключается в том, чтобы попытаться уяснить, каким образом внутренняя и внешняя конфигурация культуры влияет на все упомянутые выше факторы, каковы механизмы такого влияния. В нашем случае речь идет об *управлении*. Трудности, встречаемые на пути осмысления этой проблемы, до сих пор практически никем из исследователей не то что не преодолены, но толком даже и не осознаны.

Огромное количество определений культуры, существующее в философской и культурологической литературе, не подлежит сколько-нибудь вменяемому обзору. Можно лишь отчасти типологизировать научные подходы к культуре, что и сделано достаточно хорошо в ряде исследований. Не случайно М. Арчер заметила, что «из всех ключевых понятий в социологии» понятие культуры продемонстрировало «самое слабое аналитическое развитие и сыграло наиболее двусмысленную роль в социологической теории»¹. В этом обстоятельстве (т.е. огромном количестве определений и подходов) проявляется не методологическая ущербность социально-гуманитарного знания, в чем его нередко упрекают, а сложность, гетерогенность самого феномена культуры. Разные эпохи, этапы развития общества, исторические обстоятельства, методологии, дисциплины, познающие субъекты, когнитивные и повседневные практики и парадигмы, углы зрения и т.д. отражают структурную сложность, текучесть, пластичность, синергетическую природу культуры и оттого «выводят» на разные дефиниции культуры. Нет никаких оснований комплексовать по этому поводу и стремиться сформулировать (что невозможно) одно-единственное определение, способное будто бы осчастливить человечество и до сих пор не додумавшихся до этого ученых-гуманитариев. Более того, относительность и сущностная незавершенность представлений и любых дефиниций обеспечивают познающему субъекту и дисциплине жизнеспособность и перспективы в деле познания культуры.

Тем не менее, некоторое «рабочее» представление о культуре необходимо, чтобы было понятно, о чем здесь идет речь и на чем базируется исследование.

В многочисленных исследованиях, энциклопедиях, книгах культура определяется как: а) система развивающихся надбиологических программ существования человека, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее проявлениях; б) специфический способ организации жизнедеятельности *homo sapiens*; в) качественное своеобразие исторически-конкретных форм бытия человека на различных этапах общественного развития, в рамках определенных эпох, формаций, общностей (образ жизни); г) особенность сознания, поведения и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни; д) механизм передачи социального опыта; е) способ идентификации; ж) синоним искусства (Культура) и т.д. и т.п. Можно говорить о классической, модернистской и постмодернистской моделях культуры. Однако бесконечное перечисление подходов, моделей, определений культуры способно ввести человека в состояние фрустрации, когда он вообще перестает понимать, о чем идет речь, и отчасти по этой причине не входит в планы автора.

Примерно из этого круга значений и смыслов культуры мы и будем дальше исходить.

2. О предрассудках в исследовании культуры

Отечественный ученый А.А. Пелипенко (его исследование о культуре автор считает выдающимся² и производящим сильное впечатление; к его интуициям, идеям и полученным результатам автор будет неоднократно обращаться) в целях адекватного постижения культуры предлагает для начала освободиться от сложившихся в науках о культуре предрассудков («призраков» по Ф. Бэкону).

Во-первых, необходимо избавиться от образа классического линейного эволюционизма XIX в. с его явным и скрытым европоцентризмом и догмой прохождения всеми народами одних и тех же стадий развития, дискредитиро-

¹ Цит. по: Иглтон Т. Идея культуры. – М., 2012. – С. 53.

² Пелипенко А.А. Постигание культуры. В 2-х частях. Ч. 1. Культура и смысл. – М.: РОССПЭН, 2012.

вавшей понятие прогресса. Сегодня отчетливо выкристаллизовалось неозолюционистское понимание того, что нет никакого единого культурно-исторического процесса, как и единственной описывающей его парадигмы, модели или каких-либо общих детерминирующих факторов, есть лишь *магистральное направление эволюции*, представленное разными ветвями развития. Последнее не предполагает какой-либо иерархии локальных культурно-цивилизационных систем, построенной согласно шкале неких абсолютных критериев. Иначе говоря, «одни культурные системы включены в непрямую эстафету магистрального эволюционирования, остальные рано или поздно заходят в тупик. Но пока последние сохраняют жизнеспособность, свои имманентные задачи они решают столь же эффективно и с точки зрения вписанного в эти системы человеческого субъекта ни в коей мере не ущербны»¹.

Во-вторых, следует преодолеть «ложное и по природе своей мифологическое представление о неизменности метафизически понимаемой человеческой природы, бесконечно воспроизводящей самое себя, несмотря ни на какие изменения историко-культурного»². Разумеется, некоторые исторические изменения ментальности признаются, но в конкретном анализе почти не учитываются, отодвигаясь на периферию рассмотрения, в область второстепенного, не-существенного, лишь поверхностно затрагивающего (искажающего) универсальную сущность человека. А эта «метафизическая» сущность всякий раз конструируется из бессознательной культурно-антропологической универсализации самого исследователя, его антропологических представлений и исторического кругозора. Иными словами, утверждает А. Пелипенко, человек Аристотеля – это прежде всего сам Аристотель, человек Канта – сам Кант и т.д. Отсюда – бесконечные экстраполяции ментальных структур, техник и способов мышления на самые разные ситуации исторического и доисторического прошлого. В результате создается некая воображаемая «философская» картина истории культуры, которая при всей своей эвристической ценности ничего общего не имеет с историей действительной. Здесь абстрактному человеку приписываются некие универсальные устремления, абсолютные трансисторические цели, ведутся рассуждения о внеисторически понимаемой свободе и т.д. Фактически предполагается и утверждается, что люди во все времена мыслят примерно одинаково, меняется лишь содержание мышления, его «лексика», но не сами ментальные и тем более не психофизиологические структуры. По сути, отрицается когнитивная эволюция человека в истории. Так, даже в критике К. Леви-Стросом концепции первобытного мышления Л. Леви-Брюля просматривается акцент на отрицании принципиальных когнитивных различий между первобытным и современным человеком.

В истории, разумеется, происходит когнитивная эволюция и структурное изменение ментальных конфигураций. Это подтверждается огромным массивом научных данных. Поэтому «без глубокой и тщательной реконструкции ментальных структур и стратификации культурно-исторических типов человека по признаку кардинальных и неустрашимых различий в их ментальной конституции реализация принципа историзма в науках о культуре невозможна»³. Для избавления от призрака абстрактного «философского человека» и абстрактно-гуманистической метафизики достаточно всего лишь одной вещи, которую легко сформулировать, но трудно осуществить – перестать переносить собственные психологические автоматизмы и установки на человека прошлых эпох. Провести этот принцип со всей последовательностью пока не удастся никому⁴.

В-третьих, существеннейшим предрассудком, препятствующим адекватному постижению культуры, является «экономикоцентричная» картина мира, преимущественно утилитаристский взгляд на мир⁵.

Панэкономизм есть фактически экстраполяция ментальных и ценностных установок новоевропейского «экономического человека» на всю глубину истории. Социальная психология усредненного носителя сознания эпохи вхождения рационалистического новоевропейского интеллекта в стадию самонадеянной зрелости (пик – XIX в.) постулируется в качестве эталона, точки отсчета и императива развития, вменяемых всем эпохам и народам. Многие исследователи, даже признавая на словах и «в ряде случаев» приоритет внеэкономических, постматериалистических факторов в культуре, не делают из этого признания никаких методологических и практических выводов и продолжают в конкретном анализе исходить из того, что человек во все времена руководствуется прежде всего соображениями экономической целесообразности.

Под давлением фактов и здравого смысла иные авторы вынужденно признают, к примеру, что если не прибегать к явным натяжкам, то приверженность архаического человека внеутилитарным императивам в ущерб физиологическим нуждам явно не согласуется с императивом выживания. Однако, неохотно признавая это обстоятельство, мало кто из них отваживается отбросить панутилитаристские предрассудки и заняться глубоким и системным объяснением феномена. Убежденность в том, что основой жизни, локомотивом истории и движущей силой человеческих побуждений является универсальное стремление бесконечно улучшать материальные условия существования проникла глубоко в подсознание и осела в нем как безусловный рефлекс и категорический императив одновременно. Вынужденно и формально признавая наличие «обратного влияния» внеутилитарных постматериалистических факторов на «базис», «утилитаристы» не готовы пересматривать свою экономикоцентристскую модель культуры по существу. Устойчивость панэкономических императивов объясняется тем, что они сформировались в эпоху культурно-исторического «импринтинга» новоевропейского человека и его «экономической» повседневности. Став формой культурной идентичности, они въелись в его подсознание особенно глубоко. Это – объяснение, но не оправдание. Несмотря ни на что,

¹ Пелипенко А.А. Постигание культуры. В 2-х частях. Ч. 1. Культура и смысл. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 27.

² Там же.

³ Там же, с. 28.

⁴ Там же, с. 27–29.

⁵ Там же, с. 29–31.

рационалистический «законодательный разум» (термин З. Баумана) продолжает навязывать объекту собственную – утилитаристскую – онтологию, а субъекту – панэкономическую картину мира¹.

Освобождение от этих предрассудков даст возможность – не гарантию! – понять культуру более адекватно и глубже прежнего. Разительные и уже стоящие в повестке современности преобразования – и самого человека, и его жизненной среды – посредством нано- и биотехнологий – означают, что необходимо срочно заполнять лакуны в системном понимании «устройства» бытия человека-в-культуре. Такая необходимость была всегда, однако сегодня этот вопрос стоит особенно остро в силу стремительности изменений в устройстве общества и духовной жизни человека, а также масштабности и эффективности его возрастающих субъектных, проективно-конструктивных и технологических возможностей. «Это не вопрос методологии. Это вопрос выживания, ибо переустройство плохо понимаемой системы вряд ли может привести к чему-то хорошему»². Прояснять, даже частично, существующие провалы в понимании фундаментальных вопросов бытия-в-культуре следует не мешкая, пусть и ценой некоторого игнорирования методологической безупречности, которая, к слову, возможна лишь в редчайших случаях или вообще в идеале.

Субстратным основанием культурной системы является индивид, «средним» и главным структурным звеном – *субъектные группы* вкупе с продуцируемыми ими смысловой и жизненной средами, артефактуальным ресурсом и знаковыми формами. Компоненты этой среды – традиции, ценности, нормы, институты и т.д. – суть производные базовых для данной системы способов смыслообразования.³

Именно способы смыслообразования (в частности, характер оперирования бинарными оппозициями), составляют, согласно А. Пелипенко, основу историко-генетических различий между культурными системами. Сюда же относятся и различия в способах передачи смыслов, то есть распределение доминант и субдоминант между разными языковыми системами культуры. К примеру, можно предпочитать изображение – письму, поэзию – философии, утешение – разъяснению, репрессию – вознаграждению, силу – интеллекту, мистический символизм – формально-логической рационализации и т.д. и т.п. Различия между языковыми системами могут проводиться по широкому спектру оснований.

Единство принципов смыслообразования, основанное на общности когнитивных техник индивидуумов как субстратных носителей генокода системы, выступает цементирующим началом всякой локальной культурной системы. Это единство обеспечивает глубинную и не всегда очевидную согласованность, координированность набора социокультурных практик. Смыслогенетический код локальной культурной системы всегда скрыт за покровом, картиной изменчивой и внешне противоречивой фактичности, значение которой аберративно переоценивается человеком, поскольку именно с этой фактичностью и связан ближайший круг его партиципационных переживаний⁴. До тех пор пока культуре удастся направлять познавательную и практическую деятельность человека «вширь», в погоню за горизонтом партиципации, сознание его вязнет в разных срезах и уровнях фактичности. Но движение мысли вглубь, вопреки прямым или косвенным запретам культуры, приводит к «расшифровыванию» ее структурно-смыслового кода и ставит человека перед бездной, ибо в этом случае его жизненный мир лишается ключевых координат. Такого рода ситуации, как правило, не получают явного и адекватного осмысления в истории, но тем не менее могут быть реконструированы и свидетельствуют обычно если не о скорой смерти, то по меньшей мере о глубоком кризисе рассматриваемой системы и вероятном уходе ее субъекта-носителя с исторической сцены⁵.

«Силовое поле», напряжение между двумя полюсами субъектности, культурной и человеческой, проявляется в дихотомии индивидуального и социального. Культура, как известно, диктует императивы посредством социальных норм и отношений, организуя свое пространство по принципу «возделывания» индивидов как элементов социальных структур. Содержание и функции этих надындивидуальных норм и отношений определяют конфигурацию социальной структуры. Подобно тому как человек навязывает вещам те или иные прагматические смыслы, оставляя иные потенциальные смыслы нереализованными, так и культура вмещает и навязывает индивидам необходимые для развития ее подсистем социальные функции, используя железные узы партиципационной зависимости. Так осуществляется социальная дифференциация, протекающая в истории от самых начальных стадий половозрастного разделения социальных функций до появления в современности «одномерного» (например, монофункционального или потребительского) человека, исследованного, в частности, Х. Ортегой-и-Гассетом и Г. Маркузе⁶.

3. Необходимость «окультуренности» управления и его субъектов

Культура – феномен не просто некоего просветительно-образовательного, научного или филармонического свойства. Это феномен, способный быть и являющийся реально сильным социальным, политическим, экономическим, управленческим и т.п. фактором, «инструментом». Поэтому общество, государство обязаны так выстроить себя, чтобы как можно больше людей было окультурено, оплодотворено культурой, ее конструктивными производными, причем хотя бы среднего или выше среднего уровня. Иначе культура посредством своих деструктивных элементов начинает работать против социума.

¹ Пелипенко А.А. Постигание культуры. В 2-х частях. Ч. 1. Культура и смысл. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 29–31.

² Там же, с. 33, 497.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 507.

В России, обладающей многовековой сложной культурой, её бесчисленные обнаружения являют великие руко-творные артефакты и феномены – религию, искусство, философские системы, героизм, трансцендентную устремлен-ность, изобретательность, подвижничество, нестяжательство, самопожертвование и т.д. В высокой степени успешно проведенная зимняя Олимпиада в Сочи в феврале 2014 г. продемонстрировала гигантский конструктивный потенциал отечественной культуры, в том числе управления и организации. Этот же потенциал еще раньше позволил победить в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., выйти в космос, стать мировой державой.

Но много, очень много и других артефактов – перманентная неэффективность проводимых модернизаций; низ-кий уровень многих групп элит, а также инновационности, доверия, социальной солидарности, согласия, консенсуса; гигантская коррупция; опасные расколы в обществе; преступность; неповоротливость экономики; издержки авторита-ризма; низкая ценность жизни человека и его труда; высокая степень эксплуатации людей и социальная несправедли-вость и т.д.

В России ракеты падают не только в силу конструктивных и производственно-технологических изъянов, но и потому, что работники, которые их собирают, недобрали культуры, т.е. попросту недостаточно культурны, не разби-раются в том, что такое «хорошо» и что такое «плохо» или не делают между ними различия. У нас дороги плохие, потому что их строят «недокультурные» (с низкой культурой, непрофессиональные и часто просто безграмотные, с системой представлений чеховского «злоумышленника») рабочие, мастера и прорабы. И всем этим и многим другим управляют «начальники», существующие преимущественно в экономическо-производственном, хозяйственном изме-рении, не ведающие и не желающие ведать, как «их слово отзовется».

Бесчисленные аварии и техногенные катастрофы в стране (например, катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 г., унесшая жизни более 75 человек; крушение теплохода «Булгария» 10 июля 2011 года на Куйбышев-ском водохранилище, в котором погибли 122 человека¹; авиакатастрофы) и мире происходят оттого, что существует огромное количество людей вне адекватной общей и профессиональной культуры и трудовой этики, в конфигурации и силовом поле низкой и агрессивной повседневной культуры. А всем этим «управляют» люди, которые также сильно недобрали культуры, росли в контексте квази(суб)культуры, а потому являются плохими профессионалами с ущерб-ной ценностной шкалой и духовной неразвитостью.

Общество, государство, институты, общности, каждый индивид на своем месте, будучи плоть от плоти частью культуры, детерминированные ею и пребывая в ней, в свою очередь вносят свой вклад в содержание, характер и тра-екторию развития самой культуры, в тотальное повышение или понижение ее уровня. Поэтому чтобы люди на доро-гах вели себя адекватнее², уважительнее относились друг к другу в повседневной жизни – в магазине, банке или на вокзале, необходима «повышательная» траектория развития культуры. Работа должна делаться честно – человек раз-витой культуры не может что-то делать плохо или бросить работу недоделав. Недоделанные ракеты падают, а плохие дороги убивают людей и ломают машины. Человек, который ходит в церковь, слушает Чайковского или Рахманинова, читает хорошие книги и имеет хороших учителей, преподавателей, духовно более подготовлен к жизни. Он и к себе бережнее относится, и к другим. Это, разумеется, не индульгенция, не гарантия, и среди таких людей бывают исклю-чения. Но все же человек, который возвращает свою душу, скорее всего не позволит себе того, что сделает тот, кто пробелами в своей душе не озабочен. Для сферы власти и управления это, пожалуй, актуально больше чем для чего бы то ни было.

Окультуренность индивидов состоит не только в том, чтобы люди умели читать и писать, имели хорошее обра-зование, владели иностранными языками и информационными технологиями, хотя и этого уже немало, и не обойтись без этого. Она состоит в том, чтобы индивиды и помыслить не могли ничего другого, кроме как давать обществу больше, чем получать от него, исповедовать конструктив и противодействовать деструктиву. Собственно, именно это свойство культуры и вырвало человека из чисто природного бытия. Окультуренность заключается в том, чтобы чело-век сверял свои жизненные ориентиры с высшими смыслами и целями, стремился прожить глубокую содержательную жизнь, страшился неодобрения людей и пытался сделать жизнь и мир лучше.

Это, безусловно, трудно, причем во все времена, и выглядит определенно утопично, однако забвение этого об-стоятельства вовлекает общество и людей в кризисы, смуты, революции, гражданские войны, катастрофы, жизненные трагедии.

¹ Глава правительства В.В. Путин заявил в Казани на совещании с членами Правительственной комиссии по расследованию обстоятельств катастрофы теплохода «Булгария»: «То, что произошло 10 июля с «Булгарией», без всякого преувеличения, потрясло всю страну. Столько жертв, столько детей погибло! Это ужасно, что нам приходится платить такую дань за безответствен-ность, за безалаберность, за алчность, за грубое нарушение правил технологической безопасности... Как могло получиться, что компания без лицензии на туристическую деятельность, без лицензии на использование судов могла работать? Как вообще биле-ты продавали в порту? Кто разрешил? Как выпустили из порта? Как порт заключил договор с этой компанией, не имеющей ни одной лицензии на обслуживание в порту? Как это могло случиться? Где был Ростехнадзор, Ространснадзор? Где были все эти ведомства?»

² Россия – единственная страна в мире, культура которой допускает (позволяет), чтобы в магазинах автомобильных принад-лежностей продавались бейсбольные биты. При этом страна не является местом развитого бейсбола, а покупатели не имеют о нем никакого представления. Если кто-то из читателей, особенно зарубежных, не понял, о чем идет речь, поясняем: в 1990–2010-е го-ды в России в магазинах автомобильных принадлежностей стали продаваться бейсбольные биты как «средство решения» проблем, связанных с автомобильными происшествиями на дорогах. Иначе говоря, если кому-то из водителей что-то не нравилось в поведе-нии другого водителя, он выскакивал из автомобиля с битой в руках и с ее помощью пытался «привести оппонента», как ему «каза-лось», во вменяемое состояние. При этом «оппонент» также мог оказаться с битой, а то и пистолетом или автоматом.

Список литературы

1. Иглтон Т. Идея культуры. – М., 2012.
2. Куда ведет кризис культуры? / Под. общ. ред. И. Клямкина. – М., 2011.
3. Пелипенко А.А.. Постижение культуры. В 2-х частях. Ч. 1. Культура и смысл. – М., 2012.
4. Теория культуры. Разнообразие подходов и возможности их интеграции. / Под ред. Ю. Резника. – М., 2012.
5. Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. – М., 2009.
6. Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. – М., 2010.

Молчанов И.Н.

д.э.н., профессор Финансового университета
9392940@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: *региональное развитие, государственно-частное партнерство.*

В условиях становления рыночной экономики в России все чаще возникают проблемы, для решения которых необходимы существенные финансовые, управленческие и человеческие ресурсы. В ряде отраслей, испытывающих недостаток бюджетных средств, в настоящее время происходит привлечение финансовых ресурсов бизнес-структур. Это повышает активность различных участников экономической деятельности и способствует удовлетворению общественных потребностей. Перспективной формой партнерских отношений между государством и предпринимательским сообществом выступает государственно-частное партнерство (ГЧП).

В российских исследованиях одним из распространенных является следующее определение: «ГЧП представляет собой юридически закрепленную форму взаимодействия между государством и частным сектором в отношении объектов государственной и муниципальной собственности, а также услуг, исполняемых и оказываемых государственными и муниципальными органами, учреждениями и предприятиями в целях реализации общественно значимых проектов в широком спектре видов экономической деятельности»¹.

Приведем наиболее известные зарубежные формулировки ГЧП. Общее понятие дается Международным валютным фондом (МВФ): ГЧП – это соглашение; в его рамках частный сектор предоставляет инфраструктурные активы и услуги, которые традиционно обеспечиваются государством. Из этого можно заключить, что участникам ГЧП следует ограничиться инфраструктурными проектами. Согласно трактовке Всемирного банка, сфера применения ГЧП значительно шире и распространяется на такие социально значимые сферы, как образование, здравоохранение, культура и др. На уровне Европейского сообщества к ГЧП относятся кооперационные формы взаимодействия между государственными властями и бизнесом. Цель подобного сотрудничества состоит в обеспечении финансирования, строительства, модернизации, управления, содержания инфраструктуры или предоставления услуг.

Обобщение мнений различных исследователей позволяет систематизировать следующие отличительные признаки ГЧП.

Во-первых, сторонами отношений выступают государство и частный бизнес, при этом отношения имеют долгосрочный характер;

Во-вторых, взаимодействие сторон закрепляется на юридической основе (соглашения, контракты и др.), при этом наблюдается большое разнообразие форм ГЧП;

В-третьих, в целях соблюдения баланса интересов сторон их взаимодействие имеет равноправный характер;

В-четвертых, ГЧП имеет общественную направленность, целью которой является выполнение государственных задач;

В-пятых, в рамках ГЧП объединяются финансовые и иные ресурсы сторон, вследствие чего имеет место привлечение частных инвестиций;

В-шестых, характерным является разделение рисков и ответственности сторон, причем риски возлагаются на ту сторону, которая может более эффективно их покрыть;

В-седьмых, взаимодействие сторон ориентировано на внедрение инновационных технологий и методов управления.

В литературных источниках отражаются различные аспекты взаимодействия участников ГЧП: формы взаимоотношений государственной и частной сторон; описание экономических субъектов, участвующих во взаимоотношениях; цели, принципы и конкретные способы реализации сотрудничества.

При определении понятия ГЧП следует учитывать перечисленные выше аспекты взаимодействия государства и бизнеса. Например: «ГЧП – это юридически оформленная система отношений государственных (муниципальных) органов власти или учреждений и частных лиц, в рамках которой реализуются общественно значимые проекты или мероприятия с использованием государственного (муниципального) имущества, основанная на распределении между сторонами полномочий, рисков, финансовых затрат и ответственности в целях повышения эффективности выполне-

¹ Варнавский В.Г., Клименко А.В., Королев В.А. Государственно-частное партнерство: теория и практика. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – С. 18.

ния государством своих функций»¹. Данное определение включает возможные формы реализации ГЧП, используемые на практике, носит универсальный характер и может быть применимо для различных отраслей экономики.

Выполненный анализ различных научных источников позволяет заключить, что в мировой практике сложилось два подхода к определению сущностного содержания ГЧП. С одной стороны, ГЧП понимается как система отношений между государством и бизнесом, широко используемая в качестве инструмента регулирования международного, национального, регионального, муниципального экономического и социального развития, а с другой стороны – как конкретные проекты (ГЧП-проекты), реализуемые совместно государственными органами управления и частными компаниями на объектах государственной и муниципальной собственности.

Как свидетельствует практика, ГЧП-проекты ориентированы на задачи, связанные с решением социальных вопросов, оказанием услуг населению, в том числе в сфере образования, развитием государственной и муниципальной собственности. При этом долгосрочный характер партнерских отношений является важным преимуществом ГЧП-проектов и выступает залогом устойчивого социально-экономического развития. Благодаря возможности привлечения ресурсов частного сектора, подобное партнерство позволяет организовать продуктивную деятельность в тех отраслях экономики, которые потенциальными инвесторами относятся к малоприбыльным или недостаточно непривлекательным.

Можно выделить следующие характерные черты ГЧП-проектов:

- это юридически оформленные договорные отношения между государством с одной стороны и бизнес-структурами с другой стороны,
- эти отношения носят исключительно добровольный характер,
- основным принципом является партнерство на взаимовыгодных условиях,
- эти проекты подразумевают распределение ответственности, обязательств, рисков и ресурсов с целью достижения максимальной эффективности при реализации проекта,
- проекты носят преимущественно долгосрочный характер,
- результат реализации проектов имеет общественно значимый характер².

В России становление института ГЧП происходит эволюционно, с учетом различий социально-экономического положения регионов и особенностей финансового состояния хозяйствующих субъектов. Правовые основы ГЧП находятся в стадии формирования.

В Государственной Думе РФ на рассмотрении находится Проект федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в РФ». В этом документе определяется взаимодействие публичного партнера с одной стороны, и частного партнера, с другой. Предполагается, что это взаимодействие целесообразно осуществлять на основе заключенного по результатам конкурсных процедур соглашения о ГЧП и направлять на повышение качества и обеспечение доступности предоставляемых услуг населению, а также на привлечение в экономику частных инвестиций. В соответствии с достигнутым соглашением, стороны будут принимать на себя соответствующие обязательства.

На региональном уровне управления нормативно-правовые основы ГЧП существуют в ряде субъектов РФ. В числе первых принятых документов – Закон Санкт-Петербурга «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах»³. В нем ГЧП определяется как «взаимовыгодное сотрудничество Санкт-Петербурга с российским или иностранным юридическим или физическим лицом либо действующим без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) объединением юридических лиц в реализации социально-значимых проектов, которое осуществляется путем заключения и исполнения соглашений, в том числе концессионных».

В Бюджетном послании Президента «О бюджетной политике в 2014–2016 годах» в числе основных задач на новый бюджетный цикл акцентируется внимание на необходимости создания новых механизмов финансирования инфраструктуры. Для максимального задействования средств частных инвесторов предлагается использовать инструментарий ГЧП. Рекомендуются снять существующие на законодательном уровне ограничения, разработать методику их комплексной оценки и типовые соглашения, а также обеспечить действенный контроль за целевым использованием средств, в том числе с учетом опыта банковского сопровождения проектов.

Существуют определённые различия в подходах к применению ГЧП в некоторых отраслях и регионах национальной экономики России. На взгляд автора, целью ГЧП в сфере профессионального образования является создание таких финансовых и других ресурсных условий, которые способствовали бы росту эффективности и конкурентоспособности отечественных образовательных учреждений, инвестиционной привлекательности и росту их финансового потенциала, а также обеспечению предоставления обществу социально значимых услуг при сохранении их высокого качества и доступности.

Среди **задач**, которые необходимо решить для достижения данной цели, можно выделить следующие: содействие развитию материально-технической базы и финансового потенциала высших и средних профессиональных учебных заведений, создание условий для привлечения частных инвестиций в сферу профессионального образования, подготовка мер по поддержанию высокого качества услуг, оказываемых в рамках данной сферы, формирование

¹ Литвяков С.С. Государственно-частное партнёрство: сущность и формы // Финансы. 2013. – № 9. – С. 21.

² Молчанов И.Н., Дмитриева Е.А. Государственно-частное партнерство и его роль в реализации государственной политики в сфере высшего профессионального образования // Credo new. 2013. – № 3. Том 2. – С. 97.

³ Закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» (ред. от 06.12.2010).

отношений сотрудничества в проведении научно-исследовательской деятельности, обеспечение доступа всех слоев населения к образовательным услугам.

Целесообразность применения ГЧП в сфере профессионального образования вызвана рядом обстоятельств. Прежде всего, наблюдаются сложности в трудоустройстве и занятости выпускников отечественных вузов. Существующее положение обусловлено различными по отношению к вузам причинами, как внешними, так и внутренними. Имеют место проблемы, связанные с системой высшего и послевузовского образования, переподготовкой и повышением квалификации кадров; наблюдается несоответствие предложения со стороны рынка образования и спроса со стороны рынка труда. В то же время, возрастает потребность в кадрах квалифицированных рабочих и специалистах со средним профессиональным образованием.

Влияние процессов глобализации на экономику России носит разнонаправленный характер. Современный период характеризуется быстрым устареванием знаний и, одновременно, постоянным ростом квалификационных требований к работникам. В этих условиях возникает вопрос о сохранении стабильного состояния процесса обучения и создании конкурентных преимуществ в функционировании отечественной системы профессионального образования. В частности, в качестве важнейшего элемента процесса обучения следует предусматривать обеспечение гибкости и адаптации образовательной среды к постоянно изменяющимся внешним условиям. Благодаря внедрению механизмов ГЧП, становится возможным развитие новых подходов к управлению персоналом организаций. С точки зрения этического-экономического аспекта, ГЧП содействует реализации принципов социальной ответственности бизнеса перед обществом, что особенно актуально в условиях становления инновационной экономики, где важнейшим ресурсом являются знания, а, следовательно, возрастают масштабы формирования человеческого капитала.

При анализе участников ГЧП в сфере профессионального образования, необходимо четко определить роль и функциональное взаимодействие государственных и предпринимательских структур. В региональном законодательстве содержатся элементы правового регулирования соответствующих процедур. Так, в рамках партнерства целесообразно представление общественных интересов субъектами РФ, на стороне которых могут выступать и муниципальные образования в лице уполномоченных органов местного самоуправления. Предпринимательские структуры вправе представлять отечественные или иностранные юридические и физические лица, а также индивидуальные предприниматели, коммерческие и некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, приносящую доход¹.

Следует отметить, что в отечественной науке ГЧП, в основном, рассматривается как взаимоотношения государства и бизнеса. Тем не менее, при анализе концепции ГЧП применительно к сфере профессионального образования, представляется целесообразным структурировать данную категорию и включить в рассмотрение, наряду с представителями государства и бизнес-сообщества, потребителей образовательных услуг, а также учебные заведения – колледжи и вузы – как участников отношений, возникающих при реализации ГЧП-проектов. Такой методологический подход можно рассматривать в качестве инструмента реализации государственных функций и политики в данной сфере².

При реализации ГЧП-проектов в сфере профессионального образования между участниками возникают финансовые отношения. В них участвуют разные экономические субъекты: домохозяйства, фирмы и государство (в лице органов государственной власти и местного самоуправления). Отличительными признаками финансовых отношений являются, во-первых, денежный характер (финансовые операции всегда осуществляются в денежной форме); во-вторых, распределительный характер (финансовые операции предполагают перемещение денежных средств от одних субъектов к другим). В-третьих, в результате финансовых операций у экономических субъектов формируются денежные доходы, поступления и накопления (финансовые ресурсы), которые обеспечивают их функционирование и используются для решения экономических и социальных задач.

Представители предпринимательских структур, взаимодействуя с учебными заведениями (преимущественно вузами), предоставляют финансовые ресурсы (например, для строительства и развития образовательной инфраструктуры, выплаты стипендий и грантов) и кадровый потенциал (при реализации ГЧП-проектов в области организации спецкурсов, семинаров и т.д.). Вузы предоставляют заинтересованным сторонам научные разработки, обеспечивают предпринимательские структуры высококвалифицированными специалистами. Такой подход способствует формированию новых экономических субъектов, организованных как самостоятельный бизнес. Малые предприятия могут создаваться на основе разработок студентов в рамках вузовской научной деятельности, в том числе благодаря поддержке венчурных фондов и технопарков. Однако, в отличие от государства, бизнес-сообщество заинтересовано, в основном, в развитии прикладной науки, поэтому преимущества в финансировании имеют высокодоходные коммерческие инвестиционные проекты.

Ответственность за формулирование приоритетов и стандартов образовательной политики, а также привлечение для участия в этой деятельности представителей бизнес-сообщества в рамках партнерства, априори возлагается на органы власти и управления. Именно таким образом возможно стимулирование развития фундаментальной науки (результаты которой прогнозировать весьма затруднительно), поскольку предпринимательские структуры акцентируют свое внимание, прежде всего, на прикладных и инновационных технологических разработках. В условиях интенсификации процесса формирования потенциала сферы образования целесообразность такого подхода очевидна, так как государство предоставляет учебным заведениям свои ресурсы (финансовые, материально-технические, земельные

¹ См., например, Закон Курганской области от 02.11.2009 № 495 «О государственно-частном партнерстве в Курганской области». – Ст. 2, п. 2; Закон Томской области от 04.12.2008 № 240-03 «О государственно-частном партнерстве в Томской области» – Ст.4.

² Молчанов И.Н., Дмитриева Е.А. Государственно-частное партнерство как механизм стимулирования развития сферы высшего профессионального образования // Вопросы управления. 2012. – № 2 (2). – С. 150–157.

и др.). В свою очередь, учреждения профессионального образования обязуются обеспечивать государственный сектор кадрами, обладающими соответствующим современным требованиям уровнем подготовки¹.

Конечными потребителями образовательных услуг являются все члены общества. Высока социальная значимость колледжей и вузов, которые при взаимодействии с общественными организациями создают возможности для развития и самореализации индивидов. Именно в обществе формируется спрос на те или иные образовательные услуги, оценивается их качество и престижность, высказываются предпочтения либо критика по поводу существующей системы образования.

Исследование особенностей формирования института ГЧП в России, в состав которой входят 85 субъектов РФ, приводит к следующим выводам. Во взаимодействии органов власти и управления с предпринимательскими структурами приоритет отдается государству. Это обусловлено спецификой самой образовательной услуги, продукт которой является социально значимым общественным благом. Государство, будучи включенным в механизм ГЧП как одна из сторон взаимодействия, одновременно выступает гарантом соблюдения всех пунктов соглашения, в котором предусматривается, в том числе, и предоставление преференций в части неухудшения коммерческих условий соглашения.

В научной литературе выделяется целый ряд критериев классификации форм ГЧП: по видам предоставляемых услуг, по правовому режиму, по доле софинансирования и по схеме финансирования, по степени долгосрочности контрактных отношений (концессия всегда носит долгосрочный характер, в отличие от других форм, что позволяет обеим сторонам осуществлять стратегическое планирование деятельности), по отраслям экономики, в которых применяется та или иная форма ГЧП, по отношению собственности (владение, пользование или распоряжение), по форме государственного участия, по схемам разделения рисков и ответственности, по степени свободы в принятии инвестиционных и административно-хозяйственных решений (в концессионных формах частному сектору предоставляется существенная свобода в принятии решений), по объему передаваемых прав, по степени гибкости (концессионная форма является менее гибкой по сравнению, например, с контрактами на управление), по принадлежности выпущенной продукции (при договоре концессии всё принадлежит бизнесу, а, например, в соглашениях о разделе продукции – только часть), по степени капиталоемкости проекта и т.д.

В российской практике традиционно применяется концессионная форма ГЧП. Для нее характерна передача на длительный временной период имущества или прав на оказание определенного вида деятельности (в случае высшего профессионального образования – строительство, эксплуатация и управление объектами образовательной инфраструктуры: учебных корпусов, исследовательских центров и т.д.) предпринимательским структурам. При этом, несмотря на то, что последним предоставляются широкие возможности для принятия управленческих решений, государство сохраняет за собой право на применение различных инструментов для сохранения приоритетности общественных интересов.

Среди несовершенств концессионных соглашений можно отметить отсутствие возможности гибкого реагирования на изменение внешних условий, а также наличие определенных ограничений в применении рыночно ориентированных методов хозяйствования. В частности, имеют место сложности при расчете экономической эффективности и других финансово-экономических показателей в условиях макроэкономической нестабильности и длительных сроков окупаемости проектов, разрабатываемых и реализуемых в рамках ГЧП-соглашений. Кроме того, на региональном уровне имеет место недостаточная проработка нормативно-правовой базы, наблюдаются ограничения в объемах так называемых, «длинных» инвестиций. В связи с принятием нового Закона «Об образовании в Российской Федерации», объективно возникают проблемы подбора кадров государственных и муниципальных служащих, имеющих необходимый уровень подготовки к деятельности по внедрению концессионных механизмов и контролю за эффективностью их реализации.

При оценке влияния **государства** на формирование института ГЧП, необходимо подчеркнуть, что оно не только выступает важнейшим регулятором экономики, устанавливая нормативно-правовые рамки ее функционирования, но также является активным проводником рыночных отношений и одной из сторон партнерства. Наряду с оказанием различных видов поддержки (финансовой, правовой, организационной и др.) при реализации проектов в рамках ГЧП, государство априори способствует развитию инициативности всех участников партнерства. Особенно это проявляется в тех отраслях и регионах российской экономики, в которых институт ГЧП находится в начальной стадии формирования.

Можно выделить несколько причин, согласно которым следует сохранять и в будущем государственную поддержку ГЧП-проектов. Во-первых, в современных условиях сохраняется вероятность наступления непредсказуемых политических, финансовых или инвестиционных рисков. Негативные проявления экономической конъюнктуры способны не только ухудшить условия функционирования бизнеса (вызвать снижение прибыли, привести к банкротству), но и затруднить, а также приостановить либо досрочно завершить реализацию уже начатых ГЧП-проектов. Во-вторых, нельзя исключить возможности принятия политических решений о предоставлении некоторых услуг по стоимости ниже рыночной. В-третьих, оценка величины общественных рисков, принимаемых на себя государством, теоретически должна быть ниже стоимости рисков частных инвесторов.

Приступая к формированию концепции ГЧП-соглашения организаторам сотрудничества необходимо учитывать, что в рамках исключительно государственной ответственности находятся следующие важнейшие функции: создание нормативной правовой базы; обеспечение равного доступа всех категорий населения к общественным благам, в частности, к профессиональному образованию как ключевому фактору становления инновационной экономики; обеспечение прав собственности; создание условий для свободной конкуренции, так как именно свободная конкуренция

¹ Молчанов И.Н. Формирование и оценка потенциала сферы образования в современной России // Гуманитарные и социальные науки. 2014. – № 2. – С. 406–410.

способствует наиболее эффективному развитию производства; содействие защите потребителей от монопольного ценообразования и др.

Государственные и муниципальные органы власти и управления способствуют реализации ГЧП-проектов посредством создания институциональной среды для продуктивного взаимодействия всех заинтересованных сторон. При этом властные структуры правомочны применять разнообразные финансово-экономические рычаги (предоставление гарантий, субсидий и др.), предусматривать проведение наблюдений за качеством обслуживания, тарифной политикой и т.д., предоставлять долгосрочные гарантии по установлению правил и стандартов контроля, а также обеспечивать соблюдение общественных интересов в рамках реализации ГЧП-проектов. Кроме того, государство имеет возможность и право перераспределять при необходимости ресурсы на социальные цели (образование, наука, культура), способствуя тем самым повышению уровня жизни, улучшению предпринимательского климата в регионах России и росту инвестиционной привлекательности организаций.

Эксперты полагают, что при решении проблемы «провалов» рынка, к которым относятся деятельность монополий, неприбыльность или малая прибыльность отдельных отраслей и предприятий, занимающихся производством социально значимых благ и услуг, – государственное вмешательство должно быть нацелено на их предотвращение или возможное снижение негативных последствий¹. Такая ситуация характерна в определенной степени и для социальной сферы, где роль государства в пореформенный период постепенно снижается, но остается доминирующей. При этом следует учитывать, что существуют и государственные «провалы», к которым относится недостаточно гибкая позиция органов власти и управления по обеспечению, во-первых, эффективного распределения ресурсов и, во-вторых, по приведению в соответствие основных положений экономической политики с принятыми в обществе представлениями о социальной справедливости. Поэтому на региональном уровне управления следует активизировать создание института ГЧП в целях решения накопившихся проблем и устранения несовершенств в тех отраслях и сферах экономики, где государство и рынок взаимодействуют недостаточно эффективно.

Таким образом, несмотря на активную роль органов власти и управления административно-территориальных образований, в реализации ГЧП-проектов необходимо деятельное участие и представителей предпринимательских структур. Тем не менее, на практике в ряде случаев наблюдается коллизия интересов субъектов партнерства при реализации проектов. Так, государство заинтересовано, главным образом, в росте объемов и качества предоставляемых населению услуг, особенно в социально значимых областях. В то же время, целью любой предпринимательской структуры является получение дохода, то есть превалирует финансовая составляющая. Помимо этого, в случае успешной реализации ГЧП-проекта, к интересам представителей бизнеса можно отнести также возможность получения для работы в компании квалифицированных кадров, обладающих необходимыми профессиональными навыками, обеспечивающих повышение прибыльности экономической деятельности.

Акцентируя внимание на роли частного бизнеса, следует отметить его инициативность в претворении в жизнь инновационных проектов. Именно предпринимательские структуры функционируют в созданной и контролируемой государством законодательно-нормативной среде. Они обладают большей гибкостью и оперативностью в принятии решений, высокой конкурентоспособностью, восприимчивостью к новшествам, нововведениям. Участвуя в ГЧП, представители бизнес-структур предоставляют в распоряжение других партнеров свои финансовые средства, организационные ресурсы в области корпоративного менеджмента. Накопление подобного опыта способствует реализации инновационных подходов, совершенствованию применяемых методов работы и технологий, а также налаживанию кооперационных связей с поставщиками и подрядчиками.

Формирование концепции ГЧП и ее использование в российской практике объективно связано с инновационным развитием региональной экономики, которое оказывает позитивное влияние на динамичное изменение структуры спроса и предложения на рынке труда. Повышается востребованность в рабочих профессиях, корректируется потребность в кадрах для вновь создаваемых и реконструируемых объектов, что ведет к изменению востребованности работников определенных профессий и квалификации. Рассматривая ГЧП в рамках сферы профессионального образования, важно учитывать многосторонние связи и взаимозависимости различных участников данной деятельности. ГЧП выступает необходимым элементом успешного развития отечественной системы профессионального образования, которая в свою очередь является неотъемлемой частью деятельности по исполнению инвестиционных проектов, в том числе реализуемых в рамках ГЧП. Именно перманентное совершенствование финансовых отношений, дополненное государственным регулированием и контролем, создает необходимые условия для эффективного функционирования сферы профессионального образования в российских регионах.

При рассмотрении разнообразных аспектов ответственности сторон в рамках партнерства, среди функций частного бизнеса можно выделить следующие: строительство и эксплуатация объектов образовательной инфраструктуры, управление имуществом колледжей и вузов, участие в разработке образовательных программ и стандартов, организация стажировок, практик и конференций, выплата стипендий и грантов, финансирование научных исследований, издательская деятельность и т.д. Следовательно, участие предпринимательских структур в ГЧП-соглашениях создает возможности для привлечения дополнительных источников финансирования проектов, что особенно актуально в период макроэкономической нестабильности.

Таким образом, в процессе исполнения ГЧП-проектов формируется механизм привлечения финансовых ресурсов частного сектора. Такой подход в первую очередь способствует реализации капиталоемких инфраструктурных проектов в социально значимых отраслях и имеет приоритетное значение в условиях недостаточности бюджетного финансирования. Также в рамках партнерства накапливается потенциал для масштабного задействования челове-

¹ Ахинов Г.А., Жильцов Е.Н. Экономика общественного сектора. – М.: ИНФРА-М, 2008. – С. 35.

ских ресурсов. Так, в сфере профессионального образования представители предпринимательских структур активно участвуют в образовательном процессе, например, при создании новых образовательных программ, чтении соответствующих спецкурсов, проведении отдельных семинаров и научно-практических конференций.

Как свидетельствует накопленный в российских регионах опыт, концепция ГЧП широко применяется для решения настоятельных проблем в различных отраслях экономики. Это могут быть объекты производственной и социальной инфраструктуры, объекты в сфере общественных услуг, инвестиционные проекты по добыче и переработке полезных ископаемых и других природных ресурсов на государственных и муниципальных предприятиях. Так, можно выделить несколько социально значимых направлений, определяющих приоритеты применения ГЧП-проектов, к которым относятся: потребности и возможности государственного и муниципального управления, стратегии развития конкретного региона и т.д.

На результативность функционирования ГЧП в регионах России оказывает наличие институтов развития, к которым относятся: банки развития, инновационные фонды, технопарки, бизнес-инкубаторы, технико-внедренческие особые экономические зоны, центры трансфера технологий и др. Классифицируются они по следующим критериям: по масштабам деятельности (национальные и международные), по сфере деятельности (специализируются на какой-либо отрасли), по организационно-правовым формам, целям и методам кредитования, по объему кредитования. Следует отметить, что институты развития играют весомую роль в обеспечении функционирования инфраструктурных объектов, содействуют становлению инновационной экономики и способствуют реализации стратегических направлений государственной социальной политики.

Таким образом, выделение и конкретизация основных параметров ГЧП-соглашений становится базовым элементом при оценке исполняемых инфраструктурных проектов и их инвестиционной привлекательности как со стороны государства, так и со стороны предпринимательских структур. Важно достичь понимания необходимости применения конкретного механизма сотрудничества в рамках того или иного контракта. Недоучёт специфики ГЧП-проектов может стать одной из главных причин недостаточно эффективной реализации региональной инвестиционной политики.

В заключение следует отметить высокую социальную значимость большинства реализуемых на региональном уровне управления ГЧП-проектов. Достижение результативного характера взаимодействия всех привлекаемых для сотрудничества сторон, обуславливает необходимость создания в субъектах РФ соответствующей системы мониторинга. Мониторинг целесообразно проводить не только по количественным, но и по качественным индикаторам, с приемлемыми для всех участников издержками; предусматривать адекватные штрафы и санкции за нарушение качества или объема предоставляемых услуг, а также учитывать специфику конкретного типа проекта и сферу его применения.

Назарян М.М.

к.т.н., профессор, и.о. ректора Харьковского института управления

ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (УКРАИНСКИЙ ОПЫТ)

Ключевые слова: наука, программа, приоритетные направления развития науки и техники, экономическое развитие.

В связи с широкими потребностями мирового сообщества в новой продукции и услугах и ограниченными ресурсными возможностями отдельных стран в последние десятилетия наметилась необходимость в концентрации усилий, направленных на реализацию наиболее приоритетных направлений развития науки и техники, чтобы не растрачивать средства на одновременное решение многих проблем. Даже в СССР, обладавшем практически неограниченными ресурсами, наибольшее внимание уделялось, в основном, трем направлениям: **электронизации и информатизации, биотехнологии, новым веществам** и материалам, что актуально и для наших дней.

В США перечень научных и технических приоритетов состоял в основном из 8 направлений. Среди них выделялась электроника, которая обеспечила развитие многих отраслей экономики.

На Украине с 1994 г. в течение трех пятилеток также было установлено 7-8 приоритетных направлений, включающих десятки проблем, реализация которых требовала огромных средств, а практически выделялись незначительные крохи (около 0,4 % ВВП), что привело к торможению развития не только науки, но и экономики.

Отечественный и мировой опыт свидетельствует о невозможности одновременного лидирования стран по многим направлениям науки и техники даже при условии привлечения неограниченных ресурсов.

Даже такие развитые страны, как США, ФРГ, Япония, при общем высоком технологическом уровне постоянно вкладывают ресурсы только в ключевые направления науки и техники: **биотехнологию, электронику, информатику** и в те области, в которых они традиционно сильны.

В последнее время наметилась общая тенденция к снижению числа перспективных направлений (до 5-6) практически во всех странах, в т.ч. и в России. Однако, на наш взгляд, это число целесообразно еще более сократить – хотя бы до 3-4. Дело в том, что решение какой-либо значимой проблемы связано с необходимостью выполнения комплекса не предусмотренных планом работ, например, связанных с обеспечением экологической безопасности и др.

В целом реализация программ в соответствии с приоритетными направлениями развития науки и техники должна осуществляться при обеспечении на государственном уровне благоприятных условий, позволяющих вовлекать в разработку проектов многочисленные коллективы академических, учебных и научно-исследовательских институтов, а также промышленных предприятий.

Рассматривая данную проблему, необходимо отметить, что следует изменить подход к составлению перечня приоритетных направлений развития науки и техники, как это сделано в РФ, где на государственном уровне утверждены Правила их формирования, корректировки и реализации [2].

При этом следует учитывать и фактор времени, т.к. практически наблюдаются задержки не только при реализации программ, но и в процессе выработки и принятия законов о приоритетных направлениях развития науки и техники, что в современный период непозволительно.

Приоритетные направления инновационной деятельности законодательно устанавливаются на базе научно-технического и экономического обоснования необходимости развития перспективных направлений науки и техники, ориентированных на обеспечение потребностей общества в высокотехнологической конкурентоспособной, экологически чистой продукции, высококачественных услугах, и повышения экспортного потенциала, а также экономической безопасности страны [1].

При этом под научными и техническими приоритетами понимается существенное преобладание в экономическом развитии конкретных научно-технических разработок относительно имеющихся у конкурирующих предприятий или отдельных стран.

Приоритетные направления развития науки и техники на Украине формируются Кабинетом Министров Украины (КМУ) и представляются в Верховную Раду (ВР) каждые пять лет. В качестве примера рассмотрим принятые направления на период с 2002 по 2006 год, где были определены 7 приоритетных направлений развития науки и техники, в частности [1, 3]:

- Фундаментальные исследования по важнейшим проблемам природных, общественных и гуманитарных наук.
- Проблемы демографической политики, развития человеческого потенциала и формирования гражданского общества.
- Охрана окружающей среды и устойчивое эколого-экономическое развитие.
- Новейшие биотехнологии, диагностика и методы лечения распространенных болезней.

- Новые компьютерные средства и технологии информатизации общества.
- Новые технологии и ресурсосберегающие технологии в энергетике, промышленности и АПК.
- Новые вещества и материалы.

Многие из указанных отечественных приоритетных направлений развития науки и техники соответствуют аналогичным зарубежным направлениям. В частности, в США ранее были сформулированы следующие направления:

- генная (генетическая) инженерия;
- социобиологические проблемы;
- развитие атомной энергии;
- охрана окружающей среды;
- демографические проблемы в современном мире;
- продовольственная программа;
- новые источники энергии.

Это свидетельствует о едином международном подходе к решению важнейших задач, способствующих ускорению научно-технического прогресса путем выбора приоритетных направлений, являющихся базой для развития многих других отраслей экономики. По каждому приоритетному направлению разрабатываются в среднем 5–7 научных и научно-технологических программ (рис. 1), ответственность за реализацию которых возлагается на Министерство образования и науки (МОН). После их утверждения Верховной Радой КМ Украины организует разработку государственных научных и научно-технических программ с привлечением Академии наук, МОН, специализированных организаций и институтов, которые в дальнейшем Кабмин утверждает своим Постановлением. При этом предусматривается выделение в бюджете Украины необходимого объема их финансирования на каждый год – не менее 30% от общего объема финансирования, выделенного на науку.

Рисунок 1.
Государственная система подготовки приоритетных направлений научно-технического развития и его реализации

На основе системы государственного прогнозирования развития науки и техники составляются программы и проекты их реализации.

Приоритетные направления развития науки и техники классифицируются по ряду признаков, некоторые из которых приведены на рис. 2, 3.

Рисунок 2.
Признаки классификации видов проектов

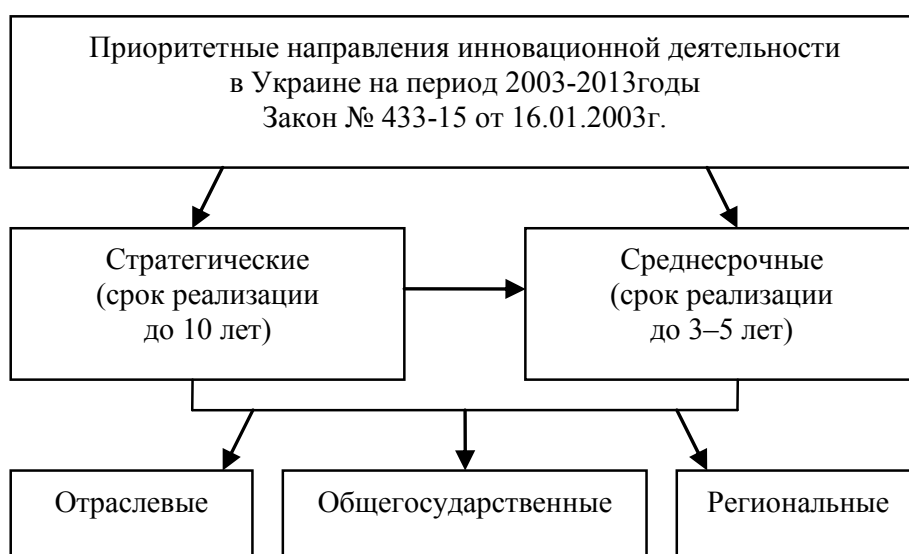

Рисунок 3.
Классификация приоритетных направлений по срокам их реализации и масштабности

В общем смысле программа – это документ, содержащий миссию, основные цели и задачи, предусмотренные для выполнения в какой-либо сфере деятельности. Например, научно-техническая программа, программа деятельности партии, программа курса лекций, программа телевидения и т.д.

В некоторых странах, в том числе и на Украине, было принято решение о переходе на программный метод управления на всех уровнях макро- и микроэкономики. В основу программного метода положена система программ и проектов. Программы являются основой проводимой государством бюджетной политики, которая направлена на реализацию важнейших задач социально-экономического развития.

Таким образом, в зависимости от назначения и направленности различают следующие разновидности программ:

- научно-технические;
- экономические;
- социальные;
- экологические;
- оборонные;
- инновационные и инвестиционные.

В связи с этим разрабатываются соответствующие направления проектной деятельности, в которой отражаются первоочередные виды работ (рис. 4).

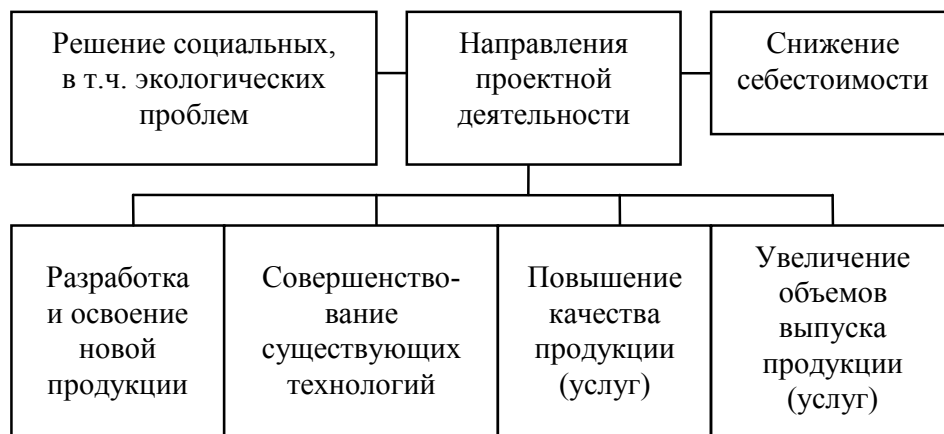

Рисунок 4.
Основные направления проектной деятельности

Государственные программы разрабатываются (в зависимости от их приоритетности) государственными органами и законодательным путем утверждаются для выполнения.

Так, в Законе Украины № 25 от 2000 г. «О государственном прогнозировании и разработке программы экономического и социального развития Украины» был рассмотрен общий порядок подготовки указанных документов, а также права и ответственность исполнителей.

В этом законе рассмотрены также цели и приоритеты экономического и социального развития, методы и пути их достижения, приведена комплексная система мероприятий органов законодательной и исполнительной власти, в т.ч. и местного самоуправления.

Финансовое обеспечение программы осуществляется на основе предварительного рассмотрения бюджетных заявок, содержащих обоснование затрат в текущем году. Кроме бюджетных средств, целесообразно привлекать для создания и реализации проектов инвестиции из различных источников: кредиты, совместное предпринимательство и т.п. (рис. 5).

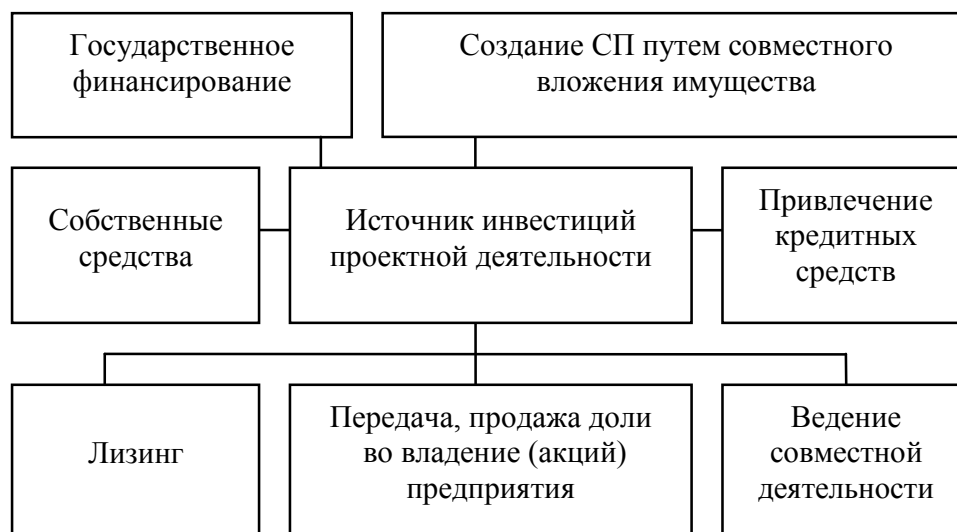

Рисунок 5.
Формы привлечения инвестиций для осуществления проектной деятельности.

Для привлечения инвестиций необходимо на первом этапе подготовить для потенциальных инвесторов техническое предложение с обоснованием экономической привлекательности по ряду показателей (объем финансирования, срок окупаемости, эффективность и др.).

Как было указано выше, для реализации приоритетных направлений развития науки и техники применяют программный метод управления. Ранее для этих целей использовали целевые комплексные программы (ЦКП), разработка которых базировалась на соблюдении ряда основополагающих принципов, которые с успехом могут быть применены и для управления указанными приоритетными направлениями. К ним относятся [2–4]:

- Целенаправленность (ориентация на конечные результаты).
- Целостность – обеспечение взаимосвязи государственных целевых программ с отраслевыми и региональными.
- Системность – совокупность мер организационно-экономического, законодательного, политического и технологического характеров.
- Объективность – путем использования статистических данных, материалов центральных и отраслевых государственных органов.
- Научность – обеспечение разработкой программ на научной основе, с применением мирового опыта, путем постоянного усовершенствования методологии исследований.
- Комплексность – обеспечение путем увязывания между собой отдельных элементов в единую программную структуру.
- Обеспеченность выполнения программы всеми необходимыми ресурсами.
- Приоритетность – исходя из общей концепции развития.
- Гласность – доступность для общественности, информация о целях, приоритетах для обеспечения предпринимательской деятельности.
- Самостоятельность – выполнение соответствующих программ местными органами исполнительной власти.
- Равенство прав и интересов органов самоуправления и субъектов предпринимательской деятельности.
- Экономическая безопасность разработок.
- Согласованность государственных и региональных задач и интересов. □
- Своевременность достижения требуемых конечных результатов – в установленные сроки и т.п.

Важнейшим фактором при разработке ЦКП является информационное обеспечение, заключающееся в сборе, анализе и обработке информации, касающейся ресурсного потенциала, мировых достижений и других показателей.

Программы экономического развития также разрабатывают на короткие (до 1 года) и средние (до 5 лет) периоды времени.

В программах должны быть указаны основные этапы и сроки их реализации, необходимый объем финансирования в целом, для всей программы, а также дифференцированно, по отдельным проектам и этапам, периодам выполнения по годам, с утверждением источников и объемов финансирования. Кроме того, должны быть приведены результаты выполнения программы с отражением вида отчетности.

При разработке программ обязательным условием является учет использования природного, производственного, научно-технического и трудового потенциала, конкурентоспособности национальной экономики, оценки достигнутого уровня развития и социально-экономической сферы, влияния внешних, политических, экономических и других факторов, наличие необходимых ресурсов (рис. 6).

Следует отметить, что именно показатели прогнозных и программных документов служат ориентиром для разработки субъектами предпринимательской деятельности собственных прогнозов, планов и т.п.

Программы экономического развития разрабатывают на короткие (до 1 года) и средние (до 5 лет) периоды времени.

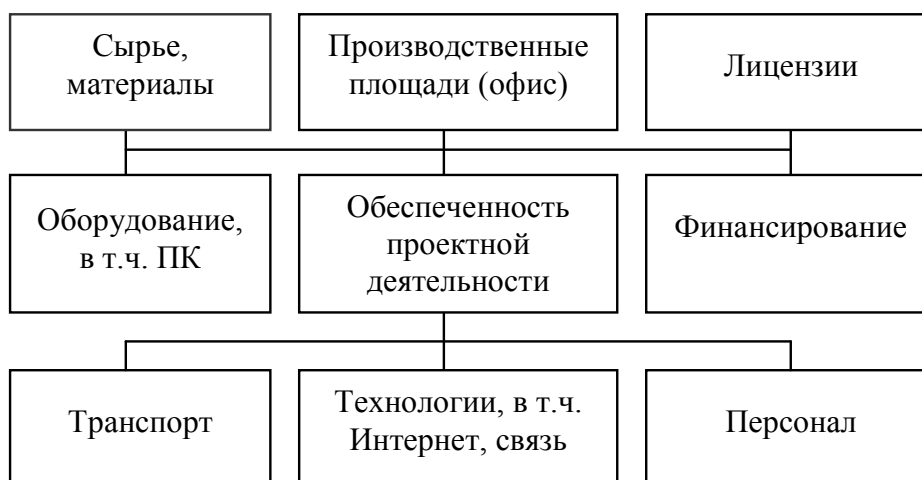

Рисунок 6.
Наличие необходимых ресурсов для выполнения проекта

Разработка перспективных направлений развития науки и техники с учетом мирового опыта и их дальнейшая реализация способствует ускорению продвижения страны по инновационному пути развития. Главной проблемой при этом является уменьшение числа приоритетных направлений развития науки и техники с выделением наиболее акту-

альных проектов с точки зрения технологического и инновационного развития страны, что должно обуславливаться макроэкономическими показателями в данный период времени.

Список источников

1. Про пріоритетні напрями розвитку науки і техніки: Закон України від 11.07.2001 р. № 2623-ІІІ.
2. Про державне прогнозування та розроблення програм економічного і соціального розвитку України: Закон України від 23.03.2000 р. № 1602-ІІІ.
3. Про затвердження переліку державних наукових і науково-технічних програм з пріоритетних напрямів розвитку науки і техніки на 2002–2006 роки: Постанова КМ України від 24 2001 р. № 1716.
4. Про Концепцію науково-технологічного та інноваційного розвитку України: Постанова Верховної Ради України. ВВР. 1999. – № 37. – С.336.

Нестеров А.В.

д.ю.н., профессор НИУ ВШЭ

О СТАНДАРТЕ (КОНЦЕПЦИИ) ОТКРЫТОСТИ «ОТКРЫТОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»

Ключевые слова: открытое правительство, исполнительная власть и общество, стандарт открытости, качество управления.

Правительственная комиссия по координации деятельности Открытого правительства рассмотрела и приняла за основу концепцию Стандарта открытости федеральных органов исполнительной власти. Этот стандарт станет обязательным для исполнения всеми министерствами и ведомствами. Стандарт открытости – это комплексный документ, состоящий из концепции открытости федеральных органов исполнительной власти, методических рекомендаций по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти и методики мониторинга и оценки открытости федеральных органов исполнительной власти¹.

Публикация «стандарта открытости» сопровождалась презентациями докладов², посвященных стандарту открытости, из которых по целям и задачам этого стандарта можно судить о наличии недостаточной эффективности и результативности взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с обществом. В частности, «Стандарт открытости разработан в целях повышения качества гражданского контроля функций государственного управления, процедур выработки и реализации решений ФОИВ, и направлен на повышение эффективности и результативности взаимодействия ФОИВ с обществом».

Обнародование на портале «открытого правительства» комплекта документов под условным названием «стандарт открытости», позволяет заинтересованным лицам осуществить их анализ в рамках так называемой «независимой экспертизы».

Если называть комплект документов стандартом, то тогда эти документы должны, хотя бы немного соответствовать требованиям стандартизации, с которыми должны быть формально знакомы разработчики этого комплекта, т.к. в нем упоминается ГОСТ Р 1.12-2004 «Стандартизация в Российской Федерации. Термины и определения».

Поэтому в указанном комплекте должен быть терминологический раздел с дефинициями используемых терминов. Ссылки на ГОСТы, в которых отсутствуют используемые в комплекте термины, приводят к тому, что субъекты гражданского общества начинают гадать, что обозначают базовые слова, например, референтная группа, прозрачность, результативность, эффективность и т.п. Одним из принципов Концепции является понятность, но она сама страдает недостаточной понятностью.

Мы умышленно не причисляем себя к «независимым экспертам», т.к. это метафоричное понятие используется политологами и лишено юридического смысла, хотя законодатели-политики его юридически легализовали в начале 90-х годов прошлого века, но не дали его юридической дефиниции³.

Анализ решений (действий) органов власти могут совершать не только самоназванные или ангажированные «независимые эксперты», чья независимость и специальная компетентность по обсуждаемой теме, как правило, не проверяется, а любые компетентностные лица (не обязательно ученые). Специальная компетентность аналитиков должна документально подтверждаться на основе обнародованных в Интернете и/или опубликованных в журналах статей по обсуждаемой теме. К сожалению, практика деятельности «независимых экспертов» говорит об имитации «независимой экспертизы» в интересах ведомств, их организовавших, а мнения альтернативных аналитиков практически не учитываются⁴.

Несомненно, внедрение «стандарта открытости» в деятельность федеральных органов исполнительной власти является большим шагом на пути к демократическому государству. Однако терминологические «детали» этого стандарта могут, в очередной раз, позволить среднему чиновнику найти причины, чтобы не реализовать целеуказание руководства страны. Недавний пример с сокращением количества государственных услуг показывает, что ведомства не

¹ <http://большоеправительство.рф/events/5508409>

² Пономарев С. Открытость государственного управления в России (Презентация доклада). – grany-center.org/userfiles/File/3Standart.pdf; Стырин Е.М. Подходы к оценке использования информационно-коммуникационных технологий как элемента построения стандарта открытости деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации (Презентация доклада). – <http://www.gosbook.ru/node/81276>.

³ Нестеров А.В. История экспертизы и экспертика // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. – № 3. – С. 12–19.

⁴ Нестеров А.В. Поможет ли «Открытое правительство» развитию России? // Препринт – май, 2012 г. – НИУ ВШЭ. – pravo.hse.ru/expertika/announcements/59426056.html

только не смогли нормально организовать их предоставление, но и взаимодействие между собой¹. Пока интересы ведомств не сопрягаются с интересами субъектов гражданского общества и даже, в некоторых случаях, с интересами государства.

Поэтому высшее руководство страны решило задействовать субъектов гражданского общества, однако, путем бюрократической организации ведомствами «привлечения граждан и «независимых экспертов»» к так называемому общественному контролю.

Власть поняла, что открытые ведомственные системы с реординационными обратными связями более результативны и эффективны. А субъекты гражданского общества могут выступить инициаторами и «драйверами» не только улучшения деятельности органов власти, но и имиджа России в международном сообществе.

Таким образом, открытость органов власти – не самоцель, а их свойство, могущее позволить увеличить к ним доверие субъектов гражданского общества и заинтересовать этих субъектов в реординационных взаимодействиях с этими органами.

В таких взаимодействиях должны быть заинтересованы не только субъекты гражданского общества, но и органы власти. Представители государственной власти (правительство, губернаторы, министры) могут получать поддержку от субъектов гражданского общества при достижении непопулярных, но необходимых решений, путем обсуждения и объяснения причин и целей, которые достигаются с помощью этих решений.

Соотношение открытости и прозрачности

Понятие открытости в Концепции упоминается 68 раз, а прозрачности – три раза, что свидетельствует о подчиненном значении прозрачности. При этом существует открытость органов власти, открытость деятельности, открытость государственного управления, информационная открытость, открытость процессов принятия решений, механизмы открытости и т.д.

В Концепции дано определение открытости: «Открытость федеральных органов исполнительной власти – это последовательное и неукоснительное соблюдение при реализации государственных полномочий и функций следующих принципов (далее – принципы открытости):

- а) принцип информационной открытости;
- б) принцип понятности;
- в) принцип вовлеченности гражданского общества;
- г) принцип подотчетности».

Принцип информационной открытости можно рассматривать как принцип прозрачности, который реализует известное конституционное право граждан на доступ к открытым по закону сведениям (контенту), содержащим необходимым для них информацию о деятельности публичной власти.

Понятие прозрачности не расшифровывается в Концепции, а используется совместно с понятием открытости, например, в виде «прозрачность работы механизма (инструмента) открытости». Наверное, такое использование понятия прозрачности связано с тем, что и в научных публикациях нет единого подхода к значению «прозрачности органов власти».

Понятие открытости (открытости системы) довольно сложное понятие², а построение открытых систем достаточно наукоемкое и трудоемкое занятие³.

Существует много подходов к определению понятия открытости, в том числе и принципа открытости. Несомненно, что в рассматриваемом комплексе документов, речь идет о правовом принципе открытости. Например, в административном праве авторы книги⁴ считают: «...Принцип открытости предполагает, что администрация открыта для внешнего наблюдения, а прозрачность означает, что при этом наблюдении видно насквозь». Авторы отмечают, что «Открытость и прозрачность – не столько правовой принцип, сколько цель, которую администрирование должно достичь в либеральном, демократическом обществе».

Ф.И. Белозор⁵ рассматривает открытость государственного управления как демократическую форму взаимодействия государства и общества, суть которого заключается в наличии правовой и фактической возможности у граждан и их объединений участвовать в формировании государственной политики, государственных и муниципальных управленческих решений и в контроле их исполнения.

На наш взгляд, открытость органов власти – это их юридическое свойство, характеризующее реординационное взаимодействие с субъектами гражданского общества, в частности, юридическую и фактическую возможность правового воздействия этих субъектов на политические, законодательные и/или административные решения таких органов.

¹ Нестеров А.В. О реординации и «открытом правительстве» // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – ukros.ru/wp-content/uploads/2013/11/нестеров.doc

² Нестеров А.В. Философия и принципы открытых систем // Научно-техническая информация. – Сер. 1. – М., 2005. – № 8. – С. 1–5.

³ Нестеров А.В. Информационные особенности развития Деловой среды // Научно-техническая информация. – Сер. 1. – М., 1998. – № 2. – С. 5–9.

⁴ Галлиган Д., Полянский В.В., Стариков Ю.Н. Административное право. История развития и основные современные концепции. – М.: Юрист, 2002. – 406 с.

⁵ Белозор Ф.И. Расширение открытости и прозрачности государственного управления. – www.rane-brf.ru/.../Белозор%20Ф.И._Расширение%20открытости%20

Таким образом, открытость подразумевает то, что все заинтересованные граждане и их объединения, имеют юридический и фактический доступ к реординационному воздействию на органы власти.

В свою очередь, прозрачность органов власти – это информационное свойство открытости, характеризующее максимально возможную, законодательно закрепленную и гарантированную доступность для субъектов гражданского общества к достоверной информации о деятельности органов власти, в частности, органов государственного и муниципального администрирования.

К этим двум важным юридическим свойствам примыкает свойство подотчетности органов власти, не только контролируемым и надзирающим их вышестоящим инстанциям, но и субъектам гражданского общества. Однако необходимо различать подконтрольность и публичную подотчетность, т.к. органы власти в рамках публичной прозрачности должны предоставлять сведения (публичные показатели), характеризующие результаты их деятельности, влияющие на жизнедеятельность субъектов гражданского общества.

О публичной подотчетности и подконтрольности органов власти

«Принцип подотчетности» подразумевает наличие комплекса показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, отображающих не только ее результативность, эффективность, но и полезность для субъектов гражданского общества, а также показывающих уровень качества жизнедеятельности этих субъектов на мировом, региональном и/или муниципальном фоне.

Недавно М.Абызов¹ констатировал, что народ, наученный многолетней практикой безрезультатности общения с властью, не проявляет необходимого интереса к «открытому правительству». При этом, как и предполагалось нами ранее², руководство проекта обвинит его в пассивности. Предыдущий опыт реализации как технической³, так и административной⁴ реформы, в этом плане показательны.

В частности, он в интервью журналисту газеты «Известия» отметил: «Например, мы не всегда видим большой интерес общества к разрабатываемым проектам документов, которые размещаются на regulation.gov.ru, а откликов – ноль». По данным ВЦИОМ 60% россиян пассивны и не принимают участия в публичных мероприятиях. По его мнению, «отчасти это связано с объемом информации – заинтересованным гражданам и организациям тяжело выловить документ в этом потоке». Однако это не совсем так. Отсутствие юридических гарантий того, что мнения субъектов гражданского общества будут учтены, является причиной такого положения. Граждане не хотят быть статистами, а ученые высказывают свои мнения в статьях, которые чиновники не читают. Чиновникам проще подыскать необходимых по независимости «экспертов», которые напишут «независимые экспертизы». При этом отметим, что механизм проверки независимости и компетентности таких экспертов не опубликован, что порождает возможность ведомствами имитации деятельности так называемого экспертного сопровождения.

Как выход из создавшегося положения в рамках «открытого правительства» предлагается «усиление работы с референтными группами», в частности, ключевой задачей на 2014 год ставится повышение «качества общественного обсуждения и экспертного сопровождения инициатив».

М. Абызов отметил, что «эксперты, почти год писавшие и согласовывавшие этот документ, обозначили три позиции, по которым можно судить об открытости министерств и ведомств». Фактически это: 1) раскрытие планов и отчетов ведомств для публики, 2) их обсуждение с референтными группами и 3) перезагрузка общественных советов при ведомствах.

Стало очевидным, что идея «независимой экспертизы» имеет существенные недостатки⁵ и теперь обсуждать инициативы будут с так называемыми «референтными группами», однако механизм отбора представителей гражданского общества в эти группы пока не известен, как впрочем и методики оценки имитации их деятельности.

Если мы правильно поняли, то под референтной группой в Концепции понимается группа субъектов гражданского общества, объединенная общими законными интересами, которой доверяют лица, осуществляющие мониторинг. Однако инструмент проверки доверия пока не известен.

В связи с тем, что каждое ведомство (министерство) отвечает за взаимодействие с определенной категорией субъектов гражданского общества, в Методике указывается, что министерство должно определить заинтересованные стороны «в результатах от реализации планов деятельности» и «благополучателей от его деятельности».

Например, Минтруд РФ в п. 5 своего документа⁶ так отобразил понятие референтных групп: «социальные группы, обладающие схожими запросами, выступающие для Минтруда России отраслевыми ориентирами деятельности».

На наш взгляд, вышеуказанное первое мероприятие подразумевает публичную прозрачность проектов ведомств, сведений (данных), имеющихся у ведомств, и отчетов по показателям их деятельности, что связано с реализацией конституционных прав граждан на доступ к информации.

¹ Абызов М. Интерес общества к законопроектам — ноль. — <http://izvestia.ru/news/561927>

² Нестеров А.В. Юридические аспекты электронных административных регламентов // Вестник Российской правовой академии. — М., 2005. — № 4. — С. 13–17.

³ Нестеров А.В. О техническом регулировании в России // Государство и право. — М., 2009. — № 8. — С. 93–96.

⁴ Нестеров А.В. О качестве государственного и муниципального управления // Государственная власть и местное самоуправление. — М., 2007. — № 1. — С. 5–8.

⁵ Нестеров А.В. Экспертное дело. — Ростов н/Дону: Книга, 2003.

⁶ www.rosmintrud.ru/.../Plan_obcshestv_obsuzhd_na_2013g_DOmira_rez

Второе и третье мероприятие подразумевает открытость органов государственной власти для реординационного взаимодействия с субъектами гражданского общества, что связано с реализацией законных интересов этих субъектов.

Принцип реординации подразумевает юридическую и фактическую возможность субъектов гражданского общества оказывать регулятивные воздействия на органы государственной власти на основе открытых сведений (данных) о деятельности этих органов. Этот принцип в Концепции представлен принципом «вовлеченности гражданского общества – федеральные органы исполнительной власти обеспечивают участие граждан Российской Федерации, общественных объединений и предпринимательского сообщества в разработке и реализации управленческих решений с целью учета их мнений и приоритетов, а также создания системы постоянного информирования и диалога».

О вовлечении граждан в управление государством

Государственные органы исполнительной власти осуществляют не только контрольно-надзорные, но и правообеспечивающие функции, в рамках которых обязаны предоставлять государственные услуги, а также организовывать реординационное взаимодействие с субъектами гражданского общества (их «вовлечение в управление государством»).

Можно выделить три вида реординационного взаимодействия субъектов гражданского общества: организованного органами власти, самоорганизованных сообществ, например, профессиональных или отраслевых объединений, и/или отдельных инициативных групп граждан, в частности, с помощью Интернета. Например, Общественную палату РФ, общественные советы при органах власти можно отнести к первому виду субъектов. К сожалению, в отношении деятельности Общественной палаты РФ по данным ВЦИОМ индекс общественного доверия составляет 40%¹.

Словосочетания «вовлечение в управление государством» и «общественный контроль органов власти» можно воспринимать как метафоры, т.к. контролировать (надзирать) органы власти (управлять государством) могут только вышестоящие органы власти или иные уполномоченные на это органы власти (прокуратура, Счетная палата РФ, судебные инстанции и т.д.). Граждане, представители общества и предпринимательства не имеют контрольных функций по отношению к органам государственной власти, но обладают правами осуществлять реординационные, в частности, регулятивные воздействия на эти органы в рамках законодательства. Хотя в Конституции РФ не используется понятие реординации, его значение раскрывается в ее пункте 1 ст. 32: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей», а также в ст. 33: «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления».

Обозначим граждан, общественные объединения и предпринимательские сообщества как субъектов гражданского общества. Субъекты гражданского общества формируют общественное мнение, которое может не совпадать с ведомственным мнением, выраженным должностными лицами органов власти (ведомств).

Власть может принимать правовые акты, которые воспринимаются как легитимные и добровольно выполняются субъектами гражданского общества только тогда, когда имеется не только фактическая возможность их обсудить с ними, но и юридически гарантированная обязанность органов власти учитывать обоснованные мнения и законные требования этих субъектов.

Субъекты гражданского общества могут осуществлять реординационное (регулятивное) воздействие в виде общественного мнения, которое выражается с помощью информационных средств (СМИ, Интернета и непосредственного обращения в органы власти).

Одним из элементов воздействия гражданского общества на органы власти являются СМИ, образованные структурами гражданского общества. Несомненно, СМИ можно отнести к специальным средствам, осуществляющим получение и распространение в доступной форме сведений, о деятельности органов власти. Особенностью современного общества является наличие Интернета как альтернативной информационной среды, в которой материализуется общественное мнение. Поэтому субъектов, активно участвующих в создании такого мнения, можно рассматривать как сетевого коллективного субъекта гражданского общества.

Кроме того, в качестве представителей гражданского общества могут выступать лица, обладающие специальными знаниями (компетентные лица), специальная компетентность которых подтверждена документально. К сожалению, их стали по недоразумению называть «независимыми экспертами»².

Таким образом, принцип вовлеченности гражданского общества необходимо рассматривать как систему мотивации по увеличению заинтересованности субъектов гражданского общества в участии в реординационных связях (оказании регулятивного воздействия на органы власти).

Последний «принцип понятности» в Концепции определяет «цели, задачи, планы и результаты деятельности федеральных органов исполнительной власти представляются в виде и формах, обеспечивающих простоту и доступность их восприятия обществом». Этот принцип должен обеспечить пользовательский интерфейс сведений о деятельности федеральных органов государственной власти, интуитивно понятный и дружелюбный для простых граждан, чтобы они могли обоснованно оценить деятельность этих органов.

¹ http://www.odnako.org/blogs/show_26582

² Нестеров А.В. Есть ли в России экспертное сообщество? // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, приоритетных и национальных проектов и программ. – М.: ИНИОН РАН, 2009.

Скорее всего, социологический опрос о деятельности органов власти не даст положительного результата, если не будут предусмотрены юридические гарантии по реализации принципа понятности.

Заключение. Если руководство страны хочет видеть в лице субъектов гражданского общества «драйверов», которые не только обсуждают инициативы, но и сами их иницируют, то оно должно позаботиться о юридических гарантиях того, что обоснованные и законные интересы в их предложениях, будут учитываться в решениях власти.

Необходимо помнить, что открытость является свойством системы, которое может быть использовано для достижения как благих, так и негативных целей. Поэтому это свойство не только должно быть закреплено в виде конституционных свобод, прав и/или законных интересов граждан и их объединений, но и в виде обязанностей и ответственности юридических субъектов в случае нарушения ими законодательства, регулирующего открытость, в частности органов власти.

Свойство открытости органов государственной власти должно использоваться для организации реординационных связей между этим органами (ведомствами) и субъектами гражданского общества с целью нахождения баланса государственных интересов (законных интересов ведомств, граждан (их объединений) и предпринимательского сообщества). Нельзя считать интересы ведомств государственными интересами, т.к. они могут противоречить друг другу с точки зрения демократического и правового государства¹.

Когда говорят о качестве государственного администрирования (управления), то необходимо помнить о качестве жизнедеятельности субъектов гражданского общества.

Таким образом, словосочетание «стандарт открытости» можно рассматривать как некоторую политологическую метафору, с помощью которой обозначается совокупность документов, устанавливающих определенные требования, предъявляемые к принципам, процедурам и/или средствам (инструментам, механизмам), регулирующим реординационные взаимодействия ФОИВ (их полномочия) с субъектами гражданского общества, а также продукты такого взаимодействия.

¹ Нестеров А.В. Об «умном» регулировании и лоббизме (Препринт – апрель, 2012 г.). – pravo.hse.ru/data/2012/04/08/1251129365

Нисневич Ю.А.

д.полит.н., профессор НИУ ВШЭ и РУДН

КАДРОВАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: кадровая политика, Совет Федерации, качество власти и управления.

По Федеральному закону № 192-ФЗ от 5 декабря 1995 года «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» членами Совета Федерации по должности являлись высшие должностные лица и председатели законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Эти должностные лица избирались гражданами, проживающими в субъекте федерации, на основе равного и прямого избирательного права при тайном голосовании и, как правило, были достаточно влиятельными и самостоятельными политиками регионального уровня. При этом у президента Б. Ельцина и его администрации было отлажено устойчивое взаимодействие с такими влиятельными членами Совета Федерации, хотя они не всегда и не во всем соглашались с президентом и не были полностью подконтрольны президентской власти. Примером этого, в частности, может служить ситуация с отставкой Генерального прокурора Ю. Скуратова, когда президент Б. Ельцин 2 апреля 1999 года своим указом отстранил Ю. Скуратова от должности, а Совет Федерации не принимал решение о его отставке больше года вплоть до 17 апреля 2000 года¹.

Существенная самостоятельность и независимость членов Совета Федерации при таком порядке его формирования и предопределила тот факт, что именно он оказался «первой жертвой» построения «вертикали власти» правящим режимом, у которого с приходом во власть В. Путина и его команды стал отчетливо проявляться «унитарный синдром»². Уже через десять дней после своей инаугурации 17 мая 2000 года президент В. Путин внес в Государственную Думу свои первые законодательные инициативы, среди которых был проект федерального закона об изменении порядка формирования Совета Федерации.

В соответствии с президентским Федеральным законом № 113-ФЗ от 5 августа 2000 г. «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» высшие должностные лица и председатели законодательных органов субъектов Российской Федерации утратили статус члена Совета Федерации и были лишены возможности влияния в таком статусе на принятие государственных решений на федеральном уровне. По этому закону один член Совета Федерации от каждого субъекта федерации стал назначаться его высшим должностным лицом, а второй – избираться его законодательным органом. При этом граждане утратили возможность непосредственно влиять на состав Совета Федерации.

В еще большей мере граждане были отстранены от участия в формировании Совета Федерации после того, как в декабре 2004 года в федеральные законы, определяющие порядок формирования и общие принципы организации органов государственной власти субъектов федерации, были внесены изменения, отменившие принцип избрания высшего должностного лица субъекта Российской Федерации на основе равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Вместо избрания был введен сомнительный в юридическом смысле порядок наделения законодательным органом субъекта Российской Федерации лица, представленного Президентом России, полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Именно на сомнительность такого законодательного нововведения указал в своем особом мнении судья Конституционного Суда А. Кононов: «Следует признать, однако, экспертное мнение, что конструкция «наделения полномочиями» юридически непонятна и некорректна. Очевидно, что данное лицо не может «наделяться» полномочиями главы исполнительной власти, поскольку наделяющие его органы ими не обладают»³.

Как показала политическая практика, вместо избрания фактически стало осуществляться непосредственное назначение высших должностных лиц субъектов Российской Федерации Президентом, лишь декорированное формальной процедурой одобрения, как правило, подавляющим большинством депутатов регионального парламента. При этом подбор кандидатов осуществляла Администрация Президента в интересах тех или иных политико-экономических группировок федерального и регионального уровня, не исключая и коррупционные отношения.

После отмены прямых выборов высших должностных лиц субъектов федерации граждане лишились возможности не только прямого, но и делегированного участия в формировании половины состава Совета Федерации. А имен-

¹ Скуратов Юрий Ильич // Википедия – свободная энциклопедия, <http://ru.wikipedia.org>

² Нисневич Ю.А. Унитарный синдром // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. – М., 2009. – № 2. – С. 43–53.

³ Постановление Конституционного Суда РФ № 13-П от 21.12.2005 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан». Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ В.Г. Ярославцева. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Коконова.

но той его части, которая состоит из членов Совета Федерации, назначаемых фактически в качестве их личных представителей высшими должностными лицами субъектов федерации, которые в свою очередь назначаются президентом.

Новый порядок формирования Совета Федерации на практике привел к тому, что по своему составу эта палата российского парламента в существенной мере перестала соответствовать задаче представления и учета интересов субъектов федерации и попала в полную зависимость от Администрации Президента. Действительно, по данным на июль 2005 года из 176 членов Совета Федерации 87 (49,5%) не имели очевидной связи с субъектами федерации, интересы которых они должны представлять¹. Подобными «варягами», назначаемыми по согласованию с Администрацией Президента, как правило, являлись отставные чиновники как федерального, так и регионального уровня и представители различных политико-экономических групп, которым, по сути, было все равно какой субъект федерации представлять. По тем же данным, среди членов Совета Федерации было 26 представителей нефтяных и газовых компаний, крупнейших банков и холдингов и еще 39 представителей других компаний, обладающих значительными финансовыми и материальными ресурсами и, как правило, подконтрольных власти. Таким образом, можно предположить, что еще 65 из 176 членов верхней палаты российского парламента (37%) получили свой статус с «благословения» Администрации Президента, прежде всего, за счет обладания такими ресурсами.

Еще одним фактом, подтверждающим произошедшую кадровую приватизацию Совета Федерации правящей номенклатурой посредством политического nepoтизma, назначения на должности в публичной власти не по критерию профессиональных качеств, а исходя из цели ее приватизации, может служить, по сути, назначение президентом председателя верхней палаты российского парламента, которое лишь оформляется избранием на ее пленарном заседании.

В декабре 2001 года на должность Председателя Совета Федерации по рекомендации президента В. Путина, отказать от которой было невозможно, был избран его соратник по Санкт-Петербургу член Совета Федерации от Законодательного собрания этого города С. Миронов. По информации из его биографии С. Миронов был знаком с В. Путиным с 1994 года, на президентских выборах 2000 года он руководил инициативной группой по выдвижению В. Путина кандидатом в Президенты России и был заместителем председателя его избирательного штаба в Санкт-Петербурге².

С. Миронов занимал должность Председателя Совета Федерации до мая 2011 и почти за десять лет своего председательства создал в Совете Федерации подчиненную лично ему «вертикаль власти»³. В мае 2011 года по инициативе партии «Единая Россия» депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга приняли постановление об отзыве С. Миронова из Совета Федерации, что автоматически лишало его поста председателя верхней палаты парламента.

Но свято место пусто не бывает. И вслед за С. Мироновым третий по негласной табели о рангах пост в государстве с 21 сентября 2011 года заняла В. Матвиенко, проверенный номенклатурный кадр и также давняя соратница В. Путина. В. Матвиенко с 1972 года входила в партийно-комсомольскую номенклатуру Ленинграда, а впоследствии она занимала должность заместителя председателя в возглавляемом В. Путиным с августа 1999 по март 2000 года Правительстве России, в марте 2003 года была назначена В. Путиным полномочным представителем президента в Северо-Западном федеральном округе, с октября 2003 года стала губернатором Санкт-Петербурга⁴.

Продолжая дело С. Миронова, В. Матвиенко сегодня успешно обеспечивает кадровую приватизацию Совета Федерации правящей номенклатурой и его полное подчинение президентской власти.

Как представляется, принятый в 2012 году Федеральный закон № 229-ФЗ от 3 декабря 2012 года «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», хотя и декорирован псевдodemократическими новациями, но не призван и не изменит в условиях полного подавления реальной политической конкуренции ситуацию с жесткой встроенностью Совета Федерации в «вертикаль власти», вершиной которой служит приватизированный правящей номенклатурой институт президентской власти.

¹ Не место для дискуссий. Аналитический доклад: «Демократический аудит деятельности Государственной Думы и Совета Федерации с января 2004 по июль 2005 гг.». – М.: Институт «Общественная экспертиза», 2005. – С. 225–241.

² Миронов Сергей // Лента.ру. – <http://lenta.ru/lib/14159448>; Миронов Сергей Михайлович // Википедия — свободная энциклопедия. – <http://ru.wikipedia.org>

³ Нисневич Ю.А. Вертикаль никуда: Очерки политической истории России 1991–2008. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 16–18.

⁴ Матвиенко Валентина // Лента.ру. – <http://lenta.ru/lib/14159561>

Новиков В.Е.

д.э.н., профессор Российской таможенной академии, профессор Финансового университета

Дербенева Г.Ф.

к.э.н., доцент Российского университета дружбы народов

ТАМОЖЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Ключевые слова: промышленная политика, экономические санкции, таможенные пошлины, таможенный контроль.

Промышленную политику можно рассматривать как одну из составляющих экономической политики государства. В свою очередь, экономическая политика определяется теми целями, которые ставятся государством в социально-экономическом развитии страны. Из необходимости учета действия экономических и социальных законов развития общества вытекает, что государство должно стремиться максимизировать темпы социально-экономического развития, во все более полной степени удовлетворять постоянно возрастающие потребности населения. Это предполагает создание соответствующего экономико-финансового механизма управления общественным воспроизводством, который позволяет необходимые для обеспечения максимальных темпов социально-экономического развития оптимальные пропорции между экономической и социальной сферами. Одной из пропорций развития экономической сферы является соотношение в объемах и темпах развития отраслей народного хозяйства: промышленности, сельского хозяйства, строительства и других отраслей.

Промышленность является ведущей отраслью общественного производства и именно от состояния и уровня ее развития зависят темпы социально-экономического развития. Это связано с тем, что в промышленности занято наибольшее количество высококвалифицированных работников, которые создают продукцию и оказывают услуги с наибольшей долей вновь созданной стоимости. Поэтому промышленная политика должна быть направлена на максимизацию объема вновь созданной стоимости.

Среди различных определений промышленной политики мы выбрали два.

В «Современном экономическом словаре» промышленная политика определяется как политика государства и промышленных корпораций, направленная на рост промышленного производства, обеспечение его эффективности и конкурентоспособности, содействие технико-технологическому прогрессу¹. Согласно этому определению государство как орган управления национальной экономикой является основным субъектом формирования промышленной политики. Соподчиненным субъектом в реализации целей промышленной политики являются промышленные корпорации, обладающие для этого достаточным ресурсным потенциалом.

Во втором из них она рассматривается как «комплекс мер государственного воздействия на распределение ресурсов общества в целях совершенствования структуры национальной экономики, поддержания конкурентоспособности отдельных отраслей и предприятий, а также экономики в целом на мировых рынках, корректировки негативных последствий действия механизма рынка. Существуют различные модели промышленной политики, особенности которых зависят от конкретно-исторических условий, в частности от этапа развития страны, ее экономического потенциала, исторических традиций, места в международном разделении труда»².

Перед Россией в условиях экономических санкций со стороны США и ЕС, когда ее доля участия в международном разделении труда обрушена до нулевого уровня, встала задача изменения концепции формирования и реализации промышленной политики, заложенной в программе стратегического развития социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу. Возникает необходимость в концентрации всех ресурсов и интенсификации их эффективного использования на расширение структуры отечественной промышленности и ориентацию международного сотрудничества на новые направления и объемы. По сути дела, ситуация характеризуется экстренной заменой приоритетов в достижении такого уровня научно и технико-технологического развития, который в среднесрочной и даже ближайшей перспективе способен заместить потери от «экономического бойкота» со стороны американского и европейского финансового и промышленного капитала.

В качестве базы для структурных преобразований в промышленной политике России целесообразно выбрать 1990 год, когда эта политика осуществлялась государством как целенаправленная деятельность, включающая систему мер прямого и косвенного регулирования отечественного производства и механизм саморегулирования рынка для достижения заданных плановых показателей.

Определение промышленной политики получило свое правовое закрепление в Законе «О промышленной политике в Российской Федерации». В нем записано, что «промышленная политика – комплекс правовых, экономических,

¹ Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 313.

² Экономический словарь / Под редакцией А.И. Архипова. – М.: Проспект, 2004. – С. 456.

организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции». Основной целью промышленной политики, как следует из Закона, является формирование высокотехнологичной конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу¹.

В Законе предусматривается ряд мер государственной поддержки субъектов промышленной деятельности. К таким мерам относятся финансовая поддержка в виде субсидий, создание государственных фондов развития промышленности, а также поддержание научно-технической и инновационной деятельности при осуществлении промышленной политики в различных формах. Изложению намечаемых конкретных действий в этом направлении посвящен правительственный план по обеспечению устойчивого экономического роста и социальной стабильности в 2015 г., в котором предусматривается реализация мер, направленных на активизацию структурных изменений в отечественной промышленности за счет отечественных технологических разработок, которые обеспечивают экологическую чистоту и экономию ресурсов². Однако главный вопрос заключается в том, насколько эти меры могут быть действенными в ситуации неблагоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуры, насколько макроэкономический механизм нацелен на повышение конкурентоспособности российской экономики, повышение производительности труда, более полное удовлетворение общественных потребностей. Главным фактором для этого является создание нормальной конкурентной среды на внутреннем рынке.

В Законе «О промышленной политике в Российской Федерации» указано, что Правительство РФ утверждает перечень показателей и уровня их ежегодных значений, а также порядок расчета и сопоставления условий осуществления деятельности в сфере промышленности на территории России и на территории иностранных государств. Но, к сожалению, не указывается, какими должны быть эти условия, а они должны быть равноконкурентными для всех участников рынка. Организация мониторинга в этом направлении очень важна для оценки эффективности внешнеторговой деятельности страны, поскольку производители продукции и оказания услуг стремятся получить выгоду от их реализации не только на внутреннем рынке, но и на рынках других стран. Однако в условиях конкуренции на мировом рынке наибольшую прибыль получают страны-лидеры производства продукции с высокой добавленной стоимостью. Высокую долю добавленной стоимости и конкурентных преимуществ национальных экономических систем априори обуславливает структура промышленного производства, обеспеченная моделями формирования и реализации внешнеторговой промышленной политики: экспортной ориентации и импортозамещения. Составной частью в них должна входить позиция протекционизма отечественных производителей на пути совершенствования технического и технологического уровня отечественного производства.

Раньше других протекционизм в своей политике применяли Англия, затем Франция, Германия, США и другие страны. Протекционизм пыталась использовать и Россия в 30-х годах XX века, когда темпы роста промышленного производства резко повысились. То же самое прослеживалось в поступательном послевоенном развитии научно-технического прогресса, которое было прервано в результате проведения экономических преобразований 1991–1992 гг. Результатом этих преобразований явились деградация экономики, ухудшение социально-экономической ситуации, установление экономической и технологической зависимости от развитых стран. Внутренний рынок России был дестабилизирован, и страна лишена возможности выхода на мировые рынки с конкурентоспособной продукцией с высокой добавленной стоимостью. В этих целях применялись заниженные таможенные пошлины и монопольное ценообразование.

В результате проводимых экономических преобразований промышленная политика была ориентирована на производство продукции с низкой долей добавленной стоимости и поставку на мировые рынки сырьевых и топливно-энергетических товаров, продукцию металлургии и химии и других отраслей низких переделов. Экономическими стимулами к этому явились низкий валютный курс рубля и отмена экспортных пошлин, в том числе на нефть. Поэтому при падении мировых цен на нефть в 1998 г. и произошло резкое падение курса рубля по отношению к доллару США (примерно в 4 раза). В данный период времени в России еще сохранилось некоторое число промышленных предприятий, работающих по полному циклу производства, а потому падение курса отечественной валюты было равносильно увеличению ставок таможенного тарифа в 1,5–2 раза, а по отдельным видам товаров в 7–10 раз³. Это повысило конкурентоспособность отечественных промышленных предприятий на внутреннем рынке.

В 1999–2000 гг. произошло увеличение объемов промышленного производства. Однако вместо поддержки благоприятной конъюнктуры для отечественных промышленных предприятий на внутреннем рынке было принято решение о снижении ставок таможенного тарифа для выгоды доступа иностранных товаров на внутренний рынок России, что ухудшало позиции российского производителя. Одновременно под предлогом повышения конкурентоспособности отечественного производства и продукции в стране был взят курс на создание сборочных производств в следующих формах: сборочные заводы, принадлежащие иностранному капиталу; совместные производства с ведущей ролью иностранных компаний и реализация их не инновационных проектов; продажа контрольных пакетов акций государственных компаний зарубежным компаниям.

Промышленная политика развития сборочных производств поддерживалась соответствующей таможенной политикой, например, введением режима переработки для внутреннего потребления, предусматривающего льготный

¹ О промышленной политике в Российской Федерации», № 493-ФЗ от 31.12.2014. – www.rg.ru

² План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году. Распоряжение Правительства РФ от 27.01.2015 № 98-Р. Сайт Правительства РФ.

³ Народнохозяйственные последствия присоединения России к ВТО / РАН, Национальный инвестиционный совет. – М., 2002. – С. 15, 31–32.

ввоз иностранных комплектующих. В то же время были объединены государственные предприятия и конструкторские бюро по разработке и производству новой техники в авиационной, судостроительной и других отраслях промышленности, которые также в основном были ориентированы на сборку изделий из иностранных комплектующих.

Закономерным следствием действия изложенных факторов в последующие годы в стране стал рост потребительских цен. Соответствующие показатели по России в сравнении с зарубежными развитыми странами приводятся в табл. 1.

Таблица 1

Рост потребительских цен в России и зарубежных странах в 2007–2014 гг. (% к 2000 году)

Страна	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Россия*	239	272	304	325	353	371
США	120	125	125	127	131	125
Великобритания	113	117	119	123	128	130
Германия	113	115	116	117	120	122
Франция	113	117	117	119	121	123
Япония	98	99,5	98	97	99,7	96,7
Китай	114	120	129	124	130	134

Источник: по данным Росстата.

Как следует из табл. 1, в 2012 г. по сравнению с 2000 годом цены в России выросли на 271 процент. По сравнению со всеми рассматриваемыми странами Россия демонстрирует самый высокий инфляционный рост. В то же самое время в США и ведущих странах ЕС потребительские цены выросли на 30 процентов и менее (в США – на 25, в Великобритании – на 30, Франции – 23, в Германии – 22). В Китае их рост несколько превысил тридцатипроцентный барьер и составил 34 процента. Особое положение складывается в Японии, где имеет место не рост, а снижение потребительских цен. Это объясняется тем, что финансовый кризис 2007-2008 гг. не затронул эту страну, так как ее национальная валюта – иена – является твердой валютой и устойчива по отношению к курсам евро и доллару США. Россия же этот докризисный уровень превзошла, повысив инфляцию по сравнению с 2007 годом на 132 процента.

Однако не только кризис обусловил уровень инфляции в России, но и другие факторы, понизившие потребительский и платежеспособный спрос населения. Начало тенденции превышения роста инфляции над ростом денежных доходов населения положила либерализация внешней торговли: доступ в страну дешевых потребительских товаров привел к росту объема экспорта и цен на продукцию ТЭК, что обусловило рост цен, снижение спроса и объемов производства в обрабатывающих отраслях.

С вступлением в ВТО в 2012 г. Россия практически потеряла самостоятельность в формировании Единого таможенного тарифа (ЕТТ). Для страны были установлены максимально допустимые уровни средневзвешенных пошлин по всем промышленным товарам. Начальный уровень связывания на переходный период регламентирован в размере 11,256 процентов, а конечный – 6,410¹. В результате проводимой промышленной политики и ее таможенного аспекта Россия лишилась возможности производить многие современные виды машин и оборудования и оказалась в полной технологической и экономической зависимости от развитых стран.

Таким образом, можно констатировать, что Россия в условиях опережающего роста цен по сравнению с развитыми странами, снижения ставок таможенных пошлин и девальвации рубля не сможет компенсировать потерю защитной функции отечественной экономики и рынка таможенными пошлинами. Кроме того, предполагаемая постепенная отмена экспортных пошлин на нефть будет также способствовать росту внутренних цен на нее, а следовательно, и затрат на производство всех видов продукции в стране.

Экономическая ситуация в России в 2014-2015 гг. является кризисной и ее обусловили три основных фактора: беспрецедентное падение мировых цен на нефть, введение экономических санкций, а, по сути дела, блокады внешне-торговых связей страны со стороны США и ЕС, резкое падение курса рубля по отношению к доллару США и евро. В совокупности воздействие этих факторов становится серьезным тормозом экономического роста страны. Этому уже способствуют настолько заниженные ставки таможенного тарифа, что даже падение курса рубля по отношению к доллару США в течение 2014 года в 2 раза не обеспечивает достаточную конкурентоспособность отечественной продукции на внутреннем рынке и иностранная продукция, даже в виде комплектующих изделий, имеет более высокий уровень спроса. Экономическому росту России и развитию современной промышленности нужна новая техническая и технологическая основа, которую придется создавать заново, так как многие виды продукции в стране уже не производятся.

Отсюда следует вывод о том, что Россия вступила в ВТО на неприемлемых для социально-экономического развития страны условиях. Поэтому необходимо выйти из тех соглашений и уступок, регламентируемых ВТО, которые препятствуют созданию современной экономики и проведению прогрессивной промышленной политики. Это даст возможность повышать ставки таможенного тарифа до уровня, обеспечивающего конкурентоспособность отечественной продукции на внутреннем рынке и резко повысить роль государства в создании новых производств и провести новую индустриализацию.

Пути проведения индустриализации хорошо известны. Россия в первую очередь может использовать собственный опыт преобразований в сфере промышленности, начиная с новой экономической политики и индустриализации

¹ Справка по обязательствам. – www.economy.gov.ru

30-х годов, послевоенного восстановления и развития. Можно также привлечь примененный в реформах Китая опыт СССР, опыт Бразилии, Индии, Японии и других стран. Использование этого опыта должно привести к коренному пересмотру экономической и финансовой политики России, созданию нового финансово-экономического механизма.

В условиях существующего экономико-финансового механизма невозможно разработать промышленную политику реиндустриализации экономики: требуется его значительная корректировка. В этих целях необходимо реализовать следующие меры:

- отказаться от установления курса рубля к доллару на валютной бирже;
- закрепить за ЦБР исключительную монополию на установление фиксированного курса рубля к доллару;
- повысить ставки таможенных пошлин с одновременной государственной поддержкой отраслей, определяющих научно-технический уровень производства;
- отказаться от соглашений ВТО, противоречащих национальным интересам России;
- ввести экономически обоснованный минимальный почасовой уровень оплаты труда;
- ввести повышенные ставки налога на сверхдоходы физических лиц;
- предусмотреть налогообложение вывоза капитала, направляемого на создание и развитие иностранных предприятий;
- предусмотреть необходимые закупки за рубежом за счет государственных или частно-государственных средств для развития инновационной производственной деятельности предприятий и организации на этих предприятиях производства продукции из российских материалов и комплектующих, а также использования отечественных специалистов при условии последующей быстрой локализации вложений;
- увеличить финансовые вложения в науку и образование, пересмотреть оценки и критерии эффективности деятельности научных организаций и системы подготовки специалистов высшими и средними учебными заведениями и производственных кадров;
- расширить применение специальных защитных пошлин;
- установить в качестве барьера ввоза низкокачественной продукции высокий уровень пошлин;
- усилить фитосанитарный и ветеринарный контроль на границе с более широким спектром полномочий по применению запретов на ввоз опасной для здоровья и экологии продукции.

Новоселов А.С.

д.э.н., профессор, зав. Отделом регионального и муниципального управления Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

Маршалова А.С.

к.э.н., в.н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И СУТЬ ПЕРЕХОДА К ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: *региональное развитие, эффективность управления, экономическая политика, инновационное развитие.*

В условиях все возрастающего давления крайне негативных внешних факторов на финансово-экономическую ситуацию в стране сырьевой экспорт уже не в состоянии компенсировать те недостатки и потери, которые вызваны общей неэффективностью всей российской системы управления. Неоспоримым доказательством неэффективности этой системы является практически полное отсутствие положительных результатов по целям всех главных декларируемых приоритетных направлений экономического развития.

Не ранжируя приоритеты по первоочередности, потому что все они очевидные, злободневные и таят в себе определенные угрозы, в качестве первой проблемы можно назвать гипертрофированную роль сырьевого сектора в экономике и, соответственно, очень высокую финансово-экономическую зависимость страны от состояния внешнего рынка сырьевых ресурсов, в первую очередь – топливно-энергетических. Только ленивый не говорит о том, что страна «сидит на нефтяной игле», и поэтому в качестве приоритетного направления экономического развития признается необходимость диверсификации структуры экономики, переход на путь инновационного развития, создание современных наукоемких производств с высокой долей добавленной стоимости, модернизация устаревших фондов в традиционных отраслях российской экономики. Но кардинальных продвижений в решении этой проблемы нет. Так, например, в соответствии с официальной статистикой в сальдированном финансовом результате страны доля сырьевого сектора за 2008–2012 гг. по отдельным годам составляла от 20 до 25%. Доля производства электрооборудования, электронного и оптического оборудования за этот же период не превышала 1%. Главными доходными источниками государственного бюджета остаются доходы от продажи топливно-энергетических ресурсов. В современной российской системе управления так и не созданы механизмы, обеспечивающие диверсификацию экономики, создание спроса на инновационную продукцию, привлечение частного инвестора в развитие реального сектора экономики.

Противоречивость государственной экономической политики проявляется в том, что декларируемые приоритеты имеют мало общего с реализуемыми крайне дорогостоящими представительскими инвестиционными проектами (Сколково, мост на о. Русский и строительство комплекса на этом острове, олимпиада в Сочи, студенческая спартакиада в Казани, в Красноярске). Затраты на их осуществление несоизмеримы с ничтожно малым их влиянием на развитие соответствующих территорий.

Реализация инвестиционной политики свидетельствует об отсутствии стратегического подхода и учета отличий в инвестиционном климате разных регионов России: за 2005–2012 годы из общего объема государственных инвестиций 23,1% приходится на два субъекта Федерации – на Москву (16,2%) и Санкт-Петербург (6,9%). Продолжая тенденцию стягивания государственных инвестиций на территорию, прилегающую к Москве, Правительство РФ в 2014 году принимает решение о выделении значительных государственных средств на строительство третьего транспортного кольца. Было бы разумно и вполне реально привлечь к этому строительству частных инвесторов, но это требует значительных интеллектуальных и организационных усилий, значительно проще направить на эти цели бюджетные ассигнования.

Таким образом, учитывая, что именно Москва, Московская область и Санкт-Петербург являются субъектами Федерации с наиболее благоприятным инвестиционным климатом и в большей мере, чем другие регионы, способны привлекать частные инвестиции, а также то, что на территории этих трех субъектов направляется более четверти общих государственных капиталовложений, можно сделать вывод о том, что инвестиционное развитие остальных субъектов Федерации особых перспектив не имеет. При этом следует иметь в виду, что в числе новых приоритетных направлений пространственного экономического развития появились новые, такие, как Крым, Восток страны как зона опережающего развития. С большой долей уверенности можно предположить, что для развития инфраструктуры этих регионов потребуются в первую очередь значительные государственные инвестиции. Поэтому необходима разработка грамотной инвестиционной политики, основанной не на рефлексивных реакциях, а согласованной с приоритетами экономической политики и учитывающей влияние всех факторов, формирующих инвестиционный климат в различных регионах страны.

Серьезной проблемой современной России является неоправданно высокая дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития. Среднедушевые доходы в Москве в 2,1 раза превышают общероссийские, а в Республике Калмыкия этот показатель равен 0,44. Среднемесячная зарплата в Москве в 1,88 раза превышает средний уровень по России, в Республике Дагестан этот показатель составляет 0,51. Среднедушевые инвестиции в расчете за десятилетний период в Москве в 1,42 раза превышают общероссийский уровень, а в Республике Ингушетия они на уровне 0,21.

Реальная дифференциация в уровне и качестве жизни людей на самом деле еще больше, так как каждый субъект Федерации характеризует разная степень неоднородности пространственного социально-экономического развития. Так, например, в Новосибирской области население, промышленный потенциал, инфраструктура сконцентрированы в г. Новосибирске и Новосибирской агломерации, в то время как сельские районы характеризуются слабой транспортной освоенностью, низкой заселенностью, отсталой сферой социальных услуг и низкими доходами населения.

При среднемесячной номинальной начисленной заработной плате по области в 2012 г. 23,2 тыс. руб. колебания составляли от 23,9 тыс. руб. в Новосибирском районе до 12,3 руб. – в Коченевском. Средняя зарплата в сельском хозяйстве колеблется от 21,4 тыс. руб. в Новосибирском районе до 5,1 тыс. руб. в Убинском.

Численность населения за прошедшие 10 лет во всех сельских муниципальных районах сократилась, причем в Купинском, Кыштовском – почти на четверть. Даже промышленно развитый Тогучинский район теряет население.

Интегральным индикатором этой дифференциации может служить тенденция в изменении численности населения субъектов Федерации: в относительно благополучных субъектах она растет (или, по крайней мере, не падает). Чем более неблагополучен регион, тем заметнее падение численности его жителей. Напрашивается естественный вывод о том, что в стране отсутствует эффективная региональная политика, и продолжение сложившихся тенденций негативно скажется на общем экономическом развитии страны, может привести к росту социальной нестабильности. Показательным примером является решение московских властей сократить число государственных медицинских учреждений (очевидно, медицинских работников стало больше, чем больных). Начались массовые выступления недовольных. В то же время штаты муниципальных медицинских учреждений Новосибирской области не укомплектованы, катастрофически не хватает врачей. И это не удивительно, потому что за работу одной и той же квалификации в регионах врачи получают в 2–3 раза меньше, чем в Москве. Поэтому естественно, что специалисты предпочитают жить и работать в Москве и не хотят ехать на периферию.

Сохранение существующих тенденций в развитии сельских муниципальных образований будет сопровождаться ростом недовольства людей и их бегством из села. Решение проблемы сокращения чрезмерно высокой дифференциации в уровне социально-экономического развития территорий определяется множеством факторов, но общее направление решения этих проблем – это развитие и модернизация экономики муниципальных образований.

Говоря о необходимости перехода к инновационной системе управления, следует сказать, что, во-первых, часто новое – это хорошо забытое старое, а во-вторых, вслед за классиком повторить, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория. Поэтому суть инновационного подхода состоит в создании системы управления, базирующейся на оправдавших себя методологических принципах, отражающих объективные закономерности экономического и социального развития общества.

Так, например, **принцип системного подхода** к принятию управленческих решений. Нарушение этого принципа бесспорно, если проанализировать государственную экономическую политику, направленную на развитие рекреационно-туристической сферы страны.

В развитии этого бизнеса государство, безусловно, заинтересовано. Так, в районе Сочи к проведению Олимпийских игр построены две новые железные дороги, соединившие Сочи с Адлером и Красной Поляной, новые автодороги и развязки, около 10 туннелей, вокзалы, десятки гостиниц, расширен аэропорт, сформированы горный и прибрежный спортивные кластеры. На обустройство Сочи удалось привлечь средства многих частных инвесторов, составившие около 65% всех инвестиций. Создана современная инфраструктура для развития зимних видов спорта. Сегодня в Сочи имеются все условия для круглогодичного функционирования курорта. Но в середине лета 2014 года места в отелях и пансионатах оказались заполненными лишь на треть, несмотря на умеренные цены проживания. Стоимость авиабилетов при этом настолько высока, что отпускники предпочитают более дешевый и комфортный отдых в Турции.

Другой пример, свидетельствующий о том, что люди, принимающие государственные управленческие решения и регулирующие финансовые потоки, либо не очень хорошо знакомы с законами рынка, либо не очень объективно представляют себе социально-экономическую ситуацию в стране, за пределами Садового кольца. При более чем 2-кратном различии в денежных душевых доходах (например, в 2012 году в Москве они составили 48 622 руб., а в Новосибирске – 23 245 руб.) москвичи скорее выберут отдых на благоустроенных курортах Испании даже при цене авиабилетов до Крыма 7000 руб. туда и обратно. А новосибирцы вряд ли поедут в Крым при стоимости билета в оба конца 37 500 руб. Не учитывая возможностей реальных потребителей, можно сколько угодно объявлять Крым свободной экономической зоной: эффективное развитие его основной отрасли специализации – сферы туризма – останется под большим вопросом.

Если продолжится несистемный подход к решению проблемы развития отечественной рекреационно-туристической сферы, то средства, которые вкладываются в туристические зоны, никогда не окупятся.

Принцип учета социальных целей развития территорий. Одна из важнейших современных проблем даже в условиях наличия определенной безработицы – нехватка кадров, особенно квалифицированных. С особой остротой она проявляется в сельской местности. Многие руководители районов и хозяйств сельских муниципальных образований Новосибирской области основной считают проблему дефицита кадров, особенно квалифицированных специали-

стов. Чаще всего речь идет об отсутствии врачей, учителей, воспитателей, работников культуры, а также квалифицированных работников сельского хозяйства. Решение этой проблемы упирается не столько в заработную плату (в бюджетной сфере она, по меркам сельских жителей, не маленькая и регулярная), сколько в качество жизни на селе.

Квалифицированные работники, люди, как правило, с высшим или средним специальным образованием, хотят иметь, помимо достойной оплаты труда, реальную возможность приобрести благоустроенное жилье, получить доступное качественное образование для детей, на высоком профессиональном уровне организованный досуг, обустроенные места для отдыха, т.е. иное качество жизни.

Повсюду в качестве главного способа решения проблемы привлечения и закрепления кадров используется государственная поддержка строительства благоустроенного жилья для работников как бюджетной сферы, так и сельскохозяйственных предприятий, в том числе жилья социального найма, общежитий. Но, во-первых, объемы такой поддержки не соответствуют реальной потребности, а во-вторых, средняя стоимость квадратного метра жилья в районах области – около 30 тыс. руб., поскольку требуется жилье благоустроенное, с подведенным газом, водой, канализацией. В этом случае даже 50 м² жилья на семью обойдутся в 1,5 млн. руб. Для молодой семьи это неподъемно даже при более высоких городских зарплатах, а при средней зарплате в сельской местности в 10–15 тыс. руб. такая сумма является заоблачной. Решение кадровой проблемы сельской местности – задача государственная, и в ее основе должна лежать современная жилищная политика. Сейчас ставится вопрос об отработке молодыми специалистами, получившими образование за бюджетные деньги, определенного времени в организациях бюджетной сферы в сельской местности. Вероятно, это справедливо, но при этом необходимым условием является предоставление благоустроенного жилья и заработной платы не ниже средней по субъекту РФ.

Однако для того чтобы молодые специалисты не по принуждению, а сознательно и с желанием ехали работать в сельскую местность и в малые города, этого уже недостаточно. У современной молодежи значительно изменились требования к медицинским, образовательным, культурным услугам, к возможностям проведения досуга. Современным стандартом оказания таких услуг соответствует наличие Интернета и компьютерного обеспечения, современного медицинского оборудования, высокий уровень благоустройства помещений, в которых оказываются государственные и муниципальные услуги. Для работы с таким оборудованием требуется более высокая квалификация работников. Все это неизбежно ведет к значительному увеличению стоимости социальных услуг, оказываемых за бюджетные средства. Рост бюджетных затрат на оказание социальных услуг объясняется еще и тем, что до перехода к рыночной экономике не менее 30% стоимости социальных услуг финансировалось за счет крупных предприятий, в том числе сельскохозяйственных, а в настоящее время они должны покрываться только из бюджета.

Принцип сочетания интересов участников воспроизводственного процесса. Вряд ли у кого-нибудь вызывает сомнение приоритетность проблемы обеспечения продовольственной безопасности страны. Между тем интересы сельхозпроизводителей не находят адекватного отражения в экономической политике государства в отношении развития агропродовольственной сферы, которая не отражает ее современного состояния.

Значительная часть сельской экономики характеризуется доиндустриальным уровнем агротехнологического развития и, соответственно, крайне низкой производительностью труда. Значительная часть сельскохозяйственного производства в Новосибирской области представлена сравнительно небольшим числом крупных сельскохозяйственных предприятий и фермеров при большом количестве занятых в личном подсобном хозяйстве. Во многих районах полностью или почти полностью отсутствуют переработка сельскохозяйственной продукции, а также заготовительно-сбытовая инфраструктура.

Фермеры, индивидуальные предприниматели, а их сегодня существенно больше, чем крупных производителей, оказались изолированными от рынка готовой продукции. Это обусловлено свертыванием деятельности кооперации в заготовке и первичной переработке сельскохозяйственной продукции личных подсобных хозяйств. В настоящее время в некоторых районах пока еще существует торговая потребительская кооперация, которая не сегодня-завтра исчезнет под натиском торговых сетей в связи с объективно более низкой рентабельностью ее деятельности по обслуживанию малых населенных пунктов и отсутствием реальной существенной помощи со стороны органов власти.

Отчуждение сельхозпроизводителей от рынка связано с закрытием в большинстве районов перерабатывающих предприятий (молоко- и маслозаводов, мясокомбинатов, элеваторов). Фермер вынужден везти выращенное зерно на элеватор в Алтайский край, потому что в Новосибирской области такой услуги поблизости либо нет, либо она обойдется из-за транспортных затрат дороже. Кроме того, со вступлением России во Всемирную торговую организацию (ВТО) ужесточились требования к забою скота. Теперь для дальнейшей его переработки требуется промышленный забой, а площадки для этого своевременно не были созданы даже в таких районах, как Убинский, имеющий животноводческую сельскохозяйственную специализацию. В результате районы теряют собственный рынок продовольствия, его место успешно занимают торговые сети. Сельскохозяйственная продукция, выращенная в районе, вывозится на переработку в город, на крупные перерабатывающие предприятия, нередко за 100–300 км, поэтому, например, в Убинском районе мясо для школьных столовых, больниц, детских садов закупается в Карасуке или в Черепаново. При этом в районе остаются только рабочие места в сельском хозяйстве, а более эффективные рабочие места перерабатывающих предприятий перемещаются в город.

Чтобы повысить эффективность сельскохозяйственного производства, необходимо оказывать поддержку и восстанавливать первичную переработку собственной сельскохозяйственной продукции, стимулировать условия взаимодействия крупных и мелких производителей, возрождение полноценной кооперации.

Для повышения эффективности сельской экономики, создания на ее основе достойных условий жизни на селе, государственная и муниципальная политика должны обеспечивать эффективную специализацию сельскохозяйственных товаропроизводителей с учетом местных особенностей и кооперацию крупных и мелких производителей. Ориен-

тация на разрозненные мелкие фермерские хозяйства в малых населенных пунктах района лишь замедляет окончательную деградацию сельскохозяйственного производства в Сибири. Такая политика не в состоянии обеспечить эффективные рабочие места и экономическую базу социального развития сельских поселений.

Конкуренция за рынок продовольствия России со стороны зарубежных стран предъявляет более жесткие требования к качеству производимой продукции и ее себестоимости. В этих условиях экономически выгодны в основном крупные товаропроизводители, оснащенные современной техникой, имеющие диверсифицированные производства, а главное – выход на конечного потребителя. Только в кооперации, прежде всего с крупными высокорентабельными хозяйствами, крестьянско-фермерские и личные подсобные хозяйства способны держаться на плаву и обеспечивать минимально необходимую рентабельность для простого воспроизводства.

Необходимо отметить, что и в развитых странах фермерские хозяйства также не являются высокорентабельными, даже при значительно больших объемах государственной поддержки, развитой транспортной, заготовительной, снабженческой и обслуживающей инфраструктуре.

В советский период роль снабженческо-заготовительной и обслуживающей инфраструктуры личных подсобных хозяйств с успехом выполняли организации потребительской кооперации. Совершенно очевидно, что в условиях слабой заселенности территорий, большого числа малых населенных пунктов, низкой плотности дорог с твердым покрытием, отсутствия реальной государственной поддержки, организации потребительской кооперации значительно сократили свою деятельность, особенно в сфере заготовки, снабжения и переработки. С введением частной собственности на землю и формированием класса мелких товаропроизводителей в сельском хозяйстве роль заготовительных и снабженческих организаций, обслуживающих товаропроизводителей на селе, должна возрасти. Непонимание особой роли инфраструктуры мелкотоварного производства в сельском хозяйстве привело к упадку этой деятельности и значительному спаду производства товарной продукции личных подворий, в то время как в советский период до 30% отдельных видов сельскохозяйственной продукции давали именно личные подсобные хозяйства.

Даже успешным предпринимателям получить кредиты совсем не просто. Со вступлением России в ВТО была уменьшена реальная поддержка сельскохозяйственного производства. В настоящее время субсидия сельскохозяйственным товаропроизводителям не зависит от расходов на повышение плодородия земли (внесенных удобрений, гербицидов) и других реальных затрат, а только от размера самой пашни. Налицо ухудшение условий ведения хозяйства, которое не было скомпенсировано и оказывает дестимулирующее влияние на эффективное ведение хозяйства.

Без активной, своевременной государственной поддержки сельхозпроизводителей, жилищного строительства и инфраструктурного обустройства села перспективы его развития весьма пессимистичны.

Даже этот краткий анализ свидетельствует о том, что в основе инновационного подхода к системе управления на всех уровнях должны лежать законы, учитывающие совокупность известных методологических принципов системы управления.

Павлов В.П.

д.ю.н. профессор Финансового университета

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОММЕРЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, государственное регулирование, коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности, национальные интересы в сфере интеллектуальной собственности.

1. Отсутствие явно выраженной цели правового регулирования как в целом в Гражданском кодексе РФ, так и в части IV, посвященной праву интеллектуальной собственности, привело к подмене публично-значимой цели регулирования постановкой и решением отдельных задач по охране частных интересов. Так, публично значимая цель предпринимательской деятельности: создание материально-технической базы для все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан (ст. 1 ГК РСФСР 1964 г.), подменяется частной задачей – систематическое получение прибыли предпринимателем (ст. 2 ГК РФ 1994 г.). Вместо инструмента реализации выше обозначенной публично-значимой цели – обеспечения равного доступа граждан к культурным ценностям для участия в культурной жизни и пользования результатами научного прогресса и их практического применения, а также защиты моральных и материальных интересов именно автора (ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)², устанавливается юридическая монополия любого правообладателя на извлечение прибыли от коммерческого использования произведения вне зависимости от того, является он автором или нет (ст. 1229 ГК РФ). При этом срок действия этой монополии (исключительного права) составляет для авторских произведений последующий период жизни автора плюс 70 лет после его смерти (ст. 1281 ГК РФ). В нынешних быстро меняющихся условиях жизни и духовных запросов и потребностей граждан эта норма равнозначна установлению бесконечного срока охраны имущественных интересов предпринимателей, поскольку по истечении названного срока произведение теряет свою актуальность и не может приносить прибыль издателю, производителю фонограмм и пр. предпринимателям.

2. Отсутствие формально-логического определения результата интеллектуальной деятельности (РИД), закрытый перечень РИД, данный законодателем в ст. 1225 ГК РФ является основанием для многочисленных споров по поводу признания новых изобретений. Судебная система, вооруженная таким исчерпывающим перечнем не в состоянии будет помочь изобретателю в защите его РИД. Это означает, что новейшие отечественные разработки, формально не подпадающие под названный перечень могут свободно использоваться иностранными предпринимателями в конкурентной борьбе с отечественными.

3. Представленный в Разделе VII ГК РФ перечень прав не включает в себя прав на научные открытия и на защиту против недобросовестной конкуренции, предусмотренных п. (VIII) ст. 2 Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, участником которой является Российская Федерация³. На практике это открывает широкие возможности для экономических диверсий в адрес России со стороны конкурирующих государств путем распространения недостоверной информации о якобы перспективных научных открытиях. Попытки внедрить эти научные направления, требующие огромных финансовых и материальных затрат после упразднения существовавшего в СССР Института государственной регистрации открытий, чреватые ощутимыми экономическими потерями для страны, поскольку достоверность сведений, изложенных в иностранных публикациях данного рода, не подлежит обязательной государственной экспертизе.

4. По формальным признакам не включены в перечень охраняемых РИД произведения народного творчества, которые в результате стали бесплатным источником предпринимательской наживы. В то же время исключительными (смежными) правами наделены предприниматели (производители фонограмм, издатели и пр.), которые не вносят творческого вклада в создание РИД, но наделены монополией на их использование в предпринимательских целях. Безусловно, предпринимательская деятельность названных субъектов требует защиты их инвестиций на период подготовки к изданию авторских произведений. Но законодатель, наделив их исключительными правами, лишает предпринимательскую деятельность в данной сфере одного из главных признаков – рискованного характера (ч. 3 ст. 2 ГК РФ). Обладая юридической монополией на распространение произведений, предприниматель не только минимизирует свои риски, но и в состоянии неограниченно увеличивать прибыль за счет повышения цены на пользующиеся спросом из-

¹ Работа выполнена с использованием нормативно-правовой базы «Консультант-Плюс».

² Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года.

³ Подписана в Стокгольме 14 июля 1967 года и изменена 2 октября 1979 года.

дания, создавая тем самым препятствия к равному доступу граждан к культурным ценностям в нарушение ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

Введение фигуры публикатора (ст. 1339 ГК РФ) т.е. посредника между автором произведения и издателем с наделением его исключительными правами, еще более нарушает реализацию публичного интереса в авторском праве.

5. Иностранное законодательство проводит четкую грань между авторской и предпринимательской деятельностью. Так французское законодательство с 1956 года ограничило число авторских копий скульптурного произведения, на которые распространяется режим льготного налогообложения, восьмью единицами. Изготовление и продажа автором последующих копий подлежит налогообложению как обычная предпринимательская деятельность. Для предотвращения злоупотреблений с 1968 года на каждую отлитую скульптуру должна наноситься дата отлива, а с 1981 году была законодательно закреплена система нумерации авторских копий¹. Отечественный законодатель подобных ограничений не предусматривает.

В статусе автора (ст. 1225 ГК РФ) законодатель совместил два несовпадающих по функциям лица – автора, представляющего обществу созданное им нематериальное благо и предпринимателя, который может неограниченно использовать это благо для извлечения прибыли в частном интересе.

6. Механизмы неэквивалентного обмена результатами интеллектуальной деятельности в нормативных актах Российской Федерации и Всемирной торговой организации.

Опыт развитых стран показывает, что внешнеторговый оборот результатов интеллектуальной деятельности (РИД) является эффективным средством опережающей модернизации технологической базы страны, повышения культуры производства, обеспечения занятости национальных рабочих кадров, лидерства в научных исследованиях.

Торговый оборот РИД осуществляется путем заключения договоров об отчуждении исключительного права и лицензионных договоров (ст. 1233 ГК РФ). В гражданском праве признается равенство участников отношений вне зависимости от их гражданства (п. 1. ст. 1 ГК РФ, п. 1 ст. 2 ГК РФ). Казалось бы, что указанные предпосылки с течением времени должны привести к выравниванию технологического потенциала развитых и развивающихся стран в процессе товарооборота РИД. Однако этого не происходит. Более того, мы наблюдаем неуклонную деградацию промышленности большинства новых стран, которые образовались на территории СССР – бывшего лидера в сфере высоких технологий и освоения космоса. При этом возникает вопрос о нормативно закреплённых на международном и национальном уровне механизмах опережающего развития уже развитых стран по сравнению с развивающимися и со странами с переходной экономикой.

Развитые страны (Евросоюз, США, Япония) и ТНК, базирующиеся в этих странах, реализуют модель развития в рамках правовой базы Всемирной торговой организации, в частности Соглашения о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Основным инструментом реализации этой модели является неэквивалентный обмен с развивающимися странами. Известно, что в условиях свободного конкурентного рынка неэквивалентный обмен невозможен. Поэтому основной задачей сторонников этой модели является устранение свободы конкуренции из сферы своей деятельности. Для решения этой задачи необходимо выполнение двух условий: 1) монополия продавца товаров; 2) монополия покупателя товаров. Развитые страны реализуют оба этих условия. Через систему ТНК, местом базирования головных компаний которых являются Евросоюз и США, в этих странах концентрируются права на результаты интеллектуальной деятельности из дочерних предприятий и зависимых обществ во всем мире.

Действующие в России ТНК осваивают российский рынок не для создания в России высокотехнологичных промышленных предприятий, а для сбыта своей готовой промышленной продукции при недопущении конкуренции со стороны отечественного производителя. Достижению этой цели способствует содержание п. 2 (1) ст. 1358 ГК РФ, согласно которой ввоз на территорию РФ для целей введения в гражданский оборот предмета, в котором использовано изобретение, считается правомерным использованием изобретения. Благодаря этой норме иностранный предприниматель получает российский патент на РИД и вместо того, чтобы организовать в стране патентования современное производство запатентованной продукции с привлечением национальных рабочих кадров, что изначально является целью патентной системы, разворачивает высокотехнологичное производство в своей стране, создает там рабочие места, а прибыль от ее реализации на законных основаниях получает в другой стране (в частности, в России).

Возникает вопрос, каким образом в ГК РФ могла появиться норма, которая противоречит основной доктрине патентного права и национальным интересам страны патентования?

Ключ к пониманию этого явления можно найти в интервью заместителя руководителя рабочей группы по подготовке проекта части четвертой Гражданского кодекса, первого заместителя председателя Совета Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации, заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского: «В качестве консультантов и экспертов в работе над четвертой частью ГК участвовали около двадцати иностранных специалистов. Это юристы из Германии, из Нидерландов, из Австрии, из Соединенных Штатов, из Канады, из Италии. В Германии, в Австрии и в Нидерландах мы проводили консультации в течение нескольких дней в каждой из этих стран»².

Можно предположить, что данная норма заимствована из законодательства ЕЭС в процессе реализации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕЭС (СПС), которое вступило в силу 1 декабря 1997 года на первоначальный срок 10 лет. СПС, который ежегодно с 2007 года продлевается, остается правовой основой отношений между ЕС и Россией до его замены новым соглашением. В рамках единого товарного рынка стран ЕЭС эта норма оправдана тем, что входящие в эту структуру государства в силу исторически сложившейся специализации промышлен-

¹ См. <http://north-palmyra.ru/news/digests/1327>

² Маковский А.Л. О кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Закон. 2006. – Июль.

ленности имеют передовые технологии в ограниченном количестве отраслей. Например, Швейцария в текстильной промышленности и производстве часов, Италия – в лакокрасочной промышленности. Поскольку развитие всех отраслей промышленности на передовом уровне экономически невозможно в рамках этих карликовых по сравнению с Россией государств, оптимальным было решение о ввозном патенте на территории каждого из государств, входящих в ЕЭС. Российский законодатель в условиях, когда страна не является членом ЕЭС, воспринял эту норму и тем самым создал условия для нарушения основного принципа патентного права на своей территории.

Вместе с тем некоторые ТНК, пройдя этот путь в ускоренном варианте, начали создавать в сотрудничестве с российскими партнерами совместные предприятия для разработки проектной документации, производства промышленных образцов, в том числе по товарам серийного выпуска. Это стало особенно характерным для инвесторов в производство электроники и ряда электротехнических товаров. Появился ряд предприятий под 100%-ным иностранным контролем.

80 ТНК, действующих в России, охватывают четырнадцать весьма важных отраслей: электронная и электротехническая промышленность (19 ТНК), автомобилестроение (12), нефтедобыча (9), химия (11), пищевая и пищевкусовая промышленность (7), торговля и прочие услуги (7), фармацевтика (5), промышленность по производству научных приборов, фотоаппаратуры и фотоматериалов (2), тяжелое машиностроение (1), авиа-космическое производство и инновационные услуги (2), транспортное и дорожное машиностроение (1), производство строительных материалов (1), ресторанные услуги (1) и, наконец, производство предметов косметики и личной гигиены (2).

Американские ТНК представлены в 11 из 14 вышеперечисленных отраслей. Особенно их позиции прочны в электронной и электротехнической промышленности – 6 ТНК из 19, а также в нефтедобыче – 4 из 9. Японские ТНК широко представлены в сфере торговых и прочих услуг – 6 из 7, а также в электронной и электротехнической промышленности – 6 из 19, кроме того, японские ТНК обнаружены в российской химии, а также в автомобилестроении.

Предлагая развивающимся странам высокотехнологичную продукцию предыдущего поколения, они закладывают в ее цену неэквивалентный по трудозатратам размер интеллектуальной ренты, которую оплачивает покупатель. Одновременно развитые страны покупают необходимое им сырье и полуфабрикаты по рыночной цене, которая устанавливается в результате конкуренции на внешнем рынке среди поставщиков.

Однако среди стран-поставщиков сырья есть и страны с высоким научно-техническим потенциалом, например, Россия. Эти страны ведут между собой торговлю высокими технологиями по тем сравнительно невысоким ценам, которые могут оплатить покупатели. Таким образом, образуется две параллельные системы товарооборота высокотехнологичной продукции с разным уровнем цен: Одна – России и развивающихся стран, другая между экономически развитыми странами. Обособленность этих систем товарооборота до последнего времени препятствовала неэквивалентному обмену при приобретении Западом высоких технологий у России. Вступление России в ВТО снимает для Запада эту проблему.

Для обеспечения неэквивалентного обмена с такими странами при приобретении Западом высоких технологий в области авиации и космонавтики предусмотрены нормы ВТО. Согласно ст.11,14. ТРИПС от 1995 г. любая третья сторона, например, предприниматели из США или Евросоюза, имеет право требовать продажи ей высокотехнологичной продукции на тех же условиях, на которых уже заключена аналогичная сделка любыми другими лицами.

Действующее законодательство оставляет вопросы государственной регистрации вновь созданных РИД на усмотрение работодателя (п. 4 ст. 1370 ГК РФ). ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» оперирует лишь с зарегистрированными РИД. В результате неполноты нормативного регулирования, остается неохваченным большой массив РИД военного, специального и двойного назначения, государственная регистрация которых нормативно поставлена в зависимость от частных интересов изобретателей и организаций разработчиков, которые не всегда совпадают с интересами государства по вовлечению в легальный оборот этой категории РИД. Отсутствие нормативных гарантий защиты экономических интересов создателей и четкой дифференциации прав участников отношений по использованию РИДВСДН дает негативные результаты. Подконтрольной федеральным органам исполнительной власти остается только некоторая часть РИДВСДН, полученных за счет средств государственного бюджета.

Такое положение дел служит предпосылкой для торгово-посреднической деятельности обладателей частичных прав, со всей совокупностью прав на РИДВСДН. На практике это позволило транснациональным корпорациям запатентовать сотни российских изобретений, применяемых на самых современных образцах военной техники.

Так, в 1997 году корпорация АВВ запатентовала способ изготовления лопаток авиадвигателей, что чревато неожиданным эффектом для российских фирм – разработчиков и производителей двигателей истребителей Сухого «Люлька-Сатурн» и «Салют».

Американская Lohid Corp. обладает правами на изобретенную в России силовую установку для самолета вертикального взлета и посадки.

Французская ТНК Thomson запатентовала способ обработки ответных сигналов вторичной радиолокационной системы самолетов.

Корпорация United Technologies получила в России шесть патентов в области создания беспилотных летательных аппаратов – одного из самых перспективных направлений развития авиатехники.

В целом, по оценке специалистов Федерального агентства по правовой защите результатов интеллектуальной деятельности военного и двойного назначения, масштабы «патентной агрессии» против России достигают огромных размеров. В результате этого Россия сталкивается с весьма серьезными правовыми проблемами при продвижении своего новейшего наукоемкого оружия на мировой рынок.

Анализ соответствующей зарубежной практики показывает, что указанные недостатки правового регулирования устраняются путем создания таких нормативных предписаний, которые не только делают экономически невыгодным для разработчиков утаивание от государственной регистрации созданных ими РИД, но и влекут за собой серьезные имущественные санкции для тех предпринимателей, которые незаконно приобрели сведения о РИД от работников других предприятий.

Например, в США режим секретности распространен на две категории изобретений, раскрытие которых может нанести ущерб национальной безопасности. К первой категории отнесены изобретения, в отношении которых правительство имеет имущественный интерес. В этом случае правительство выступает инициатором сохранения изобретения в тайне. Изобретения, в отношении которых правительство не имеет имущественного интереса, отнесены ко второй категории. Заявки на такие изобретения передаются для изучения Комиссии по атомной энергии, министру обороны и главе каждого другого министерства или правительственного органа, который отнесен Президентом к числу оборонных учреждений Соединенных Штатов. По этим категориям заявок выдача патентов приостанавливается на срок не более одного года, после чего этот срок продлевается еще на один год по ходатайству заинтересованного государственного органа. (§ 181 гл. 17. раздела 35 Свода законов США). Недозволенное раскрытие заявителем или с его ведома другими лицами материалов заявки лишает его права на изобретение (§ 182, 185 гл. 17. раздела 35 Свода законов США). Санкцией за нарушение режима секретности изобретения, применяемой к любому лицу, которое умышленно раскроет сведения о ней, является штраф в размере до 10 тыс. долл., или тюремное заключение на срок до двух лет, или оба наказания одновременно (§186 гл. 17. раздела 35 Свода законов США). В СССР указанные функции выполняло «Управление по охране прав изобретателей и централизованной выплате вознаграждения» при Госкомизобретений СССР, куда любой изобретатель мог обратиться для решения спорных вопросов о выплате вознаграждения, возникших на ведомственном уровне с администрацией предприятия или отрасли.

Активно используются странами Запада и приемы недобросовестной конкуренции. Приглашая ученых из стран СНГ участвовать в конкурсе на финансирование научно-исследовательских работ, организаторы предлагают раскрыть не только программы исследований, но и методологию, технику, технологию. Указанная сводка данных представляет независимую экономическую ценность вследствие своей уникальности. Например, в США в соответствии с «Единым законом о коммерческих секретах», указанная информация в области энергетики, возобновляемых источников энергии относится к коммерческим секретам. Поэтому принимающая сторона согласно Акту об авторском праве США от 1976 г. и разделам 101-810 Кодекса № 17 США, обязана либо заключить письменное соглашение о секретности при передаче автором данной информации, либо предупредить о снятии с себя обязательств по сохранению в тайне представленной информации.

Российский законодатель, указав в п. 1 ст. 1395 ГК РФ на необходимость подачи первоначальной заявки в Роспатент за шесть месяцев до патентования изобретения в иностранном государстве, не предусмотрел никаких санкций к гражданину, нарушившему этот порядок в том случае, если изобретение не является секретным.

Таким образом, пробелы в гражданском законодательстве России создают условия для беспрепятственного присвоения объектов интеллектуальной собственности, что квалифицируется в рамках стран с развитым законодательством, как правонарушение.

Следует отметить, что механизмы недобросовестной конкуренции являются предметом особого внимания стран-участниц ВОИС (Ст.2 VIII Конвенции, учредившей ВОИС 14 июля 1967 г.). Однако ни в принятую в декабре 2006 г. Часть IV ГК РФ, ни во вступившую с 1 октября 2014 г. новую редакцию Части IV ГК защита от недобросовестной конкуренции, как объект правового регулирования, не вошла.

В свою очередь, предприниматели стран-поставщиков сырья, не имея возможности извлекать прибыль из торговых операций на внешнем рынке, используют свое монопольное положение на внутреннем рынке в качестве покупателей товара другого рода – рабочей силы. По подсчетам академика С.Ю.Глазьева отечественный рабочий на 1 рубль заработной платы производит в 4 раза больше продукции, чем в странах Западной Европы. Если же брать в расчет оплату труда рабочих иммигрантов (гастарбайтеров) из стран бывшего СССР, то уровень прибыли будет еще выше.

В соответствии со ст. 7 Конституции, РФ является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. По объему национального богатства мы находимся на первом месте в мире. Однако сырьевая экономика, на которую переориентирована Россия, не может дать более 2–3% темпов роста в год. Как следствие мы наблюдаем дезинтеграцию экономики и деградацию социальной сферы. По оценке А. Зиновьева: «Трансформация России с 1991 г. представляет собой разрушение целостной социальной системы, охватывавшей весь советский период и возникновение на территории России отдельных очагов капитализма, на общем фоне натурального способа производства периода феодализма, в который отброшена вся страна»¹. Этот сценарий полностью вписывается в перспективы реализации западной модели с золотым миллиардом во главе и расчленением России на три независимых государства.

Таким образом, провозглашенный правительством переход на инновационную модель развития требует первоочередного устранения противоречий и пробелов в ГК РФ, создающих условия для реализации неэквивалентного обмена в торговле РИД с иностранными партнерами.

¹ Зиновьев А. Запад. – М.: Центрполиграф, 2000. – С. 122–124.

Панзабекова А.Ж.¹

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СТРАНАХ ЕАЭС

Ключевые слова: коррупция, законодательство, антикоррупционная стратегия, противодействие коррупции.

Keywords: corruption, legislation, anticorruption strategy, fighting corruption.

Коррупция является глобальной проблемой мирового сообщества и угрозой современной цивилизации, поскольку препятствует нормальному функционированию и социально-экономическому развитию общества. Коррупция как социальное явление в том или ином объеме проявляется в любой стране, обостряя все возрастающие противоречия в отношениях между гражданским обществом и государством, особенно в условиях развития рыночных отношений.

Анализируя современную ситуацию развития коррупции в мире можно прийти к выводу, что проблема коррупции является одним из злободневных вопросов для большинства стран мира. Так, согласно «Индексу восприятия коррупции-2014» сегодня 70% стран имеют серьезные проблемы, связанные с коррупцией. При этом острота проблемы коррупции существенно отличается в региональном разрезе. Так, в Америке 66% стран имеют уровень восприятия коррупции ниже 50 баллов. Наиболее высокую позицию в рейтинге занимает Канада с индексом 81–10 место, низшую – Гаити (19) – 161 место.

В Азии и Океании 64% стран имеют индекс ниже 50 баллов. Наименее развита коррупция в Новой Зеландии (91) – 2 место, самые низкие позиции у Афганистана (12) – 172 место и Северной Кореи (8) – 174 место.

В Восточной Европе и Центральной Азии 95% стран относятся к группе с высоким уровнем коррупции. Можно считать, что коррупция является фактором, сдерживающим рост экономического потенциала этого региона, а тесная система взаимоотношений ограничивает эффект антикоррупционных усилий. Высокий уровень коррупции в регионе – в Узбекистане (18 баллов, 166 место) и Туркменистане (17 баллов, 167 место).

В Европейском Союзе и Западной Европе более 20% стран имеют высокий уровень коррупции. Лидером по индексу восприятия коррупции выступает Дания (92 балла, 1 место), замыкает список Греция – (43 балла, 69 место).

Ближний Восток и Северная Африка. Здесь более 80 % стран имеют индекс восприятия коррупции ниже 50 баллов. Наименее коррумпированная страна – ОАЭ (70 баллов, 25 место). Замыкает эту группу Судан (11 баллов, 173 место).

Субэкваториальная Африка. 90% стран имеют индекс восприятия коррупции менее 50 баллов. Возглавляет группу Ботсвана (63 балла, 31 место), а замыкает Сомали – (8 баллов, 174 место).

Наличие обширного массива данных о коррупции позволяет сделать вывод о том, что страны, относящиеся к одной модели развития коррупции с равными экономическими условиями, схожими культурными традициями, могут иметь как низкий, так и высокий уровень коррупции (табл. 1).

Таблица 1

Модели восприятия коррупции

Показатели	Европейская модель	Азиатская модель	Африканская модель	Латиноамериканская модель
Уровень коррупции	Относительно невысокий, почти отсутствует	Высокий	Высокий	Высокий
Особенности	Институциональные, организационные и правовые превентивные меры, традиции, культура, развитые институты гражданского общества.	Тотальный контроль государства над всеми сторонами жизни, привычное культурное и экономическое явление	Власть экономических кланов и олигархий	Власть теневого и криминального сектора, противостояние государства, антикоррупционная борьба
Индекс восприятия коррупции-2014				
Высокая прозрачность (индекс 51-100)	Дания (92), Финляндия (89)	Сингапур (84), Япония (76), Южная Корея (55) Малайзия (52)	Ботсвана (63)	Уругвай (73), Чили (73)
Высокая коррупция (0-50)	Греция (43), Италия (43)	Афганистан (12), Узбекистан (18), Туркменистан (17)	Сомали (8) Судан (11), Чад (22), Уганда (26)	Бразилия (43), Гондурас (29) Гаити (19), Венесуэла (20)

Примечание: таблица составлена по данным Центра гуманитарных технологий. – <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index>

¹ Панзабекова Аксана Жакитжановна – к.э.н., доцент, заместитель директора по международному сотрудничеству и внедрению Института экономики КН МОН РК. E-mail: aksanat@mail.ru

В литературе принято выделять четыре наиболее ярких модели восприятия коррупции, каждая из которых основана на общности системы признаков, характерных для соответствующих групп стран. К таким моделям относятся: азиатская, африканская, латиноамериканская, европейская.

Для азиатской модели характерно отношение общества к коррупции как к привычному явлению, обусловленному культурными традициями и экономической необходимостью, приемлемому для всей структуры государственного управления и всех слоев населения. В рамках данной модели коррупция не воспринимается как явление противозаконное и зачастую расценивается как атрибут функционирования государства.

Африканская модель отличается тем, что здесь превалирует клановый подход, при котором власть продается группе основных экономических кланов, которые договариваются между собой о разделе сфер влияния и контроля и затем, путем применения политических мер и средств, удерживают эти сферы и обеспечивают надежность их существования и функционирования.

Для латиноамериканской модели важным является определение наиболее сильных и влиятельных теневых секторов экономики, а также криминальных авторитетов. При этом названные два нелегальных вектора находятся в состоянии постоянного соперничества и конкуренции не между собой, а между государственным сектором экономики и легальными политическими силами. Как считают криминологи, таким образом создается «матрешка», где верхняя оболочка – это официальное государство со всеми атрибутами власти, а под нею – криминальное формирование, нелегальное теневое «государство», претендующее на занятие ключевых позиций на политическом и экономическом полях жизни и деятельности страны.

Европейская модель характеризуется относительно невысоким уровнем коррупции при почти полном отсутствии низовой коррупции. Низкий уровень коррупции поддерживается комплексом мер – институциональных, организационных, правовых наряду с эффективным действием традиции, культуры и институтов гражданского общества. Следует подчеркнуть, что страны, в которых реализуется эта модель, проходят, как правило, этап исторического развития, характеризующийся весьма высоким уровнем коррупции.¹

Страны ЕАЭС сложно отнести к той или иной модели восприятия коррупции, можно говорить лишь об определенном синтезе ранее приведенных моделей, что связано со множеством причин локального свойства. В международных индексах коррупции страны ЕАЭС традиционно относятся к высококоррупцированным. Так, согласно исследованиям Transparency International в 2014 г. Армения занимала 94 место, Белоруссия – 119, Казахстан – 126, Россия – 136 из 175 стран мира (табл. 2). Данные показатели, безусловно, подчеркивают актуальность, остроту проблемы для стран ЕАЭС.

Таблица 2

Индекс восприятия коррупции в странах ЕАЭС, 2012–2014 гг.

Страны	2012 г.		2013 г.		2014 г.	
	Место	Индекс	Место	Индекс	Место	Индекс
Армения	105	34	94	36	94	37
Белоруссия	123	31	123	29	119	31
Казахстан	133	28	140	26	126	29
Россия	133	27	127	28	136	27

Примечание: таблица составлена по данным Центра гуманитарных технологий. – <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index>

Все страны, входящие в ЕАЭС, находятся приблизительно на одном уровне институционального развития. Слабыми местами институциональной среды в странах ЕАЭС остается независимость судебной системы, надежность услуг полиции, фаворитизм в решениях государственных органов, организованная преступность. Для институтов характерно усиление бюрократии и коррупции, значительная доля теневой экономики, разрыв между правовыми нормами и социальной практикой.

В условиях нестабильности институциональной среды, формируемой вне зависимости или в нарушение формальных институтов, созидательный потенциал приобретает иные формы и развивается в соответствии с системой антисоциальных ценностей. Нестабильность институциональной среды и возможность нарушать границы институциональных норм является благоприятной средой для коррупции. Развитие коррупции может стимулироваться или ограничиваться институциональной средой, сформировавшейся и развивающейся в этой среде системой институтов.

Изучение зарубежного опыта формирования антикоррупционного правосознания является одним из важнейших направлений получения информации о том, какими средствами, методами, в каких формах возможно создать обстановку нетерпимости к коррупции и снизить уровень коррупционной преступности государства. Изучение и учет практики зарубежных стран позволяют избежать ошибок, противоречий в антикоррупционной деятельности и выбрать правильные подходы в стратегии борьбы с коррупцией.

Значение зарубежного опыта противодействия коррупции на государственной службе, включающего разнообразные по своему содержанию меры для решения задачи формирования антикоррупционного правосознания государственных служащих, обусловлено тем, что правосознание – это особый правовой феномен, который развивается под влиянием комплекса разносторонних факторов, включающих особенности исторического развития страны, специфику

¹ Качкина Т.Б., Качкин А.В. Коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей: учебное пособие. – Ульяновск: Печатный двор, 2010. – С.101.

функционирования институтов государства, целенаправленную деятельность по формированию антикоррупционного мировоззрения и сознания, социальную обстановку. Процесс его формирования предполагает воздействие на личность и общество в целом с разных сторон, затрагивающих устранение правовых, социальных, экономических, духовно-нравственных и других причин и условий коррупции.

Как показывает зарубежный опыт, формирование антикоррупционного правосознания в основном происходит в двух направлениях: формирование антикоррупционной правовой идеологии; формирование антикоррупционной правовой психологии.

Антикоррупционная правовая идеология – это совокупность взглядов о коррупции как негативном социальном явлении, который заключается в злоупотреблении служебным положением государственными служащими, подкупе должностных лиц госслужбы для принятия ими противозаконные решения. Антикоррупционная правовая психология – совокупность чувств, эмоций, переживаний, настроений, привычек, определяющих негативную оценку коррупции и являющихся основой правомерного поведения¹.

Опыт зарубежных стран свидетельствует об эффективности применения в борьбе с коррупцией мер антикоррупционного правосознания. Так, например, в Китае с целью формирования правовой идеологии среди госслужащих, на регулярной основе проводятся специальные занятия путем использования разных психологических приемов, упражнений². Эти занятия способствуют формированию самодисциплины по борьбе с коррупцией. Целесообразно внедрять такую практику и в странах ЕАЭС, адаптируя программы таких занятий к нашей культуре. На наш взгляд, методы формирования правовой идеологии не должны ограничиваться такими методами, также необходим охват простых граждан для того, чтобы у них выработалась установка «не давать взятки». Также необходимо внедрять дополнительные учебные дисциплины по формированию правовой идеологии для студентов факультетов государственного и местного управления.

Уровень развития коррупции в странах ЕАЭС свидетельствует о слабом развитии правовых антикоррупционных установок граждан. Коррупция в наших странах воспринимается как обыденное явление, как неотъемлемая составляющая современного общества. Необходимо отметить, что возраст, уровень образования, социальное окружение и социальный статус определяют в большей степени отношение человека к коррупционным правонарушениям.

В настоящее время очень опасным моментом является то, что молодежь, воспитанная в эпоху культурных и экономических кризисов девяностых годов XX века, не только наиболее спокойно относится к коррупции, но и активно участвует в совершении коррупционных деяний. Распад Советского Союза, крушение прежней достаточно четкой и жесткой идеологии, нестабильная политическая и экономическая ситуация привели к сдвигу морально-нравственных принципов в обществе, и, соответственно, к деформации правосознания вообще. А недоверие к властям вылилось в неприятие или даже отрицание народом принимаемых ими нормативных правовых актов. В связи с этим обстоятельством у граждан постсоветских стран развился стойкий правовой нигилизм. В свою очередь у детей, воспитанных гражданами постсоветских стран, наблюдается совершенно лояльное отношение к коррупции. Так, например, результаты социологического опроса, проведенного казахстанскими исследователями среди учеников старших классов, свидетельствуют о том, что 23,8% школьников рассматривают проявление коррупции в сфере государственной службы как традиционно нормальное явление (рис. 1). Данный показатель является достаточно высоким и косвенно указывает на лояльное отношение к самому явлению коррупции, а также как следствие, на возможность коррупционных действий со стороны учащихся.

Полученные данные свидетельствуют о том, что большая часть школьников видит проблему коррупции в отсутствии необходимого контроля и наказания, что в определенной степени является следствием несформированного правосознания. Социологическое исследование было намерено проведено в отношении школьников старших классов, возраст которых составлял 16–18 лет, поскольку по данным научной литературы формирование нравственного самосознания личности происходит в основном до 14 лет, правосознания – до 18 лет.

Очевидно, что одной из важнейших задач государственной антикоррупционной политики является задача по коренному перелому общественного сознания, формированию в обществе атмосферы жёсткого неприятия коррупции. Решение этой задачи обеспечивается, прежде всего, путём формирования антикоррупционного мировоззрения и сознания. При этом, как свидетельствует зарубежный опыт, основным фактором, непосредственно влияющим на формирование антикоррупционного мировоззрения и сознания, является образование и воспитание.

Важной составляющей в формировании антикоррупционного мировоззрения является использование потенциала воспитательной работы. Для формирования антикоррупционного мировоззрения в образовательных учреждениях необходимо систематически проводить такие мероприятия, как: классные часы, беседы, лекции, диспуты, дискуссии на темы противодействия различным формам коррупции в повседневной жизни; деловые игры; обсуждение на уроках и факультативных занятиях проблем, связанных с гражданственностью и патриотизмом, понятиями морали и нравственности.

Педагогами и психологами отмечается эффективность включения вопросов борьбы с коррупцией в курс «нравственного воспитания». Такая инициатива может быть основой для включения вопросов антикоррупционного образования в национальную учебную программу или внеклассную работу. Кроме того, компоненты антикоррупционного

¹ Чушкина А.А. Зарубежный опыт формирования антикоррупционного правосознания военнослужащих // Современное право. 2012. – № 1. – С. 16–20.

² Коррупция в мире. Как борются со злом в Китае, Гонконге и Сингапуре (ч. 1). – // <http://www.corrupcia.net/aboutnews/item-148.html>

воспитания могут быть включены в различные предметы, такие как «История», «Психология», «Политология», «Экономика», «Государственное управление», «Этика» и т.д.

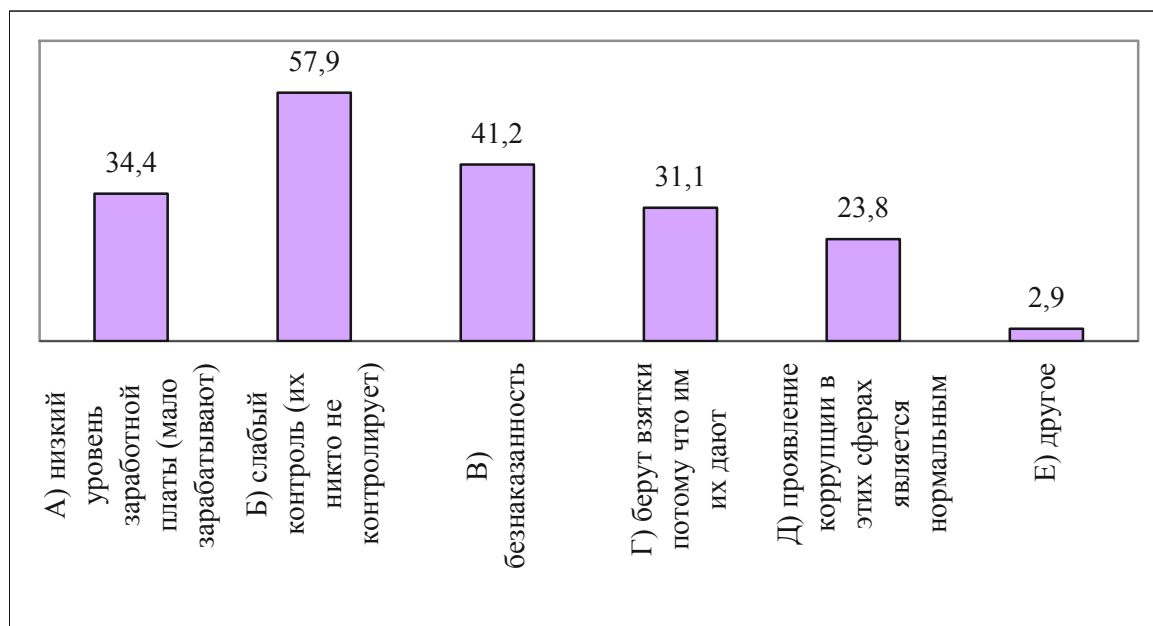

Рисунок 1.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Почему именно для государственных служащих наиболее характерно проявление коррупции?»¹

В этой связи, требуется законодательное закрепление антикоррупционного образования, как одна из мер противодействия коррупции, которая позволит выработать комплексный подход по формированию антикоррупционного правосознания, предусмотреть соответствующие мероприятия в областных целевых программах и, как следствие, повысить эффективность механизма противодействия коррупции.

Борьба с коррупцией через систему образования может способствовать формированию знаний и навыков для противодействия коррупции, возможности противостоять этому явлению, развитию знаний людей о своих правах и обязанностях для сохранения общественного блага. Исследования и опросы педагогов, проведенные Transparency International, показывают, что педагоги активно разрабатывают ролевые сценарии, предлагают для обсуждения реальные примеры из жизни о том, где в своей повседневной жизни учащиеся и взрослые могут столкнуться с проявлениями коррупции.

В этом отношении интересен опыт реализации проекта «Образование против коррупции», инициированного Международным консорциумом РКМЧП (Развитие критического мышления через чтение и письмо) при поддержке Института Открытого Общества и Фонда ZUG. Данный проект реализовывался в таких странах как Литва, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Кыргызстан, Косово, Румыния, Россия, Украина.

В рамках проекта были созданы национальные команды, проведен ситуационный анализ потребностей в антикоррупционном образовании, разработаны программы формального и неформального образования, разработан пакет информационных ресурсов (гlossарий основных понятий и терминов, статьи, примеры уроков и т.д.). Участникам проекта были предоставлены пакеты различных антикоррупционных материалов на английском и русском языках, подготовленные такими организациями, как Всемирный банк, ЕС, ПРООН, OSI, Transparency International, Министерство образования и науки Литовской Республики, Национальный центр экспертизы Литвы, а также разработки уроков и методические рекомендации.

Около 750 педагогов и 200 школьных администраторов из пилотных школ были вовлечены в проект. Были проведены тренинги по методам повышения осведомленности о коррупции, представлены возможности антикоррупционного образования и молодежных инициатив в школе. Педагогам представлены возможности интеграции темы борьбы с коррупцией в образование на уровне предметного обучения и внеклассной деятельности. В работу проекта были вовлечены социальные партнеры (члены школьного самоуправления и попечительские советы, неправительственные организации). Социальные партнеры приняли активное участие в мероприятиях по распространению идей проекта через проведение дебатов, встреч, дискуссий, презентаций, конференций².

Наиболее активно работа по внедрению программ по антикоррупционному воспитанию осуществляется в Литовской республике. Литва инициировала ряд международных проектов по антикоррупционному образованию и воспитанию. В эти проекты были вовлечены образовательные учреждения, местные сообщества, органы государственного управления и некоммерческие общественные организации.

¹ См.: Мировой опыт борьбы с коррупцией и возможности его применения в Казахстане (нелинейные способы противодействия коррупции, профилактика, поощрение чистоты государственной службы) / Отчет по НИР. Институт экономики КН МОН РК, рук. А.Ж. Панзабекова. – Алматы, 2014.

² Антикоррупционное образование в мире. – www.k-obr.spb.ru/downloads/433/7.doc

Сокращение коррупции во многом зависит от упрочения демократических ценностей, способствующих становлению правового государства и гражданского общества, адекватных норм их взаимодействия. Исследование Всемирного банка показало, что в среднем 10–15% населения любой страны законопослушны и приблизительно такое же количество людей отличается антиобщественными наклонностями. Остальные – носители промежуточных медиальных свойств. Они адаптируются в зависимости от того, какая социальная среда превалирует в обществе. Если слабы демократические институты, доминируют теневые отношения, процветает коррупция, в социуме проявляют активность лица антиобщественного склада и промежуточное большинство поддерживает их¹.

Формирование антикоррупционного правосознания в зарубежных странах осуществляется в рамках политических курсов по противодействию коррупции. Культура и менталитет нации, политические, экономические и иные условия определяют выбор руководством государства стратегии борьбы с коррупцией. Формирование антикоррупционного сознания и правовой культуры должно быть системным, целенаправленным и непрерывным процессом. Начинать противостояние коррупции надо именно с изменения сознания, вернее, с формирования сознания как будущих управленцев, которые будут определять основную линию развития страны, так и простых граждан, которые будут противостоять административной нечестности управленцев, не поддаваясь на попытки институализировать неформальные отношения в сфере оказания государственных и иных услуг. Среди мер по формированию антикоррупционного правосознания в зарубежных государствах, имеющих первостепенное значение и дающих наибольшие положительные результаты, можно выделить несколько групп, которые включают: законодательное обеспечение противодействия коррупции; сбалансированную систему правовых ограничений и запретов; меры по антикоррупционному обучению и пропаганде (реализация учебных программ, система дополнительного образования и внеурочной работы); стимулирование участия общественности в борьбе с коррупцией и т.д.

Международные исследования коррупции доказывают, что коррупция искоренима, о чем свидетельствуют примеры Малайзии и Сингапура, которые за короткое время смогли снизить уровень коррупции. Благодаря этому Сингапуру удалось возглавить рейтинг стран по благоприятности условий для ведения бизнеса, что привело к притоку иностранных инвестиций. Это только один выразительный пример успешного опыта борьбы с коррупцией косвенными методами.

Однако в современном обществе недостаточно преподнесение проблемы коррупции лишь в нравственной плоскости. На наш взгляд, нужно обосновать разрушительные последствия коррупции, её отрицательное влияние на общество и экономику, смысл пресечения и предупреждения коррупции. Также необходимо активно вовлекать средства массовой информации для массовой пропагандистской кампании по борьбе с коррупцией.

Как известно, есть две формы участия простых людей в борьбе с коррупцией: пассивная и активная. Суть первой формы заключается в том, чтобы «просто не давать взятку». Теоретически это возможно, на деле же это могут себе позволить только известные компании и влиятельные люди. Вторая форма выражается в жалобах в соответствующие органы на вымогателей. Вторая форма в наших странах не развита в силу менталитета: жалоба обществом воспринимается как «донос». Это является результатом недоверия к правоохранительным органам, влияния криминального мира, где «стучать западло», нежелания простых граждан брать на себя ответственность.

В этом плане от нас сильно отличаются западные страны. То, что у нас принято называть «доносом», у них воспринимается как исполнение гражданского долга. Внедрение такого опыта в странах ЕАЭС будет равносильно внедрению цивилизованного, европейского правосознания и отношения к законодательству. Это следовало бы отразить в образовательных программах.

В некоторых странах предоставление информации о коррупционных явлениях материально стимулируется. К примеру, законодательством США предусмотрено материальное поощрение «доносчиков» по следующей схеме: а) в случае подтверждения информации доносителя, он получает вознаграждение в размере 15–20% от суммы взятки или стоимости федеральной собственности, переданного незаконным путем; б) если доноситель предоставит всю необходимую детальную информацию о факте коррупционного преступления, то он получает 25–30% от суммы взятки или стоимости федеральной собственности, переданного незаконным путем². Однако применение такого механизма в практике наших стран является весьма спорным. На наш взгляд, этот опыт не применим в странах ЕАЭС, так как специфика правового статуса госслужащего как публичного лица не позволяет этого.

Упрощение режима сообщений о нарушениях закона является существенным психологическим фактором. К примеру, в Финляндии, где самый низкий уровень коррупции, в любом общественном месте на видных местах вывешены адреса и телефоны служб, куда следует немедленно сообщать в случае подвержения вымогательству со стороны чиновника. Не требуются письменные заявления, сообщения и звонки совершаются и анонимно.

В Южной Корее, которая является примером «культуры прозрачности», действует программа «OPEN» – система контроля в режиме онлайн за рассмотрением заявлений граждан чиновниками в рамках национальной антикоррупционной программы. Кроме того здесь проводится исследовательская деятельность по проблеме восприятия коррупции гражданами и государственными служащими для выработки лучших мер по борьбе с коррупцией.

В Финляндии коррупционеров включают в «черные списки», что в будущем не позволит им продвигаться по государственной службе.

Применительно к странам ЕАЭС необходимо сформировать новую модель кадрового отбора чиновников, которая бы стала результатом работы социальных лифтов – открывала бы возможности для профессионалов своего дела,

¹ Сюсяйло О.Н. Исследование коррупции как вида отклоняющегося поведения. – <http://www.m.nayka.com.ua/?op=1&j=derzhavne-upravlinnya-udoskonalennya-ta-rozvytok&s=eng&z=493>

² Мирошниченко Д.В. Уголовно-правовое воздействие на коррупцию. – М., 2010. – С. 164.

разрушала бы тепличные условия для разного рода дельцов, членов семьи и друзей нанимателя. Нужна новая модель поведения гражданина, которая позволила бы преодолеть инфантильность граждан в вопросах борьбы с коррупцией. Нужно ещё раз обратить внимание на крайне важный фактор формирования института политической конкуренции, поскольку именно этот институт является наиболее важным и стимулирующим при формировании антикоррупционных отношений.

Необходимо построение кадровой политики на основе систематической ротации, исключающей пребывание в одной должности лица более 5–7 лет. При этом ротация не означает круговорота одних и тех же лиц, как это зачастую имеет место в государствах постсоветского пространства. Политическая элита, государственный аппарат управления таким образом демонстрируют свою сплоченность в личных интересах и нежелание впускать кого-либо нового в привычный круг людей, где, как правило, каждый из них неофициально замечен в коррупционных правонарушениях.

Таким образом, зарубежный опыт свидетельствует, что сегодня противостоять коррупции можно посредством применения комплекса мер и механизмов, охватывающих правовые, административные, экономические, информационные инструменты. Главный акцент должен быть сделан на условия и причины возникновения данного явления, т.е. на использование мер предупреждения коррупционной преступности. В этой связи изучение и анализ мирового опыта имеет особое значение для выявления и использования «лучших практик» в борьбе с коррупцией в странах ЕАЭС. В то же время комплекс методов по борьбе с коррупцией, принимаемых каждой страной, уникален и зависит не только от политической и экономической стабильности, но и от обычаев и традиций, а также от площади занимаемой территории, плотности, численности населения и доминирующей религии.

Поэтому простой перенос зарубежной модели на национальную почву не является эффективным. При формировании государственных антикоррупционных стратегий следует учитывать отдельные методы и меры борьбы с коррупцией, а также практику реализации уже принятых решений с целью совершенствования механизмов противодействия коррупции.

Перчинская Н.П.

к.э.н., в.н.с. Национального института экономических исследований, Республика Молдова
natperch@yahoo.com

Додон С.В.

аспирант Национального Института Экономических Исследований, Республика Молдова
dodon.svetlana@yahoo.com

ПРИВАТИЗАЦИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)

Ключевые слова: *приватизация, государственный бюджет, коррупция, Республика Молдавия.*

Приватизация является методом перераспределения активов и функций из государственного сектора в частный сектор. В новейшей истории приватизация была принята многими различными политическими системами и распространилась во всех регионах мира. Процесс приватизации может быть эффективным способом достижения фундаментальных структурных изменений по формализации и установлению прав собственности, которые непосредственно создают сильные личные стимулы.

Приватизация применяется широко странами с переходной экономикой, которые подвергаются комплексу структурных преобразований, предназначенных для разработки рыночных институтов. Они включают в себя либерализацию экономики, цены устанавливаются под воздействием рыночных сил, а не центральной организацией планирования. В дополнение к этому снимаются торговые барьеры, происходит реструктуризация предприятий и финансового сектора, таким образом, стимулируется макроэкономическая стабилизация и движение частного капитала. Процесс перехода обычно характеризуется изменением и созданием принципиально различных правительственных учреждений и стимулированием привлечения частных предприятий, рынков, независимых финансовых институтов.

Свободная рыночная экономика в значительной степени зависит от четко определенных прав собственности, благодаря которым люди делают индивидуальные решения в своих собственных интересах. Значимость прав собственности была акцентирована экономистом Эрнандо де Сото, который утверждал, что свободная рыночная экономика генерирует рост, потому что широкое распространение прав формальной собственности обеспечивает массивный недорогой обмен, способствуя тем самым специализации и повышению производительности¹. Наряду с созданием сильных стимулов, которые стимулируют производительность, приватизация может повысить эффективность, обеспечить финансовую помощь, поощрить более широкое применение прав собственности, а также повысить доступность кредитов для частного сектора.

Современная идея приватизации как метод экономической политики была реализована впервые Федеральной Республикой Германии в 1957 году, когда правительство продало контрольный пакет акций концерна «Фольксваген» частным инвесторам. Следующий большой шаг в приватизации пришёлся на 1980-е годы: Маргарет Тэтчер провела приватизацию «Телеком Британия», имела место и приватизация крупных банков во Франции. Позднее приватизация распространилась и на другие континенты и конкретные страны – Японию и Мексику – приватизация государственных предприятий связи.

Падение коммунистического режима в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза содействовало мировому процессу приватизации. В последнее время Китай, Куба, а также многие другие развивающиеся страны приступили к реализации приватизации с целью стимулирования своего экономического роста².

Существует много теоретических, экономических выгод, связанных с процессом приватизации. Один из главных стимулов приватизации – убеждение в необходимости уменьшения вмешательства государства в экономику, основанное на представлении об избыточности государственного сектора и его чрезмерной бюрократизации. Многие страны склоняются к реструктуризации с целью повышения эффективности, которая может быть достигнута за счет приватизации.

Частный сектор реагирует на рыночные стимулы, в то время как государственный сектор часто имеет неэкономические цели. Другими словами, государственный сектор не очень мотивирован максимизировать производство и эффективно распределять ресурсы, что приводит правительство к высоким расходам и низким доходам на предприятиях.

¹ Сото Э. де. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире: [Исслед. нелегал. экономики в Перу: / Пер. с англ. Б. Пинскер; авт. введ. М.В. Льюса]. 1995.

² Пул Р.В. Приватизация экономического развития. Процесс приватизации. 1996. – С. 1–18.

Приватизация смещает акцент с политических целей на экономические, что приводит к развитию рыночной экономики¹. В результате приватизации роль государства в экономике снижается, таким образом уменьшаются шансы правительства негативного влияния на экономику.

Наряду с созданием стимулов приватизация даёт право собственности для большей доли населения. Учитывая уровень установленных прав собственности, люди получают мотивацию к труду, к инвестированию в свою собственность, поскольку они непосредственно вознаграждаются за свои усилия. Кроме того приватизация приводит к увеличению прямых иностранных инвестиций, которые потенциально могут быть существенным фактором экономического роста.

Иностранные инвестиции приносят положительные результаты – получение перспективных технологий, лучших управленческих навыков, доступ к международным производственным сетям².

Методы приватизации

Страны мира используют различные методы приватизации государственных активов в зависимости от начальных условий экономики страны и экономических идеологий политических партий. Процесс приватизации часто легко осуществляется для мелких предприятий, однако он становится сложнее, когда речь заходит о поиске соответствующих покупателей для крупных предприятий.

Одним из основных методов приватизации является *продажа государственных предприятий частным инвесторам*. Государство должно просто решить, какие учреждения должны быть приватизированы, и за счет использования каких рыночных механизмов частные инвесторы могут приобрести акции конкретной фирмы. Выгода от этого метода приватизации состоит в получении необходимых доходов для государства, одновременном переходе приватизированных предприятий в руки инвесторов, имеющих стимулы, средства инвестирования и реструктуризации. Данный метод с успехом использовала Ямайка в приватизации своего Национального Коммерческого Банка за счет продажи акций отечественных инвесторов. Несмотря на слабо развитый финансовый рынок правительство Ямайки эффективно приватизировало этот банк менее чем за три месяца, количество акционеров на Ямайке увеличилось в пять раз. Крупнейший в стране банк оказался в руках частного сектора, который сейчас отвечает рыночным условиям.

Другой широко используемый метод приватизации был известен как *ваучерная приватизация*. В соответствии с данным методом правительство повсеместно обеспечивает граждан ваучерами, которые могут быть проданы другим инвесторам или обменены на акции других организаций при приватизации. Хотя этот метод не приносит доходов для государства, однако он помогает приватизировать государственные предприятия в течение короткого периода времени. Многие страны, в том числе Канада и Россия, использовали на практике данный метод. Наиболее известная программа ваучерной приватизации была разработана в Чешской Республике, где из-за угрозы возвращения коммунистической партии, правительство решило осуществить быстрый процесс приватизации. В этой стране за символическую цену были проданы гражданам ваучеры, которые имели возможность претендовать на долю в конкретной фирме или инвестировать в недавно созданные инвестиционные фонды. Цель инвестиционных фондов заключалась в консолидации ваучеров, устранения риска для граждан, мотивирования реструктуризации предприятия. В Чешской Республике была проведена массовая ваучерная приватизация. Однако хотя большая часть государственных предприятий была приватизирована в течение короткого периода времени, в целом процесс не считался успешным из-за отсутствия институциональных изменений, неразвитости экономической, а также слабого развития банковского сектора³.

Внутренняя приватизация является еще одним способом приватизации. Государственные предприятия продаются менеджерам (по очень низкой цене), знакомым со спецификой конкретной фирмы и её структурой. Здесь предусмотрены минимальные доходы для государства. Этот метод создает определенные стимулы, но стимулы гораздо сильнее, когда предприятия продаются стратегическим инвесторам. Новые владельцы часто не имеют необходимых ресурсов для инвестирования и реструктуризации.

Словения известна своим внутренним процессом приватизации. Здесь значительная часть государственных активов была распределена между государственными институциональными инвесторами (в частности, пенсионными фондами), в то время как остальная – продана работникам. Этот процесс привел к отсутствию стратегических инвесторов, что и привело к ограниченному успеху приватизации в Словении.

Приватизация в Венгрии. Венгрия была страной с наибольшим долгом в регионе (в пересчете на душу населения) и, следовательно, хотела реализовать быстрый процесс приватизации, что увеличило бы государственные доходы. Правительство открыло продажу государственных предприятий стратегическим инвесторам, в том числе иностранным. Результатом стал приток иностранного капитала, который привел к необходимым технологическим улучшениям и повышению конкуренции. Банковский сектор был главной мишенью иностранных инвесторов. Всемирный банк объяснил хороший экономический рост в Венгрии во второй половине прошлого десятилетия избранным способом приватизации. В таких странах как Аргентина, Мексика и Перу доходы от приватизации были основным источником бюджетных доходов. Однако вместо того, чтобы использовать полученные для сбалансирования текущего бюджета, страны использовали их для погашения задолженности⁴.

¹ Пул Р.В. Приватизация экономического развития. Процесс приватизации. 1996. – С. 1–18.

² Всемирный банк. Первые десять лет: Анализ и уроки для Восточной Европы и бывшего Советского Союза. – Вашингтон: Всемирный банк, 2002.

³ Там же.

⁴ Там же.

Приватизация в Республике Молдова началась после длительного периода подготовки. Учредительным документом программы реформы собственности стал закон о приватизации, принятый в июле 1991 года. В марте 1993 года была утверждена программа массовой приватизации, нормативно-правовую базу которой составили более 50 законов и законодательных актов.

Согласно принятой Европейским банком реконструкции и развития классификации моделей последовательной массовой приватизации постсоциалистических стран («российская», «армянская», «литовская», «чехословацкая», «польская») Республика Молдова относится к странам, использовавшим чехословацкую модель. К этой группе относятся Болгария, Греция, Румыния, Словакия, Молдова, имеющие схожие условия осуществления процесса массовой приватизации, а именно:

- *приватизация осуществлялась в основном за боны народного достояния (БНД), которые были зарегистрированы, но их продажа запрещалась.* Они выдавались согласно схеме распределения по стажу работы. Передача могла осуществляться только между родственниками или после смерти. Участниками процесса приватизации в республике стали 3,1 млн. граждан или 89% владельцев БНД. Из них 2,6 млн. подписались на акции 1139 средних и больших предприятий и около 500 тысяч приняли участие в приватизации 1096 малых предприятий на аукционе с молотка и открытых конкурсах¹.

- *граждане могли инвестировать свои боны только через приватизационные инвестиционные фонды (ПИФы),* прямое инвестирование было невозможным. Осуществлению программы массовой приватизации в очень короткие сроки предшествовало создание инфраструктуры приватизации – 43 инвестиционных фондов и 10 трастовых компаний, посредством которых было вложено 65% выданных гражданам Республики Молдова БНД и приватизировано собственности стоимостью 1,214 млрд. леев в ценах на 01.01.1994 г.

В процессе инвестирования бонов народного достояния приватизационные инвестиционные фонды, Ассоциация профессиональных участников рынка ценных бумаг, используя условную пропорцию обмена 1 лей – 1000 условных денежных единиц, выдали сертификаты акций, которые являлись временным документом, подтверждающим подписку на акции фонда.

Всего в республике Молдова было разработано и принято 4 Государственные программы приватизации. *Первая* – приватизация преимущественно за боны народного достояния. Начало данного процесса 1993–1994 гг. *Вторая* – массовая приватизация за БНД и денежные средства 1995–1996 гг. *Третья и четвёртая* – 1997–2000 гг. Все программы приватизации определяют способы и объекты приватизации, средства для приобретения государственного имущества, предоставляемые участникам льготы, способы финансовой поддержки приватизированных предприятий и развития рынка недвижимости².

Первая Государственная программа приватизации (1993–1994) включала механизмы процесса приватизации, порядок и способы её проведения, особенности приватизации в различных отраслях экономики. Началу процесса приватизации предшествовала большая подготовительная работа: разработка и утверждение необходимых нормативных актов, формирование инфраструктуры приватизации (единая система информационного обеспечения, информационные издания, консультационные и посреднические фирмы, органы по проведению аукционов и конкурсов, инвестиционные фонды, холдинговые (трастовые) компании и др. Сферой приватизации являлись все отрасли экономики и объекты культурно-социального назначения. Всего было приватизировано за боны народного достояния 2235 предприятий, из которых – 1526 (68%) – в 1995 г.

Вторая Государственная программа приватизации (1995–1996) предусматривала завершение процесса приватизации за БНД и развертывание приватизации с использованием денежных средств, что должно было обеспечить доминирование частного сектора в экономике

Третья программа приватизации (1997–1998) завершает приватизацию общественного (публичного) имущества преимущественно за денежные средства и реформирование аграрного сектора. В ее основу была положена новая методика оценки государственного имущества и установления исходной продажи цены объектов, внедрен механизм реализации активов, не используемых в технологическом процессе предприятий.

В массовом процессе приватизации приняли участие более 3,2 миллионов граждан Молдовы. Боны были выданы более 2235 предприятиям промышленного комплекса, сферы торговли и бытового обслуживания, агропромышленного комплекса. Было приватизировано около 90 процентов государственных квартир.

В ходе осуществления данной программы приватизации было признано право собственности Молдовы на имущество 10 винозаводов, расположенных на территории Российской Федерации. Начался процесс реорганизации этих и других предприятий в акционерные общества и подготовка их к приватизации. Намеченные к продаже более 100 объектов на аукционах проданы не были из-за отсутствия покупателя.

Программа третьей ступени приватизации (1996–1997 гг.), положила начало денежной приватизации в Молдове. Так, 1042 объектов, включенных в третью программу, были разделены на три группы. В первую группу вошли 510 предприятий и автономные активы, которые могли быть приватизированы без специального одобрения парламента. Во вторую группу входили 39 предприятий, продажа которых требовала создания индивидуальных планов приватизации, утвержденных парламентом. Последняя группа включала 180 недостроенных зданий, продажу остатков государственного пакета акций в 313 предприятиях.

¹ Официальная информация Агентства публичной собственности при Министерстве экономики Республики Молдова. – <http://www.app.gov.md/md/info>

² Перчинская Н., Доду К. Фондовый рынок Молдовы. – Кишинэу, 2011. – С. 315.

В связи с медленной реализацией программа 1996-1997 гг. продлевалась несколько раз. К 2000 году, после первого продления сроков действия программы, были приватизированы только 295 предприятий и 10 объекты незавершенного строительства.

В 2001 году, когда программа была продлена во второй раз, парламент республики упростил процедуру приватизации, разрешив правительству утверждать индивидуальные планы приватизации без парламентского рассмотрения. Впоследствии, правительство объявило, что собирается принять другие методы приватизации, чтобы увеличить прозрачность процесса приватизации. С 2001 года был продан государственный пакет акций 59 из 482 предприятий, перечисленных в программе приватизации 2001 г., что составляет меньше, чем 6 процентов от общей стоимости государственного акционерного капитала из всей программы приватизации.

Программа приватизации предусматривала полную и неполную приватизацию за счёт бонов. Применялись и нестандартные решения: к примеру, 50 процентов предприятий из обрабатывающей промышленности были предоставлены бесплатно поставщикам сырья. Аптеки были приватизированы только с участием работников в этой области.

Невыполнение согласованных обязательств по инвестициям и иными договорными обязательства привело к отмене 28 договоров о приватизации¹.

В настоящее время акционерные общества сталкиваются с последствиями приватизации на базе бонов: появилось огромное число миноритарных акционеров (около двух миллионов человек), которые не участвуют в управлении компаниями. В то же время, это создало мощную группу мажоритарных акционеров с доминирующим положением в управлении, что наносит ущерб миноритарным акционерам. В отношении защиты прав миноритарных акционеров Молдова заняла 118 место (из 148 стран) в Отчете о глобальной конкурентоспособности 2013–2014 гг.

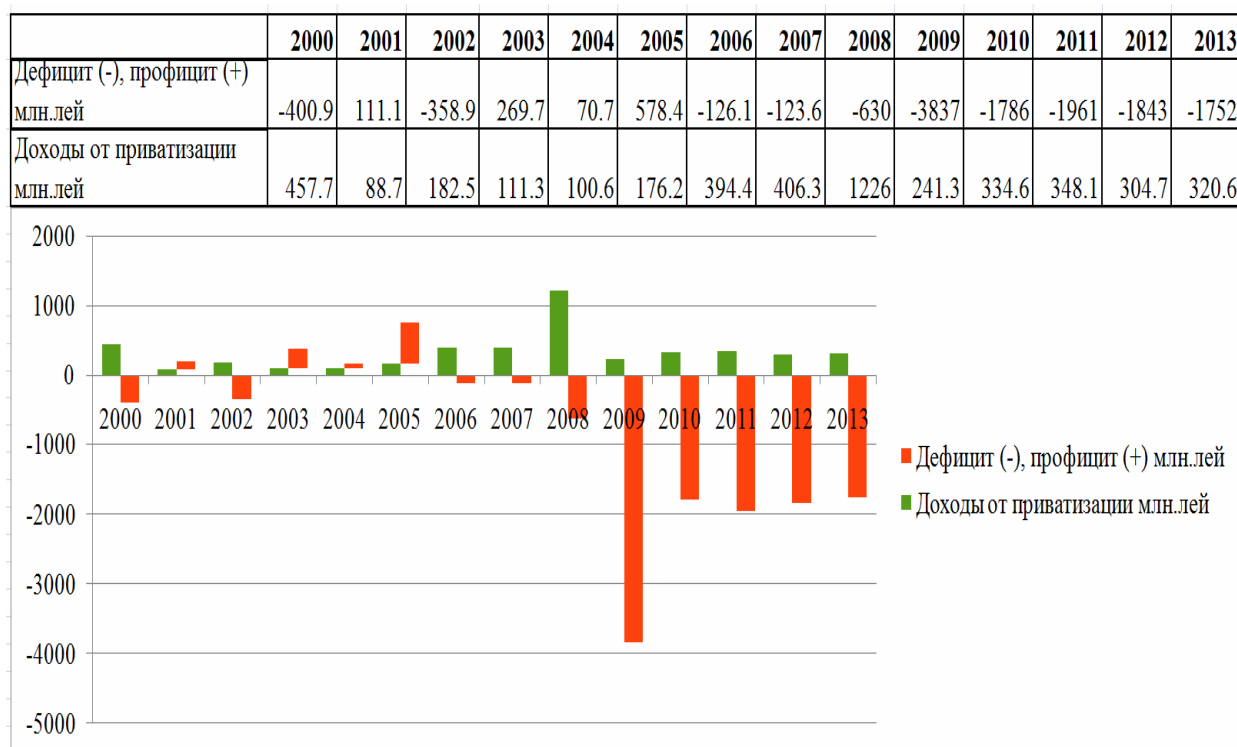
Для того чтобы понять влияние приватизации на государственный бюджет необходимо отследить эволюцию бюджетного сальдо и темпы приватизации (таблица 1).

Представленные в таблице данные свидетельствуют о прогрессивном увеличении прибыли от приватизации государственных активов. В корреляции с государственным бюджетным сальдо прослеживается непропорциональная зависимость. Следует отметить, что доходы от приватизации достигли своего пика в 2008 году, в период, когда в мире появились первые симптомы всеобщего кризиса. Затем наблюдается тенденция их сокращения, в то время как дефицит растёт.

Необходимо сделать акцент на недобросовестности проведения приватизации в Молдове. Это отслеживалось как при массовой приватизации, так и в настоящее время. Для наглядности ниже будут представлены несколько примеров. Так, в результате торгового и инвестиционного конкурса осуществилась приватизация государственного имущества, 24.12.2008 между Агентством публичной собственности при Министерстве экономики (далее Агентство) и Daranian Holdings Company Limited был заключен договор купли-продажи уникального имущественного комплекса – Гостиничного комплекса «Кодру» с общей площадью 12 599,6 квадратных метров по цене 50 300 000 леев.

Таблица 1

Динамика бюджетного сальдо и доходов от приватизации

Источник: Министерства финансов Республики Молдова. – www.minfin.md

¹ Официальная информация Агентства публичной собственности при Министерстве Экономики Республики Молдова. – <http://www.app.gov.md/md/info>

27.02.2009 агентство продало компанию и соответствующий земельный участок по нормативной цене в 1 029 738 леев. В результате продажи данного имущества пострадали государственные интересы, материальный ущерб составил 13 831 964 леев. Генпрокуратура подала в суд заявку для объявления недействительности актов, которые были заключены с законодательными нарушениями.

Общий размер бюджетных потерь в результате подобных действий трудно даже представить. По словам президента Transparency International (TI) Молдова, Лилии Карашук, несмотря на то, что в последнее время были вложены миллионы евро на антикоррупционные программы, результаты оказались очень слабо заметными, потому что нельзя бороться с коррупцией в тоталитарном государстве. Основные черты деловой среды Молдовы: кумовство, конфликт интересов, монополия и нарушения прав человека.

Выводы

1. Негативные последствия мирового финансового кризиса отразились на интенсивности запланированных продаж крупных объектов 2011–2013 гг. В 2013 году произошло снижение планируемой начальной стоимости реализуемых пакетов акций из-за скачкообразного курса доллара и евро и повышенной осторожности крупных иностранных инвесторов в отношении экономики нашей страны.

2. Для осуществления дальнейшего процесса приватизации в настоящее время необходимо активно привлекать как местных, так и зарубежных инвесторов. С этой целью следует:

- предоставлять льготные кредиты участникам приватизационного процесса;
- создавать гарантии со стороны правительства в отношении политики и постоянно совершенствовать законодательную базу приватизации.

3. Правительству необходимо Молдовы повысить прозрачность процесса принятия решений, особенно в отношении плана администрирования государственных предприятий и коммерческих компаний (раздел «приватизация и сдача в аренду»). Правительство должно играть более активную роль в контроле над осуществлением национальной стратегии по борьбе с коррупцией.

4. Приватизацию не следует использовать для финансирования новых государственных расходов и погашения долгов. Приватизация должна позволять оплачивать часть существующей задолженности, при этом снижая процентные ставки и повышая уровень инвестиций.

5. При снижении размера государственного сектора правительство снижает общие расходы и начинает собирать налоги со всех предприятий, которые в настоящее время приватизированы. Этот процесс должен положить конец порочному кругу чрезмерного заимствования и постоянному увеличению государственного долга.

6. Необходимо разумно выбирать объекты для приватизации, т.к. если продать предприятия с высокой рентабельностью, то в государственный бюджет поступят значительные средства, однако исчезнут ежегодные доходы, которые регулярно пополняли бюджет.

Погребняк А.О.

ведущий специалист-эксперт Роскомнадзора, аспирант Финансового университета

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: инновационное развитие, информационные технологии, информационное обеспечение, информационное общество, электронное правительство, качество власти и управления.

Функционирование государства, его экономической, социальной, политической сфер в значительной степени зависит от эффективности функционирования технической и технологической базы информационного пространства. Анализ существующего уровня использования информационных технологий (ИТ) во всех сегментах государственной инфраструктуры показал необходимость создания и применения новых ИТ более высокого уровня.

Началом работ государственных органов власти и органов местного самоуправления по применению современных ИТ можно считать принятие федеральной целевой программы «Электронная Россия 2002–2010 гг.»¹.

Следует отметить, что данная целевая программа по итогам была признана не реализованной. Развитие информационного общества в России, по сравнению с другими странами, происходило значительно медленней. В этой связи государство приняло решение пересмотреть подход к своей политике в области информационных технологий исходя из убеждения в том, что социальную значимость имеют не внедренные технологии и разработанные информационные системы сами по себе, а то, какую пользу они приносят гражданам, бизнесу, всему обществу. С этой целью была разработана государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)»².

Это первая государственная программа, в которой обозначился переход к программным принципам формирования бюджета страны. Впоследствии в нее были внесены изменения в связи с новым подходом государства к бюджетированию³.

При подготовке Программы Министерство связи и массовых коммуникаций РФ руководствовалось «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года»⁴ и «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации»⁵ (далее Стратегия), учитывало мировой опыт подобных программ, а также текущее состояние отрасли и рынка информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Стратегия охватывает все отрасли и сферы деятельности, планируется, что она должна решить задачи более высокого уровня – модернизации экономики и общественных отношений, а также обеспечения конституционных прав граждан. Ответственным исполнителем программы определено Министерство связи и массовых коммуникаций РФ. Министерство контролирует все государственные расходы в этой сфере, требует осуществления централизованного их расхода и недопущения дублирования расходовемых средств.

В Стратегии предусмотрены следующие направления деятельности:

- создание электронного правительства;
- преодоление цифрового неравенства;
- развитие новых технологий связи.
- Основными принципами являются следующие:
- результаты должны приносить реальную, ощутимую пользу гражданам, бизнесу, обществу;
- повышение качества жизни должно выражаться в простых и доступных для населения сервисах (запись на прием к врачу через Интернет, оплата штрафов с мобильного телефона и др.).

Объектом реформирования становится государственный сектор со всеми его компонентами – государственной службой, финансами, системой управления, информационными ресурсами.

Ключевые направления совершенствования системы государственного управления обозначены в программных документах – «Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных услуг

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 «Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)».

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации "Информационное общество 2011–2020 годы».

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2011 г. № 2161-р «Изменения, которые вносятся в Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р».

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «Концепция социально-экономического развития России до 2020 года».

⁵ «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации». Утверждена Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212.

на 2011–2013 годы»¹ и Указе Президента РФ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»².

Центральными направлениями совершенствования системы государственного управления, являются:

- снижение избыточного государственного регулирования;
- повышение качества государственных услуг;
- повышение эффективности органов власти;
- повышение информационной открытости.

В рамках проведения административной реформы были сформулированы требования и начата работа по созданию электронного правительства.

Электронное правительство не является дополнением или аналогом традиционного правительства, а лишь определяет новый способ взаимодействия на основе активного использования ИКТ в целях повышения эффективности предоставления государственных услуг.

В настоящее время разработаны и функционируют следующие ключевые элементы национальной инфраструктуры электронного правительства.

1. Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ).
2. Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ).
3. Национальная платформа распределенной обработки данных.
4. Единая система идентификации и аутентификации в информационных системах, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме (ЕСИА).
5. Информационная система головного удостоверяющего центра.
6. Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП).

Единый Портал государственных и муниципальных услуг обеспечивает возможность для заявителей подавать заявления на получение государственных услуг в электронной форме, а также информацию о ходе и результатах рассмотрения заявлений.

С 9 июня 2014 г. у пользователей появилась возможность упрощенной регистрации. Зарегистрироваться можно на Едином портале госуслуг при помощи мобильных устройств, или только по адресу электронной почты. При упрощенной регистрации пользователю доступны лишь приоритетные услуги портала.

По состоянию на 2013 г. на Едином портале размещена информация более чем о 900 федеральных, 12 тысячах региональных и более чем 23 тысячах муниципальных услуг. Доступна подача заявлений в электронном виде по 154 федеральным и 1360 региональным и муниципальным услугам. На Портале зарегистрировались более 3,3 миллионов пользователей, которые подали более 6 млн. заявлений на оказание федеральных, региональных и муниципальных услуг.

По итогам 2014 г. Россия заняла 27 место в мире в рейтинге электронного правительства ООН, улучшив свои позиции на 32 пункта – в прошлом рейтинге она находилась на 59-м месте³.

Американские специалисты в области «паблик рилейшнз» Т. Хант и Дж. Груниг выделили четыре основные исторически сложившиеся модели связей с общественностью. Более применима к органам власти и управления России «двусторонняя симметричная» модель, которая предполагает систематическое информирование граждан со стороны органа власти о своей деятельности для улучшения взаимопонимания между органом власти и общественностью и своевременного предотвращения возможных конфликтных ситуаций. Данная модель в наибольшей степени отвечает интересам демократического государства, так как общественность косвенно принимает участие в управленческом процессе. Соответственно, эта модель наиболее эффективна для социального государства и, что немаловажно, – наиболее этична.

Использование информационных технологий в государственном и муниципальном управлении обеспечивает более эффективное использование средств и выполнение обязанностей должностных лиц, повышение прозрачности их деятельности, экономию времени. При эффективной организации деятельности эти затраты можно сократить для граждан до 8 часов и для государственных служащих – до 0,6 часа. Однако при использовании Интернета гражданин может решить свою проблему в среднем за 20 минут и госслужащий – в среднем за 15–20 минут.

1 июля 2014 г. вступило в силу положение Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», в соответствии с которым региональные органы власти и органы местного самоуправления не вправе требовать от заявителя представления документов и информации, которые находятся в распоряжении других ведомств⁴.

Бюджетные расходы на управление также должны быть оптимизированы.

Информационные системы (ИС) в настоящее время используются во всех структурах государственной власти и местного самоуправления.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 1993-р. «Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных услуг на 2011–2013 годы».

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

³ Исследование ООН: Рейтинг стран мира по уровню развития электронного правительства 2014 г. – <http://gtmarket.ru/ratings/e-government-survey/info>

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 21.07.2014 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Организация формирования и ведения реестра федеральных государственных информационных систем (ФГИС) – одна из новых задач, которая решалась Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) с 2010 г.

Постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2009 г. № 723 «О порядке ввода в эксплуатацию отдельных государственных информационных систем» Роскомнадзор назначен оператором реестра федеральных государственных информационных систем.

Реестр ФГИС обеспечивает полный учет всех действующих федеральных государственных информационных систем, государственный контроль за своевременностью актуализации записей реестра о них, а также обеспечивает информированность представителей федеральных и региональных органов исполнительной власти, граждан и организаций о действующих информационных системах и их содержании.

В 2010 г. Роскомнадзор приступил к осуществлению полномочий по регистрации ФГИС. В I квартале 2010 г. была разработана и введена в эксплуатацию информационная подсистема, обеспечивающая ведение реестра ФГИС.

По данным на 31 декабря 2010 г., ФГИС зарегистрировала 31 ведомство, в том числе МИД России – 6, Федеральное агентство водных ресурсов – 4, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору – 4. Актуальные данные из реестра ФГИС предоставляются в Минкомсвязь России в целях проведения экспертиз планов информатизации государственных органов.

На официальном сайте Роскомнадзора размещены интерактивные формы электронных заявок на регистрацию, отмену регистрации, актуализацию и получение выписок из реестра ФГИС, а также сам реестр ФГИС. По состоянию на начало 2015 г. было зарегистрировано 41 ФГИС (рис. 1). Всего в реестре ФГИС в 2014 г. было актуализировано сведений по 340 ФГИС. Все заявки, поступившие в Роскомнадзор, были поданы с использованием электронных сервисов.

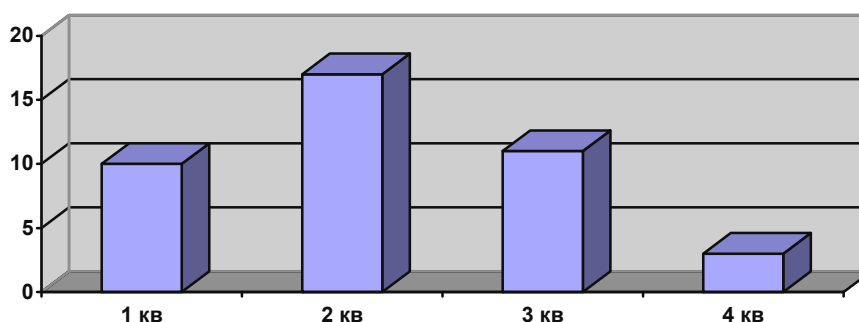

Рисунок 1.

Количество зарегистрированных федеральных государственных информационных систем (ФГИС) по кварталам 2014 г.

Обмен информацией осуществляется посредством Системы межведомственного электронного взаимодействия, созданной Минкомсвязи России. В настоящее время на федеральном уровне управления действуют сервисные центры Президента РФ, Совета Безопасности РФ, центральных органов федеральной исполнительной власти.

Таким образом, решение задачи развития государственных и муниципальных услуг с использованием новейших достижений в области высоких технологий является одной из важнейших функций государственного управления и должно носить системный, комплексный характер.

В целях придания большей открытости проверок бизнеса будет создан единый федеральный портал, на котором каждая проверка будет иметь индивидуальный номер, и сразу будет видно, кто ее инициировал, в отношении кого она проводилась, какие мотивы были у проверяющего органа и, самое главное, какие результаты получены в ходе этой проверки.

Экономия, которую можно получить при интенсификации использования информационных технологий, формируется за счет:

- сокращения операционных расходов, включающих уменьшение затрат времени на выполнение типовых операций, которые для служащих, связанных с приемом граждан, могут достигать 75% рабочего времени, а также снижения затрат на помещения, расходные материалы, оплату телефонных переговоров и почтовых отправлений;

- сокращения бюджетных расходов на проведение ряда мероприятий, таких как официальное уведомление, обязательное распространение нормативных документов, разъяснительные и иные PR-акции, что позволяет уменьшить соответствующие затраты в 1,5–4 раза;

- повышения эффективности работы учреждения из-за увеличения числа обработанных заявлений, повышения собираемости налогов, лучшей защиты интересов государства в конкретных хозяйственных спорах;

- косвенного экономического эффекта от снижения потерь времени физических и юридических лиц;

- косвенного экономического эффекта от содействия развитию бизнеса и повышению инвестиционной привлекательности региона.

Положихина М.А.

к.геогр.н., с.н.с. ИНИОН РАН

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПРЕПЯТСТВИЯ ФОРМИРОВАНИЮ В РОССИИ «ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА»

Ключевые слова: *электронное государство, электронное правительство, электронная демократия, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество.*

Согласно одному из распространенных определений, *электронное государство — это способ осуществления государственной деятельности на основе использования информационно-коммуникационных систем, а также новый тип взаимоотношений государства и общества* (органов государственной власти и физических/юридических лиц). При этом информационные и телекоммуникационные технологии (ИКТ) получают распространение как в органах исполнительной власти («электронное правительство»), так и в парламентских («электронный парламент») и судебных органах («электронное правосудие»), а также в процессах взаимодействия государства и граждан при принятии каких-либо решений («электронная демократия»). Формирование «электронного государства», с одной стороны, отражает объективные тенденции информатизации общества. С другой стороны, требует целенаправленных действий со стороны государственных органов.

В России формирование электронного государства уже прошло несколько этапов.

Началом этого процесса стало принятие федеральной целевой программы «Электронная Россия» на 2002–2010 гг., которая была направлена на внедрение технологий «электронного правительства». Целью программы являлось обеспечение кардинального ускорения процессов информационного обмена в экономике и обществе в целом, в том числе между гражданами и органами государственной власти, повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления.

В дальнейшем подход к последствиям распространения ИКТ изменился. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ от 07.02.2008 г. № Пр-212, помимо совершенствования системы государственного управления были поставлены уже и другие цели, в т.ч. повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер общества. Для ускорения внедрения ИКТ было создано Российское агентство по развитию информационного общества (РАИО).

Однако ситуация в стране изменялась медленно. В рейтинге стран по индексу развития ИКТ Российская Федерация занимала в 2008 г. 48-е место из 159 со значением индекса 4,54 при максимальном его значении 7,85 (1). В этой связи было принято решение пересмотреть подход к государственной политике в области информационных технологий. Пришло понимание того, что ценны не внедренные технологии и разработанные информационные системы сами по себе, а то, какую пользу они приносят гражданам, бизнесу, всему обществу.

Для создания целостной и эффективной системы использования информационных технологий, при которой граждане получают максимум выгод, была разработана государственная программа «Информационное общество (2011–2020)» (утверждена распоряжением Правительства России № 1815-р от 20.10.2010), рассчитанная на выполнение в 2 этапа (2011–2014 и 2015–2020 гг.). Программа включала ряд подпрограмм, в т.ч. подпрограмму «Информационное государство», задачами которой в том числе являлись (5):

- повышение качества предоставления государственных услуг путем их перевода в электронный вид;
- развитие специальных информационно-технологических систем обеспечения деятельности органов государственной власти;
- развитие сервисов на основе ИКТ для упрощения процедур взаимодействия и коммуникации общества и государства.

Также в 2010 г. создана Правительственная комиссия по внедрению информационных технологий в деятельность государственных органов и органов местного самоуправления. В 2013 г. она была преобразована в Правительственную комиссию по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, а возглавил ее лично Председатель Правительства Д.А. Медведев. А в 2014 г. постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 была утверждена новая редакция государственной программы «Информационное общество» (5).

Предпринимаемые усилия не могли не привести к позитивным результатам. Как оценки международных экспертов, так и данные, приводимые официальными органами, свидетельствуют об определенном прогрессе в процессе формирования в России электронного государства.

Так, Россия значительно улучшила свое положение согласно *международным рейтингам* в области развития ИКТ (табл. 1).

Позиции России в соответствии с ведущими международными рейтингами¹

Название рейтинга	Организация, проводящая рейтинг	Позиция по итогам рейтинга 2012 г.	Позиция по итогам предыдущего рейтинга	Итоги
Индекс развития электронного правительства	ООН	27	59	+32 позиции, стремительный рост
Индекс развития ИКТ	МСЭ	38	40	+2 позиции, стабильный рост
Индекс готовности к сетевому обществу	ВЭФ	54	56	+2 позиции, стабильный рост
Индекс экономики знаний	ВБ	55	64	+9 позиций, стабильный рост

Данные рейтингов, безусловно, свидетельствуют об активном развитии ИКТ в России со стабильной положительной динамикой. Самым значительным прорывом стало создание Единого портала государственных услуг (ЕПГУ) – ключевого звена «электронного правительства» страны (запущен 15.12.2009) и многофункциональных расчетных центров (МРЦ). По оценке, портал посещают от 200 тыс. до 700 тыс. человек ежемесячно (1).

Но в 2014 г. место России в рейтингах не улучшилось. По мнению экспертов, причиной этого является, прежде всего, недостаточная развитость сервисов «электронного правительства», предоставляемых онлайн полностью или частично. Если информирование граждан России о государственных сервисах составители рейтинга оценивают в 91 баллов из 100, то высшая стадия развития таких сервисов – Networking Presence – набрала только 35 баллов (это меньше, чем у Коста-Рики). Дальнейшему укреплению позиций России способствовало бы всестороннее развитие системы «электронной демократии», функционала сайтов ведомств, а также динамичное развитие информационно-коммуникационной отрасли в целом. Кроме того, следует продолжить работу с международными организациями по учету территориальных и демографических особенностей страны для повышения объективности при расчете рейтингов (1).

Данные, приводимые Минкомсвязи России, также свидетельствуют о значительном улучшении положения с распространением ИКТ в стране (6).

Так, в 2013 г. доля активных Интернет-пользователей в России составляла 61,4% населения, что несколько ниже, чем в среднем по Европе (около 75%), но выше, чем в отдельных европейских странах (например, в Италии пользователями Интернет являются 58% жителей). Доля организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, составила 85% от общего количества организаций. Доля органов власти, имеющих доступ в сеть Интернет со скоростью не менее 2 Мбит/с составила 46% (плановое значение – 21%). Значение индикатора «доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме», предусмотренного Указом Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», по итогам 2013 г. составило 30,8%, что немного выше запланированного уровня (30%).

По итогам 2013 г. почти вдвое увеличилось количество зарегистрированных пользователей ЕПГУ – 7,1 млн. (2012 г. – 3,7 млн.) и более чем вдвое выросла среднемесячная посещаемость портала – 3,7 млн. (2012 г. – 1,4 млн.). В 1-м полугодии 2014 г. рост заказанных в электронном виде федеральных услуг составил 7,8 млн. против 12,9 млн. за весь 2013 г., рост среднесуточного количество пользователей – со 151 тыс. посетителей в 1-м полугодии 2013 г. до 208 тыс. в 1-м полугодии 2014 г. Активнее всего порталом госуслуг (www.gosuslugi.ru) пользовались жители Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Самарской и Свердловской областей.

По итогам 2014 г. был зафиксирован переход от цели предоставления максимального количества государственных и муниципальных услуг в электронной форме к осуществлению в приоритетном порядке мер по оптимизации предоставления наиболее массовых и общественно значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Будущее системы видится представителями власти в улучшении пользовательского опыта, а также в расширении числа каналов взаимодействия с пользователями (6).

Однако, признавая безусловно заметный прогресс в процессе формирования в России электронного государства, нельзя не отметить и существующие для него препятствия.

Во-первых, это значительное цифровое неравенство, в т.ч. низкая медиаграмотность населения.

Медиаграмотность включает в себя: умение пользоваться поисковыми системами и находить нужную и полезную информацию; способность отличить добросовестные и вызывающие доверие источники информации от недобросовестных; знание о системах родительского контроля и умения ими пользоваться; понимание, что в Интернете не стоит выкладывать лишнюю информацию о себе и свои персональные данные, чтобы не стать жертвой мошенников или иных преступников.

В 2013 г. по заказу Минкомсвязи России была выполнено исследование на тему «Оценка текущего состояния и перспектив изменения уровня медиаграмотности населения Российской Федерации на основе национального мониторинга медиаповедения и актуальные задачи массового медиа образования». На основании полученных данных на конец года уровень медиаграмотности в стране составил 15%. Доля населения, не использующего сеть Интернет по соображениям безопасности, в общей численности населения – 16%. Степень дифференциации субъектов Российской Федерации по интегральным показателям информационного развития – 4 раза (6).

¹ По данным (1).

Эти показатели в ближайшие годы надо улучшить в разы. Причем в процессе обучения и пропаганды должны быть задействованы как государственные органы и органы местного самоуправления, так и субъекты медиаотрасли, Интернет-сообщество, учреждения образования и культуры.

Государственные планы в отношении сокращения территориального «цифрового неравенства» существуют, в том числе в количественном выражении (с 4 раз в 2011 г. до 2,9 раз в 2012 г. и 2,7 раз в 2013 г. в соответствии с реализацией мероприятий государственной программы). Преодоление возрастного «цифрового неравенства» требует больше внимания.

В настоящее время действует ряд программ, инициированных как государственными органами (в том числе, ВПО «КиберЛикбез» и «Тимуровцы информационного общества»), так и общественными организациями (Национальная социальная программа массового обучения старшего поколения основам информационно-коммуникационных технологий «Бабушка и дедушка онлайн»). Однако масштаб охвата ими населения по сравнению с реальными потребностями недостаточен.

Так, за 7 лет существования программы «Бабушки и дедушки онлайн» было создано 150 центров в 65 регионах страны, обучение в которых прошло 25 тыс. человек (4). В Ярославской области, одном из лидеров среди регионов РФ по внедрению ИКТ, за 2010–2013 гг. было открыто 18 компьютерных консультационных центров в 10 муниципальных районах, в которых прошло обучение более 5 тыс. человек (2).

Низкая медиаграмотность населения, значительное территориальное и возрастное «цифровое неравенство» существенно препятствуют использованию гражданами тех преимуществ, которые открываются перед ними в связи с распространением ИКТ, и тормозят этот процесс в целом. Поэтому необходимо значительно расширить контингент обучаемых компьютерной грамотности, создать общегосударственную систему информирования граждан о возможностях, открывающихся перед ними в связи с формированием электронного государства. В ряде высших учебных заведений страны уже введены образовательные курсы о госуслугах. Но начинать информировать о составных частях электронного государства лучше со школы – в рамках предметов «Обществознание» или «Информатика» для старшеклассников. При этом особое внимание следует уделять вопросам безопасности в Интернет.

Во-вторых, это высокие финансовые затраты и неопределенная эффективность мероприятий по внедрению ИКТ.

Согласно официальным данным, затраты на реализацию мероприятий государственной программы «Информационная Россия» в 2012 и 2013 гг. составили 2,5 млрд. руб., в 2014 г. – 10,7 млрд. руб. из федерального бюджета и еще 0,5 млрд. руб. – из бюджетов субъектов федерации (6). Очевидно, что в современных сложных финансовых условиях затраты на внедрение ИКТ не могут быть значительными, но должны быть рациональными и давать максимальных эффект.

Например, в настоящее время в России насчитывается около 20 общегосударственных баз данных, хранящих разнообразную информацию о физических и юридических лицах. Действуют многочисленные сайты органов государственной власти и местного самоуправления. На портале госуслуг доступно более 140 государственных услуг федерального уровня и почти 400 региональных. Всего же размещена информация о более чем 34000 госуслугах (6).

При этом самой востребованной среди населения государственной услугой, по официальным данным, является проверка штрафов ГИБДД (39% от общего числа запросов), на втором месте — проверка налоговой задолженности (21%), на третьем месте — выдача загранпаспорта нового образца (14%).

Проведенное РАНХиГС в 2013 г. исследование выявило, что массовыми являются только 27 видов услуг (каждой из них пользовались около 20% опрошенных), в том числе – получение загранпаспорта, регистрация недвижимости, получение общегражданского паспорта. Лучше всего граждане оценили работу ЗАГСов (более 90% опрошенных удовлетворены работой), хуже всего – Росреестра (около 70% опрошенных удовлетворены его работой). В среднем почти 80% опрошенных удовлетворены уровнем оказания услуг. Причем из рассмотренных видов услуг хуже всего оцениваются процедуры оформления пособия на ребенка и регистрации транспорта. Самое же большое недовольство граждан вызывает продолжительное время ожидания в очереди и высокая стоимость предоставляемых услуг (7).

В этих условиях поворот от полной к выборочной автоматизации процесса предоставления государственных услуг совершенно закономерен, однако недостаточен. Стоимость госуслуг продолжает расти, так как при их переводе в электронный вид не происходит одновременной оптимизации процедур и их себестоимости. В целом недостаточный учитывается финансовый фактор. Поэтому и не происходит автоматического повышения эффективности предоставления государственных услуг, или же положительный эффект гораздо меньше, чем планировалось.

Представляется, что вопросам оптимизации затрат на оказание госуслуг должно уделяться больше внимания. А в оценку результатов внедрения ИКТ в деятельность государственных органов предлагается включить показатели по снижению/стабилизации стоимости и себестоимости предоставляемых услуг.

Наконец, преимущественное развитие прямых связей при практически отсутствии обратных.

С 21 марта 2014 г. в Москве действует портал «Активный гражданин» – платформа для проведения онлайн-опросов (референдумов). Сейчас на нем зарегистрировано уже более 900 тыс. пользователей. В 2014 г. было проведено 350 опросов (каждую неделю – новые), в каждом из которых принимало участие примерно 200 тыс. человек. Из участников опросов 49% составили граждане в возрасте 25–34 года, 26% – 18–24 года, 17% – 35–45 лет и более 45 лет – около 8%. В конце 2014 г. портал получил премию Cnews AppWARDS в номинации «лучшее мобильное приложение для госсектора» (3).

Но какие вопросы предлагались для обсуждения на этом портале? Каким цветом изобразить новую ветку метро; где и какие деревья высаживать; как назвать праздник городской; какое предпочтительное время работы катков и т.д. Наиболее массовым явилось обсуждение сроков школьных каникул (приняло участие около 500 тыс. человек).

Обсуждение же острых и значимых для города проблем – слияние школ и поликлиник, нехватка врачей и т.д. – государственные органы на портал не выносили.

По мнению некоторых экспертов, московское правительство (как и власти других территорий) в своих действиях ориентируется не на нужды жителей города (которые оно плохо представляет), а на европейскую «моду», с которой знакомится во время визитов по обмену опытом, из материалов СМИ, Интернета и других источников.

Рядовому же жителю вмешаться или принять участие в формировании «повестки дня» правительства Москвы на современном уровне развития ИКТ достаточно трудно. Сложно включиться в процесс, необходимо выдерживать жесткий график участия, постоянно следить за обновлениями и т.д. Это реальная и непростая работа, которая требует значительных затрат времени и сил.

Таким образом, в наибольшей степени развитие получают прямые связи государственных органов с гражданами при практически отсутствии обратных. Более того, общество демонстрирует невысокую степень доверия к предлагаемым государством новым формам коммуникации и к их действенности.

Например, сайт Change.org – глобальная платформа для формирования обращений (петиций) органам власти (Сан-Франциско, США) – зарегистрированных пользователей в мире 80 млн. Но если петиции, размещенные на сайте, в Великобритании подписывают по 700 тыс. человек, то в России – до 120 тыс. человек. Конечно, имеет значение период действия новых форм коммуникации, возникновение привычки к таким формам общения и ряд других факторов. Но главное, представляется, что в России должно быть изменено отношение власти (органов власти, чиновников) к гражданам и обществу в целом – *не как к объекту управления, а как к равноправному партнеру*. Только в этом случае в полном объеме смогут проявиться позитивные стороны электронного государства.

Список литературы

1. Аксенов А. Международные рейтинги уровня развития ИКТ // Экспертный центр электронного государства. – 25.11.2014. – <http://d-russia.ru/mezhdunaronye-rejtingi-urovnya-ikt.html>
2. Лысенко Э.А., Федосеева С.В. На пути становления информационного общества: ликвидация цифрового неравенства среди граждан старшего поколения // Информационное общество. – М., 2014. – № 1. – С. 11–16.
3. Портал «Активный гражданин». – <http://ag.mos.ru>
4. Портал «Бабушка и дедушка онлайн». – <http://babushka-on-line.ru>
5. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – № 18 (ч. II). – Ст. 2159.
6. Реализация госпрограммы РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)» в 2013 году // Интернет в России и в мире. Информационное общество. – М., 2014. – http://www.bizhit.ru/index/tema_3/0-97
7. Результаты исследования удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг, проведенного в 2013 г. / РАНХиГС. – М., 2014. – 17 с.

Разумовский В.А.

д.т.н., профессор Академии труда и социальных отношений
avgust1347@km.ru

ОБ УСПЕШНОСТИ ГОСУДАРСТВА И КАЧЕСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: качество, государство, управление, социально-экономическое развитие, показатели, критерии, оптимизация.

Keywords: quality, state, management, social and economic development, indicators, criteria, optimization.

Экономический кризис, набирающий обороты в России, во всей полноте обнаруживает проблему качества государственного управления, поскольку экономика страны попала в весьма сложные внешние и внутренние условия. Так, по заключению экспертов Центра развития Высшей школы экономики «Россия может кардинально ухудшить свое положение в мире – не только как выгодного рынка, но хотя бы как перспективного»¹. Там же приводятся слова замминистра и министра экономического развития: «Ключевая и глубинная причина торможения экономического роста – это проблема с качеством госрегулирования и госуправления» (О. Фомичев) и «В этом смысле этот кризис мы сами и готовили» (А. Улюкаев).

Другой аналитик, военный эксперт Р. Пухов считает, что «активация мобилизационных инструментов потребует глубочайших изменений во внутренней политике, и прежде всего – резкого повышения ответственности политической и экономической элиты»². По его мнению, речь идет о необходимом «резком усилении степени ответственности нынешней расслабленной и равнодушной элиты и радикальном повышении эффективности госаппарата».

Предельно жестко экономическая ситуация (с указанием на рост индекса потребительских цен и инфляции) разъясняется в работе С. Шелина³: «Для российского потребителя пробил час из своего кармана платить за все грехи сеившей в лужу казенной экономики: за ее долги и роскошь, в которой купаются ее менеджеры, за их непрофессионализм, за каждое их неверное решение и каждую неудачную инвестицию».

Вместе с тем, президент России В. Путин⁴, с одной стороны, отмечает, что в непростой экономической ситуации 2014 г. правительство достойно справилось с поставленными задачами. А с другой – дает ему указание сосредоточиться на исполнении сообразительств и поддержании курса рубля. Последнее говорит о том, что Центральный банк России не справляется с защитой и обеспечением устойчивости рубля, которая согласно ст. 75 Конституции РФ является его основной функцией, и «которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти».

Не соответствует реальному положению дел⁵ заявление Патриарха Кирилла⁶ о том, что «изменения обменного курса не может радикально повлиять на благополучие большинства российских граждан». Более того, с помощью новой православной финансовой системы «РПЦ придумала, как защитить экономику РФ от кризиса»⁷.

Наконец, обратим внимание на то, что оценку качества государственного управления, впрочем, как и референдумы (непосредственное выражение власти народа согласно ст. 3 Конституции РФ), заменили высокие рейтинги власти, которые показывают соцпросы. Но «люди умнее, чем соцпросы»⁸. В частности, Bloomberg со ссылкой на собранные агентством данные⁹ сообщает, что Россия вошла в пятерку стран, в которых наиболее вероятен дефолт.

¹ Кувшинова О. Цугцванг экономики. Этот год стал для России первым годом экономического кризиса, который грозит стать затяжным: экономическое развитие требует изменений в политической сфере, готовности к которым пока не видно // Ведомости. – М., 2014. – 26 декабря.

² Божьева О. Назло мы сделаем ракеты. Военный эксперт Руслан Пухов «Мы больше не в одиночестве. Мы в изоляции» // Московский комсомолец. 2014. – 12 августа.

³ Шелин С. Выношенная инфляция. Из выпуска от 29-10-2014 рассылки «Газета Ру – Первая полоса».

⁴ Путин оценил работу кабмина в непростых экономических условиях. 25 декабря 2014. – <http://www.tvc.ru/news/shows/id/58315>.

⁵ См., например, Гордеев В., Пастушин А., Дерябина А. IKEA объявила о повышении цен в связи с падением курса рубля. – <http://top.rbc.ru/business/02/12/2014/547d980ecbb20f90f865ad91>; Полухин А. О курсе рубля, партии и правительстве. Из выпуска от 29-11-2014 рассылки «Новая газета».

⁶ Рождественское интервью Патриарха: О демократии, гречке, нефтедолларах и войне на Украине. Редакция портала «Православие и мир», 08 января 2015г. – <http://www.pravmir.ru/intervyu-svyatyshego-patriarha-kirilla-2015>

⁷ РПЦ придумала, как защитить экономику РФ от кризиса. – <http://www.ntv.ru/novosti/1277483>

⁸ Калинина Ю. Народ и власть: включаем дурочку. Из выпуска от 12-12-2014 рассылки «Московский комсомолец – все материалы».

⁹ Россия оказалась на пятом месте в мире по вероятности дефолта. – <http://www.forbe.ru/news/277221-rossiya-okasazalas-na-pyatom-meste-v-mire-po-veroyatnosti-defolta>. 09.01.2015

Конечно, можно с недоверием относиться к негативному прогнозу того или иного международного агентства, объясняя его политическими мотивами¹. Однако в данном случае лучшим способом для государственного чиновника убедить общественность, на наш взгляд, является предоставление объективной оценки успешности российского государства и качества государственного управления.

В настоящей работе предлагается метод оценки качества государственного управления, идея которого во многом близка разработкам С.С. Сулакшина². Вместе с тем имеются отличия, на которые в дальнейшем обращается основное внимание.

По аналогии с дефиницией С.С. Сулакшина³ качество государственного управления определяется нами как мера (количественная оценка) государственного управления, связанная с его эффективностью и характеризующая реализацию заявленных публичных целей развития. Однако в нашем случае эта мера рассчитывается на основе оценок успешности государства на рассматриваемом периоде времени.

Метод представляет собой инструмент, с помощью которого может быть организован общественный ежегодный мониторинг (с некоторым временным лагом) качества государственного управления в пределах сроков (5-6 лет), на которые избирается Государственная Дума и Президент РФ. При этом под государственным управлением (государство и страна воспринимаются как синонимы) понимается управление страной в целом. То есть, рассматривается система, объектом управления которой является «РФ – социальное государство», а главной целью управления – «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7 Конституции РФ).

В таком системном понимании известная фраза Главы Администрации президента С. Иванова: «популярность президента растет, а не падает»⁴ скорее воспринимается как характеристика эффективности возглавляемой им Администрации, а не качества государственного управления. Точно также как и девальвация рубля за октябрь-ноябрь 2014 г. в первую очередь говорит о том, как Центральный банк РФ выполняет свою основную (конституционную) функцию. Аналогично, утверждение что «...недальновидность правительства, которое позволило отдать иностранцам внутренний российский рынок пассажирских самолетов» из цитируемой выше работы О. Божьевой, изначально увязывается не с характеристикой качества государственного управления, а с оценкой отдельных структурных подразделений органов исполнительной власти (пусть даже таких неординарных как Правительство и Минпромторг России).

При использовании подобных примеров для оценки качества государственного управления происходит переход от главного к частностям, от анализа системы к внутренним ее корпоративным проблемам. Перефразируя⁵: «если между колбасой и истиной народ выбирает колбасу, он не получает ни того, ни другого».

Другой типичный прием, демонстрирующий однобокость позиции и отвлекающий общественность от национальных проблем⁶, заключается в акцентировании внимания на недостатках зарубежной экономики. Тем самым как бы «затушевывающий» (оправдывающий) сложную экономическую ситуацию в России.

Мониторинг качества государственного управления с использованием предлагаемого метода проводится с целью идентификации:

- соответствия направлений внешней и внутренней политики главной цели развития страны;
- исполнения государственной властью заявленных обещаний (пересчитанных в значения показателей, характеризующих успешность РФ);
- эффективности государственного управления (обоснованности заявленных обещаний).

Обратим внимание, поиск «поверхности экономической успешности»⁷ здесь не рассматривается. На наш взгляд, это прямая задача органов государственной власти, которую она может решать самостоятельно или с привлечением научных и других необходимых ресурсов. Перефразируя⁸, первостепенная задача мониторинга сводится к тому, чтобы государственная власть отчитывалась перед гражданским обществом «не за то, что ей удобно, а за то, что есть на самом деле».

Сформулируем несколько тезисов, составляющих основу предлагаемого метода.

1. Качество государственного управления напрямую увязывается с успешностью государства на рассматриваемом периоде времени.

2. Под успешностью государства понимается сводный показатель, количественная оценка уровня его социально-экономического развития. Чем выше количественная оценка, тем больше в государстве создано условий для обеспечения достойной жизни и свободного развития человека.

3. Уровень социально-экономического развития государства изначально описывается многими и даже большим числом общепринятых в мировой практике показателей (подлежащих оцифровке)⁹.

¹ Песков скептически оценил смену прогноза рейтинговых агентств по России на негативный. – <http://lifenews/129691>

² Сулакшин С.С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. – М.: Научный эксперт, 2013. – 232 с.

³ Там же, с. 87–88.

⁴ www.newsru.com/russia/23oct2014/ivanov.html

⁵ Между колбасой и свободой. В поисках баланса истины. Liberty-belarus.info/.../1959-mezhdu-kolbasoj-i-svobodoj-v-poiskah-balansa-istiny-1959. 21.05. 2009.

⁶ См., например, 16 удивительных фактов об экономике США. – www.vestifinance.ru/articles/48511. 22.10.2014.

⁷ Сулакшин С.С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. – М.: Научный эксперт, 2013. – С. 144–158.

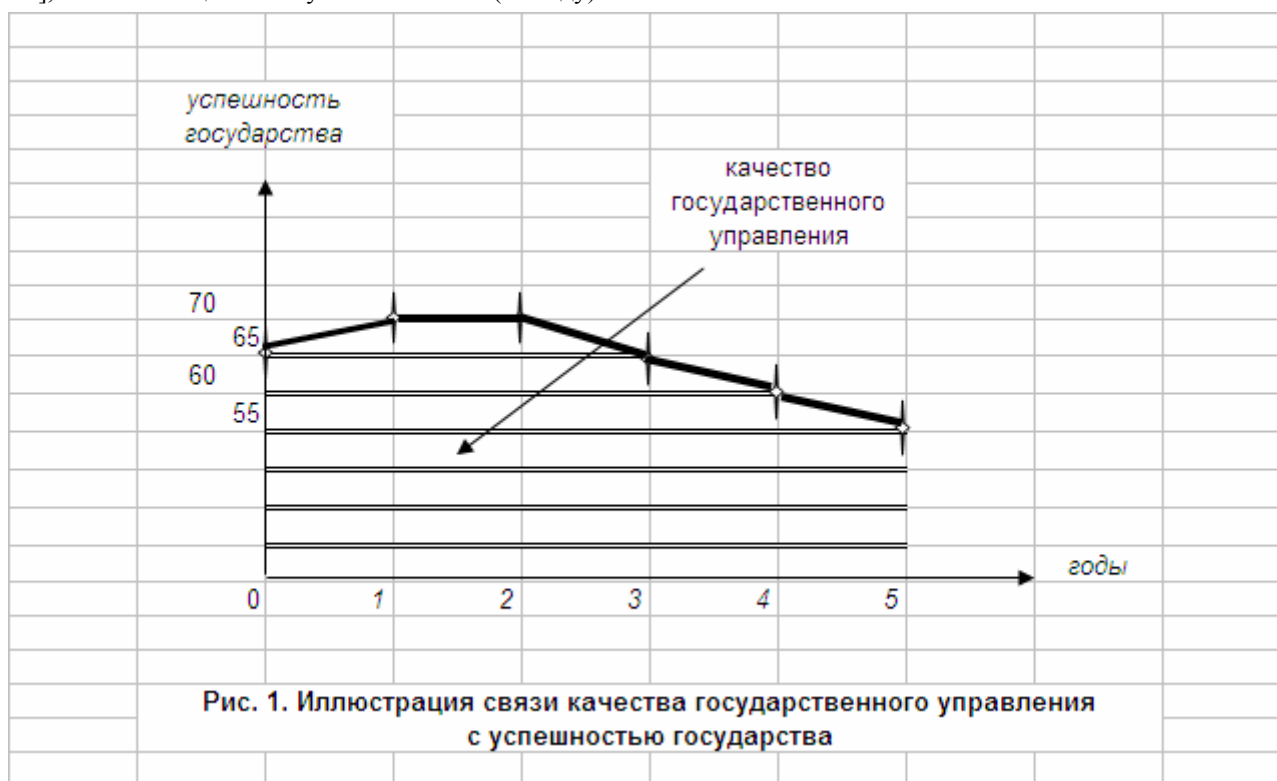
⁸ Латынина Ю. Эхо Москвы. – echo.msk.ru/programs/code/144580-echo/. 29.11. 2014.

⁹ Сулакшин С.С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. – М.: Научный эксперт, 2013. – С. 99.

3. Успешность государства оценивается в сравнении с успешностью других стран на рассматриваемом периоде времени. Поэтому и качество государственного управления определяется “на конкурсной основе”, в сравнении с качеством государственного управления в других странах.

4. Подразумевается наличие источника достоверной информации, характеризующей уровень социально-экономического развития России и сравниваемых стран.

Связь качества государственного управления с успешностью государства на пятилетнем периоде времени иллюстрируются на рис. 1. Успешность государства оценивается на начало и конец каждого года в полуинтервале (0,100], 100 – потенциально лучшее значение (по году).

Значения успешности образуют ломаную линию, площадь под которой интерпретируется как качество государственного управления на пятилетнем периоде времени. Чем площадь больше, тем качество государственного управления выше. По размерам площадей, соотносимых с тем или иным государством, сравнивается качество государственного управления в разных странах на одних и тех же отрезках или периодах времени.

Если через Q_n^k обозначить качество государственного управления на отрезке времени $[n, k]$, где n, k – индексы начала и окончания отрезка, $n = 0, 1, 2, 3, 4, k = 1, 2, 3, 4, 5$, а через Y_t – оценку успешности государства в t -м году, $t = 1, 2, 3, 4, 5$, то качество Q_n^k рассчитывается по формуле:

$$Q_n^k = (Y_n + Y_k)/2 + \sum_{t=n+1}^{k-1} Y_t \quad (1).$$

В соответствии с этой формулой оценка качества государственного управления на пятилетнем периоде времени ($n = 0, k = 5$) составит 325 ед., что по отношению к потенциально лучшему значению 500 (не путать с лучшим по качеству управления государством) составит 65%. Та же оценка применительно к третьему году $Q_2^3 = 67,5$ ед. (67,5%).

Успешность государства Y_t , присутствующая в (1), рассчитывается по формуле, совпадающей с успешностью сложной социальной системы¹:

$$Y_t = \sum_{i=1}^n \pi_i z_i \quad (2),$$

где z_i – преобразованное (в нашем случае) значение исходного, частного i -о показателя, характеризующего состояние, уровень социально-экономического развития страны в t -м году;

n – число характеризующих этот уровень показателей;

π_i – весовой коэффициент i -о (преобразованного) показателя, удовлетворяющий условиям нормировки

$$\sum_{i=1}^n \pi_i = 100, \pi_i \geq 0, i = 1, 2, \dots, n \quad (3)$$

¹ Сулакшин С.С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. – М.: Научный эксперт, 2013. – С. 54.

и не предполагающий при его расчете (отличительная черта) участия экспертов. Значения π_i могут привязываться как к каждому году, так и в целом к анализируемому периоду времени.

Основные методологические проблемы¹, связанные с конструкцией показателя (2), решаются по аналогии с указанным источником. За исключением степеней при показателях Z_i . В (2) используется первая степень, что объясняется двумя причинами.

Во-первых, при необходимости в преобразованное значение Z_i исходный показатель может входить в любой степени, если, конечно, ее удастся обосновать. А, во-вторых, и это главное, учет степени опосредованно присутствует в значении весового коэффициента показателя π_i . Скажем, если один исходный показатель описывает социально-экономическое развитие страны значительно убедительнее другого (со степенью большей 1), разница в его значениях между странами лидерами и аутсайдерами по уровню социально-экономического развития также будет большей в сравнении с менее существенным показателем (степень участия которого равняется 1). Для такого показателя (об этом см. ниже) будет большим и весовой коэффициент π_i .

Число выбранных показателей, участвующих в (2), не ограничивается и даже приветствуется их большее количество. Помимо надежности источника информации к ним предъявляются определенные требования.

1. Все показатели должны измеряться количественно (об оцифровке говорилось выше). Оцифровка привносит в метод элемент субъективизма. Однако это субъективизм «второго порядка», не сравнимый с экспертным назначением весовых коэффициентов π_i .

2. Каждый показатель должен однозначно демонстрировать «успешность». Например, с точки зрения конкретного показателя страна тем успешнее, чем больше (меньше) его значение. Или чем ближе (дальше) оно отстоит от некоего (порогового) значения.

3. Показатель должен быть общепризнанным в мировой практике в качестве одного из показателей (частного или сводного), используемых при анализе тех или иных аспектов социально-экономического развития государства. В принципе такими показателями могут быть те, которые описывают функции цели в государственном управлении².

Высокая репутация источника информации, большое количество показателей и сравниваемых стран, формализованный метод расчета весовых коэффициентов π_i способствуют построению объективной оценки успешности государства.

Для иллюстрации метода расчета Y_i воспользуемся примером³, в котором рассматриваются 10 показателей, 10 стран и временных интервалов, заимствованных из Статистического справочника Всемирного банка⁴.

Обозначим индексом k отдельную страну так, что Индии соответствует $k = 1$, Японии – $k = 2$, Бразилии – $k = 3$, России – $k = 4$, Великобритании – $k = 5$, Германии – $k = 6$, Франции – $k = 7$, Италии – $k = 8$, Китаю – $k = 9$, США – $k = 10$.

Индексом i будем обозначать следующие показатели: $i = 1$ – «Ежегодные темпы прироста ВВП (%)», $i = 2$ – «Ожидаемая продолжительность жизни (лет)», $i = 3$ – «Добавленная стоимость в промышленности (% ВВП)», $i = 4$ – «Добавленная стоимость в сельском хозяйстве (% ВВП)», $i = 5$ – «Валовой коэффициент охвата населения высшим образованием (% численности возрастной группы)», $i = 6$ – «Экспорт высокотехнологичной продукции» (% экспорта обрабатывающей промышленности), $i = 7$ – «Доступ к источникам очищенной воды (% населения)», $i = 8$ – «Период времени, необходимый для создания бизнеса (дней)», $i = 9$ – «Выбросы диоксида углерода (метрические тонны на душу населения)», $i = 10$ – «Энергопотребление на душу населения (килограмм нефтяного эквивалента)».

По числу показателей вся исходная информация оказывается сосредоточенной в 10-и типовых таблицах. В качестве примера приводится табл. 1 для 8-го показателя, в которой также указаны рассматриваемые временные интервалы.

Вначале устанавливается целевая направленность показателей: желательно максимизировать значения показателей 1–7, 10 и минимизировать – 8, 9. То есть, по сути, начинает формироваться оптимизационная задача выбора по 10-и критериям.

В связи с разной направленностью показателей делается их первое

преобразование. Как и в⁵, значения 8-го и 9-го показателей (Z_{ik}) меняются на их обратные значения:

$$Z_{ik} = 1/Z_{ik}, i = 8, 9, k = 1, 2, \dots, 10.$$

Соответствующим образом меняются таблицы для 8-го и 9-го показателей.

Затем делается второе преобразование во всех таблицах, которое заключается в делении каждого значения на максимальное значение в конкретной таблице и умножении его на 100. Таким образом, вся табличная информация оказывается приведенной к безразмерным и сопоставимым единицам (в %).

¹ Сулакшин С.С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. – М.: Научный эксперт, 2013. – С. 28.

² Там же, с. 117–120.

³ Разумовский В.А. Идентификация стратегии социально-экономического развития России // Труд и социальные отношения. 2011. – № 8. – С. 23–29.

⁴ Страны и регионы. 2006. Статистический справочник Всемирного банка/ Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2007. – 238 с. – (Мир в цифрах).

⁵ Сулакшин С.С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. – М.: Научный эксперт, 2013. – С. 55.

Таблица 1..						
ПЕРИОД ВРЕМЕНИ, НЕОБХОДИМЫЙ ДЛЯ СОЗДАНИЯ БИЗНЕСА						
(дней)						
k	страны	годы				
		1990	2000	2003	2004	2005
1	Индия	89	89	89	110	35
2	Япония	31	31	31	31	23
3	Бразилия	152	152	152	152	152
4	Россия	29	29	29	36	28
5	Великобритания	18	18	18	18	18
6	Германия	45	45	45	45	24
7	Франция	42	42	42	8	8
8	Италия	23	23	23	13	13
9	Китай	48	48	48	48	35
10	США	5	5	5	5	5

Вот как будет выглядеть табл. 1 после двух преобразований (табл. 2).

Таблица 2						
ПЕРИОД ВРЕМЕНИ, НЕОБХОДИМЫЙ ДЛЯ СОЗДАНИЯ БИЗНЕСА						
k	страны	годы				
		1990	2000	2003	2004	2005
1	Индия	5,5	5,5	5,5	16	14,5
2	Япония	16	16	16	16	21,5
3	Бразилия	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5
4	Россия	17,5	17,5	17,5	14	18
5	Великобритания	27,5	27,5	27,5	27,5	27,5
6	Германия	11	11	11	11	21
7	Франция	12	12	12	62,5	62,5
8	Италия	21,5	21,5	21,5	38,5	38,5
9	Китай	10,5	10,5	10,5	10,5	14,5
10	США	100	100	100	100	100

Преобразованные данные в исходных таблицах и условия нормировки (3) обеспечивают максимально возможное, потенциально лучшее значение результирующего показателя (успешности страны) при расчете по году, равное 100-м.

Формализованный метод определения весовых коэффициентов π_i в формуле (2), увязывается с характеристиками областей изменения значений преобразованных исходных показателей¹.

Одной из таких характеристик может быть среднее значение показателя m_i , которое показывает его достигнутый уровень по совокупности рассматриваемых стран. Чем уровень выше, тем меньше π_i . То есть с помощью π_i больший «вес» в результирующем показателе Y_i придается цели, достижение по которой отстает по отношению к другим более «продвинутой» целям. Другой характеристикой – стандартное отклонение δ_i (разброс) значений показателя. Чем оно больше по конкретному показателю, тем важнее при сравнении представляется данный показатель (частная, локальная цель). Тем больший «вес» в результирующем показателе Y_i имеет данный показатель.

Наиболее простая формализация указанных тезисов записывается так:

$$\pi_i / \pi_j = \Delta_i / \Delta_j, \Delta_i = \delta_i / m_i, \Delta_j = \delta_j / m_j, i, j = 1, 2, \dots, 10.$$

С учетом (3) получаем формулу для расчета весовых коэффициентов:

$$\pi_i = \Delta_i / \sum_{j=1}^{10} \Delta_j.$$

В табл. 3 представлены рассчитанные значения среднего, стандартного отклонения и весовых коэффициентов.

¹ Разумовский В.А. Алгоритм сравнительной оценки конкурентоспособности // РИСК. 2006. – № 2 – С. 45–48.

Таблица 3.			
ХАРАКТЕРИСТИКИ СРАВНИВАЕМЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ			
i	характеристики		
	среднее значение	стандартное отклонение	приоритеты
1	36,3	31,9	0,14
2	90,3	7,71	0,01
3	65,6	15,9	0,04
4	21,9	25	0,18
5	49,3	28,3	0,09
6	51,3	26,5	0,08
7	93,8	9,52	0,02
8	25,9	27,8	0,17
9	21,4	22,8	0,17
10	42,3	25,9	0,1

Динамика успешности сравниваемых стран показана в табл. 4.

Таблица 4.						
ДИНАМИКА УСПЕШНОСТИ СРАВНИВАЕМЫХ СТРАН						
№ п/п	страны	годы				
		1990	2000	2003	2004	2005
1	Индия	50	39,4	45,2	43,4	46,5
2	Япония	32,6	31,5	24,7	27,2	27,8
3	Бразилия	18,6	30,6	26,5	32,6	29
4	Россия	31,5	42,1	39,6	36,6	37,2
5	Великобритания	27,4	35,4	31,9	32,9	31,8
6	Германия	29,8	26,6	23,4	25,8	26,8
7	Франция	28,3	33	27,7	37,9	36,6
8	Италия	26,1	29,1	25	29,3	27,8
9	Китай	37,5	40,7	43,6	42	46,4
10	США	52	53,7	53,8	54,6	53,3

Распространив формулу (1) на любой отрезок времени периода [1990, 2004], можно оценить качество государственного управления на этом отрезке для любой из сравниваемых стран. В частности, для всего периода 1990–2004гг. и 2004г. оценки качества приводятся в табл. 5.

Таблица 5.			
ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ			
k	страны	отрезок времени	
		1990-2004гг.	2004г.
1	Индия	160,5	45
2	Япония	102,1	27,5
3	Бразилия	92,5	30,8
4	Россия	127,9	36,9
5	Великобритания	109,3	32,4
6	Германия	94,5	26,3
7	Франция	114,2	37,3
8	Италия	95,6	28,6
9	Китай	147,1	44,2
10	США	186,4	54

В табл. 6 показаны оценки качества государственного управления за 2003 и 2004 гг. по отношению к лучшему результату (США) в %. А на рис. 2 – их изменения при переходе от одного года к другому (в абсолютных единицах той же таблицы).

Таблица 6.

**ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

<i>k</i>	<i>страны</i>	<i>отрезок времени</i>	
		<i>2003г.</i>	<i>2004г.</i>
1	Индия	81,7	83
2	Япония	47,9	51
3	Бразилия	54,5	57
4	Россия	70,3	68
5	Великобритания	59,8	60
6	Германия	45,4	49
7	Франция	60,5	69
8	Италия	50,1	53
9	Китай	79	82
10	США	100	100

Из рисунка следует, что в рассмотренном примере (ограниченном по числу используемых показателей) качество государственного управления в РФ ухудшилось в 2004 г. по сравнению с 2003 г.

Пример лишь частично демонстрирует возможности предлагаемых расчетных алгоритмов. В частности, с их помощью можно оценить влияние на успешность государства принятых, но неисполненных органами государственной власти заявлений. А по степени такого влияния – сделать комплексную оценку эффективности принимаемых решений.

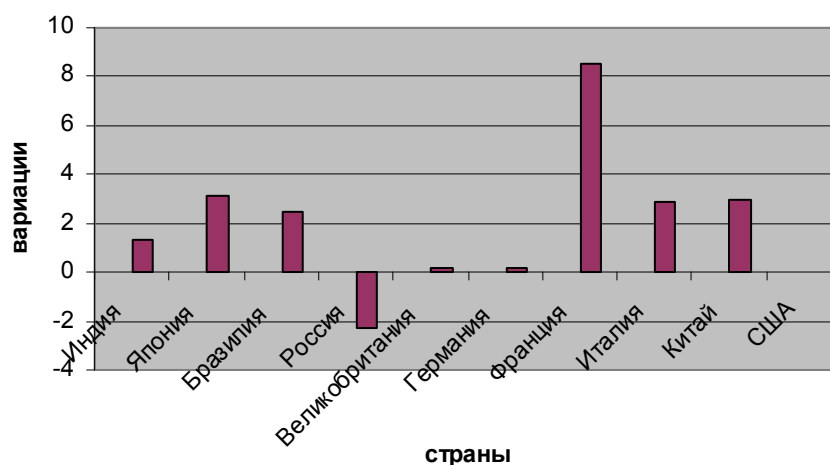

**Рис. 2. Вариации оценок качества
государственного управления**

Тарасенко Ф.П.

д.т.н., член-корреспондент РАЕН, академик МАН ВШ, профессор Томского государственного университета
ftara@ich.tsu.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

Ключевые слова: управление, рейтинг, упорядочение в многомерном пространстве, сложная система, метод проб и ошибок.

Keywords: Management, ratings, ordering in multidimensional space, complex system, method of trials and errors.

При очередной неудаче в достижении поставленной цели, руководитель, принимавший провальное решение, либо сетует на «природную» неизбежность ошибок в управлении («Хотели как лучше, получилось как всегда»), либо ищет в окружении виноватых в его неудаче и с неохотой прислушивается к тому, что есть более эффективные методы разработки управленческих решений, чем те, к которым он привык.

Современные науки о системах (кибернетика, общая теория систем, системный анализ, синергетика, теории управления, психология, социология, информатика и пр.) далеко продвинулись в понимании природы объективных и субъективных факторов, приводящих к сложностям в практике управления. Использование этих знаний обладает большим потенциалом для повышения вероятности успеха – основного показателя качества управления («Победителей не судят»).

Среди множества причин неудач в любом управлении главное место занимает *неадекватность модели* управляемой системы. Если в модели содержатся ошибки или в ней недостаёт существенной информации, то разрабатываемые руководителями на основе такой модели управленческие решения заведомо обречены на провал: реальный результат управления будет отличаться от ожидаемого (рассчитанного на модели) результата.

Основной моделью для выработки управляющего воздействия на управляемую систему является оценка расхождения между существующим состоянием системы и её желательным (целевым) состоянием. В практике управления социальными системами для этого широко используются *рейтинговая* оценка. Состояние каждого объекта отображается набором *показателей*, – измеримых характеристик объекта управления, в совокупности позволяющих описать его текущее состояние и его соотношение с целевым состоянием. Совокупность точек, отображающих состояния всех управляемых объектов, является моделью текущего состояния управляемой системы. Управление состоит в стимулировании продвижения всех объектов в сторону целевого состояния, – например, путём поощрений пропорционально степени их продвинутости. Для оценивания степени продвинутости и вводится *ранжирование* всех объектов: *одномерное* (по степени близости к цели) упорядочение точек в *многомерном* пространстве показателей состояния объекта управления. Инструментом ранжирования является *упорядочивающая функция*, – поверхность, все точки которой «одинаково» удалены от целевого состояния. По мере отдаления от «целевой» точки (состояния, в которое управляющая система желает перевести все управляемые объекты), поверхность по очереди пересекает точки сравниваемых объектов; номера объектов в этой очередности есть их *ранги*, а достигнутые ими значения упорядочивающей функции – их *рейтинги* (в порядке возрастания меры близости к цели).

По сути, упорядочивающая функция $R(u_1, u_2, \dots, u_n) = \text{Const}$ выражает, какой вклад в итоговую оценку (*рейтинг*) вносит каждый показатель. «Объективная» формула, «правильно» связывающая целевое качество R со всеми показателями $u_1, u_2, \dots, u_n$ (где n – число введённых нами показателей), неизвестна: мы интуитивно понимаем, что связи между индикаторами разнообразны и по характеру, и по силе. Но если предположить, что эта функция «гладкая», то в окрестности любой точки её можно аппроксимировать с достаточной степенью точности касательной плоскостью (что типично для дифференциального исчисления), т.е. линейной комбинацией показателей. В результате формула для подсчёта рейтинга R приобретает вид (на примере 4-х уровневой иерархии рейтинга, индикаторов и показателей – $U \rightarrow X \rightarrow Y \rightarrow R$):

$$R = a_1 Y_1 [x_{11}, x_{12}, \dots, x_{1n1}] + a_2 Y_2 [x_{21}, x_{22}, \dots, x_{2n2}] + \dots, \\ X_{ik} = b_{i1} U_{i1} [u_{i11}, u_{i12}, \dots, u_{i1ni1}] + b_{i2} U_{i2} [u_{i21}, u_{i22}, \dots, u_{i2ni2}] + \dots,$$

где X_{ik} – индикаторы второго порядка являются тоже линейными формами индикаторов третьего Y_i , a_i и b_{ik} – коэффициенты относительной «важности», а U_{im} – различные подходящие i -му индикатору наборы показателей, измеряемых непосредственно на объекте, $(u_1, u_2, \dots, u_n)$.

Удовлетворительная аппроксимация (приближённое, но приемлемое для нашей цели описание связей между входами U_{im} и выходом R системы) реальной нелинейности системы линейной моделью достигается благодаря двум особенностям: 1) факт сложного, нелинейного разнообразия взаимосвязей и взаимозависимостей между показателями и индикаторами приближённо отображается *иерархичностью* структуры их линейных комбинаций: число уровней

иерархии связано с разнообразием связей между индикаторами; одни и те же показатели могут фигурировать в нескольких индикаторах и на разных уровнях; 2) факт разной значимости вклада разных показателей и индикаторов в конечный результат отображается различием коэффициентов («весов») каждого слагаемого.

Как и любые модели, рейтинги имеют целевое предназначение, и для разных субъективных целей управления конструируются разные рейтинги на одном и том же моделируемом множестве рассматриваемых объектов. Это можно наглядно видеть на примере рейтингов, употребляемых в современном мировом образовательном сообществе.

Например, в среде американских абитуриентов, для которых самым важным критерием для выбора вуза является максимальная гарантия своего будущего, употребляется очень простой рейтинг американских университетов – по размеру средней годовой зарплаты их выпускников.

С другой стороны, рейтинги университетов QS World University Rankings [1] ориентированы на абитуриентов и востребованных профессоров, выбирающих, в какой из мировых университетов стоит поступить с наилучшими шансами своей успешности. Составляются отдельные рейтинги университетов в разных группах, интересующих выбирающего: среди университетов определённой части света (глобальные, Азии, Европы, Америки, стран БРИКС); среди университетов, дающих образование нужного вам профиля (Гуманитарные науки и искусства; Инженерно-технические; Биология и медицина; Естественные науки; Социальные науки и менеджмент).

В качестве индикаторов Y_i первого уровня иерархии берутся оценки следующих шести качеств университета (с соответствующими весами в процентах):

1. Репутация данного университета в академическом сообществе (авторитетность среди остальных университетов) – 40%.
2. Репутация университета в среде работодателей (потребителей кадров, выпускаемых университетом) – 10%.
3. Отношение численности преподавателей к численности студентов – 20%.
4. Цитируемость работ преподавателей данного университета – 20%.
5. Пропорция иностранных студентов – 5%.
6. Пропорция иностранных преподавателей – 5%.

Первый индикатор оценивается по результатам всемирного опроса преподавателей о том, в каком вузе научные работы в области его специальности ведутся на самом высоком уровне (свой вуз называть нельзя). В последней версии QS 2014/15 опрошено 63 000 профессоров. Введены региональные весовые коэффициенты для компенсации различия объёмов выборки по регионам. Судить о качестве преподавания в других вузах сложно, а о качестве исследований – вполне можно в своей специальности, и эти вещи связаны. Достоинство же подисциплинарного опроса состоит в том, что цитируемость зависит от специальности (например, у медиков число публикаций больше, чем у филологов).

Второй индикатор оценивается на основании глобального опроса работодателей о том, какие вузы выпускают лучших профессионалов для принятия на работу (абитуриентам важно знать, как университеты котируются на рынке труда выпускников). Повышенные веса придаются голосам за вузы другой страны (для стимулирования учёбы за рубежом). В текущем году опрошено 28 000 работодателей.

Третий индикатор введён в связи с тем, что нет международного стандарта качества преподавания. Данный показатель характеризует, насколько хорошо данный университет обеспечивает работу студентов в малочисленных группах и персональную работу преподавателя с каждым студентом: предполагается, что чем больше данная дробь, тем более индивидуально (и тем качественнее) даваемое образование.

Четвёртый индикатор оценивает значимость научной продукции университета в научной среде. QS использует для этого базу данных Scopus: общее число цитирований за 5 последних лет делится на число преподавателей университета (этим исключается зависимость от размеров штатов университета).

Пятый и шестой индикаторы (пропорции иностранцев среди студентов и преподавателей) характеризуют степень фактической интернационализации вуза.

Например, в текущем году рейтинг QS университетов стран БРИКС дал такое упорядочение для российских университетов: МГУ – 5, МИФИ – 13, НГУ – 34, СПбГУ – 64, МФТИ – 69, МВТУ – 90. Первые два места заняли китайские университеты [2].

Принципиально иные цели преследуют рейтинги Times Higher Education (THE) World University Rankings [2], которые Минобрнауки РФ решило использовать в управлении и нашей системой образования: перед ведущими университетами России поставлена задача – пробиться в «топ-100» в этом рейтинге (сейчас МГУ на 196-м месте, НГУ – на 329-м).

Этот рейтинг основан на пяти индикаторах и 13 показателях; перечислим их (вместе с соответствующими весовыми коэффициентами в процентах).

1. **Teaching and learning environment; Качество образовательной среды университета** с точки зрения студентов и преподавателей – в целом 30%. Этот вес распределяется по показателям:

- 1.1. *Академическая репутация университета* – 15%. Проводится всемирный опрос 10 000 респондентов всех пяти категорий специальностей.
- 1.2. *Степень внимания преподавателя к каждому студенту* – 4,5%. Считается, что это можно оценить отношением численности преподавателей к численности студентов: чем выше это число, тем лучше.
- 1.3. *Насколько высокую квалификацию даёт университет своим выпускникам* – 2,5%. В качестве показателя принято отношение численности докторантов, аспирантов и магистрантов к численности бакалавров.
- 1.4. *Процент остепенённых преподавателей* – 6%.

1.5. *Развитость инфраструктуры образования* – 2%. Считается, что степень оснащённости учебного процесса пропорциональна общей сумме доходной части бюджета университета и обратно пропорциональна числу преподавателей.

2. *Research: volume, income, reputation; Масштабы, качество и эффективность научных исследований в университете* – 30%. В качестве показателей этих трёх компонентов индикатора приняты следующие:

2.1. *Академическая репутация уровня научных исследований в университете* – 18%.

Опрашивается более 10 000 профессоров по всему миру.

2.2. *Доходность университета от выполнения внешних заказов на научные исследования* – 6%. Оценивается через сумму дохода на одного преподавателя. Используются поправочные коэффициенты на различие размеров грантов на исследования в технических и гуманитарных науках. Решено учитывать этот показатель, несмотря на то, что его величина зависит не только от усилий университета, но и от экономической и политической ситуации в стране.

2.3. *Научная продуктивность университета* – 6%. Оценивается количеством научных статей, опубликованных (в среднем) одним преподавателем.

3. *Citation: research influence; Социальная значимость научной продукции университета* – 30%. Считается, что уровень исполнения университетом его миссионерской функции производства и распространения знаний можно оценить количеством цитирований работ университета за последние пять лет, приходящихся (в среднем) на одного преподавателя.

4. *Industry income: innovation; Степень внедрения научных результатов университета в реальную экономику* – 2,5%. Оценивать этот показатель предлагается подсчётом отнесённых на одного преподавателя доходов, которые университет получает от бизнеса за внедрение инноваций, продажу патентов, оказание консультаций в разработке управленческих решений.

5. *International outlook staff, students and research; Степень интернационализации университета во всех отношениях* – 7,5%. Показателями приняты:

5.1. *Доля иностранных преподавателей* – 2,5%.

5.2. *Доля иностранных студентов* – 2,5%.

5.3. *Доля публикаций с соавторством иностранных учёных* – 2,5%.

Рейтинговые оценки широко применяются в управлении обществом, в том числе и в управлении научно-образовательной сферой. Но именно в этой сфере недовольство результатами такого управления приобрело в последнее время массовый характер. Например, стимулирование публикуемости и цитируемости в научной деятельности (индекс Хирша, импакт-фактор) породило появление некачественных (и даже фальсифицированных) публикаций [3]. И различные рейтинги университетов (отличающиеся не вполне совпадающими наборами показателей и разными их весами) вызывают неудовлетворённость в образовательном сообществе (даже у ректора первого в российском рейтинге университета, В. Садовниченко, – см. Поиск. – М., 2013. – № 11).

Наличие недостатков и погрешностей в применяемых формулах вычисления рейтингов часто истолковывается как доказательство того, что количественный показатель («цифра») вообще не может служить адекватной мерой качества. На самом же деле это лишь проявление того, что *любая* (в том числе и рейтинговая) *модель реальности* может быть неадекватной (то есть, рассчитанное на данной модели управление не приведёт к достижению желаемой цели); но важно то, что адекватность любой модели может быть повышена.

Несовпадение получаемых результатов управления с ожидаемыми является типичным и неизбежным в управлении *сложными системами*. Главной причиной сложности системы является неадекватность модели управляемой системы, на которой управляющая система предварительно «обкатывает» возможные управляющие воздействия. А единственной мерой преодоления данного типа сложности (существуют и другие типы) оказывается повышение адекватности модели за счёт пополнения её недостающей информацией об управляемой системе и окружающей её среде. Важно только понять, какой именно информации не хватает, и откуда её добыть.

Управленческие решения принимаются на основе информации о текущем и желательном состояниях системы. Лицо, принимающее решения, характеризует состояния совокупностью измеряемых (наблюдаемых) *параметров*, каждый из которых вносит (по мнению управляющего субъекта) свою долю информации о реальной ситуации в целом. Успех в управлении и зависит от того, достаточно ли близко наша модель (совокупность параметров) отображает реальность, чтобы мы были способны успешно продвигать текущее состояние в сторону целевого. Обсудим некоторые возможности повышения качества управления за счёт совершенствования оценок состояний управляемой системы.

Неадекватность описания *конечной цели* обрекает управление на неизбежную неудачу. Управление направлено на приближение текущего состояния к целевому, т.е. к продвижению текущих показателей в направлении к будущим показателям цели, которые задаются субъектом управления. Однако процесс любых изменений в реальности происходит только в рамках естественных ограничений (которые мы называем законами природы). В результате достижимы только такие состояния, продвижение к которым не противоречит законам природы. Если субъект задал желаемое (целевое) состояние характеристиками, которые объективно недостижимы, никакие усилия по реализации цели не приведут к успеху. Хотя известны примеры, когда субъективные предположения оказывались объективно реализуемыми (Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг), выдвижение привлекательных гипотетических целей связано с риском объективной недостижимости. Невозможно создать вечный двигатель (три закона термодинамики); невозможно из ничего создать нечто (закон Ломоносова); невозможно было построить коммунизм в СССР к 1980-му году (как того хотел Хрущёв). По этой же причине оказались утопией идеал коммунизма [4] и идеал либеральной демократии (из-за объективной несовместимости свободы и равенства) [5]. В условиях неизвестности конечной цели наибольший успех в продвижении к ней даёт алгоритм развития, реализуемый самой Природой, – *эволюция*, или *естественный отбор* [6].

Остальные этапы управления (средне- и краткосрочное планирование, или тактическое и оперативное управление) тоже основаны на оценивании расхождений между целевой и текущей траекториями в пространстве индикаторов и показателей системы. Причины расхождений могут иметь разную природу, со специфическими алгоритмами управления для каждой из них (программное управление, регулирование, управление по структуре, управление по целям, управление при дефиците времени, управление при дефиците информации [7]). В практике управления социальными системами применяются (по мере необходимости) любые типы управления и их комбинации, но типичной ситуацией является управление сложной системой, когда причиной сложности является неадекватность модели управляемой системы. Оптимальным алгоритмом в этом случае является *метод проб и ошибок*, совмещающий функцию *управления* с функцией *изучения* управляемой системы. Этот метод предписывает последовательно вносить в модель поправки (т.е. порции информации о системе, получаемые при совершении ошибок на каждом предыдущем шаге алгоритма управления), и рассчитывать следующий шаг управления уже на исправленной и дополненной модели. Возможности совершенствования качества управления заключаются в принятии всяческих мер по повышению *качества выполнения каждой* операции в системной технологии метода проб и ошибок. В частности, есть несколько возможностей повышения качества управления в случае использования *рейтинговой* модели.

Первая – основана на том, что адекватность (достаточная информативность) модели обеспечивается совокупной информативностью её компонентов. Если совокупной информации во всех элементах модели недостаточно для достижения цели управления, управление не может быть эффективным. Недовольство рейтингами чаще всего связано именно с этим моментом. Например, в критике стимулирования научной деятельности рейтингом ТНЕ подчёркивается [3], что этот рейтинг не учитывает такие существенные качества научной работы, как новизна и ценность научного результата, соблюдение норм этики в научной работе. Прорывное совершенствование управления экономикой [8] основано на критике недостаточности использования только финансовых показателей (вопреки кейнсианским теориям рыночной экономики), и включении в рейтинг социальных и технических показателей. Выход состоит в том, чтобы пополнять модель включением в неё дополнительных характеристик управляемой системы (в случае рейтинга – дополнительных индикаторов и показателей). На этом пути приходится преодолевать две трудности.

В случаях невозможности точно оценить конечную цель, степень продвинутости к ней (рейтинг) и упорядоченность по степени удалённости от цели (ранг) оцениваются путём сравнения с рейтингом, достигнутым объектом, наиболее продвинутым – по критериям, включённым в формулу рейтинга (!). Отсюда и возникает необходимость и возможность увеличения числа индикаторов и показателей в рейтинге непосредственно по ходу управления.

Однако на этом пути нас подстерегает другая опасность, о которой предупреждал Р. Акофф: «Менеджеры, которые не знают, как измерить то, что им нужно, переходят к измерению того, что могут измерить» ([9], Анти-закон № 51). При этом модель может загромождаться малоинформативными и зашумлёнными данными, которые только затрудняют разработку управленческих решений. Поэтому менеджеры часто страдают не от недостатка данных, а от их избытка.

Доступная возможность некоторого преодоления обеих этих трудностей состоит в том, чтобы искать дополнительные информативные показатели не среди того, что можно измерить, а среди того, что *нужно* измерить. И это автоматически выводит нас на необходимость оценивания не только количественных, но и *качественных* характеристик состояния управляемого объекта. Не случайно почти все индикаторы QS и ТНЕ рейтингов описаны в качественных терминах. Правда, распространённое (и неверное) убеждение, будто «объективными могут быть только количественные измерения, а качественные суждения имеют сугубо субъективное содержание», заставило авторов рейтингов конструировать совокупности количественных показателей (да ещё и одной числовой размерности), ради получения количественной итоговой оценки рейтинга. А между тем, существуют возможности извлечения исчерпывающей информации и из качественных наблюдений.

Наблюдения над качественными характеристиками являются «измерениями», где роль измерительного прибора играет эксперт, выражающий свои оценки в «слабых» измерительных шкалах – номинальной и порядковой. И из этих данных можно извлекать информацию точно так же, как и из данных в количественных шкалах, – подвергая их первичной и вторичной обработке. При этом важно, что допустимые операции над данными при их обработке *различны* для разных шкал.

Некоторые качества недоступны *прямо* измерению даже в слабой шкале, хотя интуитивно осознаётся их принадлежность к порядковой шкале. В таких случаях прибегают к *косвенному* измерению ненаблюдаемого качества, фиксируя доступные наблюдаемые характеристики, «монотонно» связанные с ним. Часто косвенные данные измеряются в количественных шкалах. И при первичной обработке их подвергают тем операциям, которые допустимы для сильной шкалы (например, арифметическим), но недопустимы для порядковой шкалы. Это лишает ожидаемого смысла получаемый промежуточный результат, и в итоге снижает качество окончательной рейтинговой оценки.

Итак, существенный потенциал для повышения качества рейтингового управления заложен: 1) в повышении информативности набора индикаторов и показателей, составляющих рейтинг; в оценивании и стимулировании не только наращивания того, «что должно быть», но и снижения того, «что должно изживаться»; 2) в повышении качества совместной обработки массива многомерных и разношкальных измеряемых данных; в полном извлечении полезной информации из всех измеряемых и наблюдаемых показателей.

Следует включать в базу первичных данных все наличные показатели – количественные и качественные, позитивные и негативные. И важно проводить обработку этого массива данных с учётом того, что допустимые операции над данными в разных измерительных шкалах различаются. Часто практикуемое «приведение», «нормировка» таблицы разнотипных (разношкальных) данных (оцифровка слабых шкал или огрубление сильных до самой слабой в таблице), производимое ради удобства применения единых операций ко всем данным, приводит к потере и искажению

информации. Разработке алгоритмов исчерпывающей обработки многомерных разнотипных данных посвящена обширная отрасль информатики – теория информации, теория измерений, анализ данных, data mining, математическая статистика и др. (начальные сведения об этом можно найти в [10, 11]).

Общий вывод: Потенциал повышения качества управления заключён 1) в возможности повышения информативности каждой из моделей, вовлечённых в процесс принятия решения: моделей текущего и целевого состояний управляемой системы и её окружения; 2) в повышении точности и надёжности измерений исходных показателей; 3) в повышении эффективности обработки многомерных и разношкальных результатов измерений; 4) в развитии психических качеств лица, принимающего решения, которые влияют на качество управления: способность синтезировать различные (в том числе противные) мнения, сознательное использование подсознательной способности мозга оценивать ситуацию (интуиции); политическая воля.

Список литературы

1. The Shanghai Rankings and US News & World Report. Times Higher Education (THE).
2. www: THE World University Rankings
3. Клемент Л., Мостард М.Ч. О сложности оценивания научной деятельности // Проблемы управления в социальных системах. 2014. – Т. 7, вып. 10. – С. 22–39.
4. Тарасенко Ф.П. Об одной из причин крушения СССР // Проблемы управления в социальных системах. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – № 2.
5. Акофф Р.Л. За пределами социализма и капитализма: развивающееся общество // Проблемы управления в социальных системах. – Томск: Изд-во ТГУ, 2009. – Т. 1, вып. 1. – С. 112–140.
6. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Издательство АСТ, 2011. – 512 с.
7. Тарасенко Ф.П. Прикладной системный анализ. – М.: Изд-во КНОРУС, 2010. – 257 с.
8. Кочетов И.И., Никитин Ф.Н. Природный фактор социального развития. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. – 56 с.
9. Акофф Р.Л. и др. Анти-законы менеджмента. – Томск: Изд-во ТГУ, 2008.
10. Загоруйко Н.Г. Когнитивный анализ данных. / СО РАН, Институт математики им. С.Л. Соболева. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. – 186 с.
11. Тарасенко Ф.П. Моделирование и феномен человека. Ч. 1. Моделирование – инфраструктура взаимодействий человека с реальностью. – М.: Научные технологии, 2012. – 137 с.

Титова Т.П.¹

СЕЛЕКТИВНАЯ ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Ключевые слова: иммиграционная политика, регулирование трудовой миграции, человеческий капитал, привлечение высококвалифицированных кадров.

Рост человеческой мобильности в условиях глобализации обусловил необходимость нового подхода к управлению миграционными потоками в XXI в. В международной практике государственного регулирования трудовой миграции происходит расширение стратегических мер и инструментов, направленных на привлечение специалистов высокой квалификации из-за рубежа. В экономике, основанной на знаниях, высококвалифицированные кадры приобретают ключевое значение. Сегодня практически все развитые и многие развивающиеся страны включились в конкурентную борьбу за привлечение высококвалифицированных мигрантов, которое рассматривается как эффективный путь наращивания человеческого капитала. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к реформированию миграционной политики и переходу от политики жесткого контроля миграции к политике гибкого управления миграционными процессами.

Если традиционно большая часть административных и финансовых ресурсов принимающих стран шла на предотвращение пересечения границы и пребывания нежелательных (незаконных) иммигрантов, то сегодня все больше усилий направляется на активное привлечение желаемых категорий мигрантов. Соответственно, эффективность миграционного регулирования начинает определяться не столько в понятиях безопасности, сколько в понятиях экономической выгоды, опираясь на два ключевых фактора: во-первых, наличие последовательной миграционной стратегии, которая обозначила бы конкретные цели и задачи миграционной политики с учетом специфических социально-экономических требований государства; и, во-вторых, наличие инструментов отбора именно тех категорий иммигрантов, которые способствовали бы достижению поставленных задач².

Тенденция, свойственная сегодня всем развитым странам, принимающим ежегодно большое количество мигрантов, – переход от ограничительной к избирательной миграционной политике. При этом селективная политика ориентируется не столько на нужды конкретных секторов промышленности или сельского хозяйства, сколько на общие требования постиндустриальной экономики с ее опорой на инновационность, гибкость и информационные технологии. В основу легальных рамок иммиграции уже сегодня закладывается представление о ценности/стоимости труда квалифицированного мигранта и его потенциальной способности к адаптации на рынке труда³.

Современная иммиграционная политика предполагает диверсифицированный подход к мигрантам в зависимости от их квалификации и способности адаптироваться к принимающему обществу. Развитые страны при помощи специальных мер расширяют возможности иммиграции квалифицированных специалистов, одновременно сокращая возможности для въезда и оседания низкоквалифицированных мигрантов. Помимо Австралии и Канады, традиционно отбиравших мигрантов по экономическим критериям, в начале 2000-х гг. селективная политика была официально введена во многих европейских странах. В 2005 г. политику поощрения иммиграции высококвалифицированных кадров проводили 30 из 134 стран, по которым имелась соответствующая информация⁴, и число их постоянно растет.

Реализуемые странами миграционные стратегии и практики отбора трудовых мигрантов отличаются значительным разнообразием. Цели, механизмы и инструменты селективной иммиграционной политики зависят от многих факторов. Влияние на них оказывают степень интегрированности страны в общемировые экономические и политические процессы, макроструктурные особенности рынков труда, конкретные ресурсно-демографические характеристики населения и рабочей силы, особенности политической ситуации. Каждая страна проводит свою, хотя во многих случаях и согласованную с другими странами, миграционную политику. Растущая конкуренция за привлечение квалифицированных трудовых ресурсов стимулирует правительства постоянно разрабатывать новые подходы к регулированию трудовой миграции.

В качестве ключевых стратегий привлечения высококвалифицированных специалистов выделяются следующие:

¹ Титова Татьяна Петровна – к.полит.н., с.н.с. Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии Национальной академии наук Беларуси. E-mail: t_tit@mail.ru

² Papademetriou D., O'Neil K. Efficient Practices for the Selection of Economic Migrants. – Brussels: European Commission, DG Employment and Social Affairs, 2004. – http://europa.eu.int/comm/employment_social/employment_analysis/docs/select_econ_migr1.pdf

³ Фомичева О.В. Селективная миграционная политика: цель, механизмы, результаты // Миграционное право. 2008 – № 3. – С. 45.

⁴ Щербак Е. Все больше стран переход от ограничительной политики к избирательной // Население и общество. 2006. – № 251–252. – <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/barom03.php>

1. Прием мигрантов, основанный на трудоустройстве, когда работодатели подают заявление о найме работника при условии защиты внутреннего рынка труда.

2. Исследование рынка труда, когда правительственные агентства определяют сектора, в которых имеется дефицит работников.

3. Нарращивание человеческого капитала, где баллы начисляются за такие характеристики, как образование и знание языка.

4. «Фильтрационная система», когда статус постоянного резидента предоставляется студентам или временным работникам, продемонстрировавшим свою ценность¹.

При всем разнообразии инструментов селективных иммиграционных политик, в их основе лежат две базовые системы отбора мигрантов: балльная и система отбора на основании заявок работодателя. На практике страны зачастую используют сочетание элементов обеих систем.

При балльной системе отбора государство разрабатывает перечень качеств и характеристик, которыми должны обладать потенциальные иностранные работники. «Классическая» балльная система дает иммигрантам право напрямую подавать заявление в соответствующее государственное учреждение, и те, кто набирает необходимое количество баллов в соответствии с требуемыми критериями, могут получить рабочую визу. Система заявок от работодателей основана на выборе работников работодателями и исходит из конкретных потребностей в привлечении иностранной рабочей силы. Она позволяет работодателям самим определять, работники каких специальностей им необходимы. Несмотря на то, что отбор мигрантов осуществляют работодатели, государство устанавливает ряд общих параметров для отбора, например, к минимальному уровню образования и выплачиваемых зарплат для потенциальных работников.

Единых критериев отнесения мигрантов к категории высококвалифицированных специалистов не существует, каждая страна определяет собственные критерии отбора. Зачастую базовыми характеристиками выступают уровень образования и квалификация, требования к которым значительно варьируют.

В Канаде и Австралии, являющихся странами традиционной иммиграции, действуют сходные модели отбора высококвалифицированных специалистов, основанные на балльных тестах и списке востребованных профессий. Однако сами списки и требования к образованию заявителей имеют существенные отличия.

Канадская программа профессиональной иммиграции является одной из наиболее эффективных в мире. Ее успех обусловлен уровнем экономического развития государства, а также относительно мягкими требованиями признания иностранного гражданина высококвалифицированным специалистом. К образованию и квалификации заявителей, проходящих по классу профессиональной иммиграции, в Канаде предъявляются следующие требования:

1. Профессия, по которой подается заявление, должна находиться в официальном списке востребованных профессий (NOC) и соответствовать одному из трех, определяемых законом, уровней квалификации. Заявитель должен подтвердить как минимум 1 год стажа по данной профессии в течение последних 10 лет на основе полной занятости и наличия дохода в этот период.

2. При определении уровня образования по балльной системе учитываются степень, полученная в результате очного обучения, и совокупная продолжительность обучения. Канадская балльная система выделяет четыре основных уровня образования, которые имеют внутреннюю градацию: степень Master's или Ph.D.; степень бакалавра; очная программа в колледже, техникуме, училище; средняя школа.

В 2014 г. список профессий был расширен правительством Канады с 24 до 50 профессий, практически все из которых требуют наличия высшего образования. Также увеличены ежегодные квоты приема иммигрантов с 5000 до 25000 заявлений. Программа предусматривает квоты для докторов наук, которым выделено 500 мест.

В Австралии иммиграция квалифицированных специалистов регулируется Программой общей профессиональной миграции. В соответствии с Программой не требуется иметь предложение работы со стороны работодателя, но необходимо обладать профессией, включенной в список востребованных профессий (SOL). Диапазон достаточно широк и содержит целый ряд профессий, не требующих высшего образования. Заявитель должен иметь образование, соответствующее одному из следующих критериев: подтвержденное австралийской экспертной организацией наличие теоретических знаний, относящихся к профессии из списка SOL; диплом или профессиональное свидетельство, соответствующее III или IV разделам австралийской квалификационной структуры; степень, эквивалентную австралийской степени бакалавра и выше.

Профессиональная миграция в США строится на основе запросов работодателей. Для иностранных высококвалифицированных специалистов предусмотрена специальная рабочая виза H1-B. Образование и квалификация заявителя должны соответствовать одному из следующих требований:

– наличие образования не ниже бакалавра в одном из аккредитованных колледжей или университетов США по профессии, относящейся в США к категории «specialty occupation»²;

– либо образования, полученного за рубежом, эквивалентного степени бакалавра в США и выше по данной профессии;

– либо неограниченной лицензии штата, регистрации или сертификации, которая дает право практиковать по отдельным специальностям в штате, который предлагает занятость;

¹ Lowell B. Policies and regulations for managing skilled international migration for work // United Nations expert group meeting on international migration and development. – UN/POP/MIG/2005/03. – 23 June 2005. – P. 5.

² Профессии, для работы по которым необходимо наличие степени бакалавра или ее эквивалента, относящегося к данной профессии.

– либо образования, профессиональной подготовки или опыта работы по специальности, эквивалентных требуемому уровню образования, а также признания опыта работы по специальности путем последовательного занятия ответственных позиций, непосредственно связанных со специальностью.

Европейские государства относительно недавно включились в «борьбу за мозги», однако список стран, проводящих селективную иммиграционную политику, постоянно расширяется. Системы отбора высококвалифицированных специалистов, как правило, строятся на уже апробированных в странах традиционной иммиграции инструментах – балльных тестах и запросах работодателя либо их сочетании. Кроме того, в качестве критерия отбора также широко применяется уровень дохода заявителя по предлагаемой работе.

Специфика селективной иммиграционной политики стран Европейского Союза состоит в том, что миграция высококвалифицированных специалистов регулируется здесь на двух уровнях – общеевропейском и национальном. На уровне ЕС с 2011 г. действует Голубая карта ЕС, регулирующая иммиграцию высококвалифицированных специалистов из третьих стран. В то же время каждое государство вправе реализовывать собственную политику по привлечению данной категории мигрантов. Еще одним фактором, оказывающим существенное влияние на миграционные стратегии стран Европы, является инициатива по созданию ERA – единого научного и инновационного пространства государств-участников ЕС. Развитие мобильности работников сектора НИОКР, в том числе за счет привлечения специалистов из третьих стран, является одним из основных инструментов ее реализации.

В мае 2009 г. Советом ЕС была принята Директива № 2009/50/ЕС, которая ввела в Европе т.н. Голубую карту ЕС (Blue Card Scheme). Эта схема была разработана специально для упрощения условий въезда и проживания, а также беспрепятственного передвижения по территории Европейского Союза высококвалифицированных специалистов из третьих стран. Претендентами на получение Голубой карты ЕС являются лица, обладающие высокой профессиональной квалификацией – дипломированные специалисты с высшим образованием (при условии, что длительность обучения составляла не менее 3 лет), а также иные лица, которые имеют пятилетний профессиональный опыт работы по специальности, требующей высшего образования. Претенденты должны предоставить подписанный трудовой договор или имеющее юридическую силу предложение работы от европейского работодателя, в котором четко оговорена годовая брутто-зарплата. Ее размер устанавливается каждым государством отдельно и обычно как минимум в 1,5 раза превышает среднюю заработную плату по стране, однако для дефицитных профессий он может быть снижен до соотношения 1,2.

Директивы ЕС выступают своеобразными «основами законодательства» на европейском уровне, оставляя государствам-членам право разрабатывать собственные механизмы их исполнения. Так, в апреле 2012 г. парламентом Германии были внесены изменения в законодательство об иммиграции, согласно которым иностранному гражданину может быть выдана Голубая карта ЕС с целью осуществления трудовой деятельности на территории Германии. К соискателям предъявляются следующие требования:

- Наличие законченного университетского образования (немецкого или признаваемого зарубежного эквивалента);
- Наличие подписанного трудового договора или предложения работы от работодателя в Германии, подтверждающего, что годовая брутто-зарплата составит не менее 47600 евро. Для профессий группы MINT (математика, информатика, естественные науки, технологии) минимальная годовая брутто-зарплата составляет 37128 евро.

Австрия в дополнение к Голубой карте ЕС ввела в 2011 г. Красно-бело-красную карту (RWR Karte) – новую гибкую схему иммиграции квалифицированных работников и их семей из третьих стран. Красно-бело-красная карта выдается на 1 год и дает право ее обладателю на пребывание и трудоустройство у определенного работодателя на определенный срок. Претендовать на ее получение могут следующие группы лиц: высококвалифицированные работники; квалифицированные работники в дефицитных профессиях; другие ключевые работники; выпускники австрийских университетов и высших специальных учебных заведений; самозанятые ключевые работники. Отбор претендентов осуществляется на основе балльной системы. Для каждой категории претендентов действуют особые правила относительно минимальной зарплаты, уровня образования, знания языков, возраста и пр.

Ирландия – одна из трех стран, не принимающих участие в схеме Голубая карта ЕС. Государство проводит собственную политику по привлечению высококвалифицированных мигрантов определенных профессий. Особое внимание уделяется ученым и исследователям. Критерием отбора является, в первую очередь, уровень годового дохода. Для большинства должностей с годовым доходом 60000 евро и выше выдается специальный вид разрешения на работу – Green Card, не требующий получения рабочей визы. Получить ее могут также работники с годовым доходом от 30 000 до 59 999 евро, если они входят в список профессий, по которым имеется дефицит специалистов. К ним, в частности, относятся химики, биологи, физики, научные сотрудники в области естественных наук и материаловедения. Гражданам стран, не входящих в Европейскую Экономическую Зону, которые выполняют научные исследования для аккредитованных исследовательских организаций Ирландии, а также аспирантам высших учебных заведений оформлять разрешение на работу не требуется вообще.

Российская Федерация также вводит элементы селективности в свою миграционную политику. Одновременно с программами развития сотрудничества с русскоязычными учеными-соотечественниками правительство России в 2010 г. внесло в миграционное законодательство изменения, облегчающие условия найма зарубежных специалистов. Статус высококвалифицированных специалистов увязан с получением заработной платы определенного размера и предусматривает три соответствующих позиции: 1) не менее 1 миллиона рублей из расчета за 1 год – для высококвалифицированных специалистов, являющихся научными работниками или преподавателями в случае их приглашения для занятия научно-исследовательской или педагогической деятельностью вузами, государственными академиями наук, национальными исследовательскими либо государственными научными центрами; 2) в размере не менее семисот тысяч рублей из расчета за один год – для иностранных граждан, приглашаемых резидентами технико-внедренческой

особой экономической зоны; 3) без учета требования к размеру заработной платы – для иностранных граждан, участвующих в реализации проекта «Сколково».

Разнообразие миграционных стратегий и практик привлечения высококвалифицированных мигрантов, и, соответственно, критериев их отбора в странах приема, отсутствие на международном уровне единых критериев оценки уровня образования и квалификации специалистов порождают ряд проблем в определении высококвалифицированных специалистов как категории международных трудовых мигрантов на концептуальном уровне.

Большинство работ, посвященных международной миграции специалистов высокой квалификации, начинается с исследования вопроса, кто же относится к категории высококвалифицированных мигрантов (*highly skilled*). Исследователи сходятся во мнениях, что ключевыми характеристиками являются уровень образования и квалификация¹. В зависимости от цели, которую ставит перед собой национальное правительство, тот или иной показатель является предпочтительным. Большинство правительств, как правило, используют сочетание обоих критериев при отборе высококвалифицированных специалистов. Важными критериями отбора выступают также профессиональная деятельность и опыт работы, позволяющие отфильтровывать работников с низким уровнем необходимых навыков. Таким образом, отнесение мигранта к высококвалифицированным специалистам зависит и от образовательной составляющей, и от установленного порога минимальной компетентности в обществе, основанном на знаниях. Однако, как отмечают сами исследователи, и как показывает проведенный выше анализ зарубежных практик, эти критерии применяются далеко не всегда. Правительства могут изменять требования в зависимости от потребностей рынка труда.

Категория «высококвалифицированные специалисты» является гетерогенной, и ее внутренняя структура постоянно усложняется. Если изначально речь шла о «мигрантах-профессионалах», то сегодня эта исходная, хотя и несколько модифицированная категория стала столь важной в международной миграции, что категория «высококвалифицированные мигранты» распалась на пять подкатегорий: старший управленческий персонал; инженеры и техники; ученые; предприниматели; студенты².

Рост числа стран, реализующих селективный подход в иммиграционной политике, разнообразие миграционных стратегий и политических практик по привлечению высококвалифицированных мигрантов – все это свидетельства растущей роли международной миграции высококвалифицированных специалистов в современной инновационной экономике.

Селективная иммиграционная политика сегодня ориентируется на экономические нужды государства и рассматривает человека как ресурс экономического развития. Понятие «высококвалифицированный специалист» не обязательно связано с высоким уровнем образования и квалификации, часто критерием оценки служит экономическая выгода, которую иммигрант может принести принимающему государству. «Миграция, управляемая производством», стала наиболее значительной мотивацией³.

¹ Lowell B. Policies and regulations for managing skilled international migration for work// United Nations expert group meeting on international migration and development. – UN/POP/MIG/2005/03. – 23 June 2005. – P. 2.

² Эпплеярд Р. Миграция квалифицированных кадров в глобализированном мире // Мир в зеркале международной миграции: Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: МАКС-Пресс, 2002. – Вып. 10. – С. 109.

³ Iredale R. The Migration of Professionals: Theories and Typologies // International Migration. N 39 (5). – P. 16.

Тюриков А.Г.

д.соц.н., профессор, генеральный директор ЦСКП – «Центр» в ЦФО
cskp-cfo@yandex.ru

Тюриков Р.А.

доцент СГА
tes-r@mail.ru

КАЧЕСТВО МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: качество власти, муниципальное управление, качество жизни населения, солидарное общество, человеческий потенциал, евразийское пространство.

*«Если вникнуть в смысл слова «у – прав – ление»,
то мы услышим голос древних русичей:
управлять – значит устанавливать
господство правды»¹*

В данной статье представляется целесообразным рассмотреть качество муниципальной власти в жесткой увязке с качеством жизни населения, развитием человеческого потенциала и становлением солидарных общностей. Под качеством власти мы понимаем иерархически организованную систему свойств личности, включающую в себя социальные, ценностно-мировоззренческие, духовно-нравственные, интеллектуальные, деятельностно-знаниявые и другие компоненты, которые должны удовлетворять критерию профессиональной подготовленности представителей власти к управлению сложными социально-экономическими, социокультурными, экологическими и др. объектами. Мерой качества и результата деятельности органов власти выступают показатели эффективности по достижению цели – качества жизни населения².

Данная цель развития российского общества нашла закрепление в действующей Конституции Российской Федерации, согласно которой Россия является социальным государством (ст. 7. ч. I), а обеспечение качества жизни ее граждан заявлена как главная цель управления государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»³.

Сегодня происходят серьезные изменения в социальной сфере общества. Открытый классиками социологии Максом Вебером, Георгом Зиммелем и Эмилем Дюркгеймом переход общества от небольших однородных общин с прочными связями к более крупным сообществам с ослабленными связями представляет собой основополагающий факт современной истории и в XXI веке. Об этом свидетельствуют и результаты исследований современных ученых Роберта Патнэма (книга «Боулинг в одиночку»), Марка Грановеттера (теория «силы ослабленных связей»), Ричарда Флорида (креативный класс) и др.⁴ Они утверждают, что многие аспекты социальной жизни сократились до минимального уровня и переродились в новое качество, а перемещение людей из мест с прочными связями в места с ослабленными связями представляет собой важную долгосрочную тенденцию современной жизни.

Сегодня существует реальная потребность в новой социальной модели общества, которое существует в новой экономической модели – креативной экономике и экономике знаний. Говоря о кризисе современной модели общества потребления и индивидуализма, осознавая потребность в новой модели, необходимо понимать, а какое общество мы хотим сформировать? И здесь нам не обойтись без принципиального вечного вопроса: а для чего и во имя чего живет человек? Своеобразную формулу ответа на этот вопрос дает русский философ Николай Федоров: «Жить нужно не для себя, не для других, а со всеми и для всех»⁵. Своей философией Н. Федоров восстает против отчуждения и индивидуализма в современном обществе с его аморализмом и разрушительностью. Его основная идея о необходимости утверждения нравственного поведения людей и их гуманистического перерождения, поиска потерянного смысла жизни, цели, для которой существует человек, и устремленности жизни, созвучно с ней. В основе его морали лежит взаимная ответственность поколений – «детей» и «отцов».

¹ См.: Субетто А.И. Слово (словесная вязь коротких мыслей) / Под ред. Гречянова В.В. – СПб.; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – С. 55.

² См.: Тюриков А.Г., Тюриков Р.А. К вопросу оптимизации параметров подготовки кадров государственного и муниципального управления // Социология образования. 2014. – № 4. – С. 47–65.

³ См.: Конституция Российской Федерации. Ст. 7, п. 1.

⁴ См.: Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. – М.: Классика – XXI, 2007. Глава 15.

⁵ См.: Федоров Н.Ф. Философия «общего дела». Т. 2.

*Идеи Н.Федорова находят свое воплощение в модели солидарного общества, в котором личный интерес совпадает с общественным интересом*¹. Само название солидарного общества происходит от латинского «solidas», что означает – твердый, надежный, крепкий. Солидарное общество противостоит обществу индивидуалистическому, разобщенному, разрозненному, это общество дискретное, не объединенное единой целью, системой ценностей и норм, разделяемых людьми в этом обществе. Солидарность в обществе – это единство убеждений и действий, взаимопомощь и поддержка его членов, основывающиеся на общности интересов и необходимости достижения общих общественных и групповых целей, совместная ответственность.

Солидарное общество – это такое состояние общности, при котором существует единство и общность ценностей, идей, убеждений, взглядов, интересов, целей и норм, а также взаимозависимость, совместность и согласованность в действиях по достижению целей. Это сообщество человеческих потенциалов, базирующихся на общности интересов, потребности достижения общей цели – обеспечения качества жизни граждан и реализации их способностей – при соблюдении принципа совместной ответственности человека, сообщества и государства.

Основными составляющими элементами в структуре солидарного общества являются: главная идея и стратегическая цель развития, функционирующая ценностно-нормативная система и социальные организации. Общественная солидарность, сплоченность, отношения доверия и взаимной поддержки формируются как минимум на пяти уровнях: ближайшее социальное окружение, коллектив, муниципальное местное сообщество, региональное сообщество и общество в целом.

Современное российское общество характеризуется экспертами следующим образом:

- это – беспрецедентная атомизация и аморфность российского общества, к которой привели: деморализация значительной части общества, разрушение традиционных социальных страт, социальная растерянность подавляющей части населения, разрыв традиционных социальных связей. К примеру: только 1,5% россиян принимают добровольное участие в общественных организациях, для сравнения в Скандинавских странах доля активных граждан 70–75%.

- это – полная разбалансированность ценностно-нормативной системы координат. Потеря в общественном сознании цели и веры к способности россиян к осуществлению очень больших и грандиозных мировых, общенациональных и территориальных проектов, к пространственно-географическому и социокультурному развитию России, к гармоничному освоению человеческих и природных ресурсов. Исключение – проведение Олимпиады Сочи-2014.

- это – потеря доверия населения к политике и политической системе. Реальная политика ушла в непубличную сферу (и прежде всего, на федеральном уровне) и выстраивается в основном на взаимодействии между органами власти и преимущественно деловыми элитами. Политика, в которой главной и зачастую единственной формой массового участия является участие в выборах, а главные возможности и свободы предоставлены для бизнес-лоббизма. Гражданское общество возникает в России, только когда приходит большая беда.

- это – целенаправленное формирование потребительского общества как альтернативное замещение общества социальной справедливости и национального мира. Доминирование в целеполагании прагматизма в форме максимизации личной выгоды как главного мотива поведения.

- это – такое целеполагание нашего населения, когда выбирая между ценностью самоутверждения и ценностью солидарности, заботы о других, оно уверенно ратует за самоутверждение. Среди европейских стран мы входим в пятерку главных почитателей этого качества, солидарность и забота при этом, конечно, остаются в небрежении. Россияне даже выработали нормы жизни в обществе без норм, первая из которых – ориентация на персональное благополучие, личный успех и собственную силу.

- это – нарастание противоречия между растущим запросом населения на высококачественные услуги и окружающую среду и износом всех видов инфраструктуры. У населения нет четкой связи между качеством инфраструктуры и оценкой эффективности власти

К основным и необходимым характеристикам современного солидарного общества относятся:

- наличие общей цели (идей, идеалов, идеологии) развития, ценностей и норм, которые являются безусловными для населения;

- открытый и честный диалог между органами власти и населением;

- ответственность власти за эффективность, законность и безопасность своей деятельности;

- социальная активность граждан в решении государственных и общественных проблем, вопросов местного значения и др.

Системообразующим элементом солидарного общества являются гармонические человеческие отношения, основанные на позитивных национальных духовно-ценностных и культурно-исторических традициях, на рациональном использовании человеческого и общественного потенциала.

Человеческий потенциал понимается нами как совокупность качеств человека, реализующихся в деятельности способностей и возможностей, уровень развития которых способствует продуктивности жизнедеятельности общества². Качество человеческого потенциала – это мера его развития, отвечающая потребностям общества и личности.

Человеческий потенциал не возникает стихийно, он целенаправленно формируется и является результатом сознательно создаваемого и постоянно развивающегося ресурса гармонизации человеческих отношений. Целью такой гармонизации отношений является повышение качества жизни и позитивное развитие общества, страны и государства.

¹ См.: Сорокин П. А., Основные проблемы социологии П.Л. Лаврова // Сорокин П.А. О русской общественной мысли. – С. 40–44. Данная статья была опубликована в сб.: Лавров П.Л. Статьи, воспоминания, материалы. – Пг., 1922. – С. 249–291.

² См.: Саксельцев И.Г. Человеческий потенциал современного российского общества (социологический анализ). Автореф. дисс. ... к.с.н. – Саратов, 2006.

Наблюдается тенденция возрастающей роли человека в управлении, развитии общества, поскольку в человеке сосредоточены главные источники эффективности и качества деятельности. Эволюция развития общества в XX и XXI веках усилила такие формы и типы проявления власти, как «моральная власть», «власть на вознаграждении» и «экспертная власть».

В этой связи, принципиально важным является соответствующее качество потенциала власти. Для оценки качества муниципальной власти и выявления уровня социальной эффективности управления в основных сферах жизнедеятельности общества нами разработана и апробирована в течение шестилетнего мониторинга в ЦФО модель оценки качества муниципальной власти и ее социальной эффективности по критерию качества жизни.

В соответствии с описанной моделью качества современного человека А.И. Субетто¹, нами предложена модель качества управленца, состоящая из четырех сфер:

- сфера-ядро, включающая системно-социальные, ценностно-мировоззренческие, духовно-нравственные, интеллектуальные, психические и физические качества;
- сфера качества знаний, состоящая из всех видов знаний, которые поступают и усваиваются личностью не только по каналам систем образования, просвещения, но и семьи, культуры и социума в целом;
- сфера качества деятельности, характеризующаяся совокупностью умений, навыков и компетентностью;
- сфера качества культуры личности как единство общей и профессиональной культуры.

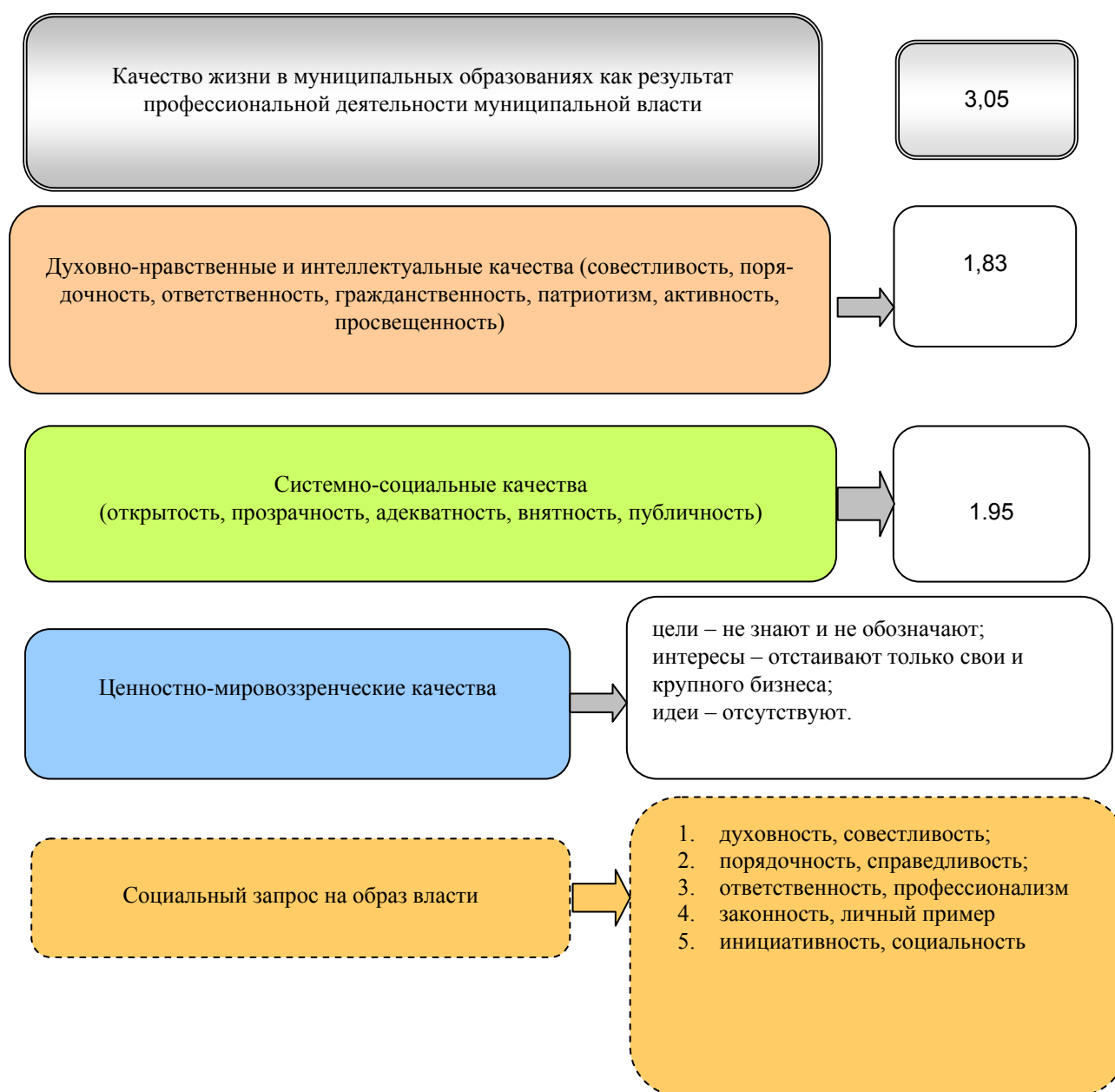

Рисунок 1.
Интегральная оценка качества муниципальной власти в РФ

¹ Субетто А.И. Начала теории социального менеджмента качества (ноосферно-социальная парадигма) / Под науч. ред. Бобкова В.Н. – СПб.: Астерион, 2012. – С. 10, 174–178.

Эта модель была использована в комплексном социологическом исследовании «Качество муниципальной власти на евразийском пространстве», проведенном в 2013–2014 гг. ЦСКП-«Центр» совместно с Казахстанско-российским университетом и МНИЦ Современной гуманитарной академии. Основным результатом данного исследования является вывод о том, что современное качество муниципальной власти не соответствует задачи консолидации и солидаризации местных сообществ. Общая оценка качества муниципальной власти в РФ – 2,46 по пятибалльной шкале. Ниже представлены оценки по основным блокам, описывающим качество власти (см. рис.1).

Анализ представленных данных свидетельствует о том, что в муниципальных сообществах России выше оценивают конкретные результаты деятельности муниципальной власти по обеспечению качества жизни населения в сферах жизнедеятельности (3,02 балла), чем собственно личностные качества власти (1,88 балла) – духовно-нравственные и интеллектуальные, системно-социальные и ценностно-мировоззренческие.

Сравним полученные результаты оценки качества муниципальной власти в России и Республике Казахстан. В табл. 1 представлены сравнительные оценки по результатам деятельности власти в основных сферах жизнедеятельности.

Таблица 1

Сравнительная оценка деятельности муниципальной власти в основных сферах жизнедеятельности в Российской Федерации и Республике Казахстан

	Сферы жизнедеятельности	Россия	Казахстан
1.	Дошкольное образование	3,5	3,6
2.	Общее и дополнительное образование	3,2	3,5
3.	Культура и духовное развитие	3,0	3,6
4.	Социальное обслуживание и соцзащита	3,0	3,3
5.	Экономическое развитие, в т.ч. рабочие места	2,5	3,2
6.	Обеспечение безопасности личности	3,3	3,4
7.	Жилищно-коммунальное обслуживание	2,4	3,1
8.	Дорожное хозяйство и качество дорог	2,3	2,9
9.	Транспортное обслуживание	3,4	3,5
10.	Жилищное строительство и обеспечение жильем	2,4	2,8
11.	Среда обитания и экология	3,4	2,6
12.	Физическая культура и спорт	3,7	3,8
13.	Благоустройство и озеленение дворов, д/площадок	3,1	3,5
14.	Электронные услуги	3,5	4,1
	Общая оценка за сферы	3.05	3.3

Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что в Республике Казахстан результаты деятельности муниципальной власти оцениваются выше, чем в России (3,3 к 3,05). Наиболее существенная разница в оценках видна в следующих сферах: культура и духовное развитие, жилищно-коммунальное обслуживание, дорожное хозяйство и качество автомобильных дорог, электронные услуги, экономическое развитие, в том числе создание новых рабочих мест и развитие малого и среднего бизнеса. Исключение составляет оценка среды обитания и экологии – 3,4 в РФ против 2,6 в РК.

Сравнение всех сфер качества муниципальной власти представлено в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительная оценка качества муниципальной власти в Российской Федерации и Республике Казахстан

	Сферы качества власти	Россия	Казахстан
1.	Ценностно-мировоззренческие и интеллектуальные	1,83	2,82
2.	Системно-социальные	1,95	2,74
3.	Профессиональной подготовленность	1,99	2,82
4.	Деятельностно-результатирующие	3,05	3,3
	Интегральная оценка	2,2	2,92

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что качество муниципальной власти является не достаточно высоким (от 2,2 до 2,92 баллов) и оценивается выше в Республике Казахстан.

Как соотносятся между собой качество муниципальной власти и солидаризация местного сообщества? Напрямую. Ибо от качества власти, ее инициатив и примера в соблюдении норм напрямую зависит уровень сплоченности сообщества. В этой связи, представляется важным оценить не только то, что власть делает, но и то, чего власть не делает из того, что должна и обязана делать. Так вот, результаты исследования свидетельствуют, что власть перестала воспроизводить смыслы, идеи, ценности, нормы и модели поведения, а образование и профессиональные компетенции ей в этом не способствует. Другими словами, мировоззрение власти и система ценностей размыты, идей нет, а бесстыдство, зачастую, стало нормой.

Способность глубоко мыслить и анализировать, благородство чувств, т.е. нравственное начало, остались за пределами подготовки и подбора управленческих кадров.

Что сегодня является основой мировоззрения власти и элиты, каковы ее ценностные ориентиры? Может быть это идея социальной справедливости, идея равных возможностей, прав и свобод или идея – равенства в нищете для большинства. Ответ должен быть однозначно ясным и понятным как для элиты, так и для общества.

В завершении обозначенной темы, целесообразно подчеркнуть, что правильно заданный вопрос о том, что объединяет людей в сообществах, каково качество власти и элиты – это ключ к получению правильного и нужного, а самое главное полезного ответа: куда и кто нам укажет правильное направление прогрессивного движения.

Черкай А.Д.

к.ф.-м.н., с. н. с., профессор «МАТИ» – РГТУ
cherkay_ad@mail.ru, www.cherkay.ru

О ПЕРСПЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ УПРАВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова: экономика, лингвистические модели, учет, анализ, управление.

Keywords: economics, linguistic models, accounting, analysis, control.

В современном мире активно идут процессы глобализации, выражающиеся во всемирной экономической, политической, культурной и информационной интеграции мирового пространства в единую зону, где свободно перемещаются информация, товары и услуги, капитал, где беспрепятственно распространяются идеи и их носители. При этом мировая экономика в XXI веке становится все более унифицированной в части ведения, учета, контроля и управления финансовой деятельности корпораций и фирм. Поэтому в настоящее время является актуальным ведение бухгалтерского учета в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности (МСФО). Учет по МСФО называют финансовым учетом, так как в нем активы и обязательства отражаются в отчетности по их реальной финансовой стоимости. Использование стандартов МСФО, расширяя возможности контроля над результатами деятельности наемных руководителей компаний и корпораций, снижает произвол в их деятельности. Учет в соответствии с национальными стандартами (ГААП США, РСБУ и д. р.), отличными от МСФО, называют бухгалтерским учетом. Обычно считается, что технология ведения учета по МСФО существенно отличается от учета по российским стандартам бухгалтерского учета (РСБУ), так как в учете по РСБУ используются классические активные, пассивные и с переменным сальдо счета, а в учете по МСФО только активные и пассивные счета.

В настоящей работе рассматривается базирующийся на лингвистических моделях подход, позволяющий построить единую теорию классического бухгалтерского учета и современного финансового учета, а также возможности на основе лингвистических моделей упрощения решения отдельных задач прогнозирования и управления в экономике.

1. Современные тенденции развития теории бухгалтерского учета

Во второй половине прошлого века в связи с увеличением промышленного производства в Америке появилась англоязычная бухгалтерская школа, поставившая во главу угла, наряду с важными, чисто бухгалтерскими вопросами, вопросы управленческого учета и контроля высшего руководящего состава предприятий с учетом психологии их поведения. При этом пришли к выводу, что не принципиально, каково влияние хозяйственных операций на баланс, и не важно, баланс ли строится по счетам или из баланса выводятся счета, а также каковы счета по структуре и назначению (один или два ряда счетов). Тем не менее, при ведении учета этой школой используются активные и пассивные счета Шера и динамический баланс Шмаленбаха. В настоящее время этот учет преобразуется в соответствии с требованиями международных стандартов финансовой отчетности (МСФО), в которых все большее внимание уделяется подготовке достоверной и понятной пользователю финансовой отчетности. Такая отчетность используется все большим числом стран.

Бухгалтерский учет – язык бизнеса, и в настоящее время наметилась тенденция к его стандартизации и созданию единой для всего мира теории бухгалтерского учета. Об этом в обращении к участникам первого Международного конгресса аудиторов папа Пий XII сказал¹: «Раньше каждая страна применяла свои, только ей присущие методы бухгалтерского учета. Так, известны венецианская, английская, французская, антверпенская бухгалтерии. Затем появились теоретики, они исследовали преимущества и недостатки отдельных систем... Так родилась наука. Она и сейчас находится в начальной фазе, но ее дальнейшая разработка, господа, представляет в настоящее время особое значение».

Характеризуя основные существующие в настоящее время национальные школы, Я.В. Соколов отмечает, что одна из них – итальянская – ветвь права, другая – французская – экономики, третья – немецкая – общей теории систем, четвертая – англоязычная – психологии. Не может быть несколько наук об одном и том же. Отсюда им делается вывод о том, что ближайшая задача бухгалтеров состоит в создании общей теории бухгалтерского учета, методология которой будет базироваться на логико-математических и лингвистических подходах, а практика – на успехах психологии.

Основой бухгалтерского учета является запись хозяйственных операций на формализованном языке со счетами, составляющими его алфавит, и проводками, являющимися фразами этого языка. В данной работе далее рассматрива-

¹ Соколов Я.В. Бухгалтерский учет веселая наука. – М.: 1С-Паблишинг, 2011. – С. 124–125.

ется общая математическая модель языка бухгалтерского учета, анализируются ее формальные синтаксические и семантические правила применительно к РСБУ, бюджетным, банковским и МСФО счетам в проводках.

2. Общая формальная модель языка бухгалтерского учета

Общая формальная модель языка бухгалтерского учета предложена автором в 2010 году¹ в виде упорядоченной четвертки $\langle \mathbf{C}, \mathbf{Г}, \mathbf{М}, \mathbf{Я} \rangle$, где:

С – словарь (или алфавит) символов, знаков и слов языка бухгалтерского учета;

Г – грамматика языка бухгалтерского учета в виде синтаксических правил формирования из символов, знаков и слов словаря **С** осмысленных высказываний (фраз) на языке бухгалтерского учета;

М – семантические правила, позволяющие поставить в соответствие каждой получаемой с помощью синтаксической процедуры **Г** фразе языка бухгалтерского учета или ее части некоторый набор символов и букв, описывающих их смысловое содержание.

Я – фразы языка бухгалтерского учета с признаками их смыслового содержания, сформированными на базе правил **Г** и **М** из символов, знаков и слов словаря **С**.

Более простая модель $\langle \mathbf{C}, \mathbf{Г}, \mathbf{Я} \rangle$, без семантики была описана Лукой Пачоли в 1494 год. Синтаксическое правило этой модели для РСБУ, это запись строки в виде:

Д «номер одного счета» К «номер другого счета» «сумма операции»

Формируемые с помощью этой модели фразы известны как обычные простые проводки хозяйственных операций.

Например, проводки операций

1. Получен от поставщика товар на сумму 10 000 руб. 2. Поставщику из кассы выдана сумма 10 000 руб. за поставку товара имеют вид:

1. **Д 41 К 60 10000** 2. **Д 60 К 50 10000**

В общей формальной модели с семантикой нами в обычные проводки в виде подстроичника добавлены символичные записи формальных семантических правил языка, которых нет в простой модели. Эти правила бухгалтеры осваивают на практике, запоминают и держат в голове. Причем более 200 лет идут споры о том, какие это правила, и не прекращаются попытки сформулировать их. Так как, обычно стремились найти одно такое общее правило, то успеха эти попытки не имели. Автором статьи² определен минимальный полный набор этих правил и на их базе предложен универсальный бухгалтерский семантический код (УБСК), позволяющий формально приписывать счетам в проводках смысл в виде однозначного кода. Формальный однозначный перевод этого кода на обычный язык упрощает понимание смысла проводок и проверку правильности записи проводок по их смыслу.

3. Универсальный бухгалтерский семантический (смысловой) код

Предложенный автором универсальный набор основных семантических (смысловых) кодов счетов в проводках приведен в представленной здесь компактной таблице. Это и есть семантические правила модели языка бухгалтерского учета.

Универсальный бухгалтерский семантический (смысловой) код Черкая

Классы счетов	Активные (А)	Пассивные (П)	Активные-пассивные (АП)			
Типы счетов	И, Р, др. А	Ам, Д, Рез, К, др. П	все АП	ДР	ПрУб	КЗДЗ
По дебету СКд	↑ А , ↑ И , ↑ Р	↓ П , ↓ Ам , ↓ Д , ↓ Рез , ↓ К	+ДДС	+Р	+Уб	Тл←*, НД, +ДЗ
По кредиту СКк	↓ А , ↓ И , ↓ Р	↑ П , ↑ Ам , ↑ Д , ↑ Рез , ↑ К	+ДКС	+Д	+Пр	Тл→*, МД, +КЗ

* Тл← вместо слов *третье лицо получило*, и Тл→ вместо слов *от третьего лица получено* в проводках операций с передачей имущества, работ, услуг.

В данной таблице даны классы и соответствующие им типы счетов, приведены правила двойной записи на счетах в виде семантических (смысловых) кодов-подстроичников счетов в проводках по их дебету (СКд) и кредиту (СКк). Большинство обозначений являются общепринятыми. Основные сокращения: **А** – активы и активные счета, **И** – имущество, **Р** – расходы, **П** – пассивы и пассивные счета, **Д** – доходы, **Ам** – амортизация, **Рез** – резервы, **К** – капитал, **Пр** – прибыли, **Уб** – убытки, **НД** – нам (предприятию) должны, **МД** – мы должны (предприятие должно), **ДЗ** – дебиторская задолженность и счета дебиторской задолженности, **КЗ** – кредиторская задолженность и счета кредиторской задолженности. Здесь увеличение накопления массы на счете (↑), уменьшение накопленной ранее массы на счете (↓). Для счетов активно-пассивных счетов (**АП**) прибавление добавки по дебету счета (+ДДС), прибавление добавки по кредиту счета (+ДКС).

Примечание к таблице. Активные счета (**А**) определены, как счета, никогда не имеющие кредитового остатка, а пассивные (**П**), как счета, никогда не имеющие дебетового остатка. К активно-пассивным счетам РСБУ нами отнесены все не активные и не пассивные счета, а к активно-пассивным счетам МСФО, бюджетным и банковским мы относим те из них, у которых имеются парные связанные счета, а также те счета, на которые в течение отчетного периода

¹ Черкай А.Д. Бухгалтерский учет и его универсальный семантический код: новый метод быстрого обучения основам бухгалтерского учета. – М.: Черкай, 2010. – С. 80–85.

² Там же.

идет накопление (добавление) учитываемого на них и списание с них осуществляется только по завершении отчетного периода. Для всех счетов доходов и расходов (ДР), прибылей и убытков (ПрУб) в проводках их закрытия со списанием остатков логично использовать знак уменьшения (↓) того, что списывается с них, так как при списании остатков никаких добавок на сторонах этих счетов нет. Для счетов кредиторской и дебиторской задолженностей (КЗДЗ) МСФО, бюджетных и банковских аналогичная ситуация возможна при исправлении, полученных в результате ошибки, на активном счете кредиторского остатка или на пассивном счете дебетового остатка.

Использование универсального бухгалтерского семантического кода (УБСК Черкая), приведенного в таблице, позволяет формализовано описывать смысл, как операций, так и их проводок. Это облегчает перевод описаний операций на язык проводок, а также позволяет осуществлять формальный перевод проводок на обычный язык с целью их проверки.

4. Запись с УБСК проводок операций РСБУ

Пример 1. Оприходован полученный от Поставщика товар на сумму 20000 руб. Проводка этой операции с семантическим кодом:

Д 41 К 60 20000

↑И товаров Тл→И, МД, +КЗ

Семантический (смысловой) анализ проводки. На дебетуемом счете 41 «Товары» отражено получение (приход) имущества (↑И) – товаров. Товары поступили от стороннего третьего лица – поставщика (Тл→И), за поставку нам товара в этой операции мы ему должны (МД). Мы признаем, что он кредитор в этой операции, и имеет место прибавление (запись добавки) кредиторской задолженности (+КЗ) по кредиту счета 60 «Расчеты с поставщиками».

Краткая запись смысла проводки: получен товар от поставщика. Он соответствует смыслу рассматриваемой операции.

Пример 2. Поставщику выданы из кассы наличные деньги в сумме 20000 руб. Проводка этой операции с семантическим кодом:

Д 60 К 50 20000

Тл←И, НД, +ДЗ ↓И ден.ср.

5. Запись УБСК в проводках с бюджетными, банковскими и МСФО счетами

- 1) Получены от поставщика строительные материалы на сумму 100 тысяч рублей, без предоплаты.

Д 010504340 К 030222730 100000

↑И строит. матер. Тл→матер. запасы, МД, +КЗ

Формальный перевод: Третье лицо (Тл – поставщик) осуществил поставку бюджетному учреждению имущества (Тл→И) – строительных материалов, и получив их (↑И), мы должны (МД) поставщику, он кредитор и на его счете расчета с ним записывается добавка кредиторской задолженности (+КЗ) бюджетного учреждения.

Или кратко: От поставщика получены строительные материалы без предоплаты поставки.

- 2) Получены от поставщика строительные материалы на сумму 100 тысяч рублей, после предоплаты поставки.

Д 010504340 К 020622660 100000

↑И строит. матер. Тл→матер. запасы, МД, +КЗ

Формальный перевод символической записи дан выше.

Кратко это: От поставщика получены строительные материалы после предоплаты поставки.

Аналогично записываются проводки с УБСК операций со счетами банковского учета. Проводки учета по МСФО в отличие от приведенных выше обычно записываются в две строки и для них УБСК целесообразно записывать ниже каждой проводки в следующей третьей строке.

6. Другие задачи, решаемые с использованием лингвистических моделей

В современном мире интенсивно развиваются информационные технологии, в рамках всемирной паутины создаются и становятся общедоступными постоянно расширяющиеся базы данных по макроэкономике. С переходом к подготовке отчетности по международным стандартам финансовой отчетности (МСФО) на языке XBRL имеет место тенденция к созданию аналогичных локальных и глобальных баз данных по микроэкономике. Доступ к таким базам данных позволяет, с одной стороны, достаточно быстро проверять степень соответствие теории практике и устанавливать их несоответствие или соответствие друг другу, а, с другой стороны, дает возможность разрабатывать и опробовать новые подходы к решению задач экономической теории.

Одним из таких подходов является подход, базирующийся на использовании формальных лингвистических моделей для целей прогнозирования и управления. Особенностью использования этих моделей при решении задач прогнозирования и управления является то, что в них используется сравнительно небольшой набор алгоритмов и программ, а базы данных, используемые для принятия решений, могут быть как глобальными, так и локальными. Простота, компактность и легкая восстанавливаемость программ, реализующих лингвистические алгоритмы, и возможность их работы с легко защищаемыми и восстанавливаемыми локальными базами данных повышает устойчивость компьютерных систем принятия решений и управления.

За последние годы нами накоплен определенный опыт по выделению и использованию паттернов лингвистических моделей в экономике при решении задач:

- прогнозирования динамики цен и принятия решений на биржах;
- прогнозирования развития экономики стран и всего мира;
- прогнозирования народонаселения стран и всего мира;

При этом точность прогноза существенно зависит от полноты используемых баз данных и степени вариабельности рассматриваемых процессов. Чем более полны базы данных при заданной степени вариабельности анализируемых процессов, тем выше точность прогноза. Так точность прогноза численности населения мира при использовании всемирной базы данных за период с 1960 года достаточно высока и составляет за последние несколько лет 1 млн. человек. В то же время точность прогноза динамики цен валюты на бирже Forex близка к точности процедур технического анализа, одна из возможных причин этого – малый объем предоставляемого пользователям архива данных в торговой системе MetaTrader.

7. Заключение

В заключение следует отметить, что к настоящему времени заложены основы решения широкого спектра задач в экономике с использованием лингвистических моделей.

Чернов С.Б.

к.э.н., доцент ГУУ

Chernov_S_B@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова: *борьба с коррупцией, теневая экономика.*

По причине теневизации российской экономики федеральный бюджет недополучает в качестве налогов около 3 трлн. руб., а региональные бюджеты – почти 2 трлн. руб.¹ Неучтенная выручка, выплата «конвертной» заработной платы и на этой основе сокращение налоговых платежей в бюджет, «откаты» должностным лицам государственных, муниципальных и коммерческих структур позволяют некоторой части предпринимателей не уходить с рынка за счет вытеснения с него законопослушных представителей бизнеса. Снижение издержек и рост выручки незаконными способами закрепляет техническую отсталость российских предприятий, не способствует выработке столь необходимой в настоящее время стратегии сокращения затрат на единицу выпускаемой продукции.

В анализе теневой экономики следует двигаться от объективных экономических отношений к субъективным правовым нормам. Исходя из этого, можно выделить критерии теневой экономики:

1. В теневой экономике создаются, обмениваются, распределяются и потребляются теневые экономические блага.
2. Теневая экономика включает в себя теневые производственные отношения, возникающие и существующие между ее субъектами.
3. Существующие, воспроизводящиеся теневые производственные отношения наносят вред обществу, государству, муниципалитетам, легальным организациям, домашним хозяйствам и разрушают их.
4. Теневая экономика функционирует в противозаконной форме.
5. Участники теневой экономики ведут скрытый характер деятельности (в случаях реального противодействия государственных органов власти).

Поэтому под теневой экономикой понимается система отношений, возникающих в сфере производства, обмена, распределения и потребления экономических благ, которые наносят вред обществу, государству, муниципалитетам, домашним хозяйствам и разрушают их². Экономическая категория «теневая экономика» включает в себя категорию «криминальная экономика» и по своему содержанию намного шире ее. В то же время следует учитывать, что криминальная экономика – наиболее опасная часть теневой экономики, которая отбрасывает Россию в примитивные общества с традиционной экономикой.

Сложность предмета исследования обусловила появление различных подходов не только к определению теневой экономики, выделению ее форм, но и к социально-экономическим последствиям распространения теневых экономических отношений. Наиболее опасна ситуация, когда исследователь находится под влиянием идей теневого предпринимательства, не отделяет его от легального предпринимательства и выделяет положительные последствия теневой экономики.

Анализируя развитие теневой экономики, необходимо указать на то обстоятельство, что она является частью реальной экономики. Термины открытой и закрытой экономики широко известны в экономической литературе и не требуют особых пояснений. В то же время реальная экономика как отдельная категория не выделяется и не рассматривается. Реальная экономика – это такая форма национальной экономики, которая помимо домашних хозяйств, фирм, государства, муниципалитетов и субъектов внешнего рынка включает в себя участников теневого рынка.

Каждый из субъектов реальной экономики имеет свои собственные экономические интересы. Цели конкуренции зависят от субъекта, борющегося за наилучшие условия существования на рынке. Для субъектов теневого рынка – это, прежде всего, извлечение доходов любыми способами, в том числе и криминальными, в явной и скрытой форме. В явной форме представители теневого капитала не маскируют свои истинные приоритеты и ценности. В скрытой форме достижение интересов субъектов теневого рынка осуществляется:

- путем их лоббирования в органах государственной и муниципальной власти, вследствие чего может происходить, например, декриминализация общественно опасных деяний; непринятие в течение длительного времени необходимых обществу законов;

¹ Глава Минфина оценил теневой сектор экономики РФ в 15-20% от ВВП. 20 июня 2013 г. – <http://top.rbc.ru/economics/20/06/2013/862716.shtml>

² Чернов С.Б. Теневые экономические отношения: монография / С.Б. Чернов; Государственный университет управления, Институт инновационного управления экономикой ГУУ. – М.: ГУУ, 2013. – 118 с.

• через механизм отмыывания «грязных» денег и другого имущества, полученных преступным путем, с последующим проникновением во все сферы общественной и политической жизни, органы законодательной и исполнительной государственной и муниципальной власти.

• под прикрытием легальной деятельности.

На макроуровне теневая экономика и коррупция усиливают макроэкономическую нестабильность и порождают:

1. Отвлечение ресурсов из легального сектора экономики.
2. Снижение инвестиционной привлекательности российской экономики.
3. Технологическую отсталость российских предприятий.
4. Перераспределение доходов в обществе в пользу организаторов теневого предпринимательства,
5. Значительную социально-экономическую дифференциацию населения, организаций и регионов.
6. Инфляцию за счет накопленных в теневой экономике денежных средств и роста фальшивомонетничества.
7. Лоббирование интересов субъектов теневой экономики.
8. Коррупцию в государственных и муниципальных органах власти.
9. Появление и развитие разнообразных форм организованной преступности.
10. Воспроизводство теневой экономики в расширенном объеме.

На микроуровне теневой рынок выполняет ряд функций, среди которых выделим разрушение ресурсов в легальном секторе экономики в результате:

– развития теневого предпринимательства основанного на пороках человека (наркобизнес, порноиндустрия, незаконные казино);

– их перевода в теневой сектор, например, за счет использования различных схем ухода от налогов¹.

Такие формы теневой экономики как коррупция, терроризм, фальшивомонетничество напрямую подрывают устои российской государственности, являются существенным тормозом инвестиционной активности организаций и населения. Не меньшую опасность представляет незаконный отток денежных средств из экономики России. Скрытый характер теневой экономической деятельности, сокрытие доходов от налогообложения разрушают механизм государственного регулирования экономики. Действия правительства, Банка России, других органов государственной власти становятся малоэффективными, а население теряет веру в справедливость и необходимость государственной власти. Таким образом, к последствиям развития теневой экономики и коррупции относятся:

- снижение инвестиционной активности в легальном секторе экономики;
- технологическая отсталость организаций;
- снижение валютного курса национальной валюты;
- социально-экономическая дифференциация в обществе;
- формирование порочного круга коррупции;
- расширенное воспроизводство теневого капитала;
- разрушение механизма государственного регулирования экономики.

Следует особо отметить, что предлагаемое увеличение налогообложения недвижимого имущества вряд ли будет способствовать развитию инвестиционной деятельности в Российской Федерации. Это приведет к дальнейшему оттоку капитала из России в другие страны. Дефицит финансовых средств, необходимых для инвестиционных целей, повысит привлекательность использования в легальном секторе экономики накапливаемого в теневом секторе экономики капитала. Под теневым капиталом понимается любая вещь, прошедшая обработку и используемая в теневом секторе реальной экономики. Как и любой капитал, теневой капитал представляет собой самовозрастающую стоимость. Увеличение стоимости происходит при движении теневого капитала. Поэтому теневой капитал ищет новые противоправные способы своего приложения или пытается легализоваться для проникновения в законные органы муниципальной и государственной власти.

Экономическая устойчивость организаций и государства во многом определяется техническим уровнем оборудования, который, в свою очередь, зависит от их своевременного обновления. Однако техническое состояние российских организаций не соответствует решению задачи импортозамещения, актуальность которой стала очевидной для всех в условиях развязанной против России экономической войны. Например, в авиакомпаниях средний срок службы действующего парка магистральных пассажирских самолетов, характеризующий общее состояние парка по срокам эксплуатации, составляет 13,8 года, региональных – 27,4 года, грузовых – 22,8 года, легких – 27,2 года. Почти 35% зарубежных самолетов в российском парке имеют срок службы более 15 лет².

Не менее негативная ситуация сложилась в сфере жилищно-коммунального хозяйства:

1. Около трети основных фондов ЖКХ уже полностью отслужили нормативные сроки.
2. Износ сетей и оборудования в сфере коммунального хозяйства огромен – от 50 до 90%, а в отдельных случаях этот показатель достигает и 100%.
3. Имеется большое количество бесхозных коммунальных объектов³.

¹ Чернов С.Б. Функции теневой экономики // Вестник университета (Государственный университет управления). – М.: ГУУ, 2012. – № 13-1. – С. 101–108.

² Самойлов И.А., Страдомский О.Ю., Шапкин В.С. Развитие парка самолетов российских авиакомпаний. – <http://p-as.ru/img/IB-2013-01-08>.

³ Нилова Е. Закон и Порядок. Почему принятые законы не могут исправить ситуацию в сфере ЖКХ. – http://www.afanasy.biz/news/law_and_order/?ELEMENT_ID=58510.

Ввиду отсутствия рыночного механизма в тарифообразовании наблюдается неконтролируемый рост тарифов на услуги ЖКХ. Реформирование ЖКХ привело к формированию псевдорынка в данном секторе российской экономики. Можно выделить характерные признаки псевдорынков:

1. Цена не выполняет роль сигнала в связи между производителем и потребителем.
2. Качество товара (услуги, работы) определяется производителем (продавцом).
3. Существуют большие издержки оппортунизма, т.е. возможности обмана потребителя в пассивной и активной

форме, а также до и после заключения договора.

Профилактическая политика противодействия теневой экономике и коррупции должна быть нацелена на осуществление новой индустриализации российской экономики, что предполагает:

- использование, прежде всего, внутренних инвестиционных ресурсов;
- опережающее развитие перерабатывающих производств, использующих имеющиеся в России ресурсы;
- выделение и приоритетное развитие наукоемких отраслей, в которых Россия способна приобрести и (или) со-

хранить неоспоримые конкурентные преимущества (военно-промышленный комплекс, атомная промышленность и т.д.);

- модернизацию и новое строительство объектов производственной инфраструктуры (дороги, мосты и т.д.);
- формирование реального механизма индикативного планирования национальной экономики в целях умень-

шения сырьевой направленности российского экспорта;

- стабилизацию национальной валюты, рост ее привлекательности.

В условиях современной экономической войны, ведущейся рядом западных держав против России, вырастает значение обновления основных средств, что позволит:

- снизить уровень внешних издержек фирм;
- улучшить качество выпускаемой продукции при импортозамещении;
- уменьшить монотонность труда, присутствующую при эксплуатации устаревшего оборудования;
- увеличить производительность труда;
- обеспечить конкурентоспособность российских компаний в открытой экономике и в условиях экономических

войн;

- повысить привлекательность отечественного бизнеса для привлечения иностранного капитала;
- приостановить отток ресурсов в сферу теневой экономики;
- создать объективную основу для долгосрочного роста российской экономики.

В завершении следует подчеркнуть, что в современное время либерализм проявляется в форме неолиберализма. Особенностью современного российского неолиберализма является обслуживание государством, прежде всего, интересов предпринимательства. На смену идеологии либерализма должна прийти идеология социального партнерства в осуществлении новой индустриализации российской экономики. Будущее за смешанной экономикой, в которой переплетаются черты рыночной и командной экономических систем, обеспечивающей стадию массового потребления не узкой группы лиц, а всего российского народа за счет рационального использования природных ресурсов, применения инновационных технологий и свободного развития каждого члена общества.

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Айзинова И.М.¹

УРОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: социальная политика, единое социальное пространство, европейские социальные стандарты, европейская интеграция, страны ЕС.

Современная конфигурация объединенной Европы является результатом длительного поэтапного развития. Интеграция в социальной сфере стала своего рода надстройкой, приложением, дополнением и, соответственно, нагрузкой на экономический фундамент, подстраиваясь под его возможности и одновременно постепенно его видоизменяя. Накопленный европейскими странами за более чем полувековой период опыт социального строительства, с учетом особенностей социально-экономической ситуации в нашей стране, может быть успешно использован для совершенствования некоторых направлений российской социальной политики.

Движение к единому социальному пространству, на сегодняшний день, это высшая ступень в развитии объединенной Европы, и, пожалуй, самая сложная задача на многотрудном пути европейской интеграции. Такие объективные препятствия, как существенный разрыв в уровне экономического развития, многонациональный и многоконфессиональный состав населения, историко-культурные различия, этнические особенности и национальные традиции затрудняют сближение именно в гуманитарной сфере, замедляя интеграционный процесс.

Тем не менее, все страны ЕС ратифицировали Конвенцию МОТ № 102 (1952 г.) «О минимальных нормах социального обеспечения» и Конвенцию МОТ № 131 (1970 г.) «Об установлении минимальной заработной платы». Помимо таких важнейших социальных гарантий, как поддержание занятости, уровень оплаты и условий труда, а также здравоохранение и образование, европейские социальные стандарты охватывают и другие отрасли социально-бытовой инфраструктуры: жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт и связь. Самостоятельным блоком выступают стандарты в области социальной защиты населения и охраны материнства и детства. Стандартизация распространяется и на такие сферы жизнедеятельности, которые относятся к понятию образа жизни: культура, физкультура и спорт, правопорядок и личная безопасность граждан.

Еще в 1992 г. Маастрихтский договор дал полномочия Совету Европы устанавливать минимальные социальные стандарты и технические нормы условий труда. Эти положения были закреплены на Амстердамском саммите 1997 г., когда социальная политика стала признаваться одним из приоритетных направлений деятельности Евросоюза. Вместе с тем, страны-участники имеют право устанавливать более высокие социальные стандарты в силу своих экономических возможностей. В случае отступления от общеевропейских норм в худшую для граждан сторону, ЕК призывает отдельные страны к приведению национального законодательства в соответствие с едиными требованиями².

Страны Евросоюза придерживаются установки, что любой житель объединенной Европы должен иметь доход, позволяющий ему вести достойный образ жизни, для чего в бюджете каждой страны предусматриваются расходы на социальные гарантии. Они имеют самые разнообразные формы, условия предоставления, размеры, степень охвата нуждающихся. Часть гарантий существует во всех странах ЕС, некоторые – только в отдельных, но в общем случае они охватывают:

- семейные и детские пособия
- пособия по безработице (в некоторых странах, как например, во Франции, они распространяются и на беженцев)
- пособия по болезни, травматизму на производстве и профессиональным заболеваниям
- пропитание
- помощь в оплате жилья
- помощь в оплате коммунальных услуг
- помощь в приобретении одежды и средств гигиены.

В среднем на социальную защиту страны-члены ЕС расходовали в 2010 г. 29,4% по отношению к сумме ВВП³. Основная доля социальных выплат – 39,1% приходится на пособия по старости, далее (29,4%) идут выплаты на поддержание здоровья. Около 8% составляют пособия по инвалидности, немногим более чем по 6% уходит на семейные и детские пособия и на пособия по безработице. Жертвам чрезвычайных обстоятельств выплачивается примерно 5,7%

¹ Айзинова Ирина Маевна – к.э.н., с.н.с. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Профессиональные интересы: социальная политика, доходы и потребление населения, отрасли социальной инфраструктуры. E-mail: irma@ecfor.ru)

² Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 68–69.

³ Здесь и далее по тексту, если не указано особо, источником всех цифровых данных по странам ЕС является Евростат. База данных epp.eurostat.ec.europa.eu. – <http://www.eds-aes.ru>

от общей суммы социальных пособий и чуть более 2% тратится на субсидирование жилищно-коммунальных услуг. На медицинские пособия 8 из 27 стран тратят свыше 30% от общей суммы социальных выплат, в том числе Ирландия расходует на эти цели 43,3%, в то время как на пособия по старости – всего 19,5%, поскольку имеет самый низкий в ЕС удельный вес пожилых.

В отличие от европейской практики, которая пытается внедрить социальные стандарты не только в традиционные отрасли социальной сферы и бытовой инфраструктуры, но и охватить поведенческие аспекты качества жизни населения, в России официально установленные на государственном уровне социальные гарантии касаются, в основном, области денежных доходов. Они включают минимальные: оплату труда, пенсию по старости, по инвалидности и в случае потери кормильца; материнские и детские пособия и минимальный размер стипендий студентам (учащимся), обучающимся по очной форме.

Расходы консолидированного бюджета РФ и государственных внебюджетных фондов на выплату пособий (кроме пенсионных¹) и социальную помощь выросли за период 2000–2013 гг. в 26,7 раза и насчитывали в 2013 г. 2 076 185 млн. руб. Однако в относительном выражении они составляли всего 3,1% от ВВП или 4,6% от общей суммы денежных доходов населения РФ. Расходы на пособия и социальную помощь отдельным категориям граждан по направлениям финансирования распределялись в 2012 г. следующим образом: 7,9% – пособия по временной нетрудоспособности, 16,2% – семейные и материнские пособия, 15,6% – субсидии и льготы на оплату услуг ЖКХ, 0,4% – расходы на возмещение стоимости гарантированного перечня услуг и пособий на погребение, 20,5% – другие виды пособий и социальной помощи². На выплату пенсий и пособий из Пенсионного фонда РФ в 2013 г. было израсходовано 5 671 313 млн. руб.

В такой структуре социальных выплат проявляется отставание уровня денежных доходов населения РФ от европейских стандартов. Вместе с тем, эти цифры показывают основные направления нужды российских граждан в государственной поддержке. Так, семейные и материнские пособия в 2013 г. составляли всего 0,5% к ВВП, тогда как в странах Евросоюза в целом шестью годами раньше это соотношение составляло 2,1%. В 2013 г. ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет покрывало лишь 34,6% на первого ребенка и 69,1% – на второго и последующих детей величины соответствующего ПМ.

Помощь в оплате пропитания и покупке одежды и средств гигиены, в отличие от большинства европейских стран, в число контролируемых на государственном уровне стандартов качества жизни в РФ вообще не входит. Между тем, проблемы питания населения являются важным аспектом Доктрины продовольственной безопасности. По потреблению основных продуктов питания и калорийности и сбалансированности рациона Россия отстает от большинства стран Евросоюза. Согласно результатам Государственной системы наблюдения за состоянием питания населения в 2013 г.³ у 48,4%, то есть почти у половины взрослого населения имелись заболевания, связанные с питанием (повышенное АД, сахарный диабет, инфаркты и инсульты, заболевания ЖКТ), причем у почти 50% опрошенных таких заболеваний было несколько. Кроме того, существуют наиболее уязвимые группы, нуждающиеся в дополнительной поддержке. Во всяком случае, вопросы либо денежного субсидирования расходов на питание, либо введение продовольственных талонов для нуждающихся групп населения ждут своей очереди на решение в числе первоочередных задач расширения направлений социальных расходов РФ с учетом зарубежного опыта.

Разнообразие и детализация отдельных элементов социальной защиты, и адресная поддержка наиболее нуждающихся слоев населения, тем не менее, не отменяют и не заменяют основных направлений социальной политики в странах ЕС, касающихся интересов населения в целом. Это занятость, пенсионное обеспечение, здравоохранение и образование. Данные направления являются приоритетными и для российской социальной политики.

Естественно, занятость, и как источник средств к существованию для подавляющего большинства населения, и как основа экономической стабильности, занимает в этом списке центральное место. Приоритеты и цели европейской политики в области занятости лежат в русле общего направления экономической политики ЕС, направленной на обеспечения устойчивого роста экономики и всестороннего развития и приумножения человеческого потенциала.

Центральный показатель состояния рынка труда – уровень безработицы – в среднем продолжает оставаться в странах ЕС на достаточно высоком уровне. В 2012 г. в Испании четверть трудовых ресурсов не имела работы, в Греции уровень безработицы составлял 24,3%. Свыше 14% безработных было в Ирландии, Латвии, Португалии и Словакии.

По этому показателю в РФ наблюдалась относительно благоприятная ситуация: и в 2012 г., и в 2013 г. – уровень официальной безработицы составлял 5,5%⁴. Вместе с тем, безработица среди молодежи, необходимость поддержания предприятий социального характера, индивидуального предпринимательства актуальны и для нашей страны.

Безработица среди молодежи представляет собой не только экономическую, но и острейшую социальную проблему. В 2012 г. в целом по ЕС она достигла рекордных 22,5%, что составило более 8 миллионов человек⁵. В Греции на долю лиц в возрасте 17–25 лет приходилось 54% безработных, в Испании – 53%, в Италии, Ирландии и Португалии – более 30%. Даже в относительно благополучных Великобритании и Франции не имели работы 21,7 и 23,4% молодежи соответственно.

¹ Поступления страховых взносов и налоговых платежей в Пенсионный фонд РФ, включая поступления из федерального бюджета на пенсионное обеспечение, составляло в 2013 г. 9,5% от ВВП, из них израсходовано средств на выплату населению пенсий и пособий в размере 8,5% от ВВП.

² Российский статистический ежегодник. – М., 2014.

³ Государственная система наблюдения за состоянием питания населения. – www.gks.ru/free_doc/new_site/food/1/index.html

⁴ Российский статистический ежегодник. – М., 2014.

⁵ <http://www.pravda.ru>. 28.09.2013.

В связи с высоким уровнем молодежной безработицы, в 2012 г. ЕК запустила специальный проект, направленный на поиск возможности трудоустройства за пределами страны проживания, то есть на всем пространстве ЕС. При этом службы по трудоустройству будут оказывать не только информационную поддержку, но и финансовую помощь на обучение. Этот опыт в модифицированном к нашим условиям виде (поиск за пределами региона проживания) может оказать существенную помощь молодежи в получении первой работы, поскольку доля лиц до 30 лет среди безработных увеличилась в РФ с 39,4% в 2000 г. до 45,5% – в 2013 г.

Однако никогда не лишне обратиться не только к зарубежному, но и к собственному прошлому опыту. В частности, речь идет о возврате к существовавшему в советский период обязательному распределению выпускников высших учебных заведений. Эта практика решила бы, по меньшей мере, две задачи: гарантированное трудоустройство и получение опыта работы по специальности.

Наряду с проблемами безработицы в странах ЕС в числе приоритетных стоит задача охраны труда на рабочем месте¹ и ликвидации гендерного неравенства. По данным Евростата, в странах ЕС женщины зарабатывают в среднем на 16,2% (почасовая оплата труда при условии полной занятости) меньше, чем мужчины, а в Германии, Великобритании, Эстонии, Чехии и Словакии эта разница составляет более 20%². Среди лиц трудоспособного возраста, не имеющих работу в течение года и более, в шести странах Евросоюза: Болгарии, Эстонии, Греции, Италии, Литве и Словакии, женщины составляют свыше половины (рекорд – 62,5% – принадлежит Словакии). В нашей стране эти проблемы также существуют. К примеру, в октябре 2011 г. заработная плата женщин составляла всего 64% от заработной платы мужчин, при том, что удельный вес женщин в общей численности занятых равнялся 59,2%³.

Достаточно остро в некоторых странах ЕС стоит проблема минимальной оплаты труда. Дифференциация по этому показателю по ППС составляет от 272 евро в Болгарии до 1495 евро в Люксембурге, или 5,5 раз. В семи странах ЕС минимальный уровень оплаты труда вообще законодательно не зафиксирован. Между тем, этот показатель играет важную роль в предотвращении роста бедности среди работающего населения.

В нашей стране проблема минимальной оплаты труда также относится к числу первоочередных задач, требующих решения, поскольку вся система минимальных социальных гарантий в РФ привязана именно к этому показателю. Примерно с 2006-2007 гг. средняя реальная заработная плата в РФ превысила показатель 1991 г. Однако модальный, то есть наиболее часто встречающийся, массовый уровень заработной платы в реальном выражении составляет в настоящее время всего лишь 78% от уровня 1991 г.⁴ Такое отставание является следствием высокой дифференциации в оплате труда, которая, в свою очередь, определяется низким уровнем ее минимального размера (МРОТ).

Действовавший на 1 января 2013 г. МРОТ в размере 5205 рублей составлял всего 68,2% прожиточного минимума работающего, то есть не гарантировал удовлетворение даже физиологического минимума самых настоятельных потребностей. Это противоречит не только рекомендациям Международной организации труда, но и соответствующей статье Трудового кодекса РФ. По отношению к средней заработной плате МРОТ находился на уровне ниже 20%, в то время как в странах ЕС это соотношение колеблется от 30 до 50%, а в перспективе предполагается его повышение до 60%.

Второй проблемой является высокая доля низкооплачиваемых работников в структуре российской занятости, чья заработная плата не превышает 2/3 от медианного размера заработной платы. Их удельный вес в общей численности работающих составляет, по оценкам, около 30%, что вдвое превышает средние цифры европейских стран. В результате в 2012 г. среди малоимущих домашних хозяйств 45,3% составляли домашние хозяйства с двумя работающими, а занятые в экономике насчитывали 62,7% от численности малоимущего населения⁵.

Таким образом, главные проблемы в оплате труда в нашей стране – это повышение МРОТ и сокращение доли низкооплачиваемых работников, а также повышение их зарплаты, что позволит если не приблизиться, то хотя бы несколько продвинуться в направлении от 16-кратной дифференциации в заработной плате (по коэффициенту фондов⁶) в РФ к европейской 6-кратной.

Теоретически, свободное территориальное перемещение людей рассматривается политическими институтами Евросоюза, да и другими международными органами, как положительное явление, способствующее установлению межнациональных, межрелигиозных и социокультурных контактов, развитию личности и повышению качества, эффективности и конкурентоспособности рабочей силы⁷. Однако в связи с глубокими различиями в уровне жизни населения и состоянием рынка труда, миграционные потоки имеют вполне ожидаемое направление: из бедных стран – в богатые, из стран с высоким уровнем безработицы – в страны, которые обеспечивают занятость. Результатом такого перетока становится снижение средних показателей качества жизни, наряду с ростом безработицы в принимающих странах, поскольку не всем иммигрантам удастся найти рабочее место, причем они соглашаются на более низкую оп-

¹ В нашей стране в последнее время наблюдаются определенные позитивные подвижки не только в части непосредственно охраны труда, то есть соблюдения техники безопасности и условий труда на рабочем месте, но и поддержания здоровья работника. Так, обсуждается норма, в соответствии с которой работодатель будет должен оплачивать занятия спортом для своих сотрудников.

² Подробнее о гендерном неравенстве на рынке труда в странах ЕС мы писали в статье Айзинова И.М. Социальная политика стран Евросоюза: идеальные устремления и реальные вызовы // Проблемы прогнозирования. – М., 2013.

³ Женщины и мужчины России. – М.: Росстат, 2012.

⁴ Перспективы развития экономики России: прогноз до 2030 года. – М., 2013.

⁵ Российский статистический ежегодник. – М., 2014.

⁶ Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации заработной платы) определяется как соотношение между средними уровнями заработной платы 10% населения с самой высокой зарплатой и 10% населения с самой низкой зарплатой.

⁷ Development Program of UN (UNDP) Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие (ПРООН). – <http://www.un.org/ru/development>.

лату труда по сравнению с местными жителями, а также претендуют на социальные услуги, создавая дополнительную нагрузку на социальную инфраструктуру. Этот процесс в полной мере затронул и Россию после распада СССР.

В европейских странах накоплен богатый опыт регулирования трудовой миграции. Свободное перемещение рабочей силы в границах ЕС сочетается с жесткой защитой от внешнего проникновения. Иммиграционная политика ЕС направлена на привлечение высококвалифицированных специалистов в области информационных и нанотехнологий, инженерно-технической элиты, выдающихся деятелей науки и культуры. В нашей стране до последнего времени осуществлялся завоз неквалифицированной рабочей силы, не говоря уже о стихийной нелегальной миграции. Это способствует консервации рабочих мест с тяжелыми и неквалифицированными условиями труда вместо их ликвидации, усугубляет проблемы оплаты труда, о которых было сказано выше, замедляет диверсификацию производства и его техническое перевооружение и, в конечном счете, тормозит экономический рост.

Предполагается, что экономический союз России, Белоруссии и Казахстана, обеспечивающий, в том числе, свободное перемещение рабочей силы в его границах, будет способствовать оптимизации рынков труда стран-участниц.

В таких условиях складываются две противоположные тенденции. С одной стороны, возрастающая конкуренция на рынке труда предъявляет повышенные требования к образованию и квалификации рабочей силы. Одновременно под угрозой безработицы, возможно, длительной, работники с образованием высшей ступени вынуждены замещать неквалифицированные рабочие места с тяжелыми условиями труда, что девальвирует значение образования и как жизненной ценности и как экономического фактора.

В целом же, генеральная линия Евросоюза в области образования рассматривает его в двух плоскостях. С одной стороны, как способ совершенствования личности, установления межкультурного понимания и взаимодействия, чему способствует возможность свободного выбора страны проживания и обучения и взаимное признание документов об образовании. Одновременно повышение качества и эффективности систем образования является вложением в человеческий капитал, повышающим его ценность для обеспечения конкурентоспособности европейской экономики перед лицом глобальных вызовов.

Эти цели и задачи реализуются на всех уровнях общего и профессионального обучения и подготовки преподавательских кадров. Большое значение придается развитию информационных и коммуникационных технологий в сфере образования, обучению иностранным языкам, подбору индивидуальных гибких программ обучения и обеспечению его доступности и мобильности на всем пространстве объединенной Европы. Еврокомиссия стимулирует и финансирует специальные программы в области образования, например, программу непрерывного обучения. Особое внимание уделяется обеспечению доступности образования всех ступеней как во внутристрановом, так и в международном разрезе. Общие цели и задачи европейского образовательного процесса, безусловно, носят благой характер и вполне могут быть восприняты также и Россией.

Основную тяжесть расходов по финансированию сферы образования несут государственные бюджеты европейских стран. В среднем в абсолютном выражении эти расходы в странах Евросоюза возросли в 2000-2010 гг. на треть, причем ранее отстававшие в этом отношении страны увеличили свои расходы в значительно большей степени. Направление движения в сторону лидеров свидетельствует о признании на государственном уровне значимости образования населения для экономического роста, и означает попытку сближения национальных образовательных стандартов с общеевропейскими, как того требует Болонский процесс¹, положивший начало синхронизации образовательных систем.

Повышение качества образования и подготовки педагогических кадров, наряду с другими факторами, безусловно, должно способствовать обеспечению устойчивого и динамичного развития европейской экономики. Однако минувший кризис коснулся экономики как бюджетных, так и прочих расходов в социальной сфере практически во всех странах. В области образования меры реформирования можно условно подразделить на организационные и финансовые. К числу первых относится сокращение числа высших учебных заведений, их слияние и перепрофилирование, прекращение обучения и научно-исследовательских работ по некоторым направлениям (Франция), сокращение численности педагогических кадров² (Италия, Испания, Франция). Финансовые меры включают в себя сокращение бюджетного финансирования (Великобритания, Италия, Испания), перенос центра тяжести финансирования образовательных программ на муниципальный уровень, введение полной или частичной платы за обучение (в ряде земель Германии), повышение платы за обучение там, где она существовала ранее (Великобритания).

Однако, несмотря на финансовые трудности, страны Евросоюза тратят на образование гораздо более значительные средства относительно своих ВВП, нежели РФ, причем в относительном выражении в нашей стране они увеличились в 2013 г. по сравнению с 2010 г. (табл. 1) лишь на 0,1 п.п.

Между тем, стремление к всеобщей стандартизации способно уничтожить и положительные итоги национального опыта. Присоединившаяся к Болонскому процессу в 2003 г. Россия стала применять аналогичные меры реформирования системы образования, в частности, слияние и перепрофилирование вузов, что, однако, идет в разрез с годами наработанной практикой подготовки специалистов высшего звена и во многих случаях не повышает, а понижает их образовательный уровень. Что касается младшей школы, то совершенно неприемлемой ни с точки зрения светской морали, ни с позиций православных духовных ценностей, является насаждаемая в европейских странах практика раннего полового просвещения, приветствуемая, кстати, далеко не всеми гражданами внутри самого Евросоюза.

¹ Конференция в г. Болонья (Италия) в июне 1999 г., в которой приняли участие министры образования 29 европейских стран, дала старт созданию единой зоны европейского высшего образования.

² Не только в высших учебных заведениях, но и в других ступенях обучения.

**Государственные расходы Российской Федерации и некоторых стран Евросоюза
(в процентах к ВВП).**

	Годы	Расходы на образование	Годы	Расходы на здравоохранение
Россия	2013	4,3	2013	3,5
	2010	4,2	2010	3,8
Страны ЕС				
Австрия	2010	5,9	2010	8,5
Бельгия	2010	6,6	2010	8,0
Германия	2010	5,1	2010	9,0
Дания	2009	8,7	2010	9,7
Италия	2010	4,5	2010	7,4
Нидерланды	2010	6,0	2010	9,5
Соединенное Королевство (Великобритания)	2010	6,3	2010	8,1
Финляндия	2010	6,8	2010	6,7
Франция	2010	5,9	2010	9,3
Швеция	2010	7,0	2010	7,8

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. – М., 2013; Финансы России. – М., 2014.

Второй важнейшей составляющей, определяющей качество человеческих ресурсов, является здоровье населения, характеризующееся продолжительностью здоровой жизни. Понятно, что этот показатель напрямую зависит от состояния системы здравоохранения: широты охвата населения, доступности и эффективности профилактики и лечения.

Ожидаемая продолжительность жизни, хотя и испытывает воздействие конъюнктурных факторов, все же в большей степени связана с долговременными тенденциями. По этому показателю (в 2012 г. он составлял 70,2 лет для всего населения, в том числе 64,4 года для мужчин и 75,9 лет для женщин) Россия отстает от европейских стран, как входящих, так и не входящих в ЕС.

Существенное влияние на продолжительность жизни оказывает не только общий уровень социально-экономического развития, но и приоритеты государственной социальной политики, непосредственно выражающиеся в расходах на здравоохранение. Одновременно с государственными, в странах ЕС росли и частные расходы на здравоохранение, но при этом в относительно более богатых странах доля государственных расходов в общих расходах на здравоохранение была выше, чем в бедных. В этом проявляется забота о здоровье нации, которое, в свою очередь, обеспечивает устойчивое экономическое развитие. В связи с этим, в любой стране особое значение имеют вопросы финансирования систем здравоохранения: расширение финансовой базы, привлечение новых источников, сокращение издержек.

Общие расходы на здравоохранение в странах Евросоюза в абсолютном выражении в среднем возросли на 48,2%, в том числе – в Германии – на 60%, в Словении – 54,6%, в Болгарии – на 50,6%, Нидерландах – на 47,2%. При этом, в Болгарии, где удельные затраты были почти втрое меньше, чем в среднем, а также в Словении высокие темпы роста объясняются изначально низким уровнем исходной базы, и стремлением хотя бы немного приблизиться к обще-европейским стандартам. В то же время Германия и Нидерланды (удельные расходы на 20 и 40% выше средней), увеличивая расходы на здравоохранение, наращивают вложения в человеческий капитал.

Как видно из данных табл. 1, в РФ государственные затраты на здравоохранение в процентах к ВВП в два и более раза ниже, чем в ведущих европейских странах. Причем данные по РФ включают также и расходы государственных внебюджетных фондов. Из 3,5% в 2013 г. доля расходов на здравоохранение из федерального бюджета составляла всего 2,2%. Бюджеты субъектов федерации несли 54% расходов, хотя часть из них испытывала финансовые трудности, и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов, на долю которых приходилось 51,6% от общего объема расходов на здравоохранение, в то время как в странах, входящих в ЕС, 76,8% этих расходов несло государство (табл. 2).

Таблица 2

Расходы на здравоохранение в странах-членах ЕС

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Общие расходы на здравоохранение, в % к ВВП	9,49	9,40	9,69	10,49	10,44	10,15
Общие расходы на здравоохранение, ППС\$ на душу	3083,65	3241,14	3444,05	3614,34	3653,05	3669,30
Государственные расходы в % от общих расходов на здравоохранение	76,53	76,42	76,82	77,39	77,06	76,77
Государственные расходы на здравоохранение в % от общих государственных расходов	15,84	15,99	16,02	16,10	16,06	16,03

Источник: Inequalities in health system performance and their social determinants in Europe. – <http://www.who.int/ru/data-and-evidence/equity-in-health-project>.

В условиях, когда государственные расходы необходимо жестко сокращать, усиливается нагрузка на домашние хозяйства в части оплаты медицинского обслуживания. В 2010 году в странах ЕС впервые после 2007 г. темпы роста

частных затрат на здравоохранение превысили соответствующий показатель государственных расходов. В РФ расходы на здравоохранение в общем объеме потребительских расходов домашних хозяйств выросли с 2,5% в 2005 г. до 3,6% – в 2013 г., а их удельный вес в структуре платных услуг за этот период увеличился с 4,8 до 6%¹.

На общее состояние любой системы здравоохранения оказывают негативное, но неизбежное воздействие необходимость повышения доходности и снижения издержек государственных бюджетов, или государственных систем медицинского страхования (в зависимости от схемы финансирования, применяемой в конкретной стране), что влечет рост налогов или страховых ставок. Частные системы медицинского страхования также заинтересованы в росте страховых ставок. Медицинские работники нуждаются в повышении оплаты труда, что ведет к росту стоимости медицинских услуг как в государственном, так и в частном секторе. Фармацевтическая промышленность, используя монопольное положение, необоснованно завышает цены на лекарства, что повышает стоимость лечения. Росту общих издержек системы здравоохранения способствуют и затраты на научно-исследовательские работы в области медицины. Эти факторы имеют глобальный характер, и действуют в нашей стране не в меньшей, если не в большей степени, чем в ЕС, имея в виду стремительный переход от полностью бесплатной медицины к резкому росту удельного веса платных медицинских услуг. В периоды ухудшения экономической ситуации и на государственные, и на частные расходы на медицинское обслуживание накладываются жесткие ограничения; в первом случае – со стороны государственного, во втором – со стороны семейного бюджета.

В то же время, в ряде европейских стран существует тенденция по передаче части функций и большей ответственности за системы здравоохранения на региональный уровень, который не имеет достаточных финансовых ресурсов. Эта же тенденция существует и в России. Наша страна переняла у стран ЕС и линию на перенос центра тяжести лечения со стационарной на амбулаторно-поликлиническую форму, слияние и укрупнение медицинских учреждений. При этом закрытие небольших районных больниц и фельдшерско-акушерских пунктов в сельской местности в условиях масштабов территории РФ и бездорожья привело к снижению доступности медицинской помощи.

Практическая реализация лозунга ВОЗ «Здоровье для всех» в любом случае может быть осуществлена только на основе солидарности и перераспределения. Второй путь, более вероятный в ближайшем будущем в свете напряженной экономической ситуации, это переход к частному здравоохранению для высокодоходных слоев населения, и концентрация государственных расходов на оказание ограниченной минимальными нормативами бесплатной (или льготной) медицинской помощи малоимущим слоям населения. Данный подход предполагает внутривнутристрановое перераспределение от богатых к бедным. Имеются определенные опасения, что именно по этому варианту идет реформирование российской системы здравоохранения. Однако такое развитие может либо вызвать рост бедности из-за чрезмерной нагрузки расходов на медицинские услуги на бюджеты домохозяйств, либо привести к ухудшению здоровья вследствие вынужденного отказа от них части населения, испытывающей ограничения по доходам.

Конечный результат деятельности систем здравоохранения – продолжительность жизни населения – напрямую связана с состоянием пенсионного обеспечения в каждой стране, которое затрагивает интересы всего общества, поддерживая (в идеале) социальный баланс между различными возрастными группами населения, между пенсионерами и работающими, включая членов их семей, между активной частью населения и инвалидами. С экономической точки зрения пенсионная система является, с одной стороны, самой затратной частью социальных расходов (в случае преобладания распределительного механизма), с другой стороны – возможным источником инвестиций для роста экономики.

Современные пенсионные системы большинства европейских стран используют трехуровневые модели: базовый размер пенсии формируется по солидарно-распределительной схеме; его дополняют обязательная и добровольная накопительные части, которые сочетаются в различных комбинациях². В таком устройстве пенсионной системы объединяются патерналистская роль государства по отношению к нетрудоспособному населению и индивидуальная экономическая активность граждан, их социальная ответственность перед собственным будущим в условиях свободы выбора.

Эту модель, в несколько видоизмененном виде, переняла и наша страна, как и все чаще обсуждаемое, и, видимо, неизбежное повышение пенсионного возраста. Вместе с тем, при любой формуле расчета пенсионной выплаты, и любой конфигурации пенсионной системы, размер пенсии является производным от величины заработной платы. Поэтому пока в нашей стране не будут разрешены законодательные, а, главное, финансовые проблемы оплаты труда, о которых речь шла выше, реформа пенсионной системы будет пробуксовывать, несмотря на следование зарубежным образцам.

О какой бы области реформирования российской социальной сферы ни шла речь, на наш взгляд, следует более избирательно подходить к зарубежному опыту и, скорее, адаптировать его к российским условиям, нежели переносить эти условия под европейские стандарты, сколь бы привлекательными они бы ни казались, игнорируя собственные положительные результаты.

В целом, главным итогом более чем полувековой истории социальной политики объединенной Европы можно считать фактическое, а не формальное признание необходимости постоянного повышения уровня вложений в развитие человеческого потенциала, и как самостоятельной гуманитарной ценности, и как залога экономического роста, что выражается в высокой доле социальных расходов и разнообразии их направлений.

¹ Российский статистический ежегодник. – М., 2014.

² Айзинова И.М. Европейская социальная политика в период кризиса: обзор систем пенсионного обеспечения и здравоохранения в странах ЕС // Научные труды ИПП РАН. – М.: МАКС Пресс, 2013.

Акопов А.Ю.

д. психол. н., к.м.н., профессор БПА, академик международных общественных академий: МААНОИ, БПА, МАИСУ, ЕАЕН, зав. кафедрой социальной психологии Национального гуманитарного университета, Санкт-Петербург

Несмеянов А.А.

д.м.н., профессор, академик международных общественных академий: МААНОИ, ЕАЕН, директор медицинского центра «Нордмед», Санкт-Петербург

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИГОРНОГО БИЗНЕСА В РОССИИ

Ключевые слова: *игорный бизнес, игровая зависимость, игроки, занятость, бюджет, психологическая безопасность России.*

Известно, что в развитых странах патологическую склонность к азартным играм (игровую зависимость) имеет 1,5% населения. По нашим приблизительным подсчетам, к осени 2009 г. в России было примерно 2–2,5 млн. зависимых от азартных игр людей. При этом играли в азартные игры на деньги примерно до 5 млн. человек. Эти цифры свидетельствовали о масштабах проблемы, которая из болезни, клиники индивидуума переросла к тому времени в важную, неотложную социальную проблему.

На игровом поле есть четыре категории участников: 1) владельцы игрового бизнеса, 2) государство, 3) обслуживающий персонал, 4) сами игроки.

Государство

С 1.01.2008 г. в России были закрыты залы игровых автоматов. С 1.07.2009 г. официально прекратили свою деятельность казино. И до, и после этих постановлений государство участвовало в азартных играх только в аспекте получения налогов с каждого игрового автомата и казино. В лечении людей с игровой зависимостью государство участия не принимало – эти психически больные обращались в основном в частные медицинские центры.

Обслуживающий персонал

К 2009 г. его число составляло примерно 200 тысяч человек. Многие из них – это студенты на подработке, часть персонала – сами игроки с зависимостью.

Владельцы игрового бизнеса

В любой азартной игре есть участники игрового процесса, которые всегда оказываются в конечном выигрыше, – это владельцы игрового бизнеса: залов игровых автоматов, казино. Для обеспечения своего выигрыша, прибыли в этом деле владельцы должны рассчитать процент от дохода (денег, которые ставят игроки) таким образом, чтобы определенный процент выплачивать игрокам на их выигрыши, платить официальные налоги с прибыли государству, подкармливать местную администрацию и полицию, рассчитываться с бандитской «крышей» (позже роль «крыши» часто выполняла полиция), закупать оборудование, платить за аренду помещений и выплачивать зарплату обслуживающему персоналу, остаток забирать себе.

Игроки

Не останавливаясь подробно на всех клинических особенностях социально-психологических зависимостей, в том числе игровой информационной зависимости, отметим здесь (в связи с темой сообщения) такие стороны игровой зависимости, как обычное наличие у игроков одновременно нескольких видов зависимостей (например, частого сочетания игровой и алкогольной зависимости), тот факт, что прекращение приема игрового наркотика (игры) не означает выздоровления больных от игровой зависимости, а также перенесение зависимыми игроками игрового принципа на различные стороны своей жизни, на всю жизнь (на работу, семейные отношения и т.д.). В силу наличия у игроков одновременно нескольких зависимостей они сами нередко заменяют одну свою зависимость другой, например, переходят от игровой зависимости к алкоголизму, в результате становясь пьющими игроками или игроками-наркоманами. Часть игроков ещё до начала игровой практики страдала психическими расстройствами (шизофренией, психопатией).

Прогнозы

Исходя из нашего понимания психологии игрока, проблемы игровой зависимости, положения игрового бизнеса в России и необходимости организации психотерапевтического лечения и реабилитации азартных игроков с зависимостью, нами в статьях, интервью 5-му телеканалу и радиостанции «Балтика» в 2008–2010 гг. выдвигались следующие прогнозы относительно этих проблем.

Было ясно, что владельцы, а вслед за игорными заведениями и игроки должны будут уйти в тень (теневой бизнес), подполье, т.е. продолжать свою деятельность, но скрытно, втайне от властей.

В отношении игроков (особенно с зависимостью) предполагалось, что они (разумеется, не в силах отказаться от игры) всё равно будут играть, но найдут различные варианты замены своей игры, т.е. будут искать иные развлечения (т.к. это люди удовольствия), играть в другие игры, в частности, уйдут в Интернет (Интернет-кафе, Интернет-казино, Интернет-игры на деньги), будут перетекать в лотереи, делать ставки на спортивных тотализаторах на конные бега, в букмекерских конторах на результаты спортивных игр (футбол и др.), играть дома (как в советское время играли в преферанс в компании знакомых и друзей).

То есть, в целом и от владельцев, и от игроков ожидалась линия поведения на замену и мимикрию (**мимикрия игрового бизнеса**). Также мы были уверены, что из-за этих запретов на деятельность игровых заведений тяжёлой абстиненции (явлений лишения игрового наркотика) у зависимых игроков не будет, т.к. опытный наркоман со стажем никогда не доведёт себя до «ломки». Ожидалось, что массово зависимые игроки «сдаваться» к врачам не пойдут; может быть, только единицы, воспользовавшись ситуацией, захотят покончить с этой болезненной привычкой.

Реальность

Следует признать, что прогнозы подтвердились лишь частично. Сразу констатируем, что государством 4 игровые зоны (в Калининградской области, в Алтайском крае, Краснодарском крае плюс в Ростовской области и в Приморском крае) не были построены и открыты. Таким образом, желающим поиграть в азартные игры законно реализовать это своё желание было нигде.

Первое, что сделали владельцы залов игровых автоматов (после 1.01.2008), – они срочно переименовали свои заведения в казино. Затем, после закрытия казино с 1.07.2009 они стали перепрофилироваться в пункты для проведения лотерей (в том числе мгновенных), в букмекерские конторы, кафе и др. учреждения (например, владельцы «Джекпота» открыли магазины бытовой химии). Правительство Петербурга выступило с инициативой продлить ещё на год деятельность игорных заведений, мотивируя её тем, что «крупные игорные заведения исправно платят налоги»: «всё-таки эта корова доится». Крупный бизнес, не надеясь на своевременное открытие игровых зон в России, стал вкладываться в казино за границей, особенно в Восточной Европе. Вовсю расцвёл спортивный покер, под который мимикрировала часть игорных заведений и который широко транслировало ТВ сразу на 3–4-х каналах. Более обеспеченные игроки стали ездить играть в ближнее зарубежье – в Белоруссию и в Финляндию. А основная масса игроков продолжала играть на местах в подпольных игорных заведениях (особенно вначале), которых в первое время стало даже больше, чем до указа, затем постепенно перетекла в Интернет-кафе и спортивные тотализаторы. До розыгрыша ставки на результаты спортивных игр делались с карточек в букмекерских конторах, затем осуществлялась виртуальная игра, за которой следили по Интернету. Виртуальность игры на спортивных тотализаторах в букмекерских конторах резко усложнила контроль за азартными игроками и суммой их ставок (т.е. для большинства – за их проигрышами) со стороны родственников и знакомых, а также контроль за суммой налогов с владельцев этих виртуальных заведений. Первое время предпринимались робкие попытки со стороны властей возбуждать уголовные дела (около сотни) против владельцев игрового бизнеса (VII–VIII.2009) и их тайных покровителей (полиция, прокурорская служба). По предложению министра спорта В.Мутко обсуждался вопрос о лишении покера статуса спортивной игры. Но это всё были полумеры, т.к. подпольный азартный бизнес до сих пор процветает, игроки играют, а налоги вместо государственной казны утекают в карманы владельцев нелегальных и полуправовых игорных заведений. А это по стране десятки миллиардов долларов. Так как и владельцы, и игроки были загнаны в подполье, ситуация с азартными играми в России почти полностью перестала контролироваться властями. Социальная и клиническая болезнь были загнаны в угол. Попутно заметим, что резко уменьшилось число обращений за медико-психологической помощью со стороны игроков и их родных.

Наши рекомендации

Они основаны на нашем опыте работы с игроками с 1977 г., т.е. в течение 38 лет. Ситуация с игровым бизнесом и азартными играми в России должна быть взята под жёсткий контроль властями. Для этого надо немедленно, в ближайшие сроки закончить строительство игровых зон с их широкой инфраструктурой и запустить их в эксплуатацию. Международный опыт в этой области есть: например, Макао (этот «город-казино») (в Макао 25 млн. игроков со всего мира ежегодно приносят городу 15 млрд. долларов), Лас-Вегас, игровая зона в 60 км от Нью-Йорка. Кроме 4-х запланированных игровых зон, города игры, игровые города следует открывать в радиусе 60–100 км от всех крупных городов. В штат сотрудников игровых заведений необходимо включать бригады из психиатра, психолога и психотерапевта (можно в одном лице) для организации срочной помощи азартным игрокам с зависимостью. Игрок в состоянии игрового азарта, полностью проигравшийся человек, находящийся в отчаянии, в стрессовом состоянии, может быть опасен и для себя (опасность суицида), и для окружающих. Поэтому в таких местах необходима хорошо налаженная поли-

цейская служба безопасности и медико-социальная помощь (небольшие стационары для заигравшихся азартных игроков).

По стране необходимо создать в каждом регионе и крупном городе сеть **Центров по противодействию зависимостям, влиянию маргинальных сект и профилактике терроризма** (это тоже виды социально-психологических зависимостей), что мы (пока безуспешно) предлагаем с 2005 г. Мы со своей стороны готовы возглавить один из таких Центров, например, в Санкт-Петербурге.

Выводы

Кроме не контролируемых сейчас предпринимателей-владельцев игрового бизнеса, данные мероприятия окажутся полезными всем остальным участникам игрового процесса: Государство получит десятки и сотни миллиардов долларов (а рублей – ещё больше) – а это очень быстрые деньги, обслуживающий персонал (в том числе полицейские, медики и психологи) – новые рабочие места, а игроки смогут спокойно проигрывать свои деньги, будучи твёрдо уверенными если не в выигрыше, то во всяком случае в психотерапевтической поддержке и медико-психологической помощи в случае проигрыша и даже при крупном выигрыше.

Мы убеждены, что наши рекомендации могут повысить внутреннюю национальную психологическую безопасность России, способствовать открытию нового канала пополнения бюджета страны и оздоровить российскую нацию.

Алейников А.В.

д. филос. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета

КОНФЛИКТНАЯ ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Ключевые слова: *Россия, anomia, конфликт, власть, конфликтная динамика, ценности.*

П. Штомпка, разрабатывая теорию переходных состояний, выдвинул концепт травмы как определенной патологии социума, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность². Травматические события³ вызывают нарушение привычного образа мысли и действий, меняют, часто трагически, жизненный мир людей, их модели поведения и мышления. Могут быть травмы, не основанные на травматических ситуациях, а вызванные распространением представлений об этих событиях. К состояниям негативных последствий социальных перемен, схожими с культурной травмой, относятся anomia, цивилизационная некомпетентность, социальное трение, синдром недоверия, коллективное чувство вины, коллективное чувство стыда, кризис идентичности, кризис легитимности, культурный лаг.

Штомпка выделяет особенности травматического посткоммунистического состояния⁴, что вполне адекватно и для России – дихотомия бинарных оппозиций «дискурса реального социализма» и «дискурса появляющегося капитализма». Оба дискурса различаются по параметрам: а) коллективизм – индивидуализм; б) частное – общественное; в) прошлое – будущее; г) рок – человеческая активность; д) свобода – последствия (иными словами – «свобода от» и «свобода чего-то»); е) мифы – реализм; ж) эффективность – справедливость. Как артикулировал Л. Козер, «в крайне поляризованных социальных системах, где внутренние конфликты разных типов накладываются друг на друга, единое прочтение ситуации и общность восприятия событий всеми членами системы вряд ли вообще возможны. В условиях, когда группа или общество раздираемы враждой лагерей вне всякой объединяющей цели, заключение мира становится почти невозможным, так как ни одна из внутренних партий не желает принять определение ситуации, предложенное другими»⁵.

Р. Дарендорф писал, что «одна из опасностей, которым подвержено гражданское общество, — опасность anomia. Люди теряют опору, которую им могут дать лишь глубинные культурные связи; в конце концов, уже все идет не так, все становится равнозначно, а следовательно – безразлично. Для совместной жизни людей это имеет разнообразные и весьма серьезные последствия. Времена anomia – это времена крайней неуверенности в повседневной жизни. Начинает раздаваться призыв к “закону и порядку”. Вместе с тем люди ищут себе опору везде, где только могут найти. Появляются воспоминания, идущие из самых недр истории, воспоминания об утраченной теплоте гнезда старых социальных взаимосвязей. Снова начинают вызывать интерес национальные корни и абсолютные догматы веры»⁶. Anomia – «социальное состояние, при котором нарушение норм не влечет за собой наказания ... где правит бал наглость бесконтрольных притязаний»⁷.

Во многом формирующие сегодня политико-экономический мейнстрим Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон, считая теорию социального конфликта ключевой, отмечают, что экономические и политические институты часто выбираются не всем обществом, а группами, контролирующими в данный момент политическую власть и выбирающими такие экономические институты, которые имеют целью не повышение благосостояния общества в целом, а максимизацию их собственной ренты. С точки зрения социального конфликта, выбор конкретных экономических институтов зависит от того, кто обладает политической властью создавать или блокировать их создание. Практически дискурс

¹ При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

² Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. – М., 2001. – № 1. – С. 6–17.

³ К ним, по мнению польского социолога, относятся: революция, государственный переворот, уличные бунты; крах рынка, кризис фондовой биржи; радикальная экономическая реформа (национализация, приватизация и т.п.), иностранная оккупация, колониальное завоевание; принудительная миграция или депортация; геноцид, истребление, массовые убийства; акты терроризма и насилия; религиозная реформация, новое религиозное пророчество; убийство президента, отставка высшего должностного лица; разоблачение коррупции, правительственный скандал; открытие секретных архивов и правды о прошлом; ревизия героических традиций нации; крах империи, проигранная война.

⁴ Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социс. – М., 2001. – № 2. – С. 3–12.

⁵ Козер Л. Функции социального конфликта // Социальный конфликт: современные исследования. Реферативный сборник. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – С. 23.

⁶ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М., 2002. – С. 68.

⁷ Там же, с. 81, 215.

стабильности вырождается в социальный конструктивизм, в навязывание обществу принципов социального порядка, необходимого властвующим группам – элите для самосохранения, при котором «стабильными» экономическими и политическими институтами «будут те, которые максимизируют кусок пирога, достающийся влиятельным группам, а не общий размер пирога», даже если об этом известно всем¹.

Применительно к социальной реконструкции управленческих задач, это означает, что социальные конфликты не управляются, а «гасятся». Например, существует проблема огромного разрыва в доходах разных слоёв населения. В Швейцарии, Норвегии, Дании, Финляндии разрыв в доходах между 10 процентами самых обеспеченных и 10 процентами самых бедных граждан колеблется от 4 до 6 раз, во Франции и Великобритании – от 8 до 12 раз, в США – от 12 до 14 раз. В России, по данным Росстата, – разрыв в 16,7 раз, по результатам социологических исследований – он в два раза больше. В России 1% самых богатых получает 40% всех национальных доходов, занимая лидирующие позиции в мире по скупке недвижимости в европейских столицах (по некоторым оценкам, доля россиян среди покупателей элитного жилья на Лазурном берегу Франции составляет 12%). Для сравнения: даже в США этот же 1% самых богатых располагает лишь 8% доходов².

По данным, приводимым Я. Гилинским, в крайней нищете в России живут 13,4% населения с доходом ниже 3422 руб. в месяц. В нищете – 27,8% с доходом от 3422 до 7400 руб. В бедности – 38,8%, чей доход от 7400 до 17 000 руб. Среди бедных есть и свои «богатые»: это 10,9% россиян с доходом от 17 до 25 тыс. руб. На уровне среднего достатка живут 7,3% с доходом от 25 до 50 тыс. руб., а состоятельными являются граждане с доходом от 50 до 75 тыс. руб., чья доля составляет 1,1%. Итого: 41,2% — нищих, 49,7% – бедных (всего нищих и бедных – 90,9%), 8,4% – состоятельных и, очевидно, 0,7% – богатых³. Разрыв социальной ткани в типах потребления носит принципиальный характер по качеству, способам, формам, привычкам, вкусам, навыкам, условиям, стилю жизни, человеческим типам в культурно-информационной области. В полной мере воспроизведен – уже на фоне западных потребительских стандартов – советский пропагандистский тезис: «Два мира – два образа жизни, две морали».

При этом уровень доходов российских работающих существенно ниже, чем, чем в развитых странах. На стандартный аргумент об относительно низкой производительности труда остроумно ответил академик Н.Я. Петраков – «Что, машинист питерского метрополитена водит поезд в три раза медленнее, чем машинист парижского метро? Тем не менее, зарплата у него в три раза меньше, чем у его французского коллеги. Или авиадиспетчеры. И таких профессий можно найти десятки. Но при этом, если даже наш рабочий на станке 20-летней давности производит в 5 раз меньше, чем рабочий «Сименса», то виноват не рабочий, а топ-менеджер этого предприятия, который не обновляет производство; однако при этом и наши топ-менеджеры, и наши банкиры имеют зарплаты на западном уровне, что, мягко говоря, странно»⁴.

Конфликтное распределение национального дохода в российском обществе связано и с фактором справедливости. Как полагает российский исследователь А.В. Перцев, фундаментальный конфликт, предполагающий непримиримость противоречий между сторонами, начинается вовсе не потому, что одни люди считают, что другие получают больше денег. Он начинается тогда, когда стороны взаимно ставят под сомнение человеческую порядочность оппонентов, когда у этих людей возникает убеждение, что другие получают больше денег недостойным образом, непорядочно, незаслуженно⁵.

В России большие доходы считаются как бы «упавшими с небес», точнее – «извлеченными из-под земли». Эта монополизированная природная огромная природная рента не только поощряет коррупцию, но и существенным образом снижает качество государственного управления. В экономически развитых странах на наиболее богатые 10% населения приходится не более 25–30% от общего объема доходов. Наибольшую долю от общих доходов получают верхние 10% населения стран Латинской Америки и ряда стран Африки – от 40 до 50%, что отражает большое (по сравнению с другими странами) неравенство по распределению собственности⁶. В этой группе стран присутствует и Россия. Проблема в том, как артикулирует политолог Глеб Павловский, что власть «рассеяна в поле конфликтов, перегружена неуправляемыми конфликтами, не решает и не справляется с ними, занимаясь недопущением их в политику. Не управлять конфликтами оказывается выигрышной стратегией руководства»⁷. Напротив, как отмечает директор Института социологии РАН, академик М.К. Горшков, например, в Великобритании, если разрыв в доходах достигает 10 раз, собирается чрезвычайная сессия парламента. В России же внятная государственная программа, реальные политические практики в этом отношении отсутствуют.

¹ Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Д. Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста // Экономический вестник. 2006. – Вып. 5, № 2.

² Шкаратан О. Российская «псевдоэлита» и её идентификация в мировом контексте // Мир России. – М., 2011. – № 4. – С. 68-88.

³ Гилинский Я. Исключенные навсегда. Российское будущее: тревоги, о которых нельзя промолчать // Независимая газета. – М., 2011. – 18 мая.

⁴ Петраков Н.Я. Что такое рыночная экономика // В защиту науки. Бюллетень / Российская академия наук. – М., 2013. – № 12. – С. 48.

⁵ Перцев А.В. Для чего конфликтологам изучать философию ненасилия? – <http://percev-club.ru/vvodnay/#more-1485>

⁶ Григорьев Л. М., Салмина А. А. "Структура" социального неравенства современного мира: проблемы измерения // Социологический журнал. 2013. – № 3. – С. 5–21; Костылева Л.В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2011.

⁷ Павловский Г. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. – М.: Европа, 2012. – С.48.

По нашему мнению, современная российская политико-экономическая система (справедливо характеризуемая Г.А. Явлинским как «периферийный капитализм», а А.А. Фисуном как «постсоветский неопатримониализм») имеет следующие «конфликтологические» характеристики:

- конфликтная композиция институтов из разных исторических эпох, разных социальных систем – противоречия новых социальных организаций и форм взаимодействия, институциональных структур (бизнес, массовые коммуникации, образцы потребления и образы жизни) и неизменности структур бесконтрольной власти;

- «государство-рынок», его глава выступает в роли верховного арбитра в конфликтах между ведомствами и кланами, исходя из неписаных норм, а не является гарантом всеобщего интереса, т.е. соблюдения законодательно установленных безличных правил поведения, единых для всех законов, как главный инструмент урегулирования конфликтов, фиксирует обязанности и ответственность за его нарушения, но не обеспечивает и не гарантирует прав, в том числе права собственности;

- ключевая и структурообразующая роль патронажно-клиентарных отношений в определении правил разрешения конфликтов, при которых функция согласования различных частных интересов между собой осуществляется через механизм распространения этнических, региональных, конфессиональных, семейно-родственных и тому подобных связей на политическую сферу;

- персонализированный характер политического управления конфликтами, его слабая рационализация, при которой изначально второстепенными являются все институты конфликто разрешения, являясь лишь средством и инструментом реализации стратегии «первого лица», замыкающего на себя формальные и неформальные рычаги управления;

- элементы политической системы лишены традиционной практики согласований и координации, а институты конфликто разрешения имеют неопределенные и пересекающиеся функции и юрисдикции, что порождает пренебрежение к установленным правилам и процедурам;

- государство фрагментировано на кланы, которые находятся в состоянии непрекращающихся внутривнутриполитических конфликтов по поводу контроля над финансовыми потоками;

- «привластная прослойка» (так называемая элита), сконцентрировавшая усилия на личном обогащении, существенно отчуждена от населения, между «элитой» и простыми гражданами практически нет вертикальных отношений, «вертикаль власти», по образному определению одного политолога, представляет собой не «вертикаль управления», а «вертикаль бегства» – это верёвка альпиниста для небольшого количества друзей и приятелей, которые могут подняться по ней наверх и тем самым ускользнуть от своих менее удачливых сограждан;

- публичные конфликты между группами внутри элиты (борьба за влияние и финансовые потоки) находятся под контролем с целью избегания их открытого манифестирования в широком политическом пространстве;

- урегулирование конфликтов частным образом, на принципе принадлежности к группе интересов, осуществляющей роль гаранта исполнения договоренностей (либо вообще без использования легального арбитража и судебной системы, либо с использованием их в качестве формального прикрытия);

- властно-распорядительные полномочия при разрешении конфликтов реализуются в зависимости не от официального статуса, а от реальной возможности осуществления контроля над распределением и использованием ресурсов. Позиция бенефициаров этих ресурсов является определяющей («руководством к действию») для всех основных институтов конфликто разрешения, включая и судебные инстанции, и редко игнорируются сторонами конфликта;

- конфликтное поведение в обществе (в том числе и в государстве) регулируется неписаными правилами, не зафиксированным в официальном праве («понятиями»). Граждане и властные органы в условиях конфликта действуют не на базе закона, а на основе личных отношений. При этом государство не выполняет роль арбитра в конфликтах хозяйственных спорах и гаранта исполнения договоренностей между сторонами. Реальным фактором для урегулирования конфликтов является не закон, а способность одной из сторон конфликта обеспечить свои интересы в конфронтации. Средства «принуждения к миру» базируются на неформальном «праве» сильного, замаскированного под внешнюю видимость законности, что может подразумевать и прямое насилие (политико-административное или криминальное).

В аксиологической проекции можно выделить ряд конфликтов современной России:

- В отношении к Западу наблюдается принятие цели («жить как в Европе»), но не путей и методов ее достижения. Социологические исследования фиксируют, что в сознании россиян отчетливо выраженное стремление к личному успеху и богатству не сочетается с «с выраженной смелостью, готовностью действовать по-новому, идти на риск и принимать самостоятельные решения. Ценности строятся по “принципу удовольствия”: высокие притязания без готовности к значительным личным усилиям и рискам». При этом очень часто одни же люди одновременно высказываются и за то, чтобы Россия стала частью западного мира, и за то, чтобы она шла особым, отличным от Запада путем.

- Конфликт между декларируемой необходимостью перемен и постулированием стабильности как ценности – за перемены выступает 49% россиян, за стабильность, отсутствие перемен – 44%. В основе дискурса нормализации лежит идея традиционализации социальных и политических отношений, что плохо сочетается с декларациями о необходимости инновационной динамики и модернизации, а набор ключевых стабилизаторов политического режима – с институциональными основами демократии. Потребность в социальных и политических изменениях оказывается в состоянии негативного взаимодействия с доминирующими ценностями приспособления к государству, уравнилельной и распределительной экономики, политического консерватизма и политической пассивности, патернализма. Отсюда – любые социальные движения, направленные на изменения существующего положения, интерпретируются как призыв к разрушению социального порядка.

- Конфликт по направлению «авторитаризм — демократия». Демократия в наборе общепринятых ценностей утвердилась как «вербальная» цель, но при этом «сильная рука» представляется как эффективное средство преодоле-

ния деструктивных последствий конфликтов перехода к рынку и, как это не парадоксально звучит, к демократии. 55% россиян предпочитают выбирать «твердую руку, которая наведет порядок, даже если для этого придется ограничить некоторые свободы», а 37% считают, что «свобода слова, политического выбора, перемещений по стране и за ее пределы – это то, от чего нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах». При этом 49% полагают, что рассредоточение власти между разными политическими институтами, контролирующими друг друга, лучше, чем концентрация власти в одних руках (за это выступает 40% россиян).

– Конфликт между установками на экономическую самостоятельность и установками на социальный патернализм, поддержку со стороны государства.

– Конфликт установок на патернализм с его материально-потребительскими ценностями, популизмом и деполилизацией публичного пространства с крайним индивидуализмом.

– Конфликт между установками на социальную справедливость как «категорический императив» россиян и развитием социальной элитарности, усиленной культурным разрывом.

– Конфликт между установками на обеспечение политической стабильности и фактической «зачисткой» политического поля от альтернативных игроков, что усугубляет нестабильность, – конфликты не разрешаются через плановый ожидаемый механизм конкурентных выборов, что делает процесс смены лидеров неплановым и непредсказуемым.

– Конфликт между установками на необходимость создания правового государства и верховенство права, независимость судов, борьбу с коррупцией и артикулируемой в политических практиках опасностью «неуправляемых» судов и независимых антикоррупционных институций для стабильности политической системы.

– Конфликт между установками на создание прозрачного механизма меритократического отбора в государственный аппарат и государственный крупный бизнес и патронажными практиками, что усиливает некомпетентность управленческого пространства.

– Конфликт между установками на формирование и реализацию последовательной политики по отношению к миграции и геополитическими интересами, с одной стороны, и коррупционными механизмами, блокирующими введение четких и понятных ограничений, с другой стороны.

– Конфликт между установками на формирование общественной морали и принципиально аморальными практиками патроната и коррупции в государстве и государственном бизнесе.

– Конфликт между установками на создание социального и правового государства и отсутствием влиятельных групп интересов, заинтересованных в формировании лучших институциональных форм предоставления социальных и правовых услуг (российские элиты предпочитают потреблять медицинские, образовательные рекреационные, финансовые и юридические услуги за рубежом, а не стимулировать их производство в России). В своих личных, партикулярных стратегиях российская элита эффективно включена в глобальный мир, но не стремится распространить эти правила, игры и ценности на внутренний политический порядок, который в целях своей легитимации старается сохранить в неизменности традиционное ядро российского общества, демонстративно заворачивая его в западную институциональную обертку, ограничивая доступ к другим нормам, стандартам, ценностям и институтам. Осуществляя, по сути, «выход» в другую правовую и социальную систему, элиты успешно блокируют спрос на институциональные изменения, обеспечивая финансирование своих потребительских стандартов участием в политических механизмах распределения ренты.

Марк Блауг утверждал, что нет «методов примирения расходящихся нормативных ценностных суждений – кроме демократических выборов или перестрелок на баррикадах»¹. По сути, мы наблюдаем второе – появились публичные политические группы, готовые к экзистенциальному противостоянию, дискурс ненависти, риторика «друг/враг». Политическое размежевание может развиваться из любой противоположности – религиозной, экономической и даже эстетической. Поводы для конфликтов могут быть любой природы. Но при этом само размежевание в конфликте достигает такой степени интенсивности, что оппоненты или конкуренты становятся именно врагами и под углом зрения смертельной, экзистенциальной вражды видят все остальное. Вражда приобретает собственную динамику. В. Высоцкий писал о последствиях таких конфликтов: *«А потом будем долго огни принимать за пожары мы. И людей будем долго делить на своих и врагов»*. В сегодняшнем мире зачастую нет даже намеков на договоры и взаимограничения, а «вместо диалога реализуется совокупность монологов». Отсюда – замусоренность политической лексики черно-белыми бинарными оппозициями. Конфликты переходят в личностную плоскость (коммуникации *не друг с другом, а друг о друге*), в стремление к предельному обострению любого конфликта с установкой на блокирование диалога с противостоящей стороной в любых его формах. Любые компромиссы представляются нетерпимыми и постыдными, а правовые и моральные нормы разрешения и урегулирования конфликтов отрицаются при оценке поведения «своих» по отношению к противнику, которому приписываются все мыслимые и немыслимые злодеяния в сочетании с неременной профанацией другой стороны конфликта. Это, по мысли культуролога Игоря Яковенко, «стилистика скандала на одесском Привозе со специфически базарным криком, задираньем подола и плевками в лицо», маркирующая неприятие альтернативной мировоззренческой позиции.

Разумеется, было бы непростительной самонадеянностью безапелляционно требовать от акторов российской политики понимания таких инструментальных возможностей адекватного разрешения политических конфликтов, как, например, честность. Напротив, как писал Луман, используются все возможности «отрицания и сокрытия конфликта

¹ Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.

ложью, обманом, ложными символами»¹. И здесь нет ничего нового – но (!) современная модель искусства улаживания конфликтов строится на гештальте, говоря словами Сократа, понимания *и ограничения* лжи и криводушия в политике. Наиболее заметным проявлением такого формата отношений является технологичное и компромиссное вскрытие глубоких сущностных проблем, при котором имманентным качеством политической культуры является перевод ранее скрытых конфликтов в открытое публичное пространство, их обнажение. В такой конфликтной модели общества восприятие конфликта – это не ужас перед вскрытием пережатых каналов коммуникации, когда хлынет застоявшееся содержимое, а упорядочивание коммуникативного хаоса, нацеленного на принципиально новые модели конфликтного поведения.

¹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – С. 492.

Братишко Ю.С.

к.фармац.н., доцент Национального фармацевтического университета, г. Харьков

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ДИАГНОСТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО БИЗНЕСА

Ключевые слова: социальная ответственность, оценка, методы оценки, социальное развитие, фармацевтическое предприятие.

Keywords: social responsibility, estimation, methods of estimation, social development, pharmaceutical company.

Введение. Актуальность формирования социально ориентированной концепции управления фармацевтическими предприятиями (ФП) связана с необходимостью рассмотрения ФП не только как экономической системы (целью которой является производство и реализация лекарственных препаратов), но и как социальной системы, в рамках которой происходит реализация интересов персонала, местного сообщества, бизнес-партнеров и других стейкхолдеров¹. Таким образом, каждое ФП следует рассматривать как социально-экономическую систему, в которой тесно переплетаются экономические и социальные процессы, обуславливающие эффективность функционирования и развития как отдельного ФП, так и фармацевтической отрасли в целом.

Повышение значимости социально ориентированного менеджмента ФП связано с высокой социальной ценностью фармацевтической продукции; новой ролью персонала как основного актива предприятия; с ростом инновационного характера труда фармацевтического персонала; с усилением роли корпоративной культуры как источника обеспечения устойчивости, прогнозируемости и прозрачности деятельности ФП, его взаимодействия с партнерами; а также с необходимостью повышения эффективности системы менеджмента качества². Ядром социально ориентированного менеджмента ФП является система социальной ответственности фармацевтического бизнеса (СОФБ), проблемам которой сегодня посвящены труды многих ученых.

Очевидным сегодня является и тот факт, что для ФП неэффективными являются управленческие подходы, которые не адаптированы к отраслевой специфике. Именно поэтому мы считаем необходимым создание научно обоснованной концепции СОФБ. В данной части нашего исследования мы акцентируем внимание на подходах к определению сущности, структуры и диагностике СОФБ, отражающей специфику фармацевтической отрасли в Украине.

Материалы и методы. Основной целью исследования является обоснование необходимости и практической ценности построения на ФП системы оценки и управления СОФБ. Для достижения поставленной цели необходимо решение таких задач:

1) обобщение научного опыта формирования системы СОФБ, дополнение и уточнение понятийного аппарата по этой тематике;

2) определение сущности СОФБ;

3) обоснование структуры СОФБ;

4) обоснование составляющих системы оценки СОФБ;

5) определение совокупности показателей оценки СОФБ;

6) отбор показателей оценки и их группировка по каждой составляющей СОФБ;

7) поиск наиболее эффективных методов и инструментов управления системой СОФБ.

Объектом исследования является процесс формирования, оценки и управления системой СОФБ в условиях развития менеджмента качества.

Основными методами научного исследования являются: методы научной индукции и дедукции; исторический и логический методы; контент-анализ; корреляционно-регрессионный анализ; метод кластеризации; методы экономико-математического моделирования; таксономический метод; методы экспертных оценок, анкетирование и прочие.

Информационной базой проведения исследования стали труды ведущих отечественных и зарубежных ученых по вопросам формирования системы СОФБ; нормативно-правовая база Украины; комплекс Международных стандартов; официальные статистические данные Государственного комитета статистики Украины; информация, собранная непосредственно на фармацевтических предприятиях; периодические научные издания; ресурсы Интернет.

¹ Посилкіна О.В., Доровський О.В., Братішко Ю.С. Управління трудовим потенціалом фармацевтичних підприємств в умовах менеджменту якості: моногр. / За ред. проф. О.В. Посилкіної. – Х.: Вид-во НФаУ, 2010. – 422 с.

² Проект Стратегії розвитку фармацевтичної промисловості України на 2010-2020 рр. (Бібліотека офіційних видань); Проект програми «Про сучасний стан та перспективи розвитку фармацевтичної галузі України». (Бібліотека офіційних видань).

Основной научный результат исследования заключается в разработке методологических принципов формирования системы СОФБ на Украине; определение сущности СОФБ и ее структурных элементов, адекватных условиям функционирования ФП на Украине, а также усовершенствование системы оценки СОФБ.

Результаты и обсуждение. Под термином социальная ответственность фармацевтического бизнеса (СОФБ) следует понимать способность субъектов фармацевтической отрасли брать на себя обязательства финансового, экономического, социального и экологического характера за последствия их деятельности перед государством, обществом, окружающим сообществом, персоналом, бизнес-партнерами и другими заинтересованными сторонами через этическое поведение с учетом интересов и ожиданий всех стейкхолдеров при соблюдении действующего законодательства и международных стандартов на принципах добровольности и взаимной выгоды¹.

СОФБ предусматривает: обеспечение населения качественными, эффективными, безопасными и доступными по цене лекарственными препаратами; создание условий для развития профессиональной ответственности работников фармацевтической отрасли в соответствии с требованиями социальных норм; обеспечение условий экологически чистого производства и содействие улучшению экологической обстановки в местах присутствия производственных мощностей; участие в региональных социальных программах развития территорий и реализация собственных социальных проектов. СОФБ базируется на принципах соблюдения действующего законодательства, учета требований международных стандартов качества и предполагает значительную степень добровольности в реализации социальных мероприятий. Именно добровольный характер реализации социальных мероприятий обуславливает существующее разнообразие подходов к формированию структуры СОФБ.

Для развития системы СОФБ и обеспечения стратегических конкурентных преимуществ перед западными компаниями, которые активно работают на фармацевтическом рынке Украины, необходимо разработать алгоритм ее структуризации.

Структуризация СОФБ – это совокупность приемов, подходов, методов, принципов и инструментария формирования элементного состава социальной ответственности субъектов фармацевтической отрасли с целью повышения эффективности социально ориентированного менеджмента ФП. Структуризация СОФБ включает несколько этапов (рис. 1).

На первом этапе процесса формирования структуры СОФБ осуществляется анализ и обобщение ведущего отечественного и зарубежного опыта формирования системы социальной ответственности предприятий. Изучаются современные подходы к пониманию сущности социальной ответственности, сфер ее реализации, принципов классификации видов социальной ответственности. Также на данном этапе проводятся исследования отраслевых особенностей формирования системы СОФБ с использованием методов экспертных оценок.

На следующем этапе формирования системы СОФБ определяются ее составляющие социальной и свойства СОФБ как системы.

Свойствами системы СОФБ можно назвать целостность, точность, открытость, динамизм, эффективность и синергизм. Свойство целостности характеризует СОФБ как единую целостную систему элементов, отношений, ресурсов, инструментов, и тому подобное. Поэтому изменения одного компонента СОФБ обязательно будут влиять на другие, что требует тщательного планирования и учета взаимодействия составляющих.

Точность предусматривает своевременное и адресное выполнение поставленных заданий из соответствующих направлений. Такое свойство появляется при координированном управлении элементами, правильном и своевременном использовании соответствующего инструментария. Открытость означает зависимость системы СОФБ от влияния внешней среды, и, одновременно, возможность влиять на внешнюю среду с помощью социальных проектов и программ. Свойство динамизма понимается как непрерывное развитие системы СОФБ в контексте преобразования внутренних систем и в их взаимосвязи с внешней средой. Эффективность системы СОФБ – это приобретение ФП конкурентных преимуществ и дополнительных выгод от взаимодействия со стейкхолдерами на взаимовыгодных условиях. Свойство синергизма составляющих СОФБ означает значительное увеличение эффективности социального менеджмента при одновременной комплексной реализации всех сфер социальной ответственности по сравнению с эффективностью реализации отдельных социальных проектов или программ.

К составляющим СОФБ можно отнести качество лекарственных средств, социальную, экономическую, экологическую, управленческую и правовую составляющие, которые реализуются как в виде внутренней, так и внешней ответственности.

Экономическая ответственность определяется производственной и сбытовой функцией ФП на фармацевтическом рынке как производителя и поставщика лекарственных препаратов, предназначенных улучшить качество жизни пациентов, что позволяет ФП получать прибыль. Таким образом, все ФП уже являются социально ответственными.

Правовая ответственность предполагает четкое выполнение субъектами фармацевтического бизнеса действующего законодательства, требований международных стандартов качества, соответствие деятельности ФП ожиданиям общества, зафиксированных в правовых нормах. К ней можно также отнести выполнение прав человека, гендерных прав и прав меньшинств.

¹ Посилкіна О.В. Система рівневого соціального менеджменту у фармацевції / О.В. Посилкіна, Ю.С. Братішко // Управління якістю в фармацевції: Матеріали VIII науково-практичної конференції з міжнародною участю, 23 травня 2014 р: Збірник. – Х.: Вид-во НФаУ, 2014. – С. 104–105; Bratishko Yu.S. Modern state of personnel management in pharmaceutical enterprises // Institutionelle Grundlagen für die Funktionierung der Ökonomik unter den Bedingungen der Transformation: Sammelwerk der wissenschaftlichen Artikel. Vol. 1. – Nürnberg: Verlag SWG imex GmbH, 2014. – S. 148–151.

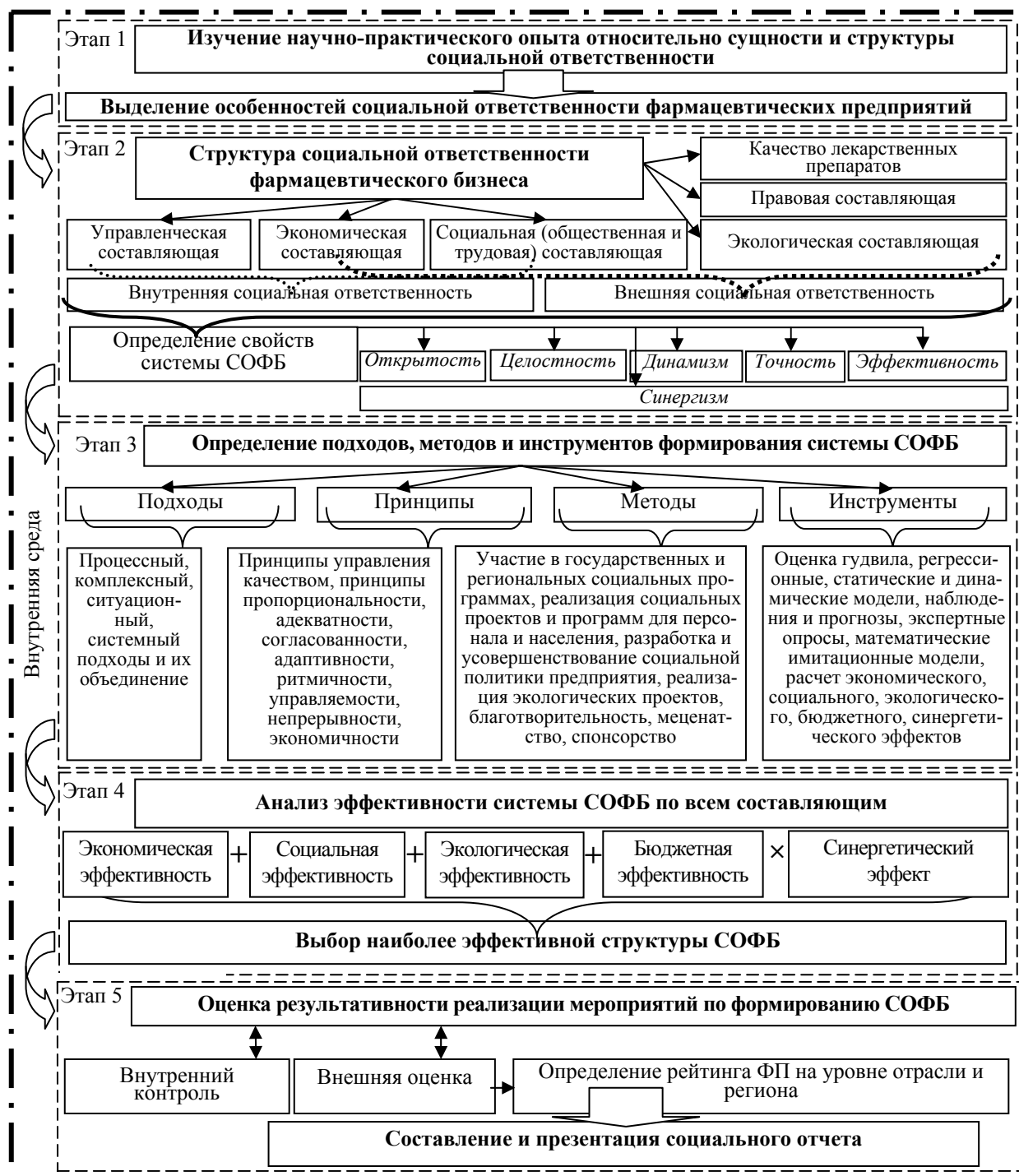

Рис. 1.
Алгоритм формирования структуры СОФБ

Управленческая ответственность требует от персонала выполнения принципов фармацевтической этики, деонтологии и существующих норм морали во время выполнения своих функциональных обязанностей. К управленческой ответственности следует отнести политику подготовки социальных отчетов и компенсационную политику ФП.

Экологическая составляющая СОФБ – это создание на ФП системы экологического менеджмента, политики энерго- и ресурсосбережения, участие ФП в экологических проектах на национальном и региональном уровнях.

Социальная составляющая подразделяется на общественную и трудовую. Общественная составляющая СОФБ предполагает реализацию программ развития для населения в местах присутствия ФП, участие в благотворительных мероприятиях, проектах по благоустройству территорий. Трудовая составляющая СОФБ представляет собой формирование эффективной кадровой политики, развитие социальной инфраструктуры предприятия, предоставление персоналу расширенного социального пакета и прочее.

И наиболее важной для фармации составляющей системы СОФБ является качество производимых и реализуемых лекарственных препаратов. К ней относится терапевтическая эффективность, безопасность, доступность лекарственных средств, удобство их применения и другие.

На третьем этапе определяются подходы, принципы, методы и инструменты формирования системы СОФБ.

Основными научными подходами к формированию системы СВФБ является процессный, комплексный, ситуационный, системный и другие, которые дополняют друг друга.

К принципам формирования СОФБ относятся: принципы управления качеством, пропорциональности, адекватности, согласованности, адаптивности, ритмичности, управляемости, непрерывности, экономичности.

Методами и формами реализации СОФБ является участие в государственных социальных программах, реализация социальных проектов и социальных программ для персонала и населения, разработка и усовершенствование социальной политики предприятия, создание экологических проектов, благотворительность, меценатство, спонсорство и другое.

Инструментами формирования системы СОФБ является оценка гудвила, регрессионные, статические и динамические модели, наблюдения и прогнозы, экспертные опросы, математические имитационные модели, расчет экономического, социального, экологического, бюджетного, синергетического эффекта и другие.

Четвертый этап предполагает оценку и анализ эффективности системы СОФБ и выбор оптимальной структуры и направлений социально ответственной деятельности ФП. Формирование оптимальной структуры СОФБ целесообразно осуществлять с использованием методов имитационного моделирования. Данный этап предусматривает также анализ интегральной эффективности системы СОФБ по всем ее составляющим.

На заключительном этапе осуществляется оценка результатов и контроль. Этот этап включает систематическую оценку, которая реализуется как на уровне ФП, так и на уровне фармацевтической отрасли или региона. Результатом данного этапа является составление и презентация социального отчета.

Система оценки СОФБ включает несколько этапов (рис. 2). Необходимость процедуры обоснования системы показателей, которые всеобъемлюще характеризуют СОФБ можно пояснить тем, что учитывая сложность и многогранность социально ориентированной деятельности ФП, ее можно адекватно оценить только с помощью научно-обоснованной системы показателей. Выбор показателей определяется комплексом поставленных задач и отражает взаимосвязь целей диагностики СОФБ с целями управления ФП и его производственно-хозяйственной деятельностью.

Рисунок 2.
Система оценки социальной ответственности фармацевтических предприятий

Для осуществления диагностики и оценки СОФБ обоснованы требования к тем показателям, которые будут использоваться в расчетах.

Таковыми требованиями являются:

- 1) применимость, то есть действенность измерения показателями того, для чего они предназначены;
- 2) правильность определения состояния объекта показателями;
- 3) точность, то есть показатели должны постоянно обеспечивать объективные результаты;
- 4) надежность – ожидаемые ошибки или отклонения в расчетах должны быть минимальными;
- 5) полнота и исчерпывающий характер, то есть совокупность показателей должна полностью отражать все изменения, которые диагностируются;
- 6) уникальность – конкретные показатели не должны имитировать измерители, которые являются излишними или переплетаются. Как правило, необходимо стремиться к единому интегральному показателю для каждой составляющей анализируемого объекта. Количество показателей при этом должно быть минимальным, но достаточным для объективной оценки;
- 7) показатели и система оценки должны быть простыми и в то же время содержательными;
- 8) показатели должны быть количественными вне зависимости от того, абсолютные они или относительные;
- 9) показатели должны соответствовать требованиям оценки, а также обеспечивать необходимую взаимосвязь с показателями производственно-хозяйственной деятельности ФП;
- 10) сравнительная способность, то есть показатели должны сравниваться в динамике по одному объекту исследования и между значительным количеством объектов.

С учетом этих требований предварительно была сформирована общая совокупность из локальных показателей, характеризующих СОФБ по всем ее составляющим. На первом этапе отбор локальных показателей оценки СОФБ был проведен при помощи экспертного метода. В качестве экспертов выступали руководители ФП и компаний, руководители и работники служб (отделов) управления персоналом, ученые. Общее число экспертов – 130 человек.

Следующим этапом исследования была проверка уровня корреляции между локальными показателями оценки СОФБ с целью исключения из выборки показателей, которые имеют высокий уровень связи друг с другом. Если коэффициент парной корреляции двух показателей превышает значение 0,8, то по шкале Чеддока это свидетельствует об очень высокой связи между показателями и нецелесообразности их одновременного использования, то есть один из них должен исключаться из совокупности. Выбор в середине пары показателей осуществляется в пользу того показателя, который не имеет или имеет меньшее количество высоких значений корреляции с остальными показателями совокупности¹.

На основании отобранных локальных показателей рассчитываются комплексные показатели, характеризующие все составляющие СОФБ. Методика интегральной оценки СОФБ предусматривает предварительную оценку каждой ее составляющей и будет рассмотрена в будущих исследованиях.

Необходимость обоснования показателей, характеризующих СОФБ, можно объяснить тем, что, учитывая многогранность социально ориентированной деятельности ФП, ее можно адекватно оценить только с помощью научно-обоснованной системы показателей, выбор которых определяется комплексом задач и отражает взаимосвязь цели оценки СОФБ с целью управления ФП. По результатам расчетов отобраны 46 локальных показателя для оценки СОФБ. Методика комплексной оценки СОФБ апробирована на некоторых ФП, результаты расчета приведены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты оценки СОФБ на обследованных ФП Украины

ФП	Результаты оценки по комплексным составляющим СОФБ					
	Составляющая качества	Правовая составляющая	Экологическая составляющая	Общественно-трудовая составляющая	Управленческая составляющая	Составляющая развития
Корпорация «Артериум»	0,85	0,95	0,84	0,95	0,74	0,87
ПАО «Фармак»	0,87	0,96	0,85	0,92	0,72	0,87
ПАО НПЦ «Борщевский ХФЗ»	0,78	0,92	0,86	0,96	0,81	0,81
ФФ «Дарница»	0,86	0,97	0,71	0,89	0,68	0,87
ООО «ФК «Здоровье»	0,75	0,93	0,82	0,78	0,69	0,88
ПАО «Киевский витаминный завод»	0,74	0,92	0,69	0,79	0,70	0,83
ООО «Артур-К»	0,89	0,90	0,89	0,73	0,72	0,91
ООО «Микрофарм»	0,71	0,94	0,74	0,74	0,59	0,79

¹ Посилкіна О.В., Доровський О.В., Братішко Ю.С. Управління трудовим потенціалом фармацевтичних підприємств в умовах менеджменту якості: моногр. / За ред. О.В. Посилкіної. – Х.: Вид-во НФаУ, 2010. – 422 с.; Братішко Ю.С. Diagnostics of current problems of personnel management in pharmaceutical industrial enterprises / Ю.С. Братішко, О.В. Посилкіна, Г.В. Кубасова // Управління, економіка та забезпечення якості в фармації. 2014. – № 1 (33). – С. 16–22; Посилкіна, О.В. Економіка праці та соціально-трудові відносини: навч. посіб. для студ. економ. спец. / О.В. Посилкіна, О.В. Доровський, Ю.С. Братішко, Г.В. Кубасова, Ю.А. Бабіченко, Н.М. Мусієнко. – Х.: Вид-во НФаУ, 2014. – 346 с.

Выводы. Внедрение предложенного механизма формирования системы СОФБ позволяет определить и оценить проблемы в сфере СОФБ; создать принципы эффективного менеджмента качества; определить совокупность ресурсов, которые могут быть направлены ФП на социально ответственную деятельность; разработать эффективную систему управления социально ответственной деятельностью; обеспечить создание системы партнерских отношений со стейкхолдерами; разработать общую систему продвижения и внедрения принципов социальной ответственности на уровне фармацевтической отрасли.

Предложенный механизм будет способствовать повышению конкурентоспособности отечественных ФП. Он позволяет учесть особенности внедрения данного подхода не только на отдельном ФП, но и разработать общую систему продвижения и внедрения принципов социальной ответственности на уровне фармацевтической отрасли через внедрение практики определения рейтинга социально ответственных у ФП.

Таким образом, перспективой наших исследований является разработка отраслевой методики оценки уровня социальной ответственности ФП с использованием современного экономико-математического инструментария; создание и апробация методики определения рейтинга ФП с учетом ведущего отечественного и зарубежного опыта; стандартизация социально ответственной деятельности ФП и разработка механизма уровневого социального менеджмента деятельности субъектов фармацевтической отрасли.

Васина Е.А.

к.психол.н., доцент Лужского института (филиала) ЛГУ им. А.С.Пушкина
e2009v@yandex.ru

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР СОЦИОГЕНЕЗА: ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: семья, социализация, воспитание, отношения детей и родителей.

Семья как древнейшее жизнеустройство и первичная форма общности людей является продуктом общественной системы и одновременно важнейшей детерминантой социогенеза – глобального процесса, под которым понимается не только становление и эволюция социально-культурных форм жизни людей и общества в целом, но и воспроизводство и развитие самого человека, социально обусловленное становление и совершенствование организации его психики. Формирование комплекса человеческих свойств в индивидуальном развитии выходит за рамки биогенетической программы и определяется социокультурными факторами, прежде всего той социальной микросредой, в которой оказывается ребенок в первые годы своей жизни.

Вступая во взаимодействие со своим социальным окружением – родителями и другими людьми, ребенок усваивает их социально-психологический опыт (язык, особенности поведения, нравственные качества, нормы и ценности). Этот общий процесс и результат социального развития человека (усвоения им различных модусов социального опыта под влиянием социокультурных факторов) описывается понятием социализации и происходит по механизмам социального наследования, социального научения. Социальные психологи (Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А., 2001) выделяют следующие ключевые аспекты социализации: инкультурация (вхождение человека в социум и культуру своего народа), интернализация (усвоение социальных норм и ценностей и превращение их во внутренние, автономные стимулы социального поведения) и адаптация (достижение определенного соответствия человека требованиям социальной среды). Особый аспект социализационного процесса представляет социальное творчество как конструирование новой социальной реальности, без которого невозможен социальный прогресс. Важнейшими детерминантами социализации (культурного социогенеза) являются воспитание и обучение, общение и совместная деятельность людей.

Социализационный потенциал родительской семьи определяется ее личностно-развивающим ресурсами. Семья, объединяя людей в уникальный элементарный социум, создает пространство человеческого бытия – социальный микромир со специфичной нормативно-ценностной структурой и определенными межличностными взаимоотношениями, которые могут способствовать личностному развитию или, наоборот, ограничивать его. Обобщая результаты исследований в области возрастной и педагогической психологии, У. Бронфенбреннер резюмировал решающее значение семьи в развитии человека следующим образом: «Для того чтобы развиваться – интеллектуально, эмоционально, социально и нравственно, – ребенку необходимо участвовать в прогрессивно усложняющемся взаимодействии, осуществляющемся на регулярной основе и на протяжении значительного периода жизни ребенка, с одним или несколькими людьми, с которыми у ребенка устанавливается сильная взаимная иррациональная эмоциональная связь и которые озабочены благополучием и развитием ребенка желательно на протяжении всей его жизни» (Bronfenbrenner U., 1990. – Р. 29). Подобные базовые условия для полноценного развития человека может создать только семья. Эта же мысль об экологии пространства детского развития выражена в работах В.И. Слободчикова и А.В. Шувалова: «Ребенок зарождается, рождается и живет в системе реальных, живых связей с другими людьми (первоначально с матерью, затем с близкими, впоследствии с дальними)... Чтобы обеспечить ребенку условия здоровой и полноценной жизни, необходим близкий взрослый человек... Иными словами, взрослые (в норме!) обеспечивают ребенку презумпцию человечности – право и возможность стоять на человеческом пути развития, по мере взросления становиться действительным автором собственного развития» (Слободчиков В.И., Шувалов А.В., 2001).

Социализационная функция родительской семьи заключается в межпоколенной трансляции социального опыта. Тем самым семья обеспечивает необходимую преемственность человеческого рода, трансляцию и воспроизводство витальных, социальных и духовных ценностей жизни, цивилизации и культуры от поколения к поколению. Она, как отмечает Д.Г. Лощаков, «является звеном, связующим не только биологическую и социальную, но также индивидуальную и общественную жизнь людей, служит для них первым источником социальных идеалов и критериев поведения. При этом семья не только передает, но и создает такие духовные ценности, как супружеская и родительская любовь, уважение и любовь детей к родителям, семейная солидарность. (Лощаков Д.Г., 2002, с. 147). Через семью дети входят в общество, и за всю историю человечество не создало и, видимо, никогда не создаст лучшего института социализации. Ни одно воспитательное учреждение не может дать детям того, что дает нормальная семейная атмосфера, общение и взаимодействие ребенка с родителями и близкими. Можно сказать, что семья фактически создает общество и определяет его будущее – ведь от качественного состояния семьи, ее нравственных основ зависит здоровье нации. Не случайно во все времена семейные отношения занимали особенно важное место в человеческом обществе: крепкие семьи были залогом его стабильности на протяжении всей истории и являлись нормой и ценностью.

Семья как важнейший базовый элемент социума функционирует в изменяющихся социальных условиях. Общее направление эволюции института семьи под влиянием модернизационных процессов в обществе связано с усилением индивидуалистической ориентации и становлением более демократичных отношений между супругами, родителями и детьми. В индустриальных и постиндустриальных обществах происходит переход от расширенной многодетной семьи, состоящей из нескольких поколений, с доминированием старших, к малодетной нуклеарной семье, в которой брачные узы выше родовых-родительских. При этом в самом супружестве интересы пары оказываются подчинены личным интересам супругов: система семьецентризма уступает место системе эгоцентризма. Наблюдается изменение устоявшихся традиционных представлений о семье, становление малых форм семьи, нестабильность браков, превращение в норму неполных семей и рост их числа, снижение роли семьи в социализации детей. Изменяется нормативно-ценностная база взаимоотношений мужчин и женщин, взрослых и детей, изменяются роли женщины-матери, мужчины-отца, нарастает инверсия социальных ролей в семье. В результате претерпевают значительные изменения социальные институты родительства и детства. Одна из современных тенденций – увеличение вариативности родительских практик, усложнение взаимоотношений между социальным родительством и биологическим. В соответствии с новой реальностью пересматриваются морально-этические и юридические нормы, наблюдается снижение порогов этических норм, расшатываются стереотипы и запреты. Все эти процессы ведут к дестабилизации воспитательной функции семьи и накладывают отпечаток на характер детско-родительских отношений.

Многие исследователи, изучающие современную семью (Д.Г. Лощаков, А.Б. Орлов, Т.А. Гурко и др.) приходят к выводу, что в настоящее время семья переживает институциональный кризис, причем проявления этого кризиса тем ярче, чем выше уровень жизни и материального благополучия людей. Действительно, объективные изменения социального института семьи в индустриально развитых странах свидетельствуют об уменьшении количества детей в семье, росте числа разводов, уменьшении количества браков, и «...пока не видно каких-либо биологических и стихийных социальных «защитных механизмов», которые могли бы остановить эти тенденции на каком-то безопасном для общества уровне» (Лощаков Д.Г., 2002, с. 159).

Эволюция современной семьи обусловлена значительными изменениями социальной жизни в целом, ускорением темпов социальной динамики и трансформацией традиционных социальных ценностей – от материалистических (предпочтение безопасности, материального благополучия и стабильности) к экзистенциальным, постматериалистическим (предпочтение ценностей общения, самовыражения, свободы и качества жизни). Исследования, ведущиеся на стыке социологии и психологии, показывают, что радикальные изменения взаимоотношений в системе социальных связей человека с семьей и социумом, лежащие в основе институционального кризиса семьи, связаны с изменением ее социальной ориентации, с переходом от социоцентрированной к человекоцентрированной семье.

Семья как посредник между человеком и социумом имеет двойную ориентацию – социоцентрическую и человекоцентрическую, что отражается на семейных ценностях и характере внутрисемейных отношений. Специфика социоцентрической ориентации семьи состоит в трансляции и формировании социально приемлемых и социально одобряемых ценностей. При этом семья способствует сохранению традиционных ценностей, опосредуя социальные изменения и являясь своеобразным «демпфером», который сглаживает влияние быстрых социальных перемен на жизненные ценности и нормы поведения подрастающего поколения. Воспитание в семье в значительной мере определяется имплицитным ценностно-нормативным каноном, существующим в социокультурной среде, и обеспечивает преемственность общечеловеческих ценностей в процессе социализации и приобщение ребенка к родовой человеческой сущности.

Человекоцентрическая (психологическая) ориентация семьи состоит в развитии индивидуальности человека, его аутентичного творческого и жизненного начала, основана на безусловном принятии себя и другого, эмпатии, любви и доверии в межличностных отношениях. Эта ориентация способствует становлению уникального и неповторимого «Я», утверждению и сохранению самобытности человека, наращиванию его жизнеспособности, самостоятельности, относительной автономности и самодостаточности. Органичное сочетание социоцентрической и человекоцентрической ориентаций в семье, процессов социализации и индивидуализации способствует сохранению нравственно-психологического здоровья личности и общества в целом.

Детско-родительские отношения являются частью семейных отношений и особенно важны при анализе процессов личностного развития и межпоколенной трансляции ценностей, норм и моделей социального поведения. Стиль воспитания, по определению А.Л. Венгера (Психология развития. Словарь, 2006), это стиль взаимоотношений с ребенком в семье, характеризуемый степенью контроля, заботы и опеки, теснотой эмоциональных контактов между родителями и ребенком, характером руководства поведением ребенка со стороны взрослых, количеством запретов. Существует два главных параметра детско-родительских отношений, влияющих на развитие ребенка: 1) эмоциональное отношение к ребенку (принятие, любовь, теплота, эмоциональная близость – отвержение, негативизм, холодность, дистанция); 2) способы воздействия на ребенка, характер требований и контроля (разрешительный, ситуативный, ограничительный, отсутствие контроля), определяющие степень зависимости – автономии ребенка. На основании этих критериев могут быть выделены различные типы детско-родительских отношений: зависимо-дистантные взаимоотношения (уклонение от близкого контакта с ребенком с ориентацией на установление отношений зависимости); эмоционально-близкие взаимоотношения с установлением отношений зависимости; умеренно-близкие взаимоотношения с установлением отношений независимости; уступчиво-оберегающие взаимоотношения (концентрация внимания на детях с отсутствием требовательности) и другие. Если для нормального личностного развития маленьких детей наиболее благоприятными являются эмоционально-близкие взаимоотношения с установлением отношений зависимости, то в более старшем возрасте, по мере взросления необходимо предоставление большей автономии и самостоятельности при сохранении уважения, доверия и положительного эмоционального контакта.

Эмоционально-близкие взаимоотношения между родителями и детьми, дружественная атмосфера в семье формируют у детей гуманистические ценности и такие важные черты характера, как хороший самоконтроль, ответственность, социальная смелость, реалистичность, вера в себя и свои возможности, оптимизм, спокойствие, адаптивность. Родители стремятся к кооперации с ребенком, поощряют инициативу и самостоятельность, доверяют ребенку.

Наряду с нормальными существуют нарушенные детско-родительские отношения, которые обуславливают трудности в психическом развитии детей и приводят к дисгармоничному личностному развитию. «Психологические дисфункции детско-взрослой общности отличаются патогенетической направленностью: блокируют своевременную реализацию индивидуальных способностей и возрастных возможностей ребенка, обуславливают деформации его интер- и интраиндивидуальных отношений, препятствуют нормативному движению к самоопределенности и самостоятельности (нормативность означает оптимальность обретения человеческих способностей). В своем крайнем выражении они проявляются в тех или иных формах невротического реагирования и дезадаптивного поведения ребенка» (Слободчиков В.И., Шувалов А.В., 2001). Выделяется несколько типов неправильного воспитания (отвергающее, гиперсоциализирующее, эгоцентрическое и др.), где общим фактором, препятствующим нормальному развитию личности ребенка, выступают искаженные отношения с родителями, отсутствие взаимопонимания, отчужденность и обделенность полноценным общением.

Изучение влияния детско-родительских отношений и стиля семейного воспитания на процессы ценностно-нормативной социализации и личностного развития детей стало одной из задач нашего исследования межпоколенной трансляции ценностей, в ходе которого мы провели анализ детско-родительских отношений в семьях студентов и старшеклассников (242 человека) с использованием авторской методики «Мои родители», выявляющей особенности ретроспективного восприятия семейной ситуации и взаимоотношений с родителями в период школьного детства (Васина Е.А., 2010).

На основе кластерного анализа было выявлено несколько ценностно-нормативных типов личности, формирующихся в юношеском возрасте. При этом данные нашего исследования подтверждают существование взаимосвязи между характером детско-родительских отношений в семье, личностными особенностями и ценностными ориентациями молодого поколения. Так, у студентов и старшеклассников, относящихся к просоциальному активному ценностно-нормативному личностному типу (31,2%), стиль воспитания в родительской семье был основан на сотрудничестве, уважении и доверии, эмоциональном принятии и поддержке, ориентации на гуманистические ценности, предоставлении детям достаточной самостоятельности и автономии при удовлетворении их базовых потребностей (в том числе потребности в общении). Эта группа характеризуется высокой нормативностью и ответственностью, чувством собственного достоинства, хорошей саморегуляцией, выраженной интернальностью, альтруистичностью и позитивным восприятием своих родителей (особенно матери). Просоциальный пассивно-созерцательный ценностный тип (17,3%), отличающийся высокой нормативностью при пониженной ответственности, формируется в условиях авторитарного стиля семейного воспитания при недостатке внимания и поддержки со стороны родителей, а также в условиях чрезмерной опеки и симбиотических отношений с матерью. Сверхопека и ограничительный контроль являются факторами, усиливающими зависимость детей от родителей и затрудняющими процесс взросления. Эта группа воспринимает своих родителей как людей сверхавторитарных и директивных и характеризуется инфантильностью, размытостью жизненных целей и ценностей. В условиях дисгармоничного, противоречивого и попустительского стиля семейного воспитания формируется асоциальный личностный тип (8,9%), для которого свойственны аномия и безответственность, повышенная агрессивность и негативизм, экстернальный локус контроля, склонность к деструктивному поведению. В структуре ценностей данного типа ведущими являются блоки гедонизма, безопасности и самовозвышения. Эта группа отличается критичным отношением к своим родителям, что связано с недостатком родительского внимания и заботы, эмоциональным отвержением, отсутствием уважения, взаимопонимания и согласия в семье. Вышеназванные типы не исчерпывают всей вариативности взаимосвязей между стилями семейного воспитания и особенностями личностного развития: по данным кластерного анализа выделяется еще несколько маргинальных ценностно-нормативных типов, где также прослеживается связь личностных ценностей и детско-родительских отношений в семье.

В целом, как показывают результаты, наиболее оптимальным стилем семейного воспитания является сотрудничество, предполагающее положительный эмоциональный контакт детей и родителей, доверие и взаимопонимание в отношениях, партнерский стиль взаимодействия, разрешительный контроль, поощрение активности и самостоятельности, стимулирование личностного развития, удовлетворение материальных и духовных запросов детей. Этот стиль воспитания является важным условием нормального развития, психологического здоровья и жизнестойкости, успешной самореализации и адаптации человека в социуме. Дисгармоничные варианты детско-родительских отношений в семье (потворствующая сверхопека, авторитарная гиперсоциализация, эмоциональное отвержение, повышенная моральная ответственность, попустительство и другие) осложняют процессы социализации и индивидуализации ребенка, препятствуют его жизненному самоопределению и обретению взрослого статуса, являются источниками социальных девиаций и аномального развития личности (невротизации, формирования акцентуаций характера) и требуют коррекции.

Детерминантами взаимоотношений в семье, стиля общения и взаимодействия родителей с детьми являются ценности родителей, аккумулирующие их жизненный опыт. Ценности являются базовой конструкцией ментальности на индивидуальном и социальном уровнях, отражая идеи, идеалы, убеждения, к которым стремится человек и общество. Они участвуют в формировании высших нормативных представлений и нравственных образований, управляют согласованием жизненных целей и выбором в различных жизненных ситуациях, являются критериями для оценки и сравнения желаемого и действительного, обеспечивают относительно устойчивую направленность потребностей и интересов, последовательность линии поведения. Реализуясь в практике семейного воспитания, ценности передаются

от поколения к поколению по законам социального наследования. При этом характер детско-родительских отношений является важным фактором межпоколенной трансляции ценностей в семье, влияющим на их преемственность и изменчивость. Сотрудничество, уважение и доверие между детьми и родителями, внимание и забота их друг о друге, предполагающие отношение к другому человеку как безусловной ценности, способствуют формированию просоциальной направленности личности, в то время как дисгармоничные семейные отношения затрудняют интернализацию гуманистических ценностей, ограничивают освоение личностью потенциала своего развития и ее полноценную самореализацию в будущем.

Список литературы

1. Архиреева Т.В. Влияние родительского воспитания на самоотношение младшего школьника // Вопросы психологии. – М., 2006. – № 3. – С. 67–77.
2. Бахадова Е.В. Неблагополучная семья как фактор формирования девиантного поведения детей // Вопросы психологии. – М., 2009. – № 1. – С. 37–50.
3. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. – М., 2001.
4. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. – М., 2006. – № 11. – С. 61–73.
5. Васина Е.А. Ценности как детерминанты детско-родительских отношений // Семья в современном мире / Сост. и науч. ред. В.Н. Куницына. – СПб, 2010. – С. 29–37.
6. Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социс. – М., 1997. – № 1.
7. Дементьева И.Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социологические исследования. 2001. № 11. – С.108–113.
8. Дементьева И.Ф. Социализация детей в семье: теории, факторы, модели. – М., 2004.
9. Дивичина Н.Ф. Семейведение. – М., 2006.
10. Дружинин В.Н. Психология семьи. – СПб: Питер, 2011.
11. Елизаров А.Н. Роль духовных ценностных ориентаций в процессе интеграции семьи // Вестник МГУ. 1997. – Сер.14, № 3. – С. 59–68.
12. Карцева Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. – М., 2003. – № 7. – С. 92–99.
13. Кочкина О.Н. Влияние семейных традиций на первичную социализацию детей // Социально-гуманитарные знания. – М., 2008. – № 5. – С. 128–140.
14. Куницына В.Н. Проекция детства во взрослость: стиль семейных отношений в детстве и его влияние на формирование личности ребенка // Социально-психологические проблемы общения и взаимодействия людей. – СПб.: Речь, 2006. – С. 5–12.
15. Лошаков Д.Г. Семья как элемент социальной структуры. Демографические характеристики общества // Бельский В.Ю., Беляев А.А., Лошаков Д.Г. Социология: Учебник. – М., 2002. – С. 147–178.
16. Любимова А.Б. Статус семьи: проблема эволюции: социально-философский аспект. – Н. Новгород, 1998.
17. Мацковский М.С. Российская семья в изменяющемся мире // Семья в России. 1994. – № 1. – С.24–27.
18. Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социс. – М., 2004. – № 5.
19. Михайлова Н.Ф., Смирнова А.В. Особенности копинг-стиля ребенка в семьях с разной структурой // Вестник СПб. Ун-та. Сер. 12. 2008. – Вып. 3. – С. 157–165.
20. Моисеева А.А. Альтруистическая направленность личности и ее формирование в семье: Дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 2007.
21. Морозова Е.А. Специфика семейной ментальности и особенности ее проявления в семейных отношениях // Вестник СПб. Ун-та. Сер. 12. 2008. Вып. 4. – С. 262–267.
22. Петровский В.А., Полевая М.В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений // Вопросы психологии. – М., 2001. – № 1. – С.19–26.
23. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека. – М., 2002.
24. Плотникова Н.Ю., Филиппова Е.В. Взгляд на становление личностной позиции школьника в контексте детско-родительских отношений // Психологическая наука и образование. 2008. – № 4. – С. 71–81.
25. Поликарпова Е.К. Влияние семьи на развитие Я-концепции дошкольника / Е.К. Поликарпова // Вопросы психологии. – М., 2003. – № 2. – С. 28–35.
26. Психология развития. Словарь / Под ред. А.Л. Венгера. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского. – М., 2006.
27. Репринцева Г.И. Социально-педагогический анализ детско-родительских отношений в сельской семье // Педагогика. 2008. – № 10. – С. 36–44.
28. Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства. — М.: Академический Проект, 2004.
29. Сапогова Е.Е. Микросоциум семьи и семейный нарратив как психологическая основа культурного социогенеза // Индивидуальные и стилевые особенности личности / Отв. ред. Т.Ю. Синченко, В.Г. Ромек. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 177–190.
30. Сидоров К.Р. Особенности родительской семьи у старшеклассников с разным сочетанием самооценки и уровня притязаний // Психологический журнал. 2008. – Т. 29, № 6. – С. 98–102.
31. Слободчиков В.И., Шувалов А.В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. – М., 2001. – № 4.
32. Сухомлинский В.А. Мудрость родительской любви. – М., 1988.
33. Ткаченко И.В. Личностно-развивающий ресурс семьи: онтология и феноменология. Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. – Сочи, 2009.
34. Хоментаскас Г.Т. Семья глазами ребенка. – М., 2003.
35. Циринг Д.А. Семья как фактор формирования личностной беспомощности у детей // Вопросы психологии. – М., 2009. – № 1. – С. 22–31.
36. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Психология и психотерапия семьи. – СПб., 1999.
37. Bronfenbrenner U. Discovering What Families Do // Rebuilding the Nest: a New Commitment to the American Family / Ed. by D. Blankenhorn, S. Bayme, J.Elstain. – Milwaukee (WI), 1990.

Вэй Лиань¹

ОПЫТ ДИВЕРСИФИКАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ ЖИЛЬЕМ В КНР: ОТ КОНЦЕПЦИИ К РЕАЛИЗАЦИИ²

Ключевые слова: социальное жилье, концепция управления, правительственные инструменты, эффективность управления.

1. Клиентоориентированность – понятие ответственности и обслуживания

1.1 Определение понятия клиентоориентированности

По мере развития нового общественного управления правительства различных государств все более стали уделять внимание реакции общественности. Термин «клиентоориентированное правительство» начал распространяться с 1992 года с публикацией книги «Перестройка правительства». Этот термин тесно связан с концепцией правительства, пропагандирующего предпринимательство, правительства, ориентированного на оказание услуг, правительства, несущего ответственность.

Оуэн Хьюз некогда отметил, что «народные массы являются клиентами, заказчиками услуг», правительство является представителем народных масс, распоряжаясь правами по управлению общественными делами, при этом правительство обязано нести ответственность перед народом, оказывать ему услуги, находиться под его контролем. «Клиентоориентированное правительство» – является одним из десяти принципов перестройки правительства. Рассел Линден выдвинул понятие бесшовного правительства, которое требует от правительственного функционирования, правительственных действий направленности на клиента, используя цельный, комплексный, комбинированный подход для организации совместной деятельности, при этом фокус меняется от внутреннего процесса к внешним результатам.

Рассел Линден полагает, что механизм клиентоориентированности может эффективно функционировать лишь при условии организации бесшовного правительства. При этом целью является удовлетворение нужд клиентов в полной мере, усиление принципа клиентоориентированности – «Служение народным массам, ответственность перед обществом» ради обеспечения гарантий коллективного равенства возможностей и общественного блага. Акцент ставится на клиенте как фокусе пристального внимания, способствуя формированию правительственных органов с осознанием того, что обслуживание производится именно для народа, повышая качество общественных товаров и общественных услуг.

1.2 Клиентоориентированность требует концентрации внимания на нескольких вопросах:

(1) Необходимо разработать новую концепцию «Служение народным массам, ответственность перед обществом». Во-первых, клиентоориентированное правительство не может себя ставить выше правителя и надзора, которые стоят над обществом, но оно выше поставщика услуг. Во-вторых, осуществление перехода от «контролирующего правительства» к «клиентоориентированному правительству». Это понятие подразумевает нацеленность на общественные интересы, способствует повышению прозрачности действий правительства, к тому же в будущем приведет к ослаблению и затем к полному исчезновению привилегий, исключительных прав.

(2) Необходимо создать механизм быстрого реагирования правительства, укреплять диалог и взаимодействие между правительством и клиентами. Для этого требуется, чтобы степень удовлетворенности обслуживания клиентов стала для правительства важным показателем проверки качества. В целях повышения качества обслуживания правительству необходимо усилить взаимодействие с клиентами, создать механизм обратной связи, своевременно воспринимать нужды клиентов.

(3) Необходимо претворять систему обязательств правительства в сфере обслуживания, выработать стандарты обслуживания. Клиенты должны обладать правом на получение точной информации о предоставляемых обществен-

¹ Вэй Лиань – доктор управления, старший преподаватель Института государственного управления Сямьньского университета КНР. Научные интересы : политика социального обеспечения, инструменты управления государственной службы, управления человеческими ресурсами. E-mail: weilian7691@xmu.edu.cn

² Данная статья подготовлена в рамках проекта молодежного фонда Министерства образования гуманитарных и общественных наук «Исследование механизмов и моделей обеспечения социальным жильем с точки зрения правительственных инструментов» (12YJC630223) и «проекта процветающей философии и социальных наук Сямьньского университета». В 2013 г. включена в Научно-исследовательскую базу Министерства образования гуманитарных и общественных наук, государственное управление, тема научно-исследовательского центра «Жилищное право: проект построения нового общества» (13JJD630013).

ных товарах и услугах, при этом поставщиком информации будет выступать само правительство, которое должно будет выполнять обязательства по содержанию предоставляемых услуг, формату услуг, соответствия стандартам, стоимости услуг, а также отвечать за результаты работы, к тому же эти обязательства должны быть четко прояснены. Необходимо оказывать давление извне в целях исполнения контрактов, для того, чтобы продолжать непрерывно улучшать уровень государственных услуг, в то же время более эффективно осуществлять надзор общества за обслуживанием.

1.3 Применение клиентоориентированности в сфере социального жилья

(1) В процессе предоставления социального жилья необходимо повысить способность правительства к реагированию, сменив пассивную реакцию на активный ответ. Укрепить общественное понимание и признание политики, содействовать эффективной разработке и осуществлению политики, к тому же необходимо повышать способность правительства к реагированию на кризисы. К примеру, выбор площадей для проектов, реквизиция земель, определение норм субсидирования и другие звенья управления, которые могут способствовать совершенствованию рычага управления клиентоориентированностью.

(2) Управление публичной информацией, интегрированные структуры, эффективное использование ресурсов. Каким образом населению с низким уровнем дохода получать доступ к актуальной информации, как определять удовлетворенность населения предоставлением социального жилья и другие стоящие перед правительством сложные задачи. Локальные правительства могут через информационные площадки центров управления социальным жильем производить анализ публичной информации, тогда во время процессов распределения и управления в изменяющейся обстановке возможно будет получать доступ к информации, касающейся объектов социального жилья, с помощью соответствующих политических регламентов производить регулирование, более эффективно использовать жилищные ресурсы.

(3) Под надзором общественности, сдерживая коррупцию. Правительство должно направлять общественное мнение в отношении объектов социального обеспечения в верное русло. К примеру, в сфере развития инфраструктуры у общественности существует много мнений, при этом многие высказывают недовольство правительством. В этот момент органы, управляющие социальным жильем, представляющие правительство, должны своевременно вмешаться, предъявив прозрачную информацию. Кроме того, правительство в процессе утверждения и проведения политики клиентоориентированности по мере увеличения прозрачности информации для обеих сторон, своевременности и точности передаваемой информации, непрерывно сможет производить мониторинг общественного мнения. Таким образом, предотвращая проявления коррупции, возможно гарантировать справедливость и беспристрастность политики социального жилья.

2. Договор подряда – Интеграция конкуренции и надзора

2.1 Договор подряда является рыночным инструментом, как способ предоставления полномочий на предоставление общественных услуг. Выступая в качестве правительственного инструмента, данный договор указывает, что одной стороной является правительство, которое заключает договор с внутриправительственной либо внешнеправительственной организацией (это может быть компания, другое правительство либо общественная организация) или физическим лицом. Данный договор заключается касательно какого-либо дела, товаров или услуг. Договор может быть внутренним и внешним.

2.2 Преимущества и недостатки договора подряда

Договор подряда на выполнение общественных услуг, по причине того, что может быть принят правительством, в процессе реформирования правительственных функций, способствует формированию «правительства в качестве рулевого», а не «гребущего веслами правительства». Преимущества договора подряда на выполнение общественных услуг заключаются в возможности сократить правительственные расходы, упростить структуру правительства, повысить качество общественных услуг.

Недостатки: в процессе подписания и выполнения договора могут возникать коррупционные риски. Негативные последствия договора подряда на выполнение общественных услуг не являются особенностью самого договора, их истоки лежат в нерациональности институциональных механизмов. Целью договора подряда на выполнение общественных услуг является не изменение характера предоставляемых услуг, а содействие конкуренции, договор подряда без конкуренции не имеет смысла.

2.3 Роль правительства в договорах подряда

Чтобы избежать отрицательных последствий в процессе исполнения договора подряда на выполнение общественных услуг, необходимо четко определить роль правительства в данном договоре. Правительство, исполняя свои функции, обнаруживает ошибки и недостатки в функционировании. По этой причине, заостряя внимание на этих двух явлениях, мы должны установить роль правительства, опираясь на нижеуказанные аспекты: а) Роль организатора. Правительству в период от принятия решения о договоре подряда до подписания данного договора, необходимо играть роль организатора. Определение содержания услуг подряда, а также выбор исполнителей производится прави-

тельством; б) Роль контролера. В процессе исполнения договора, правительство должно принять строгие меры против коррупционных деяний при заключении сделок по договору подряда, контролировать исполнение договора; в) Роль оценщика. Выступая в роли оценщика по договору, правительство должно оценить достигнуты ли в договоре экономия бюджетных средств и повышение качества услуг. Необходимо не только провести проверку эффективности договора внешнего подряда, но также необходимо оценить подрядчика на основании проверки и инспекции, создать кредитную историю, а также установить механизм долгосрочного и эффективного сотрудничества.

2.4 Договор подряда при предоставлении социального жилья

Правительство выступает как субъект предоставления социального жилья, однако это вовсе не означает, что правительство должно напрямую предоставлять данное жилье. В процессе обеспечения жильем можно использовать как договор подряда, так и внутренний договор. К примеру, при предоставлении денежных средств, строительстве, отделочных работах, управлении недвижимостью и др. возможно использовать договор внешнего подряда для предоставления частным сектором жилья малообеспеченным семьям, проверки и оценки качества жилья, услуг по управлению недвижимостью, предоставляемых частным сектором. При предоставлении земельных участков, проверке компетенции, распределении жилищного фонда, механизме уступки и др. более рационально использовать внутренний договор. Ценность договора как правительственного инструмента выражается в его эффективности, легитимности и уровне поддержки правительства.

По этой причине правительству необходимо расширить использование договоров внешнего подряда, привлекать квалифицированные частные строительные компании к участию в строительстве социального жилья, возможно с применением конкурсных торгов. Необходимо для государственных и частных строительных компаний создать оптимальную конкурентную среду ради долгосрочного развития строительства социального жилья. При использовании внутреннего договора, будет осуществляться оптимизация управления внутри организаций, будет обеспечена ориентированность на результат, в сфере услуг повысится качество, усилится ответственность правительства, в полной мере будет достигнуто единство справедливости и эффективности.

3. Управление эффективностью – гарантия качества и удовлетворенность результатом

3.1 Определение управления эффективностью

В XXI веке западные правительства повсеместно начали развивать управление эффективностью¹. Эффективное управление выступает в качестве действенного инструмента, которому народ нашей страны придает все большее значение и которое к тому же в сфере управления в КНР находит приложение и распространение. Эффективное управление – это гармоничное и совокупное применение множества инструментов. Постепенно будет формироваться полный комплект инструментов управления, а именно оценка эффективности, эффективные контракты, аудит, регламенты, апелляции и т.д., целью которых является повышение уровня общественного обслуживания².

Из этого понятия можно вывести понятия результативности правительства, политики, общества и др. Различие между ними в том, что под эффективностью правительства понимаются успехи, результаты и эффективность управления социально-экономической деятельностью, что отражает основные компетенции правительства. Эффективность политики обычно выражается в ее упорядочивании и нововведениях. Эффективность общества – это стабильность и развитие общества на основе развития экономики, к основным показателям этой эффективности можно отнести беспристрастность и справедливость, благосостояние, стабильность, динамику и др. Описываемое в данной статье управление в то же время включает содержание всех трех аспектов. Так как стоимость социальных услуг, предоставляемых государством, невозможно измерить конкретной ценой, то возможно лишь определить стандарты исходя из требований административного управления. К примеру, отражены ли интересы народа, соблюдены ли требования законодательства, выполнены ли общественно полезные запланированные цели и т.д.

3.2 Процедура эффективного управления

Эффективное управление – это не только действия, это также и процедура, состоящая из множества звеньев. В реальности эффективное управление правительства основано на улучшении следующих показателей эффективности: Р (эффективное планирование), D (управление процессами), С (аттестация), А (результаты управления)³, при этом укрепление механизма происходит по спирали. Осуществление эффективного планирования социальных услуг включает эффективный мониторинг ситуации и обратную связь, регулирование эффективных целей и планирования, совершенствование плана действий. Для фазы оценки эффективности в первую очередь необходимо определить объекты оценки эффективности, необходимо построить систему оценок показателей, реализовать оценку эффективности и оптимизировать результаты оценок. И наконец, необходимо применять эти результаты, повышать эффективность со-

¹ Чжо Юэ, Мэн Лэй, Линь Миньцзюань. Создание целостной структуры эффективного управления: новый подход к эффективному управлению в западных странах // Административное управление в КНР. 2011. – апрель.

² Чжо Юэ, Чжао Лэй. Эффективное управление в государственном секторе: Двойной эффект рациональности инструментов и стоимости // Вестник Ланчжоуского университета. 2006. – сентябрь.

³ Цзан Чжипэн. Основные процедуры и методики эффективного управления правительства // Развитие человеческих ресурсов. 2013. – 15 выпуск.

циальных услуг на протяжении всего процесса основываясь на управлении показателей стандартизации и системы оценки показателей, стремиться к системе «лучшего сервиса» и «удовлетворения потребностей клиентов».

3.3 Применение эффективного управления в отношении сферы обеспечения социальным жильем

При применении эффективного управления в отношении сферы обеспечения социальным жильем возможно рассматривать вышеперечисленные параметры в качестве оценивающих показателей и стандартов. Первый это стандарт себестоимости. Несмотря на то, что по себестоимости нельзя оценить эффективность и результативность предоставляемого правительством жилья, однако она может выражать разницу между бюджетом, выделяемым государством и реальной себестоимостью. Второй стандарт – стандарт качества, достигается ли необходимое качество предоставляемого социального жилья и ожидаемая цель. Данный параметр говорит об удовлетворенности населения создаваемой инфраструктурой.

Третье – это показатель справедливости, который отражает, справедливо ли отношение к населению с низким уровнем дохода, данный показатель в особенности рекомендуется использовать в сфере распределения социального жилья и получения субсидий, для достижения стандарта Парето, для гарантии предоставления минимальных социальных благ. Четвертый – это стандарт реагирования, отражающий соответствие нуждам, предпочтениям и ценностям населения с низким доходом, а также эффективности, пользы и справедливости при распределении социального жилья¹. По этой причине, применяя рычаг эффективного управления, можно корректировать рост объемов социального жилья.

4. Ваучерная система – отражение эффективности и справедливости

4.1 Определение ваучерной системы

В государствах с высоким уровнем общественного благосостояния, правительство путем выдачи ваучеров осуществляет передачу прав на оказание услуг государством. Лица, имеющие право на получение ваучеров, тратят их в определенных организациях, предоставляющих общественные услуги. Данные ваучеры также называются потребительскими талонами, купонами, ценными бумагами и др.²

Ваучеры обычно используются при предоставлении таких общественных услуг, как продукты питания, жилье, обучение, лечение, детские сады, перевозки и др. Держатель ваучера при покупке вышеуказанных товаров и услуг может воспользоваться ваучером для компенсации в случае нехватки денежных средств. Преимуществами ваучера является то, что его держателю предоставляется больше свободы выбора, экономии денежных средств, уменьшается фактор взяточничества. Недостатками ваучеров является то, что правительству непрерывно нужно производить финансовые вложения и некоторые другие факторы.³

4.2 Условия применения ваучерной системы

Соответствующая функционированию ваучерной системы сфера социального обслуживания должна иметь как минимум 4 характеристики: желание либо долг правительства полностью либо частично нести расходы, наличие возможностей для конкуренции между поставщиками; уникальность данных товаров и услуг, за которые можно получить денежные средства; наличие права выбора у потребителей. Существенная характеристика ваучерной системы заключается в трансформации способа финансирования правительства, а именно в переходе от финансовой поддержки производителя к прямому субсидированию потребителя.

Данные изменения имеют двустороннее значение. Первое означает, что изменяется субъект управления ресурсами, от контроля поставщика происходит переход к контролю потребителя. Потребитель тем самым получает реальное право выбора порядка и способа получения услуг. Второе означает, что в результате рационального выбора потребителя поставщик испытывает давление конкуренции. Поставщики вынуждены бороться за потребителя. Вышеуказанные особенности и механизм функционирования ваучерной системы постепенно приводят к достижению эффективности и справедливости.

4.3 Применение ваучерной системы при обеспечении социальным жильем

В городах при получении малообеспеченными семьями и семьями, испытывающими финансовые трудности социального жилья, использование ваучеров делится на 3 этапа: выдача, использование и обмен ваучеров.

На этапе выдачи ваучера правительственные органы и малообеспеченные семьи и семьи, испытывающие финансовые трудности, вступают в отношения. Правительственный орган в соответствии с экономическим развитием и уровнем жизни населения в данном регионе после проверки соответствия критериям определяет семьи, которые име-

¹ Четыре стандарта приводятся по книге Вийлинь Данн «Введение в анализ государственной политики». Издательство Жэньминь университета, 2002. – С. 310.

² Сун Шимин. Исследование административной реформы в США. Издательство государственного административного института, 2007. – С. 148.

³ К другим факторам относятся нежелание семей пользоваться ваучерной системой, ограниченная доступность для семей информации о жилье, дискриминация держателей ваучеров в микрорайонах и т.п.

ют право на использование ваучеров, затем происходит выдача ваучеров малообеспеченным семьям и семьям, испытывающим финансовые трудности. На этапе использования ваучера возникают отношения между данными семьями и подрядчиком. Малообеспеченные семьи и семьи, испытывающие финансовые трудности, через различные каналы¹ знакомятся с информацией о подрядчиках, занимающихся строительством социального жилья, затем в соответствии с собственной ситуацией останавливают свой выбор на каком-либо подрядчике, и далее семья с подрядчиком выполняет надлежащие формальности.

На этом этапе для того, чтобы малообеспеченные семьи и семьи, испытывающие финансовые трудности, смогли сделать выбор с жильем, подрядчики должны для получения данных ваучеров представить свои конкурентные преимущества, например, возможность предоставления комплекса качественных услуг и т.д. Таким образом будет повышаться качество и эффективность услуг. На этапе обмена ваучера отношения возникают между подрядчиком и правительственным органом. Подрядчик, являющийся держателем ваучеров, полученных от малообеспеченных семей и семей, испытывающих финансовые трудности, обменивает их у правительственных органов на арендную плату, получает экономическую выгоду, что позволяет осуществлять расширение последующего производства².

На текущий момент ваучерная система не получила широкого распространения в КНР. Только лишь некоторые объекты аренды социального жилья получают прямое субсидирование, освобождение от уплаты налогов, либо если это социальное коммерческое жилье покупатель получает на него льготную цену.

По этой причине сфера обеспечения социальным жильем в КНР в будущем нуждается в развитии ваучерной системы. Во-первых, необходимо построить благоприятную среду для обеспечения. Во-вторых, необходимо уделять внимание возникающим в процессе использования ваучерной системы вопросу справедливости, проблеме асимметрии информации и др.

5. Управление обществом – построение мультицентрального порядка

5.1 Понятие управления обществом

В КНР на фоне текущей административной реформы необходимо произвести структурную трансформацию диверсифицированного управления небольших правительственных органов, общества в целом, упорядочивать рыночную организацию, обеспечить участие народа в управлении обществом. Управление обществом – это органы управления, общественные организации, народ, подведомственные объекты, коммерческие и некоммерческие организации, основывающиеся на рыночных принципах, общественных интересах и общественном одобрении, их согласованное сотрудничество, эффективное обеспечение общественными благами, удовлетворение общественных нужд, оптимизация процессов и механизма социальных систем. Построение общественного мультицентрального порядка является идеальной моделью управления обществом³.

5.2 Специфика управления обществом

При построении мультицентральной системы общества управление обществом имеет следующие особенности: (1) диверсификация субъектов управления. При управлении обществом делается акцент на диверсификацию субъектов управления. Кроме правительственных органов, неправительственные организации, подведомственные объекты, общественные автономные организации, а также частные лица – все они являются субъектами управления. (2) Акцент на участии каждого субъекта. При управлении обществом субъекты посредством договоренностей, сотрудничества участвуют в общественных делах. Граждане больше не опираются на квартальные организации, а являются независимой стороной, формируя равноправные отношения с органами власти, соседскими комитетами и другими организациями. (3) Сетевая структура взаимодействия. В структуре общественного управления между субъектами возникает двустороннее взаимодействие. Появляется и развивается большое число неправительственных организаций, между правительственными органами и народом налаживается контакт, тем самым создается сетевая структура из органов исполнительной власти, автономных и общественных организаций.

5.3 Внедрение управления обществом в сфере социального жилья

Строительство и управление арендуемым жильем является одной из важнейших задач двенадцатой пятилетки в сфере социального жилья. Эта задача в будущем для КНР является ключевой в решении вопроса социального жилья. Возьмем, к примеру, арендуемое жилье. На текущий момент у органов местного управления в отношении арендуемого жилья слабо сочетается теория и практика. Использование рычага управления обществом в целях оптимизации

¹ В данном случае основным каналом является предоставление информации правительством. Правительственные органы берут на себя ответственность за предоставление информации. Правительство пользуется преимуществом в предоставлении информации. Малообеспеченные семьи и семьи, испытывающие финансовые трудности, получают информацию о жилье с низкой стоимостью арендной платы. Таким образом, можно избежать информационной асимметрии, которая может принести семьям убытки.

² Линь Чжибинь. Перестройка модели жилья с выгодной арендой – соединение договора подряда и ваучерной системы // журнал Шаньдунского института администрации и Шаньдунского института экономических кадров. 2009. – № 1.

³ Чжан Хуну. Выбор модели мультицентрального порядка и управления обществом // Вестник партийной школы Нинся. 2005. – май.

управления арендуемым жильем является эффективным путем решением вопроса. Правительство, домоуправляющие компании, комитеты-собственники недвижимости и потребители совместно несут ответственность за арендуемое жилье. Собственники и домоуправляющие компании совместно управляют коммерческим жильем, правительство отвечает за надзор и регулирование соответствующей работы домоуправляющих компаний.

В этих двух моделях управления правительство и домоуправляющие организации являются субъектами управления. Комитеты-собственники и потребители играют лишь содействующую роль. Это приводит к тому, что участие собственников и потребителей услуг крайне неэффективно, их роль недостаточно значима. Таким образом, необходимо ввести понятие управления обществом, применение смешанной модели управления обществом, посредством диверсификации полномочий, принимая участие в общественном управлении, достигая целей интеграции ресурсов, содействия построению общества, совершенствуя управление социальным жильем.

Смешанная модель является промежуточным продуктом на пути от модели руководящей роли правительства к модели общественного самоуправления. В данной модели правительство незначительно вмешивается в развитие общества, при этом в основном применяются косвенные средства. Основными функциями правительства являются планирование, руководство и финансирование. Функции официальной стороны и общественного самоуправления переплетаются в области развития общества во многих аспектах.

Во-первых, это выражается активной и ведущей роли правительства. Правительство устанавливает политический курс и проводит планирование в области управления социальным жильем в микрорайонах. Правительство в целях развития микрорайонов посредством утверждения ряда регламентов должно обеспечивать здоровую окружающую среду, а также на основании учреждения законодательных актов устанавливать правовой статус субъектов, содействуя упорядоченности и скоординированному развитию.

Во-вторых, это выражается в общественной организации и народном самоуправлении. Отбор микрорайонов социального жилья посредством демократических согласований и законодательства, создание общественных соседских комитетов и съездов. Общественные народные съезды формируются из народных представителей, избираемых из жителей микрорайонов социального жилья. Функции этих съездов заключаются в рассмотрении плана развития жилых микрорайонов социального жилья, рассмотрении и корректировке методик домоуправления микрорайонами, договоров собственников и т.д., изучении решений, касающихся важных вопросов, касающихся общественных благ населения. В отношении работы соседских комитетов и домоуправляющих компаний производятся оценка работы и надзор.

Соседские комитеты избираются народом в соответствии с законодательством, при этом самоуправляющие организации реализуют демократические выборы, политику, управление и надзор, играя важную роль в управлении жилыми микрорайонами социального жилья. Во-первых, это информационное сообщение. Сбор требований, мнений и предложений жителей кварталов социального жилья об органах управления социальным жильем и домоуправляющих компаниях, а также передача этой информации. Комитеты играют информационную и регулирующую роль для органов управления социальным жильем, домоуправляющих компаний и общества.

Во-вторых, помощь нуждающимся жильцам. С одной стороны, это целенаправленная организация занятости жильцов в прилегающих к микрорайону промышленных предприятиях и структурах, их профессиональная подготовка, помощь жильцам в расширении возможностей для трудоустройства. С другой стороны, это поддержка одиноких пожилых людей, инвалидов и других незащищенных групп населения. Также это содействие органам, управляющим социальным жильем в управлении динамическим надзором над жителями микрорайонов, что повышает эффективность управления социальным жильем. Построение системы ежедневных инспекций и своевременных отчетов. И наконец, это организация самообслуживания. Под руководством общественных комитетов в микрорайонах жильцами организуется система самообслуживания. К примеру, обслуживание на дому, помощь детям и старикам, техническое обслуживание, при этом обслуживание может проводиться на коммерческой и безвозмездной основе.

Заключение

Для повышения уровня управления социальным жильем недостаточно лишь трансформировать концепцию управления, необходимо также на основе эффективного исполнения политического курса избрать подходящие рычаги и методы управления. К тому же процесс управления не может внедряться одним единственным способом, но необходимо с помощью соответствующих правительственных инструментов проводить их комбинированное внедрение. Только так можно достигнуть установленных политическим курсом целей.

Гундаров И.А.

д.м.н., к.ф.н., академик РАЕН, профессор, руководитель Центра мониторинга благополучия регионов Академии труда и социальных отношений, руководитель лаборатории НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением Первого МГМУ

ГОСУДАРСТВО НАРОДА КАК АЛЬТЕРНАТИВА КАПИТАЛИЗМУ И КОММУНИЗМУ В РОССИИ

Ключевые слова: социальное государство, социальное проектирование, социальная политика, национальная идея, народная демократия.

По оценке первого зампреда Центрального банка С. Швецова, ситуация в России критическая. «То, что происходит, даже в страшном сне не могли придумать год назад». В действительности же не только могли, но и многократно предупреждали. Однако власть боялась услышать правду о приближающемся крахе. Поэтому случившееся есть закономерный результат двадцатилетнего господства капитализма, противостоять которому у патриотов не хватало сил. На помощь пришёл Всевышний, приступив к зачистке страны от всевластия мамоны. Это – трагедия, но оптимистическая. Оптимизм заключается в том, что на освобождённой территории быстрее возникнет спасительный общественный строй. Возможно Новороссия для того и появилась, чтобы стать ему колыбелью – символом пробуждающегося человечества, как Парижская коммуна.

Чтобы не сбиться с пути, необходим Проект желаемого будущего и программа реализующих его законных действий. Главным законом в стране выступает Конституция, а её фундаментом – Основы конституционного строя. В них Россия утверждается как социальное государство, где хозяином страны и единственным источником власти является народ. Здесь права общества и права личности не противопоставляются, а находятся в единстве. Научное название такого общественного устройства – социогуманизм. Однако в реальной жизни власть в стране оккупировал капитал, пытающийся негласно свергнуть Основы конституционного строя. Поэтому их защита есть первостепенный долг гражданина и патриота.

Для восстановления конституционной законности требуется общественная сила, вооружённая передовой идеологией. Распространено мнение, что Конституция запрещает иметь государственную идеологию, поскольку «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 13, п. 2). Тогда как на самом деле данная статья запрещает не идеологию, а её директивное установление. Аналогично тому, как если бы сказать: «Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

На политическом поле сейчас конкурируют четыре идеологии: «Россия – для русских», «Россия – часть либеральной цивилизации», «Россия – православная монархия», «Россия – страна социализма». Уверенные в своей правоте, каждая настаивает на исключительном праве считаться государственной, провоцируя тем самым социальные противостояния. Иной подход вытекает из положений социогуманизма как государства народа. Право на существование имеют все мировоззрения, но – пропорционально их поддержке населением. Какое мировоззрение считать главным, определяют выборы во власть соответствующих представителей. Оно и оказывается государственной идеологией, не устанавливаемой сверху, а выдвигаемой и охраняемой снизу.

Духовные принципы национальной идеи

Быть хозяином собственной жизни – вековая российская мечта, чтобы не народ служил государству (*как при капитализме*) и не государство служило народу (*как при социализме*), а существовало государство народа. Тогда никакой агрессор не сможет одолеть людей, защищающих Отечество как собственный дом. Его скрепляющей основой выступают духовные принципы, выработанные многотысячелетним развитием человечества:

- справедливость – основа отношений между людьми: относиться к другому так, как хотел бы, чтобы относились к тебе;
- народ есть единственный источник государственной власти, а политические руководители – всего лишь нанимаемые на службу управляющие, контролируемые народом и увольняемые им;
- человек, его свобода и счастье, нравственное, интеллектуальное и физическое совершенствование – главная цель государственного управления;
- личность не существует без общества, а общество – без личности. Обе стороны имеют права и обязанности, где свобода уравнивается ответственностью;
- не только бытие определяет сознание, но и сознание определяет бытие. Культура есть такой же двигатель истории, как и производительные силы;

- любая честно приобретенная собственность священна: общенародная, коллективная, частная, индивидуальная. Насильственное отторжение справедливой собственности есть преступление, не имеющее срока давности;
- удовлетворение интересов живущего населения не должно наносить ущерба грядущим поколениям;
- добро и нравственность не отрицают применения силы для противостояния агрессии зла;
- патриотизм и интернационализм не исключают, а дополняют друг друга. Благополучие народа не будет полным, если страдают другие народы;
- цель не должна подменяться средствами, а средства не должны противоречить цели;
- религия отделена от государственных институтов, но вольна оказывать влияние на общественную жизнь силой своих идей;
- человек во многом не совершенен. Людские пороки особенно опасны в государственном управлении, что требует эффективных механизмов контроля над верховной властью.

Государство народной демократии

Демократия есть власть большинства при уважении мнения меньшинства. В зависимости от того, кто относится к большинству, различались рабовладельческая демократия (власть большинства рабовладельцев), демократия вольных городов (власть большинства состоятельных горожан), буржуазная демократия (власть большинства владеющих капиталом), номенклатурная демократия (власть большинства номенклатуры), народная демократия (власть большинства народа). Осуществление власти большинства начинается не с выборов, а с возможности каждого гражданина выдвигать своих представителей. В СССР были всеобщие, прямые, тайные выборы, но – из числа предложенных руководством КПСС кандидатур.

В современной России действует буржуазная демократия, удовлетворяющая интересы господствующего класса капитала. Поэтому при всероссийском опросе в 2012 г. лишь 2% населения назвали нынешнюю власть «справедливой, близкой к народу». Неспособность буржуазной демократии соответствовать принципам народовластия объясняется следующими дефектами:

- при выборах в парламент большинство населения отстранено от участия в выдвижении кандидатов из-за высокой стоимости и трудоёмкости процедуры; не ведётся поиск наиболее талантливых профессионалов, что порождает кадровый дефицит; формируется монополия лоббистов бюрократии и капитала; невозможно отозвать непригодных политиков;
- во властных органах нет пропорциональной национальной представительности;
- выборы президента превращаются в клоунаду; наверху может оказаться не самый достойный; навязывается культ личности и отсутствие альтернативы; глава государства ни перед кем не отчитывается и ни за что не отвечает; отозвать неадекватного президента невозможно, даже если он тяжело болен;
- низок уровень профессионализма исполнительной власти; к управлению на местах прорываются преступные элементы;
- коррупция и безответственность являются стержнем функционирования политической системы;
- затруднён социальный лифт для гражданской активности молодёжи;
- господство административного ресурса предрасполагает к массовым фальсификациям;
- отсутствует механизм защиты от прихода в политику деструктивных и фашиствующих сил.

Для устранения перечисленных недостатков предлагается пирамида представительной власти, формируемая снизу вверх. От 2–3 тысяч человек муниципальных образований население выдвигает на пятилетний срок по два кандидата, проживающих на данной территории не менее десяти лет. Чтобы исключить влияние капитала и административного ресурса, избирательные комиссии информируют о кандидатах и их программах через бюллетени, доставляемые каждому избирателю. Массовое распространение другой информации о кандидатах запрещается. Выборы являются почётным долгом, подтверждающим статус гражданина как сохозяина страны. Избранные представители составляют корпус народных депутатов России – 80–100 тыс. человек, отражающих национально-пропорциональный состав населения. Они формируют из себя политические уровни методом «делегирования». Первым уровнем служат местные Народные советы, которые делегируют половину состава в Советы следующего уровня, те – следующего и так вплоть до Высшего Народного Совета (ВНС), численностью 450–500 человек. ВНС есть постоянно действующий верховный орган государства, определяющий стратегию внутренней и внешней политики.

Члены Высшего Народного Совета треть времени проводят в регионах, а две трети посвящают сессионным заседаниям. Для работы между сессиями назначается Президиум ВНС. Председателем Президиума является Президент, выбираемый всем населением на пять лет путём тайного рейтингового голосования из трёх кандидатур, предложенных Высшим Народным Советом. Освобождающийся мандат депутата занимает вновь избираемый кандидат. Президент представляет страну как глава государства и является верховным главнокомандующим. Президентские полномочия прекращаются досрочно в случае тяжёлого заболевания и неспособности гарантировать соблюдение Основ конституционного строя. Решение об этом принимает Высший Народный Совет с учётом заключения Конституционного суда. На время до очередных выборов Президентом становится занявший второе место при всенародном голосовании кандидат.

Гражданские права народных депутатов, включая членов ВНС, тождественны правам остальных жителей страны. Привилегированная неприкосновенность не допускается. Отзыв депутата с любого поста может делегировавший его уровень власти. Лишить мандата могут жители территории, от которой он избирался. Для этого все депутаты

каждый год отчитываются парами на собраниях своих избирателей. Если отчёт не состоялся из-за отсутствия кворума или результаты оценены как неудовлетворительные, мандат отзывается, и проводятся новые выборы.

Реализацией принятых законов занимается пирамида исполнительной власти, назначаемая сверху вниз. Для этого Высший Народный Совет утверждает премьер-министра, который формирует Правительство из профессионалов по требуемым направлениям и представляет его на утверждение ВНС.

Народные Советы каждого уровня обладают широкими административными полномочиями и необходимыми финансовыми возможностями. Они создают свои Исполнительные комитеты. Сначала назначается председатель Исполкома, который формирует штат профессиональных сотрудников, утверждаемых Советом. Исполком подчиняется по вертикали вышестоящему Исполкому, а по горизонтали контролируется Советом данного уровня.

Для обеспечения справедливого судопроизводства формируется пирамида Народного суда, аналогично избранию народных депутатов снизу вверх методом делегирования. Состав Верховного суда и Конституционного суда утверждаются ВНС из кандидатов, представляемых Всероссийским съездом судей.

Политическим партиям отводится роль общественных площадок по выработке программ социально-экономического развития и подготовке политических кадров для выдвижения в управление.

Такая государственная система соответствует «народной демократии» – власти большинства населения, уважающего мнение меньшинства. В отличие от гражданского общества, где хозяином выступает господствующий класс, хотя и ограниченный рамками договора, здесь хозяином является всё население. Народная демократия наиболее справедлива, эффективна, низкочастотна, устойчива против внутренней коррумпированности и внешнего давления. В экстренных ситуациях она способна сочетать гибкое реагирование с защитой конституционных основ. Гарантируется невозможность культа личности, захвата власти и установления диктатуры. Поэтому народная демократия была отвергнута авторитарным режимом в СССР и не используется современными буржуазными государствами.

Экономика здравого смысла

В государстве, где хозяином является народ, целью экономической деятельности служит удовлетворение интересов не господствующего класса, а всех и каждого. Для этого используются три рычага: а) обеспечить людям возможность трудиться согласно личным способностям и потребностям, б) дать волю творческим стремлениям, сделав работников хозяевами результатов своего труда, в) удовлетворять запросы населения в качественных товарах и услугах по меньшим ценам при сохранении экологического благополучия. Это есть здравый хозяйственный смысл.

Способности и потребности людей различаются: одни предпочитают совместный труд на общих предприятиях, другие – в одиночку на базе собственных средств производства. Сама экономика состоит из разных по длительности и трудоёмкости циклов. В одних случаях результат проявляется через многие годы, нуждаясь в «длинных» инвестициях, устойчивой номенклатуре и централизованном планировании. Для других ситуаций оптимальны противоположные условия. Поэтому в отличие от капитализма, где священны частная собственность и рынок, и коммунизма, где священны общенародная собственность и план, в народном государстве уважается любая собственность и любое регулирование, если они соответствуют закону и служат здравому хозяйственному смыслу.

Собственником (владельцем) государственной (общенародной) собственности, принадлежащей всем от рождения или созданной общими усилиями, является народ. Она включает воздух, землю, природные ресурсы, системы энергообеспечения и связи, общественный транспорт, предприятия ключевых отраслей, оборонно-космическую промышленность и военный потенциал, инфраструктуру и материально-техническую базу образования, науки, здравоохранения, культуры и др. Её использование обеспечивает производство 60–70% ВВП. Сельскохозяйственная земля передается в долгосрочную аренду с неограниченным продлением для целевого применения. Земля садовых и дачных участков до 12 соток находится в пожизненном распоряжении с правом наследования.

Коллективной собственностью обладают народные предприятия (кооперативы, артели и др.). Здесь прибыль принадлежит самим работникам, являющимися равноправными совладельцами производственных фондов, доля которых не может отчуждаться. Все обладают правами формирования органов самоуправления, выбора или найма руководителя, определения уровня заработной платы и отчислений в фонд развития. Строй «цивилизованных кооператоров» воспитывает уважение к творческому труду и взаимопомощи, способствует достижению социального согласия, противостоит экономической преступности. В то же время значение народных предприятий нельзя преувеличивать. Там, где результаты деятельности определяются в конце многолетнего труда (фундаментальная наука, подготовка кадров и др.) или их трудно перевести в количественные показатели (образование, здравоохранение и др.), работнику выгоднее получать твердую заработную плату. Там, где создание сложных производственных систем (ракетно-космическая отрасль, электроэнергетика и др.) требует централизованного руководства целостным комплексом, нерационально опираться на самоуправляемые хозяйствующие субъекты.

Индивидуальный (частный) сектор представлен персональной, групповой и семейной собственностью, где происходит разделение тружеников на хозяев, владеющих средствами производства, и наемных работников. Высокая эффективность частной собственности доказана в сфере услуг, оптово-розничной торговле, в ряде отраслей легкой промышленности и сельского хозяйства.

Что касается крупного капитала, он оказался неэффективным собственником. За двадцать лет господства не только не обеспечен экономический рывок, но даже не превзойдены дореформенные уровни в базовых отраслях экономики. Производительность труда упала в несколько раз. В таких условиях разумный передел собственности необходим и должен рассматриваться не с идеологических (классовых), а с экономических позиций. Это – естественная

рыночная процедура, через которую в конкурентной среде совершенствуется механизм хозяйственного управления. В эффективных экономиках мира ежегодно меняют своих собственников до 15–20% предприятий.

Согласно Конституции РФ все формы собственности находятся под правовой защитой: «...признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности» (ст. 8, п. 2). Продажа любой из них осуществляется владельцем непосредственно или через генеральную доверенность. Правительство не является владельцем, оно лишь «осуществляет управление федеральной собственностью» (ст. 114, п. 1г). Для продажи федеральной собственности требуется генеральная доверенность народа, которой может быть только всероссийский референдум (включая голоса детей, представленные родителями) при единодушном одобрении. Из-за отсутствия такового вся проведенная в стране приватизация является антиконституционной. Чтобы исправить ошибку, не имеющую по демократическим законам срока давности, потребуется реституция – возвращение насильственно отторгнутой собственности её законному владельцу.

Управляя народным достоянием, правительство не только издает законы и следит за их исполнением, но само занимается хозяйственной и финансовой деятельностью. Для этого создаются отраслевые министерства и специализированные ведомства. В результате государство тоже становится субъектом рынка.

За счет использования государственной собственности и налоговых поступлений из других секторов экономики формируются общественные фонды. Они объединяются в Социальный пай, обслуживающий интересы страны в целом: развитие научно-технического прогресса; функционирование систем национальной безопасности; осуществление пенсионного обеспечения; развитие культуры, образования, здравоохранения, спорта; формирование стратегических резервов и др. Размер Социального пая и характер его распределения должны быть «прозрачными» для народного контроля.

Принадлежащие государству бюджетные средства аккумулируются в банковской сети Государственного Народного Банка. Он финансирует экономическое развитие страны, осуществляет расчёты с населением, выдаёт беспроцентные ссуды, гарантирует сохранность сбережений и т.д. Частные банки функционируют на основе частных вкладов. Крупные международные финансовые операции выполняются через отделения Государственного Народного Банка.

В результате возникает экономика «здорового хозяйственного смысла» – не «левая», не «правая» и не «центристская», а трёхсекторная. Здесь пропорции секторов подвижны и определяются не политическими установками, а хозяйственными потребностями. Регуляторами служат план, рынок и договора. К действию на рынке привлекаются представители не только частной, а любой собственности. Этим обеспечивается конкуренция самих форм собственности, когда справедливое соревнование выявляет лучшую в соответствующих секторах и сферах деятельности. Их взаимодействие обеспечивает кумулятивный созидательный эффект.

Освобожденные от идеологических пут, производительные силы выходят на творческий простор. Возникает эффект «экономического чуда» с ежегодным увеличением хозяйственного потенциала на 20–40%. Первое «экономическое чудо» XX века существовало в СССР в виде новой экономической политики (НЭП) с 1921 г. по 1927 г. Ежегодная промышленная динамика тогда составляла в среднем 44%. В 1925 г. при восстановленном после разрухи хозяйстве был достигнут рекордный показатель – 60% годового прироста. Доходы работающих увеличились в три раза. Значительно улучшилось качество жизни. Преступность упала вдвое. Удалось остановить вымирание народа, длившееся с Первой мировой войны, и естественный прирост населения стал выше дореволюционного.

Советский опыт планово-рыночного хозяйства использовался в США при выходе из депрессии начала 30-х годов, при восстановлении послевоенной Германии, в возрождающейся Японии. В наше время идеи НЭПа успешно развиваются в наиболее динамичных экономиках мира: Китая, Тайваня, Индии, Вьетнама. Двадцатилетний опыт реформ в странах СНГ показал, что конвергентные экономические модели Беларуси, Узбекистана, Туркменистана в четыре раза эффективнее либеральных экономик России, Казахстана, Украины и в два раза эффективнее предшествующего периода «развитого социализма».

Главенство социальной политики

В народном государстве сутью социальной политики является удовлетворение интересов населения не по остаточному принципу, а как главная обязанность власти. В России имеются огромные богатства для обеспечения каждому жителю его гражданского права: что бы ни случилось в жизни, никто не окажется в унижающей бедности.

С этой целью из Социального пая бесплатно удовлетворяются базовые жизненные потребности: душевые нормативы жилой площади, жилищно-коммунальное обслуживание, здравоохранение, дошкольное воспитание, среднее и высшее государственное образование, детский летний отдых, общественный транспорт, юридические услуги. Перечисленное есть не патерналистские льготы, а долг государства по обеспечению справедливого социального равенства.

Одновременно каждому предоставляется возможность роста индивидуального благополучия за счет собственного труда пропорционально его количеству и качеству. Оплата труда работников бюджетной сферы должна быть конкурентоспособной с негосударственными учреждениями. Тем самым гарантируется справедливость социальной дифференциации, стимулирующей дух творческого соревнования.

Избыточная разница в достатке различных слоёв населения гармонизируется прогрессивной шкалой налогов на личные доходы и имущество семей.

Отменяется коммерческая тайна в отношении крупных финансовых операций и обеспечивается контроль над ними со стороны общественных организаций.

Воспитание детей до 18 лет приравнивается к профессиональному труду с предоставлением на каждого ребенка пособия не ниже прожиточного минимума. Достившие пенсионного возраста родители получают прибавку к пенсии в размере четверти от отчислений в пенсионный фонд работающих детей.

Финансирование фундаментальной и прикладной науки осуществляется в объеме, требуемом для прорывного интеллектуального развития и инновационного решения текущих государственных проблем. Создаются необходимые предпосылки для завоевания передовых позиций в мировой научной конкуренции.

Выпускникам вузов предоставляется помощь в трудоустройстве по специальности.

Религия отделена от школы и государства, но вольна оказывать влияние на общественную жизнь силой своих идей.

Государство создаёт условия для приобщения людей к высоким духовным ценностям. Запрещается пропаганда жестокости, стяжательства, насилия, порока.

Социально-культурная сфера (образование, воспитание, культура, наука, спорт, здравоохранение, общественное телевидение) имеет необходимый объём государственного финансирования для полноценного функционирования и развития.

Принципы Свободного Союза Суверенных Республик

Распад Союза Советских Социалистических Республик резко ослабил экономическое и геополитическое положение большинства входивших в него государств, не дав взамен существенных преимуществ. Осознание возникшей нестабильности заставляет возвращаться к поиску оптимальной формы добровольной интеграции. На какой организационной основе следует объединяться, чтобы не повторить ошибок прошлого? Без решения этого вопроса любые документы останутся благими пожеланиями, как случилось с Союзным государством «Россия-Беларусь», существующим более 15 лет в основном на бумаге.

Оптимальным представляется Свободно создаваемый Союз, состоящий из Суверенных Республик (Свободный Союз Суверенных Республик), обладающих гарантированным механизмом отделения при несогласии с общесоюзной политикой. Функционирование такого Союза, в отличие от СНГ, требует надгосударственного координирующего органа. Традиционно это означает потерю суверенитета участниками, что неприемлемо. Преодолеть проблему можно через образование Совета глав государств – коллективного руководящего центра, без должности председателя, с ежегодно сменяемой страной локализации. Его решения принимаются консенсусом для обязательного исполнения всеми. Там, где консенсус достичь не удаётся, республики функционируют в объёме суверенных полномочий. При возникновении в процессе работы неразрешимых разногласий инициируется экстренное заседание Совета.

Реализацию решений Совета глав государств выполняет Совет председателей правительств, ежегодно меняющий страну локализации, решения которого также принимаются консенсусом. В промежутках между его заседаниями верховную координацию осуществляет Союзное исполнительное бюро в количестве трех человек – представителей разных республик, с ежегодной ротацией одного представителя.

Такая политическая конструкция способна обеспечить гармоничное сочетание суверенитета членов с наличием координирующей и управляющей воли центра. Характер экономической формации, тип государственной власти и политический режим в республиках определяются волеизъявлением каждого народа и не могут быть предметом всеобщего обсуждения.

Гурко Т.А.

д.соц.н., зав. сектором социологии семьи, Институт социологии РАН

Островский К.Г.

м.н.с. Института социологии РАН

ОРИЕНТИРЫ В ВОСПИТАНИИ РЕБЕНКА МОЛОДЫХ МАТЕРЕЙ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: КОНФОРМИЗМ VS САМОРЕАЛИЗАЦИЯ

Ключевые слова: *воспитание детей, социология семьи, ценностные ориентации.*

Статья основана на результатах исследования 600 матерей, воспитывающих ребенка от 3-х до 7 лет, в 2013 г. в Центральном федеральном округе РФ (Москва, Брянск, Владимир, Тамбов). Выборка квотная: представлены все брачно-семейные и брачно-родительские статусы матерей, их уровни образования согласно данным переписи 2010 г. в данной возрастной группе в обследованных городах¹.

В рамках психологии, социальной психологии, социологии и философии разработано множество различных типологий и методик для анализа ценностей/ценностных ориентаций, ценностно-нормативных установок². При этом само по себе понятие «ценности» различно у разных авторов, в отечественных (в том числе советских) и зарубежных работах. Не всегда делается различие между терминальными и инструментальными ценностями человека, т.е. целями и средствами их достижения (М. Рокич)³. Именно терминальные ценности-цели часто исследуются в опросах общественного мнения (например, хорошая семья, мир во всем мире, комфортная жизнь, социальное признание, счастье, равноправие и др.). На этом основании, например, часто делается вывод о важности ценности «семьи» для населения, хотя статистические и социологические показатели свидетельствуют об обратном (например, высокий уровень разводов, высокий уровень конфликтов, насилие в семьях и т.д.). Можно высоко превозносить (ценить) «семью», но не оценить качества, которые необходимы для построения успешного брака, например, жертвенность, уступчивость, терпимость и др.

Увлечение факторным анализом приводит к построению социальных конструктов ценностей и типов личностей, далеких от реальной жизни. Могут не совпадать идеальные и ситуационные ценности, ценности в публичной и частной сферах жизни. Например, если у гражданина появилось несколько детей, ценность материального достатка вынужденно выйдет на первый план в сравнении с интересом к работе, хотя это вовсе не означает, что пропала ценность конкретного вида профессиональной деятельности.

Опыт участия в межстрановых исследованиях свидетельствует, что часто различия ценностных ориентаций и поведения, в частности, в семейной сфере в развитых странах скорее в большей мере наблюдаются между полярными социальными группами внутри стран, нежели между странами (т.е. образованные молодые люди с высоким достатком скорее разделяют общие взгляды и установки в разных странах, нежели с необразованными бедными в своей стране)⁴. Эта гипотеза нуждается в дальнейшей проверке.

При анализе ценностей в российских публикациях⁵ часто употребляется понятие «традиция», что весьма проблематично для современного россиянина. О каких традициях идет речь? Дореволюционных или советских? При явном сходстве культурного кода в этих традициях (коллективизм, социальная справедливость, культ личности и власти и др.), эти традиции по форме их выражения совершенно разные.

Опыт изучения родительских, а конкретнее материнских ценностей (качеств) в воспитании подростка в 1994 г. методом углубленных интервью выявил, что ценностно нагруженные качества, которые матери в то время хотели воспитать у детей подростков различались в случае поступков ребенка в семье и за ее пределами, в окружающей социальной среде⁶. Возможно, этот факт отразил период «лихих 1990-х», построения особой модели рыночных отношений в России, а также период «двойной морали» советского периода.

¹ См. подробнее: Гурко Т.А. Качество родительства в молодых семьях: понятийный аппарат, стратегия и выборка исследования // Актуальные проблемы родительства в России / Ред. Т.А. Гурко. – М.: Институт социологии РАН, 2013. – С. 13–18.

² Этой теме посвящено множество работ в западной литературе. Wikipedia. – http://en.wikipedia.org/wiki/Values_scale

³ Методика «Ценностных ориентаций» М. Рокича // Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации / Отв. сост. Н.А. Волкова. Вступительная статья Е.Ф. Рыбалко. – Петрозаводск: Петроком, 1992. – С. 112–114.

⁴ Walters L., H. Warzywoda-Kruszynska W., Gurko T. Cross-cultural studies of families: Hidden differences // Journal of Comparative Family Studies. 2002. – Vol. 33, N 3. – P. 433–449.

⁵ См. недавний обзор таких работ в работе: Мاستикова Н.С. Ценности россиян: что следует из сопоставления статистик международных исследований // Социологический журнал. 2013. – № 1. – С. 36–46.

⁶ Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. – М., 1997. – № 1. – С. 77.

Типологии различны и в двух глобальных исследованиях, специально посвященных изучению ценностей. В исследовании мировых ценностей (WVS) речь идет о разноуровневом спектре норм/представлений/установок/ценностных ориентаций макроуровня (отношение к религии, социальному равенству полов, войне, социальному расслоению, политическим партиям и т.д.), внутрисемейного уровня (равноправие супругов, родительские ценности в воспитании детей) и личностного. Вся эта «смесь переменных в одном флаконе» приводит авторов (Р. Инглхарт, К. Вельцель) к очевидному различию стран, отличающихся уровнем развития, причем с посылом о постепенной конвергенции развивающихся стран в сторону развитых¹. В Европейском социальном исследовании, используется шкала базовых ценностей Ш. Шварца, которые скорее тяготеют к качествам личности, а не ценностным ориентациям как таковым.

Рисунок 1.

Распределение первостепенных качеств (в порядке предъявления), которые замужние матери хотели бы воспитать в детях, в 1993 г. и в 2013 г., в %

В исследовании молодых матерей нами использовалась методика Мелвина Кохна «родительских ценностей²» (качеств, которые они хотят воспитать в детях)³. Глобальная задача изучения всех ценностных направлений родительского воспитания, включающего осознанное или неосознанное формирование широкого спектра качеств, перед нами не стояла. Методика выбрана с целью возможности сравнения основных ориентаций матерей в воспитании мальчиков и девочек в 1994 г. с нынешней ситуацией. Конечно, выборки матерей 1993 г. и 2013 г. несколько отличны. Возраст матерей и детей различны, но выборки сходны по принципу квотного территориального построения: четыре города в Центральном федеральном округе РФ, включая Москву, матери состояли в браке и имели одного ребенка⁴.

Матерям предлагалось выбрать пять наиболее важных качеств, которые они хотят воспитать в своих детях и ранжировать эти качества. Как видно на рис. 1, качество «честность, правдивость» для уже постсоветского поколения матерей сохраняет свое первостепенное, хотя в отличие от советского поколения заняло по частоте выбора второе место. Более важным для нынешних матерей является «целеустремленность, усердие в достижении успехов». В то же время зависимость выборов матерей в зависимости от пола детей осталась прежней, т.е. мальчикам чаще нежели девочкам приписываются качества «саморазвития», соответственно 70 и 56%. На первом месте для мальчиков и девочек стоит «целеустремленность, усердие в достижении успехов» (чаще для мальчиков), на втором – «здравый смысл, обдуманные суждения» для мальчиков и «честность» для девочек, на третьем – «ответственность, умение держать слово» (чаще для мальчиков). Такое качество как «послушание родителям» находится на одном из последних мест.

¹ Inglehart-Welzelculturalmapoftheworld. Цит. по: Гурко Т.А. Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 34.

² Англоязычный термин «values» не совсем совпадает с российским понятием «ценности». Речь скорее идет о личностных качествах, в данном случае качеств «конформиста» либо качеств человека, ориентированного на достижения, самореализацию. Для конформиста важны последствия поступка и его форма, а не намерения, мотивация. Самореализация не отрицает внимание к чувствам других, но такие люди в большей мере ориентированы на собственную оценку своих поступков, а не другими людьми. Эти основные «ценностные ориентации» можно интерпретировать и в терминах «стыда» или «вины» в качестве основных регуляторов социального поведения человека, что в свою очередь различает культуры (см. подробнее: Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура. – М.: Научный мир, 2004. – С. 210).

³ Kohn, M.L. Class and conformity: A study in values. Homewood, IL: Dorsey Press, 1969.

⁴ См. подробнее: Гурко, 2013, там же, с. 18–19.

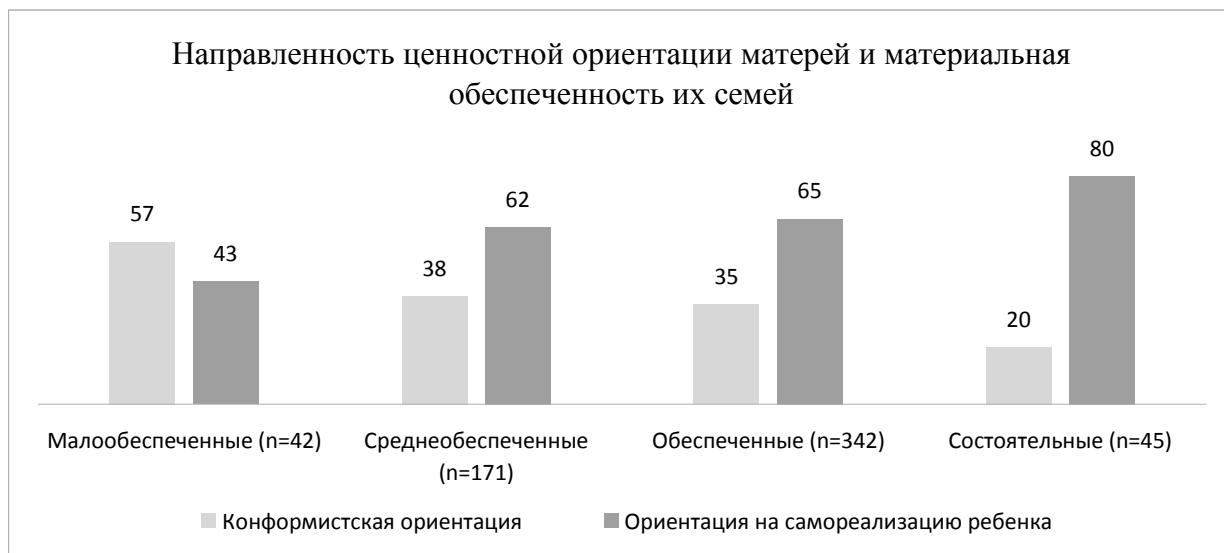

Рисунок 2.
Направленность ценностной ориентации матерей в зависимости от материальной обеспеченности их семей в 2013 г. (N=600), в %

Согласно данным автора методики, чем выше социальный статус родителей, тем с большей вероятностью они поощряют в своих детях ценности самореализации в противоположность конформизму, и, таким образом, происходит воспроизводство среднего класса. В 1980-х гг. этот вывод был подтвержден в исследованиях, проведенных в Польше, Японии, и Италии. Для того чтобы проверить эту гипотезу в современных российских условиях, ранжированные выборы матерей преобразованы в одну переменную: преимущественно конформистские ценности или ценности самореализации в воспитании ребенка.

Проверялась связь между уровнем образования матерей, материальным благополучием их семей, включая матерей, проживающих без мужа, (разведенных, вдовых, «одинок» и внебрачных) и основной ценностной ориентацией.

Фактор оценки матерями материального уровня своей семьи малозначим. При видимом различии крайних групп, показатель связи в целом невелик (Хи-квадрат Пирсона, далее $P=13,361$, при $знач.=0.004$). Значим фактор образования матерей (см. рис. 3). Матери с высшим образованием чаще выбирают качества ребенка, предполагающие его самореализацию ($P=24,749$, при $знач.=0.000$).

Рисунок 3.
Направленность ценностной ориентации матерей в зависимости от уровня их образования в 2013 г. (N=600), в %

В контексте анализа «родительских ценностей» сквозь призму социальной группы имеет смысл выделить молодые семьи «среднего класса» в отличие от индивидов, представителей этого класса. «Семья среднего класса» подразумевала в послевоенные 1960-е гг. экономического подъема в США наличие собственного дома (обычно в дол-

госрочный кредит), несколько детей (часто много – в период бэби-бума), неработающую жену, обычно высокообразованную, профессиональное занятие мужа, позволяющее конвертировать полученное образование в высокий доход, достаточный для обеспечения семьи.

Пропорцию таких семей в настоящий период в России можно примерно посчитать, если провести исследование в пригородах, в элитных комплексах крупных городов, что непросто. Кроме того, в прототипах таких семей образованные жены, даже имея маленьких детей, продолжают работать, а семья нанимает няню. Пропорция таких семей зависит от выбора критериев.

Построим эмпирически современный российский прототип таких семей на имеющейся выборке и назовем такие молодые семьи «обеспеченными семьями специалистов». В целом по выборке большинство молодых семей можно отнести к категории «обеспеченных»: 57% («мы хорошо питаемся, на одежду денег хватает, можем купить что-то из вещей длительного пользования, но мы не можем за свой счёт улучшить жилищные условия»), еще 8% – состоятельных: «у нас почти нет материальных проблем, можем позволить себе дорогой отдых, покупку другого жилья», т.е. всего обеспеченных 65%, а «полных» (нормативные и сводные) обеспеченных 74%.

Следующий фильтр – жилье, в обозначенную группу включались только нуклеарные семьи, причем те, которые имеют хорошие жилищные условия. В западных странах модернизация института семьи при переходе от аграрных к индустриальным обществам, в первую очередь, означала нуклеаризацию семьи. В России советского периода интенсивной индустриализации, однако, этот процесс не был завершен. Проблема не решена и по сей день. Согласно данным исследования 36% «полных» молодых семей (58% всех, включая т.н. «неполные») проживают с родителями одного из супругов. Причем такая ситуация устраивает 56% незамужних матерей и только 19% тех, кто проживает с мужем. Очевидно, что в первом случае матери получают помощь по уходу за ребенком и им приходится мириться с ситуацией.

Третий фильтр – оба супруга имеют высшее образование. Еще фильтр – мужья работают на должностях, относящихся к профессиональной группе менеджеров, профессионалов либо помощниками профессионалов¹. Отметим, что и в обеспеченных, и в состоятельных домохозяйствах отцы/отчимы чаще имеют высшее образование (для сравнения в малообеспеченных молодых семьях только 6% отцов имеют высшее образование). Таким образом, высшее образование позволяет в современных социально-экономических условиях российским мужьям иметь более высокий доход.

В итоге группа «полных»(нормативных/сводных) нуклеарных молодых семей с одним ребенком, где оба супруга имеют *высшее образование*, мужья работают на должностях, относящихся к *профессиональной группе* менеджеров, профессионалов либо помощниками профессионалов; супруги имеют *отдельное от родителей хорошее жилье*, жены высоко оценивают *материальное положение семьи*, составила *всего 13%* от всех «полных» семей. В период кризиса такие семьи могут потерять в доходах, но в целом при стабильности работы их общее благосостояние мало изменится. Хуже приходится семьям, у которых нет своего жилья или они имеют ипотечный кредит, либо нестабильной является работа.

В силу малочисленности социальной группы, прототипа «семей среднего класса», для проверки гипотезы о влиянии социальной принадлежности молодой семьи на ценностную ориентацию матерей были сформированы две полярные группы семей: «специалистов» и «рабочего класса», без учета критерия материальной и жилищной обеспеченности. В первую группу включены молодые семьи, в которых супруги имеют высшее образование, и муж работает в профессиональных группах, требующих высшего образования, во вторую – семьи, в которых оба супруга не имеют высшего образования, и мужья заняты в низкоквалифицированных сферах.

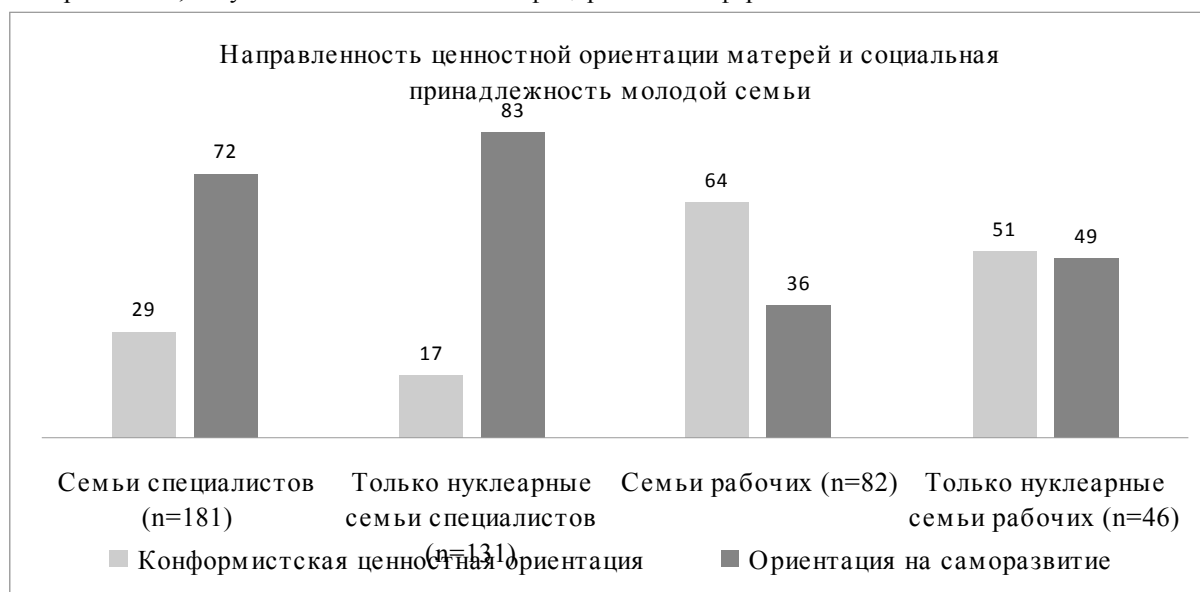

Рисунок 4.
Направленность ценностной ориентации матерей в зависимости от уровня социальной принадлежности их семей и проживания в нуклеарном-расширенном домохозяйстве, в %

¹ Классификацию профессиональных групп см.: Гурко, 2013, там же. – С. 18-19.

На рис. 4 можно видеть, что ценностные ориентации матерей существенно различаются в этих полярных по социальному статусу семьях. Также можно видеть влияние на материнскую ценностную ориентацию совместного проживания с родителями в сторону конформизма, что подтверждает лишний раз вывод, приведенный на рис. 1, о поколенческой динамике ценностных ориентаций.

Список т.н. «родительских ценностей» в исследовании «мировых ценностей» (WVS) изначально в 1981 г. (тогда Россия еще не участвовала в исследовании) был схож с методикой М. Кохна¹. Позднее, уже на второй волне (1990–1994 гг.) некоторые из родительских ценностей были исключены из списка. Вероятно, логика состояла в том, что эти качества стали «старомодными», т.е. слишком конформистскими (например, «вежливость», «верность, преданность», «терпение», «честность»), по крайней мере, в западных культурах. В этом проявился очевидный этноцентризм. Например, как было показано выше, «честность» была и остается важной «материнской ценностью» в России. Кроме того, исключены именно те качества, которые важны в семейной жизни и, соответственно, могут все еще высоко цениться родителями в незападных культурах. На этапе 4 и последующих волн из списка исключили и «хорошие манеры», т.е. умение себя вести, воспитанность, что, конечно, является конформистской ценностью, но имеет право на то, чтобы высоко цениться родителями некоторых культур. Именно потому, что набор родительских ценностей менялся от волны к волне, нет смысла смотреть динамику.

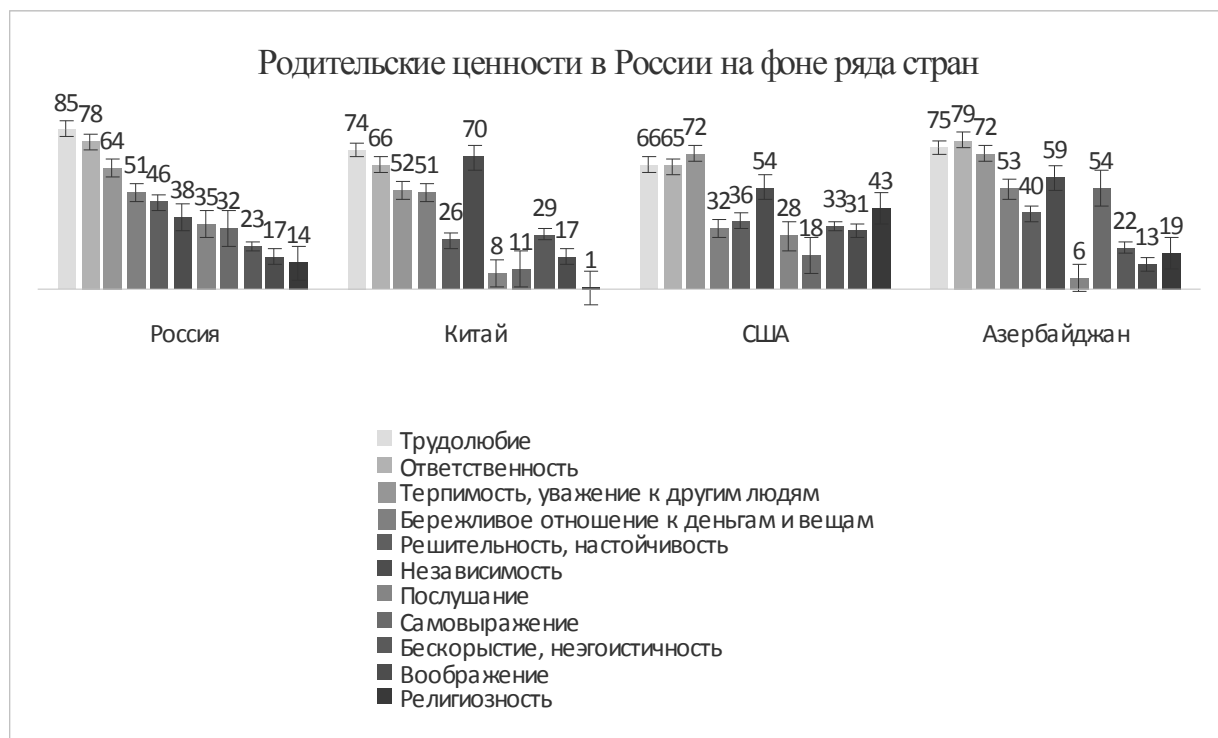

Рисунок 5.

Родительские ценности в России на фоне ряда стран по данным исследования мировых ценностей (WVS), данные 6-й волны (2010–2014 гг.), в %

Для того чтобы сравнить родительские ценности россиян на общемировом фоне были выбраны три страны: наиболее продвинутые (хотя очевидно, весьма разнородные) Соединенные штаты Америки, быстроразвивающийся Китай и одна из мусульманских стран бывшего СССР – Азербайджан.

На рисунке 5 представлены ранжированные данные по России и данные по этим странам в той же последовательности. Первое, что представляется довольно неожиданным, воспитание «трудолюбия» считается в России даже более важным, чем в Китае. Хотя во всем мире китайцы признаны «трудоголиками». Удивительно также, что граждане Германии реже других стран (18%) выбирают это важное качество в детях, а также граждане Японии (35%). Здесь возникают проблемы интерпретации – возможно, самые «трудолюбивые нации» реже ценят качества, которые у них уже есть, а не потому, как считают авторы проекта, что эти ценности перестали быть значимыми. Кроме того, перевод часто меняет смысл качества, так, «hardwork» – это не совсем «трудолюбие» по-русски. Человека можно приучить много работать, но это не означает, что он будет это любить.

В США высоко ценится религиозность в воспитании детей, выше нежели в постсоветском мусульманском Азербайджане. Несколько странно, что «послушание» почти не ценится в Китае и Азербайджане, но высоко ценится в России и США. В этом отношении скорее можно усмотреть методическое несовершенство, нежели межстрановые различия. Большинство приводимых в списке качеств очень неопределенны. Например, «послушание» кому? родителям или окружающим? Также очень неопределенно «воображение». «Бережное отношение к деньгам и вещам» опять же можно интерпретировать двояко, в том числе и с негативным акцентом как «скупость, жадность». «Бескорыстие, неэгоистичность», по нашему мнению, не являются синонимами.

¹ The World Values Survey. – <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>

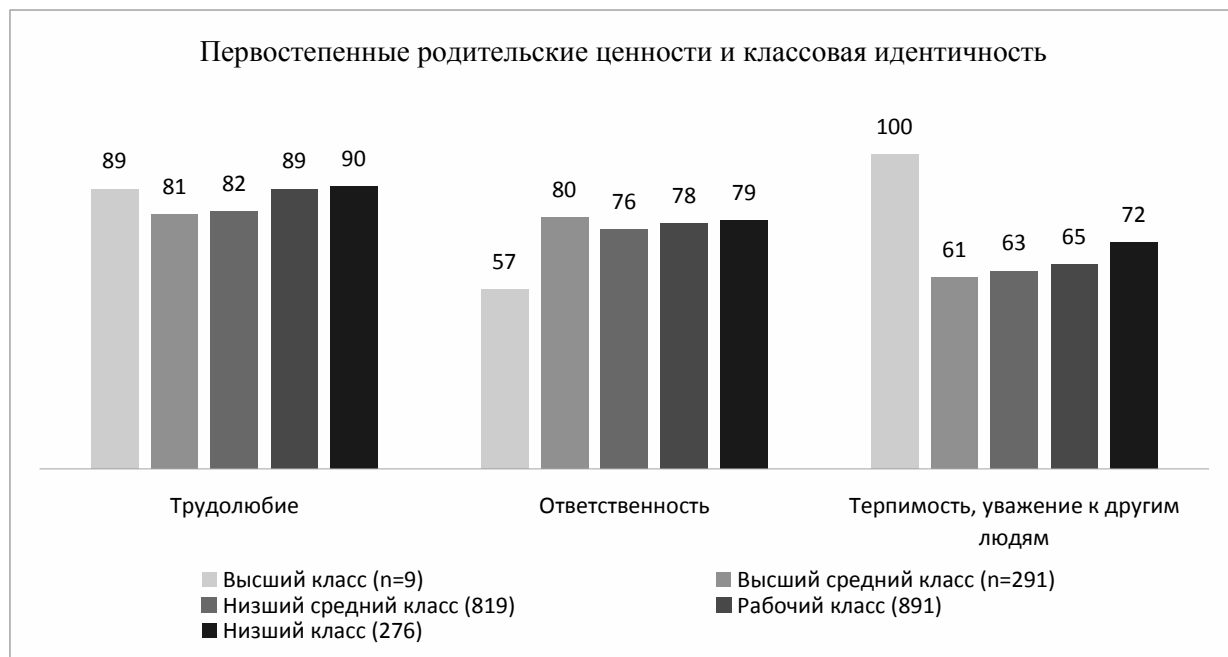

Рисунок 6.

Первостепенные родительские ценности в России в зависимости от «классовой идентичности» респондентов по данным исследования мировых ценностей (WVS), данные 6-й волны (2010–2014 гг.) в %

Была предпринята попытка проанализировать различия родительских ценностей в зависимости от соотношения респондентом себя с определенным классом (классовой идентичности). Значимых различий не обнаружено (см. рис. 6), в том числе при учете признака пола респондента, что противоречит полученным нами данным и множеству зарубежных исследований по этой теме.

* * *

Таким образом, следует признать, что измерение т.н. «родительских ценностей» в исследовании мировых ценностей является пока несовершенным, и методика, по нашему мнению, нуждается в доработке на следующем этапе исследования, готовящейся седьмой волны, которую планируется провести в 2016–2018 гг.

Согласно данным нашего исследования в 1993 г. и в 2013 г. в Центральном федеральном округе РФ, замужние матери стали в большей мере ориентироваться на воспитание качеств самореализации в детях vs конформистских качеств, можно наблюдать поколенческие изменения. В то же время сохранилась тенденция ориентации матерей на воспитание разных качеств у мальчиков и девочек, в девочках чаще поощряются конформистские качества.

Направленность ценностной ориентации матерей слабо связана с материальным уровнем их семей, более значим социальный статус семей (сравнивались полярные группы семей специалистов и рабочих). Эта направленность также существенно зависит от уровня образования матерей. Ценностная ориентация в воспитании ребенка не зависит от брачно-родительского и брачно-семейного статуса матерей. Исключение составляет группа «одинок», т.е. матерей, у детей которых отец не зарегистрирован. Такие матери в большей мере конформистски ориентированы, но опять же за счет более низкого уровня образования.

Довейко А.Б.

к.соц.н., доцент Воронежского государственного университета

Магомедова Т.И.

воспитатель высшей категории МДОУ г. Кириши Ленинградской области

Стеценко А.И.

к.и.н., зав. лабораторией Воронежского государственного университета

ЭФФЕКТИВНЫЙ ДЕТСКИЙ САД В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПЕДАГОГОВ И РОДИТЕЛЕЙ

Ключевые слова: дошкольное образование, детские сады.

Российская система дошкольного образования является уникальной как по своей массовости, так и по многоаспектности услуг, ведь в дошкольном образовательном учреждении (ДОУ) ребенку обеспечиваются не только воспитание и обучение, но также присмотр и уход (питание, медицинское обслуживание и др.). Дошкольное образование является исходной ступенью образовательной системы в целом, и именно от него во многом зависят дальнейшие результаты детей не только в начальной школе, но и на последующих ступенях обучения, оно фактически обеспечивает детям равные стартовые возможности независимо от их места жительства, состояния здоровья, социального статуса родителей.

Система дошкольного образования рассматривается сегодня как один из факторов улучшения демографической ситуации в стране, так как увеличение рождаемости невозможно без предоставления гражданам гарантий возможности устройства ребенка в ДОУ [1; 231].

Фонд «Общественное мнение» в 2010 году выяснил: 71 процент россиян считает, что детям необходимо посещать детские сады — там они учатся общаться с другими детьми, находятся под присмотром профессиональных педагогов, проходят «правильную» подготовку к школе [2]. Поэтому большинство родителей стремится отдать ребёнка именно в государственное дошкольное образовательное учреждение.

Социологическое исследование, проведённое лабораторией социологических исследований кафедры социологии и политологии исторического факультета, Воронежского государственного университета, осуществлено в двух регионах – Воронежской и Ленинградской областях.

Исходя из того, что институт дошкольного образования играет не только образовательную (обучающую и воспитательную роль), но и социальную роль в обществе, оказывая поддержку семьям с детьми, предполагается, что спектр факторов, определяющих родительскую оценку дошкольного образования, будет значительно шире, чем оценка качества образования самого по себе.

Целью исследования явилось изучение особенностей представлений об эффективном учреждении дошкольного образования, анализируемых как педагогами, так и родителями. В ходе исследования мы постарались затронуть довольно широкий спектр вопросов, связанных с различными аспектами образовательного процесса и с условиями содержания ребенка в дошкольном учреждении, факторами, определяющими выбор детского сада; удовлетворенность родителей условиями воспитания ребенка в детском саду. Среди них: а) санитарно-гигиенические условия; б) качество работы педагогов; в) качество питания; г) качество медицинских услуг; д) материальная оснащенность и др. Анализировалось также отношение родителей к содержанию образования и к качеству оказываемых дополнительных услуг.

Далее мы рассматриваем мнение воспитателей относительно целей и принципов воспитательной деятельности, особенности их взаимоотношений с ребенком и семьей, удовлетворенность условиями реализации образовательного процесса в детском саду. Представления воспитателей о целях профессиональной деятельности характеризуют как общую направленность педагогического процесса, так и желаемые результаты самой деятельности.

Оценка удовлетворенности воспитателей образовательного процесса имеет три аспекта. Первый включает: оценку воспитателями собственной профессиональной компетентности. Второй связан с оценкой воспитателями основных условий, определяющих пребывание ребенка в детском саду и организацию образовательного процесса. И наконец, третий аспект посвящен рассмотрению удовлетворенности педагогов различными сторонами своей профессиональной деятельности. Такой подход позволяет сделать комплексный анализ положения с воспитательно-образовательным процессом в современных дошкольных учреждениях, посмотреть на проблему становления обновленной системы образования «изнутри».

С целью выявления мнения родителей о ДОУ в феврале 2014 г. силами социологов исторического факультета ВГУ был проведен социологический опрос 279 клиентов в г. Воронеже и 100 респондентов в г. Кириши 26 садов разных типов. Инструментарий предполагал выявление особенностей функционирования ДОУ в современных условиях. Родители и их представители в лице бабушек и дедушек посетителей детских садов составляют когорту заинтересованных в адекватной оценке ситуации с функционированием дошкольных образовательных учреждений.

В сегменте социально-образовательных отношений современной России в условиях стимулируемого демографической политикой роста рождаемости оформилось социальное противоречие. С одной стороны, достаточно быстро в городах и поселках растет численность детей, которым объективно требуются места в ДООУ. С другой стороны, долговременный процесс изъятия из социального пользования вследствие приватизации, перепрофилирования и просто физического старения фонда детских дошкольных учреждений еще с 1990-х гг. сложился дефицит помещений и площадей для нужд ДООУ. Данное противоречие по-разному проявляется в регионах страны и требует обстоятельного исследования ситуации. Воронеж в этом плане является типичным крупным городом с набором достоинств роста и проблем с дошкольными образовательными учреждениями. Несмотря на меры по оптимизации структуры учреждений, решения задачи их территориальной доступности, противоречие остаётся. В г. Кириши с гораздо меньшей численностью населения и мононаправленностью городской экономики проблема доступности детских садов выглядит не так остро. Об этом говорят и данные нашего исследования. Так, если в Киришах три четверти опрошенных родителей говорят, что их детский сад лучший в микрорайоне, то в Воронеже – только каждый второй. Зато 16% воронежцев утверждают, что сад не лучший, но другого просто нет, а 15% рады, что в хоть такой попали. Налицо различие в ситуации выбора детского учреждения родителями, что отражается, как увидим далее, на оценках многих других сторон жизнедеятельности ДООУ. В условиях дефицита мест в современных садах и самих ДООУ имеет место факт отсутствия выбора лучшего сада. Представления о лучшем ДООУ формируются из разговоров с другими родителями, на основе собственных воспоминаний родителей о своих детских садах, а также идеалов. Поэтому они выходят за рамки их официального рейтинга по качеству услуг, так как родителям приходится искать учреждения, в том числе на некотором удалении от места жительства или по удобству маршрута следования на работу. На оценке родителями качества сада сказывается состояние удовлетворённости родителей самим фактом устройства своих детей. Ведь таким образом решается одна из важных проблем семьи.

Показателем компетентности клиентов ДООУ явился опыт посещения детьми конкретных ДООУ. По данным опроса 10% детей посещают детский сад до полугода; от полугода до года – 18%; от года до двух лет и более двух лет посещают сад более 70% детей. То есть материалы, полученные при анкетировании, представляют собой мнение граждан высокой степени компетентности о функционировании данного социального института в обоих городах.

Настроение, с которым дети посещают ДООУ, отражает состояние, тонус отношений в коллективах, степень социализации детей, характер функционирования учреждений, статус воспитателей и др. По наблюдениям родителей, их дети с удовольствием посещают детские сады (28% опрошенных), чаще с удовольствием – 30%, с переменным настроением (когда как – 29%). Последнее не удивительно для маленьких детей, которым уютнее дома. Тем не менее, дети через силу и редко с желанием посещают сад, по мнению 12 процентов родителей. Понимание состояния психологии маленького человека, которого поднимают с постели рано утром и ведут (везут) в какой-нибудь отдалённый садик, заставляет обратить внимание в целом на позитивное восприятие родителями роли детского сада в жизни своих детей. При этом 56 процентов экспертов из числа родителей назвали среди причин, негативно влияющих на настроение детей в отношении посещения ДООУ необходимость раннего подъёма утром. Ясно, что режим функционирования детских садов связан с режимом работы родителей.

Между педагогическим коллективом и родителями есть коммуникативно-информационные трудности: 48 процентов родителей признались в том, что всё знают о работе своего ДООУ, но почти столько же (46%) – носители частичной осведомлённости, что открывает пространство для взаимодействия (см. табл. 1). В условиях небольшого города и большего распространения неформальных каналов связи эта осведомленность почти в 2 раза выше (83%). Частичная неосведомлённость родителей о делах в ДООУ создаёт почву для родительского беспокойства: хотя две трети родителей уходят на работу спокойно, но дети в садах всегда находятся в зоне риска – инфекций, стрессов и др.

Таблица 1

Ваша осведомленность о работе детского сада? (в %)

	Воронеж	Кириши
полная: знаю все об этом садике, условиях	48	83
частичная	46	17
вообще не имею информация, хотя стремлюсь узнать подробнее	5	–
предпочитаю не иметь информации, т.к. она меня расстраивает	1	–

Важнейшая функция ДООУ в жизни ребёнка реализуется в формировании роли непосредственной референтной группы, где проводит время ребёнок. Была предложена шкала, характеризующая то, насколько устраивает родителей (и детей) работа педагогов-воспитателей. Оказалось, что полностью устраивает эта работа свыше 70 процентов родителей, и кое в чём устраивает, а кое в чём нет – каждого четвертого из родителей. Эти показатели в двух городах практически совпадают. Такая определённости оценок говорит о многом, но прежде всего – о характере социальной роли педагогов. Они оказываются трансляторами интересных знаний и навыков для детей, по мнению почти 70 процентов опрошенных родителей.

Как следует из приведенных в таблице 2 данных, более чем половина показателей оценки родителями различных сторон жизнедеятельности ДООУ характеризуется у воронежцев более низкими значениями. Скорее всего, это объясняется более высоким уровнем образования воронежских родителей (удельный вес родителей с высшим образованием в Воронеже – 62 процента, в Киришах – 31 процентов). Также данное расхождение можно объяснить, исходя из различий в структуре установок родителей на приоритеты в социальных ролях, выполняемых ДООУ (См. табл. 3).

Оценка родителями различных сторон жизнедеятельности ДОУ

Оценка в индексах:	Воронеж	Кириши
Обсуждают ли с Вами воспитатели вопросы дисциплины, питания, выполнения гигиенических процедур, касающихся пребывания детей в детском саду?	0,75	0,88
Имеете ли Вы возможность присутствовать в группе, поучаствовать в экскурсиях вместе с детьми?	0,52	0,88
Получаете ли Вы информацию о повседневных происшествиях в группе, успехах ребенка в обучении и т.п.?	0,82	0,74
Информируют ли Вас воспитатели о травмах, изменениях в состоянии здоровья ребенка, привычках в еде и т.п.?	0,88	0,92
Имеете ли Вы возможность обсудить на совместных собраниях ДОУ успехи детей?	0,68	0,95
Интересуются ли воспитатели группы, насколько их работа удовлетворяет Ваши запросы?	0,51	0,71
Удовлетворяет ли Вас уход, оздоровление, воспитание и обучение Вашего ребенка в детском саду?	0,77	0,89
Чувствуете ли Вы, что сотрудники детского сада доброжелательно относятся к Вам и Вашему ребенку?	0,84	0,90
Испытываете ли Вы чувство взаимопонимания в контактах с администрацией и педагогами детского сада?	0,72	0,95
Обеспечивает ли реализуемая в учреждении образовательная программа развитие и образование Вашего ребенка?	0,74	0,97
Удовлетворяет ли Вас уровень подготовки Вашего ребенка к школе?	0,68	0,84

Те же самые различия в оценках мы можем наблюдать и при сравнении наиболее актуальных тем, которые обсуждаются родителями при встречах с воспитателями ДОУ. Здесь также можно сослаться на исходные установки родителей и их уровень образования.

Таблица 3

Какие темы Вы наиболее часто обсуждаете при встрече с воспитателями? (в %)

Обсуждаемые темы	Воронеж	Кириши
успехи ребенка и положительные черты его характера	46	72
поведение ребенка в течение дня	70	29
физическое и психическое самочувствие ребенка	38	62
коммуникабельность ребенка	19	76
недостатки и отрицательные черты характера ребенка	17	14

Как мы уже отмечали, различное понимание родителями социальной роли детского учреждения, оказывает существенное влияние на оценку различных сторон жизнедеятельности ДОУ и приоритетность обсуждаемых тем между родителями и воспитателями (см. табл. 4 и 5). В многочисленных социально-педагогических исследованиях потребностей родителей дошкольников выявилось следующее: главное для них, чтобы ребенок был в безопасности, здоров, общался со сверстниками, был хорошо подготовлен к школе и хотел идти в детский сад с удовольствием, а родители ни о чем не беспокоились и занимались своими делами. Такую позицию занимают от 80 до 90% родителей [3; 252].

Таблица 4

Региональные различия в установках родителей на социальную роль ДОУ (в %)

Назовите главную причину, по которой Вы отдаете ребенка в сад?	Воронеж	Кириши
чтобы ребенок лучше подготовился к школе	18	37
чтобы ребенок научился адаптироваться в коллективе, умел находить новых друзей	52	34
некуда девать ребенка, нужно работать	27	29
другое	3	—

Очевидно, что в большом городе существует больше вариантов подготовки ребенка к школе, что отражается в том, что воронежцы называют данную причину поступления в ДОУ вдвое реже, чем киришане. Вместе с тем, родители из Воронежа в большей степени нацелены на развитие адаптационных способностей своего ребенка.

Отсутствие ясного разграничения между «уходом» и «образованием» детей в детском саду может создавать напряженность во взаимоотношениях между воспитателями и семьями. С одной стороны, родители ожидают, что дети к школе будут уметь читать, считать и писать. По оценкам одного из экспертов, родители сегодня «не готовы рассматривать детский сад как камеру хранения для детей, они требуют образования, причем качественного образования» [3; 253].

Далее попробуем выяснить, насколько различаются оценки родителями различных сторон жизнедеятельности детского учреждения в зависимости от их ориентаций на определенную социальную роль ДОУ.

Как явствует из табл. 5, наиболее низкие оценки, характеризующие мнения родителей по многим вопросам деятельности самого ДОУ, так и взаимодействия учреждения с родителями получены именно в группе тех, для кого детский сад представляет «камеру хранения». Именно эту группу родителей гораздо в меньшей степени устраивает работа педагогов ДОУ, а также уровень подготовки ребенка к школе.

Оценка родителями различных сторон жизнедеятельности ДОУ в зависимости от их установок на социальную роль учреждения (в индексах)

	Главная причина, почему отдают ребенка в детсад		
	лучше подгото- виться к школе	научиться адаптиро- ваться в коллективе, находить новых друзей	некуда девать ребенка, надо работать
Устраивает ли вас работа педагогов в группе	0,88	0,88	0,68
Имеете ли вы возможность присутствовать в группе, поучаствовать в экскурсиях вместе с детьми	0,70	0,51	0,31
Имеете ли вы возможность обсудить на совместных собраниях ДОУ успехи детей	0,73	0,71	0,54
Интересуются ли воспитатели группы, насколько их работа удовле- творяет ваши запросы	0,67	0,51	0,28
Удовлетворяет ли вас лично уход, оздоровление, воспитание и обуче- ние вашего ребенка в детсаду	0,81	0,83	0,54
Чувствуете ли вы, что сотрудники детсада доброжелательно относятся к вашему ребенку	0,87	0,88	0,68
Испытываете ли вы чувство взаимопонимания в контактах с педаго- гами	0,79	0,76	0,50
Обеспечивает ли реализуемая в ДОУ программа развитие и образова- ние вашего ребенка	0,87	0,69	0,54
Удовлетворяет ли вас уровень подготовки вашего ребенка к школе	0,82	0,69	0,48

Определенный дисбаланс также складывается при оценке приоритетных тем, которые обсуждаются при встречах родителей и воспитателей (табл. 6). Так, если воспитатели склонны говорить, прежде всего, об успехах ребенка и положительных чертах его характера, то родителей больше всего интересует поведение ребенка в течение дня. Также родителей в большей степени интересует аппетит ребенка и повышенное по сравнению с педагогами внимание к недостаткам и отрицательным чертам характера ребенка.

Таблица 6

Различия в приоритетности обсуждаемых тем между родителями и воспитателями (в %)

Какие темы Вы наиболее часто обсуждаете при встрече с воспитателями (родителями)?	Воспитатели	Родители
успехи ребенка и положительные черты его характера	82	60
поведение ребенка в течение дня	53	70
физическое и психическое самочувствие ребенка	45	39
аппетит ребенка	34	47
коммуникабельность ребенка	30	25
недостатки и отрицательные черты характера ребенка	6	12

Есть и множество других обстоятельств в функционировании ДОУ, которые обращают на себя внимание и сказываются на эффективности работы с детьми в свете мнения родителей: взаимоотношения с администрацией ДОУ, удовлетворённость родителей уровнем реализации образовательной программы и подготовки ребёнка. Однако скрытые от родительского глаза проблемы организации жизни воспитателей, обслуживающего персонала, администрации играют не менее важную роль в формировании функционального портрета ДОУ. Поэтому одновременно с опросом родителей проводился опрос педагогов ДОУ. Было опрошено 215 респондентов в Воронеже и 100 в Киришах.

Таблица 7

Удовлетворенность педагогов различными сторонами своей деятельности в зависимости от уровня образования

Насколько Вы удовлетворены (в индексах):	Ваше образование		
	общее среднее	среднее профессиональное	высшее профессиональное
Своей работой в целом	0,83	0,70	0,73
Отношениями с воспитанниками	0,50	0,76	0,84
Отношениями с коллегами	1,00	0,80	0,82
Отношениями с родителями	0,67	0,64	0,74
Возможностью профессионального роста	0,17	0,46	0,49
Возможностью самореализации	0,50	0,53	0,68
Отношениями с администрацией ДОУ	1,00	0,77	0,80
Муниципальным управлением образования	1,00	0,33	0,43
Государственным управлением образования	1,00	0,18	0,29
Размером заработной платы	0,67	- 0,01	0,11
Режимом работы	0,67	0,75	0,83
Системой доплат и премий	0,33	0,24	0,30
Своим социальным положением	0,0	0,32	0,43

В период реформирования отрасли педагоги ДОО находятся в зоне воздействия различных силовых полей. Теперь не существует единого представления о том, каким должно быть дошкольное образование, какие требования могут предъявляться к дошкольному специалисту. Многие педагоги определяют сегодняшнюю ситуацию как «кризисную», «сложную» и иногда даже как «шоковую» [3; 148]

Среди обстоятельств работы педагогов ДОО выделяются проблемы: удовлетворённости социальным положением (уровень в индексах, с возможной вариативностью в диапазоне от +1,0 до -1,0 составил в регионе +0,39); уровень удовлетворённости системой доплат и премий (индекс +0,28); уровень удовлетворённости размером заработной платы (индекс +0,08). Кроме того, представляет интерес и различия в оценках различных сторон своей трудовой деятельности, которые дают педагоги с разным уровнем образования.

Как следует из табл. 7, общий тренд удовлетворенности большинством факторов трудовой среды снижается с ростом уровня образования, что характерно для работников многих профессиональных групп. Самое расхожее объяснение здесь состоит в том, что с ростом уровня образования закономерно возрастают и запросы работников к условиям их трудовой деятельности. Однако не все так просто. Так, отношениями с воспитанниками и родителями более всех удовлетворены именно педагоги с высшим образованием. Возможности профессионального роста и самореализации они также оценивают выше других. Однако их в большей степени не устраивает размер заработной платы.

Определённый негативный потенциал, определяющей самочувствие педагогов ДОО, заложен в уровне их удовлетворённости государственным управлением образованием (индекс +0,27), оценка которого расходится с оценкой деятельности муниципальной администрации (индекс удовлетворённости педагогов данным фактором равен +0,40).

Сравним по некоторым параметрам полученные нами данные с результатами исследования сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии РАН, посвященными актуальной проблеме изменений в профессиональном сообществе педагогов, занятых в дошкольном образовании [3; 147]. Как видим из табл. 8, в регионах везде высока оценка творческого характера работы, а в столице еще и гарантированной зарплаты. И еще одна особенность бросается в глаза: чем меньше город, тем меньше возможность реализовать свои способности.

Таблица 8

**Какие стороны своей работы более всего ценят педагоги с различным уровнем образования (в %)
(составлено с использованием данных в работе (3; 163–164))**

Стороны работы педагога	Данные исследований в городах:			
	Воронеж	Москва	Самара	Сыктывкар
Возможность реализовать свои способности	34	35	12	11
Творческий характер работы	46	57	37	31
Гарантированная зарплата	21	54	23	23
Желание работать с детьми	75	33	17	13

Какие проблемы возникают со стороны профессиональной подготовки воспитателей? Если умения играть на музыкальных инструментах можно посчитать в известной мере экзотикой (см. табл. 9), то знания и умения по работе как с одаренными детьми, так и с детьми с задержкой в развитии на сегодняшний являются наиболее востребованными на практике и вероятно давно настало время педагогам ДОО их получить. Также обращает на себя внимание сохраняющийся дефицит навыков по использованию технических средств в педагогическом процессе, причем это более характерно для воспитателей младших возрастных групп. Все еще актуальным является и пополнение знаний по психологии ребенка. Лучше всего педагоги умеют организовывать игры в группе и контактировать с родителями.

Таблица 9

Дефицит знаний и умений педагогов, работающих в разных возрастных группах (в %)

Каких знаний и умений Вам не хватает в Вашей работе:	Воспитатель:	
	младших групп	средних и старших групп
– знаний психологии ребенка	16	18
– знаний физиологии ребенка	8	8
– знаний по физическому оздоровлению и закаливанию детей	9	9
– знаний детского музыкального репертуара	4	5
– умений играть на каком-либо инструменте	46	67
– умений рисовать, лепить	9	18
– умений диагностировать развитие личностной и интеллектуальной сферы отдельного ребенка	12	11
– знаний и умений по работе с одаренными детьми и с детьми с задержкой в развитии	46	41
– умений устанавливать психологический контакт с родителями	4	3
– навыков по использованию технических средств	31	25

Если педагоги все же имеют определенное представление, как должно быть организовано в России дошкольное образование, то родители в смятении. По последним данным соцопроса «Фонда общественное мнение», 35 процентов родителей затруднились с оценкой своих детских садов и не знают, правильно ли там развивают их детей. Только

18 процентов оценили работу дошкольных учреждений на «хорошо». И большинство все же стремится всеми силами записать 5–6 летнего малыша в дошкольное отделение при школе, где уж точно учат читать и писать [4].

Современная система дошкольного образования характеризуется значительными позитивными изменениями. Отмечается активизация процессов применения разнообразных практик финансирования и организации процесса дошкольного образования и воспитания, попыток законодательного закрепления стандартов качества в данной сфере. С другой стороны, наблюдается существенный дефицит мест в дошкольных организациях, нехватка педагогов соответствующей квалификации. Социологами фиксируется ожидание обществом развития системы государственного дошкольного образования скорее по негативному сценарию. Активизирующийся процесс объединения средних образовательных школ и дошкольных учреждений провоцирует напряжение между дошкольными учреждениями и школами, родителями и органами управления дошкольным образованием. Поспешное внедрение инклюзии в дошкольное образовательное пространство, не всегда подкрепленное необходимой материальной базой, педагогической компетентностью и готовностью общества принять новую парадигму образования, приводит к разрушению эффективно работающей системы коррекционных дошкольных учреждений. Повышение стоимости образовательных услуг без улучшения их качества провоцирует разрастание конфликтных ситуаций вокруг дошкольного образования.

Все это, в значительной степени, влияет на характер и формы взаимодействия акторов образовательного процесса (детей, родителей, педагогов, управленцев), а также на процессы, происходящие внутри профессиональной группы педагогов дошкольных организаций [3; 276]. Социологические исследования системы дошкольного образования, пока не столь распространенные, призваны внести свой вклад в повышение эффективности взаимодействия всех действующих лиц в этой важной сфере образования и воспитания, а также способствовать повышению качества деятельности данного социального института.

Список литературы

1. Дошкольное образование: статистическая оценка // Вопросы образования. 2011. – № 4.
2. <http://fom.ru/search#q=2010&from=&to=&r%5B233%5D=1>
3. Профессиональные группы: сообщества, деятельность и карьера: Коллективная монография / Отв. ред. В.А. Мансуров. – М.: ИС РАН; РОС, 2014. – 404 с.
4. <http://www.rg.ru/printable/2013/02/03/detsad-site.html>

Дулина Н.В.

д.соц.н., профессор, зав. кафедрой «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета

nv-dulina@yandex.ru

Икингрин Е.Н.

к.соц.н., заслуженный деятель науки ХМАО-Югры, доцент Нижневартковского государственного университета
Ikingrinen@mail.ru

Никифорова А.А.

кандидат культурологии, старший преподаватель Нижневартковского государственного университета
blinks@bk.ru

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ СТРАНЫ К ОЛИМПИЙСКИМ ИГРАМ В СОЧИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ключевые слова: Олимпийские игры в Сочи, ценностные ориентации студентов, общественное мнение.

Спорт обладает огромным ценностным потенциалом. Он выполняет многие социокультурные функции, в том числе формирует общественное мнение, стиль жизни людей, личностные качества человека, имидж государства. Спортивные достижения в современном обществе рассматриваются как показатель развития страны, ее науки и технологий, а не только как уровень спортивных результатов конкретного спортсмена¹. В этой связи интересно было узнать, как население России оценивает результаты XXII Зимней Олимпиады и XI Зимней Паралимпиады, прошедших в Сочи. С целью получения таких оценок и мнений в марте–апреле 2014 года при участии авторов и под эгидой Российского общества социологов (РОС) было проведено всероссийское социологическое исследование «XXII Зимняя Олимпиада и XI Зимняя Паралимпиада глазами россиян, Сочи–2014». В этом исследовании приняли участие (с разной степенью «погружения» в проект) те члены РОС, у кого была возможность и желание включиться в него.

Объект исследования: население страны. Метод сбора информации: анкетирование по месту работы/учебы. Объем выборки 2424 респондента. Мужчины от общего объема выборки составили 40%, женщины – 60%. Возраст респондентов от 15 до 86 лет. Массив полученных данных обработан с использованием программного комплекса «Vortex». Территория исследования – 35 городов России, в том числе Волгоград и Нижневартковск. Именно к «студенческой» составляющей массива исследования, полученного в этих городах, мы и хотели бы обратиться в рамках статьи. Выбор городов и вузов для сравнения полученных данных, с нашей точки зрения, вполне оправдан: города, находясь в разных регионах страны (Поволжье и Западная Сибирь), профиль вуза – в одном в основном технический, в другом – гуманитарный. С общими результатами исследования и его техническими параметрами более подробно можно познакомиться, обратившись к следующим публикациям².

В Волгограде было опрошено 268 студентов Волгоградского государственного технического университета (ВолГТУ). От общего числа респондентов в Волгограде юноши составили 47,1%, девушки – 52,9%. В Нижневартковске опрошен 231 студент Нижневартковского государственного университета (НВГУ), юношей в выборке 31,6%, девушек – 68,4%.

Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на исследованную совокупность, либо использоваться как справочные. Однако большой объем выборки (N=2424) и «широта поля» (35 городов) позволяют, как нам представляется, не только предложить достаточно большой объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы. Час-

¹ Лубышева Л.И. Олимпийский проект «Сочи–2014» как фактор развития физкультурного образования в России // Проблемы физкультурного образования: содержание, направленность, методика, организация: матер. третьего междунар. науч. конгресса / Под ред. В.К. Пельменева; БФУ им. И. Канта. – Калининград, 2013. – С. 181–183.

² См.: Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Пронина Е.И. Опыт участия региональных отделений Российского общества социологов во всероссийских исследованиях изучения общественного мнения // Дети и общество: социальная реальность и новации. Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации // Ред. коллегия: В.А. Мансуров отв. редактор, Губанова Е.А., Ермолаева Ю.В., Иванова Е.Ю., Колосова Е.А., Майорова-Щеглова С.Н., Павлов П.Ю., Стрельцова И.А. – Москва: РОС, 2014. – С. 1373–1379; Дулина Н.В., Икингрин Е.Н. Справочные материалы по социологическому исследованию «XXII Зимняя Олимпиада и XI Зимняя Паралимпиада глазами россиян, Сочи–2014» (март–май 2014 г.) // Там же. – С. 1350–1372; Dulina N.V., Ikingrin E.N., Pronina E.I. Russian Society of Sociologists Regional Offices Experience of All-Russia Public Opinion Research // Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology / Editor-in-Chief V. Mansurov. – Moscow, 2014. – P. 337–343.

точно результаты этого исследования (данные представлялись в разрезе отдельных регионов) уже были вынесены на публичное обсуждение¹.

Итак, что же понравилось или не понравилось студентам в организации и проведении Олимпиады в Сочи? Отметим, что в целом мнения студентов двух исследованных городов совпадают. Респонденты из Волгограда в первую очередь указали на «силу духа спортсменов» (66,0%), а только потом на «обстановку всеобщего праздника» (64,2%), у нижегородцев эти позиции с небольшим отрывом, но поменялись местами (см. табл. 1, рамками в таблице выделены три наиболее значимые, по мнению опрошенных, позиции). Вполне ожидаемым, но не объяснимым статистической погрешностью выборки, является «разрыв» в оценках между волгоградцами (42,9%) и нижегородцами (26,4%) такой позиции, как «все прошло спокойно без разного рода правонарушений, агрессии». Теракты, пережитые Волгоградом в конце 2013 года и до этого, еще долго будут напоминать о себе, определяя оценки и мнения жителей города. То, что студенты технического вуза в большей степени (26,5%), чем их коллеги из гуманитарного вуза (17,3%), отметили вариант «рассказывали о техническом оснащении спортсменов, о научных достижениях в спорте», так же вполне закономерно.

Таблица 1

Мнение респондентов о том, что именно им понравилось в организации Олимпиады в Сочи

Что Вам понравилось в организации Олимпиады?	% от числа ответивших	
	Студенты ВолгГТУ	Студенты НВГУ
Обстановка всеобщего праздника	64,2	58,0
Много было детей	14,2	13,9
Рассказывали о родителях	7,1	10,0
Рассказывали о первых тренерах	11,2	10,4
Поддержка спортсменов друг друга из разных стран	44,0	44,2
Рассказы о преодолении (травмах, болезнях, проигрышах, жизненных проблемах и т. д.)	23,5	20,8
Истории становления спортсменов	37,7	33,8
Рассказывали о техническом оснащении спортсменов, о научных достижениях в спорте	26,5	17,3
Болельщики были из всех регионов страны (на флагах были надписи городов, регионов)	35,8	29,9
Все прошло спокойно без разного рода правонарушений, агрессии	42,9	26,4
Сила духа спортсменов-паралимпийцев	66,0	57,1
Другое	0,7	1,3
Затрудняюсь ответить	6,7	7,4

Примечание: Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на одного опрошенного 4,0 для Волгограда и 3,5 для Нижнегородска.

На каких источниках информации строили свое восприятие и оценку происходившего в Сочи студенты двух городов? В этой части неожиданностей не произошло – респонденты указали два основных источника информации – это телевидение и Интернет (см. данные табл. 2).

Таблица 2

Источники получения информации об Олимпиаде

Откуда чаще всего вы узнавали о происходящем в олимпийском Сочи?	% от числа ответивших	
	Студенты ВолгГТУ	Студенты НВГУ
Телевидение	71,6	74,9
Радио	4,1	4,3
Интернет	50,0	53,7
Пресса	3,4	3,0
Друзья, родные, знакомые	16,8	16,5
Другое (что именно?)	0,4	0,4
Затруднились ответить	2,6	2,6

Примечание: Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на одного опрошенного 1,5 в обоих городах исследования.

¹ См.: Давыдова С.А., Дулина Н.В., Икингрин Е.Н., Коричко А.В., Коричко Ю.В., Лубышева Л.И. Олимпийские игры в Сочи в оценках и мнениях населения страны // Теория и практика физической культуры. 2014. – № 12. – С. 34–37; Дулина Н.В., Каргаполов С.В., Каргаполова Е.В. Менталитет молодежи в условиях социокультурной модернизации // Модернизация полиэтнического макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября, 2014 г.) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – С. 41–46; Дулина Н.В., Токарев В.В. Олимпийский проект «Сочи-2014» как фактор развития имиджа региона (по итогам конкретного социологического исследования) // Имидж в стратегии инновационного развития регионов России: сб. науч. ст.: матер. всерос. науч.-практ. конф. (19–21 июня 2014 г.) / ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ», Волгоградский филиал. – Волгоград, 2014. – С. 262–266; Икингрин Е.Н., Дулина Н.В., Пронина Е.И. «Белая Олимпиада» у Черного моря: нужна ли она детям? (по итогам Всероссийского социологического исследования) // Дети и общество: социальная реальность и новации. Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В.А. Мансуров отв. редактор, Губанова Е.А., Ермолаева Ю.В. Иванова Е.Ю., Колосова Е.А., Майорова-Щеглова С.Н., Павлов П.Ю., Стрельцова И.А. – Москва: РОС, 2014. – С. 485–496; Коган Е.А. Олимпийские игры в Сочи: отношение и оценки студенческой молодежи // Девятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 14–15 ноября 2014 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2014. – 1209–1212.

Оценка работы и телевидения, и Интернета, выставленная студентами обоих городов, достаточно высокая. Но студенты ВолгГТУ оказались более критичны, чем студенты НВГУ: очень понравилась работа телевизионных каналов 60,8% респондентов из Волгограда и 69,7% из Нижневартовска, очень понравилось работа Интернет-ресурсов, соответственно, 60,4 и 67,1% опрошенных.

С кем именно студенты-волгоградцы и студенты-нижневартовцы обсуждали «олимпийские страсти»? В этой части неожиданностей не произошло, ответы оказались вполне ожидаемы (см. табл. 3).

Таблица 3

Студенческие аудитории обсуждения событий на Олимпиаде в Сочи

С кем Вы чаще всего обсуждали события на Олимпиаде в Сочи?	% от числа ответивших	
	Студенты ВолгГТУ	Студенты НВГУ
С друзьями	69,8	53,2
С коллегами по работе, одногруппниками	21,3	26,8
С родными (семьей)	61,6	61,0
С соседями	3,4	2,6
С преподавателями	3,4	9,1
С другими людьми	0,4	0,4
Ни с кем не обсуждал	6,7	9,5
Затрудняюсь ответить	2,2	1,3

Примечание: Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на одного опрошенного 1,7 для Волгограда и 1,6 для Нижневартовска.

Следует заметить, если общение с родными (внутри семьи) при обсуждении событий Олимпиады в обоих городах предпочло одинаковое количество студентов (61–62%), то с друзьями явно больше во время Олимпиады общались волгоградцы, чем нижневартовцы (69,8 против 53,2% опрошенных). А вот с преподавателями в Нижневартовске студенты обсуждали события Олимпиады чаще, чем в Волгограде (9,1 против 3,4%). На это, безусловно, повлияло то, что среди опрошенных в НВГУ были студенты с факультета физической культуры и спорта, из них каждый четвертый (25%) отметил этот показатель («с преподавателями»).

Обе группы опрошенных удовлетворены выступлением наших спортсменов на Олимпиаде и Паралимпиаде. Но волгоградцы более критичны по отношению к спортсменам, выступавшим на Олимпиаде, чем нижневартовцы. В то же время абсолютное большинство студентов обоих вузов в одинаковой степени удовлетворены выступлением спортсменов-паралимпийцев (см. табл. 4). На Паралимпиаде в Сочи российским спортсменам удалось установить новый рекорд в неофициальном медальном зачете по числу выигранных медалей. С результатом 30 золотых (41,7% от общего количества разыгранных золотых медалей) и общим количеством 80 (37%) медалей, россияне превосходили австрийских спортсменов, которые выиграли 34 золотых (31,8%) и 70 наград всех достоинств (22,2%) на Паралимпийских играх в Инсбруке в 1984 году.

Таблица 4

Удовлетворенность студентов выступлением наших спортсменов на Олимпийских и Паралимпийских играх

Насколько Вы удовлетворены выступлением наших спортсменов...	% от числа опрошенных			
	на Олимпийских играх		на Паралимпийских играх	
	Студенты ВолгГТУ	Студенты НВГУ	Студенты ВолгГТУ	Студенты НВГУ
Полностью удовлетворен	61,9	70,5	90,3	89,2
Скорее не удовлетворен	33,7	25,1	2,6	5,2
Не удовлетворен	2,2	2,2	2,2	1,7
Затрудняюсь ответить	2,2	2,2	2,2	3,9
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0

Напомним, что именно силу духа спортсменов-паралимпийцев студенты обоих городов исследования поставили на первое – второе места в общем рейтинге, отвечая на вопрос о том, что именно им понравилось на Олимпиаде (см. табл. 1). Эта же позиция (восторга и восхищения) подтвердилась в оценке итогов Олимпиады в Сочи (см. табл. 5), когда четверть опрошенных студентов в обоих городах (25,0% в Волгограде и 23,8% в Нижневартовске), отметили, что «изменилось отношение населения к инвалидности». Смеем предположить, что в первую очередь они говорили о своем собственном изменении к инвалидам.

Данные, представленные в табл. 5, не оставляют сомнений в том, что студенты города-миллионника (1018 тыс. чел.) более рациональны и прагматичны, чем студенты из крупного города (266,3 тыс. чел.). Возможно, на оценках студентов сказывается разный уровень жизни населения – здесь Волгоград явно уступает Нижневартовску. Кроме того, приближающийся чемпионат мира по футболу, когда, как известно, одним из городов, принимающих спортивное мероприятие мирового масштаба, станет г. Волгоград, не мог оставить студентов этого города равнодушными к тем спортивным сооружениям и инфраструктуре г. Сочи в целом, которая осталась ему в наследство от Олимпиады.

Мнение студентов об итогах и перспективах Олимпиады в Сочи

Как Вы оцениваете итоги и перспективы проведения Олимпиады в России?	% от числа ответивших	
	Студенты ВолГГТУ	Студенты НВГУ
Дети пошли записываться в секции	23,5	28,6
Остается городу инфраструктура (дороги, гостиницы и т. д.)	50,0	28,1
Спортивные сооружения	50,0	41,1
Понимание, что без государственной поддержки спорта сложно добиться высоких результатов	12,7	9,5
Опыт олимпийских соревнований, команда молодая, будет выступать и на следующей олимпиаде	25,7	22,5
Понимание того, что Россия великая держава	42,5	44,6
Изменилось отношение населения к спорту	21,6	23,8
Изменилось отношение населения к инвалидности	25,0	23,8
Другое	1,1	1,3
Затрудняюсь ответить	6,0	6,1

Примечание: Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Если бы студенты двух городов встретились на спортивных мероприятиях в олимпийском Сочи, то, как свидетельствуют данные опроса, сидели бы они на одних и тех же трибунах (см. табл. 6), но волгоградцев на этих трибунах было бы чуть больше, чем студентов из Нижневартковска. Наиболее предпочитаемые виды спорта одни и те же: хоккей, фигурное катание и биатлон, и более всего посетить (если бы вдруг повезло оказаться на Олимпиаде) они хотели бы все тот же «набор» из трех наименований. Но нет сомнений: волгоградские студенты больше любят хоккей (его смотрели 59,3% волгоградцев против 43,7% нижевартовцев, так же как готовы «живьем» его посмотреть 46,3 % волгоградцев и только 32,5% нижевартовцев). Объяснить рационально такой «разрыв» в мнениях не представляется возможным, если только тем, что в Нижневартковске на вопросы анкеты отвечали студенты гуманитарного вуза, среди которых девушки составили 68,4%, о чем мы уже упоминали выше. Такое предположение косвенно подтверждается тем, что фигурное катание, если бы была такая возможность, посетило большее количество студентов из Нижневартковска (46,8%), чем из Волгограда (41,8%). В целом по массиву фигурное катание посетило бы 20,3% мужчин и 68,3% женщин, а хоккей, соответственно, 57,5 и 32,0 % ответивших, т.е. здесь «налицо» проявление гендерных различий.

Таблица 6

Спортивные мероприятия Олимпийских игр, по которым студенты следили за результатами, или которые они посетили бы, если бы была такая возможность, %%

Виды спорта	% от числа опрошенных			
	По каким видам спорта Вы смотрели соревнования или следили за результатами во время Олимпиады		Если бы Вам представилась возможность оказаться на Олимпийских играх, то на соревнования по каким видам спорта вы бы пошли	
	Студенты ВолГГТУ	Студенты НВГУ	Студенты ВолГГТУ	Студенты НВГУ
Биатлон	51,9	47,6	31,3	29,4
Бобслей	25,0	19,5	10,1	9,5
Горнолыжный спорт	16,0	16,9	4,5	8,2
Кёрлинг	29,5	25,1	11,2	9,5
Конькобежный. Спорт	33,2	28,6	9,0	7,8
Лыжное двоеборье	5,6	6,1	2,2	2,2
Лыжные гонки	28,0	30,3	7,8	8,7
Прыжки с трамплина	17,2	12,6	13,8	11,3
Саный спорт	18,7	15,2	6,7	5,2
Сkeleton	15,3	11,7	2,2	6,1
Сноубординг	16,8	16,0	16,4	16,0
Фигурное катание	60,4	58,9	41,8	46,8
Фристайл	14,2	10,8	9,3	8,7
Хоккей	59,3	43,7	46,3	32,5
Шорт-трек	30,6	22,9	11,6	11,3
Затрудняюсь ответить	4,1	2,6	4,9	5,2

Примечание: Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Копий вокруг необходимости проведения Олимпиады в нашей стране было сломано не мало. Каких только аргументов не приводилось «за» и «против», и всякий раз предпринимались попытки определить, кому это выгодно и кому это нужно. Мнения студентов о том, кому нужна Олимпиада, представлено в табл. 7. И вновь – в целом оценки совпадают, три первые позиции обозначены однозначно («Всем – Олимпиада это позитив и здоровый образ жизни»,

«Спортсменам, посвятившим себя тренировкам», «России – для повышения международного престижа»). Но «лицо» (или гримаса?) большого города по-прежнему присутствует в оценках волгоградцев.

Таблица 7

Мнение студентов о том, кому нужна Олимпиада

Кому, по Вашему мнению, нужна Олимпиада?	% о числа ответивших	
	Студенты ВолгГТУ	Студенты НВГУ
Никому не нужны эти Олимпийские игры	4,1	6,9
России – для повышения международного престижа	60,8	55,0
Всем – Олимпиада это позитив и здоровый образ жизни	57,8	59,3
Спортсменам, посвятившим себя тренировкам	63,8	57,6
Тем, кто хотел заработать и заработал на Олимпиаде	28,0	16,9
Жителям города Сочи	6,0	3,9
Политикам, для поднятия своего рейтинга	20,5	11,7
Затруднились ответить	1,9	0,4

Примечание: Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на одного опрошенного 2,1 для Нижневартовска и 2,5 для Волгограда.

В рамках одной статьи невозможно проанализировать все данные, полученные в ходе реализации социологического исследования, впрочем, такой задачи мы и не ставили. Но и представленных выше данных, по нашему мнению, достаточно, чтобы можно было сделать заключение: Олимпиада в Сочи не оставила равнодушными студентов, понравилась им, они «болели» за своих и не своих, сидя у экранов телевизоров и мониторов компьютеров, вступали в жаркие обсуждения и споры с друзьями, родственниками и т. д. по поводу побед и поражений на соревнованиях.

У наших студентов, живущих в разных городах страны, много общего. Они готовы смотреть одни и те же спортивные мероприятия, восторгаться церемониями открытия (церемония очень понравилась 69,8% студентов из Волгограда и 74,0% студентов из Нижневартовска) и закрытия (очень понравилась 76,1% студентов из Волгограда и 76,6% студентов из Нижневартовска) Олимпиады. Студенты, как наиболее симпатичного, выбрали один и тот же символ Олимпиады – Мишку. Его выбрали 57,5% студентов, опрошенных в Волгограде, и 53,7% студентов, опрошенных в Нижневартовске. Они вспоминают одни и те же имена, когда их просят назвать легенд российского спорта: Е. Плющенко, В. Третьяк, И. Роднина. Разница в оценках проявляется в мелочах, нюансах, полутонах, и явной становится только при сопоставлении оценок студентов о рациональности расходования средств, потраченных на проведение Олимпиады в стране (см. табл. 8).

Таблица 8

Мнение студентов о рациональности расходования средств, затраченных на Олимпиаду, %

Оцените, пожалуйста, рациональное расходование средств...	% от числа ответивших	
	Студенты ВолгГТУ	Студенты НВГУ
Абсолютно не понравилось	19,4	9,1
Скорее не понравилось	14,6	7,8
Ни то, ни другое, трудно сказать	16,8	20,3
Скорее понравилось	20,1	18,2
Очень понравилось	14,9	33,8
Затрудняюсь ответить	14,2	10,8

Полученные данные лишний раз убеждают, что Россия – очень большая и очень разная страна, мнения респондентов сходясь в глобальных оценках, не совпадают в локальных. Какие из этих оценок окажутся более значимыми, может показать время и реальная ситуация развития событий. Как правило, социология занимается исследованием «нормы», основывая свои выводы на кривой нормального распределения, которые нам мало что говорят, поскольку в наше время, они уже не всегда «успевают» за динамикой процесса¹. Незначительные отклонения становятся незаметны, вселяя в нас ложную уверенность в нашем знании об определенности развития событий. Полагаем, что подобного рода исследования, позволяющие провести сопоставительный анализ данных по разным городам и регионам, способны добавить большое количество красок и штрихов к общему социокультурному портрету страны.

Общий вывод может быть сформулирован следующим образом. В целом, отношение студентов к Олимпиаде в Сочи положительное, в основном высказанные оценки совпадают, различия лежат в границах разного профиля получаемого образования и территории проживания респондентов.

¹ Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова; под ред. М. Тюнькиной. – М.: Азбука-Аттикус, 2010. – С. 18.

Жвителишвили А.Ш.

к.и.н., в.н.с. Института социологии РАН

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ

Ключевые слова: социальная типология, стратификационная структура общества, социально-классовая структура российского общества.

Трансформация российского общества в постсоветский период поднимает проблемы определения типа этого общества и его стратификационной структуры. В статье предложены подходы к их анализу.

Теоретико-методологические подходы. Категория социальной структуры – одна из кардинальных в социологическом дискурсе. Ориентация по карте социальной структуры позволяет определить вектор развития общества, уровень социального неравенства, степень стабильности социума.

Под социальной структурой условимся понимать совокупность взаимодействующих элементов общества, «где в качестве элементов выступают социальные институты, социальные группы и общности разных типов; базовыми единицами социальной структуры являются нормы и ценности, интересы и потребности»¹.

Что касается понятия классов, то оно сталкивается с различными трактовками, распространенными в социологии. Для целей исследования воспользуемся идеями М. Вебера, П.А. Сорокина и П. Бурдьё, помогающими оценить специфику классовой ситуации в современной России. Рассмотрим их.

Уже у М. Вебера мы встречаем более сложные, чем у К. Маркса представления о классовой структуре общества. Существование классов связывалось не просто с наличием частной собственности, а с капиталистической рыночной экономикой или, как сказал бы М. Вебер, «рыночной ситуацией». Отсюда вытекал вывод о том, что в обществах, где нет капиталистического рынка, классы отсутствуют. В отличие от К. Маркса М. Вебер считал классы не «сообществами», а «возможной основой совместных действий»². Другое важное отличие состоит в том, что классы у М. Вебера – результат расположения социальных групп не в системе производства, а на рынке труда. Другими словами, экономический аспект классов М. Вебер связывал с их способностью к рыночному обмену. Более того, он расширил логический объем понятия класса, введя внеэкономические критерии (образование, навыки, уровень квалификации) классового образования.

Наряду с категорией класса М. Вебер развивал понятия «статусные группы» и «социальные страты». Статусные группы определяются им как «нормальные сообщества», а под «статусной ситуацией» в отличие от экономически детерминированной «классовой ситуации» понимается «любой типичный компонент жизненной судьбы людей, который детерминирован ... позитивным или негативным ... социальным оцениванием почести»³. Термином «социальный статус» М. Вебер обозначал «реальные притязания на позитивные или негативные привилегии в отношении социального престижа»: образ жизни; формальное образование; престиж рождения или профессии⁴. Социальная страта у М. Вебера – это «множество людей внутри большой группы», обладающих определенным видом и уровнем престижа и возможностью достичь особого рода монополии⁵. Для страт характерны: стиль жизни, включающий тип занятия, профессии; наследуемая харизма, источником которой служит успех в достижении престижного положения благодаря рождению; присвоение политической или иерократической власти, «такой как монополии, социально различающимися группами»⁶. По сути, понятия статусной группы и страты становятся у М. Вебера взаимозаменяемыми понятиями.

Особое значение для анализа обществ нерыночного типа имеет идея М. Вебера о конвертации политической власти и экономических привилегий. В таких обществах «развитие страт ведет к монополистическому присвоению управленческой власти и соответствующих экономических преимуществ»⁷. Идея конвертации форм власти получила более полное развитие у П. Бурдьё, о чём речь пойдет ниже. Эта идея обладает большой объяснительной силой в осмыслении причин российского транзита и специфики становления классов в современном российском обществе. Поскольку страты как статусные группы существуют в рыночной и нерыночной среде, то из идей М. Вебера вытекает вывод о существовании разных типов статусных групп. Один тип – рыночный – определяется положением социальных групп на рынке труда, где основными ресурсами являются квалификация, навыки, престиж профессии и образо-

¹ Шкартан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 53.

² Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – М., 1994. – № 5. – С. 148.

³ Там же, с. 151.

⁴ Там же, с. 155.

⁵ Там же, с. 156.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

вания. Другой – нерыночный – тип отражает место социальных групп в административно-политической иерархии, где основным ресурсом выступает «монополистическое присвоение управленческой власти». Использование концепта статусных групп нерыночного типа представляет собой важный аналитический инструмент изучения социальной структуры российского общества.

Столь же методологически значима и мысль М. Вебера о том, что «любое общество, где страты занимают важное место, в огромной степени контролируется условными (конвенциональными) правилами поведения. Они создаются экономически иррациональными условиями потребления и препятствуют развитию свободного рынка благодаря монополистическому присвоению и ограничению свободного перемещения экономических способностей индивидов»¹. Учёт конвенционального характера поведенческих норм помогает объяснить особенность институциональной системы в российском обществе.

М. Вебер задал аналитические рамки изучения как рыночных систем, так и властицентрических («патримониальных» – в терминах М. Вебера) обществ. Анализ специфики классообразования в последнем типе обществ должен считаться с господством статусных групп, базирующихся на политической и экономической монополии, конвертации политической и экономической власти, с широким распространением конвенциональных правил поведения, объясняющим неконсолидированный характер институциональной системы патримониальных обществ.

Идеи М. Вебера о многомерной стратификации развил П.А. Сорокин. Под социальной стратификацией он понимал «дифференциацию некой данной совокупности людей на иерархически соподчинённые классы»². Среди основных типов стратификации он выделил экономический, политический и профессиональный. П.А. Сорокин показал нелинейный характер их взаимозависимости. «Не всегда наиболее богатые люди – писал он – находятся на вершине политической или профессиональной пирамиды, и не во всех случаях бедные люди являются самыми последними в политической и профессиональной градации»³. Класс, по П.А. Сорокину, – «совокупность лиц, сходных по профессии, по имущественному положению, по объёму прав, а, следовательно, имеющих тождественные профессионально + имущественно + социально-правовые интересы»⁴. Таким образом, социально-правовой статус групп или индивидов не менее важен, чем их профессиональный и экономический статус. А.П. Сорокин выделил четыре основных класса: класс крестьян, класс наёмных рабочих, класс землевладельцев и класс капиталистов. Между крестьянами и рабочими больше различий в содержании труда, чем в экономическом положении (группы со средним достатком и бедные) и объёме прав (ограниченный). Между землевладельцами и капиталистами различия также проявляются, прежде всего, в профессиональной принадлежности, а их экономический и правовой статус – это статус привилегированных групп. Подход П.А. Сорокина открывает путь к эмпирическому анализу класса как социологической категории.

Анализ распределения групп по разным осям социальных иерархий получил продолжение в концепции множественности форм капитала П. Бурдьё. Наряду с известным из марксизма экономическим капиталом Бурдьё выделял культурный капитал, социальный капитал, символический капитал, формой которого, по его мнению, является политический капитал. Позиции «агентов» в социальных полях распределяются как по общему объёму капитала, так и по сочетаниям своих капиталов, т. е. по весу разных видов капитала в социальных полях⁵.

П. Бурдьё различал три состояния каждой из рассмотренных им форм капитала: инкорпорированное, объективированное и институционализированное.

Инкорпорированное состояние экономического капитала составляет прибыль, объективированное – деньги, а институционализированное – права собственности. Культурный капитал в инкорпорированном состоянии существует в виде «диспозиций ума и тела»; в объективированном состоянии – в форме «культурных товаров» (книг, картин, машин и пр.); в институционализированном – в форме «образовательных квалификаций»⁶. Социальный капитал в инкорпорированном состоянии образован социальными обязательствами («связи»); в объективированном состоянии – сетями связей; в институционализированном – кругом знакомых. Символический капитал «предполагает влияние габитуса как социально сконструированной когнитивной способности»⁷. Инкорпорированное состояние символического капитала обозначает символическую власть «агентов как власть показывать ... и убеждать, производить и вводить классификацию»⁸. Объективированным состоянием символического капитала является способность «объективировать поле производства объективных представлений о социальном мире, ... поле производства культуры или идеологии»⁹. В институционализированном состоянии символического капитала находит свое выражение «логика официальной номинации». Она воплощается в звании. Разные формы капитала взаимосвязаны друг с другом. Так, примером влияния политического капитала на другие формы капитала можно считать роль государства как средоточия разных видов капитала. «Государство – писал П. Бурдьё – есть завершение процесса концентрации различных видов капитала: физического принуждения или средства насилия (армия, полиция), экономического, культурного ..., символического –

¹ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – М., 1994. – № 5. – С. 156.

² Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. Соколовой М. В., под общ. ред. Сапова В.В. – М.: Academia; LVS, 2005. – С. 9.

³ Там же, с. 10.

⁴ Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. – М.: Наука, 1993. – С. 376.

⁵ Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Шматко Н.А. – М.: Socio – Logos, 1993 – С. 58, 93–94.

⁶ Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. – М., 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60.

⁷ Там же.

⁸ Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Шматко Н.А. – М.: Socio – Logos, 1993. – С. 79.

⁹ Там же, с. 79–80.

концентрации, которая ... делает из государства владельца ... мегакапитала, дающего власть над другими видами капитала»¹. Эта мысль позволяет понять возможность трансформации общества в условиях монополии государственной собственности на средства производства. С появлением «рыночных» интересов элиты государство запускает процесс конвертации политического капитала в экономический (в виде частной собственности на средства производства), вызывающий транзит, скажем, от советского общества к современному российскому социуму, где возникает класс «зависимой буржуазии»².

Решение дилеммы между признанием реальности различий социальных позиций и постулированием существования «классов на бумаге» П. Бурдьё видел в особой роли «политической работы» и «хорошо обоснованной теории» в «производстве классов» как реальных групп. «С помощью эффекта теории – писал он – мы выходим из чистого физикализма, но не бросаем достижения фазы объективизма: ... классы ... нужно еще “создавать”. Они не даны в “социальной реальности”»³.

Рассмотренные выше концепции могут служить методологическим ориентиром в поиске модели социально-классовой структуры российского общества.

Тип российского общества и модель его социально-классовой структуры. В отечественной социологической литературе доминируют две основные оценки типологии современного российского общества. Его определяют либо как этакратическое⁴, либо как капиталистическое общество⁵. Обе точки зрения имеют свою аргументацию. Точку зрения об этакратическом устройстве России подтверждают концепции патримониального общества М. Вебера, редистрибутивных систем К. Поланьи⁶, «восточного деспотизма» К. Виттфогеля⁷, развившего марксистские идеи азиатского способа производства, история России и некоторые признаки современной российской экономики (сохранение на селе натурального производства, доминирование нерыночных социальных практик). Точку зрения о победе капитализма в России подкрепляют концепция «периферийного капитализма» (Э. Валлерстейна), ссылки на период развития буржуазного хозяйства до Октября 1917 г. и функционирование частного капитала в современной России. Однако вторая позиция выглядит более уязвимой в свете феномена, который исследователи называют «капиталисты без капитализма»⁸. Под ним понимается превращение бывшей советской номенклатуры в класс собственников, действующих в условиях слабых и зависимых от государства рыночных институтов.

Разделяя взгляд на этакратическую природу российского общества, перечислим основные признаки этакратических систем. Это:

- «общества, основанные на власти» (в терминах К. Виттфогеля);
- господство нерыночного обмена и редистрибутивных отношений (К. Поланьи);
- «монополистический характер» «экономической организации» (в терминах М. Вебера);
- «включенное», т.е. «не выделившееся», «положение экономики по отношению к обществу» (в терминах К. Поланьи);
- мобилизационный способ хозяйствования (К. Виттфогель);
- внеэкономическое принуждение (К. Виттфогель);
- доминирование нерыночных статусных групп (М. Вебер);
- условный (конвенциональный) характер правил поведения (М. Вебер);
- зависимость уровня доходов от занимаемой должности или положения в обществе (принцип прямого статусного распределения как базовая форма нерыночной редистрибуции) (К. Поланьи);
- предписанная передача статуса (аскриптивная стратификация) (М. Вебер, К. Поланьи);
- приоритет административно-политической иерархии при отсутствии или слабости института частной собственности (К. Поланьи, К. Виттфогель).

Отсюда господство отношений типа «власть-собственность» как нерасчленённое единство властных и собственностиских отношений, где, говоря словами Р.М. Нуреева и О.И. Шкаратана, «политическое лидерство даёт неотъемлемое право распоряжаться собственностью»;

– «монополистическое присвоение управленческой власти», вызывающее дихотомическое разделение общества на «класс бюрократии» и зависимых от него членов общества (М. Вебер, К. Виттфогель).

«Этакратизм – пишет О.И. Шкаратан – самостоятельная ступень и параллельная ветвь исторического развития современного общества со своими собственными законами функционирования и развития. С утверждением этакра-

¹ Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. 2006. – <http://gtmarket.ru/laboratory/expertise/2006/704>

² Кашина Е.А. Роль крупного бизнеса в формировании региональной политики российского государства: сырьевой аспект // Национальная безопасность. – М., 2013. – № 5 (28). – С. 38.

³ Бурдьё П. Начала. 1994. // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. – <http://bourdieu.name/fr/content/nachala>

⁴ Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. – М., 2001. – Т. 10, № 3. – С. 3–66; Бессонова О.Э. Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России // Мир России. – М., 2008. – Т. 17, № 2. – С. 108–138; Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

⁵ Очкина А.В. Два «капитализма» в России: по материалам научной конференции // Мир России. – М., 2009. – Т. 18, № 1. – С. 164–179.

⁶ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. Васильева А.А., Фёдорова С.Е., Щурбелёва А.П., под общ. ред. Фёдорова С.Е. – СПб.: Алетейя, 2002.

⁷ Wittfogel K. Oriental despotism. A comparative study of total power. – New Haven: Yale University Press, 1957.

⁸ Кивинен М. Средний класс в современной России // Мир России. – М., 2004. – Т. 13, № 4. – С. 160.

тизма историческое развитие как бы закладывает виток гигантской спирали, на котором вновь формируются общества властного типа»¹. Одна из причин того, почему «вновь формируются общества властного типа», состоит в том, что закон смены общественно-экономических формаций не всеобщ. Поэтому трансформация этакратических систем означает не переход к другой формации, а их адаптацию к изменившимся условиям своего существования. Этакратические общества различны по своим культурным традициям и типу производства. Их можно классифицировать на религиозные (Древний Египет, Шумеры) и светские (СССР, маоистский Китай), доиндустриальные (например, государство инков) и индустриальные (СССР). Восприятие времени как процесса прогрессивного развития человечества также отличает советское общество от восточных деспотий, где царили циклические представления о времени. Специфика современного российского общества состоит в том, что оно не является ни аграрным обществом, ни обществом индустриального модерна из-за сырьевой ориентации и частичной деиндустриализации.

Такое состояние российского общества объясняют особенности его социальной структуры. Исследователи обычно выделяют в ней сословную и классовую составляющие. По словам О.И. Шкаратана, «в России сложилась ... дуалистическая социальная стратификация, сочетающая сословную ... и социально-профессиональную иерархии. Первая есть продукт преобладания властно-собственнических отношений, а вторая – продукт отношений, складывающихся на рынке труда»². С.Г. Кордонский использует понятие сословий для «описания иерархий служения, ... прав и привилегий», а понятие классов – «для описания ... иерархий в отношениях потребления», связанных с рыночными отношениями³. К сословиям он относит государственных служащих разных ведомств, лиц свободных профессий, наёмных работников, предпринимателей, бюджетников, пенсионеров, маргиналов. Тенденцию к классовому расслоению С.Г. Кордонский видит в процессе расслоения на богатых и бедных, различающихся уровнем потребления, регулируемым игрой рыночных сил. Подчеркнём, что сословность как «юридически оформленное различие прав»⁴ отличается от конвенциональной институциональной системы патримониальных обществ. Они допускают условное владение, а частная собственность возникает в сословном обществе (в России – с конца XVIII в.) и при капитализме. Привязка классов к рыночным отношениям сужает понимание классов, которые порождены неравным распределением не только экономической власти. Она, по словам М. Вебера, «не идентична “власти” как таковой», а «наоборот, ... может быть следствием власти, существующей на других основаниях»⁵. Под классами условимся понимать социальные страты, ранжированные по объёму разных форм капитала и способности к их обмену (конвертации). Такое понимание классов не ограничено рамками рыночных обществ.

Предлагаемая здесь классовая карта российского общества составлена на основе концепции форм капитала и объёма прав индивидов как способа их доступа к ресурсам. Выделены шесть классов – этакратический класс; патерналистский класс; монетарный класс; класс наёмных работников; класс парцельных крестьян; андеркласс.

Этакратический класс. Это класс государственных управленцев как владельцев «мегакапитала» (в терминах П. Бурдьё). В него входят лица, принимающие определяющие для развития страны решения (верхний слой управленцев), руководители разных ведомств, государственных корпораций, региональные элиты, чиновники более низких уровней управленческой иерархии. В 2011 г. численность работников государственных органов и органов местного самоуправления составила 1 млн. 603,7 тыс. чел.⁶ Из них численность государственных управленцев федерального уровня составляла 835,9 тыс. чел. (т.е. более 50%).

«Монополистическое присвоение управленческой власти» (в терминах М. Вебера) обуславливает, говоря словами Н. Лумана, «стратификационную дифференциацию», основанную на ранговых неравенствах. Их экономическим выражением является принцип прямого статусного распределения, где высота социального статуса определяет уровень доходов.

Ниже указаны размеры заработной платы и поощрений управленцев верхних эшелонов государственной власти (см. табл. 1). Месячная зарплата среднего чиновника федерального уровня составляла на июнь 2014 г. 92 тыс. руб.⁷

Этакратический класс способен конвертировать политический капитал не только в экономический, но и в культурный, социальный, символический (идеологический, информационный) капитал. Способность к конвертации самых разных видов капитала максимально увеличивает объём прав этого класса. В отличие от западного управленческого класса его российский аналог функционирует в условиях синкретизма отношений власть-собственность и конвенционального институционального порядка, характерных для этакратических систем. 2. *Патерналистский класс.* К нему можно отнести остальную часть работников государственных организаций и пенсионеров. В 2013 г. в госсекторе было занято 28,4% или около 20 млн. чел.⁸. Их материальное положение и социальный статус определяет государство.

¹ Шкаратан О.И. Перспективы России: линейность vs вариативность мирового развития // Мир России. – М., 2002. – Т. 11, № 3. – С. 51.

² Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 11.

³ Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – С. 24, 40.

⁴ Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 108.

⁵ Weber M. Class, Status and Party // Class, Status, and Power. Social Stratification in Comparative Perspective / Ed. by Bendix R., Lipset S.M. – N.Y.: The Free Press, 1966. – P. 21.

⁶ Российский статистический ежегодник 2012: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2012. – С. 46.

⁷ Калюков Е. Зарплата федеральных чиновников выросла за год больше чем на 30%. РБК. Экономика. 22.08.2014. – <http://top.rbc.ru/economics/22/08/2014/944481.shtml>

⁸ Россия в цифрах. 2014. Краткий статистический сборник. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2014. – С. 103.

В 2012 г. среднемесячная зарплата в госсекторе составила 29 тыс. 861 руб.¹. В среде работников бюджетной сферы есть своя элита (например, руководители госучреждений в сфере образования, науки, здравоохранения). Что же касается пенсионеров, то в 2011 г. их численность составляла 40 млн. 167 тыс. 426 чел.² Силу традиционалистских настроений пенсионеров иллюстрирует их отношение к попыткам правительства заменить льготы денежными компенсациями. В 2005 г. закон о монетизации льгот вызвал волну протестов пенсионеров, усмотревших в нём покушение на систему социальных гарантий, сохранившуюся с советских времён. Патерналистский класс – наиболее многочисленный класс российского общества. Работники бюджетной сферы (приблизительно 20 млн. чел.) и пенсионеры (немногим более 40 млн. чел.) вместе насчитывают примерно 60 млн. чел. из 143 млн. населения страны. 3. *Монетарный класс*. В отличие от этакратического и патерналистского класса монетарный класс имеет рыночную природу. Если главным ресурсом этакратического класса является административно-политический капитал, то основным ресурсом монетарного класса служит экономический капитал. Однако слабость рыночных отношений и этакратический тип общества объясняют то обстоятельство, что «чиновники принадлежат к общим с бизнес-группами патронажно-клиентельным пирамидам»³. Финансовым трамплином для многих представителей этого класса служила сформировавшаяся в годы перестройки «комсомольская экономика» (инициированный партийно-государственными органами приход комсомольских активистов в бизнес).

Таблица 1

Зарплаты и поощрения лиц, замещающих государственные должности РФ (2013 г., в тыс. руб.)⁴

Должность	Зарплата		Поощрение	
	С января 2013 г.	С сентября 2013 г.	С января 2013 г.	С сентября 2013 г.
Президент	Не указана	Не указана	Не указано	Не указано
Исполнительная власть				
Премьер-министр	Не указана	Не указана	Не указано	Не указано
Вице-премьеры				
Первый вице-премьер		303.791		61.998
Вице-премьер		281.153		57.378
Федеральные министры				
Федеральный министр (не силового блока)		254.000		51.823
Министры обороны, внутренних дел, МЧС, руководители ФСБ, СВР, ФСО, ФСНК, ФМС		583.000		
Министр иностранных дел		262.111		
Секретарь Совета безопасности		410.280		308.000
Законодательная власть				
Председатель Совета Федерации, Госдумы	Не указана	Не указана	Не указано	Не указано
Сенатор, депутат		254.000		51.823
Судебная власть				
Председатель Конституционного суда	415.951		311.144	
Председатель Верховного суда	327.389		224.679	
Судья Конституционного суда	359.618			

Монетарный класс вышел из реформ конца XX века. Он включает предпринимателей, менеджеров частных компаний, банкиров, шоу бизнес. На селе к нему можно отнести фермеров, владельцев и управленцев частных агрохолдингов. В 2013 г. доля частного сектора в экономике составила 85,8%⁵. Частный капитал в основном сосредоточен в сфере финансов и торговли.

Хотя монетарный класс – продукт капиталистического накопления, он отличается от буржуазии в общепринятом значении этого слова. Капиталистическое накопление есть и в нерыночных обществах. Не случайно М. Вебер ввёл понятие «примордиального» капитализма, развивавшегося на Древнем Востоке, в европейских средневековых городах и в раннее Новое время. Развитие такого капитализма связано с денежным оборотом и с получением государственных заказов. Он исключает рациональную организацию труда и заинтересованность в технологических инновациях. Кроме того, действие условных институциональных норм в российском обществе затрудняет процесс легитимации частной собственности. Одно обладание экономическим капиталом не позволяет монетарному классу стать независимым актором, так как при этакратии в общей структуре капитала экономический капитал занимает подчинённое место. 4. *Класс наёмных работников*. Развитию рыночных отношений обязан своим появлением ещё один

¹ Труд и занятость в России. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013. – С. 442.

² В РФ зафиксировано рекордное число пенсионеров. Финанс. – <http://finam.info/news/v-rf-zafiksirovano-rekordnoe-chislo-pensionerov>

³ Кашина Е.А. Роль крупного бизнеса в формировании региональной политики российского государства: сырьевой аспект // Национальная безопасность. – М., 2013. – № 5 (28). – С. 37.

⁴ Калюков Е. Зарплата федеральных чиновников выросла за год больше чем на 30%. РБК. Экономика. 22.08.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/economics/22/08/2014/944481.shtml> (дата обращения: 10.12.2014).

⁵ Россия в цифрах. 2014. Краткий статистический сборник. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2014. – С. 202.

класс – класс наёмных работников. В 2013 г. в частном секторе было занято 60%¹. Среднемесячная зарплата работников этого сектора ниже, чем в госсекторе: в 2012 г. она составила 23 тыс. 876 руб. (в госсекторе – 29 тыс. 861 руб.)². Протестные выступления этого класса спорадичны. В 2007 г. на российских предприятиях прошли 35 забастовок («Форд» и некоторых других)³. Требования наёмных работников сводятся к повышению зарплаты и обеспечению стабильной занятости. С развитием в России прекаризованных (неполной и временной) форм занятости формируется новая социальная группа, состоящая из индивидов, работающих без заключения трудовых договоров. Они лишены трудовых прав и социальных гарантий. Эта категория наёмных работников составляет 10–15%⁴. 5. *Класс парцельных крестьян*. Его образуют сельские работники личных подсобных хозяйств (ЛПХ), производящих для собственного потребления. На селе около 13 млн. ЛПХ, из которых только 20% составляют товарные домохозяйства⁵. В целом на долю ЛПХ приходится более 40% сельскохозяйственного производства. Деятельность ЛПХ – показатель роли натурального производства на селе. 6. *Андеркласс*. Он состоит из мигрантов других стран, прежде всего ближнего зарубежья, а также маргиналов, безработных. В терминах П.А. Сорокина – это класс с минимальным объёмом гражданских прав, а в случае с нелегальными мигрантами – их полным отсутствием. Труд мигрантов используется главным образом в сфере ЖКХ и строительства. Этот социально-классовый сегмент представляет собой питательную среду для развития института принудительного труда.

Пирамидальная структура российского общества предопределяет рост социального неравенства. Если в 1995 г. коэффициент Джини – показатель неравного распределения доходов – составлял в России 0,38, то в 2011 г. – 0,41⁶. Однако в этатристическом обществе социальное расслоение не всегда принимает острые формы (например, советский эгалитаризм). В то же время глубокое социальное неравенство может существовать и в условиях демократии. В 2009 г. коэффициент Джини составил в США 0.45–0.49, а в Бразилии – 0.55–0.59⁷. В обеих странах коэффициент Джини выше, чем в России.

В российском обществе сложились два стратификационных ряда – нерыночный и рыночный. При этом рыночно ориентированные классы составляют меньшинство в современной России. Наиболее заинтересован в развитии рыночных отношений монетарный класс. Класс наёмных работников нередко видит в развитии рынка в том виде, в каком он сложился в стране, угрозу своему благополучию. Этатристический класс готов допустить существование рыночных институтов лишь в той мере, в какой они не нарушают сложившийся баланс сил. Остальные классы – патерналистский, парцельный и андеркласс – либо не вовлечены в орбиту рыночных отношений, либо находятся на их периферии.

¹ Россия в цифрах. 2014. Краткий статистический сборник. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2014. – С. 103.

² Труд и занятость в России. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2013. – С. 442.

³ Козина И. М. Корпорации и профсоюзы – вариант России // Мир России. – М., 2009. – Т. 18, № 1. – С. 159.

⁴ Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. – М., 2013. – № 3. – С. 13.

⁵ Муханова М.Н., Жвиташвили А.Ш., Бессокирная Г.П. Российское село: Социально-структурные процессы от прошлого к настоящему. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – С. 7.

⁶ Российский статистический ежегодник. 2012: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2012. – С. 186.

⁷ Коэффициент Джини. Википедия. 2013. – [http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Коэффициент Джини&stable=1](http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Коэффициент_Джини&stable=1).

Жук Н.А.

д.ф.н., к.т.н., академик СААН, чл.-корр. РАЕН, доцент Славянского народного университета, г. Харьков
zna-@ukr.net

Жук Л.В.

чл.-корр. СААН, доцент

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ

Ключевые слова: социальная политика, пенсионное обеспечение.

1. Государственная солидарная система

С наступлением эры механизации и индустриализации, роста городов и численности рабочих, территориально-го отрыва детей от своих родителей, понадобилась новая система заботы о стариках. Сначала это были пенсионные кассы при заводах, куда делались регулярные добровольные отчисления в течение многих лет, но во времена СССР всё это было упразднено и возобновилось на новом уровне только в 30-е годы XX века.

В 1936 году в Конституции СССР было закреплено право всех граждан страны на пенсионное обеспечение. Единого пенсионного фонда на тот момент не существовало, выплата социальных пособий по нетрудоспособности и старости возлагалась непосредственно на артели, которые должны были создать с этой целью социальный фонд и кассу взаимопомощи.

Примерный Устав сельхозартели 1935 г. обязывал колхоз создавать социальный фонд из полученного колхозом урожая и продуктов животноводства в размерах не свыше 2% от всей валовой продукции колхоза. При этом помощь предусматривалась не только старикам, но и инвалидам, колхозникам, временно утратившим трудоспособность, нуждающимся семьям военнослужащих, для содержания детских садов, яслей и сирот. Небольшая часть этих людей финансировалась и из государственного бюджета. В частности, это касалось рабочих и служащих, которым государственные пенсии устанавливаются в 1956 г. законом о государственных пенсиях.

И только с выходом в 1964 г. «Закона о пенсиях и пособиях членам колхозов» происходит окончательное становление пенсионной системы Советского Союза, и государство полностью берет обязанности по выплатам пенсий на себя. Так родилась солидарная система, при которой из налогов работающих людей выплачиваются пенсии старикам и всем остальным категориям нуждающихся.

Однако к середине 80-х годов в СССР в пенсионном обеспечении возобладали уравнилительные тенденции, произошло снижение как размера пенсий по отношению к прошлым заработкам пенсионеров, так и их покупательской способности по отношению к росту цен на товары и услуги. Так же пенсии трудно сочетались и с трудовым вкладом пенсионеров. Порой тот, кто не работал, получал такую же пенсию, как и люди с солидным трудовым стажем. Такая же ситуация наблюдается и теперь в нашей стране.

Для анализа солидарной системы рассмотрим простейший пример из двух семей, которые работали на одинаковых должностях всю жизнь до самой пенсии. Однако в первой семье есть трое детей, которые продолжают дело родителей, а во второй семье – двое детей, один из которых продолжает дело родителей, а дочь вышла замуж за американца, уехала на постоянное место жительства в Америку и платит налоги там.

Предположим, что Пенсионный фонд страны имеет отдельную автономную ветку по обслуживанию этих двух семей. Из чего складывается бюджет этой ветки? Из пенсионных взносов четырёх человек – детей из двух семей. Кому выплачиваются пенсии? Четырём родителям этих детей. Но, первую пару родителей кормят двое его детей, а вторую пару родителей кормят один их ребёнок и третий ребёнок первой пары. Спрашивается, а на каком основании третий ребёнок одних родителей кормит чужого отца или мать? Справедливо ли это? В соответствии с Заповедями Славянских Богов и древней системой заботы детей о своих родителях такой Фонд не является справедливым.

Здесь можно возразить, что престарелые родители сделали одинаковый трудовой вклад в общество и по закону имеют право на одинаковую пенсию. Однако на это можно и возразить: вторая пара либо должна была бы лучше воспитывать своих детей, либо самостоятельно позаботиться о дополнительной пенсии (через вклады в банк и т.п.).

Таким образом, солидарная система далека от совершенства, допускает несправедливость и уравниловку в пенсионном обеспечении стариков.

2. Государственная накопительная система

Как жители Украины, мы анализируем ситуацию в этой стране. С 1 января 2011 года в Украине вступил в силу «Закон Украины “О сборе и учёте единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование” № 2464-VI от 8 июля 2010 года», согласно которому в стране на замену ранее существовавших четырех обяза-

тельных государственных социальных сборов, введён Единый социальный взнос и принято решение о проведении пенсионной реформы путем поэтапного внедрения трехуровневой пенсионной системы:

уровень 1 – солидарная система;

уровень 2 – общая и обязательная накопительная система;

уровень 3 – добровольная негосударственная система пенсионных накоплений.

На втором уровне предусмотрено сочетание солидарной системы и по желанию человека накопительной системы, которая даст дополнительную пенсию.

Величина дополнительной пенсии второго накопительного уровня находится в прямой зависимости от суммы накопленных средств в Накопительном фонде, поэтому у человека будет заинтересованность в том, чтобы сумма средств в указанном фонде была как можно больше. Во-вторых, внедрение накопительной пенсионной системы будет стимулировать граждан делать для себя пенсионные накопления и не скрывать свою заработную плату (доход). Средства, аккумулированные в Накопительном фонде, будут являться собственностью исключительно каждого застрахованного лица. В случае смерти лица, эти средства будут передаваться наследникам, но не деньгами, а на увеличение их части накопительной системы пенсий. Солидарная система такой возможности не предусматривает.

Страховые взносы в Накопительный пенсионный фонд являются составной частью единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование и подлежат перечислению в этот фонд в таких размерах: в год ввода перечисления – 2% базы начисления единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование, установленного для таких участников, в каждом в последующем году – в размере, увеличенном на 1%, до достижения 7% и дальнейшей уплаты в отмеченном размере.

Таким образом, на накопительное пенсионное обеспечение будет идти не более 7% от единого взноса, который, в свою очередь, планируют снизить до 33% от фонда заработной платы. Если сюда добавить пока не определённый доход на накопленные средства (а он может быть на уровне ставки Национального Банка Украины), то вопрос существенного улучшения пенсионного обеспечения населения Украины за счёт этой системы вызывает сомнение.

Второй уровень пенсионной системы предназначен только для тех, кому на момент её введения будет не более 33 лет. Этот уровень системы пенсионного обеспечения по требованию Евросоюза, заработает только в случае отсутствия дефицита Пенсионного Фонда, т.е. когда он будет функционировать без государственных дотаций.

Тенденция, которая наблюдается на Украине сейчас (такая же, как и во многих других странах) достаточно печальная: из-за низкой рождаемости происходит сокращение удельного веса работающего населения и увеличение количества пенсионеров. В будущем появятся очень высокие риски того, что пенсионных взносов работающих людей не будет достаточно для обеспечения выплаты пенсионерам установленных пенсий.

3 Негосударственные пенсионные фонды

Банки ведут расчётно-кассовое обслуживание своих клиентов, а также принимают денежные вклады и выдают кредиты. За счёт процента отчислений и маржи между процентами вкладов и кредитов они и живут. Какой-либо иной хозяйственной (предпринимательской) деятельностью им заниматься запрещено.

Будущий пенсионер, конечно, может воспользоваться услугами банка для накопления средств для содержания самого себя в старости (чем на практике и пользуются многие люди), но это не оптимальный вариант вложения денег из-за невысокой прибыли по банковским вкладам. Это также касается и тех страховых компаний, которые занимаются пенсионным страхованием. Опыт же большинства цивилизованных стран показывает, что более высокой прибыльностью обладают негосударственные пенсионные фонды (НПФ).

В НПФ пенсионные взносы являются неприкосновенными, накапливаются в пенсионных активах, а пенсионные активы, в отличие от банков, инвестируются в высоко прибыльные производства, чем и обеспечивается более высокая эффективность этих фондов по сравнению с банками и страховыми компаниями. Сами же НПФ имеют выгоду или существуют только за счёт определённой доли инвестиционных доходов.

Негосударственные пенсионные фонды – самый объёмный финансовый бизнес. В США активы НПФ составляют четверть ВВП. В Чили внедрена одна из самых развитых систем пенсионного обеспечения населения с помощью НПФ. Когда разразился карибский экономический кризис, огромные пенсионные активы НПФ Чили демпфировали его негативное влияние до минимума, в то время как другие страны оказались в глубокой экономической яме. В настоящее время Япония ликвидирует последствия цунами и ядерной катастрофы за счёт активов пенсионных фондов, которые выделили для этого 50 млрд. долларов. НПФ являются одним из главных внутренних источников инвестиций.

На Украине НПФ возникли в начале 90-х годов. Однако первая половина 90-х годов характеризовалась неимверными процентами по вкладам различных фондов и дальнейшими развалами (банкротствами) этих фондов. В 1995 г. Верховная Рада запретила деятельность финансовых структур, для которых ещё не были приняты законы. Так НПФ «умерли» до 2003 г., когда закон об организации деятельности этих фондов, наконец, был принят. Однако тех, кто готовил свои разработки по НПФ, ждало разочарование.

Дело в том, что в проектах украинского закона об НПФ рассматривалась чилийская система, при которой в этой стране не существовало государственных пенсий, а действовало порядка 15 НПФ, но в которые поступали обязательные взносы, предусмотренные законодательством. Таким образом, в НПФ работало минимум персонала, и не приходилось уговаривать людей вступать в эти фонды. Человек сам выбирал и при желании менял выбранный НПФ на другой при их здоровой конкуренции.

На Украине же в 2003 г. была принята чилийская пенсионная система, только перевёрнутая вверх ногами. При этом на долю НПФ досталась агитация людей, унижительная процедура выколачивания пенсионных взносов и вся ос-

тальная черновая работа, которая раздувает штаты персонала донельзя и делает неэффективной всю работу фондов. Зато инвестированием денег, получением дохода и прибыли занимаются компании – управляющие пенсионными активами. Такая система оказалась нежизнеспособной, поэтому знающие люди сразу же позакрывали свои учреждённые ранее пенсионные фонды.

Сейчас на Украине пенсионное обеспечение – это головная боль государства и раздражитель народа. Недовольны возрастом выхода на пенсию, недовольны размерами пенсий, недовольны условиями получения пенсий. А отсутствие нормальной накопительной системы пенсионного обеспечения в НПФ – это отсутствие главного источника внутренних инвестиций.

4. Системы пенсионной взаимопомощи

НПФ, если они правильно организованы, дают значительный экономический и социальный эффект. Но для повышения реальных пенсионных выплат старикам сверх тех, которые обеспечивает инвестиционный доход, минимум в 3 раза есть еще один путь – это использование в деятельности НПФ эффектов кассы взаимопомощи. При этом остатки пенсионных активов умерших пенсионеров никем не наследуются, а используются для увеличения пенсий живущим пенсионерам. Так родилась система пенсионной взаимопомощи (pension mutual).

Да, чудес не бывает; деньги ниоткуда не берутся, экономические законы не отменяются, поэтому клиентам таких НПФ приходится кое от чего отказываться, чтобы получить значительно большую пенсию, чем это возможно в обычных НПФ.

Такая постановка вопроса не сразу воспринимается сознанием и порой действует даже шокирующе: человек всю трудовую жизнь откладывал деньги на свою старость и должен их отдать чужому «дяде». Не детям, не внукам, а кому-то на стороне. Но это только на первый взгляд. Давайте обсудим проблему подробнее.

Во-первых, а сейчас при солидарной системе после смерти пенсионера родственники разве наследуют что-либо из их пенсий?

Во-вторых, как правило, любой человек заботится о своей старости сам: сам вступает в НПФ, сам платит взносы. Не дети его платят и, тем более, не внуки. Значит, он сам и вправе выбрать себе тип НПФ, в том числе и с элементами кассы взаимопомощи.

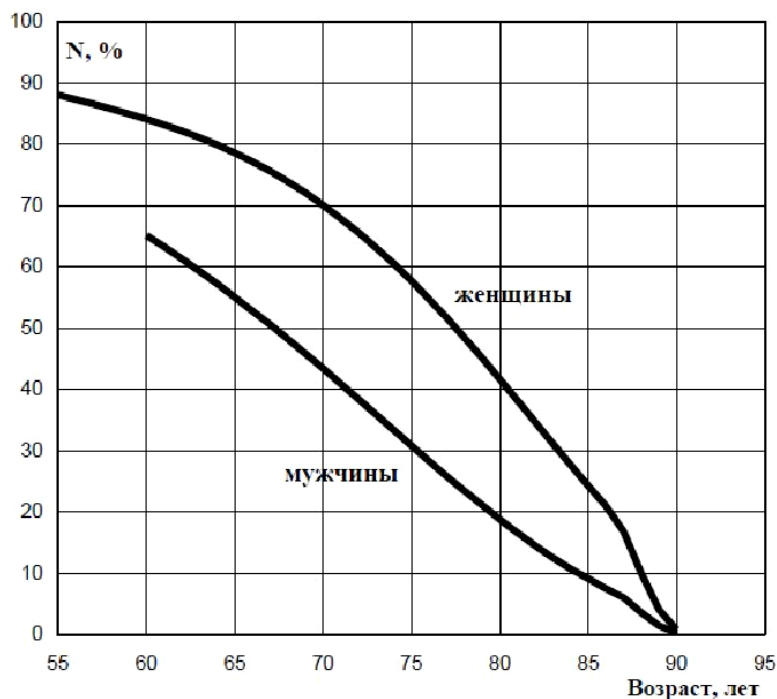

Рисунок 1.
Возрастной состав пенсионеров N в % от числа родившихся

В-третьих, наверное, в каждой второй семье существуют проблемы с наследованием. Если старик накопил в банке приличное состояние, то и проблем не придется долго ждать. Половина детективов написано по мотивам преступлений на почве борьбы за наследство. Но в НПФ с эффектами кассы взаимопомощи наследование заблокировано, а если пенсия приличная, то она все равно большей частью будет тратиться на детей и внуков.

Вот тут-то и добавляется элемент (и какой!) социальной защиты: помогать, ухаживать, кормить, лечить пенсионера. Иначе – никаких денег не будет.

А если человек остался один без родственников? Тоже хорошо, когда есть приличная пенсия: можно заплатить за уход, еду, лекарства. Старее человек, становится немощнее, больше лекарств ему требуется — и пенсия растёт из года в год, покрывая растущие расходы пенсионера.

Расчёты авторов показывают, что при ежегодном инвестиционном доходе НПФ всего в 10% ежемесячные взносы человека по 500 руб. (5% от зарплаты в 10 000 руб.) в течение 40 лет обеспечат при его выходе на пенсию в 60 лет

её первоначальный размер 23 400 руб., а в 85 лет она составит уже 75 500 руб. Поэтому взносы в такие фонды могут не превышать 10–12% от фонда заработной платы вместо нынешних 37–42%, которые тоже не наследуются при солидарной системе.

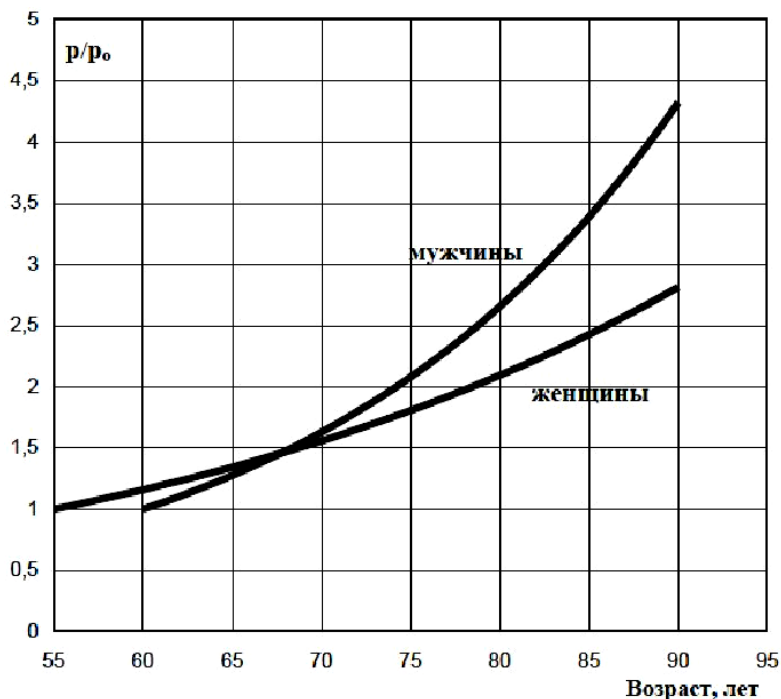

Рисунок 2.
Рост пенсий r по отношению к первичной r_0 с возрастом

Если за основу взять демографическую ситуацию в СССР в лучший период её оценки (1984–1985 гг.), то возрастной состав пенсионеров в процентах от числа родившихся будет выглядеть так, как показано на рис. 1.

С учетом этой демографической обстановки рост пенсий по отношению к первичным, по результатам исследований авторской группы, должен выглядеть так, как показано на рис. 2. Однако с учётом постепенного накопления пенсионных активов коэффициенты ежегодного роста пенсий могут быть увеличены в несколько раз, а сами пенсии глубоких стариков смогут достигать 30–50 кратного размера первичных их пенсий.

Авторской группой, начиная с 1994–1995 гг.¹, разработана вся методология и документация организации фонда пенсионной взаимопомощи, т.е. НПФ с эффектами кассы взаимопомощи с учётом современной демографии и специфики работы таких фондов. Кроме того, нами предложен специальный метод для моделирования деятельности таких фондов, который позволяет наиболее точно проводить актуарные расчёты.

Выводы

Внедрение чилийской системы организации пенсионного обеспечения и фондов пенсионной взаимопомощи позволит решить следующие проблемы и задачи:

1. Снять головную боль с государства о пенсионном обеспечении населения.
2. Дать пенсионеру самую высокую из возможных социальную защиту.
3. Дать возможность негосударственным финансовым структурам участвовать в пенсионном деле (бизнесе).
4. Дать народу один из основных источников внутренних инвестиций.
5. Прекратить пустые дебаты о возрасте выхода на пенсию и её размерах (у людей будет свой личный выбор в определённых пределах).
6. Привлечь на свою сторону массы народа, особенно молодёжь, которой и принадлежит будущее.
7. Убрать оплату в НПФ взносов с работающих пенсионеров.
8. До минимума сократить штаты НПФ.
9. Возвратить справедливость в отношения трудовых вкладов и размеров пенсий.

Таким образом, невзирая на достаточно развитые современные системы пенсионного обеспечения в России и других странах СНГ, нужно констатировать, что они не являются устойчивыми в меняющихся условиях и потребуют дальнейшего совершенствования, направления и пути которого сегодня уже видны специалистам по данной теме.

¹ Жук Н.А. Негосударственные пенсионные фонды с эффектами кассы взаимопомощи // Украина-бизнес. 1997. – № 37, 24 сентября.

Захаров В.К.

д.ф.-м.н., профессор МГУ

Голикова Е.И.

к.э.н., доцент МИФИ

ПРОГРЕССИВНОСТЬ ШКАЛЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И ПОКАЗАТЕЛИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ СТРАН МИРА

Ключевые слова: прогрессивное налогообложение, показатели благосостояния, показатели благополучия страны, социальная справедливость, государственный долг.

Введение

Статья посвящена исследованию зависимости благополучия стран мира от прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц. В ней развиваются идеи авторов, заложенные в статье¹.

В статье наряду с известными исходными показателями благосостояния стран мира, используемыми статистикой ООН, такими как душевой валовой внутренний продукт, средняя ежемесячная заработная плата, коэффициент Джини, государственный долг и доля золота в международных резервных активах, вводится новый исходный показатель прогрессивности шкалы подоходного налога.

На их основе вводятся новые сводные интервальные социально-экономические показатели, а именно: *многофакторные показатели благополучия страны* и *многофакторные показатели процветания страны*. Эти сводные показатели благосостояния вычисляются для сорока основных стран мира, для которых удалось найти все необходимые исходные показатели.

Анализ распределений основных стран мира по показателям благополучия и процветания (за 2009–2012 гг.) показывает, что Россия и Бразилия имеют близкие значения этих показателей. И обе страны почти во всех распределениях находятся в двух самых нижних десятичных частях интервалов значений соответствующих показателей.

Кроме того, показывается, что существует положительная линейно-трендовая зависимость благополучия стран мира от прогрессивности шкалы налогообложения доходов физических лиц.

Более того, посредством вычисления выборочных коэффициентов корреляции показывается, что эта линейно-трендовая зависимость является в значительной степени линейно-функциональной.

Из сказанного следует, что плоская шкала подоходного налога, принятая в России, оказывает своё отрицательное воздействие на благополучие страны. Переход к прогрессивной шкале, как предлагается в работе², окажет положительное воздействие на повышение показателей благополучия России.

1. Показатели благосостояния страны

Под *благосостоянием страны* понимается какой-либо свод показателей социально-экономических условий жизни и удовлетворения потребностей жителей этой страны. Для международного сопоставления уровня благосостояния стран ООН использует как отдельные исходные, так и совокупные сводные показатели. Рассмотрим некоторые из них.

1.1. Исходные показатели

1.1.1. Душевой валовой внутренний продукт

Душевой валовой внутренний продукт (ДВВП) (за данный год X) вычисляется как отношение валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности (ППС) валют к численности населения страны на момент времени 01.01. $X+1$. *Показатель соотношения ДВВП* (за данный год X) вычисляется как отношение ДВВП страны к ДВВП США (на данный год X). Они являются в большей степени исходными экономическими показателями. *Усреднённый показатель соотношения ДВВП* (за $X-Y_{22}$) вычисляется как среднее значение показателя соотношения ДВВП за все годы, начиная от года X и заканчивая годом Y .

¹ Захаров В.К., Голикова Е.И. Прогрессивность шкалы налогообложения доходов физических лиц и показатель благополучия страны // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2014. Вып. 9. Ч. 1. – С. 63–69.

² Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике: доклад РАН / Под ред. А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. – М.: РАН, 2013. – <http://ria.ru>

Таблица 1

Усреднённый показатель ДДВП в долларах США (за 2009–2012 гг.) и усреднённый показатель соотношения ДВВП (за 2009–2012 гг.)

Страна	Усреднённый показатель ДДВП в долларах США (за 2009–2012 гг.)	Усреднённый показатель соотношения ДВВП (за 2009–2012 гг.)
Австралия	41 439	0,872
Австрия	41 196	0,8672
Армения	5966	0,1255
Белоруссия	1428	0,3003
Бельгия	37 981	0,8001
Болгария	14 633	0,3078
Бразилия	11 272	0,2372
Великобритания	35 271	0,7432
Венгрия	21 002	0,4424
Вьетнам	3306	0,0696
Германия	38 283	0,8057
Гонконг	48 588	1,0221
Греция	26 817	0,5667
Дания	40 294	0,8487
Индия	3547	0,0746
Ирландия	41 382	0,8718
Испания	31 948	0,6735
Италия	32 365	0,6822
Казахстан	12 605	0,2650
Канада	40 240	0,8469
Китай	8002	0,1680
Латвия	17 995	0,3778
Литва	20 027	0,4202
Молдавия	3187	0,0671
Нидерланды	42 094	0,8868
Норвегия	59 012	1,2417
Польша	20 467	0,4306
Португалия	25 333	0,5340
Россия	21 489	0,4518
Румыния	15 481	0,3258
США	47 500	1,0000
Украина	6909	0,1454
Финляндия	36 820	0,7754
Франция	34 788	0,7327
Хорватия	19 513	0,4109
Чехия	25895	0,5457
Швейцария	49 722	1,0467
Швеция	40 045	0,8428
Эстония	21 146	0,4447
Япония	33 614	0,7078

1.1.2. Средняя ежемесячная заработная плата

Средняя ежемесячная заработная плата (СЕЗП) (за данный год X) вычисляется по всем зарегистрированным работникам в стране до вычета налогов на момент времени 01.01.X+1. Показатель соотношения средней ежемесячной заработной платы (за данный год X) вычисляется как отношение СЕЗП страны к СЕЗП США за данный год X. Они являются в большей степени исходными экономическими показателями. Так же как это было сделано в предыдущем разделе определяются усреднённые показатели (за X–Y гг.)

Таблица 2

Усреднённая средняя ежемесячная зарплата в долларах США (за 2009–2012 гг.) и усреднённый показатель соотношения средней ежемесячной заработной платы (за 2009–2012 гг.)

Страна	Усреднённая средняя ежемесячная зарплата в долларах США (за 2009-2012 гг.)	Усреднённый показатель соотношения средней ежемесячной заработной платы (за 2009-2012 гг.)
1	2	3
Австралия	2610	0,7999
Австрия	3437	1,0534
Армения	471	0,1444
Белоруссия	959	0,2939
Бельгия	3035	0,9302

1	2	3
Болгария	750	0,2299
Бразилия	1800	0,5517
Великобритания	3065	0,9394
Венгрия	722	0,2213
Вьетнам	104	0,0319
Германия	2720	0,8336
Гонконг	1545	0,4735
Греция	2300	0,7049
Дания	4037	1,2372
Индия	295	0,0904
Ирландия	2997	0,9185
Испания	2352	0,7208
Италия	2445	0,7494
Казахстан	753	0,2308
Канада	2724	0,8349
Китай	656	0,2011
Латвия	1098	0,3365
Литва	640	0,1962
Молдавия	438	0,1343
Нидерланды	2671	0,8186
Норвегия	3846	1,0684
Польша	1536	0,4708
Португалия	1164	0,3568
Россия	1215	0,3724
Румыния	954	0,2924
США	3263	1,0000
Украина	686	0,2103
Финляндия	2925	0,8965
Франция	2886	0,8845
Хорватия	959	0,2939
Чехия	1786	0,5474
Швейцария	4956	1,5189
Швеция	3023	0,9265
Эстония	1267	0,3883
Япония	2522	0,7729

1.1.3. Коэффициент Джини

Коэффициент Джини (за данный год X) позволяет обнаруживать различия в благосостоянии людей и различия в так называемых компенсациях, обнаруживаемых в политике и философии стран. Так же как это было сделано в разделе 1.1.1 определяется усреднённый коэффициент Джини (за $X-Y$ гг.).

Коэффициент Джини используется для определения степени разрыва в доходах бедных и богатых. Чем ближе значение коэффициента к единице, тем выше уровень социального неравенства. Поэтому этот показатель является в большей степени исходным социальным показателем, по-своему отражающим такое важное для населения страны психологическое понятие, как СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Таблица 3

Усреднённый коэффициент Джини (за 2009–2012 гг.)

Страна	Усреднённый коэффициент Джини (за 2009–2012 гг.)
1	2
Австралия	0,352
Австрия	0,291
Армения	0,267
Белоруссия	0,284
Бельгия	0,330
Болгария	0,282
Бразилия	0,547
Великобритания	0,330
Венгрия	0,312
Вьетнам	0,356
Германия	0,283
Гонконг	0,434
Греция	0,343
Дания	0,278
Израиль	0,392
Индия	0,334
Ирландия	0,343

1	2
Испания	0,347
Италия	0,360
Казахстан	0,289
Канада	0,326
Китай	0,425
Латвия	0,366
Литва	0,376
Молдавия	0,287
Нидерланды	0,258
Норвегия	0,258
Польша	0,341
Португалия	0,342
Россия	0,840
Румыния	0,300
США	0,408
Турция	0,390
Украина	0,263
Финляндия	0,269
Франция	0,298
Хорватия	0,337
Чехия	0,252
Швейцария	0,337
Швеция	0,250
Эстония	0,360
Япония	0,380

1.1.4. Прогрессивная и плоская системы налогообложения доходов физических лиц

Прогрессивная система налогообложения доходов физических лиц построена на принципе увеличения налоговых ставок в зависимости от роста уровня дохода налогоплательщика. Для прогрессивной системы задаётся *прогрессивная шкала с нижней и верхней границами шкалы в процентах (за данный год X). Усреднённые границы прогрессивной шкалы подоходного налога в процентах (за X–Y гг.)* вычисляются как средние значения нижней и верхней границ по отдельности за все годы, начиная от года X и заканчивая годом Y.

Плоская система налогообложения доходов физических лиц построена на принципе единой ставки при любом уровне дохода налогоплательщика. Для плоской системы задаётся *плоская шкала*, у которой *нижняя и верхняя границы* совпадают.

Показатель прогрессивности шкалы подоходного налога (за данный год X) вычисляется как отношение верхней границы шкалы к среднему значению между нижней и верхней границами шкалы (при условии, что границы шкалы в этот год не менялись). Он является в большей степени исходным социальным показателем, по-своему отражающим такое важное для населения страны психологическое понятие, как СПРАВЕДЛИВОСТЬ. *Усреднённый показатель прогрессивности шкалы подоходного налога (за X–Y гг.)* вычисляется как среднее значение показателя прогрессивности за все годы, начиная от года X и заканчивая годом Y.

Начиная с 1 января 2001 г., то есть с введения в действие главы 23 «Налог на доходы физических лиц» НК РФ, в Российской Федерации введена единая базовая ставка НДФЛ в размере 13%. По ней облагается заработная плата и иные выплаты в качестве оплаты труда, вознаграждения по договорам гражданско-правового характера и т.д. Основой подоходного налога является заработная плата. Подоходный налог с заработной платы платят в основном наемные работники. Данные об уплате налога на дивиденды и о самих средних ежегодных дивидендах физических лиц не афишируются.

Таблица 4

Усреднённые границы шкалы подоходного налога в процентах и усреднённый показатель прогрессивности шкалы подоходного налога (за 2009–2012 гг.)

Страна	Усреднённые границы шкалы подоходного налога в процентах	Показатель прогрессивности шкалы подоходного налога (за 2009–2012 гг.)
1	2	3
Австралия	17,0–45,0	1,45
Австрия	21,0–50,0	1,41
Аргентина	9,0–35,0	1,59
Армения	15,0–35,0	1,40
Белоруссия	12,0	1,00
Бельгия	25,0–50,0	1,33
Болгария	10,0	1,00
Бразилия	7,5–27,5	1,57
Великобритания	0–45,0	2,00
Венгрия	26,9	1,00

1	2	3
Вьетнам	5,0–35,0	1,75
Германия	14,0–45,0	1,52
Гонконг	2,0–17,0	1,78
Греция	0–42,0	2,00
Дания	5,5–15,0	1,46
Индия	10,0–30,0	1,50
Ирландия	20,0–41,0	1,34
Испания	24,75–52,0	1,36
Италия	23,0–43,0	1,30
Казахстан	10,0	1,00
Канада	15,0–29,0	1,32
Китай	3,0–45,0	1,88
Латвия	24,0	1,00
Литва	15,0	1,00
Молдавия	7,0–18,0	1,44
Нидерланды	5,85–52,0	1,80
Норвегия	28,0–49,0	1,27
Польша	18,0–32,0	1,28
Португалия	14,5–48,0	1,54
Россия	13,0	1,00
Румыния	16,0	1,00
США	0–39,6	2,00
Украина	15,0–17,0	1,06
Финляндия	6,5–31,75	1,66
Франция	5,5–41,0	1,76
Хорватия	12,0–40,0	1,54
Чехия	22,0	1,00
Швейцария	0–11,5	2,00
Швеция	0–57,0	2,00
Эстония	21,0	1,00
Япония	5,0–50,0	1,81

1.1.5. Государственный долг

Государственный долг (на данный год X) (страны с конвертируемой валютой) складывается из задолженности центрального правительства, региональных и местных органов власти, а также долгов всех корпораций с государственным участием, пропорционально доле государства в акционерном капитале последних, на момент времени 01.01.X+1. *Показатель внешнего долга (на данный год X)* вычисляется как отношение государственного долга (на данный год X) к ВВП (за данный год X). *Усреднённый показатель внешнего долга (на X–Y гг.)* вычисляется как среднее значение показателя внешнего долга на все годы, начиная от года X и заканчивая годом Y.

Они являются в большей степени исходными экономическими показателями, по-своему отражающими такое важное для населения страны политико-экономическое понятие, как ВНЕШНЯЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ.

Таблица 5

Усреднённый показатель внешнего долга (на 2009–2012 гг.)

Страна	Усреднённый показатель внешнего долга (на 2009–2012 гг.)
1	2
Австралия	0,2225
Австрия	0,7175
Армения	0,3400
Белоруссия	0,4125
Бельгия	0,9725
Болгария	0,1600
Бразилия	0,6525
Великобритания	0,7850
Венгрия	0,7900
Вьетнам	0,5125
Германия	0,8025
Гонконг	0,3375
Греция	1,5250
Дания	0,4375
Индия	0,6925
Ирландия	0,9525
Испания	0,6875
Италия	1,2025
Казахстан	0,1100
Канада	0,8525

1	2
Китай	0,3950
Латвия	0,3700
Литва	0,3650
Молдавия	0,2500
Нидерланды	0,6425
Норвегия	0,4975
Польша	0,5425
Португалия	1,0075
Россия	0,1150
Румыния	0,3075
США	0,9900
Турция	0,4125
Украина	0,3675
Финляндия	0,4875
Франция	0,8425
Хорватия	0,4475
Чехия	0,3900
Швейцария	0,4850
Швеция	0,3900
Эстония	0,0700
Япония	2,2300

1.1.6. Доля золота в международных резервных активах

Международные резервные активы России складываются из монетарного золота, специальных прав заимствования, резервной позиции в Международном валютном фонде, активов в иностранной валюте и других резервных активов. К активам в иностранной валюте относят валютные активы Банка России и Правительства Российской Федерации в форме: наличных денег; банковских депозитов в банках-нерезидентах с рейтингом не ниже А (по квалификации «Fitch IBCA» и «Standart and Poor's») или А2 (по классификации «Moody's»); государственных ценных бумаг, выпущенных нерезидентами, имеющих аналогичный рейтинг.

Доля золота в международных резервах (на данный год X) вычисляется как отношение стоимости (выраженной в долларах) монетарного золота к стоимости (выраженной в долларах) всех международных резервных активов России на момент времени 01.01. X +1 (т.е. на первое января следующего года). Усреднённая доля золота в международных резервах (на X – Y гг.) вычисляется как среднее значение доли золота на все годы, начиная от года X и заканчивая годом Y .

Доля золота является в большей степени исходным экономическим показателем, по-своему отражающим такое важное для населения страны политико-экономическое понятие, как ТАКТИЧЕСКАЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ.

Таблица 6

Усреднённая доля золота в международных резервах (на 2009–2012 гг.)

Страна	Усреднённая доля золота в международных резервах (на 2009–2012 гг.)
1	2
Австралия	0,0800
Австрия	0,5580
Армения	0
Белоруссия	0,2500
Бельгия	0,3800
Болгария	0,1000
Бразилия	0,0100
Великобритания	0,1300
Венгрия	0
Вьетнам	0
Германия	0,7100
Гонконг	0
Греция	0,7900
Дания	0
Индия	0,0800
Ирландия	0,1500
Испания	0,3300
Италия	0,700
Казахстан	0,1400
Канада	0
Китай	0,0200
Латвия	0,0500
Литва	0,0300

1	2
Молдавия	0
Нидерланды	0,5900
Норвегия	0
Польша	0,0500
Португалия	0,8700
Россия	0,0800
Румыния	0,1
США	0,7400
Украина	0,0500
Финляндия	0,2200
Франция	0,6800
Хорватия	0
Чехия	0,0100
Швейцария	0,1800
Швеция	0,1200
Эстония	0,0300
Япония	0,0300

1.2. Сводные показатели

1.2.2. Многофакторные показатели благополучия страны

Наряду с таким известным сводным показателем, как индекс человеческого развития (ИЧР, *Human Development Index*, HDI), мы введем другие сводные социально-экономические показатели, лучше свидетельствующие о временной устойчивости или неустойчивости социально-экономического положения страны.

Однофакторный показатель благополучия страны (1-ФПБС, 1-Factor Country Prosperity Index, 1-FCPI) (за $X-Y$ гг.) вычисляется как усредненный показатель соотношения ДВВП. *Двухфакторный показатель благополучия страны (2-ФПБС, 2-Factor Country Prosperity Index, 2-FCPI)* (за $X-Y$ гг.) вычисляется как усредненный показатель соотношения ДВВП, умноженный на усредненный показатель соотношения средней ежемесячной заработной платы.

n-Факторный показатель благополучия страны (n-ФПБС, n-Factor Country Prosperity Index, n-FCPI) (за $X-Y$ гг.) вычисляется как усредненный показатель соотношения ДВВП, умноженный на усредненный показатель соотношения средней ежемесячной заработной платы, поделенный на усредненный коэффициент Джини и умноженный или поделенный на последующие ($n-3$) усредненных показателя (за $X-Y$ гг.). Два первых исходных показателя в этой формуле являются экономическими, третий является социальным. Указанный сводный показатель вычисляется для $n \geq 3$.

Этот сводный показатель служит как для сравнения стран друг с другом, так и для доказательства наличия функциональной зависимости (тренда) показателя благополучия страны от показателя прогрессивности ставки подоходного налога в этой стране.

Двухфакторный показатель процветания страны (2-ФППС, 2-Factor Country Flourishing Index, 2-FCFI) (за $X-Y$ гг.) вычисляется как усредненный показатель соотношения ДВВП, умноженный на усредненный показатель прогрессивности шкалы подоходного налога. *Трёхфакторный показатель процветания страны (3-ФППС, 3-Factor Country Flourishing Index, 3-FCFI)* (за $X-Y$ гг.) вычисляется как усредненный показатель соотношения ДВВП, умноженный на усредненный показатель соотношения средней ежемесячной заработной платы и умноженный на усредненный показатель прогрессивности шкалы подоходного налога.

n-Факторный показатель процветания страны (n-ФППС, n-Factor Country Flourishing Index, n-FCFI) (за $X-Y$ гг.) вычисляется как усредненный показатель соотношения ДВВП, умноженный на усредненный показатель соотношения средней ежемесячной заработной платы, поделенный на усредненный коэффициент Джини, умноженный на усредненный показатель прогрессивности шкалы подоходного налога и умноженный или поделенный на следующие ($n-4$) усредненных показателя (за $X-Y$ гг.). Два первых показателя в этой формуле являются экономическими, второй и третий являются социальными, ... Указанный сводный показатель вычисляется для $n \geq 4$.

Этот сводный показатель служит для сравнения стран друг с другом.

В качестве дополнительного n -го фактора в указанных выше сводных показателях мы будем использовать такие исходные усредненные показатели страны, как усредненный показатель внешнего долга и усредненная доля золота в международных резервах.

Отметим, что можно определить аналогичные сводные показатели и за отдельный год X . Однако введенные интервальные показатели являются более сглаженными.

Для вычисления приводимых ниже сводных интервальных показателей благополучия и процветания используются вычисленные выше усредненные исходные числовые показатели. Все вычисленные одно-, двух-, трех-, четырех- и пятифакторные показатели благополучия и двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестифакторные процветания стран мира представлены в следующей таблице.

Показатели благополучия и процветания стран мира за 2009–2012 гг.

Страна	Одно-, двух-, трёх-, четырёх- и пятифакторные показатели благополучия	Двух-, трех-, четырёх-, пяти- и шестифакторные показатели процветания
Австралия	0,8722 0,6977 1,9821 8,9082 0,7242	1,2662 1,0128 2,8774 12,9321 1,0514
Австрия	0,8672 0,9135 3,1392 4,3752 2,4414	1,2215 1,2867 4,4216 6,1625 3,4387
Армения	0,1255 0,0181 0,0679 0,1996 0,0000	0,1757 0,0254 0,0950 0,2794 0,0000
Белоруссия	0,3003 0,0883 0,3108 0,7534 0,1857	0,3003 0,0883 0,3108 0,7534 0,1857
Бельгия	0,8001 0,7442 2,2552 2,3189 0,8738	1,0668 0,9923 3,0070 3,0921 1,1651
Болгария	0,3078 0,0708 0,2509 1,5683 0,1576	0,3078 0,0708 0,2509 1,5683 0,1576
Бразилия	0,2372 0,1309 0,2392 0,3666 0,0023	0,3728 0,2057 0,3760 0,5762 0,0036
Великобритания	0,7432 0,6982 2,1156 2,6951 0,3450	1,4864 1,3963 4,2313 5,3902 0,6899
Венгрия	0,4424 0,0979 0,3138 0,3972 0,0012	0,4424 0,0979 0,3138 0,3972 0,0012
Вьетнам	0,0696 0,0022 0,0062 0,0122 0,0000	0,1217 0,0039 0,0109 0,0213 0,0000
Германия	0,8057 0,6716 2,3733 2,9573 2,0923	1,2291 1,0246 3,6204 4,5114 3,1918
Гонконг	1,0221 0,4840 1,1151 3,3041 0,0000	1,8290 0,8661 1,9955 5,9126 0,0000
Греция	0,5667 0,3994 1,1645 0,7636 0,6039	1,1333 0,7989 2,3290 1,5272 1,2077
Дания	0,8487 1,0499 3,7768 8,6327 0,3237	1,2420 1,5366 5,5273 12,6339 0,4738
Индия	0,0746 0,0067 0,0202 0,0292 0,0025	0,1119 0,0101 0,0303 0,0437 0,0038
Ирландия	0,8718 0,8007 2,3344 2,4508 0,3635	1,1719 1,0764 3,1381 3,2946 0,4886
Испания	0,6735 0,4854 1,3989 2,0348 0,6894	0,9127 0,6579 1,8959 2,7577 0,9343
Италия	0,6822 0,5112 1,4201 1,1809 0,8243	0,8889 0,6662 1,8505 1,5389 1,0741
Казахстан	0,2650 0,0612 0,2117 1,9241 0,2767	0,2650 0,0612 0,2117 1,9241 0,2767
Канада	0,8469 0,7071 2,1689 2,5441 0,0071	1,1164 0,9320 2,8590 3,3537 0,0094
Китай	0,1680 0,0338 0,0795 0,2013 0,0033	0,3150 0,0634 0,1491 0,3774 0,0062
Латвия	0,3778 0,1271 0,3473 0,9388 0,0472	0,3778 0,1271 0,3473 0,9388 0,0472
Литва	0,4202 0,0824 0,2193 0,6008 0,0200	0,4202 0,0824 0,2193 0,6008 0,0200
Молдавия	0,0671 0,0090 0,0314 0,1255 0,0001	0,0966 0,0130 0,0452 0,1807 0,0001
Нидерланды	0,8868 0,7260 2,8138 4,3794 2,5764	1,5941 1,3049 5,0578 7,8720 4,6311
Норвегия	1,2417 1,3266 5,1420 10,3356 0,0000	1,5804 1,6885 6,5447 13,1552 0,0000
Польша	0,4306 0,2027 0,5945 1,0959 0,0548	0,5512 0,2595 0,7610 1,4027 0,0701
Португалия	0,5340 0,1905 0,5571 0,5530 0,4818	0,8202 0,2927 0,8557 0,8493 0,7400
Россия	0,4518 0,1682 0,2003 1,7416 0,0136	0,4518 0,1682 0,2003 1,7416 0,0136
Румыния	0,3258 0,0953 0,3175 1,0326 0,1056	0,3258 0,0953 0,3175 1,0326 0,1056
США	1,0000 1,0000 2,4510 2,4757 1,8340	2,0000 2,0000 4,9020 4,9515 3,6681
Украина	0,1454 0,0306 0,1162 0,3163 0,0153	0,1545 0,0325 0,1235 0,3361 0,0162
Финляндия	0,7754 0,6952 2,5843 5,3011 1,1424	1,2870 1,1538 4,2891 8,7982 1,8960
Франция	0,7327 0,6481 2,1748 2,5814 1,7657	1,2922 1,1429 3,8353 4,5523 3,1138
Хорватия	0,4109 0,1208 0,3584 0,8008 0,0000	0,6322 0,1858 0,5514 1,2321 0,0000
Чехия	0,5457 0,2987 1,1853 3,0392 0,0410	0,5457 0,2987 1,1853 3,0392 0,0410
Швейцария	1,0467 1,5898 4,7175 9,7268 1,7314	2,0934 3,1796 9,4350 19,4536 3,4627
Швеция	0,8428 0,7808 3,1232 8,0083 0,9354	1,6855 1,5616 6,2465 16,0166 1,8707
Эстония	0,4447 0,1727 0,4797 6,8526 0,1987	0,4447 0,1727 0,4797 6,8526 0,1987
Япония	0,7078 0,5470 1,4395 0,6455 0,0192	1,2868 0,9946 2,6173 1,1737 0,0350

Показатели благополучия из этого списка, а также усреднённый показатель прогрессивности шкалы подоходного налога из раздела 1.1.4 используются в следующей части статьи.

1.2.3. Графически-числовое изображение распределений стран мира по показателям благополучия и процветания (за 2009–2012 гг.)

Для проведения анализа полученных данных ниже приведены графически-числовые изображения распределений стран мира по показателям благополучия и процветания (за 2009–2012 гг.) с перечислением стран по вертикали и графическим изображением соответствующих числовых показателей по горизонтали.

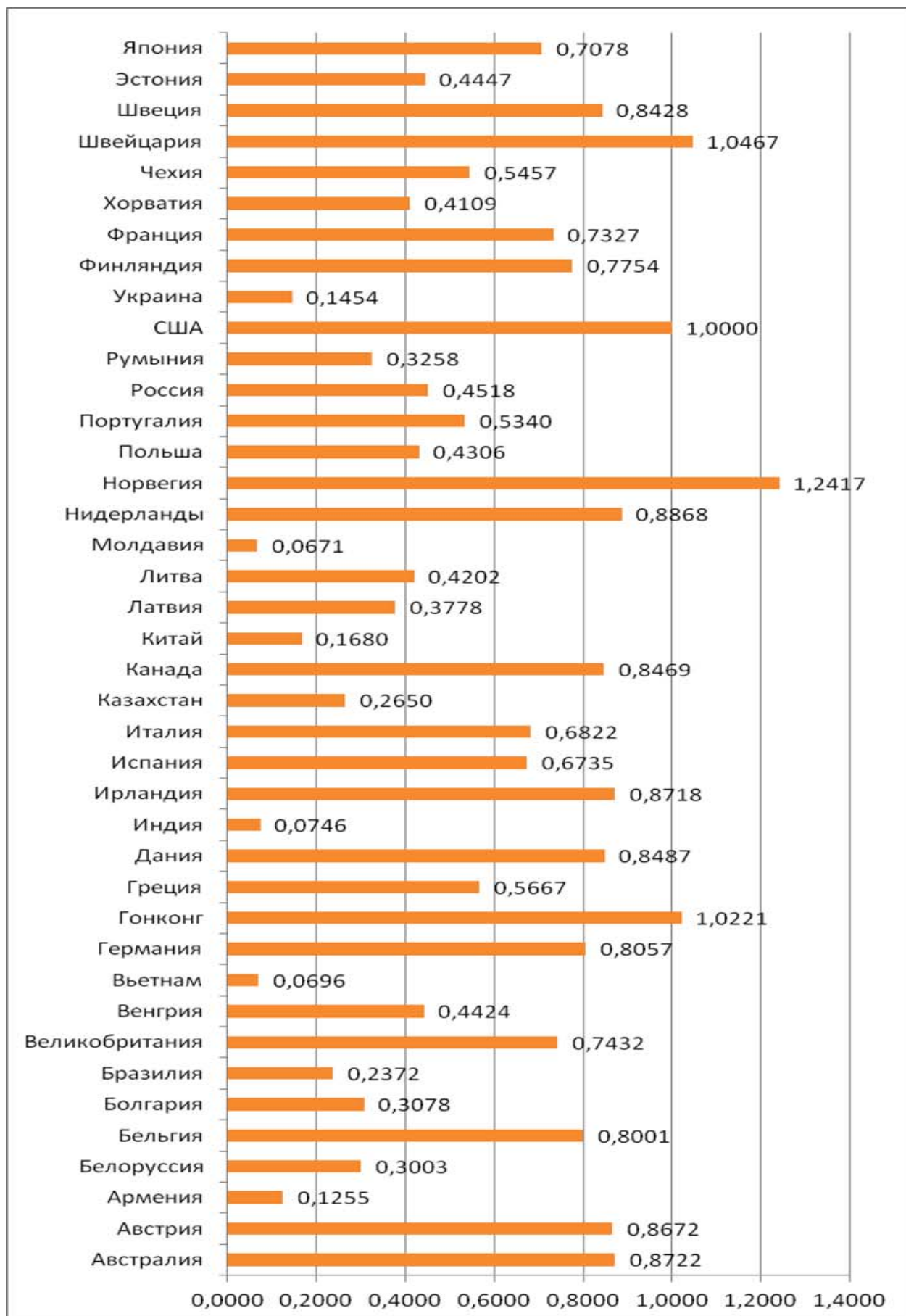

Рисунок 1.
Распределение стран мира по однофакторному показателю благополучия за 2009–2012 гг.

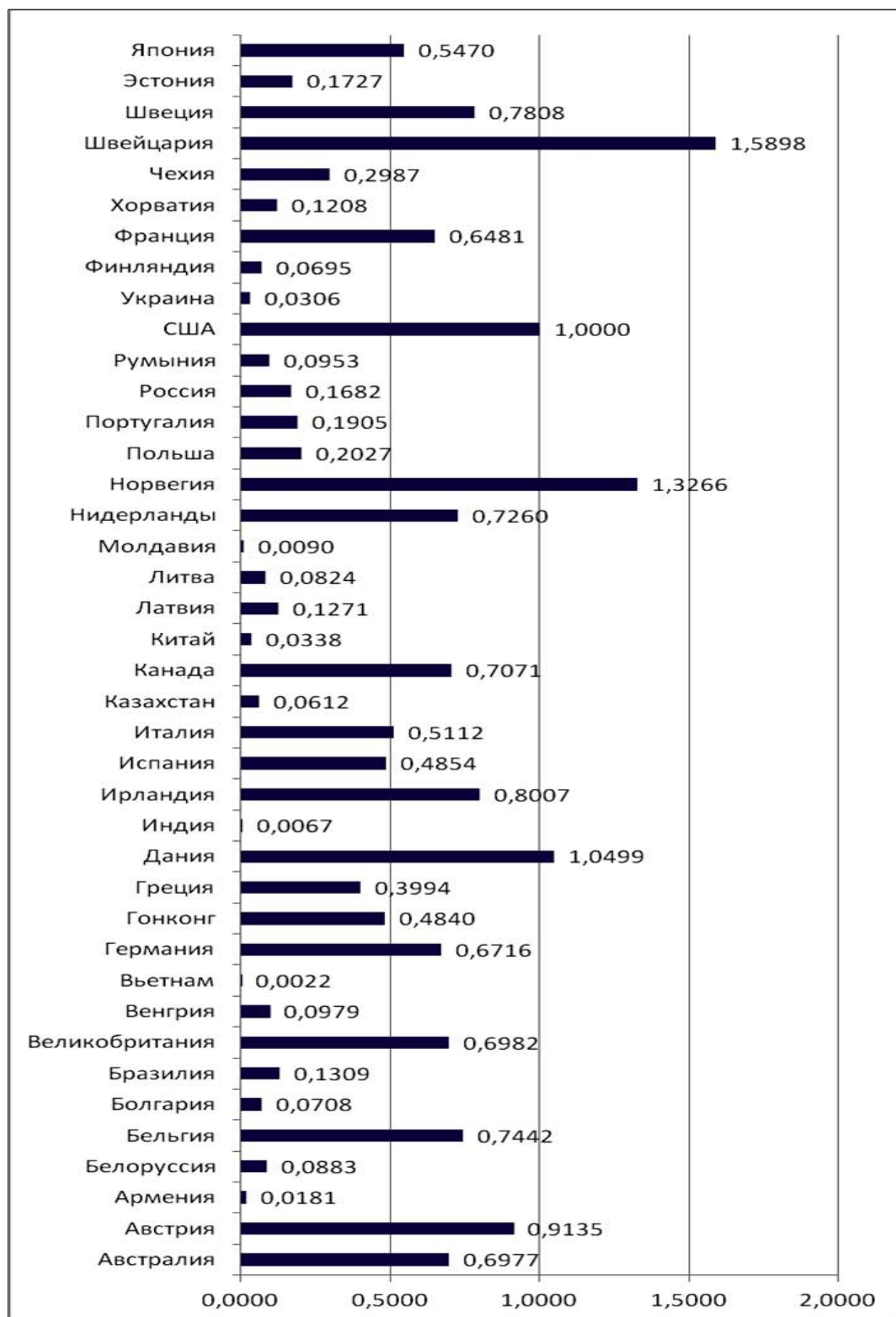

Рисунок 2.
Распределение стран мира по двухфакторному показателю благополучия за 2009–2012 гг.

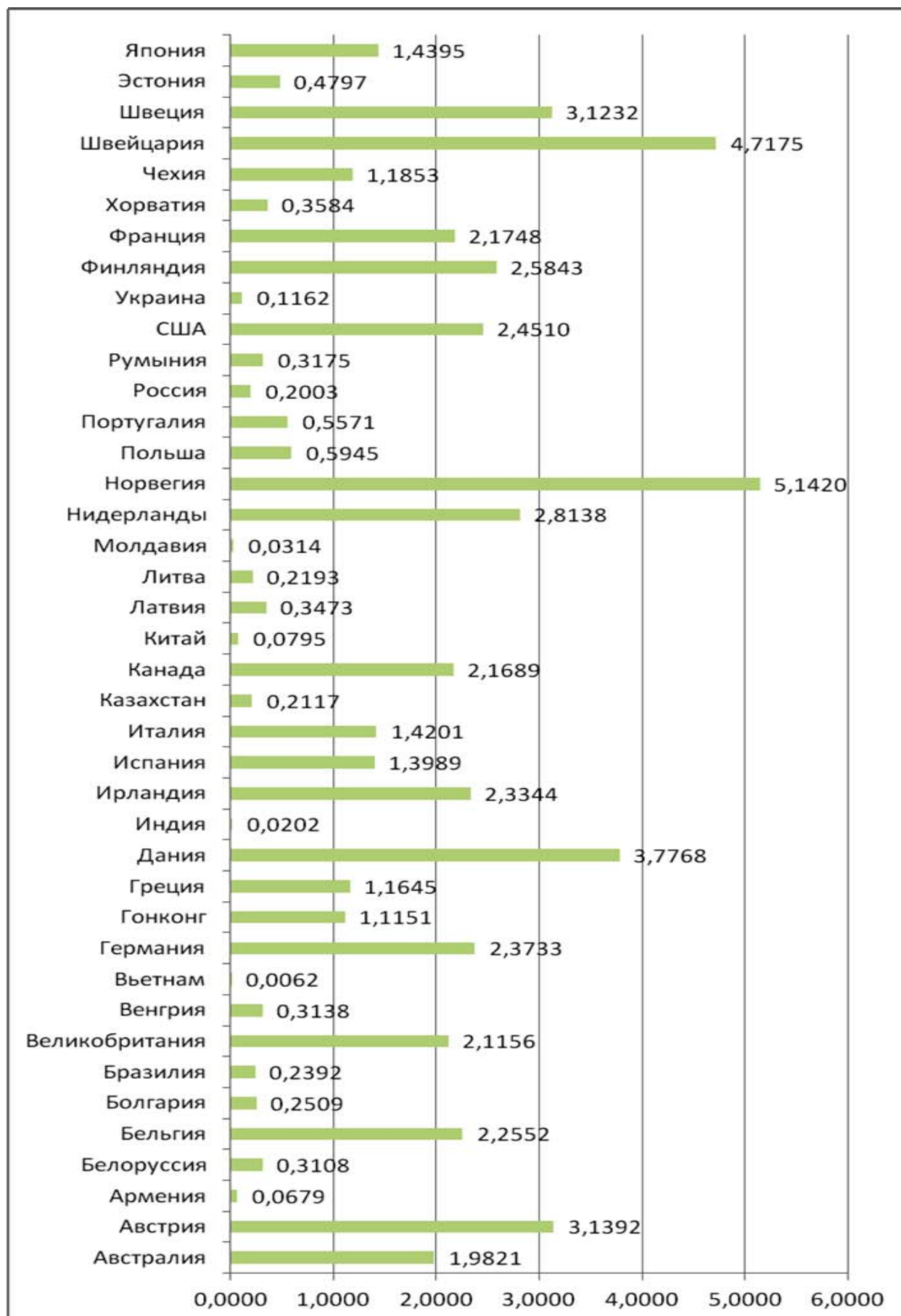

Рисунок 3.
Распределение стран мира по трёхфакторному показателю благополучия за 2009–2012 гг.

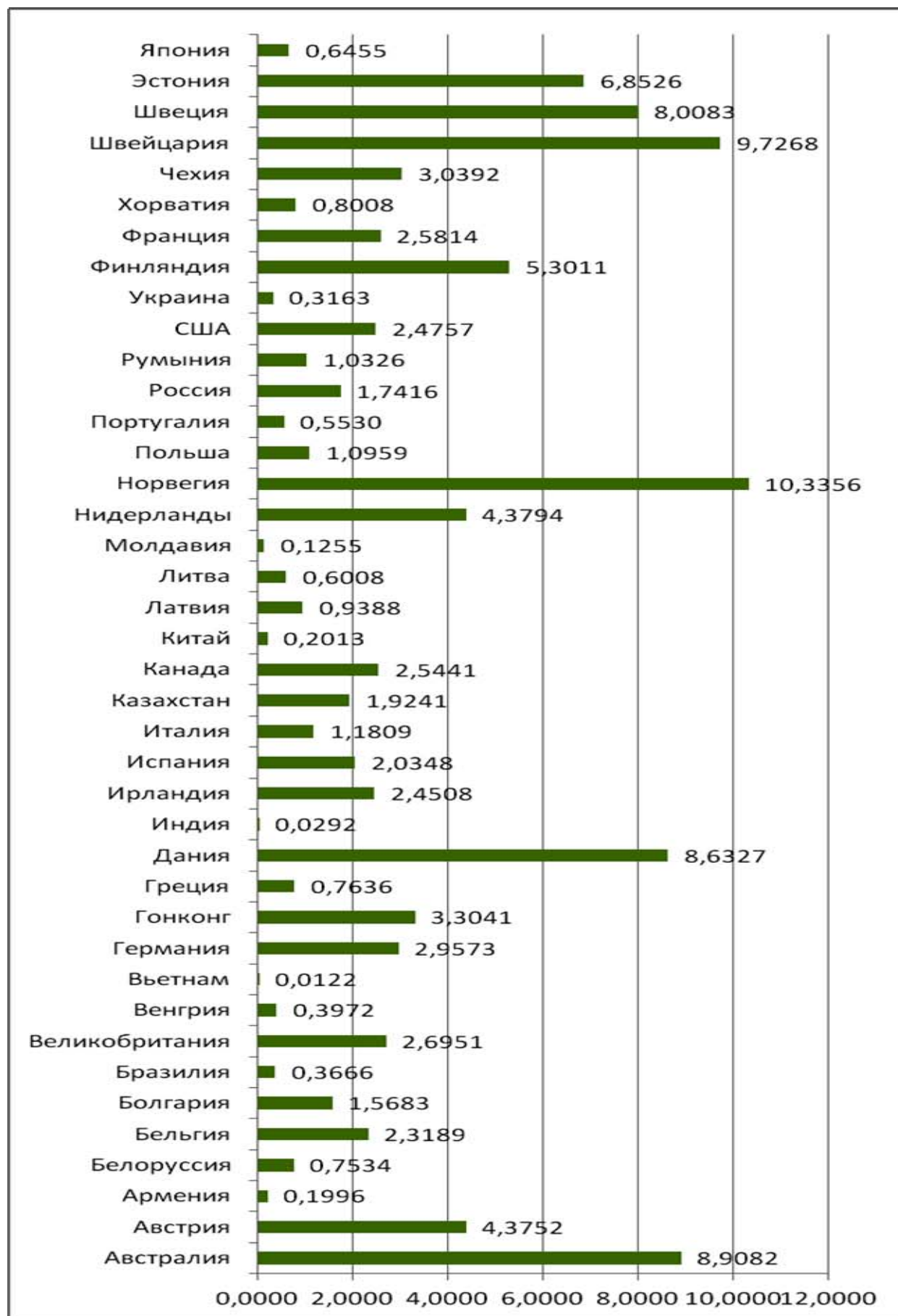

Рисунок 4.
Распределение стран мира по четырёхфакторному показателю благополучия за 2009–2012 гг.

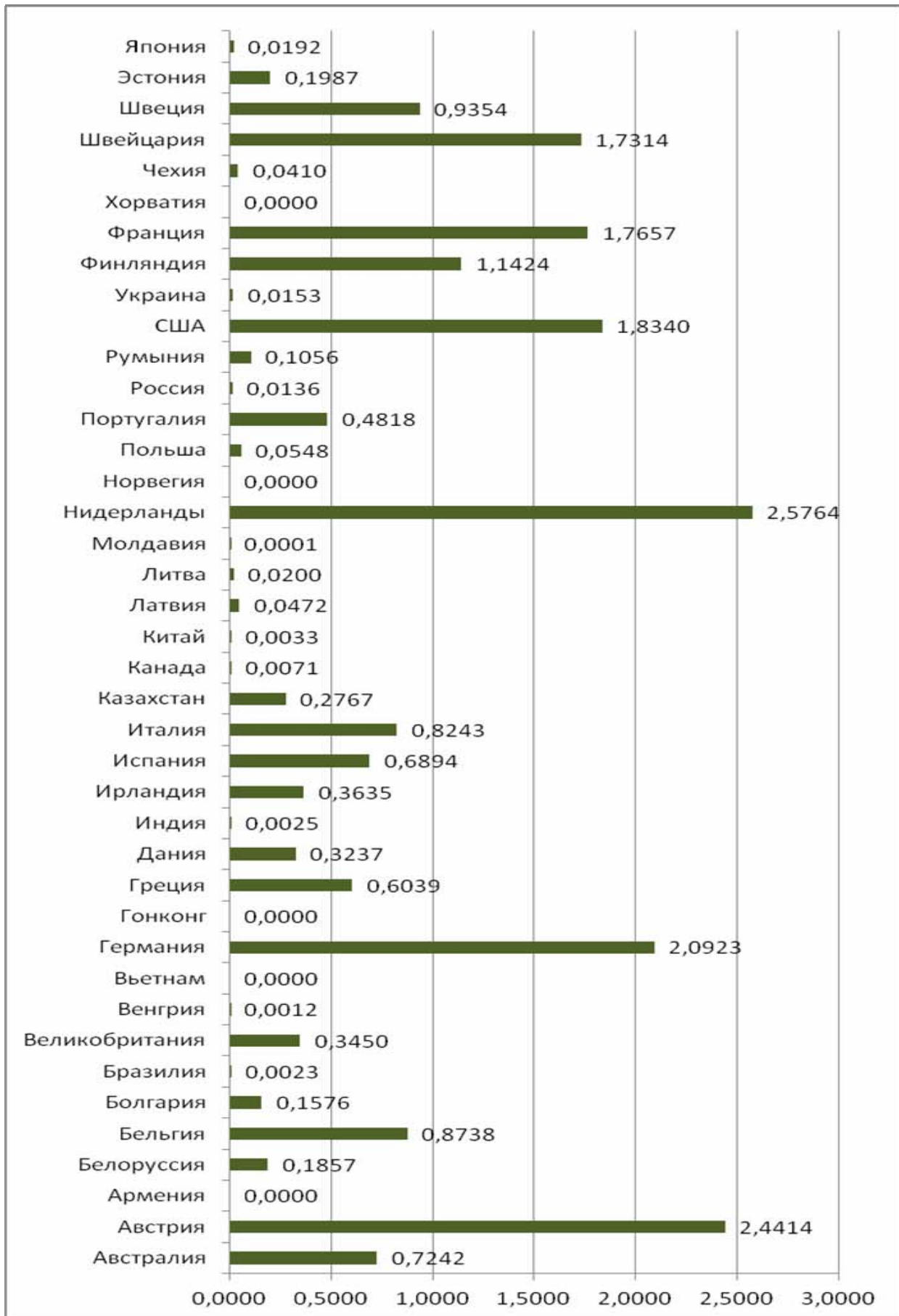

Рисунок 5.
Распределение стран мира по пятифакторному показателю благополучия за 2009–2012 гг.

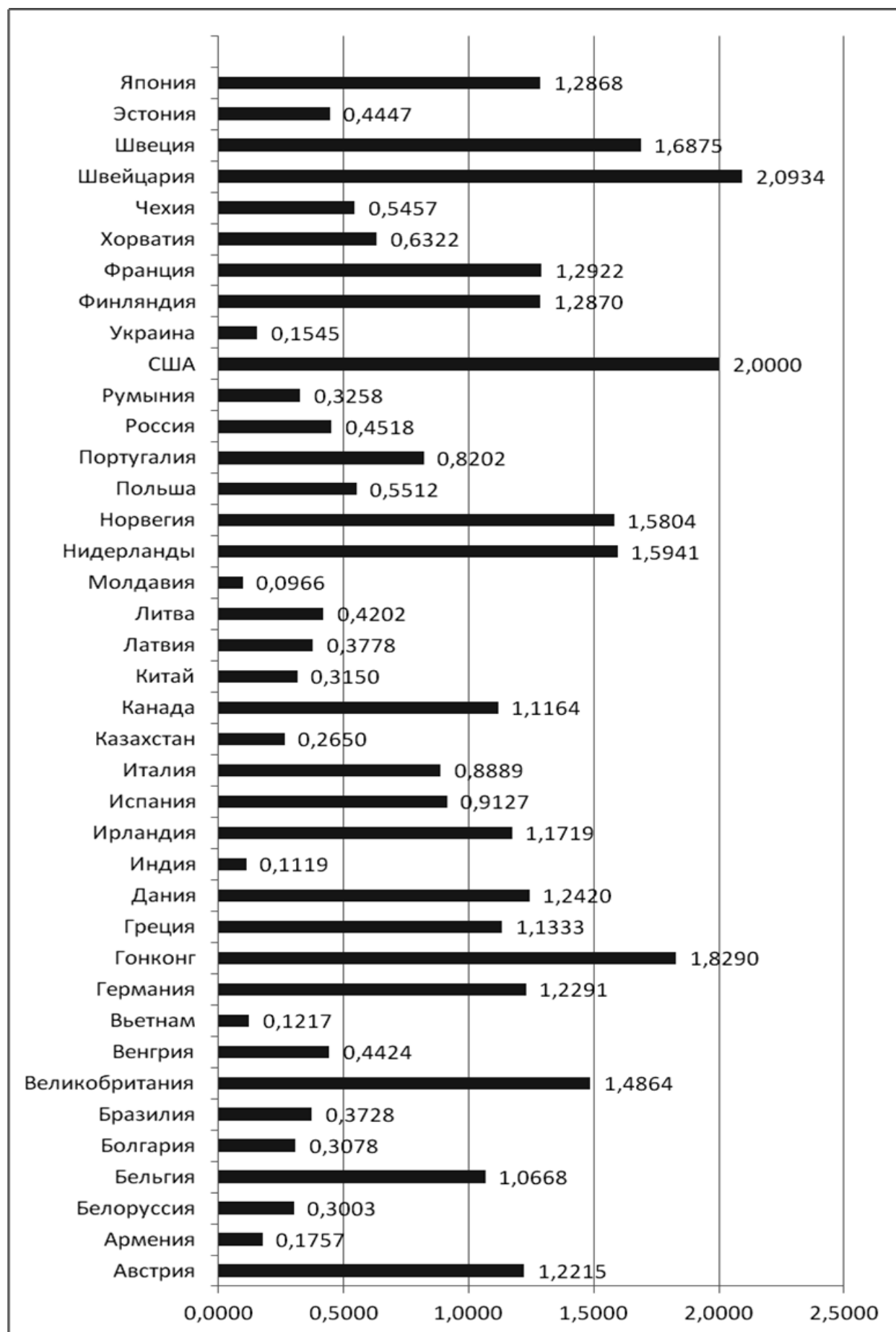

Рисунок 6.
Распределение стран мира по двухфакторному показателю процветания за 2009–2012 гг.

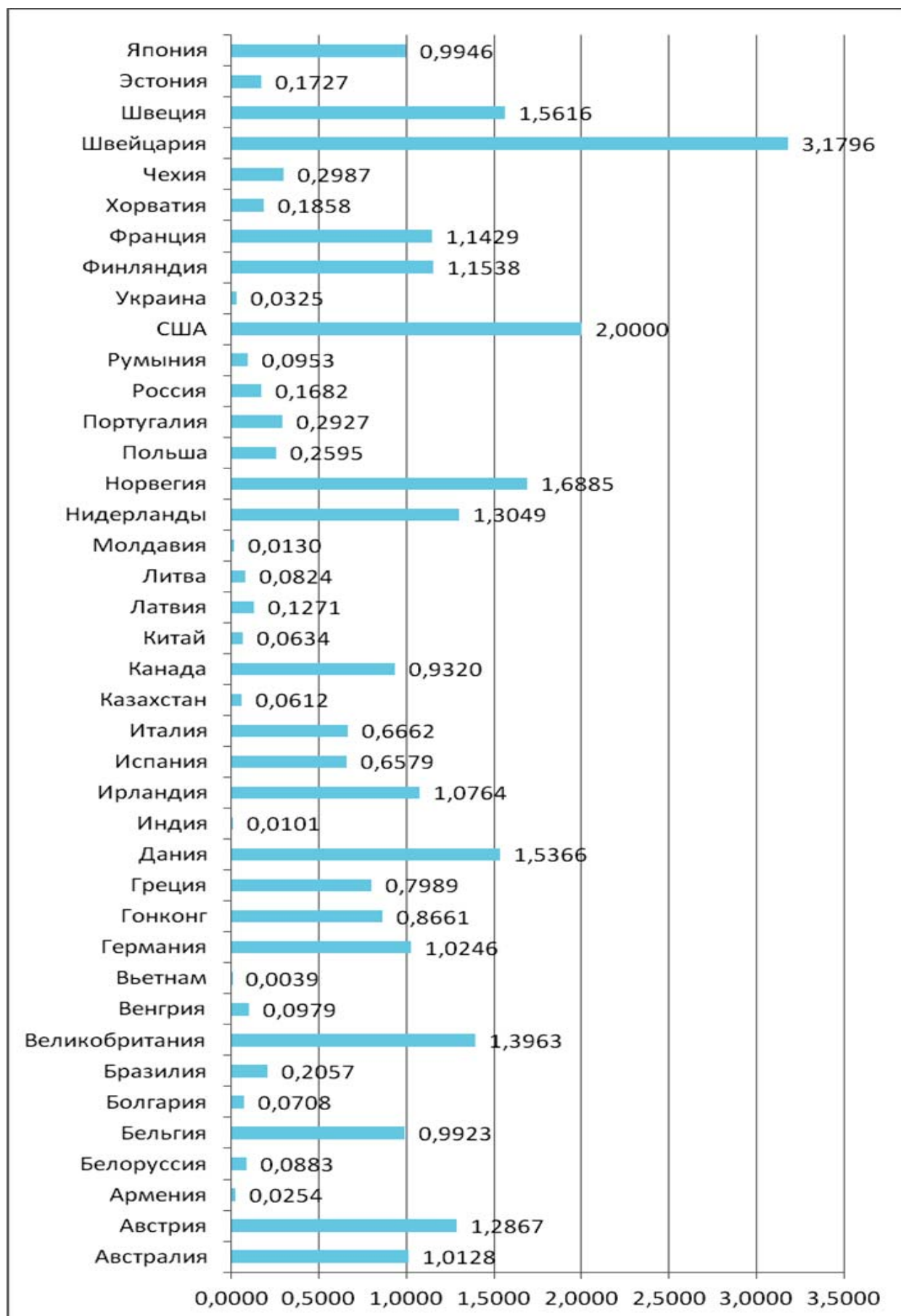

Рисунок 7.
Распределение стран мира по трёхфакторному показателю процветания за 2009–2012 гг.

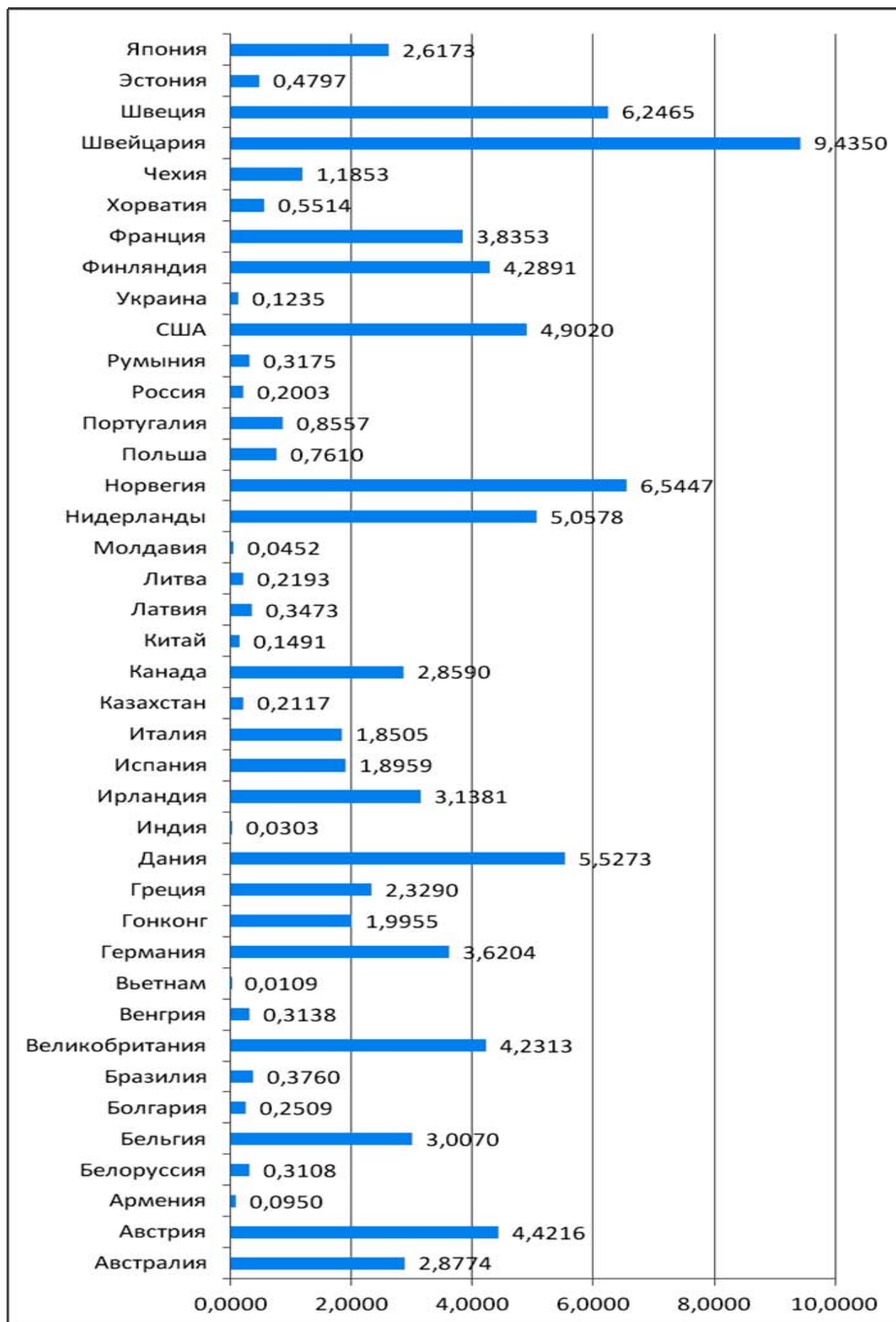

Рисунок 8.
Распределение стран мира по четырёхфакторному показателю процветания за 2009–2012 гг.

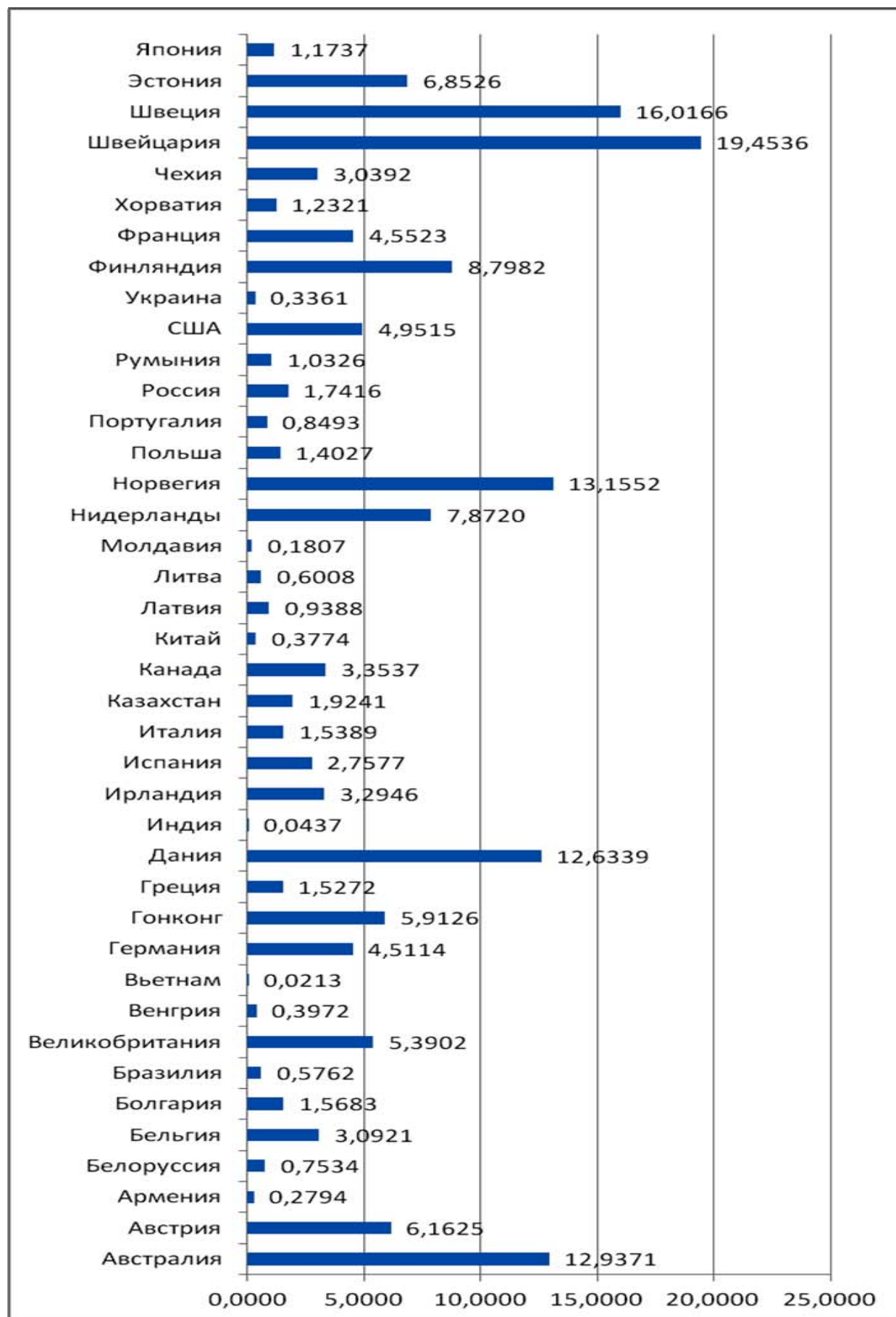

Рисунок 9.
Распределение стран мира по пятифакторному показателю процветания за 2009–2012 гг.

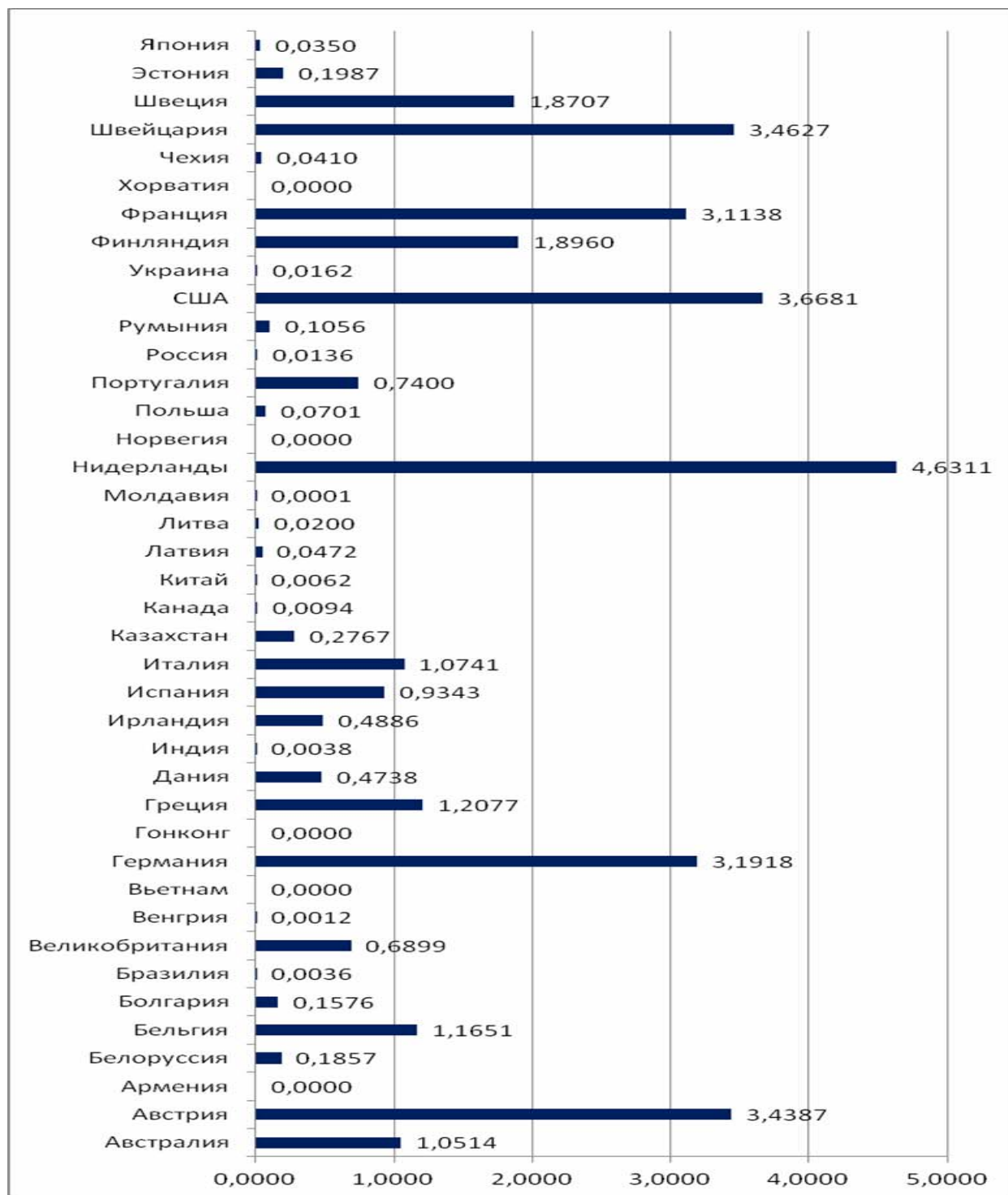

Рисунок 10.
Распределение стран мира по шести факторному показателю процветания за 2009–2012 гг.

1.2.4. Анализ приведённых распределений

В приведенных распределениях в самой верхней пятеричной части интервалов значений соответствующих показателей почти всегда находится Швейцария (за исключением распределения по пятифакторному показателю благополучия и распределения по шести факторному показателю процветания, в которых в самой верхней пятеричной части находятся Нидерланды).

В верхнюю половину интервалов значений соответствующих показателей попадают такие страны, как Дания – 70%; Нидерланды – 60%; Норвегия – 80%; США – 70%; Швейцария – 100%; Швеция – 60%. Следует отметить, что все эти страны имеют прогрессивную шкалу налогообложения подходящим налогом.

Россия же почти во всех распределениях (за исключением распределения по однофакторному показателю благополучия) находится в самой нижней пятеричной части интервалов значений соответствующих показателей.

Это показывает отрыв России от указанных развитых стран более чем в 2,5 раза. Таким образом, сравнительно с указанными благополучными и процветающими странами Россия оказывается весьма неблагополучной и непрор-

тающей, а потому и весьма неустойчивой страной по своему социально-экономическому положению. Низкий показатель прогрессивности ставки налогообложения в России, равный единице, вносит в понижение показателей благополучия и процветания свою роль.

Из всех развивающихся стран естественно сравнивать Россию с Бразилией. *Во-первых*, они близки по количеству населения (население Бразилии в 2013 г. выросло до 200 млн. чел., а население России сократилось до 144 млн. чел.). *Во-вторых*, Россия и Бразилия являются странами с сырьевой экспортно-ориентированной экономикой.

Таблица 8

Сравнительный анализ показателей благополучия и процветания Бразилии и России

Страна	Одно-, двух-, трёх-, четырёх- и пятифакторные показатели благополучия	Двух-, трех-, четырёх-, пяти- и шестифакторные показатели процветания
Бразилии	0,2372 0,1309 0,2392 0,3666 0,0023	0,3728 0,2057 0,3760 0,5762 0,0036
России	0,4518 0,1682 0,2003 1,7416 0,0136	0,4518 0,1682 0,2003 1,7416 0,0136

Сравнение всех приведенных выше показателей для Бразилии и для России показывает явную близость этих стран. Сумма всех десяти показателей для Бразилии равна 2,5105, а для России равна 5,151. Это, по-видимому, показывает, что Россия пока еще находится в лучшем социально-экономическом положении, чем Бразилия.

2. Зависимость показателей благополучия стран мира от показателя прогрессивности шкалы подоходного налога

Вычисленные в первой и второй частях статьи исходные показатели прогрессивности шкалы подоходного налога и сводные показатели благополучия стран мира дают возможность не только проанализировать соотношение стран друг с другом, но и получить ответы на следующие важные вопросы: 1) существует ли влияние прогрессивности шкалы подоходного налога на благополучие или неблагополучие стран мира? и 2) если это влияние существует, то каковы его характер и величина?¹

2.1. Линейные тренды зависимостей показателей благополучия страны от показателя прогрессивности шкалы подоходного налога

Для выявления наличия линейных трендов зависимостей показателей благополучия страны от показателя прогрессивности шкалы подоходного налога рассматриваются случайные величины X и Y . А именно, за X всегда берется показатель прогрессивности шкалы НДФЛ, а за Y берутся поочередно различные n -факторные показатели благополучия страны для $n = 3, 4, 5, \dots$ В указанной системе координат для каждой страны строится соответствующая точка. Затем для полученного скопления точек методом наименьших квадратов подбирается лучшая аппроксимирующая прямая линия, называемая далее *линейным трендом данного скопления*.

2.1.1. Линейный тренд для однофакторного показателя благополучия за 2009–2012 гг.

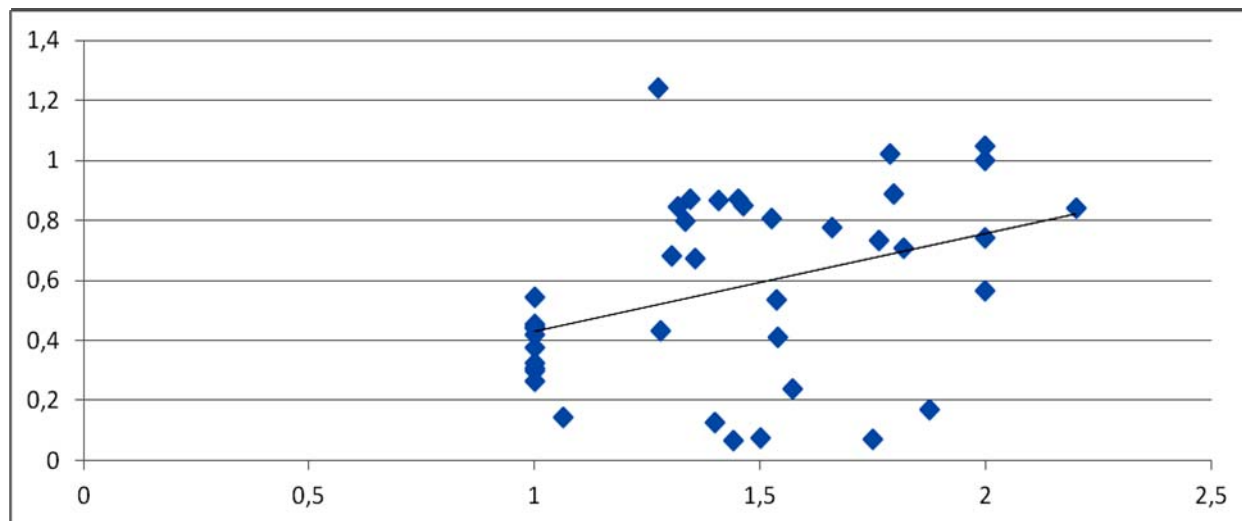

Рисунок 11.

Линейный тренд для однофакторного показателя благополучия за 2009–2012 гг.

Уравнение линейного тренда для однофакторного показателя благополучия страны $y = 0,3x + 0,1$. В нем главный коэффициент $k=0,3 \pm 0,1$.

¹ Для показателей процветания подобные вопросы неуместны, поскольку показатель прогрессивности сам входит в показатели процветания в виде множителя.

2.1.2. Линейный тренд для двухфакторного показателя благополучия за 2009–2012 гг.

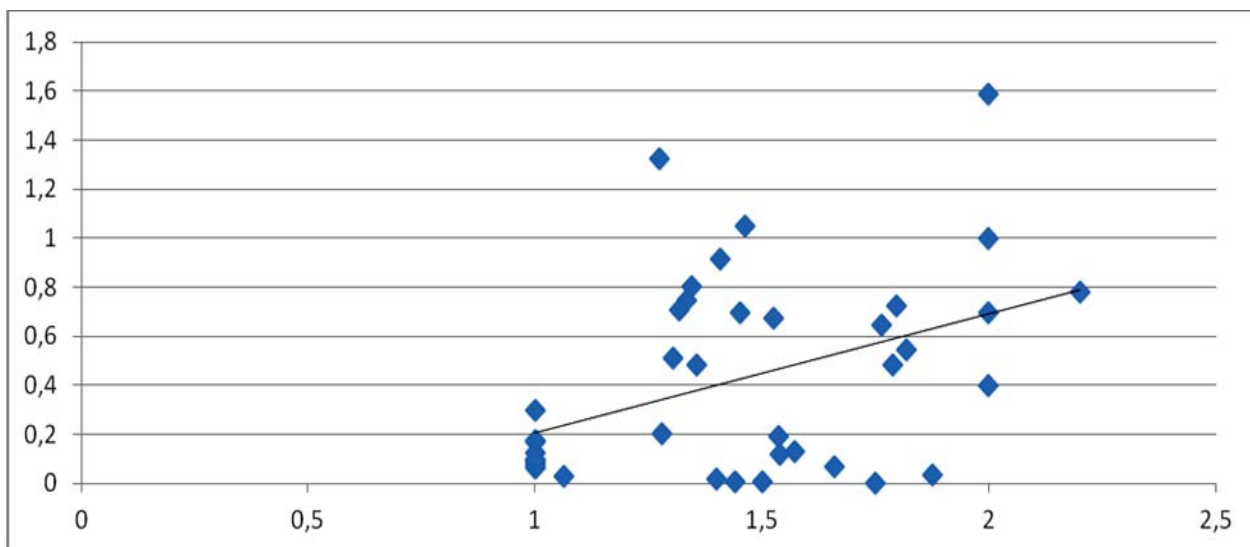

Рисунок 12.
Линейный тренд для двухфакторного показателя благополучия за 2009–2012 гг.

Уравнение линейного тренда для двухфакторного показателя благополучия страны $y = 0,5x - 0,3$. В нем главный коэффициент $k = 0,5 \pm 0,1$.

2.1.3. Линейный тренд для трехфакторного показателя благополучия за 2009–2012 гг.

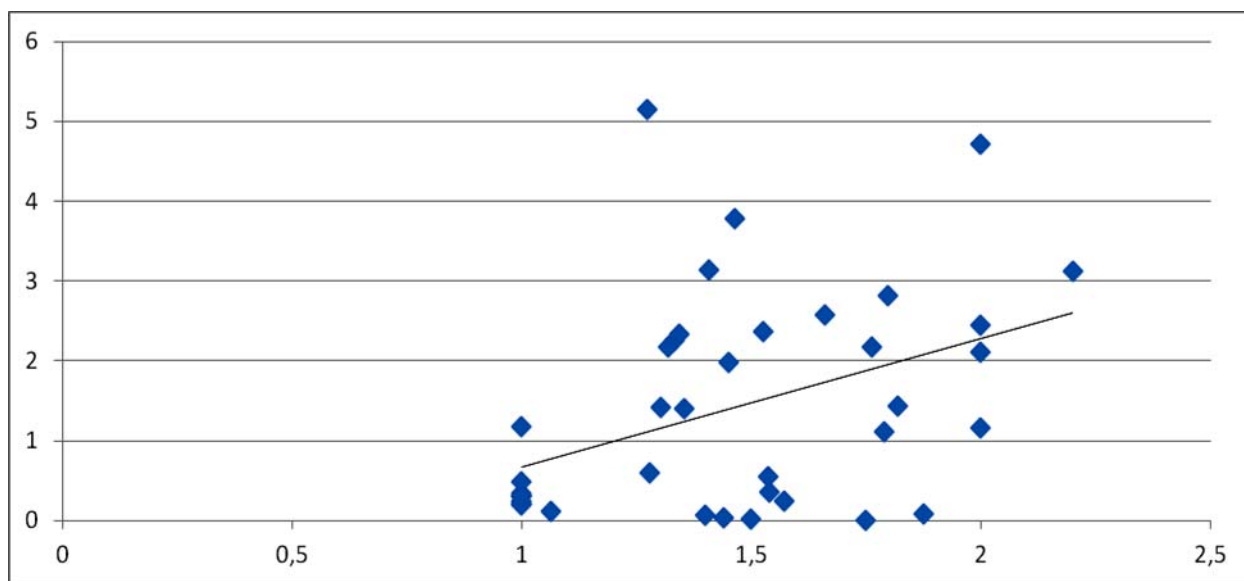

Рисунок 13.
Линейный тренд для трехфакторного показателя благополучия за 2009–2012 гг.

Уравнение линейного тренда для трехфакторного показателя благополучия страны $y = 1,6x - 0,9$. В нем главный коэффициент $k = 1,5 \pm 0,1$.

2.1.4. Линейный тренд для четырехфакторного показателя благополучия за 2009–2012 гг.

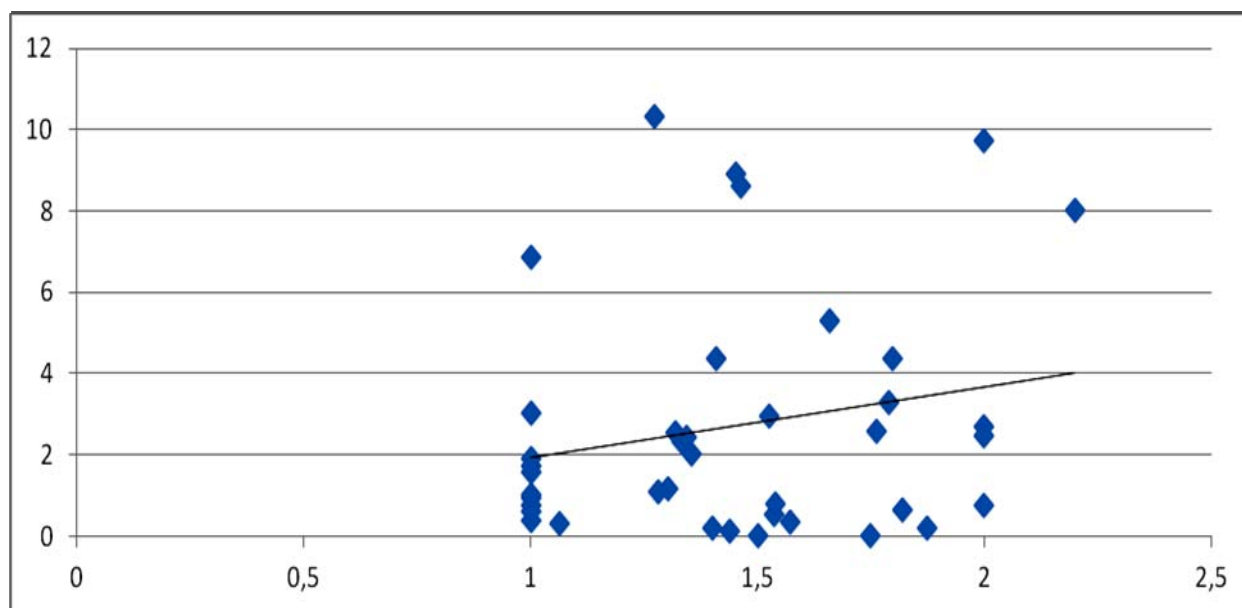

Рисунок 14.

Линейный тренд для четырехфакторного показателя благополучия за 2009–2012 гг.

Уравнение линейного тренда для четырехфакторного показателя благополучия страны $y = 1,6x + 0,4$. В нём главный коэффициент $k = 1,6 \pm 0,1$.

2.1.5. Линейный тренд для пятифакторного показателя благополучия за 2009–2012 гг.

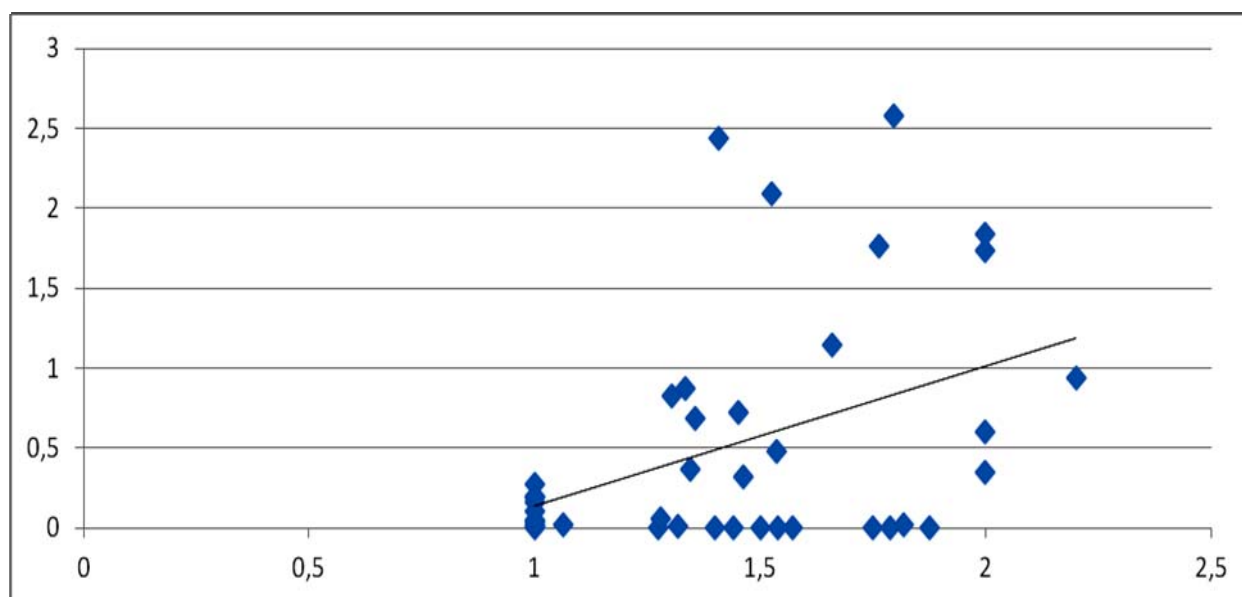

Рисунок 15.

Линейный тренд для пятифакторного показателя благополучия за 2009–2012 гг.

Уравнение линейного тренда для пятифакторного показателя благополучия страны $y = 0,9x - 0,8$. В нём главный коэффициент $k = 0,8 \pm 0,1$.

2.1.6. Общий вывод

Т.к. все главные коэффициенты в полученных линейно-трендовых уравнениях больше нуля, то положительная линейно-трендовая зависимость одно-, двух-, трех-, четырех- и пятифакторного показателя благополучия страны от показателя прогрессивности шкалы подоходного налога имеет место.

2.2. Уравнения прямой линии регрессии показателей благополучия страны от показателя прогрессивности шкалы подоходного налога

Вместо использования компьютерной программы для графического изображения скопления точек, соответствующих странам мира, и вычерчивания линии линейного тренда с последующим ручным приближенным вычислением уравнения линейного тренда можно более точно вычислить уравнение прямой линии регрессии показателя благополучия страны от показателя прогрессивности шкалы подоходного налога.

Для этого для показателя прогрессивности шкалы подоходного налога, как случайной величины X , и для показателя благополучия страны, как случайной величины Y , нужно последовательно вычислить следующие числовые оценки (в которых сокращение ch от английского слова «choice», означающего «выбор»):

- 1) выборочные средние $M_{ch}(X)$ и $M_{ch}(Y)$;
- 2) выборочные средние квадратичные отклонения $\sigma_{ch}(X) = \{M_{ch}[(X - M_{ch}(X))^2]\}^{0,5}$ и $\sigma_{ch}(Y) = \{M_{ch}[(Y - M_{ch}(Y))^2]\}^{0,5}$;
- 3) выборочный корреляционный момент пары (X, Y) $\mu_{ch}(X, Y) = M_{ch}\{[X - M_{ch}(X)][Y - M_{ch}(Y)]\}$;
- 4) выборочный коэффициент корреляции пары (X, Y) $r_{ch}(X, Y) = \mu_{ch}(X, Y) / [\sigma_{ch}(X)\sigma_{ch}(Y)]$.

Тогда выборочное уравнение прямой линии регрессии Y от X имеет вид

$$y - M_{ch}(Y) = r_{ch}(X, Y) \sigma_{ch}(Y) [x - M_{ch}(X)] / \sigma_{ch}(X).$$

Вычисленные уравнения прямой линии регрессии показателей благополучия страны Y от показателя прогрессивности шкалы подоходного налога X имеют следующий вид (табл. 9).

Таблица 9

Уравнения прямой линии регрессии показателей благополучия страны Y

Показатель	Уравнение прямой линии регрессии
По однофакторному Y	$y = 0,33x + 0,09$
По двухфакторному Y	$y = 0,50x - 0,30$
По трехфакторному Y	$y = 1,62x - 0,94$
По четырехфакторному Y	$y = 1,63x + 0,36$
По пятифакторному Y	$y = 0,91x - 0,78$

Эти уравнения просто уточняют линейно-трендовые уравнения.

2.3. Сила функциональной зависимости показателей благополучия страны от показателя прогрессивности ставки подоходного налога

В математической статистике считается, что чем модуль $|r_{ch}(X, Y)|$ выборочного коэффициента корреляции $r_{ch}(X, Y)$ ближе к 1, тем функциональная связь между случайными величинами X и Y сильнее.

Для однофакторного, двухфакторного, трехфакторного, четырехфакторного и пятифакторного показателей благополучия выборочный коэффициент корреляции оказался равным 0,37, 0,43, 0,41, 0,19 и 0,42, соответственно.

Это означает, что установленная ранее линейно-трендовая зависимость однофакторного, двухфакторного, трехфакторного, четырехфакторного и пятифакторного показателей благополучия страны от показателя прогрессивности шкалы налогообложения доходов физических лиц является линейно-функциональной приблизительно на 37%, 43, 41, 19 и 42%, соответственно.

Заключение

Плоская шкала подоходного налога, принятая в России, оказывает своё отрицательное воздействие на благополучие страны. Переход к прогрессивной шкале, как предлагается в работе¹, окажет положительное воздействие на повышение показателей благополучия России.

¹ Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике: доклад РАН / Под ред. А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. – М.: РАН, 2013. – <http://ria.ru>

Зернов С.В.

к.соц.н., с.н.с. ИПУ РАН

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ СУД

Ключевые слова: социальное развитие, самоорганизация социальных систем, социальное управление, управленческий суд.

Теоретические предпосылки

Современное научно обоснованное представление о мире немыслимо без рассмотрения динамических процессов исследуемых систем. Изучение поведения динамики неравновесных систем позволило выявить и описать общие закономерности, наблюдающиеся в их поведении [1].

Однако применение теории катастроф для описания поведения сложных систем, дает, в лучшем случае, возможность объяснить их поведение в прошлом, но не позволяет достоверно прогнозировать их поведение в будущем [2].

Применение синергетики и теории катастроф, оказывается относительно успешным лишь до тех пор, пока не требуется предсказать характер эволюционного развития. Но даже в этих случаях редукция приводит к недопустимому искажению сути явлений, имеющих место в сложных биологических и, особенно, социальных системах [3]. По мере обобщения фактов, накопленных эволюционной биологией, становится все более очевидным, что они действительно позволяют использовать выявленные процессы биологической эволюции как адекватные аналоги для исследования эволюционной динамики социальных процессов [4]. По мере роста нашего знания выясняется, что биологические и, тем более, социальные системы, обладают способностью к сознательной, а не случайной, самоорганизации [5]. Но, помимо этого, социальные системы обладают и вовсе уникальным свойством – способностью к самоуправлению [6]. Однако в современном самоуправлении либо вовсе не используется контур обратной связи, либо его использование носит случайный характер, что создает предпосылки для развития социального паразитизма в системах самоуправления [7], а в целом приводит к очень примитивному и недальновидному социальному управлению, несопоставимому с интеллектуальными возможностями развитого человеческого индивидуума.

Таким образом, можно говорить о том, что низкий уровень интеллектуальности систем социального самоуправления и является главной проблемой для дальнейшего развития человечества, а возможно, и серьезным препятствием для его существования в будущем. Повысить уровень интеллектуальности системы социального управления можно только посредством изменения ее структуры, так как «самоорганизующиеся системы автоматического управления являются системами с переменной структурой» [8, с. 411].

Однако изменение структуры системы управления требует ее качественного перестроения, когда дальнейшая оптимизация ее структуры уже не может решить накопившиеся проблемы управления [9]. Но для общественной поддержки такого перестроения необходимо формирование ожиданий [10]. Сделать это тем сложнее, чем больше проектов социальных изменений заведомо планировались с ущербом для социума или привело к трагическим последствиям, в силу недальновидности управленцев или игнорирования свойств природы и социума [11]. В таких условиях процесс случайного эмпирического перебора или поиск решения путем проведения экспериментов на реальном социуме оказывается неприемлем и даже социально опасен. А в среде научных исследователей возникает множество конкурирующих идей, суть которых и последствия от их реализации не всегда осознаются даже самими исследователями, не говоря уже об обществе. Тем более что причина верности решения, возникающего в цикле гипотеза-эксперимент, понятна лишь самому изобретателю, и не может быть выявлена и осознана социумом, пока не будет продемонстрирован эффект, ранее не встречавшийся на практике [12]. Если рассматривать перечисленные обстоятельства в совокупности, то возможность появления верного решения и его распространения в обществе оказывается маловероятным событием. По крайней мере до тех пор, пока социальный кризис не достигнет катастрофических масштабов, сопоставимых с масштабами социальной системы. Другими словами, человечество реально начнет вкладывать серьезные ресурсы в поиск путей решения проблем социального управления только тогда, когда будет наблюдаться нарастающий темп роста числа катастроф в различных сферах человеческой деятельности, а последствия от них будут ужасными и непредсказуемыми. Именно этот худший сценарий сейчас и реализует болное общество [13].

Альтернативный вариант решения задачи поиска редких и удачных решений проблем социального управления существует. Он давно и успешно применяется человечеством. Его суть – в создании благоприятной почвы, открытого социального инкубатора, для выращивания и отбора талантливых исследователей. Но создание такого инкубатора имеет смысл, если найденные решения оказываются востребованными обществом. Собственно создание условий для непосредственного взаимодействия и формирования устойчивой обратной связи между изобретателями механизмов социального управления и народом, являющимся единственным правомочным заказчиком, – реальная для общества возможность помочь себе самому и вытащить себя из топкого болота за собственные волосы вместе с лошадьёю [14].

Разработанная теоретическая модель, описывающая процессы социального управления, позволяет установить какие действия должны быть предприняты для реализации подобных социальных изменений:

(1) Проблема*Механизм = Норма + F(Социализация)

(2) Мотив*Конфликт = Игра + F(Самоорганизация),

Данная система уравнений состоит из антиэнтропийного уравнения (1) и уравнения социальной эволюции (2). Антиэнтропийное уравнение позволяет исследовать устойчивость социальной системы и оценивать эффективность использования различных социальных механизмов, исходя из выявленной совокупности социальных проблем и изученных факторов, влияющих на состояние социальных механизмов. Уравнение эволюции описывает процесс социальных изменений, обусловленных действиями различных социальных сил, вступающими между собой в конфликты с целью получения преимущества в управлении социальной системой.

Качество социализации и уровень самоорганизации влияют на дрейф нормы и допустимые приемы социальной игры, соответственно.

Полевые исследования

В ходе более чем десятилетней исследовательской деятельности, были выявлены следующие особенности сложившейся системы социального управления в России.

Прежде всего, посредством включенного наблюдения, удалось установить, что процессы социальной самоорганизации не могут протекать в отсутствии запускающего механизма. В то же время такой запускающий механизм не может основываться на сиюминутных интересах, в противном случае социальное объединение распадается, как только утрачивается новизна или проблемная ситуация. Причиной для объединения не может становиться и сложная кропотливая деятельность в силу объективных причин: ограниченности времени, необходимости решать жизненные проблемы и т.п. Исходя из этого, можно утверждать, что развитие и поддержка сложной деятельности по созданию и усовершенствованию социальных механизмов, необходимой для обеспечения устойчивого поддержания социальных норм, не может быть организована непосредственно путем формирования социального объединения. Опосредованный путь требует преодоления противоречия между сложностью и длительностью реализации проекта, предлагаемого социальным конструктором, и стремлением потребителя получить простое и быстрое решение сложной социальной задачи. Более того, деградация социального управления приводит к стремительному разрастанию социального хаоса во всех сферах социальной жизни. В результате чего требования потребителя (народа) становятся все жестче, а возможности социального конструктора, наоборот, начинают быстро сужаться.

Сложившаяся система социального управления в России, как и множество ей предшествовавших, является сильно централизованной с разомкнутым управлением. В ее структуре, по сравнению с прошлым, произошли необратимые изменения, которые не позволяют осуществить ее модернизацию сверху. В нынешних условиях введение замкнутого управления невыгодно правящей элите, а перестроение системы самоуправления из центра еще и опасно для существования государства в целом, так как в настоящее время и в будущем англосаксы будут стремиться использовать любую возможность для усиления своего влияния. Но дальнейшее применение разомкнутого управления неизбежно приведет к социальному кризису, аналогичному тому, который привел к распаду социализма. Только все произойдет значительно быстрее и намного болезненней.

Таким образом, в настоящее время единственной возможностью для введения социального управления с обратной связью является осуществление изменений от периферии к центру. Что реализуемо только в условиях возрастающих массовых требований к власти со стороны граждан по модернизации органов власти конструкторами систем социального управления. Иного источника для конструктивного осуществления изменений механизмов социального управления просто нет. Сформировать эту востребованность можно, определив как стандарты и нормы по осуществлению управленческой деятельности, так и выявив риски, возникающие в связи с их невыполнением. В отношении поведения чиновника, как известно, такую работу проделал Конфуций [15]. Но необходимо подобную работу провести и в отношении конструирования социальных механизмов [16], т.к. конечный результат управления определяется как тем, какие свойства имеет чиновник, так и тем, насколько методы управления адекватны сложности управляемой социальной системой. Поэтому в качестве интегрирующего документа требуется создать управленческий кодекс РФ. А для его совершенствования и разрешения управленческих споров – Управленческий суд на общественных началах (см. рис. 1). В перспективе также необходимо внести соответствующие изменения в функции Прокуратуры РФ и Конституционного суда РФ.

Переход к данной схеме возможен только эволюционным путем – через создание клещей (встречного давления) в виде деятельности по конструированию систем социального управления и функционированию Управленческого суда как средства для организации объективного информирования граждан о качестве государственного управления.

Деятельность такого социального механизма позволит начать процесс перевода латентных и деструктивных конфликтов между властью и гражданским обществом в конструктивные, обеспечивать формирование адекватных механизмов управления. И, прежде всего, способствовать качественному изменению механизмов социального управления, превращая их в управление с обратными связями. Применение полученных результатов будет способствовать преодолению разрыва, нарастающего в связи с противоречием между вызовами, перед которыми оказалось российское общество, и неспособностью системы социального управления вырабатывать адекватные решения для ответа на них. В целом такие изменения будут способствовать раскрытию потенциала творческих людей, и, тем самым, позволят найти и реализовать пути к существенному улучшению траектории социально-экономического развития России в условиях жесткого давления со стороны внешних сил.

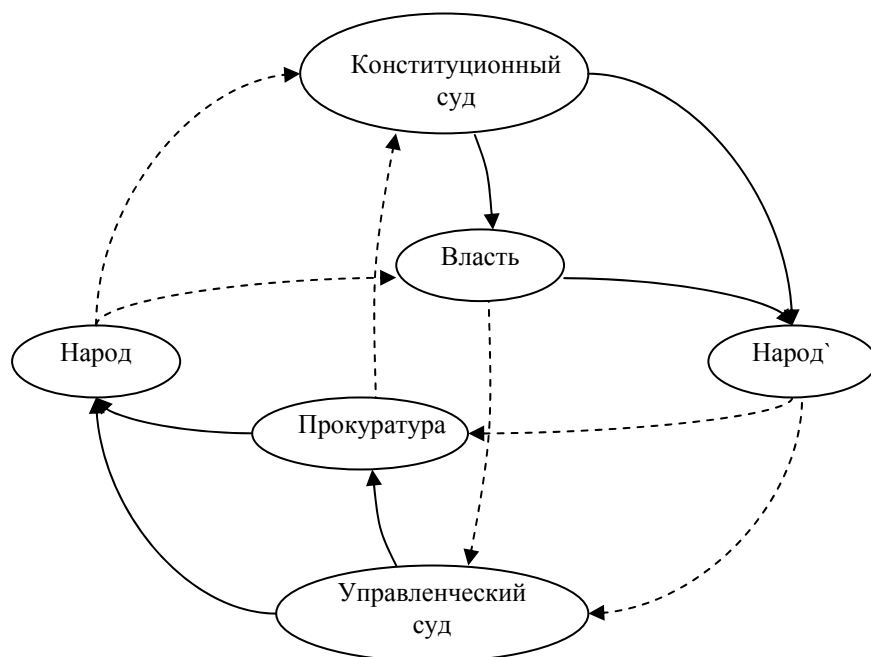

Рисунок 1.

Схема отношений по добровольному (пунктирная линия) и обязательному (сплошная линия) взаимодействию органов обеспечения самоуправления социальной системы

В то же время недостаточная активность граждан в сочетании с деструктивным сопротивлением властей, неизбежно приведет к усугублению социальной ситуации и ухудшению условий для осуществления изменений системы социального управления. Поиск путей преодоления бездействия граждан и противодействия властей потребует времени для нахождения нестандартных подходов и прорывных решений. Затраты на такую деятельность могут оказаться намного выше, чем модернизация конкретных механизмов социального управления. Но, в определенных обстоятельствах, возможна и обратная ситуация.

Для объединения усилий обществу потребуется осознать, что данный путь опирается на уже опробованные обществом социальные решения и, по всей видимости, исторически действительно является единственно возможным. Любая эволюция предполагает необходимость осуществления необратимых изменений, в противном случае она прекращается. И никакие рассуждения и обстоятельства не могут повлиять на этот факт. Потому что именно таким образом устроен процесс изменений в природе.

Заключение

Целью проводимого исследования является поиск эволюционного пути преобразования существующих разомкнутых систем социального управления в замкнутые. Общеизвестны требования сформулированные Конфуцием к качествам управленца, но реальные российские управленцы на практике массово демонстрируют совершенно противоположные качества. Опыт и знания, накопленные классической теорией управления, не используются при проектировании и создании систем социального управления. Стандартизация и автоматизация систем государственного и муниципального управления осуществляется только в части обработки и преобразования информации, не оказывая какого-либо влияния на сами методы и технологии социального управления. Чтобы способствовать процессу преодоления возникшего противоречия, необходимо создать управляемую на общественных началах некоммерческую организацию – управленческий суд РФ. Основной задачей в деятельности управленческого суда РФ станет изучение последствий некомпетентного, халатного и коррумпированного управления в системах управления органов власти и общественно значимых организациях.

Результатом его работы должны стать добровольно принимаемые управленцами требования и нормы, ориентирующие граждан и организации о допустимых и перспективных технологиях управленческой деятельности в РФ. В перспективе функции по надзору за соблюдением сложившихся управленческих требований и норм, должны быть возложены на прокуратуру РФ, а разрешение правовых коллизий по функционированию механизмов социального управления – на Конституционный суд РФ.

Первостепенной задачей создания Управленческого суда является формирование ряда прецедентов, наглядно демонстрирующих обществу практическую пользу от его функционирования.

Список литературы

1. Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980. – 404 с.
2. Хомяков П.М. Системный анализ: Экспресс курс лекций. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 216 с.

3. Милованов В.П. Неравновесные социально-экономические системы: синергетика и самоорганизация. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 264 с.
4. Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. – М.: Астрель; CORPUS, 2010. – 527 с.
5. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. – М.: Либроком, 2013. – 280 с.
6. Анохин П.К. Избранные труды: Кибернетика функциональных систем / Под ред. К.В. Судакова. Сост. В.А. Макаров. – М.: Медицина, 1998. – 400 с.
7. Глобальный социальный паразитизм (к 100-летию Федеральной Резервной Системы США). Материалы Международной научно-общественной конференции, Москва, 19 декабря 2013 г. Центр научной политической мысли и идеологии. – М.: Наука и политика, 2014. – 416 с.
8. Юревич Е.И. Теория автоматического управления. – СПб.: БХВ-Петербург, 2007. – 560 с.
9. Потапов А.Б. Технология творчества. – М.: НТК «Метод», 1992.
10. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1 / Пер. с ит. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
11. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни: Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. – М.: Университетская книга, 2005. – 576 с.
12. Кун Т. Структура научных революций. – Б.: БКГ им И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 296 с.
13. Фромм Э. Здоровое общество. – М.: АСТ, 2005. – 576 с.
14. Распэ Э. Приключения барона Мюнхгаузена. – М.: Эксмо, 2014. – 128 с.
15. Конфуций. Суждения и беседы / Пер. с кит. П.С. Попова. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009. – 224 с.
16. Бир С. Мозг фирмы / Пер. с англ. – М.: Радио и связь, 1993. – 416 с.

Зернова Л.П.

к.ф.н., доцент Московского физико-технического института (технический университет), г. Долгопрудный
zlp55@yandex.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Ключевые слова: семья, традиционная модель семьи, семейные традиции, светская модель семьи, функции семьи, кризис семьи, социально-культурная эволюция семьи.

Keywords: family, the traditional model of the family, family traditions, secular model of the family, family functions, family crisis, social and cultural evolution of the family.

Традиция в переводе с латинского означает «передача». Традиция – это то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (взгляды, вкусы, идеи, обычаи) [1]. Важной проблемой современности является духовно-нравственное состояние общества: дефицит добра, любви, сострадания, терпения, в том числе, в молодёжной среде. Одной из причин этих явлений является утрата семейных ценностей и традиций, которые на протяжении многих поколений сохранялись и преумножались. Восстановление традиционного уклада жизни семьи, основанного на традициях семейного воспитания, возможно, решило бы эти проблемы, но прошлое не вернуть, нужно учиться жить в новой реальности общественного развития. Чтобы человек уважал память предков, уважал Отечество, чувствовал ответственность за свою Родину, его надо таким воспитать. Одними призывами любить свой город, свою Родину ничего не сделать. Образ жизни в семье, отношения в коллективе – все это формирует у ребенка чувство любви к тому месту, где он живет. Воспитание ребёнка начинается в семье, и от того, какие отношения между родителями, будет зависеть, каким вырастет ребенок. В сознании детей откладываются привычки, подобные привычкам родителей, вкусы, пристрастия, предпочтения задолго до того, как начинается процесс осознания происходящего. Поведение детей основано на копировании образа жизни родителей. Именно семья рождает ощущение преемственности поколений, а через это, причастность к истории своего рода, развитие идеалов патриотизма. Воспитанию детей в семье по-прежнему принадлежит главная роль в становлении личности и гражданина.

Семья – это первый коллектив, в котором у маленького ребенка начинают формироваться основы нравственности. О нравственном здоровье семьи, ее духовных ценностях можно судить по установившимся в ней традициям. **Семейные традиции** – это основное средство формирования социально-культурных ценностей, норм семьи, установления ее связей с объектами, которые включены в сферу ее жизнедеятельности. Семья и семейные ценности – это два понятия, которые не могут существовать друг без друга. Семейные ценности теряют свое значение, если не будет семьи. Семья не имеет возможности существовать без основополагающих принципов, которые смогут сохранить ее целостность и духовное здоровье. Семейные ценности – это отношение человека к человеку, насыщенные любовью и заботой. Мужчина и женщина, создавая союз, всегда привносят в него что-то свое, образуя фундамент семейных отношений, атмосферу, в которой будут расти их дети.

Все мы пользуемся термином семья, но это понятие достаточно сложно поддается чёткому определению. Есть утверждение, что определение подлинности семьи становится все более спорным и изменчивым. Социологи традиционно рассматривают **«семью, как социальную группу, члены которой связаны узами родства, брака или усыновления и живут совместно, сотрудничая экономически и заботясь о детях»** [2]. Многие российские учёные полагают, что такое определение недостаточно, и главную роль отводят психологическим связям в семье, так как это тесно связанная группа людей, которые заботятся и уважают друг друга. Будем считать, что этот фактор присутствует и в этом определении.

В обществе семейные ценности принято подразделять на два вида – **традиционные и современные**, которые могут входить в конфликт друг с другом. Когда мы говорим о семейных ценностях в общепринятом понимании, то можем легко оперировать этим понятием и понимать, что оно означает. Когда же темой разговора становятся традиционные семейные ценности, то возникают дискуссии, и определенные недопонимания друг друга. Существует множество определений этого термина, но все они, как правило, носят громоздкую форму. Самым простым определением было бы признать данную форму ценностей результатом взаимодействия на продолжительном этапе времени общества с его взглядами с религиозными нормами, признанными в этом обществе, направленный на сохранение института семьи [3].

В российской истории семья всегда занимала особое место, в ней закладываются основы гражданской и национальной культуры, формируется индивидуальная ответственность, транслируются модели социального поведения, осуществляется физическое и духовное воспроизводство. В дореволюционной России, вплоть до конца XIX века, доминировал традиционный тип брака и семьи, для которого были характерны такие отличительные черты, как ранняя брачность и всеобщность брака, когда в брак вступали практически все представители каждого поколения. Исключе-

нием являлась небольшая часть людей, которые вынуждены были оставаться вне брака по состоянию здоровья или вследствие сознательного отказа (например, из-за монашества). Во второй половине XIX – начале XX веков к возрасту 45–49 лет лишь около 4% мужчин и 5% женщин оставались вне брака [4].

В результате эволюции общества появляются **современные семейные ценности**. Их можно условно разделить на ценности родителей и детей. Две группы имеют много общего между собой, но та, которая относится к детям, обладает более жестким и прогрессивным характером. Каждое последующее поколение старается брать только самое необходимое от предыдущего и привносит свои собственные, актуальные на данный момент, семейные ценности. Конечно, такие понятия как любовь, доверие, уважение, взаимопомощь, доброта и понимание являются основами и современных семейных ценностей. Но, к сожалению, они испытывают серьезное давление со стороны различных факторов, обусловленных проблемами общества. Так, по результатам социологических опросов, семейные ценности для молодежи стоят не на первом месте. Их обогнали: карьера, образование, отношения с друзьями и родителями. Для того чтобы сохранить семью как радость нашей жизни, необходимо в первую очередь на своем примере показать нашим детям, что она таковой является на самом деле.

Переход от патриархальной семьи к нуклеарной, а также от детоцентристской к эгалитарной делает главной функцией не ведение совместного хозяйства, не физическое рождение детей, а отношения между супругами. Речь идет об оказании психологической поддержки членам семьи, что приобретает особую актуальность в условиях системного кризиса в России, когда жизнь насыщена изменениями, стрессами и волнениями. В современных условиях, где отношения между супругами являются решающим фактором стабильности семьи, необходимо формировать и толерантное отношение к различным типам и видам семьи среди старшего поколения и среди самой молодежи. Наряду со становлением нового типа семьи, происходит отказ от единой ее модели для всех групп населения.

Светская семья (современная семья) призвана выполнять самые главные социальные функции, которые были характерны для традиционной семьи. Во-первых, это воспитательная функция. Во-вторых, семья обучает социальной интеграции и пониманию нравственных основ общества. Именно в семье закладываются основы поведения, без которых невозможна гармоничная социальная жизнь. Очевидно, что дети, которые не смогли все это получить в семье, сталкиваются с большими жизненными трудностями, пытаются найти свое место в реальном обществе. В-третьих, семья имеет очень важное экономическое значение, являясь основным гарантом увеличения рождаемости. Рождение детей необходимо для нации как источник человеческого и экономического капитала. И, наконец, как следствие этих трех первых параметров, семья играет основную роль в предупреждении всего зла, от которого страдает общество: преступности, нищеты, наркомании. Семья является местом обучения гражданству не только в правовом смысле, но и в политическом: это добродетель, посредством которой человек способен уважать законы из единственного желания – сохранять целостность общества, даже если это непосредственно противоречит его личным интересам.

Не случайно говорят, что семья – основа государства, значит государство обязано поддерживать семью для того, чтобы она могла выполнять свои социальные роли.

И. Кант когда-то сказал, **что идеальное состояние общества – это правовое государство и правовые межгосударственные отношения, обеспечивающие всеобщий мир** [5]. Несмотря на то, что формирование правового государства и гражданского общества в России ещё в перспективе, мир можно сохранять в каждой семье за счет соблюдения не только нравственных, но и правовых норм. В данном случае, требуется серьезное внимание со стороны государства и его институтов, специальная политика по отношению к семье, отцовству и материнству, повышение статуса семьи в целом. Многие социологи фактами подтверждают, что в последние 40 лет институт брака терпит кризис. В качестве аргументов называют: частоту разводов, крах системы ценностей фамелизма, (семья перестает быть ценностью для людей, исчезают мотивы, побуждающие их вступать в брак и заводить детей), рост социального сиротства и т.д. Следует отметить, что проблемы эволюции семьи были актуальны и в средние века, и в эпоху Просвещения, лучшие умы человечества выражали обеспокоенность упадком семейных отношений. Возможности в этом направлении открывает история социологии в России, прежде всего, позиция П. Сорокина, который еще в 1916 г. писал о семье (как общественном установлении), которая «переживает острый перелом; старые и отчасти современные ее формы мало-помалу исчезают и уступают место иным формам, известным пока в общих чертах» [6].

В статье «Кризис современной семьи» П. Сорокин исследует различные аспекты эволюции форм семейной жизни. «Семья, как и все общественные установления, на протяжении своей истории испытала ряд изменений. Её развитие не остановилось и на современных её формах». П. Сорокин дал глубокий качественный и количественный анализ кризиса семейных отношений на основании эволюции общественного развития своего времени. Эпоха сменяется эпохой, меняется культура, изменяются отношения и системы ценностей мужчин и женщин. Семья из строго вертикальной постепенно становится горизонтальной структурой. Но, несмотря на все изменения, которые повлияли на семью на протяжении десятилетий, по существу, этот социальный институт не изменился и продолжает быть одним из самых важных человеческих социальных институтов. В идеях П. Сорокина выражено современное понимание семьи как величайшей культурной ценности. В наши дни общекультурное значение представляет вопрос, как связать индивидуализм, диктуемый обывательской жизнью, с первоначальной для человека ценностью межличностного единения в семье [6].

Архиепископ Винченцо Палья, председатель Папского совета по делам семьи, принял участие в презентации актов Всемирной встречи семей, которая проходила в 2012 году в Милане (Италия). В своей речи он отметил, что семья до сегодняшнего дня остается одним из самых глубоких желаний людей во всем мире. Иерарх привел пример Италии и Франции, где мечтают о супружестве на всю жизнь примерно 80% населения, в то время как о «гражданском союзе» – только около 20%. Однако, несмотря на такие позитивные тенденции, институту семьи и брака угрожают распространенные сегодня многочисленные культурные течения. «Идеал, которого ищет современный человек –

это полная автономия, стремление к независимости от кого бы то ни было», – сказал архиепископ. По его словам, сегодня доминирует стремление строить общество, которое будет состоять из индивидуумов, где **«я» будет доминировать над «мы», отдельный человек – над обществом, права индивидуума – над правами семьи.** **«Это гонка за индивидуализмом расчленяет как семью, так и другие формы общества»,** – подчеркнул иерарх [7].

К сожалению, век индивидуализма оказывает отрицательное влияние на институт семьи в глобальном масштабе, а христианские семьи составляют минимальную часть общества, чтобы служить образцом модели крепкой семьи. Побеждает нарциссическая тенденция внутри светской семьи, когда человек больше думает о себе, чем о своём партнёре. Желая создать современную семью, люди стремятся к таким формам брака, где возможна индивидуальная автономия, позволяющая иметь свободу входа и выхода за семейные рамки. Эта тенденция подтверждается в современной России ростом таких негативных явлений, как частота разводов, распространение идеала однодетной семьи, невыполнение семьей своих функций, ослабление родственных связей, а также распространение различных девиантных форм семейного поведения. В этом кризисе, в частности, видится первопричина российской депопуляции [8].

Перспективы развития института семьи современные социологи рассматривают сквозь призму **двух концепций – кризиса** (упадка семьи) и модернизации (пластичности) семьи, в определенной мере отражающих консервативную и либеральную позиции. Сторонники теории институционального кризиса семьи (А.И. Антонов, В.А. Борисов, Л.Е. Дарский) основное внимание обращают на самое важное проявление этого кризиса – уменьшение среднего числа детей в семьях до уровня, не обеспечивающего даже простого замещения поколений [9, 10, 11]. Кризисные изменения в супружеских или межпоколенных отношениях рассматриваются лишь как факторы уменьшения рождаемости. В то время как повышение рождаемости в условиях трансформации семьи как социального института практически невозможно, необходимо учитывать не менее четырёх взаимосвязанных факторов влияния: рождаемость (число рождённых детей), отношение к семье и браку, отношение к разводу, нуклеаризация семей и межпоколенные отношения.

Сторонники **теории модернизации семьи** (А.Г. Вишневский, С.В. Захаров и др.) критикуют демографов и социологов за идеализацию прошлого и негативное отношение к эволюции семьи как социального института. Сторонники противоположных точек зрения по-своему правы, так как нет ортодоксального мнения о том, что все изменения в семейных отношениях носят только негативный характер. Как всегда, истина где-то посередине, возможно, в умеренном консерватизме [12, 13].

В этом же направлении развивается и общественное мнение, что показывают в частности результаты опросов среди студенческой молодёжи. В 2011 г. в Томске было проведено небольшое исследование, в котором принимали участие 90 молодых девушек и юношей в возрасте от 17 до 23 лет. Из них 41% юношей и 59% девушек. [14]. Основная часть – студенты в возрасте от 18 до 21 года. При этом 88% не состоят в браке, только 12% живут в незарегистрированном браке.

Первой задачей исследования было выяснить, **собираются ли учащиеся вступать в брак.** Опрос показал, что молодежь хочет связать себя узами брака. 93% опрошенных дали положительный ответ, 5% затруднились ответить и только 2% выбрали отрицательный вариант ответа.

На основании полученных данных можно сделать вывод, что большая часть респондентов собирается вступать в официальный брак. Напрашивается вывод о том, что молодежь ориентируется не просто на сожительство, а на официальный брак. Очевидно, что молодёжи предоставляется возможность выбора персональных ориентиров в организации семейной жизни. Формы брака изменяются, но семья не исчезает, а приобретает гибкие формы «выживания» в условиях системного кризиса российского общества.

Следующей задачей исследования было выявление отношения студентов к **незарегистрированному браку (сожительству).** Ответы распределились следующим образом: 49% ответили, что в целом относятся положительно, 35% относятся отрицательно, 10% затруднились ответить, и только 6% относятся совершенно нейтрально. По итогам опроса можно сделать вывод, что, 35% студентов отрицательно относятся к сожительству без брака, в то же время, почти половина опрошенных дала положительный ответ, возможно, это связано с тем, что такая форма брака приобретает устойчивость. В то же время, ответы подтверждают избирательное отношение к браку, но не его отрицание.

Одной из задач исследования было выявление мотивов вступления в брак. «Любовь остается основным мотивом при вступлении в брак, его выбрали 49% респондентов. На втором месте стоит «желание создать семью», 41%. На третьем – «рождение ребенка», 6%. На основе этих данных, можно сделать вывод, что основными причинами заключения брака по-прежнему остаются любовь и желание создать семью, рождение детей.

Следующим был вопрос о том, что необходимо молодежи для создания семьи. На первое место поставили работу и постоянный доход (47% респондентов), 28% считают, что достаточно одного желания создать семью, и 11% опрошенных считают, что необходимо иметь жилье. Из данных видно, что материальные ценности и возможность обеспечить свою семью очень важны, и для молодых этот вопрос является важным.

Еще одной целью исследования было выявление того, кто, по мнению молодых людей, должен обеспечивать семью материально. Большая часть респондентов (51%) считают, что семью должен обеспечивать мужчина и 46%, что совместно.

Очередной задачей исследования было выяснение того, какие отношения молодые люди хотели бы сохранить с родителями после вступления в брак. Абсолютное большинство, (92% респондентов), хотят поддерживать близкие отношения с родителями после вступления в брак, но жить хотят отдельно. Отсюда следует, что молодая семья все больше укрепляет свои позиции, на сегодняшний день трудно найти молодоженов, которые предпочли бы жить с родителями.

По результатам исследования можно заключить, что студенческая молодежь видит семью следующим образом: официально зарегистрированный брак, в котором супруги любят и уважают друг друга, равны в своих правах и обя-

занностях, имеют образование и работу, вместе обеспечивают семью и совместно решают все проблемы. Конечно, это все только в планах, но на первом месте стоит карьера, для достижения материального благополучия и независимости от родителей. Следовательно, изменения, которые мы можем наблюдать, можно рассматривать как следствие неоконченного перехода от «традиционной» семьи к «современной». Необходимо отметить, что данный переход слишком затянулся, что привело к возникновению негативных моментов в развитии семьи.

На сегодня не менее 25% женщин к 20 годам и не менее 45% к 25 годам отношений со своим первым партнером не регистрировали. Данные для мужчин подтверждают эту тенденцию: 40–45% первых союзов – неформальные. По данным социологов, рост рождаемости в гражданских браках опережает этот показатель в зарегистрированных союзах. Семья идет к более свободному существованию, но это не значит, что она теряет ценность в массовом сознании. Опросы показывают, что люди ставят семью на первое место среди других ценностей, очевидно, только меняется понимание сущности семьи. Для каждого человека потребность в создании семьи очень индивидуальна, однако, должен быть некий моральный идеал, видимый не в безоговорочном следовании стандартам (традициям и обычаям), а в реализации тех экзистенциальных интересов, которые для каждой личности своеобразны и одинаково приоритетны [15].

Специалисты говорят, что только для того, чтобы остановить демографический спад и поддерживать численность населения на должном уровне, каждая семья должна в идеале обзавестись хотя бы тремя детьми. Однако, вслед за развитыми странами, Россия движется к модели однодетной семьи, что подтверждают социологи, анализируя данные электронной анкеты в эксклюзивном исследовании «Ридерз Дэйжест» [16].

- 63% респондентов видит в детях источник радости и счастья, почти 50% не мыслит без них полноценной семьи. И всего 2,8% считают детей источником проблем, помехой супружеской жизни, да и вообще атрибутом, в браке не обязательным.

- Каждый второй участник опроса хотел бы иметь троих детей. Примерно треть считает, что и одного ребенка больше чем достаточно. И только 17% хотели бы троих или четверых детей.

- Планирование семьи для жителей России чаще всего означает вступление в брак и, как следствие, появление ребенка. Для 40% ответивших рождение ребенка стало неожиданным, но чрезвычайно радостным событием. Огорчил непрошенный «визит аиста», прежде всего, самых молодых респондентов — от 20 до 25 лет, которые только вступают в самостоятельную жизнь. И, как это ни странно, не самых бедных.

С одной стороны, полученные в ходе опроса данные должны внушать оптимизм: немало людей видит в детях источник счастья. С другой стороны, настораживает разрыв между желаемым и действительным. При всей абстрактной любви к детям, 43,5% опрошенных не имеет детей вовсе, в том числе, многие замужние и женатые люди. Хотят двоих детей 48%, а имеют только 16%. Что же мешает респондентам претворить в жизнь свои мечты о большой дружной семье?

Ответы, как правило, такие: сначала надо создать семью, уж потом думать о детях (ответил каждый третий), причем, как те, кто еще не обзавелся семьей, так и те, кто живет в гражданском браке. Похоже, вопреки популярному мнению о том, что штамп в паспорте не имеет значения, совместное проживание с постоянным партнером не дает такого ощущения стабильности и уверенности в завтрашнем дне как официальный брак.

В России еще высок уровень тревоги, – говорит семейный психолог Галина Дубравина. За желание воспитать маленького человечка отвечает «загадочная русская душа», а ей в последние годы было чем заняться: пережить последствия дефолта, заново бороться за место под солнцем. В отличие от западных стран, где люди верят, что в любом случае не пропадут: останутся без средств, – так поможет государство, любой житель России знает: случись что, рассчитывать можно только на себя и близких, потому и не решается стать родителем в одиночку.

Сказываются и исторические традиции. В России дети всегда воспринимались как «приложение к семье», на внебрачных детей поглядывали косо, и только теперь это отношение стало меняться. «В массовом сознании существует стереотип, что ребенок обязательно должен иметь двух родителей», – говорит Елена Пахомова, руководитель отдела социальных исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения [16]. Осложняет ситуацию и большое число разводов. Разведенным уже достаточно забот о том ребенке, который у них уже есть. Вредит серьезному отношению к семье и мода на совместную жизнь без обязательств. Трансформация института семьи вызвана нынешней практикой, когда естественно воспринимаются длительные добрачные отношения, пробные браки, в которых партнеры не ставят себе цель заводить детей. Кроме того, увеличивается интервал между вступлением в брак и рождением ребенка.

Опрос показал, что люди семейные тоже не спешат заводить столько детей, сколько просит душа, понимая, что мечта вряд ли сбудется. Часто жилищные условия не позволяют завести еще одного ребенка: семьи ютятся в маленькой квартирке. Можно мечтать о трех детях, а нормально обеспечить невозможно и одного. Отсутствие материальных возможностей – еще одна веская причина, которую назвали четверть респондентов, объясняя, почему у них нет детей. У современных супругов уменьшилась потребность в детях. Общество потребления предлагает множество альтернатив для самореализации, а также множество гедонистических удовольствий, которые конкурируют с потребностью иметь детей и самореализовываться в родительстве.

Сектор социологии семьи Института социологии РАН, при поддержке Российского Гуманитарного научного Фонда (РГНФ), в 2012-2013 гг. провел исследование, в ходе которого опрашивались молодые матери различного брачного статуса, живущие в Центральном федеральном округе РФ. Татьяна Александровна Гурко, доктор социологических наук, заведующая сектором социологии семьи Института социологии РАН, руководитель исследования, приводит следующие данные: молодые супруги с большим удовольствием заводят собаку, которая хотя и требует затрат, но несоизмеримых с воспитанием и образованием ребенка. В то же время, вопреки гипотезе, оценка матерями материального положения семьи совсем не влияет на репродуктивные планы супругов. И совсем бедные, и малообес-

печенные, и среднеобеспеченные, и обеспеченные супруги в равной мере планируют иметь с мужем второго ребёнка [17].

«Некоторые говорят, что многодетные семьи и рождение большого количества детей – это одна из причин бедности». Папа Римский не согласен с таким мнением и считает его чрезмерно упрощенным: «Я могу сказать, что главная причина бедности заключается в **экономической системе, вытеснившей человека из центра** и поставившей туда божество под названием деньги. **Эта экономическая система постоянно исключает: исключает детей, стариков, молодежь, безработных.** Она создает культуру отбросов, в которой мы живем. Мы привыкли видеть «выброшенных» людей. Вот главная причина бедности, а вовсе не многодетные семьи» [18]. Трудно не согласиться с авторитетным мнением Понтифика, ведь семья в религиозном мире особенно почитаема, а в светском государстве статус семьи недооценён.

Традиционная семья, обеспечивающая стабильность и порядок в российском государстве, перестала быть всеобщей формой брака и стала фрагментарным явлением в череде новых брачных союзов. Можно констатировать глубокий кризис семейных отношений, а можно взглянуть на реалии и предположить, что семья будет продолжать адаптироваться к существующим условиям непредсказуемым образом, а исследователи по этой проблематике будут анализировать последствия и прогнозировать дальнейшее развитие семейно-брачных отношений для оптимального формирования социального управления данным социальным институтом. Возврата к прошлому нет, значит нужно пытаться создавать привлекательный образ семьи, в которой молодые люди хотели бы жить. При наличии комплексных разработок со стороны государства в области семейной политики, с учётом модернизации и перспектив инновационного развития общества, можно повысить эффективность функционирования семьи и её статус.

Вполне вероятно, что требуется более чёткая дифференциация двух параметров политики, направленной на поддержание семей.

Первый – **это политика семьи**, второй – **социальная политика**, предназначенная для семей, оказавшихся в затруднительном положении. Политика семьи универсальна, так как она касается всех семей, не зависимо от их уровня жизни или количества детей. В любом государстве, при наличии задачи сохранить качество государства как такового, и его будущее, должны присутствовать в равной степени эти параметры политики, направленной на семью. В настоящее время, эти две составляющие не дифференцированы, возможно, потому, что у тех, кто занимается этими проблемами на уровне государства, нет понимания необходимости чёткой дифференциации и её смысла. Отсюда формализм и общий механистический подход в реализации семейной политики.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка Под ред. член-корр. АН Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1989.
2. Волков Ю.Г., Добренков В.И. и др. Социология: Учебник, Под ред. проф. Ю.Г. Волкова. – М.: Гардарики, 2000. – С. 263.
3. <http://www.9linesmag.com/?p=2216>
4. Волков А.Г. Семья – объект демографии. – М.: Мысль, 1986. – С. 13, 108.
5. Климантова Г.И. Государственная семейная политика в условиях социально-политических трансформаций современной России. – М.: Триада ЛТД, 2001. – 264с.
6. Сорокин П. Кризис современной семьи: социологический очерк // Вестник МГУ. Сер.18: Социология и политология. 1997. – № 3. – С. 65–79. – <http://www.newsocio.ru/nspgs-285-1.html>
7. Ватиканский иерарх: «индивидуализм угрожает единству семьи и общества». – <http://www.radiovaticana.va>
8. http://www.semya-rastet.ru/razd/bezalternativnost_rozhdaemosti
9. Антонов А.И. Социология рождаемости. – М.: Наука, 1980.
10. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М.: Статистика, 1976.
11. Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. Сб. статей под ред. А.Г. Волкова. – М.: Статистика, 1979. – С. 85–125
12. Захаров С.В. Брачность и брачное состояние // Население России 2010-2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред.: А.Г. Вишневский. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. – С. 225–275.
13. Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. – М.: Наука, 2005. – 368 с.
14. Лежина Ю.П. Семья в ценностных ориентациях // Социология молодежи. 2009. – № 1. – С. 69–76. – <http://www.rae.ru/forum> 2012/14/82
15. Актуальные проблемы семей в России / Под ред. Т.А. Гурко. – М.: Институт социологии РАН, 2006. – С. 223.
16. Пройдёт ли мода на детей? // Электронный журнал для молодой семьи Youna Famuli. 2015. – № 5. – http://www.youngfamily.ru/cntnt/roditelyam/osnovniera1/semejnoe_schaste/projdet_li.html
17. Гурко Т.А. – <http://www.pravmir.ru/kto-v-rossii-xochet-rozhat-vtorogo-rebenka>
18. Папа Римский: большие семьи – утешение и надежда, а не причина экономических проблем, 22.01.2015. – <http://www.radiovaticana.va>
19. http://www.semya-rastet.ru/razd/bezalternativnost_rozhdaemosti
20. Антонов А.И. Социология семьи / Под ред. проф. А.И. Антонова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2009.
21. Голод С.И. Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. – М.: Ладомир, 2005.
22. Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 4, № 2. Дети в России. 2009. – М.: Статистика России, 2009.
23. Токмакова М.Л. Методология исследования соотношения семейных и внесемейных ценностных ориентаций: Автореф. ... дис. канд. соц. наук. – М., 1999.

Злотникова Л.М.

к.э.н., доцент Белорусского торгово-экономического университета

Саралиева З.М.

д.филол.н., профессор, зав. кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: социальная работа, пожилые, социально-экономические условия, особенности, социальная компонента, институт, социальная сфера.

Keywords: social work, elderly, social and economic conditions, features, social component, institute, social sphere.

Постсоветское пространство спустя четверть века оказалось перед новыми вызовами и выбором дальнейшего развития. С одной стороны созданы новые социально-экономические институты, нацеленные на рост объемов материального производства и постоянное обновление его структуры. Несколько лет тому назад подавляющее большинство постсоциалистических республик приняли программы модернизации экономики на основе инновационного развития. С другой стороны, расширение материального производства и усиление его финансирования не только оставило социальную сферу на втором плане, но радикально изменило ее ценность, переведя во вспомогательно-зависимый статус. Результаты деятельности образования, здравоохранения и осуществление социальной работы получили закрепленный в нормативно-правовых документах статус «услуги». Эмпирическое разделение значимости общественных институтов влечет за собой комплекс противоречий социально-экономического содержания. На первый план выходят проблемы определения ценности и реальной значимости социальной сферы. Под социальной сферой мы понимаем функционирование социально-экономических институтов как важнейших механизмов реализации конституционных прав граждан: право на достойную жизнь, справедливую оплату труда, достойное образование, своевременную медицинскую помощь, защиту от безработицы, социальное обеспечение и т.д.

Объявленная модернизация и предпринимаемые государством попытки реализации радикального изменения материальных факторов проводится в условиях социально ориентированной экономики. Важность социальной компоненты обозначена в Конституции РФ (ст.7). В этой статье записано следующее: «1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. 2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты»¹. Законодательно закреплённая обязанность государства по созданию и развитию всех социальных институтов обуславливает повышенное внимание к процессам социализации и особой роли социальной работы в условиях технико-технологических преобразований. Период либерализации экономики до настоящего времени проходит без научного обоснования и эмпирического анализа механизмов влияния социальных процессов на экономические результаты. Достижения последних предполагает системный подход и активное отношение государства. Именно недооценка роли и места социальной работы в обществе является одной из причин низкой экономической эффективности, получившей определение «провалы рынка». Великие ученые Дж. Кейнс, Людвиг Эрхард, Роберт Л. Хайлбронер, Ф.Хайек и другие обращали внимание на социальные компоненты экономики, используя понятие «социальное хозяйство». Законы рынка – это лишь одно из направлений их научного интереса. Чаше и больше всего в центре внимания оказывался вопрос: «Куда движется общество, что и как будет делать человек?» В работе «Дорога к рабству» Ф. Хайек писал: «Мы готовы принять любое объяснение кризиса, переживаемого нашей цивилизацией, но не можем допустить мысли, что этот кризис является следствием принципиальной ошибки, допущенной нами самими, что стремление к некоторым дорогим для нас идеалам приводит совсем не к тем результатам, на которые мы рассчитывали»². Несмотря на то, что родоначальник классической экономической науки А. Смит теоретически констатировал наличие тесной связи между личной и общественной (социальной) выгодой, он не привел убедительных аргументов и доказательств о превосходстве частного интереса над общественным. Ничем не ограниченный эгоизм, отрицающий морально-нравственные основы жизни человека, способен на разрушение всего и вся вокруг себя. Именно это мы сейчас наблюдаем в отношении социальной сферы и, прежде всего социальной работы.

¹ Конституция Российской Федерации. – <http://www.constitution.ru>

² Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2005. — С. 37–38.

Целью нашего небольшого исследования является рассмотрение некоторых проблем организации социальной работы в условиях нестабильного экономического развития. Цикличность отражает несовершенство рыночного механизма регулирования общественного производства. Она носит объективный характер, так как состояние равновесия между спросом и предложением постоянно нарушается. Кризис – один из этапов промышленного цикла. Экономическая наука пока не смогла предложить действенных способов их предупреждения, не всегда рекомендации по преодолению кризиса характеризуются высокой экономической и социальной эффективностью. Меры по смягчению негативных последствий кризисного развития являются составной частью социальной политики государства. Социальная политика и все институты ее реализующие имеют в обществе статус вспомогательной или второстепенной деятельности. Государство недостаток финансового и материального внимания к социальной сфере объясняет недостатком средств на социальные программы. Одним из направлений социальной политики выступает социальная работа.

Поклонение материальному производству, постоянная гонка за ростом номинального ВВП, увеличением отчетной производительности и многих других показателей самым существенным образом сказались и продолжают сказываться на игнорировании условий социализации. Социальная сфера с ее сложной структурой и важнейшими для жизни человека функциями, оказалась в статусе служанки материального производства. Экономическая теория в течение всего периода существования занималась изучением товара, формированием цены, принципами инвестирования и т.д. Услуга в экономической науке не имеет четкого определения. Расширение социальной сферы, усиление ее влияния на производство, усилило интерес к ней. Однако оценки результативности функционирования ее основных институтов проводятся на основе отождествления с материальным производством, т.е. усиливается политика перевода на самокупаемость. Социальная работа, основное назначение которой – оказывать помощь малоимущим с ограниченной дееспособностью, оказалось в противоречивом положении. С одной стороны, растет количество нуждающихся в социальной помощи. С другой – государственное финансирование не отличается щедростью, сопровождается диверсификацией платности различных видов услуг. Главный вопрос, который остается без ответа, можно сформулировать следующим образом: «Создание благоприятных условий для реализации прав человека относится к субъектам хозяйствования, приносящим доход?» На наш взгляд, ответ на этот вопрос имеет принципиальный характер. До настоящего времени все действующие субъекты социальной сферы приравнены к производителям материальных благ, получая финансирование из государственного бюджета, значительную часть возвращают в виде налогов и различных платежей. Социальная работа не является исключением. В соответствии с нормативно-правовыми документами на социальных работников возложены следующие задачи: обеспечение формирования доступной среды жизнедеятельности для инвалидов и других маломобильных групп населения на территории района; осуществление мероприятий, направленных на улучшение демографической ситуации и реализацию семейной политики; осуществление мероприятий по профилактике безнадзорности, беспризорности несовершеннолетних, социальной адаптации и реабилитации несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и несовершеннолетних с ограниченными возможностями, защите их прав и законных интересов; реализация в пределах полномочий мероприятий по организации отдыха, оздоровления и занятости детей и молодежи. Перечень задач, которые входят в компетенцию социальных работников, свидетельствует о высокой ответственности и важности службы.

Реальность такова, что социальная работа осуществляется одним из подразделений территориальных отделов социального обеспечения. В соответствии с типовыми должностными инструкциями социальный работник обязан знать законы и постановления федерального, регионального и местного уровня, нормативные акты о социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов, правила внутреннего трудового распорядка, правила и нормы охраны труда, техники безопасности, производственной санитарии. Социальный работник должен владеть знаниями по организации социально-бытового обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов; основ психологии лиц старшего возраста, приемами оказания неотложной медицинской помощи, санитарно-гигиенические требования по уходу за гражданами пожилого возраста и инвалидами. Задачи социальной работы в соответствии с нормативными документами намного шире и разнообразнее. Таким образом, теоретическое и нормативно-правовое содержание социальной работы вступает в противоречие с действующей практикой. Социальная работа, к сожалению, неединственный социальный институт, функционирующий в условиях глубинных противоречий между требованиями времени и эмпирическим исполнением. Ален Турен такое состояние в обществе характеризовал «как разъединение отношений гражданского общества и государства»¹. Активная часть общества много пишет и говорит о проблемах формирования гражданского общества, обращая внимание на участие в высокой политике. Основы прочного гражданского общества возможны в условиях практически значимого, понятного, доступного для исполнения общего дела. Первым этапом объединения усилий общества может стать разработка механизмов по воплощению научных и правовых основ социальной работы, повышение ее статуса.

Необходимо быть корректным и отметить, что социальная работа достаточно интенсивно развивается, осуществляется подготовка специалистов социальной работы в среднеспециальных и высших учебных заведениях. Однако повышение профессионализма вступает в противоречие с использованием на практике. Ограничение социальной работы оказанием помощи людям пожилого возраста и инвалидам сокращает возможности использования полученного образования. В требованиях к квалификации, как правило, отсутствует четкое разделение функций, обязанностей и полномочий социальных работников с разным уровнем образования. Сложности и особенности продвижения социальной работы в общественное сознание заложены в ее сути. Научный интерес к социальному развитию начал формироваться чуть больше одного столетия тому назад. Известный философ Огюст Конт в 1832 г. впервые использовал понятие «социология» и изложил свое понимание молодой науки об обществе. Социология призвана не только объяс-

¹ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – С. 142.

нять законы общественного устройства, но и способствовать созданию прочного фундамента социальной политики. «Социальная связь соединяет индивидов в определенные устойчивые объединения, которые могут выступать в разных формах и разных видах¹» – эти слова Яна Щепаньского наиболее точно отражают объективную значимость усиления общественных связей вокруг социальной работы.

Социальная работа в жизни человека появляется только в XX в. Систематически повторяющиеся экономические кризисы, увеличение продолжительности жизни, мировые и локальные войны сопровождаются ростом количества нуждающихся в различных видах помощи. Социальной работе предшествовал опыт организации благотворительной помощи. В отличие от государственной организации социальной работы благотворительность носила и продолжает оставаться личным делом человека, часто носит стихийный характер. Кроме благотворительности, имеющей продолжительную историю, в обществе социальными проблемами занимаются многочисленные как официальные государственные, так и общественные организации. По самым приблизительным подсчетам в Республике Беларусь их более десятка, они узкоспециализированы, иногда могут не знать о существовании друг друга. Это, на наш взгляд, снижает эффективность социальной работы. Плодотворное соединение всех форм совершенствования социального развития теоретически и практически способны обеспечить системную реализацию социальной политики.

Социальная работа появляется в условиях ухода общества от традиционных ценностей. Оказание помощи людям с ограниченными возможностями, будь-то больные, инвалиды или старики общественная мораль всегда возлагала на семью. Высокие темпы экономического развития, вовлечение в материальное производство все большего количества людей трудоспособного возраста привело к тому, что социальная работа стала социальным инструментом, поддерживающим определенный уровень нравственности. Высокая профессиональная загруженность трудоспособных членов семьи, проживание в разных населенных пунктах, отдаленных на сотни километров, служат серьезным препятствием для полноценной семейной помощи. Как бы ни хотели защитники традиционных ценностей вернуть заботу о нетрудоспособных в семью, сделать это становится все сложнее. Ухудшение демографической ситуации сопровождается систематическими изменениями правовых норм по пенсионному обеспечению, в числе первоочередных задач обсуждается вопрос об увеличении трудового стажа для получения пенсии. Это влечет за собой сокращение возможностей по уходу за престарелыми членами семьи или инвалидами. Уход за пожилыми людьми и больными членами семьи в трудовой стаж не включается, оценивается, прежде всего, как моральный долг и таким образом формируется морально-нравственное и социально-экономическое противоречие, забота о своем будущем или о нынешнем состоянии родных и близких. Социальная работа – это сфера социальной деятельности, где господствует наибольшее количество стереотипов. Самый распространенный выражается в отождествлении социальной работы с оказанием определенных видов помощи. Этот процесс подтверждается действующими должностными обязанностями. Основные из них обозначены следующим образом. Выявление одиноких престарелых и нетрудоспособных граждан, проживающих в зоне обслуживания и нуждающихся в социальной поддержке, информирование о видах услуг, оказываемых учреждениями социального обслуживания. Далее осуществление социального патронажа и оказание конкретной помощи в домашнем хозяйстве.

Но социальная работа не может ограничиваться только компенсацией ограничений условий жизнедеятельности. При всем уважении и нужности оказания материальной или физической помощи пожилым или больным людям необходимо формировать новое общественное мнение в отношении социальной работы. В декабре 1991 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию «Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей». Этот документ разрабатывался и обсуждался в течение нескольких лет. В его преамбуле сделан акцент на необходимость нивелирования различий в жизни пожилых людей и создания максимально равных условий для использования возрастного потенциала. XX век продемонстрировал стойкую тенденцию на увеличение продолжительности жизни, отрицание жесткой корреляционной зависимости между возрастом и состоянием здоровья человека. Хотя медицинская наука и жизненная практика демонстрирует неверность стереотипа о влиянии возраста на состояние физиологического и социального здоровья, во многих странах достижение пенсионного возраста сопровождается усилением дискриминации. Пожилые люди, несмотря на сохранение высокого уровня трудоспособности и накопленный человеческий капитал, оказываются в буквальном смысле слова на обочине жизни. Теоретически социальная работа призвана компенсировать **социальный ущерб** (выделено нами). В контексте обозначенного явления социальный ущерб наносится не только отдельному человеку, но и обществу в целом. Пожилой человек, ограниченный в правах на труд, автоматически не просто лишается социального и культурного пространства, но и способности продлить жизнь себе и окружающим. Многочисленные исследования образа жизни долгожителей показывают, что ни один лентяй не достиг глубокой старости; все достигшие ее вели очень деятельный образ жизни.

Сложно оспаривать наличие общественных объединений людей пожилого возраста. Проблема заключается не в том, что постоянно увеличивающийся социальный слой самостоятельно ищет занятия для себя. Тем более что общественные объединения пожилых людей связаны с заполнением свободного времени, уходом от одиночества, а не эффективным использованием человеческого капитала. Их интеллектуальный и профессиональный потенциал – это подлинное богатство народа. Общество, живя в окружении стереотипов, по непонятным причинам старинную вещь ценит не просто дорого, а порой очень дорого, а человеческим капиталом распоряжается как варвар. Даже понятие «пожилой» часто используется с униЗИтельно-оскорбительным оттенком. Социальная работа в настоящее время представляет собой единственный реально действующий институт, способный создать условия для полноценной реализации человеческого потенциала и смягчения дискриминации. В 1948 году на III-й Генеральной Ассамблее ООН была принята Всеобщая декларация прав человека, закрепившая в 23 статье право каждого человека на труд, свободный

¹ Щепанский Ян. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – С. 115.

выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы. Это положение подкреплено следующим положением о том, что каждый человек имеет право без всякой дискриминации на равную оплату труда за равный труд¹. Такими же правами наделяет человека Конституция РФ и РБ. Подавляющее большинство объявлений о предложениях рабочих мест пестрят возрастными ограничениями, демонстрируя, таким образом, нарушение социальных прав.

Продолжительность жизни увеличивается, ставя, таким образом, перед наукой и социально-экономической политикой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных проблем. Государство постоянно стремится найти новые источники пополнения пенсионного фонда. И в то же время не реагирует на прямое нарушение прав людей пенсионного возраста, желающих работать. Заинтересованные дееспособные люди должны иметь возможности для полноценной реализации накопленного потенциала. Естественно, потребуются дополнительные усилия и капитальные вложения. Однако претворение в жизнь основных положений теории мультипликатора позволило не просто уменьшить негативные последствия Великой депрессии, но и заложило основы инвестирования экономического роста. Сегодня сторонники либерального курса, стремясь минимизировать издержки, сдерживают рост заработной платы, игнорируют право человека на достойную жизнь. Именно доход работающих, а не иностранные кредиты является источником повышения благосостояния и финансирования производства. Стимулирование потребления через диверсификацию социальной работы, на наш взгляд, позволит решить многие социальные проблемы эффективной занятости. Современное состояние развития человека и общества ставит на повестку дня еще одну группу проблем. Это проблемы, связанные с продолжительностью рабочего времени и механизмами влияния на социализацию. Только внешне стремление к сокращению продолжительности рабочего времени выглядит пугающее. Фактически до настоящего времени отсутствуют полномасштабные экономические и социологические исследования, показывающие отрицательные последствия высокой продолжительности рабочего времени. Поэтому гуманитарная и экономическая наука, правительство должны приложить максимум усилий для изучения реальных возможностей возрастной категории населения и создать условия для продолжения трудовой деятельности на оптимальных условиях для общества.

¹ Декларации. Всеобщая декларация прав человека. – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

Иванько А.А.

Международная Академия Экологии, Институт системного анализа и прикладных региональных проектов,
Киев

Иванько Я.А.

Москва

Стельмахов Ю.Н.

к.т.н., Киев

ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ К НАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИДЕЕ УКРАИНЫ И РОССИИ

Ключевые слова: национальная идея, экономическое развитие Украины и России.

*«Всё что сделано – это заслуга Правительства.
То, что нужно сделать, никакое Правительство в мире
не может сделать. Пусть оно будет семи пядей во лбу.*

Это может сделать только сам народ»

(Кавелин, 1863 год.

«О государственной проблеме после отмены
крепостного права в России»)

К понятию «национальная идея» мы обращаемся каждый раз, когда становится трудно жить, когда проблемы нас разделяют. При этом, стыдно сказать, часто скатываемся к рецептам: «единомыслие», «просвещённая диктатура». Но как быть с таким чудом, как «демократия», «плюрализм»?

Первичное содержание рождённой 90 лет назад Национальной Идеи состояло в создании украинской национальной государственности. Независимость есть, а большинство населения не видит в ней механизма решения семейных и личных проблем уже 23 года. Не лучше семьям в регионах и России. А за это время многие страны успели достичь «экономического чуда».

Мы уверены, что поиск Национальной Идеи с новым смыслом актуален. Она должна быть естественной мотивацией созидательного труда ВСЕГО НАРОДА.

Тогда и возродятся Украина и Россия для всех их сынов и дочерей!

Нынешнее понимание Национальной Идеи

Национальная Идея (НИ) – это вторая общенациональная «религия», стимулирующая интенсивный и рациональный повседневный труд – источник процветания семьи и государства. НИ должна быть абсолютно понятной духовной и организующей (не административной) силой, дать жизненные ориентиры каждому. Конечная цель НИ – разумное изобилие, физическое и духовное здоровье, стабильность семьи и государства, гармония с Природой.

Необходимость перспективной НИ для нас, переходящих в новое политэкономическое состояние (фазовый переход), крайне остра. Ведь оказалось, что интересы личности, общества и государства даже антагонистичны. Миллионы людей разъединены.

Решающую роль в реализации НИ играет глава государства. Ведь только в его силах стать её гарантом.

К сожалению, понятие «Национальной Идеи» пытаются свести к понятию «Националистическая Идея», что не только вредно, но и опасно. Это мы уже наблюдаем.

Механизмы реализации НИ

«Перепрыгивают забор там, где он ниже».

Линкольн

Если цели НИ совпадают с естественными желаниями гражданина, семьи, то она реальна. В этом случае государство провозглашает и способствует реализации этой НИ, а труд каждого непосредственно скажется на благосостоянии его семьи.

В странах СНГ счастье и благосостояние семьи не совпадало с действиями государства (коллективизация, борьба с «обрастанием», с «нетрудовыми доходами» и др.). Силы миллионов размывались или концентрировались на решении «мёртвых» проблем (развернуть реки, завоевать космос...). Продукты деятельности не имели фундаментальной ценности, не давали первичной прибавочной стоимости. Каждое новое поколение начинало «с нуля» и добивалось примитивного семейного счастья в «жилом закутке» лишь через десятилетия. Всё было временным. Не удивительно, что «временные трудности» привели к краху системы, в стабильность которой мы верили.

Если стремления человека властью легализуются, создаётся инфраструктура обеспечения семейного товарного хозяйствования, то государство начинает бурно развиваться (Польша, Словакия, Чехия ...), и каждый использует свои физические и материальные возможности для собственного, а значит, и общего развития. Но не следует забывать, что эти нации сохранили навыки экономической самостоятельности и самосознание.

Состояние проблемы для Украины

*«Наиболее невероятное в чудесах –
то, что они случаются»*
Честертон

Многие партии, отдельные лица, видя несостоятельность понимания НИ, выступали со своими предложениями: будем строить дороги; будем жить как турки (китайцы, словаки); распустим колхозы; восстановим колхозы; вперёд к приватизации всего; назад в СССР и др.

Каждое такое предложение – не более чем лозунг. Реализовать его можно или большими деньгами, или насил-ем. Вряд ли вчерашнему колхознику, безработному инженеру придет в голову взяться за бесплатное строительство дороги даже в своем селе или строить жизнь как в Турции. Он, конечно, готов получать от 5000 долларов в месяц за труд. Но за какой? Будет ли его труд целесообразным, чтобы ежемесячно появлялось богатств более чем на \$200 млрд.? Только на зарплату и пенсии! Даже если в первый год жизни этой идеи кто-то подарит нам необходимые \$2400 млрд., то мы, кроме глобального праздника «на халяву», ничего не сделаем. Все прогуляем и разворуем.

Нация, её многочисленные «лидеры», «гетьманы», «политики», к сожалению, детренированы, не организованы и ущербны в социальном аспекте. Фрагментарная образованность многих примитивна, основана на поверхностных знаниях истории, экономики, психологии.

НИ имеет особую силу, если она освящена церквями. Всем известна роль протестантизма в процветании Англии, Германии, где были внедрены в сознание нации незыблемость частной собственности, производительного семейного труда и др. К сожалению, родное православие не привило людям стремление к прогрессу и процветанию.

Пока НИ для Украины не найдена, хотя академик Болотов Б.В. предложил в качестве НИ «здоровье человека в нездоровом мире», а на заседании в Киеве группы «Послов Мира» Федерации за всеобщий мир в сентябре 2014 г. было предложено «благополучие человека».

Политические программы на Украине

*«Королями не рождаются, ими становятся
вследствие всеобщего заблуждения».*
Б. Шоу

Практически все программы политиков и партий принципиально не отличаются. Лидеры вынуждены использовать лишь эмоции при их презентации. Линейное (недиалектическое) мышление приводит только к примитивным линейным программам, которые не более чем лозунги. Они требуют единства, коллективизма, желания поклоняться руководству, гигантских средств. Но на данном историческом этапе в «светлое будущее» люди строим и под командой смертных, но не святых вождей, шагать уже не хотят.

Инженерам известно, что в регулируемых системах траектории процессов их перехода из одного состояния в другое весьма сложные, обязательно зависят от исходного состояния данной системы, требуют текущих коррекций.

Государство и народ – невообразимо сложная система. Поэтому анализ их существующего многомерного состояния принципиально важен. Необходимо учесть предысторию поколений, существующий менталитет нации и её нынешний семейный экономический базис, стратегические ошибки руководства при суверинизации Украины (разграбление общественных богатств единицами, вульгаризация понятий «руководство» и «демократия», развал науки и стратегических национальных технологий, отказ от богатств Сибири, поднятой также и нашим народом ...).

Исторические катаклизмы менталитета народа (следуя проф. Полякову С.П. – Черкаскы)

*«В тёмную ночь и хороший
матрос может ошибиться»*
Т. Фуллер

На протяжении последнего тысячелетия народы Украины и России пережили много социальных и духовных катаклизмов (см. рис.), которые кардинально изменили большинство их черт. На уровне генов мы уже не воспринимаем никаких рожденных сверху руководящих Идей. Даже если они правильные. Эти катаклизмы воспитали неверие во власть, боязнь власти как враждебного простому человеку и его семье образования. Индивидуализм и социальная (не карьерная) пассивность, другие разъедающие народное единство черт стали присущи нам и нашим детям.

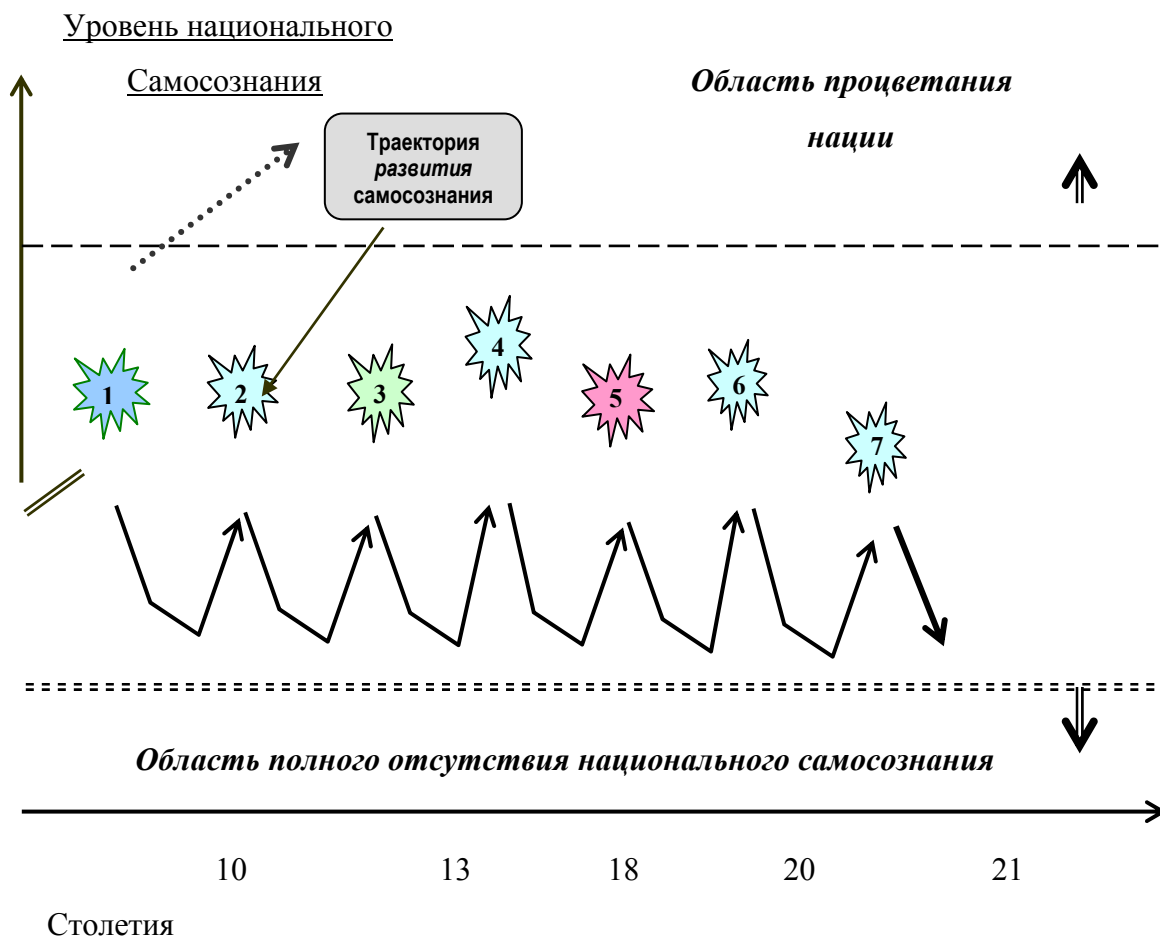

Рисунок 1.
Основные исторические катаклизмы в развитии Украины

Здесь: 1 – Насильственное введение княжеского православия; 2 – Татаро-монгольское нашествие; 3 – Закрепощение крестьян; 4 – Октябрьская революция; 5 – Насильственная коллективизация, голод; 6 – Развал СССР; 7 – Аграрная «реформа».

Практически все, от т.н. «национальной элиты» до простых людей, на первобытном уровне более 28 лет (с перестройкой) выживают или корпоративно накапливают капитал. На этом фоне никакие призывы и действия далеко не «святых» руководителей НИКОГДА не приведут к объединению сил и средств народа. Беспомощны и десятки церквей, занимающихся восстановлением своего материального базиса. Поэтому подъём экономики, науки, духовности можно обеспечить только астрономическими валютными инъекциями. Но кто их даст? Кому мы нужны? Мы должны признать, что естественное желание любой чужой страны – навеки похоронить нашу экономическую мощь, сделать нас рынком сбыта (в том числе недоброкачественной продукции) и эксплуатации нашего интеллекта. Иное было бы просто неестественным.

Нынешние стандартные действия властей не принесут результатов, ибо они не учитывают уже историческое неприятие народом и его избранниками какой-либо Правительственной Идеи, которая не связана с сиюминутным доходом. Даже государственной «интеллигенции» более понятны взятки сегодня, чем процветание всех, но завтра.

Потому ничем, кроме лавинного растаскивания богатств, накопленного поколениями в страшных лишениях и нынешней деинтеллектуализации общества, мы не отличились и еще десятилетиями не придем в себя после такой суверенизации.

Главная социально-экономическая проблема государства

«Чтобы понять, что небо везде синее, не надо совершать кругосветное путешествие».

И. Гёте

Общественные формации различаются, прежде всего, отношением государственной власти и народа к собственности. Наиболее рафинированными являются две комбинации, имеющие смысл и исторически оправданные. Например, в годы национальной опасности, военных действий, природных катаклизмов, революции и т.д. необходимо жесткое высокопрофессиональное административное управление. Но стоимость ошибки при таком единоличном управлении велика. Потому вся мощь государства должна быть направлена на развитие инфраструктуры поддержки и стимулирования народной экономической инициативы.

Важнейший признак рыночной экономики – возможность каждым дееспособным гражданином принимать экономические решения в своей сфере деятельности самому, но в соответствии с законодательством, с тенденциями развития государства и менталитетом народа. При этом опасность ложной экономической стратегии части населения для судеб государства минимальна.

В любом государстве административный аппарат инстинктивно борется за насаждение множества ограничений. В конце концов (в соответствии с законами Паркинсона) он полностью отрывается от жизни и с трудом обслуживает лишь свои проблемы и желания.

Народ и правительство должны принципиально решить, к какой системе необходимо стремиться. Очевидно, истина между двумя представленными выше системами. Но базовые проблемы микроэкономики семьи должны решаться нацией уже вчера.

Мудрость и зрелость народа – вовремя взять инициативу экономического процветания в собственные руки. Лишь учитывая мировой опыт, а не подчиняясь ему. Но для этого необходимо выполнение целого ряда условий.

Вынужденная стратегия возрождения народа Украины

*«Заплата должна быть соразмерна дыре»
Джефферсон*

Главная гипотеза для фазового перехода

Воспитанный тысячелетием индивидуализм народа наложен на его уникальный отрыв от средств производства и капиталов. Это делает нацию незащищенной, недееспособной на социальном уровне и абсолютно закрепощенной. Всё зависит только от инициативы государственных деятелей. Поэтому в целом народ безынициативен, теряет даже свою трудовую квалификацию. При этом государственная система – командная в худшем смысле этого слова. Лишь некоторая часть населения вошла в «базарные» отношения, выживает и первоначально накапливает семейный капитал для развития своего хозяйства или мелкого дела. Все происходит в условиях бескомпромиссной борьбы за выживание.

Практически единственный реальный путь выхода из штопора индивидуализма и экономического развала – через активизацию индивидуального развития семьи (первичное накопление) и массовое расширение малого товарного производства, но под координационной эгидой государства.

В авиации известна опасность падения самолёта в штопор. Лишь со временем было определено, что выход из него не в сопротивлении, а в переходе в «управляемый штопор». После этого полёт становится безопасным.

Никакая «МАКРОЭКОНОМИКА» государства без МИКРОЭКОНОМИКИ семьи и первичной территориальной общины невозможна. Иной путь требует нереальных внешних инвестиций. Но и кредиты не найдут деловой почвы без возрождения экономической активности всей нации.

Путь через микроэкономику семьи возрождает трудовую и деловую инициативу, духовность нации и её вечные ценности естественным путём. На таком пути политиканы замещаются тысячами созидательных лидеров. Они смогут вывести себя и других на уровень требований XXI века.

Синтез реальной стратегии возрождения

Путь к процветающей Родине – не прямолинейный, а сложный. Каждый шаг должен базироваться на вековых желаниях человека и его семьи обеспечить **собственный** достаток немедленно. Это желание должно мотивироваться государством (инфраструктура обслуживания, налоги, законы, подготовка кадров организаторов ...). Материальный базис этого – семейная энергоавтономная, наукоёмкая УСАДЬБА (но не квартира в городе). Мы, давшие миру 68% величайших технологий, которые подхвачены миром, но не нами, готовы к этому всей своей сущью.

УСАДЬБА – это семейное (родовое) гнездо, не вульгаризованное аناстасийцами. В принципе она является первой и последней самоцелью человека. Всё остальное – вторичная и последующая необходимости. Уровень развития семейной усадьбы определяет самодостаточность любого государства во всех аспектах.

Типовая усадьба состоит из жилья, подворья (сельскохозяйственного, ремесленного, творческого и др.), земельного участка с огородом, садом, парком. Даже, несмотря на примитивность народной усадьбы (подсобное хозяйство крепостного человека, а не хозяина), она спасла народ от вымирания в годы лихолетья и социальных экспериментов.

В 1991 г. в усадьбах Украины было 38 000 000 граждан. Под 9 451 000 постройками (из них в городах и посёлках – 3 419 607) и их приусадебными хозяйствами было 1 млн. га земли (1/60 территории государства). Даже при социализме они давали 80–90% овощей и фруктов, 60% мяса для самообеспечения народа.

В наше время миллионы обманутых рабочих, специалистов, пенсионеров вернулись к Земле и к отцовскому жилью, чтобы прокормить семью. Это вынужденное возвращение протянется долго, но оно бесперспективно без высокотоварного кооперированного Усадебного Хозяйства на базе специализации, формирования частной инфраструктуры обслуживания поселений и экономического стимулирования государством. Только на этой основе формируется могучий экономический базис государства (первичная прибавочная стоимость), которому не страшны никакие экономические и другие потрясения в мире. Интегральное экономическое состояние усадебного сектора народного хозяйства определяет нижний уровень падения экономики всей страны.

Учитывая нынешнее состояние нашего народа, для перехода на современный экономический уровень необходимо пройти три периода саморазвития:

Первый Период:

– Посвятить себя теории и практике товарной Усадебной Украины и России. Основа периода – создание Программ социально-экономической реконструкции каждого готового для этого села с учётом его исторических традиций и возможностей, массовый выпуск методической литературы для возрождения и внедрения принципиально новых усадебных технологий. Начинается формирование отрасли народного хозяйства по комплексному обслуживанию усадебных хозяйств: от транспортного и торгового до агротехнического и бытового.

– Первая основа самофинансирования – рождённые в Полтаве ещё в 1864 году (и доведенные до безобразия сейчас) добровольные Кредитные Товарищества. Учитывая даже ограниченные финансовые ресурсы односельчан (но особенно их жгучее желание найти собственное товарное место в экономике общины) возникает обслуживающая и товарная усадебная специализация.

Этап естественен, отработан у нас сто лет назад и используемый многими странами. Координация должна убереечь усилия от пустых шагов. Тогда, оказывается, нужно министерство НЕ «агрополитики», а создания инфраструктуры развития сельских общин.

Второй Период:

Массовое самокооперирование и специализация некапиталистических семейных хозяйств по-Чаянову, подготовка специалистов-организаторов товарного усадебного хозяйства, создание техники, новых технологий по выращиванию, переработке и сбережению продукции. Изменение облика села, внедрение практического энергосбережения, массовая специализация на производстве биологически активных продуктов питания. Мы становимся ведущими экспортёрами элитных продуктов питания.

Координирующая роль правительства здесь особо важна, чтобы инфраструктурой и национальными программами направить усилия частных хозяйств в русло разумных решений и реализаций. Появляется желание инвестирования дееспособного сельского хозяйства нашими и иностранными инвесторами.

Без этого этапа регионы, общины, семьи будут разорваны социально-экономическими проблемами, которые даже миллиардами не решить.

Третий Период:

возможен лишь после реализации первых двух. Только они снимают социально-экономическое напряжение и станут финансовым базисом развития современной общегосударственной инфраструктуры. Страна становится современным государством с особым и неповторимым обликом.

Таким образом, с учётом особенностей эпохи, можно и нужно запустить механизм экономической активности народа, не дожидаясь наступления каких-то особых условий. Но это совершенно не «развитие малого базарного бизнеса» в официальном понимании.

Такой подход не отрицает встречного движения власти в подъёме экономики и территорий любым другим (даже административным) путём, если это в принципе возможно (создание гигантских свинокомплексов, совхозов, аграрных объединений и др.)

Универсальность усадебь

В США более 30% госслужащих проживает и работает в усадебных (домашних) офисах за городом и связаны с центральным офисом информационной сетью.

В усадебных домах должны проживать люди творческих, технических профессий. Только на базе усадьбы может быть высококласное обслуживание населения.

Исторические параллели

«Главный предмет изучения человечества – человек»
И.Гёте

Конец крепостного права (1861 г).

В 1861 году народу сверху была дарована свобода от крепостной зависимости. Это было реализовано как выталкивание неподготовленных к самостоятельной экономической жизни малограмотных крестьян в новые товарные отношения. Вчера за них думал барин.

На протяжении нескольких лет в стране была обстановка, подобная обстановке после развала СССР. Отсутствие у народа финансов и понимания реалий приводило к кошмарным человеческим трагедиям. Все были насильственно брошены в базарные отношения.

Но, в отличие от 1991 года, у народа были высокие профессиональные и трудовые навыки, в хозяйствах был «трактор» (волы), сельхозинвентарь. Но, самое главное, в стране нашлись мудрые государственные деятели и образованные экономические умы.

Уже в 1865 году Правительством были приняты предложенные кружком кн. Васильчикова принципы рыночной самоорганизации крестьян на основе Кредитных Товариществ (КТ). Несмотря на существующий передовой опыт по-

добных организаций в Германии, за основу был взят опыт крестьян Гадячского уезда Полтавской губернии. Только он соответствовал условиям России.

Как известно, в Гадяче некий хозяин арендовал у местной общины луг. Плата за аренду была приличной, но при дележе между общинниками – мизерная. Все решили деньги не делить, а использовать для покупки инвентаря в общее пользование. Далее появились новые возможности и идеи.

Пользуясь современной терминологией, возникло сельское Общество с Безграничной Ответственностью (ОБО а не ООО), в которое входили надёжные и честные соседи – труженики. Их совместный капитал, собранный из копеек, позволял активнее развивать хозяйства, организовывать выгодный сбыт, кооперировать и специализировать свои усилия. Ленивых в КТ не брали.

За 30 лет практически безграмотные крестьяне вошли в устойчивые рыночные отношения и требовали реформ. В этих условиях реформы Столыпина нашли готовую для перемен социально-экономическую среду. Миллионы хозяйств перешли к высокотоварному хозяйствованию. Государство делало всё, чтобы создать условия для саморазвития: школы, дороги, сельхозтехника, семена, породистый скот и др.

Крестьянским хозяйствам деньги не давались, но любая консультационная и другая помощь была бесплатной и высококвалифицированной. Например, если крестьянин решил сделать рыбный водоем, то подавал прошение. К нему из уезда или из губернии приезжал специалист. В результате обследования давались подробнейшие бесплатные инструкции по проведению всего цикла работ, а рыба была с минимальной себестоимостью.

КТ вместе с украинскими переселенцами прижились в Канаде, США, Аргентине. Лишь благодаря КТ и единой вере украинцы выжили и сделали свою новую родину всемирной житницей. Для них это было Народной Идеей. Только в США возникло тысячи банков Кредитных Товариществ, работающих с малыми вкладами миллионов.

Государства взяли на себя гарантию сохранности народных средств, оберегая их от сомнительных банковских операций.

Конец колхозного строя (1991 г)

*«Пока нет экономически свободного
хозяина – нет базы других форм свободы»
П. Столыпин*

Миллионы тружеников за годы советской власти приспособились к «реальному» социализму как крестьяне к крепостному праву в России, у них атрофировалось многое. Поэтому, когда по «воле партии» всё рухнуло, народ был лишён опеки, действительность стала подобной 1861 году, но гораздо хуже во всех отношениях. Ведь в 1861 году оставалась мощная чиновничья и научная инфраструктура. Сейчас этого нет. Да и народ экономически в ужасном состоянии (лишен средств развития и существования). Идёт развитие по-Дарвину, а не по-Вернадскому.

Любую идею можно привести к полному абсурду. Яркий пример – колхозы. Идея кооперации жизненна, но перерождение её в крепостное право привело к устойчивой психологии: всё колхозное – это чужое, его нужно при любой возможности разворовывать. Воровали все. Приличные хозяйства держались на выдающихся лидерах и их, в принципе, незаконной экономической деятельности. Многие из них были уничтожены.

Особого изучения ждёт опыт лишь 20-х годов. Благодаря НЭПу были возрождены дореволюционные трудовые традиции, Кредитные Товарищества, кооперация и др. Народ ещё имел мощные навыки хозяйствования. В стране ещё были выдающиеся учёные, экономисты, аграрные организаторы. Издавались тысячи брошюр в помощь «культурным земледельцам» на любые «усадебные» темы. Стремительно развивалась малая энергетика.

Большинство крестьян могло экономически обосновать целесообразность покупки инвентаря, навоза, лошади и др. Каждый принимал решения сам, но чувствовал локоть всех своих соседей и родственников, поддержку властей. Страна быстро пришла к изобилию.

Насаждавшийся казарменный социализм породил голод, смерть и «радость заботы» за льготу в жизни. Наша беда в том, что мы («самая образованная и начитанная» страна) оказались с примитивным социальным образованием, не давшим опыта истории, гармоничного понимания законов Природы и Жизни. Ведь человечество прошло всё. Ошибок было много. Коммунизм изобретён тысячи лет назад. Но мы вновь наступили на грабли истории.

При любых катаклизмах люди становились на ноги благодаря своему труду в своей усадьбе. Если успевали это сделать фундаментально, то возникала возможность фундаментально укрепить и свою державу.

Предварительные выводы

*«Все знания в целом являются человеческой мудростью,
остающейся всегда одинаковой, как бы ни были разнообразны
те предметы, к которым она применяется».
Декарт*

- Власть оказалась бессильной в своих начинаниях и радуется любой удачной попытке найти деньги или кредиты;
- Церкви поражены собственными мирскими грехами и не служат народу;
- Экономика и физиологическое состояние народа держится на хозяйственной деятельности семей и обломках Великой Индустрии. Предел падения «макроэкономики государства» – интегральное состояние усадебной семейной микроэкономики.

На этом фоне целесообразно:

– Подойти к Программе многоэтапного Национального Возрождения как к Святой Народной Экономической Идее. Но уже на первом этапе она успешно решает задачи физического и экономического возрождения семьи на базе наукоёмкой товарной Усадьбы;

– Идея должна быть освящена Патриархами церквей и возглавлена Президентом;

– Создание инфраструктуры развития высокотоварной Усадебной Украины – толчок для промышленности, прикладной науки, образования, духовности и т.д.

– На городских этажах могут жить только «политики», бизнесмены, «вожди» партий и рождаться социальные бедствия национального масштаба.

Народной Экономической Идеей может и должно быть возрождение **товарной усадебной Украины, России**, исторически обусловленной на наших землях. Решив эту проблему, государство выйдет на принципиально новый уровень возможностей.

Мотивацией реализации такой Идеи является естественное желание каждого самому решать свою экономическую судьбу, интенсивно трудиться, вкладывать всё в скорейшую реализацию семейной мечты, частички величия и державы.

Роль государства – создание условий для мотивации и обслуживания этого процесса.

Роль патриотичных Церквей – дать народу духовные силы в достижении им новых возможностей человеческой жизни.

P.S.

Наш функционально полный коллектив универсальных специалистов, разработал методологическую базу, технологии энергетической, продовольственной, информационной, социальной и финансовой самодостаточности депрессивных поселений и новый бесприигрышный **Инвестиционно-Внедренческий Механизм**.

Готовы внедрить инфраструктуру развития энергоавтономных Гелиотехнологий выращивания биологически активных продуктов питания (прибыльность от \$1 млн/га), энергоавтономных Гелиосооружений (Гелиобассейны, Гелиооранжереи, Гелиокемпинги) и др. общественных сооружений, а также Системно самодостаточных ЭкоПоселений различной специализации.

Эта отрасль – основа развития перспективной **Усадебной Державы**, которая даст Первичную Прибавочную стоимость + принципиально качественную продукцию + спасёт народы от вымирания.

E-mail: ivanko-kvirtu@mail.ru

Кабыткина И.Б.

к. полит. н., доцент МГУУ Правительства Москвы
politibka@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОССИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская социализация, гражданская компетентность, личность, воспитание, гражданское образование.

Keywords: civil society, civic socialization, civic competence, personality, education, civic education.

Российское общество характеризуется традиционно мощным потенциалом государственности и слабостью своего гражданского состояния. Именно слабостью, а не абсолютным отсутствием. С начала 90-х годов XX века в стране концептуально и практически начала постепенно реализовываться идея гражданского общества. Ныне оно приобрело состояние определенной степени зрелости, способное к детерминации других социальных явлений и процессов. Мы исходим из того, что институционально-функциональная основа гражданского общества в России уже сложилась. Российское гражданское общество в той или иной степени способно быть источником влияния на другие социальные процессы, в том числе – на процессы социализации личности, социальных групп, организаций и институтов.

Известно, что в России длительное время не существовало теории и практики социализации личности. Их заменяли теория и практика образования и воспитания. С позиций «влиятельности» гражданского общества они выглядят как гражданское образование и гражданское воспитание.

Гражданское образование – это социально-ориентированная система получения, восприятия и использования знаний, основанная на принципах идейно-теоретического плюрализма, объективности, демократического консенсуса, добровольности, направленная на удовлетворение потребностей в социализации, самореализации, формировании гражданской активности и демократической культуры в интересах личности, гражданского общества и правового государства¹.

Значение гражданского образования взрослого населения заключается в том, что подавляющая часть взрослых получила образование и воспитание в условиях недемократического общественно-государственного строя. Сегодня же взрослый человек является основой всех преобразований в стране, и его «социалистический запас» знаний и навыков для проведения социально-экономических и демократических реформ явно не достаточен. И здесь гражданское образование должно создать условия для развития демократической личности.

Кроме того, социальное расслоение населения, растущее стартовое неравенство детей и подростков, детская беспризорность, молодежная безработица и преступность, девальвация культурно-нравственных ценностей в обществе – эти факторы существенно ограничивают, а порой и деформируют возможности общеобразовательной школы социализировать молодежь в прогрессивном направлении. А это, в свою очередь, сказывается впоследствии на возможности осознанного, обоснованного, с точки зрения согласования интересов уже взрослого человека и общества, самоопределения личности в процессе ее социализации. Поэтому перед гражданским образованием стоит задача – учитывая неблагоприятное влияние социума, обеспечить направленную и эффективную социализацию, конструируя соответствующие воспитательные системы. Какие же проблемы сегодня возникают с точки зрения практики в вопросах гражданского образования и соответственно социализации личности?

Социализация невозможна без новой модели личности и без решения проблемы соотношения науки и идеологии. А здесь существуют два противоположных подхода. Один из них утверждает необходимость идеологии как системы ценностей и убеждений, объединяющих людей, придающих смысл жизни и деятельности современного поколения. Другой отрицает нужность идеологии, рассматривает ее в качестве коллективного заблуждения.

Шилова М.И. говорит о том, что «разработка проблем образования и социализации предполагает формирование идеологии, включающей в себя совокупность общечеловеческих и национальных, культурных образовательных традиций»². Хотелось бы поддержать автора и отметить, что отсутствие идеологии сказывается на решении ряда стратегических вопросов общественного развития. Так, например, в стране до сих пор не созданы новые институциональные механизмы, не определены образовательные цели, воспитывающие единое чувство нации, что необходимо в любом обществе.

Понятие патриотизма или любви к своей стране зачастую приравнивается к национализму или шовинизму, к готовности следовать национальным интересам вне зависимости от того, являются ли они морально оправданными

¹ Овчинников Г.А. Гражданское образование взрослых в формировании ценностных ориентаций личности / Научные проблемы и дискуссии. – <http://www.kspu.ru/annual/an2/p2/doc>

² Сборник: Образование и социализация личности в современном обществе. – Красноярск, 1997. – С. 4.

или нет. Между патриотизмом и этикой всегда существовал определенный конфликт, но образование всегда считалось основным инструментом для усиления чувства принадлежности к определенной нации. Возникает вопрос: как создать содержание образования, одновременно прививающее гордость за свою страну и в тоже время, стимулирующее критическое отношение к политической реальности. Это одна из проблем гражданского образования.

Помимо тех приоритетов и особенностей формирования гражданской социализации в России, которые обусловлены характером гражданского общества, следует отметить и особенности собственно российского варианта социализации личности, сложившиеся под влиянием социально-политических реальностей и господствующих мировоззренческих тенденций.

Во-первых, до последнего времени в России культивировалось становление личности не столько по правилам социализации, сколько по принципам воспитания, понимаемого как процесс формирования ее качеств, необходимых воспитателю. Длительное время в нашем обществе теория социализации трактовалась как теоретический феномен буржуазного общества, подлежащий уничтожающей критике и обструкции. Многие теоретические штампы и стереотипы до сих пор кочуют в сознании населения, в том числе в трудах российских обществоведов. В особенности это характерно для российской педагогической теории и практики, которая всегда ориентировалась на воспитание, понимаемое как альтернатива социализации личности. Но как оказалось, это далеко не так.

Основное отличие воспитания от социализации состоит в том, что первое является компонентом второго, и в этом плане воспитание не исчерпывает все цели социализации личности. В воспитании основную роль играет личность воспитателя (что и нужно в первую очередь обществу с тоталитарным политическим режимом), а в процессе социализации основную роль играет сама личность с ее способностью делать социальный выбор в зависимости от интересов, мотивов и задатков. С позиций концепции социализации личность имеет даже право на выбор системы воспитания и самих воспитателей – данный тезис всегда был неведом для так называемой социалистической системы формирования личности.

Все сказанное относится и к сфере формирования и развития гражданской компетентности, понимаемой в узком смысле слова, то есть как процесс профессиональной социализации личности, формирования ее профессионального мастерства путем приобретения определенной совокупности знаний, навыков и умений, наличия компонента соответствующей гражданской культуры, приобретенного опыта практической деятельности. Именно компонент гражданско-профессиональной культуры позволяет личности осуществлять передачу своего профессионального потенциала представителям следующего поколения, что делает процесс социализации личности способом взаимосвязи и взаимодействия поколений в сфере определенной профессии.

Российское общество пока не освоило адекватную практику гражданско-профессиональной социализации личности ни на уровне институтов социализации, ни на уровне каналов протекания этого процесса, ни на уровне признания поля личной автономии как центрального явления процесса социализации личности. Большинство в России считают данный процесс порождением либерализма и элитарной демократии, полагая, что для России с ее ментальным патернализмом данный процесс не подходит и не должен внедряться. Практика покажет, насколько востребована гражданская социализация в профессиональной сфере российского общества. Нам представляется, что зрелое гражданское общество и его активные представители сами поставят этот вопрос в практику реализации, но произойдет это по мере ценностно-культурной переориентации большинства населения.

Во-вторых, формирование гражданской компетентности в условиях России вплоть до настоящего времени испытывает на себе фрагментарность и дуализм культурно-мировоззренческого и идеологического влияния на личность, что существенно усложняет и затрудняет процесс ее гражданской социализации. Как отмечает Володин А. Г., «по сей день сохраняется избыточная идеологизация политического процесса, когда противостоящие стороны предпочитают обсуждать не конкретные подходы к модернизации общества, а сопоставлять те или иные идеологические установки. Россия же нуждается в «секуляризации» политики; рядовые граждане (хотя бы подсознательно) чувствуют, что их разграничение на «западников» и «почвенников» сегодня лишено смысла, потому что всякая публичная политика, не имеющая ясных целей, внутренне ослабляет общество, мешает сосредоточиться на реальных проблемах развития страны»¹. Конечно, любая политика в «открытом» обществе предполагает наличие мировоззренческо-идеологических и культурно-этических ориентиров. Однако при выборе стратегии преобразований экономическая, правовая и политическая системы могут существовать лишь в форме выражения конкретно-определенного культурного мировоззрения, опирающегося на очевидные и достигнутые результаты и на их основе мобилизующего население.

В-третьих, в России еще социально не оформилась гражданская и политическая сила, способная самостоятельно, профессионально и ответственно возглавить процесс экономической, социальной и политической модернизации. Нынешняя предпринимательская прослойка – это по большей части буржуазия в первом поколении со многими признаками, характерными для периода становления российского капитализма в конце XIX века – отсутствием видения исторической перспективы, т.е. понимания особенностей своего положения в обществе и вытекающих из него ограничений и обязанностей, хищническим характером потребления материальных благ и использования ресурсов, нежеланием подчиняться правовым нормам и традиционным культурным правилам. Преимущественно по таким же правилам действует и политическая элита современной России, не обременяющая себя выгодными для общества и эффективными преобразованиями, но ставящая во главу угла материальные интересы. Своим поведением элитно-капитализирующаяся прослойка дискредитирует саму идею экономических реформ, косвенно поддерживает в обще-

¹ Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // Политические исследования. – М., 2003. – № 3. – С. 23.

стве влияние деструктивных политических сил, в отдельных случаях открыто идет на тесную связь с западными «партнерами», торгуя национальными интересами с очевидной выгодой для себя.

С началом реформ повсеместно расцвело предпринимательство администраций, органы государственной власти и местного самоуправления создавали товарные и финансовые объединения – распорядителями таких фондов, как правило, назначались заместители главы соответствующей администрации; чиновники в новых рыночных условиях стали осваивать оптовый бартер, учреждали биржи и торговые дома, акционерные общества и совместные предприятия.

Со временем произошло отделение государственной власти от распоряжения государственной собственностью. Такому отделению способствовало не упорядочение законодательства, а упорядочение чиновничества. Были созданы различные специализированные коммерческие структуры с тем или иным участием органов власти, в эти структуры и «перешла значительная часть чиновников, сохранив при этом тесные связи с соответствующими администрациями»¹.

Доказывает существование таких связей факт перехода высшей номенклатуры в частный сектор. Получающих прибыль предприимчивых чиновников принято называть бюрократической буржуазией, которая не тождественна коррумпированному чиновничеству: коррупция сама по себе еще не превращает чиновника во взяточника, расхитителя – в предпринимателя, если полученные нечестным путем средства не вложены в какое-либо дело. При этом бюрократический капитал обладает низкой экономической эффективностью, т.к. подавляющая доля его превращается в мертвые ценности, в недвижимое имущество владельцев, утекает в иностранные банки. Неэкономичность такого капитала оборачивается неэффективностью экономики в целом. В интервью газете «Известия» французские социологи Моник и Мишель Пенсон заявили, что «они шокированы тем, что в России делают состояния не путем производства материальных ценностей, а только спекуляцией и коммерцией»².

В-четвертых, становление и формирование гражданской компетентности в России пока не приобрело развитого институционального сопровождения и выражения. Мало того, даже в тех сферах гражданской компетентности, в которых закон предусматривает опору на установленные механизмы, процедуры и нормы, процессы регулируются не столько формальными установками, сколько так называемым «человеческим фактором» – обусловленные интересами личной зависимости отношения как регуляторы решения подавляющего большинства проблем. Следовательно, институциональная развитость и зрелость в сфере гражданской компетентности должна быть доведена до минимизации вмешательства «человеческого фактора», блокирования его влиятельного действия и гарантированной реализации того, что предполагают формальные правила.

Как отмечает А.Ю. Сунгуров, понятие гражданского общества приобрело новое измерение в связи с развитием сектора некоммерческих групп и организаций, или «третьего сектора». «Первым» и «вторым» секторами называют совокупности, соответственно, *государственных* институтов и деловых *частных* организаций и предприятий. Под «третьим сектором» понимается совокупность организаций, не ставящих перед собой целей увеличения личного дохода граждан непосредственно через участие в их работе или через владение ими; в рамках этой концепции говорят также о «неприбыльном», «неправительственном» секторе, секторе «добровольной активности», о «сообществе некоммерческих организаций (НКО)» и т.п.³. Весьма важно, что для всех подобных организаций характерна деятельность ради общественного благополучия.

В посткоммунистических странах и, в частности, в современной России «сообщество НКО» может рассматриваться как ядро, центральная часть гражданского общества, так как именно в этом сообществе в наибольшей степени сохранился сегодня приоритет моральных ценностей. Надо надеяться, что именно отсюда реальная моральная нормативность распространится на политическое сообщество – в виде отрицания имморализма в политике – и на экономическое – в виде новой этики бизнеса или корпоративной морали. Тогда-то и можно будет говорить о наличии в России гражданского общества, понимаемого как совокупность свободных ассоциаций граждан, с многообразными взаимосвязями между ними (в предельном случае такие ассоциации состоят из одного человека), уважающих законы государства (уважающего в свою очередь права человека), умеющих и желающих влиять на эти законы и не позволяющих вмешиваться в свою повседневную деятельность никаким государственным чиновникам⁴.

В-пятых, гражданская *компетентность* в российском обществе пока не опирается на уровень легитимности, достаточный для ее признания в обществе в качестве ценностно-ментальной почвы профессиональной деятельности. Мы уже говорили об этом, касаясь теории и практики социализации личности в сравнении с практикой ее воспитания.

Взаимодействие любой социальной реальности с населением осуществляется в контексте социального времени, являющим собой единство традиционного и актуального. Сегодня многие люди потеряли социальный статус, жизненные ориентиры, уверенность в своих силах. На поверхности жизни нередко всесильными и разбогатевшими становятся те, кто отказывается от нормативного поведения, начинает «играть без правил», а законопослушные граждане, не утратившие трудовой морали, испытывают разочарование в переменах, страх перед будущим, озлобляются и ругают то прошлое, то настоящее. Такие состояния приводят к отчуждению людей друг от друга и от власти. Так, мы убедились, что авторитет государственной власти поддерживают своей деятельностью те из депутатов, чиновников, крупных политических фигур, кто не отгораживается от повседневных нужд населения, умеет сказать людям правду и

1 Афанасьев М.Н. Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. – М., 1998. – С. 176.

2 Коваленко Ю. Богатые — класс, клан и каста // Известия. – М., 1996. – № 86.

3 Сунгуров А.Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // Политические исследования. – М., 1999. – № 6. – С. 25.

4 Сунгуров А.Ю. Становление гражданского общества в Санкт-Петербурге и России // Общественные науки и современность. – М., 1997. – № 3. – С. 35.

объяснить причины обострения ситуаций и пути решения тех или иных проблем, а также найти средства, максимально снижающие социальный риск преобразований.

Связи с населением – основа закрепления легитимности должностных лиц с властными полномочиями. От поддержки населения зависит реализация социальных программ и предвыборных обещаний руководителей всех ветвей власти.

В отношениях с населением представитель государственных структур власти, имеющий соответствующие полномочия, использует различную тактику: разрешения, запреты, силовое воздействие, попустительство, посулы, перенос внимания на «другое», разъяснения, уговоры, призывы, демагогические заявления, явные и скрытые угрозы и т.д.¹.

Диапазон средств осуществления властной воли широк, но применение тех или иных средств зависит от нравственных устоев «человека власти», характера отношений с населением и от конкретной ситуации, в которой решается та или иная политически важная задача власти.

Взаимодействие властвующей личности с населением требует освобождения обыденного сознания от нетерпимости, предубеждений, агрессивности, мести, разделения на своих и чужих. Недоверие самого населения к любой власти в государственной иерархии мешает взаимодействию. Это недоверие, порожденное общей социально-экономической ситуацией, тяготами повседневной жизни, нередко переносится на всякое должностное лицо, представляющее власть.

В то же время стабилизация отношений с населением в нынешних условиях возможна, на наш взгляд, при соблюдении нескольких социально ориентированных правил: во-первых, люди власти должны знать, что творится «в гуще народных масс», выявлять и отражать в политике насущные и актуальные запросы населения; во-вторых, необходимо не терять стратегической инициативы по развитию общества, без этого нельзя обеспечить благоприятный социальный фон взаимодействия с населением; в-третьих, преодоление кризисных явлений требует от лидера каждодневного предметного исполнения своих обязанностей; само выживание людей зависит от чуткости, совестливости человека власти и качественного исполнения им ролевых предписаний.

Все вышесказанное убеждает в том, что гражданское «измерение» социальной компетентности, в конечном счете, определяет прогрессивность и цивилизованность как самого гражданского общества, так и государства, которому оно «сопротивляется». Любое общество не может отказаться от сферы гражданственности по причине того, что она внутренне и закономерно присуща ему, ибо реализует потребность его саморазвития и социализации личности. С точки зрения формирования социально активной и более ответственной личности гражданскому обществу по сути дела нет альтернативы. Оно в ряде случаев не только уникально, но и абсолютно универсально в условиях, когда государство исчерпывает резервы своего воздействия на личность.

Россия, в историческом развитии которой было всегда «слишком много государства», в последние десятилетия получила исторический шанс реализации преимуществ и возможностей гражданского общества, его воздействия на личность и в целом на изменение социальных отношений. Этап формирования, постепенного складывания и развития институтов гражданского общества в России убеждает в том, что данный феномен социализирует личность настолько, насколько мотивирован ее жизненно-профессиональный выбор и реализован социальный интерес. Дальнейшее прогрессивное развитие общества и личности в России будет зависеть от состояния и зрелости гражданского потенциала, способного к конкурентной и состязательной реализации вызовов XXI века. России еще предстоит сказать свое «веское слово» в этом историческом процессе.

¹ Тулеев А.М. Политическое лидерство в современной России: Региональный ракурс. – М.: Мысль, 2000. – С. 127.

Кузнецова И.П.

к.соц.н., Санкт-Петербургский государственный университет

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие, качество жизни, социальная политика в России и ЕС.*

Сегодня происходят интенсивные процессы интеграции, глобализация становится фактором для всевозможных экономических и социальных преобразований современного общества. В то же время продолжает сохраняться социально-экономическое неравенство среди населения различных стран мира. Социальное неравенство, снижение уровня и качества жизни подрывает экономический рост, оказывает негативное влияние на социальную стабильность в обществе, препятствует участию населения в политической, экономической и социальной жизни страны. По сравнению с развитыми зарубежными странами, и европейскими в том числе, уровень и качество жизни населения Российской Федерации отличается крайне низкими показателями.

Сегодня повышение качества жизни считается приоритетным направлением государственной политики во всех развитых странах мира. Становится очевидным, что при дальнейшем развитии человеческой цивилизации качество жизни граждан будет являться одним из основных факторов экономического развития. А уровень и качество жизни населения будет отражать в полной мере эффективность работы государственных структур, социальную политику, проводимую правительством.

Общепризнано, что хотя основой социального развития страны остается её экономический потенциал, в то же время социальная сфера начинает рассматриваться в качестве ключевого фактора, способствующего экономическому успеху. Сегодня развитые страны мира стремятся создать новую систему всеобщего благосостояния, в основе которой предоставление государственных услуг надлежащего качества всем гражданам без исключения в ряде важнейших областей: здравоохранении, образовании, социальных услуги для пожилых людей, забота о материнстве и детях.

В настоящее время под руководством ООН разработана концепция устойчивого социального развития, основными чертами которой являются: обеспечение мира, стремление к экономическому процветанию, соблюдению прав человека, права на достойную жизнь и социальную защиту. Важно осознание того, что в новых экономических и социальных реалиях востребована как новая модель экономического роста, так и новая модель социальной политики, способствующая повышению уровня и качества жизни населения. В социальной политике развитых стран мира ставится основная цель – уменьшение экономических и социальных последствий мирового финансового кризиса.

В последнее время первоочередной задачей Евросоюза является восстановление экономического роста в условиях рецессии, повышение конкурентоспособности европейской экономики на международном рынке. Последствия финансового, экономического мирового кризиса прямо влияют на ухудшение качества жизни населения, препятствуют дальнейшему социально-экономическому развитию. В последние годы наблюдаются попытки сократить государственные расходы на социальную сферу как в странах Евросоюза, так и в Российской Федерации, что вызывает протестные настроения среди населения.

Не нужно быть великим экономистом для признания простой истины, что не может быть сильного, процветающего государства при наличии в нем бедных граждан, о чем многочисленные российские реформаторы даже не думают, пытаясь доказать, государство ничем не обязано своим гражданам. При таком экономическом подходе все рассуждения о социальной политике, повышении уровня и качества жизни российского населения остаются в области теоретических рассуждений или эмпирических исследований.

Справедливости ради следует отметить, что и в некоторых европейских странах не все благополучно. Как отмечает польский социолог Ядвига Станишкис, в современном польском государстве можно наблюдать своеобразную «колонизацию» собственного общества, которое выражается в перекладывании последствий экономического кризиса на польское население.

Среди других негативных явлений в Польше можно назвать безработицу, постоянное снижение социальных стандартов, жизненного уровня, безнаказанность власти, рост налогов и платежей, отсутствие государственных планов, касающихся дальнейшего развития страны¹. Последствия недавнего экономического кризиса заставили правительства европейских стран задуматься о принятии мер, направленных на установление более жесткого контроля расходования государственных средств в области социального обеспечения европейских граждан. Одним из признаков экономического спада считается падение покупательной способности населения, рост безработицы, банковский кри-

¹ См.: Staniszkis J. O władzy i bezsilności. – Kraków, 2006.

зис, приостановка деятельности или полное банкротство мелких и крупных компаний. По данным Евростата (Eurostat) за последние два года сильнее всех от безработицы пострадали страны Балтии, Греция, Испания. В наиболее выгодном положении в этом плане оказались Германия и Нидерланды, в которых были разработаны эффективные меры по предотвращению безработицы среди населения¹.

Социально-экономический кризис в Греции в очередной раз выявил значительные различия в уровне развития экономики стран Евросоюза. В последнее время часто встречается критика социальных государств в их стремлении обеспечить социальной защитой практически каждого гражданина, предлагаются новые модели социальных государств. В то же время согласно данным Евростата одной из первых стран, вышедшей из мирового экономического кризиса с минимальными негативными социальными последствиями оказалась Норвегия – страна, в которой наилучшим образом сочетается высокий уровень и качество жизни граждан с экономическим подъемом на фоне остальных европейских стран. Становится очевидным, что для обеспечения экономической и социальной стабильности требуется государственное вмешательство. Политика невмешательства в функционирование рынка себя не оправдывает, так как последний не в состоянии решить проблему нарастающего социального неравенства, безработицы и других негативных явлений.

Необходимо отметить, что не существует общепризнанной единой концепции качества жизни и единой методики его измерения, соответственно усложняются и исследования качества жизни населения. Разработкой критериев оценки уровня и качества жизни населения занимаются многочисленные международные организации: ООН, Евросоюз, Всемирный банк, Организация стран экономического сотрудничества и развития. На сегодняшний день одним из самых известных и успешно применяемых в мире является интегральный показатель для межстранового сравнения измерения уровня жизни населения – Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). С 2010 года стал использоваться индекс человеческого развития (ИЧРН) с учетом социального неравенства, индекс гендерного неравенства, индекс многомерной бедности. По данным отчета ООН за 2014 год на основе статистических национальных и международных данных по 187 странам мира за 2013 год на первых трех местах оказались Норвегия, Австралия и Швейцария. В этом рейтинге Российская Федерация занимает 57 место в мире².

Международная консалтинговая организация в сфере человеческих ресурсов Mercer Human Resource Consulting проводит ежегодный мониторинг качества жизни населения в крупных городах мира «Quality of Living Survey», который включает 39 критериев. В 2011–2012 гг. на первых местах оказались Вена, Цюрих и Окленд. Российская Федерация в данном исследовании представлена двумя городами – Москвой и Санкт-Петербургом, которые в эти годы заняли 163–166 места и 165–170 места в рейтинге. Согласно исследованиям этой организации за 2014 год лучшими городами считаются Вена, Цюрих, Мюнхен, Дюссельдорф, Франкфурт. В то же время худшими городами были признаны: Тбилиси, Минск, Ереван, Тирана, Санкт-Петербург. Исследования проводились в 223 крупных городах мира и учитывались 39 факторов качества жизни населения. Международные данные этой организации используют крупнейшие транснациональные компании мира, когда принимают свои финансовые решения, начиная от инвестиций в зарубежные проекты до выплаты заработной платы сотрудникам, работающим в различных городах мира³.

В последнее время для измерения качества жизни населения активно используется показатель Калверта-Хендерсона как инструмент для оценки национальных тенденций, показывающий ухудшение или улучшение социально-экономического положения страны. В результате совместной работы междисциплинарной группы ученых появился новый подход в измерении качества жизни, который использовал самые передовые, новейшие технологии измерения. Данный индикатор состоит из двенадцати показателей: образование; занятость; права человека; доход; инфраструктура; жилье; самосовершенствование; окружающая среда; энергоресурсы; национальная и общественная безопасность. Один из важных и в то же время парадоксальных выводов, сделанных в результате исследования, состоит в том, что при общем росте экономики в стране уровень жизни населения может снижаться⁴.

Другой относительно новый индекс процветания (The Legatum Prosperity Index – LPI), разработанный аналитическим центром в Великобритании, так называемый сводный индекс, определяет социально-экономические достижения 142 стран мира по 89 показателям, сгруппированные следующим образом: государственное управление, образование, экономика, предпринимательство, здоровье, безопасность, личная свобода и социальный капитал. На первых местах в рейтинге оказались Норвегия, Швейцария и Новая Зеландия, Российская Федерация в 2014 г. оказалась на 68 месте⁵.

Измерение качества жизни населения в странах Евросоюза проводят с 2003 года, включая вопросы занятости, дохода, образования, жилищных условий, здоровья, удовлетворенности жизнью и многие другие показатели. По данным за 2012–2013 гг. в странах Евросоюза экономический кризис затронул все европейские страны в большей или меньшей степени, но больше всего пострадали Греция, Португалия, Испания и относительно новые, недавно присоединившиеся страны – Словения и Эстония. Наиболее высокий уровень благосостояния, качества жизни населения демонстрируют такие страны как Дания, Финляндия, Нидерланды, Швеция. Самый низкий уровень – Болгария, Греция, Венгрия, Латвия, Румыния. Такие страны как Эстония и Латвия имеют самый низкий уровень медицинского обслуживания⁶.

¹ www.europa.eu/Eurostat

² www.un.org

³ www.mercer.com

⁴ www.calvert-henderson.com

⁵ www.prosperity.com

⁶ www.ec.europa.eu/Eurostat

Для улучшения экономической и социальной ситуации в европейских странах, достижения устойчивого роста и развития была разработана и принята новая стратегия экономического развития Европа – 2020. Для преодоления высокого уровня безработицы и внешнего долга, медленного экономического роста стратегия фокусируется на пяти целях в области занятости, инноваций и научных исследований, образования, снижения бедности и климатических условиях. В области занятости планируется обеспечить работой 75% европейских граждан в возрасте 20–64 лет. В научные исследования и разработки намечено инвестировать 3% от ВВП. В данной стратегии планируется сократить число европейских граждан, которые находятся у черты бедности, на 20 миллионов человек, в области образования – детей бросивших школу на 10%. В то же время получить высшее образование должно не менее 40% среди молодых людей в возрасте 30–34 лет¹. Для определения путей и способов обеспечения устойчивого благосостояния российских граждан, динамичного развития экономики, национальной безопасности российским правительством была принята «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года». В концепции сформулированы основные направления долгосрочного социально-экономического развития, расставлены приоритеты в социальной сфере, намечены структурные преобразования в экономике, достижение высоких стандартов уровня и качества жизни граждан². В то же время приходится констатировать, что повышение качества жизни и реализация вышеназванной стратегии проходят не на должном уровне, что и показывают многочисленные международные рейтинги, связанные с данной проблематикой.

В различных странах имеются собственные государственные стандартные методики измерения качества жизни, уровня богатства и бедности населения. В Евросоюзе уровень бедности вычисляют исходя из среднедушевых доходов, а не абсолютной цены потребительской корзины, как это принято в России. Поэтому до сих пор наблюдается существенная разница в методиках измерения прожиточного минимума. Принято считать, что прожиточный минимум – это минимальный уровень дохода, необходимый для обеспечения определенного уровня жизни, который варьирует в зависимости от страны, уровня инфляции и других показателей. В России принято рассчитывать прожиточный минимум на основе нормативного метода с расчетом на одного человека в месяц. Величина прожиточного минимума является показателем абсолютного измерения низких доходов с использованием нормативов потребления важнейших благ и услуг на минимально допустимом уровне по расчетам прожиточного минимума по регионам Российской Федерации. Прожиточный минимум представляет стоимостную оценку так называемой потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, а также обязательные платежи. Как правило, величина прожиточного минимума определяется ежеквартально, используя данные статистики уровня потребительских цен на продовольственные и непродовольственные товары. При помощи данных о прожиточном минимуме оценивается уровень жизни населения в ходе реализации социальной политики и федеральных социальных программ. Величина прожиточного минимума на основе постановления Правительства РФ № 1321 от 05.12.2014 года устанавливается отдельно в зависимости от социальных групп и составляет на душу населения – 8086 руб., для трудоспособного населения – 8731 руб., пенсионеров – 6656 руб., детей 7738 руб. соответственно³.

Следует отметить, что развитие социальной политики связано с предоставлением социальных услуг для отдельных категорий населения, особенно для наиболее уязвимых социальных групп общества. Для выполнения вышеназванных услуг создаются различные центры социального обслуживания населения. В Федеральном законе «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» отмечается, что государство гарантирует гражданам право на различные виды социального обслуживания как на платной, так и бесплатной основе. Социальное обслуживание основано на следующих принципах: адресность, доступность, добровольность, гуманность, приоритетность предоставления услуг несовершеннолетним, находящимся в трудной жизненной ситуации, конфиденциальность и профилактическая направленность. Существуют различные виды социального обслуживания населения: обслуживание на дому, материальная помощь, предоставление временного приюта, социальный патронаж граждан, консультативная помощь и многие другие виды⁴.

Общепризнано, что система социальной защиты является одним из приоритетных направлений социальной политики, призванной обеспечить устойчивое экономическое развитие и социальную стабильность в обществе. Все это важнейшие факторы, которым придается большое значение при разработке социальной политики Европейского Союза. Социальная защита населения в европейских странах имеет богатую и длительную историю, например, в Великобритании в середине XVI века были сделаны первые попытки перераспределения финансовых средств в пользу бедных. В целях содействия социальному прогрессу, совершенствования социального обеспечения граждан принимается целый ряд многосторонних соглашений и договоров между европейскими странами в XX веке. В частности, Европейская Конвенция о социальном и медицинском обслуживании, принятая в середине прошлого столетия, с целью обеспечения и закрепления социальных прав граждан, состоит из двадцати четырех статей. Вышеназванная конвенция регулирует получение пособий по социальному и медицинскому обслуживанию иностранными гражданами, условия репатриации, сотрудничество со странами членами Совета Европы в области социального страхования, оказания вза-

¹ www.ec.europa.eu/Eurostat

² См.: Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008. № 1662.

³ См.: Постановление Правительства РФ «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации» от 05.12.2014 № 1321.

⁴ См.: Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 10.12.1995. № 195. ФЗ.

имного содействия в целях выполнения настоящей конвенции¹. Один из современных примеров – система социального обеспечения в Швеции, которая гарантирует социальную защиту и достойное существование каждому гражданину. Функции социального обеспечения, такие как молодежные программы, попечительство, социальные пособия, адаптация беженцев и мигрантов возложены на шведские коммуны. Согласно шведскому законодательству всем гражданам гарантируются социальные льготы вне зависимости от уплаты или неуплаты страховых взносов, статуса безработного или работающего гражданина.

Основным источником в правовом регулировании отношений по социальной политике и социальному обеспечению является конституция страны. Конституция Российской Федерации, в частности статья 7, определяет российское государство как социальное, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека². Понятие «достойная жизнь» является довольно многозначным, критерии достойной жизни меняются с течением времени, и в каждом обществе существуют свои стандарты. Право на достойный жизненный уровень – одно из социально-экономических прав человека, реальное исполнение закрепленных в законодательстве обязательств государства перед своими гражданами. Можно сказать, что достойная жизнь означает уровень, удовлетворяющий нас по качеству, позволяющий наслаждаться жизнью и своими достижениями, предоставляющий возможности для реализации своего индивидуального потенциала.

Социальная политика европейских стран основана на Европейской Социальной Хартии 1961 года, которая закрепляет ряд социальных прав человека и направлена на улучшение жизненных стандартов благополучия, повышения уровня и качества жизни. Социальные права человека были не только провозглашены – был определен порядок их реализации в национальных законодательствах различных стран. Европейская Социальная Хартия через несколько лет была пересмотрена в целях обновления и включения в неё новых категорий прав и реализации уже имеющихся с учетом произошедших в европейских странах социальных и экономических изменений. Россия подписала Европейскую Социальную Хартию в 2000 году.

При помощи социальной политики государство регулирует социально-экономические условия жизни общества, отношения между различными социальными группами, создает благоприятные условия для развития каждого члена общества. Современный подход в европейской социальной политике выражается в решении насущных проблем: социального благополучия, повышения уровня социальной защиты, социальной солидарности, расширение возможностей для самореализации каждого человека. Европейский Социальный Фонд (European Social Fund) является основным финансовым инструментом социальной политики, который основывается на принципах совместного управления и задействован в различных проектах, способствующих повышению уровня и качества жизни европейских граждан. В социальной политике Европейского Союза большое внимание уделяется равным возможностям для европейских граждан, проводится мониторинг возможностей среди жителей всех стран, входящих в ЕС. Известный индийский экономист, лауреат Нобелевской премии Амартия Сен разработал основные идеи для измерения социального неравенства, качества жизни населения в Европейском Союзе. Важнейшими в данной методике измерения являются следующие показатели:

- полноценная жизнь, отсутствие преждевременной смертности;
- хорошее состояние физического и психологического здоровья, отсутствие болезни, психического и эмоционального нездоровья;
- физическая безопасность, т.е. отсутствие межличностного насилия, домашнего в том числе;
- достойный уровень жизни с соответствующим доходом, достойные жилищные условия;
- участие в принятии политических решений и многие другие показатели³.

Следует отметить, что на качество жизни влияют различные факторы, в частности система распределения материальных благ, ценовая политика, развитость банковского сектора, регулирование заработной платы, недопустимость ее снижения. В европейской социальной политике считается важным потенциальный вклад социальной защиты в качестве долгосрочных инвестиций в снижении рисков, содействие экономическому восстановлению после глобального финансового кризиса, когда особое внимание должно уделяться решению проблем граждан с низкими доходами, пожилых людей, безработной молодежи, повышению социальной интеграции общества с помощью социальных гарантий.

Приоритетными направлениями социальной политики стран Евросоюза остаются использование экономического и социального потенциала населения и достижение равных возможностей. Конечной целью социального развития гармоничного общества является улучшение и повышение качества жизни, расширение прав и равных возможностей доступа к материальным и нематериальным благам. Признается необходимость в новой экономической парадигме, которая бы учитывала паритет между тремя основами устойчивого развития – социальным, экономическим и экологическим благополучием. Положительный опыт стран Европейского Союза в направлении стабилизации социально-экономических отношений, повышения качества жизни населения может быть полезен при разработке эффективной социальной политики, реформирования системы социальной защиты российских граждан.

¹ European Convention on Social and Medical Assistance (ETS No.14) Paris 11 XIII 1953.

² См.: Конституция Российской Федерации. Официальное издание. – М.: Юридическая литература, 2000.

³ Sen A. Inequality reexamined. Harvard University Press, 1955.

Микайлова И.Г.

д.филос.н., член Ассоциации историков искусств и художественных критиков, профессор СПбГУ

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В XXI ВЕКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Ключевые слова: социальное государство, социокультурная динамика, российская государственность, история России, национальная идентичность.

1. Методологический подход к изучению исторического опыта воспроизводства социокультурной динамики российской государственности

Изучение динамики воспроизводства моделей российской государственности в контексте социокультурной динамики потребовало нового методологического подхода к анализу специфики воспроизводства стабильной государственности в условиях отказа от доминирующей в обществе идеологии и доминирующего в коллективном сознании социального идеала с позиций синергетической философии истории. Настоящее исследование, посвященное изучению специфических закономерностей конструктивного и деструктивного опыта воспроизводства моделей российской государственности и формирования ориентирующих их социокультурных идеалов, базируется на методе дуальных позиций¹ и законе самоорганизации социальных идеалов².

Специфику провозглашенного современной Российской Конституцией идеологического плюрализма, положившего конец единой государственной идеологии, составила интеграция российского общества в глобализационные процессы, под влиянием которых общество, ввергнувшее себя в состояние идеологического хаоса, столкнулось с угрозой частичной или полной утраты национальной и социокультурной идентичности, идеалов и провозглашаемых ими ценностей и последующей трансформации в социокультурную колонию мощных мировых держав с присущей им идеологической установкой³. Именно поэтому степень адекватности представлений членов сообщества об объективной сущности глобализационных процессов и их влиянии на интегрирующееся в них российское государство определяет специфику нового социального идеала, формирующегося в недрах пятой модели российской государственности⁴.

2. Специфика воспроизводства моделей российской государственности

Результаты предпринятого нами анализа специфики воспроизводства моделей российской государственности позволили выявить три типа **социокультурного воспроизводства**: статичное, конструктивно-динамичное и деконструктивное.

– Статичное воспроизводство

Предполагает воспроизводство социокультурного опыта и традиционной эмоциональной доминанты социальных отношений на неизменном уровне и ориентировано на традиционные идеалы посредством выбора освоенных альтернативных решений, адаптации к формирующимся условиям, которые рассматриваются как объективно заданные субъектам воспроизводственного процесса. Воспроизводственная активность такого типа противостоит инновациям, противоречащим принятым в этом обществе поведенческим стереотипам, а неприятие инноваций определяется неспособностью членов сообщества оценить их конструктивный смысл. Характерный для традиционных цивилизаций (как сообществ с низким уровнем развития рефлексивных способностей их членов) статичный тип воспроизводства является мощным фактором торможения саморазвития социального субъекта, поскольку признаваемые таким обществом инновации редуцируются к формальной модернизации, неизбежно трансформирующейся в «традиционализирующую модернизацию», использующую инновации только для воспроизводства традиции.

¹ Микайлова И.Г. Субъект самовыражения в динамике сдвига культурных смыслов // Мир психологии. 2008. – № 2. – С. 115-117.

² Синергетическая философия истории: коллективная монография под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. – Рязань: Копи-Принт, 2009. – С. 93-113.

³ Микайлова И.Г. Социокультурная динамика воспроизводства российской ментальности и новый российский либеральный идеал // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7. Ч. 2. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 356.

⁴ Бранский В.П. Глобализация и формирование нового российского идеала // Цивилизация: вызовы современности. Сб. статей под ред. М.С. Уварова. – СПб.: Изд-во СПб университета, 2009. – С. 143-162.

– Конструктивно-динамичное воспроизводство

Предполагает интенсификацию воспроизводственной активности и развитие инноваций в качестве важнейшей ценности, обеспечивающей опережающее развитие культуры по сравнению с историческим опытом. Специфика такого типа воспроизводства определяется спецификой соответствующей ему культуры, обусловленной ориентирующими социокультурными идеалами, позволяющими уже в недрах статичного типа генерировать эмбрион качественно новой, нетрадиционной, либеральной суперцивилизации, ориентированной на контридеал неолиберального человека¹.

– Деконструктивное воспроизводство

Ориентированное на антиидеалы и провозглашаемые ими антиценности, характеризуется не только недостаточным развитием способности субъектов воспроизводственного процесса к преодолению внутренних и внешних противоречий и их своевременной профилактике, но и ярко выраженной тенденцией к минимизации уровня интенсивности воспроизводства и росту деконструктивных инноваций в культуре. Специфика этого типа определяется спецификой деструкции культурных смыслов, свидетельствующей об отставании культуры субъектов воспроизводственной деятельности от уровня усложняющегося воспроизводства накопленного культурного опыта и социальных отношений. Социокультурное противоречие, генерируемое деконструктивным воспроизводством, отличается дуальной природой: если, с одной стороны, оно выступает как конструктивный, динамический фактор общественного развития, ориентированный на социокультурные идеалы, то с другой, – как деструктивный, энтропийный механизм, ориентированный на антиидеалы и антикультуру.

Специфика социокультурного противоречия определяется дуальной природой деконструктивной напряженности: если, с одной стороны, деконструктивная напряженность играет созидательную роль посредством ориентации субъектов на культивирование их способности к противостоянию энтропийным процессам, дезорганизации и хаосу, то с другой, она генерирует раскол, трансформируясь в разрушительный механизм, вследствие утраты субъектами воспроизводственного процесса присущей им способности удерживать дезорганизацию на некотором допустимом уровне, не нарушающем единство сообщества и сохраняющем его интеграцию. И хотя эмбрион раскола начал развиваться еще в недрах первой, соборной модели российской государственности, мы не рассматриваем явление раскола ни как неотъемлемую составляющую традиционной русской культуры, ни как цивилизационное качество российской государственности. Мы предлагаем переосмыслить проблему раскола с позиций синергетического историзма как проблему формирования способности субъектов воспроизводственного процесса к генерированию и воспроизводству функционального порядка, адекватного социокультурным потребностям общества. Проблема приобретает все большую актуальность в условиях, когда нормой становится извращенная форма порядка, смещенная либо к полюсу культа свободы (с присущими ему анархией и дезорганизацией), либо к полюсу культа ответственности (с присущей ему репрессивной формой саморазрушающегося порядка). Субъект воспроизводственного процесса, оказавшийся в условиях расколотого общества и вынужденный адаптироваться к ним, чтобы выжить, попадает в межполюсное пространство дуальной оппозиции «конструктивная напряженность – деконструктивная напряженность», которая формирует его поведенческие стереотипы, характеризующиеся дуальной, конструктивной и деконструктивной природой. Подобная ситуация вынуждает субъекта культурного процесса к поиску индивидуальной меры синтеза свободы и ответственности, способной обеспечить ему воспроизводство его ментальной активности в дезорганизованном социокультурном пространстве. Тем самым, достигаемая им мера синтеза свободы и ответственности изначально предусматривает нарушение традиционных этических и правовых норм. И поскольку контрэтические нормы находятся еще в стадии своего эмбрионального развития, пятая, гибридная модель российской государственности провоцирует субъектов воспроизводственной деятельности к нарушению закона и этических норм, следствием чего становится, с одной стороны, утрата членами сообщества понятия «отклонение от общественных и правовых норм», а с другой – отождествление понятий «выживание» и «нарушение правопорядка», вследствие конфликта императивов жизнеобеспечения с этическими правовыми императивами.

3. Исторический опыт воспроизводства моделей российской государственности и его уроки

Результаты предпринятого нами детального анализа динамики воспроизводства российской государственности² свидетельствовали о том, что первая, соборная модель российской (Киевской) государственности характеризовалась воспроизводством дуальной оппозиции, один полюс которой был ориентирован на соборный идеал, воплощаемый Всенародным вече, а другой – на авторитарный, воплощаемый княжеской властью. Традиционный, соборный идеал, в качестве носителя локализма ориентировавший традиционное общество на политику интеграции посредством эмоциональной доминанты социальных отношений, создавал предпосылки для последующего раскола общества на регионы, страты и группы, насаждая статичное воспроизводство, препятствующее процессу интенсификации и несущее серьезную угрозу выбросов эмоциональной агрессивности в отношении членов других локальных сообществ внутри государства. Это, в частности, объясняет причины, вследствие которых сформировавшаяся на Руси первая модель государственности оказалась не в состоянии обеспечить интеграцию большого общества из-за низкого уровня реф-

¹ Бранский В.П., Михайлова И.Г. Самоорганизация в социокультурной динамике воспроизводства российской ментальности // Мир психологии. 2011. – № 92, – С. 56.

² Михайлова И.Г. Динамика воспроизводства российской государственности и ее взаимообусловленность спецификой российской ментальности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 5. Ч. I. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 455.

лекции его членов, не готовых к воспроизводству подобной интеграции. Распад этой первой модели в 1132 г. обусловил первую в российской истории национальную катастрофу¹.

Вторая, авторитарная модель российской (Московской) государственности восходила к периоду правления Ивана I Калиты (1328-1341 гг.), который экстраполировал авторитарные принципы, присущие княжескому уделу, на государство. Эта, вторая модель была ориентирована на авторитарный идеал, с одной стороны, насаждавший политике поиска дополнительных территориальных и человеческих ресурсов посредством военной экспансии, а с другой, требовавший преодоления локализма и перехода от эмоциональной доминанты социальных отношений к абстрактно-интеллектуальной. Однако присущее этой модели динамичное воспроизводство, нацеленное на развитие инноваций, противоречило требованиям авторитарного идеала, который, вследствие своей производной от синкретического вечного идеала природы, ориентированной на статичное воспроизводство, в то же время служил серьезным препятствующим фактором на пути реализации конструктивных творческих инноваций.

Несостоятельность этой второй, авторитарной модели российской государственности, оказавшейся не готовой к воспроизводству феодальной договорно-правовой системы, со всей очевидностью проявилась в процессе решения проблем формирования профессионального бюрократического аппарата и юридического оформления прав на частную собственность. Московская однополюсная («отцовская») модель государственности не справилась с задачей обеспечения консолидации общества на основе религиозной общности, эффективной только в условиях внешнеполитической угрозы, что послужило одной из основных причин смуты (вследствие угасания династии Рюриковичей после смерти Федора Иоанновича, не оставившего наследников), окончательно подорвавшей устои авторитарной Московской государственности и не только ознаменовавшей вторую в **русской истории** национальную катастрофу, но и заложившей тенденции дальнейшего развития третьей модели, эмбрион которой начал формироваться еще в недрах распадающейся Московской государственности².

Третья, самодержавно-милитаристская модель **русской** (Романовской) государственности охарактеризовалась воспроизводством дуальной оппозиции, один полюс которой провозглашал принцип самодержавной власти, ориентированной на произвол, а другой – коллегиальный принцип управления, реализуемый посредством привлечения аристократии и призванный гарантировать защиту от самодержавного произвола. Однако заложенный в основу третьей модели авторитарный идеал воспрепятствовал сосуществованию нескольких субъектов и обеспечению правового регулирования отношений между ними, перекрыв этой модели еще на стадии ее эмбрионального развития конструктивный путь к воспроизводству правового порядка. Замена религиозной составляющей авторитарного идеала утилитарной хоть и способствовала подрыву нерасчлененной целостности культурных стереотипов и динамическому сдвигу вечевых ценностей догосударственной культуры, насаждала, тем не менее, альтернативный выбор деконструктивного пути огосударствления частных интересов, которое препятствовало не только управлению ими с помощью закона, но и развитию у членов сообщества государственной ответственности. Насаждая путь экстенсивной (а не интенсивной) модернизации, реализуемой государством милитаристской (а не капиталистической) индустриализации, ориентированной на заимствование западноевропейских инноваций без соответствующего развития способности членов сообщества к осмыслению потребности в их воспроизводстве, государственный утилитаризм препятствовал обеспечению внедряемых инноваций человеческими ресурсами. Авторитарно-либеральный идеал, который воспроизводился этой третьей моделью самодержавной государственности, способствовал трансформации народного полюса власти (в соответствии с принципом **демилитаризации**) в придаток однополюсной модели (в соответствии с принципом самодержавия) посредством делегирования сословиям дворянства и городских мещан прав самоуправления и самоорганизации. Специфика демилитаризованной государственности определялась условностью закона, имитация которого выражалась в локальной избирательности права, препятствовавшей утверждению принципа законности в качестве универсального регулятора, который бы обеспечивал формирование у членов сообщества соответствующего уровня правосознания. Синтез авторитарно-самодержавной и либерально-правовой составляющих авторитарно-либерального идеала обеспечивал верховную власть гарантией привилегий неограниченности, которые лишали принцип законности его универсального значения, превращая коррупцию дворянской бюрократии в сопутствующий фактор воспроизводства стабильной государственности. Тем самым, авторитарно-либеральный идеал насаждал не менее уродливый синтез статичного (крепостная система), динамичного (ориентация на инновации, не обеспеченные человеческими ресурсами) и деконструктивного (имитация закона вследствие отрицания универсального принципа законности в качестве правового регулятора воспроизводственных отношений) воспроизводств. Эта третья модель российской государственности не замедлила продемонстрировать свою несостоятельность уже в начале радикальных преобразований Александра II, направленных на переход к универсальным принципам законности и права, вследствие социокультурных противоречий, обусловленных дуальной оппозицией, один полюс которой был ориентирован на либеральную европейскую культуру, другой – на воспроизводство общинно-вечевой культуры, а межполюсное пространство – на компромисс с целью устранения нависшей угрозы протеста низших сословий и интеллектуальной элиты (интеллигенции) против самодержавной политики консервативной стабилизации. Окончательному распаду этой модели способствовало ограничение процесса ее самовоспроизводства условием подавления либерально-правовой составляющей авторитарно-либерального идеала, которое ознаменовало третью русскую национальную катастрофу³.

¹ Михайлова И.Г. Российская государственность: социокультурная динамика прорывов и катастроф // Философские исследования. 2009. – № 3-4. – С. 25–26.

² Там же, с. 26–29.

³ Там же, с. 28–30.

Четвертая, тоталитарная модель российской (советской) государственности, начавшая формироваться в недрах третьей, самодержавной модели, была изначально ориентирована на расторжение политической связи с доминировавшей в обществе догосударственной культурой и ее идеалами. Эта модель предполагала самовоспроизводство в соответствии с требованиями тоталитарного идеала, продуцировавшего синтез статичного, динамичного и деконструктивного воспроизводства в условиях сакрализации гиперлидера, власть которого не подчинялась закону и не легитимизовалась ни именем бога, ни принадлежностью к монархической династии. Заимствование универсальных юридически-правовых абстракций второго осевого времени позволяло, с одной стороны, провозглашать равенство членов сообщества перед законом и их равные социальные и политические права, а с другой, ограничивать юридический универсализм таким образом, чтобы он не распространялся на коммунистическую партию и ее вождя, наделенного неотчуждаемым правом быть освобожденным от всех государственных постов. Возведение гиперидеала в ранг всеобщего исторического закона гарантировало юридически надзаконной власти коммунистической партии конституционный статус, а насаждаемая тоталитарным идеалом надконфессиональная и надэтническая идентичность обеспечивала воспроизводство надконфессиональной коллективной и наднациональной (надэтнической) идентичности. В качестве производного авторитарного идеала, составлявшего основу тоталитарной модели государственности, гиперидеал декларировал абсолютизацию относительного (частночеловеческого) идеала посредством передачи ему качеств абсолютного и гарантии его реализации в обозримом будущем. Подобная абсолютизация относительного идеала способствовала отождествлению утилитарного (политического) и духовного (эстетического) идеалов, активизируя процессы политизации культуры и эстетизации политической деятельности. Распаду этой четвертой, тоталитарной модели советской государственности и наступлению четвертой в России национальной катастрофы способствовала утрата актуальности сакральными методами легитимации институтов власти. Двойной синтез принципов коллективного и авторитарного руководства, с одной стороны, и составляющих утилитарного и социалистического идеалов, с другой, объяснялся потребностью в моделировании аналога модели западного общества массового потребления. Крах этой четвертой модели российской государственности обусловил выбор Россией реформаторского (по сравнению с административно-командным) пути, ориентированного на синтез советского социализма с демократией и правовой государственностью¹.

Пятая, гибридная **модель российской** государственности, с присущей ей имитацией процедуры всеобщего представительства, стала **производным** синтеза советских методов правовых имитаций с демократией и правовой государственностью. После краха коммунистического пути цивилизационного самоопределения, эта модель может рассматриваться в качестве переходной в межполюсном пространстве кардинальной дуальной оппозиции «традиционная суперцивилизация – либеральная суперцивилизация».

Прототипами этой пятой модели служили Новгородская и Галицко-Волынская олигархо-демократические двухполюсные модели². Однако, в отличие от пятой, двухполюсной модели, ориентированной, с одной стороны, на авторитарный идеал, а с другой, на либерально-демократический идеал, Новгородская и Галицко-Волынская модели ориентировались на соборно-вечевой идеал, олицетворяемый Всенародным вече, с одной стороны, и на авторитарный идеал, воплощаемый княжеской властью, с другой. Специфическую особенность всех этих моделей составляет третий фокус, который формируется в межполюсном пространстве дуальной оппозиции «вечевой /либерально-демократический идеал – авторитарный идеал», в качестве представителей немногочисленной группы олигархов, при политически и экономически бессильном авторитарном полюсе (централизованной власти) получающих возможность манипулировать демократическим институтом в своих (частных) интересах, подрывающих интеграцию большого общества (государства). И поскольку (непримиримые) частные интересы олигархов, ориентированных на утилитарные идеалы, вступают в ожесточенную борьбу (что в условиях воспроизводства олигархического управления неизбежно даже в том случае, если оно легитимируется демократическими институтами в виде коллегиальных органов управления, подобных всенародному вече или парламенту с присущими им методами принятия решений), политическая консолидация может производиться только посредством идеи сохранения национальной и цивилизационной идентичности, объединяющей все слои и страты расколотого общества в условиях формальной внутренней интеграции. Тем самым, к конструктивному воспроизводству такие модели оппозиционирования двух политических субъектов не готовы уже вследствие изначально заложенной в их основе максимальной автономии при слабом государственном центре.

Таким образом, за **четвертьвековой** период самовоспроизводства пятая, олигархо-демократическая модель российской государственности успела продемонстрировать тенденцию к утверждению государственной **роли** православно-веры под давлением Института Русской Православной Церкви с целью обеспечения особого цивилизационного статуса России в мировом историческом времени, в очередной раз обреченную на провал вследствие истощенного крахом **российской** самодержавно-монархической государственности исторического ресурса. Серьезным фактором торможения формирования фундаментальных основ качественно новой модели российской государственности, ориентированной на воспроизводство цивилизационной и национальной идентичности, служит также синтез статичного и деконструктивного воспроизводства. Представляется, что наметившаяся тенденция к трансформации России в либерально-модернистскую суперцивилизацию, возможно, не только оптимизирует формирование модели новой либерально-демократической российской государственности, ориентированной на новый либеральный **российский** идеал, освобожденный от присущего либеральному идеалу деструктивного утилитарного аспекта, но и позволит учесть спе-

¹ Михайлова И.Г. Российская государственность: социокультурная динамика прорывов и катастроф // Философские исследования. 2009. – № 3-4. – С. 30–32.

² Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? – М.: Новое издательство, 2005. – С. 110–111.

цифику подхода к субъекту воспроизводственной деятельности как к творческому источнику конструктивных инноваций, направленных на общечеловеческие, глобальные идеалы.

Вследствие утраты актуальности либеральным, тоталитарным и анархистским идеалами **производным нового** либерального синтеза в российских условиях, согласно концепции синергетического историзма, становится идеал не-олиберального человека, адаптированный к новым социальным условиям и гарантирующий **воспроизводство** качественно новой модели стабильной государственности. Специфика этого либерального (оптималистского) идеала, обусловленная социальной ролью демократического, государства, нацеленного, с одной **стороны**, на принцип **защиты прав и свобод** каждого гражданина (принцип индивидуализма), а с другой, на принцип социальной справедливости в отношении всех граждан (принцип коллективизма)¹, определяется следующими факторами:

- Реализацией принципа конструктивной духовности, ориентированного на создание оптимальных условий для духовного творчества членов сообщества на пути к общечеловеческому, глобальному идеалу с целью конструктивно-го воспроизводства провозглашаемых им общечеловеческих ценностей;

- Реализацией принципов индивидуализма (в соответствии с требованием обеспечения максимальной свободы самоопределения членов сообщества) и коллективизма (в соответствии с требованием обеспечения максимальной ответственности членов сообщества за преодоление негативных последствий обусловленного свободой социального неравенства) посредством экономических (а не административно-командных) методов;

- Достижением меры синтеза прав и обязанностей (свободы и ответственности), предполагающей учет принципа конвергенции обязательств, принимаемых членами сообщества, в форме отказа от любых обязательств, которые препятствуют исполнению ими других обязательств, исключают воспроизводство их прав или ущемляют права других членов сообщества².

4. Заключение

Предлагаемый с позиций синергетической **философии истории** подход к изучению исторического опыта воспроизводства социокультурной динамики российской государственности и специфических закономерностей формирования нового либерального российского идеала последовательно демократического общества позволил нам сделать выводы, имеющие важное методологическое значение для исследования механизмов воспроизводства моделей государственности и ориентирующих их социокультурных идеалов, определяющих пути цивилизационного самоопределения:

1. Результаты предпринятого нами анализа специфической природы социокультурных противоречий, характеризующих пятую модель российской государственности, подтвердили гипотезу о том, что основной причиной практического бездействия воспроизводимых ею механизмов **контроля** служат социокультурные противоречия, обусловленные трансформацией социокультурных стереотипов (эффективных только в условиях воспроизводства традиционной культуры) в деконструктивные. **Производным** ожесточенной борьбы социокультурных идеалов и уродливого синтеза светской и духовной идеологий служит социальная патология, **причины** которой заключаются, с одной **стороны**, в катастрофическом снижении способности членов **российского** сообщества к конструктивному воспроизводству необходимого минимума ресурсов для обеспечения оптимальных условий выживания и предотвращения роста социальной энтропии, а с другой, в чудовищном росте **диспропорций** административной структуры, утратившей свою воспроизводственную способность и подменившей содержание воспроизводственной деятельности выхолащивающими ее актами, позволяющими утверждать одни формы деятельности не только за счет других форм, но и в ущерб экономическому и культурному развитию общества в целом.

2. Прослеживаемая неспособность пятой, олигархо-демократической модели российской государственности к **противостоянию** деструктивным процессам, которые достигли уровня, угрожающего не только отрицанием социокультурного закона, разрушением национальной и цивилизационной идентичности, но и пятой национальной катастрофой, ставит российское общество перед решением фундаментальной проблемы генерирования и воспроизводства социального порядка. Актуальность этой проблемы возрастает по мере возникновения опасных тенденций к **воспроизводству** социального порядка посредством возврата к освоенной в условиях советской модели государственности тоталитарной форме «Большого террора».

3. Поскольку большое общество (государство) воспроизводит себя в постоянном поиске меры синтеза логических полюсов абсолютного порядка (культ ответственности) и хаоса (культ свободы), оно подвергается риску социокультурного раскола, специфика которого определяется дуальной природой конструктивной напряженности, позволяющей конструктивному фактору ее динамики трансформироваться в механизм самодеструкции, провоцирующий членов расколотого сообщества, ориентированных на оппозиционные социокультурные идеалы (или антиидеалы), к саморазрушительной борьбе друг с другом. Одной из основных причин такого раскола, согласно концепции синергетического историзма, служит самодостаточность составляющих социального субъекта (в особенности, элементов олигархических структур), не заинтересованных ни в конструктивном воспроизводстве, ни в обеспечении интеграции общества.

¹ Михайлова И.Г. Специфика российской ментальности: идеалы и их роль в социокультурной динамике российского общества // Россия: тенденции перспективы развития. Ежегодник. Вып. 4. Ч. I. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 422–423.

² Бранский В.П., Михайлова И.Г. Самоорганизация в социокультурной динамике воспроизводства российской ментальности // Мир психологии. 2011. – № 2. – С. 56–59.

4. Дифференциация культуры, социальных связей и политических структур, в качестве неотъемлемой составляющей динамического процесса развития пятой модели российской государственности, не обеспеченной ни этической (идеологической), ни правовой, ни культурной формами легитимации, едва ли могла не стать источником постоянных конфликтов. Поляризованная российская культура, искусственно лишенная промежуточных форм, наполняющих и структурирующих социокультурное пространство российской государственности, предопределила ожесточенный социокультурный конфликт, обострившийся до **угрозы** саморазрушения инкорпорированных в него составляющих социального субъекта. И хотя подобный конфликт может быть **присущ** любому, даже самому модернизированному обществу (в качестве производного синтеза традиционной и прогрессивной составляющих его культуры), в пятой модели российской государственности он не только глобализовался, но и в ходе своего самовоспроизводства генерировал социальную патологию в виде некоторого функционирующего механизма дезорганизации (хаоса), разрушающего сообщество. Производным подобного конфликта послужила инкорпорированность всего общества (с присущими ему культурой, социальными отношениями и управлением) в его глобальное антисоциокультурное пространство, генерирующее тенденции к выбору деконструктивного пути цивилизационного самоопределения.

5. В условиях синтеза традиционной и либеральной суперцивилизаций, с присущим ему уродливым сплавом статичного и деконструктивного воспроизводства, конструктивные прогрессивные тенденции оказались не в состоянии справиться с двухфокусной структурой государственного и олигархического управления, обеспечить поступательное движение и воспроизвести объективно необходимое культурно-нравственное основание, без которого немыслима современная либеральная цивилизация, ориентированная на либеральный идеал.

6. Стремление пятой модели **российской** государственности к обеспечению консолидации расколотого общества на основе новой религиозной общности, эффективной только в условиях внешнеполитической угрозы, демонстрирует свою очевидную несостоятельность в условиях затяжных локальных войн (уроки **второй**, авторитарной Московской государственности).

7. Прослеживаемые тенденции пятой модели **российской** государственности к выбору альтернативного пути самовоспроизводства посредством подавления либерально-правовой составляющей авторитарно-либерального идеала, с одной стороны, и синтеза его авторитарно-самодержавной и либерально-правовой составляющих, с другой, подтверждают свою несостоятельность в условиях постоянно углубляющегося раскола большого общества (**уроки** третьей, самодержавной **российской** государственности).

8. Стремление к ограничению авторитарной власти конституционными законами обуславливает **воспроизводство** условности закона, имитация которого выражается в локальном избирательном праве, препятствующем воспроизводству принципа законности в качестве универсального регулятора, обеспечивающего соответствующий уровень правосознания членов сообщества. Синтез авторитарно-самодержавной и либерально-правовой составляющих авторитарно-либерального идеала лишают принцип законности его универсального значения, трансформируя **коррупцию** административной бюрократии в неизбежный сопутствующий фактор воспроизводства пятой модели **российской** государственности.

9. Конструктивное **воспроизводство** шестой, гипотетической, оптимальной модели **российской** государственности предполагает ориентацию на новый либеральный **российский** контридеал и базируется, согласно концепции синергетического историзма, на двух фундаментальных принципах последовательно демократического общества:

– принципе синтеза свободы и ответственности (прав и обязанностей), исключаящем как **односторонний** культ свободы (доминанты прав над обязанностями), характеризующий ментальную активность членов общества массового потребления, так и **односторонний** культ ответственности, характеризующий ментальную активность членов тоталитарного общества;

– принципе доминанты духовных идеалов и провозглашаемых ими ценностей над утилитарными и их трансформации в главный стратегический ориентир глобального общества, предполагающий подход к утилитарным ценностям не как к цели, но как к инструменту для формирования новых духовных ценностей и воспроизводства накопленного социокультурного опыта.

Муханова М.Н.

к. соц.н., с.н.с. Института социологии РАН

СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ

Ключевые слова: сельское население, структура занятости, неформальный сектор экономики.

В связи с антироссийскими санкциями и ответными мерами ситуация в сельском хозяйстве резко меняется. Проблемы отрасли, не решавшиеся годами, начали проявляться. Их нужно решать, в противном случае продовольственная безопасность страны окажется под угрозой.

Проблемы импортозамещения, о которых много говорят, в том числе на уровне правительства, решаются сложнее, чем казалось до этого.

Во-первых, в сельскохозяйственном производстве велика доля импортных компонентов. Это относится к технологиям производства сельхозпродукции, технике, удобрениям, семенам. Например, такой продукт как картофель на 90% выращивается на импортных семенах.

Во-вторых, в современном российском сельском хозяйстве сложился дисбаланс между спросом на высококвалифицированные кадры и их практическим отсутствием, т.е. их низким предложением. При этом следует отметить, что разрушена преемственность поколений: когда старые кадры уходят, новые не приходят на сельский рынок труда.

В-третьих, в современном сельском хозяйстве нет стимулов для внедрения современных технологий и поэтому крайне низка производительность сельскохозяйственного труда. Она на порядок ниже, чем производительность сельскохозяйственного труда в таких странах как Германия, Канада, США.

Неформальная занятость изначально учитывалась преимущественно в слаборазвитых странах и в странах с переходной экономикой, где доминирует бедность и высокий уровень безработицы. В современном мире неформальная занятость – распространенное явление. В мире 1,8 млрд. работников трудятся в неформальном секторе и лишь 1,2 млрд. работают в формальном секторе¹. Характерными чертами неформального сектора являются нацеленность на выживание, а не накопление капитала, незащищенность трудовых прав, отсутствие формального договора с работодателем.

Формирование неформальной занятости сельского населения является частью процесса институционализации рыночной экономики в аграрном секторе в 1990-е годы. Переход к рынку в России сопровождался ростом безработицы, бедности, изменениями на рынке труда, появлением разных форм самозанятости сельского населения.

Анализ занятости сельского населения в неформальном секторе основан на данных Росстата. Первое – это ежегодное «Обследование населения по проблемам занятости» 2005–2013 гг.².

Второе – «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах», проведенное Росстатом в 2012 г. в 83 регионах страны во всех административно-федеральных округах. В обследовании участвовало 5800 индивидов с 16 лет, проживающих в 2754 сельских домохозяйствах. В данном обследовании селяне, работающие в неформальном секторе на основной работе, составляют 557 человек или 18,7% от всех занятых. Из них работают по найму – 39,3% и не по найму – 60,7% селян (самостоятельно занятые на индивидуальной основе, владельцы (совладельцы) собственных предприятий, фермеры)³.

Как показывают данные Росстата, занятость в неформальном секторе превратилась в экономически важную нишу для многих селян, она играла важную роль в создании рабочих мест и тем самым воспрепятствовала катастрофичному росту безработицы и масштабной бедности. В сельскохозяйственном производстве неформальный сектор в основном представлен занятыми в товарном личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) с использованием семейных и местных ресурсов для производства и реализации продукции.

Занятые в неформальном секторе определяются статистикой как «лица, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от их статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица»⁴. В статистике критерии занятости в неформальном секторе группируются по следующим позициям:

¹ Гимпельсон В.Е. Введение // В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. – С. 11.

² http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766

³ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/USP/survey0/index.html. Массивы с результатами данного обследования Росстат выставил полностью на сайт только в декабре 2014 г. Данные обработаны автором с помощью статистической программы SPSS (21 версия).

⁴ Занятость в неформальном секторе // Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014. Стат. сборник. – М.: Росстат, 2014. – С. 90.

1. индивидуальный предприниматель;
2. лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц; в фермерском хозяйстве;
3. помогающие члены семьи в собственном деле, принадлежащие кому-либо из родственников;
4. лица, работающие на индивидуальной основе без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя;
5. занятые в собственном домохозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена¹.

Важной особенностью России, по сравнению с развитыми странами, являются личные подсобные хозяйства (ЛПХ), удельный вес в сельском хозяйстве этого низкотоварного, в основном потребительского сектора постепенно по мере роста доходов и изменения состава населения, сокращается, но на него в последние годы приходится около 35% физического объема валовой продукции сельского хозяйства².

Как свидетельствуют данные (табл. 1, 2), занятость сельского населения в неформальном секторе в основном приходится на сельское хозяйство (50,8%). По сравнению с 2006 г. эта доля в 2013 г. меньше почти на 17,0%. В этот период на 16,0% увеличилась доля селян, занятых в несельскохозяйственных отраслях – торговля, бытовые услуги и ремонт мото-автотранспортных средств, строительство, транспорт, связь и другие отрасли.

Таблица 1

Сельское население, занятое в неформальном секторе, по видам экономической деятельности (отраслям) 2006–2013 гг., в %

Отрасли	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.
Всего, тыс. чел.	5475	5478	4793	5345	5376
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство и рыболовство	67,6	56,5	57,3	53,3	50,8
Обрабатывающие производства	5,8	7,2	7,0	7,3	7,6
Строительство	4,2	8,2	7,7	8,3	9,0
Оптовая и розничная торговля; ремонт авто-мототранспортных средств, бытовых изделий	16,6	19,5	18,4	20,5	20,5
Транспорт и связь	2,4	4,1	4,3	4,8	5,4
Образование, здравоохранение	0,4	0,4	0,7	0,7	0,9
Другие*	3,0	4,1	4,6	5,0	5,6
Итого, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Росстат: Обследование населения по проблемам занятости, 2006–2013 гг.

Другие* – это добыча полезных ископаемых; производство и распределение электричества, газа и воды; гостиницы и рестораны; финансовая деятельность; операции с недвижимым имуществом; предоставление прочих коммунальных, социальных, персональных и др. услуг.

Если рассмотреть данные выборочного обследования Росстата 2012 г. по занятости глав домохозяйств в неформальном секторе по отраслям, то здесь, наоборот, больше половины, т.е. каждый второй, работает в торговле, занимается ремонтом автотранспортных средств и предоставлением бытовых услуг. Только каждый десятый селянин работает в отрасли сельского хозяйства.

Таблица 2

Занятое сельское население в неформальном секторе по типу деятельности, тыс. чел, %

ТИПЫ	2006 г.		2008 г.		2010 г.		2012 г.		2013 г.	
Сельскохозяйственная деятельность	3703	66,7	3092	56,4	2769	57,8	2857	53,5	2730	50,8
Несельскохозяйственная деятельность	1846	33,3	2386	43,6	2024	42,2	2488	46,5	2646	49,2
ВСЕГО	5550	100,	5478	100,	4793	100,	5345	100,	5376	100,0

Источник: Росстат «Обследование населения по проблемам занятости», 2006-2013 гг.

Как показывают данные (табл. 3) занятость в неформальном секторе не может исчерпываться лишь рамками неформального сектора. Она, безусловно, распространена и внутри формального сектора. Категории занятых в неформальном секторе по типу занятости состоят из тех, кто занят «только в неформальном секторе». Они составляют большинство. Их численность увеличилась с 72% в 2005 г. до 85% в 2013 г. (табл. 3). Число тех, кто работает «в неформальном секторе и вне его», т.е. совмещает деятельность с занятостью в формальном секторе (работают на предприятии или в организации), сократилось почти вдвое. В целом же численность занятых селян в неформальном секторе составляет значительную долю – более трети от общей численности всех занятых на сельском рынке труда и за рассматриваемый период практически не изменилась.

Существенную долю занятых в неформальном секторе составляют селяне, занимающиеся производством сельскохозяйственной продукции на базе личных подсобных хозяйств, которые делятся на два типа: занятые производством продукции, предназначенной для собственного конечного потребления и для реализации на рынок полностью или частично (табл. 4). Последние, как товарные производители (ЛПХ), являются основной частью занятых в неформальном секторе. Органами статистики они учитываются как экономически занятые, хотя большинство из них не имеют

¹ Занятость в неформальном секторе // Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014. Стат. сборник. – М.: Росстат, 2014. – С. 90.

² Тарасов Н., Дульзон С., Эрюкова И. Малые формы хозяйствования в системе социально-трудовых отношений в сельском хозяйстве // АПК: экономика, управление. 2014. – № 10. – С. 32.

статуса индивидуального предпринимателя. Численность товарных хозяйств в разные годы, по нашим расчетам, составляет не более 15-20%, но по мере роста доходов и изменения в составе населения их число сокращается¹.

Таблица 3

**Занятость сельского населения в неформальном секторе по типу занятости в 2005–2013 гг.,
тыс. чел., %**

Годы	Всего занятых, тыс. чел.	В том числе заняты				Занятые в неформ. секторе в % к общей численности занятого населения
		Только в неформальном секторе, %	В неформальном секторе и вне его, %	Из них		
				С основной работой в неформальном секторе, %	С дополнительной работой в неформальном секторе, %	
2005	5525	71,8	28,2	0,2	28,0	35,0
2006	5550	73,0	27,0	0,1	26,9	34,0
2008	5478	77,2	22,8	0,2	22,6	32,2
2009	5425	81,3	18,7	0,1	18,6	32,1
2010	4793	82,2	17,8	0,1	17,7	28,4
2012	5344	82,0	16,0	0,5	15,5	32,3
2013	5376	85,0	15,0	1,0	14,0	32,4

Источник: Росстат «Обследования населения по проблемам занятости». Относительные показатели рассчитаны автором.

Второй тип – занятые производством сельхозпродукции только для собственного потребления. Эта категория состоит из двух групп. В целом этот тип домохозяйств сократился в 2013 г. на 22%, по сравнению с 2009 г. К первой группе относится экономически неактивное население. В нее входят пенсионеры и домохозяйки с малолетними детьми, а также три категории безработных: те, кто ищут работу, но не готовы к ней приступить; те, кто ее не ищут и зарегистрированные безработные. Ко второй группе относятся селяне, занимающиеся ЛПХ, а также имеют другое доходное занятие. Их численность остается практически без изменений за рассматриваемый период.

Таблица 4

**Занятость сельского населения производством продукции в домашнем хозяйстве в 2009 – 2013 гг.,
тыс. чел., %.**

Годы	Занятые в хозяйствах населения производством сельхозпродукции для							
	Реализации (полностью или частично, т. е. товарное производство)			Собственного конечного потребления, из них				
	Всего, тыс. чел.	Из них		Всего, тыс. чел.	Занятые только этой деятельностью	В том числе		Лица, имеющие помимо этой деятельности другие доходы
		Занятые только этой деятельностью	Лица, имеющие помимо этой деятельности другое доходное			Безработные	Экономически неактивные	
2009	2542	51,5	48,5	8267	46,3	9,1	37,2	53,7
2010	2199	55,5	44,5	7612	45,0	8,8	36,2	55,0
2012	2275	55,0	45,0	7242	45,0	15,0	30,0	55,0
2013	2251	58,5	41,5	6471	45,0	15,5	29,5	55,0

Источник: Росстат «Обследование населения по проблемам занятости». Относительные показатели рассчитаны автором.

Результаты обследования свидетельствуют, что доля занятых товарным производством и доля занятых производством продукции для собственного потребления сократились в 2013 г. по сравнению с 2009 г., соответственно, на 291 тыс. чел. или 12% и 1796 тыс. чел. или 22%. Снижается численность занятых производством продукции для собственного потребления, как среди безработных (6,4%), так и среди экономически неактивного населения (8%). Тем не менее, как было отмечено выше, на него в последние годы приходится около 35% физического объема валовой продукции сельского хозяйства.

Росстат при учете занятости сельского населения учитывает лишь работников товарных ЛПХ, а занятых в них работников включают в «среднегодовую численность занятых в сельском хозяйстве» и относят их как занятых в неформальном секторе. Лица, ведущие натуральное хозяйство для собственного потребления, не относятся ни к занятым, ни к безработным. Хотя, по мнению экспертов, они могут производить больше продукции для собственного потребления, чем товарные ЛПХ².

Сегодня для большинства селян работа в неформальном секторе – это альтернатива безработице, поскольку формальный рынок труда им ничего не может предложить, а отъезд из родных мест или маятниковая миграция (т.е. работа в близлежащих городах) вряд ли улучшит их положение. Как было указано выше, в неформальном секторе занятость сконцентрирована в основном в отрасли сельского хозяйства, где, как и в формальном секторе, низкая оплата труда и сравнительно невысокие доходы от ЛПХ – половина из них имели до 30 тыс. руб. в год.

¹ Муханова М. Производственная деятельность и типы сельских домохозяйств (на примере личных подсобных хозяйств) // Мир России. – М., 2013. – № 1. – С. 78–105.

² Тарасов Н., Дульзон С., Эрикова И. Малые формы хозяйствования в системе социально-трудовых отношений в сельском хозяйстве // АПК: экономика, управление. 2014. – № 10. – С. 32.

Очевидно и то, что в неформальный сектор попадают вынужденно, т.к. работающие в нем не только имеют низкую зарплату, но и не защищены социально. В основном это удел тех, кто не имеет культурного или социального капитала (низкий уровень образования, отсутствие профессиональных навыков и проч.). Но самое главное то, что занятость в неформальном секторе не дает уверенности в завтрашнем дне и по сравнению с формальным сектором, прежде всего, характеризуется своей неопределенностью. Отметим вместе с тем, что и формальный сектор на селе является ненадежным пристанищем (сегментом) на рынке труда.

Анализ данных свидетельствует, что только треть занятых в неформальном секторе имеют высшее или среднее специальное образование, большинство (69,0%) имеет начальное профессиональное, неполное среднее и среднее образование. В формальном секторе половина работающих имеет высшее или среднее специальное образование.

По гендерному составу в неформальный сектор активнее вовлечены мужчины (60%), по сравнению с формальным сектором, где мужчины и женщины составляют равные доли (по 50%).

По уровню образования особых межсекторных различий не наблюдается, каждый пятый, работающий в формальном и неформальном секторах, относится к молодежи от 16–29 лет, большинство (около 70%) в возрасте от 30 лет до 54 лет и всего лишь от 3–4% составляют работники пенсионного возраста.

Если рассмотреть работающих в неформальном секторе по профессиональной структуре, то больше половины из них (55,5%) представлены неквалифицированными рабочими, работниками сферы обслуживания и ЖКХ. Более трети (36,5%) представлены квалифицированными рабочими и только 7,0% составляют специалисты высшего и среднего уровня квалификации, руководители органов власти и управления.

Для большинства селян, работающих в неформальном секторе в рамках самозанятости, есть возможность перейти работать в формальный сектор. Ведь в настоящий период в формальном секторе, в организациях АПК дефицит массовых сельскохозяйственных профессий – доярок, механизаторов широкого профиля, комбайнеров, сварщиков, механиков и других квалифицированных и неквалифицированных работников составляет 500 тыс. человек¹. Только за последние годы численность механизаторов снизилась более чем вдвое, животноводов – втрое. Каждый пятый работающий механизатор – пенсионер, каждая пятая доярка – пенсионер со стажем². Трудоспособные селяне, в том числе молодежь, предпочитают устраиваться в городах охранниками, сторожами, курьерами, рекламными агентами и проч. В последние годы на сельском рынке труда наблюдается тенденция, выражающаяся в том, что уходит последнее сельское поколение, способное работать на производстве сельскохозяйственной продукции, и приходит поколение, которое не хочет работать в этой сфере.

К сожалению, особенно в первые десятилетия реформ в АПК из-за банкротств сельхозпредприятий стали невостребованными высококвалифицированные специалисты сельского хозяйства – агрономы, зоотехники, ветеринары, инженеры-механики и др. Они были вынуждены уходить в сферу услуг и их профессиональные навыки оказались вне рынка труда АПК. В настоящее время, когда государство стало выделять большие деньги на технологическую модернизацию сельскохозяйственного производства, что обусловило импорт различных технологий, компьютерной техники, на них некому работать. По мнению менеджеров агрохолдингов, в сельскохозяйственных вузах специалистов готовят по устаревшим программам на вчерашних технологиях³. При этом многие выпускники сельскохозяйственных вузов получают высшее образование ради диплома, селяне продолжают уезжать в города.

Здесь следовало бы отметить, что причина не только в падении авторитета рабочих профессий на селе. Проблема заключается в том, что некому готовить рабочие кадры для АПК. Государство нуждается в квалифицированной рабочей силе, но при этом активно избавляется от профтехучилищ, которые раньше готовили кадры, в том числе для АПК. Дело в том, что профтехучилища переведены на региональное финансирование, где ресурсы ограничены. Это привело к тому, что за последние годы были закрыты 80% училищ начального и среднего профессионального образования⁴. Это больше всего ударило по селу. Ведь ПТУ решали и социальные проблемы, низкий материальный уровень сельской семьи часто определял выбор подростков. В ПТУ давали не только специальность, но и крышу над головой, кормили, одевали, организовывали летний отдых. Для сельской молодежи это был, пожалуй, единственный шанс для социальной адаптации и интеграции в сельский рынок труда. Очевидно и то, что в изменившихся условиях необходимо модернизировать процесс подготовки кадров в системе профтехобразования, сократить специальности, потерявшие актуальность, внедрить новые технологические и инновационные программы и проч.

Для сравнения укажем, что в советский период в 50 тыс. коллективных хозяйствах работало 2,5 млн. механизаторов, 600 тыс. специалистов. Сегодня в сельском хозяйстве с учетом работающих в личных подсобных хозяйствах занято чуть более 6 млн. человек. При этом на селе живет 38 млн. человек⁵. Из-за дефицита кадров вопросы инновационно-технологического развития АПК не решить. Возникает вопрос, как на таком социальном фоне можно обеспечить импортозамещение и продовольственную безопасность в стране?

Другая важная проблема сельского рынка труда состоит в том, что в сельскохозяйственных организациях идет процесс быстрого сокращения численности занятых работников и ускорилась их текучесть, что нарушает стабильность трудовых коллективов и отрицательно сказывается на организации труда. Это особенно заметно в производстве растениеводческой и животноводческой продукции.

¹ Кашин В.И. Старая песня о главном // Сельская жизнь. 2014. – № 51. – С. 8.

² Акулова О. Кто тушит пожар керосином // Сельская жизнь. 2015. – №1-2. – С. 2.

³ О развитии аграрных технологий. Совещание с участием Д. Медведева // Сельская жизнь. 2014. – № 47. – С. 5.

⁴ Акулова О. Кто тушит пожар керосином // Сельская жизнь. 2015. – № 1-2. – С. 2.

⁵ Кашин В.И. Старая песня о главном // Сельская жизнь. 2014. – № 5. – С. 8.

Таким же образом работники постоянно перетекают из неформального в формальный сектор, и наоборот. На сельском рынке труда не наблюдается жестких институциональных барьеров между секторами.

Рассмотрим, как работа в неформальном секторе влияет на благополучие семьи (табл. 5). Интересно проследить распределение доходов домохозяев (до вычета подоходного налога!) и общих доходов домохозяйств. Межсекторное сравнение заработной платы работников показывает, что занятые в неформальном секторе имеют более низкую зарплату, среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума наблюдаются чаще у работников неформального сектора (36,7%), чем у работников формального сектора (24,6%). Очевидно, что это создает значительные риски бедности для домохозяйств. Тем не менее, селяне не стремятся попасть в формальный сектор, так как межсекторные различия в зарплате незначительны из-за низкой производительности труда в секторах. Средняя зарплата в сельском хозяйстве составляла в 2014 г. – 16–17 тыс. руб. Это вдвое ниже, чем по экономике страны.

При этом следует отметить, что по первой группе почти каждый десятый работник неформального сектора имел трудовой доход ниже прожиточного минимума. За исключением пятой группы, где 32,5% работников и 27,5% домохозяйств неформального сектора имели доходы выше, чем в формальном секторе, соответственно более 30 тыс. руб. и 40 тыс. руб.

Таблица 5

Трудовой доход домохозяина и совокупный доход его домохозяйства в формальном и неформальном секторах за месяц (до выплаты подоходного налога) в 2012 г., в руб., %

Трудовой доход домохозяина в среднем за месяц	Формальный сектор	Неформальный сектор	Общий доход дом-ва в среднем за месяц*	Формальный сектор	Неформальный сектор
До 5 тыс. руб.	4,6	10,7	До 10 тыс. руб.	8,5	17,0
5,1–10 тыс. руб.	15,3	15,3	10,1–20 тыс. руб.	24,5	22,5
10,1–20 тыс. руб.	30,2	25,6	20,1–30 тыс. руб.	25,9	20,5
20,1–30 тыс. руб.	22,4	16,0	30,1–40 тыс. руб.	15,8	12,7
Более 30 тыс. руб.	27,5	32,4	Более 40 тыс. руб.	25,3	27,5
Итого	100,0	100,0	Итого	100,0	100,0
Всего ответивших	1412	262	Всего ответивших	1412	262

Источник: Данные Росстата «Выборочное обследование...». 2012.

* Общий доход домохозяйства состоит из трудовых доходов, пенсий, пособий, стипендий, т.е. различных социальных трансфертов его членов.

В целом же по характеристикам финансового положения домохозяйств межсекторных различий также не наблюдается. Более трети домохозяйств являются бедными, для которых денег на еду хватает, но оплачивать ЖКХ затруднительно. Почти каждое второе домохозяйство не может позволить купить товары длительного пользования. Поэтому жесткие различия между ними отсутствуют.

Если рассмотреть доходы, полученные домохозяйствами от реализации продукции (услуг) собственного производства в среднем за год, то межсекторное сравнение показывает, что в неформальном секторе доходы (93 тыс. руб.) выше почти в 2 раза, чем в формальном (40,5 тыс. руб.). Также медианные показатели реализации продукции в неформальном секторе выше в 3 раза (60 тыс. руб.), чем в формальном (20 тыс. руб.). Здесь следует отметить, что, несмотря на некоторые издержки неформального сектора интересы селян мотивированны, прежде всего, рациональным выбором. С развитием целерациональной стратегии поведения акторов идет процесс формирования более эффективных и рационально действующих домохозяйств – производителей. Это с одной стороны.

С другой – на селе продолжают разрушаться традиционные ценности, нормы под воздействием доминирующих сегодня ценностей потребления и консьюмеризма. Влияние ценностной составляющей на образ жизни здесь велико, особенно, для молодежи, усвоившей сложившиеся «правила игры», модели поведения, стандарты и жизни рыночного человека. Ведь рыночные ценности способны привить индивидуализм и способность к самостоятельному мировоззренческому выбору, что, безусловно, характеризует молодое сельское поколение, которое рвется в города, в погоне за комфортными условиями жизни. В данном случае сами родители, желая лучшей доли своим детям, выталкивают их в города.

Сравнение показателей занятых в неформальном и формальном секторах (табл. 6) на основной работе по форме трудового договора с работодателем в рамках федеральных округов, показывает, что большинство в неформальном секторе работают на основе устной договоренности. Высокий уровень занятых на основной работе в неформальном секторе на основе устной договоренности наблюдается в Северо-Кавказском Федеральном округе (73%), Поволжским Федеральным округе (55,0%). Не лучше ситуация в Уральском, Сибирском, Дальневосточном Федеральных округах. Подтверждает эти показатели обсуждение данной проблемы на заседании Правительства РФ¹ в октябре 2014 г. По словам экспертов, в России есть регионы, где почти половина работоспособных жителей нигде не зарегистрирована. Традиционно такая ситуация складывалась в республиках Северного Кавказа. Но похожая ситуация встречается и в регионах Дальнего Востока, Сибири, Урала и даже в Центральном федеральном округе.

¹ Грицюк М. Ищите призраков. – <http://www.rg.ru/2014/10/14/rabota.html> (обращение 26 февраля 2015 г.).

Занятое сельское население по формам трудового договора в 2012 г., в %

Округа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
	Занятые на основной работе на основе трудового договора							
Формальном секторе	98,5	99,5	94,7	98,6	97,1	97,8	98,8	99,1
Неформальном секторе	77,8	70,6	61,7	27,0	45,0	54,3	59,5	55,0
	Занятые на основной работе на основе устной договоренности							
Формальном секторе	1,5	0,5	1,2	1,4	1,6	1,9	1,2	0,4
Неформальном секторе	22,8	29,4	38,3	73,0	55,0	45,7	40,5	45,0

Источник: Данные Росстата «Выборочное обследование...». 2012.

По словам вице – премьера О. Голодец, государство «потеряло» 22,5 миллиона трудоспособных россиян. Никто достоверно не знает, где они и чем занимаются. Они не зарегистрированы в системе соцстрахования и не платят взносы в Пенсионный фонд. Если в ближайшее время они не объявятся, то на старости лет рискуют остаться без пенсии.

Хотя решить проблему будет не так-то просто, особенно на селе. Сельскохозяйственные предприятия из-за банкротства оптимизируются, а те, которые функционируют, как было показано выше, имеют низкую зарплату. Поэтому, люди, потеряв работу или уволившись, уходят в неформальный сектор. Пособия по безработице низкие, на них не проживешь, а крупные компании, такие как агрохолдинги, где производство роботизировано, имеют ограниченную численность работников. Малый бизнес на селе развивается слабо, и селяне как самозанятые начинают подрабатывать на различных видах услуг – торговать, клеить обои, копать огороды, предоставлять транспортные услуги и проч. Очень немногие из них регистрируются в качестве индивидуальных предпринимателей. По мнению В. Гимпельсона, значительная часть людей работает в незарегистрированном малом бизнесе из-за слишком высоких издержек, связанных с социальными платежами и налогами. Если их понизить, это может послужить стимулом для людей, занятых регулярным бизнесом¹.

Заключение

События, происходящие в последний год и месяцы в России и мире, актуализируют поиски новых стратегических подходов в сфере сельского хозяйства, как основного института, обеспечивающего продовольственную безопасность населения. Поэтому исследование неформального сектора, в котором задействовано более трети сельского трудоспособного населения, выводит на проблему качества институтов и их влияние на социально-экономическое развитие села и в целом страны.

Занятость в неформальном секторе на селе выполняет важную социальную функцию. Несмотря на то, что неформальный сектор отличается примитивным технологическим уровнем, низкой капиталоемкостью, невысоким уровнем человеческого капитала, тем не менее, он канализирует в себе издержки социального развития российского общества в виде поглощения трудовых ресурсов, которые за пределами этого вида занятости остаются не у дел. На наш взгляд, это одно из объяснений относительной социальной стабильности на российском селе. В ближайшее время основной проблемой сельского рынка труда будет не уровень занятости сельского населения, а сочетание роста безработицы с дефицитом высококвалифицированных кадров. И если ранее проблему дефицита рабочих на сельском рынке труда (из-за низкой стоимости оплаты труда, соответственно низкой зарплаты) решали мигранты, то теперь на них уже не стоит рассчитывать.

По данным исследований Росстата почти половина рабочих мест, предлагаемых в отрасли сельского хозяйства, оплачиваются в размере ниже или на уровне прожиточного минимума трудоспособного населения, т.е. являются не экономическими, а физическими местами. Анализ данных показывает, что и работники неформального сектора часто имеют более низкие доходы, лишены благ и льгот, что создает дополнительные риски бедности для их семей. Общие доходы домохозяйств (все денежные поступления) в неформальном секторе ниже во всех группах по сравнению с формальным сектором. 50% хозяйств испытывают дефицит рабочих кадров и в то же время уровень безработицы на селе очень высокий, особенно среди мужчин молодого и среднего возраста. Очевидно, что занятость в неформальном секторе как сфере деятельности мелкого бизнеса в условиях аграрного рынка для большинства связана с немалыми рисками, что делает аграрный рынок труда в значительной мере нестабильным.

¹ Грицюк М. Ищите призраков. – <http://www.rg.ru/2014/10/14/rabota.html> (обращение 26 февраля 2015 г.).

Нурпеисова А.А.

к.э.н., с.н.с. Института экономики КН МОН РК, Республика Казахстан
nur_aigul@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИРОВАНИЯ АКТИВОВ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ В ИНДУСТРИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Ключевые слова: пенсионные активы, накопительная пенсионная система, инвестирование активов, накопительные пенсионные фонды, модернизация экономики, диверсификация активов.

Keywords: *pension assets, story pension system, investing of assets, story pension fund, modernisation of economy, diversification of assets.*

В результате реформ в сфере пенсионного обеспечения в Казахстане АО «ЕНПФ» является правопреемником по всем существующим договорам о пенсионном обеспечении и аккумулирует все пенсионные активы, которые ранее были распределены между частными накопительными пенсионными фондами.

В соответствии с действующим пенсионным законодательством ЕНПФ¹:

- привлекает обязательные, обязательные профессиональные и добровольные пенсионные взносы;
- осуществляет выплаты пенсионных накоплений
- осуществляет учет пенсионных активов и инвестиционного портфеля.

Доверительное управление пенсионными активами осуществляет Национальный Банк Республики Казахстан. Инвестиционное управление пенсионными активами реализуется в соответствии с инвестиционной декларацией. Кроме того, инвестиционные решения принимаются в соответствии с предложениями Совета по управлению пенсионными активами ЕНПФ (консультативно-совещательный орган), в том числе по перечню разрешенных инструментов для размещения пенсионных активов ЕНПФ. Персональный состав совета утвержден Главой государства.

Так, в настоящий момент, согласно временной инвестиционной декларации ЕНПФ, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Казахстан № 205 от 26.07.2013 года, объектами инвестирования являются долговые и долевого финансовые инструменты, выпущенные государственными и местными исполнительными органами, международными организациями и корпоративным сектором, вклады в банках, производные инструменты и инвестиции в драгоценные металлы, в том числе металлические депозиты².

В настоящее время процесс приема-передачи пенсионных активов в единый фонд только завершился, и в связи с этим Национальный Банк приступил к анализу инвестиционного портфеля и начал работу по приведению его к рыночной стоимости. Тем не менее, согласно итогам статистики, основные показатели пенсионного сектора страны за первое полугодие 2014 года таковы: количество индивидуальных пенсионных счетов (ИПС) вкладчиков (получателей) ЕНПФ по всем видам договоров составило 9 947 243 единиц, сумма пенсионных накоплений – 4,18 трлн. тенге. Чистый инвестиционный доход с начала года – 147,4 млрд. тенге. Сумма пенсионных выплат – 38,8 млрд. тенге.

Вместе с тем, одной из особенностей модернизации отечественного пенсионного сектора являлось осуществление обязательных профессиональных пенсионных взносов. Здесь, также продолжается работа по заключению договоров по обязательным профессиональным пенсионным взносам (ОППВ). С начала 2014 года сумма взносов по ОППВ составила порядка 8,8 млрд. тенге.

Итак, мы видим, что начавшаяся модернизация отечественной пенсионной системы идет полным ходом, основные показатели ЕНПФ, такие как количество счетов, вкладчиков и т.д. растут, внедряются различные информационно-инновационные технологии, направленные на большую осведомленность всех вкладчиков о состоянии своих счетов.

Однако самым важным вопросом осуществляемой реформы остается проблема грамотного инвестиционного управления активами будущих пенсионеров, поскольку именно низкая эффективность действовавших до реформы частных НПФ стала катализатором происходящих в республике изменений в области пенсионного обеспечения.

С другой стороны, в условиях сохраняющейся ограниченности внутренних финансовых ресурсов активизации инвестиционной деятельности должно способствовать более широкое использование альтернативных источников долгосрочных вложений, и, в первую очередь, средств пенсионных накоплений. Именно поэтому разработка стратегических направлений инвестирования активов пенсионной системы в индустриально-инновационную модернизацию экономики Казахстана сохраняет свою высокую актуальность и востребованность.

¹ Республика Казахстан. Законы. О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.06.2014 г.) – http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31408637

² <http://www.millioner.kz/content/portfel-enpf-v-nadezhnykh-rukakh>

При выработке возможных направлений инвестирования пенсионных средств на отечественном финансовом рынке целесообразным представляется рассмотрение мирового опыта инвестирования средств пенсионных фондов.

Так, большинство зарубежных пенсионных фондов понесли большие потери во время мирового финансового кризиса и пока не смогли компенсировать их.

Анализ результатов деятельности пенсионного фонда Норвегии (также известного как «Нефтяной фонд») самого большого фонда национального благосостояния в мире, его объем превышает 660 млрд. долл. США, показал, что финансовый кризис уничтожил некоторую часть материальных ценностей, накопленных за 12 лет фондом. В 2011 году фонд потерял 86 млрд. норвежских крон из-за неблагоприятной динамики на европейских рынках.

Нефтяной фонд обязан вкладывать средства за пределами Норвегии, чтобы не подстегивать инфляцию внутри страны, при этом согласно закону о фонде его портфель должен на 60% состоять из акций и на 35% – из облигаций. Фонд занимает первое место по вложениям в акции в Европе. По данным агентства Bloomberg, фонд владеет в общей сложности 1% акций зарегистрированных на биржах компаний мира. Наибольшим пакетом акций были акции фирмы «Nestle SA», а крупнейший пакет облигаций состоял из государственных облигаций США, за которыми шли государственные облигации Великобритании и Германии¹.

Перед Нефтяным фондом поставлена задача – обеспечить доход на вложенный капитал на уровне не ниже 4%. Оперативное управление фондом осуществляет Банк Норвегии, действующий на основании инструкций Минфина. Например, недавно Министерство позволило инвестировать до 5% средств компании в *недвижимость*.

По мнению экспертов, большое количество компаний по недвижимости и владельцы недвижимости нуждаются в рефинансировании своих долгов, поэтому инвестиционные возможности в сфере недвижимости смогут быть лучшими в будущем.

Инвестиции в недвижимость могут принимать различную форму. Так, средства будущих пенсионеров можно использовать для вложения в коммерческую недвижимость и в строительство жилья. Первое направление характеризуется тем, что коммерческая недвижимость является доходным и надежным инструментом для долгосрочного инвестирования пенсионных средств, второе – в большей степени затрагивает социальный аспект.

Исходя из международного опыта, в качестве одного из вариантов участия НПФ в инвестиционном процессе может быть предложена схема, при которой коммерческая недвижимость приобретается по цене начального этапа строительства, а в последующем офисные площади сдаются в аренду либо выставляются на продажу. Таким образом, помимо решения основной задачи НПФ – обеспечения роста пенсионных накоплений вкладчиков, развивается городская инфраструктура.

Приобретение жилья с использованием пенсионных накоплений можно осуществлять двумя способами:

- через ипотечное кредитование;
- посредством прямых вложений пенсионных накоплений.

При прямых вложениях пенсионных накоплений, размещенных в НПФ, на строительство нового жилья и приобретения существующих квартир следует использовать международный опыт. Наибольшее распространение в мире получила «германская» ссудно-накопительная модель финансирования жилищного строительства баушпаркассе (bausparkasse), действующая с XVIII века. В Германии с использованием этой модели приобретается две трети жилья, популярна она также в Австрии, Венгрии, Чехии, Словакии, развивается в Румынии и Казахстане. В Германии в настоящее время законодательство допускает изъятие со своего пенсионного счета до 50000 евро на строительство или приобретение жилья без снятия субсидирования со стороны государства (так называемая, функционирующая с 2002 года, система Ристера).

Пенсионные фонды могут сами выдавать ипотечные кредиты. Похожий опыт был реализован в Иордании, где часть средств фонда шла на выдачу ипотечных кредитов под низкий процент для семей с заработком ниже среднего. В ряде стран (например, в Нигерии), приоритет был отдан коммерческому строительству и строительству жилья для богатых граждан. Данные инвестиции имеют несколько большую норму доходности, хотя и не являются массовыми. В некоторых странах (в частности, в Танзании, в Замбии и пр.) фонд сам занимается строительством жилья, которое впоследствии продается или сдается в аренду. В процессе развития рынка ипотечного кредитования фонд может инвестировать в долговые бумаги, эмитируемые ипотечными агентствами.

Опыт Великобритании показывает, что их фонды также интересуются недвижимостью. Исследование, проведенное «Aberdeen Asset Management», местной компанией по управлению инвестициями, выявило, что почти две трети из 166 исследованных пенсионных фондов уже имеют в своем портфеле недвижимость. Среди них чуть более половины (57%) заявили, что сохранили бы свой текущий уровень, 36% заявили, что они бы, возможно, увеличили удельный вес недвижимости, а 35% фондов, не занимающихся недвижимостью, пока заявили, что они активно рассматривают вопрос о работе с таким классом активов. Данные результаты не являются неожиданными, учитывая текущие требования к пайщикам пенсионных фондов диверсифицировать акционерный капитал и инвестирование фиксированных доходов. Однако пенсионные фонды, которые участвовали в опросе, пока избегают заниматься операциями с имуществом, ссылаются на отсутствие ликвидности этого класса активов, а также осознанный риск инвестирования в недвижимость².

Например, в общем объеме зарубежных инвестиций в российскую недвижимость до 25% составляли западные пенсионные фонды. Нужно сказать, что инвестировали западные пенсионные фонды в объекты высокого качества. Так, например, до кризиса инвестиционный фонд Ivanhoe Cambridge (контролируется ведущим канадским пенсион-

¹ <http://www.business.com>

² <http://www.reuters>

ным фондом CDP) совместно с инвестиционным фондом Europolis приобрели торговый центр «Времена года» в Москве. Австрийский фонд Immoeast купил два ТЦ – «Золотой Вавилон» и комплекс «Пятая авеню». Австрийский холдинг Meinl European Land стал владельцем части площадей ТРЦ «Парк-Хаус» в Волгограде, Екатеринбурге и Казани¹.

Активы, которыми управляют турецкие пенсионные фонды, бьют рекорд для стран-членов Организации Европы по сотрудничеству и развитию (ОЭСР), увеличившись на 42%, или на более 9 млрд. турецких лир (4,2 миллиарда евро). Последний отчет, выпущенный государственным казначейством, предусматривает постоянный быстрый рост, хотя и более медленными темпами. К 2023 г. общая стоимость активов составит 10% от ВВП с предполагаемого 1%, который есть сегодня. Турция ввела схему добровольных взносов пять лет назад, и сейчас эта схема насчитывает 2 миллиона участников и 13 частных банков. Регулятор накладывает ограничения в размере 50% на инвестирование в акции и облигации и не позволяет делать альтернативные инвестиции такие, как инвестиции в недвижимость и ценные металлы².

В свою очередь, в Казахстане до объединения всех частных НПФ руководители этих фондов направляли в АФН предложение о включении акций инвестиционных фондов в список разрешенных инструментов для НПФ, мотивируя тем, что это позволит повысить ликвидность и деловую активность на рынке недвижимости за счет прихода крупного и розничного негосударственного капитала, а также позволит осуществлять рыночное регулирование стоимости объектов недвижимости³. Тем более что несколько лет назад в Законе об инвестиционных фондах появилось понятие «фонд недвижимости». Тогда акцент делался на том, что потенциальными инвесторами могут выступать именно НПФ, так как рентные фонды считаются наименее рискованными из всех возможных форм инвестиций в недвижимость. Предполагалось, что если НПФ на тогдашнем ценовом этапе, на рынке недвижимости инвестируют деньги в рентные фонды, то в долгосрочном периоде они смогут получить хороший доход. Таким образом, решались бы сразу несколько проблем. Это дало бы мощный импульс развитию доступного жилья и высокий уровень доходности пенсионных фондов.

В свою очередь надзорный орган апеллировал к тому, что рынок недвижимости продолжает оставаться рискованным сектором, поэтому не подходит для вложения денег НПФ. Действительно, нельзя объективно судить о том, насколько рыночная стоимость акций этих фондов и насколько ценообразование этих бумаг прозрачно. Также существовал высокий риск того, что банки могли перенести часть проблемных кредитов через данные фонды на плечи пенсионных фондов, поскольку рынок оценки недвижимости остается непрозрачным.

В новых условиях казахстанские частные застройщики тоже предлагают единому пенсионному фонду инвестировать активы в арендное жилье. Так, на круглом столе по вопросам обеспечения населения жильем в центральном аппарате партии «Нур Отан» председатель правления холдинга VI Group А.Омаров, высказал точку зрения, согласно которой сейчас у строительных компаний отсутствует фондирование, соответственно темпы строительства значительно отстают от производственных мощностей. Сегодня совершенно отсутствует ипотека. Если в структуре продаж до кризиса ипотека составляла 60%, то сегодня 0%. То есть банковский источник фондирования сейчас закрыт. Кредитование строительных компаний идет очень медленными темпами, уровень доверия к стройкомпаниям еще не восстановился, соответственно, есть проблемы с финансированием и доступностью кредитных средств. Средняя ставка по кредитам у нас в стране 14–16 процентов, и поэтому мы имеем достаточно высокую себестоимость жилья на один квадратный метр⁴.

На наш взгляд, инвестирование пенсионных активов в недвижимость в настоящее время достаточно ограничено. Помимо изменения законодательства, подобный инструмент может оказаться полезным, только в том случае, если облигации фондов недвижимости будут обладать высшим рейтингом надежности, будут какие-то гарантии со стороны государства. Как мы говорили на предыдущих этапах исследования, для обеспечения сохранности пенсионных активов они должны вкладываться, прежде всего, в надежные активы. Поэтому в качестве инвестиционных объектов ЕНПФ может рассматривать только качественные офисные и торговые центры, укомплектованные арендаторами, генерирующие стабильный денежный поток.

Диверсификация активов накопительных пенсионных фондов, как показывает мировой опыт, предполагает размещение *облигаций корпоративного сектора*.

По мнению экспертов, объединение пенсионных фондов негативно сказалось на рынке корпоративных облигаций – снизилась инвестиционная активность фондов в период передачи активов. За первые полгода 2014 года объем торгов корпоративными облигациями упал на 49,6% по сравнению с аналогичным периодом 2013 года и составил 0,4 млрд. тенге⁵.

Ситуация, когда фондам было разрешено покупать государственные ценные бумаги, квазигосударственные облигации, облигации банков с рейтингом не ниже ВВ- привела к тому, что эмитенты отказались от выпуска облигаций.

Однако не исключено, что в будущем ЕНПФ может включить корпоративные облигации банковского сектора в перечень объектов инвестирования. В противном случае фондовый рынок Казахстана будет находиться в очень плохом состоянии. Показатели развития казахстанского рынка облигаций (рыночная капитализация/ВВП, оборачиваемости) являются одними из самых низких в мире. Если в инвестдекларации ЕНПФ будут отсутствовать облигации корпоративного сектора, мы будем наблюдать слабую активность на рынке как со стороны эмитентов, так и со стороны

¹ <http://www.ricci.ru/ru/news/pochemu-pensionnye-fondy-ne-investiruyut-v-nedvizhimost>

² www.IPE.com

³ <http://uchet.kz/news/detail.php?EID=11520&icon=Y>

⁴ <http://tengrinews.kz/money/investirovat-pensionnye-aktivyi-v-jile-predlagayut-zastroyschiki-257214>

⁵ http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31574850

инвесторов. В этих условиях единственными значимыми игроками остаются только банки и страховые компании. Однако они ограничены законодательно по рейтингу. Банки, например, могут покупать облигации с рейтингом не ниже BB-, в то время как большая часть облигаций на КФБ это бумаги без рейтинга, либо с более низким рейтингом.

По прогнозам экспертов ситуация на рынке облигаций в кратко- и среднесрочной перспективе сохранится негативной. Экономика нашей страны замедляется, неопределенность вокруг проекта Кашаган, риски понижения суверенного рейтинга будут ограничивать спрос на казахстанские бумаги. Тем более что в стране снова оживляются девальвационные ожидания, поэтому риски все еще сохраняются, что вероятно будет сдерживать покупки на внутреннем рынке¹.

Выходом из этой ситуации, которое окажет положительное влияние на бумаги, может стать включение корпоративных облигаций в инвестиционную декларацию ЕНПФ. Также можно было создать условия для иностранных инвесторов, сделать бумаги «euroclearable». Это даст возможность зарубежным инвесторам открывать лимиты на Казахстан и покупать бумаги.

Также положительное влияние может оказать выпуск суверенных еврооблигаций (для квазигосударственных облигаций). Минфин в 2014 году может рассмотреть выпуск суверенных еврооблигаций в случае благоприятной ситуации на внешних рынках. Минфин планировал прошлой осенью привлечь 1 млрд. долл. США, однако отложил выпуск. Лид-менеджерами стали Citigroup, JP Morgan, HSBC. Выпуск суверенных еврооблигаций может снизить давление на внутреннем рынке, установить бенчмарк для новых выпусков для корпоративных эмитентов.

Далее, рассмотрим варианты снижения остроты дефицита инструментария для вложения пенсионных активов. В прикладном аспекте суть диверсификации заключается во вложении собственного или заемного капитала в определенные виды активов, которые должны обеспечивать в будущем получение прибыли. Обычно различают 2 основных направления инвестирования средств НПФ:

- 1) Инвестиции в рыночные ценные бумаги.
- 2) Инвестиции в нерыночные инструменты и целевое финансирование инвестиционных проектов.

При более подробном анализе выявлено, что с точки зрения управления *инвестициями в рыночные активы* данные инструменты относятся к одной из трех категорий:

- 1) условно-безрисковые активы – депозиты, госбумаги и долговые обязательства государственных компаний, по которым правительство выступает гарантом.
- 2) рискованные – ликвидные корпоративные, государственные и муниципальные облигации, имеющие рейтинг.
- 3) высокорисковые – все остальные инструменты, включая акции и корпоративные долговые обязательства, в том числе не включенные в биржевой листинг, производные инструменты и пр.

Что касается казахстанской практики, то, как мы можем наблюдать, руководство ЕНПФ отдает предпочтение первой из указанных категорий.

Так, по данным НБ РК пенсионные активы ЕНПФ были инвестированы в основном в инструменты с низким риском, то есть в государственные ценные бумаги Казахстана, а также в депозиты и операции РЕПО.

В перспективе средства ЕНПФ планируется также дальше размещать на долгосрочных депозитах в банках с доходностью «инфляция плюс». При этом предполагается, что средства единого фонда получают те банки, которые предлагают наиболее высокую ставку.

По словам председателя Национального банка РК К.Н. Келимбетова: «...предполагается, что будет открытый аукцион, банки будут соревноваться – кто даст больше ставку, тот и будет получать средства ЕНПФ. Мы, безусловно, планируем, что это прежде всего будут крупные банки из первой десятки, но могут быть и другие. При этом средства ЕНПФ будут вкладываться в банки в виде 5–10-летних депозитов с «очень хорошей доходностью». «Не ниже ставки инфляции плюс соответствующие коэффициенты, которые будут зависеть от рейтингов банков и от срока, на который берутся средства»².

Отметим, что в марте 2014 года в результате увеличения общего объема пенсионных активов в инвестиционном портфеле ЕНПФ произошло увеличение доли депозитов – 6,96% от пенсионных активов. Объем размещения вкладов в банках второго уровня в национальной валюте составил 237,5 миллиарда тенге, в иностранной валюте – 125 миллионов долларов. Средневзвешенная доходность к погашению по депозитам составила 7,39% годовых.

В таком случае можно предположить, что ставка размещения должна составить в диапазоне 8,25–9,5%, с тем чтобы оставаться гибкой и иметь возможность индексации в соответствии с внешним фоном. Однако, в таком случае необходимо, чтобы собственные активы казахстанских банков были в порядке.

Между тем подобные направления инвестирования пенсионных активов ЕНПФ поддаются критике. Так, экономист Сергей Смирнов уверен: «Размещение пенсионных отчислений в банковских депозитах говорит о том, что ЕНПФ не намерен искать высокодоходные, и потому рискованные, активы. Однако в этом случае будущие пенсионеры могут с таким же успехом и сами не только перечислять на депозиты свои отчисления, но еще и экономить на оплате услуг ЕНПФ. Тенговые депозиты и без участия фонда дают доход выше годовой инфляции»³.

На наш взгляд, сохранение данной стратегии будет способствовать дальнейшему закреплению дисбаланса в участии банковского сектора и фондового рынка в реализации стратегических задач по модернизации и индустриально-инновационному развитию Казахстана. В предыдущих исследованиях центра макроэкономики, финансов и управления Института экономики КН МОН РК, в частности в теме «Сбалансированное развитие финансово-кредитной сис-

¹ www.capitalmarkets.kiev.ua

² На государство надейся. – <http://erkindik.kz>

³ Там же.

темы как фактор роста конкурентоспособности экономики Республики Казахстан в условиях глобальной финансовой нестабильности: стратегия и механизмы» уже говорилось, что в Казахстане традиционно сильно банковское лобби, которое не всегда заинтересовано в усилении роли рынка ценных бумаг как альтернативного банковскому механизму финансирования экономики.

Судя по инвестиционным намерениям НБ РК как управляющего активами ЕНПФ, пенсионные активы будут вливаться в банковский сектор, тогда как РЦБ по-прежнему будет не привлекателен для эмитентов, а реальный сектор экономики также будет испытывать дефицит «длинных» пенсионных денег. Поэтому мы считаем, необходимо разработать стратегию развития РЦБ на следующий стратегический этап развития национальной экономики, связанный с новой пятилеткой формируемой индустриализации. Данная стратегия должна учитывать новые реалии казахстанской экономики, негативные уроки прошлого и ориентировать субъекты крупного, среднего и малого бизнеса на активное участие в развитии фондового рынка, на реализацию программы народного IPO. В данном случае особо настораживает тот факт, что до реформы НПФ Казахстана, вкладывая львиную долю активов в ГЦБ, получали по ним доходность ниже инфляции, то ЕНПФ также вкладывая большую часть средств в те же госбумаги, получает по ним доходность выше инфляции. Мы интерпретируем это как факт «монопольного использования своего положения или вседозволенности».

Второе стратегическое направление инвестирования активов – это осуществление так называемых целевых инвестиций. *Целевые инвестиции* (economically targeted investments, ETI) – инвестиции в социальные государственные проекты или нерыночные ценные бумаги, выпускаемые под такие проекты, включаются в портфель НПФ многих стран. Но, с инвестициями в социальную сферу связаны как минимум две серьезные проблемы.

Во-первых, при принятии инвестиционных решений существенное влияние оказывают политические факторы. Это часто ведет к искажению целей, стоящих перед фондом. Во-вторых, все проекты, связанные со строительством объектов социальной сферы, в большинстве своем оказываются низкодоходными. Негативным моментом является также тот факт, что очень часто под ETI попадают кредиты государственным предприятиям для покрытия их финансовых потерь. Как правило, подобные инвестиции оказываются затем в разделе «проблемных» кредитов и впоследствии списываются в убытки.

Однако мы не будем сбрасывать со счетов возможность данного направления для инвестирования средств ЕНПФ и ДНПФ, в частности при реализации ГЧП проектов в социальной сфере Казахстана, так как в посланиях Президента Республики Казахстан, в частности от 28 января 2012 года «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана» говорилось, что государство взяло курс на ускоренную модернизацию сектора жилищно-коммунального хозяйства посредством ГЧП и с возможностью привлечения пенсионных ресурсов.

На сегодняшний день, актуальными для казахстанской практики становятся исследования, касающиеся вопросов нетрадиционных сфер размещения пенсионных средств.

Например, российские ученые нестандартным решением проблемы инвестирования пенсионных накоплений считают размещение их на *рынке лизинговых услуг*, в частности гражданской авиации. Это направление предлагается из-за того, что лизинговые проекты в этой области являются долгосрочными (сроки лизинга приближены к ресурсу самолета) и капиталоемкими (стоимость одного проекта, как правило, составляет десятки миллионов долларов). При этом лизинговые схемы не ограничиваются только проектами лизинга авиационной техники и имеют большие перспективы внедрения и в других отраслях.

При этом считаем целесообразным осуществление лизинговых операций с использованием пенсионных накоплений по классической схеме лизинга. При этом для кредитования операций лизинга средства пенсионных накоплений, размещенные НПФ, могут использоваться напрямую, минуя банковский сектор. Основная проблема, возникающая при этом – отсутствие в пенсионном законодательстве нормы, позволяющей осуществлять подобные вложения.

Начиная с 2015 г. по 2019 г. Казахстан приступает к новому этапу индустриально-инновационной модернизации национальной экономики, с прогнозируемым реальным ростом экономики на уровне 5,6-6,8% в год. По прогнозу, в 2019 г. номинальный ВВП вырастет до 70,3 трлн. тенге, ВВП на душу населения достигнет 20 600 долл. США. Экспорт вырастет с 78,1 млрд. долл. США в 2015 г. до 92 млрд. долл. США в 2019 г., импорт за тот же период вырастет с 50,5 млрд. долл. США до 56,1 млрд. долл. США. Достичь этих показателей поможет социально-экономическая политика правительства, основными приоритетами которой определены сохранение макроэкономической и финансовой стабильности, обеспечение устойчивого роста экономики, социальная модернизация общества, региональное развитие и управление процессом урбанизации, дальнейшее формирование системы государственного управления, международная интеграция¹.

Учитывая необходимость достижения столь важных стратегических задач по социально-экономической модернизации казахстанской экономики, а также с целью ориентации руководителей ЕНПФ и других ДНПФ Казахстана по выбору стратегических приоритетов инвестирования активов пенсионных фондов для форсированной индустриализации национальной экономики нами разработаны и предложены следующие направления инвестирования «длинных» пенсионных денег в отечественные отрасли и объекты с обоснованием соответствующих механизмов.

Очевидно, что благодаря «длинным» пенсионным активам на инвестиционный рынок Казахстана могут быть привлечены значительные дополнительные ресурсы. При этом, рассматривая возможные стратегические направления инвестирования средств пенсионной системы в индустриально-инновационную модернизацию экономики Казахстана, следует учесть многие факторы, которые будут способствовать эффективному или наоборот неэффективному процессу инвестирования:

¹ <http://www.vedomosti.ru/finance/news/26642141/vlasti-kazahstana-prognoziruut-rost-vvp-v-2015-2019-godah-na-ixzz3GIDM51i9>

- макроэкономическая стабильность;
- денежно-кредитная политика в части снижения темпов инфляции в стране;
- дальнейшее развитие рынка ценных бумаг.

Мы считаем, что основополагающим фактором развития пенсионного сектора в стране станет сопутствующее развитие рынка капиталов, рынка ценных бумаг и т.д., т.е. фондового рынка. Поэтому необходимо увеличивать информированность населения и эмитентов о возможности получения дополнительного финансового источника путем выпуска облигационных займов под низкие проценты и более долгие сроки, нежели краткосрочные и дорогие банковские кредиты; обеспечить выпуск инфраструктурных облигаций под осуществление проектов по строительству дорог в стране, развитию нефтехимической промышленности, сельского хозяйства (элеваторов, орошение) под гарантии правительства; организовать выпуск муниципальных облигаций акимами под строительство муниципального жилья, автомобильных дорог и т.д..

Овчинникова Т.Н.

к.психол.н., преподаватель Московского гуманитарного социального института
tatjana.nik.ov@mail.ru

СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ СИСТЕМ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Ключевые слова: социальная и психологическая реальность, органические и механические системы, саморазвивающаяся открытая система, смысл и цель деятельности человека.

В современной России можно наблюдать своеобразные взаимоотношения социальной и психологической реальностей. Человек, будучи *активным развивающимся* существом, оказывается включенным в *жесткие* социальные рамки, которые либо устарели, либо часто меняются в связи с постоянным появлением новых «законов». Особенно явно этот конфликтный характер взаимоотношений проявляется в сферах деятельности, направленных на работу с людьми (образование, медицина, наука, культура и пр.)

В предлагаемой статье мы рассмотрим особенности развития современного человека, концентрируя внимание на его взаимоотношениях с окружающей средой. Опираясь на положения *диалектического* подхода к пониманию человека (Э.В. Ильенков, А.С. Арсеньев, В.С. Библер, Ф.Т. Михайлов), где субъект рассматривается как *саморазвивающаяся открытая* система, мы попытаемся проследить характер его взаимодействий с современной социальной средой.

Развиваясь по логике *органических систем*, человек вынужден взаимодействовать с окружающим его миром, который развивается по иным законам, по законам логики *механических систем*.

Теперь несколько слов о содержании понятий *органической* и *механической систем*, учитывать особенности развития которых совершенно необходимо, когда речь идет о человеке (указанные положения детально проработаны Э.В. Ильенковым, В.С. Библером, А.С. Арсеньевым, Ф.Т. Михайловым.).

«Сами понятия «органического» и «неорганического» (механического) могут быть отнесены не только к каким-то объективно существующим предметам и системам, но также к способам мышления, восприятия и понимания мира. Это как бы два различных подхода, два различных взгляда на мир, понимания мира, и, соответственно, его познания» (Арсеньев А.С. 2001, с. 127).

Так, *органическая* система является *саморазвивающейся*, проходящей различные фазы и ступени развития, что является собой развитие реального живого существа. Его развитие начинается с *целого*, как правило, с одиночной клетки, где еще не дифференцированы ни органы, ни ткани. В любом живом существе господствует детерминация целым своих частей, где целое предшествует частям. Итак, «каждая *органическая система* развивается, будучи детерминирована двумя противоположными способами: детерминацией, идущей из прошлого, – *причиной*, и детерминацией, идущей из будущего, – *целевой*. При этом детерминация *целевая* должна иметь определенные преимущества, быть, так сказать, первичной по отношению к детерминации *причинной*, ибо в противном случае не было бы эволюции от прошлого к будущему» (Арсеньев, 2001, с.131).

В *неорганической* системе, наоборот, определенная конструкция *из частей*, соединение этих *частей* детерминирует собой свойства полученного *целого*. Рассматривая мир как *механическую* систему, мы можем иметь дело лишь с *причинными* зависимостями, где главенствует *детерминация прошлым*, которая автоматически переносится в те области и сферы деятельности, где осуществляется работа с живыми людьми (медицина, образование, культура и пр.) Поскольку человек – *живое саморазвивающееся* существо, то, будучи включенным в работающую по особой логике *механических систем* *государственную машину*, он, действительно, оказывается лишь *средством* для ее работы. Действительно, подобным примерам, когда жизнь людей приносится в жертву *общему делу*, нет числа.

И, если для развития различных сфер промышленности, производства различных товаров характерна логика *механических систем*, где господствуют *причинно-следственные* отношения, то развитие сфер культуры, науки, медицины, образования и пр. при благоприятных условиях происходит по логике *органических систем*, ориентированной на *развивающиеся* потребности *живых* людей, направленной в будущее, для достижения поставленных *целей*.

Система, где центральное место занимает *живой* постоянно *развивающийся* человек, выстраивается *изнутри*, как бы постепенно «прорастая» и определяя особенности развития субъекта и его взаимоотношений с окружающей средой. Только в этом случае *система* будет *органична*, будет соответствовать *развивающимся* запросам человека, общества, коллектива, открывая людям *возможности реализации* их сил, являясь их достоянием. Однако современное общество постоянно воспроизводит отработанные ранее отношения, реализуя прежнюю советскую схему отношений, между людьми и властью, где отсутствует *обратная связь* с народом.

Попытаемся кратко охарактеризовать особенности этих взаимоотношений и взаимодействий в России.

Вот уже столетие основной и единственной *целью* развития России власти считают создание *материально-технической* и *экономической* основы общества. Но создание прочной экономической основы не является *единствен-*

ной целью развития общества, – это лишь одно из основных средств улучшения благосостояния живущих в стране людей.

Экономика действительно может способствовать развитию общества только при опоре на определенную *систему отношений* народа и власти, с учетом особенностей страны. Но основным богатством страны следует считать, помимо природных ресурсов, *человеческий потенциал*.

В современной России можно наблюдать уже давно сложившееся отношение к экономике, которое заключается в убеждении, что, как только удастся выстроить экономическую систему, так все сразу станут счастливы, так как заживут богато. Но непосредственное улучшение благосостояния народа, без изменения производственных отношений и мощностей не может быть *единственной целью* развития государственной системы. (В противном случае подобная *цель* непосредственного *обогащения*, без особых изменений положения и роли живущих в стране людей, становится присущей населению, когда самым главным в жизни люди считают богатство.) Нет смысла бороться с коррупцией, пока положение дел таково. Вернее, истинная борьба с коррупцией состоит в искоренении подобного отношения, когда богатство или процесс *обогащения*, является *основной целью* жизни населения.

Постоянное стремление *сначала* создать *материально-техническую* основу государства, постепенно превратилось в основную и *единственную цель*, где человек рассматривается лишь как *средство* решения поставленной задачи, как *рабочая сила*. В результате отношения оказываются перевернутыми: *средства* жизни людей становятся *целью*, а *цель*, – Человек и его жизнь, – *средством*.

Происходит же это потому, что *живой* Человек с его мотивами, потребностями и способностями, развивающийся по законам одной логики, логики *органических систем*, оказывается включенным в развитие *системы* социальных и экономических отношений, заимствованных из прошлого, строящихся по совершенно иной логике, – логике *механических систем*, или логике *вещных отношений*. В результате взаимодействие этих двух различных *систем* осуществляется в процессе *противостояния*.

Так, *плановое* хозяйство во *всех* сферах советского и современного общества, где отсутствует возможность отклонения *от плана*, (что очень удобно для стороннего контроля, но убийственно для творческой личности, вынужденной действовать только по заданной *программе*, является свидетельством того, что в этом смысле *отношение к человеку и к вещи* при таком подходе *идентичны*).

И только, если Человеку в обществе уделяется (основное) внимание, – а это означает, что ему предоставляется возможность полноценно реализовать себя в процессе созидания на благо *общего* дела, – тогда человек и общество, в котором он живет, развиваются *гармонично* и одновременно. Причем, важно отметить, что в процессе достижения *общей Цели*, человек, реализуя себя в творческом процессе, созидает также *самого себя*. (Происходит это потому, что реализация человеком своих сил возможна лишь при условии *свободного* выбора, а не в условиях *выбора* – *дихотомии* «или – или», как это часто случается в России.).

С целью более подробной характеристики процесса развития субъекта, проанализируем особенности развития его субъективной сферы в разных условиях: 1) при благоприятных условиях, когда возможен *свободный выбор*; и 2) в современной сложившейся в России ситуации, когда такой *выбор* *очень затруднен*.

Двойственность мира, в котором живет человек (М.М. Бахтин, В.С. Библер, Ю.М. Лотман, и др.), предполагает рассмотрение выполняемой субъектом деятельности как *двойко детерминированной*, то есть, как включающей в себя, как минимум, две составляющие: *личностно-смысловую* и *операционально-техническую*.

Двойственный характер побудительности, соответствующий *двойственности* выполняемой человеком деятельности, проявляется в ориентации человека как на *внешний*, так и на *внутренний мир*, в умении согласовать характер их побудительности между собой. И, если один «мотив», направленный на решение *внешней* задачи, чаще всего характеризует сознательно поставленную конкретную *цель* (*то, что делается*), то другой «мотив» отражает глубинную *смысловую* ориентацию личности (*то, ради чего* что-то делается). Тогда выполняемую человеком деятельность можно рассматривать как *«равнодействующую»* двух факторов, реальное взаимодействие которых обеспечивает деятельное *проживание* осуществляемой деятельности, в результате взаимодействия которых *порождается* «я» субъекта, развивается его психика.

При этом *творческое* развитие, где существенную роль играет потребность в обновлении имеющегося опыта, следует понимать как постоянное взаимодействие *субъективной и объективной* сторон психических процессов, где ведущее место в развитии личности обычно занимает *смысловая* сфера сознания (деятельности), формирующая его «я». Только в этом случае *чувственная* и *рациональная* ткани сознания реализуют себя в совместной работе, в творческом поиске. Ситуация же преодоления внутренними, *субъективными* факторами *внешних*, часто *ситуативных*, факторов или условий, (но не наоборот!), может считаться *развивающей* личность (подробнее см. 5, 6). Только в таком случае субъект реализует себя как *целостная личность*, развиваясь в процессе достижения *личностно-значимых целей*, корректируемых постоянно меняющейся ситуацией и принятыми в социуме нормами, а не наоборот: двигаясь от принятия *норм* и правил к поиску *себя*.

Более того, отсутствие *свободного выбора*, в процессе которого обычно происходит *порождение* собственных *целей* и *смыслов*, а также осмысление и *переосмысление* происходящего, провоцирует использование уже знакомых и привычных *средств* для решения поставленной *внешней* задачи, как бы «перекрывая» доступ к *смысловой* сфере сознания человека и переводя его деятельность в режим *функционирования*. Постоянное стремление уложиться в кратчайшие сроки и спешка усиливают этот эффект, переводя активную форму деятельности в реактивную, *функциональную*.

А теперь несколько слов об особенностях взаимоотношения двух выделенных сфер сознания.

Существуя в тесном единстве, *смысловая* и *операционально-техническая* стороны деятельности способны обобщаться, подменяя друг друга в роли *цели* и *средства*, что способствует адаптации субъекта к меняющимся условиям.

Наиболее благоприятным для развития человека является *гармоничное* развитие его сознания, когда обе указанные сферы сознания развиты приблизительно в равной степени, что, позволяя субъекту легко переключаться с одной из них на другую, проявляется в *гибкости* и творческой активности. Однако, как правило, одна из выделенных сфер деятельности (сознания) у конкретного человека развита больше, чем другая, что позволяет говорить о *доминировании* одной из них. Так, например, доминирование *смысловой* сферы сознания, ответственной за *цели* и *смыслы*, находит свое проявление в *целенаправленной* деятельности. Доминирование же *операционально-технической* сферы деятельности (сознания) человека, проявляется в *планомерной* по характеру деятельности, когда в процессе осуществляемой субъектом активности акцент ставится на действиях и операциях, т. е., на *функциональной* основе ее исполнения.

Основное отличие этих видов деятельности заключается в том, что, если *целенаправленная* деятельность ориентирована на *поиск средств* для достижения *цели*; то *планомерная* деятельность, будучи нацеленной на выполнение намеченных пунктов *плана*, может даже утратить поставленную *цель*, подменив ее пунктом *плана* или *формальной целью*, например, *целью закончить работу*.

Различия между ними очень важны для понимания особенностей развития *сознания* субъекта и возможностей ведения коррекционной работы, так как, только понимая *планомерную* и *целенаправленную* деятельности, как соответствующие проекции работы сознания, можно, воздействуя на них, корректировать процесс развития психики субъекта, его сознания.

Рассмотрим каждую из них более подробно.

Планомерная деятельность выстраивается (по *плану*) в виде «цепочки» намеченных изначально дел, в порядке выполнения следующих друг за другом действий или операций. При этом выполнение одного «звена» *запланированной* деятельности как бы подталкивает к исполнению следующее ее «звено», из него «вытекающее», или с ним связанное по логике *причинно-следственных отношений*. То есть, *планомерная* деятельность заключается в исполнении намеченных заранее действий (или этапов), не предполагая каких-либо изменений в самом *процессе* ее выполнения. Поэтому для *планомерной деятельности* свойственно довольно *жесткое* выполнение содержащихся в *плане* действий, более зависимых от *результата* выполнения предшествующего этапа деятельности, нежели от воли действующего субъекта. Поэтому можно сказать, что для данного вида деятельности характерна *детерминация прошлым*. В результате оказывается невольно сформированным такой стиль жизни, когда человек действует, практически не обращаясь к себе, к своему «я», – он действует, стремясь достигнуть *запланированный* заранее на определенном этапе *результат* независимо от возможных изменений. Таким образом, действующий субъект довольствуется достигнутым результатом, который вынесен, как правило, во *внешний* план, практически минув *внутренний, смысловой*. В итоге развитие *личностной* сферы человека сильно замедляется или прекращается.

Целенаправленная же деятельность является значительно более *гибкой*, способной к корректировке и уточнению выбранных шагов. В процессе *целенаправленной* деятельности происходит реализация *смысловой сферы* деятельности (сознания), заключающейся в *поиске*, – часто *интуитивном*, – и *проживании* будущей *цели* (*мечты*), в соответствии с которой подбираются и осмысливаются возможные *средства*, а также пути и способы действий. Именно *целенаправленная* деятельность постепенно формирует привычку *осмысления* и *переосмысления* уже виденного, что заставляет человека обращаться к *самому себе*, развивая его личностную сферу. При этом *цель*, являясь сначала *смутной*, еле *определенной*, постепенно конкретизируется в процессе ее достижения, *от общего, еще неопределенного*, к все более явному и конкретному.

Определяющая роль *Цели* прекрасно продемонстрирована в Русских Народных сказках, называемых *Волшебными*. В них именно *Целенаправленная* деятельность героев приводит к долгожданному позитивному исходу. В них мы видим *направленность на Цель* при широком спектре *поисковой активности*. У героев Русских Народных сказок можно наблюдать, что их *мечты*, как правило, сбываются. Типичный для таких героев способ, – нигде не расставаться со своей Мечтой, с заветным желанием, т.е., удерживать постоянно имеющуюся *Цель*. Это, как правило, ведет к тому, что такой, пронесший Мечту сквозь всю свою жизнь, герой способен увидеть, узнать свою Мечту в любом, не имеющем ничего общего с ней предмете, способен понять необходимость действовать в ситуации, не сулящей ничего в обычном случае. Видимо, только подобная *направленность на Цель*, выношенную в *Душе*, а не *на план*, где все подчинено рассудку, способна привести к волшебному исходу. Можно сказать, что *целенаправленная* деятельность, где доминирование *смысловой* сферы сознания проявляется в виде поиска *средств* для достижения заветной *цели*, является по сути одним из способов *самовыражения* и *самоопределения* действующего субъекта.

Планомерная же деятельность, имея как бы заранее заготовленные *алгоритмы* действий, что позволяет ускорить темп деятельности и точность выполнения действий, удобна еще и тем, что поддается стороннему контролю на любом этапе ее выполнения. Для *планомерной* деятельности характерна направленность на предметный *вещный* мир, где продуктивность выполнения деятельности измеряется скоростью и точностью.

Все сказанное подводит нас к мысли о том, каждая из приведенных видов деятельности оказывается применимой лишь к определенным «объектам».

Так, например, *целенаправленная* деятельность, следуя от общей *цели* к поиску *средств* и, являясь более *гибкой*, может быть использована при работе с *живыми* людьми, так как позволяет учесть любые происходящие с ними изменения. Достоинством *целенаправленной* деятельности является также то, что поставленная изначально достаточно *неопределенная цель* (например, такие *цели* как *воспитать хорошего человека, укрепить собственное здоровье, повысить*

сить культурный уровень и пр.) позволяет вести поиск необходимых *средств* в очень широких пределах, что значительно облегчает поиск, расширяя *сферу* возможного выбора.

Планомерная же деятельность, где каждое последующее действие следует из предыдущего, как бы подталкивая его, *детерминирована прошлым*. Поэтому *планомерная* деятельность, будучи применимой в отношении предметов *вещного* мира, оказывается, не применимой в отношении *органических развивающихся* систем. Происходит это потому, что *в плане*, в запланированных заранее действиях не учитываются возможности происходящих с субъектом изменений, что не может гарантировать успешность осуществляемой деятельности; более того, – она может принести даже вред.

Однако, несмотря на это, в реальной жизни система *планирования* в России применяется абсолютно в любой сфере деятельности, безотносительно к тому, *что* планируется. Подобная система развития «хозяйственных» отношений, куда оказываются включенными и те сферы деятельности, где центральной фигурой является *живой* человек (образование, медицина, наука, культура и пр.), практикуется уже столетие. В реальной практике, к несчастью, не играет никакой роли, планируется ли численность работающих, учащихся, болеющих людей и пр., или количество выпускаемой продукции разного рода.

И именно это, на наш взгляд, является одной из существенных ошибок в деле организации работы с людьми, так как, власть, не благоприятствуя развитию творческой инициативы народа, направляет тем самым все его творческие силы по пути преодоления постоянно возникающих «законов», вплоть до криминала. (см. 10). Этот эффект значительно усиливается в связи с отсутствием *правового* сознания в России.

И только, если Человеку в обществе уделяется (основное) внимание, – а это означает, что ему предоставляется возможность полноценно реализовать себя в процессе созидания на благо *общего* дела, – тогда человек и общество, в котором он живет, развиваются *гармонично* и одновременно. Здесь важно отметить, что в процессе достижения *общей Цели*, человек, реализуя себя в *творческом* процессе, созидает также *самого себя*.

Из сказанного видно, что полноценное творческое развитие, когда используемые субъектом *средства* подчинены имеющимся у него *целям*, во многом определяется социальной средой, которая диктует свои законы и особенности взаимодействия двух выделенных сфер сознания.

И, если одна из них, – *операционально-техническая* сторона деятельности (сознания), – получает возможность реализации при современных социальных условиях, так как нужны исполнители и подчиненные, то другая, – *смысловая* сторона деятельности (сознания), – почти не получает возможности реализации, т.к. совсем не востребована обществом. (Современному обществу, как правило, требуется неквалифицированный дешевый труд, так как все его интересы направлены, в основном, на раскручивание собственного *бизнеса*.)

Выход из подобной ситуации, на наш взгляд, заключается в двустороннем встречном движении: 1) в преобразовании государственной системы с целью налаживания *обратной связи* с живущими в стране людьми, в помощи им в реализации собственных сил, и 2) в формировании у людей, – наряду с привычной логикой *причинно-следственных* отношений и работой *по плану*, – логики *целеполагания*, в процессе овладения которой у субъекта формируется способность выделять главное, самостоятельно *ставить цели*, идя *от общего к частному*, соблюдая *субординацию* и *удерживая* основную *цель*.

Подчинение осуществляемых субъектом действий выделенной им *главной цели* и способность *переосмысления* ситуации в случае ее изменения – главные особенности сознания человека, формировать которые следует начинать в детстве. Свое проявление эти особенности найдут в работе взрослого человека, труд которого сделает его счастливым и полезным.

Список литературы

1. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. – М., 2001.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
3. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры // На путях к гуманитарному разуму. – М.: Прогресс, Гнозис, 1991.
4. Библер В.С. Мышление как творчество. – М., 1975.
5. Выготский Л.С. Психика, сознание, бессознательное // Собр. соч. – Т.1. – М., 1982. – С. 132–148.
6. Ильенков Э.В. Философия культуры, – М., 1991.
7. Лотман Ю.Н. Беседы о русской культуре. – СПб., 1994.
8. Овчинникова Т.Н. Развивающийся человек в меняющемся мире // Психотерапия. 2013. – № 4. – С. 63–70.
9. Овчинникова Т.Н. Обратная связь в культуре и обществе // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2010. – № 2. – С. 85–90.
10. Овчинникова Т.Н. Истоки криминального поведения в современной России // Психотерапия. 2014. – № 3. – С. 95–100.
11. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. – М., 1976. – С. 253–412.

Пациорковский В.В.

д.э.н., профессор, зав. лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ И ЖИЗНИ

Ключевые слова: домохозяйство, земля, индивидуальное жилищное строительство, местное самоуправление, модернизация, самозанятость, усадьба.

Key words: Household, land, individual housing construction, local government, modernization, self-employment, the estate.

В последнюю четверть века в сельском хозяйстве нашей страны сложилась многоукладная экономика. Ее законодательная база формировалась на путях введения частной собственности на землю, реорганизации коллективных хозяйств, легализации крестьянских (фермерских) хозяйств и признания личных подсобных хозяйств населения в качестве сельскохозяйственных товаропроизводителей. Итоги многолетнего реформирования закреплены законодательно в 2006 г.¹

Наряду с крупными товаропроизводителями, режим признания которых регламентируется пунктом 1, статьи 3, рассматриваемого закона, пункт 2 данной статьи устанавливает: «Сельскохозяйственными товаропроизводителями признаются также: 1) граждане, ведущие личное подсобное хозяйство, в соответствии с Федеральным законом от 7 июля 2003 года № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»; 2) сельскохозяйственные потребительские кооперативы (перерабатывающие, сбытовые (торговые), обслуживающие (в том числе кредитные), снабженческие, заготовительные), созданные в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 1995 года № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (далее – Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации»); 3) крестьянские (фермерские) хозяйства в соответствии с Федеральным законом от 11 июня 2003 года № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»»².

В результате сельскохозяйственными производителями было признано огромное число людей, хозяйствующих на свой страх и риск как на землях сельскохозяйственного назначения, так и на землях населенных пунктов. Общее число граждан, реальных и потенциальных сельхозпроизводителей, площадь используемых ими земель, а также удельный вес, каждой из выделенных групп землепользователей, приведены нами в табл. 1.

В соответствии со Статьей 7 «Состав земель в Российской Федерации» основного закона о земле³, Росреестр при описании земельного фонда использует 13 различных видов разрешенного использования земель населенных пунктов и сельскохозяйственного назначения. Все они и представлены в первом столбце табл. 1.

Вполне естественно, что учет земельных участков, на которых производится сельскохозяйственная продукция, неизбежно ведет за собой двойной счет отдельных граждан, имеющих несколько участков. Следствием указанного обстоятельства является и увеличение площадей земли, обрабатываемой хозяйствами населения. Это ведет к заметному различию данных табл. 1 с публикуемыми органами статистического учета данными о распределении сельскохозяйственных угодий по категориям хозяйств⁴.

Из данных табл. 1 (столбец 3) видно, что в 2013 г. общий доступ граждан к земле более чем в 3 раза превышал площадь используемых ими сельскохозяйственных угодий⁵. Это чрезвычайно важное обстоятельство, свидетельствующее о том, что формирование рынка земли в наблюдаемый период открыло доступ к земельным участкам какой-то части экономически активного населения.

Следует отметить, что Росреестр ведет персональный учет владельцев земельных участков, которые в действительности являются составной частью производственной базы семейных домохозяйств. Поэтому картину доступности земли корректнее представить в терминах домохозяйств. По данным последней переписи населения (2010 г.) в нашей стране насчитывалось немногим более 54,5 млн. домохозяйств⁶.

¹ Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 года, № 264-ФЗ. – <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=64930>

² Там же.

³ Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 года, № 136-ФЗ. – <http://www.garweb.ru/project/law/doc/12024624/12024624-001.htm>

⁴ Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России 2013. – М.: ФСГС, 2013. – С. 75.

⁵ Там же, с. 75.

⁶ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Число и состав домохозяйств. Т. 6. – М.: ФСГС, 2014. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Земли граждан (объединений граждан), занимающихся производством сельскохозяйственной продукции в 2013 г.

Вид использования земли	Количество граждан, ед.	Общая площадь, тыс. га	Доля граждан в данном виде использования, в %	Доля земли в данном виде использования, в %
Крестьянские (фермерские) хозяйства	259 195	23 707,6	0,6	23,7
Личные подсобные хозяйства	16 278 585	7648,2	34,3	7,6
Граждане, имеющие служебные наделы	90 571	57,4	0,2	0,1
Садоводы и садоводческие объединения	14 115 935	1275,8	30,0	1,3
Огородники и огороднические объединения	2 831 281	287,2	6,0	0,2
Дачники и дачные объединения	223 093	92,2	0,5	0,1
Граждане, имеющие земельные участки, предоставленные для индивидуального жилищного строительства	7 338 779	920,8	15,4	0,9
Животноводы и животноводческие объединения	138 317	324,1	0,3	0,3
Граждане, занимающиеся сенокосением и выпасом скота	4 164 347	16 995,1	8,7	16,9
Граждане, занимающиеся северным оленеводством и промыслом	917	24 369,8	0,0	24,4
Граждане, собственники земельных участков	473 497	8836,9	1,0	8,8
Собственники земельных долей	1 378 840	13 283,1	2,9	13,3
Индивидуальные предприниматели, не образовавшие фермерское хозяйство	49 769	2356,0	0,1	2,4
Всего	47 343 140	100 154,2	100,0	100,0

Источник: Земельный фонд Российской Федерации на 1 января 2013 года. – М.: Росреестр, 2013. – С. 497–602.

Как видно из табл. 1, в Росреестре учтено 47,3 млн. владельцев земельных участков. Это значит, что при любом повторном счете более 85% домохозяйств имеют в той или иной форм доступ к земле. Иначе говоря, не только все сельские домохозяйства (13,3 млн.), но и 34 млн. городских домохозяйств (из общего числа 41,2 млн.) или 82,5% имеют доступ к земле. При этом, правда, в соответствии с видом разрешенного использования земель правовую возможность построить на своем участке капитальный дом для постоянного проживания имеют около 50% владельцев земельных участков. И на них он уже, как правило, давно построен. Для второй же половины владельцев земельных участков, равно как и для 15% домохозяйств вообще не имеющих доступа к земле, отсутствуют какие-либо перспективы индивидуального жилищного строительства. За исключением приобретения искомого земельного участка на коммерческой основе и чаще всего он будет нарезан на землях сельскохозяйственного назначения.

С учетом сказанного, при анализе социально-экономических последствий купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения следует принимать в расчет не только наблюдающиеся факты их выбытия и сокращения. Огромную роль здесь имеет и то обстоятельство, что **земли сельскохозяйственного назначения оказались тем ресурсом, доступность которого позволяет многим людям самостоятельно решать различные проблемы своей жизни: от производства сельскохозяйственной продукции, до строительства жилья, удовлетворения рекреационных потребностей и капитализации личных и семейных сбережений.**

Одно из важных следствий формирования рынка земли связано с тем, что сегодня повсеместно земельные участки для целей индивидуального жилищного строительства как на землях населенных пунктов, так и на землях сельскохозяйственного назначения продаются по всему периметру расселения в различных регионах страны. При этом в собственности граждан в 2013 г. было всего лишь 6,9% земель РФ¹. Сдерживающими факторами здесь являются политика государства и спрос. В то же время если смотреть на предложение, то может создаться впечатление, что продается весь тот или иной регион².

Описываемые процессы дали новый импульс концентрации населения вокруг больших городов. Интенсивно идет переселение населения в районы, прилегающие к региональным центрам. Причем преимущество в развитии имеют те поселения, тяготеющие к такому центру, которые открывают возможность ежедневной маятниковой трудовой миграции.

В регионах получило распространение строительство и создание коттеджных поселков. Всего таких поселков строится только вокруг Уфы и Рязани более чем по 20 единиц в каждом случае³. Тема о том, как застраивается Подмосковье, требует особого рассмотрения.

Формирование таких поселков окажет определенное влияние на систему расселения и муниципальную жизнь. Проблема здесь состоит в том, что, когда они создаются с подрядом на землях населенных пунктов, то их интеграция в муниципальное образование не вызывает больших напряжений. Вместе с тем основная часть таких поселков создается на выведенных из оборота землях сельскохозяйственного назначения, и строятся они без подряда. В этих случаях их интеграция в соседние муниципальные поселения весьма проблематична.

¹ Земельный фонд Российской Федерации на 1 января 2013 года. – М.: Росреестр, 2013. – С. 235.

² Продажа земельных участков в Республике Башкортостан. – <http://www.roszem.ru/regions/bashkortostan-respublika/>; <http://realty.dmir.ru/bas/sale/prodazha-zemli-v-respublike-bashkortostan/>; <http://zem.mirkvartir.ru/Башкортостан+ республика. Продажа земельных участков в Рязанской области.> – <http://realestate.pingola.ru/sale/>; <http://www.roszem.ru/regions/ryazanskaya-oblast/> и др.

³ Коттеджные поселки Уфы. – <http://ufa.zemleba.ru/>; Коттеджные поселки Рязани. – <http://www.062.ru/cat/12-522>

В местах, нуждающихся в повторном заселении, рано или поздно придется переходить от умирающего компактного к формированию дисперсного расселения, от навязанного сверху местного самоуправления к чему-то похожему на ТОСы. В указанном направлении идет и инициатива снизу, которая формируется от получающих все более широкое распространение индивидуальных рисков, связанных с переселением в сельскую местность¹, до различных коммерческих и общественных начинаний по созданию родовых поместий, экопоселений². На сервере родовых поместий в Рязанской области отмечено 7 таких поселений³.

Вот как представляют свое поселение в одном из них, а именно в «Лагоде». «Земля в собственности. Переведена в разрешенный вид использования “для дачного строительства”. Это позволяет, уплачивая минимальные земельные налоги, строить любые постройки (в том числе и жилые дома) без согласования с архитектором и другими властями. Так же значительно упрощаются и удешевляются все вопросы, связанные с подводом коммуникаций (электричества, газа, дорог)»⁴.

Приведенная выше рекламно-маркетинговая информация служит хорошим примером выхода полезной инициативы по формированию новых форм жизни за рамки действующего законодательства. Сама возможность индивидуального жилищного строительства «без согласования с архитектором и другими властями» указывает на основной пробел сформированного правового поля. Он состоит в том, что в поселках, создаваемых на землях сельскохозяйственного назначения с разрешенным видом использования для дачного строительства, фактически нет местного самоуправления и местных органов власти. Связано это главным образом со слабостью правового поля и ограниченностью интереса местных и региональных властей к вопросам массового индивидуального жилищного строительства.

В стремлении сдержать увеличение муниципальных обязательств и связанного с ними роста расходов региональные власти просто отказываются признавать вновь возникающие поселки в качестве населенных пунктов со всеми вытекающими из этого последствиями. В таких поселках как бы и не действует законодательство о местном самоуправлении⁵.

Более того, в решении данного вопроса практика пошла путем создания благоприятных условий работы системы управления за счет ущемления основ местного самоуправления. Региональным бюджетам в тягость оказались как возрождаемые к жизни ранее признанные неперспективными сельские населенные пункты и вновь создаваемые по инициативе населения поселки, так и муниципальные районы с их многочисленными городскими и сельскими поселениями.

В ходе муниципальной реформы инициаторами таких перемен стали Сахалинская и Свердловская области. В них практически полностью отказались от двух ступеней управления в муниципальных районах в пользу унитарных городских округов. Сегодня это начинание реализуется в рамках административной реформы в Московской области. Здесь в мае 2014 года были объединены городские округа Королев и Юбилейный, а в декабре пришла очередь объединения городских округов Балашиха и Железнодорожный. В стремлении создать крупнейший город Подмосковья депутаты областного парламента одобрили объединение этих двух городских округов⁶.

При этом стараются уйти от обсуждения того факта, что посредством таких преобразований утрачивается основной смысл местного самоуправления – «самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций»⁷. Любое укрупнение муниципальных образований не только физически ограничивает доступность местной власти, оно нарушает право граждан самим формировать местные органы управления. Ведь теперь в г. Балашиха, г. Железнодорожном и нескольких других населенных пунктах, входящих в эти городские округа, население не будет даже участвовать в выборах главы нового городского округа. «Глава объединенного муниципального образования будет избираться из состава местного совета депутатов и будет являться его председателем»⁸.

В самих населенных пунктах, которые теперь получают статус микрорайонов Балашихи, все дела будет вести назначенный им представитель. Такая форма управления принята в населенных пунктах, входящих в городские округа. В них в лучшем случае будут созданы Общественные Советы, утверждаемые опять же объединенным Советом депутатов городского округа Балашиха.

Сколько бы ответственные лица в обоснование принятого решения не говорили о государственном подходе и новых импульсах территориального развития⁹, подобные преобразования ограничивают как близость и доступность местных органов власти для населения, так и удовлетворение потребности основной части домохозяйств в современ-

¹ Лельчук А. Исход из города. – <http://ladim.org/st0ea122F201.php> ; Текун М. Мой биполярный мир. – <http://ladim.org/st0da121c201.php>.

² Список родовых поселений, экопоселений России. – <http://poselenia.ru>

³ Рязанская область. – <http://poselenia.ru/region/59/136>

⁴ Лагода. – <http://poselenia.ru/poselenie/2678>

⁵ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года, № 131-ФЗ. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148889

⁶ Лоскутова А. Создается крупнейший город Подмосковья // Подмосковье. 2014. – 26 декабря, № 242 (3422). – С. 2.

⁷ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года, № 131-ФЗ. Статья 1, пункт 2. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148889

⁸ Мособлдума приняла закон об объединении Балашихи и Железнодорожного. – <http://www.interfax-russia.ru/Center/citynews.asp?id=570730>

⁹ Объединение Балашихи и Железнодорожного придаст импульс развитию территорий и повысит качество жизни горожан – зампред Мособлдумы Иван Жуков. – http://www.mosoblduma.ru/O_dume/Deputati/ZHukov/Novosti_Ivana_ZHukova/item/29150

ном жилище. Если учесть, что к настоящему времени почти весь жилой фонд приватизирован, то задача улучшения жилищных условий ложится на саму семью (домохозяйство) и ее поддержку местными органами самоуправления. Государство же в новой реальности скорее может способствовать созданию благоприятных условий для решения семей рассматриваемых задач, чем само принимать непосредственное участие в их достижении.

Это обстоятельство особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что современное жилище предполагает индивидуальное домостроение усадебного типа, а именно **дом, двор, хозяйственное подворье и земельный участок**. Только в таком жилище сегодня и на перспективу возможно удовлетворение разнообразных потребностей всех возрастных групп населения от грудных детей до немощных стариков.

Испокон веков в нашей стране в сложных социально-экономических условиях людям облегчался доступ к земле для индивидуального жилищного строительства и ведения собственного хозяйства (личные подсобные хозяйства, огороды, садовые участки, дачи – все это наследие таких мер). Как показало время, они себя вполне оправдали. Вместе с тем, если мы желаем уйти от режима выживания в режим модернизации и создания, соответствующих современным потребностям населения, условий жизни, то мы просто вынуждены отдать приоритет индивидуальному домостроению усадебного типа. Уместно отметить, что указанный вектор развития связан главным образом с сельской местностью, малыми городами и пригородом. Исходя из важности указанных обстоятельств, которые могут играть заметную роль при разработке конкретных мер и механизмов инновационного развития, ниже уделено внимание ряду вопросов строительства и модернизации индивидуальных домохозяйств.

Массовое индивидуальное жилищное строительство. Решение задач модернизации домохозяйств вряд ли возможно без разворачивания массового индивидуального жилищного строительства на селе и в малых городах. Все программы обеспечения жильем молодых специалистов, молодых семей, ветеранов и т.п., решая текущие задачи предотвращения развала села, закрепляют режим выживания. Они весьма далеки от проблем устойчивого сельского развития.

Формируемое в стране рыночно ориентированное правовое поле (Градостроительный, Жилищный и Земельный кодексы), опережая свое время, препятствуют массовому жилищному строительству. В то же время только поощрение индивидуального строительства современного жилья на основе выделения земельных участков и предоставления товарного кредита способно быстро и эффективно решить задачу обеспечения жильем всех нуждающихся в нем дееспособных горожан и селян¹. Такое развитие событий может способствовать повышению привлекательности и качества жизни на селе и в малых городах.

Федеральный центр за пределами устных высказываний руководителей страны в пользу поддержки малоэтажного жилищного строительства² предпринимает в этом направлении очень ограниченные управленческие и законодательные решения. В то же время такие решения крайне необходимы. Во-первых, для того чтобы дать четкий сигнал многим регионам, привыкшим не делать лишних телодвижений без указаний сверху. Во-вторых, для приведения действующей нормативной базы в части Градостроительного, Жилищного, Земельного, Лесного и Водного кодексов в соответствие с требованиями развития массового индивидуального жилищного строительства.

Сегодня повсеместно, в том числе и в сельской местности, земельный участок под индивидуальное жилищное строительство можно приобрести только по аукциону. В связи с огромной и хорошо известной разницей в доходах и уровне жизни в городской и сельской местности указанное положение дел ставит в совершенно не равные условия местных селян и пришлых горожан, желающих приобрести участок в сельской местности. Разработчики такого порядка позаботились о формально равном доступе к земле, совершенно упустив из виду, что у нас в городе и на селе в обороте находятся, если так можно выразиться, абсолютно другие деньги.

Массовое индивидуальное жилищное строительство правильно рассматривать, как исходный пункт модернизации всей системы расселения, в том числе и индивидуальных домохозяйств. Поэтому, как уже отмечалось в ряде предыдущих работ автора, инновация типа: «*Построй свой дом!*» или «*Построй свой дом – укрепи Россию!*»³ сегодня и на перспективу может сыграть важную роль в консолидации общества, открыть каналы новых инициатив и модернизации снизу.

Предлагаемая инновация, во-первых, направлена на удовлетворение отложенных первичных потребностей и неудовлетворенного спроса многомиллионной массы россиян. Во-вторых, она может способствовать восстановлению чувства справедливости, попранному шоковой терапией и приватизацией. В-третьих, строительство собственного дома на своей земле открывает широкие возможности распространения самозанятости и формирования самодостаточно в своей основе социального слоя населения. Именно такие слои и составляют костяк среднего класса. С жилищным строительством на селе связана и модернизация сельского подворья, приведение его в соответствие действующему технологическому укладу. Это очень важный момент. Он не может быть упрятан в декларации по улучшению условий жизни селян.

Формирование на сельском подворье и в домохозяйстве современного технологического уклада. Материально-техническая база российского сельского подворья в лучшем случае соответствует третьему технологическому укладу.

¹ Гудков А., Сапожников О. Строителям пообещали прямые выборы // Коммерсант. – М., 2010. – 5 июля, № 118/П4418.

² Медведев Д.А.: «Нужно сделать так, чтобы земли работали для жилищного строительства». 01.07.2009 г. / Федеральный фонд содействия развитию жилищного строительства. Видеоматериалы. – <http://www.fondrgs.ru/press/video/1089.html> ; Медведев Д.А.: Рабочая встреча с губернатором Белгородской области Евгением Савченко 31 марта 2010 года. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/7297>

³ Пациорковский В.В. Сельская Россия: приоритеты развития. – М.: Поколение, 2009. – 198 с. Пациорковский В.В. Приоритеты демографического развития: семья и домохозяйство // Национальные проекты. – М., 2009. – № 3 (34). – С. 84–87.

По расчетам экономистов, он господствовал в народном хозяйстве еще примерно в 1880–1930 гг. В то же время в народном хозяйстве, в том числе и в крупном сельскохозяйственном производстве, сегодня доминирует пятый (1980–2040 гг.)¹, а руководство страны совершенно справедливо ставит задачи перехода к шестому технологическому укладу².

Технологическая отсталость сельского подворья противоречит его новому положению в обществе в качестве особого экономического уклада. Это реальность и независимо от того является ли подворье потребительским или мелкотоварным хозяйством, туда должны прийти современные средства механизации, сертифицированный посадочный материал, элитные породы скота, агрономическое и ветеринарное обслуживание и т.п. Существующий на сельском подворье технологический уклад держит его в режиме выживания и бедности.

Вместе с тем самозанятость на личном подворье вполне способна обеспечивать средние или близкие к ним доходы населения, занятого в народном хозяйстве. В этом случае крестьянин-единоличник, не используя наемный труд, сможет рассчитывать на собственные силы и быть хорошим примером успеха моральной экономики в условиях господства товарно-денежных отношений.

Решение задач модернизации подворий предполагает, кроме нового строительства и технического обновления, внедрение в их повседневную практику технологических карт, позволяющих обсчитывать экономическую эффективность различного рода продукции и услуг. Следует помнить, что при любом уровне развития крупного товарного производства подворья всегда смогут найти или сохранить свою нишу. Связано это с тем, что крупные и средние товарные производители, используя возобновляемые природные ресурсы, нигде и никогда не доходят до производства отдельных видов продукции, требующей огромных затрат труда. Это относится, например, к пчеловодству, кролиководству, выращиванию многих видов растений, грибов и ягод.

Еще важнее общая стабилизирующая и воспроизводственная роль личных подворий на селе. Как уже отмечалось ранее, в многоукладной экономике общество просто обязано следить за тем, чтобы во всех ее секторах господствовал один технологический уклад. Только в этом случае труд в быту и на личном подворье сопоставим с трудом в общественном производстве, а оба уклада находятся в условиях равной конкуренции. Поэтому положение дел на личном подворье, особенно в условиях санкций и решения задач импортозамещения, должно в такой же мере беспокоить общество, как и положение дел у средних и крупных товаропроизводителей.

Устойчивое сельское развитие может быть достигнуто только на путях повышения устойчивости сельских домохозяйств и других сельских товаропроизводителей. Повышение устойчивости домохозяйств имеет два основных вектора. Один из них традиционно связан с их замыканием на собственном производстве и потреблении, а также с минимизацией обменов с внешней средой. Сегодня для основной массы сельских домохозяйств подобное развитие событий вряд ли возможно.

Другой путь повышения устойчивости сельских домохозяйств – диверсификации видов занятий и, соответственно, источников доходов. Такой путь предполагает отказ от автаркии и натурализации хозяйства в пользу поиска источников доходов как в общественном и корпоративном секторах экономики, так и на путях разнообразных форм самозанятости. Кстати сказать, развитие сельского туризма и народных промыслов тесно связано с семейными домохозяйствами. Необходимый для сельского туризма гостиничный фонд и другие виды услуг могут сформировать только семейные хозяйства. В сложившихся условиях хозяйствования, независимо от провозглашаемых намерений, само противопоставление мелкотоварного сектора и крупных товаропроизводителей на селе закрывает перспективы сельского развития.

Информатизация как составная часть модернизации домохозяйств. Модернизация домохозяйств в качестве одной из своих составляющих предполагает повышение уровня и качества информатизации различных сторон их жизни, в том числе и решения задач, связанных с организацией производства и реализацией продукции мелкотоварных производителей, в том числе и сельских.

Информатизация сельских домохозяйств идет в известном смысле независимо от провозглашаемых установок как потребителей, так и органов управления. Сегодня и на ближайшую перспективу материально-техническую основу информационного блока сельского домохозяйства составляют *мобильные средства связи и планшетные компьютеры*. Этот блок, если еще и не сформирован полностью, то, как минимум, формируется полным ходом.

В наших обследованиях последних лет (2006–2010 гг.) мы фиксировали широкое распространение на селе потребительского кредитования под покупку мобильного телефона. Городские дети покупают сельским родителям телефоны и сами обслуживают их, получая взамен спокойствие за постоянную связь с престарелыми родителями. А уж как эти телефоны в полном смысле «нянчат» селяне и передать трудно.

Конечно, этот пример свидетельствует в первую очередь о социальной функции информатизации сельского домохозяйства. Вряд ли здесь нужно напоминать, что в отличие от агробизнеса сельское домохозяйство исходно социальная и уже потом хозяйственная ячейка общества. Всеу свое место и время.

По данным «Комплексного наблюдения условий жизни населения», выполненного органами статистики в 2011 г., в настоящее время в сельской местности в расчете на 100 домохозяйств имеется 183,4 мобильных телефона и 38,4 персональных компьютеров, планшетников и цифровых органайзеров.³ При этом 28,1% сельских домохозяйств

¹ Басаргин В. Задача номер один для Минрегиона – стимулировать развитие рынка жилья. – http://www.rost.ru/news/2009/01/231633_16038.shtml

² Ганьжин В.В. Как России вперед. Отклик на статью Президента РФ «Россия, вперед!». – http://ganjin.narod.ru/Kak_Rossii_upered.htm

³ Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения.- М.: Росстат, 2012. Табл. 13, лист 1. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/kn-ujn/ko-ujn.html

имеют непосредственный доступ в Интернет. Из них 14,8% уже используют технологии *беспроводного* доступа к сети Интернет¹. Последнее обстоятельство имеет, на наш взгляд, решающее значение. Использование *проводных* технологий доступа к сети Интернет, не говоря уже о телевидении, ограничено в своей перспективе развития. Это особенно справедливо для сельской местности.

Напротив, беспроводные сети уже сегодня открывают огромные, пока еще слабо используемые населением возможности. В качестве одного из фундаментальных и уже действующих сервисов в этой сфере следует указать на комплекс Онл@йн услуг, предлагаемый Сбербанком. В этот комплекс входят услуги по управлению счетами через мобильный телефон (Мобильный банк), доступ к услугам банка через интернет (Сбербанк Онл@йн), автоматическое пополнение мобильного телефона (Автоплатеж), информационное банковское обслуживание по телефону (Контактный центр) и многие другие сервисы², имеющие огромную перспективу развития и использования.

Если учесть, что Сбербанк фактически монополист как по оказанию банковских услуг в сельской местности нашей страны, так и по доверию, которым он пользуется у населения, то распространение его информационных услуг на селе – дело времени и маркетинговой политики. Люди очень быстро сообразят, что оплата мобильного телефона непосредственно у себя дома, в пути, в поле или огороде гораздо удобнее не только посещения банка, но и оплаты с помощью платежной карты, банкомата или информационно-платежного терминала.

Такого рода услуги формируют инфраструктуру информационного сервиса самых различных сторон жизни селян, связанных с открытием возможности перехода к безналичным расчетам в сфере оплаты труда, расчетов за поставленную продукцию, товары и услуги. Они способствуют интеграции домохозяйства в социальные связи и реальный сектор экономики, разрушая традиционные представления о подворье как изолированном, натуральном хозяйстве.

При этом модернизации частного подворья в целом предполагает повышение уровня его автономности посредством распространения автономных систем водообеспечения, водоотведения, энергообеспечения и др. Ошибочно рассматривать повышение уровня автономности как тенденцию к изолированности и натурализации. Автономность – антитеза чрезмерного обобществления и централизации, ограничивающих возможности маневра и реакции частного хозяйственного предприятия³ (сельского подворья) на изменения внешней среды и условий хозяйствования.

Информатизация домохозяйства представляет собой очень важное звено его модернизации. Она обеспечивает его интеграцию в народнохозяйственные связи без использования удушающих механизмов централизации и управления. Уже и сегодня сам доступ к сети Интернет позволяет каждому пользователю получить любую мыслимую и не мыслимую, разумную, а иногда и не очень информацию по всем вопросам жизни, в том числе и по ведению хозяйства. При этом сетевой доступ весьма разнообразен и специализирован. Он имеет широкий спектр возможностей: от самостоятельного повышения квалификации, через доступ к требуемой литературе, до получения специальных консультаций и даже обмена опытом в специализированных социальных сетях и тематических чатах. О возможностях, связанных с геосистемами, геопозиционированием и геонавигацией, которые предоставляют планшетные компьютеры и смартфоны, многие люди еще просто не знают. Вместе с тем с их помощью можно с минимальными затратами контролировать: границы земельных участков и землепользования (посредством использования ГЛОНАСС, GPRS и геопозиционирования), положение дел в любой точке хозяйства, не выходя из дома (видеонаблюдение), а также и многие хозяйственные процессы от вспашки до выпаса и доения крупного рогатого скота (дистанционное управление).

¹ Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения.- М.: Росстат, 2012. Табл. 14, лист 1. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/kn-ujn/ko-ujn.html

² Сбербанк. Онл@йн услуги. – http://sbrf.ru/moscowoblast/ru/person/dist_services

³ Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. – М.: Экономика, 1989. – С. 203.

Петрыкина И.Н.

к.э.н., доцент кафедры региональной экономики и территориального управления Воронежского государственного университета

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: региональное развитие, человеческий капитал, Центральный федеральный округ, кластерный анализ.

Острота социальных проблем, к которым относятся и проблемы в сфере развития человеческого капитала, зачастую требует согласованных действий органов власти сразу нескольких регионов. В связи с этим целесообразной представляется разработка научно-практических мер не только для каждого региона, но также для групп регионов, имеющих схожие социально-экономические характеристики. Причем, разработка подобного рода мер требует соответствующего информационного обеспечения и теоретического обоснования.

В рамках данного исследования в качестве метода, позволяющего выявить устойчивые группы регионов со схожими проблемами и определить приоритетные направления развития человеческого капитала, нами использован кластерный анализ, реализованный в системе Statistica. Кластеризация проведена на примере регионов Центрального федерального округа (ЦФО) по статистическим данным за 2009, 2011, 2013 годы, что позволило установить устойчиво воспроизводимые сильные и слабые стороны каждого виртуального кластера по характеристикам человеческого капитала.

При выборе показателей, включенных в кластерный анализ, мы руководствовались, прежде всего, содержанием концепции Программы развития ООН (ПРООН). По концепции ПРООН, основополагающими предпосылками для реализации потенциала человека признаются три главные возможности: долголетие и здоровье; образовательный и профессиональный рост; достойный уровень благосостояния¹.

На наш взгляд, возможности и способности людей, получившие развитие под влиянием инвестиций и в процессе жизнедеятельности, превращаются из потенциала в человеческий капитал, т.е. начинают приносить определенный доход.

При этом в отличие от традиционной методики оценки на уровне региона, которая предполагает использование четырех показателей (ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности, доля учащихся среди детей и молодежи в возрасте от 6 до 23 лет, ВРП)², предлагаемый нами состав показателей расширен и включает следующие переменные:

X₁ – ожидаемая продолжительность жизни, лет;

X₂ – обеспеченность врачами на 10000 населения, чел.;

X₃ – уровень занятости, %;

X₄ – показатель, обратный показателю доли безработных с высшим образованием, %;

X₅ – число учащихся профессиональных учебных заведений всех видов на 10000 населения, чел.;

X₆ – отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму, в разах;

X₇ – обеспеченность жильем, кв. м. на чел.

Таким образом, переменные X₁ и X₂ характеризуют возможность прожить долгую и здоровую жизнь, переменные X₃, X₄, X₅ – образовательный и профессиональный рост, переменные X₆, X₇ – достойный уровень благосостояния.

Для реализации процедуры кластерного анализа все вышеперечисленные переменные были стандартизованы методом линейного масштабирования, который используется при расчете индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) по методике ПРООН. Данный метод стандартизации представляется нам наиболее целесообразным, так как основан на определении референтных точек (максимальных и минимальных значений показателей) и тем самым показывает реальное расположение показателя каждого конкретного региона между ними.

Для обратных показателей (таких, как доля безработных с высшим образованием) использовалась процедура вычитания из единицы значения нормированного показателя, рассчитанного по методу линейного масштабирования, позволяющая правильно ориентировать индекс без изменений его положения между референтными точками.

Выбор референтных точек осуществлялся следующим образом. Долевые показатели (уровень занятости; показатель, обратный доле безработных с высшим образованием) по своей сути имеют четкие границы: 100 и 0%.

¹ См.: Доклад о развитии человека за 1990 год / ПРООН. – Нью-Йорк: Оксфорд Юниверсити Пресс, 1990. – С. 159–160.

² См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / Под ред. А.А. Аузана, С.Н. Бобылева. – М.: ПРООН в РФ, 2011. – С. 144.

Для показателей, не имеющих четких границ, были использованы экспертные оценки. В качестве максимальных и минимальных значений ожидаемой продолжительности жизни приняты экспертные оценки специалистов ПРООН – соответственно 85 и 25 лет¹. Для остальных показателей в качестве референтных точек использовались оценки, полученные Н.В. Зубаревич, являющейся экспертом ПРООН, руководителем региональных программ Независимого института социальной политики².

На основании вышеизложенного референтные точки для показателей развития человеческого капитала можно представить следующим образом:

X_1 – ожидаемая продолжительность жизни: 25 и 85 лет,

X_2 – обеспеченность врачами на 10000 населения: 0 и 100 чел.,

X_3 – уровень занятости: 0 и 100%,

X_4 – доля безработных с высшим образованием: 0 и 100%,

X_5 – число учащихся профессиональных учебных заведений всех видов на 10000 населения: 0 и 1600 чел.,

X_6 – отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму: 0 и 8 раз,

X_7 – обеспеченность жильем: 0 и 30 кв. м. на чел.

Процедура кластерного анализа была реализована методом k-средних с использованием данных Федеральной службы государственной статистики³. Результаты кластеризации регионов ЦФО по состоянию на 2009, 2011, 2013 годы представлены в табл. 1–4 и на рис. 1–3.

Таблица 1

Средние значения нормированных показателей по кластерам регионов Центрального федерального округа за 2009 год

Показатели	Кластеры:				В среднем по ЦФО ⁴
	кластер 1	кластер 2	кластер 3	кластер 4	
1	2	3	4	5	6
X_1	0,810	0,704	0,724	0,708	0,718
X_2	0,818	0,553	0,384	0,363	0,469
X_3	0,697	0,611	0,631	0,596	0,619
X_4	0,540	0,876	0,833	0,876	0,843
X_5	0,841	0,452	0,357	0,423	0,435
X_6	0,952	0,356	0,465	0,346	0,423
X_7	0,677	0,845	0,855	0,809	0,831
Сумма	5,335	4,397	4,249	4,121	4,338

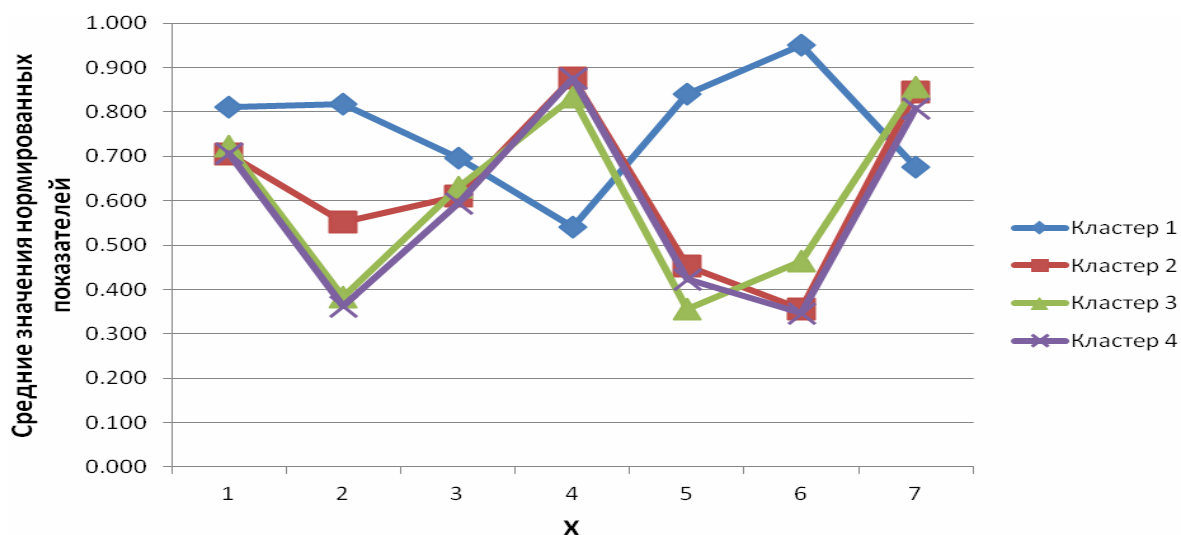

Рисунок 1.
Состояние кластеров регионов Центрального федерального округа по уровню развития человеческого капитала за 2009 год

¹ См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / Под ред. А.А. Аузана, С.Н. Бобылева. – М.: ПРООН в РФ, 2011. – С. 144.

² См.: Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. 2-е изд., стереотип. – М.: URSS, 2005. – С. 96-97.

³ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.

⁴ Рассчитано автором как среднее арифметическое значений нормированных показателей по 18 субъектам РФ, входящим в ЦФО.

Кластерный анализ позволил выделить четыре группы регионов, обладающих схожими характеристиками человеческого капитала. Целесообразность выделения такого количества групп подтверждается статистическими критериями значимости. Так, дисперсионный анализ показал, что во всех случаях межгрупповая дисперсия, рассчитанная для каждой переменной, превышает внутригрупповую, а дисперсионное отношение Фишера выше минимально допустимого значения.

Таблица 2

Средние значения нормированных показателей по кластерам регионов Центрального федерального округа за 2011 год

Показатели	Кластеры:				В среднем по ЦФО ¹
	кластер 1	кластер 2	кластер 3	кластер 4	
1	2	3	4	5	6
X ₁	0,847	0,733	0,755	0,728	0,744
X ₂	0,779	0,576	0,392	0,362	0,477
X ₃	0,722	0,625	0,638	0,626	0,634
X ₄	0,537	0,865	0,796	0,851	0,824
X ₅	0,632	0,419	0,326	0,372	0,392
X ₆	0,761	0,390	0,522	0,397	0,449
X ₇	0,623	0,868	0,883	0,849	0,854
Сумма	4,901	4,477	4,313	4,185	4,374

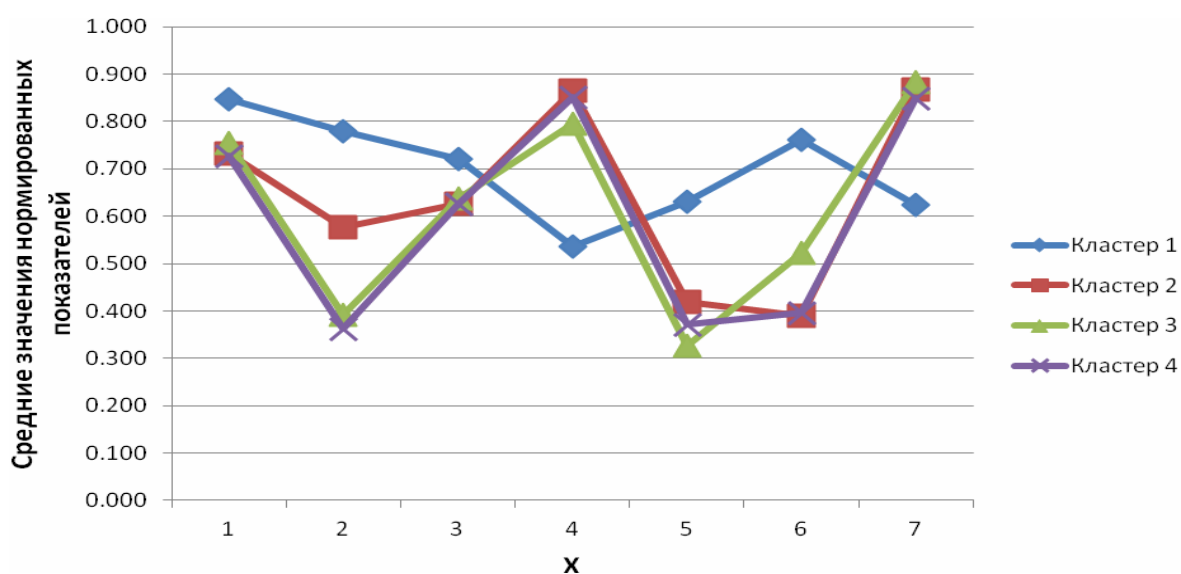

Рисунок 2.
Состояние кластеров регионов Центрального федерального округа по уровню развития человеческого капитала за 2011 год

Таблица 3

Средние значения нормированных показателей по кластерам регионов Центрального федерального округа за 2013 год

Показатели	Кластеры:				В среднем по ЦФО ²
	кластер 1	кластер 2	кластер 3	кластер 4	
1	2	3	4	5	6
X ₁	0,856	0,754	0,765	0,741	0,785
X ₂	0,686	0,540	0,396	0,395	0,451
X ₃	0,718	0,635	0,658	0,644	0,650
X ₄	0,640	0,844	0,791	0,823	0,810
X ₅	0,524	0,397	0,292	0,322	0,346
X ₆	0,774	0,479	0,552	0,408	0,488
X ₇	0,640	0,890	0,891	0,875	0,870
Сумма	4,838	4,539	4,344	4,208	4,400

¹ Рассчитано автором как среднее арифметическое значений нормированных показателей по 18 субъектам РФ, входящим в ЦФО.

² Там же.

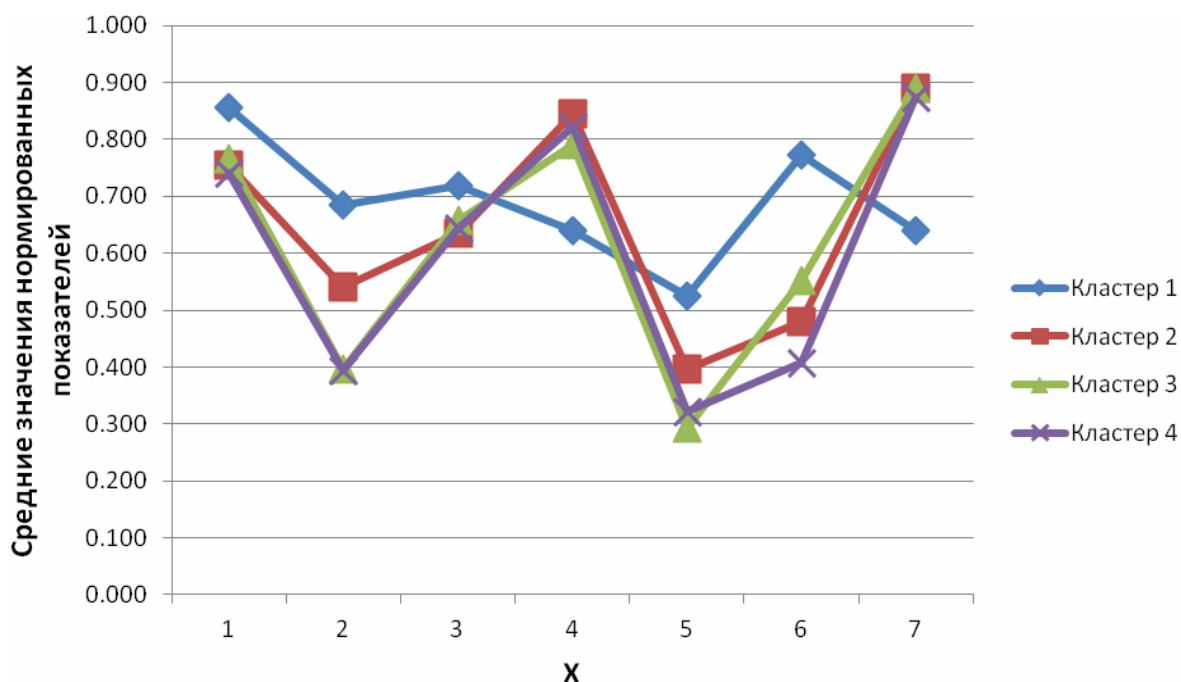

Рисунок 3.

Состояние кластеров регионов Центрального федерального округа по уровню развития человеческого капитала за 2013 год

Таблица 4

Состав кластеров регионов Центрального федерального округа за 2009, 2011, 2013 годы

Кластеры	Годы		
	2009	2011	2013
1	2	3	4
Кластер 1	г. Москва	г. Москва	г. Москва
Кластер 2	Воронежская, Ивановская, Курская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Ярославская области	Воронежская, Ивановская, Курская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Ярославская области	Воронежская, Курская, Рязанская, Смоленская, Ярославская области
Кластер 3	Белгородская, Калужская, Липецкая, Московская, Тамбовская, Тульская области	Белгородская, Калужская, Липецкая, Московская, Тамбовская области	Белгородская, Калужская, Липецкая, Московская, Тамбовская области
Кластер 4	Брянская, Владимирская, Костромская, Орловская области	Брянская, Владимирская, Костромская, Орловская, Тульская области	Брянская, Владимирская, Ивановская, Костромская, Орловская, Тверская, Тульская области

На основании приведенных данных охарактеризуем каждый виртуальный кластер, позиционируя его сильные и слабые стороны по основным показателям развития человеческого капитала.

Заметим, что при определении сильных и слабых сторон кластера мы руководствовались значениями нормированных показателей, рассчитанных в среднем по ЦФО. Превышение значений тех или иных показателей кластера над средними значениями по ЦФО свидетельствует об относительно сильных позициях группы регионов по данным показателям, отставание от средних значений по ЦФО – об относительно слабых позициях. Причем, данные соотношения должны устойчиво воспроизводиться на протяжении нескольких лет.

В первый кластер, который можно обозначить как «регионы-лидеры», входит только Москва (см. табл. 4). Она имеет бесспорное лидерство по уровню развития человеческого капитала на протяжении всего рассматриваемого периода времени. При этом наиболее сильные позиции наблюдаются в сфере профессионального образования: средние значения нормированного показателя численности учащихся профессиональных учебных заведений всех видов на 10000 чел. населения почти в 2 раза превосходят соответствующие значения в других кластерах и средние значения по ЦФО.

Из семи частных показателей Москва уступает только по показателю, обратному доле безработных с высшим образованием, и обеспеченности жильем. Тем не менее, данное отставание не повлияло на общий высокий уровень развития человеческого капитала в этом регионе.

Низкие значения нормированного показателя, обратного доле безработных с высшим образованием, свидетельствуют о высоком удельном весе безработных с высшим образованием в данном субъекте РФ. Отметим, что в Москве зафиксирован самый высокий в ЦФО уровень занятости (в 2013 году он составил 71,8 %), что частично компенсирует высокий удельный вес безработных с высшим образованием. Следовательно, в данном субъекте РФ проблема безработицы имеет относительно малые масштабы по сравнению с другими регионами ЦФО.

Одной из серьезных проблем данного региона является чрезвычайно низкая обеспеченность жильем населения, которая в 2013 г. составляла 19,2 кв. м. на чел. Это самое низкое значение в ЦФО (для сравнения: в Тверской области, которая в 2013 г. занимала 1 место в ЦФО по обеспеченности жильем, данный показатель составлял 29 кв. м. на чел.). Данное обстоятельство объясняется особым статусом Москвы как столицы и крупнейшего мегаполиса РФ, что привлекает сюда большое количество людей из других регионов. Вследствие этого Москва оказывается одним из самых густонаселенных регионов РФ.

Второй кластер образуют «регионы, предоставляющие широкие возможности образовательного роста». Это субъекты РФ с уровнем развития человеческого капитала выше среднего, здесь наиболее развита сфера профессионального образования, о чем свидетельствуют высокие средние значения нормированного показателя численности учащихся профессиональных учебных заведений всех видов на 10000 чел. населения.

Устойчивые позиции в пределах данного кластера занимали такие регионы, как Воронежская, Курская, Рязанская, Смоленская, Ярославская области. Указанные регионы в течение всего рассматриваемого периода времени входят в десятку лучших в ЦФО по численности учащихся профессиональных учебных заведений всех видов на 10000 чел. населения. Особо следует отметить высокие позиции Воронежской области, для которой достижения в сфере образования являются одним из главных конкурентных преимуществ. По уровню развития сферы профессионального образования она уступает в ЦФО только Москве и Московской области.

Необходимо подчеркнуть, что в регионах, входящих во второй кластер, показатель, обратный доле безработных с высшим образованием, принимает значения выше, чем в среднем по ЦФО. Иными словами, сильной стороной данного кластера является низкая доля безработных с высшим образованием.

При исследовании параметров материального благополучия установлено, что уровень обеспеченности жильем в пределах данного кластера выше, чем в среднем по ЦФО. Регионы этого кластера входят в десятку лучших в рейтинге ЦФО по уровню обеспеченности жильем.

Если проанализировать параметры долголетия и здоровья, то значения нормированных показателей кластера при сравнении со средними значениями по ЦФО свидетельствуют о том, что здесь наблюдается достаточно высокая обеспеченность врачами. Входящие в его состав регионы в течение 2009–2013 гг. занимали со 2 по 8 места в ЦФО по количеству врачей на 10000 чел. населения.

Наряду с указанными достижениями регионов этого кластера, можно выделить ряд проблем. Отметим, что кластер отличается относительно низким уровнем материального благополучия населения, о чем свидетельствуют значения такой переменной, как соотношение среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума. Причем, в 2013 году самые низкие значения этого показателя зафиксированы в Смоленской области (2,967 раза, последнее место в ЦФО).

Проблемы с обеспечением достойного уровня благосостояния обостряются вследствие относительно низкого уровня занятости. Так, в анализируемом периоде уровень занятости в данных регионах был ниже 66 %, в то время как в среднем по ЦФО – 67,5%.

Можно также констатировать, что субъекты РФ этого кластера, обладая мощными возможностями в сфере профессионального образования, имеют недостаточное количество рабочих мест с достойной оплатой труда, т.е. возможности образовательного роста не находят своего продолжения в профессиональной сфере.

Кроме того, в указанных регионах, несмотря на наличие высокой обеспеченности врачами, наблюдается сравнительно низкая ожидаемая продолжительность жизни. Полагаем, что отрицательная зависимость между обеспеченностью врачами и ожидаемой продолжительностью жизни может свидетельствовать о недостаточном уровне оказания медицинской помощи и несоответствующем качестве медицинских услуг. Полагаем, что разрешение выявленного противоречия составляет одну из основных проблем развития человеческого капитала в регионах, входящих в этот кластер.

Третий кластер, с нашей точки зрения, можно обозначить как «регионы, обеспечивающие реализацию возможностей профессионального роста и достойный уровень материального благосостояния». Он характеризуется средним уровнем развития человеческого капитала.

В составе данного кластера выделяются такие регионы, как Белгородская, Калужская, Липецкая, Московская и Тамбовская области. Их отличает достаточно высокий уровень занятости, высокие значения соотношения среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума, а также высокая обеспеченность населения жильем, что свидетельствует об относительно сильных позициях кластера по уровню реализации человеческих возможностей в сфере материального благополучия.

Что касается слабых сторон, то проведенный анализ позволил установить относительно низкую (в сравнении со средними значениями по ЦФО) ожидаемую продолжительность жизни и обеспеченность врачами, что свидетельствует о низком уровне реализации возможностей прожить долгую и здоровую жизнь. Кроме того, относительно низкая обеспеченность врачами ограничивает возможности получения населением качественных медицинских услуг. Зафиксирована и низкая численность учащихся профессиональных учебных заведений всех видов на 10000 чел. населения, что свидетельствует о недостаточной степени реализации возможностей образовательного роста. Выявлены также относительно низкие значения нормированного показателя, обратного доле безработных с высшим образованием.

Четвертый кластер образуют «регионы-аутсайдеры», отстающие практически по всем показателям развития человеческого капитала. На протяжении всего рассматриваемого периода времени в его состав входили Брянская, Владимирская, Костромская, Орловская, Тульская области.

Кроме того, необходимо отметить, что в 2013 году в состав данного кластера вошли Ивановская и Тверская области. Данные регионы переместились из второго кластера в четвертый в связи со следующими негативными изменениями, произошедшими на их территории за период с 2009 по 2013 год:

1) сократилась численность учащихся профессиональных учебных заведений всех видов в расчете на 10000 чел. населения (в Ивановской области – с 700 до 545 студентов на 10000 населения, в Тверской области – с 569 до 461 студента на 10000 населения);

2) увеличился удельный вес безработных с высшим образованием (в Ивановской области – с 10,2 до 14,6%, в Тверской области – с 6,4 до 18,6%);

3) уменьшилась обеспеченность врачами (в Ивановской области – с 51 до 47 врачей на 10000 населения; в Тверской области – с 52 до 48 врачей на 10000 населения).

Установлено, что сильной стороной данного кластера являются высокие значения нормированного показателя, обратного доле безработных с высшим образованием. Иными словами, в этих регионах наблюдается низкая доля безработных с высшим образованием. Кроме того, в 2013 году в регионах данного кластера уровень обеспеченности жильем достиг значений, сопоставимых со средним уровнем обеспеченности жильем по ЦФО.

Что касается слабых сторон данного кластера, то наибольшее отставание от других регионов ЦФО наблюдается по величине ожидаемой продолжительности жизни и обеспеченности врачами, соотношению среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума.

Обобщив результаты кластерного анализа, систематизируем информацию о сильных и слабых сторонах каждого виртуального кластера (см. табл. 5).

Таблица 5

Сильные и слабые стороны кластеров регионов Центрального федерального округа по уровню развития человеческого капитала

Наименование кластера 1	Сильные стороны кластера 2	Слабые стороны кластера 3
Кластер 1 – «регионы-лидеры»	– высокая ожидаемая продолжительность жизни (0,856¹) – высокая обеспеченность врачами (0,686) – высокий уровень занятости (0,718) – высокая численность студентов профессиональных учебных заведений всех видов на 10 000 человек населения (0,524) – высокий уровень соотношения среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума (0,774)	– низкие значения показателя, обратного доле безработных с высшим образованием (0,640) – низкий уровень обеспеченности жильем (0,640)
Кластер 2 – «регионы, предоставляющие широкие возможности образовательного роста»	– высокая обеспеченность врачами (0,540) – высокие значения показателя, обратного доле безработных с высшим образованием (0,844) – высокая численность студентов профессиональных учебных заведений всех видов на 10 000 человек населения (0,397) – высокий уровень обеспеченности жильем (0,890)	– низкая ожидаемая продолжительность жизни (0,754) – низкий уровень занятости населения (0,635) – низкий уровень соотношения среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума (0,479)
Кластер 3 – «регионы, обеспечивающие реализацию возможностей профессионального роста и достойный уровень материального благосостояния»	– высокий уровень занятости населения (0,658) – высокий уровень соотношения среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума (0,552) – высокий уровень обеспеченности жильем (0,891)	– низкая ожидаемая продолжительность жизни (0,765) – низкий уровень обеспеченности врачами (0,396) – низкие значения показателя, обратного доле безработных с высшим образованием (0,791) – низкая численность студентов профессиональных учебных заведений всех видов на 10 000 человек населения (0,292)
Кластер 4 – «регионы-аутсайдеры»	– высокие значения показателя, обратного доле безработных с высшим образованием (0,823) – высокий уровень обеспеченности жильем (0,875)	– низкая ожидаемая продолжительность жизни (0,741) – низкий уровень обеспеченности врачами (0,395) – низкий уровень занятости (0,644) – низкая численность студентов профессиональных учебных заведений всех видов на 10 000 человек населения (0,322) – низкий уровень соотношения среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума (0,408)

Учитывая сильные и слабые стороны регионов ЦФО, входящих в виртуальные кластеры, полагаем возможным предложить постановку следующих задач, учитывающих специфику состояния человеческого капитала в каждой из групп регионов.

¹ Здесь и далее в таблице в скобках приведены средние значения нормированных показателей за 2013 г.

Для субъектов РФ, входящих в первый кластер, в составе наиболее значимых задач выделены:

- создание условий, формирующих возрастающий спрос на работников, имеющих высшее профессиональное образование;

- ускорение роста обеспеченности жильем.

Для субъектов РФ, входящих во второй кластер, наиболее актуализированы следующие задачи:

- содействие повышению занятости трудоспособного населения;

- содействие увеличению продолжительности жизни.

Для субъектов, входящих в третий кластер, приоритетные позиции у задач, предусматривающих:

- расширение масштабов действия системы профессионального образования;

- увеличение продолжительности жизни;

- повышение уровня обеспеченности врачами населения региона.

Наиболее высок уровень разнообразия избирательных задач для субъектов РФ, входящих в четвертый кластер, так как по большинству характеристик развития человеческого капитала они имеют относительно худшие значения показателей. В этой связи востребована постановка комплекса задач управления:

- содействие повышению занятости трудоспособного населения;

- увеличение продолжительности жизни;

- расширение масштабов действия системы профессионального образования;

- повышение уровня обеспеченности врачами населения региона;

- расширение сферы высокооплачиваемого труда.

В обосновании мер, связанных с совершенствованием управления развитием человеческого капитала регионов, особое значение имеет «привязка» этого процесса к актуализированным потребностям субъектов РФ, входящих в тот или иной кластер.

В этой связи полагаем, что для регионов первого кластера приоритетное внимание должно быть уделено апробации инструментов, стимулирующих создание условий, формирующих возрастающий спрос на работников, имеющих высшее профессиональное образование; рост обеспеченности жильем. В числе таких инструментов: различные типы контрактов, реализуемых в проектах, формирующих и развивающих инфраструктуру инновационной деятельности (создание технопарков, научных парков, кластеров и др.); бизнес-заказы на подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров; государственный заказ на формирование целевого жилищного фонда; бюджетные ссуды, выделяемые на жилищное строительство по фиксированным ценам; предоставление субсидий на жилье.

Для регионов второго кластера, в первую очередь, востребовано применение инструментов, содействующих повышению занятости трудоспособного населения; увеличению продолжительности жизни. В числе таких инструментов: соглашения о стратегическом партнерстве органов государственной власти и крупных компаний в сферах развития и использования человеческого капитала; внедрение «дуальной» системы подготовки кадров, сопряженное с льготным налогообложением предприятий, являющихся ее участниками; выделение лицам трудоспособного возраста бесплатных сертификатов на проведение высокотехнологичных видов обследования (комплексного ультразвукового, магнитно-резонансного томографического обследования и др.).

Для регионов третьего кластера в большей степени востребованы инструменты управления, призванные расширить масштабы действия системы профессионального образования; повысить уровень обеспеченности врачами населения региона. В составе инструментов обоснованно выделить следующие: бизнес-заказы на подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров; государственный заказ на подготовку менеджеров для создаваемых в регионе инновационных кластеров; расширение источников финансирования системы здравоохранения посредством включения лечебно-профилактических учреждений в сферу реализации проектов государственно-частного партнерства.

Для регионов четвертого кластера необходим инструментарий, обеспечивающий решение задач управления, состав которых отличается более широким спектром. Очевидно, что инструменты, предложенные нами для решения задач, востребованных в других кластерах, в полной мере пригодны и для этого кластера. Вместе с тем, перечень инструментов может быть расширен, учитывая избирательно поставленную именно для этой группы регионов задачу расширения сферы высокооплачиваемого труда.

Полагаем, что ее решение связано с широкомасштабным использованием эффективных форм пространственной концентрации ресурсов (в первую очередь, кластеров, технопарков), диверсификацией сфер реализации проектов государственно-частного партнерства, результатом которых становится обновление технической базы и технологий в отраслях традиционной специализации региона, точках роста его экономики, ростом государственного финансирования проектов, реализуемых в отраслях «новой экономики» и высокотехнологичных отраслях машиностроения и химии, а также в проектах, предусматривающих использование полученных новых технологий для создания (развития) экспортоориентированного и импортозамещающего производства.

Резюмируя, отметим, что использование кластерного анализа позволило зафиксировать четыре относительно однородные группы регионов ЦФО (виртуальные кластеры), отличающиеся устойчивым воспроизводством определенного состава сильных и слабых характеристик человеческого капитала. Их идентификация позволила обосновать выбор направлений и задач управления, обеспечивающих развитие человеческого капитала.

Платонова А.П.

к.соц.н., доцент РАНХиГС

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

Ключевые слова: социализация детей, социальные сети, Интернет.

Интернет-коммуникации играют все большую роль в социализации детей. Нередко можно констатировать, что социализацию детей в семье заменила социализация в социальных сетях, где ребёнок подает себя как объект воображаемого социума с собственной интерпретацией, получая для себя такую же искаженную информацию пользователей Интернета – от сверстников и не только.

Следует подчеркнуть, что особый характер Интернет-коммуникаций как фактора социализации детей формируется разрывом между поколениями. Сегодня исследователи отмечают, что проблемой огромной важности для общества стала граница между поколениями, соответствующая, по сути, той границе, которая прошла между обществом прежних социальных норм (советская социалистическая система) и нынешним направлением развития российского общества, переживающего модернизацию капиталистического характера. Не вдаваясь в подробности этой проблемы, отметим, что кризис прежних, воспитывавшихся десятилетиями у более старших поколений духовных ценностей и установок, социальных ориентаций приводит к тому, что молодое поколение подрастающее и вступившее в 90-х годов, без сомнения, впитывает экономические, социальные, политические, духовно-нравственные феномены сознания и поведения, порожденные кризисным состоянием общества в целом и всех без исключения его сфер, вызывая отнюдь не всегда позитивные изменения духовного мира, системы ценностей у тех, кто сегодня проходит социализацию на этапе детства. Иными словами, формируется поколение, ориентирующееся на новую систему ценностей, или, вернее, за отсутствием таковой, на иные, чем прежде, ценностные критерии. Образующийся духовный вакуум в обществе не проходит бесследно для детей. Он заполняется различными суррогатами: пропагандируемыми «ценностями» так называемых цивилизованных обществ, навязываемыми западными стандартами в ущерб отечественным ценностям и русской духовности. Примером является нетрадиционное родительство, когда оба родителя принадлежат к одному полу. Социальные роли матери и отца подвергаются ревизии и идейным нападкам. Это деформирует принципы воспитания детей и функции родителей.

Существует разрыв во времени социального восприятия детей и родителей. Дети жили и развивались в иной жизненной ситуации и ином социальном времени, и соответственно, должны принимать по факту его деформированные ценности, несформировавшиеся нормы. И родительская семья жила в то же самое время в двойном социальном модусе, сохраняя базовые ценности советского родительства, ценности семьи и нравственности и государственного патронажа. Отсюда тот разрыв, который возникает по объективным причинам между родителями и детьми. Он возникает из-за несоответствия опыта поколения родителей и запросов современных детей, которые зачастую ищут ответы на свои вопросы скорее в Интернете, чем в семье.

В последние годы наблюдается увеличение Интернет-активности подростков, с каждым годом растет число подростков – пользователей Интернета. Опросы показывают, что возраст вхождения в Интернет в России снижается – по всей стране дети в среднем начинают выходить в сеть в 10 лет, в городах-мегаполисах – Москве и Санкт-Петербурге, возраст начала использования Интернета составляет 9 лет¹.

По данным совместного исследования Фонда Развития Интернета, факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова и компании «Google», 89% подростков в возрасте 12–17 лет пользуются Интернетом каждый день, всего 1% выходит в Интернет реже 1–2 раз в месяц, а не пользующихся Интернетом среди подростков обнаружено не было².

Отмечается рост ежедневного пользования Интернетом среди подростков в возрасте 12–16 лет: с 82% в 2010 г. до 87% в 2013 г.³ Эти тенденции подтверждаются данными исследования «Влияние Интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства», проведенного в 2012 году Общероссийской общественной детской организацией «Лига юных журналистов». Согласно его данным, число Интернет-пользователей в период с 1998 по 2012 год возросло в 4,5 раза⁴.

¹ Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России / Г. Солдатова, Е. Рассказова, Е. Зотова, М. Лебешева, П. Роггендорф. – М., 2011. – http://detionline.com/assets/files/helpline/Final_Report_5-29-11.pdf

² Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. — М.: Фонд Развития Интернет, 2013. — 144 с.

³ Там же.

⁴ Мониторинг и анализ московского информационно-образовательного пространства: Результаты социологических исследований и программирования / С. Цымбаленко, А. Шариков, И. Жилавская и др. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013.

Исследователи отмечают рост влияния электронных медиаресурсов на культурно-досуговую сферу подростков. Для 79% подростков 11–15 лет не только в мегаполисе, но и в регионах такой вид досуга практически равнозначен по частотности называнию прослушиванию музыки – 60% – и просмотру телевизионных передач – 50%¹. В исследованиях подтверждается известная тенденция: все больше школьников стремятся попасть после уроков не на улицу к друзьям и сверстникам, а к Интернету, где общаются, получая необходимую информацию, смотрят фильмы и слушают музыку, играют и читают книги. Осваивая Интернет в самом раннем возрасте, к 14 годам уже до 80% учащихся постоянно им пользуется, и это сказывается на структуре и качестве свободного времени. Так, в 2012 г. 38% младших школьников и 68,8% учащихся среднего школьного возраста практически каждый день проводили в Интернете или локальных сетях. Помимо несомненной пользы, заключающейся в расширении развивающих возможностей досуговой деятельности, такой тип досуга становится источником негативных явлений. Для многих школьников увлечение Интернетом заканчивается стойкой зависимостью, которая поглощает практически все свободное время. Мониторинг показывает, что 6,7% школьников в 11–14-летнем возрасте ежедневно проводят в Интернете от 3-х до 4-х часов и еще 5,8% – более 4-х часов². Серьезной проблемой является распространение среди школьников практики списывания с помощью Интернет-технологий, ведь в сети можно найти ответы на домашние задания и экзаменационные вопросы.

Подростки все чаще пользуются Интернетом для создания своих блогов, живых журналов, персональных страниц, для общения с друзьями в социальных сетях и на форумах. По данным опроса родителей, проведенного ФОМ, в структуре занятий детей в Интернете примерно в равной мере присутствуют и те, что связаны с самообразованием, и те, что связаны с развлечением³. Исследования показывают, что социальные сети являются лидерами по популярности среди ряда социальных медиа. По частоте использования социальные сети догоняют такие популярные Интернет-ресурсы, как поисковый сервис Яндекс и почтовый сервис Mail.ru. На осень 2012 года из 61 миллиона российских Интернет-пользователей 82% были зарегистрированы в социальных сетях⁴. Особое значение социальные сети имеют для подростков, так как там они могут найти практически все возможные инструменты самовыражения, общения, поиска друзей. По мнению исследователей, «для подростка гораздо опаснее не общаться в социальных сетях, чем находиться в них»⁵. По данным исследования «Дети России онлайн», в 2010 году более 75% российских детей имели профиль в социальных сетях, треть опрошенных – больше одного профиля на различных социальных сервисах⁶. Согласно другим исследованиям, российские дети опережают Европу, где число пользователей социальных сетей среди детской Интернет-аудитории составляет 60%⁷.

Социализацию в социальных сетях принято трактовать, в первую очередь, как место усвоения норм и правил онлайн-взаимодействия, где предполагается наличие определенных норм поведения в виртуальной среде, где социальные сети могут оказывать долговременный эффект, и на сферу оффлайн-взаимодействий. Ученые обнаружили, что представления о правилах поведения в социальных сетях формируются на основе наблюдений за действиями других пользователей (например, если многие репостят (размещают на своей странице сообщение (пост), изначально выложенный в другом месте) информацию на своих страницах, значит, так принято); в то же время вопрос о неприемлемом в поведении каждый решает сам⁸. Это подтверждается мнением одного из модераторов сообщества социальной сети «В Контакте»: *«Никаких правил и норм поведения в социальной сети нет. Каждый ограничивает себя сам, в зависимости от своего интеллекта, возраста, воспитания»*. Другой эксперт полагает, что наиболее распространенная норма в социальных сетях *«это репостить, лайкать, комментировать – проще говоря, потреблять»*.

Социальные сети дают возможность подростку создать новый привлекательный для себя или собеседника социальный образ, абстрагироваться от реальности, почувствовать себя социально значимым. Кроткий подросток может проявиться как агрессивный собеседник, добрый – быть жестоким, жестокий, наоборот, представит себя добропорядочным. Можно даже «сменить пол», выбрать любую социальную роль и статусную позицию и следовать им, меняя их по желанию, кроме того, можно приписать себе несуществующие физические и иные достоинства. Таким образом, важно то, что анонимность позволяет менять свой социальный облик.

Само по себе общение в сети, по мнению исследователей, весьма отрицательно влияет на способы коммуникации. Так, пренебрежение нормами литературного русского языка, вольное обращение с лексикой («Пишу как слы-

¹ Всероссийское социологическое исследование «Дети и детские организации в условиях модернизации общества» (проведено ГБУ г. Москвы ДДОО Комитета общественных связей г. Москвы, рук. Майорова-Щеглова С.Н., Кравченко Л.В., 2010 гг. (Выборка: N=1966, 13 регионов России, квотная по полу, возрасту, типу поселения. Метод – анкетирование подростков 10–15 лет.) Архив ГБУ ДДОО.

² «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» проводится НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/org/hse/rlms>; <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

³ Обзор ФОМ. 21.12.2006. Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 16–17 декабря 2006 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. – http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/teen_cheild/dd065027

⁴ Россияне в сети. Рейтинг популярности социальных медиа. ВЦИОМ. 13.02.2012. – <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112476>.

⁵ Regan P, Steeves V., Kids R.U.s: Online Social Networking and the Potential for Empowerment // Surveillance & Society. 2010. – Vol. 8(2). – P. 157.

⁶ Зотова Е., Солдатова Г. Российские и европейские школьники: проблемы онлайн-социализации // Дети в информационном обществе. 2011. – № 7. – С. 50.

⁷ Соловьев Д. Принципы общения в социальных сетях // Cossa. 14.03.2012. – С. 51. – <http://www.cossa.ru/articles/234/13507>

⁸ Там же, с. 266.

шу»), знаками препинания, которые поощряются в социокультурной среде социальных сетей подростков, на самом деле снижают их социальный статус и возможности общаться на достойном уровне. Отрицательной стороной сетевой субкультуры является и то, что отсутствует невербальный компонент общения, следовательно, невозможно понять не только то, кто же в действительности твой собеседник, но и что он на самом деле испытывает в данный момент времени. Коммуникация, таким образом, ограничивается лишь набираемыми на клавиатуре фразами, а общение обезличивается¹.

По данным исследований почти десятилетней давности, в 2006 году большая часть населения имеющие детей была озабочена информационной безопасностью (84%), но уже 3,4% опрошенных пользователей Рунета, в семье которых были дети младше 12 лет, старались оградить их от опасной информации². Чаще всего называлось личное присутствие родителя при пользовании ребенком компьютерными сетями (34%). Во вторую очередь – установка антивирусов (22%) и программ, блокирующих «всплывающие окна» (21%). Немногие подключали к компьютеру программу «родительского контроля» (14%) или использовали специальные настройки браузера (8%). 48% отмечали, что современные технологии позволяют не допустить контакта ребенка с нежелательной информацией в Интернете, и чуть более половины приобрели уверенность («При соответствующем родительском контроле, Интернет не вызывает зависимости у детей»)³.

Таким образом, исследования социализирующей функции Интернет-коммуникаций в обществе среди детей и подростков сегодня актуальны, так как формируют базу для принятия мер по ее упорядочиванию. Актуальность такой постановки их задач подтверждается, например, развертыванием в 2013 г. Всероссийской кампании против насилия и жестокости в СМИ по инициативе Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка П.А. Астахова. В ее рамках в стране совершенствуется комплекс информационных, просветительских и организационных мер по реализации гарантий права детей на информационную безопасность согласно Конвенции ООН о правах ребенка и Федерального закона № 124-ФЗ «Об основных гарантиях права ребенка в Российской Федерации».

Важными представляются исследования возможностей для профилактических мер, таких как запрет оборота информации, способствующей превращению детей в жертвы преступлений сексуального характера и коммерческой эксплуатации, ограничить доступ детей к информации, вовлекающей их к совершению преступлений и иных антиобщественных деяний (бродяжничество, попрошайничество, азартные игры, алкоголь и наркотики и пр.). Предметом совместных усилий исследователей и практиков становится просветительская работа, направленная на снижение риска причинения вреда их здоровью и развитию при пользовании современными средствами связи. После подписания Россией Конвенции о правах ребенка правительством ежегодно публикуется доклад о положении детей в социуме, и здесь также необходима постановка вопроса о влиянии Интернета на формирование личности, а также результаты исследований по теме «Дети и Интернет», которые все более актуальны во всем мире.

¹ Соцсети – российское зло? // Детская гаджетизация: какие опасности поджидают юных пользователей. – <http://www.aif.ru/society/44346>

² Дети в интернете: поощрять или ограничивать? Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 7 апреля 2014 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. – <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114772>

³ Мониторинг и анализ московского информационно-образовательного пространства: Результаты социологических исследований и программирования / С. Цымбаленко, А. Шариков, И. Жилавская и др. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013.

Радовель М.Р.

д. филос. н., профессор Электростальского политехнического института – филиала МАМИ

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЛИДАРНОСТИ/ПОЛЯРИЗОВАННОСТИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: *ценностная сфера социума, ценностные позиции (ЦП), универсальный вес ЦП, потенциал солидарности, потенциал поляризации.*

Keywords: *valuable sphere of the socium, valuable positions (VP), universal weight of VP, potential of solidarity, potential of polarization.*

В связи с исключительно серьезными проблемами, вставшими перед нашей страной в последнее время, особое значение приобретает тема единства, солидарности населения России. Очевидно, без должного уровня солидарности государство и общество не смогут достойно ответить на современные исторические вызовы и преодолеть возникшие трудности. В данной статье вниманию читателя предлагается материал, содержащий разработанный автором инструментарий для измерения характеристик солидарности и поляризованности социума, а также некоторые результаты использования такого инструментария в приложении к современной российской реальности. Автор надеется, что представленный подход откроет новые возможности интегральной оценки состояния, динамики и перспектив развития ценностной сферы российского социума.

Нужно отметить, что солидаристские подходы к анализу социума и его ценностной сферы, хоть и не так часты, но все же имеют место в отечественном социально-гуманитарном дискурсе¹. Но предложенный здесь подход отличается усиленным акцентом на количественной стороне проблемы. Автор полагает, что характеристики солидарности и поляризованности социума вполне поддаются измерению посредством обработки соответствующего эмпирико-социологического материала с использованием индексного анализа и интерпретативного метода. Некоторый опыт количественного анализа солидарности и поляризованности в российском социуме уже был представлен в одной из работ автора².

Данная статья содержит три основных блока анализа, оценки и измерения обозначенных выше характеристик ценностной сферы социума: 1) характеристики солидарности, 2) характеристики поляризованности, 3) значение (вес) отдельных позиций ценностной сферы.

Анализ солидарности социума

Ключевая идея метода измерения данной характеристики состоит в следующем. О солидарности социума (социальной группы) относительно некоторой ценностной позиции (ЦП) можно говорить тогда, когда данная позиция получает поддержку значительной части социума (или группы, или совокупности респондентов) – например, более 50%. Чем выше этот процент, тем выше уровень солидарности. При невысоком проценте поддержки ЦП, например, при 5-10%, тоже можно говорить о солидарности, но – соответственно – о низком ее уровне. Для выявления *обобщенного уровня* солидарности группы респондентов (и соответствующей социальной группы), который проявился в результате конкретного опроса *по всем позициям анкеты*, есть смысл соотнести сумму результатов по определенной части позиций, отмеченных более высоким уровнем солидарности (концентрированные, «насыщенные» позиции), с результатами такой же части позиций, в которых момент солидарности нашел меньшее проявление (дисперсные, «разреженные» позиции). Этот подход напоминает вычисление «децильного коэффициента» в экономике, хотя отличается от него более полным охватом элементов обследуемого объекта: мы получаем вместо «децильного» «тотальный» коэффициент. В случае принятия такого подхода можно предложить следующий алгоритм вычисления уровня, или индекса, солидарности социальной группы в рамках определенного сегмента ценностной сферы:

а) ранжируем список позиций в анкетном листе по результатам опроса «сверху – вниз», от более высоких показателей к более низким,

¹ Окара А.Н. Солидаризм в контексте новой конкуренции идеологий: потенциал, возможности, скрытые ресурсы // Государственная идеология и современная Россия. – М.: Наука и политика, 2014; Орлов А.И. Экономическая составляющая государственной идеологии России – солидарная информационная экономика // Государственная идеология и современная Россия; Ройзенман Ф.М. Эффективное развитие России путем построения новой общественной формации – «солидаризм» // Государственная идеология и современная Россия.

² Радовель М.Р. Солидаристская компонента в идеологической сфере современной России: оценка состояния и перспектив // Государственная идеология и современная Россия. – М.: Наука и политика, 2014.

б) делим список позиций на две половины – «верхнюю» и «нижнюю» (при этом, во-первых, игнорируем результат опроса по позиции «Затруднились ответить» и, во вторых, в случае нечетного количества остальных позиций результат по срединной позиции делим надвое и полученные части приобщаем к верхней и нижней половине),

в) суммируем результаты по каждой половине (получаем $\sum_v$ и $\sum_n$),

г) делим «верхнюю» сумму на «нижнюю» и получаем индекс солидарности $I_{\text{сол}}$ для конкретного сегмента ценностной сферы социума ($I_{\text{сол}} = \sum_v : \sum_n$). Если говорить точнее, индекс $I_{\text{сол}}$, полученный посредством такой 4-ступенчатой схемы, скорее отражает не собственно *солидарность*, а ее *потенциал* в рамках данного участка ценностной сферы.

В качестве примера измерения солидаристского потенциала по предложенной схеме воспользуемся таблицей из кн. «Общественное мнение – 2013»¹, преобразовав ее структуру так, чтобы результаты опроса оказались ранжированными от более высоких показателей к менее высоким, а также сократив последний пункт «Затруднились ответить».

Таблица 1

Как Вы относитесь к появлению сверхбогатых людей в нашей стране?

N _{п/п}	Восприятие	2003 г.	2005 г.	2006 г.	2013 г.
1	Спокойно, без особых чувств	37	43	41	38
2	С возмущением, ненавистью	30	25	27	19
3	С раздражением	21	20	21	26
4	С удовлетворением	6	6	5	9
5	С гордостью	3	3	3	3

Произведем расчеты в соответствии с вышеприведенным алгоритмом измерения солидарности.

2003 г.: $37+30+10,5=77,5$ $6+3+10,5=19,5$ $77,5:19,5=3,97$ $I_{\text{сол}}=3,97$

2005 $43+25+10=78$ $3+6+10=19$ $78:19=4,10$ $I_{\text{сол}}=4,10$

2006 $41+27+10,5=78,5$ $3+5+10,5=18,5$ $78,5:18,5=4,24$ $I_{\text{сол}}=4,24$

2013 $38+19+13=70$ $3+9+13=25$ $70:25=2,80$ $I_{\text{сол}}=2,80$

Очевидно, что уровень солидарности россиян (преимущественно в *негативном контексте*, см. Таблицу 1) сохранялся практически неизменным в течение 2003-2006 гг., но к 2013 г. заметно снизился. Стало нарастать различие мнений, по-видимому, ввиду усилившегося расслоения населения.

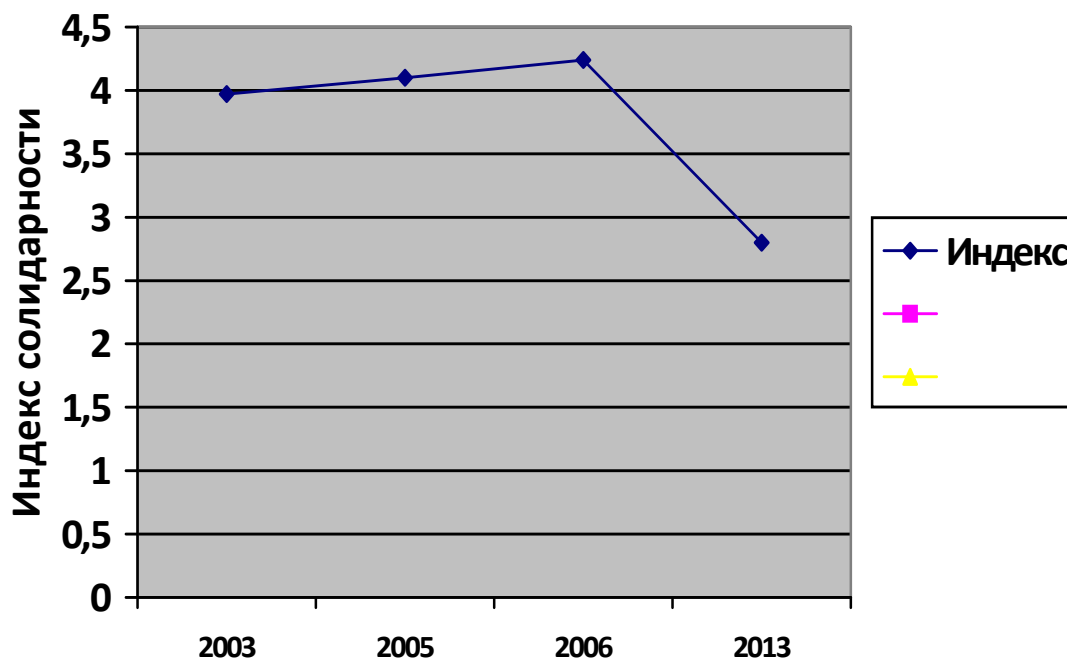

Рисунок 1.

Динамика солидарности в отношении россиян к сверхбогатым людям

Анализ поляризованности социума

Исследование солидарности в обществе не может быть достаточным без дополнения его анализом поляризованности, конфронтационности. В отличие от расчета потенциала солидарности, который естественно использовать при обработке анкет *полипозиционного формата* (в них респондент имеет дело с множеством альтернатив для выбора), расчет потенциала поляризованности социума производится на массиве анкет *бипозиционного формата* (они содержат вопросы, построенные по принципу оппозиции: «да – нет», «согласен – не согласен» и т.п.). В этом случае легче выявить и измерить уровень поляризованности общественного сознания.

¹ Общественное мнение – 13. Ежегодник. – М., 2013. – С. 24, табл. 2.28.

Ключевая идея метода заключается в следующем. О *поляризованности* общественного сознания (представлений и мнений социальной группы) логично говорить тогда, когда результаты опроса по поляризованным позициям анкеты, т.е. предпочтения респондентов по вопросам, предполагающим выбор в пользу «да» или «нет», *сопоставимы* по величине. Например, они равны «50 на 50», или хотя бы «30 на 40» и т.п. Но когда эти результаты недостаточно или слабо сопоставимы (например, «5 на 20» или «10 на 40», можно говорить о «слабой» поляризации, или «низкой степени поляризации». Так, в случае результата по некоторой позиции, который выражается отношением «0 на 30», перед нами *нулевая степень* поляризации. При измерении поляризованности ценностной сферы следует учитывать также масштаб, или удельный вес, той подгруппы респондентов, которая имеет отношение к конкретным поляризованным (или слабо поляризованным) позициям. Так, одно дело, когда отношение результатов равно «10 на 10», и совсем другое, когда оно «50 на 50» (при условии, что максимальная сумма результатов по конкретной позиции равна 100).

Для вычисления индекса поляризованности $I_{\text{пол}}$ социума разработан специальный корпус понятий, который включает в себя следующие: 1) *поляризованная позиция* p_i – количественный результат, полученный по одному из вопросов анкеты (например: 50% ответили «да», а 40% – «нет»; 2) *степень, или интенсивность*, поляризации $F_{\text{пол}}$ – отношение меньшего числа в конкретной поляризованной позиции к большему числу (так, если в пользу «да» высказались 50% респондентов, а в пользу «нет» 40%, то $F_{\text{пол}}=40:50=0,8$, а если соотношение будет 30% на 50%, то $F_{\text{пол}}=30:50=0,6$, т.е. «напряженность» противостояния несколько меньше); 3) *весовой коэффициент* поляризованной позиции $K_{\text{вес}}$ – доля (процент) подгруппы респондентов, связанной с конкретной поляризованной позицией p_i , относительно всей группы респондентов, принимавших участие в опросе; 4) *частный индекс* поляризованности $I_{\text{пол}}^i$ – индекс для отдельной поляризованной позиции p_i ; 5) *сумма ситуативных индексов* $\sum I_{\text{пол}}^i$; 6) *интегральный индекс* поляризации $I_{\text{пол}}$ для конкретного опроса – среднее арифметическое частных индексов $I_{\text{пол}}^i$. Покажем возможность использования данного инструментария для обработки эмпирико-социологического материала с целью измерения потенциала поляризации, или индекса поляризации $I_{\text{пол}}$, ценностной сферы социума.

Алгоритм измерения потенциала поляризованности (или соответствующего индекса $I_{\text{пол}}$) таков:

а) по каждой поляризованной позиции p_i делим меньший результат на больший (или равный на равный, если так выпало) и выявляем степень поляризации $F_{\text{пол}}$ для конкретных позиций в анкете. $F_{\text{пол}}=x:y$ или $F_{\text{пол}}=y:x$;

б) вычисляем весовые коэффициенты $K_{\text{вес}}$ для каждого случая $F_{\text{пол}}$, т.е. для каждой поляризованной позиции, путем соотнесения процентного количества подгруппы респондентов, связанной с данной позицией, к 100%. $K_{\text{вес}}=(x+y):100$ (правда, это годится не для всех случаев, ибо не при всех условиях опроса приходится соотносить $x+y$ с числом 100).

в) «взвешиваем» полученные в п. а) степени поляризованности $F_{\text{пол}}$ по каждой позиции путем их умножения на соответствующие весовые коэффициенты и получаем *частный индекс* поляризованности $I_{\text{пол}}^i$, т.е. индекс для отдельной поляризованной позиции p_i . $I_{\text{пол}}^i = F_{\text{пол}} * K_{\text{вес}}$

г) суммируем полученные частные индексы $I_{\text{пол}}^i$. Получаем $\sum I_{\text{пол}}^i$

д) делим сумму частных индексов $\sum I_{\text{пол}}^i$ на число поляризованных позиций n и получаем среднее арифметическое частных индексов $I_{\text{пол}}$, т.е. индекс поляризованности для конкретного сегмента ценностного поля $I_{\text{пол}}$. $I_{\text{пол}} = \sum I_{\text{пол}}^i : n$.

Попробуем рассчитать индекс поляризованности для конкретного случая, т.е. для определенного сегмента ценностной сферы. Воспользуемся таблицей из кн. «Общественное мнение – 2013»¹.

Таблица 2

Как вы думаете, наступающий год будет спокойным...?

Год оценки	Определенно, да	Скорее, да	Скорее, нет	Определенно, нет	Затруднились ответить
Для Вашей семьи, для Вас лично					
2011	13	51	15	4	18
2012	7	48	29	2	14
2013	11	54	15	2	19
2014	9	55	17	1	18
Для политической жизни России					
2011	7	36	27	5	25
2012	2	20	47	14	17
2013	7	38	27	5	24
2014	5	42	27	2	25

Для облегчения анализа упростим таблицу и объединим в один столбец «Да» данные по пп. «Определенно да» и «Скорее, да»; аналогично, в один столбец «Нет» объединим данные в пп. «Скорее, нет» и «Определенно, нет». Тогда расчет индекса поляризованности для семьи и политической жизни России можно представить следующими таблицами:

¹ Общественное мнение – 2013. С. 7, табл. 1.1.

Расчет индекса поляризованности ожиданий для семьи

Годы	Ответ «да»	Ответ «нет»	Интенсивность поляризации $F_{пол}$	Весовой коэф. $K_{вес}$	Индекс поля-риз. $I_{пол}$
2011	13+51=64	15+4=19	19:64=0,30	(64+19):100=0,83	0,30*0,83=0,25
2012	7+48= 55	29+2=31	31:55=0,56	0,55+0,31=0,86	0,56*0,86=0,48
2013	11+54=65	15+2=17	17:65=0,26	0,65+0,17=0,82	0,26*0,82=0,21
2014	9+55=64	17+1=18	18:64=0,28	0,64+0,18=0,82	0,28*0,82=0,23

Интересно сопоставить динамику поляризованности ожиданий для семьи и себя лично, с одной стороны, и для политической жизни, с другой.

Таблица 4

Расчет индекса поляризованности ожиданий в отношении политической жизни

Годы	Ответ «да»	Ответ «нет»	Интенсивность поляризации $F_{пол}$	Весовой коэф. $K_{вес}$	Индекс поля-риз. $I_{пол}$
2011	7+36=43	27+5= 32	32:43=0,74	0,43+0,32=0,75	0,74*0,75=0,55
2012	2+20=22	47+14=61	22:61=0,36	0,22+0,61=0,83	0,36*0,83=0,30
2013	7+38=45	27+ 5 =32	32:45=0,71	0,45+0,32=0,77	0,71*0,77=0,55
2014	5+42=47	27+2 = 29	29:47=0,62	0,47+0,29=0,76	0,62*0,76=0,47

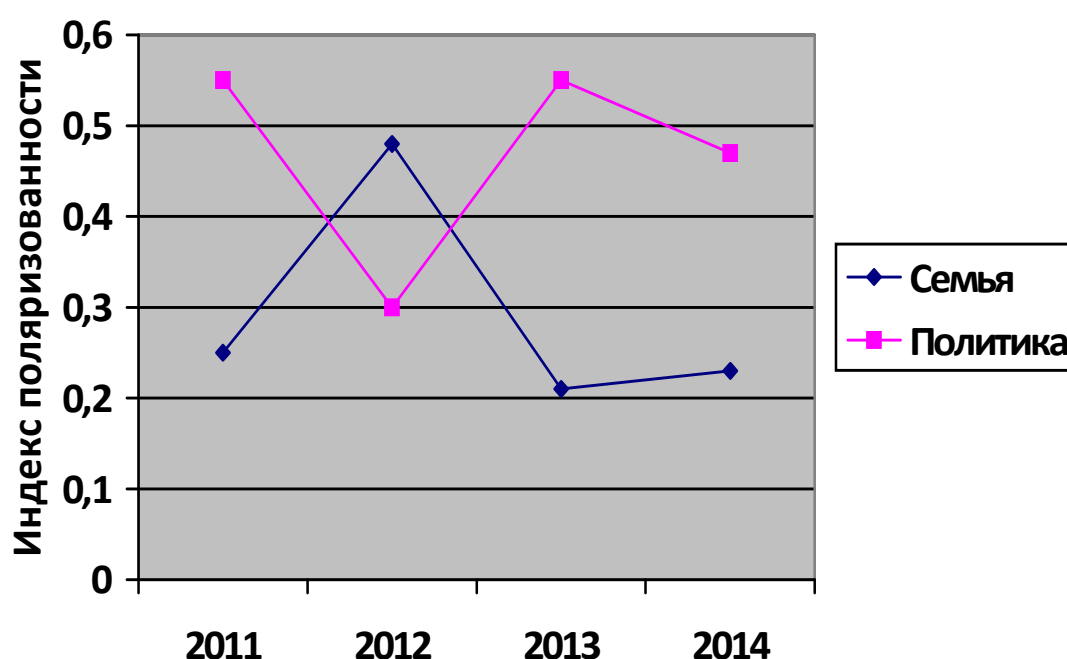

Рисунок 2.

Динамика поляризованности для тем «семья» и «политика»

Обратим внимание: динамика поляризованности для тем «семья» и «политика» зеркально противоположна: когда ожидания для семьи направлены в одну сторону, для политики они идут в другую сторону. Особенно велики расхождения в ожиданиях в 2011 и 2013 гг.

Определение универсального значения (веса) отдельных элементов ценностной сферы социума

Для анализа проблем солидарности социума очень важным представляется вопрос о значимости или сравнительном весе тех или иных ценностных позиций, о порядке их приоритетности. Очевидно, чем более весома в социуме та или иная позиция, тем в большей мере она выступает для общества объединяющим, интегрирующим фактором. Возможен ли инструмент, позволяющий соизмерить значения (веса) самых разнообразных ценностных позиций, имея в руках весьма разнородный эмпирико-социологический материал, полученный в совершенно различных условиях? Предлагаемый здесь подход позволяет сделать некоторые шаги в данном направлении.

Для количественной оценки значения (веса) отдельных ценностных позиций используются три ступени оценки (они же – три *ступени универсализации* оценки). Первая из них самоочевидна, это – «ситуативный вес $W_{снт}$ », иначе говоря, показатель в ситуации конкретного опроса (выражаемый, напр., в процентах); вторая ступень – «кластерный вес $W_{кл}$ » – показатель веса ценностной позиции при определенных условиях опроса (напр., полипозиционность, определенное количество позиций (альтернатив), предложенных респонденту в опросном листе, ограниченность выбора – не более одной позиции и т.п.); третья ступень – «универсальный вес $W_{ун}$ » – показатель веса ценностной позиции, независимого от конкретных условий опроса. Именно $W_{ун}$ обеспечивает корректную сопоставимость результатов оп-

роса, полученных в любых условиях (если, конечно, опрос проведен грамотно, в соответствии с требованиями социологии).

Предлагаемый алгоритм для определения универсальной значимости (веса) отдельной позиции (W_i) на материале полипозиционных форматов опроса таков:

- а) Суммирование показателей (результатов) по всем позициям ($\sum_n$)
- б) Вычисление среднего арифметического для показателей по всем позициям

$$W_{cp} = \sum_n: n$$

в) Вычисление кластерного веса отдельной позиции $W_{кл}$ путем деления $W_{снт}$ на среднее арифметическое для показателей по всем опросным позициям $W_{кл} = W_{снт}: W_{cp}$

г) Определение области значений для $W_{кл}$, соответствующей группе опросов, обладающих определенными признаками (напр., количество позиций n , предлагаемых респонденту в опросном листе, правила выбора позиций и т.п.)

д) Вычисление универсального веса конкретной позиции $W_{ун}$ путем соотнесения $W_{кл}$ с интервалом, соответствующим области значений для $W_{кл}$ [x_{min} ; x_{max}]. $W_{ун} = V_{кл}: (x_{max} - x_{min})$. Например: при $n=3$ область значений для $W_{кл}$ будет [0; 3]. Тогда при $W_{кл}=2$ $W_{ун} = W_{кл}: (3-0)=2:(3-0)=2:3=0,67$. $W_{ун}=0,67$.

Продemonстрируем возможность использования данного алгоритма на конкретном примере. Обратимся к одной из таблиц в книге «Общественное мнение – 2013»¹. Но предварительно преобразуем таблицу так, чтобы результаты опроса оказались ранжированными от более высоких показателей к менее высоким (по принципу убывания).

Таблица 5

Что, на Ваш взгляд, сейчас важнее всего для России?

Решать социальные вопросы: обеспечивать высокий уровень медицинского обслуживания, образования, социального и пенсионного обеспечения	67
Обеспечивать подъем экономики, промышленности, сельского хозяйства	62
Укреплять обороноспособность и внутреннюю безопасность страны	31
Развивать инфраструктуру (дороги, связь, электросети, нефте- и газопроводы и т.п.)	29
Развивать новые технологии	21
Инвестировать средства в будущие поколения	16
Сохранять высокий уровень культуры	15
Поддерживать престиж и международный авторитет страны	15
Затруднились ответить	3
Σ	256

Расчет веса (значимости) отдельных ценностных позиций $W_{ц}$:

Ценностная позиция: «Укреплять обороноспособность и внутреннюю безопасность страны» (исходный, ситуативный вес $W_{снт} = 31$, см. табл. 5)

$$\sum_n = 31+15+67+62+29+15+16+21=256$$

$$256:8=32 \quad W_{cp}=32 \text{ (среднее арифметическое)}$$

$$W_{кл} = W_{снт}: W_{cp} = 31:32=0,97 \text{ (кластерный вес)}$$

Область значений для $W_{кл}$: $\min=0:32=0$, $\max=256:32=8$. Т.о., область значений [0; 8]

$$W_{ун} = W_{кл}: (x_{max} - x_{min}) = 0,97:8=0,12. \quad W_{ун}=0,12 \text{ (область значений для } W_{ун}: [0; 1])$$

Ценностная позиция: «Решать социальные вопросы: обеспечивать высокий уровень медицинского обслуживания, образования, социального и пенсионного обеспечения»

$$W_{снт}=67 \text{ (см. табл. 5)}$$

$$W_{кл} = W_{снт}: W_{cp} = 67:32=2,09. \quad W_{кл}=2,09 \text{ (в интервале [0; 8])}$$

$$W_{ун} = W_{кл}: (x_{max} - x_{min}) = 2,09:8=0,26. \quad W_{ун}=0,26 \text{ (в интервале [0; 1])}$$

Обратим внимание, что вес ценностной позиции «Решать социальные вопросы...» ($W_{ун}=0,26$) более чем в два раза превосходит вес позиции «Укреплять обороноспособность...» ($W_{ун}=0,12$). Как это можно было бы интерпретировать? Власти виднее? Политическая пропаганда на низком уровне? В стране недостаточно демократии? Или еще как-то? Такого рода вопросы заслуживают отдельного рассмотрения.

Проведенное исследование по определению универсального веса (значения) тех или иных ценностных позиций (ЦП) позволяет в перспективе: 1) определить приоритетные ценностные позиции ЦП, характерные для современного российского социума, 2) выявить порядок приоритетности ЦП, 3) проследить динамику этого порядка, его изменение в течение последних лет, 4) показать соотношение ценностных приоритетов населения с действиями государства и власти, 5) получить практические выводы на основе учета ценностных приоритетов и соотношения с ними властных действий.

¹ Общественное мнение – 2013. – С. 31, табл. 3.1.6.

Родионова Н.В.

д.э.н., профессор Владимирского государственного университета
rodionova777@yandex.ru

«БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ» И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ: ВЫГОДНОСТЬ И ПОЛЕЗНОСТЬ

Ключевые слова: «экономический человек», этика бизнеса, благотворительность.

Актуальность темы о благотворительности. В экономике входит в моду украшать упрекаемого в нечувствительности к этике «экономического человека» терминами из нравственных наук. Например, в деловом обороте стали все чаще использоваться такие понятия как: миссия, кредит доверия, корпоративная культура, философия управления, организационные ценности, икона стиля, бизнес-ангел и др. Благодаря им «экономический человек» обрел благообразный вид: гуманитарные критерии, этические параметры, методы социальных оценок, корпоративную социальную ответственность. Однако в результате миграции этической, и даже религиозной, терминологии в менеджмент они обрастают новыми смыслами, тем самым размывая устои этики и других общественных областей знаний. Может возникнуть опасность формирования двойственной морали и деградации истины. В данной статье предпринята попытка пролить свет на смысл благотворительности. Это понятие также претерпевает аксиологические метаморфозы в системах менеджмента.

Современная благотворительность воспринимается бизнесом неоднозначно: как инфраструктурный институт рынка, инструмент стратегического менеджмента, ресурс сотрудничества, PR-технология, завоевание доверия целевой аудитории потребителей; форма социальной активности организации, способствующая укреплению ее делового имиджа. В системе современных экономических отношений функционирует институт благотворительности и развивается рынок благотворительности, который, несмотря на схожесть структурных компонент товарного рынка, является его антиподом. Например, он характеризуется превосходящим спросом на благотворительные услуги над объемом их предложения.

Инструментальное восприятие благотворительности в экономике сделало это понятие многозначительным. У бедных благотворительность ассоциируется с выживанием, у нуждающихся – с помощью, у безнравственных людей – это источник нетрудовых доходов. Состоятельные люди относятся к благотворительности по-разному: как к обременительной нагрузке, зову совести, компенсации, плате за доверие. Очень немногие современные люди воспринимают благотворительность как насущную потребность. Бизнес рассматривает благотворительность трояко: в истинном, *светлом*, смысле как неэффективные затраты, *«сером»* – как инструмент максимизации дохода, и *«черном»* (далее по тексту – «благотворительность»), как «мутную воду» для отмыwania теневых доходов, соискание политического кредо на рынке, демонстрацию деловых преимуществ, откаты. Государство призвано реализовать в благотворительности общественную миссию, но зачастую не чурается и «благотворительности», которая служит оправдательным инструментом для оказания давлений на социально безответственный бизнес, коррупции и т.п.

Итак, тема о благотворительности, на которую следует обратить внимание исследователей, состоит в дискредитации духовно-нравственного смысла этой ценности. Зачастую в системах управления, нечувствительных к этике, благотворительность субъектов экономики играет роль этического оправдания, ширмы, их неэтичного поведения.

Проблематика благотворительности в современном обществе. Благотворительность необходима экономике, обществу и каждому человеку. Эта деятельность призвана исправлять деформации системы рыночных отношений, решать социальные проблемы и задачи, набирать духовный потенциал, реализовывать смысл жизни. Однако из-за смысловых неурядиц осуществляемая благотворительность либо ее отсутствие порождает следующие серьезные проблемы в экономике, обществе и у индивидов (рис.1):

- *провалы в системах экономических отношений*, включающие провалы рынка, которые характеризуются ростом спроса на благотворительные услуги, и провалы государства, не способного удовлетворить этот спрос;
- *дискредитация ценности благотворительности* из-за нечувствительности бизнеса к этической стороне социальной деятельности. Предприятие проявляет социальную активность там, где ему выгодно, например, при осуществлении PR-технологий, приносящих гуд-виллы и дополнительные доходы, и, напротив, социальную пассивность там, где остро требуется помощь, которая не сулит выгод;
- *равнодушие многих благополучных граждан* к потребностям малообеспеченных и нуждающихся в помощи людей. Призывы к помощи остаются неслышанными по разным причинам: неосознанности потребности в благотворительной деятельности, отсутствия информации о социальных проблемах или необходимых административных ресурсов, неспособности любить людей, недостатка времени для забот о ближних либо просто жадности.

ше. С третьей стороны, большинство остальных людей равнодушны к нуждам терпящих бедствие, потому что, наблюдая «счастливую» жизнь богатых, «заболевают» завистью и желают подражать удачливым. С усилением социальной поляризации растут непонимание другого и отстраненность от взаимопомощи. Все более обостряются социальные противоречия. Рост несправедливой дифференциации доходов в условиях пассивной благотворительной деятельности ведет к росту социальной напряженности и преступности, а этически неоправданная коммерциализация отношений – к моральной деградации общества.

Экономическая причина исследуемой проблематики раскрывает весь корень зла. Современный потребительский взгляд на окружающий мир и эгоистическое осознание себя в этом мире формировались на протяжении двух веков, в процессе занятости людей в системе рыночных отношений. Эта система, так называемая модель «экономического человека», способна обеспечить быстрое улучшение качества жизни в материальном и интеллектуальном аспектах успешных в бизнесе людей за счет неуспешных. За последние полвека качество жизни немногих людей в этих аспектах улучшилось кратно, тем не менее, большинство благополучных не осознают смысла своей «удобной» жизни.

То, что рост материального благосостояния не является пределом развития и не решает главной задачи человека, а порой, наоборот, препятствует этому, понимали древние пророки и предупредили нас об этом. «Я предпринял большие дела: построил себе дом[а], посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и посадил в них всякие плодовые деревья;... приобрел себе слуг и служанок;... собрал себе серебра и золота и драгоценностей; завел у себя певцов и певиц... И сделался я богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребывала со мною. Чего бы глаза мои не пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселья... И оглянулся я на все дела мои, которые делали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот все – суета и томление духа и нет от них пользы под солнцем!»¹ «Желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрасудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие»².

Итак, налицо следующая проблемная ситуация: одни страдают из-за отсутствия средств, необходимых для удовлетворения потребностей существования; вторые, купаясь в роскоши, не понимают смысла жизни; третьи все усилия направляют на стяжание материального благополучия, отстраняясь от решения социальных и духовных задач. И все потому, что современному рациональному человеку трудно понять, какую личную выгоду и индивидуальную полезность могут принести расходы на благотворительность, не приносящие прибыль? Поскольку люди не осознают потребность в благотворительности, то это дело возлагается на плечи бизнеса. А он это реализует по правилам рынка.

Парадокс благотворительности. В словаре русского языка слово «благотворительный» означает: «(1) безвозмездный и направленный на общественную пользу; 2) направленный на оказание материальной помощи неимущим»³. В этом понятии благотворительность рассматривается в нравственном смысле как осознание долга оказывать помощь нуждающимся в ней. Благотворительность в таком понимании не воспринимается системой экономических отношений, поскольку требует неэффективных расходов, которые приводят к потере конкурентных преимуществ и разорению экономики предприятия (рис. 2).

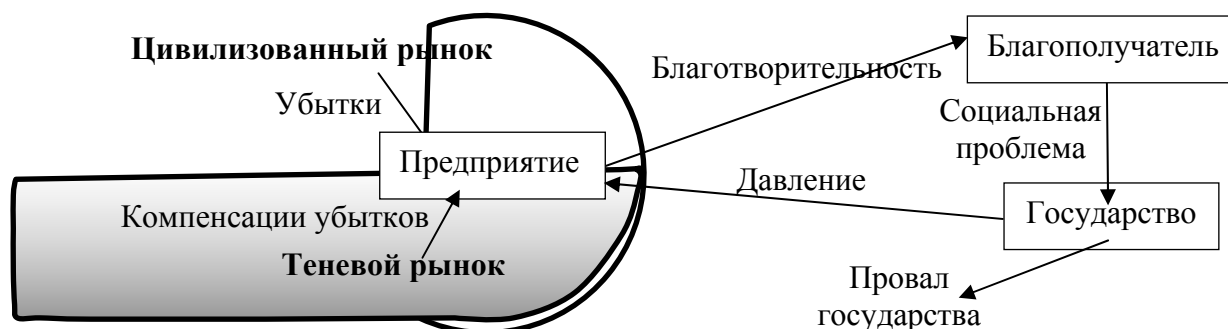

Рисунок 2.
Разорение экономики благотворящего предприятия

Современному коммерческому предприятию, функционирующему в условиях рынка, не свойственна благотворительная деятельность, потому что оно не имеет совести и не может быть субъектом морали. В уставе коммерческого предприятия целью заявлена максимизация прибыли, а расходы, не приносящие доходов, рассматриваются как неуставные. Это – правильно.

Однако в практике российской экономики часто случается, когда государственные чиновники, взывая к совести руководителей предприятий, оказывают на них давление, требуя решения социальных проблем. По сути, государство перекладывает свои функции на плечи бизнеса. В этом состоит одно из проявлений провала государства. Предприятие, осуществляющее благотворительную деятельность в одиночку, утрачивает конкурентные преимущества и ослабляет свое положение на рынке. Чтобы компенсировать убытки, благотворящее предприятие переводит хозяйственную деятельность в теневой сектор рынка.

¹ Книга Екклесиаста или проповедника // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 1995. – Гл. 2. Ст. 4–11.

² Первое послание к Тимофею святого апостола Павла // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 1995. – Гл. 6. Ст. 9–10. – С. 1303.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1991. – С. 56.

Получается парадокс: благотворительность бизнеса порождает экономическую преступность. «Благотворительность» образует среду, в которой бизнес и государство временно компенсируют свои потери из-за провалов, но тем самым они только усугубляют деформации рыночной и государственной систем отношений.

«Конфликт» смыслов благотворительности и их «примирение». Современная благотворительная деятельность, особенно в России, характеризуется рассогласованностью взаимоотношений в цепи «человек-государство-бизнес». Это происходит по причине расхождения сути отношений по поводу благотворительности в системах бизнеса («экономического человека»), государства/общества («социального человека») и отдельного человека («духовного человека»). Применяемые регуляторы оказывают очень слабое воздействие на гармонизацию этих взаимоотношений (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление сущности благотворительности в системах отношений «экономического», «социального» и «духовного человека»

Признак сравнения	«Экономический человек»	«Социальный человек»	«Духовный человек»
Сущность благотворительности	социальный капитал	доброе дело	жертва
Критерий успешности	максимизация выгоды	максимизация полезности	стяжание благодати ¹
Задача благотворительности	извлечение прибыли	решение социальной проблемы ²	наращивание духовного потенциала
Эффект от благотворительности	деловой имидж предприятия	личная репутация благотворителя	новое качество души (духовный плод)
Отношение к благотворительности	средство, инструмент	компенсация несправедливости	призвание ³
Ценности	инновации, качество продукции (услуг), квалификация работников; ресурсы лидерства, креатива, сотрудничества, любви и др.	трудолюбие, доверие, справедливость, честность, уважение, лояльность, желаемая социальная роль, патриотизм и др.	любовь к ближним, великодушие, милосердие, благодарность, радость, утешение, доброта, щедрость, душевный мир, прощение грехов, смирение и др.
Отношение к благополучателям	нечувствительность	сочувствие	любовь
Принцип	конкурентного преимущества	открытости, подражания	добровольности, тайны, прославления Бога
Способ трансляции благодеяний	социальная отчетность	распространение опыта в СМИ	молитва

На наш взгляд, картина взаимоотношений по поводу благотворительности в цепи «человек-государство-бизнес» может измениться, если эту деятельность в экономике попытаться рассматривать в духовном контексте. В духовном смысле «благотворительность, как рай, полна благословений».⁴ Под таковой понимается *духовный труд любви, совершаемый в формах жертвы благотворителя и благодарности благополучателя с целью стяжания духовных плодов, с одной стороны, и прославления Бога, с другой*. Если в результате добродетели эти цели не достигаются, то духовного смысла в благотворительности нет. Она может рассматриваться лишь как попытка, или «репетиция», труда любви.

Например, у христиан «добродетели, сколько ни хороши сами по себе, однако же, не в них одних состоит цель жизни нашей христианской и не затем мы родились, чтобы лишь только их творить; но цель жизни нашей – благодать Духа Божия, которую они приносят нам. Все же хотя и доброе, да так, как говорится, для добра же и делаемое, а не ради Христа, не приносит нам благодати Святого Духа. Сказано: «любяй Бога», а не добро одно».⁵ Благотворительность в христианском смысле – это труд, совершаемый при посредничестве Христа. А Он соучаствует в этом труде только при условии соблюдения Евангельских правил. Системы управления одухотворяются, если ее субъекты будут жить и работать по угодным Богу правилам, т.е. соблюдать заповеди.

¹ «Цель жизни обыкновенных мирских людей есть стяжание или приобретение денег, получение почестей, отличий, наград за заслуги. Стяжание Духа Святого есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, временный, приобретается почти одними и теми же путями. Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу, а дело жизни нашей на земле именует куплею». [О цели христианской жизни. Беседа Преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым. – М.: Ковчег, 2006. – С. 71-72.]

² Улучшение состояния природной среды, обеспечение достойных жизненных условий социально незащищенных граждан, развитие и продвижение талантов и др.

³ «...Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе». [Соборное послание святого апостола Иакова // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 1995. – Гл. 2 Ст. 17. – С. 1207.]

⁴ Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 1995. – Гл. 40. Ст.17. – С. 672.

⁵ О цели христианской жизни. Беседа Преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым. – М.: Ковчег, 2006. – С. 71-72.

Сущность доброго дела в благотворительности. Вот формула духовной жизни: «Уклонися от зла и сотвори благо».¹ Доброе дело есть жертва любви к ближнему, которая может приноситься в любой форме: доброго слова, совета, внимания, денег, блага, услуги, молитвы, собственного примера и даже собственной жизни. Причем людям заповедано, что из всех добрых дел «слово лучше, нежели даяние».²

Ценность жертвы для жертвователя измеряется не количеством и стоимостью благ, а духовным эффектом, который оказывает доброе дело на души и благотворителя и благополучателя. Иногда бывает достаточно пожертвовать всего «две лепты». Самый главный эффект состоит в том, что душа учится любить. Священные Писания учат тому, как и с какими мыслями необходимо приступать к добродетели. По мнению С. Вейль, важно, чтобы благотворитель «из чистого благородства отказывался повелевать там, где имеет власть. В этом может проявляться его отвержение от себя в пользу другого, или самоотречение». Благотворителю необходимо «держаться на равных с теми, кого отношения силы ставят далеко ниже его». В этом случае он «поистине дарует им качество человеческой личности. Насколько это возможно для тварного естества, он воспроизводит по отношению к ним первообразную благодать Творца».³ В этом случае благотворительный труд можно рассматривать как «средство, с помощью которого благотворитель, как носитель Христа, дает Христу войти в голодного бедняка. Если дар дан как подобает, и принят как подобает, то передача хлеба от одного человека к другому становится чем-то похожим на таинство».⁴

Роль предприятия в благотворительности. Сохранение тайны о добродетели есть основной принцип благотворителя. «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была в тайне».⁵ Этот принцип может реализовать предприятие, которое благотворители будут рассматривать как административный ресурс их добродетели, сохраняющий под «вуалью неведения» их духовную тайну (рис. 3).

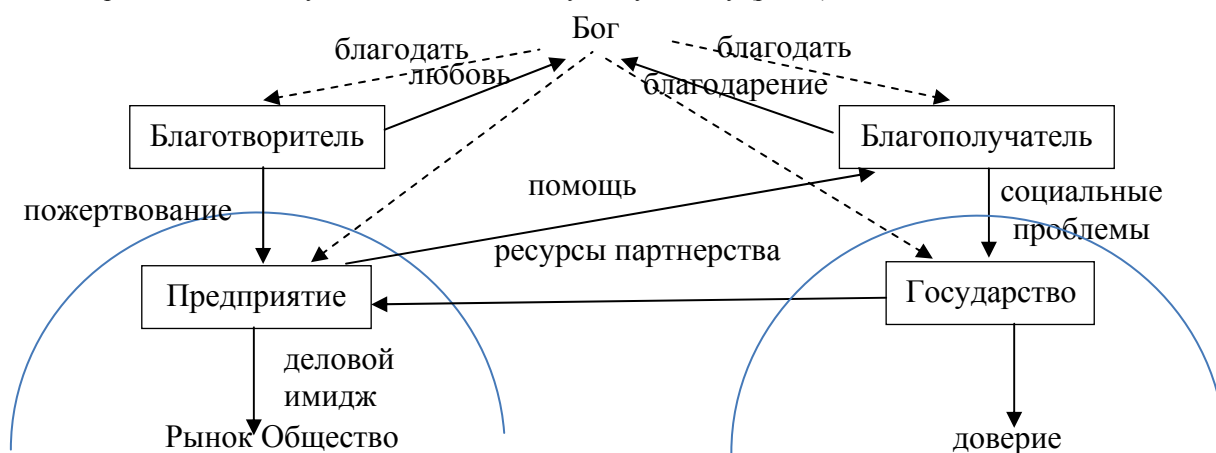

Рисунок 3.

Взаимосвязи отношений в цепи «общество-государство-бизнес» по поводу благотворительности в контексте ее духовного смысла

Предприятие необходимо в качестве посредника между благотворителями и благополучателями еще и потому, что любая деятельность современного общества специализирована и организована. Человек в одиночку не может решить многие социальные, и даже личные, проблемы. За их решением люди прибегают к помощи предприятия, его менеджменту.

На предприятии благотворителями могут выступать собственники, направляющие на благотворительные цели часть своих капиталов, работники, жертвующие часть своего заработка, и потребители продукции, готовые выплачивать свою жертву в виде благотворительной накладки к цене товара. Важно, чтобы в системе отношений по поводу благотворительности наряду с тайной соблюдались принципы гласности, жертвенности и добровольности. Каждого потенциального благотворителя необходимо уведомить о предпринимаемой социальной акции. Важно, чтобы он самостоятельно, добровольно принял решение об участии в ней и величине своей жертвы. На внутреннюю мотивацию и решимость жертвовать личные средства или имущество могут оказывать влияние церковь, поощряемые обществом ценности, друзья, но не властные лица.

Например, нераспределенная прибыль предприятия, направляемая на благотворительные цели, не будет иметь характера жертвы, если содержит невыплаченную работникам премию, и их согласие жертвовать не получено. Такое деяние по произволу менеджера или собственника не может считаться благим и не принесет духовного эффекта. Если

¹ Псалтырь пророка Давида. Кафизма пятая. – Пс. 33. Ст. 15.

² Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 1995. – Гл. 18. Ст. 16. – С. 655.

³ Вейль С. Формы невидимой любви к Богу // Крылья голубиные. Альманах православных христиан. – 2008. – Вып. 5. – С. 40.

⁴ Там же, с. 38-39.

⁵ Евангелие от Матфея // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 1995. – Гл. 6. Ст. 3,4. – С. 1017.

принимается решение направить часть прибыли предприятия на благотворительные мероприятия, то необходимо получить на это согласие каждого работника. В случае, когда некоторые работники откажутся от такого участия, им следует выплатить причитающуюся премию и исключить из перечня благотворителей. Кроме того, благотворящее предприятие обязано предоставить публике нефинансовый отчет о добродетели. На предприятие евангельский принцип тайны не может распространяться. Оно выполняет свои функции по общим организационным правилам.

SSVP-модель согласования ценностей благотворительности. Чтобы использовать административные ресурсы предприятия для осуществления благотворительности, необходима модель, обеспечивающая согласование ценностей, целей и задач предприятия, государства, благотворителей и благополучателей. Для этого рекомендуется использовать структуру модели предложения социальных ценностей (SVP), применяемую в зарубежной практике для формирования социально ориентированной стратегии управления. Аббревиатура в названии модели – SVP – означает «Social value proposition» и переводится как «предложение социальной ценности». Мы предлагаем уточнить название этой модели с учетом ее адаптации для благотворительной деятельности в духовном и социальном смыслах – SSVP, что означает – «Social and spiritual value proposition» – «предложение социальной и духовной ценности».

Компонентами SSVP-модели являются (рис. 4):

- *возможности*, устраняющие провалы рынка и государства. Они позволяют диагностировать нерешенные социально значимые проблемы и идентифицировать целевую аудиторию благополучателей с помощью инструментов института благотворительности, который необходимо образовывать и развивать совместными усилиями государства, предприятий и общественных организаций;

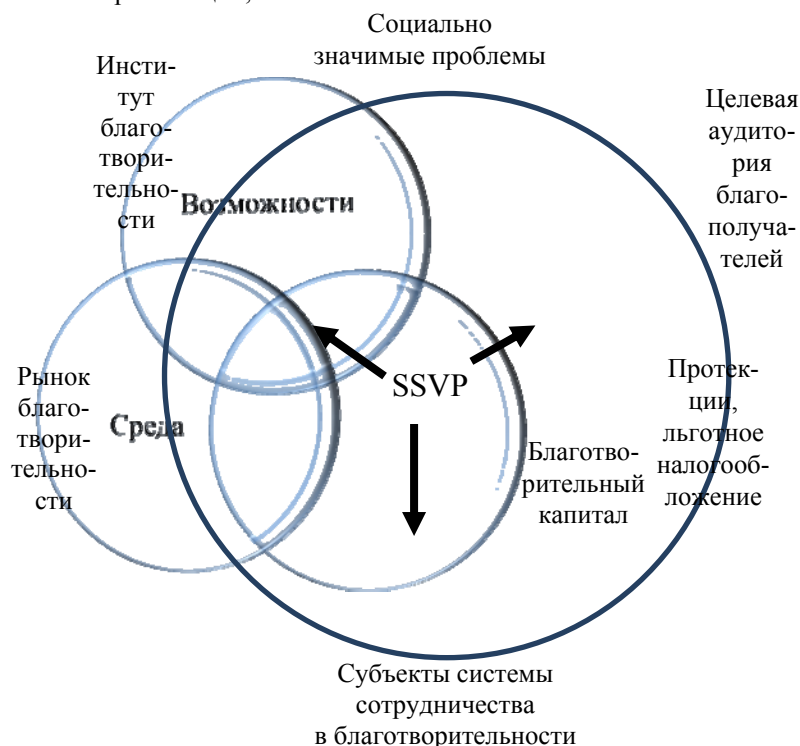

Рисунок 4.

Общая структура SSVP-модели, предназначенная для организации благотворительной деятельности от лица предприятия¹

- *среда*, представляемая в виде совокупности факторов, находящихся вне контроля системы управления. Эту среду формируют социум и рынок благотворительности;

- *благотворительный капитал*, который может быть составлен из индивидуальных и членских взносов, взносов благополучателей, грантов, специальных фондов, пожертвований, государственных выплат. Основными факторами формирования такого капитала могут быть протекции государства и налоговые льготы для благотворящих предприятий и индивидуальных благотворителей. Основными менеджерскими инструментами выступают философия социальной деятельности, мотивирующая потребность в благотворительности, и формы сотрудничества, необходимые для ее осуществления;

- *социальные и духовные ценности*, которые занимают центральное место в модели, связывая ее компоненты. В SSVP-модели предлагается формировать систему социальных и духовных ценностей в каждой компонентной области. Состав таких ценностей есть результат обдуманного и согласованного выбора благотворителей, благополучателей, государства и менеджеров благотворящего предприятия.

Мы полагаем, что SSVP-модель будет способствовать формированию организованного рынка благотворительности; что ценностно обоснованные взаимосвязи ее компонент, подкрепленные необходимыми ресурсами, могут под-

¹ Адаптировано по источнику: Остин Дж., Стивенсон Г., Вей-Скиллерн Дж. Социальное и коммерческое предпринимательство: сходства и различия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2010. – Вып. 3. – С. 138.

держивать равновесие системы экономического управления и служить ее *скрепами*. Если система экономического управления, нацеленная на максимизацию дохода, предназначена для зарабатывания средств, то SSVP-модель в комплексе с другими моделями (заработной платы, премирования, распределения дивидендов, социальных услуг организации и др.) – для этического обоснования распределения и расходования заработанного дохода. Такая модель может встраиваться в систему экономического управления методом параметрического связывания функций целеполагания, мотивации, деловой оценки, распределения дохода. С помощью параметров, формализующих социальные и духовные ценности в SSVP-модели, можно формировать социальные и духовные контексты систем управления, обеспечивающие наработку деловой репутации предприятия и ориентирующие на этически оправданное его стратегическое развитие. Отличительная особенность этой модели от применяемых в практике управления состоит в том, что она будет обеспечивать деловой успех как экстернальный эффект от истинной благотворительности конкретных людей, стяжающих духовные эффекты. В этом нам представляется основное предназначение SSVP-модели.

В условиях функционирования данной модели риск благотворительности предприятия-одиночки минимален, так как оно жертвует не собственный или заемный капитал, а переданный в безвозмездное доверительное управление в целях благотворительности. Конечно, по причине коррупции («благотворительности») для современного состояния российской экономики SSVP-модель может восприниматься утопичной. Однако немало зарубежных практик убеждают в том, что система управления предприятия в условиях этических контекстов может приносить существенные мультипликативные эффекты для основной деятельности за счет развития сети деловых отношений и сотрудничества с поддерживающими компаниями и целевыми аудиториями, участвующими в благотворительной деятельности. При высоких рисках защитить благотворящее предприятие от потерь призван институт благотворительности, который с помощью регулирующих правил (фрейм) может компенсировать потери благотворящих предприятий предоставлением налоговых льгот, включением в программы государственной поддержки; торить протекциями для них благоприятный конкурентный путь и др.

Эффекты от благотворительности. Благотворительность в системе отношений «благотворитель-предприятие-благополучатель» может приносить эффекты как ее непосредственным участникам, так и опосредованно государству, бизнесу и обществу. Благотворительные эффекты могут иметь духовную, социальную и экономическую природу.

Духовные эффекты от благотворительности предписаны Священными писаниями всех конфессий. Социальные эффекты являются следствием духовных, поскольку благотворительность может служить надежными скрепами отношений в обществе. Экономические эффекты могут образовываться на макро- и микроуровнях управления. Благотворительность способствует очищению макроэкономических отношений от коррупции, теневого рынка, безнравственности, социальной напряженности, преступности. Микроэкономические эффекты от благотворительности обусловлены:

- развитием взаимосвязи философии менеджмента с его практикой, расширением состава организационных ценностей, их согласованием и обеспечением взаимосвязи с целями и задачами предприятия;
- этическим оправданием экономической деятельности предприятия, реализацией его миссии, ускорением продвижения экономической стратегии и обретением стратегической гибкости и мобильности;
- наработкой этического капитала и деловой репутации предприятия, повышающего уровень доверительных отношений его деловых партнеров;
- узнаваемостью предприятия на товарном рынке и расширением круга покупателей продукции;
- новыми требованиями к структуре системы управления, развитием систем сотрудничества и социального партнерства с насыщенной сетью контактов;
- развитием внутренней мотивации работников, их личностного достоинства, самостоятельности и социальной ответственности; высвобождением их творческой энергии, обретением навыков управления взаимоотношениями, созданием условий для нравственного лидерства и менеджмента; повышением уровня корпоративной культуры предприятия, которой работники руководствуются в повседневной работе; возможностью объединения ресурсов для развития компетенций, которые предприятие не может создать самостоятельно;
- инновационной активностью в области решения социально значимых проблем, что может привести синергетические эффекты в инновационную деятельность предприятия.

Рекомендации по развитию благотворительности в России. Предлагается развить благотворительную деятельность в России на профессиональной основе. Для этого необходимо сформировать экономико-правовое пространство, в рамках которого такая деятельность будет организованной, прозрачной, подотчетной, выгодной, или, по крайней мере, неубыточной для предприятий. Целесообразно развить сеть социального предпринимательства, частно-государственных социальных и хозяйственных партнерств, благотворительных фондов, ввести в практику управления стимулирующую систему рейтингов социально активных предприятий. В таких условиях повысится актуальность исследований в области разработок моделей социально ориентированного управления, необходимых для формирования организованного рынка благотворительности. Наиболее важными факторами развития благотворительной деятельности являются ее прозрачность и мотивация. В активизации их воздействия могли бы оказать помощь философы, теологи и духовенство.

Россинская Г.М.

д.э.н., профессор Башкирского государственного университета

ЭКОНОМИКА ДОМОХОЗЯЙСТВА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

Ключевые слова: экономика домохозяйства, функции семьи, человеческий потенциал.

Семья является базовым уровнем воспроизводства человеческого потенциала общества, поскольку именно семьей реализуются функции, обеспечивающие в комплексе это воспроизводство: функции по рождению, воспитанию и социализации новых поколений людей; защитно-адаптационная функция; рекреационная функция и другие. Все функции семьи в большей или меньшей степени связаны друг с другом, взаимообусловлены. Каждая из перечисленных функций семьи имеет определенное отношение к процессу воспроизводства человеческого потенциала членов семьи.

Функции домохозяйства имеют определенную специфику по сравнению с функциями семьи. Эта специфика обусловлена функциональными особенностями институтов семьи и домохозяйства.

В состав функций семьи обычно включают: (а) Функции института семьи по рождению, воспитанию и социализации новых поколений людей; (б) «Производственно-экономическую» функцию, связанную с осуществлением хозяйственно-экономической деятельности, обусловленной тем, что семья формирует материальную основу организации потребления своих членов; (в) Потребительскую функцию семьи: по Дж.М. Кейнсу потребление является единственной целью всякой хозяйственной деятельности, а прежде всего – экономической деятельности семьи; (г) Семья выступает своего рода посредником между обществом и индивидом, «полем» взаимной увязки, комбинации, а вернее – согласования и интеграции различных интересов и разрешения противоречий, «точкой пересечения» влияния различных институтов; (д) Защитно-адаптационную функцию семьи; (е) Рекреационную функцию семьи, обеспечивающую возможности для отдыха, восстановления работоспособности, сил, израсходованных в процессе труда. Расходы на досуг, путешествия, проведение свободного времени являются необходимым элементом расходов семейного бюджета. Все функции семьи в большей или меньшей степени связаны друг с другом, взаимообусловлены. Каждая из перечисленных функций семьи имеет определенное отношение к процессу воспроизводства человеческого потенциала членов семьи.

Семейное домохозяйство – это семья, рассматриваемая с *экономических позиций*, экономический аспект семьи. Оно представляет собой экономическую основу семьи и может рассматриваться как ее обеспечивающая подсистема. Каждая из функций семьи по воспроизводству человеческого потенциала должна быть экономически обеспечена. Поскольку целевой, суммирующей функцией семьи является воспроизводство человеческого потенциала (остальные функции можно назвать подфункциями ее), то домохозяйство, прежде всего, обеспечивает экономические условия производства, сохранения, развития человеческого потенциала, а также организует собственно деятельность по его воспроизводству.

Каждая из названных функций семьи обеспечивается определенными экономическими функциями домохозяйства посредством формирования его бюджета – доходной или расходной его части, путем ведения домашнего хозяйства. Прежде всего деятельность домохозяйства направлена на создание материальных условий для формирования, сохранения и развития человеческого потенциала (производственная функция домохозяйства) и организацию этих процессов посредством потребительской деятельности домохозяйства (его потребительская функция). Потребительская функция домохозяйства опосредует выполнение им большинства других функций семьи (например, экзистенциальной, рекреационной и др.).

Особенности адаптации населения к условиям трансформационной экономики непосредственно отражаются в изменении структуры доходов семьи и характеристиках конечного потребления, прежде всего – в изменении объемов и структуры расходов на основные товары и услуги, в усилении социального расслоения. Для значительного числа семей проблема выживания и адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям вышла на первый план. Попытки поддержания необходимого уровня потребления значительной частью населения осуществляются за счет заметного ухудшения других аспектов качества жизни. Происходит постепенное ухудшение состояния отдельных сфер потребления, имеющих отношение к удовлетворению как простейших (физиологических – здоровье и т.п.), так и потребностей более высокого уровня (самообразование, чтение, общение, самореализация и т.п.). Потребительская функция, через которую в значительной степени реализуются другие функции, претерпевает существенную деформацию, что выражается в падении объемов потребления ряда товаров и услуг и негативных сдвигах в его структуре. Соответственно, страдают и другие воспроизводственные функции домохозяйства.

Примером может служить «эволюция» рекреационной функции: утрачивается возможность семьи служить для своих членов местом отдыха, восстановления сил. Свободного времени для общения не остается: необходимо искать

возможности дополнительного заработка, чтобы выжить. Рекреационная функция угнетается в пользу производственно-хозяйственной. В силу сжатия семейного бюджета в нем не находится места для затрат на оздоровительные и другие услуги, обеспечивающие рекреацию.

Падение уровня жизни значительной части населения существенно деформирует функцию семьи, связанную с рождением и воспитанием детей. Не случайно сегодня демографическая ситуация, в которой оказалось российское общество, оценивается как критическая. Увеличение количества детей в семье стало одним из основных факторов перехода ее в разряд малообеспеченных и даже бедных.

Представляется, что указанные особенности реализации функций семьи в 1990-е годы могут вновь проявиться в современных условиях развития глубокого социально-экономического кризиса, который будет сопровождаться (и уже сопровождается) значительным падением реальных доходов населения.

Реализуя для значительной части домохозяйств потребление на грани выживания, потребительская функция обеспечивает в них соответствующий уровень воспроизводства человеческого потенциала, не отвечающего по своим параметрам (здоровье, уровень образования и культуры и т.д.) потребностям современной экономики и современного общества. В результате формируется во многих отношениях суженное воспроизводство человеческого потенциала, прежде всего – в качественном отношении.

Вследствие недопотребления значительной части населения страдает качество самого человеческого потенциала как с точки зрения его демографических и физиологических характеристик, так и с точки зрения его социального качества, характеристиками которого становятся низкий уровень культуры, повышенная агрессивность, нетерпимость и т. п. Это представляет серьезную угрозу для будущего страны, сокращает возможности экономического роста, препятствует инновационному развитию экономики.

В результате деградации потребительского потенциала происходит деградация потребительской функции, а через нее – и других функций домохозяйства, связанных с ней, а вследствие этого – нарушение воспроизводства человеческого потенциала на микроуровне, что ведет к истощению и деградации человеческого потенциала общества в целом: ухудшаются демографические характеристики, здоровье населения, падает уровень образования и т.д. Как отмечает, например, А.Г. Аганбегян, международные рейтинги, в которых сравниваются экономические и социальные показатели различных стран, свидетельствуют о большом отставании России. Индекс социального развития России, который ООН считает главным комплексным показателем развития социальной сферы, существенно отстает от уровня экономического развития – 65-е место из 146 стран в сравнении с 43-м. Главная причина – крайне низкий показатель ожидаемой продолжительности жизни в России по сравнению с другими странами (здесь Россия отстает и от большинства развивающихся стран, которые по уровню экономического развития в 1,5–2 раза ниже России) – 105 место, что, в свою очередь, связано с повышенной смертностью. В России 30% населения умирает в трудоспособном возрасте (в Европе – 10%). Кроме того, неблагоприятная картина складывается в сфере образования: по уровню образования страна занимает 40 место, тогда как раньше входила в десятку передовых в этом отношении стран. В СССР в середине прошлого века на образование тратили 10% национального дохода, в США 4%. Сейчас у нас данная сфера получает менее 5% ВВП, во многих развитых странах 8–9%, в США 11%¹.

По мнению А.Г. Аганбегяна, хуже всего обстоит дело с показателями в области охраны здоровья. Удалось повысить рождаемость и снизить младенческую смертность, хотя последняя еще вдвое выше, чем в Западной Европе. В последние пять лет немного снижается общая смертность и растет ожидаемая продолжительность жизни, но эти показатели пока не достигли показателей не только 80-х, но и 60-х годов прошлого века².

При этом все «социальное неблагополучие неравномерно распределено и дифференцировано в разрезе социально-доходных групп. Как отмечается в литературе, по сравнению с европейскими странами население России испытывает более сильное неравенство в обеспечении продолжительной здоровой жизни и получения образования³.

В результате поляризации потребительского поведения российских домохозяйств формируется своеобразный «порочный круг расслоения», механизм, с одной стороны способствующий суженному воспроизводству человеческого потенциала страны как в количественном, так и в качественном отношении, а с другой стороны – угнетающий отечественное производство и сужающий возможности трудовой занятости. Для того чтобы разорвать этот круг, необходимо, прежде всего, изменение (на уровне парадигмы) представлений в обществе и на уровне государственных институтов о соотношении понятий «человек – цель» и «человек – средство» и о роли государства в формировании человеческого потенциала семьи и общества в целом, а значит – потребительского потенциала домохозяйства.

Необходимо обеспечение со стороны государства минимальных социальных гарантий, активизация роли государства в формировании за счет трансфертов более сбалансированной структуры конечного потребления домохозяйств, особенно многодетных семей, прежде всего – за счет увеличения в этой структуре доли услуг здравоохранения, образования, культуры. Основным объектом социального регулирования должна выступать семья и ее материальная основа – потребительский потенциал домохозяйства.

¹ Аганбегян А. О сбалансированности уровня экономического развития и социальной сферы в России // SPERO. 2011. – № 14. – С. 8.

² Там же, с. 16.

³ Горина Е. Индекс человеческого развития в России и других странах мира // SPERO. 2012. – № 16. – С. 198.

Сауткина В.А.

к.и.н., с.н.с. ИМЭМО РАН

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЛАСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ЭТНО-СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Ключевые слова: гражданское общество, этносоциальные конфликты, социальная сфера, общественный контроль.

Возникновению этносоциальных конфликтов, которые все чаще дают о себе знать как на локальных, так и на региональных уровнях, во многом способствуют общемировые цивилизационные сдвиги, которые затрудняют вхождение в этот поток замкнутых этнических групп, пока еще закрытых для культурного обмена с другими этносами. В современном мире обостряется противоречие между этническими интересами и общецивилизационными процессами. В результате перед политиками, учеными и всеми активными гражданами встает практический вопрос – как решить данное противоречие, дающее о себе знать практически во всех сферах современного социума.

Вызов сегодняшнего времени заключается в том, что современным политикам приходится почти мгновенно принимать такие решения в области социального управления, последствия которых могут различным образом сказываться спустя лишь десятилетия. Поэтому так важно своевременно анализировать конкретно сложившуюся ситуацию с учетом общественного мнения не формально, в целях установления обратной связи между политиками, принимающими эти решения и обществом, ради которого они принимаются. В противном случае, как это красноречиво нам показывает современная реальность, придется «тушить» конфликты, разгорающиеся на разных уровнях в различных регионах мира.

Эффективно развивающаяся рыночная экономика основана на конкуренции, поэтому в ней нет места социальной справедливости в том ее понимании, которое сложилось у множества современных людей. Справедливость в современном мире обеспечивается теми формами социальной защиты, которыми обладает то или иное государство. Именно посредством государственного вмешательства в экономику осуществляется перераспределение создаваемых благ. Государство проводит определенную налоговую политику, создает правовое обеспечение для жизненно важных для общества систем социально-трудовой сферы и, тем самым, поворачивает экономическую сферу к интересам народа. Однако в реальной жизни большинства современных государств забота о таких интересах носит весьма декларативный характер. В результате все больше граждан ощущают на себе результаты усиления социального неравенства. Именно на этой почве чаще всего возникают этносоциальные конфликты, проявляющиеся как в латентной форме, так и в виде столкновений различных этнических и национальных групп, решивших, что иные способы решения накопившихся проблем исчерпаны. На этом опасном этапе обычно находятся силы, подкрепляющие разгорающийся конфликт определенной идеологией.

Инертность со стороны граждан во многом способствует консервации сложившихся условий. Однако и возможностей проявить необходимую со стороны общества активность, находясь в существующем правовом поле, не так уж много. Определенные перспективы в этом направлении появились в связи с развитием современных технологий, когда возможности граждан повлиять на конкретную ситуацию, сложившуюся в социуме, значительно расширились. Появилась возможность преобразования институтов гражданского общества в качестве реальной силы, направленной на профилактику различного конфликтов, возникающих на почве социального неравенства и выливающихся в форме «выяснения отношений» между различными этническими и национальными группировками. При этом очень важно иметь возможность влиять на ситуацию еще в момент подготовки и принятия законодательных актов и законов, особенно касающихся основных, базовых интересов широких слоев общества.

Определенный шаг в направлении к более активному использованию новых средств массовой информации во взаимоотношениях власти и гражданского общества в России был сделан в начале 2011 года, когда был принят Указ № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных органов»¹. Согласно этому документу ведомство, подготовившее проект, обязано опубликовать его на своем сайте. Через три месяца со дня завершения общественного обсуждения инициаторы проекта должны отправить отчет о результатах Президенту РФ. С момента принятия Президентом РФ Указа «Об общественном обсуждении проектов конституционных федеральных законов» началась практика реального участия социально активных граждан в процессе законодательства, которая показала, что пока все упирается в то, захотят ли органы, принимающие окончательные варианты законов, учитывать те поправки, которые были внесены населением в ходе их обсуждения.

В качестве примера можно привести положение, которое сложилось в РФ в сфере медицинского обслуживания населения. Как известно, финансирование этой важнейшей социальной сферы в начале 90- годов сократилась в нашей

¹ президент.рф/acts/10288

стране второе. Последствия оказались весьма трагическими, о чем красноречиво свидетельствуют данные о смертности и сокращении рождаемости нашего населения в этот период. Несмотря на некоторые улучшения, наступившие с начала 2000-х годов, положение до сих пор остается плачевным. В результате в обществе нарастает недоверие к действиям тех, кто взял на себя обязанности по реформированию системы здравоохранения в России. Усиливается разрыв между тем, что декларируется, и реальными экономическими условиями получения медицинской помощи. Становится очевидным, что финансирование оказания медицинской помощи в значительной мере переносится на самих граждан и работодателей.

В свою очередь, нарастание платности медицинской помощи оказывает разрушающее воздействие на фундаментальные основы медицинской этики, а в результате появляются все больше врачей, которые рассматривают пациента как источник дохода. Все это чревато очень серьезными социальными последствиями. В результате стремительной коммерциализации медицинских услуг происходит повсеместное снижение качества бесплатной медицинской помощи. Более всего от этого страдают малообеспеченные слои населения. Таким образом, увеличивается неравенство возможностей различных социальных групп в получении медицинской помощи надлежащего качества. Происходит переход от массовых оздоровительных и превентивных мероприятий к индивидуальному лечению. По мнению специалистов, в большинстве случаев это касается уже запущенных хронических заболеваний, что значительно ухудшает здоровье нации.

Очевидно, что для ликвидации разрыва между государственными гарантиями и их финансовым обеспечением требуется увеличение размеров государственного финансирования здравоохранения. Вместе с тем, одними лишь финансовыми вливаниями проблему не решить. Отсутствие доверия к тому, как расходуются даже те незначительные средства, которые выделяются государством на нужды здравоохранения, вызывает необходимость развития всех возможных форм общественного контроля в этой сфере.

В такой ситуации обостряется вопрос о дополнительной нагрузке на российскую систему здравоохранения в связи с огромным потоком легальных и нелегальных мигрантов, которым скорая медицинская помощь оказывается бесплатно. Обсуждается возможность предоставления таким работникам медицинской страховки, но учитывается ли при этом мнение самих граждан, которые вынуждены будут нести основное бремя и по финансированию расходов на обеспечение этого проекта, и всех последствий неизбежного падения качества медицинского обслуживания, которое последует из-за уже существующей проблемы нехватки медицинского персонала.

Еще больший интерес со стороны активной части граждан РФ вызвал проект закона «Об образовании», общественное обсуждение которого проходило на специально созданном сайте www.zakonoproekt2010.ru. Завершилось это мероприятие в начале февраля 2011 года, когда в течение отведенных по закону 3 месяца на сайт поступило 10 тысяч комментариев. Одновременно с обсуждением законопроекта в Интернете, шли бурные дебаты и внутри профессиональных коллективов, непосредственно связанных с обучением, и в среде обучающихся и их родителей. Наиболее широкий охват всех болевых точек, которые непосредственно затронул предложенный законопроект, был предложен вузовским сообществом. Его представители высказывались за приоритетность государственного регулирования системы образования в плане более четкого согласования ее правовых основ с базовыми принципами, изложенными в Конституции РФ.

При написании отчета по результатам этого обсуждения Комиссией был предложен к рассмотрению целый комплекс поставленных сообществом проблем. К ним, в частности, относятся: единство образовательного пространства; интеграция образования и науки; паритетность обучения и воспитания; академическая свобода; единство и преемственность уровней образования; открытость образования обществу; сбалансированность интересов учащихся, родителей, преподавателей, работодателей и учредителей как основных участников образовательного процесса¹.

На наш взгляд, в ходе этого обсуждения ярко проявилась тенденция к возрастанию общественного запроса на формирование механизма взаимного контроля между преподавателями и обучающимися в интересах повышения качества предоставляемых образовательных услуг. Эта тема стала одной из наиболее полемичных тем на сайте. Таким образом, именно обсуждение законопроекта выявило некоторое противоречие между интересами педагогических работников и родительского сообщества. Педагогические работники предлагают усилить меры дисциплинарного воздействия на обучающихся и меру ответственность со стороны родителей, родительское сообщество – разработать механизмы, позволяющие им контролировать образовательный процесс и работу образовательного учреждения. Трудно не заметить, что подобная напряженность создается и в результате того, что во многих школах происходит значительный рост детей приехавших к нам на работу мигрантов, которые в силу объективных причин (незнание русского языка, культурных и бытовых особенностей) не могут соответствовать существующим образовательным и дисциплинарным стандартам.

Подобные проблемы существуют и во взаимоотношениях между представителями различных народностей, не являющихся мигрантами и проживающих внутри страны. Ни для кого не секрет, что особая напряженность существует в Южном федеральном округе, где конфликты все чаще выходят за рамки простого столкновения интересов и заканчиваются противоправными действиями. В этом регионе и власти, и просто активные граждане пытаются, насколько это возможно, заботиться о профилактике подобных межэтнических противостояний. Например, оценивая сложившуюся среду потенциальных конфликтов в регионе, Общественный совет при ГУВД и Общественный совет при главе администрации Краснодарского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, а также антитеррористическая комиссия Краснодарского края, подчеркивают социальный контекст происходящего и выражают особую озабоченность в отношении возможной реакции в молодежной среде. Молодежь ока-

¹ law.direktor.ru/data/files/31.doc

зывается наиболее подверженной опасности втягивания в экстремистские группировки, поэтому большая часть межэтнических конфликтов, которые используются подобными группировками для пропагандистской деятельности, происходят именно между различными их представителями. Такие неутешительные выводы были сделаны на основании исследования «Межэтнические отношения в молодежной среде Краснодарского края», проведенного в регионе в конце прошлого десятилетия по репрезентативной выборке молодых людей от 16 до 24 лет¹.

Одним из способов профилактики межнациональных конфликтов в этом регионе стала поддержка проекта подготовки социальных модераторов из молодежной среды. Предполагается, что социальные модераторы будут выполнять роль специалистов в области разрешения межнациональных конфликтов в структурах гражданского общества. Так как в юге России подготовка таких специалистов не ведется ни в одном учебном заведении, было решено организовать такое обучение в рамках социального проекта «Социальная модерация как инструмент профилактики межэтнических конфликтов», который Южный региональный ресурсный центр реализовал при финансовой поддержке фонда «Новая Евразия». Благодаря этому к процессу обучения были привлечены эксперты, аналитики-практики, профессиональные тренеры, которые являлись ведущими специалистами в данной области. Кроме того, учитывалась и региональная специфика, что удалось реализовать во многом благодаря тому, что слушателями оказались молодые активисты молодежных организаций, представляющих различные этнические группы, представленные в этом регионе².

В настоящее время в обществе созревает понимание того, что нельзя что-то изменить только по воле политиков, необходимо воздействие и со стороны всех, кто заинтересован в спокойном и мирном решении возникающих в нашем социуме проблем. Однако возникает вопрос: существуют ли реальные возможности у простых граждан влиять на принятие тех или иных решений? На этом пути важную роль может сыграть правильное использование информационных технологий. Однако в настоящее время все еще существуют расхождения между возможностями информационными сетевыми методами привлечь все население к активному воздействию на принятие решений в социальной сфере и тем состоянием инфраструктуры, которая отвечала бы адекватному использованию этого потенциала. Необходимо также определенная готовность со стороны населения перейти к новым формам общения с властью. Очевидно, что в настоящее время в Интернете именно «снизу» начнется процесс формирования электронной демократии. Однако необходимо учитывать, что при пользовании электронными инструментами меняются и некоторые юридические аспекты как самих законов, так и области их применения.

Возможно, что некоторые перспективы усиления общественного контроля над качеством социального управления, можно связывать с развитием института коллективных петиций. В соответствии с подпунктом «в» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» была разработана Концепция «Российской общественной инициативы». В этом документе предусматривается создание технических, организационных и правовых условий для предоставления гражданам Российской Федерации возможности публичного внесения предложений о внесении изменений в федеральное законодательство, обязательных для рассмотрения Правительством Российской Федерации. Технически это предполагается осуществлять с использованием специализированного ресурса в сети Интернет, когда после получения 100 тысяч подписей под тем или иным законопроектом, его рассмотрение будет обязательным. Однако для того, что перевести подобные инициативы на юридический язык потребуются обращаться к специалистам. В этих целях Открытое правительство сообщило о наборе для этих целей специальных экспертов.

Среди предложений, которые высказываются юристами по поводу расширения способов общественного контроля, нам представляется очень важной возможность помещения в электронный текст любого правового документа посредством гиперссылок сведений о его лоббистах и авторах. Таким образом, в режиме реального времени можно будет ознакомиться как с историей создания закона, так и с целями его применения в будущем. Также полезной была бы информация и о тех, кто продвигает принятие закона, что может прояснить: в чьих интересах он будет работать. Возможность четко разграничить интересы всех участвующих сторон позволит каждому из них более эффективно их защищать. Такие меры могли бы способствовать развитию культуры общественного обсуждения социальных проблем.

¹ conflict.u.net/upload/iblock/98a/iemwmy-ewfnde.pdf

² Там же.

Секачева Л.Л.

директор Некоммерческого партнерства «Мир Традиций», автор и руководитель Международных и Межрегиональных культурно-просветительских программ «Парад творческого наследия России и Индии», «Открой доброту свое сердце», «Наполним добротой сердца детей».
mirtrad@mail.ru

НА ПУТИ НРАВСТВЕННОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: гражданское общество, нравственные ориентиры, нравственные ценности, НКО.

*«Прежде всего, надлежит создать гражданина,
и, когда задача эта будет осуществлена,
гражданственность сама воцарится на Руси.*

Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас проповедают наоборот».
Петр Столыпин

Нравственное возрождение России зависит не только от государственных форм управления, но и от активной позиции каждого конкретного человека и гражданина, институтов гражданского общества, главными из которых, являются негосударственные некоммерческие организации. В современных российских условиях именно они предопределяют специфику гражданского общества, пути его нравственного развития.

Благодатной почвой, на которой может зародиться и созреть многонациональное гражданское общество, живущее по законам нравственности, является духовно-нравственное здоровье каждого гражданина, отсутствие которого влечет за собой процветающее в обществе насилие во всех его проявлениях. Как известно, корни всякого насилия кроются в сердце каждого человека, совершающего безнравственные поступки, поэтому, по мнению индийского пророка ненасилия Махатмы Ганди, «именно, это место должно быть единственным, где должны вестись все битвы добра со злом».

По мнению общественного политического деятеля К.Н. Брутенца, «россияне, почти без всякого протеста и нравственного неприятия, выживают в условиях тотальной коррупции, всеохватывающего взяточничества, сопровождающего едва ли не каждый его шаг, разгула криминалитета». Таким образом, происходит «испарение морали», «нравственно-моральная деградация» современного российского общества, формируется терпимость россиян к злу, переходящая, в дальнейшем, в полную подмену им добра.

Психологи полагают, что «Россия на долгие годы оказалась “естественной лабораторией”, где нравственность и правовое сознание граждан проходили суровое испытание».

По утверждению социологов, «в конце XX – начале XXI века российское общество постоянно испытывало морально-этические девиации и дефицит не столько социальных, экономических и политических, сколько нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения».

Экономисты отмечают, «что среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, – пренебрежение нравственно-психологическим миром человека», что повлекло за собой «интенсивное искоренение морально-этической составляющей их социального бытия».

Для того чтобы преодолеть трудности создания истинного гражданского общества, необходимо параллельно решать и другую задачу – создание правового государства, сильного своей защитой прав и свобод человека, ибо источник силы государства и общества проистекает из человека, его способностей и возможностей.

И. Кант писал: «О правовом порядке и правовом государстве можно говорить лишь там, где общество, независимо от государства, располагает средствами и санкциями для того, чтобы заставить своих членов соблюдать определенные нравственные и поведенческие нормы. А из моральных норм, соответственно, вырастают правовые».

Недавний социологический опрос среди молодежи показал, что существующая размытость нравственных ориентиров в их среде, нечеткость мировоззренческих и воспитательных позиций общества, в значительной степени, видоизменяет процесс становления личности.

Избавление человека от насилия, от которого наиболее незащищены наши дети и молодежь, является актуальной, гуманной и неизбежной целью государства и общества, перед которыми сегодня стоят задачи, требующие современных подходов к духовно-нравственному воспитанию россиян.

Великий писатель Лев Толстой писал: «Каждый хочет изменить человечество, но никто не задумывается о том, как изменить себя».

Эту мысль развивал в своих выступлениях Махатма Ганди – лидер ненасильственного освобождения индийского народа от господства англичан, считавший Л. Толстого своим Учителем: «Если хотите изменить мир к лучшему, начните с себя, будьте тем изменением, которое хотите видеть в мире», добавляя при этом, что: «унция практики стоит больше, чем тонна проповеди».

Эти нравственные установки двух апологетов ненасилия, стали ориентиром для таких международных и межрегиональных культурно-просветительских программ, как «Парад творческого наследия России и Индии», «Открой доброту свое сердце», «Наполним добротой сердца детей», которые с 2009 года, были реализованы Некоммерческим партнерством «Мир Традиций» в 15-ти городах 8-ми регионов России.

Для изменения духовно-нравственного состояния общества, необходимо, в первую очередь, помочь человеку открыть свое сердце навстречу таким нравственным ценностям, как доброта, взаимоуважение, патриотизм, согласие и любовь ко всем людям, без исключения. В ходе реализации названных программ, были исследованы новые подходы к нравственной гармонизации сознания каждого человека через творчество и просветительство с непосредственным активным участием человека в этом процессе.

Нравственное здоровье гражданина, а значит, и общества, в значительной степени, зависит от окружающего его информационного поля, перенасыщенного сегодня образами зла и жестокости, что приводит к изменению ценностных установок, нравственных ориентиров.

В наше время, заметно повышается уровень воздействия средств массовой информации на сознание и поведение людей. От того, какие идеи несут информационные ресурсы: Интернет, телевидение, радио, печать, зависят нравственные установки граждан, формируется общественное мнение.

Поэтому, для «переключения» сознания человека в сторону нравственности, необходимо, в первую очередь гармонизировать информационное пространство вокруг человека.

Для осуществления этих целей, негосударственными некоммерческими организациями намечены следующие первоочередные задачи:

- разработка, совместно с властью, федеральной целевой программы для успешной реализации планов по нравственному возрождению общества;
- создание ценностно-нормативной основы взаимодействия власти разного уровня, общества, некоммерческого сектора, бизнес-структур, средств массовой информации, в целях совместной работы в данном направлении;
- дальнейшее совершенствование существующих и разработка новых федеральных и региональных законов в плане государственной поддержки деятельности общественных и иных негосударственных некоммерческих организаций, осуществляющих социально значимую деятельность в сфере духовно-нравственного и патриотического воспитания, благотворительности, гражданского просвещения;
- определение приоритетов, задач, принципов, основных направлений и подходов в области духовно-нравственного воспитания россиян;
- пропаганда через творчество и просветительство доброты и согласия в российском обществе, установление и развитие доброго и уважительного диалога между россиянами разных национальностей и конфессий;
- активное внедрение мероприятий и новых форм пропаганды нравственности в учебные программы для всех ступеней и форм образования;
- максимальное приобщение жителей всех регионов России и их некоммерческого сектора к знанию, уважению и пропаганде традиционных ценностей, главной из которых, является нравственность.

Некоммерческое партнерство «Мир Традиций» посвящает свою основную деятельность духовно-нравственному и патриотическому воспитанию молодого поколения россиян, на которое ложится основная нагрузка по развитию будущего гражданского общества, проповедующего нравственные принципы.

В этих целях, Партнерство выдвинуло и продвигает общественную инициативу: объявить 2016 год в России Годом Доброты, что послужит привлечению внимания россиян, включая молодежь, к этой теме, гармонизации сознания человека и окружающего его информационного пространства в сторону одного из главных показателей нравственности – доброты.

Данная инициатива была одобрена представителями разных ветвей власти, делегатами IV Съезда некоммерческих организаций России с внесением ее в Итоговую Резолюцию съезда, Комитетом общественных связей города Москвы, общественностью.

«Ключом к развитию гражданского общества является поиск, поддержка и защита активистов различных гражданских инициатив». Это мнение члена Общественной Палаты Российской Федерации Иосифа Дискина вселяет уверенность в том, что общественная инициатива о Года Доброты в России может стать «заветным ключом» к открытию «двери» в будущее гражданское общество, живущее по нравственным законам.

Нравственное возрождение гражданского общества может и должно стать национальной идеей России, что подаст пример другим странам следовать за ней в этом направлении. Это – непростой и, возможно, длинный путь к спасению нашего Отечества от агрессии и насилия, но российская общественность ступила на него и не свернет, каким бы трудным он не оказался.

Сенюшкина М.А.

к.э.н., доцент, заслуженный работник образования Республики Крым, член-корреспондент Крымской академии наук

marsen2@yandex.ru

КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: капитал, стабильность, устойчивость, социальный статус, социальная политика.

«В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»¹.

Карл Маркс

Введение. Современная социальная политика реализуется в условиях эволюции преобразований в экономической и политической системах в интересах обеспечения роста материального и духовного уровня населения и повышения социального статуса человека. Капитал является базой социально-экономического развития и в этой связи капитал выполняет функциональную роль в обеспечении общественного производства и воспроизводства производительных сил общества. В этой связи в данной статье поставлена цель теоретического обоснования содержания и назначения капитала в условиях переходного становления Крыма как Федерального субъекта в составе Российской Федерации.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью развития теоретического исследования движения капитала в социальной сфере в современных условиях становления социального потенциала в развитии производительных сил.

Результаты исследований

1. Сущность, содержание, формы и назначение капитала в условиях развития рыночных отношений в экономике государства.

Теория капитала разработана Карлом Марксом. Эта теория развивалась применительно к условиям XIX-го века, и она отражает суть капитала, основанного на получении прибавочной стоимости за счет эксплуатации труда рабочей силы. При этом прибавочная стоимость присваивается классом капиталистов в интересах обогащения за счет чужого труда. В то же время следует отметить важность и значение методологической основы, данной К. Марксом в разработке теории капитала, как экономического базиса в формировании производительных сил общества. В условиях современного общества капитал отражает несколько иную функцию и требует нового научного подхода в его интерпретации применительно к новым измененным условиям развития производительных сил и производственных отношений. Общественная система того периода Марксом была отражена в теории общественно-экономических формаций как капитализм, исходя из основ капиталистической системы формирования классового общества, то есть класса капиталистов, владеющих капиталом, и класса рабочей силы, владеющей способностью к труду в целях выживания и продажи собственной рабочей силы. Поскольку рабочая сила приносит прибавочную стоимость капиталисту, то ее присвоение означало степень эксплуатации труда рабочего класса. К тому же уровень развития производительных сил имел специфический характер, обусловленный начальным этапом развития разделения общественного труда.

В историческом обозрении научного обоснования капитал рассматривался как способ эксплуатации рабочей силы и обогащения класса капиталистов, то есть субъектов, владеющих капиталом. В современных условиях реформирования экономической и политической системы, основанной на функционировании частной формы собственности на средства производства, и глубоким разделением общественного труда, **капитал возрождается и является ключевым элементом в формировании общественных отношений.** По своей природе капитал представляет собой денежные средства, авансированные в средства производства и обращения продукта труда между производством и потреблением материальных и духовных благ соответствующими структурами общественной системы, и обладает свойством постоянного движения и смены форм в процессе движения и сохранения своей первоначальной величины в процессе кругооборота [М. Сенюшкина].

Капитал по своей природе подразделяется на три вида: основной, оборотный и переменный. Основной капитал представляет совокупность денежных средств, авансированных на формирование материальных элементов обеспечения процесса труда, которые представляют совокупность зданий, сооружений, оборудования и других технических средств, необходимых для обеспечения процесса производства, или любого вида общественной деятельности. Обо-

¹ Маркс К. Предисловие к французскому изданию. Критика политической экономии. Т. 1. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1983. – С. 25.

ротный капитал представляет совокупность денежных средств, авансированных на образование запасов предметов труда для обеспечения непрерывности производственного процесса, а также и для образования запасов готовой продукции в тех случаях, когда не совпадают сроки отпуска продукции покупателям и поступления денег за ее оплату от покупателей. Иными словами, оборотный капитал способствует непрерывности производственного процесса, и обеспечивает нормализацию финансовых отношений между собственниками движения капитала. Переменный капитал – это денежные средства, необходимые для обслуживания социальных потребностей работников в части обеспечения расчетов по заработной плате и социальным отчислениям на социальное и пенсионное страхование, социальное обеспечение на случай безработицы и другие социальные нужды, возникающие в системе общественных отношений в процессе трудовой деятельности.

По форме капитал подразделяется на три вида: производительный, товарный и капитал, действующий в социальной сфере. Производительный капитал обеспечивает непрерывность производственного процесса и действует в сфере производства материальных благ. Действие производительного капитала требует постоянного движения денег в оплате за товары и услуги, потребляемые производством и выплаты заработной платы работникам и другие платежи по расчетам, возникающим в процессе деятельности. При этом процесс проведения затрат на производство продукции и поступление денежных средств от реализации продукции, работ и услуг во времени не совпадает. Следовательно, производительный капитал применяется для обеспечения непрерывности производства и реализации продукции, работ и услуг в сфере материального производства и используется в отраслях материального производства – промышленности, строительстве, транспорте, агропромышленном комплексе и других отраслях материального производства, создающих реальные материальные продукты для общественного производства и потребления.

Товарный капитал предназначен для проведения операций по обращению товаров и услуг в процессе их хранения до продажи и поступления денежных средств от их продажи, а также и по доведению товара до покупателя через розничную или оптовую торговлю. Для функционирования товарного капитала создаются специализированные органы, которые концентрируют на соответствующей технологической основе товарные запасы. Это могут быть оптово-сбытовые базы, специализированные склады, которые наделяются соответствующим оборудованием и зданиями для хранения в пределах нормативных сроков соответствующих товаров в местах их отгрузки различными видами транспорта: воздушным, морским, речным, железнодорожным и другими видами транспорта. Концентрация товарного капитала обусловлена необходимостью совершения финансовых операций по движению товарного капитала и способствует своевременности проведения денежных операций по обслуживанию потоков товарного капитала на всех уровнях его движения. Товарный капитал используется также и в сфере оптовой и розничной торговли, то есть отношений, связанных с продажей товара и ее покупки потребителем. Так, производитель продукции, продавая продукцию или любой товар, возвращает при этой операции авансированную стоимость капитала (основного, оборотного и переменного), потребленного в процессе производства. Покупатель же, оплачивая товар, вводит свой капитал в оборот, то есть вкладывает капитал в конкретные материальные средства, то есть основной, оборотный и переменный. Иными словами, товарный капитал способствует замещению потребленных средств, авансированных производителю продукции или поставщику товара в процессе движения товарной массы в сфере торгового оборота.

Капитал, действующий в социальной сфере, имеет особое назначение и его свойства проявляются в сфере социального обслуживания проявления переменного капитала, то есть рабочей силы. Переменный капитал представляет особое назначение в сфере авансирования денежных средств, ибо его назначение проявляется в любой системе деятельности общественного характера. Переменный капитал выражает совокупность денежных средств, авансированных на формирование совокупности рабочей силы для обеспечения непрерывного процесса деятельности в любой сфере проявления общественных отношений.

По источникам формирования капитал подразделяется на виды, характеризующие способ авансирования капитала, а именно как собственный, заемный и привлеченный. Собственный капитал является финансово образующим элементом. Он образуется путем авансирования собственником денежных средств на формирование производственного потенциала, а именно, основных и оборотных средств. Основные и оборотные средства создаются для осуществления деятельности при создании субъекта производственно-хозяйственной деятельности, то есть предприятия, организации или учреждения. По формам собственности на средства производства капитал подразделяется на следующие виды: акционерный, кооперативный, частный, государственный и общественный. Акционерный капитал образуется при создании акционерного общества. Акционерные общества по своей природе представляют разновидность частной формы собственности, так как в основе формирования акционерного общества используется соединение капитала посредством владения определенной массой ценных бумаг, эмитируемых в виде акций. Акционерные общества различаются как ООО – общество с ограниченной ответственностью, то есть это акционерное общество закрытого типа, и как ОАО – открытое акционерное общество, активный участник финансового рынка в условиях современной экономической системы гражданского общества. При первичном формировании открытого акционерного общества осуществляется эмиссия акций, то есть образуется первичный финансовый рынок. Эмиссия акций позволяет обменивать ценные бумаги (акции) на деньги, которые будут пущены в оборот на образование основного, оборотного и переменного капитала. Владелец капитала становятся участники финансового рынка. В зависимости от массы приобретенных акций различаются акционеры, которые имеют доступ к управлению акционерным обществом. В этой связи акции являются инструментом финансового рынка и механизмом управления акционерным обществом. Финансовый рынок различается при этом как первичный и вторичный. На первичном рынке акции образуют финансовый капитал для создания акционерного общества, а на вторичном рынке акции имеют свободное движение в форме купли и продажи владельцами капитала и их цена определяется курсовой стоимостью, которая зависит от уровня финансово-

экономического состояния акционерного общества. Интерес к акциям проявляется через действие дивидендов, которые означают плату доходами на массу акций, принадлежащих акционеру.

Заемный капитал формируется банковским кредитом в момент загрузки собственного капитала в производство и способствует ускорению оборота собственного капитала. Банковские кредиты используются в качестве краткосрочных ссуд в сезонных отраслях производства или в условиях образования сверхнормативных запасов материальных ценностей, а также в качестве долгосрочных кредитов на покрытие прироста оборотного или основного капитала, инвестиционными вложениями в развитие производства, внедрения новых технологий и других подобных потребностях привлечения банковских кредитов.

Привлеченный капитал действует в хозяйственном обороте субъектов предпринимательской деятельности в виде образовавшейся кредиторской задолженности за товары и услуги и задолженности по заработной плате работникам, образовавшейся в результате отклонений от использования финансовых ресурсов в хозяйственном обороте по определенным причинам.

Кооперативный капитал образуется при кооперативной форме собственности на средства производства и означает объединение средств на основе применения паев и долей. Каждый вступающий в кооператив вносит определенный пай для формирования основного и оборотного капитала для осуществления деятельности, установленный уставом кооперативного общества. Кооперативный капитал имеет подвижный характер, так как член кооператива при выходе из кооператива по собственному желанию, выходя из состава кооператива, забирает свой пай, а входящий в состав кооператива, соответственно вносит свой пай в соответствии с принятым уставом на собрании пайщиков, то есть участников кооперативного предприятия или организации.

Частный капитал действует при создании частных предприятий в системе малого и среднего бизнеса в интересах развития производства и реализации продукции работ и услуг для удовлетворения постоянного спроса населения в сфере бытового обслуживания, фермерского хозяйства по производству сельскохозяйственной продукции постоянного спроса (овощей, молока, фруктов, другой продукции, и услуг). Частная форма собственности различается по форме и способу образования структур частного производства. Это могут быть предприятия с наймом рабочей силы и предприятия семейного типа, которые определяются в соответствии с принятым законодательством в регулировании правовых норм в функционировании частных предприятий в современных условиях.

Государственная форма собственности распространяется в интересах обеспечения инновационного развития экономики и создания финансовых преимуществ в формировании источников финансирования для субъектов производственно-хозяйственной деятельности в интересах развития структурных элементов экономики, определяющих приоритетные направления в развитии научно-технического потенциала в развитии ведущих отраслей общественного производства. Государственная форма собственности формируется путем развития инвестиционной деятельности на основе программ социально-экономического развития государства на определенную перспективу.

Общественная форма собственности используется при создании общественных движений и партий в гражданском сообществе в интересах отражения коллективных интересов в регулировании жизнеспособности населения. Это могут быть политические партии, действующие в соответствующем правовом поле, выражающие общественные интересы в соответствии с принятыми уставами и программами действий, отражающих суть партийных движений в формировании политических интересов в управлении гражданским обществом при формировании органов государственной власти и местного самоуправления. Собственность на имущество, принадлежащая общественной организации, формируется в соответствии с действующим уставом и принадлежит общественной организации для осуществления уставной деятельности в соответствии с действующим законодательством в сфере политической деятельности государства при осуществлении избирательных кампаний и использования демократических принципов в государственном управлении. Партии и общественные организации создают финансовые отношения в соответствии с принятым уставом и программой действий.

Частная форма собственности распространена в формировании капитала в малом и среднем бизнесе в интересах удовлетворения потребностей в товарах и услугах для населения.

Как видно из приведенного анализа, капитал есть денежные средства, авансированные на формирование материально-технической базы для осуществления производственно-хозяйственной деятельности и обеспечения непрерывности деятельности на всех этапах функционирования субъектов производственно-хозяйственной деятельности.

2. Особенности оборота капитала и формы его проявления в экономическом пространстве. Содержание и назначение капитала, действующего в социальной сфере. Капитал постоянно находится в обороте товарно-денежного обращения, ибо он начинается с денежной формы оборота, то есть деньги направляются на оплату стоимости приобретаемых средств труда (основных) и предметов труда (оборотных), используемых в процессе общественных отношений, обеспечиваются затраты на производство и продвижение продукта труда на рынке, и после продажи товара на рынке капитал возвращается своему владельцу, в прежней авансированной величине, с определенной суммой приносимого дохода на капитал. Следовательно, капитал подвергается действию объективного закона сохранения капитала в сфере общественного характера труда и частного присвоения результатов труда, созданного капиталом.

Однако следует отметить, что функционирование капитала в достаточной форме научно обосновано в сфере материального производства. Что же касается социальной сферы, а именно, сферы образования, науки, медицинского обслуживания населения, социальной защиты отдельных категорий граждан, физической культуры и спорта, искусства, культуры и других отраслей общественного труда, то на них не распространяется действие капитала. При этом нужно отметить, что в условиях действия капитала применяется понятие затрат ресурсов, а в условиях социальной сферы используется понятие расходы. Эти понятия различаются тем, что затраты возмещаются движением капитала, а расходы должны иметь источники финансирования, и они не являются элементом кругооборота в системе обществен-

ных отношений, так как они выбывают из оборота после совершения операций. Это обусловлено тем, что в условиях социализма социальное обслуживание общества обеспечивалось финансированием социальных расходов из государственного бюджета. В этой сфере не действовали функции капитала.

Переход на рыночную систему отношений изменил характер финансовых отношений в социальной сфере, обусловленной внедрением предпринимательской деятельности, основанной на различных формах собственности на средства производства и внедрением капитала в сферу финансово-кредитных отношений. В современных условиях часть объектов социальной сферы сохранили бюджетное финансирование, таких как общее образование (школы разных ступеней, детские дошкольные учреждения и другие), некоторые объекты здравоохранения, органы государственного и местного самоуправления и другие социальные объекты, финансируемые из бюджетов разных уровней в соответствии с нормативно-правовыми актами, установленными конституционным правом государства. По этой причине понятие капитала не прижилось в социальной сфере.

Формирование основных средств и расходы по проведению работ в социальной сфере осуществляются за счет бюджетных ассигнований, и они ежегодно изменяются в зависимости от условий финансирования. С переходом на рыночный режим отношений в социальной сфере возникли условия внедрения платных услуг и работ, обусловленных проявлением коммерческих отношений в социальной сфере. Следовательно, перевод социальной сферы на коммерческие отношения требует внедрения действия капитала. Капитал в данном случае должен пройти определенную трансформацию по определению прав собственности, то есть признания конкретных видов собственности на средства труда и предметы труда, а также прав собственности на авансирование затрат труда закрепленного персонала. Формы авансирования первоначально могут быть основаны на признании объектов и установлении видов собственности: муниципальной, областной, республиканской, то есть в соответствии с действующей конституцией государства. Переменный капитал должен быть признан в форме фонда заработной платы со всеми видами начислений в социальные фонды (пенсионный, социального страхования, фонда занятости и другие, формируемые в соответствии с действующим законодательством), установленной сметой расходов на содержание объекта социальной сферы. В этом случае оборот капитала будет осуществляться через оборот оказываемых услуг или выполнения работ в соответствующей сфере. При этом продуктом труда будут соответствующие затраты на совершенствование социального статуса человека. В современных условиях ни один человек не знает, сколько денег вложено государством в формирование его личного социального статуса. Родители, например, не знают, какие затраты понесло государство на обучение их ребенка. В сфере образования оборот капитала будет совершаться через определение стоимости обучения учащихся, исходя из структуры обучения. В этом случае ученик получит табель об успеваемости, в котором можно будет вывести средний балл успеваемости как частное от суммы оценок, установленной соответствующим стандартом (национальной шкалы оценок, или европейского стандарта) и одновременно показать затраты школы на его обучение. Например, по учебному плану предусмотрено 10 учебных дисциплин и сумма оценок в баллах по национальной шкале составила 48 единиц, следовательно, ученик показал уровень успеваемости $48:10=4,8$ балла. В этом случае он заслужил звание отличник учебы. Затраты на обучение в школе составили по условному примеру 20000 рублей. Следовательно, ребенку будут вручены табель и условная грамота в оценке 20000 рублей, то есть затраты государства на его обучение в школе. Эти 20 000 рублей школа должна показать как надбавку к семейному бюджету затрат государства на обучение ребенка в школе. При таких условиях оценки капитала, действующего в социальной сфере, люди начнут понимать роль и значение государства в становлении социального статуса человека. Таким же образом можно рассчитывать общественные затраты и по другим сферам социальной защиты человека, а именно медицинского обслуживания, воспитания детей в дошкольных учреждениях и других сферах социального обслуживания населения.

Внедрение капитала, действующего в социальной сфере, в практику финансовых отношений государства, позволит стабилизировать экономическую систему и будет способствовать рационализации производственных отношений. Иными словами, капитал, действующий в социальной сфере, будет означать «авансированную стоимость на формирование человека как элемента трудовых ресурсов региона, государства, то есть современного гражданского общества» [М. Сеньюшкина]. Авансирование в капитал, действующий в социальной сфере, может осуществляться за счет бюджетных ассигнований государством, а также путем создания ассоциированных фондов для формирования трудовых ресурсов. Ассоциированные средства могут быть использованы на оплату затрат по подготовке специалистов разных уровней в специализированных учебных заведениях. Подготовка специалистов разных уровней должна осуществляться по заказам потребителей специалистов, с учетом реальных потребностей в кадровом обеспечении любых видов трудовой деятельности в пределах правовых норм, действующих на государственном и региональном уровне современного управления.

В современных условиях организации предпринимательской деятельности формирование капитала обусловлено естественными сложившимися нормами. Каждый руководитель и подчиненная ему администрация знает: куда и сколько заплатить денег и обеспечить функциональную деятельность. Социальная же сфера, в условиях перехода на рыночные отношения, находится в критическом состоянии. В этой связи возникают сложности в финансовом обеспечении объектов социальной сферы в системе образования, медицинского обслуживания, культуры, физической культуры и спорта и других социальных объектах. И тут возникает вопрос: а в чем суть капитала, действующего в социальной сфере, в условиях рынка и конкуренции рыночной среды? Ответ заключается в следующем. Социальные объекты функционируют во всех сферах формирования производительных сил общества, так как они представлены структурами, формирующими трудовые ресурсы, а также субъектами общественного производства, обслуживающими процесс формирования трудовых ресурсов. Иными словами, социальная сфера – это звено общественной системы, формирующее социальный статус человека. Человек является производителем и потребителем материальных и духовных благ на всей стадии формирования личности. Формирование личности сопровождается использованием обще-

ственного капитала, имеющего различные формы появления в процессе формирования социального статуса человека. В любой сфере деятельности используется основной и оборотный капитал, ибо деятельность означает соединение средств производства с рабочей силой. Так, для деятельности токаря нужны станок, электроэнергия, инструменты и деталь, которую он должен обработать на станке. Функции токаря может выполнить только тот рабочий, который имеет соответствующую профессиональную подготовку, полученную специальной формой обучения и присвоения профессионального разряда. Следовательно, становление профессионального мастерства трудовых ресурсов осуществляется через функционирование капитала, действующего в социальной сфере, то есть денежных средств, авансированных на формирование социальных сетей: учебных заведений, больниц, поликлиник, учреждений культуры, физической культуры и спорта и других субъектов, обеспечивающих формирование социального статуса человека. Продуктом социальной сферы является усовершенствованный человек. В формирование профессионального мастерства человека, его духовной и физической культуры вложен социальный капитал, именно он является продуктом труда социальной сферы. Следовательно, оборот социального капитала имеет идентичную форму отражения капитала, использованного в сфере материального производства: промышленности, транспорте, сельском хозяйстве и других отраслях. Различия заключаются в том, что продукт материальной сферы подвергается действию рынка товаров, работ и услуг. Этот способ закрепляет движение капитала, начиная с вложения денег, и возвращается после продажи продукта также в деньгах, проходя в процессе кругооборота различные формы, а именно в такой последовательности: «Д–Т...П...Т–Д». То есть деньги превращаются в средства труда и предметы труда, которые потребляются производством, к ним присоединяется труд рабочей силы для получения нового товара, который содержит в себе прибавочную стоимость и после акта продажи товара капитал возвращается в возросшей величине в пределах созданной трудом прибавочной стоимости.

В социальной сфере движение капитала имеет особенности превращений. То есть часть работ в социальной сфере имеет коммерческий характер, в связи с внедрением платы за оказанные услуги, платы за обучение, платы за медицинские услуги и т.п. В этой связи внедрение коммерциализации в социальную сферу экономически оправдано, но не разработаны механизмы действия капитала и не обоснованы на научном уровне сущность и свойства его проявления.

Рекомендации по определению и оценке капитала, действующего в социальной сфере обслуживания человека.

На основе применения авторского методологического подхода к исследованию капитала, действующего в социальной сфере, следует признать:

1. Капитал, действующий в социальной сфере – это денежные средства, авансированные на формирование основного и оборотного капитала социальных сетей в системе образования, медицинского обслуживания, физической культуры и спорта, науки, искусства, культуры и других структур, обслуживающих социальные потребности человека.

2. Все объекты сети социальных учреждений являются субъектами профессиональной деятельности и финансово-экономических отношений в проведении денежных операций по содержанию объектов профессиональной деятельности.

3. Продуктом деятельности сетей социальных учреждений является человек, в совершенствование которого вложены финансовые ресурсы действующего капитала, то есть основного, оборотного и переменного. Капитал при этом должен сохраняться в процессе своего оборота в прежней, авансированной величине.

4. Процесс движения капитала, действующего в социальной сфере, обусловлен сроками формирования социального статуса человека, в зависимости от сферы его обслуживания общественными потребностями от момента рождения и на протяжении всей жизни.

5. Капитал, действующий в социальной сфере, функционирует на основе регулирования кругооборота капитала в соответствии с действием объективного закона сохранения капитала в процессе его кругооборота. Если этот закон нарушается, то требуется его возмещение. Так, если образуется у субъекта трудовой деятельности задолженность по заработной плате работникам конкретного коллектива, то этот факт свидетельствует об отсутствии капитала в связи с ущербами в конкурентной среде функционирования рынка товаров, работ и услуг. Цена товара или услуг должна возмещать основной, оборотный и переменный капитал, потребленный в производстве и обращении продукта труда в условиях рынка. Поэтому при убыточной деятельности капитал не сохраняется и образуется задолженность по заработной плате и социальным выплатам и требуется возмещение в целях погашения долгов по расчетам с работниками трудового коллектива.

6. Размер капитала, то есть его величина в денежной оценке определяется в зависимости от технологии производственного процесса, на основе которых устанавливается продолжительность кругооборота капитала. Чем короче технологический цикл производства товара, тем короче продолжительность оборота капитала. Так, в хлебобулочной отрасли производства продолжительность оборота капитала может определяться определенным количеством дней производства продукции и оплаты за продукцию покупателем по установленным срокам платежей. Допустим, сроки оплаты установлены за десятидневные поставки продукции, а поставка товара производится ежедневно в соответствующие торговые точки. Следовательно, хлебозавод отгружает продукцию ежедневно торговым точкам, с которыми установлены договорные отношения, а оплату получает за каждые десять дней. Срок оборота капитала в этом случае будет определяться сроками установленных платежей за торговый оборот. Поэтому при соблюдении условий движения капитала с установленными нормами он сохраняется в своем движении и высвобождается в своей авансированной величине. Если же будет допущен брак в производстве товара, то в пределах величины стоимости забракованной продукции капитал не сохраняется и требуется его восполнение. Подобные условия движения капитала будут приводить

к отрицательным финансовым показателям. Нарушения в использовании переменного капитала свидетельствуют о наличии задолженности по заработной плате и социальным выплатам – пенсий, пособий, социальной помощи.

7. Капитал, действующий в социальной сфере, способствует развитию социальной сферы, как важнейшей структуры формирования рабочей силы, то есть важнейшего элемента производительных сил гражданского общества. Трудовые ресурсы являются продуктом деятельности социальной сферы и одновременно они являются составляющим элементом производительных сил. Производительные силы состоят из средств производства, представленных средствами труда и предметами труда, и рабочей силы. Источником финансовых отношений развития производительных сил является капитал, а именно, основной, оборотный и социальный. К сожалению, в научной литературе не уделено внимание капиталу, действующему в социальной сфере, а в основном используется понятие человеческий капитал. Соединение капитала с рабочей силой представляет деятельность, поэтому рациональная деятельность сохраняет движение капитала в процессе оборота. Упущения и нарушения в процессе деятельности способствуют нарушению движения капитала в процессе деятельности и требуют его возмещения для нормализации оборота капитала.

8. Капитал, действующий в социальной сфере, и его использование представляет отражение социальной политики государства или региона в реальной действительности и является важнейшим элементом финансирования расходов в социальной сфере. Формирование качественных признаков проявления личности в системе общественных отношений характеризует качество использования социального капитала. Поэтому совершенствование методов обучения, медицинского и социального обслуживания человека, и в первую очередь молодежи, будет способствовать экономической и социальной стабильности российского государства в современных условиях.

Выводы. Проведенный анализ теории и сущности капитала и особенностей его функционирования в современных условиях показал необходимость совершенствования познавательного инструментария в сфере применения и использования капитала в условиях рыночной экономики. Проблемы применения капитала, действующего в социальной сфере, обусловлены реформированием социальной политики в современных условиях. Применение капитала в социальной сфере следует рассматривать в интересах становления социального статуса человека как важнейшего элемента производительных сил в условиях развития информационного общества и компьютеризации информационных потоков в оценке социально-экономических процессов в развитии современного гражданского общества¹.

¹ Данная статья представляет авторскую разработку теории капитала в условиях переходного периода становления рыночной системы отношений в общественном производстве и может быть использована в дискуссиях и научных дебатах по обозначенной выше проблеме.

Сергиенко Е.Л.

психолог-консультант Центра открытия новых возможностей, аспирант Тверского ТГУ
cleareyed@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАРЬЕРЫ АКТЕРОВ: СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УСПЕХА

Ключевые слова: *карьерный рост, профессиональный успех, творческая деятельность, актерская деятельность.*

Достижения в карьере – признак успешности личности. Согласно определению, карьера есть общая система процессов развития человека и его движения в определенной сфере деятельности. Это индивидуально осознанная позиция и поведение, связанные с трудовым опытом и деятельностью на протяжении рабочей жизни человека [14, с. 67]. Карьера структурирует трудовой опыт, является одной из форм реализации активности личности, проявлением синтеза профессиональных навыков и удачного стечения обстоятельств, но главное – это показатель движения самой личности.

Индивидуальная карьера – это индивидуально осознанная, а также спонтанно осуществляемая последовательность профессионального продвижения, последовательность развития взглядов, стиля поведения, опыта работы. Это ступени трудовой жизни человека, метод его самоуправления. Профессиональная карьера – это осознанно выбранный путь продвижения без изменения направленности деятельности в профессии, путь к профессиональным высотам карьеры, профессиональной самодостаточности и утверждения себя в обществе.

Высокий статус профессионала, компетентного в узкой сфере деятельности, становится в настоящее время отличительной чертой успешно развивающихся организаций. В результате упрощения иерархических отношений сокращаются информационные пути и время принятия решений. Ответственность делегируется на компетентные уровни, ограничивая возможности вертикального карьерного восхождения для тех, кто к этому стремится. С другой стороны, нередки случаи, когда специалист высокого уровня достаточно пассивно относится к собственной карьере, не ищет возможностей ещё более раскрыть свой потенциал, ждёт заманчивых предложений со стороны работодателей [8]. Именно на таких людей ориентированы программы управления карьерой сотрудников в организации. Как показывают исследования, подобные программы, их реализация ведет к повышению мотивации и производительности труда работников, уменьшению текучести кадров и более эффективному использованию человеческих ресурсов [13, с. 103]. Следует отметить, что демократизация жизни, способствующая созданию условий для свободного самоопределения, самореализации, стимулирует желание человека оптимизировать карьерное развитие с помощью управления [10]. Свобода порождает конкуренцию, которая ставит перед каждым проблему достижения личных успехов. На фоне этих перемен жизненно важной тенденцией становится планирование карьеры и, особенно, индивидуальное управление карьерой. Все определения, стратегии и тактики карьеры в своей основе опираются на динамику конкурентоспособности личности как решающее условие её жизненного успеха.

Карьера – это результат направленного движения в профессии. Карьера определяет положение индивидуума в организационной структуре компании [15, с. 67]. Есть два основных вида карьерного роста – **вертикальный** и **горизонтальный**. Карьерный взлет наиболее заметен именно в случае вертикального роста, смене иерархии, поэтому понятие карьеры чаще всего связывают именно с ним. Повышение позиций требует освоения новых навыков, сфер и областей, при этом основное направление профессиональной деятельности сохраняется. Такая стратегия отражает статусный подход в вопросе карьеры. Вертикальное продвижение по карьерной лестнице связано с высоким профессионализмом, активной личной позицией работника, способностью конструктивно выстраивать коммуникации в процессе деятельности, чётким пониманием своих целей и задач, а также благоприятным стечением обстоятельств. Но карьера – это не обязательно непрерывное восхождение вверх. Профессиональное развитие подразумевает и продвижение по горизонтали. Такой путь предполагает профессиональный рост работника, как специалиста – повышение уровня мастерства, углубление и расширение знаний и навыков в контексте процессного подхода. А также получение специализированных и уникальных умений, что делает работника особенно ценным и порой незаменимым. Как было сказано выше, нередко такие работники занимают пассивную позицию в ожидании новых выгодных предложений. В других случаях горизонтальная карьера может быть для работника осознанным или неосознанным уходом от активности, выбором позиции избегания, обоснованной страхом трудностей и рисков, непереносимостью напряжения ситуации неопределённости, конкуренции. Горизонтальное направление трудового пути в карьере менее очевидно, чем вертикальное, но доступно большему кругу людей. Успехи горизонтальной карьеры могут зависеть от авторитета или неформального лидерства индивидуума в коллективе. Ступенчатая карьера имеет наиболее широкое распространение, и представляет собой совмещение частей вертикальной и горизонтальной карьеры. В этом случае этапы рабочего пути связаны с изменением направления и качества содержания профессиональной деятельности [12, с. 89]. Ступенчатая

карьера строится путём смены этапов продвижения по вертикальной и горизонтальной карьере, поочерёдно. **Внутри-организационная карьера** предполагает работу и совершенствование в одной организации практически всю свою жизнь. Здесь работник обучается, расширяет навыки, углубляет специализацию, растёт профессионально, выделяя для себя ценностную значимость принадлежности одной организации. **Межорганизационная, диагональная карьера** – это карьера в рамках одной профессиональной области, но в разных организациях. Для того чтобы построить карьеру, необходимо осознать свою профессиональную ориентацию, которая должна быть направлена на вид деятельности, а не на профессию. Ценности, потребности и мотивы очень важны. Система карьеры всегда целеориентирована и включает производственные и индивидуальные цели.

Стратегии достижения профессионального успеха, удовлетворённости трудом, максимального раскрытия потенциала, профессионального развития являются актуальными также и для творческих профессий и организаций. В основе своей деятельности творческие организации имеют создание интеллектуального продукта. Особенности этих организаций влияют на выбор, формирование, направление и содержание профессионального пути работников этих организаций.

Организационная структура творческих организаций отличается гибкостью. Творческие организации менее формализованы и созданы с нарушением принципов привычного иерархического построения. В творческой организации профессионализм является безусловной ценностью. Но вместе с тем, профессиональное развитие личности оценивается по широте и пластичности проявления её творческого потенциала. Для людей творческих профессий часто предпочтительна горизонтальная карьера. Для таких работников самосовершенствование, стремление развиваться в выбранном направлении, высокий уровень альтруизма – приоритетная задача. Люди, увлеченные своей профессией, постоянно совершенствуются. Мотиватором для них становится не карьерный рост, а достижение такого уровня мастерства, которому нет равных [11]. Одновременно с этим, среди одарённых людей возникает конкуренция, а значит, и условия для стремления продвижения «вверх». Характерной особенностью структуры управления творческой организации является ее ориентированность на людей. Значимость каждого отдельного индивидуума для управления такой компанией чрезвычайно высока. Творческий трудовой коллектив – зона повышенного соперничества одарённых людей. Успех и признание – определяющее мерило результативности их профессиональной деятельности. Работник творческого труда отличается особыми личностными характеристиками [11]. Эффективность всех рабочих процессов и результаты деятельности в творческой организации связаны непосредственно с особенностями его личности. Профессионал в творческой деятельности является ресурсом, предметом, инструментом и зачастую составляющей продукта собственного труда. Значительное влияние на процессы деятельности оказывает характер «субъект-субъектных» взаимодействий. Особенностью творческих организаций в большинстве случаев является факт принадлежности работников делу этой организации в течение всей их профессиональной жизни: от окончания учебного заведения до пенсии. Для большинства организаций иного рода это явление – абсолютная редкость в настоящее время в связи с высоким уровнем текучести кадров.

Гибкость организационной структуры творческой организации, которой является профессиональный театральный коллектив, способствует возможности развития карьеры артиста в разных направлениях. Высокое эмоциональное напряжение, связанное с необходимостью эмоциональной включённости в процесс профессиональной деятельности, ситуация неопределённости, сопровождающая эту деятельность, атмосфера конфликтности и соперничества в театральном мире, влияют на карьеру актёра.

Актёрская профессия – зависимая профессия. На результативность его деятельности влияет репертуарная политика театра, пристрастия режиссёра, эстетический вкус зрителя. Так начинающий артист, дебютант, блестяще исполнивший главную роль в спектакле, в одночасье завоевывает достойные позиции в театральной иерархии. В дальнейшем его профессиональное восхождение будет зависеть от того, насколько он сможет удержать высокую исполнительскую планку. Нередки случаи, когда актёр одного амплуа на протяжении всей профессиональной жизни эксплуатирует свои уникальные способности, не расширяя личного актёрского репертуара, но оставаясь востребованным. Известны случаи драматического спада в карьере (downshifting), когда поступательная деятельность талантливо заявившего о себе актёра останавливается на достаточно продолжительное время. В дальнейшем его возвращение к активной профессиональной деятельности возможно вследствие внешнего запроса или высокого уровня личной мотивации осуществить целенаправленные усилия для выведения себя из профессионального «небытия». Типичным для актёрского театрального мира является служение профессии в рамках одной организации. Но участие в постановках вне стен своего родного театра может стать возможностью для взлёта карьеры артиста. Удачно сыгранная роль, новое амплуа, в котором актёра не видели в родном театре – расширяют возможности актёра для проявления своей творческой индивидуальности.

Артистическая карьера в развитии – это, прежде всего, востребованность актёра в профессии. Стабильная занятость в спектаклях означает признание его таланта, даёт ощущение нужности, «расправляет крылья». Участие в разных спектаклях, работа с разными режиссёрами – это возможность для артиста показать себя всеми гранями своей одарённости. «Актёры иногда производят впечатление людей завистливых и неглубоких, но я ни разу не встречал актёра, который не хотел бы работать. Это стремление работать источник их силы» – мнение известного английского режиссёра П. Брука [1, с. 146]

Отношение актёра к своему профессиональному делу, типичные особенности личности актёров, характер взаимодействий в театральном мире влияют на сознательный и бессознательный выбор пути в профессии. Поговорка «плох тот солдат, который не мечтает стать генералом» справедлива для абсолютного большинства начинающих трудовую деятельность актёров. В ходе наблюдений, исследований и интервью с молодыми актёрами выявлен высокий уровень позитивной оценки себя в актуальной творческой деятельности. Отсутствие ролей для актёров зрелого воз-

раста воспринимаются более негативно, как факт, имеющий отношение к непризнанию режиссёром его одарённости, а не объективными причинами. Подобные интерпретации влекут за собой неадекватную самооценку и, согласно наблюдениям, искажают поведенческие проявления, добавляя в их спектр избегание, конфронтацию, изоляцию. Следует добавить, что при анализе наблюдений за актёрами профессиональных театров выявлен повышенный процент лиц с истероидно-демонстративной акцентуацией характера, которая характеризуется притязаниями на признание, лидерство, потребность в высоком уровне личностной значимости, стремлении быть замеченным, находиться в центре внимания [12, с. 145]. Носители данного типа личности имеют благоприятные черты для продвижения себя в актёрской профессии – активность, демонстративность, но вместе с тем и недостаточный уровень поведенческой адаптивности при неблагоприятных обстоятельствах. Именно деятельность, требующая длительного планирования, затруднена, так как концентрация на актуальной цели, решение сложных проблем предполагает отказ от мгновенного удовлетворения потребности, что подтверждается исследованием. Неспособность держать задачу в течение продолжительного времени затрудняет сознательное построение своего профессионального пути, осмысление промежуточных его этапов.

Назначение актёра режиссёром на большие, значимые роли, успешное их исполнение, зрительское признание являются подтверждением развития вертикальной линии в профессиональной карьере артиста. Одновременно это драматический момент в театральном процессе как для актёра, так и для режиссёра. «Самое трудное в постановке пьесы – распределение ролей. Когда мне нужно распределить роли, то я не сплю несколько ночей и почти заблеваю. Но если я с этим справился без явных компромиссов, то дальше я уже смотрю вперёд уверенно» – подтверждал великий режиссёр Вс. Мейерхольд [3, с. 295]. Яркий успех отдельного артиста усиливает проявления соперничества в театральном коллективе, запускает механизмы театральных конфликтов и интриг. Карьерное движение по вертикали всегда привязано к социуму. Часто вертикальный **рост до «звезды» не имеет смысла без тех**, кто остаётся «внизу». Каждая следующая ступенька, как новый уровень в игре, даёт больше преимуществ. Бывают случаи в театральном мире, когда вертикальная карьера связана не столько с самореализацией, сколько с самоутверждением через социальный статус, власть над другими, материальную обеспеченность и т.д. Если в искусстве сама деятельность для творческого человека является не более чем средством достижения этих благ, то очень скоро для него может наступить творческий кризис, застой, связанный с внутренней опустошённостью и тщетными попытками вырваться из тисков обстоятельств, над которыми он утрачивает власть. Стремление к престижу, с одной стороны, стимулирует к деятельности, с другой стороны, достижения статуса теряют свою ценность, так как тормозят актёра в его способности к истинному творчеству. Наблюдения и исследования подтверждают эту связь.

«Законы общения, театрального существования, которое построено на постоянном соперничестве во всём – в ролях, в театральных романах, в одежде, в престижности, в отношении вышестоящих, в оценках прессы, в любви и нелюбви зрителей. Это всё мешает, уводит от «служения идее», это мельчит и уничтожает лучшее, что есть в каждом. Отсюда «этика» как определяющее, как главное. Надо создавать себя, быть выше, лучше, благороднее» – мнение актрисы Т. Дорониной [5, с. 326]. Наличие конкуренции имеет и позитивные стороны – оно предъявляет восходящему по вертикальной карьерной лестнице артисту жесткие требования. Он должен постоянно быть «в форме», совершенствовать свои навыки как в самой профессиональной деятельности, так и в искусстве отношений с коллегами.

В театральном мире горизонтальная карьера – это профессиональный путь актёров – мастеров эпизодов, актёров определённого амплуа и тех, кто не выдвигает себя активно, не претендует на большие роли, довольствуясь реальной ситуацией. В горизонтальной карьере артиста нет других конкурентов, кроме себя вчерашнего. В этом случае новая роль для актёра – продолжение или повторение предыдущей. Исключением может быть более глубокая проработка привычной по характеру роли, и это можно было бы рассматривать как вертикальный рост «маленького» артиста. Достаточно часто актёры эпизодов имеют высокую занятость. Нередко зрительский успех и память об артисте связан с одним и ставшим для него типичным образом. Но такая «карьера не всегда способствует артистическому росту; нередко по мере укрепления своего положения актёр начинает создавать всё более схожие образы... Если он хочет двигаться дальше, следующий этап, очевидно, должен состоять в том, чтобы перешагнуть за рамки достигнутого и попробовать разрешить какую-нибудь действительно трудную задачу», – замечал английский режиссёр П. Брук [1, с. 61–62].

Ситуация тревоги и неопределённости – постоянный контекст профессиональной театральной деятельности. Нестабильность в занятости актёров, трудность в прогнозировании результатов деятельности актёров и режиссёров, сильное влияние межличностных отношений на рабочий процесс – всё это создаёт особые условия для трудовой деятельности в театре. Исследования показывают, что кроме статусных мотивов у профессиональных актёров отмечается довольно высокий уровень стремления исключить возможность неудачи в своей творческой деятельности, использование потенциально вредной стратегии «перестраховки», чтобы не утратить высокую самооценку [4, с. 38]. Профиль мотивационной кривой носит преимущественно пикообразный характер: в группе «базовых» мотивов пик располагается на мотивации комфорта и стабильности [12, с. 160]. Характерное актёрам стремление эмоционально отреагировать и в то же время запереть эту энергию, избежать реагирования, перерастают в бесконечные внутренние конфликты. Подобный когнитивный контроль противоречит основным тенденциям актёрского творчества, нарушается динамический аспект во внешних и внутренних проявлениях, блокируется спонтанная активность. Все эти явления уменьшают мотивацию к творческой деятельности и профессиональному росту. С субъективной точки зрения, человек постоянно преодолевает неопределённость, и этот процесс имеет динамический характер. Он постоянно сталкивается с требованиями среды и с непредсказуемыми последствиями, как собственных целей, действий, так и средовых изменений [6, с. 17]. «В самой ткани нашего существования «прошита» неопределённость и непредсказуемость. Мир неопределён, и мы ничего не можем сделать с этим. Будущее непредсказуемо... С одной стороны, мы должны пла-

низовать свои действия, с другой – всегда остается расхождение между целями и результатами. Тем не менее, это не означает, что надо перестать действовать», – писал А.Н. Леонтьев [9, с. 215].

Особо одарённые, смелые работники с радостью и воодушевлением принимают неожиданные вызовы судьбы, которые могли бы напугать большинство других людей. Они воспринимают их как новые карьерные возможности и готовы воспользоваться ими. Ситуационную карьеру нельзя спланировать и в театре. Срочный ввод на роль вместо заболевшего исполнителя может стать началом головокружительной карьеры для того актёра, кто успешно справляется с ситуативной тревогой. Ситуативную тревогу, которая возникает в «ситуации оценивания» исследователи психологии творчества связывают с характером мотивации. Актёры с мотивацией избегания неудач профессионально менее эффективны в подобной ситуации [4, с. 40].

Профессиональная деятельность актёра в течение длительного времени в рамках одной организации, одного театра может влиять на характер и карьерное направление его деятельности. С одной стороны, у актёра замечаются устойчивые привычки, вырабатываются предпочтения и ценности. С годами актёр занимает в трудовом коллективе определённое место, снижается необходимость постоянно доказывать своё право на профессию. С другой стороны, в ситуации привычных ожиданий окружения труднее преодолевать их в попытках заявить о себе с новой неожиданной стороны, раскрыть весь спектр творческих возможностей. Иногда это является причиной перехода актёра в другой театр с предложением там интересной роли. Диагональная карьера – такая форма карьерного роста очень популярно и любима, в первую очередь, за быстроту и эффективность. Очевидный минус диагонального роста – необходимость адаптироваться каждый раз к новому коллективу, корпоративной политике компании, иным ценностям. Как правило, актёры, которые часто переходят из театра в театр, относятся к типу актёров-одиночек, которые предпочитают независимость, проектную работу. Для них важнее аспект работы с конкретным режиссёром, предложенный репертуар, роль, нежели причастность к коллективу. Проектная работа становится всё более распространённым явлением и в театре, отвечая запросам времени. Но в обстановке «театрального бизнеса» обычно большинство не чувствует себя спокойно и уверенно. Это ситуация, не отличающаяся настоящей близостью, которая, несмотря на конфликты и соперничество в театре, возникает, когда люди долго работают друг с другом вместе, доверяют друг другу, делают общее дело и могут положиться друг на друга [1, с. 49].

Управление карьерой – это процесс, выгодный как для сотрудника, так и для организации и требующий определенных усилий с обеих сторон. Осознание перспектив дальнейшего профессионального роста и развития в организации повышает мотивацию работника, что, безусловно, выгодно для организации. Акцент на развитие персонала, планирование карьеры и активность сотрудников давно стал отличительным признаком инновационного стратегического управления персоналом успешных организаций. Каждому их сотруднику предоставляется возможность роста, шанс достичь успехов в карьере. В 90-х годах XX века возникли концепции самообучающихся предприятий, которые опираются на принципы реализации ресурсов личности каждого сотрудника.

В творческой организации, в театре, достаточно трудно выстраивать общие производственные цели заранее. Изменение репертуара, выбор новых постановок, режиссуры, пополнение труппы и т.д. влияют на содержание организационного процесса. Поэтому для творческого работника на первое место выходит индивидуальное планирование и развитие карьеры. В основе личного плана карьеры лежит жизненный замысел работника, суть которого состоит в определении смысла жизни, личных жизненных ценностей и ценностных ориентаций и, исходя из этого, определения жизненных целей и способов их достижения. Индивидуальное планирование карьеры является комплексом стратегий, тактических решений и поведенческих навыков, в который входит: личное планирование, мотивацию, самоорганизацию, деловое общение, индивидуальный стиль в процессе деятельности, цели собственного развития.

Что означает для артиста построение и управление своей профессиональной карьерой? Это не только стремление к главным ролям и участию в шумно ожидаемых премьерах. Гораздо важнее – быть в постоянном процессе совершенствования своих профессиональных навыков, выходить из зоны комфорта – привычного амплуа, занимать лидерскую позицию по отношению к собственной профессиональной жизни. Можно допускать, что индивидуальные данные актёра (внешность, типаж, темперамент и т.д.) могут быть ограничением для исполнительской деятельности актёра в широком ролевом спектре. Но при этом есть немало примеров, когда после удачного исполнения роли в непривычном для данного актёра амплуа, коллеги и зрители присваивают ему звание Универсального артиста, которому подвластны разные роли.

С призывом творческой инициативы и смелости обращается к своим актёрам художественный руководитель театра им. Евг. Вахтангова Р. Туминас: «Хочу разбудить в вас потребность в самостоятельном поиске пьес, режиссуры, потребность пробовать, экспериментировать дерзать, ошибаться, творить, побеждать» [2, с. 3]. В ситуации дефицита ролей в театре и неявного, но острого соперничества среди актёров конкурентным преимуществом становятся правильно сформулированные задачи и умело использованные имеющиеся в арсенале ресурсы. Актёр, как объект и субъект планирования своей профессиональной жизни, должен знать свои сильные и слабые стороны, а также плюсы и минусы среды, где он трудится. В основе карьеры артиста – не только его актёрское дарование, но и коммуникабельность, умение включаться в групповую работу, быть на виду. Мягкая настойчивость должна сочетаться с выигрышным впечатлением. В коллективе ярких неординарных личностей, чтобы выделиться, важно формирование, совершенствование и постоянное проявление хороших манер. За работу нужно бороться, сознательно добиваться ролей, уметь просить: «Просить у режиссёра роли можно и даже нужно» (засл. арт. России М. Васьков, из интервью).

В широком смысле карьера объединяет успехи человека на работе, этапы его развития как личности, включая разные сферы его жизни. Это глубоко социальная категория. Она является одной из форм реализации активности личности, синтеза ее знаний, стечения обстоятельств, но, прежде всего, движения этой личности, а не только продвижения в одном или даже нескольких направлениях или ориентациях.

Признанный мастер сцены, народная артистка, начинавшая свой профессиональный путь в конце прошлого века, сказала в интервью: «Мы не делали карьеру, мы просто работали». Думаю, что и сегодня успешно продвигающийся в профессии артист существует в алгоритме напряжённого, интенсивного рабочего процесса, творческого труда. Разные поколения говорят об одном и том же, но в разных терминах. Происходит некая актуализация старых понятий применительно к новому времени: очередной пик развития технологий порождает другие формы осмысления. Творческое вдохновение человека и наделение его возможностью предпринимать эффективные действия по важным для него вопросам, личным и профессиональным, сегодня называется лидерством. Это не только бизнес-категория. Лидерство – это осуществление возможностей, превосходящих нас. Лидерство не обретается с рождения и не даётся должностью. Лидерство связано с будущим, которое мы собираемся созидать. Путь, по которому можно прийти к этому будущему, может быть неочевиден. Но он является результатом той активной жизненной позиции, которую лидер занимает для того, чтобы это желаемое будущее наступило. Лидерство – это нечто, что каждый из нас может привнести в то дело, которым занимается. Предположить, что лидеры с самого начала были исключительными, – значит не заметить всего, что произошло с ними в процессе их деятельности. В девяти случаях из десяти лидеры сталкиваются с колоссальными препятствиями. Лидеры – это обычные мужчины и женщины, которые осмеливаются связать себя с возможностями, превосходящими их сегодня, которых привлекает будущий мир, открывшийся им в результате их видения и их преданности делу [7, с. 15]. Успешная, яркая профессиональная карьера артиста – это подвижнический труд, вдохновенная работа, в процессе которой артист принимает профессиональную позицию, нацеленную на значимый результат. Не это ли имела в виду создательница своей выдающейся актёрской судьбы, Светлана Крючкова, отрицая понятие «карьера» в пользу «просто работа».

Обнаружить и запустить в работу креативный потенциал, создать в своей профессиональной жизни условия, при которых он принесёт ощутимые результаты, непросто. Создание успешной профессиональной карьеры – осознанный процесс, который требует от актёра знания универсальных психологических законов. При огромном интересе в профессиональном мире в настоящее время к области психологического знания остаётся трудность понимания механизмов действия этих законов и способов их практического использования. Интервью и беседы с актёрами драматических театров, студентами театральных вузов подтверждают необходимость просветительской и обучающей работы с целью вооружить актёра существенными дополнительными ресурсами для его успешной профессиональной деятельности. Психология, как вид знания и практической деятельности, даёт творческому человеку навыки, в результате которых он получает прибыль в виде психологического выигрыша, эффективности деятельности, повышения самооценки, приобретения навыков саморегуляции, креативности и т.д. Овладение универсальными психологическими законами – предпосылка успешности человека в его профессии, залог построения интересного, содержательного карьерного пути.

Список литературы

1. Брук П. Пустое пространство. – М.: Прогресс, 1976.
2. Вахтанговец. – М.: Гос. Ак. театр им Евг. Вахтангова. – № 25 (145).
3. Гладков А.К. Театр. Воспоминания и размышления. – М.: Искусство, 1980.
4. Гроссман А.Л. Психология успешности профессионального обучения и творческой деятельности актёра. – М.: Когито-Центр, 2007.
5. Доронина Т.В. Дневник актрисы. – М.: Молодая гвардия, 2006.
6. Елисеенко А.С. Динамика субъективной неопределённости в решении комплексных проблем // Экспериментальная психология. 2013. – Т. 6, № 3.
7. Иванс Д. Концепция лидерства, которая работает // Инициативы XXI века. – М., 2013. – № 2. – С. 15–18.
8. Леньков С.Л. Профессиональный маргинализм как ключевая социально-психологическая проблема современной России // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2009. – № 3. – С. 112–117.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.
10. Рубцова Н.Е. Духовный смысл психологического обеспечения профессионального самоопределения // Мир психологии. – М., 2008. – № 2. – С. 211–221.
11. Рубцова Н.Е. Интегративно-типологический подход к психологической классификации профессиональной деятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.03. – Ярославль, 2014. – 59 с.
12. Савостьянов А.И. Общая и театральная психология. – СПб.: КАРО, 2007.
13. Управление персоналом: Словарь-справочник. – М.: Юрайт, 2008.
14. Управление персоналом организации / Под ред. Кибанова А.Я. – М., 2010.
15. Филиппов А.В. Работа с кадрами: психологический аспект. – М.: Экономика, 1990.

Слободенюк Е.Д.

к.соц.н., преподаватель НИУ ВШЭ
eslobodenyuk@hse.ru

БЕДНОСТЬ КАК БАРЬЕР НА ПУТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: СТРУКТУРА ГРУППЫ БЕДНЫХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Ключевые слова: социально-экономическое развитие России, социальное неравенство, бедность.

Обсуждение вопросов модернизации российского общества неразрывно связано с пониманием его структуры и уровня жизни населения, так как последние влияют на потенциал роста человеческого капитала страны, а также на формирование и распространение ценностных установок и паттернов поведения. В этой связи проблема бедности и изучение группы бедных приобретают особую актуальность, учитывая тот факт, что даже по официальным данным государственной статистики группа практически перестала сокращаться в размерах. Сами оценки масштабов бедности специалистами в данной области порой втрое превышают данные государственной статистики. Более того, детальное изучение социальной динамики бедных дает основания предполагать завершение формирования группы, так как во второй половине 2000-х гг. группа устойчиво воспроизводила свой состав (в отличие от 1990-х и начала 2000-х годов, когда группа характеризовалась непостоянством состава в силу значимого пополнения «новыми бедными», и прозрачностью границ, вызванной высокими темпами социальной динамики, имевших место в силу структурных и экономических трансформаций страны, вызванных переходом к рыночной экономике).

Несмотря на то, что жизненные ситуации, приводящие к бедности, как и методы борьбы с бедностью на уровне домохозяйств, очень разнообразны, и вопрос их категоризации пока еще остается открытым, ядро группы бедных, состоящее из людей, пребывающих в бедности длительное время, является довольно гомогенным.

Изучение группы бедных в России (состава группы, особенностей внутренней социальной динамики ее представителей, в т.ч. длительности пребывания в ней), основанное на эмпирическом анализе баз данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения страны (РМЭЗ) за 2005–2011 гг. показывает, что:

1. Опыт пребывания за последние годы в бедности, хотя бы ситуационной, характеризует большинство российского населения. Лишь около четверти (24,2%) россиян на протяжении 7 лет наблюдений ни разу не оказывались в состоянии бедности, а почти 60% находились в ней от 2 лет и более.

2. Анализ бедных на основании длительности пребывания в бедности позволяет выделить структуру группы бедного населения. Именно в группе хронической бедности (состоящей из людей, характеризующихся обычно сочетанием длительного пребывания в бедности и отсутствием положительной динамики их положения) проявляются наиболее характерные особенности российской бедности в целом. Это позволяет утверждать, что именно хронические бедные являются сегодня ядром реальной социальной группы бедных в российском обществе. Значимые же отличия представителей бедных находятся, в первую очередь, в области социально-демографических факторов: возрастных особенностей, состава (в т.ч. доли иждивенцев) и размеров домохозяйств, а также местности проживания.

3. Ближняя периферия ядра группы бедных включает в себя людей, находящихся в состоянии высокого риска хронической бедности и пребывания в «плавающей» бедности, когда они то сползают ниже черты бедности, то чуть поднимаются над этой чертой. Доля такого рода бедных также велика и составляет более трети (34%) всей группы бедных.

4. К хронической бедности «по доходам» чаще приводит повышенная иждивенческая нагрузка, преимущественно детьми, в то время как к хронической бедности «по лишениям» – возраст, плохое здоровье и измененная по этой причине структура расходов, что еще раз подтверждает, что «абсолютный» и «относительный» подходы к бедности выделяют в условиях российской действительности разные ее типы. Однако не менее важны для попадания в бедность вообще и хроническую бедность в особенности также особенности человеческого капитала бедных и в целом их позиции на рынке труда.

5. Несмотря на это, весомая часть группы бедных (бедные «по лишениям») в силу государственной методикой ее выделения формально бедными не признаются, а значит, лишаются помощи со стороны государства. Однако именно для этих бедных каждый дополнительный год пребывания в бедности оказывает наиболее пагубное влияние и значительно повышает риски попадания в хроническую бедность.

6. Проживание в условиях многолетней депривации, совмещенной с многолетней нехваткой денежных средств, приводит не просто к глубочайшей бедности, но к формированию качественно новой социальной группы – застойной бедности. Жизнь в столь тяжелых условиях требует от представителей этой группы необходимости адаптации старых и поиска новых форм удовлетворения базовых социальных и физических потребностей, так как иные (свойственные остальным бедным) институционализированные формы удовлетворения потребностей оказываются в их жизненной

ситуации неэффективными или невозможными вовсе. Так, более эффективным оказывается проживание нескольких многопоколенных семей в рамках одного домохозяйства на одной жилой территории (чаще всего в сельском доме), не регистрировать свои брачные союзы, и даже не выходить на рынок труда в поисках работы (в силу меньшей конкурентоспособности на рынке труда из-за обладания наиболее скудным человеческим потенциалом и специфики рынка труда в местности их проживания). Если учесть, что доля детей и пенсионеров в этой подгруппе меньше, чем во всех остальных подгруппах бедного населения, последний штрих к ее портрету оказывается очень показательным. По этой причине в этой группе довольно ярко прослеживается практика существования за счет денежных средств пенсионеров. Таким образом, для удовлетворения типичных потребностей, представители данной группы формируют нетипичные для остального общества методы, институциональное закрепление которых мы можем наблюдать на данный момент. Это выражается в том, что представители застойной бедности ведут отличный от остального населения страны образ жизни, что отражается на формировании особой культуры этой группы (отличительной чертой которых являются, например, иные практики употребления алкоголя). Данную подгруппу нельзя назвать ядром социальной группы бедного населения России, так как она демонстрирует нетипичные для бедных в целом признаки. Скорее речь может идти применительно к ней о формировании на базе глубокой и многолетней бедности такого ранее нехарактерного для России явления как андеркласс, который требует к себе особого внимания и отдельного изучения.

Вышеуказанные проблемы показывают значимость и возможности адаптации государственной методики выделения бедных на основе: 1) методик депривационного подхода и 2) данных о длительности пребывания человека в бедности. Подобная подстройка методологии к современным особенностям феномена российской бедности предоставила бы возможности для дифференцирования мер социальной политики на «превентивные» (направленные на борьбу с расширением границ группы бедных, т.е. борьбу с ситуационной и недолгосрочной бедностью, а также поддержкой бедных «по лишениям») и непосредственно меры по преодолению негативных последствий (т.е. работу с хронически бедным населением страны).

Соловьев А.К.

д.э.н., Заслуженный экономист РФ, профессор Финансового университета, директор Департамента стратегического планирования Пенсионного фонда РФ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ РИСКИ

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионная реформа, институциональные изменения.

В мировой практике эффективность функционирования пенсионной системы традиционно оценивается по двум основным параметрам – финансовая устойчивость и уровень замещения. В настоящее время существует несколько основополагающих международных нормативно-правовых документов, регламентирующих требования к уровню пенсионных выплат, которые должна гарантировать эффективно функционирующая пенсионная система.

В исследованиях, проводимых отечественными и зарубежными авторами, не сформировано сколько-нибудь единодушное понимание комплексного подхода к оценке эффективности пенсионной системы, не рассматриваются проблемы сопоставимости интегральных на международном уровне. Также не уделяется внимания методологии исчисления коэффициента замещения – главного интегрального показателя эффективности пенсионной системы.

В то же время многолетняя практика ратификации международно-признанных социальных стандартов требует конкретизации национальных минимальных социальных норм и регламентации методов исчисления.

Исходя из экономической сущности страховой пенсионной системы, основанной на формировании пенсионных прав каждого застрахованного лица эквивалентно его трудовому вкладу в пенсионную систему, наиболее полно отражает эффективность пенсионной системы показатель т.н. коэффициента замещения, который получил международное признание и прочно вошел международную систему статистических показателей.

Однако общепринятой методики исчисления коэффициента замещения до сих пор не разработано. Причины этого заключаются как в несопоставимости информационных ресурсов разных стран, так и в институциональном многообразии самих объектов оценки – национальных пенсионных систем.

Новый этап пенсионной реформы в России является продолжением череды параметрических и институциональных реформ, связанных с перестройкой экономической и социальной системы государства на рыночные условия. Основные направления этой реформы определены Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы (утверждена Правительством РФ), которая существенно скорректировала все предшествующие нормативно-правовые акты по вопросам обязательного пенсионного страхования. При этом была сохранена приверженность курсу перехода пенсионной системы на страховые принципы.

К настоящему времени принято свыше 10 федеральных законов, в стадии разработки находится еще несколько десятков нормативно-правовых актов. Отдельные параметрические элементы новой пенсионной реформы начаты в 2013 г. и продолжены в 2014 г. Однако главный комплекс институциональных реформ намечен на 2015 г. и продолжится в течение десятилетнего переходного периода. Таким образом, к середине следующего десятилетия основные параметры институциональных и параметрических изменений получат полноценную реализацию.

1. Институциональные изменения пенсионной системы

Комплекс мероприятий, намеченных в рамках принятых законодательных актов, можно распределить по двум главным направлениям пенсионной реформы.

– Создание объективных макро- и микроэкономических условий как для текущей бюджетной сбалансированности, так и для долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы.

– Повышение уровня пенсионного обеспечения граждан, утративших трудоспособность, в установленных законом случаях наступления старости, инвалидности или потери кормильца.

При этом все мероприятия пенсионной реформы должны опираться на базовые страховые принципы функционирования пенсионной системы – обеспечивать эквивалентность пенсионных прав и государственных пенсионных обязательств.

Для достижения социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения в рамках пенсионной реформы предусмотрено:

– повышение эффективности использования экономических инструментов стимулирования, в первую очередь – наемных работников и других категорий занятого населения к личному участию в формировании собственных пенсионных прав;

– создание стимулов для участия в корпоративных и частных пенсионных системах;

– усиление государственного регулирования и непосредственного участия государства в гарантировании финансовой обеспеченности выплаты всех видов пенсий.

Главными целевыми индикаторами достижения поставленной стратегической цели по повышению уровня жизни пенсионеров предлагается считать:

– доведение среднего размера трудовой пенсии по старости до 2 прожиточных минимумов пенсионера (далее – ПМП) в 2020 г. и 2,5 ПМП – в 2030 г. (против 1,7 ПМП в 2013 г.);

– обеспечение уровня (коэффициента) замещения трудовой пенсией по старости утраченного заработка на рекомендованном Международной организацией труда (МОТ) уровне – 40%;

– создание объективных условий и экономических стимулов для активного участия каждого трудоспособного человека в формировании своих пенсионных прав, начиная со стимулирования продолжительности трудового стажа, мониторинга отчисления работодателем соответствующих страховых взносов и заканчивая оптимизацией пропорций накопительного и распределительного компонента пенсионной системы.

Для обеспечения другой стратегической цели пенсионной реформы – сбалансированности и долгосрочной финансовой устойчивости законодательные нормы предусматривают:

– осуществление четкого разграничения страховых и нестраховых видов и элементов всех пенсионных выплат для закрепления и последующего регулирования их источников финансирования;

– выведение из солидарно-страховой системы перераспределения пенсионных прав наиболее критичных – нестраховых институциональных подсистем: досрочные механизмы формирования пенсионных прав, возмещение обязательств предшествующих государственных пенсионных программ (валоризация), льготные – нестраховые доплаты/выплаты отдельным категориям граждан и др.;

– трансформирование современного двухуровневого экономического механизма формирования пенсионных прав в трехуровневый с соответствующим развитием.

Указанные мероприятия позволяют сбалансировать формируемые пенсионные права с источниками их финансового обеспечения на долгосрочную перспективу. Следует отметить, что большинство мероприятий пенсионной реформы, согласно законодательству, должно осуществляться постепенно в течение десятилетнего переходного периода. Рассмотрим подробнее основные институциональные мероприятия, реализуемые начиная с 2015 г.

Институциональные преобразования затрагивают базовые функции пенсионной системы. Они направлены на решение проблемы диверсификации и целевого закрепления финансовых потоков внутри самой системы и между ее институтами. Для этого, начиная с 2015 г., предусмотрена трансформация трудовой пенсии в страховую и накопительную.

Одновременно с этим из трудовой пенсии выделяется фиксированный базовый размер, который трансформируется в автономную фиксированную выплату, в то время как страховая часть трудовой пенсии трансформируется в страховую пенсию.

Страховая пенсия представляет собой обязательную выплату, которая должна финансироваться за счет индивидуальной части тарифа страховых взносов в ПФР, она назначается независимо от накопительной пенсии и регулируется отдельным федеральным законом.

Фиксированная выплата (ФВ) к страховой пенсии представляет собой обязательную выплату к страховой пенсии. Источником финансирования ФВ является солидарная часть страхового тарифа в рамках базы начисления и сумма отчислений сверх установленной базы начисления.

Нестраховые доплаты (пенсионерам, достигшим 80 лет, иждивенцам и др.), не обусловленные трудовым участием в формировании пенсионных прав, к фиксированной выплате должны финансироваться целевым трансфертом из федерального бюджета.

Накопительная пенсия трансформируется из накопительной части трудовой пенсии, и, так же как и страховая пенсия, должна финансироваться за счет соответствующей части индивидуального тарифа страховых взносов в ПФР.

Следует напомнить, что до 2013 г. формирование накопительной части трудовой пенсии, исходя из 6%-го тарифа отчислений, была обязательной для всех застрахованных лиц 1967 г. рождения и моложе.

При этом на первом этапе реформы накопительного компонента всем гражданам предоставлено право выбора:

• направлять только 4% на распределительную составляющую (2% тарифа страховых взносов обязательно должны направляться на финансирование накопительной части трудовой пенсии) или

• в полном объеме аккумулировать страховые взносы для формирования и инвестирования пенсионных накоплений, исходя из 6% индивидуального страхового тарифа.

На следующем этапе реформы накопительного компонента выбор застрахованным лицом участия в формировании своих пенсионных прав существенно оптимизирован и позволяет каждому работнику направлять всю сумму отчислений на формирование своей страховой пенсии при полном отказе от накопительной пенсии. В настоящее время застрахованные лица, за исключением граждан, впервые выходящих на рынок труда, могут реализовать свое право выбора до 31 декабря 2015 г. Граждане, только вступающие в трудовые отношения, имеют право выбора в течение 5 лет после начала трудовой деятельности либо до достижения возраста 23 лет.

Что касается реформы досрочных пенсий, то основная проблема, связанная с функционированием этого института, заключается в том, что его финансирование осуществляется за счет общих доходов бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации, а не за счет дополнительных страховых взносов работодателей. Сложившаяся ситуация не способствует заинтересованности работодателей в улучшении условий и повышении безопасности труда, а также в развитии системы профилактики несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Право на получение этих пенсий предоставляется многочисленным категориям работников. Самостоятельный источник финансирования досрочных пенсий в связи с особыми условиями труда, а также занятостью на отдельных видах работ отсутствует, поэтому эти пенсии выплачиваются за счет средств, отчисляемых всеми страхователями-работодателями в объеме общеустановленных страховых взносов. Это снижает возможности для повышения пенсий остальным категориям получателей.

В целях стимулирования работодателей к улучшению условий труда, а также в целях создания сбалансированной и справедливой пенсионной системы Стратегией было предусмотрено установление дополнительного тарифа страховых взносов в бюджет ПФР. При этом для адаптации страхователей к изменению уровня страховой нагрузки запланировано поэтапное повышение размера дополнительных тарифов страховых взносов.

По результатам проведения специальной оценки условий труда взамен установленных ставок дополнительных тарифов могут применяться другие, дифференцированные в зависимости от оцененного класса и подкласса условий труда, что позволит некоторым работодателям снизить уровень фискальной нагрузки. Так, по результатам специальной оценки условий труда допускается освобождение работодателей от уплаты страховых взносов по дополнительным тарифам, однако в этом случае пенсионные права работников должны будут формироваться на общих основаниях (табл. 1). Страховые взносы по дополнительным тарифам уплачиваются всеми работодателями, у которых есть соответствующие рабочие места, независимо от того, действуют в отношении них преференции по уплате тарифа страховых взносов на ОПС или нет. При этом вся сумма дополнительного тарифа страховых взносов направляется на солидарную часть тарифа страховых взносов.

Таблица 1

Дополнительные тарифы страховых взносов на финансирование досрочных пенсий в зависимости от установленного по результатам специальной оценки условий труда и класса условий труда

Класс условий труда	Оптим.	Допустим.	Вредный				Опасный
Подкласс условий труда	1	2	3.1	3.2	3.3	3.4	4
Дополнительный тариф страхового взноса, %	0	0	2	4	6	7	8

Кроме того, в соответствии с новым законодательством предполагается, что работодатель может уплачивать пенсионные взносы на досрочное негосударственное пенсионное обеспечение для формирования пенсионных прав работников на досрочные пенсионные выплаты. В таком случае он освобождается от уплаты дополнительного тарифа на обязательное пенсионное страхование. Однако для таких пенсионных взносов установлены минимальные ограничения: 2% для вредного и 4% для опасного классов условий труда.

Следует отметить, что на первом этапе пенсионной реформы рассматриваются только проблемы финансирования пенсионных прав, сформированных на вредных и опасных условиях труда, в то время как решение вопросов досрочного пенсионного обеспечения для педагогических, медицинских и творческих работников Стратегией предусмотрено на следующих этапах реформы, в частности путем постепенного увеличения требований к стажу, необходимому для досрочного назначения пенсии по условиям и нормам федерального закона о страховых пенсиях.

2. Параметрические изменения пенсионной системы

Помимо институциональных реформ, параметрические преобразования охватывают: тарифно-бюджетную политику; досрочное пенсионное обеспечение; пенсионные накопления; экономический механизм формирования пенсионных прав застрахованных лиц в распределительной составляющей пенсионной системы и др.

Тарифная политика интегрирует в себе большинство современных проблем пенсионной системы поскольку она, с одной стороны, определяет экономические условия формирования пенсионных прав будущих пенсионеров, а с другой – непосредственно влияет на перераспределение финансовых ресурсов страхователей-работодателей, индивидуальных предпринимателей, государственного страховщика и госбюджетных средств (из общеналоговых поступлений).

В связи с этим параметрические преобразования тарифной политики пенсионного страхования обусловлены необходимостью решения конкретных проблем. К основным мероприятиям на переходный период относятся:

- сохранение приемлемого уровня фискальной нагрузки страховых взносов для субъектов хозяйствования;
- повышение уровня облагаемого заработка с учетом темпов роста среднемесячной заработной платы в экономике;

- расширение охвата работающих граждан обязательным пенсионным страхованием.

При этом основным принципом тарифной политики является выравнивание условий для всех категорий застрахованных лиц при формировании пенсионных прав и сокращении числа льгот, которые не имеют целевого источника нестрахового финансирования. В перспективе должно предусматриваться установление единых тарифов страховых взносов в отношении всех категорий работников и работодателей.

Размер основного тарифа страховых взносов – 22%, взимаемого с суммы в пределах установленной предельной величины базы для начисления страховых взносов, и 10% – свыше установленной предельной величины базы начисления – сохранен с соответствующим возмещением выпадающих доходов бюджета ПФР до установленной законодательством нормы тарифа в 26%.

При этом круг льготных категорий плательщиков страховых взносов не сокращается, а расширяется, с одновременным увеличением периода действия ряда преференций, несмотря на целевую задачу – установление единого

тарифа для всех плательщиков страховых взносов, предусмотренное в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы. Прогнозируется, что уже к 2015 г. в отношении половины льготных категорий плательщиков в соответствии с действующим законодательством будет применяться общеустановленный тариф. Одновременно с указанной стратегической целью тарифной политики по переходу на единый для всех размер тарифа страховых взносов и ликвидации льготных режимов продлевается действие льготных тарифов для ряда категорий плательщиков страховых взносов: для организаций и индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения, действие льготных ставок тарифа было продлено до 2018 г.

Предусмотрена замена системы предоставления тарифных страховых преференций на целевую государственную поддержку плательщиков, не затрагивая пенсионные права работников. О постепенном исключении отдельных категорий плательщиков из категорий, в отношении которых действует система льготного обложения страховыми взносами, говорится и в Основных направлениях налоговой политики Российской Федерации на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. Другой вектор реформы тарифной политики – это расширение базы начисления, которая позволяет существенно расширить права застрахованных лиц с относительно высокой зарплатой на формирование достойной пенсии. В связи с этим предельная величина базы для начисления страховых взносов на ОПС в период 2015–2021 гг. будет ежегодно определяться исходя из прогнозного размера средней заработной платы в Российской Федерации на соответствующий год, увеличенного в 12 раз, и применяемых к нему повышающих коэффициентов (табл. 2).

Таблица 2

Размер повышающих коэффициентов для определения предельной величины базы для начисления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 и последующие
Размер повышающих коэффициентов	1,7	1,8	1,9	2,0	2,1	2,2	2,3

С 2022 г. шкала облагаемости подлежит ежегодной индексации только по темпу роста средней заработной платы в экономике. Проблема формирования пенсионных прав самозанятого населения на новом этапе пенсионной реформы выдвигается на передний край, поскольку в долгосрочной перспективе (2025–2030 гг.) ожидается массовый выход на пенсию работников, которые, начиная с 1990 гг., не имеют стажа наемного труда. Поэтому принципиально важно предоставить им возможность за оставшийся период сформировать себе страховую пенсию, хотя бы в размерах, сопоставимых с прожиточным минимумом (а при желании за счет дополнительных отчислений и в более высоком размере). В долгосрочной перспективе планируется предоставить самозанятым право выбора: либо уплачивать страховые взносы в установленном фиксированном размере с формированием пенсионных прав на уровне не ниже ПМП; либо присоединиться к системе формирования пенсионных прав наемных работников и уплачивать страховые взносы в сопоставимых с ними объемах.

На переходный период новый порядок определяет следующие условия уплаты страховых взносов на обязательное пенсионное страхование:

- при величине годового дохода 300 тыс. руб. и менее величина страхового взноса определяется как произведение МРОТ и тарифа страховых взносов, увеличенное в 12 раз;
- при величине годового дохода свыше 300 тыс. руб. – как произведение МРОТ и тарифа страховых взносов, увеличенное в 12 раз, плюс 1% суммы превышения величины фактически полученного дохода над установленной величиной в 300 тыс. руб., но не более восьмикратной величины МРОТ.

3. Усиление государственного регулирования пенсионных прав

Основным инструментом совершенствования формирования пенсионных прав в распределительной составляющей пенсионной системы является предоставление гражданам дифференцированного пенсионного обеспечения с учетом личного участия в государственной пенсионной системе солидарного характера. Наиболее эффективным инструментом решения данной задачи, как показывает обширный зарубежный опыт, является переход от условно-накопительной формулы исчисления страховой части пенсии к балльной.

В самом общем плане «балльная формула» формирования пенсионных прав сводится к тому, что за каждый год трудового стажа застрахованное лицо приобретает определенное количество баллов, общая сумма которых после завершения трудового этапа в жизни человека и наступления права на соответствующий вид пенсии конвертируется в денежный эквивалент путем умножения на актуальную стоимость одного балла.

Формирование пенсионных прав в распределительной составляющей пенсионной системы требует решения нескольких задач. Первая задача – поддержание приемлемого соотношения между уровнями пенсий и заработных плат. Для этого необходимо обеспечить условия каждому работнику для формирования трудового периода пенсии в размере не менее 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате; а также стимулировать участие в корпоративных и частных пенсионных системах.

Второй задачей формирования пенсионных прав является изменение порядка учета продолжительности страхового (трудового) стажа. В связи с этим необходимо проводить расчет трудовой пенсии, исходя из нормативного стажа; с учетом изменений демографической ситуации довести нормативную продолжительность страхового (трудового) стажа до 35 лет; увеличить требования по минимальному страховому (трудовому) стажу, необходимому для опреде-

ления права на пенсию в общеустановленном возрасте. Для этого меняются требования к минимальному стажу. Вместо 5 лет стажа, предусмотрено постепенное повышение минимального значения страхового стажа до 15 лет.

Третья задача формирования пенсионных прав призвана стимулировать более длительный период уплаты страховых взносов, т.е. устанавливать пенсии в более высоком размере за счет специального порядка перерасчета пенсионных прав граждан, принявших решение работать после достижения пенсионного возраста, и отсрочить назначение пенсии, а также создать механизм по осуществлению выплаты пенсии работающим пенсионерам в зависимости от размера получаемой ими заработной платы. Для реализации этой задачи введен коэффициент повышения размера страховой пенсии по старости при назначении впервые страховой пенсии по старости в более позднем возрасте (КвСП). Также введено ограничение по максимальному значению ИПК при перерасчете страховой пенсии работающим пенсионерам.

Четвертая задача формирования пенсионных прав – выделение обязательств государства по объему будущих пенсионных выплат, не обеспеченных страховыми взносами. Для этого необходимо учитывать все пенсионные права нестрахового характера в рамках государственного пенсионного обеспечения с установлением механизма финансового обеспечения за счет средств федерального бюджета. В рамках решения этой задачи введены повышающие коэффициенты за полный календарный год иного периода, засчитываемого в страховой стаж (НП_i). За нестраховые периоды работы, к которым применяется повышающий коэффициент (НП_i), Пенсионному фонду Российской Федерации предусмотрено выделение средств федерального бюджета на возмещение расходов по выплате страховой пенсии в связи с зачетом в страховой стаж нестраховых периодов.

Новая – балльная – формула расчета размера страховой пенсии выглядит так:

$$\text{Пенсия} = (\text{СП} + \text{ФВ}) + \text{НП},$$

где, СП – размер страховой пенсии; ФВ – размер фиксированной выплаты; НП – размер накопительной пенсии.

$$\text{СП} = (\text{ИПК} \times \text{СПК}) \times \text{Кстм},$$

где, ИПК – сумма индивидуальных пенсионных коэффициентов; СПК – стоимость ИПК; Кстм – стимулирующий коэффициент.

Понятие «индивидуальный пенсионный коэффициент» (ИПК) включает в себя количественную оценку индивидуального денежного вклада в страховую пенсионную систему. Он определяется как сумма годовых индивидуальных пенсионных коэффициентов застрахованного лица за период его участия в солидарной пенсионной системе (т.е. за те годы, в которые уплачивались взносы в пенсионную систему).

СПК – это стоимость одного пенсионного коэффициента по состоянию на день, с которого назначается страховая пенсия. Он позволяет рассчитывать размер страховой пенсии на дату ее назначения, а в последующем осуществлять ее индексацию (корректировку). Кроме того, благодаря наличию СПК застрахованное лицо в любой год до выхода на пенсию может самостоятельно рассчитать размер пенсии, который ему полагается исходя из накопившейся суммы индивидуальных пенсионных коэффициентов.

Величина ИПК рассчитывается отдельно за два временных периода: до 1 января 2015 г. (ИПК_с) и начиная с этой даты (ИПК_н), после чего полученная сумма увеличивается на коэффициент повышения, если застрахованное лицо отвечает требованиям, установленным законодательством:

$$\text{ИПК} = (\text{ИПК}_с + \text{ИПК}_н) \times \text{КвСП},$$

где, ИПК – индивидуальный пенсионный коэффициент по состоянию на день, с которого назначается страховая пенсия по старости, страховая пенсия по инвалидности или страховая пенсия по случаю потери кормильца; ИПК_с – индивидуальный пенсионный коэффициент за периоды, имевшие место до 1 января 2015 г.; ИПК_н – индивидуальный пенсионный коэффициент за периоды, имевшие место с 1 января 2015 г., по состоянию на день, с которого назначается страховая пенсия по старости, страховая пенсия по инвалидности или страховая пенсия по случаю потери кормильца;

КвСП – коэффициент повышения индивидуального пенсионного коэффициента при исчислении размера страховой пенсии по старости или страховой пенсии по случаю потери кормильца.

ИПК_с рассчитывается как сумма двух компонентов:

- страховых пенсионных прав, приобретенных за периоды трудовой деятельности, и
- нестраховых пенсионных прав, учтенных в стаже, финансирование которых обеспечивается за счет трансфертов федерального бюджета. Для этого за каждый год каждого нестрахового периода стажа начисляется определенная сумма индивидуальных пенсионных коэффициентов.

Формула расчета ИПК за периоды до 1 января 2015 г. выглядит следующим образом:

$$\text{ИПК}_с = \text{П} / \text{СПК}_к + \sum \text{НП}_i / \text{К} / \text{КН}$$

где, П/СПК_к – отношение размера страховой части трудовой пенсии (без учета ФБР), исчисленной по состоянию на 31 декабря 2014 г. по нормам федерального закона № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», на стоимость одного пенсионного коэффициента на 1 января 2015 г., установленную равной 64,1 руб.; ΣНП_i – сумма коэффициентов, определяемых за каждый календарный год так называемых нестраховых периодов стажа, имевших место до 1 января 2015 г. Эти периоды могут быть учтены в стаже только один раз (либо при подсчете прав до 2015 г., либо позднее этой даты);

К – коэффициент для исчисления размера страховой пенсии по старости, равный 1. Для исчисления размера страховой пенсии по инвалидности (по случаю потери кормильца) – равный отношению нормативной продолжительности страхового стажа инвалида (умершего кормильца) (в месяцах) по состоянию на день, с которого назначается страховая пенсия по инвалидности (по состоянию на день смерти кормильца), к 180 месяцам. При этом нормативная продолжительность страхового стажа до достижения инвалидом (умершим кормильцем) возраста 19 лет составляет

12 месяцев и увеличивается на 4 месяца за каждый полный год возраста, начиная с 19 лет, но не более чем до 180 месяцев;

КН – коэффициент для исчисления размера страховой пенсии по старости и страховой пенсии по инвалидности, равный 1. Для исчисления размера страховой пенсии по случаю потери кормильца – равный количеству нетрудоспособных членов семьи умершего кормильца по состоянию на день, с которого назначается страховая пенсия по случаю потери кормильца соответствующему нетрудоспособному члену семьи.

Сумма ИПК за периоды после 1 января 2015 г. определяется по формуле:

$$\text{ИПК}_\text{н} = (\sum \text{ИПК}_i + \sum \text{НПК}_i) / \text{К} / \text{КН},$$

где, $\sum \text{ИПК}_i$ – сумма индивидуальных пенсионных коэффициентов, определяемых за каждый календарный год, учитывающих ежегодные (начиная с 1 января 2015 г.) отчисления страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации на страховую пенсию по старости в размере, эквивалентном индивидуальной части тарифа страховых взносов на финансирование страховой пенсии по старости за застрахованное лицо; $\sum \text{НПК}_i$ – сумма коэффициентов, определяемых за каждый календарный год иных засчитываемых в страховой стаж периодов.

Экономический смысл и значения коэффициентов К и КН аналогичны рассмотренным в формуле для ИПКс.

Реформа пенсионной формулы предусматривает изменение требования к минимальному стажу, необходимому для назначения пенсии: вместо 5 лет стажа устанавливается норматив, равный 15 годам. Начиная с 2015 г. предусмотрено постепенное его увеличение шагом 1 год в год. Переходный период завершится в 2024 г., когда будет достигнуто значение 15 лет.

Право на получение страховой пенсии по старости при достижении установленного законом возраста возникает только для тех застрахованных лиц, которые сформируют за весь период трудового стажа не менее законодательно установленной минимальной суммы ИПК. Для реализации этой нормы предусмотрен переходный период: в 2015 г. сумма ИПК должна превысить 6,6 един. Затем она ежегодно, вплоть до 2025 г., увеличивается на 2,4 ед., пока не достигнет предельного значения – 30 ед.

Для того чтобы обеспечить более длительный период уплаты страховых взносов и соответственно пенсии в более высоком размере, введен коэффициент повышения ИПК при назначении страховой пенсии по старости и по случаю потери кормильца впервые в более позднем возрасте. При отложенном на год выходе на пенсию по старости повышающий коэффициент составляет 1,07, на 2 года – 1,15, а далее постепенно увеличивается со все более широким шагом. Если застрахованное лицо откладывает назначение пенсии на 10 лет, повышающий коэффициент составит 2,32. Для лиц, которые откладывают выход на досрочную пенсию, повышающие коэффициенты составят соответственно 1,046; 1,1, ..., максимум – при отсрочке 10 лет – равен 1,68.

Стимулирующий коэффициент установлен также к фиксированной выплате. За год отсрочки назначения пенсии его величина составит 1,056 (для досрочной пенсии – 1,036), за 10 лет – 2,11 (для досрочной пенсии – 1,53).

Как показала практика всех предшествующих преобразований российской пенсионной системы (1991, 1997, 2002, 2010 гг.), проведения только институциональных и параметрических реформ, затрагивающих исключительно пенсионную систему, недостаточно, поскольку любая пенсионная система является составной частью макроэкономической системы государства и непосредственно зависит от конкретных условий текущего и долгосрочного социально-экономического развития. Одновременно с жесткой зависимостью от макроэкономических условий пенсионная система находится в прямой зависимости от складывающихся демографических факторов как прошедших, так и предстоящих.

Решение этих «внешних» задач предусматривается государственной Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы путем обеспечения связи между параметрами пенсионной системы и базовыми макроэкономическими и демографическими показателями, модернизации основных институтов пенсионной системы, обеспечения преемственности и сохранения социально-страхового принципа функционирования, согласно которому пенсия представляет собой компенсацию части утраченной заработной платы работника.

Соснина Т.Н.

д.ф.н., профессор Самарского государственного аэрокосмического университета (НИУ)
tnssau@bk.ru

КАПИТАЛ ОТНОШЕНИЙ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИННОВАЦИОННОГО УКЛАДА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: капитал отношений, инновационное развитие, российская экономика.

В последнее время права гражданства приобрел термин «капитал отношений» (relationship capital). С его помощью становится возможным анализ современных социально-экономических процессов в синкретичном их качестве. Рассмотрим категориальный статус понятия «капитал отношений».

Термин «капитал» определяется как

– богатство (ценные бумаги, денежные средства, материальное имущество), используемое для его собственного увеличения¹;

– основная сумма долга, в отличие от процентов (в широком смысле: имущество, способное приносить доход)².

В словаре современной экономической теории Макмиллана слово «капитал» используется для обозначения фактора производства, создаваемого самой экономической системой и для обозначения финансовых активов³.

Словосочетание «капитал отношений», по мнению авторов зарубежных справочных изданий, восходит к термину «производственные (экономические) отношения», используемого К. Марксом⁴.

В настоящее время сложились два подхода к определению понятия «капитал отношений». Один, представителями которого являются М. Вулкок, Р. Патнэм, М. Скиф, и др., рассматривает отношение различных ассоциаций, сети и нормы, облегчающие взаимодействие и кооперацию; другой – связан, в основном, с работами П. Бурдьё и Дж. Коумана, которые считают, что отношения фиксируют совокупность фактических и потенциальных ресурсов, связанных с наличием надежных сетей или менее институционализированных отношений на основе обоюдного знакомства и признания, возникающих при повторяющемся персонифицированном взаимодействии между экономическими субъектами и сопровождающиеся накоплением двусторонних ожиданий и обязательств⁵.

Взаимосвязи составляющих капитала (финансового, экономического, интеллектуального, социального, организационного и др.) мало исследованы, методики их измерения отсутствуют. Это существенно затрудняет понимание процессов, происходящих в хозяйственных системах.

Кризисная ситуация последних лет обусловила внимание к феномену «капитал отношений» и перевела его на уровень высоко востребованных. Наиболее слабым звеном оказалась философско-методологическая составляющая. Представляется целесообразным исследовать капитал отношений в контексте параметров технологического измерения и требований устойчивого развития.

Технология капитал-отношений в экономической, финансовой и экологической сферах фиксируется через посредство процессуального подхода к функционированию бизнес-структур с учетом 1. базовой цепочки, ориентированной на конечный продукт; 2. параллельных цепочек – потоков отходов производства и 3. сопряженных технологических цепочек (связи предприятий и поставщиков). Капитал-отношения здесь могут быть выражены в вещественной форме (потребительная стоимость) и невещественной – (стоимость). С учетом экономического, социального и экологического содержания они отражают результат пограничных состояний, в рамках которых осуществляются все виды контактов поставщиков и потребителей. Инструментально они могут отражаться в паспортах потребительной стоимости и стоимости, в которых представлены базовые технико-технологические и стоимостные характеристики изделия

¹ Современный словарь иностранных слов. – М., 1994. – С. 260.

² Толковый экономический и финансовый словарь. Французская, русская, английская, немецкая, испанская терминология. Авторы: Бернар И.; Колли Ж.-К. – М.: Международные отношения, 1994. – Т. 1. – С. 287.

³ Словарь современной экономической теории Макмиллана / Общ. ред. Д.У. Пирса. – М., 1997. – С. 64–65.

⁴ Термин «отношения» (производственные отношения) использовался К. Марксом для определения общественных отношений между людьми, соответствующих конкретным материальным производительным силам. Наиболее важными признавались отношения между классами, вытекающие из собственности на средства производства и определяющие распределение совокупного продукта (Словарь Макмиллана, с. 461). Производственные отношения (производственно-экономические отношения) – это отношения между людьми, объективно складывающиеся в процессе общественного производства и движения общественного продукта от производства до потребления. (Толковый экономический и финансовый словарь. Французская, русская, английская, немецкая, испанская терминология. Т. 2. – М., 1997. – С. 197–198).

⁵ Bourdieu P. The forms of capital. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. – New York, 1985; Byrt R. Structural Holes: The Social Structure of Competition. – Cambridge: Harvard University Press, 1992; Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon and Schuster, 2000; Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // ОН и С. – М., 2001. – № 3. – С. 121–139.

(условия, гарантирующие их безотказную работу с перечислением сопутствующих свойств, с указанием по каким причинам, через какой срок возможен выход изделия из строя; есть ли возможность регенерации, каковы финансовые затраты на такого рода манипуляции и т.д.)¹.

Сквозная паспортизация потребительно-стоимостных и стоимостных параметров жизненного цикла продукта (от теоретического его обоснования до утилизации) позволяет дисциплинировать режим функционирования капитал-отношений предприятий поставщиков и предприятий потребителей. Последние могут и должны выдвигать встречные предложения, в необходимости которых могут убедиться обе стороны, используя разнообразные рычаги мотивации.

В контексте капитал-отношений целесообразно оценить потенциал различных технологических цепочек: «производство – обмен (обращение) – распределение – потребление (расширенный вариант включает в качестве исходного и завершающего звеньев – биосферу). С акцентом на экологическую составляющую могут быть исследованы и использованы потребительно-стоимостные и стоимостные параметры системы «природа (поставщик) – общество (потребитель) – природа (потребитель)»².

Технология капитал-отношений социальной сферы проявляется в отношениях и связях, которые не всегда можно выразить в формате документации, но которые можно оценивать, ориентируясь на совокупность нематериальных активов бизнес-структур. Основу их составляет квалификация, опыт, мотивация персонала, знания, которые в совокупности выступают как фактор производства, имеющий стоимостную и нестоимостную природу. Последняя ассоциируется, прежде всего, с параметром «социальная ответственность», обращенной *вовнутрь* и *вовне* экономической системы.

Первое предполагает капитал-отношения на уровне индивидуальных и групповых (малая, средняя, большая) взаимосвязей, обеспечивающих эффективное достижение производственных целей, качество которых определяется мерой сопричастности (формальной, неформальной) субъектов деятельности к процессу производства готовым и конечным его результатам³.

Второе характеризует капитал-отношения в процессе контактов экономических агентов в транзакционной зоне (технологические перерывы жизненных циклов продукта).

Капитал отношений с точки зрения социально-этической его составляющей оказался востребованным на рубеже 90-х годов прошлого века под влиянием трансформации общественного мнения в направлении усиления контроля за частным сектором в интересах решения значимых для социума программ и задач. Например, участие западных кампаний в решении экологических проблем привело к созданию ряда отраслей зеленого бизнеса, весьма успешно сочетающего коммерческую цель с целью социальной (не приносящей ожидаемую прибыль). Приходит, во-первых, осознание того, что бизнес может быть успешным при условии выполнения им принципов корпоративной ответственности, во-вторых, само общество начинает осознавать свою сопричастность к процессу совершенствования бизнеса, возможности влиять на него посредством тех или иных социально-организованных акций.

Итог: цивилизованный бизнес старается сегодня следовать Кодексу социальной ответственности (КСО), положения которого предусматривают выполнение общественно важных обязательств. Например, компания берет на себя ответственность за основные потребительские характеристики продукта (цена, качество, внешний вид, доступность, безопасность для здоровья, удобство при использовании). Население все чаще обращает внимание на такие аспекты деятельности бизнеса как предпринимаемые компанией меры по ослаблению воздействия производственных факторов на окружающую среду; ограничению потогонных вариантов труда, организацию продажи продуктов, содержащих генетически модифицированные компоненты и т.д.

Сегодня можно говорить о качестве восприятия феномена социальной ответственности бизнеса обществом. Так, в рамках акции «Опрос тысячелетия» 25 тыс. человек из 23 стран мира ответили на вопросы, касающиеся понимания сути корпоративной социальной ответственности. Опрос показал: 90% респондентов высказали пожелание, чтобы компании внимательно относились не только к вопросам рентабельности своего бизнеса; 60% опрошенных заявили, что они оценивают компанию по участию ее в социально-ответственных мероприятиях (отношение к гражданам, местным сообществам, окружающей среде); 40% респондентов ответили отрицательно или заявили о негативном отношении к компаниям, которые не являются социально ответственными; 17% участников опроса заявили, что они стараются не покупать продукцию компаний, не зарекомендовавших себя как социально ответственные⁴.

Технология капитал-отношений в политическом контексте проявляет себя как законодательное сопровождение деятельности бизнес-структур в их связи с системой «общество-природа».

Подобного рода взаимодействие носит сложный, нередко противоречивый характер, обусловленный различием интересов партнеров. Имеет место своеобразное разделение труда: государство устанавливает набор обязательных к исполнению нормативных правил, а компании, реагируя на рыночные сигналы, формируют тот или иной вариант поведения как части гражданского общества. Основная цель капитал-отношений заключается в создании эффективных взаимосвязей с потребителями, поставщиками и партнерами, в том числе и, прежде всего, с государством, выступающим практически единственным «заказчиком» корпоративной социальной ответственности, касающейся реализации бизнесом требований устойчивого развития, охраны окружающей среды, соблюдения этических постулатов, предпо-

¹ Соснина Т.Н. Стоимость: экономический, экологический и социальный аспекты (методологическое исследование). – Самара: Изд-во Самарск. научного центра РАН, 2008. – 428 с.; <http://publications.ssau.ru>

² Свою версию автор предлагает в монографии «Биосфера (анализ стоимостных параметров), изданной в Самаре (2004 г.).

³ Соснина Т.Н. Материальные и информационные потоки производства. – Самара, 1997, глава 3.

⁴ Социальная ответственность бизнеса: актуальная повестка. – М., 2003. – С. 45.

лагающих неущемление социальных и экономических прав граждан и т.д.¹ Ключевой становится проблема обоснования правомерности государственных инвестиций в технологически значимые варианты капитал-отношений. Иначе говоря, в правовом обеспечении нуждаются процедуры формирования баз данных о предпочтениях потребителей; доступа потребителей к дополнительной информации компаний; создания альянсов с конкурентами или потребителями для совместного проведения НИОКР; условий развития партнерства с потребителем; создание условий для эффективного взаимодействия между человеческим, организационным, процессуальным капиталом и капиталом отношений с целью обеспечения мультипликативного эффекта инвестиций, вкладываемых в их развитие и т.д.

Деятельность государства в сфере экономики сегодня все чаще рассматривается в формате концепции «Экономической конституции», уже получившей реальное воплощение в Германии, Франции, Испании, Португалии, Австрии и других странах. Эти документы определяют юридический инструментарий функционирования социально-экономической системы, в том числе тип координации экономических порядков (частное планирование, групповое согласование, централизованное планирование). Капитал отношений конкретизирует свои функции в «Производственных конституциях» (регулируют отношения в сфере рынка и услуг), «Конституциях труда» (регулируют отношения труда и капитала). Все эти процессы предполагают четкое юридическое обоснование и сопровождение.

В России проблема обеспечения конституционности в экономической сфере практически отсутствует, но от ее решения во многом зависит, как будет обеспечиваться публичное и частное регулирование капитал-отношений.

Концепцию технологического прочтения капитал-отношений есть смысл разрабатывать, исходя из факта непрерывности процесса общественного воспроизводства и объективной необходимости создания системы показателей, раскрывающих содержание цепочек *полной стоимости продукта*, соответствующей их потребительно-стоимостному и стоимостному статусу с учетом экономической, экологической и социальной составляющих².

Востребованность в такого рода научном поиске актуальна. Свидетельство тому – признание неадекватности ныне используемых бизнес-структурами финансовых показателей отчетности реальному положению дел. «Отчетность в ее текущем виде устарела, – считает исполнительный директор Глобальной инициативы по отчетности (GRI) Эрнст Лигтеринген. – Традиционная финансовая отчетность не отражает истинной стоимости товаров и услуг. Она не дает нам информации, которая необходима для определения пути к устойчивому развитию. То, что в ближайшем будущем кажется целесообразным с точки зрения экономики, в долгосрочной перспективе может всех завести в тупик: как отдельных личностей, так и бизнес, и общество в целом.

Только с применением новой модели – отчетности на основе полной стоимости, которая должна предоставить полный анализ убытков и прибыли наших частных и государственных предприятий, у нас появится все необходимое для того, чтобы проложить путь к устойчивому развитию.

Сегодняшняя финансовая отчетность может зафиксировать лишь около 20% действительной рыночной стоимости компании. Большая часть активов корпораций представлена человеческим капиталом, включая нематериальные активы, такие как знания, навыки и мотивация. Ценность представляет и *капитал отношений* (выделено мною. – Т.С.), который создается из связей компании с другими компаниями, ее способности устанавливать партнерские отношения, а также от состояния ее взаимоотношений с другими заинтересованными сторонами. Более того, стоимость корпорации неразрывно связана с ее репутацией и бренд-капиталом, которые определяют саму нематериальную ценность – *доверие*. Привычная корпоративная отчетность не слишком-то подходит для отражения этих активов.

С ростом внимания общества к проблемам окружающей среды, социальному и экономическому устойчивому развитию общественное доверие будет определяться на основе именно этих показателей³.

Меняющееся представление о рисках устойчивости и динамике рынка, фиксируемое в показателях капитал-отношений, превращает соотношение рыночной стоимости и мероприятий в области устойчивого развития в сложную проблему.

В условиях формирования инновационного уклада российской экономики внимание к отчетности по стандарту GR оправдано. Это одновременно и серьезный посыл для отечественных исследователей активнее подключаться к решению феномена капитал-отношений.

¹ Полищук Л. Корпоративная социальная ответственность или государственное регулирование: анализ институционального выбора // Вопросы экономики. – М., 2009. – № 10. – С. 4–22.

² Попытка такого анализа была предпринята автором в монографиях: «Предмет труда и современное производство. Изд-во Саратовск. ун-та, 1986; Стоимость: экономический, экологический и социальный аспекты. – Самара: Сам. гос. ун-т, Изд-во СНЦ РАН, 2008.

³ Лигтеринген Э. Измеряем устойчивость // Ноосфера. 2009. – № 28. – С. 27–29.

Теребихин В.М.

к. филос. н., эксперт ГБУ «Центр Наследие» имени Пителима Сорокина
v.terebikhin@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА (АНТРОПОПОЛИТИКА) КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЧЕЛОВЕКООРИЕНТИРОВАННОГО ГОСУДАРСТВА: ИДЕИ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ КОНЦЕПЦИИ

Ключевые слова: гуманитарная политика, человеческий потенциал, социально-экономическое развитие, социогуманитарный кризис.

Причинный комплекс, детерминирующий актуальность проектирования и реализации концепции современной государственной гуманитарной политики (антропополитики) как составной части концепции стратегии гуманитарного развития страны, ее социогуманитарного (антропологического) преобразования, одного из важнейших механизмов формирования человеко-ориентированного государства, имеет «множественную каузацию» (П. Сорокин).

Во-первых, проектирование и реализация концепции обусловлены необходимостью преодоления сложившегося противоречия между кризисностью антропологической ситуации в России и отсутствием в российском законодательном пространстве и системе госуправления интегральной комплексной государственной концепции и стратегии развития человеческого потенциала, стратегии гуманитарного развития, доктрины антропологического преобразования России, а также, концепции и стратегии формирования российского человеко-ориентированного государства.

Принятая и реализуемая концепция демографического развития до 2025 года, судя по ее содержанию, это концепция демографической политики, осуществление которой даже в полном объеме не обеспечит комплексную, системную, многосложную задачу развития человеческого потенциала, и, тем более, цели гуманитарного развития, антропологического преобразования России, поскольку, демографическое развитие – лишь один из структурных компонентов многомерного человеческого развития.

Утвержденные Указом Президента РФ «Основы государственной культурной политики» являются значимым вкладом в проектирование системной государственной гуманитарной политики. Так, впервые в практике современного российского государственного управления главной целью культурной политики признается «формирование гармонично развитой личности», а целями государственной культурной политики: укрепление гражданской идентичности; создание условий для воспитания граждан; сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения; создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам. Впервые категория «культура» и культурная политика трактуются в широком, философско-культурологическом, аксиологическом аспекте. Впервые формулируется задача приоритетного развития гуманитарных наук, как наук о человеке, его развитии, «его духовной, нравственной, культурной и общественной деятельности»¹.

Вместе с тем, новая государственная культурная политика страны, основные идеи которой сформулированы в данном Указе, является лишь одной из множества государственных гуманитарных субполитик, входящих в состав многомерной и одновременно, интегральной государственной гуманитарной политики (антропополитики). Поэтому принятие данных основ не означает, что в системе государственного управления гуманитарным развитием страны появилась объективно необходимая интегральная, комплексная государственная концепция, стратегия гуманитарного развития, стратегия развития человеческого потенциала, доктрина социогуманитарного (антропологического) преобразования России.

Системный анализ современных антропопроцессов позволяет сделать вывод о том, что с начала 90-х годов страна устойчиво находится в пространстве гуманитарной неуспешности, что интегральной, интегративной оценкой современного уровня гуманитарного развития страны, ее социогуманитарной жизнеспособности, является социогуманитарный (антропологический) кризис.

Антропологический кризис, как, многоаспектный, поликомпонентный, интегральный антропофеномен – современная антропогенная реальность, форма отражения современной антропоситуации и интегральная оценка антропологического состояния России и интегральная характеристика кризиса человеческого развития, концептуализируется автором, как «системоконфликт», системная целостность синхронизированных по времени возникновения и протекания, относительно самостоятельных, но при этом, когерентных, всесторонне взаимозависимых антропокризисов: «де-

¹ Указ Президента РФ «Основы государственной культурной политики». – <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf>

мографического кризиса», кризиса популяционного здоровья, духовного кризиса (как единства когерентных, всесторонне взаимозависимых кризисов: духовно-нравственного и духовно-аксиолого-экзистенциального кризисов), «тяжелого психологического кризиса» (А.Л. Журавлев, А.В. Юревич), комплекса кризисов идентичности, телеологического кризиса (кризиса цели), аксиологического, «экзистенциального кризиса» (В.В. Пастухов), «рефлексивной катастрофы» (В.Е. Лепский), кризиса межпоколенческой солидарности, кризиса системы фидуциарных институтов – субъектов, которые призваны генерализировать ценности и создавать условия для процесса устойчивого человеческого развития: институционального кризиса традиционной семьи и семейных отношений (П.А. Сорокин), системы воспитания граждан, морального контроля, кризиса массовой культуры (Святейший митрополит Кирилл), кризиса современной модели массового образования, здравоохранения, СМИ, и целого ряда других, доминирование негативных антропотенденций над позитивными. Следует отметить, что Президент России В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2012 год впервые в основном программном документе высшего уровня признал, что «в начале XXI века мы столкнулись с настоящей демографической и ценностной катастрофой, с настоящим демографическим и ценностным кризисом» (1).

В выступлении на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года Президент России сделал вывод о том, что «сегодня нужно признать: полностью переломить негативные демографические тенденции пока и нам не удалось, мы только немного отступили от опасной черты утраты национального потенциала»¹.

В утвержденных 24 декабря 2014 года Указом Президента РФ «Основах государственной культурной политики» отмечается, что «в недавнем прошлом такие вложения (инвестиции в человека, в «качественное обновление личности». – В.Т.) были явно недостаточными, что создало угрозу гуманитарного кризиса. К наиболее опасным для будущего России возможным проявлениям этого кризиса относятся: снижение интеллектуального и культурного уровня общества; девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров; рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения; деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России; атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма, пренебрежения правами других»².

Несмотря на ряд относительно позитивных антропотенденций в период 2000–2014 гг., кризисные тренды антропологических процессов сохраняют основные негативные интегративные характеристики.

Одним из множества интегральных «индикаторов-компонентов» характеристик антропологического кризиса является тот факт, что Российская Федерация по всем основным мониторируемым показателям, характеризующим процессы человеческого развития, занимает крайне негативные рейтинговые позиции в «табеле о рангах» *стран Европы*³.

Еще одним свидетельством, формой проявления антропологического кризиса в России является тот факт, что многие «количественно-качественные» параметры гуманитарного, человеческого развития, прежде всего, характеризующие духовно-нравственное, ментальное, социально-психологическое состояние социума, индикаторы делинквентного поведения превышают научно-обоснованные предельно-критические, пороговые значения.

Антропокризис имеет системный, многомерный характер, является одной из актуальных угроз гуманитарной, человеческой безопасности России (обстоятельный анализ антропокризиса – тема специального научного доклада).

Во-вторых, – актуальность проектирования и практической реализации концепции государственной гуманитарной политики (антропополитики) обусловлена объективной необходимостью практической реализации высшей стратегической цели государственного управления – «создание условий для свободного развития человека» (в соответствии со ст.7 Конституции РФ). А в уже цитируемом выше Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 года «Об основах государственной культурной политики», зафиксировано, что главной целью государственной культурной политики России является формирование гармонично развитой личности. Поскольку эти взаимосвязанные и взаимообусловленные стратегические цели являются системными, комплексными, многосложными, то, как мы полагаем, даже эффективная реализация новой культурной политики не обеспечит их достижения. Поэтому, как мы уже отмечали, необходимо проектирование, принятие и практическая реализация стратегии интегральной государственной гуманитарной политики (антропополитики), обеспечивающей интегрирование и координацию управленческих действий стратегических субъектов России по осуществлению всех видов «человеко-ориентированных», гуманитарных субполитик (более 30) в их единстве, взаимодействии и взаимосвязи.

В-третьих, стимулирующим фактором социопроектирования и реализации концепции государственной гуманитарной политики (антропополитики) является необходимость принципиальной реконструкции существующей в России «экономикоцентристской» модели государственной политики и формирование гуманистической, социогуманитарной, «человекоцентрированной» парадигмы и человекоориентированной модели политико-административного управления, обеспечивающей переход от «человекопотребляющего» типа развития к «человековоспроизводству», формированию, развитию и повышению качества человеческого потенциала, становлению человекоцентричной моде-

¹ Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». – <http://www.kremlin.ru/video/1594>

² Указ Президента РФ «Основах государственной культурной политики». – <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf>

³ Ястребов Г.А., Красилов А.Н., Черепанова Е.С. «Здоровье наций»: оценка физического, социального и духовного благосостояния в странах Европы и СНГ: препринт WP17/2013/02 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. – 64 с. – (Серия WP17 «Научные доклады Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ») (на англ. яз.).

ли человеко-ориентированного государства. Необходимо заметить, что в определенной степени «экономикоцентристский подход» просматривается даже в утвержденных Президентом России человеко-ориентированных основах государственной культурной политики. Так, в преамбуле этого документа отмечается, что «государственная культурная политика призвана обеспечить приоритетное культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета. А во введении утверждается, что «в современном мире культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития»¹. Таким образом, экономикоцентристский подход продолжает доминировать в системе российского государственного управления, что затрудняет процессы формирования человеко-ориентированного государства.

В данном контексте мы в полной мере согласны с авторами монографии «Антропологическое измерение российского государства» в том, что «важно перевернуть пирамиду детерминации, перейти от общества экономической детерминации, порождающей отчужденные формы отношений между людьми, беспомощность человека перед безличными социальными структурами, информационным манипулированием, к «постэкономической детерминации, когда целью общественного развития станет развитие самого человека»².

Архитектоника, институциональный дизайн концепции имеют сложную полиструктуру, каждый элемент которой является системным и входит в состав «системоконтекста», включающего: каузальный, теоретико-методологический, аксиологический, телеологический комплексы, а также, принципы, основные направления, механизм реализации концепции, комплекс высоких социогуманитарных «человекоориентированных» технологий («антропотехник») и критериально-индикативный комплекс (система квалиметрии и квантификации оценки эффективности реализации концепции и, в целом, гуманитарной успешности страны.

Концептосфера проектируемой концепции государственной гуманитарной политики

Социопроектирование концепции гуманитарной политики (антропополитики) как полипарадигмального, системного объекта и предмета исследования осложняется отсутствием единых интегральных концептуальных рамок и теоретико-методологических оснований, что обуславливает использование, интеграцию и взаимодополнительность различных непротиворечивых концептуальных антропопарадигм и подходов, теоретико-методологического потенциала многих гуманитарных, общественных наук, всей «суммы антропологий». Учитывая максимум Н. Бора, что никакое сложное явление нельзя описать с помощью какой-либо одной интерпретации или на основе одной парадигмы, одним из основных методологических, исследовательских оснований проектирования концепции является междисциплинарный синтез на основе метасистемного подхода.

Методологические подходы к проблеме социогуманитарного, антропологического преобразования детерминированы работами российских и зарубежных авторов по философской, социальной, культурной, политической антропологии, поднимающих вопросы сущности человека, его сложной социокультурной и психосоматической природы, ценностей и идеалов в их субстанциальном и процессуальном контекстах.

Концепция, по нашему мнению, должна базироваться на антропоцентристских, гуманистических методологических максимах о человеке, как «мере всех вещей» (Протагор)», «центре всей методологии» (Л. Фейербах), «мере всех наук» (И.Т. Фролов).

Субстанциальным, методологическим основанием концепции является понимание сущности человека как сверхсложной, многоуровневой, многомерной архитектурно-функциональной космо-био-психо-социо-культурно-экзистенциальной антропосистемы, «удивительно интегрального существа», «совпадения противоположностей» (П.А. Сорокин), высшей ценности и самоцели общественного развития.

Сущностный, стержневой аксиологический принцип (основание) концепции – «человекоцентризм». По мнению президента Национальной академии педагогических наук Украины, доктора философских наук Василия Кременя: «это философия гуманистически ориентированной политики и практики создания государства»... «человекоцентризм» – это и «практический и мировоззренческий ориентир, который должен стать основным измерением государственной политики в новейшей истории Украины» (и России. – В.Т.)³. Важнейшим компонентом концепции является государственная гуманитарная политика (антропополитика). Учитывая, что категория «антропополитика», являющаяся объектом рефлексии данной статьи, не институционализирована и не номинирована в политологическом дискурсе, теории и практике политико-административного управления, автор предлагает ее следующие формулировки:

- В политико-философском смысле антропополитика – это государственная гуманитарная мегаполитика (государственная антропополитическая политика), практическая реализация которой создает условия для свободного развития и самоактуализации, самоосуществления человека, устойчивого, опережающего человеческого развития, повышения «качества качества населения», формирования гармонично развитой личности.

- В узком, государственно-управленческом контексте, государственная гуманитарная политики (антропологическая политика государства) – это целенаправленная, планомерная, непрерывная и скоординированная система совместной деятельности федеральных, региональных органов государственной власти и местного самоуправления, ин-

¹ Указ Президента РФ «Основы государственной культурной политики». – <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf>

² Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 92.

³ Кремень В. Философия человекоцентризма как теоретическая составляющая национальной идеи // Зеркало недели. Украина. 2005. – № 31, 12 августа.

ституты гражданского общества по интегрированному и синхронному осуществлению комплекса (более 30) гуманитарных, человекоориентированных политик, (в их единстве, взаимосвязи и взаимодополняемости), в целях практической реализации ее стратегической цели – создания условий для свободного развития человека, формирования гармонично развитой личности, повышения «качества качества населения», развития человеческого потенциала, антропологического преобразования России, формирования основ социогуманитарного, человекоориентированного государства, создание условий для достижения ценностно-целевых параметров успешности гуманитарного развития страны (гуманитарной успешности страны).

Концепция гуманитарной политики (антрополитики) основана на принципе, одновременного решения широкого спектра проблем человеческого развития, имеющих тесную связь между собой. В практическом воплощении это предполагает, что решение определенных задач в рамках отдельных направлений антрополитики будет одновременно способствовать реализации задач других направлений и получению более весомых результатов. Поэтому важнейшим условием реализации концепции, достижения ее целей и требованием к органам государственной власти является то, что все направления и весь комплекс «человекообразующих» политик должен осуществляться в их единстве, системности, синхронизации действий и взаимосвязи.

Антрополитика должна иметь статус интегральной и интегративной «мегаполитики», поскольку при ее проектировании учитывается многомерность, многогранность взаимообусловленных и взаимосвязанных целей и задач человеческого развития, объективная необходимость интеграции, синтеза сложного комплекса государственных гуманитарных и социальных субполитик для реализации ее целей.

Проектируя телеологический комплекс концепции гуманитарной политики (антрополитики) автор полагает, что стратегическими целями данной концепции и государственной гуманитарной политики в целом, являются:

- обеспечение расширенного воспроизводства условий для самореализации и самоактуализации, свободного, гармоничного развития физических и духовных сил человека, реализации заложенных в человеке многомерных способностей и потенциалов, достижения человеком избранных им жизненных смыслов, расширения поля человеческой идентичности;

- формирование гармонично развитой личности;

- повышение качества качества населения, сохранение и наращивание духовно-нравственных, интеллектуальных и физических возможностей человека;

- обеспечение перехода от «экономикоцентристской», «человекопотребляющей» парадигмы государственной политики к «человекоцентрированной», «человекообразующей» парадигме, человекоориентированной модели государственного управления, перехода к политике «человекобережения» и «человековоспроизводства», устойчивому человеческому развитию.

«Первоцелями» практической реализации концепции или ее «минимакс – стратегией» (Лапин Н.И.) являются: демпфирование кризисности антропологической ситуации, смягчение остроты «социально-антропологической напряженности», «минимизации «нестерпимых человеческих бед» (Лапин Н.И.).

Индикативными целями концепции гуманитарной политики России могут быть цели приближения основных качественных параметров человеческого развития к границе уровня «human development» передовых европейских государств.

Для определения хронотелеологических параметров, темпоральной перспективы реализации концепции антропологического преобразования целесообразно исходить из «вывода-оценки» П.А.Сорокина о том, что «преобразование человеческих существ... не может совершиться в полной мере автоматически, за короткий отрезок времени. В истории человечества ничто и никогда не совершалось автоматически. Каждая осознанная ценность требует напряженных усилий со стороны своих создателей»¹. Для проектирования темпоральных целей достижения некоторых позитивных результатов реализации концепции, можно воспользоваться временными рамками, предложенными в Указе Президента РФ «Основы государственной культурной политики». В данном документе предполагается, что «достижение целей и задач государственной культурной политики потребует не менее 15–20 лет, в течение которых сформируется новое поколение»².

Основными интегрированными, взаимозависимыми и взаимообусловленными направлениями государственной гуманитарной политики (антрополитики), обеспечивающими реализацию ее целей, по нашему мнению, являются:

- духовное и нравственное преобразование России;

- демографическое и социальное преобразование России;

- преобразование общественных отношений в России;

Реализацию целей гуманитарной политики (антрополитики) должен обеспечить комплекс (более 30) государственных «человекоориентированных», гуманитарных политик, имеющих научно-обоснованные, нормативно оформленные, концепции или доктрины, программно-целевой комплекс, бюджетное финансирование, государственно-общественную модель управления, и единую систему государственного управления, в том числе, и координации всех многосубъектных институтов участвующих в осуществлении гуманитарной политики (антрополитики), а также, систему средств – современных «высоких социогуманитарных», «человекоориентированных» технологий на основе интеграции гуманитарных и естественно – научных областей знаний, (в том числе и гуманитарных технологий рефлексивного управления), применяемых в соответствии с критерием философа Ж. Маритена – «средства должны быть

¹ Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. – М.: Проспект, 2006. – С. 125.

² Указ Президента РФ «Основы государственной культурной политики». – <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf>

соразмерны цели и, соответствовать ей, поскольку они являют путь к цели» и критериально-индикативную систему оценки эффективности целедостижения.

Духовное и нравственное преобразование обеспечивает практическая реализация следующих политик: государственная образовательная политика, государственная культурная политика, государственная политика в области воспитания (С.С. Сулакшин), в том числе, политика в сфере духовно-нравственного и патриотического воспитания населения, прежде всего молодежи, обеспечения духовной безопасности, государственная «фелицитарная политика» (А. Фрумкин) – политика, стратегическая цель которой – создание условий для достижения человеческого счастья, как «равновесной жизни», когда человек находится в равновесии, согласии с самим собой, другими людьми и природой, выдвигание человеческого счастья в качестве целевого вектора развития территории (В. Бочко), а также комплекс политик в сфере снижения уровня делинквентности: антикриминальная политика, антинаркотическая политика, государственная политика дезалкоголизации населения (алкогольная политика, государственная политика по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения), антикоррупционная политика и др.

В комплекс политик обеспечивающих демосоциальное преобразование, включены: демографическая политика, политика управления антропотокотом (миграционная политика: иммиграционная политика, политика «натурализации», политика социокультурной интеграции), политика в сфере укрепления популяционного здоровья, политика в сфере развития физкультуры и спорта, семейная политика, ювенальная – единая детская и молодежная политика), геронто-политика, гендерная политика, политика в сфере повышения благосостояния населения, уровня и качества жизни, политика в сфере социального обслуживания, социальной поддержки и помощи различным категориям населения, политика в сфере создания условий для высокопроизводительного труда, политика в рекреационно-релаксационной сфере, жилищная политика и ряд других;

Гармонизацию, преобразование политических общественных отношений обеспечивает следующий комплекс политик: политика в сфере развития общественных отношений, связей с общественностью, политика формирования культуры общественной жизни, гражданского образования, государственная демократическая, гуманистически ориентированная информационная политика, символическая, имиджевая политика, государственная историческая политика (Э. Багдасарян), политика поддержки институтов гражданского общества, гражданского участия, политика социального партнерства, электоральная политика, политика в сфере обеспечения прав и свобод граждан, политика в сфере межконфессиональных отношений (государственная конфессиональная политика), этнополитика, политика противодействия интолерантности, формирования толерантной культуры, политика формирования солидарного общества, политика формирования российской гражданской идентичности и целый ряд других.

Отметим, что многие из перечисленных человекоориентированных гуманитарных политик пока не реализуются в практике государственного управления, не имеют статус государственных, нормативно не «зафиксированы», не имеют научно-обоснованных концепций и соответствующих целевых программ и т.д.

Как мы уже отмечали, включение предложенного комплекса «человекоразвивающих» политик в структуру антрополитики объясняется многомерностью, многокачественностью целей и задач антропологического преобразования России.

Важнейшим условием эффективной реализации антрополитики является создание институциональной интегрально-межотраслевой системы управления процессами гуманитарного развития, развития человеческого потенциала на федеральном, региональном и местном уровнях.

Гуманистические, консолидационные, консенсусные, духовно-психологические ресурсы антрополитики позволяют осуществлять следующие функции: гуманизации, интеграции, консолидации и солидаризации общества, обеспечения гуманитарной и психологической безопасности, а также, культурно-воспитательную, социально-аксиологическую, смыслоориентирующую, мировоззренческую, социально-психологическую функции и ряд других.

Учитывая, что гуманитарная политика (антрополитика) является основным механизмом формирования человеко-ориентированного государства, важнейший теоретический компонент концепции, рассматриваемой в данной статье – понятие «человеко-ориентированное государство».

Поскольку, в российском социогуманитарном научном дискурсе нет единой точки зрения на номинацию данной категории, а имеющиеся не удовлетворяют целям данной концепции, представим авторский, первоначальный, развернутый вариант этого понятия, как «желаемый, модельный, идеальный образ человекоориентированного государства».

• В политико-философском контексте категория «человеко-ориентированное государство» концептуализируется автором, как «высшее проявление, степень развития и форма государства, государственная политика которого направлена на создание условий для свободного развития человека, формирования гармонично развитой личности, развития и повышения качества человеческого потенциала страны, реализации заложенных в человеке потенциалов, достижения человеком избранных им смысложизненных стратегий.

• В политико-правовом аспекте понятие «человекоориентированное государство» трактуется нами как «государство, в котором основополагающим конституционным принципом является «человекоцентризм» (антропоцентризм) – признание человека, его прав и свобод высшей ценностью. Это государство, в котором каждый человек «равноценен и равнодоистин». Это государство, в котором в соответствии с высшим конституционным принципом человекоцентризма государство осуществляет комплекс мер, направленных на создание условий для свободного развития человека, формирования гармонично развитой личности, качества жизни и несет конституционную ответственность перед гражданами. Это государство, в котором «общество по результатам публичной оценки деятельности государственных органов, их должностных лиц может вестти им общественное порицание и, наряду с иными госу-

дарственными органами, их должностными лицами инициировать применение к ним мер ответственности в соответствии с законодательством России» (Сулакшин С.С.).

- «Главная цель социогуманитарного государства и общества (человеко-ориентированного государства. – В.Т.) – гармоничное развитие человека, рост его позитивных качеств. Гармоничное развитие человека предполагает сопряженный рост составляющих человеческого капитала – витального, интеллектуального и духовного. Они характеризуют качество человека как биологического, социального и духовного субъекта, соответственно. Экономика в социогуманитарном государстве – не цель, а средство гармоничного развития человека»¹

- Это государство основанное на человекоориентированной парадигме социально-экономического развития и имеющее человекоориентированный тип социально-экономического развития. Это государство, в котором вложения в развитие человека (всех групп населения страны) превосходят по уровню и опережают по темпам инвестиции в материальные производственные фонды. В государственно-управленческом «преломлении», понятие «чело­векоориентированное государство», рассматривается нами, как государство, в котором сформирована человекоориентированная модель государственного управления, а государственная власть («верховная», исполнительная, законодательная, судебная, правоохранительная), высший политический класс, система государственной службы и управления страны), обладая ресурсами и качествами власти нравственной, высоким уровнем морально-политической легитимности, морально-компетентностного авторитета, политической этики и нравственности (*превосходящей общий уровень и стандарты духовно-нравственного развития современного российского социума*), осуществляет системное, компетентное, ответственное, эффективное человекоориентированное, «нравственное государственное управление» научно-обоснованной, «умной», нравственной, гуманистичной, транспарентной государственной гуманитарной (антропологической) мегаполитикой, обеспечивающей «возрождение духовного, культурного кода нации» (Патриарх Кирилл), мобилизацию духовной «иммунной системы страны» (С.С. Сулакшин), «подъем духовных энергий» национального сознания (Агеев А.И.), «духовно-нравственную консолидацию общества» (Л.А. Гореликов), духовно-нравственное преображение, расширенное воспроизводство условий для свободного духовно-нравственного развития граждан.

- Человекоориентированное государство – это государство, в основании которого заложена человеко-ориентированная парадигма государственного управления, обеспечивающее единство реализации целей, задач, функций демократического, правового, «активного» социального государства» (В.И. Спиридонова), гуманистического, светского и нравственного государства (*при этом нравственное государство трактуется как «государство, доминантно целеполагающее в своей деятельности достижение в общественных отношениях преобладания нравственных ценностей-мотиваторов»*) (С. Сулакшин)

- Человекоориентированное государство – государство нравственное. «Государство и общество в России обеспечивают нравственное содержание всех общественных отношений, их направленность на воплощение высших ценностей России, а также, социальность целеполагания и деятельности всех государственных органов и их должностных лиц, организаций. Государственные институты, государственное строительство, целеполагание и деятельность государственных органов и их должностных лиц основываются на важности и ценности каждого человека вне зависимости от возрастной, религиозной, национальной, языковой и профессиональной принадлежности, социального статуса, индивидуальных особенностей, а также признаков пола и места проживания» (С.С. Сулакшин).

- В человекоориентированном, нравственном государстве эффективно функционирует вся совокупность обладающих высокой моральной легитимностью фидуциарных институтов (институтов, занимающихся генерализацией ценностей и смыслостроительством): семья, образование, воспитание, СМИ, культура, традиционные религиозные конфессии (при ведущей, смыслообразующей роли РПЦ) и других гуманитарных конститuentов, что позволяет им обеспечивать создание условий для духовно-нравственного развития и воспитания граждан.

- Человекоориентированное государство осуществляет государственную антропологическую политику гуманитарного развития страны, «формирование идейно-духовного ресурса в качестве государственного управления» (В.И. Якунин, В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин) на основе системы научно-обоснованных концепций, доктрин политик, имеющих общественно-государственную модель их осуществления.

- Человекоориентированное государство – это сильное, гуманистическое, социогуманитарное государство. Доминантной аксиолого-духовной основой государственной политики государства является социальный гуманизм, социальная справедливость, социальная солидарность, социальная сплоченность, свобода, достоинство, Отчизна и комплекс «ценностей – мотиваторов: труд, стремление к совершенству, коллективизм, душа, креативность, сопереживание, любовь (семья, дети), терпимость, альтруизм, нематериальные ценности» (С. Сулакшин).

- Человекоориентированное государство занимает лидирующие позиции в мировом рейтинге государств по всем индикаторам, характеризующих качество развития человеческого потенциала и качество жизни, в том числе, по абсолютным размерам нематериального (или не вещного) накопления, то есть вложений в развитие человеческого потенциала страны, затрат в человекоориентированные инвестиционные сферы – образования, науки и здравоохранения.

- Категория «человеко-ориентированное государство» имеет множество совпадений с основными характеристиками «социогуманитарного государства», идеи, формирования которого разработана группой ученых².

¹ Бушуев В.В., Голубев В.С., Коробейников А.А., Складенко Б.В., Тарко А.М. Будущее России: Социогуманитарный проект. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 72 с.

² Там же.

• Как мы уже отмечали, «человеко-ориентированное государство» – есть государство нравственное. Идеи проекта строительства нравственного государства разработаны коллективом Центра научной и политической мысли и идеологии (руководитель С.С. Сулакшин)¹.

• В структуру концепции государственной гуманитарной политики (антропологетики) входит многофункциональная система индикаторов оценки качества и эффективности государственного управления гуманитарной политикой, повышение уровня гуманитарной успешности страны (система индикаторного управления), имеющая сложный системологический характер и состоящая из 5 основных подсистем:

• подсистемы интегральных (композитных, синтетических, агрегированных) индексов человеческого развития, количественно определяющих интегральные качественные характеристики развития человеческого потенциала, позволяющих выявлять более сложные тенденции и флуктуации человеческого развития;

• подсистемы частных индексов, каждый из которых отражает и измеряет отдельные аспекты развития человеческого потенциала (сгруппированных по тематическим, проблемным блокам в соответствии с основными интегрированными направлениями гуманитарной политики (антропологетики));

• подсистемы «пороговых», «предельно-критических» индикаторов-показателей гуманитарной, человеческой безопасности;

• подсистемы индикаторов – «ориентиров-эталонов» гуманитарного, человеческого развития;

• подсистему рейтинговых показателей уровня и качества гуманитарного развития России (страны) в мировых, европейских рейтингах, в мировых «табелях о рангах»;

• подсистемы мониторингов оценки гуманитарной успешности страны, эффективности осуществления антропологетики и антропологического преобразования России, в целом.

В представляемом научной общественности докладе сформулированы некоторые «идеи – основания» проектирования концепции государственной гуманитарной политики (антропологетики) имеющие дискуссионный, предварительный характер. Дальнейшая их проработка потребует более углубленной теоретической рефлексии, солидарных, креативных и скоординированных усилий гуманитарного сообщества в контексте проектирования концептосферы социоинновационной «человеческой модернизации – преобразующего развития» России.

¹ Нравственное государство. От теории к проекту / Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Нетесова М.С., Пономарева Е.Г., Сазонова Е.С., Спиридонова В.И. / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. – М.: Наука и политика, 2015. – 424 с. – <http://rusrand.ru/library/monographs/nravstvennoe-gosudarstvo-ot-teorii-k-proektu>.

Урмина И.А.

доктор культурологии, заместитель директора Государственного научно-исследовательского института культурного и природного наследия

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

Ключевые слова: *человеческий потенциал России, культурное и природное наследие, социокультурный опыт, организационная культура.*

В Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, вступившей в силу 17 декабря 1975 года и ратифицированной в нашей стране 9 марта 1988 года, определены понятия культурного и природного наследия, статус объекта всемирного наследия. Наследие как позитивному и конструктивному результату жизнедеятельности человечества, отражению исторического опыта взаимодействия человека и природы, отражающего также опыт сохранения природной и историко-культурной среды, принадлежит решающая роль в актуальном обеспечении его выживания в современных условиях глобальной трансформации.

Культурное наследие как социокультурный феномен может быть представлено в качестве процесса освоения многомерного социокультурного опыта: необходимого «набора» точек зрения на мир, картин мира, представлений, символов, традиций, стереотипов и образцов деятельности. Они позволяют отразить видение мира, присущее данному конкретному социуму, удостоверить чувство культурной идентичности, референции стране, народу, государству, нации, конфессиональной, региональной или какой-либо иной социальной общности, а также уточнить ролевые идентичности, сформулировать национальное и гражданское самосознание.

Поскольку в трансформирующемся обществе универсализм картины мира замещается множеством «картинок» мироздания, классические определения наследия распадаются на множество форм, дифференцированных по разным уровням культурной компетентности представителей различных социокультурных групп. Само же культурное наследие воспринимается этими группами в той мере, в какой те или иные фрагменты его отвечают требованиям социальной значимости и тем самым позволяют адаптироваться в сложной и динамичной социокультурной среде.

В модернизирующемся обществе возникает операциональная модель наследия: соотношение потенциальной и актуальной культуры, что изменяет и функции наследия – его социализирующую роль. Передача социокультурного опыта от старших поколений к младшим осуществляется уже не в форме нарратива, т.е. последовательного упорядоченного освоения образцов высокой культуры, а в постмодернистской парадигме, которая допускает смешение разных культурных контекстов и стилей, создание новых конструкций наследия из артефактов разных уровней сложности и перемешанных классификаций. Это, по сути, результат процессов нивелирования шкалы культурных ценностей, стирание граней между элитарной и массовой культурой. Актуализация отдельных фрагментов культурно-исторического наследия осуществляется не в форме последовательной передаче опыта, а избирательной преемственности тех частей наследия, которые, так или иначе, значимы для современников¹.

Понятие культурного наследия, формы и механизмы его освоения

Проблема освоения наследия заключается, прежде всего, в том, что существует расхождение между пониманием наследия как набора многочисленных способов и форм преемственности социокультурного опыта и реальной ограниченностью выбора лишь определенного класса объектов наследия. Иначе говоря, весь беспредельный социокультурный опыт поколений осваивается каждым единичным субъектом избирательно. Следует подчеркнуть, что критерием избирательности, актуальности социального и культурного опыта становится устойчивый механизм воспроизводства определенных объектов наследия. В качестве такого устойчивого механизма выступает традиция.

Принято считать, что традиция – это социокультурный опыт, который остается неизменным при передаче от одного поколения к другому. Однако этот процесс происходит не автоматически, а в соответствии с определенной целью и в определенном контексте. Понятно также, что с течением времени традиция как механизм передачи культурного наследия предполагает изменчивость. Социокультурный опыт трансформируется в соответствии с виртуальными представлениями (идеалы, идеи, парадигмы), которые заданы текущей социокультурной ситуацией. И в новых поколениях воспроизводится трансформированный опыт. Поэтому те фрагменты наследия, которые восприняты через механизмы традиции, способны изменять свои функции, смыслы, в результате чего возникает «разрыв» между их «местом» в структуре наследия и современной социокультурной ситуацией. Изучая эти разрывы, можно понять меха-

¹ Селезнева Е.Н. Культурное наследие в контексте макроисторической динамики // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – М., 2006. – № 5. – С. 4–11.

низмы непрерывности, дискретности в динамике культуры. Распространенное понимание наследия как «совокупности культурно-исторических ценностей», по сути, недостаточно для определения роли наследия в современности, поскольку не удастся сформулировать значение наследия как всеми разделяемой универсальной ценности. Такое определение выступает наподобие неких неизменных метафизических сущностей, что не соответствует реально изменяемым частям наследия в ходе социокультурных трансформаций¹.

Следует учитывать и тот факт, что социальная и культурная значимость традиций находится в прямой зависимости от места и времени, характера, условий, мировоззренческих установок исторического периода. То, что кажется социально значимым в одном периоде, может быть совершенно невостребованным в другом, при этом реальная социальная значимость традиции определяется носителями этих традиций.

По сути, наследие становится реальным социокультурным фактом лишь при условии его передачи, освоения, т.е. актуализации. Широко распространены упрощенные схемы наследия, отождествляющие его функции в традиционных и современных обществах. В этих концепциях воспроизводство культуры отождествляется с наследием, и происходит по программе «как было», где все образцы даны в прошлом. Но современное общество нельзя отождествлять с традиционным, хотя бы потому, что оно неоднородно в культурном плане. В результате интенсивной стратификации современного общества разные социальные слои, общности, группы населения находят в наследии «свои» культурные истоки, и соответственно, формируют «свою» традицию. Такое расслоение традиций по-новому ставит вопросы наследия и преемственности. Модель наследия оказывается величиной непостоянной и реально существует как выбор разными поколениями разных частей наследия. Поэтому функция его передачи не представляется основным критерием, поскольку необходимы все составляющие стратифицированной схемы предмета наследия: субъектная, объектная, функциональная, динамическая, аксиологическая.

Культурное наследие изучается разными методами: структурно-функциональным – для определения значений культурных объектов прошлого в настоящем; динамическим – выявляющим изменения значений культурных объектов в историческом времени; экспериментальном, который сводится к контролируемому наблюдению. Экспериментальная логика – важнейшая составляющая познавательного процесса, невозможная без применения методов сравнения в контролируемом наблюдении.

Характерные признаки, свойства и качества традиции – преемственность, избирательность, дифференцированность, референтность, изменчивость. Преемственность обеспечивает воспроизводство генотипа общества. Соответственно, каждое последующее поколение, наследуя определенную совокупность культурных образцов, усваивает их в «готовом» виде, но принимает избирательно. При этом каждое поколение избирает не только свое будущее, но и свое прошлое. Для включения в актуальную культуру традиционный социокультурный опыт проходит селективный отбор на социальную значимость, устойчивость сохранения и воспроизводства в разных сферах социокультурной деятельности и институциональных организациях. В условиях трансформирующегося общества актуализация фрагментов наследия происходит в форме не последовательной передачи традиционных ценностей, а избирательной преемственности тех частей культурного наследия, которые, так или иначе, значимы для определенных социокультурных групп. В результате происходит отбор таких элементов культурного опыта, которые позволяют человеку адекватно адаптироваться в современном мире.

Дифференцированность традиции характеризует множественность традиционных ориентаций в процессе фрагментарного разделения традиции: разные социальные слои, классы, группы претендуют на «свои» исторические истоки, культурную память, традиции, которые для них становятся практически признанными как «вечные». Отсюда – многообразие существующих в мире культур и субкультур, обусловленное многообразием культурных традиций.

Что касается такого признака как референтность, то традиция, представленная в виде интегративной целостности культурных образцов, норм, ценностей, обрядов, обычаев, образов жизни, материальных и духовных практик, образует «коллективную память» социальных слоев, групп, обеспечивая их самоидентификацию, т.е. отнесение себя к какой-либо целостности культурных артефактов, панкультуры. Вне социальной идентификации, как известно, невозможно культурное самоопределение.

Пятый из перечисленных признаков традиции – изменчивость. Культурное наследие представляет собой условный баланс традиционных и инновационных образцов в составе актуальной культуры. В разные исторические периоды этот баланс смещается в зависимости от тенденций устойчивости или изменчивости социума, в периоды реформ – в сторону инновативности, в периоды контрреформ – декларируется возврат к традиционным ценностям, в результате традиционность становится частью общего культурного комплекса. Принимая во внимание то, что любая идентификация с культурой прошлого осуществляется на основе определенного образа традиции, идеально-типической модели, можно сделать вывод, что существуют разные проекты или планы традиции, различающиеся в зависимости от целей, ценностей и установок субъектов наследования.

В современных условиях глобализации, т.е. процесса интеграции культур в мировом сообществе, происходит формирование новой цивилизации «планетарного» типа, которой соответствуют сверхмасштабные формы: мега-общества, супер-этноты, мега-культура и т.д. В результате внедрения современных информационных технологий глобализация меняет характер социально-экономических систем, национальных государств, которые перестают быть автономными (самозамкнутыми) закрытыми системами. При этом изменение информационных сетей осуществляется по определенным направлениям коммуникационной социокультурной интеграции, смысл которой состоит в том, что отсутствует ориентация на каждую страну, каждую нацию, и тем более каждую личность.

¹ Селезнева Е.Н. Культурное наследие в контексте макроисторической динамики // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – М., 2006. – № 5. – С. 4–11.

Социокультурный контекст глобализации может быть рассмотрен в рамках формирования информационного поля массовой культуры, процессов нарастания объема «универсальных» элементов культуры. По мере количественного роста они приходят в столкновение с национальными культурными приоритетами и ценностями. В результате появляются напряженность и конфликты между разными уровнями культуры в сферах социокультурных взаимодействий, связанных с международными связями и отношениями. При этом, вовлекаясь в такие процессы, локальные культуры становятся «неравноценными», а культурные паттерны более высоких уровней становятся базовыми для менее развитых и подчиненных экономически стран, трансформируясь по образу глобальных. Происходит переструктурирование международных социокультурных взаимодействий в новые стратифицированные уровни: более высокие стандарты мировой цивилизации изменяют сложившиеся механизмы социокультурной адаптации во всех странах. Если нет сложившихся и устойчивых систем культурных ценностей и приоритетов для индивидуально-личностного самоопределения, начинают преобладать усредненные стереотипы массовой культуры. В этой ситуации возникает проблема актуализации культурного наследия, поскольку именно оно составляет фонд самобытной культуры. Последствия глобализации в аспекте влияния на развитие отдельных национальных культур мало изучены. Наиболее распространенной является точка зрения о том, что в результате глобализации, как интеграции национальных культур в мировое сообщество, формируется единая социокультурная парадигма, олицетворяемая массовой культурой. Эта парадигма нивелирует особенности многоликих национальных культур, ведет к утрате их самобытности и «усреднению» культурных ценностей, приведению их к неким общим социокультурным стандартам. В такой трактовке процессы глобализации оказываются альтернативными культурной самобытности.

Культура организации, процесс и механизмы наследования

Многие исследователи подчеркивают сложность изучения организационной культуры, поскольку наблюдаемые ее компоненты (поведение, артефакты, устно или письменно передаваемые сюжеты или фабулы) не отражают неосознанные культурные допущения¹. Культура организации представляет собой сложную композицию предположений (иногда не поддающихся формулированию), бездоказательно принимаемых и разделяемых членами коллектива. Следует подчеркнуть, что понятия организационной и корпоративной культуры стали рассматриваться обособленно лишь в последнее время, а процесс наследования культуры организации вообще не изучается. Более того, не исследуется и характер взаимодействия между обыденным и специализированным уровнями культуры в рамках организации, оценки и понимания людьми ситуаций взаимодействия в рамках их профессиональных и повседневных представлений.

Попадая в любую организацию, людям приходится соотносить ее культурные основания с элементами субкультуры, к которой они принадлежат. При этом действия, значимые в привычной культурной среде, могут менять или терять значение, поскольку изменившийся контекст взаимодействия в рамках организации делает их ненужными или меняет их порядок. С одной стороны, на специализированном уровне культуры должна быть освоена ограниченная, но отрефлексированная совокупность специфичных знаний, процедур и технологий. С другой – кроме функциональных связей в организации существуют неформальные межличностные отношения различной степени интенсивности, которые встраиваются в структуры производственных отношений и либо способствуют, либо препятствуют их развитию. Например, А.И. Пригожин² считает, что сложившиеся организационные взаимоотношения могут в значительной мере препятствовать достижению организацией ее целей и формировать так называемые «патологии» управления: конфликт, неуправляемость, бессубъектность, преобладание личных отношений над служебными и т.д.

В культуре организации находят отражение отдельные компоненты национальной, профессиональной и организационной субкультур, привнесенные каждым из членов коллектива. Именно они на вербальном и невербальном уровне формируют, развивают и изменяют как организационную культуру, так и корпоративную. Если считать, что организационная культура – это совокупность культурных норм, ценностей и образцов, принятых как в формальной, так и неформальной деятельности ее членов, то корпоративная культура отражает формальную сторону взаимодействия и коммуникаций в процессе функционирования организации.

Организационная культура способствует формированию благоприятной и стабильной для каждого члена коллектива социальной среды, что зависит от усилий, прилагаемых всеми участниками взаимодействия и коммуникаций, независимо от их статуса, роли и функции. Ее стилевые характеристики находятся в прямой зависимости от фундаментальных идей, ценностей и паттернов поведения в конкретном обществе, т.е. области функционирования обыденных стереотипов, и вряд ли могут напрямую копироваться другими организациями, но бережно сохраняются всеми членами коллектива и наследуются новыми его сотрудниками. По сути, такое наследование позволяет индивиду экономить усилия, необходимые для интеграции – рутинному функционированию и адаптации к условиям среды внутри организации.

Корпоративная культура направлена на достижение экономической эффективности и безопасности организации в целом, она носит формальный характер, отражает деловую этику или «формальную философию», как правило, фиксируется письменно (кодекс корпоративного поведения, кодекс деловой этики и т.д.), способствует организационному развитию, находится под постоянным влиянием внешней среды и позволяет, таким образом, экономить общие усилия, необходимые для выживания, развития и адаптации организации к изменяющимся условиям окружения.

¹ Schein E.H., DeLisi P.S., Kampas P.J., Sonduck M.M. DEC is Dead, Long Live DEC. – San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2003. – 317 p.

² Пригожин А. И. Методы развития организаций. – М.: МЦФЭР, 2003. – 863 с.

Стилевые характеристики корпоративной культуры могут быть выделены при сравнительном анализе, поскольку отражают специфику системы взаимодействий и коммуникаций членов коллектива и формируются под влиянием конкретных свойств организации (специфика деятельности, размер, формальная структура, технологии и методы управления, целевая направленность, история ее создания и развития и т.д.).

К.М. Кристенсен¹ указал на необходимость более глубокого изучения значимости различных типов организационной культуры по всему жизненному циклу организации и высказал предположение о том, что сильная устойчивая культура эффективна в начальной фазе запуска организации, а в зрелой организации она более дифференцирована и ориентирована на развитие, изменение и приобретение новых знаний. Такое изучение динамики организационной культуры выделяет и значимость того, каким образом и кем в течение жизненного цикла организации транслируются устойчивые и эффективные культурные характеристики. Поэтому рассмотрим лишь те исследования корпоративной культуры из них, которые позволяют оценить стилиевые характеристики ее прямого наследования или имитации отдельных признаков.

Т. Дил и А. Кеннеди² первыми обратили внимание на значимость символических ценностей культуры в управлении, тех мифов и ритуалов, которые заложены в основе корпоративной культуры. Они выделили различные типы корпоративных культур в зависимости от двух параметров: степени риска и скорости обратной связи как реакции на полученный результат. Особо значимым в их исследовании представляется то, что впервые были определены ролевые характеристики культурных трансляторов, отвечающих за коммуникации между носителями корпоративной культуры и организационной.

Следует подчеркнуть, что Т. Дил и А. Кеннеди выделили ролевые характеристики членов организации – коммуникаторов, постоянно функционирующих в культурной сети организации и формирующих, по сути, неформальную систему контроля и баланса собираемой и распространяемой информации. Они также определили, что специфика ролей, преобладающих в сети, напрямую зависит от культурной составляющей менеджмента, а его эффективность, в свою очередь, зависит от умения управляющей структуры оперативно «считывать» сигналы культурной сети, определять ключевые признаки корпоративной культуры и организационной субкультуры в подразделениях. Менеджеров, умеющих управлять культурой организации, они называют символистами, считая, что они играют одновременно роли сценаристов, постановщиков и актеров в ежедневной драматической деятельности компании.

Если принять за основу понятие стиля как формы организации содержания, то можно определить возможный стиль наследуемой, имитируемой или моделируемой корпоративной культуры в организациях с сильной корпоративной культурой как сценирование или социодраму. А вот стиль наследования такой культуры еще предстоит изучить.

К. Камерон и Р. Куинн³ выделили 4 типа корпоративной культуры:

- иерархическая (бюрократическая) с жестким структурированием работы на основе формальных норм и правил;

- клановая (или семейная), характеризующаяся сплоченностью, преданностью, чувством причастности к организации со стороны работников и проявлением заботы о них – со стороны организации;

- рыночная, ориентированная на эффективное выполнение поставленной задачи, поддержание конкурентоспособности организации во внешней среде, стремление побеждать и поддержание устойчивой репутации и успешной работы;

- адхократическая, соответствующая динамично развивающейся организации, поощряющей личную инициативу, творческое отношение всех работников, обладающих высокой степенью адаптивности к инновациям и риску.

Вопросы трансляции и наследования культуры К. Камерон и Р. Куинн не поднимали вообще, но для диагностирования типа организации такая классификация признана одной из самых инструментальных.

Попробуем выделить стили или их устойчивые атрибуты, которые могут транслироваться (наследоваться) в течение жизненного цикла организации от одного «поколения» к другому в каждом из предложенных типов корпоративной культуры. Для этого будут использованы ситуативный подход, дифференцирование текущей ситуации на рутинную и проблемную, выделение характера группового социокультурного реагирования на ситуацию в процессе взаимодействия и коммуникаций в рамках организации. Очевидно также, что необходимо учитывать и текущее состояние общества в целом, динамику его культуры.

Следует отметить, что в рутинной ситуации индивиды в рамках организации всегда могут найти устойчивые образцы решения проблемы или задачи, их профессиональные роли точно соответствуют дихотомии «начальник-подчиненный», они заучены и требуют от индивида дополнительных усилий только при необходимости его продвижения по карьерной лестнице. Однако в настоящее время во всех развитых странах наблюдаются процессы трансформации, сопровождающиеся кризисами, которые характеризуются множественной напряженностью экономических, социально-организационных и символических отношений, формированием проблемных ситуаций, когда сложившиеся нормы и паттерны поведения не являются рациональными и эффективными. В такой ситуации люди неизбежно должны выбрать для себя наиболее приемлемый тип интеграции. Об одном из них – социальном обмане – уже упоминалось ранее.

Теперь кратко определим социокультурные стереотипы поведения и ценностные представления, посредством которых люди мотивируют и оправдывают свою позицию в отношении к переменам в организации (чаще всего побу-

¹ Christensen C.M. The Innovator's Dilemma. – Boston: Harvard Business School Press, 1997. – 252 p.

² Deal T.E., Kennedy A.A. Corporate cultures: The rites and rituals of corporate life. – N.Y.: Addison-Wesley, 1982. – 232 p.

³ Cameron K.S. Quinn R.E. Diagnosing and Changing Organizational Culture: Based on the Competing Values Framework. – Reading (Mass.): Addison-Wesley Publishing Co., 1999. – 288 p.

ждения, обуславливающие социальные действия людей, не совпадают с последующей их рационализацией). Э.А. Орловой¹ были выделены идеальные типы реагирования социальных групп в соответствии с качественными характеристиками социального поведения их членов: активное участие, активное или пассивное сопротивление, неучастие. При этом были также определены следующие типы ориентаций (реакций) индивида на инновационные процессы: консервативная (модальности: активная, конструктивная, пассивная), разрушительная (модальности: активная, пассивная) и инновационная (модальности: конструктивная и утопическая). Оценим теперь вышеуказанные типы.

Устойчивая иерархическая (бюрократическая) культура может сформироваться в организации с авторитарным стилем управления, ее носители-трансляторы придерживаются традиционных принципов подчиненности установленным ранее нормам, порядкам и правилам функционирования организации даже в условиях постоянных трансформаций внешней среды и выведения системы отношений из равновесия. А члены организации, очевидно, пассивно придерживаются ценностных ориентаций на мифологизированные образы прошлого и готовы возложить задачу их социальной защиты на руководителя организации. В условиях проблемной ситуации транслятор иерархической (бюрократической) культуры будет занимать, во-первых, активную консервативную ориентацию, которая характеризуется приверженностью традиционным ценностям и стереотипам общественной жизни, ориентациям на реставрацию прошлого и поискам внешнего или внутреннего врага, препятствующего улучшению положения. Во-вторых, он может быть представителем пассивной или критико-пессимистической ориентации, воспроизводя принятые образцы социального взаимодействия и коммуникаций и придавая им новое содержание. Стиль трансляции такой культуры можно определить как нормативный.

Клановая (или семейная) корпоративная культура также может быть сформирована в организации с авторитарным стилем управления, но ее трансляторы, скорее всего, будут сторонниками конструктивного консерватизма, придерживаясь, с одной стороны, фундаментальных основ традиционализма (социальная иерархия, стабильность, простота и ясность жизненного мира), с другой – интегрируя новые элементы культуры, способствующие социальной безопасности, но не требующие значительных усилий при освоении. Сами работники являются сторонниками пассивной консервативной ориентации, не желают ничего менять в своей жизни и отдаются на волю обстоятельств. Стиль наследования такой культуры по аналогии можно назвать семейным.

Рыночная корпоративная культура, несомненно, должна формироваться в организации с общим авторитарным стилем управления, допускающим принципы демократизма в подразделениях или отделениях, необходимых для активизации личного участия сотрудников в решении общих задач организации. Трансляторами такой культуры могут быть и представители руководства, и менеджеры среднего звена. И те, и другие будут придерживаться конструктивной инновационной ориентации, которая направлена на освоение новых знаний, навыков, образцов деятельности и социальных отношений, разработку новых направлений. Но существует возможность того, что представители руководства будут сторонниками конструктивного консерватизма, прагматически используя технологические, экономические и политические структуры, поддерживая только те изменения, которые приносят видимый практический результат. Тогда между сторонниками различных ориентаций могут возникать ситуации недовольства или конфликта: межгруппового, если агрессия направлена на окружение группы; внутригруппового – при обращении агрессии вовнутрь.

Стиль транслирования такой корпоративной культуры будет зависеть и от ситуации, и от ее носителя. Его определение требует дальнейшего изучения.

Адхократическая корпоративная культура может быть сформирована в организации, ориентированной на позитивный конструктивный тип управления, направленный на освоение инновационных навыков и интеграцию их с уже имеющимися нормами и нормативами, а также социальное участие сотрудников в решении необходимых инновационных задач. Это позволяет образовать «критическую массу» поддержки эффективных групповых изменений и снять напряжение сопротивления тех членов коллектива, тип реагирования которых связан либо с активным, либо пассивным сопротивлением процессам организационных изменений². Если такая корпоративная культура уже сформирована, то и ее носителю – коллективу, и транслятору – руководителю или руководящей структуре должна соответствовать конструктивная инновационная ориентация. Такой стиль можно охарактеризовать как сценирование или социодраму.

Следует подчеркнуть, что выделение стилей носит идеально-типический характер, в реальности сложившаяся ситуация может потребовать использования как разных типов управления, так и культурных стилей.

Вашему вниманию был предложен анализ лишь нескольких теорий типологизации корпоративной культуры, позволяющих оценить стилевые характеристики ее прямого наследования или имитации отдельных признаков. Очевидно, что для более полного анализа стилей наследования различных типов культуры организации в течение ее жизненного цикла требуется глубокое и длительное изучение материала. И для этого необходим проблемный ситуативный подход, учитывающий многообразие факторов и социокультурную микродинамику организаций. К сожалению, предлагаемые исследователями типологические теории имеют очевидный прикладной характер и узкие границы применимости, а вариативные функции культуры организации, ее носителей и трансляторов в зависимости от статуса и роли вообще не исследуются. Возможно, что этому причиной является и междисциплинарный подход к культуре ор-

¹ Орлова Э.А. Социокультурные проблемы и формы их решения. Парадигмы социального взаимодействия. – М.: Гос. НИИ семьи и воспитания, 2001. – 126 с.

² Урмина И.А. Лидерство в проблемных ситуациях: теоретико-культурный анализ. Диссертация на соискание уч. степени канд. культурологии. – М., 2003. – 144 с.; Урмина И.А. Теоретико-культурный анализ социальных отношений в современных организациях. Диссертация на соискание уч. степени д. культурологии. – М., 2012. – 386 с.

ганизации на стыке теорий управления, социологии, психологии, культурологии и ряда других дисциплин, что приводит к изучению одного или нескольких аспектов без учета остальных.

Человек не только адаптируется к окружающим его условиям жизни, но и анализирует и формирует воображаемое пространство, одновременно формируя и свое отношение к жизненной ситуации, а потом и реально преобразуя зону своего окружения. Таким образом, и в рамках организации индивид в процессе взаимодействий и коммуникаций, в т.ч. социального характера, преобразует и обогащает окружение, приобретает новые знания и опыт, модифицирует культурные нормы и стереотипы, не соответствующие текущим ситуативным факторам жизни (ситуативной индивидуальной системе координат в среде обитания человека).

Филина Ф.В.

к.э.н., доцент МГГЭУ

Filinafv5552@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, корпоративное управление, устойчивое развитие.

До середины XX века наука и практика организации и ведения бизнеса основывались на теориях, ставящих в центр внимания достижение роста экономических показателей за счет неограниченного использования природных ресурсов, что, как известно, привело к негативным экономическим, экологическим и социальным последствиям. И тогда на смену им пришла концепция устойчивого развития – новая стратегия мирового развития, ставящая своей целью реализацию одновременно трех задач: достижения экономической эффективности, пропорциональной расходам природных ресурсов; установления социальной справедливости в глобальном масштабе; защиты окружающей среды и сохранения ее для будущих поколений¹.

Современная корпорация находится в центре пересечения интересов разнообразных, порой разнонаправленных, часто сложным образом взаимосвязанных субъектов экономической и социальной жизни. Корпорации так же должны быть готовы к вызовам, определяющим поиск новых подходов и моделей управления. К ним мы отнесем появление новых технологий, климатические изменения, проблемы с источниками энергии, сохраняющееся экономическое неравенство государств, вопросы безопасности. Взаимодействие этих факторов существенно изменяет среду функционирования корпорации, и эти изменения среды определяют и изменения сфер деятельности, сфер ответственности корпорации. Социальная ответственность в широком понимании является ответом корпорации на определенные ожидания общества по отношению к собственникам и менеджменту, производственным структурам компании, с одной стороны, и осознание ими своего долга перед обществом, коллективом, индивидом за свои действия и их социальные последствия – с другой². Интересы социально ответственной фирмы уже не ограничиваются только коммерческой выгодой, но определяются потребностью повышения социального статуса и накопления, упрочения репутационного капитала. Такое перемещение внимания с чисто экономических показателей деятельности корпораций на то, к каким социальным, экологическим и иным последствиям эта деятельность приводит, стало определяющим для поиска новых парадигм совершенствования корпоративного управления в целях обеспечения конкурентоспособности бизнес-структур. Причин тому несколько:

- во-первых, все больше пробивает дорогу идея нахождения таких подходов в управлении бизнес-структурами, которые бы могли обеспечить этому развитию долговременно устойчивый характер;
- во-вторых, увеличивается вес морально-этической компоненты ведения бизнеса: все более значимыми составляющими успеха фирмы становятся тесная связь компании с жизненными интересами работников, клиентов и местного сообщества, готовность к изменениям и демонстрация на деле приверженности к всесторонне взвешенным решениям;
- в-третьих, распространение норм и практик социально-ответственного поведения в глобальном масштабе, то есть не только внутри ТНК, но и на их контрагентов является способом минимизации рисков их несоответствия общепринятым стандартам, и, как следствие, подрыва репутации самой ТНК.

Таким образом, корпоративная социальная ответственность (далее КСО) – «это особый экономический институт капитализма, представляющий собой генотипическую модель закрепления общественно значимых функций (институций) за корпоративными структурами, воплощающуюся в системе принципов, правил, требований и ценностей социальной ориентации бизнеса. Содержанием данного института является гетерогенный комплекс специфических институций – устойчиво закрепленных и социально легитимированных статусных функций субъектов экономики»³.

КСО как часть европейской социальной модели, основанной на развитии партнерства и направленной на ускорение экономического роста при соблюдении принципов устойчивого развития, создает предпосылки роста доверия и повышения взаимной ответственности бизнеса, общества и власти. Исходя из вышеизложенных подходов к пониманию сущности и содержания КСО, она:

¹ Предложена Международной комиссией ООН по окружающей среде и развитию.

² Веревкин Л.П. Социальная ответственность бизнеса // Мониторинг общественного мнения. 2010. – № 1 (95). – С. 38.

³ Иншаков О.В., Фролов Д.П. Эволюционная перспектива экономического институционализма // Экономическая наука современной России. – М., 2003. – № 1. – С. 11–25.

- становится способом реализации стратегии устойчивого развития отдельной компании, что одновременно вносит вклад в устойчивое развитие национальной и даже мировой экономики;
- является эволюционной формой институциональной адаптации бизнес-структур к растущим требованиям гражданского общества, формой разрешения противоречия между краткосрочными экономическими и финансовыми интересами и долгосрочными целями устойчивого развития как отдельных корпораций, так и всей национальной экономики;
- запускают в действие процессы институциональной рациональности организационно-функционального поведения фирмы в современных условиях.

Многие исследователи отмечают, что независимо от полноты осознания и степени приверженности концепциям устойчивого развития и КСО со стороны руководства и менеджмента корпораций, инвестиции в социальную ответственность являются экономически оправданными, в конечном итоге увеличивают прибыли компаний. Как показывают исследования Центра корпоративного гражданства Бостонского колледжа, после введения политики КСО компании повышают финансовые показатели благодаря укреплению своей репутации (77%); привлечению перспективных работников (55%); адекватной реакции на запросы общества (35%); повышению операционной эффективности и снижению затрат (34%); повышению конкурентоспособности (33%); открытию новых возможностей для развития и улучшения управления рисками (23%); облегчению доступа к капиталу (4%)¹.

В многочисленных работах специалистов классифицированы и достаточно подробно описаны конкретные формы социальной ориентации бизнеса, которые, будучи реализованными в деятельности компаний, позволяют им в той или иной степени успешно гармонизировать цели своей коммерческой деятельности с целями, интересами и ожиданиями основных субъектов взаимодействия. Один из таких подходов исследователей представлен в табл. 1². В ней отражен действительно широкий ряд сложившихся в мировой и отчасти отечественной практике форм проявлений социально ответственного поведения корпораций.

Таблица 1

Институты социально ответственного бизнеса

Институция	Ключевые функции	Институциональное содержание	Формы реализации
Корпоративная благотворительность	Минимизация негативных экстерналийных эффектов острых социальных проблем	Основанная на морально-этических нормах (религия, филантропия и др.) институционализация социально-гуманитарной ответственности	Деятельность по оказанию помощи нуждающимся по эпизодическому или регулярному финансированию социальных проектов, напрямую не связанных со сферой бизнеса фирмы
Спонсорство	Продвижение торговой марки фирмы; формирование позитивного имиджа; минимизация негативных внешних эффектов бизнеса	Институционализация социально-культурной и экономической ответственности	Адресная помощь, направляемая на проведение программ и мероприятий в сферах культуры, науки, спорта, экологии, способствующая укреплению репутации бизнеса
Меценатство	Создание и укрепление положительного имиджа компании	Институционализация социально-культурной ответственности	Финансовая поддержка проектов в области культуры, науки и искусства, адресная поддержка талантливых деятелей
Социальный маркетинг	Накопление репутационного капитала; расширение сообщества лояльных потребителей; долгосрочное увеличение объема продаж и прибыли	Институционализация экономической и экологической ответственности	Социальная ориентация рыночного поведения фирмы; отчисления на социальные программы с выручки от реализации отдельных брендов; инициативные социальные акции и проекты
Корпоративное гражданство	Минимизация социальных и политических рисков	Институционализация гражданской и юридической ответственности	Активное участие в жизни местного сообщества, сотрудничество с общественными организациями, властью
Социальное партнерство	Формирование прогрессивной организационной культуры; снижение уровня внутрифирменного оппортунизма; мотивация и стимулирование персонала; снижение текучести кадров	Институционализация социально-трудовой ответственности	Социальная защита и поддержка работников, закрепленная коллективными договорами и соглашениями
Социальное инвестирование	Формирование благоприятной социальной среды ведения бизнеса, укрепление репутации	Институционализация социально-культурной и экологической ответственности	Систематическое финансирование социальных проектов и программ
Корпоративное волонтерство	Укрепление неформальных связей и ценностей фирмы	Институционализация социально-гуманитарной ответственности	Добровольное участие работников в социально значимой деятельности

¹ Framework for the Future: Understanding and managing corporate citizenship from a business perspective / Boston College Center for Corporate Citizenship. – <http://www.bccccc.net>

² Фролов Д.П., Шулимов О.В., Инютин О.В. Система институций и механизм институционализации социально ответственной фирмы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экон. Экол. 2013. – № 1(22). – С. 18–26.

Авторы выделили отдельные институции социально ответственного поведения, однако без учета такого признака, как применение разных способов взаимодействия с представителями местного сообщества и власти, степени вовлеченности собственников и менеджмента компании в решение отдельных социальных проблем территории или самого предприятия. Каждая из институций требует своего набора инструментов вовлечения корпорации в решение проблемы. Так, институции социального инвестирования, корпоративного гражданств является гораздо более высокими формами проявления КСО, чем, например, корпоративное волонтерство.

Приведенная классификация, важная для понимания сущности, содержания и особенностей становления института КСО в России, может быть дополнена и такими подходами как завершенность формирования основных признаков социально ответственного поведения корпорации; полнота реализации внутренней и внешней составляющей социально ответственного поведения фирмы; взаимосоответствие масштабов ведения бизнеса и меры (масштабов) проявления социально ответственного поведения; характер и способы осуществления деятельности в области реализации КСО и устойчивого развития и ряд других¹.

Безусловными лидерами в практической реализации концепции устойчивого развития и КСО являются развитые страны Европы, США, Япония. Интересен своей многогранностью опыт финских и немецких компаний в реализации социальных программ внутри предприятия, на территории присутствия, причем самые лучшие практики находятся в фокусе внимания общественности и ученых, что связано в том числе и с высоким уровнем развития местного самоуправления, институтов гражданского общества. Так, во многих странах проводятся на регулярной основе опросы мнения основных стейкхолдеров в отношении различных аспектов КСО². В числе важнейших позиций анализа мнений: честность информирования о планах относительно условий труда и оплаты работников и руководителей, ответственность рабочих мест требованиям безопасности и охране здоровья, внимание к социально незащищенным группам трудящихся, создание новых рабочих мест, недопущение размещения вредного производства за границей, социальная ответственность в том регионе, где расположены предприятия компании, экологическая проблематика. Именно поэтому перечень европейских и отчасти мировых практик КСО обширен. Вот далеко не все, что удалось выявить в ходе данного исследования: 1) благотворительные пожертвования на реализацию социальных программ; 2) денежные гранты (в основном на развитие образовательных программ и научные исследования); 3) социально значимый маркетинг, состоящий в направлении процента от продаж конкретного товара на проведение социальных программ компании; 4) эквивалентное финансирование, то есть совместное финансировании социальных программ со стороны компании, органов государственного управления, некоммерческого сектора и иногда персонала компании; 5) корпоративное спонсорство – предоставление компанией различных ресурсов для создания объектов, сооружений, поддержки организаций или мероприятий, носящих публичный характер; 6) корпоративный фонд, создаваемый для реализации ее социальной деятельности; 7) добровольное вовлечение сотрудников компании в социальные программы внешней направленности через безвозмездное предоставление получателям времени, знаний, навыков, информации, контактов и связей сотрудников; 8) стипендии, сочетающие в себе поддержку образования как такового с возможностью растить кадры для собственной корпорации, развивать интересующие компанию направления науки и т.д. В этом перечне меры в основном внешней направленности. В зависимости от стратегических целей и задач конкретного бизнеса компании выбирают наиболее эффективную форму реализуемых и поддерживаемых социальных проектов. Из опыта одного из мировых лидеров в области КСО – корпорации Telenor: «различие рынков, на которые выходила Telenor, диктовало специфику отдельных решений, но не изменяло общей логики КСО. Так, например, в Бангладеш корпорация не только создала множество рабочих мест и стала крупнейшим налогоплательщиком, но и развила качественно новую инфраструктуру связи, сделав ее доступной широким слоям населения»³.

Весьма активно развивается социальное инвестирование в Японии, Финляндии, Швеции, Германии. Так, инвестиционный портфель ценных бумаг компаний, чья деятельность связана с вкладом в устойчивое развитие территории, увеличился на 68%, составив при этом тринадцать миллиардов евро. Даже в условиях кризисных проявлений, как отмечает ряд исследователей, инвестиции, связанные с социальными проектами не снизились. Напротив, отмечается рост финансовых показателей банков, кредитующих экологические, образовательные, культурные проекты⁴. В этой связи приведем оценки Томаса Ёрберга – руководителя первого в Германии социального, экологического банка GLS Gemeinschaftsbank, клиентами которого являются 80 тысяч человек, собственный капитал составляет 67,5 миллионов евро, денежный оборот – около 2,0 миллиарда евро, и год от года балансовая прибыль существенно увеличивается: «в период финансового кризиса мы не потеряли ни одного евроцента, потому что вкладываем деньги только в реальную экономику, а именно в сферы, связанные с долгосрочным, устойчивым развитием. Мы не инвестируем средства в абстрактные проекты. Поэтому в портфеле нашего банка нет финансовых продуктов, из-за которых вкладчик мог бы потерять свои деньги»⁵.

¹ Подробнее см. Миронова Д.Д., Микитенко Е.Г. Отличительные особенности российской модели социально ответственного бизнеса // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5.

² См., например Киршхофер А. Социальная ответственность корпораций в Германии // Мониторинг общественного мнения. 2005. – № 3 (75). – С. 93–95.

³ Социальные программы на предприятиях Германии, данные сайта <http://www.kap.ru>; I Евразийский саммит «Корпоративная социальная ответственность: стратегия и лучшая практика устойчивого развития в странах Евразии» // Российский журнал менеджмента. 2009. – Т. 7, № 1. – С. 179–181.

⁴ Почему не пострадали от кризиса социально ответственные инвестиции в Германии. – <http://www.svoboda.org/content/transcript/2172070.html>

⁵ Там же.

Значителен вклад европейских и американских компаний, причем независимо от их величины, в социальные программы, нацеленные на своих работников, которые гармонично дополняют государственные системы социального обеспечения: это внедрение режима (системы) неполного рабочего времени для работников предпенсионного возраста и дополнительное пенсионное обеспечение; финансирование культурных программ и программ организации досуга; бесплатные консультации (например, по вопросам здоровья и правильного питания, финансовым вопросам при трудных ситуациях); софинансирование работы инструкторов по разным видам спорта, занятиям художественными промыслами и т.п. Все это вместе взятое, наряду с задачами развития личности и оздоровления сотрудников и членов их семей, имеет целью поддержание позитивных коммуникаций между работниками, так как людям, общающимся не только в служебной обстановке, как правило, легче трудиться в одном коллективе.

В России так же набирает силу тенденция социально ответственного поведения бизнеса, хотя по оценкам многих экспертов не столь активно и успешно. Тем не менее, о росте активности бизнес-сообщества свидетельствует рост количества и всесторонности освещения деятельности компаний в области устойчивого развития в нефинансовой отчетности компаний. Так, по состоянию на начало 2015 г. в Национальный Регистр нефинансовых отчетов внесена 151 компания разных секторов экономики и зарегистрировано 557 отчетов, которые выпущены в период, начиная с 2000 г. В их числе: экологические отчеты – 51, социальные отчеты – 245, отчеты в области устойчивого развития – 179, интегрированные отчеты – 60, отраслевые отчеты – 22¹.

Из позитивных результатов укажем на то, что крупные компании, как правило, уже институционализировали это направление деятельности, создав отделы, занимающиеся социальными программами, ими планируются отдельные бюджеты для социальных программ, некоторые предприятия учредили свои собственные корпоративные фонды, проводят конкурсы грантов, учреждают стипендиальные программы поддержки исследований, ученых и перспективных студентов. В целом крупные корпорации стали более открытыми в отношении информации о своих проектах, связанных с КСО и устойчивым развитием, шире вовлекают независимых экспертов для оценки социальной полезности. Работа осуществляется ими системно, нацелена на достижение определенного результата, что говорит о новых аспектах, включенных в общий процесс управления текущей и перспективной деятельностью корпораций.

Однако такая новая парадигма развития корпоративного управления характерна, как правило, лишь для небольшого числа компаний. Более половины всех вложений, связанных с реализацией КСО, осуществляют крупные бизнес-структуры, в числе которых ЮКОС, Лукойл, Северсталь, Газпром, РАО ЕЭС России². Обычные российские предприятия, не включенные в холдинговые структуры, недостаточно активно, последовательно и системно проявляют себя в сфере реализации принципов устойчивого развития и КСО.

На примере такого актуального для России направления развития социально ответственного поведения, как социальная поддержка территории присутствия, видно, что управленческие практики в этой сфере весьма разнообразны – от полного исключения данного направления из круга деятельности предприятия до содержания за счет предприятия объектов городской социальной сферы. Как правило, эти различия определяются типом предприятия – имеют ли они корни в советском прошлом или же вновь созданы уже в рыночных условиях. Первые демонстрируют преемственность осуществления широко распространенных в советском прошлом благотворительных практик, как правило, в виде «шефства» над предприятиями или бюджетными организациями. В противоположность первым новые крупные предприятия, как правило, с иностранным участием, а потому во многом инвестиционно независимые, позиционируют свой бизнес в качестве абсолютно открытого, легально осуществляющего свою деятельность коммерческого проекта, регулярно уплачивающего налоги на территории базирования, а потому социальная ответственность понимается ими исключительно в форме заботы о качестве своей продукции и о работниках, их благосостоянии, личностном и профессиональном развитии. Что касается малого бизнеса, то его поведение имеет больше сходства с традиционными предприятиями. Такие предприятия могут пойти на максимально конкретные формы благотворительной поддержки: бесплатную или по льготным ценам передачу продукции и услуг предприятия, адресную помощь отдельным социальным группам (дети, инвалиды, ветераны войны и пр.). Более успешные и прибыльные предприятия малого и среднего бизнеса демонстрируют некоторую способность расширить горизонт и степень участия в решении проблем территории. Здесь характерным является превалирование исключительно личной мотивации руководителя (собственника) этого малого бизнеса, фрагментарность и субъективно-личностный характер выбора направлений и форм соучастия в социальных проектах. Тем не менее, отмечается некоторый рост активности, отзывчивости малого и среднего бизнеса на социальные запросы и ожидания общества.

В мировой практике вклад крупных бизнес-структур в устойчивое развитие региона осуществляется в таких организационных формах как: системы грантовой помощи; ярмарки проектов НКО; корпоративные фонды; фонды местных сообществ; частно-государственное партнерство; корпоративные сети коммуникаций и обратной связи для выявления и инициации актуальных социально-экологических и других проектов на местном и региональном уровнях. В России наряду с перечисленными используются такие инновационные формы партнерства бизнеса и государства, как ассоциации доноров; бизнес-ассоциации, созданные по разным отраслевым признакам: ассоциации производителей, продавцов продуктов питания, сельхозпроизводителей и т.п.; фонды местных сообществ, в сферу деятельности которых входит реализация социально значимых программ на территории; организации микрофинансирования.

Российская специфика, состоит в том, что, с одной стороны, местная администрация рассчитывает на участие бизнес-структур в финансировании программ социально-экономического развития региона, реализации приоритетных национальных проектов, с другой стороны компании, «продвинутые» в реализации принципов КСО, могут претендо-

¹ Официальный сайт РСПП. раздел Социальная ответственность. Нефинансовая отчетность. – <http://www.rspp.ru>

² Подробнее см. на сайте РСПП. раздел Социальная ответственность. Нефинансовая отчетность. – <http://www.rspp.ru>

вать на получение порой весьма ощутимых конкурентных преимуществ не зависимо от своих исходных мотивов. Будучи увязаны с получением таких преимуществ, вопросы КСО начинают носить стратегический характер, а социальные инвестиции превращаются в реальный инструмент стратегического управления корпорацией, роста ее конкурентоспособности. Поэтому передовые предприятия стали крайне серьезно относиться к вопросам интеграции КСО в корпоративную стратегию управления бизнесом.

Нерешенные проблемы, мешающие дальнейшему развитию и институционализации практик социально ответственного поведения корпораций в России, можно объединить в ряд блоков.

Во-первых, это проблемы, связанные с концептуальным осмыслением самой идеи КСО в условиях глобализации и усиления турбулентности развития. Нередко в исследованиях по проблематике распространения и оценке эффективности успешных практик в области КСО обнаруживалось отсутствие единого понимания самой сущности корпоративной социальной ответственности. У руководителей предприятий часто выявляются разные представления и о добровольности социальной ответственности, усложняющиеся в том числе и тем, что такие же разные представления о добровольном характере реализации КСО существуют и у руководителей территорий, властных структур вплоть до того, что последние подменяют добровольность обязательностью участия бизнеса в решении местных вопросов. Этот аспект важен, потому что в зависимости от понимания сущности КСО компании определяют роль и место соответствующих применяемых практик, формируют свою стратегию развития корпоративного управления.

Во-вторых, проблемы, связанные с практической реализацией политики КСО в деятельности предприятий. Дефицит мотивации собственников и топ-менеджмента российских компаний к внедрению институций КСО вкупе с искаженным представлением о содержании и значении разных форм и проявлений социально ответственного поведения приводит к несистемности такой деятельности, фрагментарности и точечности мероприятий с целью лишь формирования внешнего позитивного имиджа перед потребителями. Порой за многообразием реализуемых социальных программ не прослеживается четкая логика, а поставленные задачи не всегда приводят к ожидаемым результатам. В исследованиях даже самых успешных практик КСО, отраженных в нефинансовой отчетности компаний, отмечается, что существенно снизились показатели комплексности реализуемых программ, увеличилась диспропорциональность структуры корпоративных социальных инвестиций, адресованных различным субъектам. Четко прослеживается тенденция к преобладанию внутренних направлений корпоративных социальных инвестиций над внешними, то есть произошла своеобразная «функциональная дистрофия» социальной ответственности, в частности, за счет сужения сферы реализации социального партнерства лишь до взаимодействия в области трудовых отношений руководства и профсоюзов корпорации. В этом же русле отметим не вполне продуктивное взаимодействие с заинтересованными пользователями, малую открытость информации по результатам взаимодействия с ними. Как следствие, порой корпорации далеки от четкого понимания реальных потребностей и возможных точек приложения их социальной активности. Из инициатив внешней направленности более стабильны проекты, вызывающие наибольший общественный резонанс: дети, сироты, пенсионеры, ветераны, малоимущие. Весьма редко российский бизнес готов поддерживать образование и науку, экологию, религиозные организации. Инвестиции, направленные на взаимодействие с потребителями и деловыми партнерами, на развитие передовых деловых практик по величине в структуре общих затрат на социальное инвестирование весьма скромны.

В-третьих, состояние внешней среды и институтов, способных эффективным образом обеспечить реализацию КСО в адекватных формах, так чтобы они действительно соответствовали ожиданиям общества. В России слабо оформлены или даже практически отсутствуют организации, способные обеспечить реализацию интересных и важных социальных проектов. В развитых странах посредниками между компаниями и реципиентами, как правило, выступают многочисленные специальные фонды, некоммерческие и общественные организации. В России же только в 3–5% случаев распределение средств на некоммерческие цели передается фонду, да и то, как правило, созданному самой компанией. Причина – недоверие к организациям, профессионально занимающимся распределением благотворительной помощи. В 87% случаев благотворительная и спонсорская поддержка оказывается компаниями напрямую. Зачастую характерно, что при выборе получателей средств компании ориентируются прежде всего на возможность осуществления финансового контроля над использованием выделенных ими средств, в большей степени на разовые благотворительные акции с помпезным их освещением в СМИ, и в меньшей степени на организации, занимающиеся социальной сферой специально и на долговременной основе.

В-четвертых, проблема повышения открытости, прозрачности, развития методологии нефинансовой отчетности о произведенных социально значимых инвестициях и их направлениях, измеримости эффективности таких вложений. Так как деятельности компаний в области корпоративной ответственности и устойчивого развития связана с затратами, порой весьма значительными, то эффективность этих затрат следует измерять и оценивать. К тому же, чтобы быть успешной, эти меры должны иметь комплексный, системный характер, а значит, управлять ими следует так же, как и другими бизнес-процессами. Процесс же управления предполагает учет, систематизацию и анализ отчетной информации о подобном рода затратах. Учет этих затрат так же способствует более точной оценке стоимости компаний, учету в ней ценности некоторых специфических активов и внешних эффектов, которые создают дополнительную стоимость, не поддающуюся пока оценке с помощью систем финансового учета.

В мире эта форма отчетности корпораций уже не нова. Регистр нефинансовых отчетов, который ведет Corporateregister.com, содержит 38030 отчетов, опубликованных 8673 зарубежными компаниями, начиная с 1991 г. Лидерами в области представления нефинансовых отчетов и раскрытия информации о деятельности компаний в области устойчивого развития являются Великобритания, Германия, Япония, США, Австралия, Италия, Канада. В ряде стран – Франции, Швеции, Дании, Голландии, Норвегии, Великобритании, Австралии, ЮАР, Швеции и некоторых других – крупные национальные компании, акции которых котируются на биржах, и компании с государственным

участием даже обязаны предоставлять подобную отчетность. При всех уже отмеченных выше позитивных изменениях в области формирования и развития данного института КСО, все же добровольная нефинансовая отчетность остается преимущественно уделом лишь крупных компаний. Поэтому нуждается в дальнейшем совершенствовании методология формирования и процедуры представления нефинансовой отчетности корпораций как важного стратегического направления повышения качества всего корпоративного управления и в российском бизнес-сообществе.

Полагаем, что повышению степени прозрачности бизнеса и росту КСО будут способствовать дальнейшее развитие институтов гражданского общества, что обеспечит дополнительные импульсы субъектам бизнеса к расширению спектра социальных программ, а активность в сфере КСО и обеспечения устойчивого развития будет повышаться вместе с развитием механизмов общественного признания и пропаганды лучших практик социально ответственных компаний.

Хайруллина В.Г.

д. филос. н., к. э. н., зав. кафедрой «Менеджмент и маркетинг» Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ

Гилязетдинова Е.Р.

аспирант БашГУ

ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОСПОСОБНОСТИ КАК КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Ключевые слова: *трудопособность, формирование трудовых ресурсов.*

Ни у кого не вызывает сомнения, что основной движущей результативной силой социально-экономической жизни любого государства являются его трудовые ресурсы. Так, П. Друкер пишет: «Только человеческие ресурсы способны производить экономические результаты ... Все другие ресурсы подчиняются законам механики, их можно лучше использовать, но их выход никогда не будет большим, чем сумма входов»¹.

Говоря о формировании трудовых ресурсов, мы исходим из следующих тезисов.

1. Трудовые ресурсы – это трудопособная часть населения страны, участвующая в социально значимой (общественно-полезной) деятельности по производству материальных, духовных благ и оказанию услуг

2. Трудовые ресурсы – это динамичная социальная система, представляющая непрерывно обновляющуюся структуру, из-за ухода определённой части населения на пенсию по возрасту и благодаря приходу подрастающего поколения, вступающего в трудопособный возраст.

3. До настоящего времени «трудопособность» как общее понятие, употребляется только по возрастному цензу для учета состава населения на возможность отнесения к трудовым ресурсам. Такое упрощенное представление трудопособности, как априорное человеческое качество для характеристики человека как субъекта труда, укоренилось в общественном сознании очень давно.

4. Научное толкование понятия «трудопособность» – сложного явления, характеризующего человека как сложноорганизованную психофизиологическую систему, количественно и качественно изменяющуюся на разных стадиях своего жизненного цикла, стало возможным только по мере становления и развития таких наук, как теория систем, синергетика, кибернетика, теория информации.

5. Согласно теории систем, человек – открытая многомерная система, представляющая «синтез» сложных подсистем: духовно-волевой (чувственной, трансцендентной), биологической (физической, физиологической) и интеллектуальной (сознательной, разумной).

6. Каждая подсистема, составляющая это единство – целостность, сама представляет сложную организацию и функционирует и развивается по своим законам.

7. Эти составные подсистемы человеческого организма, взаимодействуя между собой и внешней средой, придают целостности новое качество – трудопособность.

8. Трудопособность – интегративное свойство человека не аддитивно сумме свойств составляющих его подсистем.

9. Трудопособность как системное свойство человеческого организма начинает формироваться уже в детском возрасте по мере усвоения базовых элементов социальных норм (общекультурных компетенций) в процессе самообслуживания.

10. Человек рождается как биологическое существо, наделённое человеческими задатками. Сложная структура детского периода жизни человека представляет:

– самоорганизацию, т.е. биологические явления как внутренние механизмы саморегуляции;

– и организацию, т.е. социальные явления, происходящие под воздействием ближнего и дальнего окружения ребенка (общества).

11. В дошкольном возрасте происходят как интенсивные количественные изменения структурных связей биологического характера (физический рост), так и – интенсивное формирование психики в форме восприятия информации о нормах поведения в обществе и о волевой регуляции своими эмоциями и поведением.

12. В этом возрасте при активном соучастии взрослого окружения, ребенок усваивает базовые нормы морали и нравственности (основы общекультурных компетенций), подражая взрослым. При благоприятной социальной среде у ребенка формируются ключевые знания, умения, навыки (ЗУН) самообслуживания, чувство ответственности перед родителями. Такие дети выполняют посильные социальные функции в семье и школе. Так формируется представление о необходимости соучастия в домашнем хозяйстве, о своих функциональных обязанностях в семье. Так заклады-

¹ Цит. по: О' Шонесси Дж. Принципы организации управления фирмой. – М.: Прогресс, 1979. – С. 9.

ваются основы функционального подхода в социальной жизни, представления о совместном коллективном труде как источнике жизнеобеспечения.

13. В процессе жизнедеятельности семьи, игр со сверстниками, общения со взрослыми представления детей о социальных нормах начинают проявляться в их поведении и закрепляться в виде привычек. Если в этом возрасте у ребенка проявляются асоциальные поступки и взрослыми они своевременно не корректируются, то элементы такого поведения становятся привычными во взрослой жизни. Эта закономерность отмечена в общественном сознании: «по-сеешь привычку – пожнешь характер».

14. По мере активного целенаправленного воздействия социальной средой на психику растущего организма происходит формирование базовой составляющей его трудоспособности – духовно-волевого компонента. Именно духовно-волевая составляющая является активной силой трудоспособности как качественной характеристики человека – субъекта труда.

15. Становление человека субъектом труда происходит под воздействием его социального окружения как формирование и развитие его способности социально значимо целенаправленно и воздействовать на объекты и предметы сообразно этой цели, реализуя ее.

16. Духовно-волевою и интеллектуальную составляющие трудоспособности человека принято считать его внутренним миром.

17. Состояние внутреннего мира человека проявляется во внешней среде в форме его поведения и поступков.

18. Социальная система – это структура социальной сферы общества, процессуально представляющая: «сферу взаимодействий, имеющих в обществе социальных групп, в том числе классов (предпринимателей, наемных работников и т.д.), профессиональных и социально-демографических слоев населения, а также национальных общностей по поводу таких условий их жизни и деятельности, которые способствуют воспроизводству их жизненных сил: условия производственной деятельности; уровень материального благосостояния; решение проблем здравоохранения, образования, социального обеспечения; соблюдение социальной справедливости при реализации каждым человеком своего права на труд, а также при распределении и потреблении создаваемых в обществе материальных и духовных благ; разрешение противоречий, обусловленных социальным расслоением общества на богатых и бедных; социальная защита определенных слоев населения»¹.

19. Практика показывает, что освоенные научные знания без целенаправленно сформированной социальной системой нравственной духовно-волевой «почвы» «порождают» деформированную трудоспособность как системное свойство личности.

20. Молодежь с деформированной трудоспособностью, пополняя ряды трудовых ресурсов, приводит к возникновению таких социально-экономических явлений, как:

- рост молодежной безработицы, сопровождающейся развитием у части молодежи аддиктивного поведения, представляющей угрозу безопасности жизнедеятельности населения;
- росту транзакционных издержек, повышая себестоимость и цену продукции, снижая в целом рентабельность производства;
- банкротству дел начинающих предпринимателей;
- появлению изощренных форм мошенничества, в том числе финансовых пирамид и т.д.

Следует отметить, что подрастающее поколение в дотрудоспособном возрасте – это часть населения (граждан) как продукт естественного и социального воспроизводства, формируемая социальной системой в качестве потенциальных трудовых ресурсов. Поэтому указанные негативные социально-экономические явления – это отражение политики нашего государства, низкого профессионального уровня работников государственных структур, функционально ответственных за подготовку подрастающего поколения.

В современных условиях для устойчивого социально экономического развития особо значимыми становятся такие психологические факторы как доверие между гражданами и структурами государственной власти, между хозяйствующими субъектами разных уровней, в отношениях между персоналом организаций, внутри семьи, а также уверенность в завтрашнем дне. А эти психологические качества зависят, главным образом, от сформированности трудоспособности человека в раннем возрасте как качественной характеристики «элемента» трудовых ресурсов, представляющих непрерывный воспроизводственный процесс в форме смены поколений.

В структуре социальной системы государства институтом, ответственным за подготовку подрастающего поколения, является система образования. В последние годы перед системой образования поставлена задача подготовки подрастающего поколения на основе компетентностного подхода к образовательной деятельности. Это диктуется необходимостью повышения производительности труда – решающего условия устойчивого социально-экономического развития страны.

В системе образования подготовка трудовых ресурсов на основе компетентностного подхода стратегически может быть реализована в основном через формирование экономического образа мышления и трудоспособного поведения с раннего школьного возраста. Трудоспособное поведение с раннего школьного возраста возможно только при активном внедрении в образовательную деятельность интерактивных методов обучения, нацеленных на развитие у детей созидательной способности моделировать, проектировать желаемое состояние образа жизни своего ближнего и дальнего окружения.

¹ Лавриненко В.Н., Путилова Л.М. Исследование социально-экономических и политических процессов: Учеб. Пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2010. – С. 6.

Шедько Ю.Н.

к.э.н., доцент Финансового университета
rug@lenta.ru

Верева А.В.

заслуженный деятель физической культуры и спорта Ханты-Мансийского автономного округа – Югры,
консультант Департамента физической культуры и спорта Ханты-Мансийского автономного округа – Югры,
verevka.aleks@yandex.ru

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА: ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И МАССОВЫЙ СПОРТ В ХМАО – ЮГРЕ

Ключевые слова: региональное развитие, человеческий потенциал, физическая культура, массовый спорт.

Весьма важной задачей и ценностным ориентиром в создании современной концепции формирования здорового образа жизни является модернизация физического воспитания детей и организация регулярных занятий физической культурой взрослыми. Это одно из приоритетных направлений государственной политики, определенное Стратегией развития физической культуры и спорта Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 г. № 1101-р, а также Государственной программой развития физической культуры и спорта, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 302. Особую значимость развитие сферы массового спорта и физической культуры приобретает в связи с введением Указом Президента Российской Федерации от 24 марта 2014 года № 172 Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне». Вместе с тем отмечается связь развития физической культуры и массового спорта с устойчивостью развития региона, с интересами настоящего и будущих поколений¹.

В соответствии со Стратегией развития физической культуры и спорта Российской Федерации до 2020 года предусматривается разработка мер и механизмов по усилению мотивации и улучшению стимулирования как работодателей, так и трудящихся к занятиям физической культурой и спортом, ведению здорового образа жизни. Планируются мероприятия по введению на предприятиях инструкторов-методистов по физической культуре, привлечению к работе волонтеров, созданию спортивных клубов, вовлечению трудящихся в систему спортивных соревнований, формированию устойчивого интереса к ведению здорового образа жизни.

В Российской Федерации на период к 2015 году планировалось довести до 20 процентов количество организаций, имеющих спортивные клубы; к 2020 году их количество должно составить не менее 45 процентов. Увеличение доли образовательных учреждений высшего профессионального образования, имеющих студенческие спортивные клубы и лиги, в общем количестве аккредитованных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования должно было составить 35 процентов к 2015 году и 60 процентов к 2020 году.

Под массовым спортом в работе понимается часть спорта, направленная на физическое воспитание и физическое развитие граждан посредством проведения организованных и (или) самостоятельных занятий, а также участия в физкультурных мероприятиях и массовых спортивных мероприятиях.

Физическая культура – часть культуры, представляющая собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путем физического воспитания, физической подготовки и физического развития.

По мнению авторов, физическая культура и массовый спорт должны стать основой здорового образа жизни, при этом расходы общества на занятия физической культурой и спортом следует рассматривать как экономически оправданное вложение в развитие и эффективное использование человеческого потенциала. При этом сфера физической культуры и массового спорта страны испытывают влияние долговременных системных вызовов, отражающих как мировые, так и российские тенденции развития физической культуры и спорта, на которые необходимо реагировать. Это, в частности:

- то обстоятельство, что в настоящее время 85 процентов граждан Российской Федерации, в том числе 65 процентов детей, подростков и молодежи, не занимаются систематически физической культурой и спортом, а спортивные сборные команды страны далеко не всегда достойно выступают на крупнейших международных соревнованиях;
- усиление глобальной конкуренции в спорте высших достижений на международной спортивной арене;

¹ Морковкин Д.Е. Социально-экономические аспекты устойчивого развития экономики территорий // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2014. – № 1 (7). – С. 4–10.

– недостаточный уровень развития детско-юношеского спорта, отсутствие целенаправленной системы отбора и подготовки спортивного резерва как основополагающего фактора развития спорта высших достижений;

– ожидаемое появление и внедрение новых технологических изменений, усиливающих роль инноваций и снижающих влияние неэффективных экстенсивных подходов в развитии физической культуры и спорта.

Обеспечение условий для развития физической культуры и массового спорта, доступности спортивных объектов широким слоям населения, формирования здорового образа жизни, полный охват населения услугами физической культуры и спорта – одно из приоритетных направлений социальной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Особенно важно решить проблему повышения уровня вовлеченности населения в регулярные занятия физической культурой и спортом. Решение этой проблемы будет способствовать достижению сразу нескольких целей: улучшению здоровья жителей, повышению комфортности проживания за счет улучшения условий для проведения здорового досуга, сокращению социальной базы развития алкоголизма, наркомании, асоциального поведения.

В условиях разграничения полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации большое значение приобретает наличие в субъектах системы нормативной правовой базы и сложившейся практики организационного, информационного и ресурсного обеспечения сферы физической культуры, детско-юношеского спорта, массового спорта, отдыха и оздоровления детей. Министерством спорта России с 2017 года в соответствии с утвержденной Правительством Российской Федерации концепцией Федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы» предполагается выделение средств из федерального бюджета в качестве субсидий субъектам Федерации. Субсидии предназначены для развития инфраструктуры спортивных детско-юношеских школ олимпийского резерва и развития массового детско-юношеского спорта (табл. 1).

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре успешно работают 28 детско-юношеских спортивных школ и 27 специализированных детско-юношеских спортивных школ олимпийского резерва.

Из бюджета ХМАО – Югры и бюджетов муниципальных образований ХМАО – Югры осуществляется субсидирование на софинансирование расходных обязательств по обеспечению учащихся спортивных школ спортивным оборудованием, экипировкой и инвентарем, по проведению тренировочных сборов и участию в соревнованиях. Субсидии предоставляются муниципальным образованиям на основании соглашений о предоставлении субсидии, которые заключаются между Департаментом физической культуры и спорта ХМАО – Югры и органами местного самоуправления муниципальных образований и имеют целевой характер.

Таблица 1

Данные о спортивных сооружениях в ХМАО – Югре в 2011–2014*

№ пп.	Наименование показателя	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г. (ожидаемое значение)
1.	Количество спортивных сооружений, в том числе	2251	2304	2346	2398
1.1	федеральная собственность / собственность ХМАО, ед.	19/119	22/122	26/122	26/124
1.2	муниципальная собственность, ед.	1949	1991	2026	2072
1.3	частная собственность, ед.	164	169	172	176
2.	% обеспеченности пропускной способности спортсооружений региона	20,18	20,3	20,5	20,8

* Составлено авторами по данным статистической отчетности (форма 1-ФК).

Также оказывается государственная поддержка юридическим лицам (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), осуществляющим развитие игровых, приоритетных видов спорта в ХМАО – Югре. За счет средств бюджета автономного округа предоставляются субсидии для поддержки проектов по развитию игровых, приоритетных видов спорта, их реализации, достижения практических результатов по совершенствованию и развитию спортивного мастерства, а также детско-юношеского спорта. Субсидии предоставляются по результатам ежегодного конкурса, организованного Советом по предоставлению государственной поддержки юридическим лицам, осуществляющим развитие игровых, приоритетных видов спорта в ХМАО – Югре.

За последние годы меры, предпринимаемые Правительством автономного округа и Департаментом физической культуры и спорта, позволили обеспечить динамичное развитие физкультурно-спортивного движения (табл. 2).

Таблица 2

Данные о численности граждан, регулярно занимающихся физической культурой и спортом (ФКиС) и об организациях, предоставляющих физкультурно-оздоровительные услуги в ХМАО – Югре в 2011–2014*

№ пп.	Наименование показателя	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г. (ожидаемое значение)
1.	Численность регулярно занимающихся ФКиС, чел.	324 450	347 189	374 839	400 000
2.	% занимающихся от общей численности населения	20,85	22,02	23,66	25,8
3.	Количество организаций, предоставляющих физкультурно-оздоровительные услуги, ед.	1379	1390	1393	1400
4.	% обеспеченности региона работниками сферы физической культуры и спорта	40,02	41,44	45,45	47,2

* Составлено авторами по данным статистической отчетности (форма 1-ФК).

Следует отметить, что ХМАО-Югра – субъект Федерации, сохранивший организации физкультурно-спортивного профиля по работе с детьми при промышленных предприятиях.

В ходе исследования выявлена недостаточная обеспеченность тренерским составом, особенно в детско-юношеских спортивных школах. В настоящее время обеспеченность тренерско-преподавательским составом в процентах от норматива РФ составляет 47,2%.

В системе дополнительного образования в сфере физической культуры и спорта работают 1181 тренер-преподавателей и занимаются 49 782 человек. Отсутствие нормальных социально-бытовых условий для молодых специалистов, особенно в сельской местности, невысокая заработная плата являются причинами того, что на работу по специальности трудоустраиваются только 10% выпускников высших учебных заведений – специалистов данного профиля.

Департамент физической культуры и спорта ХМАО – Югры ведет активную работу с муниципальными образованиями по доведению заработной платы специалистов сферы ФКиС до средней по экономике региона. Если сейчас – в 2014 году – заработная плата специалистов сферы физической культуры и спорта составляет 80 процентов от средней заработной платы по экономике округа, то к 2018 году предполагается доведение средней заработной платы специалиста до 100 процентов.

Проведенный анализ динамики развития физической культуры и спорта в ХМАО-Югре по основным стратегическим целевым показателям позволяет говорить о том, что несмотря на положительные изменения, произошедшие за последние годы, для дальнейшего развития данной сферы необходима разработка и реализация дополнительных мер. Это обусловлено рядом проблем, влияющих на развитие физической культуры и спорта в автономном округе. Это, в частности, такие требующие неотложного решения проблемы:

- несоответствие уровня развития инфраструктуры для занятий физической культурой и массовым спортом задачам развития физической культуры и массового спорта в автономном округе;
- недостаточное привлечение взрослого населения, детей и подростков к регулярным занятиям физической культурой и спортом;
- недостаточная пропаганда занятий физической культурой и спортом как составляющей здорового образа жизни.

Перечисленные проблемы требуют неотложного решения, и решать их целесообразно на основе программно-целевого управления.

В регионе уже действует государственная программа «Развитие физической культуры и спорта в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2014–2020 годы», утвержденная Постановлением Правительства ХМАО – Югры от 09.10.2013 № 422-п (ред. от 22.08.2014). Цели данной государственной программы – обеспечение жителей ХМАО – Югры возможностью систематически заниматься физической культурой и спортом, повышение конкурентоспособности Югорского спорта на Российской и международной спортивной арене, а также успешное проведение в автономном округе – Югре крупнейших спортивных соревнований.

Основным ожидаемым результатом реализации государственной программы является устойчивое развитие физической культуры и спорта. Предусматривается существенное развитие системы sportсооружений (табл. 3).

Таблица 3

Планы по развитию системы sportсооружений в 2015–2020 гг.*

№ пп.	Наименование показателя	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1.	Количество спортивных сооружений, в том числе	2360	2388	2416	2444	2472	2500
1.1	федеральная собственность / собственность ХМАО, ед.	27/126	27/129	28/132	28/137	29/140	30/140
1.2	муниципальная собственность, ед.	2027	2048	2067	2086	2108	2130
1.3	частная собственность, ед.	180	184	189	193	195	200
2.	% обеспеченности пропускной способности sportсооружений региона	21,5	22,1	22,7	23,3	23,9	24,5

* Составлено авторами на основе государственной программы «Развитие физической культуры и спорта в ХМАО – Югре на 2014–2020 гг.»

В связи с этим предусматривается решение следующих задач:

- развитие физической культуры и массового спорта, спортивной инфраструктуры, пропаганда здорового образа жизни;
- обеспечение успешного выступления спортсменов округа на всероссийских и международных спортивных соревнованиях, подготовка спортивного резерва, поддержка развития спорта высших достижений, в том числе спорта лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Реализация государственной программы также позволит добиться повышения мотивации жителей автономного округа к систематическим занятиям физической культурой и спортом, ведению здорового образа жизни, конкурентоспособности Югорского спорта на российской и международной спортивной арене.

По итогам реализации государственной программы ожидается достижение следующих показателей (показатели конечных результатов):

- увеличение единовременной пропускной способности спортивных сооружений с 20,3 до 24,5%;

– увеличение доли населения систематически занимающегося физической культурой и спортом с 21,9 до 40,0% (табл. 4).

Таблица 4

Ожидаемые результаты реализации программы «Развитие физической культуры и спорта в ХМАО – Югре на 2014–2020 гг.»

№ пп.	Наименование показателя	Данные по программе «Развитие физической культуры и спорта в ХМАО – Югре на 2014–2020 гг.»					
		2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1.	Кол-во регулярно занимающихся ФКиС	442277	489821	537365	584909	632453	680000
2.	% занимающихся от общей численности населения	27,0	29,5	32,0	34,5	37,0	40,0
3.	Кол-во организаций, предоставляющих физкультурно-оздоровительные услуги в т.ч	1420	1432	1441	1450	1458	1467
4.	% обеспеченности региона работниками сферы физической культуры и спорта	48,0	48,4	49,1	50,0	51,2	52,0

* Составлено авторами на основе государственной программы «Развитие физической культуры и спорта в ХМАО – Югре на 2014–2020 гг.»

Выполнение мероприятий государственной программы позволит обеспечить достижение целей государственной политики в сфере физической культуры и спорта, будет способствовать более эффективному формированию, использованию и сбережению человеческого потенциала территории. Таким образом, стратегия социально-экономического развития округа обеспечивает более гармоничное развитие населения¹.

При этом следует отметить, что обеспечение населения услугами физической культуры и спорта в рамках государственной программы предусмотрено не только за счет расширения инфраструктуры, но и повышения эффективности использования имеющихся и возводимых объектов спорта. Это требует проведения ряда работ по включению объектов спорта во всероссийский реестр объектов спорта, проведению сертификации и стандартизации объектов спорта, оказываемых услуг, дополнений в систему оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, совершенствования набора показателей, характеризующих развитие физической культуры и спорта.

Дальнейшее развитие сферы физической культуры и массового спорта связано с решением основных проблем, выявленных в ходе реализации программ по развитию физической культуры и спорта в ХМАО-Югре:

1. Недостаточное участие бизнеса и частного капитала в процессе развития сферы физической культуры и спорта. В округе развитие физической культуры и спорта осуществляется преимущественно за счет окружного и муниципальных бюджетов, что является сдерживающим фактором более интенсивного развития сферы.

В связи с этим необходимо и далее развивать механизм государственно-частного партнерства в сфере физической культуры и спорта, экономически стимулировать организации, осуществляющие деятельность в данной сфере, и тем самым способствовать увеличению предложения физкультурно-оздоровительных услуг, побуждая предприятия к социально ответственному поведению².

Также, по мнению авторов, целесообразно развивать систему государственной поддержки хозяйствующих субъектов, ведущих работу в сфере физической культуры и спорта, предусматривая использование грантов. При этом следует вкладывать государственные средства в уже существующие организации физической культуры и массового спорта, работающие с детьми, с ориентацией на снижение оплаты физкультурно-оздоровительных услуг. Перспективным является использование подушевого финансирования, с выплатой организациям авансовых платежей.

2. Недостаточный уровень физкультурно-спортивной работы, проводимой по месту жительства, работы и учёбы граждан. Анализ передового отечественного и зарубежного опыта показывает, что наиболее перспективным решением данных задач является создание спортивных клубов, предоставляющих услуги по месту жительства, учебы и работы граждан³. В ходе исследования установлено, что сегодня среди экономически активного населения систематически занимаются физической культурой и спортом менее 8 процентов. В то время как, например, в Италии, более 20 процентов работающих являются членами спортивных клубов предприятий и организаций.

В Италии налоговым законодательством предусматривается отчисление 0,5% от суммы подоходного налога физических лиц на различные общественно-полезные нужды по выбору граждан, что позволило существенно увеличить налоговые отчисления граждан на деятельность спортивных клубов, организацию спортивных секций. В Германии важную роль при формировании финансовых резервов, предназначенных для развития физической культуры и массового спорта, также играет система налогообложения, которая представляет клубам, имеющим статус общественно-полезной организации, налоговые льготы.

Ранее в трудовом законодательстве была статья, регулирующая формы использования физической культуры и спорта. Организация занятий физической культурой и спортом рассматривалась как составная часть научной органи-

¹ Усманова Т.Х., Трифонов П.В., Хайруллина Л.И. Современные требования формирования стратегии социально-экономического развития регионов // Экономика. Бизнес. Банки. 2014. – № 2 (7). – С. 23–26.

² Соловьева Л.П., Шедько Ю.Н. Корпоративная социальная ответственность на мезо- и микроуровнях // Экономика. Налоги. Право. 2011. – № 6. – С. 116–126.

³ Лубышева Л.И. Использование клубных форм работы в деятельности автономных учреждений спортивной направленности как условие развития массовой физической культуры / Л.И. Лубышева, М.А. Родионова, В.А. Родионов // Теория и практика физической культуры. 2014. – № 5. – С. 92.

зации труда, снятия утомления, как профилактика профессиональных заболеваний. Особо ценен этот опыт в свете требований восстановления системы подготовки к сдаче норм ГТО, для работающих граждан, в том числе на предприятиях малого и среднего бизнеса. Таким образом, возможности бизнеса становятся в данном случае важным ресурсом¹.

Позитивное влияние на развитие физической культуры и массового спорта в данном аспекте окажет проведение работы по следующим направлениям:

- обеспечение доступности спортивных и оздоровительных занятий всем возрастным категориям, а также категориям населения с ограниченными возможностями, в том числе организация льготных и бесплатных занятий физической культурой и спортом для малообеспеченных категорий граждан;
- внедрение системы мер по обеспечению безопасности развития в населенных пунктах «уличных» видов спорта;
- развитие муниципальных услуг проката спортивного снаряжения и инвентаря;
- привлечение частных инвестиций в сферу физической культуры и спорта, развитие частных пунктов проката спортивного снаряжения и инвентаря;
- традиционное проведение комплексных спортивно-массовых соревнований и спартакиад среди всех возрастных категорий населения.

Также с целью создания условий для массовых занятий спортом в пределах шаговой доступности от мест проживания, работы и учебы населения необходимо поддерживать инициативы жителей, органов местного самоуправления и общественных организаций по развитию придомовой спортивной инфраструктуры (создание дворовых спортплощадок, перепрофилирование неиспользуемых нежилых помещений в спортивные объекты).

3. Недостаточно развит комплекс мер по пропаганде физической культуры и массового спорта как важнейшей составляющей здорового образа жизни включающий в себя:

- определение приоритетных направлений пропаганды физической культуры, спорта и здорового образа жизни;
- поддержку проектов по развитию физической культуры и спорта в средствах массовой информации;
- оказание информационной поддержки населению в организации занятий физической культурой и спортом.

Значительный эффект в данном случае может обеспечить использование интегрированных маркетинговых коммуникаций по продвижению ценностей физической культуры, распространению знаний о здоровом образе жизни, пропаганде активного образа жизни, широкому освещению физкультурно-спортивных мероприятий, проходящих на территории округа через средства массовой информации.

¹ Теоретические и прикладные аспекты развития современного предпринимательства / Под редакцией ректора Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д.э.н., профессора М.А. Эскиндарова. – М.: Перо, 2014. – 346 с.

Шутов А.С.

организатор инициативной группы партии «Гуманная Россия», председатель Вятского отделения Российского гуманистического общества, редактор газеты «К гуманной России», г. Ижевск
humanizm-shutov@yandex.ru

ПРОЕКТ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Ключевые слова: модернизация России, гуманистическая идеология, цели социально-экономического развития.

Россия имела наивысший расцвет в периоды новых идеологий (православно-княжеская Киевская Русь X века, Петровская дворянская империя XVIII века и вторая сверхдержава мира СССР в XX веке).

Оценочный показатель консерватизма (абсолютизма) – управляемость народа, а также процент чиновников и атрибуты традиций, для либерализма – капитализма – это права человека, деньги и доходы индивида («сколько ты стоишь?»), для коммунизма – диктатура пролетариата, процент обобществления, общественные обязанности человека, а для гуманизма – личностность общества и государства, измеряемая численностью и качеством, уровнем жизни и развития народа (на сегодня лучший показатель этого ИРЧП). Мы вводим новый итоговый критерий развития народа: ГП (гуманистический, личностный, потенциал) = Н (население)^хИРЧП. Научнее и практичнее судить об исторических этапах по динамике: населения, ИРЧП и гуманистического потенциала в целом.

Из 233 стран мира наша родина по гуманистическому индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) имела 0,3 в 1913 году (по моим подсчетам) и упала с 26-го места (0,920) развитого социализма СССР в 1990 году, после всех развитых капиталистических стран, на 114 место в 1995 г. и имела 75-е в 2000 году (0,771) и 71-е место в 2007 г. (0,817)), в том числе по образованности – 0,933 (40-е место), по ВВП на душу – 0,833 (56-е место) и продолжительности жизни – 0,686 (133-е место), 65-е и 66-е за 2008 и 2009 годы (0,719 и 0,755 – воздействие мирового кризиса), 55-е место за 2013 год (0,788). У Норвегии – 0,955 (1-е место), а мир – 0,624 (2008 г.). (При этом 67% норвежцев считают себя гуманистами и неверующими, тоже впереди других стран, – вот гуманистическая связь объективного и субъективного в развитии народа). Этот главный показатель развития у Москвы – 0,929 (1-е место) и у Удмуртии – 0,828 (24-е место).

По гуманистическому потенциалу, за счет количества населения, на 1-м месте Китай (1066 млн.: Н=1381 млн. чел. × ИРЧП = 0,772), а у России 5-е место в мире (116 млн., в 9 раз меньше китайского).

И все это при национальном богатстве России в 300-350 триллионов долларов, 2 миллиона – на душу населения (1-е место в мире). А ведь еще великий русский гуманист Ф. М. Достоевский поставил критерий-максиму: «Никакое преобразование не оправдывает себя, если при этом прольется слеза хотя бы одного ребенка». Итак, по человеческим показателям последние 30 лет либерально-капиталистических реформ – больше «потерянное социальное время» и почти «потерянное молодое поколение», особенно в 1990-е годы, с некоторыми положительными интеллектуальными перспективами. Наши огромные территории и национальные богатства менее эффективно управляются и используются: РФ владеет 40% всех мировых природных богатств и население 2% от жителей Земли, а производит всего 1% глобального валового продукта. То есть экономическая часть современной России меньше её доли населения в мире в 2 раза. Коренная причина этого в низкой производительности труда россиян. Утечки «мозгов» и капиталов – показатель неэффективности капиталистического развития России.

Для сравнения и дополнения российские проблемы по посланию президента РФ Путина–2012: сохранение себя как нации (правильнее, развитие новой российской нации), предотвращение демографической и ценностной катастроф (сейчас страна без жизненных ориентиров и идеалов = без национальной идеи), застарелая жилищная проблема, слабость среднего, креативного класса – интеллигенции, низкая квалификация рабочего класса, зачаточность гражданского общества и гражданской активности, становление цивилизованной демократии, историческое воровство (Карамзин: «воруют», мы по уровню коррупции «впереди планеты всей»), неравномерность регионального развития.

Комплексный анализ динамики населения, ИРЧП и гуманистического потенциала показывает следующую диаграмму развития нашей страны: а) остановка Брежневского СССР, б) подъем в начале перестройки Горбачева и затем спад, в) резкий спад во время Ельцинских реформ, г) стабилизация и медленный подъем в результате реформ Путина-Медведева и это на «фоне» последовательного мирового роста.

Современная РФ – не оптимальная, не федеративная, а почти унитарная сверхпрезидентская республика. Путинско-Медведевская создаваемая и управляемая сверху консервативная правоцентристская эклектика, смесь медведя, бульдога и носорога с примесью обезьяны: авторитарный государственно-патриотический, националистически-монархистский религиозный либерализм-капитализм-бюрократизм – не лучший вариант для России, так как он идейно-политически находится на уровне середины XX века и способен только несколько улучшить положение российского народа.

В моем анализе, синтезе и разработке общественный, идейно-политический, партийный **гуманизм** (от лат. homo – человек, humanus – человеческий, человечный, humanitas – человечность) – новое, историческое, универсальное, многогранное и многомерное, комплексное и системное явление и понятие социальной личностной человечности: 1) социальный закон, тенденция и традиция развития человечества и человека; 2) общественная и личностная цель – идеал; 3) целая наука, система теорий и учение; 4) научное и светское мировоззрение; 5) социальная ценность и идеология интеллигенции интеллектуального общества; 6) национальная, патриотическая идея РФ; 7) политика центризма; 8) интеллектуальная экономика; 9) интеллектуально-социальное движение и общественная практика, социальный прогресс; 10) человеческие и человечные, социальные, в том числе политические, например, партии, институты; 11) интеллектуальные общественная система и общественный строй, исторический тип народа, общества и государства; 12) культура, образ и качество жизни человека и народа; 13) высшее нравственное качество человека и общества; 14) методология и методика, критерий личного и общественного развития; 15) ноосферная эволюция; 16) гармония, «золотая середина», центризм и 17) художественная метафора как Любовь, Истина, Добро, Творчество, Организация, Инициатива, Путь и Красота – первичная, целевая, основная, прогрессивная, удешажающая, созидательная, направляющая и заключительная причины.

У нового идейно-политического гуманизма за спиной большая гуманистическая история культуры и два основных современных теоретических и практических источника: передовые теория и опыт интеллектуальных гуманного демократического социализма и народного капитализма. Н. Бердяев: «Необходимо стремиться к свободному и справедливому обществу. Без свободы не может быть никакой справедливости. Справедливость требует свободы для всех людей». А. Тойнби: «Моя надежда на XXI век в том, что он увидит установление глобального гуманистического общества, которое будет социалистическим на экономическом уровне и свободным на духовном уровне». Гуманизм – это достижения либерализма в экономике и в политике и социализма – в социально-культурных сферах общества. **Гуманизм = либерализм + социализм.** Гуманизм по современному содержанию – это положительный центристский за исключением правых и левых крайностей синтез лучшего, прогрессивного, человеческого в либерализме и социализме: свобода и справедливость. Для него в принципе не подходит консервативное неравенство людей. Политический гуманистический принцип – человечность. В сущности политический гуманизм – это творчество народа! Он основан на экономическом, социальном, политическом и духовно-идеологическом многообразии и разнообразии, на соревновании и объединении людей и народов. Свободный человек, гражданская личность, наука и творчество, созидательный труд, оплата по качеству и количеству произведенного, личная, общественно полезная инициатива, взаимопомощь, кооперация, индивидуальное и коллективное соревнование, социальное творчество, демократия, территориальное и производственное самоуправление народа, социально-правовое государственное регулирование, международное сотрудничество, мирное соперничество и интеграция – вот могучие источники и показатели гуманистического прогресса.

Идеологическая и стратегическая цель – гуманно-интеллектуальная Россия. Диалектика гуманизма как цели, процесса, результата и итога: российский гуманист-личность и личностный гуманный народ, гуманная интеллигенция как класс № 1, Гуманистическая партия, гуманно-интеллектуальное общество и гуманное государство в гуманном человечестве.

Семь современных исторических объективных целей: 1) Гуманистическое и гуманное решение глобальных проблем; 2) поиск Братьев по разуму в Космосе и защита от возможных космических атак; 3) гуманизация-интеллектуализация человечества; 4) превращение российского информационного и гражданского, интеллектуального и гуманного общества в передовую страну мира; 5) формирование из многонационального населения нового российского народа, будущей российской нации (поучительный пример американской); 6) всестороннее превращение российской интеллигенции в ведущий класс № 1, 7) очеловечивание политики.

Сейчас актуальны **восемь субъективных взаимосвязанных творческих задач:** 1) гуманистическое образование – просвещение и «лечение», патриотическое воспитание народа; 2) разработка и реализация новой гуманистической идеологии и политики России; 3) создание гуманистических организаций по всей России – Российского интеллектуального идейно-политического гуманистического союза – партии патриотического гуманизма России и вступление ее в Гуманистический Интернационал; 4) гуманистическое участие гуманистов в выборах и во власти; 5) ускорение и усиление гуманизации российского государства; 6) развитие гуманно-интеллектуальной экономики; 7) гуманистическое сотрудничество и соревнование, взаимопомощь с другими народами Земли; 8) идейно-политическая профилактическая борьба с антигуманизмом в любых и многих его проявлениях и причинах, в первую очередь с религиозным нацистским консерватизмом-бюрократизмом и главным источником основной современной опасности – международным терроризмом, в том числе, военно-промышленного комплекса США.

Политические принципы: консерватизма-аристократизма (бюрократизма) – неравенство, либерализма-капитализма – свобода, коммунизма и социализма – равенство и справедливость, гуманизма-интеллектуализма – гуманность, человечность.

В историко-технологическом развитии экономические и социально-политические этапы человечества: традиционное аграрное общество – рабовладельческая и феодальная общественные формации – консерватизм-аристократизм (бюрократизм), индустриальное общество – капитализм буржуа и социализм рабочих, информационное, культурно-духовное, интеллектуальное – гуманистическое общество интеллигенции. Современная Россия находится в переходе от индустриального к информационному обществу, а развитые страны – на завершении информационно-технологического этапа.

Как общественный строй гуманизм – новая цивилизованная интеллектуальная формация или интеллектуальная формационная цивилизация, социально-политически – **интеллектуализм.** По Марксу, от предыстории царства есте-

ственной необходимости и после промежуточного коммунизма как осознанной необходимости следует «практический», «реальный» и «положительный» гуманизм, «эпоха гуманизма = царству свободы». Его самоцель: «Развитие человеческих сил» и «Действительное богатство общества состоит в свободном развитии личности без какого-либо заранее заданного масштаба». Гуманизм – свободная ассоциация всесторонне и гармонично развитых личностей. Это наиболее соответствующее человеческой сущности общество, интеллектуально сознательная историческая ступень развития всего человечества.

Для России XXI века социально, идеологически, политически и организационно оптимальной, лучшей и прогрессивной является *пятипартийная* политическая система: 1) либеральная правая буржуазная партия, 2) консервативная правоцентристская бюрократическая партия, 3) социал-демократическая левоцентристская крестьянская партия, 4) коммунистическая (социалистическая) левая рабочая партия и 5) гуманистическая центристская интеллектуальная политическая партия.

Старые идеологии и политики консерватизма, либерализма и коммунизма исторически исчерпали свои положительные прогрессивные потенциалы. Бюрократия как самый сильный политизированный государственный класс приспособляет все идеологии под себя и для себя в неоконсерватизм. Действуют 4 современных противоположных мировых тенденции: 1) глобализация и 2) национализм, 3) бюрократизация и 4) интеллектуализация – гуманизация (главная в переходе от индустриального к информационно-интеллектуальному обществу). Бюрократизация – отрицательная регрессивная общественная закономерность в России усиливается катализатором вождистско-государственного менталитета народа и дополняется реакционной религиозизацией общества и клерикализацией государства. Новогуманистическая, патриотическая альтернатива России – не догоняющая, а опережающая модернизационная стратегия человеческого и человеческого, интеллектуального развития нашей страны, а Российская партия патриотического гуманизма – катализатор и двигатель гуманизации народа, общества и государства.

Нами обобщена гуманистическая история и теория в сравнении с другими основными мировыми идейно-политическими движениями: консерватизмом-аристократизмом, либерализмом-капитализмом и коммунизмом-социализмом, в том числе анархизмом и социал-демократией. Раскрыто основное содержание гуманизма-интеллектуализма. И, таким образом, сделано мировое гуманистическое открытие – новый гуманизм: научное в политологии и идеологическое в политике, самое перспективное для России XXI века.

Гуманистическая тенденция в нашей стране действует и развивается «через тернии к звездам». В РФ в настоящее время 35 различных небольших гуманистических организаций, групп, действующих разрозненно и даже конкурирующих между собой: около тысячи гуманистов на 145 млн. человек населения (0,0007%). В целом наша родина по уровню организованного, особенно идейно-политического, партийного гуманизма отстает. Но начало положено: в России родился организованный мировоззренческий светский и социальный гуманизм, одна из высших форм развития которого – партия российских гуманистов. Проект гуманистической идеологии для новой, гуманной России нами разработан. Подготовлены проекты программы и устава Гуманистической партии России, Конституции и символики Российского гуманистического союза.

Инициативная группа по созданию партии «Гуманная Россия» (151 участник из 70 субъектов РФ + 400 сторонников) действует и приглашает гуманистов. Для регистрации партии надо 500 человек из 43 регионов. У гуманистов должна, может и будет своя центристская Гуманистическая партия интеллигенции информационного, интеллектуального общества к выборам ГД-2016. По экспертным оценкам¹, усреднённый размер временного периода от образования партии контрэлиты до прихода её к власти составляет 17,5 лет. И по нашему теоретическому прогнозу для центристской Гуманистической партии интеллигенции для прихода к власти требуется примерно 20 лет при переходе России к интеллектуальному обществу и смене поколения политиков на гуманистов.

¹ Властная идейная трансформация. Исторический опыт и типология. – М.: Научный эксперт, 2011.

Щегорцов А.А.

д.соц.н., вице-президент Российской Ассоциации геронтологов и гериатров

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: кадровая политика, социальная защита, социальные услуги, эффективность социальной работы.

В 2014 году на заседании Президиума Государственного Совета Российской Федерации был рассмотрен вопрос «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста». В ходе обсуждения данной проблемы отмечалась необходимость совершенствования кадрового обеспечения системы социального обслуживания населения. Это особенно актуально в преддверии вступления в силу с первого января 2015 года Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в России». С участием автора в прошлом году был проведен блиц-опрос 500 руководителей и специалистов учреждений социальной защиты населения города Москвы.

Целью опроса являлось изучение их мнений по проблемам повышения эффективности социальной работы. Результаты опроса сопоставлялись с оценками клиентов, выявленными в ходе ранее проведенных социологических исследований.

Методологическая основа проведенного исследования эффективности социальной работы методом блиц-опроса определила критерии и индикаторы сравнительного социологического анализа.

Критерии относятся к общим показателям, включенным в анкету:

1. Качество и результативность социальной работы;
2. Демографическая характеристика сотрудников;
3. Степень профессиональной пригодности сотрудников;
4. Оценка эффективности социальной работы;
5. Материальная инфраструктура учреждений социальной защиты;
6. Условия труда социальных работников;
7. Востребованность социальных услуг по мнению работников.

Индикаторы отражают отдельные свойства объекта социологического анализа:

1. Инновационные технологии социальной работы;
2. Оптимизация психолого-педагогических факторов обслуживания клиентов;
3. Профессионально-личностные качества сотрудников;
4. Мотивация деятельности социальных работников.

В опросе принимало участие подавляющее большинство женщин, что в целом отражает гендерную структуру сотрудников учреждений социального обслуживания города Москвы. Среди опрошенных руководителей женщины составляют 97,5%; более пяти лет работают 80%, от одного до трех лет – 20%.

1. Пол	Количество
Мужчины	2,5%
Женщины	97,5%

Из числа респондентов основную долю составили сотрудники, имеющие стаж работы от 3 до 5 лет (31,5%) и от 5 до 10 лет (29,5%). Эта категория уже имеет достаточный опыт для квалифицированной оценки деятельности системы социальной защиты населения и в то же время для них нехарактерны стереотипные оценки.

2. Стаж работы	Количество
От 1 до 3 лет	20,0%
От 3 до 5 лет	31,5%
От 5 до 10 лет	29,5%
Более 10 лет	20,0%

Более половины (53,5%) специалистов за последние три года повышали свою профессиональную квалификацию и имеют достаточно полные представления о существующих проблемах в системе социальной защиты населения и об инновационных технологиях социального обслуживания.

3. Проходили ли квалификацию в последние 3 года	Количество
Да	53,5%
Нет	46,5%

Большинство руководителей – 80% указали на *необходимость повышения квалификации сотрудников*. 20% руководителей не считают необходимым повышение квалификации своих сотрудников. Это прямое свидетельство недопонимания руководителями важности профессиональной переподготовки и повышения квалификации сотрудников. Непрерывный процесс повышения квалификации работников – важнейший принцип социальной работы. *Необходимо в процессе повышения квалификации самих руководителей усилить внимание к важности совершенствования уровня профессиональных знаний всех сотрудников системы социальной защиты населения города Москвы.*

4. Считаете ли Вы нужным повышение квалификации сотрудников	Количество
В ГАУ ИПК ДСЗН	62,0%
В других учреждениях	18,0%
Не считаю необходимым	20,0%

Среди приоритетов, воздействующих на повышение эффективности работы ЦСО, руководители назвали уровень заработной платы – 81%, условия труда – 51,5%, удовлетворенность работой – 40%.

Руководители ЦСО отметили, что 80% сотрудников не удовлетворены оплатой труда. Только пятая часть респондентов удовлетворена размером оплаты своего труда. *Повышение оплаты труда является безусловным резервом повышения эффективности социальной работы, который будет реализован в ходе выполнения мероприятий, намеченных в «Дорожной карте».*

5. На Ваш взгляд, удовлетворены ли оплатой труда сотрудники Вашего учреждения	Количество
Да	20,0%
Нет	80,0%

Блиц-опрос выявил отношение руководителей и клиентов к состоянию инфраструктуры учреждений социальной защиты. Более 50% руководителей считают, что *проводимая в городе Москве оптимизация учреждений социального обслуживания населения привела к значительному улучшению материально-технического оснащения*. Из их числа треть (32,0%) руководителей и специалистов ощутила улучшение материально-технического оснащения учреждений в целом, четверть отметила улучшение (23,3%) технического оснащения учреждений по отдельным позициям.

Следует отметить, что почти половина опрошенных клиентов также дала положительную оценку технической оснащенности учреждений. Значительно ниже удовлетворенность клиентов техническими средствами реабилитации. Только 1/5 часть клиентов высказалась положительно в отношении реабилитационного оборудования. Оценки клиентов и руководителей по данному вопросу совпадают.

Более половины (56,0%) опрошенных отмечают, что *оптимизация системы социальной защиты населения города дала социально полезный эффект в направлении повышения профессионального уровня сотрудников*. 54,5% руководителей отметили повышение дисциплины труда сотрудников. Только десятая часть опрошенных считает, что условия труда сотрудников в ходе оптимизации улучшились. Почти 7,5% респондентов указали на улучшение организации горячего питания и дневного отдыха клиентов.

6. Привела ли оптимизация системы учреждений социального обслуживания населения к:	Количество
Повышению дисциплины труда сотрудников	54,5%
Улучшению условий труда сотрудников	10,0%
Повышению профессиональной квалификации сотрудников	56,0%
Улучшению материально-технического оснащения	32,0%
Совершенствованию организации горячего питания	7,5%
Совершенствованию организации дневного отдыха	7,5%
Повышению уровня технического оснащения	23,5%
Содействию сотрудников при получении правовых консультаций	5,5%

В блиц-опросе руководителей и специалистов был задан вопрос о наиболее востребованных ими социальных услугах.

Сравнительный анализ выявил диспропорцию между мнениями клиентов и руководителей ЦСО по поводу наибольшего востребования предоставляемых услуг.

7. Какие услуги, по Вашему мнению, являются наиболее востребованными клиентами?	Клиенты	Руководители и специалисты
Социально-бытовые	34,3%	87,5%
Социально-правовые	34,3%	18,0%
Социально-экономические	53,7%	14,0%
Социально-педагогические	5,2%	4,5%
Социально-медицинские	74,6%	58,0%
Социально-досуговые	67,3%	6,0%
Социально-психологические	26,1%	5,0%

В десять раз выше востребованность социально-досуговых услуг со стороны клиентов по сравнению с оценками руководителей. На этот факт следует обратить особое внимание при выработке критериев эффективности соци-

ального обслуживания населения. Значительна разница в оценке необходимости социально-бытовых услуг. Мнения руководителей явно завышены. Поразительна разница в оценках клиентов и руководителей востребованности социально-экономических, социально-бытовых, социально-правовых и социально-психологических услуг. Разница колеблется в 3–4-х кратном диапазоне. Можно предположить, что в своих ответах руководители и специалисты ориентировались преимущественно на потребности клиентов отделений надомного социального обслуживания, а не на посетителей дневных и реабилитационных отделений.

В целом же, это свидетельство недостаточного учета важнейшего индикатора эффективности социального обслуживания – взаимодействия, основанного на сотрудничестве со всеми категориями клиентов. Социальный работник обязан решать проблемные ситуации вместе с клиентом, мобилизуя ресурсы и средства ради активизации его поведения. Поэтому знание и учет структуры потребностей является одним из важнейших факторов эффективности социальной работы. *Неточная оценка потребностей в социальных услугах резко снижает эффективность социальной работы и ведет к нерациональному использованию ресурсов учреждений и системы социальной защиты населения города Москвы.*

Практика показывает, что наиболее отработанным механизмом является предоставление услуг с высоким уровнем востребованности. Однако *необходимы знания и умения оказания всех социальных услуг, предусмотренных соответствующими стандартами.* Данное обстоятельство нужно учитывать в процессе профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников социальной сферы.

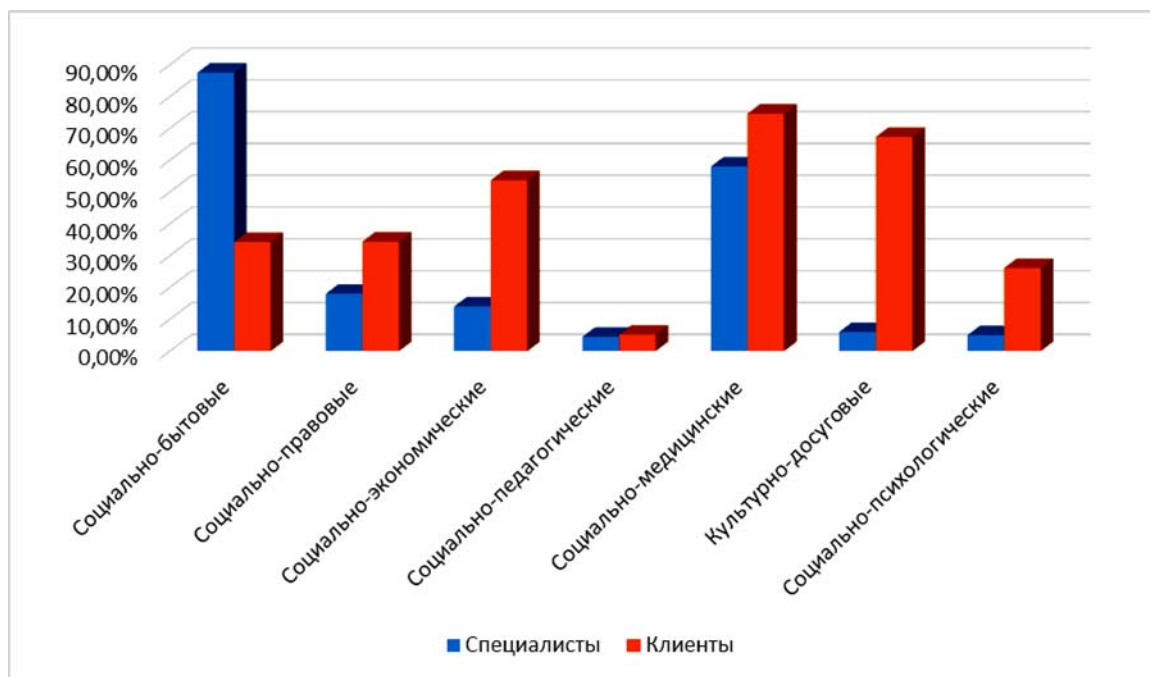

Рисунок 1.
Наиболее востребованные клиентами социальные услуги

Большое внимание в деятельности учреждений социального обслуживания уделяется проблемам корректировки механизмов предоставления социальных услуг. Основной формой контрольно-коррекционной деятельности являются производственные совещания. Это отмечает свыше двух третей опрошенных. Практически половина (49,5%) респондентов отметила, что недостатки и ошибки в работе сотрудников обсуждаются непосредственно с руководителем.

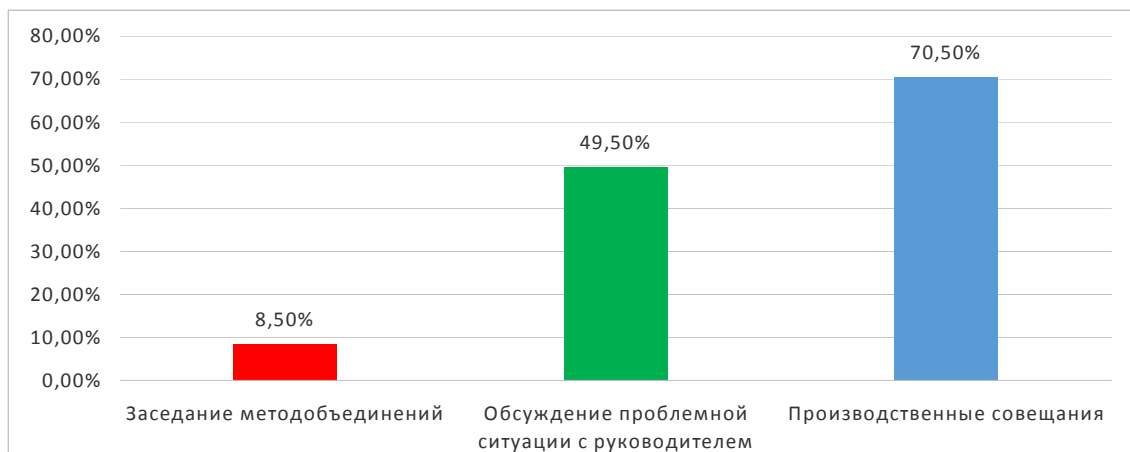

Рисунок 2.
Способы обсуждения недостатков и ошибок в работе сотрудников

Следует отметить недостаточное внимание со стороны руководителей и специалистов к профессиональным методическим объединениям. Участие в заседаниях методобъединений отметило только 8,5%. *Профессиональные методические объединения надо рассматривать как важную форму контрольно-коррекционной деятельности, обеспечивающей повышение эффективности профессиональной деятельности социальных работников.* Необходимо создать и активно использовать их в работе всех социо-защитных учреждений. Коллективное обсуждение на заседаниях методобъединений способствует объективному рассмотрению проблемных ситуаций, обобщению опыта работы и повышению уровня профессиональной квалификации.

8. Каким образом в коллективе обсуждаются недостатки и ошибки в работе сотрудников	Количество
Заседание методических объединений	8,5%
Обсуждение проблемной ситуации с руководителем	49,5%
Производственные совещания	70,5%

Наименьшее влияние на уровень эффективности, по мнению респондентов, оказывает психологический климат в коллективе. Данный фактор отметила пятая часть (12,5%) принимавших участие в опросе. Это означает, что в подавляющем большинстве трудовых коллективов социо-защитных учреждений существует нормальная, деловая обстановка.

9. Какие факторы влияют на эффективность работы ЦСО	Количество
Уровень заработной платы	81,0%
Психологический климат в коллективе	12,5%
Уровень профессиональной подготовки	32,5%
Условия труда	51,5%
Состояние здоровья сотрудников	26,0%
Удовлетворенность работой	40,0%

Большое значение для осуществления эффективной деятельности учреждений имеет кадровая обеспеченность. По мнению руководителей, учреждения нуждаются в специалистах медико-социальной направленности. Это отмечают две пятых руководителей и специалистов учреждений социального обслуживания.

Около трети отмечает нехватку специалистов социально-психологического профиля. Это входит в противоречие с мнением самих же респондентов о видах востребованных социальных услуг, согласно которому социально-психологические услуги отнесены к группе наименее востребованных. Пятая часть респондентов отмечает наименьшую потребность в социально-бытовых и социально-культурных специалистах, а также техническом персонале. Наименьшая потребность, по их мнению, в социально-педагогических работниках (14,0%). *Надо учитывать мнения руководителей о востребованности специалистов при формировании кадровой политики в системе социальной защиты города Москвы.*

10. Каких специалистов не хватает в Вашем учреждении	Количество
Медико-социальных	39,5%
Социально-педагогических	14,0%
Социально-бытовых	20,5%
Социально-психологических	29,5%
Социально-культурных	19,5%
Технического персонала	21,5%

Исследование общественного мнения граждан пожилого возраста по вопросам эффективности работы системы социальной защиты населения в городе Москве показало, что в отношениях между клиентами и сотрудниками присутствует конфликтность. Чаще всего конфликты возникают у трети (34,2%) клиентов с работниками ЦСО по вопросам организации социального обслуживания. Для предотвращения конфликтных ситуаций и повышения эффективности социальной работы в учреждениях разработаны механизмы учета мнения клиентов об их работе. Среди форм такого учета практически в половине случаев доминируют специализированные мини-анкеты (46,5%) и учет мнения клиентов фиксируется в книге отзывов и предложений (45,0%).

Пятая часть (22,0%) респондентов отмечает, что отзывы о работе специалистов учреждений чаще всего содержатся в заявлениях клиентов. Более десятой части (12,5%) опрошенных указали в качестве механизма учета мнения клиентов специализированные разделы сайтов учреждений социального обслуживания и органов управления социальной защитой города Москвы. *Необходим системный самостоятельный мониторинг учета мнений и критических замечаний клиентов об эффективности работы конкретного учреждения.*

11. Как ведется учет мнения клиентов о работе Вашего учреждения	Количество
В виде заявлений	22,0%
В формате мини-анкет	46,5%
С использованием интернета	12,5%
В журнале отзывов и предложений	45,5%

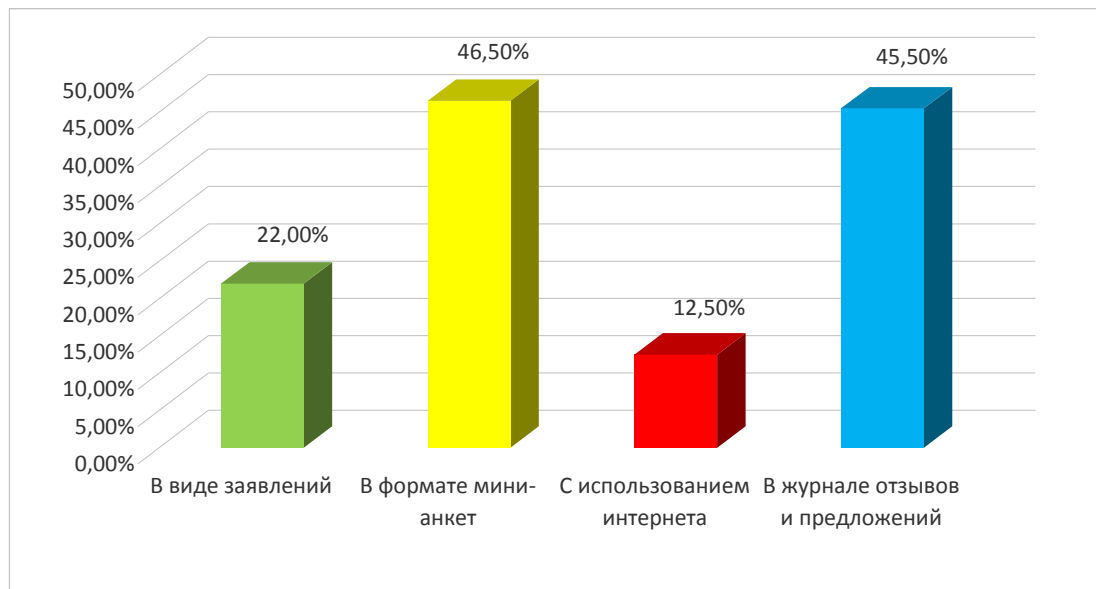

Рисунок 3.
Способы учета мнения клиентов о работе учреждений

Помимо уровня профессиональной подготовленности важнейшим индикатором эффективности социального обслуживания являются личностные качества социального работника.

Необходимые черты личности социального работника, обеспечивающие эффективность его деятельности:

1. Эмпатия;
2. Коммуникативность;
3. Самоконтроль;
4. Самообладание;
5. Самокритичность;
6. Способность предвидеть результат своих действий;
7. Вежливость;
8. Внимательность;
9. Чуткость;
10. Доброжелательность;
11. Толерантность

Сравнительный анализ результатов блиц-опроса выявил личностные недостатки и ошибки, допускаемые в работе с клиентами. Только 12% руководителей озабочены психолого-педагогическим климатом в коллективе, 5% проявляют интерес к оказанию психолого-педагогических услуг клиентам.

Среди клиентов приблизительно 1/4 часть отметила наличие конфликтов с работниками и руководителями ЦСО, связанных с невнимательностью, недоброжелательством, неправильной оценкой проблемы клиента.

Результативность социальной работы в равной мере зависит как от профессионализма, так и от нравственных качеств специалистов. Гармонизация групповых и личных интересов – задача разработки оптимальных методов и технологий решения социальных проблем, связанных с конкретными обстоятельствами жизнедеятельности клиентов. Для решения данной задачи на уровне трудового коллектива *следует постоянно привлекать специалистов-психологов и социальных педагогов для консультаций и оказания психологической поддержки сотрудникам. Нужно в процессе профессиональной переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов социо-защитных учреждений увеличить объем знаний по этическим принципам социальной работы.*

На основании полученных результатов блиц-опроса можно предложить следующие выводы:

– значительная часть (2/3) респондентов трудится в системе социальной защиты населения свыше трех лет и, следовательно, имеет достаточный опыт для квалифицированной оценки деятельности системы социальной защиты населения, однако для них нехарактерны стереотипные оценки;

– более половины опрошенных регулярно проходит повышение профессиональной квалификации и, следовательно, имеет достаточно полные представления о существующих проблемах в системе социальной защиты населения и об инновационных технологиях социального обслуживания;

– пятая часть руководителей не считает необходимым повышение квалификации своих сотрудников, что требует в процессе повышения квалификации самих руководителей усилить внимание к важности совершенствования уровня профессиональных знаний всех сотрудников системы социальной защиты населения;

– по мнению руководителей, большинство (80%) сотрудников учреждений не удовлетворено размером оплаты труда и, как следствие, повышение оплаты труда является безусловным резервом повышения эффективности социального обслуживания;

– проводимая оптимизация учреждений социального обслуживания населения привела, по мнению руководителей учреждений, к значительному улучшению материально-технического оснащения, а также дала социально полезный эффект в направлении повышения профессионального уровня сотрудников;

– при анализе результатов опроса была выявлена диспропорция между мнениями клиентов и руководителей ЦСО по поводу наибольшего востребования предоставляемых услуг и кадровой обеспеченности, что резко снижает эффективность социальной работы и ведет к нерациональному использованию ресурсов учреждений и системы социальной защиты населения;

– анализ механизмов учета мнения клиентов о работе специалистов учреждений свидетельствует о необходимости системного самостоятельного мониторинга учета мнений и критических замечаний клиентов об эффективности работы конкретного учреждения;

Для модернизации и повышения уровня эффективности социальной защиты населения в нестационарных учреждениях следует учесть следующие рекомендации:

- руководителям ЦСО систематически использовать мотивационно-воспитательные меры для повышения эффективности профессиональной деятельности и психологического климата в коллективах;

- руководителям ЦСО обеспечить максимальное участие сотрудников в повышении квалификации;

- уточнить перечни повседневных нужд клиентов, основываясь на их мнении;

- обратить особое внимание на услуги клиентам в области досуговой деятельности;

- обеспечить бесперебойную помощь клиентам в области социально-психологических и социально-педагогических услуг;

- обеспечить юридическую помощь клиентам;

- усилить требовательность в области соблюдения сотрудниками этических принципов их профессиональной деятельности

- регулярно проводить социологические исследования по данной проблематике среди руководителей и специалистов социо-защитных учреждений и осуществлять сравнительный анализ их профессиональных характеристик и мнений об эффективности работы.

Щукина М.Ю.
аспирант МГУ

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НКО В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: социальная активность, некоммерческие организации, сельские территории, устойчивое развитие.

Keywords: social activities, non-profit organizations, rural areas, sustainable development.

Структурные изменения в политической, социально-экономической и культурной сферах, формирование свободного рынка оказали негативное влияние на положение российского села. Доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте России составляет всего 4,2% (2012 г.), а доля занятых в сельском хозяйстве постоянно снижается и составляет 7% (2013 г.). Всего в сельской местности проживает – 26% общей численности населения страны при естественной убыли – 0,3%¹ в год. В 2012 году по данным социологического опроса ВЦИОМ «Москва и провинция»² лишь 11% всех опрошенных горожан и 24% сельских жителей хотели, чтобы их дети жили в сельской местности. По материалам другого социологического опроса³ лишь немногие городские жители серьезно готовы переехать в сельскую местность по причине преемственности «люблю землю, деревенское хозяйство» – 9% и «я родом из деревни» только – 2%. Многие респонденты указали среди главных причин переезда в сельскую местность благоприятные экологические условия – 40%, городская суета – 14% и рекреация – 17%.

Низкая социальная активность сельских сообществ не поддерживает развитие механизмов местного самоуправления, не содействует поддержке государственных программ социально-экономического развития села для обеспечения продовольственной безопасности страны. Государственная политика в целом малоэффективна в решении основных проблем сельской местности, что приводит к усугублению положения: опустыниванию территорий и миграции наиболее активной и трудоспособной части населения в города. В федеральном законе «О развитии сельского хозяйства»⁴ определено понятие «устойчивое развитие сельских территорий» как стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель. Основными направлениями государственной федеральной целевой программы в области устойчивого развития сельских территорий являются:

- повышение уровня комфортности условий жизнедеятельности;
- повышение доступности улучшения жилищных условий для сельского населения;
- повышение престижности труда в сельской местности и формирования в обществе позитивного отношения к сельскому образу жизни;
- улучшение демографической ситуации;
- развитие в сельской местности местного самоуправления и институтов гражданского общества⁵.

Государственная программа устойчивого развития сельских территорий рассматривает гражданское участие местных сообществ через формирование механизма самоорганизации и территориального самоуправления, где инициативы принятия управленческих решений должны формироваться «снизу-вверх». Мировой опыт устойчивого развития сельских территорий демонстрирует, что социальная активность населения связана с укреплением институтов гражданского общества. Во всех развитых странах мира развитие сельской местности обеспечивается за счет роста некоммерческих организаций (НКО), целью которых является достижение общественных благ⁶. Важной особенностью некоммерческих организаций являются высокие темпы развития в условиях, когда государственное финансирование нестабильно или полностью отсутствует. Государственное финансирование НКО в России демонстрирует незначительную тенденцию роста, но существенно отстает от многих развитых стран мира (5 и 48% соответственно)⁷.

¹ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#

² Всероссийский опрос ВЦИОМ «Москва и провинция». – <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113000>

³ Всероссийский телефонный опрос ФОМ «Жизнь городская и сельская». – <http://fom.ru/obshchestvo/11434>

⁴ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». – <http://www.mcх.ru/documents/document/show/200.19.htm>

⁵ ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». – <http://www.mcх.ru/documents/document/show/26308.htm>

⁶ Федеральный закон № 121 от 20.07.2012 «О некоммерческих организациях». – <http://www.consultant.ru/popular/nekomerz>

⁷ Доклад о развитии институтов гражданского общества в России/Фонд развития гражданского общества. – <http://civilfund.ru/mat/view/20>

Доля НКО в ВВП для России составляют всего 0,9%¹ (в то время как в развитых странах – 15,3%). По данным российского социологического исследования Агентства социальной информации², только 13% НКО оценили свое финансовое самочувствие положительно, 41% – отметили нехватку средств в реализации новых идей. Более того, в течение трех последних лет финансовое положение более 40% респондентов НКО не изменилось, а у 35% даже ухудшилось.

Одним из способов укрепления позиций НКО в сельской местности являются эkoopоселения в рамках формирования новых гражданских инициатив устойчивого развития сельских территорий³. В современной российской литературе эkoopоселения рассматриваются как новая форма сельских сообществ, жители которого осознанно выбрали экологически устойчивый образ жизни⁴ и социальная экологическая практика в интересах устойчивого развития общества⁵. По данным сайта Всемирной сети эkoopоселений по состоянию на 2014 г. в мире зарегистрировано около 800 устойчивых сообществ и инициатив⁶. В России основная часть эkoopоселений появилась только в начале XXI века и по состоянию на 2014 г. составляет 289 инициатив⁷, при этом динамика их численности продолжает расти.

На основе социологического исследования методом полуструктурированного интервью с жителями эkoopоселений Центрального региона России установлено, что основными проблемами институционализации эkoopоселений в нашей стране являются отсутствие нормативно-правовой базы, оформление и использование земель сельскохозяйственного назначения. При этом жители эkoopоселений проявляют социальную активность в решении местных проблем, участвуют в общественно значимых мероприятиях и создают инициативы территориального самоуправления в сельской местности. В эkoopоселениях уделяется внимание следующим направлениям деятельности:

- оказание услуг населению (экологически чистые продукты питания, продукция народных промыслов и ремесел, экотуризм, и т.д.);
- реализация социальных инноваций и проектов (образование и обучение, волонтерство, социальная работа с социально уязвимыми группами населения, информационные технологии и т.д.);
- развитие и популяризация науки и техники (теплосберегающие проекты экодому, зеленое строительство, альтернативные источники энергии, рециклинг бытовых отходов и т.д.);
- обеспечение занятости местного населения (за счет личных подсобных хозяйств, организации малых производств, строительства, пчеловодства, рекреации и т.д.);
- развитие гражданского общества (самоорганизация, общественный контроль и т.д.);
- экология и охрана окружающей среды (самосохранительные практики и здоровый образ жизни, устойчивое лесопользование, традиционные органические методы землепользования и т.д.);
- культурно-просветительская деятельность (обучающие семинары, фестивали, слеты, организация досуга и т.д.);
- поддержка сельскохозяйственных видов деятельности (садоводство, фермерство, кооперативы и т.д.);
- улучшение комфорта условий среды проживания и качества жизни;
- укрепление роли института семьи в обществе.

Управление эkoopоселением осуществляется за счет действия демократических механизмов. Организационно-правовой формой регистрации эkoopоселений является некоммерческое партнерство, реализующее свою деятельность на основе устава. Принятие решений осуществляется через общее собрание, на котором должно присутствовать не менее 2/3 жителей. Основные вопросы для обсуждения (юридические, финансовые, бытовые, благоустройство территории, и т.д.) затрагивают интересы каждого жителя, что обеспечивает их присутствие на общем собрании. Финансирование какой-либо совместной деятельности осуществляется за счет членских взносов. Непосредственное участие жителей в решении местных проблем эkoopоселения является добровольным. Индивидуальные цели каждого жителя подчиняются коллективным целям организации, что регулирует внутренние конфликты.

Устойчивое развитие сельских территорий возможно при наращивании потенциала гражданского общества, реализации самостоятельных инициатив местного населения, повышению его социальной активности и повышению роли НКО. Сохранение традиционного образа жизни, наряду с современным развитием требует внимания к переосмыслению социальной структуры в сельской местности. Повышение социальной активности сельского населения требует позитивного опыта в решения локальных проблем на основе механизма самоорганизации наряду с государственной поддержкой. В этом смысле, российские эkoopоселения имеют перспективы в качестве субъекта устойчивого развития сельских территорий, наряду с сельскими поселениями.

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2013. – С. 23.

² Развитие финансово-экономической устойчивости российских НКО: аналитическая записка. – М.: Агентство социальной информации, 2013. – С. 13.

³ Щукина М.Ю. Роль некоммерческих организаций в развитии гражданского общества на примере эkoopоселений // Российский научный журнал. 2014. – №4 (42). – С. 67.

⁴ Кулясов И.П., Кулясова А.А. Эkoopоселения — новая форма сельских сообществ в России // Экология и жизнь. 2008. – № 10. – С. 20–26.

⁵ Рыбакова М.В., Щукина М.Ю. Эkoopоселения как социальная экологическая практика общества // Социально-гуманитарные знания. 2012. – № 4. – С. 316–324, 320.

⁶ Global Ecovillage Network. – <http://db.ecovillage.org/en/projects>

⁷ Сайт Поселения.ру: Родовые поместья, родовые поселения, эkoopоселения. – <http://poselenia.ru/search-ru>

Яковлева М.Н.

н.с. Института социологии РАН
m-m-21-42@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И ЭМИГРАЦИЯ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: модернизация, качество человеческого капитала, эмиграция, уровень жизни, ценности, потребности, свобода, социальная ситуация.

В последние годы в странах СНГ большое внимание стало уделяться проблемам модернизации. Необходимость модернизации российской экономики, перевод ее на инновационный путь развития – необходимое требование современности, что сегодня является не только условием сохранения экономической и политической независимости, но и обуславливает перспективы интеграции стран на постсоветском пространстве. Перспективы реализации модернизационного развития России и стран СНГ связаны с реиндустриализацией и технологическим обновлением, которое сегодня невозможно без четко организованных, управляемых и высококвалифицированных людских ресурсов. Главное конкурентное преимущество современной высокоразвитой страны связано с качеством человеческого капитала и факторами, которые непосредственно обеспечивают его повышение – образованием, здравоохранением, жильем, инфраструктурой, пенсионным обеспечением, воспроизводственным потенциалом населения в количественном и качественном измерении.

В развитых европейских странах человеческий капитал по некоторым оценкам составляет 84% общественного богатства. В России же, по мнению экспертов, это лишь порядка 20%¹. Поэтому важнейший ограничитель модернизационных процессов – это состояние сложившегося в стране человеческого капитала, его структуры. Другими словами, достаточен ли накопленный в стране человеческий капитал для осуществления преобразований того масштаба, который позволит сделать отечественную экономику подлинно инновационной.

Поскольку процесс модернизации экономики и общества достаточно длительный, необходимо учитывать и то, как меняются в динамике социальная структура общества, количественные и качественные параметры трудовых ресурсов, и оценивать их потенциальные изменения. Тем самым проблему человеческого капитала необходимо рассматривать сквозь призму социальной динамики.

В контексте развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве одной из наиболее актуальных проблем сегодня как в России, так и в Беларуси является снижение количества рабочей силы вследствие демографических и социальных проблем. Современный комплекс вызовов социальному развитию связан, прежде всего, с двумя тенденциями: «старением» населения и зависимостью количественных и качественных параметров человеческого капитала от миграции населения. Если негативные демографические тенденции носят длительный характер и с трудом поддаются регулированию, то миграционные процессы в значительной мере обусловлены текущей социально-политической и социально-экономической ситуацией и по своей природе являются более регулируемыми.

В России можно выделить следующие риски снижения качества человеческого капитала, связанные с эмиграцией населения в другие страны. Первая проблема состоит в «утечке мозгов» – эмиграция происходит из тех направлений науки, с которыми власти связывают свои надежды на инновационный «прорыв» страны. Несмотря на то, что эмигрантов в относительных цифрах немного, из страны уезжает наиболее активная часть населения, которая могла бы реально что-то изменить в России. При этом согласно данным Росстата эмиграционный поток из страны, начиная с 2012 г., ежегодно растет.

В развитых странах миграция высококвалифицированных специалистов и ученых происходит главным образом вслед за движением капитала и проектов и носит временный и возвратный характер. В России же она обусловлена такими «выталкивающими» факторами на родине, как низкая оплата труда, отсутствие достаточных средств и оборудования для исследований, не финансируются командировки, нельзя потратить без лишней бюрократии средства грантов, плохие жилищные условия.

Государственная политика, делающая ставку на замещающую иммиграцию в Россию, проблему не решает, т.к. нынешние мигранты – это в основном низкоквалифицированные трудовые кадры из республик Кавказа и Средней Азии, которые не только не способствуют решению задачи модернизации российской экономики, но скорее ей препятствуют.

Вторая проблема связана с тем, что эмигрантские настроения широко распространены среди российской молодежи, которая не связывает свое будущее с Россией.

¹ Информационно-аналитический журнал Политическое образование. 28.07.2010. – <http://www.lawinrussia.ru/novosti/2010-07-28/sotsialnaya-modernizatsiya-v-rossii-sotsialnaya-modernizatsiya-obshchestva-ili-modernizatsiya-sotsialnoy-poli>

Таким образом, характер современных миграционных потоков в России неизбежно ведет к снижению качества человеческого потенциала.

В связи с этим возникает необходимость прояснения следующих вопросов:

- отношение населения к эмиграции;
- причины эмиграции;
- перспективы социальных изменений в связи с эмиграцией;
- насколько ситуация с эмиграцией является специфической для России.

В данной статье предпринята попытка ответить на эти вопросы на основе результатов репрезентативного сравнительного регионального российско-белорусского исследования¹. В данном исследовании мы проанализировали отношение к эмиграции населения российской и белорусской провинции, стараясь избежать влияния на ответы респондентов как реальных возможностей эмиграции (которые могли бы исказить картину их истинных желаний), так и их стремления «показать себя в выгодном свете». Исходя из этого вместо традиционной формулировки вопроса «Хотели бы Вы уехать из России?» респондентам было предложено «примерить на себя» идеальные условия эмиграции. А именно, респондентам был задан вопрос: «Хотели бы Вы уехать в одну из развитых стран при условии, что там будет жилье и работа?»

В отношении к эмиграции населения России и Беларуси прослеживается как сходства, так и различия (см. рис. 1). Основное отличие ситуации в России в том, что желание уехать из родной страны навсегда здесь выражено намного сильнее, чем в Беларуси. В то же время в Беларуси этот вопрос вызвал в 2 раза больше затруднений, но это может быть связано как с тем, что эта проблема для белорусов не настолько актуальна, как в России, так и с нежеланием белорусов отвечать на этот вопрос.

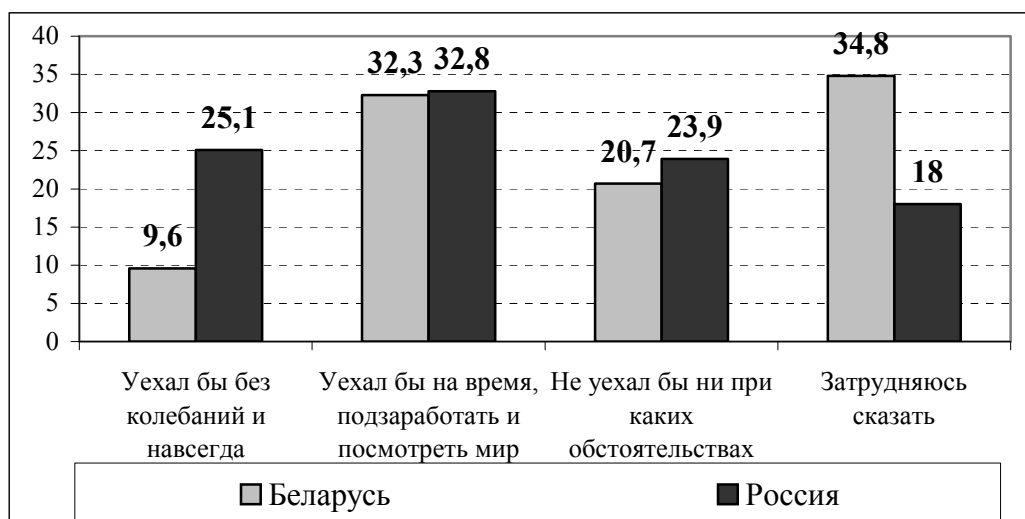

Рисунок 1.

Ответы на вопрос: «Хотели бы Вы уехать в одну из развитых стран при условии, что там будет жилье и работа?» в России и Беларуси (в % к ответившим)

Первопричина эмиграции – это неудовлетворенность индивида на прежнем месте жительства, ощущаемая как состояние несвободы. Однако необходимо различать два аспекта свободы: «свободу от» социальных ограничений и «свободу для», как возможность для саморазвития и самореализации.

С этой точки зрения можно разделить причины эмиграции на внутренние, связанные с мировоззрением, ценностной системой, и внешние, обусловленные социально-экономическими и социально-политическими факторами. Противоречие между объективными и субъективными факторами порождает желание эмигрировать, которое с социальной точки зрения проявляется как потенциальная эмиграция.

В современной ситуации отношение к эмиграции слабо связано как с социально-профессиональным статусом индивида, так и с местом жительства. Основные детерминанты наблюдаемых закономерностей обусловлены возрастными (фактически межпоколенческими) различиями: на эмиграцию больше ориентирована молодежь, на жизнь именно в своей стране – пожилые.

Ориентация на отъезд из своей страны навсегда

Молодежный характер эмигрантских настроений отчетливо прослеживается как в России, так и в Беларуси. Но если в Беларуси он присущ только самым юным респондентам (30,6% в возрасте до 20 лет и уже только 15,3% в 20–29 лет), то в России эта установка прослеживается в возрастной группе вплоть до 40 лет (хотели бы уехать из своей страны навсегда 36,1%). В России чаще такое желание высказывают учащиеся, студенты (42,5%), неработающие

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 13-23-01009. Было опрошено 900 человек взрослого населения г. Орла и Орловской области в октябре 2013 г. и 900 человек в Витебской области (Беларусь) в январе 2014 г.

(37,1%). Эта группа, по сути, и представляет собой ядро потенциальных эмигрантов. В Беларуси же хотят уехать из своей страны навсегда только 16,4% учащихся и студентов.

Субъективные причины эмигрантских настроений связаны с изменением ценностных ориентаций населения наших стран в результате пришедшего с Запада «культу материального успеха» (см. табл.1).

Таблица 1

**Связь терминальных ценностей с желанием эмигрировать из своей страны
(в % к ответившим по соответствующей группе)**

Терминальные ценности	«Уехал бы без колебаний и навсегда»	
	в России	в Беларуси
Полная, неограниченная свобода в высказываниях и действиях	–	37,0
Быть богатым человеком и жить лучше других	43,1	18,9
Карьера, власть	36,8	17,4
Хорошо зарабатывать и ни в чем себе не отказывать	34,9	–
Иметь интересную работу, позволяющую проявить свои способности и таланты	–	15,1
Всего по выборке:	25,1	9,6

В наших странах образовалось «общество потребления», которое основано не на высоком уровне жизни, а связано с широким распространением социальных отношений, основанных на стереотипе потребления, предполагающим его весьма высокий уровень, недостижимый для основной массы населения.

Однако в России противоречие сложившейся ситуации состоит не в том, что граждане не видят для себя возможности у себя на родине достигнуть желаемого уровня благосостояния. Весьма значимым оказывается способ его достижения. Россиян больше всего не устраивает нецивилизованный характер социальной среды, что порождает желание навсегда уехать из своей страны (около 35 против 25,1% по выборке). Но особенно обостренно эту проблему воспринимает молодое поколение (до 40 лет), для кого важен материальный успех. Именно их намного чаще, чем остальное население не устраивает, что для достижения успеха в современной России оказываются мало востребованными способности, трудолюбие, образование, но зато актуальны умение преступить закон и мораль, связи с нужными людьми. Ориентированные на материальный успех молодые россияне (до 40 лет), которые отмечают эти проблемы, почти в два раза чаще других выражают желание уехать из своей страны без колебаний и навсегда (около 60%).

Не удивительно поэтому устремленность молодых россиян именно в развитые страны, где становление общества потребления сопровождалось развитием в целом цивилизованных способов достижения материального успеха. В России же социально-экономические реформы последней четверти века значительно сократили стабильные каналы вертикальной социальной мобильности и привели к существенным диспропорциям в оплате труда. И хотя значительная часть российской молодежи нацелена на то, чтобы много работать и хорошо зарабатывать, эта установка быстро «выдыхается», когда они сталкиваются с реальным рынком труда в России. Работать же «за идею» современные молодые люди в России не очень склонны.

В результате мы наблюдаем парадоксальную ситуацию, когда желание навсегда уехать из России коррелирует с двумя противоположными установками: готовностью много работать ради высоких заработков (31%) и нежеланием работать вообще (36,1%), которые характерны как раз для молодежи.

Все это порождает желание уехать из России навсегда в связи с неуверенностью в завтрашнем дне (52,2%) и ощущением несвободы (47,6%). При этом отсутствие свободы чаще всего связано с негативной ситуацией на работе (35,1%) и плохими законами (32,9%), которые ограничивают жизненные перспективы человека. Тем самым можно сказать, что для этой группы наиболее значима «свобода от» негативных социальных ограничителей как причина эмигрантских настроений.

С точки зрения ориентаций населения на эмиграцию ситуация в Беларуси выглядит намного благополучнее. И это притом, что в Беларуси уровень жизни в течение последнего десятилетия ниже, чем в России¹ и, соответственно, ниже удовлетворенность населения различными сторонами жизни (питанием, одеждой, жилищем, жизнью в целом). Противовесом этому в белорусском обществе выступает социально ориентированная рыночная экономика, которая как результат государственной социальной политики реально обеспечивает позитивный экономический процесс улучшения материального положения беднейших слоев населения, уменьшая долю этой страты в обществе, и уделяет больше внимания развитию социальной инфраструктуры.

В результате (по данным нашего исследования) в белорусском обществе по сравнению с Россией меньше распространены социальные страхи перед потерей работы, бедностью, одиночеством, стать жертвой преступления или аварии, а социальную среду белорусы оценивают выше, чем россияне. В итоге здесь желание навсегда уехать из своей страны не связано с неуверенностью в завтрашнем дне.

И хотя в Беларуси присутствуют те же базовые тенденции в отношении населения к эмиграции, что и в России, их значимость и степень проявления значительно ниже. Так, стремление к материальному успеху и нецивилизованный характер социальной среды (невостребованность для достижения успеха образования, трудолюбия, добросовестного отношения к делу) становятся факторами эмигрантских настроений в 2 раза реже, чем в России.

¹ Соколова Г.Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь-Россия // Социологические исследования. – М., 2012. – № 5. – С. 10.

Однако специфика социально-политического строя Беларуси обуславливает главную детерминанту эмигрантских настроений белорусов – стремление к полной, неограниченной свободе (см. табл. 1).

У белорусской молодежи желание эмигрировать связано больше с чувством социальной несправедливости, чем с желанием разбогатеть. Среди молодых людей до 30 лет чаще всего оно возникает у тех, кто часто испытывает чувство беззащитности перед произволом чиновников (42,9%), страха за будущее страны (36,7%), стыда за нынешнее состояние страны (33,3%), несправедливости от всего, что происходит вокруг (32,4%), ненависти к группам и лицам, по воле которых жизнь в стране стала такой, какая она есть сегодня (27,8%). Но по мере взросления и адаптации молодежи на рынке труда значимость этих факторов сходит на нет.

Таким образом, в Беларуси также наблюдается стремление к «свободе от», но масштаб этого явления значительно меньше, чем в России, что обусловлено большей социальной ориентированностью государства, меньшим распространением либеральных ценностей материального успеха.

Поэтому можно говорить о специфике российской ситуации: масштаб распространенности эмигрантских настроений в молодежной среде обусловлен противоречием между распространенностью культа материального успеха и нецивилизованным характером рынка труда. Поскольку у подавляющей части населения в России нет возможности изменить ситуацию, разрешение этого противоречия проявляется как желание навсегда уехать из своей страны. Все это обуславливает в России будущие риски дальнейшего снижения качества человеческого капитала и усугубления тенденции старения населения, что делает прогноз по социальной базе модернизации более негативным, чем в Беларуси.

Ориентация на отъезд из своей страны на время

К этой группе мы отнесли респондентов, высказавших желание «уехать из своей страны на время, подзаработать и посмотреть мир». Они не стремятся навсегда «порвать» с родиной, но и не хотят ограничивать себя только тем, что могут получить, живя дома. Желание «уехать из своей страны на время» высказали около трети респондентов как в России, так и в Беларуси. О сходстве ситуации в наших странах говорят основные количественные и качественные параметры, характеризующие эту группу.

Прослеживаются сходные социально-демографические характеристики этой группы. Как в России, так и в Беларуси на отъезд из своей страны время ориентируются более молодые респонденты (около 40% среди респондентов моложе 50 лет), одинаково часто – учащиеся и студенты (более 40%). Полностью совпадает и социальный состав (работающие, учащиеся, пенсионеры, не работающие) этой группы.

Показательно, что чаще всего желание уехать из своей страны на время высказывают вполне благополучные в социальном отношении граждане. Те, у кого хорошее (по российским и белорусским меркам) материальное положение, позволяющее без труда приобретать вещи длительного пользования (но не автомобиль или жилье) (более 40%). Те, кто уже состоялся у себя на родине: имеет интересную работу (55,3% в России и 47,1% в Беларуси), уверены в завтрашнем дне (49,1% в России и 39,5% в Беларуси) и в целом удовлетворены своими жизненными перспективами (более 70%).

Поэтому можно говорить об общих для наших стран мотивациях в этой группе. Данные табл. 1 говорят о том, что основная доминанта и в России, и в Беларуси – стремление к самореализации и расширению своих возможностей, прежде всего в профессиональной сфере, т.е. стремление к «свободе для».

В России это не бегство от тех или иных негативных обстоятельств, как это наблюдалось в первой группе, поскольку уехать на время хотят как раз те россияне, которые и у себя на родине уже чувствуют себя свободными в значимых для них сферах: благодаря успешной карьере, возможности заниматься любимым делом, материальной независимости и возможности свободно выражать свое мнение. Напротив, реже всего высказывают такое желание те респонденты, кто себя свободным не чувствует (12%).

Таблица 2

Связь терминальных ценностей с желанием уехать из своей страны на время (в % к ответившим по соответствующей группе)

Терминальные ценности	Хотят уехать из своей страны на время, подзаработать и посмотреть мир	
	в России	в Беларуси
Интересная работа	44	45,2
Уверенность в завтрашнем дне	38,5	40,4
Хорошо зарабатывать	–	44,7
Жить в экологически чистой среде	–	42,4
Полная, неограниченная свобода в высказываниях и действиях	40,6	–
Карьера и власть	40,4	–
Всего:	32,8	32,3

Особенности социально-политической системы в Беларуси актуализирует в качестве фактора, влияющего на желание уехать из своей страны на время, помимо стремления к «свободе для» также и стремление к «свободе от» таких ее ограничителей, как недостоверная и необъективная информация в СМИ (50,9%), недобросовестность белорусских производителей (43,4%), произвол представителей властных структур (42,8%).

Судя по всему почти у трети как российского, так и белорусского социума для удовлетворения потребности в самореализации в социокультурном и социально-профессиональном развитии на родине существует целый ряд ограничений. Не случайно, что в обеих странах прослеживается связь желаний уехать на время с запросом на такую власть, которая бы способствовала реализации личных жизненных планов респондентов (42,5% в России и 40,8% в Беларуси).

Поскольку в отличие от первой группы ценности материального успеха для этой группы стоят далеко не на первом месте, перспективы повышения своего уровня жизни респонденты рассматривают как возможность уехать из своей страны для реализации более значимых для них целей самореализации.

Эта тенденция не может не настораживать с точки зрения стоящей перед нашими странами задачи проведения модернизации, поскольку наиболее благополучные в социальном плане, ориентированные на профессиональное развитие граждане и являются социальной базой модернизации, за решение задач которой они могли бы взяться уже сегодня. Но нет никаких гарантий, что уехав на время, они вернутся на родину.

В России эта ситуация усугубляется тем, что желание уехать на время характерно скорее для соотечественников с российской национально-гражданской идентичностью (38,9%). При этом немного чаще его высказывают именно те респонденты, для которых понятия «национальный интерес» и «патриотизм» не утратили свою значимость (37,3%).

Ориентация на жизнь на родине

На снижение в будущем количества трудовых ресурсов в наших странах указывает то, что желание «не уезжать из своей страны ни при каких обстоятельствах» выразили менее четверти респондентов как в российской, так и в белорусской провинции. Это преимущественно старшее поколение предпенсионного и пенсионного возраста (в России 39,3%, в Беларуси 43,6%).

Очевидно, что такое отношение к эмиграции обусловлено не только естественными возрастными ограничениями мобильности. Чаще всего не хотят уезжать из своей страны респонденты, которые живут в безопасной среде, создали крепкую семью, сделали успешную карьеру, а также «живут по правде, совести, справедливости». Объединяющими факторами являются также социальные установки представителей этой группы и система ценностей, которые они разделяют, что позволяет охарактеризовать эту группу как традиционное общество, в котором прослеживаются черты советского образа жизни (см. табл.3, 4).

Таблица 3

Связь терминальных ценностей с желание жить в своей стране (в % к ответившим по соответствующей группе)

Терминальные ценности	Не хотят уезжать из своей страны ни при каких обстоятельствах	
	в России	в Беларуси
Стремление к Богу, следование его заповедям	30,2	55,0
Жить по правде, совести, справедливости	31,4	28,5
Чувствовать себя в безопасности, не ощущать угрозы насилия	—	34,3
Уважение со стороны окружающих	—	29,6
Жить в экологически чистой среде	35,2	—
Всего по выборке:	25,1	21,3

Их отличает более ответственное отношение к труду, а культ материального успеха явно не входит в сферу их интересов (см. табл. 4). Желание жить на родине либо вообще не обусловлено уровнем жизни (в России), либо коррелирует с весьма «скромным» уровнем достатка, когда денег хватает только на продукты и одежду, а на вещи длительного пользования уже нет (в Беларуси).

Мало совместимыми с ориентацией на жизнь на родине оказываются такие жизненные достижения, как богатство, свобода в поступках и словах, равно как и отсутствие каких-либо жизненных достижений, что не характерно для традиционного общества.

Таблица 4

Влияние социальных установок на желание жить в своей стране (в % к ответившим по соответствующей группе)

Социальные установки	Не хотят уезжать из своей страны ни при каких обстоятельствах	
	в России	в Беларуси
Готов на своей работе делать все, что в его силах, независимо от оплаты	45,1	34,0
Надо работать на благо своей страны, а не только на себя	32,2	32,6
Не согласен с тем, что «если все время вкалывать, то жизнь пройдет мимо»	32,9	36,5
Не согласен с тем, что «Все продается, дело только в цене»	30,1	30,0
Готов рисковать ради возможности разбогатеть	14,7	3,8
Всего по выборке:	25,1	21,3

Именно отсутствие сверхценности материального успеха, присущей обществу потребления, и ответственность отличает представителей этой группы. Эти установки дают ощущение свободы, которое обуславливает отсутствие мотивации для поиска лучшего местожительства, несмотря на те негативные условия жизни, которые присутствуют в современной России и Беларуси. Так, среди тех, кто не уехал бы из своей страны ни при каких обстоятельствах, в Беларуси 80% в основном чувствуют себя свободными, в России – 54,2%.

Показательно, что на желание не уезжать из своей страны ни при каких обстоятельствах влияет фактор советской идентичности, причем в России сильнее (42,4%), чем в Беларуси (36,6%). Тогда как национально-государственная идентичность таковым не является. Более того, в России граждане, считающие себя россиянами, хотят уехать из своей страны на время, а не жить постоянно на родине. Но в силу естественных причин влияние фактора «советской идентичности» будет только сокращаться.

Социальная роль этой группы в силу ее социально-демографических характеристик сводится прежде всего к сохранению традиционных устоев общества, обеспечению его социальной стабильности, но не может способствовать ни росту качества человеческого капитала, ни обеспечить технико-технологическую модернизацию наших стран, поскольку достижительная мотивация для этой группы не характерна.

* * *

Выявленные межпоколенческие различия в отношении населения стран к эмиграции отражают тот ценностно-нормативный раскол, который произошел в наших странах за последние 25 лет. Молодежь в большей степени восприняла новые ценности общества потребления, тогда как старшее поколение во многом сохранило черты советского образа жизни. Особенно остро это проявляется в России. В Беларуси ситуация не столь критична благодаря более социальному характеру государства.

К социальным причинам эмиграции можно отнести следующие.

- Противоречие между ценностями материального успеха и отсутствием цивилизованного рынка труда проявляется в желании уехать из своей страны навсегда – стремление к «свободе от». Прежде всего это касается молодежи. В России эта проблема намного острее из-за большего распространения ценностей материального успеха и высокого уровня коррупции, диспропорций в оплате труда, когда размер оплаты труда зачастую слабо связан с уровнем квалификации. В Беларуси культ материального успеха распространен меньше, а социальный характер государства позволяет сгладить многие противоречия.

- Потребность в саморазвитии, профессиональном и карьерном росте у наиболее успешной части социума актуализируется в стремлении к «свободе для», что при существующих в России и Беларуси ограничениях для социально-профессионального роста и самореализации порождает желание уехать из своей страны на время. В России эта проблема усугубляется тем, что затрагивает граждан именно с российской идентичностью.

- Желание не уезжать из своей страны ни при каких обстоятельствах характерно для традиционного общества с элементами советского образа жизни. Проявляется прежде всего в старшей возрастной группе, с советской идентичностью и «терпимым» отношением к социальным ограничениям.

Все это обуславливает негативные перспективы дальнейшего снижения качества человеческого капитала и вносит дополнительный вклад в постарение населения. Прежде всего это касается России. В Беларуси социально-ориентированная экономика позволяет более успешно снижать уровень бедности, сглаживая многие противоречия. Но она не обеспечивает возможности для развития более амбициозной части социума, ориентированной на социально-профессиональный рост.

Выводы

1. Социальная динамика общества в свете ускорения темпа перемен в России и Беларуси выражена в изменении традиционной социальной мобильности.

2. При сохранении негативного характера социальной среды (нецивилизованный рынок труда, коррупция, распространенность сверхценности материального успеха и крайнего индивидуализма) снижение качества человеческого капитала за счет эмиграции наиболее активной и образованной части населения и, прежде всего, молодежи будет продолжаться.

3. Без выстраивания стабильных каналов вертикальной мобильности, основанных на уровне образования и способностях человека, а не на связях с нужными людьми, будет продолжаться отток из страны даже патриотично настроенных граждан.

4. Стабильность общества сейчас обеспечивает старшее поколение с советской идентичностью, влияние которой будет снижаться.

5. Без повышения уровня жизни большинства населения жизнь в своей стране не будет привлекательна для самой активной части населения.

Эти факторы являются рисками на пути модернизации наших стран и углубления интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Апанасенко Г.Л.

д.м.н., профессор, зав. кафедрой санологии и спортивной медицины Национальной медицинской академии последипломного образования, Киев
apanas@ukr.net

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕГРАДАЦИЯ НОМО SAPIENS И ЧЕТВЁРТЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД: ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

Ключевые слова: демографические процессы, демографический переход, биологическая деградация человека, здоровье популяции, качество человеческого капитала, энергопотенциал биосистемы, индустрия здоровья.

Анализ литературы и собственные данные убеждают в том, что перед человечеством стоит проблема, значимость которой пока не осознаётся в достаточной мере ни общественностью, ни наукой – биологическая деградация вида *Homo sapiens*. Она проявляется ускоренным темпом старения, снижением «количества» здоровья (жизнеспособности) популяции, эпидемией хронических неинфекционных заболеваний (ХНИЗ: сердечно-сосудистые, онкологические, эндокринные и т.п.), ослаблением репродуктивной функции, рождением ослабленного потомства, ухудшением психофизиологических качеств и др. Признаки этой деградации наблюдаются на всём Земном шаре, включая развитые страны. Всё это является следствием снижения устойчивости неравновесной термодинамической системы (живого) по причине дефицита внутриклеточной энергии («митохондриальной недостаточности»; Г.Л. Апанасенко, 2014).

Серия независимых расчётов, проведённых учёными разных стран и разных специальностей, показала, что эволюционные процессы ускорялись и около середины XXI века экспоненциальная кривая, отражающая ускорение социальной эволюции, превращается в вертикаль («вертикаль Снукса-Панова», рис. 1).

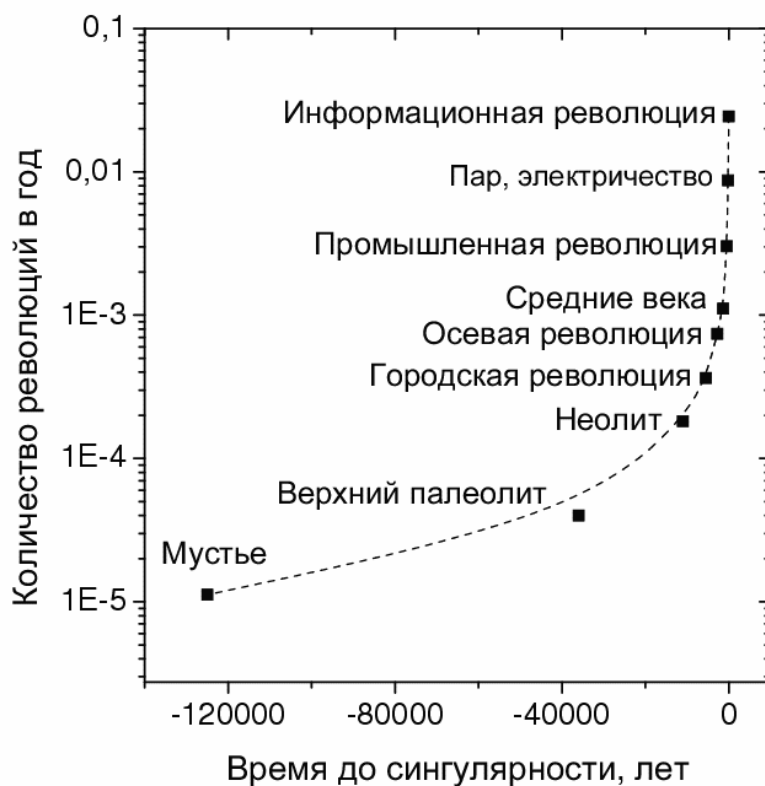

Рисунок 1.

Ускорение социальной эволюции (по: Панов А.Д., 2008)

Полученная математическая сингулярность может означать, что эволюция на Земле вступает в полифуркационную фазу, сопоставимую по масштабу и по значению с появлением жизни (Панов А.Д., 2008). Нас ждёт, как утверждают специалисты, *грандиозный фазовый переход, какого ни человечество, ни биосфера Земли ещё не переживали*. Должен произойти прорыв к какому-то качественно новому состоянию либо начнётся нисходящая ветвь планетарной

эволюции, и последующие изменения в обществе и в природе будут необратимо направлены в сторону термодинамического равновесия, т.е. исчезновения жизни (Назаретян А.П., 2012).

Одним из признаков того, что земная биосфера уже вступает в постсингулярный рукав эволюции, может служить удивительное явление демографического перехода. Население развитых постиндустриальных государств *прекратило рост в условиях материального изобилия*. Впервые живая материя не стремится к неограниченной физической экспансии, несмотря на наличие материальных условий для этого. Так нарушается основной закон эволюции, который неизменно выполнялся в течение 4 млрд. лет.

С нашей точки зрения, есть все основания говорить о *четвёртом* демографическом переходе. Если *первый* демографический переход выразился в изменениях уровней рождаемости и смертности, *второй* – в изменениях сексуального поведения, организации жизни семьи и ее форм, а *третий демографический переход* затрагивал его состав (Coleman D., 2006), то *четвёртый* демографический переход характеризует снижение качества (жизнеспособности) популяции. С каждым годом он будет всё более обостряться, проявляясь *снижением качества человеческого капитала* (Г.Л. Апанасенко, 2014).

Человеческий капитал представляет собой главный ресурс страны в виде численности и качества людей, пригодных по физическим, психическим, нравственным, интеллектуальным, культурным и профессиональным параметрам для обеспечения конкурентоспособности государства. Государство, не видящее свою основную ценность в здоровом человеке и населении в целом, теряет свой основной капитал – человеческий. Очевидно, для того, чтобы предотвратить подобное негативное течение событий, государству необходимо контролировать качество человеческого капитала хотя бы по одному из главных его показателей – жизнеспособности популяции. Заболеваемость и смертность – показатели, непригодные для осуществления этого мониторинга, т.к. являются производными от «крепости» здоровья популяции (больше здоровья – меньше болезней и наоборот).

Характерным для современного этапа социальной эволюции является то, что уже несколько поколений свободны от естественного отбора, а это значит, что каждое последующее поколение слабее предыдущего. Вот как об этом говорит крупнейший специалист в области эволюции человека А. Марков (2011): «Вырождение в условиях, когда нет естественного отбора, происходит быстро и неотвратимо. Очень скоро мы получим поколение настолько слабое, чахлое, болезненное и бессильное, что никакая суперсовременная медицина не поможет».

Суть проблемы очевидна. Радикально уходя от своего естества в процессе социальной эволюции, человечество уже серьёзно подпилило ту ветку, на которой сидит – уменьшило устойчивость неравновесной термодинамической системы, лежащей в основе феномена жизни.

Можно ли говорить о том, что человечество ступило на грань катастрофы? Очень не хотелось бы так думать, но, исходя из всего того, что изложено выше, ответ очевиден. К сожалению, неравновесная термодинамическая система, лежащая в основе жизни, в процессе социальной эволюции теряет свою устойчивость.

Но эта перспектива – не сход лавины, цунами или землетрясение. Это процесс длительный, хотя и неумолимый. Лишившись необходимости вследствие приспособления для себя любимого среды обитания выполнять объективные требования Природы совершенствовать своё естество (т.е. отсутствие естественного отбора), Человек живёт, потворствуя своим не всегда здоровым, а чаще нездоровым наклонностям. Иными словами – он неправильно эксплуатирует ту конструкцию, которой наделила его щедрая Природа. А чтобы исправить катастрофическую ситуацию, нужно эту конструкцию использовать в соответствии с биологическими законами. А для этого нужно очень чётко себе представлять, что такое жизнь, от чего она зависит, и как привести её к требованиям, которые выдвигает Природа.

Сущность человека – сознание. А наше тело – «оболочка» для сознания. Жизнь – это процесс, состоящий из сотен тысяч биохимических реакций, и он осуществляется в нашем теле. А тело – посредник между нами и миром. Уходит тело – уходит и сознание. Тело – материально, его можно пощупать, исследовать. Что происходит после смерти с сознанием (душой) – пока загадка и поле битвы мировоззрений. Наше тело – в руках врачей, и они могут разложить его по органам и системам и даже отдельным клеточкам. Значит ли это, что мы можем ожидать от современной медицины спасения от надвигающейся катастрофы?

Сегодня медицина – это целая индустрия, «индустрия болезни». Она располагает огромным банком данных. Даже при общем знакомстве с предметом своей деятельности врачу грозит перспектива потеряться в массе информации, в лавине блистательных и виртуозных исследований, порой в очень узких и специфических направлениях этой науки, и ощутить их отчужденность от познания целостного человека. Фрагментарность накопленной информации – как следствие увлечения аналитическими исследованиями – является тем принципиальным недостатком, который затрудняет познание человека как целостной системы.

Но при всём разнообразии элементов живого всегда существуют три основных её компонента: источник энергии для обеспечения жизненных процессов; доставка в органы и ткани топлива и окислителя для «биологической печи», обеспечивающей накопление энергии, а также «строительного материала» для органов и тканей; и удаление отходов – продуктов жизнедеятельности. И всем этим руководит комплексный «регулирующий треугольник», состоящий из нервной системы, системы эндокринной регуляции и иммунитета.

Мало кто из врачей, решающих текущие задачи диагностики состояния и лечения пациентов, поднимается над частными проблемами анализа процессов жизнедеятельности конкретного индивида. Он всегда находится внутри этих проблем, не имея возможности сопоставить отдельные факты и радикально решить проблему восстановления здоровья пациента. Заслугой автора этой статьи и является то, что он увидел (благодаря специфике его научно-практической деятельности) центральное звено, от успешности функционирования которого зависит благополучие всего организма. Это звено – энергопотенциал биосистемы.

Ничто в мире не совершается без затрат энергии. И чем больше энергии на единицу субстрата, тем лучше работает система. Это и доказывать никому не нужно. Совершенствуя в процессе эволюции энергообеспечение функций, человек взобрался на вершину биоэнергетической лестницы. Не оценивая состояние энергопотенциала индивида – по функциональной способности функции митохондрий – невозможно дать ни ближайший, ни отдалённый прогноз исхода борьбы за здоровье. Рассматриваются и оцениваются десятки и сотни показателей, формирующиеся в симптомы и синдромы, чтобы найти кратчайший путь к выздоровлению. В то же время, в психологической науке давно отмечен забавный феномен: избыток информации чрезвычайно мешает принятию правильного решения и пониманию ситуации в целом. А ограничение информации самым парадоксальным образом улучшает ситуацию, заставляя принимать правильное решение. Этот принцип и использовал автор в своей научно-практической деятельности. И это даёт конкретные результаты.

Самый яркий пример достижений автора – попытка установить генез возникновения и развития хронических неинфекционных заболеваний, в том числе – ишемической болезни сердца. (Г.Л. Апанасенко, 2014). Наиболее распространённая и, не будем скрывать, недостаточно действенная концепция борьбы с этой группой заболеваний – концепция факторов риска возникновения ХНИЗ. Эти факторы подразделяются на экзо- и эндогенные. С экзогенными факторами риска призвано бороться государство, побуждая население к следованию принципам здорового образа жизни – не пить, не курить, не переедать, заниматься физкультурой и пр. («популяционная» стратегия профилактики). Но мало кто из наших сограждан задумывается о своём здоровье – до тех пор, пока не прозвенит звоночек, возвещающая о новом, отнюдь не лучшем периоде жизни. Трудно стало подниматься на свой 3-й этаж без лифта, пришлось поменять одежду, увеличив её размеры, нарушился сон, появились неприятные ощущения в области сердца и пр. и пр. И тут на сцену выступает врач. На этом этапе уже реализуется так называемая «групповая» стратегия профилактики. После сдачи анализов и бесед с врачом пациент попадает в одну из групп в зависимости от того, какой фактор риска у него преобладает – гипертензия, гиперхолестеринемия, гипергликемия etc. И с каждым фактором риска пациент с помощью врача начинает бороться, получая на руки горсть препаратов – гипотензивных, статинов, сахаропонижающих и пр. По некоторым данным сейчас насчитывается несколько сотен эндогенных факторов риска ИБС, и с каждым годом их количество увеличивается. И со всеми ними нужно бороться. Трудно? Очень трудно! Самое печальное: не всегда удаётся остановить развитие заболевания, и оно вскорости проявляется со всеми своими последствиями вплоть до необходимости заказывать место для обеспечения вечного покоя.

А есть ли другой выход из положения? Да, он есть.

Для решения проблемы необходимо создание совершенно нового направления деятельности в социальной сфере (вне сферы здравоохранения) – «индустрии здоровья», имеющей свою цель – приостановить потерю устойчивости термодинамического неравновесия, – и способы их решения.

При выборе технологий этой индустрии нужно помнить о важнейших трёх компонентах живой системы – аккумуляторе энергии, системе доставки топлива и окислителя для его сжигания, а также системе выделения отработанных продуктов жизнедеятельности. Оказалось, что существует такой уровень энергетического обеспечения функций, который препятствует развитию эндогенных факторов риска и проявлению заболеваний. Именно он соответствует той ступеньке биоэнергетической лестницы эволюции, на которую взобрался человек (Мы назвали его «безопасным уровнем» здоровья, Г.Л. Апанасенко, 1992). К сожалению, всё то, что объединяется общим термином «экзогенные факторы риска» (включая и поведенческие факторы) приводят к «сползанию» индивида со своей ступеньки, вызывая возрастание энтропии в биосистеме, иными словами – развитию хаоса. Болезнь – это проявление хаоса функций.

Можно ли предотвратить подобное печальное развитие событий? Конечно можно, если постоянно контролировать уровень энергопотенциала биосистемы. И вовремя принимать меры по его возрастанию. Учитывая, что сейчас весьма малая толика населения находится на своей ступеньке биоэнергетики (на Украине – менее 1%, полагаем, что в РФ не больше), необходимо думать о создании целой «индустрии здоровья», технологии которой в корне отличаются от медицинских.

Таким же образом – без использования продукции фарминдустрии – можно решить проблемы с доставкой в нужные области организма «топлива» и «окислителя» к тканям, совершенствования системы выведения отработанных продуктов жизнедеятельности и пр. Но для всего этого нужен, прежде всего, специалист, специалист по здоровью. Таких специалистов очень мало, несмотря на то, что ещё в 1991 г. автору удалось утвердить на Украине практическую специальность «врач-санолог». Но ниши в государственной системе здравоохранения для них нет, как нет финансирования и поддержки академической науки этого научного направления. И ещё меньше желания решать проблемы подобным способом у представителей фарминдустрии: одни сахаропонижающие таблетки и статины сколько прибыли приносят. (По некоторым данным статины принимает до 25% взрослого населения США!).

Принято считать, что главной причиной смертности населения (до 80–85% всех случаев смерти) являются ХНИЗ. Поэтому – и это является постулатом – для улучшения здоровья надо бороться с ними, *что по сути своей бессмысленно и экономически не оправдано*. Наши исследования чётко показали, что *люди заболевают и преждевременно умирают от потери здоровья, а различные болезни являются следствием снижения потенциала здоровья* (больше здоровья – меньше болезни и наоборот).

Таким образом, в первую очередь необходимо устранять причину заболеваемости и смертности населения – снижение потенциала здоровья, а не его последствия – болезни.

Отсутствие понимания причин ухудшения индивидуального и общественного здоровья, а также подмена понятий «здоровье» и «болезнь» на уровне государственного, отраслевого и территориального управления приводят к принятию неправильных управленческих решений: говорим о здоровье – подразумеваем болезни.

Сегодня наука о здоровье должна рассматриваться с позиций государственного управления здоровьем нации и управления жизнедеятельностью каждого человека. Она должна иметь собственные методы исследования и мониторинга физического, психического здоровья и качества жизни с тем, чтобы реализовать и менять персональные программы качества жизни и здоровья, используя эффективные технологии формирования индивидуального и общественного здоровья (П.П. Горбенко, 2014). Очень важно иметь социальный заказ – повышение качества жизни и здоровья населения и достижение нового более высокого качества человеческого капитала страны.

Сегодня еще мало кто понимает, что здоровье – это не только отсутствие болезней, плохого самочувствия и ошутимого снижения функций организма, но и реальность, имеющая свою субъективную и объективную характеристику. Только при совместном определении показателей здоровья и болезни и их сопоставлении можно говорить об уровне здоровья конкретного человека и имеющихся у него заболеваниях, а также определять правильную стратегию и тактику оздоровления и лечения. *Оздоровление должно осуществляться постоянно, а лечение – при необходимости.*

Опыт показывает: чем больше денег вкладывается в лечение, тем больше становится больных и увеличивается финансовая нагрузка на государство. Чем больше денег будет вкладываться в здоровье и качество жизни, тем больше будет здоровых и успешных людей.

Основой для функционирования индустрии здоровья в целях повышения качества жизни и здоровья для каждого человека является **система управления здоровьем**: характеристика управляемого объекта (здоровья) прямыми показателями (методики нами разработаны), формирование управляющих действий, их реализация, оценка адекватности и эффективности.

В настоящее время самостоятельно без участия государства формируется индустрия качества жизни и здоровья в составе центров фитнес, шейпинга, СПА, велнес, оздоровительных центров и др. Создаваемые центры здоровья, спортивно-оздоровительные, рекреационно-оздоровительные, курортные и туристские комплексы образуются без должного научно-технологического обоснования, профессионального подхода и применения инновационных технологий качества жизни и здоровья и, вследствие этого, технологически отстают на 10-30 лет. Необходима национальная инновация, позволяющая в течение ближайших лет улучшить качество жизни и здоровье населения, демографическую ситуацию, повысить качество человеческого потенциала и существенным образом повлиять на процесс социально-экономического развития страны. *Иными словами – создание государственной системы (национальной индустрии) качества жизни и здоровья.*

Перспектива развития индустрии качества жизни и здоровья в виде *приватно-государственного партнерства* позволит создать на выгодных для государства условиях инновационную отрасль. Пример фитнеса, велнеса, СПА и т.п. показывает, что люди готовы вкладывать личные деньги в своё здоровье, и в здоровье своих детей.

Заключение

На сегодня имеется достаточно убедительных доказательств наличия признаков биологической деградации вида Homo Sapiens. Снижение качества человеческой популяции знаменует собой четвёртый демографический переход. Это существенно снижает главное богатство страны – человеческий капитал. Использование чисто медицинских подходов не может решить проблему сохранения, а тем более повышения качества человеческого капитала. Убедительным доказательством высказанного положения является солидная публикация И.А. Гундарова с соавторами (2013), в которой на основе метаанализа восемнадцати многофакторных программ профилактики ишемической болезни сердца проведена оценка влияния профилактического вмешательства на динамику общей смертности. В шестнадцати программах различия динамики общей смертности между группами профилактики и контроля не выявлены, в одном исследовании смертность при вмешательстве снизилась, еще в одном – выросла. Таким образом, результаты метаанализа свидетельствуют о том, что *ни популяционная стратегия профилактики ишемической болезни сердца, ни стратегия группового риска не дают убедительных доказательств своей эффективности.* Единственный выход из создавшейся ситуации – создание «индустрии здоровья» на основе частно-государственного партнёрства.

Список литературы

1. Апанасенко Г.Л. Эволюция биоэнергетики и здоровье человека. – СПб: Петрополис, 1992. – 138 с.
2. Апанасенко Г.Л. Эпидемия ХНИЗ: стратегия выживания. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. – 240 с.
3. Апанасенко Г.Л. Планетарная эволюция и здоровье человека // Историческая психология и социология истории. 2014. – Т. 7, № 1. – С. 92–101.
4. Гундаров И.А., Полесский В.А., Запороженко В.Г. Смертность в программах многофакторной профилактики ишемической болезни сердца // Здравоохранение Российской Федерации. – М., 2013. – № 3. – С. 6–9.
5. Марков А. Эволюция человека. – М.: Изд-во МГУ, 2011.
6. Назаретян А.П. Нелинейное будущее и проблема жизненных смыслов // Историческая психология и социология истории. 2012. – Т. 5, № 2. – С. 148–180.
7. Панов А.Д. Единство социально-биологической эволюции и предел её ускорения // Историческая психология и социология истории. 2008. – Т. 1, № 2. – С. 25–48.
8. Coleman D. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition // Population and Development Review. 2006. – Vol. 32, N 3. – P. 401–446.

Бараненкова Т.А.

к.э.н., с.н.с. Института экономики РАН
agasty73@mail.ru

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Ключевые слова: *трудовой потенциал, здоровье населения, система образования, демографические процессы.*

Трудовой потенциал страны – это трудовые ресурсы, рассматриваемые в аспекте единства их количественной и качественной сторон.

Количественную сторону трудового потенциала характеризует трудовая структура населения, в основе которой лежат возрастные группы (дорабочий, рабочий и послерабочий возраст), определяемые трудовым и пенсионным законодательством.

Важным требованием инновационной экономики является качество трудового потенциала, развитие интеллектуального параметра его, на которое воздействует комплекс факторов – генетических, медико-биологических, социальных.

К сожалению, постсоветский период характеризуется ухудшением качественных характеристик населения, его деградацией (духовной, психологической, психической, физической).

Задачи инновационного развития в современной России, приходится решать в условиях напряженной обстановки на рынке труда, территориальных и отраслевых дисбалансов трудовых ресурсов.

В этой связи представляется целесообразным проанализировать, прежде всего, демографический аспект формирования трудового потенциала – естественной его основы, изменения демографических структур, которые могут быть включены в систему повышения его качества.

Уже в ближайшей перспективе Россию ожидает сокращение трудового потенциала, его постарение, рост демографической нагрузки на трудоспособное население.

Долговременная тенденция убыли населения в возрасте до 20 лет сменится тенденцией роста, вместе с тем, «бум» рождаемости во 2-й половине 1940–1950-х гг. обусловил ускорение роста числа пожилых людей в ближайшие годы. Доля лиц в возрасте 65 лет и старше увеличится к 2025 г. во всем населении до 16–18%, а к 2030 г. составит от 17 до 20%¹.

В целом по стране возрастной состав населения по сравнению с предыдущим периодом становится менее благоприятным с экономической и демографической точек зрения.

Формирование трудового потенциала на региональном уровне будет характеризоваться рядом особенностей. Так, небольшой долей молодежи в составе трудового потенциала будут отличаться регионы, в которых длительное время наблюдался низкий уровень рождаемости, значительно отстающий от среднероссийского показателя (например, территория Центральной России). Повышение доли старших возрастных групп в трудоспособном населении может негативно отразиться на способности рабочей силы адаптироваться к новым технологическим и информационным изменениям.

Для некоторых регионов (в первую очередь для Северного Кавказа, национальных республик и автономных округов) будет характерен рост молодой возрастной структуры трудового потенциала, что может усилить здесь напряженность на рынке труда.

Разнообразие процессов формирования трудового потенциала в различных российских регионах диктует необходимость разработки комплекса мер по сохранению трудового потенциала применительно к данной специфике, т.е. проведения мероприятий по повышению профессиональной мобильности, подготовки и переподготовки кадров, по содействию занятости молодых людей, повышению их общеобразовательного уровня, приведения рынка образовательных услуг в более полное соответствие с потребностями рынка труда в молодых специалистах.

* * *

Сохранение формируемого трудового потенциала, недопущение его потерь требует, прежде всего, активизации мер по укреплению здоровья населения.

Сокращение заболеваний и смертности населения – важный резерв увеличения трудового потенциала страны. Как свидетельствуют статистические данные, в России в период с 2000 по 2012 годы все болезни, за исключением

¹ Население России. 20-й ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 397.

некоторых инфекционных и паразитарных, увеличились, общий коэффициент заболеваемости (на 1000 человек населения) возрос с 730,5 до 793,9¹.

Несмотря на довольно устойчивое снижение смертности населения после 2005 г. в целом по стране (и практически по всем регионам), ее уровень в 2012 г. еще превышал уровень, достигнутый в 1992 г., на 7,6%. Самые высокие коэффициенты смертности в этом периоде отмечаются в Центральном и Приволжском Федеральных округах, самые низкие – в Северо-Кавказском ФО².

Внутри федерального округа также наблюдается значительное отклонение коэффициентов смертности по территориям, в него входящих. Так, в 2012 г. при среднероссийском коэффициенте смертности, равном 13,3 (число умерших на 1000 человек населения) и, например, 13,9 по ЦФО, в Тверской области коэффициент смертности составил 18,3, в Тульской – 17,7, в то время как в Москве – 9,9.

Сравнение повозрастных коэффициентов смертности населения страны за 1990 и 2012 гг. свидетельствует, что по динамике показателей смертности наиболее неблагоприятная картина характерна для населения трудоспособного возраста. Если в младшей подгруппе 15–19 и 20–24 лет эти показатели снизились на 5–30%, то в старшем рабочем возрасте (45–59/54) наблюдалась стагнация коэффициентов смертности, а в возрастной группе 25–44 лет – их рост (у мужчин в 1,1–1,4 раза, у женщин – в 1,2–1,7 раза).

Большой резерв для будущего пополнения трудового потенциала страны представляет дальнейшее снижение детской смертности, особенно смертности в младенческом возрасте (т.е. в возрасте до одного года). С 1992 г. коэффициенты младенческой смертности постоянно снижались. Если в 1990 г. данный коэффициент по РФ был равен 18,0, то в 2013 г. – 8,2. (Заметим, что во многих развитых европейских странах величина этого показателя гораздо ниже). Кроме того, в отдельных регионах страны и их территориях коэффициент младенческой смертности значительно выше среднероссийского; сверхвысокие показатели присущи Чеченской Республике, Чукотскому АО, Республике Тыва, Еврейской автономной области, Республике Дагестан, где данные коэффициенты составляют 21,9; 21,2; 18,1; 15,2 соответственно³.

Если на индивидуальном уровне на показатели смертности населения большое влияние оказывают образование, социальный статус, связанный с занимаемой должностью, уровень получаемых доходов, жилищные условия, то на региональном можно отметить такие факторы, как уровень безработицы и преступности, отдаленность региона от центра, степень загрязнения окружающей среды, доступность и качество медицинской помощи и т.д.

С переходом к рыночным отношениям в здравоохранении была принята система обязательного медицинского страхования, неоднократно подвергавшаяся критике и претерпевшая за 20 лет целый ряд изменений, однако несущественных, незначительно способствующих повышению ее эффективности.

Среди важных причин высокой смертности населения, в том числе населения трудоспособного возраста, необходимо отметить низкий уровень жизни значительной части населения, около 15% населения имеют доходы ниже прожиточного минимума.

По-прежнему уровень общественных расходов на здравоохранение в нашей стране по сравнению с развитыми странами довольно низок (не превышает 3% ВВП). Как свидетельствуют опросы, регулярно проводимые Левада-центром, удовлетворенность населения действующей системой здравоохранения в России остается стабильно низкой.

Продолжающееся усиление неравенства в обществе, в том числе в поддержании здоровья населения, большая часть которого не может пользоваться платными медицинскими услугами, требует более активного участия государства в обеспечении населения качественным медицинским обслуживанием.

С социально-медицинскими проблемами здоровья населения как направлением укрепления естественной основы трудового потенциала тесно переплетается экологическая компонента его качества.

Формирование данной компоненты – результат взаимодействия общества и природы. Нарушения этого взаимодействия, совершаемые довольно часто не только со стороны природы (землетрясения, наводнения, извержения вулканов, пыльные бури и др.), но и со стороны общества, негативно отражаются на физическом и психическом состоянии здоровья как действующего, так и последующего поколения – будущего пополнителя трудового потенциала.

Нельзя не отметить высокую долю заболеваемости органов дыхания населения среди всех его болезней, которые составили в 2000 г. – 43,4%, в 2010 г. – 41,5 и в 2012 г. – 41,7%⁴.

Нарушения взаимодействия природы и общества требуют дальнейшего их изучения, они нуждаются в эффективном решении в направлении усиления воздействия людей на природу. По мере развития научно-технического прогресса степень этого воздействия должна возрастать.

Необходимо учитывать, что экономические потребности населения неодинаковы, прежде всего, в территориальном разрезе. Очень важно принимать во внимание конкретные экологические условия жизнеобеспечения населения на огромных просторах нашей страны и в связи с этим – потребности в одежде, жилье, питании, труде, отдыхе и т.д. с целью последующего преодоления экологического дискомфорта. До сих пор в Сибири, на Крайнем Севере, на Дальнем Востоке, т.е. в основном на территориях с экстремальными условиями жизнедеятельности, уровень развития социальной инфраструктуры зачастую продолжает оставаться значительно ниже, чем в давно обжитых, с более благоприятными природными условиями районах.

¹ ФСГС. Россия в цифрах. Краткий стат. сборник. – М., 2014. – С. 168–169.

² ФСГС. Регионы России. Социально-экономические показатели. – М., 2013. – С. 67.

³ Там же, с. 69–70.

⁴ Рассчитано по: ФСГС. Россия в цифрах. – М., 2014. – С. 168–169.

Нередко пополнение трудового потенциала отдельных регионов, в том числе и с экстремальными условиями проживания, происходит за счет лиц, которые малоадаптированы к таким условиям жизнедеятельности, что грозит повышенной заболеваемостью, появлением стрессовых ситуаций и т.д.

Повышение качества трудового потенциала за счет его экологической компоненты обуславливает необходимость осуществления комплекса природоохранных мероприятий.

В условиях интенсификации природопользования, быстро изменяющихся параметров природной среды важное значение для улучшения экологической обстановки, оказывающей непосредственное влияние на здоровье человека, особенно в больших городах, приобретают:

- дальнейшее снижение загрязнения воздуха автотранспортом, сокращение выбросов в атмосферу от стационарных источников; развитие промышленности на основе повышения энергосбережения и энергоэффективности;
- снижение уровня шума в промышленности и на транспорте;
- сокращение загрязнения водоемов и улучшение качества питьевого водоснабжения;
- снижение уровня микробиологического и химического загрязнения почв, переход от преимущественного захоронения к преимущественной переработке твердых бытовых отходов, ликвидация нелегальных свалок;
- увеличение площади зеленых насаждений, создание новых особо охраняемых природных территорий и усиление охраны существующих (известен в недалеком прошлом захват местными олигархами берегов водоемов, леса, парков, заповедников);
- усиление общественного экологического контроля, улучшение всеобщего экологического образования и воспитания, дальнейшее совершенствование законодательства в сфере природопользования и охраны окружающей среды.

* * *

В век информационной революции, когда именно высокие наукоемкие технологии определяют будущее, повышается значимость образовательной компоненты формирования трудового потенциала, которую, как правило, характеризуют такие показатели, как средняя продолжительность обучения и количество людей, охваченных начальным, средним, высшим образованием (в том числе подготовленных бакалавров, специалистов, магистров, аспирантов), готовых приступить к работе. Вместе с тем нельзя не учитывать уровень качества обучения, который в нашей стране до последнего времени в силу ряда причин имел тенденцию к снижению.

Необходимо в первую очередь отметить произошедшее за годы реформ резкое расширение заочной формы обучения (так, в расчете на 10 тыс. населения страны общее число студентов, обучающихся в вузах, увеличилось более чем в два раза, а рост очной формы обучения составил всего 1,65 против 3,4 заочной).

Кроме того, резкое расширение системы высшего образования (в связи с повышенным спросом) за счет быстро растущего коммерческого сектора в значительной мере также снизило его качество, учитывая пониженные требования как в процессе приема абитуриентов на коммерческие отделения, так и в последующем процессе их обучения.

Обучение на платной основе, по оценке Росстата, в 2012 г. составляло уже 60% (в 1995/1996 гг. эта цифра равнялась 13,0, а в 2000/2001 гг. – 40,9%).

Недостаточное финансирование образования, низкие заработки преподавателей, вынужденная их работа на 1,5–2 ставки также явились важной причиной снижения качества обучения. С другой стороны, необходимо отметить нежелание со стороны учащихся к добросовестному усвоению знаний, так как успешность поступления в вуз в большей мере зависит от финансового положения семьи.

Между тем, платная основа обучения нередко вынуждает студентов искать заработки для его оплаты, что негативно отражается на их учебе. Нередко величина получаемой в это время заработной платы превышает заработную плату их учителей, снижая тем самым мотивацию студентов к получению качественного образования.

Поскольку в условиях избыточного предложения выпускников вузов на рынке труда при их отборе работодателями предъявляются к претендентам практически на все более-менее привлекательные вакансии повышенные формальные требования (чему служит наличие диплома, аттестата), подавляющее большинство студентов (обучающихся как на платной, так и на бюджетной основе) ориентированы не на получение знаний, а, прежде всего, – на приобретение диплома, дающего возможность занять в дальнейшем приличное рабочее место, зачастую даже не по своей специальности. При приеме на работу часто обращают внимание на стаж работы, поэтому многие студенты, в том числе из вполне обеспеченных семей, начинают работать, не закончив учебу.

Молодежь, вступающая в рабочий возраст, количественно увеличивая совокупную рабочую силу общества, является основным источником пополнения рабочей силы, который имеет ряд качественных особенностей; молодежь отличает, прежде всего, высокая степень мобильности как профессиональной, так и территориальной. Известно, что новые знания, которые в зрелом возрасте приобретаются с трудом (что можно объяснить необходимостью ломки традиционных представлений и сложившихся навыков), молодым поколением усваиваются значительно быстрее. Смена места работы, проживания молодежи также дается намного легче в силу необремененности семьей, более смелого и решительного характера. Это способствует улучшению состава трудового потенциала отдельных регионов, куда переезжает молодежь, увеличивая его масштабы и внося качественные изменения состава по возрасту, полу, профессиональной подготовке и т.д.

Учитывая, что полученные образование, профессия играют большую роль в повышении трудовой активности людей, способствуют в дальнейшем повышению горизонтальной и вертикальной мобильности работника, социальной форме подвижности, необходимо увеличить удельный вес очной формы обучения на бюджетной основе и повысить заработную плату преподавателям вузов.

В условиях инновационного развития экономики особое значение приобретают качественные параметры трудового потенциала на всех стадиях его воспроизводственного процесса и, прежде всего, на стадии формирования. Важно, чтобы уже на этой, первоначальной стадии, заложенные качественные параметры трудового потенциала не тормозили, а всячески активизировали способности работника (являющегося носителем трудового потенциала) успешнее адаптироваться к новым техническим, технологическим, организационным условиям¹.

* * *

В условиях социально-демографического кризиса общества, учитывая огромную территорию страны (более 17 млн. км²), большую протяженность границ, обезлюдение многих районов, количественный фактор общей численности населения имеет также чрезвычайно важное значение².

Резкого повышения рождаемости, по крайней мере, в ближайшие годы, ждать не приходится, поскольку репродуктивные установки семьи быстро измениться не могут. Последствием невысокой рождаемости (с учетом еще малочисленных поколений, вступающих в репродуктивный возраст), а также очень медленно сокращающейся смертности является снижение в будущем численности населения, в том числе молодежи, пополняющей трудовой потенциал страны.

В сложившейся ситуации только международные мигранты позволят в определенной мере компенсировать естественную убыль населения России. Напомним, что, уже начиная с 1992 г. миграционный прирост стал единственной компонентой демографического развития нашей страны (только за период с 1992 по 2005 гг. он составил 3,5 млн. чел.).

Динамика миграционного движения населения изменчива, так как зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов. Так, например, если миграционный прирост в 1994 г. (978 тыс. чел.) позволил полностью компенсировать естественную убыль населения России, то в 2005 г. он составил 107,4 тыс. чел. и компенсировал лишь 12,7% этой убыли.

Последние годы характеризуются ростом как притока иностранных граждан в Россию, так и их оттоком.

Таблица 1

Динамика миграционного движения населения, тыс. чел.

Годы	Прибывшие в РФ	Выбывшие из РФ	Миграционный прирост
2010	191,7	33,6	158,1
2011	356,5	36,8	319,7
2012	417,7	122,8	294,9
2013	482,2	186,4	295,8

Источник: Россия в цифрах. – М., 2014. – С. 96–97.

Миграционный прирост лишь в незначительной степени пополняется за счет мигрантов, прибывающих из развитых стран; качество рабочей силы мигрантов в целом по сравнению с отечественным трудовым потенциалом снижается.

Между тем, в условиях глобализации все большее значение в общемировых миграционных потоках приобретает интеллектуальная миграция.

К сожалению, в перестроечный период количественный миграционный прирост населения России не компенсировал его качественной стороны.

Особенно больших масштабов достигла «утечка мозгов» из России в период с 1989 по 1992 гг., когда страну покинули примерно 75 тыс. человек (около 10% научных работников разного профиля), которые обосновались в основном в Германии, Израиле, США, Канаде. Среди уехавших программисты, электронщики, механики, математики, химики, физики-теоретики, специалисты по физике твердого тела, молекулярной биологии и др. По данным Совета безопасности Российской Федерации на 1997 год, из 100 всемирно известных российских ученых 50 эмигрировали из России навсегда. Только МГУ лишился 10% своего профессорско-преподавательского состава.

Активные попытки привлечь в свои страны иностранных специалистов предпринимают США, Канада, Великобритания, Германия и др. развитые страны, а также динамично развивающиеся – Сингапур, Малайзия, Китай, Япония, которые добились определенных успехов в части привлечения зарубежных ученых и высококлассных специалистов. Большая ставка делается и на иностранных студентов, зарубежные университеты предлагают перспективным учащимся продолжить научно-производственную практику в этой стране, некоторые оставшиеся связывают потом с ней свою жизнь навсегда.

Развитые страны, прежде всего, США, уже давно практикуют приглашения для выезда из развивающихся стран, в том числе из России, молодых людей на учебу, с тем, чтобы потом, после ее завершения, они оставались в этой стране; им гарантируется работа с высокими заработками.

¹ Безусловно, состояние качества трудового потенциала должно отвечать динамике общественного развития, требованию непрерывного приращения новых качественных элементов уже в процессе его использования (например, необходимая переподготовка рабочих кадров и др.).

² Напомним, что доля России с 4,1% в мировом населении в 1950 г. снизилась до 2,2% в 2005 г., и это снижение продолжается.

В настоящее время значительный процент российской молодежи (студентов, аспирантов), выехавших на учебу за рубеж, не возвращается на родину, что ведет к снижению научного, творческого и культурного потенциала российского общества, обострению проблемы внешней технологической зависимости страны.

На современном этапе развития становятся актуальными целевые меры по возвращению кадров с высоким профессиональным уровнем, покинувшим Россию, а также меры, направленные на привлечение талантливой молодежи и высококвалифицированных специалистов, прежде всего, из числа соотечественников за границей. Их адаптация в российское общество, при создании определенных условий (оплата труда, жилье или ипотечный кредит и т.д.) проходит быстро и без особых затруднений.

Очень важно повысить эффективность проводимой демографической политики, которая благодаря юридическим, экономическим, организационным и другим мерам, способна довольно быстро влиять, в частности, на внешние миграционные потоки, количественно и качественно пополняющие трудовой потенциал России. В настоящее время действующая система квотирования не вполне отражает подлинную потребность российской экономики в привлечении иностранной рабочей силы. Целесообразно более четко определить необходимые масштабы мигрантов на ближайшую и более отдаленную перспективу, повысить эффективность привлечения, в том числе и временных трудовых мигрантов.

Берова Ф.Ж.

д.э.н., в.н.с. ИИПРУ КБНЦ РАН

Яхутлова М.Л.

к.э.н., с.н.с. КБНЦ РАН

Яхутлов К.Л.

аспирант ИИПРУ КБНЦ РАН

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ПРОСЧЕТЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Ключевые слова: демографические процессы, возрастная структура населения, репродуктивное население, прогноз, демографическая политика.

Keywords: demographic processes, age structure of the population, reproductive population, forecast, population policy.

В докладе ООН о развитии человеческого потенциала говорилось о том, что естественная убыль населения России ежегодно составит примерно 500 тыс. человек и в дальнейшем произойдет резкое увеличение ее темпов. Марк Адоманис, политический обозреватель журнала «Forbes», отметил, что эксперты не смогли спрогнозировать последние улучшения в российской демографической ситуации [1]. Далее М. Адоманис отметил существенное улучшение демографического развития России за последние несколько лет, которое превзошло даже самые оптимистические ожидания. По прогнозам ООН в 2013 г. население России должно было составлять менее 141 миллиона человек, причем постоянно сокращаясь. Однако к настоящему времени оно составляет 143,3 миллиона человек. «Означает ли это, что в России и дальше все будет складываться точно так же?» [2]. Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Апеллируя докладом М. Адоманиса, мы попытаемся привести свое видение возможного демографического развития России на основе ранее проведенных прогнозных расчетов.

Демографическое развитие любого государства в мире, в том числе и в России, подчиняется режиму воспроизводства населения, обусловленного предшествующим развитием половозрастной структуры населения. Среди ученых сложились различные взгляды на демографическое будущее России [3, 4, 5]. Одни из них считают, что демографическую деградацию в России невозможно предотвратить и следует принимать как закономерность [3], другие видят улучшение демографической ситуации только в привлечении огромного количества мигрантов [6]. При этом не учитываются возможности управления внутренними миграционными процессами [7] и проведения активной демографической политики, а также последствия привлечения мигрантов, которые в перспективе приведут не только к замещению коренного населения, но и к замещению культуры [8, 9].

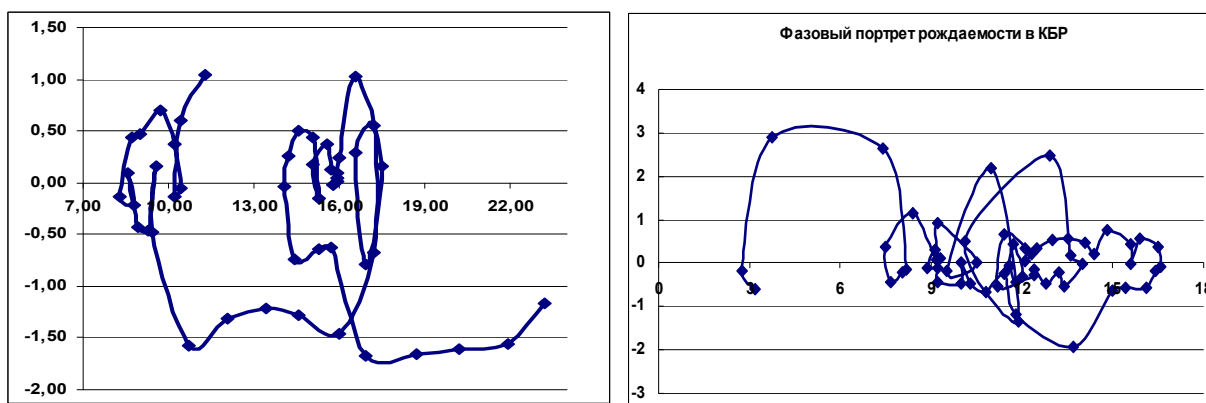

Рисунок 1.
Фазовый портрет рождаемости в России и КБР

Для определения возможных траекторий демографического развития в России необходимо совершенствование методики прогноза населения с учетом цикличности его воспроизводства. Как известно, в любой популяции воспроизводство населения носит циклический характер, так как определяется в большей степени демографическими волнами, которые возникают при изменении возрастной структуры населения, сами же демографические волны в свою очередь зависят от эндогенных и экзогенных факторов.

Следует также отметить, что проведение более точной оценки демографического будущего России и выявление потенциальных возможностей роста населения требует учета региональных особенностей воспроизводства населения, а не прогноза среднестатистических данных. Следовательно, на наш взгляд, необходимо, во-первых, выявить цикличес-

ности, содержащиеся во временных рядах демографических показателей и, во-вторых, усиление регионального аспекта анализа и прогноза в демографическом развитии России.

В этом аспекте нами совместно с проф. Б.А. Ашабоковым проведен анализ показателей воспроизводства населения на российском и региональном уровне. Фазовые портреты динамики рождаемости, смертности и естественного прироста по РФ и КБР были построены с использованием анализа спектральной структуры временных рядов этих показателей [10].

Как видно на рис. 1 фазовые портреты рождаемости как по России, так и по республике имеют достаточно сложную структуру и состоят из множества замкнутых линий, что является свидетельством наличия циклическостей в их временных рядах. При построении модели прогноза мы исходили из того, что временные ряды демографических показателей формируются под воздействием комплекса факторов, которые носят линейный и циклический характер.

$$P(t) = p_0 + k_0 t + \sum_{i=1}^N \left(a_i \cos \frac{2\pi t}{T_i} + b_i \sin \frac{2\pi t}{T_i} \right),$$

где p, k_0 – коэффициенты слагаемых, описывающих линейную составляющую в динамике показателя $P(t)$; a_i, b_i – коэффициенты слагаемых, описывающих циклические составляющие в динамике $P(t)$. Таким образом, предполагается, что модель состоит из одной линейной и N циклических составляющих. На основе разработанной модели был построен прогноз воспроизводства населения по региону [11]. Результаты прогноза свидетельствовали об ожидаемом увеличении рождаемости в 2005–2016 годах. В основе изменения рождаемости лежат эндогенные факторы: положительные сдвиги в возрастной структуре населения, то есть, вступление в репродуктивный возраст многочисленных поколений 80-х годов рождений [12]. Что в свою очередь, способствовало незначительному приросту населения в республике. Аналогические процессы произошли и в целом по России. В 1986–1988 гг. чистый коэффициент воспроизводства населения России впервые с 1960-х годов составлял 1,038–1,005, к примеру, на данный момент он в 2 раза ниже уровня 80-х гг. и составляет чуть более 0,5 [13]. Несмотря на всю утопичность сложившихся взглядов на демографическое развитие России нами были выявлены скрытые эндогенные возможности повышения уровня рождаемости в 2005–2016 гг.

Как известно, основным элементом изменений в процессе воспроизводства населения выступают изменения в возрастной структуре населения, что позволяет выявить внутренние закономерности роста (снижения) населения. Воспроизводство населения носит циклический характер, так как определяется в большей степени демографическими волнами, которые возникают при изменении возрастной структуры населения, сами же демографические волны в свою очередь зависят от эндогенных и экзогенных факторов. Следует отметить, что увеличение естественного прироста населения в России в 1980-х годах было обусловлено в основном влиянием возрастной структуры населения (на 80 %) и лишь на 20% воздействием интенсивности числа рождений. Для выявления внутренних факторов повышения рождаемости нами был проведен прогноз изменения динамики основных репродуктивных когорт (рис. 2). Репродуктивное население включает женщин в возрасте 16–49 лет, к основному репродуктивному населению относятся женщины в возрасте 20–29 лет. В связи с модернизацией рождаемости считаем целесообразным выделить основным репродуктивным возрастом 25–39 лет. В этом плане нами был проведен прогноз динамики репродуктивного населения (20–29) и (25–39) лет на региональном уровне.

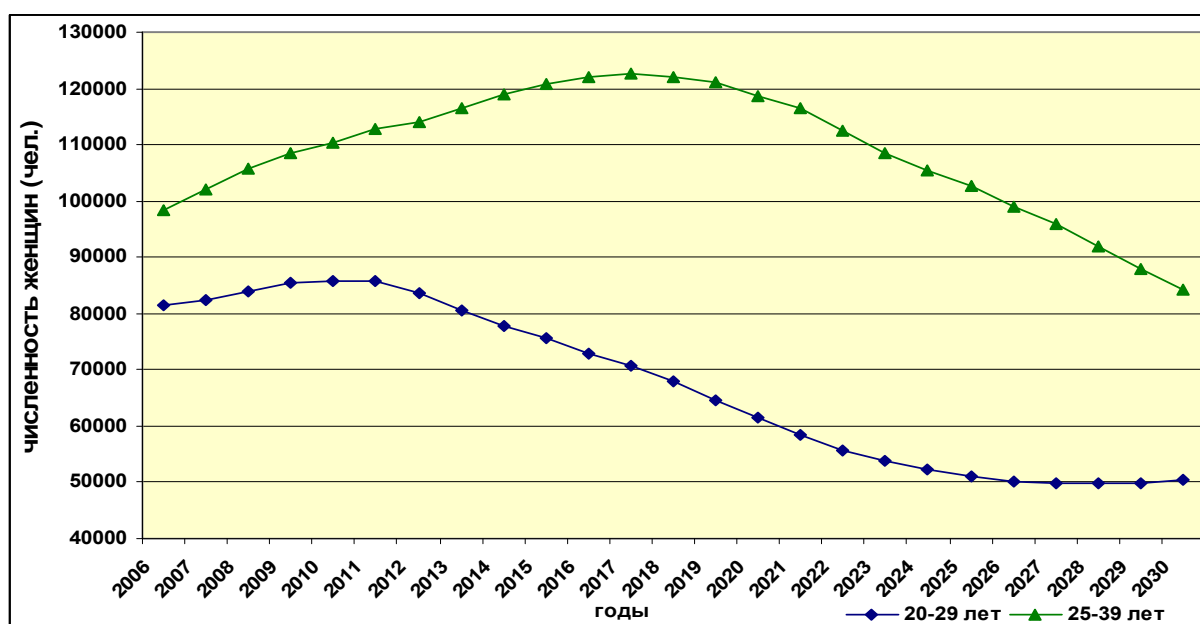

Рисунок 2.
Фактические и прогнозные значения динамики основных репродуктивных
возрастных групп женщин

Как видно на рис.2 на 2006–2016 гг. приходилось наибольшее количество репродуктивного потенциала в возрасте 20–29 лет, что явилось одним из основных факторов повышения рождаемости до 2016 гг. То есть на повышение рождаемости повлияли в первую очередь эндогенные факторы, заложенные в возрастной структуре репродуктивного населения [14]. В последующие годы с 2017 г. и далее репродуктивный потенциал данной когорты (20–29 лет) значительно уменьшается и исчерпывает себя к 2025–2026 годам. Результаты прогноза репродуктивного населения 25–39 лет свидетельствуют о высокой степени возможности воздействия эндогенного фактора на повышение рождаемости. Для чего необходимо не упустить эндогенные свойства возрастной структуры населения России. Решению данного вопроса должна соответствовать демографическая политика. Вместо ныне действующей демографической политики, носящей в основном декларативный характер, необходима разработка научно обоснованной активной демографической политики, с учетом региональных особенностей России. Здесь следует подчеркнуть, что наибольшая численность репродуктивного потенциала (25–39 лет) падает именно на период очередного демографического провала 2016–2030 гг. Основу репродуктивного потенциала составляют поколения 1980-х гг. рождения, которые будут достигать к тому времени 30 лет и более. В связи с этим для повышения рождаемости целесообразен дифференцированный подход. На наш взгляд предотвращению очередного демографического провала в 2016–2030 гг., при вступлении в репродуктивный возраст детей 90-х гг. р., точнее – «демографической ямы», будет способствовать стимулирование рождения третьего ребенка у матерей родившихся в 1980-х годах до 40 лет и второго ребенка – у матерей родившихся в 1990-х годах до 35–36 лет. Здесь следует отметить, что поколения 1980-х годов рождения, достигнут 39–40-летнего возраста к 2020–2030 гг., а поколения 1990-х годов рождения – 35–36-летнего возраста к 2025–2035 гг. Можно, конечно, ограничиться стимулированием рождения третьего ребенка независимо от возраста матерей. Дифференцированный подход будет способствовать повышению интенсивности числа рождений, что является немаловажным фактором для предотвращения очередного демографического провала (скорее всего улучшения демографической ситуации)¹ [15].

Реализации предложенного нами подхода будут способствовать различные механизмы и, в первую очередь, решение жилищных проблем. Ныне действующая программа для молодых семей предполагает ипотеку от 11 до 12% в среднем, что не могут освоить многие молодые семьи. В этом плане целесообразно предоставление молодым семьям доступной ипотеки сроком на 25 лет с минимальными ставками в пределах 3–5% годовых. В качестве стимулирования рождаемости можно предложить различные меры, например, погашение ипотечного кредита по остаточному принципу: от 15 до 25% от оставшейся суммы ипотеки при рождении второго и третьего ребенка и т.д. Существенным вкладом явится и продление ныне действующего закона о материнском капитале. В малообеспеченных семьях дополнительным стимулом можно предложить обеспечение гарантированного получения высшего или среднего специального образования в государственном образовательном учреждении одному из троих детей. Действующие ныне на федеральном и региональном уровне программы демографической политики² носят пассивный характер воздействия на повышение рождаемости и направлены в основном на социальную поддержку населения в области здравоохранения. В преддверии второго демографического провала в России значимость учета эндогенного фактора все более возрастает. В этом плане назрела острая необходимость создания единой государственной системы мониторинга демографической безопасности, отражающей особенности каждого региона. С учетом результатов мониторинга необходима разработка общенациональной демографической программы, дифференцированной по регионам, в вопросах правовой, организационной и финансовой базы, переход от затратной социальной политики, направленной на разрозненные различные социальные выплаты к новому механизму социальной сферы, обеспечивающей достойные условия человеческого развития для воспитания и всестороннего развития желаемого количества детей.

На улучшение демографической ситуации из государственного бюджета России выделяется 0,67 процента ВВП, в то время как в странах Западной Европы — 4 процента, при этом объем ВВП России не идет ни в какое сравнение с объемом ВВП в странах Западной Европы. Для предотвращения вымирания нации, требуются не разрозненные меры, а комплексная государственная программа, направленная на ликвидацию демографической катастрофы. Последствия второго демографического провала будут гораздо более серьезными и губительными, чем кризис рождаемости 1990-х гг., и может принять необратимый характер. Демографическое развитие для России имеет фундаментальную значимость и является столь же важной стратегической задачей как и обеспечение военной безопасности.

Список литературы

1. Adomanis M. — <http://inosmi.ru/russia/20131029/214301614>; <http://www.forbes.com/sites/markadomanis/2013/10/28/russias-recent-demographic-improvements-were-not-foreseen-by-the-experts>
2. Там же.
3. Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. — М., 2003. — С. 84–86, см. также: Население России. Ежегодный демографический доклад. — М., 1999–2004.
4. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. — М., 2002. — С. 168; Архангельский. Воспроизводство населения Российской Федерации. — М., 1998.

¹ В данной статье мы не затронули кризис смертности, который имеет первостепенную значимость. В связи с достижением пенсионного возраста многочисленными поколениями 1950-х г. р. именно в период очередного демографического провала ожидается еще более существенное повышение уровня смертности в России.

² Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2025 года, Программа улучшения демографической ситуации в КБР на период до 2015 г.

5. Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. – М., 2001. – С. 352; Халтурина Д.А., Коротаяев А.В. Русский крест факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. – М., 2006. – С. 128.
6. Крупнов Ю. Операция «Мигранты спасут Россию». Как она проводится, и кто её организует. – http://www.kroupnov.ru/5/191_1.shtml
7. Берова Ф.Ж., Яхутлова М.Л. Классификация миграционных процессов РФ на основе кластерного анализа. Известия КБНЦ РАН. 2008. – № 4 (24). – С. 14–21.
8. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). – М.: Наука, 2001. – 114 с.
9. Рязанцев В.С. Новая концепция регулирования миграции в России. – <http://www.mgimo.ru/news/experts/document234490.shtml>
10. Берова Ф.Ж. Результаты анализа динамических рядов демографических показателей // Известия КБНЦ РАН. 2011. – № 4 (42). – С. 152–159.
11. Ашабоков Б.А., Берова Ф.Ж. Об одном подходе и некоторых результатах прогноза демографических процессов региона. // Экономическая наука современной России. 2011/ – № 4 (55). – С. 66–88. См. также Берова Ф.Ж. Региональные особенности демографических процессов в России: методологические аспекты исследования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. (ИСПИ РАН)/ – Нальчик, 2012. – С. 25.
12. Берова Ф.Ж. Демографические волны 1980-х и 1990-х годов и пути преодоления демографического кризиса // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 526–531.
13. Демографический ежегодник. Статистический сборник. – М., 2006. – С. 109.
14. Берова Ф.Ж. Результаты прогноза динамики возрастной структуры населения КБР // Известия КБНЦ РАН. 2009. – № 6 (32). – С. 18–26.
15. Берова Ф.Ж. Кризис смертности: диагноз и причины // Пространство экономики. 2010. – Т. 8, № 1. – С. 286–294.

Бухарбаева Л.Я.

д.э.н., профессор Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ)
buharbaeva@mail.ru

Франц М.В.

к.т.н., доцент УГАТУ
tan-Marina@mail.ru

Егорова Ю.В.

к.т.н., доцент УГАТУ

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ОРГАНИЗАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСУРСАМИ НА УРОВНЕ ПОДСИСТЕМ ОКАЗАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ПО ГРУППАМ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Ключевые слова: здравоохранение, специализированная медицинская помощь, социально значимые заболевания.

Введение

В современных условиях приоритетной задачей любого государства является задача сбережения нации. Важнейшей составной частью этой задачи является сохранение и улучшение общественного здоровья.

Сохранение и улучшение общественного здоровья реализуется несколькими социальными подсистемами, основной из которых является национальная система здравоохранения. На развитие системы здравоохранения в современных условиях оказывают значительное влияние следующие факторы:

- изменения в структуре заболеваемости и смертности населения, приводящие к изменению структуры спроса на медицинские услуги, что требует соответствующей адаптации системы здравоохранения. Основной современной тенденцией является рост заболеваемости и смертности от хронических неинфекционных заболеваний, таких как сердечно-сосудистые болезни, онкологические заболевания и т.п. Эти заболевания характеризуются длительным много-стадийным течением, высокой сложностью и стоимостью и нередко невысокой эффективностью лечения;

- быстрый прогресс медицинской науки и медицинских технологий. Это приводит к тому, что поддержание современного уровня медицинской помощи в системе здравоохранения требует постоянного обновления как технологической базы, так и обучения и переобучения медицинских специалистов, что обуславливает рост стоимости содержания системы здравоохранения;

- быстрые темпы информатизации общества, внедрение информационных технологий во все сферы жизни, в том числе в организацию медицинской помощи в системе здравоохранения. Это также требует и приобретения оборудования, и переобучения специалистов, и разработки программного обеспечения, и обслуживания и развития информационных систем, что опять же приводит к росту стоимости содержания системы здравоохранения.

Как видно из анализа перечисленных факторов, множество причин приводит к увеличению стоимости содержания национальной системы здравоохранения, поэтому очень важной социально-экономической проблемой для любой страны является изыскание финансовых ресурсов для поддержания национальной системы здравоохранения на современном уровне, а также рациональное использование ресурсов.

Важнейшим моментом в этой проблематике является противоречие между различными видами эффективности в системе здравоохранения: медицинской, экономической, социальной. Напомним, что под медицинской эффективностью понимается степень улучшения здоровья пациента, под экономической – затраты на оказание медицинской помощи, под социальной – удовлетворенность пациента и (или) его близких процессом оказания медицинской помощи. Противоречие между различными видами эффективности состоит в том, что, как правило, достижение хорошей медицинской и социальной эффективности требует значительных затрат и поэтому сопровождается невысокой экономической эффективностью. Рациональное использование ресурсов в этом контексте можно рассматривать как способ уменьшения этого противоречия.

Проблема рационального использования ресурсов в системе здравоохранения имеет множество аспектов,

Одним из аспектов проблемы рационального использования ресурсов в системе здравоохранения является проблема организации медицинской помощи по отдельным видам заболеваний на принципах эффективности и рациональности использования ресурсов.

Организация медицинской помощи по отдельным группам заболеваний осуществляется на уровне служб системы здравоохранения. Служба – это подсистема системы здравоохранения, в рамках которой осуществляется оказание медицинской помощи по определенной группе заболеваний. Главным элементом службы является сеть взаимо-

действующих между собой лечебно-профилактических учреждений, располагающих материально-техническим обеспечением, подготовленными кадрами и информационно-методическим обеспечением, необходимыми для реализации всех этапов медицинской помощи (профилактика, диагностика, лечение, реабилитация) пациентам по определенной группе заболеваний. Материально-техническое обеспечение службы включает в себя медицинскую технику, лекарственные препараты, расходные материалы и т.д., используемые в процессе оказания медицинской помощи больным. Информационно-методическое обеспечение включает в себя методы профилактики, диагностики, лечения заболеваний, а также методы сбора и передачи медицинской информации в рамках службы. Структура службы системы здравоохранения (на примере онкологической службы) приведена на рис. 1.

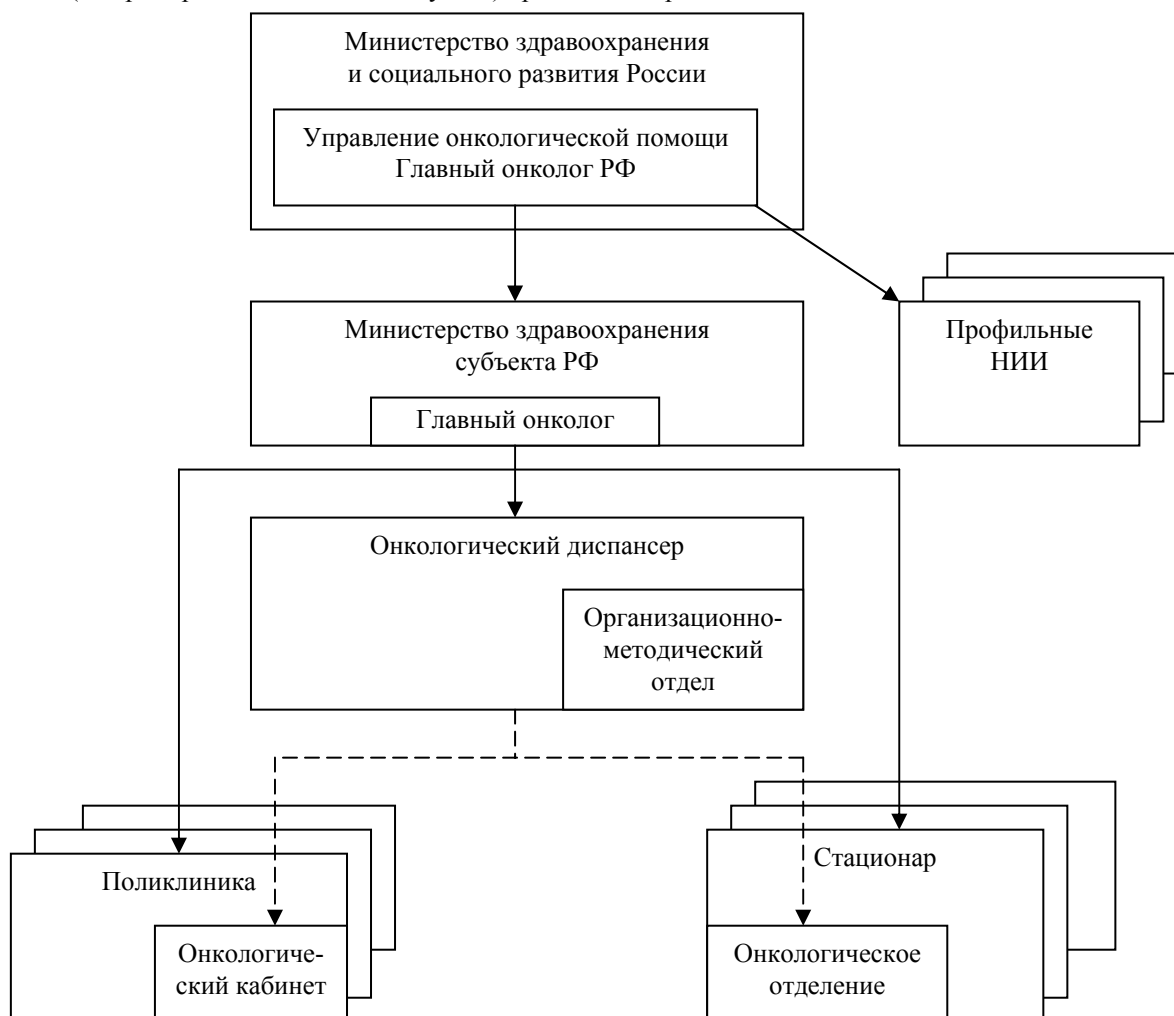

Рисунок 1.

Структура онкологической службы (сплошные стрелки – связи административного подчинения, пунктирные стрелки – связи организационно- методического подчинения)

В рамках службы организуется процесс оказания медицинской помощи по определенной группе заболеваний, включающий профилактику, диагностику, лечение заболевания. Важность рациональности организации медицинской помощи именно на уровне службы весьма велика, так как именно на этом уровне (не на уровне отдельных услуг и не на уровне отдельных ЛПУ) в существенной мере определяются конечные результаты оказания медицинской помощи пациенту – ее влияние на состояние здоровья пациента. Понятно, что эффективная профилактика (конечно, требующая затрат), тем не менее, может позволить не только сохранить здоровье пациента, но, возможно, обеспечить даже экономическую эффективность за счет экономии на лечении пациентов. Аналогично ранняя диагностика заболевания (также требующая, как правило, немалых затрат), позволяет не только уменьшить страдания пациента в процессе болезни и ее лечения и улучшить результаты лечения, но, возможно, также снизить затраты ресурсов за счет более низкой сложности и соответственно стоимости лечения заболевания, выявленного на начальных стадиях.

Несмотря на то, что на качественном уровне эти идеи далеко не новы, мало работ посвящается задаче количественного измерения упомянутых эффектов. В силу специфичности течения различных заболеваний модели и механизм управления ресурсами на уровне служб системы здравоохранения получаются специфическими для каждой службы. В данной работе предложен **механизм организационного управления** ресурсами, включающий **модель движения пациентов** в системе онкологической помощи и **блок оценки эффективности управленческих решений**. Верификация предложенного механизма выполнена на примере оценки эффективности вторичной профилактики (т.е. профилактики, направленной на раннее выявление) онкологических заболеваний.

1. Модель движения пациентов в системе онкологической помощи

В случае онкологических заболеваний, общепризнанным критерием медицинской эффективности является продолжительность жизни пациента с момента выявления заболевания и до смерти. Критерием экономической эффективности является величина затрат на оказание медицинской помощи пациентам.

Для оценки эффективности управленческих решений была разработана модель движения пациентов в системе онкологической помощи, с использованием которой можно оценивать различные виды эффективности. В качестве основы для выделения состояний пациентов удобно использовать принятую в онкологической службе обобщенную систему учета и классификации пациентов, учитывающую особенности данной группы заболеваний.

Онкологическое заболевание выявляется в одной из четырех стадий – I, II, III, IV. Если заболевание выявлено в IV стадии, то радикальное лечение, целью которого является полное исцеление пациента, невозможно, и пациент сразу попадает в IV клиническую группу. Пациентам IV клинической группы необходимо симптоматическое и паллиативное лечение, направленное на поддержание и, насколько это возможно, улучшение качества жизни. При выявлении заболевания в I, II, III стадиях пациенты попадают во II клиническую группу. При отсутствии противопоказаний им проводят радикальное лечение, после проведения которого пациент попадает в III клиническую группу. В дальнейшем при прогрессии заболевания пациенты из III клинической группы могут возвращаться во II клиническую группу, если возможно повторное проведение радикального лечения. Пациенты из II и III клинических групп при прогрессии заболевания могут переходить в IV клиническую группу для получения симптоматического и паллиативного лечения. Граф состояний и переходов пациента в соответствии с обобщенной системой классификации пациентов приведен на рис. 2.

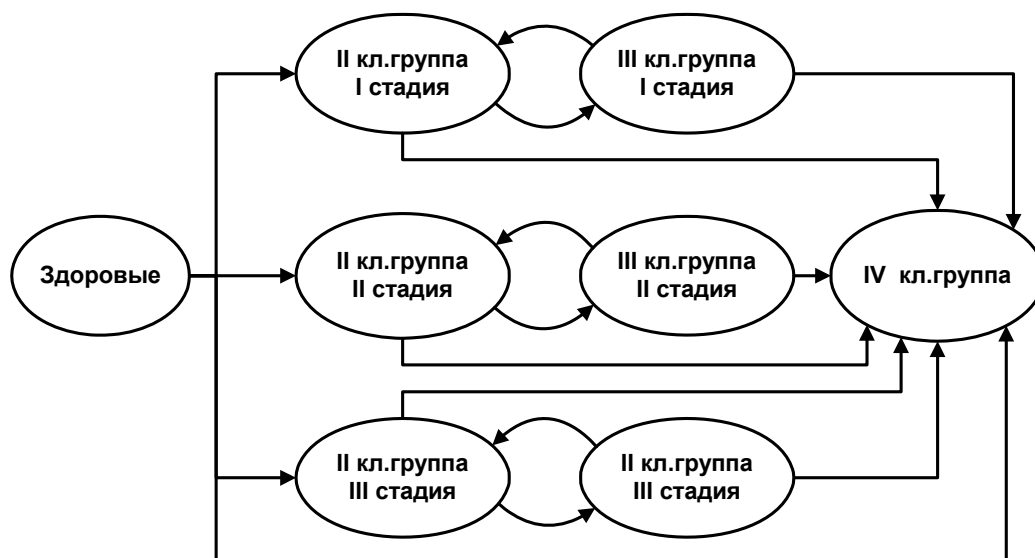

Рисунок 2.

Граф состояний и переходов пациента в соответствии с системой классификации, принятой в системе онкологической помощи

Данная классификация, однако, не учитывает скрытый период течения заболевания, который, согласно некоторым оценкам, для онкологического заболевания может составлять до 75% времени от начала развития заболевания и до смерти при отсутствии лечения. Так как при современном уровне развития медицины потенциал улучшения результатов лечения онкологических заболеваний в значительной степени связан с более ранним выявлением заболеваний, представляется необходимым ввести дополнительные состояния пациента, соответствующие периоду скрытого течения заболевания.

Граф состояний и переходов пациентов для разработки математической модели приведен на рис. 3.

Рассмотрим рис. 3 более подробно.

На рис.2 изображены следующие состояния:

S_0 – здоровые. В данном случае под здоровыми понимаются люди без онкологического заболевания;

$S^1_1, S^2_1, S^3_1, S^4_1$ – пациенты в состоянии скрытого течения заболевания, которое будет выявлено соответственно в I, II, III, IV стадиях.

S^1_2, S^2_2, S^3_2 – пациенты, выявленные соответственно в I, II, III стадиях заболевания и получающие радикальное лечение.

S^1_3, S^2_3, S^3_3 – пациенты, выявленные соответственно в I, II, III стадиях и не получающие радикальное лечение по каким-либо причинам.

$S^1_2, S^2_2, S^3_2, S^1_3, S^2_3, S^3_3$ – состояния II клинической группы.

S^1_4, S^2_4, S^3_4 – пациенты, выявленные в I стадии заболевания и получившие радикальное лечение.

S^1_4, S^2_4, S^3_4 – состояния III клинической группы.

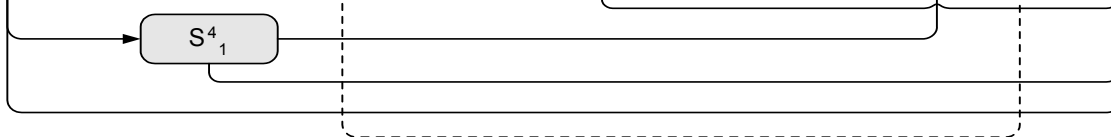

Рисунок 3.
Граф состояний и переходов пациентов

S_5 – пациенты в IV (запущенной) стадии заболевания, которым необходимо паллиативное лечение. Пациенты, находящиеся в состоянии S_5 , относятся к пациентам IV клинической группы.

S_6 – умершие.

Пунктирной линией на рис.3 обведены состояния пациентов в онкологической службе.

Рассмотрим теперь возможные переходы между состояниями.

Из состояния S_0 – здоровые – возможен переход в следующие состояния: в состояние S^1_1 , если пациент будет выявлен в I стадии заболевания, в состояние S^2_1 , если пациент будет выявлен во II стадии заболевания, в состояние S^3_1 , если пациент будет выявлен в III стадии заболевания, в состояние S^4_1 , если пациент будет выявлен в IV стадии заболевания. Из состояний $S_0, S^1_1, S^2_1, S^3_1, S^4_1$ возможен переход в состояние S_6 вследствие смерти от других причин.

При выявлении заболевания в II стадии пациент может перейти из состояния S^2_1 в состояние S^2_2 , если ему проводят радикальное лечение, и в состояние S^2_3 , если радикальное лечение не проводится. После проведения радикального лечения пациент из состояния S^2_2 переходит в состояние S^2_4 , т.е. в III клиническую группу. Из состояния S^2_4 пациент при прогрессии заболевания может вернуться в состояние S^2_2 для получения радикального лечения. Из состояний S^2_3, S^2_4 пациенты могут переходить также в состояние S_5 вследствие прогрессии заболевания. Кроме того, из состояний $S^2_1, S^2_2, S^2_3, S^2_4$ пациенты также могут переходить в состояние S_6 вследствие смерти от других причин.

При выявлении заболевания в III стадии пациент может перейти из состояния S^3_1 в состояние S^3_2 , если ему проводят радикальное лечение, и в состояние S^3_3 , если радикальное лечение не проводится. После проведения радикального лечения пациент из состояния S^3_2 переходит в состояние S^3_4 , т.е. в III клиническую группу. Из состояния S^3_4 пациент при прогрессии заболевания может вернуться в состояние S^3_2 для получения радикального лечения. Из состояний S^3_3, S^3_4 пациенты могут переходить также в состояние S_5 вследствие прогрессии заболевания. Кроме того, из состояний $S^3_1, S^3_2, S^3_3, S^3_4$ пациенты также могут переходить в состояние S_6 вследствие смерти от других причин.

При выявлении заболевания в IV стадии пациент переходит из состояния S^4_1 в состояние S_5 . Из состояния S_5 пациенты могут переходить в состояние S_6 вследствие смерти от онкологического заболевания или других причин.

На основе графа состояний и переходов пациентов была разработана марковская модель движения пациентов при допущении, что потоки пациентов между состояниями являются простейшими.

Для описания модели введем следующие обозначения:

$L_a(t)$ – число пациентов в состоянии S_a в момент времени t .

$b(t)$ – показатель рождаемости в момент времени t .

$m(t)$ – показатель смертности от других причин кроме онкологического заболевания в момент времени t .

$g(t)$ – показатель истинной заболеваемости в момент времени t .

$p_i(t)$ – вероятность выявления онкологического заболевания в i стадии $i \in [1..4]$. Эти параметры модели являются управляемыми.

$\tau^1_1, \tau^2_1, \tau^3_1, \tau^4_1$ – средняя длительность скрытого течения заболевания при условии, что пациент будет выявлен соответственно в I, II, III, IV стадии;

$\tau^2_2, \tau^2_3, \tau^2_4$ – средняя длительность пребывания пациентов во II клинической группе до перехода в III клиническую группу при условии, что онкологическое заболевание выявлено соответственно в I, II, III стадии и пациенту проводится радикальное лечение. Эти параметры модели являются управляемыми.

$\tau^3_3, \tau^3_4, \tau^3_5$ – средняя длительность пребывания пациентов во II клинической группе при условии, что заболевание выявлено соответственно в I, II, III стадии и пациенту не проводится радикальное лечение.

$\tau^4_4, \tau^4_5, \tau^4_6$ – средняя длительность пребывания в III клинической группе при условии, что заболевание выявлено соответственно в I, II, III стадии. Эти параметры модели являются управляемыми.

τ_5 – средняя длительность пребывания пациентов в IV клинической группе. Этот параметр является управляемым.

h^1_1, h^2_1, h^3_1 – доля пациентов, выявленных соответственно в I, II, III стадии, получающих радикальное лечение. Эти параметры модели являются управляемыми.

h^1_4, h^2_4, h^3_4 – доля пациентов, выявленных соответственно в I, II, III стадии и получивших радикальное лечение, которым возможно повторное проведение радикального лечения при прогрессии заболевания. Эти параметры модели являются управляемыми.

Динамика численности пациентов в разных состояниях описывается системой обыкновенных дифференциальных уравнений (1)–(6).

$$\frac{dL_0}{dt} = b(t) \cdot \left(L_0 + \sum_{i=1}^4 L^i_1 + \sum_{i=1}^3 L^i_2 + \sum_{i=1}^3 L^i_3 + \sum_{i=1}^3 L^i_4 + L_5 \right) - (m(t) + g(t)) \cdot L_0(t) \quad (1).$$

Как видно из (1), число здоровых увеличивается за счет числа рожденных и уменьшается за счет числа умерших от причин, не связанных с онкологическим заболеванием и числа заболевших онкологическим заболеванием.

Из уравнений (2) следует, что число пациентов в состоянии $L^i_1, i=1..4$, увеличивается за счет заболеваемости здоровых, уменьшается за счет смертности от других причин и выявления пациентов в i -й стадии заболевания.

$$\frac{dL_2^i}{dt} = h_1^i \cdot \frac{L_1^i(t)}{\tau_1^i} - \left(m(t) + \frac{1}{\tau_2^i} \right) \cdot L_2^i(t) + \frac{h_4^i}{\tau_4^i} \cdot L_4^i(t), \quad i = 1..3 \quad (3).$$

Из уравнений (3) следует, что число пациентов в состоянии $S_2^i, i=1..3$, увеличивается за счет пациентов, выявленных в i -й стадии заболевания, которым проводят радикальное лечение и пациентов, у которых при прогрессии заболевания возможно повторное проведение радикального лечения, уменьшается за счет пациентов, умерших от других причин, и пациентов, получивших радикальное лечение и перешедших в состояние S_4^i .

$$\frac{dL_3^i}{dt} = (1 - h_1^i) \cdot \frac{L_1^i(t)}{\tau_1^i} - \left(m(t) + \frac{1}{\tau_3^i} \right) \cdot L_3^i(t), \quad i = 1..3 \quad (4).$$

Как видно из уравнений (4), число пациентов в состоянии S_3^i увеличивается за счет пациентов, выявленных в i -й стадии заболевания, которым радикальное лечение не проводится по каким-либо причинам, уменьшается за счет пациентов, умерших от других причин, и пациентов, перешедших в состояние S_5 вследствие прогрессии заболевания.

$$\frac{dL_4^i}{dt} = \frac{L_2^i(t)}{\tau_2^i} - \left(m(t) + \frac{1}{\tau_4^i} \right) \cdot L_4^i(t), \quad i = 1..3 \quad (5).$$

Из уравнений (5) следует, число пациентов в состоянии $S_4^i, i=1..3$, увеличивается за счет пациентов, находившихся в состоянии S_2^i и получивших радикальное лечение, и уменьшается за счет пациентов, находившихся в состоянии S_4^i и умерших от других причин, и пациентов, вышедших из состояния S_4^i вследствие прогрессии заболевания.

$$\begin{aligned} \frac{dL_5}{dt} = & \frac{L_1^4(t)}{\tau_1^4} + \frac{L_3^1(t)}{\tau_3^1} + \frac{L_3^2(t)}{\tau_3^2} + \frac{L_3^3(t)}{\tau_3^3} + \frac{(1 - h_4^1) \cdot L_4^1(t)}{\tau_4^1} + \\ & + \frac{(1 - h_4^2) \cdot L_4^2(t)}{\tau_4^2} + \frac{(1 - h_4^3) \cdot L_4^3(t)}{\tau_4^3} - \left(m(t) + \frac{1}{\tau_5} \right) \cdot L_5(t) \end{aligned} \quad (6).$$

Как видно из уравнения (6), число пациентов в состоянии S_5 увеличивается за счет пациентов, выявленных в IV стадии заболевания, пациентов, находившихся в состояниях S_3^1, S_3^2, S_3^3 , не получивших радикальное лечение и перешедших в состояние S_5 вследствие прогрессии заболевания, пациентов, находившихся в состояниях S_4^1, S_4^2, S_4^3 , получивших радикальное лечение и перешедших в состояние S_5 вследствие прогрессии заболевания. Число пациентов, находящихся в состоянии S_5 , уменьшается за счет пациентов, умерших от других причин, и пациентов, умерших от онкологического заболевания.

На наш взгляд, важным преимуществом предлагаемой модели является возможность прогнозировать численность пациентов в каждом из состояний при различных вариантах развития демографической ситуации (различных прогнозах динамики рождаемости и смертности от причин, не связанных с онкологическим заболеванием), и различных вариантах развития эпидемиологической ситуации (различных прогнозах динамики онкологической заболеваемости).

2. Блок оценки эффективности управленческих решений

Главными критериями эффективности в системе онкологической помощи являются: средняя продолжительность жизни онкологических пациентов с момента выявления заболевания, характеризующая медицинскую эффективность оказания медицинской помощи пациентам, и затраты на оказание медицинской помощи пациентам, характеризующие экономическую эффективность функционирования системы онкологической помощи.

Для оценки средней продолжительности жизни пациентов необходимо определить возможные пути их движения от момента выявления онкологического заболевания до смерти от онкологического заболевания. Формулы для определения средней продолжительности жизни при движении по каждому из путей и вероятности каждого из путей приведены в табл. 1.

Таблица 1

Путь	Средняя продолжительность жизни пациента	Вероятность пути
$W_1: S_2^1 \leftrightarrow S_4^1 \rightarrow S_5 \rightarrow S_6$	$W_1 = \frac{\tau_2^1 + \tau_4^1}{1 - h_4^1} + \tau_5$	$v_1 = p_1 \cdot h_1^1$
$W_2: S_3^1 \rightarrow S_5 \rightarrow S_6$	$W_2 = \tau_3^1 + \tau_5$	$v_2 = p_1 \cdot (1 - h_1^1)$
$W_3: S_2^2 \leftrightarrow S_4^2 \rightarrow S_5 \rightarrow S_6$	$W_3 = \frac{\tau_2^2 + \tau_4^2}{1 - h_4^2} + \tau_5$	$v_3 = p_2 \cdot h_1^2$
$W_4: S_3^2 \rightarrow S_5 \rightarrow S_6$	$W_4 = \tau_3^2 + \tau_5$	$v_4 = p_2 \cdot (1 - h_1^2)$

$W_5: S^3_2 \leftrightarrow S^3_4 \rightarrow S_5 \rightarrow S_6$	$W_5 = \frac{\tau_2^3 + \tau_4^3}{1 - h_4^3} + \tau_5$	$v_5 = p_3 \cdot h_1^3$
$W_6: S^3_3 \rightarrow S_5 \rightarrow S_6$	$W_6 = \tau_3^3 + \tau_5$	$v_6 = p_3 \cdot (1 - h_1^3)$
$W_7: S_5 \rightarrow S_6$	$W_7 = \tau_5$	$v_7 = p_4$

Средняя продолжительность жизни пациента от момента выявления до смерти от онкологического заболевания определяется по формуле (7):

$$W = \sum_{i=1}^7 W_i \cdot v_i \quad (7).$$

Чем больше W , тем выше медицинская эффективность медицинской помощи в онкологической службе.

Затраты на оказание медицинской помощи онкологическим пациентам можно найти как сумму затрат на медицинскую помощь пациентам, находящимся в каждом из состояний.

Пусть c_j^i – средние затраты на лечение одного пациента, находящегося в состоянии S_j^i в единицу времени.

Тогда затраты на лечение пациентов, находящихся в состоянии S_{ij} за время $[t_1, t_2]$ можно найти по формуле (8):

$$Z_j^i(t_1, t_2) = \int_{t_1}^{t_2} c_j^i \cdot L_j^i(t) dt \quad (8).$$

Общие затраты на лечение пациентов в онкологической службе за время $[t_1, t_2]$ определяются по формуле (9):

$$Z = \sum_{i=1}^3 Z_2^i(t_1, t_2) + \sum_{i=1}^3 Z_3^i(t_1, t_2) + \sum_{i=1}^3 Z_4^i(t_1, t_2) + Z_5(t_1, t_2) \quad (9).$$

Чем меньше Z , тем ниже затраты на лечение онкологических пациентов и выше экономическая эффективность медицинской помощи в онкологической службе.

3. Верификация механизма организационного управления ресурсами в системе онкологической помощи

Предложенная модель была использована для оценки эффективности внедрения комплекса мероприятий для вторичной профилактики рака молочной железы (РМЖ).

Для оценки эффективности вторичной профилактики РМЖ проводилось два вычислительных эксперимента. В первом эксперименте вероятности выявления пациентов в каждой из стадий остаются неизменными, что соответствует ситуации, когда решение о внедрении комплекса профилактических мероприятий не принимается. Во втором эксперименте, соответствующем ситуации, когда принято решение о внедрении комплекса профилактических мероприятий, наблюдаемые вероятности выявления пациентов в I и II стадиях постепенно увеличиваются, в III и IV стадиях уменьшаются.

В качестве исходных данных для оценки параметров модели движения пациентов в онкологической службе использовались данные о 839 пациентах, страдающих РМЖ (впервые взятых на учет в 1996г.), хранящиеся в базе данных «Канцеррегистр» Онкологического диспансера РБ. Путем статистической обработки были определены параметры моделирования.

Динамика средней продолжительности жизни пациента от момента выявления до смерти от РМЖ приведена на рис. 4.

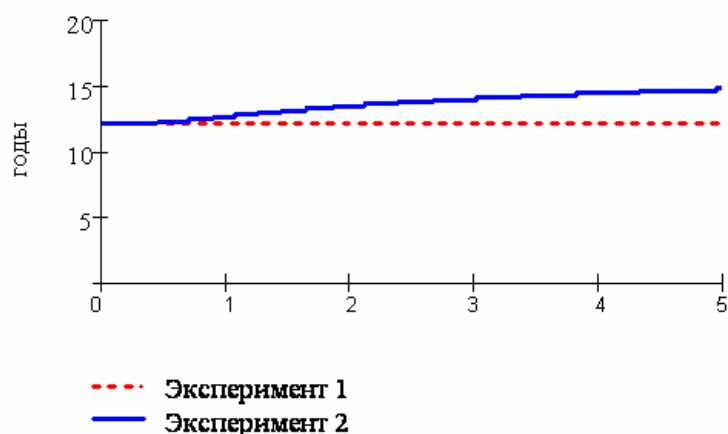

Рисунок 4.
Динамика продолжительности жизни пациента с момента выявления заболевания до смерти от РМЖ

Как видно из рис. 4, рассматриваемое инвестиционное решение о внедрении комплекса профилактических мероприятий обладает медицинской эффективностью, т.к. позволяет увеличить среднюю продолжительность жизни пациента.

Динамика затрат на лечение онкологических пациентов приведена на рис. 5.

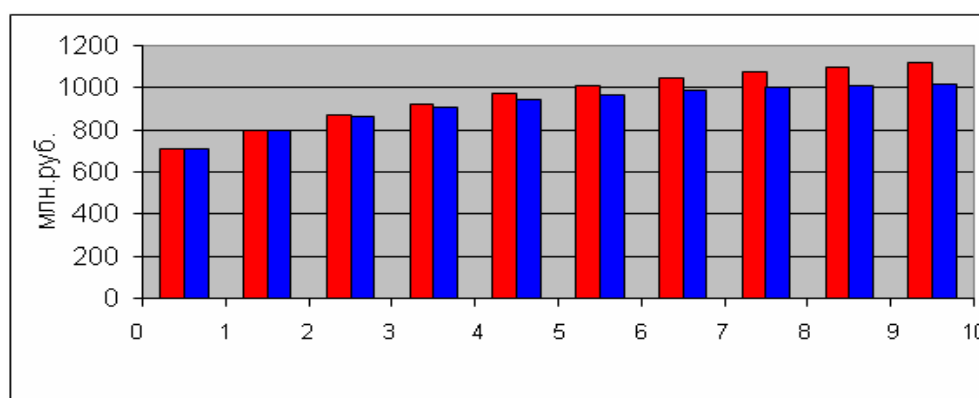

Рисунок 5.

Динамика затрат на лечение пациентов при первом сценарии развития демографической ситуации

Как видно из рис.4, затраты на лечение онкологических пациентов будут расти. Принятие решения о внедрении комплекса профилактических мероприятий, позволяющего изменить распределение вероятностей выявления пациентов по стадиям, приводит к снижению затрат на лечение. Суммарная экономия средств на лечение за 10 лет составит 409,843 млн. руб. при первом варианте развития демографической ситуации, 444,484 млн. руб. при втором варианте развития демографической ситуации. Следовательно, рассматриваемое управленческое решение обладает экономической эффективностью.

Заключение

Анализ современного этапа развития здравоохранения показывает, что множество факторов приводят к росту стоимости содержания национальной системы здравоохранения. Это, в свою очередь, делает крайне актуальной проблему рационального использования ресурсов в системе здравоохранения.

Здравоохранение представляет собой сложную многоуровневую систему, соответственно, проблема рационального использования ресурсов существует на всех уровнях системы. В данной работе исследуются проблемы эффективности использования ресурсов на уровне служб системы здравоохранения, осуществляющих организацию медицинской помощи по отдельным группам заболеваний.

На примере онкологической службы предложен механизм организационного управления ресурсами. Приведен пример применения механизма к исследованию эффективности вторичной профилактики онкологических заболеваний на фактографическом материале по Республике Башкортостан.

Венедиктов Д.Д.

член-корреспондент РАМН, профессор

d_venediktov@mail.ru

Дартау Л.А.

к.т.н., в.н.с. Института проблем управления РАН

dartau@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: социальная политика, модернизация здравоохранения, здоровье населения, управление здоровьем.

Кризис современных государственных систем охраны здоровья граждан практически в любой стране мира вызывает всеобщее беспокойство. В России сейчас недовольны все. Население (пациенты) все более недовольны состоянием здоровья, труднодоступностью и низким качеством медицинской и лекарственной помощи, бездушием и дороговизной «медицинских услуг» (увеличением расходов на лечение и последующие восстановительные мероприятия), коррупцией и поборами, бюрократичностью органов и учреждений здравоохранения.

Причины кризиса (политические, экономические, социальные, психологические, научно-организационные и другие) многочисленны. Наиболее часто называются: недостаточное финансирование; недостаточное внимание (и неэффективное, неадекватное руководство) со стороны Правительства; нарушение (рассогласование, разрушение) системного управления; разрыв взаимопонимания (и доверия) не только между пациентами и врачами, а между всем населением, врачебной профессией и правительством. Но в последнее время, пожалуй, все острее звучит вопрос (вернее, комплекс проблем и вопросов) – а почему эти неудачи продолжаются? Почему все никак не начнется выход из кризиса? Ответы ищутся на разных уровнях, но думается, не на тех, которые нужны. И уж совсем неразработанной остается проблема взаимосвязи экономики и здоровья населения.

В данном контексте мы сконцентрируемся на особенностях статуса человека, как регулятора собственного здоровья, с привлечением знаний теории систем и теории управления. Ключевыми понятиями для достижения наилучшего уровня индивидуального здоровья и гармонии личности в обществе будут понятия и принципы общей теории систем и управления.¹

Поскольку речь пойдет о ЗДОРОВЬЕ – явлении, которое касается всех – абсолютно всех – граждан, населяющих нашу страну, то и при изложении темы (вопроса) следует максимально использовать язык, на котором осуществляется в конкретном государстве общение по поводу здоровья между членами общества и государственными структурами, непосредственно связанными с населением (бытовую лексику). В создании проблемы здоровья (как индивидуального, так и общественного) участвует каждый и не только как носитель (собственник) этого здоровья, но и как его творец.

Все полученные результаты и выводы этой работы построены на анализе ситуации с привлечением научных знаний из разных областей, которые в настоящее время фактически присутствуют в общественном сознании и, в основном, не оспариваются. Знаниями о человеке вообще, и о его здоровье в частности, располагает большое количество научных дисциплин, в которых человек рассматривается, в первую очередь, как объект исследования данной дисциплины. Глубина проникновения в суть объекта и терминология ее описания таковы, что без специальной подготовки осмыслены быть не могут. По этой причине, используя, с одной стороны, техническую терминологию, а с другой – мультидисциплинарную, приходится находить для них соответствия как между собой, так и в рамках бытовой лексики, поскольку в повседневной жизни индивида и общества другая терминология неуместна. Мы же попытаемся объединить их основные выводы (постулаты) через призму участия в создании (сохранении и развитии) здоровья самого Человека, и его роли как субъекта в деятельности Системы здравоохранения и Государства в целом на современном этапе развития цивилизации вообще и развития научного знания, в частности.

Указанное обстоятельство оказывается особенно важным в связи с необходимостью формирования относительно нового научного направления, предназначенного для «обучения граждан здоровью», к которым, например, можно отнести валеологию.

Валеология – (от *vale*, лат. – *я здоров*) научная и педагогическая дисциплина изучающая феномен здоровья и возможности его сохранения самим человеком.

¹ Анализ ситуации и основные идеи авторов см.: Венедиктов Д.Д. Очерки системной теории и стратегии здравоохранения. – Ростов-на-Дону: ООО «Омега-Принт», 2008. – 336 с.; Дартау Л.А., Мизерницкий Ю.Л., Стефанюк А.Р. Здоровье человека и качество жизни: проблемы и особенности управления. – М.: СИНТЕГ, 2009. – 400 с.

Под Государством в данной работе подразумевается не столько совокупность официальных органов власти, опирающихся в необходимых случаях на средства и меры принуждения, сколько способ организации общества. А именно, Государство рассматривается в качестве «регулятора» общественных отношений, возникающих в системе «Государство-Гражданин», между относительно автономными «элементами» общества (гражданами) в процессе их жизнедеятельности.

Человек рассматривается как основной субъект или регулятор (в терминологии теории управления) процесса сохранения, поддержания и развития собственного здоровья, поскольку именно от человека исходит возникновение проблемы здоровья (как индивидуального, так и популяционного). Одновременно этот же человек присутствует в социуме и рассматривается разными науками и в качестве гражданина – в праве и юридических науках; актора – в социологии; личности – в психологии; индивида – в биологии; пациента – в здравоохранении и т.д. Отметим, что в действительности изучать здоровье можно, не привлекая к этому самого человека, что и происходит (происходило) всю историю развития человечества.

Под Системой здравоохранения будем понимать искусственно созданную структуру в системе Государства, с целью охраны здоровья населения и оказания гражданам медицинской помощи, согласно соответствующей статье Конституции РФ.

Все в мире организовано системно – взаимосвязано, иерархично и управляется (самоуправляется). Несмотря на то, что многие научные дисциплины в своем историческом развитии «шли своим путем», к концу XX столетия стало все более очевидным, что возможен не просто перенос знаний из одной области в другую, а что эти знания в итоге приводят исследователей к одним и тем же выводам, изложенным просто на другом языке с использованием другой терминологии. Так врач и учитель управляют одним и тем же объектом – ребенком, в то время как один лечит, а другой – учит, контролируя различные параметры (характеристики) организма. Деятельность первого из них относится к отрасли здравоохранения, а второго – образования и для их описания не используется ни одного общего термина. В то же время в общественном сознании теория управления до сих пор воспринимается как предназначенная (работающая) в сфере производства и технических систем. Исключение составляет сфера государственного управления, где этот термин также используется в прямом смысле. С середины XX века общий характер закономерностей процессов передачи информации и управления стал очевидным и учет соответствующих знаний в одних областях позволяет избежать принятия неверных решений в других.

Так можно объяснить возникновение «Общей теории систем» и «Общей теории управления». Для нас основными будут следующие три определения (понятия):

Система – это совокупность взаимосвязанных элементов, объединенных единством цели (или назначения) и функциональной целостностью¹.

Управление – это такая организация того или иного процесса, которая обеспечивает достижение определенных целей².

Контур управления представляет собой замкнутую совокупность элементов системы управления, в котором каждый элемент системы воздействует на последующий и получает, в свою очередь, воздействие от предыдущего. Воздействие осуществляется, в том числе, и по информационным каналам.

Структурной схемы контура управления достаточно для представления сути процессов в системе в рассматриваемой ситуации. Складывается впечатление, что среди специалистов (да и в общественном сознании также) все четче проявляется необходимость в признании бесперспективности делать ставку на возможности восстановления здоровья путем искусственных манипуляций с телом пациента. Будущее за совместной (системной) деятельностью в интересах здоровья граждан, которую предлагается назвать управлением здоровьем. На практике для первичного здравоохранения новая организационная парадигма развития – это переход от предоставления медицинской помощи (услуг) исключительно по обращаемости к совместному управлению здоровьем в системе (контуре) Гражданин – Государство – Система здравоохранения. Для этого требуется управленческое (волевое) усилие со стороны государства. Но возможен вариант и на уровне объединений граждан по профессиональному и территориальному принципу. Такой (пилотный проект) – наиболее реален в настоящее время в качестве образца для принятия решений на более высоких уровнях власти.

Идея государственной деятельности по управлению здоровьем возникает из анализа этапов развития ситуации с причинами болезней/заболеваемостью/смертностью параллельно с общественно-экономическим развитием общества в целом и медицины, в частности.

1. На заре медицины все решалось между пациентом (буквально – человеком, страдающим от боли, беспомощности и страха) и врачом. Государство в эти отношения не вмешивалось. Продолжительность жизни не превышала 30 лет.

2. После обнаружения бактериальной природы и внедрения по воле государства всеобщей «принудительной» иммунизации продолжительность жизни достигла 50 лет.

3. После открытия антибиотиков и разработки полостных операции под наркозом продолжительность жизни достигла 70 лет.

Как следствие, жизнь граждан развитых стран приобрела характер существования «лабораторных животных», которые не умирают от голода, инфекционных заболеваний и от нападения диких зверей. Принципиально изменилась структура заболеваемости населения – основными причинами смерти и преждевременного ухода из жизни в первую

¹ Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 528 с.

² Основы автоматического управления / Под ред. В.С. Пугачева. – М.: Наука, 1974. – 720 с.

очередь стали хронические неинфекционные заболевания (ХНИЗ). Причины их возникновения связаны как с возрастными изменениями в организме человека, так и с образом жизни, который сформировал сам индивид. Решающую роль стали играть не столько качество услуг и продуктов потребления, обеспечивающих жизнедеятельность организма, сколько характер этого потребления, в ряде случаев ускоряющий процесс старения. Структура заболеваемости, на которую приходится до 90% смертности на популяционном уровне, ограничивается в настоящее время 4–5 нозологиями, объединяемыми в зависимости от ситуации общим названием «болезни старения» (или «болезни цивилизации»), или, наконец, «болезни образа жизни»). Они возникают в процессе развития организма под влиянием факта времени прожития конкретным человеком определенного периода жизни¹. Причина их возникновения внутренняя, а не внешняя, как это было в периоды выдающихся открытий в медицине, когда человек участвовал в этом процессе исключительно в роли объекта исследований и манипуляций со стороны ученых и врачей. В то же время, поиски средств и методов лечения этих заболеваний продолжались, и к концу XX века возраст дожития населения развитых стран достиг 90 лет, а смертность в трудоспособных возрастах многократно снизилась. Однако о возвращении здоровья в большинстве случаев речь не идет, и среди спасенных от смерти в основном лишь хроники и инвалиды. Как следствие, начиная с 2001 года развитые страны одна за другой стали принимать законы об эвтаназии (завещании жизни), а в структурах национальных систем здравоохранения появились обязательные отделения – хосписы для терминальных больных.

Накопленные медицинской наукой знания о влиянии факторов риска для здоровья на возраст дожития и о роли самого индивида в способности уменьшать их отрицательный вклад, привели к необходимости поднятия вопроса о повышении ответственности самих граждан за текущий уровень здоровья. То есть о возрастании доли профилактических мероприятий, в которых главную роль играет сам человек. Показано, что в современных условиях для реализации потенциала долголетия личность должна усилием воли создавать дополнительные (виртуальные) контуры управления переменными – назовем их *несущественными*, например, массой тела, а также питанием, двигательной активностью и др. Кроме того, создаются контуры управления и для ряда других привычек и навыков повседневной жизни и поведения в социуме. Для конкретного гражданина это может звучать так: «Прожить как можно дольше, болея как можно меньше!»

Таким образом, основная часть населения умирает не от внешних, а от внутренних причин, формируя свой образ жизни (в рамках статей конституции о невмешательстве в частную жизнь и неприкосновенность жилища) через рефлекс, инстинкты и способность к обучению на собственном опыте. В этой ситуации человек лишен возможности использовать современные научные знания (прогностические по своей сути). К сожалению, в силу ведомственной принадлежности к Минздраву, система здравоохранения не имеет административных ресурсов (власти, средств и времени) для влияния на здорового человека через обучение. Все ограничивается возможностью якобы результативного воздействия на приеме, на который гражданин пришел с конкретной жалобой (то есть по причине неблагополучия – болезни).

Принципиальной особенностью наступившего периода развития цивилизации становится «обеспечение» здоровья за счет системного управления этим здоровьем тремя основными субъектами: человеком (он – главный), государством (оно определяет правила «игры» через организационно-правовые технологии) и здравоохранением (оно – является источником знаний и практик для такого управления). Наступивший период развития общественных отношений по поводу здоровья может быть назван «эпохой управления здоровьем», которая характеризуется следующими особенностями:

1. Проблема сохранения и укрепления здоровья является не столько медицинской, сколько организационной проблемой, т.е. проблемой управления здоровьем.

Полученный результат требует, с одной стороны, признания определяющей роли личности в качестве регулятора собственного здоровья, а с другой – осознания факта отсутствия на индивидуальном уровне знаний и мотиваций для такого управления. Как следствие, возникает необходимость создания соответствующей сферы общественных взаимоотношений на основе социального партнерства. Для ее решения требуется грамотное с точки зрения теории управления распределение ролей между субъектами, участвующими в деятельности по сохранению и укреплению здоровья населения, обозначение рамок ответственности, прав и обязанностей.

2. Деятельность по сохранению и укреплению здоровья «лежит вне сектора здравоохранения» (ВОЗ).

В работе предлагается принципиально новый тип общественных взаимоотношений в рамках Нового общественного договора, названный «Государственным управлением здоровьем и качеством жизни», сокращенно – «управление здоровьем». Этот тип взаимоотношений возникает в результате формализации на законодательном (договорном) уровне совместной деятельности гражданина (здоровье которого подлежит управлению) и лица, обладающего по отношению к этому гражданину государственным административным ресурсом (властью и средствами).

Для формализации этих взаимоотношений предлагается использовать структуру контура управления здоровьем, включающую в качестве регулятора два основных субъекта: индивида, здоровье которого становится целью управления, и лица, облеченного по отношению к этому индивиду административной властью и обладающего административным ресурсом. В соответствии с положением ВОЗ о том, что «здоровье утрачивается в местах, где люди живут, работают и учатся», такими лицами становятся администрация местной власти, работодатели и руководители учреждений образования. Третьим субъектом общественных взаимоотношений становится ЛПУ – лечебно-профилактическое учреждение, которое не является регулятором в предлагаемой структуре контура управления здоровьем, а

¹ Дильман В.М. Большие биологические часы. Введение в интегральную медицину. – М.: Знание, 1986. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – С. 229.

играет одновременно несколько основополагающих ролей. ЛПУ является экспертом по вопросам здоровья, участвует в периодических оценках индивидуального здоровья, перманентном обучении здоровью и эпизодическом лечении в случае обнаружения отклонений здоровья. Последнее осуществляется в рамках деятельности по оказанию медицинской помощи. Все вместе взятое позволит разделить ответственность за конечный результат (текущий уровень индивидуального и популяционного здоровья) и обеспечит достижение конечного результата (сохранение и улучшение индивидуального здоровья) и эффективность управления.

В результате предлагаемых действий прогнозируется синергетический эффект, который, с одной стороны, приведет к снижению напряженности в обществе и взаимных претензий сторон в здравоохранной деятельности государства. А с другой стороны, гармонизирует общественные отношения в целом и повысит общий уровень удовлетворенности граждан услугами по жизнеобеспечению населения, предоставляемыми им со стороны муниципальной власти.

Коротко: «Совместное управление здоровьем в системе «Государство-Гражданин» позволит принципиально изменить характер здравоохранной деятельности и гармонизировать отношения в обществе практически во всех сферах».

При достаточном периоде эксплуатации (начиная с 5 лет), эффективность затрат на поддержание совместной деятельности можно будет соотнести с уменьшением расходов на лечение и снижением смертности в трудоспособных возрастах.

Галаева Е.В.

д.э.н., профессор Академии труда и социальных отношений

Санаев А.О.

аспирант Академии труда и социальных отношений

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ МЕНЕДЖЕРОВ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ключевые слова: здравоохранение, высокотехнологичная медицина, медицинское оборудование, инновации, переподготовка и повышение квалификации, оценка квалификации, электронное обучение, оплата труда, динамическая модель построения тренингов.

В настоящее время в России проводится широкомасштабное реформирование сферы здравоохранения, связанное с:

- экономией бюджетных расходов в этой сфере;
- увеличением ассортимента предоставляемых услуг, в т.ч. на платной основе;
- внедрением новых видов высокотехнологичных медицинских услуг, в том числе на базе инновационного оборудования;
- существенным ростом квалификации медицинского персонала, необходимой для использования в практической работе сложного инновационного оборудования;
- обновлением состава медицинского персонала, в т.ч. за счет приглашения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа;
- существенным ростом заработной платы медицинских работников в связи с усложнением выполняемых функций и обеспечением их конкурентоспособности на мировом рынке медицинских услуг.

По закону о федеральном бюджете на 2015 г. на сферу здравоохранения предполагается потратить 421,1 млрд руб., что меньше, чем в предшествующие годы и существенно меньше, чем в развитых странах как в абсолютном выражении, так и в процентах по отношению к объему ВВП и расходной части бюджета. Мы в этом вопросе согласны со специалистами, указывающими на существенное недофинансирование сферы здравоохранения в нашей стране.

В этой связи в последнее время получает все большее развитие предоставление медицинских услуг населению на платной основе. Согласно прогнозам специалистов, этот рынок увеличится к 2017 г. более чем на 60%.

Существенный импульс развитию частной медицины дало получение ею доступа к средствам, формируемым в рамках обязательного медицинского страхования. Так, по данным ФОМС, в 2014 г. уже более 1,6 тысячи частных клиник и диагностических лабораторий вошли в программу обязательного медицинского страхования (в 3,5 раза больше, чем в 2010 г.), причем они не только обслуживают «платных» пациентов, но и предоставляют услуги по обязательному медицинскому страхованию. По мнению Министра здравоохранения В. Скворцовой, благодаря частно-государственному партнерству появится возможность обновлять медицинское оборудование без увеличения бюджетной нагрузки, что позволит повысить качество и доступность медицинских услуг.

По этому же поводу высказался В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию: «Гражданина не должно заботить, где он получает социальную услугу – в государственной, муниципальной, частной организации... Мы будем и дальше поддерживать социально ориентированные некоммерческие организации... Мы должны исключить дискриминацию негосударственного сектора в социальной сфере, убрать для него все барьеры»¹.

В настоящее время из всех работающих социальных предприятий на долю здравоохранения приходится лишь 8%. Для развития этого сектора экспертное сообщество предлагает введение дополнительных льгот: субсидирование ставки процента по кредитам для социальных предприятий на уровне ставки рефинансирования ЦБ, причем 2/3 ставки предполагается финансировать за счет средств федерального бюджета и 1/3 – за счет средств бюджетов субъектов РФ; компенсация расходов на приобретение оборудования и производственных помещений; поддержка лизинга; поручительства гарантийных фондов; предоставление специальной федеральной субсидии социальным предприятиям в размере до 0,6 млн. руб. при условии софинансирования со стороны субъекта РФ в размере не менее 15% от суммы получаемой субсидии и др.

Предполагается, что тарифы на медицинские услуги в рамках обязательного медицинского страхования будут едиными и для государственных (муниципальных), и для частных клиник. Так, в Программе государственных гаран-

¹ Российская газета. – М., 2014. - № 278 (6550), 5 декабря. – С. 4.

тий предусмотрен средний подушевой норматив на 2014 г. в размере 10 294,4 рубля, в т.ч. за счет средств ОМС – 6962,5 руб.; на 2015 г. – соответственно, 12 096,7 руб. и 8481,5 руб.¹

В частности, на оказание отдельных медицинских услуг в Программе на 2015 г. предусмотрены следующие нормативы:

- на 1 вызов скорой помощи – 1582,8 руб.;
- на 1 посещение с профилактической целью – 448,9 руб.;
- на 1 обращение по поводу заболевания – 1256,9 руб.;
- на 1 посещение при оказании медицинской помощи в неотложной форме – 445,9 руб.;
- на 1 пациенто-день лечения в условиях дневных стационаров – 610,5 руб.;
- на 1 случай применения вспомогательных репродуктивных технологий – 119 964,1 руб.;
- на 1 койко-день лечения в стационарных условиях – 2231,1 руб.;
- на 1 койко-день паллиативной медицинской помощи в стационарных условиях – 2137 руб.²

В целях расширения сферы высокотехнологичной медицины из федерального бюджета ежегодно выделяются субсидии бюджетам субъектов РФ на закупку медицинского оборудования по конкретным направлениям медицинской помощи: на совершенствование помощи пострадавшим в ДТП, на формирование здорового образа жизни, включая сокращение потребления алкоголя и табака, на совершенствование медицинской помощи больным с онкологическими заболеваниями и др. Размеры субсидий зависят от сложности и инновационности закупаемого оборудования. В этой связи в соответствии с Приложением № 1 к Приказу Министерства здравоохранения № 4н от 6.06.2012 г. была принята уточненная классификация медицинских изделий по видам.

В этой классификации медицинские изделия подразделяются по таким признакам, как:

- область применения;
- инвазивность;
- стерильность;
- частота использования (однократного или многократного применения);
- эксплуатационные особенности;
- конструктивные особенности.

Всего оказанием высокотехнологичной медицинской помощи в соответствии с Приказом Министерства здравоохранения РФ № 444н от 15.08.2014 г. в 2014 г. предполагалось охватить 267 546 человек.

В условиях расширения сферы применения высокотехнологичного оборудования многократно возрастают требования к профессиональной квалификации медицинского персонала. Этому вопросу, в частности, было уделено внимание в Послании В.В.Путина Федеральному Собранию. В нем в этой связи говорится: «Предлагаю предусмотреть для врачей специальный образовательный сертификат. С его помощью они смогут выбрать оптимальную образовательную программу, чтобы пройти переподготовку, повысить квалификацию»³.

Вместе с тем, медицинский персонал не всегда успевает наращивать квалификацию теми темпами, какими происходят изменения в сложности используемого оборудования и назначаемых лекарственных препаратов. Так, например, в Москве в 2014 г. 49% из 5 тысяч главврачей поликлиник и больниц не прошли тест на соответствие занимаемой должности⁴.

С 1.07.2014 г. начата широкомасштабная компания по сокращению штатов медицинских работников из государственной системы здравоохранения, которая продлится до 31.12.2015 г. В рамках программы увольнения предполагается выделение единовременного пособия уволенным работникам на переучивание и доучивание новым профессиональным компетенциям в следующем размере:

- врачи – 500 тыс. рублей;
- средний медицинский персонал (фельдшеры и медицинские сестры) – 300 тыс. рублей;
- младший медицинский персонал (санитарки) – 200 тыс. рублей.

В качестве альтернативы уволенным работникам предполагается приглашение высококвалифицированных специалистов из-за рубежа с привлекательными условиями найма: заработная плата не менее 2 млн. рублей в год, обеспечение медицинской страховкой и служебным жильем, предоставление вида на жительство в России. Это направление поддерживает и Президент. В так называемом «майском указе» он одной из задач называет «увеличение к 2020 г. числа высококвалифицированных работников, с тем, чтобы оно составляло не менее трети от числа квалифицированных работников»⁵.

В этом же указе предусматривалось доведение заработной платы медицинских работников с высшим образованием до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе, а младшего и среднего медицинского персонала – до 100% от средней по региону.

¹ Постановление Правительства РФ от 22.10.2012 г. «О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов // Российская газета. – М., 2012. - № 248 (5921), 26 октября.

² Там же.

³ Российская газета. – М., 2014. - № 278 (6550), 5 декабря. – С. 4.

⁴ Российская газета. – М., 2014. - № 271 (6543), 27 ноября. – С. 13.

⁵ Указ Президента РФ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Российская газета. – М., 2012. – № 102 (5775), 9 мая.

В принципе эта цель является достижимой, учитывая, что в 2014 году зарплата медицинских работников была существенно повышена, вплоть до 30% в ряде регионов страны. Так, например, в Москве зарплата врачей была доведена до 60 тыс. руб. в месяц, в Московской области – до 57,5 тыс. рублей, в целом по России – до примерно 37 тыс. рублей.

Вместе с тем, конкурентоспособность заработной платы российских медицинских работников на мировой арене резко снизилась в связи с ростом курса доллара по отношению к рублю (14.01.2015 г. официальный курс доллара составил 66,10 рублей, то есть за год вырос почти ровно в 2 раза). Это вновь отбрасывает заработную плату врача в городе Москве на уровень примерно в 900 долларов в месяц, а среднестатистического российского врача – на уровень примерно в 550 долларов, в то время как средняя заработная плата врача в экономически развитых странах составляет 6–7 тыс. долларов в месяц, а особо опытного врача – до \$10 000.

С учетом тенденций, происходящих в современном российском здравоохранении, по-новому ставятся требования к кадровому составу специалистов, связанных с реализацией медицинской техники и технологии в организациях здравоохранения. Они должны обладать достаточной квалификацией для:

- использования современных маркетинговых стратегий;
 - оценки прогрессивности и перспективности использования на российском рынке нового высокотехнологичного оборудования;
 - поиска и налаживания контактов с лучшими российскими и зарубежными производителями новой медицинской техники и технологии;
 - использования гибкой ценовой политики;
 - обучения персонала медицинских учреждений инновационным технологиям в системе здравоохранения.
- Инновации в обучении менеджеров по реализации медицинского оборудования можно условно разделить на:
- связанные с совершенствованием процесса обучения,
 - связанные с внедрением новых подходов и методик.

И те, и другие, как правило, представлены системами e-learning (обучением в электронной форме через сеть Интернет или Интранет).

К наиболее известным из них относятся:

- системы управления обучением (Learning Management Systems - LMS),
- системы управления учебным контентом (Learning Content Management Systems - LCMS)

Электронное обучение, как и любой учебный процесс, помимо содержательной части обязательно предполагает организационный компонент, включающий предоставление учебного контента обучаемым людям в заданное время, контроль использования учебных ресурсов, администрирование отдельных слушателей и групп и т.д. Кроме того, LMS отвечает за распределение и использование учебного контента. В числе таких задач – организация удобных для поиска каталогов курсов, выделение блоков курсов для обязательного изучения и изучения «по желанию», разработка индивидуальных учебных треков (например, на базе заданных функциональных ролей обучающихся), поддержка синхронных и асинхронных режимов взаимодействия с преподавателем и др. Важнейшим элементом LMS является отчетность по учебному процессу, которая позволяет, в частности, делать выводы об эффективности вложений в электронное обучение.

Системы управления контентом позволяют создавать каталоги графических, звуковых, аудио- видео-, текстовых и др. файлов и манипулировать ими. Такая система представляет собой базу данных, снабженную механизмом поиска по ключевым словам. Подобные системы подходят для создания Web-сайтов, порталов с размещенными на них образовательными материалами. Эти системы концентрируются на задачах управления содержанием учебных программ, а не процессом обучения, и ориентированы не на обучающихся менеджеров, а на разработчиков контента, специалистов по методологической компоновке курсов и руководителей проектов обучения. В основе LCMS лежит концепция представления содержания обучения как совокупности многократно используемых учебных объектов со своей целевой аудиторией и определенным контекстом использования.

В последнее время для поддержки электронного обучения используется целый арсенал мобильных технологий, которые, в частности, позволяют:

- организовывать распределенную контролируемую дистрибуцию электронных образовательных ресурсов (доступ к образовательному и исследовательскому контенту);
- обеспечивать опосредованную, географически распределенную коммуникацию для осуществления совместной деятельности без привязки к местоположению участников учебного процесса;
- использовать мобильное устройство в качестве персональной медиатеки учебных, методических и справочных материалов; фотоаппарата и видеокамеры для фиксации визуальной информации в цифровом виде; плеера для записи и прослушивания аудиолекций и пр.;
- подключать мобильное устройство к мультимедиа и оргтехнике, измерительным приборам и устройствам в корпоративной информационной сети;
- задействовать встроенные в мобильное устройство датчики и сенсоры для сбора информации об окружающей пользователя среде (положения в пространстве – с помощью гироскопа; вибрации; освещенности; влажности; давления; температуры и др.) в образовательных и исследовательских целях;
- применять средства геолокации мобильного устройства для определения местоположения, поиска и совместного описания географических объектов, получения справочной картографической информации, построения треков передвижения и пр.

Указанные инновации были полностью или частично использованы для оценки знаний и обучения сотрудников компании ООО НПО «Деост», занимающейся поставками медицинского оборудования, в т.ч. высокотехнологичного.

Данная компания является дистрибьютором медицинского оборудования и медицинских расходных материалов широкого ассортимента, поэтому к сотрудникам предъявляются повышенные требования с позиций как медицинских знаний, так и знаний о технико-технологических особенностях продаваемой продукции. Для того чтобы каталогизировать большой объем информации, выявить степень владения данными знаниями, а также в целях присвоения сотрудникам категории, нами была разработана матричная модель оценки знаний менеджера по продажам.

В этой модели массив информации разделяется по принципу модульности, т.е. самостоятельных блоков информации в рамках одной или нескольких тем, построенных по принципу категоризации знаний: базовые знания - продвинутое знание - экспертные знания. Затем, внутри каждой категории (если это возможно), выделяются подкатегории.

Далее по каждому из блоков составляется определенное количество тестовых вопросов. Результаты тестирования вычисляются компьютером и выдаются как в виде общего процента правильно решенных тестов, так и в виде процента решения тестов по каждой отдельной категории или подкатегории знаний.

Новизна матричного метода состоит в том, что результаты можно представить в виде матрицы – т.е. те блоки вопросов, на которые тестируемый смог ответить, закрашиваются или штрихуются, а те, на которые он ответить не смог, остаются незаполненными. На основе данной матрицы для каждого тестируемого составляется индивидуальная программа обучения, «сложенная» из незаштрихованных блоков по выбранным для тестирования темам (см. табл.).

Таблица 1

Пример матрицы результатов тестирования менеджеров по продажам медицинского оборудования

Продукты	Basic			Advanced		Expert
	Design	Technique	ISA	Comp. Df	F&B	
UNI						not relevant
PFJ						
GII						
Journey BCS						not relevant
RT-PLUS m/nm						
Legion						Primary/Revision Knee Hinges
BHR						not relevant
BMHR						
Nanos						Special Hip & Early Intervention Hip
SMF						
SL-PLUS, SL-MIA						
Bicon						not relevant
Polar cup						
Polar stem						
Synergy						
R3, R3 Multihole						
Muller stem						Primary Hip Cemented
Muller cup						
Basis						
Redapt						not relevant
SLR						
Contour						
Accord						

Модулем является высокотехнологичный продукт, в базовых знаниях которого присутствуют подкатегории по дизайну, технике применения и показаниям к применению. В блоке продвинутого знания подкатегориями являются знания о конкретных продуктах и их свойствах и преимуществах, в блоке экспертных знаний подкатегории не выделяются.

Таким образом, на основе матрицы можно сделать следующие выводы: выделить категории/подкатегории, в которых тестируемый наиболее силен или слаб, на основании этого составить программу его дальнейшего профессионального развития, регулировать необходимые для него направления обучения в зависимости от целей кадровой службы, планов руководства и т.д. Помимо анализа индивидуальных результатов, данный матричный метод позволяет создавать такие же карты и для групп обучающихся, и делать все типы выводов, описанных выше. В целом для предприятия данная методика обеспечит разделение тестируемых на потоки по степени владения знаниями, облегчит выявление внутренних экспертов, может лечь в основу систем мотивации.

Инновацией в области технологии обучения может явиться динамическая модель ведения занятия (тренинга), построенная на основе матричного метода оценки знаний, описанного выше.

Для реализации данной модели группа обучающихся подбирается на основе схожести персональных карт знаний. Материал для занятий готовится на основе групповой карты знаний, которая корректируется с учетом пожеланий обучающихся в отношении получения дополнительных знаний. В процессе повышения квалификации блоки базовых знаний и продвинутого знания считаются обязательной частью программы обучения, а экспертные блоки преподаются по желанию обучающихся.

Злотникова Л.М.

к.э.н., доцент Белорусского торгово-экономического университета

СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ключевые слова: *реформирование системы здравоохранения, морально-нравственные проблемы в здравоохранении, коммерциализация в здравоохранении, социальное государство, социальные права, либеральная экономика.*

В действующей экономической практике и социальной политике здравоохранение отождествляется с развитием медицинской науки и оказанием медицинской помощи. Бюджетное финансирование здравоохранения отождествляется с заботой государства о здоровье человека. Общество давно находится в плену стереотипов и оценивает отношение государства к здоровью населения по работе лечебных учреждений.

Очевидно, что даже хорошо оснащенное лечебное учреждение, квалифицированные и заботливые медицинские работники не в состоянии вернуть утраченное здоровье, если человек не хочет работать над собой. Реальный человек живет в конкретной социально-экономической среде. Для формирования и поддержания трудоспособного здоровья он должен, прежде всего, нормально питаться, иметь нормальные условия жизни и производства. Решающее значение для поддержания трудоспособного здоровья может оказывать доход человека. Многие социальные болезни обусловлены низкими доходами и соответственно отсутствием нормальных условий жизнедеятельности. До настоящего времени мировая цивилизация вынуждена решать проблемы туберкулеза. Существует международная программа борьбы с туберкулезом, реализуемая под эгидой ВОЗ (всемирная организация здравоохранения). В конце XX в. во многих странах мира обострились проблемы распространения неинфекционных заболеваний, таких как инфаркты, инсульты, сахарный диабет и аллергические реакции на различные новые материалы, используемые в быту и на производстве. Эти и другие проблемы, носящие всемирный характер, заставляют государство изменить структуру и направленность социальной политики.

Республика Беларусь и Российская Федерация имеют конституционный статус социального государства. Понятие социальное государство, к сожалению, не имеет научного обоснования. На эмпирическом уровне оно трактуется как основной субъект, конституционно гарантирующий экономические и социальные права граждан и соответствующие обязанности государства. Социальное государство берет на себя обязательства служить обществу, обеспечивая условия для достойной жизни, свободного развития и минимизацию объективно неоправданных различий. Охрана труда и здоровья людей является важнейшей функцией государства. Функционирование здравоохранения некорректно отождествлять со здоровьем человека.

В ходе небольшого исследования мы попытались обратить внимание на степень соответствия конституционных обязанностей государства реальной практике в сфере здравоохранения. Социальное государство у подавляющего большинства населения, участников различных социологических опросов отождествляется с нравственной формой осуществляемой экономической политики, которая выражается в нацеленности государства на максимально возможную справедливость жизнедеятельности. Последнее гипотетически предполагает полномасштабную реализацию гарантий конституционных экономических и социальных прав человека, т.е. неабстрактного, а как четко подметил Ален Турен «действующего человека». Именно он призывал: «...отказаться от иллюзорных попыток анализировать действующие лица вне всякого отношения к общественной системе»¹.

Осознание сложности потребностей в медицинской помощи не позволяет признать государство коммерческим субъектом, минимизирующим экономические затраты. Тем более что окупаемость издержек на поддержание здоровья человека – это длительный социальный процесс, сложно структурированный, неотделимый от внешнего и внутреннего воздействия. Состояние здоровья, его оценки и изменения в нем представляются нам архисложной теоретической и практической проблемой. Производительность труда в определенной степени может служить косвенным индикатором состояния трудоспособного здоровья человека. Однако экономика и социология не уделяют должного внимания обозначенной проблеме. Чаще всего производительность труда оценивается на основе произведенного объема продукции. При этом используются показатели – цена и количество. И если цены на товары растут, то потери рабочего времени, не особо интересуют производителя. Государство в годы реформ практически перестало интересоваться структурой производительности труда, и затратами здоровья. О здоровье как ценности чаще говорят в ходе предвыборных кампаний. Принимаемые законы и нормативные акты не проходят научную экспертизу на предмет влияния на здоровье человека.

¹ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – С. 9.

В последние годы гуманитарные науки начали широко использовать количественные измерители и индикаторы. Упрощенное толкование экономической оптимизации влечет за собой увеличение риска социальных потерь. Возможные риски сложно перечислить. «Когда существует неопределенность информация или знания становятся товаром. Подобно другим товарам, они характеризуются затратами на производство и затратами на передачу, и поэтому естественным образом они не распространяются среди всего населения, а концентрируются кто больше всего может от них выиграть»¹. Эти оценки Кеннета Дж. Эрроу раскрывают отрицательную полезность реформирования здравоохранения для многих нуждающихся в медицинской помощи. Решения в социальной сфере затрагивают высшую ценность человека – здоровье, поэтому требуются широкомасштабные общественные и научные дискуссии.

Сегодня очевидно только одно. Здравоохранение, образование, наука, культура обеспечивают процесс качественной социализации, помогая человеку на продолжительное время сохранять и поддерживать здоровую трудоспособность, они не могут оставаться в формате жесткой дифференциации и специализации. Эффективность процесса социализации во многом определяется действующими социально-экономическими условиями, высокой заинтересованностью, мотивацией и нравственностью всех субъектов.

Реформаторы игнорируют воздействие состояния здоровья человека на общество, воспринимают его как само собой разумеющееся и личное дело человека. Отношение к здоровью сложно трактовать как частное благо. Во-первых, формирование и поддержание трудоспособного здоровья человека – это один из самых противоречивых процессов социализации. Он предполагает реализацию синергетического комплекса мер, направленных на создание оптимальных условий воспроизводства и сохранения здоровой трудоспособности на протяжении всей жизни человека. Во-вторых, в соответствии с Конституцией государство обязано гарантировать минимально необходимый уровень медицинского обслуживания и условий поддержания здоровья. В-третьих, безнравственно использовать здоровье как дополнительный источник формирования бюджета.

Организация работы учреждений здравоохранения осуществляется на основе медицинских и санитарно-гигиенических стандартов. С их помощью реализуется принцип унификации процесса медицинского обслуживания населения и проведения санитарно-эпидемиологических мероприятий. Однако жесткая регламентация функционирования учреждений здравоохранения не исключает разнообразные риски и негативные последствия косвенного и прямого вмешательства в организм человека. Производство и потребление постоянно сопровождается большим количеством явных и латентных рисков. Реальность такова, что риски покупки некачественного товара и медицинской услуги принципиально различаются. Медицинская помощь характеризуется высокой степенью неопределенности по содержанию и последствиям. Не только значительно снизить, но и предвидеть возможные риски медицинская наука пока не в состоянии. Организм человека всегда индивидуален, реакции на вмешательство отличаются разнообразием, сложно структурируемым. Обилие информации о состоянии и процессах организме человека не всегда оказывает положительное воздействие. В условиях непредсказуемости результатов лечения перекладывать затраты на поддержание здоровья полностью или частично на человека противоречит не только здравому смыслу, но и морально-нравственным принципам.

Безнравственность отождествления медицинской помощи с деятельностью торговли проявляется еще и в том, что государство получает большое количество налоговых отчислений. Именно они должны использоваться на производство общественных благ, главными из которых является здоровье и образование. Анализ структуры расходов государственного бюджета убедительно демонстрирует подлинную ценность здоровья человека. В Беларуси и России по отчетным данным только около 5% государственного бюджета направляется на функционирование здравоохранения. При этом необходимо заметить, что почти треть выделенных средств возвращается обратно в бюджет. Учреждения здравоохранения, как и все производители, обязаны платить налоги. Решение проблем экономической выгоды и эффективности в сфере здравоохранения основано на рациональном поведении человека. Но человек не склонен вести себя всегда и везде рационально. Сложно понять социально-экономические процессы и явления, если будем следовать абстрактной экономической теории, не принимающей во внимание иррациональность жизнедеятельности. Практикующие управленцы не придают значению этой компоненте человеческого поведения. Образно говоря, последователи либеральной экономики пользуются беспечностью обычных людей, не создав механизмы смягчения последствий неопределенности и рисков, внедряют принципы ущербной экономической системы, не учитывая субъективный фактор, включающий личный опыт, традиции, эмоции и т.д.

Вербальное признание здоровья высшей ценностью не подтверждается на практике. Это не только низкий удельный вес финансовых затрат на деятельность учреждений здравоохранения, но и величина прожиточного минимума, не обеспечивающая нормальной жизнедеятельности человека. В Республике Беларусь Постановлением Министерства труда и социальной защиты от 17 октября 2014 г. № 92 утвержденный норматив прожиточного минимума в среднем на душу населения в расчете на один месяц на период с 1 ноября 2014 г. по 31 января 2015 г. составляет – 1 396 020 белорусских рублей. В долларовом эквиваленте это составляет менее 100. Затраты на оплату услуг в однокомнатной квартире в среднем равны 30 долларам. Таким образом, человек для поддержания жизни может использовать в сутки не более 2,5 долларов. Учитывая существующие цены на продукты питания, человеку оказываются доступными килограмм хлеба и литр кисломолочных продуктов. Приведенные данные свидетельствуют о том, что оплата медицинских услуг, а значит, и поддержание жизнедеятельности человека оказывается под большим вопросом.

Сторонники либерализации экономики считали свободный рынок всеобщим благом. Согласно утилитарной трактовке экономической теории свободный рынок – это совершенная устойчивая система социально-экономических

¹ Эрроу К.Дж. Неопределенность и экономика благосостояния здравоохранения // Вехи экономической мысли. Т. 4. – Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2004. – С. 299.

отношений в обществе, не требующая вмешательства государства. Несмотря на то, что А. Смит не раз обращал внимание на ограниченное влияние свободы производителей и потребителей, до настоящего времени упорно культивируется методология рационального поведения. Здоровье человека в трактовке упрощенного толкования рыночных отношений попало в разряд частных благ. На наш взгляд, именно это послужило одной из причин коммерциализации здравоохранения. Здоровье каждого человека оказывает огромное влияние не только на самого человека, но и общество в целом. К тому же общество, условия проживания, общественное мнение и многие другие факторы непосредственно воздействуют на состояние здоровья. Отнесение здоровья к частным благам и установление материальной ответственности за трудоспособность влечет за собой проблемы оценки стоимости жизни. Требуется ответ на вопрос об источниках оплаты медицинских услуг. Перевод даже на частичную оплату медицинских услуг в условиях высокой неопределенности проявляется в диверсификации самолечения или обращения к различного рода советчикам.

Производство товаров давно использует апробированные механизмы предупреждения и смягчения рисков неопределенности. Предоставление медицинских услуг не оснащено объективными условиями снижения рисков по первому требованию. Товар в оптовой или розничной торговле может быть заменен на другой с соответствующими потребительскими свойствами. Полученную медицинскую услугу заменить нельзя. Средства массовой информации пестрят фактами некачественной медицинской помощи, постановкой неправильного диагноза, проведением неадекватного лечения, и т.д. Но практически отсутствует объективный анализ негативных последствий медицинского вмешательства. Развитие науки и техники давно перешагнуло границы материального производства. Повышение уровня технико-технологического оснащения лечебных учреждений положено в основу экономического реформирования здравоохранения. Широко распространенное мнение о том, что создание крупных специализированных, высокотехнологичных медицинских центров позволит быстро, эффективно решать проблемы лечения серьезных заболеваний привело к полномасштабной ликвидации «неэффективных медицинских учреждений». Последние в основном расположены в небольших населенных пунктах и позволяют продлить трудоспособность человека. В медицине время оказания первой помощи имеет принципиальное значение. По данным медицинской науки и практики оказание первой квалифицированной помощи человеку с инсультом в течение 3-х часов – это сохранение его способности жить, ходить, говорить и пользоваться своим телом.

Еще одной сущностной характеристикой медицинской помощи выступает нестабильность. Seriously размышляющие над проблемой не возьмут на себя ответственность назвать даже приблизительное время, объемы и структуру потребности в медицинской помощи. Реформаторы, предлагая населению обращаться за лечебными услугами в специализированные медицинские учреждения, игнорируют условия проживания, доходы, транспортное сообщение и многие другие факторы, с которыми сталкиваются люди, проживающие на большом расстоянии от крупных населенных пунктов. Получение первой, часто решающей медицинской помощи оказывается под большим вопросом. В малых населенных пунктах в основном проживают пожилые люди, которые регулярно получают поддерживающее лечение, таким образом, им продлевается трудоспособная жизнь. Стремление к снижению затрат неизбежно приведет к тому, что в лучшем случае увеличится нагрузка на стационарные лечебные учреждения, расположенные в городах. В худшем – вырастет инвалидность и смертность. Очень сложно давать морально-нравственные оценки процессу ликвидации лечебных учреждений шаговой доступности. Однозначно можно утверждать только одно, даже в краткосрочном периоде сократить издержки не получится. Тем более что в экономической теории полезность медицинской услуги не имеет оценки. Ее значимость и ценность проявляется только в условиях болезни.

На наш взгляд, радикальное изменение структуры лечебных учреждений в пользу крупных специализированных центров – это проявление утилитарного экономического кабинетного расчета ценности услуг. Спрос на медицинские услуги по определению Кеннета Дж. Эрроу «связан... с угрозой для полноценности личности. Существует некоторый риск смерти и более значительный риск нарушения работы общих функций организма»¹. Несвоевременно оказанная медицинская помощь чревата серьезными осложнениями, требующим в дальнейшем дорогостоящего лечения, иногда заканчивающегося инвалидностью, т.е. ограничением или полным лишением трудоспособности. Не учитывать указанные последствия реформаторы здравоохранения могут только в том случае, если материальные и финансовые потери будет нести все общество, а они будут получать доходы от безнравственного сокращения затрат.

Процесс создания специализированных центров сопровождается сокращением численности врачей и среднего медицинского персонала. Отношение к медицинскому персоналу – еще одна проблема соотношения «экономика – нравственность», скрывающая сложные социальные процессы. К сожалению, многие сталкивались с проблемами некорректного диагноза, соответственно неверного лечения, повлекшие высокие материальные и моральные затраты на смягчение негативных последствий. Ответственность за некачественное лечение всегда и везде несет врач. Общество в силу сложившихся стереотипов не интересуется проблемами эксплуатации технико-технологической компоненты в здравоохранении. Сложная техника в медицине появилась относительно недавно. Господство в производственной деятельности (независимо от ее видов) нормативов приводит к тому, то амортизационные отчисления на используемую технику формируются по общей методологии, т.е. не учитываются особенности работы с людьми и для людей. Осложняется проблема эксплуатации медицинской техники отсутствием должной подготовки и переподготовки технических специалистов, к тому же обладающих высочайшей ответственностью. В последние годы периодически возникают проблемы плохой подготовки техники, несвоевременной ее профилактики, превышение сроков физической эксплуатации, использование контрафактных запасных частей и т.д. Из повседневного наблюдения становится очевидным, что технический фактор в медицине несет огромную нравственную нагрузку. Врач, использующий технику,

¹ Эрроу К.Дж. Неопределенность и экономика благосостояния здравоохранения // Вехи экономической мысли. Т. 4. – Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2004. – С. 304.

вынужден полностью доверять тем, кто никакой клятвы Гиппократ не давал, в перечне специалистов, отвечающих за последствия не числится. К тому же неограниченное стремление к экономии затрат приводит к нарушениям в эксплуатации.

Здравоохранение в отличие от общественного производства должно очень осторожно оперировать различными нормами и нормативами. А именно они положены в основу реформирования структуры здравоохранения, т.е. сохранение и развитие одних медицинских учреждений и ликвидацию других. Понятие «норма», которую экономисты и специалисты технического профиля используют для сравнения и определения конкурентных преимуществ, точно рассчитывается, имеет реальное физическое воплощение в ценах, затратах времени, величине спроса, покупательских возможностях и пристрастиях. Использование понятие «норма» в производстве материальных благ, несмотря на видимые преимущества, носит ограниченный характер и все чаще используется только как отправная точка. Упование на силу конкуренции (именно для этого используется «норма») вытекает из теоретически предполагаемой силы и способности повлиять на экономическую эффективность. Существование чистой конкуренции давно подвергается сомнению, так как все общественное производство функционирует в условиях ограниченных ресурсов. Реальный рынок по сути своей радикально отличается от теоретически обоснованной конкурентной модели. Желание реформаторов следовать абстрактной логике конкурентной модели рынка отражает поверхностное отношение к теории и практике конкуренции. Экономическая теория определяет конкуренцию по двум направлениям: взаимосвязь цены и количества, а также возможностей прогнозирования их изменений. Важнейшей характеристикой товара на конкурентном рынке является продаваемость, выражающее добровольное желание и платежеспособность покупателя.

Продаваемость – не просто экономическая категория, а социально-экономический процесс, позволяющий сформулировать социально-нравственные проблемы оказания медицинской помощи. Главная нерыночная и тем более неконкурентоспособная ее характеристика – непредсказуемость. Именно она может и должна быть нивелирована общественной ответственностью. Помочь предупредить заболевания способно только общество. Как уже отмечалось здоровье – сложная система общественных отношений. Она включает обязательное обеспечение безопасной производственной деятельности, качественные продукты питания, систематическое проведение профилактических обследований, шаговую доступность неотложной медицинской помощи, мотивацию членов общества на культивирование здорового образа жизни и максимальное покрытие затрат за потерянное здоровье. Либеральная методология реформирования социально-экономических отношений достаточно долго не затрагивала институциональные системы социализации: образование и здравоохранение. Однако стремление получать выгоду «сегодня и сейчас» привело к отождествлению частных и общественных благ и сформировало, таким образом, дополнительный источник пополнения бюджета. Игнорирование принципиальных различий между производством и особенностями потребления общественных и частных благ приобрело настолько огромные масштабы, что цены на услуги здравоохранения и образования растут быстрее расчетной инфляции.

В годы реформ проявилось некорректное отношение к экономическим понятиям и категориям. О важности точных определений в сфере познания и управления социальными процессами Людвиг фон Мизес писал о мыслителях-утилитаристах: «Они беспечно полагали: то, что является разумным, пробьет себе дорогу просто за счет своей разумности. Они никогда не задумывались о возможности того, что общественное может благоволить ложным идеологиям, воплощение которых будет вредить благосостоянию...»¹.

Эмпирическое отождествление рыночных отношений и коммерциализации – это только один из примеров господства ложного понимания социально-экономических процессов. Хотелось бы обратить внимание на существующее в экономической науке деление временных интервалов для определения величины издержек и потенциально возможной прибыли. Объективность такова, что производство товаров осуществляется на основе различных технологий и оборотных средств. Временная протяженность технологического цикла и соответственно получение дохода (выгоды) определяется скоростью оборачиваемости переменных факторов (оборотных средств). В процессе производства их преобразование завершается товаром в материальной форме с заданными потребительскими свойствами. Услуги здравоохранения не имеют видимой материальной формы. Теоретически не определены оборотные фонды. Бухгалтерско-финансовая отчетность широко использует методики оценки материального производства. Важнейшим элементом оборотных фондов в здравоохранении выступает заработная плата персонала. Соответственно экономическая политика государства, нацеливая на сокращение затрат, в первую очередь затрагивает количество занятых и заработную плату. После развала СССР в здравоохранении постоянно растут нормативы, по которым работает врач, сокращается финансирование восстановительного периода лечения и т.д.

В социалистическом обществе общественные фонды были основным источником удовлетворения социальных потребностей. По разным причинам использовался принцип разной доступности услуг здравоохранения. Так, например, существовали отраслевые учреждения здравоохранения. К тому же они характеризовались разным уровнем оснащения, заработная плата медицинского персонала и нагрузка во многом определялись принадлежностью к отрасли. Наличие серьезных различий в доступности общественных благ стало одной из причин недовольства механизмами распределения. Усугублялась ситуация господством жесткого государственного патернализма. Нормы времени на обслуживание пациентов, прикрепление к лечебным учреждениям, система направлений на получение специализированной медицинской помощи и многие другие вопросы продолжают действовать. Коммерциализация, став очередной экономической инициативой государства, проходит в условиях отсутствия свободы выбора для пациента и врача. Количество нормативных ограничений растет с каждым годом. Решения об изменении структуры лечебных учреждений,

¹ Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. Изд. А.В. Курьева. – М: ОАО «Экономика», 2000. –С. 811.

занятости врачей и среднего медицинского персонала принимают чиновники. Следуя логике внедрения рыночных отношений в сферу здравоохранения, необходимо расширять свободу выбора, повышая, таким образом, ответственность двух творцов здоровья – человека и врача.

Теоретически и практически поведение врача и пациента радикально отличаются от поведения предпринимателей и покупателей. Медицинская помощь – это товар (в современной лексике услуга), который человек производит и потребляет сам. Отношения в здравоохранении характеризуются обязательным присутствием более высокой степени доверия, чем при приобретении товара в материально-вещественной форме. Традиционно сложилась ситуация, при которой изначально предполагается, что врач на первое место ставит заботу о пациенте. Особенность отношения врача к пациенту настолько глубоко вошла в сознание человека, что никогда и никто не задумывался о том, что проявление заботы невозможно без временных, психологических, эмоциональных затрат и соответствующих коммуникационных технологий. Да и готовности будущего медика к высоким, практически неоплачиваемым морально-нравственным затратам. Формирование и обучение последним в планах подготовки медицинских специалистов не предусмотрено. Коммерциализация, нацеливая на так называемую оптимизацию затрат, фактически исключает заботу из процесса лечения. Таким образом, усиливается противоречие между нравственным долгом врача и экономической выгодой. Нравственная компонента деятельности медицинских работников предполагает отсутствие личных корыстных интересов при проведении консультаций и лечения. Активное государственное внедрение принципов коммерциализации для медицинских работников закладывает систему противоречий между нравственной ответственностью и выгодой. Гипотетически можно предположить, что только определенная часть врачей останется в рамках медицинской этики и клятвы Гиппократова. Коммерциализация их делает простыми функционерами, о чем пока общество не задумывается.

Наличие морально-нравственной компоненты оказания медицинской помощи обусловлено объективными условиями. Сложно согласиться с тем, что расширение денежных отношений адекватно отражает потребность в лечении. В СССР медицинская помощь осуществлялась вне рыночных отношений. Безнравственность расширения платности медицинской помощи подкрепляется высоким уровнем неопределенности лечения. Появление болезни часто характеризуется непредсказуемостью. Если в условиях приобретения потребительских товаров можно наработать собственный опыт или воспользоваться чужим по определению его качества, то в случае серьезной болезни данное поведение абсолютно неприемлемо. Усиливается непредсказуемость синергетическим эффектом, а лечение часто направлено на устранение последствий. Анализ реформирования здравоохранения демонстрирует провал рынка. Утопизм подмены сложной системы рыночных отношений коммерческими формами чреват негативными последствиями. Морально-нравственные основы в здравоохранении сложно назвать тривиальными или архаичными. Затраты на их формирование культивирование должны стать неотъемлемой составляющей функционирования здравоохранения.

Караваяв В.Е.

к.м.н., профессор Ивановской государственной медицинской академии

Варникова О.Р.

к.м.н., доцент Ивановской государственной медицинской академии

ovarnikova@mail.ru

Тезикова И.В.

к.м.н., доцент Ивановской государственной медицинской академии

КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ И ЕГО РОЛЬ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ключевые слова: модернизация здравоохранения, качество медицинской помощи, управление качеством.

Необходимость прогрессивных перемен во всех сферах медицинской деятельности назрела давно, в том числе и с целью повышения качества медицинской помощи. Причин для возникновения проблем в здравоохранении много – от финансирования до этически-нравственного состояния. Следует отметить, что для улучшения и исправления сложившегося положения сделано и делается немало. Примерами тому являются выполнение приоритетной национальной программы «Здоровье», финансовые вложения, изменение нормативно-правовой базы и многие другие принимаемые меры. Но предстоит еще большая работа по дальнейшему оздоровлению отрасли и последующая оптимизация, что обеспечит дальнейшее развитие медицины и послужит укреплению и сохранению здоровья граждан РФ. Совершенствование системы управления означает повышение качества планирования, прогнозирования и эффективного использования ресурсов в здравоохранении.

Повышению уровня медицинского обслуживания и качества работы способствуют постоянно проводимая работа над ошибками и извлечение соответствующих уроков на будущее. При выявлении дефектов и несоблюдении медико-экономических стандартов к лечебным учреждениям страховые компании применяют меры финансового воздействия. Если при лечении допущены ошибки, страховщики оплачивают её не полностью, либо не оплачивают вовсе, а в ряде случаев налагают и штрафные санкции.

Наш многолетний опыт экспертной работы показывает, что врачи активно реагируют на замечания экспертов, и экспертизы проходят не впустую, доктора нас слышат. Своей работой мы способствуем улучшению лечебно-диагностических процессов, а значит, и совершенствованию здравоохранения. Позитивные изменения всегда радуют. Оценка эксперта способствует тому, чтобы врач задумался и соразмерил, понял через посредство экспертной работы, тактику дальнейшего врачевания в аналогичных ситуациях. Примеров по положительному взаимодействию врачей и экспертов, как убедительно показывает наш опыт, много. Эти примеры свидетельствуют о том, что это эффективное направление работы органов здравоохранения и СМО, позволяющее добиваться поставленных целей и совершенствовать оказание медицинской помощи.

Результаты экспертизы качества позволяют руководителям здравоохранения и другим уполномоченным органам составить общую картину, которая сложилась в здравоохранении области, района, медицинской организации. Эксперты выявляют точки роста для конкретного лечебного учреждения, а организаторам здравоохранения следует их осмыслить и принимать соответствующие меры. По выявляемым проблемам следует оперативно принимать адекватные решения по устранению имеющихся недостатков, что обеспечит качественное выполнение порядков и стандартов медицинской помощи. Врачи и руководители учреждений здравоохранения должны уметь извлекать рациональное зерно из результатов экспертной оценки. В современных условиях деятельности здравоохранения укрепление роли руководства является важным условием для повышения КМП и оперативности медицинского обслуживания [2, 3].

Экспертиза качества медицинской помощи выполняет многие функции, в частности способствует уменьшению количества врачебных ошибок, повышению квалификации, улучшению информированности врачей, эффективному использованию имеющихся возможностей медицинского учреждения. Контроль имеет смысл, когда врачи спокойно принимают правду о себе, честно признают ошибки, не обижаются на оценки, видя реальное отображение своих дел в конструктивной критике. Задачу эксперта можно считать выполненной, если после проведенной экспертизы хотя бы один врач станет более ответственным, даже если от выявленных недостатков ему будет не очень комфортно.

Выявляемые недостатки и замечания экспертов позволяют врачам обратить внимание на возможные точки роста, устранять пробелы в знаниях и неверно сложившихся представлениях. Экспертиза качества порой дает не очень радостные, но реалистические результаты. Их нужно признавать и исправлять. Работа экспертного сообщества и выдаваемые результаты позволяют администрации не только экономически воздействовать на врачей, допускающих просчеты, но наметить ряд организационных мероприятий для оптимизации работы и определить тактику развития лечебного учреждения, отвечающих вызовам времени. Любое улучшение начинается с осознания положения, в кото-

ром мы находимся. При постоянно проводимой работе над ошибками и извлечении соответствующих уроков отмечается повышение уровня медицинского обслуживания и качества работы медицинских организаций.

Результаты работы и выводы экспертов позволяют выявлять «узкие места» и болевые точки медицинского учреждения и должны являться основанием к принятию оперативных решений. Экспертиза показывает, в каком положении находится медицинская организация сегодня относительно других учреждений здравоохранения и соответствует ли требованиям времени.

Анализ первичной медицинской документации дает информацию о полноте сбора анамнеза, о динамике основных симптомов, отражаемых в записях, о полноте, своевременности и целесообразности обследования и лечения, сроках пребывания пациента в отделении и др., что отражает уровень медицинской помощи и квалификацию сотрудников, позволяет судить об организации лечебно-диагностического процесса, о роли организаторов здравоохранения. Одной из причин небрежения является недостаточный внутренний контроль, который должны осуществлять заместители главных врачей по экспертной работе, лечебной работе, а в поликлиниках заведующие отделениями, но их записи и отметки о проведенных проверках и выявленных дефектах в большинстве случаев отсутствуют. Тогда как большинство проблем качества медицинской помощи обусловлено внутренними, а не внешними факторами. Контроль работы подразделений лечебно-диагностического учреждения остается одной из важных функций руководителя и на современном этапе. Важной составляющей качества являются пунктуальность и дисциплина. В медицине ошибок должно быть как можно меньше, особенно обусловленных небрежением, т.к. за врачебные промахи расплачиваются пациенты своим здоровьем, а в ряде случаев и жизнью. Поэтому мера ответственности медицинских работников очень велика. Врач, как любой человек, склонен расслабляться, если его не контролировать. Он любое заболевание может превратить в ОРВИ. Поэтому значимость контроля очевидна. Учиться лучше на ошибках других, чем на своих просчетах, в связи со значимостью их последствий.

При контроле качества должен соблюдаться золотой принцип разумности и достаточности. Возникает законный вопрос: где заканчивается разумность и начинается безумство? Как и кто определяет эту меру? И врач, и эксперт должны руководствоваться единственным критерием – целесообразностью, поскольку в методиках и технологиях все определяется ею. Принцип целесообразности дружит с чувством меры, которое, как известно, у каждого свое, и потому мы не всегда приходимся полагаться на свой вкус.

В современных динамичных условиях быстро изменяется законодательная и нормативно-правовая база. Врачи не всегда успевают следить за её изменениями из-за нехватки времени, что не оправдывает незнание законов. Поэтому докторов следует более тщательно знакомить с правовыми основами профессиональной деятельности. Отмечаем особую значимость знания основ правовой базы по качеству медицинской помощи, т.к. качественное оказание помощи – это прямая функциональная обязанность врачей. Для более основательной проработки существующих законов и приказов необходимо проводить изучение этих вопросов на курсах профессиональной подготовки. Для этого следует выделять соответствующий объем времени на каждом цикле, при каждом повышении квалификации. Очень полезно для профессионального роста знакомить врачей с наиболее значимыми и характерными фактическими недоработками, выявляемыми в процессе экспертной работы. Такая учеба на ошибках других, несомненно, будет способствовать повышению качества практической деятельности и повышению эффективности медицинской помощи. Государственные деньги должны тратиться эффективно соответственно цели и задачам, которые ставятся перед факультетами последипломной подготовки врачей, в соответствии с планируемыми результатами. Переподготовка кадров должна быть качественной.

Выявление наиболее типичных недочетов позволяет использовать результаты экспертизы и для совершенствования качества базовой подготовки врачей и коррекции планов непрерывного образования медицинского персонала. Недоработки должны более обстоятельно учитываться не только для реорганизации общественного здравоохранения, но и при проведении аттестации медицинских работников, при лицензировании и аккредитации лечебных учреждений.

Правильность диагностики и лечения подразумевает качественное выполнение медицинскими работниками диагностических и лечебных мероприятий. Это является одной из основных врачебных обязанностей. Для успешной работы лечебных учреждений и достижения оптимальных результатов необходимо не только вложение материальных средств и внедрение современных технологий, но и разумное, рациональное использование человеческих ресурсов. А для этого должна быть обеспечена заинтересованность медицинского персонала в результатах своего труда. Решив только эту проблему, многое можно в здравоохранение изменить. Если врачевание стало медицинской услугой, т.е. товаром, оно требует и достойной оплаты, тем более что помощь страждущим дело полезное и востребованное. Медицинский труд должен адекватно оцениваться обществом, а при бесплатной медицине – государством, как и во всем цивилизованном мире. Пока ещё в медицине, в ряде случаев, сохраняется бескорыстие как диковинный экспонат в условиях рыночной экономики и нищенских зарплат медицинских работников, но такая ситуация, в условиях материалистического подхода к делу, превознесения деловой хватки и ориентации на прибыль, становится все более редкой. Важнейшим условием внедрения и признания, в том числе, медицинскими работниками, наиболее эффективных моделей непрерывного повышения качества является создание механизмов стимулирования качественной работы медицинского персонала на государственном уровне [1].

Западные модели, взятые за основу реорганизации здравоохранения, для российской медицины мало приемлемы. Следует использовать богатейший отечественный опыт, накопленный в общественном здравоохранении в прежние годы, который по достоинству был оценен и на Западе, он должен быть востребован в современных условиях с учетом национальной специфики.

Уровень нашей медицины соответствует уровню экономики и развития нашего общества. Лечебно-диагностический процесс приводится в соответствие со стандартами, что, несомненно, имеет свои плюсы, т.к. позволяет унифи-

цировать эти процессы независимо от региона и от экономической составляющей. Лечение должно укладываться в определенный временной промежуток, а интересы каждого конкретного пациента (не среднестатистического) и медицинского учреждения должны согласовываться. У контролёров и руководителей, порой, на первый план выступают интересы, касающиеся хороших показателей (формальная сторона дела) в ущерб возвращения здоровья пациенту: загруженность больничных коек, выполнение муниципального заказа и др. Получается: чем больше болеют, тем легче выполнить муниципальный заказ и заполнить отделение, тем лучше работает больница. А если, например, в инфекционном отделении не выполнен план по койко-дням? Как оценить данную ситуацию? Если люди меньше болеют, возможно, за счет качественно проводимой профилактики инфекционных болезней – это хорошо. И такое положение дел должно вызывать удовлетворение. Но для руководителей это плохо, так как койка не работает, персонал не загружен, больница не получает финансовые средства. Возникают противоречия, как совместить эти интересы? В таких ситуациях необходим управленческий и финансовый резерв.

Таким образом, проведение внутреннего и внешнего контроля качества медицинской помощи с последующим осмыслением полученных результатов и соответствующим реагированием руководителей медицинских учреждений и медицинских коллективов позволяет не только повысить качество и эффективность медицинских услуг, но и наметить перспективные пути совершенствования работы медицинской организации в целом.

Список литературы

1. Карташов В.Т. Качество медицинской помощи: ожидания и действительность // *Здравоохранение*. 2008. – № 5. – С. 29–38.
2. Руководство по мониторингу и оценке кадровых ресурсов здравоохранения. Адаптировано для применения в странах с низким и средним уровнем доходов. / Под ред. M.R.Dal Poz, N. Gupta, E.Quain, A.L.B.Soucat / Всемирная организация здравоохранения. 2012. – 184 с.
3. Harris C. Human resource management and performance in healthcare organizations. / C.Harris, P.Cortvriend, P.Hyde // *J.Health Organ Manag.* 2007. – N 21(4–5). – P. 448–459.

Караваяев В.Е.

к.м.н., профессор Ивановской государственной медицинской академии

Лихова И.Н.

к.м.н., доцент Ивановской государственной медицинской академии

Варникова О.Р.

к.м.н., доцент Ивановской государственной медицинской академии

ovarnikova@mail.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ЭКСПЕРТНОЙ РАБОТЫ ОДНА ИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНИЕНИЯ РОССИИ

Ключевые слова: экспертиза качества медицинской помощи, модернизация здравоохранения.

Значение экспертной работы по оценке качества медицинской помощи в сложившихся условиях не вызывает сомнений, но все ли возможности экспертизы как одного из инструментов управления здравоохранением, использованы? Насколько данный инструмент оптимален? Есть ли необходимость его улучшения? Все ли возможности учтены и реализованы?

Система экспертизы качества медицинской помощи не лишена недостатков, она, как и любой человек, развивается и совершенствуется по мере накопления опыта, в результате практической деятельности. Обращает внимание, в частности, непропорциональность финансовых санкций опасности имеющихся ошибок, и их завышенность. Поэтому есть значительные резервы в оптимизации штрафных санкций с целью воздействия на учреждения здравоохранения. В связи с несоразмерностью, лишаящей экспертизу необходимой объективности, необходимо провести их корректировку в соответствии с тарифами оплаты страховых случаев, в целях устранения несоответствия штрафов значимости выявленных нарушений. Должна быть более четкой система ранжирования недостатков, нарушений, просчетов. Ошибки бывают разные – от незнаний, малозначимых нарушений, халатности до преступлений, фальсификации фактов. Например, отсутствие в первичной медицинской документации информированного добровольного согласия застрахованного лица на медицинское вмешательство наказывается суммой в 25% стоимости за каждый случай оказания медицинской помощи. Нам представляется, что меры наказания при отсутствии такового документа в первичной медицинской документации не пропорциональны значимости данного небрежения. Во-первых, заполняется данный документ формально, если его будет читать пациент, то на это уйдет достаточно много времени. Во-вторых, пациент многое из того, что скрыто за формулировками, не поймет. В-третьих, необходимо кроме того время для разъяснения по существу предстоящих действий со стороны лечащего врача. А при поступлении и даже в первые дни пребывания больного в стационаре диагноз бывает не всегда ясен. Как следует поступать хирургу, когда при выполнении одной операции, выясняется, что требуется дополнительное вмешательство на смежном органе, но на это отсутствует согласие пациента? Подобных ситуаций в практической деятельности врачей достаточно много. Такую же сумму удерживает страховая компания за повторное обоснованное обращение застрахованного лица за медицинской помощью по поводу того же заболевания в течение 30 дней со дня завершения амбулаторного лечения и 90 дней со дня завершения лечения в стационаре при отсутствии положительной динамики в состоянии здоровья, подтвержденном проведенной целевой или плановой экспертизой.

В то же время не предусмотрены наказания нерадивой части врачей за рецидивы небрежений, что не только не повышает качество работы, но и не способствует развитию у них пунктуальности, ответственности и затрудняет жизнь им же самим. В ряде случаев необходимо снизить штрафные санкции за нарушения, т.к. они необоснованно велики.

Штрафные санкции, как правило, ложатся на плечи врачей, хотя по ряду фактов следует применять меры и в отношении руководителей ЛПУ. Кроме оформления акта экспертизы по каждой анализируемой истории болезни, следует оформлять единый акт проверки, отражающий состояние дел в медицинской организации, в котором бы суммировались наиболее значимые недочеты, требующие первоочередного устранения. Руководителям здравоохранения по ним следует работать более конкретно и в первоочередном порядке. А для того, чтобы врачи учились не только и не столько на своих ошибках, требуется шире практиковать издание информационных писем, способствующих предотвращению подобных дефектов.

Наряду со штрафными санкциями следовало бы проводить и обучающие семинары по конкретным недостаткам и разбору историй болезни, на которых бы освещались недоработки являющиеся системными и однотипными. Что являлось бы прообразом мастер-классов и позволяло обсудить имеющиеся проблемы с различных позиций.

Следует обеспечить системный подход к анализу экономических рисков и угроз нарушений технологий качества ведения больных. Отдел качества страховых медицинских организаций подбирает к экспертизе не все истории болезни. Подвергнуть контролю огромный массив счетов, представленных для оплаты, физически невозможно – для

этого требуется создавать огромную армию специалистов и экспертов. Поэтому экспертизе подвергают наиболее сомнительные счета на предмет вероятных дефектов ведения и необоснованности госпитализации, длительности лечения и других. Как в огромном потоке выбрать случаи оказания медицинской помощи, с наибольшей долей вероятности имеющие отклонения от стандартов, по каким признакам запросить истории для последующего контроля – на эти вопросы и призван ответить системный анализ экономических и медицинских рисков.

Одной из причин небрежения является отсутствие контроля, который должны осуществлять заместители главных врачей по клинико-экспертной и лечебной работе, а в поликлиниках заведующие отделениями, но их записи и отметки о проведенных проверках и выявленных дефектах отсутствуют. Контроль работы подразделений здравоохранения остается одной из важных функций руководителя. Вероятно, недостаточная эффективность внутреннего контроля качества объясняется проблемами организационного плана и перегруженностью организаторов здравоохранения другими видами работы. Но у заведующих отделениями и заместителей главного врача по КЭР проблемы качества оказываемой медицинской помощи должны быть во главе угла.

Уровень оказания медицинской помощи и результаты её экспертной оценки, наряду с материальными возможностями, следует учитывать при проведении лицензирования и аккредитации лечебно-диагностического учреждения, поскольку они являются объективным критерием качества работы. А персонифицированный учет экспертной оценки деятельности врача должен являться одним из критериев профессиональной аттестации, т.к. он наиболее полно и эффективно отражает компетентность доктора в лечебно-диагностических процессах.

Одной из проблем является и отсутствие системы взаимодействия и взаимосвязи между структурами, осуществляющими внешний и внутренний контроль качества (правовые, организационно-методические, экономические и психологические аспекты). Контроль лечебно-диагностического процесса ведется на многих уровнях: им занимаются многие организации (зав. отделениями, заместители главных врачей, управления здравоохранения, рецензенты на патологоанатомических конференциях, сотрудники кафедр и др.). Есть необходимость координации и объективизации этой важной работы. Требованием времени является создание единой системы (координационного совета) управления качеством в каждом регионе. Решать проблемы качества медицинской помощи следует сообща, комплексно во взаимодействии со всеми органами контроля. Для этого следует объединить возможности различных структурных подразделений администрации, ФОМС и страховых компаний, что позволит выявить «болевые точки» определить конкретные конструктивные пути реформирования. Возможно, такое количество подразделений, проверяющих качество, и не требуется. Необходимо упорядочить их функциональные обязанности в целях возможного дальнейшего сокращения. Координационный совет может планировать и согласовывать проверки, осуществляя их комплексно. Такой подход к контролю позволит исключить дублирование и обеспечить экономию времени руководителям проверяемых организаций, сохраняя его для другой работы.

Не отработана система планового и непрерывного повышения квалификаций у экспертов качества. Ощущается явный дефицит литературы по данной теме. Эксперты по качеству медицинской помощи чаще должны участвовать в российских и международных форумах, делиться и обмениваться накопленным положительным, а возможно, и не только положительным опытом работы, что будет способствовать активному развитию данного направления деятельности. Необходимо разработать программы приоритетных исследований. Есть необходимость более тесной и постоянной работы экспертов-специалистов с практикующими врачами. Невостребованные данные экспертизы способствуют усугублению состояния здравоохранения.

Экспертная работа по качеству медицинской помощи необходима не столько для ФОМС, лечебных учреждений, сколько для пациентов, так как они являются потребителями медицинской помощи. За ошибки и их замалчивание пациенты расплачиваются своим здоровьем, а порой и жизнью.

Контроль качества медицинской помощи должен быть оптимальным, соразмерным объективной реальности, по принципу наименьшего из зол в сложившейся ситуации. Если ошибки являются системными и однотипными, следует ли накладывать санкции на все 40 или 60 случаев подвергнутых экспертной оценке? Возможно, следует ограничиться 5 – 10 случаями, в которых следует применить санкции (тем более, если ошибки касаются одного врача), т. к. нельзя отрывать от реалий и усугублять ситуацию. Взаимоотношения между экспертами и практикующими врачами должны быть равноправными. У экспертов должно преобладать желание быть полезным практикующим врачам участием, «подсказками», размышлениями, а не только выявлением их просчетов. В то же время следует повысить ответственность врачей, в том числе и усилив финансовые санкции, за повторно выявленные аналогичные дефекты, которые имели место при предыдущих проверках. Так как они свидетельствуют, что доктора не отреагировали на выявленные дефекты, а руководители не предприняли адекватных мер к исправлению сложившегося положения.

Результаты проверки необходимо персонифицировать и доводить до сведения врачей для того, чтобы каждый врач знал о результатах своей деятельности и учитывал недочеты в дальнейшей работе. Неплохо было бы ранжировать и учитывать недоработки в баллах (единицах, кредитах), чтобы при аттестации и при присвоении категории иметь достоверную картину о деятельности каждого конкретного врача. Нам представляется целесообразным создание рейтинга отделений, ЛПУ, районов по результатам качества оказания медицинской помощи, по результатам которого лучшие могли бы рассчитывать на определенные преференции со стороны администрации (гранты, поощрения, закупка нового оборудования, материальное обеспечение и др.). А для аутсайдеров это своего рода антирейтинг. На основании экспертных проверок формируется общая картина, по которой вырабатываются и применяются конкретные меры.

Таким образом, наш опыт по рассматриваемой проблеме свидетельствуют, что управление качеством медицинской помощи необходимо, но постоянно требуется его совершенствование, т.к. экспертиза качества медицинской помощи позволяет улучшать и сохранять главное – здоровье.

Объективно оценить ситуацию, сложившуюся в здравоохранении, помогают эксперты, которые оценивают реальное качество и имеющиеся возможности оказываемой медицинской помощи. Поэтому оценка качества является инструментом, при помощи которого можно наметить пути модернизации не только в вопросах диагностики и лечения, но и своевременно решать многие проблемы, возникающие в здравоохранении и в медицинском образовании.

Только желания совершенствоваться – мало, нужно стимулировать работу рублем не только практикующих врачей, но и руководителей, которые не в меньшей, а может быть и в большей степени, отвечают за состояние дел в здравоохранении. Если во главе ЛПУ, департамента, министерства здравоохранения стоят умные, творческие, болеющие за состояние дел руководители, то и вектор развития будет правильным.

Карпов Г.Г.

к.и.н., Институт Африки РАН
gkarpov86@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI в.: БРИТАНСКИЙ ОПЫТ

Ключевые слова: трудовая миграция, массовая миграция, миграционная политика в Великобритании.

В постсоветский период, особенно в последние 15 лет, в нашей стране протекают очень серьезные миграционные процессы, затрагивающие все сферы жизни общества.

Массовая миграция – это не абсолютно новое явление. В различные исторические периоды происходили массовые перемещения людей, это и Великое переселение народов в 4–7 вв. н.э., арабские и монгольские завоевания, крестовые походы, Османская империя, перемещения миллионов рабов из Африки в Старый и Новый Свет.

Сегодня мы стали свидетелями новой волны миграции из стран Азии и Африки в США и европейские страны, начавшейся в середине прошлого века и продолжающейся по сей день. По сравнению с событиями в нашей стране временная разница составляет 30–40 лет. И это дает нам уникальную возможность оценить зарубежный опыт приема большого количества мигрантов, адаптации приезжих, решения межнациональных и межрелигиозных проблем.

В данной статье я бы хотел вкратце отразить британский опыт миграционной политики, выделить сходства и различия с положением дел в нашей стране.

Массовая афро-азиатская миграция в Великобританию началась в постколониальный период. По данным переписи 2011 г., при общей численности населения страны в 63 млн. человек приблизительно 10 млн. человек относились к тому или иному этническому меньшинству. В их числе 1,5 млн. индийцев, 1 млн. африканцев, 1,1 млн. пакистанцев, не менее 700 тыс. бангладешцев. Данные диаспоры наиболее многочисленны и сплочены. Они представляют собой активный элемент общества, их влияние на повседневную жизнь Великобритании постоянно увеличивается, а политическая и экономическая активность возрастают.

Параллельно с началом массовой миграции из стран «Третьего мира» обозначился ряд любопытных демографических тенденций иного рода. Послевоенный подъем рождаемости в Великобритании к началу 1960-х гг. прекратился, и уровень рождаемости начал постепенно снижаться. С 1971 г., когда показатель количества детей на одну женщину в целом по стране стал составлять менее двух, естественный прирост населения в перспективе перестал возмещать естественную убыль.

Женщины, родившиеся в Великобритании, в среднем имеют менее двух детей (по ситуации на 2011 г. – 1,9); среди женщин, родившихся за пределами Великобритании, этот показатель в среднем выше (по ситуации на 2011 г. – 2,29).

Таблица 1

Динамика ежегодного прироста населения Великобритании (%)

1981–1991 гг.	1991–2001 гг.	2001–2006 гг.	2006–2007 гг.	2008–2010 гг.
0,2%	0,3%	0,5%	0,6%	0,8%

С 2002 г. ежегодное последовательное увеличение числа рождений обеспечивают женщины, приехавшие в Великобританию¹. В 2002 г. коэффициент фертильности (среднее количество детей на одну женщину) в целом по стране был 1,64, а в 2009 г. уже 1,94².

Естественный прирост населения в общинах мигрантов равен в среднем 5% в год, что в разы превышает средний показатель по стране. За 2001–2007 гг. национальные меньшинства обеспечили 90% прироста работоспособного населения страны.

В Великобритании с 1992–1993 гг. существует устойчивая положительная динамика миграции, то есть приезжающих больше, чем выезжающих³.

¹ Annual Mid-year Population Estimates, 2010 // Office for National Statistics. 2011. – 30 June. – P. 1. – <http://www.ons.gov.uk/ons/search/index.html?newquery=Annual+Mid-year+Population+Estimates%2C+2010>

² Там же.

³ С ежегодной статистикой иммиграции и эмиграции за период с 1964 г. по 2010 г. можно ознакомиться на сайте <http://www.neighbourhood.statistics.gov.uk/HTMLDocs/dvc37/migration.html>

Гражданство иммигрантов и эмигрантов Великобритании в 2011 г. (тыс. чел.)

	Иммиграция	Эмиграция	Разница
Великобритания	78	149	-71
страны ЕС	173	92	+81
не страны ЕС	314	109	+205
Всего	565	350	+216

Динамика численности населения Великобритании 1951–2011 гг. и прогноз на 2020–2030 гг. (млн. чел.)¹

	1951 г.	1961 г.	1971 г.	1981 г.	1991 г.	2001 г.	2011 г.	2020 г.	2030 г.
Численность (всего)	50	52	55	56	57	59	63	67	71
Прирост		4%	5%	2%	2%	3%	7%	6%	6%
Афро-азиатские мигранты и их потомки	0,03	0,13	0,626	1,17	1,692	2,515	4,3	8	16
Доля в общем составе	0,06%	0,25%	1,13%	2,09%	2,96%	3,64%	6,83%	12%	23%

Можно выделить следующие ключевые моменты текущей демографической ситуации в этой стране:

- увеличение среднего возраста коренных британских граждан;
- сохранение среди коренных британцев уровня рождаемости ниже воспроизводства;
- рост доли мигрантов в общем составе населения страны;
- мигранты становятся главным источником пополнения трудоспособного населения страны.

Политика британских властей в отношении афро-азиатских мигрантов

Во второй половине XX в. в связи с резким увеличением числа афро-азиатских мигрантов британские власти для предупреждения конфликтов на национальной и религиозной почве отказались от политики ассимиляции мигрантов и взяли курс на интеграцию, то есть включение мигрантов в жизнь британского общества без потери ими культурных особенностей.

Идеологической основой данной политики межкультурного равенства стал мультикультурализм. Реализация принципа мультикультурализма в каждой отдельно взятой стране носит особый характер, но, как правило, опирается на ряд схожих оснований: борьбу с расизмом и дискриминацией, уважение культурных особенностей этнических и религиозных меньшинств.

С 1960-х по 2000-е гг. в Великобритании было принято свыше двух десятков законов, защищающих права этнических и религиозных меньшинств. Так была сформирована законодательная база мультикультурализма.

Благодаря мультикультурализму мигранты и их потомки получили законные основания для защиты от дискриминации по расовому и религиозному признаку, возможность интегрироваться в британское общество, сохраняя свои культурные и этнические особенности, изучать языки стран исхода, получать образование, устраиваться на работу, принимать участие в выборах, занимать государственные посты вплоть до правительства и Палаты Лордов, на равных с местным населением участвовать во всех сферах жизни британского общества – в политике, экономике, СМИ, бизнесе, науке, спорте.

Мультикультурализм был безусловной новацией и, не претендуя на роль панацеи от всех социальных недугов, свой вклад в развитие британского общества, конечно, внес, отчасти решив проблемы в сфере миграции и межкультурного диалога.

Мультикультурализм оказал значительное влияние на миграционное и внутреннее законодательство Великобритании. Без практического воплощения идей мультикультурализма формирование сообществ афро-азиатских мигрантов в современном виде было бы невозможным.

В 2010–2011 гг. с критикой мультикультурализма выступают ведущие европейские (но только определенного, консервативного, толка), в том числе, британские, политики (Дэвид Кэмерон, Ангела Меркель, Николя Саркози). Были обозначены недостатки данного подхода, но полного отказа от политики мультикультурализма не последовало. Вопрос о перспективах мультикультурализма в Великобритании на ближайшие десятилетия остается открытым.

Миграционные процессы 2000-х годов

В 1997 г., когда Лейбористская партия пришла к власти, чистая внешняя иммиграция была 107 тыс. человек в год, а в 2007 г. уже 330 тыс. В период с 1997 по 2007 год, чистая внешняя иммиграция составила 3 млн., что эквивалентно 5% населения Великобритании. Около двух третей из них не граждане ЕС.

1 мая 2004 г. в ЕС вошло восемь стран Центральной и Восточной Европы. По прогнозам экспертов, миграция из этих стран в Великобританию не должна была превысить 15 тыс. человек в год. Эти прогнозы не оправдались.

¹ По данным Государственной статистической службы Великобритании («Office for National Statistics»). – <http://www.ons.gov.uk/ons/index.html>

К 2014 г. в страну приехало свыше 1 млн. мигрантов из стран-новичков ЕС (для этих стран часто используется обозначение А8) – Польши, Болгарии, Румынии и др. Всего, по данным на март 2014 г., в Великобритании трудилось около 1,8 млн. мигрантов, граждан ЕС¹.

Доля иностранных рабочих в Великобритании возросла с 7% в 1998 г. до 13% в 2008 г. За период с 2002 г. по 2012 г. численность работающих британцев не увеличилась, и, практически все новые рабочие места (1 700 000 мест), созданные британскими властями за этот период, были заняты мигрантами. И это притом, что по ситуации на 2012 г. в стране насчитывалось около 500 тыс. вакантных мест при 2,5 млн. безработных. Значительная часть безработных приходится на молодежь, среди молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет около 1 млн. безработных. Обещание Гордона Брауна в 2007 г. предоставлять рабочие места преимущественно британцам выполнено не было, свобода передвижения в рамках ЕС дает возможность приезжим успешно конкурировать с местными кадрами².

Число иностранных студентов, приезжающих в Великобританию на обучение, увеличилось с 117 тыс. в 1998–1999 гг., до 230 тыс. в 2007–2008 гг., до 415 тыс. в 2009 г., а в 2011 г. составило около 300 тыс.

С приходом к власти в 2010 г. консервативно-либеральный блок обещал за пять лет, к маю 2015 г., снизить чистый приток мигрантов до 100 тыс. в год. Однако, по ситуации на лето 2013 г. этот показатель составлял 182 тыс. человек в год.

Консультативный совет по миграции («The Migration Advisory Committee») в докладе 2012 г. отмечал, что с 1995 г. по 2010 г. приезд каждые 100 мигрантов не из стран ЕС оставляет без работы 23 британца. Совершенно случайно реальная заработная плата в Великобритании за период с 2010 г. по 2013 г. снизилась на 5%. Такое стало возможным благодаря тому, что мигрантам можно платить меньше. В марте 2014 г. министерство труда Великобритании выявило, что после экономического спада 2008–2009 гг. заметное количество британских неквалифицированных кадров были вытеснено с рынка труда приезжими. Например, за первые шесть месяцев 2010 г. несмотря на рост британской экономики численность работающих британских граждан снизилась на 179 тыс., а численность занятых в экономике работников небританского происхождения увеличилась на 126 тыс.

К реально принятым в 2010–2014 гг. мерам по снижению миграции относятся: 1) радикальное ужесточение тестов на знание мигрантами английского языка; 2) отзыв около 300 лицензий у образовательных учреждений (в основном колледжей), выдававших приезжим фиктивные визы на обучение; 3) снижение квот на приезд специалистов (в том числе высококвалифицированных); 4) в течение 2010–2012 гг. около 500 языковых школ Великобритании утратили право спонсировать иностранных студентов, многие из которых приезжали на обучение, а потом всеми правдами и неправдами старались остаться в стране, устроиться на работу и получить вид на жительство.

Усилилась борьба с нелегальной миграцией. Например, за использование труда нелегальных мигрантов в 2012 г. было выписано 1 200 штрафов на сумму 11 млн. ф. с., а в 2013 г. уже 1822 штрафа на сумму 14 млн. ф. с.³

В феврале 2010 г. вступили в силу новые правила въезда иностранных студентов. До прибытия они теперь обязаны подтвердить знание английского языка на уровне британской средней школы. Члены семей иностранных студентов лишались возможности сопровождать их. Если курс обучения не подразумевает присвоение степени или научного звания, то студенты могут работать не более 10 (раньше было 20) часов в неделю.

Но эти меры носят вторичный характер по отношению к первичной потребности британской экономики в постоянном притоке рабочей силы, никак не способствуют решению проблем с интеграцией мигрантов и их потомков. Возможно, в первые 10–15 лет массовой послевоенной миграции, до приезда сотен тысяч мигрантов, данные меры носили бы более своевременный характер.

В стране существуют структуры, заинтересованные в сохранении миграционного потока. Местные органы власти в условиях ограниченного финансирования не могут привлечь местных жителей на низкооплачиваемые профессии и вынуждены принимать на работу мигрантов.

В 2010–2012 гг. до 40% мигрантов приезжали в Великобританию как студенты, и образовательные учреждения страны выступали против снижения квот для иностранных студентов, видя в них источник дохода⁴. Две трети иностранных студентов в Великобритании приезжают не из стран ЕС, и они платят за обучение гораздо больше, чем британские студенты и студенты из стран ЕС.

Аналогичная ситуация складывается не только в социальной и образовательной сфере. Представители британских высокотехнологичных компаний не раз жаловались на трудности в получении трудовых виз для IT-специалистов из Индии.

Исследование «Института персонала и развития» («The Chartered Institute of Personnel and Development») в марте 2013 г. показало, что английские работодатели нередко предпочитают брать на работу мигрантов по причине их трудолюбия и более низкой текучести, из-за этого в частном секторе около 11% рабочих мест занято приезжими, а каждая седьмая частная фирма имеет в штате свыше 20% рабочих-мигрантов. Британские фермеры для сбора урожая 2014 г. попросили правительство привлекать трудовые ресурсы из России, Украины и Турции⁵.

Сети отелей «Малмейсон» («Malmaison») и «Хотел дю вин» («Hotel du Vin») в феврале 2012 г. сообщили о том, что из 2,3 тыс. их сотрудников только 40% являются британскими гражданами, потому что местное население не стремится занимать низкоквалифицированные вакансии, не хочет долго и упорно работать, чтобы сделать карьеру с

¹ UK: A8 Migrants // Migration News. 2014. – Vol. 21. – July, N 3.

² UK: Reducing Migration // Migration News. 2012. – Vol. 19. – July, N 3.

³ UK: Migrants // Migration News. 2014. – Vol. 21. – April, – N 2.

⁴ UK: Migration, Tiers // Migration News. 2012. – Vol. 19. – April, N 2.

⁵ UK: Migrants // Migration News. 2013. – Vol. 20. – April, N 2.

самых низов. Британская сеть ресторанов фаст-фуда «Прет э Манже» («Pret a Manger») в 2011 г. прямо заявила, что охотно нанимает на работу мигрантов из Восточной Европы, поскольку найти квалифицированных работников среди британской молодежи весьма затруднительно¹.

Таким образом, мы можем наблюдать, что в британском обществе существуют силы, выступающие как за сохранение, так и за снижение высокого уровня миграции. Ведущие политические партии вынуждены лавировать между этими двумя тенденциями, часто принимая половинчатые решения, не удовлетворяющие ни ту, ни другую сторону.

Опыт Великобритании: возможное значение для России

Проблематика афро-азиатской миграции и мультикультурализма в Великобритании актуальна для России в связи с определенным сходством миграционных процессов:

- стремительный характер миграции, когда национальный состав страны существенно меняется в течение жизни 1–2 поколений;

- наличие прочных исторических и экономических связей между страной приезда и странами исхода;

- неспособность властей принимающей страны полностью проконтролировать миграционные потоки, как следствие, появление нелегальных мигрантов;

- рост националистических и праворадикальных настроений в стране приезда.

Существенными различиями ситуации в Великобритании и России следует признать:

- страны исхода мигрантов для России являются ближним зарубежьем, совсем недавно бывшим частью единого государства, а не заморскими колониями на другом конце земного шара как в случае с Великобританией;

- наличие у основной массы населения нашей страны опыта длительного совместного проживания с представителями этнических и религиозных меньшинств, что практически отсутствовало у британцев к началу массовой афро-азиатской миграции, жители метрополии видели таких мигрантов только в портах и крупных городах до начала массовой миграции;

- в России гораздо более сложная процедура получения гражданства, вида на жительство и статуса беженца для мигрантов, в отличие от Великобритании, где существует категория граждан Содружества, имеющих больше шансов получить британское подданство по сравнению с теми, кто гражданства Содружества не имеет;

- совершенно незначительное количество политических беженцев в России по сравнению с Великобританией, где эта категория мигрантов исчисляется сотнями тысяч.

Не пренебрегая разносторонним опытом британской политики в сфере миграции и межнациональных взаимоотношений, необходимо проявлять осмотрительность при его заимствовании, учитывая исторические особенности нашей страны и, в частности, факт многовекового совместного проживания на ее территории многочисленных народов.

Рекомендации:

Следует поразмыслить над возможностью пересмотреть миграционную политику, отказавшись от привлечения мигрантов в качестве дешевой рабочей силы, опереться на собственные трудовые ресурсы (по примеру Республики Беларусь).

В случае продолжения текущей миграционной политики быть готовыми к росту в нашей стране националистических предубеждений, конфессиональной агрессивности и конфликтов, стремлению сообществ мигрантов сохранить культурные особенности, обособиться, жить по своим законам.

Пересмотреть критерии результативности интеграции мигрантов в наше общество. Успешность интеграции первого поколения мигрантов не гарантирует успешность интеграции второго и третьего поколений мигрантов, которые порой переходят на гораздо более радикальные позиции, чем старшее поколение, в оценке образа жизни, культуры и сформировавшегося правового поля в нашей стране.

¹ UK: Migration, Tiers // Migration News. 2012. – Vol.19. – April, N 2.

Кожемов А.А.

к.п.н., доцент КБГУ

kozha.aslan@mail.ru

Хадарцев А.А.

д.м.н., акад. ЕАЕН, профессор, директор Медицинского института Тульского государственного университета

ahadar@yandex.ru

Несмеянов А.А.

д.м.н., профессор, академик РАЕН, директор клиники «НОРДМЕД», Санкт-Петербург

org@piterbasket.com

ВРАЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ СПОРТИВНОЙ ИГРЫ ПИТЕРБАСКЕТ В УСЛОВИЯХ УРОКОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: *питербаскет, радиальный баскетбол, здоровье формирующие технологии, медицинский контроль.*

Использование подвижной игры питербаскет (радиальный баскетбол) в третьем уроке физической культуры, в младших и средних классах (1–8) оптимизирует деятельность функциональных систем организма школьников, формирует иммунитет к воздействию внешней среды, устойчивость к простудным заболеваниям.

По итогам общероссийского мониторинга состояния здоровья и физического развития детей, подростков и молодежи, проведенного в пяти федеральных округах, выявлено, что *высокое* физическое развитие имеют 9%, *среднее* 57% и *низкое* 34% младших школьников. Количество практически здоровых детей в России за последние годы сократилось с 61 до 46%. С переходом из класса в класс здоровье и уровень физической подготовленности школьников ухудшается. Эти факты подтверждают негативные тенденции действующей системы физического воспитания [5, 7, 11].

Предполагалось, что введение третьего урока физической культуры, объявление его обязательным к исполнению, существенно изменит негативные последствия, связанные с интенсификацией учебной, в основном умственной, деятельности учащихся и, как следствие, повысит объем их двигательного потенциала. Однако ввиду известных причин абсолютное большинство школ оказались не готовы к качественной организации третьего урока физической культуры (материальная база, 2 и 3-х сменная работа школы, кадры и др.) [1, 3, 4, 13, 14].

На основе анализа имеющегося арсенала возможностей современных технологий обучения, которые появились в последнее десятилетие, считаем целесообразным в качестве одного из способов совершенствования методики занятий по физической культуре рекомендовать прошедшую экспериментальную проверку новую игру с мячом – питербаскет.

Игра запатентована [6, 9, 12] обладает уникальной вариативностью, простотой и податливостью к целенаправленному совершенствованию функционального потенциала организма учащихся школы, их двигательной подготовленности и иммунитета к условиям внешней среды.

Цель исследования: проанализировать влияние занятий питербаскетом (радиальный баскетбол) на функциональные системы организма учащихся 1–8 классов (рост, вес, ЧСС, экскурсия грудной клетки, ответная реакция ССС на кратковременную 40 сек., максимальную нагрузку) и динамику заболеваемости.

Объект исследования: учащиеся 1–8 классов, занимающиеся по разным программам третьего урока физической культуры, в контрольных классах уроки национального танца, в экспериментальных – игра питербаскет (радиальный баскетбол).

Задачи исследования: выполнить анализ характерных изменений ростовесовых показателей, ЧСС, время восстановления после кратковременной (40 сек) максимальной нагрузки, экскурсии грудной клетки, динамику устойчивости к сезонным заболеваниям.

Организация исследования: исследование проводилось в течение 2013–2014 учебного года на базе общеобразовательной средней школы № 3 г. Нальчика. В эксперименте приняло участие 304 учащихся 1–8 классов, которые были распределены по возрастным группам (1–4 и 5–8 классы) внутри соответствующих возрастов, по методу случайной выборки они распределялись на контрольные и экспериментальные классы.

В контрольных классах уроки физической культуры проводились по 102 часовой программе (3 урока в неделю, причем третий урок проводился как урок национальных танцев).

В экспериментальных классах третий урок также как и в контрольных (всего 34) проводился по авторской программе в условиях игры питербаскет (радиальный баскетбол).

Содержание решаемых в каждом классе задач, за исключением третьего урока, полностью совпадало как в экспериментальных, так и в контрольных классах.

За основу взята идея игры в баскетбол, но колец не одно, а три, расположенных в виде треугольника установленных на одной стойке в центре круглой площадки. (рис. 5)

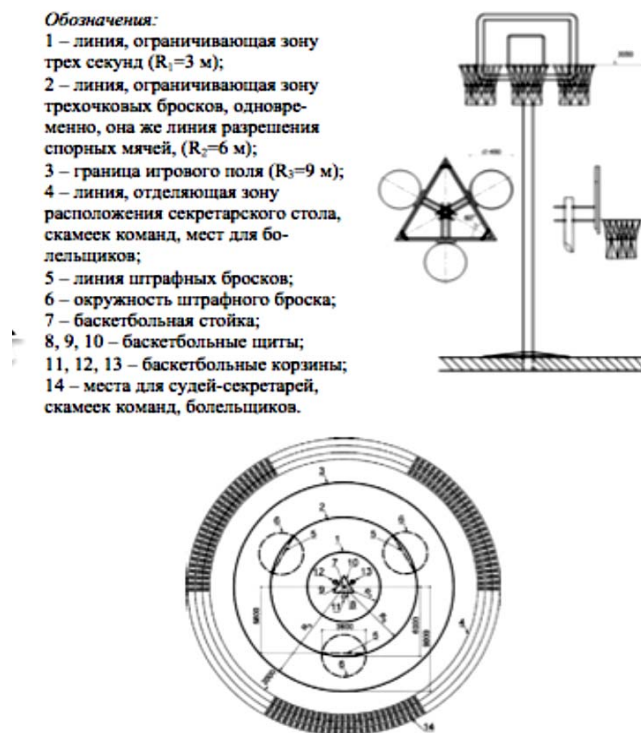

Рисунок 5.
Игровая площадка для питербаскета

Высота колец регулируется от 115 см до 305 см. Как показали результаты 6-летних экспериментальных исследований, необычное расположение колец, существенно расширяет возможности игрового пространства и тем самым делает задачу забрасывания мяча в одно из трех колец еще более увлекательной и моторной [10].

Для проверки гипотезы оздоровительного эффекта и изменения показателей здоровья учащихся 1–8 классов нами использовались следующие медико-биологические тесты (ростовесовые, экскурсия грудной клетки, ЧСС – период восстановления после кратковременной до 40 сек, максимальной нагрузки, динамика заболеваемости школьников в течение учебного года).

Данные обследования, полученные в начале эксперимента, показали, что m – средняя ошибка среднеарифметического отклонения между учениками младших классов (1–4) в экспериментальных и контрольных группах не имели достоверных различий, также как и между учащимися 5–8 классов ($p>0,05$)

Анализ показателей здоровья в конце учебного года (после эксперимента) при повторном тестировании выявил достоверно меньшие случаи заболеваемости в экспериментальных классах, в которых на уроках физической культуры использовалась адаптированная подвижная игра питербаскет (в 1–2 классах) и спортивная (в 3–8 классах) игра питербаскет. (табл. 1)

Таблица 1

Динамика заболеваемости учащихся экспериментальной и контрольной групп 1–8 классов 2012–2013 и 2013–2014 уч/г.

Классы	Хронические и простудные заболевания, в том числе ОРВИ, грипп			
	Экспериментальные классы n = 202 чел.		Контрольные классы n = 201 чел.	
	До экспер. (нач. уч. года)	После экспер. (конец уч. года)	До экспер. (нач. уч. года)	После экспер. (конец уч. года)
	Кол-во человеко-дней	Кол-во человеко-дней	Кол-во человеко-дней	Кол-во человеко-дней
1.	9962	5306 (46,7%)	9817	8568 (12,7%)
2.	9012	6005 (33,6%)	9316	8432 (9,4%)
3.	10461	5146 (50,1%)	8786	7928 (9,8%)
4.	6180	3982 (35,3%)	6212	5012 (19,4%)
5.	8121	6376 (21,5%)	7962	7011 (12%)
6.	6314	4127 (34,7%)	7134	4912 (31,8%)
7.	13 141	10 211 (22,7%)	13 442	1 1398 (15,3%)
8.	6133	4312 (29,6%)	7314	5912 (19,1%)

Примечание: во второй и четвертой колонках приведены сравнительные данные по заболеваемости учащихся 1–8 классов в 2013–2014 уч. году, в первой и третьей данные по заболеваемости в 2012–2013 уч. году.

Таким образом, двигательная активность – это одно из условий полноценной жизнедеятельности организма, что подтверждается результатами наших исследований. В экспериментальных классах количество заболеваний уча-

щихся 1–8 классов, в среднем сократилось на 38,2 процента, в контрольных – 13,07 процента. Следует отметить, что соматическое развитие учащихся в своей сущности направленно на увеличение функциональных возможностей организма и является неотъемлемым компонентом адаптации в том числе к условиям внешней среды. Считаем, что невысокая динамика снижения процента заболеваний в контрольных классах (13,07) является в том числе результирующим эффектом не столько специфических процессов роста и развития учащихся, сколько адекватности учебных и физических нагрузок.

Результаты исследования

В результате экспериментальных исследований был отмечен некоторый рост показателей физического развития и улучшения функциональных систем организма учащихся 1–классов.

В начале учебного года, по результатам корреляции показателей физического развития и функциональных изменений, в соответствующих возрастных группах учащихся (5–8 классы) достоверных различий не обнаружено. ($P>0,05$)

После эксперимента (в конце учебного года) изменения показателей роста учащихся в соответствующих возрастных группах были незначительными и не имели достоверных корреляционных различий, как в контрольной так и в экспериментальной группах в 1–8 классах ($p>0,05$), однако в экспериментальных классах динамика роста мышечной массы несколько выше, чем в контрольных (около 2 кг,) (табл. 2)

Таблица 2

Изменения общих характеристик показателей здоровья учащихся 1–8 классов по полу (мальчики, девочки)

Контрольные тесты (ср. показ. по школе)	Экспериментальные классы				Контрольные классы				Достоверность различий при $p<0.05$								
	1–4 кл.		5–8 кл.		1–4 кл.		5–8 кл.										
	n=96 (M=40; D=56)		n=106 (M=59; D=47)		n=102 (M=48; D=54)		n=98 (M=50; D=48)		1/2	3/4	5/6	7/8	1/5	2/6	3/7	4/8	
	M±m		M±m		M±m		M±m										
	До экспер.	После экспер.	До экспер.	После экспер.	До экспер.	После экспер.	До экспер.	После экспер.									
	1	2	3	4	5	6	7	8									
1. Рост	136.18 ±0.99	137.1 ±1.64	146.07 ±0.76	150.36 ±1.22	135.7 ±0.9	136.4 ±0.32	144.6 ±0.58	146.21 ±1.22	>	>	>	>	>	>	>	>	<
2. Вес	36.41 ±0.75	37.08 ±1.22	39.56 ±0.82	41.06 ±0.36	36.58 ±0.83	36.5 ±0.41	38.07 ±1.6	39.3 ±0.71	>	>	>	>	>	>	>	>	<
3. Экск. гр. клетка (см)	4.52 ±0.31	7.52 ±0.82	5.02 ±0.31	8.47 ±0.30	4.48 ±0.17	5.52 ±0.27	5.05 ±0.57	6.00 ±0.21	<	<	<	>	>	<	>	<	<
4. ЧСС – период восстановления после нагрузки	2.50 ±8	1.00 ±4	1.50 ±3	0.50 ±2	2.35 ±4	1.50 ±7	1.48 ±3	1.25 ±4	<	<	<	>	>	<	>	<	<

Прирост показателей экскурсии грудной клетки достоверен ($p<0,05$) в экспериментальных классах 1–4 (до эксперимента 4,52 + 0,31; после 7,52 + 0,82), 5–8 классы соответственно (5,02 + 0,31; 8,47 + 0,30), в контрольных классах в соответствующих возрастных группах наблюдалось также некоторое увеличение, что в известной степени можно отнести к особенностям естественного биологического развития, прирост недостоверен: 1–4 классы (4,48 + 0,17; 5,52 + 0,27), 5–8 классы (5,05 + 0,57; 6,0 + 0,21), ($p>0,05$). Сравнительный анализ показал преимущество экспериментальной программы с применением модернизированной игры питербаскет. У школьников экспериментальных классов, в отличие от учащихся контрольных отмечается повышенное кислородно-транспортное и питательное обеспечение мышечной работы, что в свою очередь сопровождалось существенным сокращением периода восстановления после максимальной (40 сек.) нагрузки. Есть все основания полагать, что ведущим фактором выявленных изменений к концу учебного года являются не столько естественные процессы роста и развития в ходе онтогенеза учащихся, сколько адекватность или неадекватность учебных и физических нагрузок. Не менее значимо более глубокое изучение и вегетативного компонента адаптации, поскольку адаптивные возможности учащихся начальной и средней школы в значительной степени определяются и лимитируются уровнем функционирования кардиореспираторной системы. Базальные значения изучаемых параметров гемодинамики (период восстановления ЧСС после макс. 40 сек. нагрузки, экскурсия грудной клетки) достоверно лучшие в экспериментальных ($p<0,05$) классах чем в контрольных, свидетельствуют о более высоких возможностях ССС учащихся экспериментальных классов.

Выводы

Мышечная система в результате организации активных, разнообразных двигательных действий в специфических условиях, возникающих в ходе игры в питербаскет, обеспечивает не только локомоторные функции, но и оказывает стимулирующее воздействие на все важнейшие системы организма.

В процессе адаптации к физической нагрузке увеличивается число ядер и миофибрилл в мышечных волокнах. Динамическая нагрузка в ходе игры в питербаскет в отличие от традиционных форм организации других подвижных

и спортивных игр, обеспечивает увеличение объема кровотока за счет увеличения ЧСС, что в свою очередь сочетается с совершенствованием восстановительных процессов во время диастолы. Наблюдается фазовый характер регулируемой гиподинамии и увеличение объема легочной вентиляции, увеличение емкости капиллярной сети в мышцах, процессов восстановления сердечнососудистой и дыхательной систем.

Список литературы

1. Бальсевич В.К. Что необходимо знать о закономерностях регулярных занятий физическими упражнениями // Физическая культура: Воспитание. Образование. Тренировка. 1997. – № 3. – С. 51–54.
2. Брагинский М.Я., Еськов В.М., Климов О.В. К вопросу о произвольности в непроизвольном микродвижении конечности человека (треморе) // Вестник новых медицинских технологий. – Тула, 2002. – № 3. – С. 42–45.
3. Вавилов Ю.Н. Концептуальные предпосылки перестройки школьной системы физического воспитания в СССР // Теория и практика физической культуры. 1990. – № 10. – С. 2.
4. Вайнбаум Я.С. Дозирование физических нагрузок школьников. – М.: Просвещение, 1991. – 65 с.
5. Вайнбаум Я.С. Физические упражнения и здоровье школьников // Физическая культура в школе. 1993. – № 2. – С. 59.
6. Ватерпитербаскет / Положительное решение на выдачу патента на товарный знак по заявке № 2003117208/20 (019085) от 11.06.2003.
7. Винарская Е.Н., Суслов В.Н., Фирсов Г.И. Интегративно-синергический аспект проблемы оценки функционального состояния человека // Функциональное состояние и здоровье человека. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 228–230.
8. Еськов В.М., Козлова В.В., Голушков В.Н. Сравнительный анализ и синтез физиологических параметров организма студентов Югры в фазовых пространствах состояний // Теория и практика физической культуры. 2011. – № 11. – С. 88–94.
9. Питербаскетвалид / Положительное решение на выдачу патента на товарный знак по заявке № 2003123276/20 (025025) от 16.07.2003.
10. Кожемов А.А., Несмеянов А.А., Черкесова Л.З., Коноплева А.Н. Развивающая технология физического воспитания младших школьников на основе использования игры – радиальный баскетбол (питербаскет) // Адаптивная физическая культура. 2010. – № 2 (42). – С. 34–35.
11. Мини-питербаскет. Правила соревнований / Пособие для тренеров. Под общей редакцией проф. Несмеянова А.А. – СПб.: Галя принт, 2012. – 28 с.
12. Несмеянов А.А., Несмеянов П.А., Несмеянов Д.А. Спортивная игра с мячом «Питербаскет» / Свидетельство на полезную модель № 28828 от 20.04.2003.
13. Портных ЮИ, Фетисова СЛ; Дидактика игр в школе, уч. пос., изд-во РГПУ им. НИ Герцена. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 261.
14. Несмеянов АА, Кожемов АА, Хадарцев АА, Питербаскет и здоровье человека: Монография. – Тула: Тульский полиграфист. – 214 с.

Муравьева Н.Н.

к.э.н., доцент ЮФУ

Левицкая Н.А.

Начальник управления здравоохранения, г. Ростов-на-Дону

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАНЫ С УЧЕТОМ РЕИНТЕГРАЦИИ КРЫМА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УРОВНЯ КАЧЕСТВА И ДОСТУПНОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Ключевые слова: здравоохранение, медицинская помощь, медицинские организации, регионализация здравоохранения, дифференциация уровня качества и доступности медицинской помощи

Keywords: health care, medical care, medical organizations, regionalization of health care, differentiation of a quality's level and availability of medical care

Современное российское здравоохранение представлено медицинскими организациями (государственные – федеральные и субъектов РФ, муниципальные, негосударственные – корпоративные и частные), а также отдельными практикующими врачами, которые осуществляют свою деятельность по месту расположения в различных по экономическим возможностям территориальных образованиях (субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях) и используют различные организационные и экономические механизмы для реализации задач, которые стоят перед ними учредители и собственники. При этом единая для здравоохранения задача – сохранение и укрепление здоровья граждан, прежде всего за счёт оказания качественной и доступной медицинской помощи осмысливается и решается по-разному, зачастую исходя из тех возможностей, которые реально имеются в регионах.

Проведенный Всемирной организацией здравоохранения анализ показал, что Россия существенно отстает от индустриально развитых стран мира по объему финансирования, но гораздо больше – по конечным показателям результативности деятельности системы здравоохранения. К числу таковых относятся:

- 1) показатели здоровья населения, на которые реально влияет отрасль;
- 2) рациональность структуры оказания медицинской помощи и способность системы адекватно реагировать на потребности населения – обеспечивать достижение современных стандартов оказания медицинской помощи, приемлемые сроки ожидания плановой помощи и пр.;
- 3) справедливость распределения средств (уровень социальной защиты наиболее нуждающейся части населения).

Особое значение данная проблема приобретает в условиях реинтеграции Крыма в социально-экономическое пространство Российской Федерации и реорганизации ранее существовавшей на территории Крыма системы здравоохранения.

В рамках настоящего исследования был проведен опрос (посредством анкетирования) врачей, возглавляющих крупные и средние медицинские организации Крыма такие как:

- КРУ ТМО «Центр экстренной медицинской помощи» (количество сотрудников 3500 человек);
- КРУ «Психиатрическая больница» (количество сотрудников 1400 человек)
- КРУ «Детская клиническая больница» (количество сотрудников 1071 человек);
- КЗ «ГЦБ» г. Севастополь (количество сотрудников 310 человек);
- КРУ «Клинический санаторий «Симеиз» (количество сотрудников 250 человек) и др.

Всего в анкетировании приняли участие 75 руководителей медицинских организаций предоставляющих медицинскую помощь в республике Крым.

Руководители в вопросе о потребности во внешних источниках финансирования отметили различные объемы финансирования, это зависело от масштаба организации и видов оказываемой медицинской помощи и услуг, однако цели привлечения внешних источников финансирования и инвестиций оказались фактически одинаковыми:

- приобретение необходимого медицинского оборудования;
- капитальный и текущий ремонт;
- финансирование оперативной деятельности (например, мотивация труда, повышение квалификации и др.).

10% от общего числа опрошенных отметили, что финансирование необходимо для разработки или приобретения новых технологий предоставления медицинской помощи.

Следующий блок вопросов анкеты был посвящен анализу суммарного риска медицинских организаций, осуществляющих свою деятельность в новых для них условиях.

Аналогичные исследования за рубежом проводятся либо организацией самостоятельно, либо с помощью американского института BERI (Business Environment Risk Information), имеющего филиалы в 45 странах и в этом случае факторы риска задаются институтом.

В опросном листе было представлено 20 факторов. Ниже перечислены некоторые из факторов суммарного риска:

- политическая безопасность;
- бюрократические барьеры;
- производительность труда;
- реализуемость договоров;
- девальвация денег;
- наличие квалифицированных кадров;
- наличие ресурсов (например, энергоресурсов и др.);
- степень коррумпированности чиновников;
- возможность коммуникаций с потребителями медицинских услуг;
- преимущества перед конкурентами и др.

Руководители оценили факторы (по пятибалльной шкале) и важность фактора для конкретной медицинской организации (по десятибалльной шкале). Анализ позволил выявить, что суммарный риск варьирует от средних показателей (около 19,5 баллов) до выше среднего (около 33,5 баллов). Это говорит о том, что организации должны заранее предусмотреть комплекс мероприятий, снижающих или нейтрализующих существующие факторы риска.

Так, например, интерес представляет фактор риска – «возможность коммуникаций с потребителями медицинских услуг». Только 30% опрошенных руководителей отметили важность фактора в целом и важность для конкретного медицинского учреждения, расположенного на территории республики Крым. Одним из обязательных требований, предъявляемых к современным медицинским учреждениям РФ, является наличие сайта в сети Интернет, который позволяет информировать и вести регистрацию пациентов. Недооцененный руководителями республиканских медицинских организаций риск – «отсутствие коммуникаций с пациентами» может привести к отсутствию возможности предоставить медицинскую помощь в рамках ОМС (которое существует в России более 20 лет), так как доступ к базе данных о потребителях медицинских услуг будет закрыт, следствием этого является формирование в глазах потребителей (местных и приезжих) негативного имиджа медицинского учреждения. Этот фактор также был недооценен главными врачами республиканских медицинских учреждений.

Фактически речь идет о глубокой дифференциации уровня качества и доступности медицинской помощи, связанной с региональными особенностями и возможностями страны. Произошедшая де-факто регионализация здравоохранения имеет как положительные, так и отрицательные моменты.

К положительным моментам следует отнести:

- самодостаточные субъекты Российской Федерации, которые имеют возможность в пределах своей компетенции решать многие организационно-экономические проблемы оказания медицинской помощи населению субъекта Федерации;
- создание замкнутой на уровне субъекта Федерации системы оказания медицинской помощи, которая позволяет оказывать населению, проживающему в регионе, качественную и доступную медицинскую помощь практически любого объема (в том числе и высокотехнологичную) и развивать инфраструктуру здравоохранения;
- нормативно-правовое регулирование, а также организационное и экономическое обеспечение деятельности всех структур, участвующих в оказании медицинской помощи, в значительной степени упрощается, т.к. сужается регулируемое пространство, а возможности оперативного и стратегического управления и контроля увеличиваются.

Отрицательными моментами можно считать следующие:

- разрушение единого информационного «медицинского пространства» страны, проявляющееся в том, что граждане, проживающие в различных субъектах Федерации, имеют различные возможности в получении медицинской помощи;
- дотационные и ограниченные в средствах субъекты Федерации не могут в полном объеме исполнять полномочия в соответствии со своей компетенцией по организации и оказанию медицинской помощи населению;
- возникновение объективных причин в отставании некоторых территорий в развитии инфраструктуры медицинской помощи и оказании необходимого ее объема и качества.

Модернизация здравоохранения связана с определением приоритетов в охране здоровья населения. Изменения должны быть направлены на достижение цели и представлять собой последовательное решение задач под руководством национальных, региональных и местных органов государственной власти.

Таким образом, в условиях реинтеграции Крыма в социально-экономическое пространство Российской Федерации на повестку дня выходят вопросы, в первую очередь касающиеся организации и оказания доступной и качественной медицинской помощи, независимо от места проживания граждан. Эти вопросы тесно связаны с дифференциацией граждан России в получении медицинской помощи, обусловленной их материальными возможностями и социальным статусом. Ни для кого не секрет, что в системе здравоохранения уровень соплатежей населения (как законных, так и не законных) достаточно высок.

Список литературы

1. Анопоченко Т.Ю., Боева К.Ю. Экономические предпосылки и факторы развития здравоохранения как составляющей социальной инфраструктуры региона // Российский академический журнал. 2013. – Т. 25, № 3 (25). – С. 15–18.
2. Кочуров Е.В. Оценка эффективности деятельности лечебно-профилактических учреждений: сравнительный анализ методов и моделей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 8. 2005. – Вып. 3.
3. Муравьева Н.Н. Конкурентная среда в сфере медицинских услуг (на примере Ростовской области) // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2010. – № 2. – С. 65–69.

4. Муравьева Н.Н., Анопченко Т.Ю. Современные информационные технологии как инструмент повышения эффективности здравоохранения (на примере портала государственных услуг) // Труды Северо-Кавказского филиала Московского технического университета связи и информатики. 2014. – № 2. – С. 124–129.
5. Ткаченко Т.Я. Интеллектуально-информационные технологии в организации экономической деятельности медицинских учреждений. – Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2008. – 199 с.
6. Шейман И.М., Шишкин С.В. Российское здравоохранение: новые вызовы и новые задачи: докл. Гос. ун-та Высшей школы экономики. – М., 2009. – 65 с.
7. Боева К.Ю., Вераян Р.Г. Региональные проблемы здравоохранения: ограничение доступности медицинской помощи // Перспективы развития экономики и менеджмента / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Инновационный центр развития образования и науки. 2014. – С. 61–63.

Несмеянов Н.А.

д.т.н., действительный член (академик) РАЕН, научный консультант ООО «НОРДМЕД», Санкт-Петербург

Несмеянов А.А.

д.м.н., профессор, действительный член (академик) РАЕН, директор клиники ООО «НОРДМЕД», президент Федерации питербаскета Санкт-Петербурга

ПРИРОДА ФОРМИРОВАНИЯ ЗАБОЛЕВАНИЙ НАСЕЛЕНИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Ключевые слова: Чижевский А.Л., задачи, биосфера, здоровье, заболевания, питание, рацион, труд, воспитание, баскетбол, дети.

Keywords: Chizhevsky A L, challenges, biosphere, health, diseases, nutrition, diet, education, basketball, children.

«Шел грозный 1915 год. Первые наблюдения в этом направлении были сделаны мною летом этого года. ...в те дни, когда мне приходилось много возиться с перестановкой флажков на карте военных действий, приходилось и больше всего вести зарисовок возмущений солнечной поверхности».

«А почему бы не попытаться нам наполнить импульс, идущий из космических глубин, нужным нам, вполне нами продуманным содержанием? Какие заманчивые перспективы открылись бы нам! Будь это возможно, мы могли бы мечтать о создании сознательной истории».

А.Л. Чижевский

Системно к вопросам здоровья подошел наш соотечественник А.Л. Чижевский (1897 – 1964). Он успешно провел исследования еще в конце второго десятилетия XX века в области влияния флуктуаций энергетических факторов Солнца на состояние представителей биосферы Земли. Этим создал системный подход к проблемам возникновений угнетающих состояний человека. Кроме того, он сформулировал две важнейших задачи для современников и последующих поколений ученых.

А.Л. Чижевский считал, что должен существовать хотя бы один посредник, обеспечивающий синхронные изменения состояний организмов представителей биосферы с флуктуациями на Солнце, т.е. управление их состоянием, которые проявляются на примере человека, прежде всего, в виде эпидемий и пандемий, психических и инфекционных расстройств. А также в виде мгновенных смертей (инфарктов миокарда и инсультов). Причем современная медицина защиту от этих недугов гарантировать не может никому на планете (израильский экс-премьер Ариэль Шарон, 18.12.2005, – микро-инсульт; 05.01.2006 – обширный инсульт). И поэтому, по его мнению, необходимо было установление этого фактора.

Второй задачей А.Л. Чижевский считал то, что по установлению посредника обязательным необходимым было установление механизма этого сложного явления и его детальное изучение.

Для общего представления о положении дел в области здоровья населения планеты достаточно привести несколько примеров.

Так в 1985 году по этому поводу о своей несостоятельности сообщила Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в лице Европейского регионального бюро в материалах под многообещающим названием «Задачи по достижению здоровья для всех. Региональные задачи в поддержку региональной стратегии достижения здоровья для всех». В этом сообщении излагалась сущность «величайшего достижения» мировой медицины на конец XX века, которая заключалась в том, что «ученые не располагают достаточной информацией о том, из каких компонентов состоит соответствующее укреплению здоровья поведение и каким образом можно приучить человека к осознанной необходимости уделять больше внимания своему собственному здоровью и здоровью зависимых от него людей» [1, с. 6–7].

И уже, видимо более не полагаясь на традиционную медицину, данная тема была поднята на специальной сессии Ассамблеи ООН (UNGASS) (1997г.), на которой главы государств и правительств выступили с обращением: «Время не ждет. Нужно, чтобы каждый приложил усилия для изменения тенденции деградации» [2, с. 6].

Не удивительно, что на этом фоне, спустя 15 лет, скорее как проявление обреченности, воспринимается информация, опубликованная 6 декабря 2013, 15:53 (мск)¹.

В этом сообщении говорится, что в Санкт-Петербурге у 52% населения выявлены хронические заболевания, а в 23% случаев обнаружены высокие факторы риска, связанные с низкой физической активностью, неправильным питанием и избыточным весом.

Это непосредственно касается и вопросов демографического роста. Ведь, бесплодием в России страдает 6 млн. женщин и 4 млн. мужчин. Ежегодно их число увеличивается на 20–25 тыс. человек. Здоровыми рождаются только 18–20% малышей. Генетические нарушения наблюдаются у 30% появившихся на свет².

А происходит это в основном благодаря повышению концентрации тяжелой воды в организме человека. Так повышение ее у теплокровных до 25%-ной концентрации приводит к стерильности, иногда необратимой, а концентрация более 30% – к летальным исходам³. Причем повышение концентрации D₂O (или ²H₂O), прежде всего, действует на центральную нервную систему [3, с. 13].

С древнейших времен человечеством выработан метод обеспечения формирования здорового физического и интеллектуального состояния четко связанный с питанием. «В буддизме и, в частности, в дзен-буддизме, и сейчас практикуются очень строгие правила питания. Режим питания в монастырях дзен-буддизма в Японии называется «сводзин риори», что значит «кухня, которая улучшает суждение» [4, с. 330]. Аналогичные подходы были найдены и в древнеиндийской Аюрведе – науке, изучающей жизнь. Она возникла около 5000 лет назад. В Махариши Аюрведе считается, что предлагаемая ею диета «лучшая для тех, кто хочет иметь светлую голову, хорошее здоровье, физическую силу и долгую жизнь» [4, с. 430].

Хорошо перекликаются с древнейшими положениями и позиции представителей натуральной гигиены. Они считали, что введение в рацион питания натуральной растительной пищи не только «определяет состав крови», но и «формирует характер, и даже мировоззрение человека» [4, с. 136].

Тяжелая вода в организм человека обычно поступает с питьевой водой, пищей с мясом теплокровных, а также через дыхательные пути [5, с. 15]. Особенно много ее в клетках мяса теплокровных – до 20% [6, с. 49].

Тяжелая вода, на основании принципа энергетической предпочтительности [7, с. 151], прочно укрывает мембраны клеточных образований и не перемешивается с остальным объемом воды [8, с. 11]. В связи с чем, она участвует вместе с мембраной в важнейшем жизненном процессе – обмене веществ на клеточном уровне. Степень упаковки мембраны находится в прямой зависимости от концентрации тяжелой воды в межклеточной жидкости [3, с. 171]. Этим и объясняются ее угнетающие и активирующие воздействия на организмы теплокровных [3, с. 13,15; 9, с. 16]. Скорость изменения воздействий тяжелой воды велика и определяется высокой чувствительностью и скоростью расщепления многокомпонентных растворов [7, с. 34].

Вывод ее из организма осуществляется, в основном, с помощью компонентов растительной пищи (линейных полисахаридов [5, с. 16] и олигосахаридов⁴), бифидо- и лактобактерий. В результате анализа было установлено, что именно оболочки зерна злаковых (пшеницы, ржи, овса, риса, кукурузы, ячменя, проса) обеспечивают активирование функционирования процесса естественного регулирования концентрации тяжелой воды в организме [5, с. 18–19]. Это воздействие осуществляется за счет линейных (не разветвленных) полисахаридов и олигосахаридов, входящих в состав оболочек зерна.

Линейные полисахариды участвуют как управляемые температурой адсорбенты [11] с высоким уровнем прочности водородных связей [7, с. 151], не перевариваемые в желудочно-кишечном тракте и выносящие из него тяжелую воду, ионы тяжелых металлов и радионуклиды [9, с. 18].

Сразу после рождения, если ребенок не вскрикнул, его шлепают по попе, он вскрикивает и после чего начинает дышать. С этого момента начинается постоянный контакт человека с окружающей средой и через дыхание.

Известно еще со школьной скамьи (круговорот воды в природе), что в состав воздуха входят водяные пары, а, следовательно, и тяжелая вода. Она адсорбируется альвеолами легких, разносится по всему организму и, если не будет функционировать естественный механизм регулирования концентрации тяжелой воды в организме, сразу же начнет накапливаться. Человек, как вид представителей биосферы Земли, выживает в сложной окружающей среде уже многие десятки и сотни тысячелетий. Следовательно, одной из задач была необходимость определить компоненты обеспечения механизма регулирования концентрации тяжелой воды в организме грудного ребенка. Ими оказались олигосахариды. Они синтезируются из моносахаридов и как моносахариды растворимы в воде⁵.

Из олигосахаридов формируются линейные полисахариды⁶. Следовательно, именно в отрубях злаковых находятся вместе эти столь важные компоненты для здоровья человека.

Проходя по верхним отделам желудочно-кишечного тракта олигосахариды остаются без изменений и только в толстом кишечнике подвергаются воздействию ферментов бифидо- и лактобактерий и становятся прекрасной пита-

¹ Диспансеризация выявила у 52% петербуржцев хронические... – fungodoctor.com.ua/ru/news/pax/2013/12/06/15_42

² Генетические нарушения имеют 30% новорожденных россиян – Новости... – news.mail.ru/society/7272136

³ Тяжёлая вода // Википедия,ru. – wikipedia.org/wiki/Тяжёлая_вода.

⁴ Олигосахариды, являясь углеводами, в организме человека не синтезируются, их человек может получать только с растительной пищей. При недостатке олигосахаридов в грудном молоке ребенок страдает дисбактериозом, расстройством желудка, плохо развивается в интеллектуальном и физическом плане. На это обращал внимание еще в 1907 году И.И. Мечников. (Микробиоценоз кишечника и иммунитет / Гастроэнтерология... – medvopros.com...story/Mikrobiotsenoz-kishechnika-i...).

⁵ Моносахариды, олигосахариды и полисахариды – Биология – определения... mybiologiya.net/obschie-svedeniya/m... копия.

⁶ XuMuK.ru – Структура полисахаридов. УГЛЕВОДЫ. А.Н.Бочков... xumuk.ru Углеводы/Структура полисахаридов.

тельной средой для них. Этим активизируется размножение данного вида бактерий и при эвакуации их из организма вместе с калом происходит и вынос тяжелой воды, находящейся на их мембранах. Количество бактерий у здоровых детей при грудном вскармливании достигает 98% кала¹.

Олигосахариды, как оказалось, необходимы человеку в любом возрасте. Для повышения эффективности использования олигосахаридов и линейных полисахаридов человечеством эмпирически был разработан и применяется метод потребления пищи. Он заключается в потреблении хлеба «вприкуску» (хлеб обязательно должен был содержать эти компоненты) и обязательно пища должна была длительно и тщательно пережевываться, чтобы обеспечить ее дробление и равномерное перемешивание с хлебом. Этому ежедневно на Руси учили детей во время приема пищи еще в середине XX века. Если кто из детей не выполнял это требование, то ему напоминал ударом деревянной ложки по лбу старший за столом. Так обеспечивалось условие увеличения площади контакта с дроблеными частицами хлеба, например, мяса, и равномерная структура потребляемой пищи, поступающей в желудок. А это обеспечивало равномерное по всему объему пищи развитие полезной микрофлоры. Что, в свою очередь, приводило к размягчению пищи, облегченной ее транспортировке по желудочно-кишечному тракту в процессе перистальтики и избавлению человека от запоров, благодаря выносу с продуктами жизнедеятельности тяжелой воды линейными полисахаридами и полезной микрофлорой.

Причины же возникновения столь неприглядного состояния здоровья населения лежат в применении всё новых технологических процессов в подготовке к реализации через торговую сеть продуктов питания, подвергаемых либо удалению из них компонентов с олигосахаридами и линейными полисахаридами, либо к их пассивированию.

Особо наглядно это просматривается на примере хлеба, который всегда был важнейшей составляющей питания человека. В еще не так далекое время в рацион российских солдат царской армии входило три фунта темного хлеба из непросеянной муки грубого помола (с отрубями) и фунт² мяса. Солдаты отличались крепким здоровьем, выносливостью, хорошей памятью, вниманием и сообразительностью. Напротив, среди офицеров наблюдались случаи заболеваний и, благодаря расследованию, удалось установить причину – офицеры питались хлебом из муки высших сортов³ с минимальным содержанием тканей оболочек зерна.

Да и в современной российской армии совсем не учитывается тысячелетний опыт питания и поэтому солдаты питаются белым хлебом из муки пшеничной 1-го сорта и смеси ржаной с пшеничной мукой тоже 1-го сорта⁴, обеденных в части отрубей. Для гражданского населения, вообще, чаще всего используется мука высшего сорта.

Хлеб еще в прошлом столетии выпекали в основном из обойной муки. В боевых условиях Великой отечественной войны подтверждалась достоверность излагаемых положений. В то время в состав хлеба входили все компоненты содержимого зерна, от мучнистого ядра (эндосперма) до оболочек (растительной клетчатки) и его зародыша. И солдаты мало болели в тяжелейших условиях бесконечных передислокаций и боевых действий. Явно и каши для солдат готовили не из шлифованных и полированных зерен злаков! А сейчас приходится недоумевать в результате участвовавших сообщений СМИ о массовых заболеваниях молодых солдат современной российской армии.

В современном белом хлебе важные компоненты отсутствуют. Поэтому у людей употребляющих только белый хлеб (а их большинство) нарушается естественный процесс регулирования концентрации тяжелой воды в организме, что и приводит не только к накоплению тяжелой воды в организме, но и солей тяжелых металлов, и радионуклидов. Чем и вызываются соответствующие последствия от простейших насморков, запоров, диарей и дисбактериозов до гипертонических заболеваний, заболеваний сердечнососудистой системы, сахарного диабета и отставаний в развитии детей, как школьного возраста, так и дошкольного.

Попытки компенсировать этот недостаток отрубями терпят неудачу уже потому, что отруби отбирают, как правило, при сортовом помоле зерна пшеницы (ГОСТ Р 53496 – 2009). А технология подготовки пшеницы к сортовому помолу предусматривает такие процессы, как мойку зерна, влажное шелушение, гидротермическую обработку с отволаживанием⁵. Мойка зерна и влажное шелушение при необходимости применяются и повторно, кстати, и гидротермическая обработка с отволаживанием зачастую тоже производится повторно. Перечисленные процессы отрицательно сказываются на компонентах отрубей, так как витамины и олигосахариды растворимы водой, то они выносятся из их состава⁶. Линейные полисахариды (целлюлоза), являются адсорбентом [5, с. 16], а уже многократно адсорбировавшие из воды те же компоненты при мойке при влажном шелушении и гидротермической обработке с отволаживанием (оно для некоторых разновидностей зерна длится до 24 часов) значительно теряют возможность адсорбировать за счет взаимодействия в них водородных связей, содержащимися в используемой технологической воде молекулами тяжелой воды.

Накоплению тяжелой воды непосредственно и в эндосперме зерна (мучнистом ядре), служащим поставщиком белков и крахмала в муке сортовых помолов, при очистительных технологических операциях способствуют сухое и мокрое шелушение, нарушающие целостность оболочек зерна, и происходит оно в значительной степени при последующей гидротермической операции с отволаживанием. Поэтому после помола тяжелая вода поступает уже вместе с мукой в изделия хлебобулочного и кулинарного производства.

¹ Статья о: бифидогенный, колонизировать, секретировать, перчатки... rmj.ru/articles_523.htm

² Русский фунт = 0,40951241 кг.

³ Отрубной хлеб: польза для здоровья: Здоровое питание. Почему... kedem.ru/health/20101101-bran-bread...

⁴ ria.ru/infografika/20111107/483047015.html

⁵ Отволаживание – процесс выдержки увлажненного зерна пшеницы при комнатной температуре длительностью до 24 часов.

⁶ Олигосахарида – Большая Энциклопедия Нефти и Газа, статья ngpedia.ru/id209556p1.html

Все это может производиться, не нарушая требований приказа от 1 февраля 1991 г. государственной комиссии Совета министров СССР по продовольствию и закупкам «Об утверждении и введении в действие правил организации и ведения технологического процесса на мукомольных заводах». Основные положения которого изложены таким образом, что по существу четко не устанавливают перечня обязательных технологических процессов подготовки, например, и обойных помолов пшеницы и ржи, а отдаются на откуп производителям.

Следовательно, и в муке обойной современных помолов не исключается появление тяжелой воды за счет уже упомянутых нарушений оболочек зерна при шелушении, мойке поверхности и гидротермической обработке. Тем более, что сейчас сортовая и обойная мука выпускается по одному и тому же стандарту ГОСТ Р 52189-2003.

Сама подготовка отрубей к реализации после отбора претерпевает еще ряд процессов, связанных с замачиванием, выдержкой их в воде при температуре кипения, сушкой СВЧ¹, экструдированием при температуре до 200 °С, обычной сушкой при повышенной температуре до 130–150 °С², обеспечивающих пассивирование полезных свойств отрубей, порой, до полной утраты их адсорбирующих свойств. Это также ведет к нарушению естественного процесса регулирования концентрации тяжелой воды в организме человека.

К тому же существуют рекомендации по применению уже готовых отрубей, сильно похожие либо на абсолютную безграмотность, либо на тонко продуманную диверсию, приводящие к дальнейшему их пассивированию. Они заключаются в запаривании кипятком и выдержке длительностью на 30–40 минут, сливу, полученного раствора витаминов и олигосахаридов. И только после этого авторы рекомендуют применение отрубей «по прямому кулинарному назначению»³.

Отруби, со свойствами естественного состояния (не подвергавшиеся воздействию высоких температур и длительных увлажнений), чрезвычайно эффективны в применении. Уже через 15–20 минут после приема в начальной стадии ринита (насморка) 4–6 граммов отрубей симптомы заболевания исчезают, состояние улучшается. Регулярное же потребление таких отрубей навсегда избавляет от появления симптомов. Достаточно они эффективны и при кашле.

Аналогичная картина по удалению оболочек наблюдается и при производстве крупы из зерна. Причем это узаконено даже на уровне государственного стандарта ГОСТ 5784-60. Он распространяется на крупу перловую и ячневую. Первая должна проходить обязательную шлифовку и полировку, вторая – только шлифовку.

И это принципиально противоречит отработанным методикам. Так, на Руси кашу (блюдо из зерна и крупы различных злаков) готовили, во-первых, только из обмолоченного зерна (еще не подвергавшегося ранее другим обработкам). А во-вторых, при температурах, не превышавших уровня 50–60 и даже 100 °С для сохранения исходных полезных свойств продукта⁴.

Подобным операциям очистки от зерновых оболочек подвергается практически вся продукция. На прилавках сплошь можно встретить шлифованный и даже полированный рис, горох, пшено и т.д. Применяются даже технологии обработки паром после механической очистки.

О вреде для здоровья такого подхода было давно известно, видимо ограниченному кругу людей. Ведь не напрасно существовал в древности такой метод казни, когда приговоренного кормили только жареным мясом, не выпускали на прогулки из затемненного помещения и через месяц он умирал [12, с. 77].

Особое место в ряду модифицированных продуктов занимает сухое молоко (ГОСТ Р 52791-2007), широко рекомендованное для приготовления продуктов детского питания, только вот разводится оно обычной питьевой водой с естественным содержанием тяжелой. Благодаря чему наши дети начинают получать с питанием тяжелую воду уже в раннем возрасте, для вывода которой из организма у них совершенно ничего не имеется⁵. Вот в чем и заложены причины ранней детской тщедушности и заболеваний.

Что касается безалкогольных напитков, то сейчас в торговой сети преобладают напитки, произведенные из импортных концентратов, которые разводятся местной питьевой водой и также с естественным содержанием в ней тяжелой. А напиток кока-кола сейчас, вообще, готовится по рецепту, представляющему собой коммерческую тайну поставщиков⁶. И здесь заложены условия не контролируемых пищевых диверсий! Да это значительней, чем уничтожение Бадаевских складов в Ленинграде в Великую отечественную войну! Тогда запасы продуктов были уничтожены только для ленинградцев. Теперь же планомерно производится насыщение тяжелой водой людей всего мира. Здесь нужно четко понимать, что мы сейчас живем в условно «мирное время» для России, когда для руководителей всех уровней чрезвычайно необходимы такие качества как: память, внимание, сообразительность, скорость мышления.

А вот, что касается пива и обычного русского кваса, то и здесь тоже картина аналогичная, хотя, и в усложненной форме.

Пиво еще в XVIII столетии до нашей эры в шумерские времена считалось лекарственным средством. И только за то, что пойманный хозяин пивной мог повышать цену на него, он строго наказывался (смерть через повешение), пойманные жрицы в такой пивной сжигались на костре, – повествует Дж. Хейнерман в книге «Целительные свойства чеснока» (1997). При Петре I пиво и на Руси считалось лекарством. А в нынешней России оно стало вредным напитком. Это связано с переводом его на промышленное производство под защитой законов о частной собственности и

¹ Способ подготовки пшеничных отрубей для диетических продуктов. – www.findpatent.ru/patent/205/2052955.html

² Способ производства лечебно-профилактического продукта из... 2102900. (13). ...

³ Отруби пшеничные gabris.ru/gabris/health/wheat/otrub.php

⁴ Самая полезная каша это каша «Здравица». Купить кашу быстрого... voronezh-kasha.ru/kashi.html; Беловодье Продукция Новинки Контакты Старорусская еда Рецепты; Приготовление хлебного кваса Цельнозерновые продукты – основа здоровья. Самая ...

⁵ novostioede.ru/article/o_polze...oligosakharidy

⁶ Рецепт кока-колы // Википедия ru. – wikipedia.org/wiki/Рецепт_кока-к...

преобладанием интереса: «нажива – прежде всего». Да еще открыто оповещается мир через Интернет статьей под названием: «Современное состояние и перспективные тенденции производства пива из суловых концентратов». Только нигде не заостряется внимание на том, что из концентрата вода, очищенная линейными полисахаридами солода уже убрана путем выпаривания или распылительной сушки (технические параметры этих процессов являются опять-таки профессиональным ноу-хау). А для окончательного взбраживания и созревания пива этот концентрат надо теперь разводить питьевой водой с естественным содержанием в ней воды с изотопным составом кислорода и водорода (тяжелой воды). А традиционно пиво готовилось на солоде¹ и без выпаривания из сусла воды², уже очищенной линейными полисахаридами. Поэтому-то и стало пиво приносящим вред здоровью человека.

Целебные свойства *домашнего хлебного кваса* неоднократно отмечались иностранными врачами, работавшими в России в XVIII–XIX веках, который обязательно готовили в каждой русской семье, и называли его не иначе, как «*русский бальзам*» и завидовали тому, что такой целебный напиток на Руси может пить любой крестьянин. А ведь он готовился по отработанной тысячелетиями технологии и был любимым напитком Петра первого. «*Русский квас много народу спас*», – отметил народ в поговорке.

В настоящее же время для приготовления кваса также используется квасной концентрат (ГОСТ 28538-90), как и при приготовлении пива. Квасной концентрат как и пивной, готовят также путем выпаривания очищенной легкой воды из получаемого квасного сусла. И далее реализуют его населению в виде концентрата квасного сусла. Неизбежные процессы взбраживания и созревания для получения напитка сопряжены с разведением концентрата водой (в домашних условиях водопроводной). Таким образом, производится подмена уже очищенной легкой воды в квасе водой, с содержанием тяжелой природной концентрации³ и потерей всех полезных свойств древнего напитка.

Алкоголь стал проявлять свои ядовитые свойства не за несколько тысяч лет потребления в виде натурального вина, а по мере упрощения его химического состава до дистиллированного этанола (разведенного питьевой водой, порой, без дополнительной очистки) и употребляемого в виде водки [13, с. 50–51].

Удивительно, в этой подтасовке под предлогом борьбы за здоровье населения активно участвуют и наши соотечественники. Это хорошо просматривается на примере производства каши «Здравица» и «Здоровяк». В процессе производства у авторов предусмотрены режимы давления до 31,2 кг/см² и разогрев в течение нескольких секунд до взрыва содержащейся в зерне влаги⁴.

Видимо, понимая, что предложенный режим взрыва (давление 31,2 кг/см²) происходит при температуре нагрева до 236⁰С⁵, а, следовательно, будет сопровождаться разрушением витаминов, олигосахаридов, а также деструктивными изменениями тканей полисахаридов, авторы этих каш вводят в их состав биологически активное, лечебное растительное сырье, которое и обеспечивает необходимые биологические эффекты. И категорически запрещают варить кашу («варить нельзя»), ибо «основная ее ценность заключается в отсутствии воздействия на злаки (На какие злаки? Уже испорченные?) высоких температур на всех этапах приготовления»⁶.

Понятно, что это необходимо для сохранения свойств вводимого в кашу сырья. Попытка обосновать свои предложения, таким образом, очень сильно похожа на рекламную подтасовку фактов. Ведь, если температура 100⁰С разрушает полезные свойства биологических добавок, то что же происходит с витаминами, олигосахаридами и линейными полисахаридами самого зерна при 236⁰С? Вот и продают населению продукт под названием каша «Здоровяк» или «Здравица» с разрушенными свойствами основных злаков, добавляя примеси шротов (отходов промышленности производства, идущих на корм скоту), но по цене превышающей оптовую цену зерна до 7 раз.

В результате анализа установлено: В России система питания сформирована таким образом, что практически все возрастные группы населения получают повышенное количество тяжелой воды в организм (благодаря современным технологическим процессам) по сравнению с отработанной тысячелетиями методикой питания. Кроме того они лишены естественного процесса регулирования тяжелой воды в организме за счет денатурирования продуктов путем удаления линейных полисахаридов и разрушения олигосахаридов. Из чего и истекают последствия, отмеченные в начале статьи и приводящие к катастрофическому состоянию здоровья населения и России.

Исходя из изложенного, предлагается:

1. Производству продуктов питания необходимо придать статус стратегического назначения с уровнем, приравненным к производству средств оборонного назначения.

2. Хлеб для **широкого потребления** выпекать только из обойной муки⁷.

3. Крупу для каш готовить только из обмолоченного зерна, прошедшего только сухую подготовку поверхности и без воздействия высоких температур.

4. Параллельно с решениями вопросов по п.п. 2 и 3 необходимо подготовить и постоянно проводить на федеральном и региональных уровнях учебно-просветительскую работу для всех возрастных групп населения по методике здорового питания, определяемой основными положениями данного материала людьми со специальной подготовкой и

¹ В солоде сохраняется естественное содержание оболочек зерна (линейных полисахаридов).

² ПРОПИВО.РУ – Современное состояние и перспективные тенденции... propivo.ru/sens/33/06.html.

³ Приготовление кваса из квасного сусла широко рекламируется в Интернете. Квас из квасного сусла: освежающий напиток в домашних условиях. – ladyadvice.ru/napitki/kak-sdelat-kvas-iz-kvasnogo...

⁴ Воздействие высокой температурой: Технология производства каш Здоровяк. – bio-lavka.kiev.ua/litzdortehno.shtml.

⁵ ALL-IN-ONE: универсальный справочник – энциклопедия sci.aha.ru/ALL/b17.htm.

⁶ Все о кашах Здоровяк—Официальный магазин с курьерской доставкой в... kasha5.ru/articles/vse-o-producte-i...

⁷ Зерно пшеницы для обойного помола должно готовиться только сухим способом и не подвергаться воздействию высоких температур.

со знаниями и пониманием природы и механизма полноценного выживания организма человека. Это должно производиться силами средств массовой информации и всех научно-образовательных учреждений.

5. Организация производства отрубей злаковых, должна проводиться так, чтобы они не подвергались воздействию увлажнения и высоких температур (выше 50–60°C).

6. Для организации разведения сухого молока детского питания, концентратов безалкогольных напитков, производства пива, кваса (путем применения концентратов пивного и квасного сусла), спирта для производства водки необходимо организовать производство легкой воды¹ (окиси протия).

7. Для обеспечения получения удобной формы потребления отрубей злаковых необходима организация производства отрубей, производимых на легкой воде в виде печения² без высокотемпературного воздействия.

Здоровое выживание в условиях постоянного воздействия физических факторов окружающей среды, кроме того, должно формироваться и постоянно поддерживаться активной деятельностью человека комплексом физических и интеллектуальных нагрузок.

Это может достигаться при условии гармоничного сочетания интеллектуальной и физической деятельности, как повествуется в древних трактатах врачебной науки Тибета так, чтобы «труд умственный не утомлял центральной нервной системы, как часть тела, а труд физический не задерживал бы проявления умственных способностей» [4, с. 443]. Этому должно способствовать воспитание человека, подготовка его с детского возраста к самостоятельной взрослой жизни.

Следовательно, составляющая здорового образа жизни кроме питания должна определяться необходимостью регулярного включения в распорядок дня физических нагрузок. Это необходимо, прежде всего, потому, что физические нагрузки формируют оптимальный режим отвода продуктов собственной жизнедеятельности, начиная с клеточного уровня, каждого органа и кончая освобождением от них всего организма. Что является важнейшими условиями здорового функционирования организма.

Степень эффективности движений для обеспечения отвода продуктов жизнедеятельности на клеточном уровне зависит от уровня личной заинтересованности исполнителя, что может быть сформировано необходимостью решения определенных задач, требующих концентрации высокого уровня сосредоточенности собственного внимания занимающегося на их решения. Этому требованию отвечает игровая форма организации нагрузок. Среди них важное место занимает баскетбол.

Традиционно сложилось так, что баскетбол сформировался, прежде всего, как одна из самых низкотравматичных форм нагрузок. Это определяется строгостью правил заложенных изначально при создании этой игры, предусматривающих строгое наказание даже за незначительное прикосновение к сопернику.

Кроме того, баскетбол способствует, прежде всего, развитию процессов функционального развития организма, обеспечивающих его адаптацию к физическим нагрузкам и повышению общей работоспособности. Длительная нагрузка прерывисто переменного характера способствует совершенствованию деятельности сердечнососудистой системы, укрепляет сердце, развивает легкие и формирует грудную клетку детей и подростков. Повышенная интенсивность и разнообразие физических нагрузок стимулирует развитие опорно-двигательного аппарата, ускоряет рост тела в длину, совершенствует нервно-мышечную систему и укрепляет мускулатуру тела. Высокий уровень динамики игровых событий определяет формирование высокой скорости ориентировки и принятия решения в сложных условиях сложившейся обстановки, что необходимо каждому в повседневной жизни от водителя, летчика, оператора до премьер-министра и президента страны. Кроме того, командная форма игры и требование вести борьбу в рамках правил способствует развитию высоких нравственных качеств. Сам режим спортивных занятий способствует и воспитанию дисциплины, трудолюбия, коллективизма, уважения к сопернику и отрицанию возможности достижения победы любой ценой, только за счет своих личных преимуществ, приобретаемых упорным трудом на тренировках под руководством опытных и квалифицированных тренеров [14].

Для баскетбола, как и любой формы деятельности, характерно постоянное развитие и совершенствование. Дочерняя игра баскетбола «Питербаскет» не только сохранила все достоинства баскетбола, но и повысила зрелищность и заинтересованность игроков за счет исключения необходимости проведения подготовительных действий для решения главной задачи поразить кольцо баскетбольным мячом. Она расширила возрастной диапазон занимающихся баскетболом от двух-трех лет до 60–80 лет и более. Обеспечила высокую привлекательность и для людей с ограниченными возможностями (инвалидов-колясочников)³.

Предлагаемая форма подхода к проблемам здоровья годится не только для спортсменов, но и для каждого человека.

Оптимальное питание, обеспечивающее организм необходимыми компонентами и стимулирующее естественный процесс регулирования концентрации тяжелой воды в организме, организация игровых форм проведения физических нагрузок обеспечат не просто здоровый образ жизни, но и формирование последующих поколений, способных решать самые разнообразные и сложные задачи бытового, производственного и государственного характера.

¹ В результате исследований и ОКР получены результаты по производству легкой вода (практически чистой окиси протия) с низким уровнем энергетических затрат порядка 0,08 кВт·ч на 1 литр легкой воды.

² Экспериментальные образцы печеня из отрубей получены путем производства замесов отрубей на легкой воде, формовании круглого сечения печеня диаметром 30 мм и толщиной 4–5 мм. Сушка производилась при температуре не превышающей 60°C.

³ Несмеянов А.А., Несмеянов Д.А., Несмеянов П.А. и др. Патент на полезную модель № 92802. «Площадка для спортивной игры с мячом в радиальный баскетбол «Грандпитербаскет» 2010 г.

Особенно важным достоинством игры в питербаскет является возможность ею заниматься у людей в широком возрастном диапазоне, что не только обеспечивает формирование позитивных навыков, физического состояния, черт характера еще в раннем детстве, но и постоянное их поддержание на высоком уровне путем ежедневного кратковременного многократного повторения занятий в течение всего по 10–15 минут.

Учитывая большой комплекс мероприятий и общегосударственную значимость поднимаемых вопросов все это можно успешно реализовать в сжатые сроки только при содействии, поддержке и материальном обеспечении на государственном уровне.

Достоверность изложенного имеет подтверждения на примерах собственных экспериментальных работ по управлению вегетационным процессом развития растений с целью обеспечения сокращения сроков развития и повышения урожайности [15], канонами тибетской и индийской медицины. Кроме того, подтверждения ярко просматриваются и на примерах восстановления здоровья (успешного лечения) многих тысяч пациентов представителями натуральной гигиены (натуропаты: Уильям Говард Хей, Бирхер – Беннер, Герберт Шелтон, Поль Брэгг, Михаэль Горен и др.).

Важными в этом плане являются и результаты исследований А.Л. Чижевского и Лобышева В.Н. и Калиниченко Л.Л., показавших, что и флуктуации энергетических факторов на Солнце и повышение концентрации тяжелой воды действуют на организмы угнетающе, прежде всего, на центральную нервную систему [3, с. 13, 15; 17, с. 732; 18, с. 502]. Обратимость же этих процессов (если состояния организмов еще не достигли необратимого уровня), представляют собой еще более ценные сведения, четко определяющие возможности и пути государственного управления здоровьем [3, 15, 24; 17, с.с. 186–187, 319].

Немаловажную роль в понимании и оценке пищи на формирование характера и мировоззрения у человека [20, с. 3] играет и отработанный тысячелетиями рацион питания человека, к тому же, закреплённый в канонах православной церкви. По нему разрешенными для потребления в течение всего года являются такие продукты как все мучное, каши, картофель, репа, брюква, свекла, хрен, редька, чеснок, лук морковь, капуста, горох, бобы, чечевица, фасоль, грибы, яблоки, груши, ягоды и т.д. По данным Института питания России большинство из них относятся к носителям растительной клетчатки [19, с. 80–81].

Основные положения данного направления были изложены на многих международных и всероссийских форумах, на страницах Интернета¹, в заявочных материалах на получения трех дипломов на открытия, двух свидетельств на научные гипотезы, патентами на изобретение и промышленный образец.

Даже только придание статуса стратегического продукта хлебу (как было во времена СССР), начало его выпечки на всей территории России и выработка у населения навыков пользоваться им постоянно заложит основание движения к системному подходу к проблемам формирования и поддержания здорового выживания человека в течение всей жизни. Позволит приблизиться к логическому завершению решений демографической проблемы за счет повышения количества рождаемости и вскармливания здоровых детей². Практическое применение всего комплекса затронутых вопросов обеспечит формирование и поддержание здоровых поколений населения страны в течение всей жизни.

Список литературы

1. Брехман И.И. Валеология – прямой путь к здоровью. – Владивосток: Академия наук СССР. Дальневосточное отделение. Тихоокеанский океанологический институт, 1991.
2. Костенко М.В. Парадигма устойчивого развития; биоэлектромагнитная и информационная экология и высшее образование. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный технический университет, 1999.
3. Лобышев В.Н., Калиниченко Л.Л. Изотопные эффекты D2O в биологических системах. – М.: Наука, 1978.
4. Раздельное питание / Подгот. текста Н.Е. Макарова. – Минск: ООО «ХАРВЕСТ», 1998.
5. Несмеянов Н.А. Здоровье – проблема тысячелетий // Вестник МАИСУ. – СПб., 2002. – № 2.
6. Лаврик С.С., Когут Г.И. Кровь, холод и жизнь. – Киев: Наукова думка, 1984.
7. Габуда С.П. Связанная вода. Факты и гипотезы. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982.
8. Левин С.В. Структурные изменения клеточных мембран. – Л.: Наука, 1976.
9. Жоголев К.Д. и др. Хитозан. – Санкт-Петербург, 2000.
10. Синоков В.В. Вода известная и неизвестная. – М.: Знание, 1987.
11. Ивахнюк Г.К., Доильницын В.А., Пименова М.А. и др. Закономерность изменения величины адсорбции из жидких фаз нанопористыми структурами от температуры. Диплом № 287. Научные открытия (сборник кратких описаний научных открытий, научных идей, научных гипотез – 2005). – М.: РАЕН, МААНОИ. 2006.
12. Семенова Н. Счастье жить в чистом теле. – Санкт-Петербург: ДИЛЯ, 1999.
13. Брехман И.И. Что противопоставить вредному действию алкоголя. – Владивосток: ТОО «ФАРМНАУКА», Научно-информационный центр валеологии, АО «Уссурийский бальзам», «Дальпресс», 1994.
14. Портных Ю.И., Фетисова С.Л., Несмеянов А.А. Доступный каждому баскетбол. – Санкт-Петербург, 2011.
15. Несмеянов Н. А., Несмеянов И. А., Несмеянов А. А. Природа всегда правдива. – Санкт – Петербург: Нордмед Плюс, 2003.
16. Несмеянов Н.А. О хлебе и воде. Взаимосвязь состояния здоровья и технологических приемов подготовки продуктов питания // Личность и культура. 2014. – № 1.
17. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Мысль, 1995.
18. Чижевский А.Л. На берегу вселенной. Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. – М.: Мысль, 1995.
19. Михайлов В.С., Трушкина Л.А. Могильный Н. П. Культура питания и здоровье семьи. – М.: Профиздат, 1987.
20. Моисеева Н.И. Естественный КАЛЕНДАРЬ питания на Руси. – Санкт- Петербург: АО Сфера, 1994.

¹ Питербаскет: Сообщение на IV Невском международном экологическом... – piterbasket.com/publ/1268.shtml; Питание и движение – это здоровье // Материалы I Всероссийского конгресса... – sportmedicine.ru/medforsport...papers/nesmeyanov.php

² При приготовлении молочных смесей для кормления младенцев необходимо добавлять олигосахариды, экстрагированные из семян злаковых (novostioede.ru/article/o_polze...oligosakharidy).

Сауткина В.А.

к.и.н., с.н.с. ИМЭМО РАН

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, УГРОЗЫ И РИСКИ

Ключевые слова: *система здравоохранения, уровень общественного здоровья, угрозы и риски в области здравоохранения.*

Реализация задач, поставленных в Стратегии Безопасности, проходит в условиях, когда Россия, наряду с другими странами мирового сообщества, стоит перед долговременными системными вызовами, отражающими как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития. Одним из таких вызовов является неуклонный рост всего комплекса услуг, необходимых для обеспечения высокого уровня национальных систем здравоохранения. В обществе все острее ощущается наличие противоречия между запросами граждан на качество оказываемых медицинских услуг и реальными финансовыми возможностями их реализации. В целях достижения таких трудно совместимых задач приходится осуществлять целый ряд социальных реформ, направленных на создание постоянно действующего механизма, способного безболезненно оптимизировать расходы в данной сфере. Однако добиться подобного результата возможно лишь при гармоничном распределении ролей между государством и всеми участниками, заинтересованными получить хороший результат от подобного рода реформ. Для России, где и ранее система здравоохранения не достигала высоких стандартов, снижение качества и уровня доступности медицинской помощи, может оказаться критическим особенно для малообеспеченных слоев населения. Поэтому снижение социального статуса все большего числа российских граждан является одним из самых существенных рисков, связанных с реформированием социальной сферы.

В сентябре 2012 на шестьдесят второй сессии Европейского регионального комитета ВОЗ были разработаны и утверждены основные ориентиры политики в области общественного здравоохранения Здоровье–2020 для достижения их к 2020 г. По мнению экспертов, основные усилия стран-участниц необходимо направить на снижение преждевременной смертности, рост ожидаемой продолжительности жизни, сокращение масштабов неравенства в отношении здоровья, повышение уровня благополучия и всеобщего охвата услугами медико-санитарной помощи, а также «объективно демонстрируемое наращивание усилий по постановке целевых ориентиров на страновом уровне»¹. Предполагается, что на основе данных, собираемых в каждой из стран-участниц, периодически будут формироваться отчеты, содержащие промежуточные результаты. Например, данные об увеличении расходов на общественное здравоохранение или укрепление законодательных мер, на охрану общественного здоровья. Однако для того, чтобы достоверно отразить реальное положение дел, отражающее продвижение к намеченным ориентирам, необходимо подобрать оптимальную комбинацию индикаторов, фиксирующих причинно-следственные связи между конкретными действиями и последующими результатами. В целях проведения соответствующего мониторинга по ряду индикаторов даны исходные значения, отражающие данные, представленные в Европейское региональное бюро ВОЗ из 53 государств-членов Региона. Одним из важных показателей, отражающих уровень общественного здоровья в той или иной стране, является средняя продолжительность жизни. По итогам, представленным в докладе ВОЗ за 2014, в мире наблюдается устойчивая тенденция к увеличению средней продолжительности жизни как среди развитых стран с высоким уровнем доходов, так и в странах развивающихся, где статистика показывает особенно высокий скачок по сравнению с 1990 годом. Однако в России пока этот важный показатель, отражающий качество жизни населения, практически остается на прежнем уровне. Рост составил лишь 0,2 года, в то время как в других странах с высоким уровнем дохода, к которым статистика в данном случае относит и Россию, средний показатель составил немного выше 5 лет. В итоге средняя продолжительность в России осталась на уровне 1990 года – 69 лет. Мужчины, в среднем, по-прежнему живут 63 года, а женщины стали жить на один год больше – 75 лет². Одной из причин преждевременных смертей мужчин в трудоспособном возрасте в России является алкоголизм. По данным обследований, которые проводились в типичных российских городах, только с 1990 по 2001 годы потери от алкогольной пандемии составили около 7 млн. Переломить такое положение не удастся вплоть до настоящего времени³. Множество проблем как социального, так и медицинского характера остаются не решенными. Не восстановлена система доступной помощи и реабилитации людям, страдающим от алкогольной зависимости, практически отсутствует антиалкогольная реклама и пропаганда здорового образа жизни. Ничем не ограничивается беспрецедентная активность торговцев алкогольной продукцией.

¹ Европейский региональный комитет. Шестьдесят вторая сессия. Мальта, 10–13 сентября 2012 г. – http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0003...RC62wd09...

² Мировая статистика здравоохранения 2014 г.: значительный рост продолжительности жизни, но не в России. – <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=59059>

³ Zaridze D., Brennan P., Boreham J., Boroda A., Karpov R., Lazarev A., Konobeevskaya I., Igitov V., Terechova T., Boffetta P., Peto R. Alcohol and Cause-Specific Mortality in Russia: a Retrospective Case-Control Study of 48 557 Adult Deaths // The Lancet. 2009. – Vol. 373, June 27, issue 9682. – P. 2201–2214.

Практика показывает, что полученные большими усилиями достижения в области здоровья нации могут быть в короткое время утрачены по причине нестабильности экономики, плохого управления социальной сферой и для перелома в лучшую сторону необходимо прилагать значительные усилия. Для того чтобы такие усилия были экономически обоснованными и эффективными, важно было наладить постоянный мониторинг и контроль за состоянием здоровья населения. Согласно с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения» органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в первом квартале ежегодно представляют в Правительство Российской Федерации «Доклад о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения по итогам деятельности за отчетный год», который представляет собой подробный свод показателей, отражающих как медико-демографическое состояние населения, так и фактическое финансовое обеспечение бесплатной медицинской помощи в рамках предусмотренных законом.

По данным Отчета за 2013 год, представленного в 1 квартале 2014 года, в стране наметились положительные тенденции, отражающие некоторое улучшение медико-демографических показателей. Впервые уровень рождаемости превысил уровень смертности.

За 2013 год по сравнению с аналогичным периодом прошлого года число детей, умерших в возрасте до 1 года, снизилось – на 4,7% (или на 763 ребенка) и составило 15 476 (в 2012 году – 16 291).

За 12 месяцев 2013 года материнская смертность снизилась более чем на 5% по сравнению с показателями 2012 года. Это минимальный уровень за всю историю страны: в советский период здравоохранения материнская смертность была более чем в 4 раза выше – 44,8 против 11,3 на 100 тысяч родившихся живыми в 2013 году. Во многих субъектах РФ отмечается снижение смертности от самых опасных болезней, уносящих жизни россиян: туберкулеза, болезней систем кровообращения, новообразований. В результате таких положительных тенденций, по данным Росстата за 2013 год в России вырос на 0,53 года и составил 70,8 года показатель ожидаемой продолжительности предстоящей жизни при рождении (ОПЖ). У женщин, родившихся после 2005 года, ОПЖ достигла исторического максимума для нашей страны – 76,6 лет. У мужчин пока остается чуть выше 65 лет. Но при этом прирост продолжительности жизни у мужчин превысил прирост продолжительности жизни у женщин более чем в два раза, что позволяет прогнозировать положительную динамику.

Однако в целом по РФ в 2013 году зафиксирован рост общей заболеваемости: по сравнению с 2008 годом он составил 3,3%. В частности, в 2013 году по сравнению с 2008 годом отмечается рост болезней эндокринной системы, расстройств питания, нарушений обмена веществ (+15,3%), новообразований (+13,0). Нужно отметить, что такие негативные тенденции напрямую связаны и с другими показателями качества жизни российских граждан (качество питьевой воды, продуктов питания, загрязнения окружающей среды)¹.

Финансирование. Оказание медицинской помощи населению РФ финансируется на основании территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. В 2013 году медицинская помощь населению была оказана в соответствии с Программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 22 октября 2012 г. № 1074. Расходы на финансирование территориальных программ в 2013 году составили 1 646,0 млрд. рублей. Это выше соответствующих расходов 2012 года (1 307,0 млрд. рублей) на 25,9%².

В Стратегии Безопасности к главным угрозам национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации относятся «возникновение масштабных эпидемий и пандемий, массовое распространение ВИЧ-инфекции, туберкулеза, наркомании и алкоголизма, повышение доступности психоактивных и психотропных веществ»³.

Решать проблемы повышения качества и доступности медицинского обслуживания предстоит за счет использования перспективных информационных и телекоммуникационных технологий, государственной поддержки перспективных разработок в области фармацевтики, биотехнологий и нанотехнологий, а также модернизации экономических механизмов функционирования здравоохранения и развития материально-технической базы государственной и муниципальной систем здравоохранения с учетом региональных особенностей.

Для обеспечения финансовой и административной поддержки всего этого комплекса направлений необходим соответствующий пакет документов. В частности разработан проект Концепции федеральной программы «Развитие инновационных медицинских технологий на период до 2020 года».

Уже в настоящий момент в стране имеются значительные достижения в этой сфере. В качестве примера можно привести первый в стране международный Центр регенеративной медицины в Краснодаре, где созданы методики тканевой инженерии для выращивания трахеи и идут работы по созданию искусственного легкого, разрабатываются подходы к биоинженерному созданию клеток кожи. Благодаря таким технологиям, можно не только избежать пересадки донорских органов, но и при необходимости получить их в необходимой форме и размере. Однако одним из существенных рисков является доступность высокотехнологичной помощи для широких слоев населения. По мнению экспертов, по многим направлениям существует лишь видимость доступности такой помощи посредством ее оплаты через ОМС. На самом деле многие виды услуг оплачиваются на коммерческой основе, весь процесс реформирования отрасли проходит «кулуарно» вне зоны контроля со стороны общества⁴. В результате мы имеем и будем иметь: неце-

¹ Доклад о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения по итогам деятельности за 2013 год. – http://www.minzdravrf.ru/doklad_zdor_2013.doc

² Там же.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации... – <http://www.tpp-inform.ru/userdata/1303815439.pdf>

⁴ Критика реформы здравоохранения. – <http://www.NetReform.org/tag/kritika-reformyi>

левое использование бюджетных средств в больших масштабах; систему поборов за уже оплаченные через ОМС услуги; появление на рынке контрафактных лекарств и т.д. Отсутствие механизма реального контроля над этим процессом со стороны общества (потребителей медицинских услуг) является одним из самых опасных рисков дальнейшего развития системы здравоохранения.

Соболева С.В.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

Чудаева О.В.

н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ¹

Ключевые слова: депопуляция, демографическая политика, рождаемость, аборт, возрастная структура, старение населения, трудовые ресурсы.

Демографический фактор всегда играл фундаментальную роль в истории любого государства. В связи с длительной депопуляцией в России демографическая ситуация приобрела значение важнейшего геополитического и стратегического фактора, определяющего будущее страны, возможность самого ее существования.

После распада СССР наша страна много лет находилась на первом месте в мире по абсолютным и относительным показателям естественной убыли населения (рис. 1). Ни одна другая страна даже близко не имела таких потерь населения в «мирное» время. Однако, начиная с 2006 г., в России наблюдалась положительная динамика демографических показателей, что было связано как с общим улучшением в результате оживления экономики, так и с повышенным вниманием, оказанным демографической и социальной сфере, а также со структурными факторами. Естественная убыль стала сокращаться весьма быстрыми темпами и составила в 2012 г. всего – 4,3 тыс. человек (в 2011 г. – 129 тыс. человек), в то время как еще 10 лет назад она превышала 900 тыс. По результатам 2013 г. Россия впервые за последние 22 года вышла на положительный естественный прирост – 24 тыс. человек. В 2014 г. позитивная тенденция сохранилась.

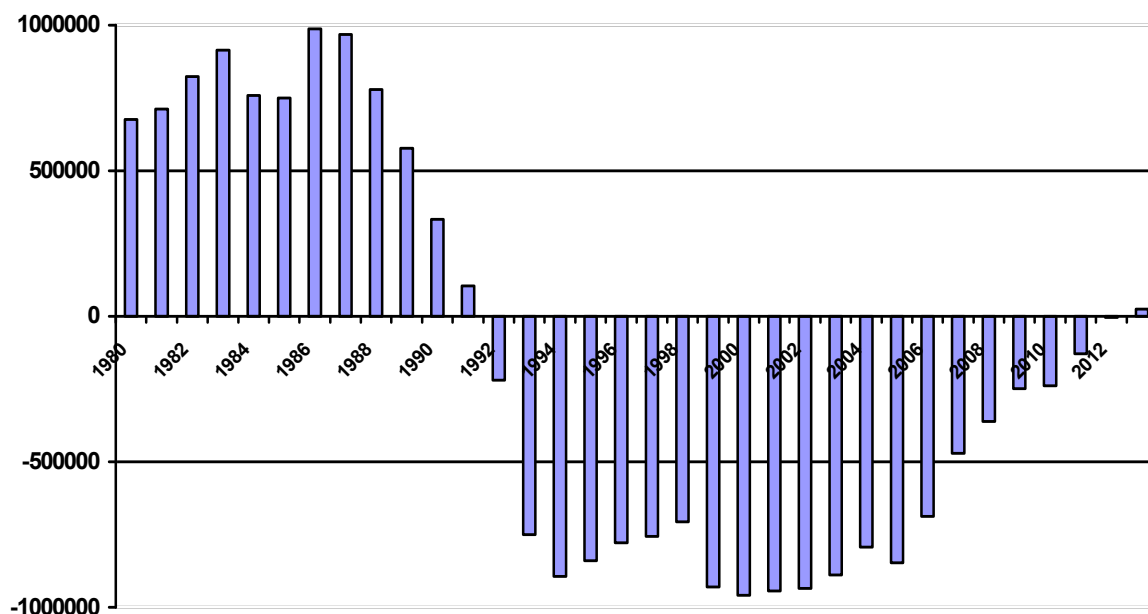

Рисунок 1.

Динамика естественного прироста населения России за 1980–2013 гг., человек

В соответствии с подписанной президентом В.В. Путиным в октябре 2007 г. Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года на первом этапе (2007–2010 годы) ставилась цель преодоления сложившихся негативных тенденций демографического развития. В результате реализации мероприятий первого этапа предполагалось снизить темпы естественной убыли населения и обеспечить миграционный прирост, что и было успешно осуществлено, даже на фоне экономического кризиса, в том числе благодаря усилению, а не свертыванию мер социальной поддержки.

На втором этапе (2011–2015 годы) планировалось продолжить осуществление мероприятий по стабилизации демографической ситуации.

¹ Статья подготовлена по плану НИР Института экономики и организации промышленного производства СО РАН в рамках приоритетного направления IX.93. (проект IX.93.1.1) и приоритетного направления IX.87 (проект IX.87.1.3).

На третьем этапе (2016–2025 годы) предусматривается на основе оценки влияния реализуемых проектов и программ на демографическую ситуацию проводить мероприятия по упреждающему реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране в связи с неблагоприятной возрастной структурой населения. Вследствие значительного уменьшения к началу третьего этапа численности женщин репродуктивного возраста потребуются принять дополнительные меры, стимулирующие рождение в семьях второго и третьего ребенка. В целях замещения естественной убыли населения в результате возможного сокращения числа родившихся предстоит активизировать работу по привлечению на постоянное место жительства в Российскую Федерацию иммигрантов трудоспособного возраста.

В последние годы все показатели (см. табл. 1) демонстрируют тенденцию к росту. Таким образом, планы демографического развития России в соответствии с Концепцией пока успешно выполняются и даже перевыполняются. Хотя, следует честно это признать, когда разрабатывалась Концепция, мало кто из специалистов-демографов верил в осуществление этих планов. Многие называли их маловероятными, несерьезными, наивными и даже утопическими, а снижение численности населения необратимым. Слишком масштабной была демографическая яма 90-х даже по сравнению с военными годами. Поэтому впечатляющие успехи России последних лет в этой сфере имеют еще и очень большое психологическое значение. Это пример и для других сфер того, что мы можем решать самые сложные задачи и в самые короткие сроки вопреки мнению многочисленных скептиков.

Таблица 1

Соотношение текущих и целевых показателей демографического развития России

Показатели	Целевые показатели к 2016 г.	Целевые показатели к 2025 г.	Текущие показатели (данные за 2013 г.)
Численность населения, млн. человек	142–143	145	143,667 (оценка на начало 2014 г.)
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	70	75	70,8
Увеличение по сравнению с 2006 г. суммарного коэффициента рождаемости, раз	1,3	1,5	1,32
Миграционный прирост в год, тыс. чел.	200	300	296

Столь быстрые положительные результаты оказались совершенно неожиданны как для отечественных, так и для западных специалистов. Следует отметить, что ни в одном варианте прогноза Росстата до 2011 г., включая самые оптимистичные, не предусматривался даже нулевой естественный прирост для России, тем более в столь короткие сроки.

А вот что совсем недавно нам пророчили западные ученые. Русская служба Би-би-си (Вашингтон) в обзоре «Ученые США: Россия стремительно вымирает»¹ в 2010 г. приводила мнение профессора Американского института предпринимательства Николаса Эберштадта, автора книги «Демографический кризис России в мирное время»: «Это не просто обширный демографический кризис, это далеко идущий всепроникающий кризис человеческих ресурсов». Н. Эберштадт считал, что, несмотря на все признаки надвигающейся катастрофы, политическая элита России еще не осознала масштаба происходящих изменений. В ближайшие двадцать лет проблема быстрого сокращения трудоспособного населения скажется на всех сферах жизни российского общества. Из-за резкого демографического кризиса России придется пересмотреть свое место на мировой арене, а возможно, даже свое политическое устройство и географические границы.

Еще более категоричен был Эндерс Уимбуш, старший вице-президент Института Хадсона, много лет занимающийся российскими исследованиями: «Пути назад нет, вряд ли Россия будет спасена или спасет себя сама от такого истощения человеческого капитала, которое сделает ее неконкурентоспособной или даже нежизнеспособной». Как следствие, считал Уимбуш, такая страна, как Россия в ее нынешнем виде, очень скоро может вообще перестать существовать. Он также предсказывал, что место России на мировой арене принципиально изменится.

Таким образом, усилия, приложенные для улучшения демографической ситуации как на государственном, так и на региональных уровнях, оказались вовсе не бесполезны, а наоборот, даже более результативны, чем ожидалось. А ведь некоторые скептики, в том числе специалисты демографы, еще не так давно утверждали, что убыль населения необратима, что совершенно бесполезно вкладывать средства в повышение рождаемости россиян, и сохранять численность населения возможно только за счет миграции из других стран. Хотя поддержание численности за счет замещающей российское население внешней миграции не решает демографических проблем, а только усугубляет ситуацию, вдобавок повышая многочисленные риски межэтнических и межконфессиональных конфликтов, роста этнической преступности и т.д., что значительно ослабляет государство вплоть до возможности его распада.

В.В. Путин на заседании Совета по реализации приоритетных нацпроектов и демографической политики 26 февраля 2013 г., посвященного мерам, направленным на улучшение демографической ситуации в России², сказал: «В своё время некоторые эксперты считали, что невозможно увеличить рождаемость с помощью господдержки. Но, наверное, не только господдержка сыграла определённую роль, но она не в последнюю очередь, это очевидно. Отдельные наши коллеги, международные эксперты, в том числе работавшие по линии ООН, предсказывали вообще достаточно тяжёлые времена для России. По прогнозу экспертов ООН, который был сделан в 2000 году, население России к настоящему времени должно было бы сократиться до 133 миллионов человек. То есть нам пророчили, по сути, необратимое вымирание. Мы не дали себя деморализовать такими прогнозами, запустили системные демогра-

¹ http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/08/100806_russia_demography_us_research.shtml

² <http://kremlin.ru/transcripts/17586>

фические проекты, и сегодня население России, как вы знаете, 143 миллиона человек – на десять миллионов больше, чем предсказывали эти самые эксперты. Десять миллионов жизней – это успех. ... Рождаемость в России продолжала расти даже на фоне экономического кризиса, причём увеличилось число именно вторых и третьих рождений: доля вторых рождений выросла с 30 с небольшим процентов в 2007 году до 36,6 процента в 2012 году, а доля третьих – с 7,6 в 2007 до 10,8 в 2012 году. В то же время мы видим и серьёзные демографические вызовы в предстоящие десятилетия. Решать поставленные задачи придётся в сложных условиях. Но, глубоко убеждён, наши активные целеустремлённые шаги по поддержке семьи – это именно то, чего сегодня ждут от нас наши граждане».

Хорошо, что власть в лице президента понимает всю серьёзность демографической ситуации, несмотря на достигнутые несомненные успехи, и готова активно действовать и в будущем. Впереди нас ждут трудные времена, накладыывающиеся на глобальную нестабильность.

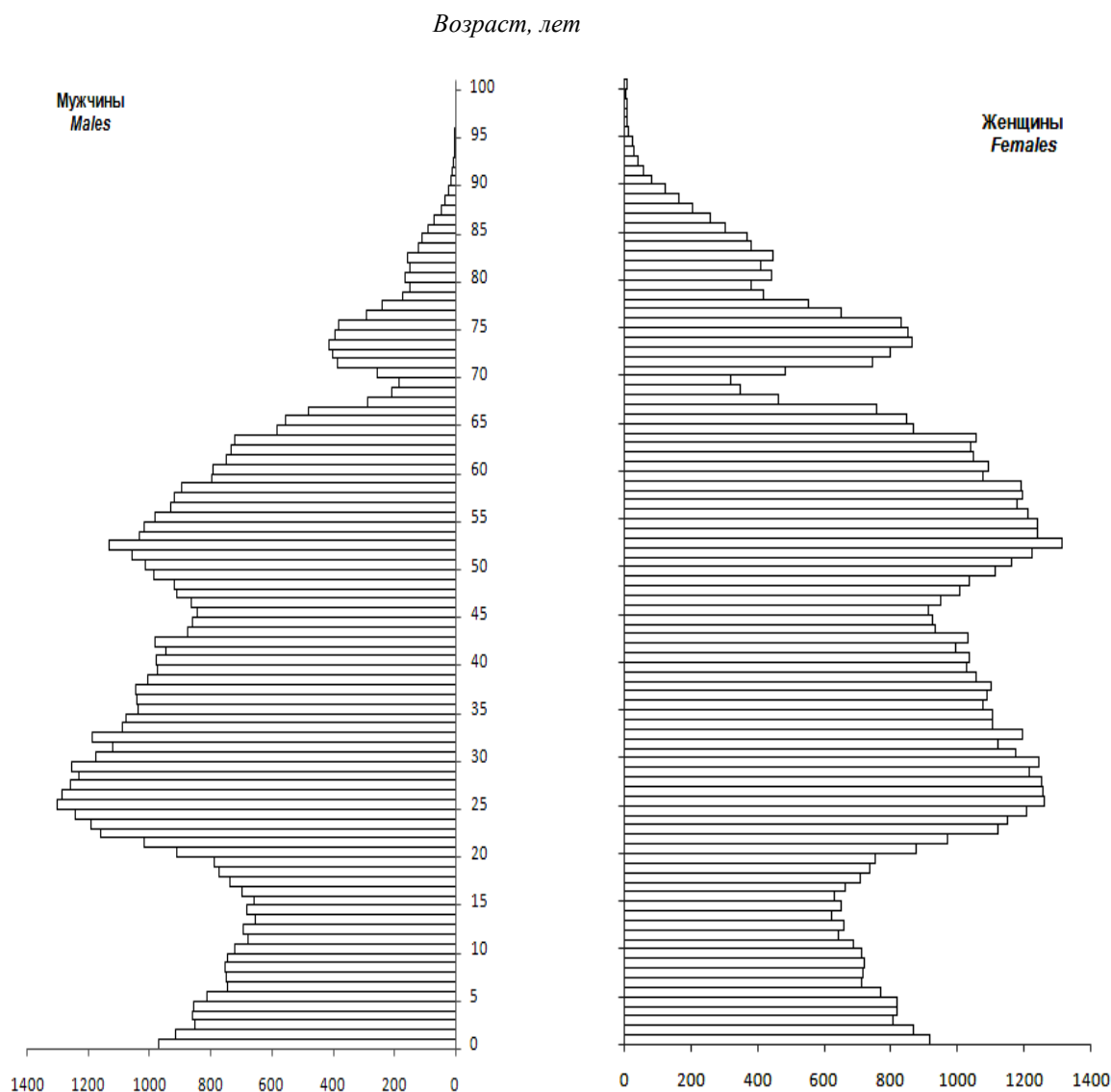

Рисунок 2.
Половозрастная структура населения России на начало 2013 г. (тыс. чел.).

До недавнего времени борьбе с депопуляцией существенно помогала возрастная структура населения: пополнение самых активных репродуктивных контингентов шло за счет относительно высокой рождаемости 80-х годов – наследия «застойного», как нам старательно внушали, СССР, а в возраст старше трудоспособного вступали относительно малочисленные рожденные в годы войны (рис. 2).

Здесь следует заметить, что 80-е годы отнюдь не самые худшие с точки зрения демографии, напротив, они ярко продемонстрировали действенность пронаталистской политики государства начала 80-х гг. и антиалкогольной кампании 1985–1987 гг., правда быстро свернутой, видимо по причине ее чрезвычайно высокой эффективности (см. рис. 1). Ежегодный естественный прирост составлял в 1986–1987 гг. почти 1 млн. человек, ожидаемая продолжительность жизни достигла максимума за всю обозримую историю России (см. рис. 3), а рождаемость впервые с начала 1960-х гг. вышла на уровень простого воспроизводства (см. рис. 4).

Соответственно даже при условии той же интенсивности рождаемости и смертности происходил рост числа родившихся и сокращение числа лиц старше трудоспособного возраста, на которых приходится большинство умерших.

Образно говоря, в движении по преодолению депопуляции в наши паруса дул попутный ветер. В настоящее время в связи с особенностями российской возрастной структуры населения, которая всегда играет большую роль в демографических процессах, происходят значительные изменения: активные репродуктивные контингенты пополняются за счет малочисленных родившихся в 1990-х годах, а в возраст старше трудоспособного вступают относительно многочисленные родившиеся в годы послевоенного роста рождаемости (см. рис. 2). В 2025 г. в России будет почти в два раза меньше женщин самых активных фертильных возрастов (20–30 лет), чем в 2010 г. Таким образом, в ближайшие годы даже для того, чтобы удержаться на нулевом естественном приросте, придется значительно увеличить усилия.

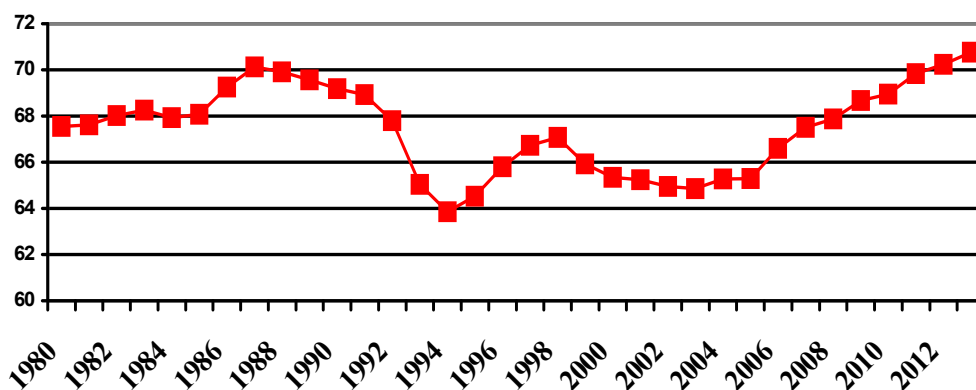

Рисунок 3.

Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения России за 1980–2013 гг., лет

Конечно, выход на положительный естественный прирост после длительного периода депопуляции должен расцениваться как весьма впечатляющий успех, однако он может оказаться кратковременным. Слишком сильное и долговременное негативное воздействие на демографическую сферу оказали реформы 1990-х годов (см. рис. 1).

Заметим, что по мнению некоторых специалистов, в частности А. Антонова, *демографический кризис связан с политическими и социально-экономическими реформами в стране, инициированными и проводившимися под контролем Запада, которые и были направлены на депопуляцию населения*¹. И улучшения в демографической сфере с 2006 г. связаны, в том числе, с постепенным отходом России от прозападного курса и обретением самостоятельности, заботой о своих национальных интересах.

В России за 1987–1993 гг. количество родившихся за год упало почти вдвое (до 55%), а количество умерших выросло почти на 40%. И если последствия всех предыдущих многочисленных катастрофических воздействий XX в. — войн, голода, в том числе в результате насильственной коллективизации начала 1930-х гг., сопровождавшихся разрухой, перемещением огромных масс людей и эпидемиями, оказавших сильнейшее негативное влияние на рождаемость и смертность и надолго оставивших свой след на половозрастной пирамиде нашей страны, были преодолены в кратчайшие сроки за счет традиционно высокой рождаемости, то последствия политики 1990-х годов еще далеки от преодоления и сегодня (см. рис. 1, 2). Положительные тенденции весьма неустойчивы и не дают основания для успокоения.

Ожидаемая продолжительность жизни в России в 2012 г. достигла наивысшего показателя за всю историю, превзойдя дореформенный максимум 1987 г. (70,1), и составила 70,2 года (рис. 3). В 2013 г. она еще увеличилась до 70,8 года.

Однако ситуация с рождаемостью, несмотря на также положительную динамику, еще далека от ситуации того же 1987 г. Уровень рождаемости обеспечивал в России по данным за 2012 г. только 80% от уровня простого воспроизводства (рис. 4). Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину за репродуктивный период) составил 1,7, вместо необходимого 2,15, причем в городе он еще меньше — 1,5. Вместе с тем следует отметить, что с 2012 г. рождаемость сельского населения России впервые с 1992 г. превысила уровень простого воспроизводства с суммарным коэффициентом рождаемости равным 2,2 и продолжает расти быстрее, чем в городе.

Таким образом, *депопуляция может возобновиться с новой силой и нужно быть готовыми к этому. Необходимо значительно усиливать меры поддержки рождаемости*. Нисколько не преуменьшая значение высокой смертности, все-таки ключевой составляющей депопуляции следует считать низкую рождаемость. Поскольку если поколения детей малочисленнее поколений родителей на протяжении некоторого времени, то рано или поздно с неизбежностью наступит депопуляция — количество умерших будет превышать количество родившихся.

С другой стороны, ближайшие годы — последний наиболее благоприятный период для активизации мер государственной поддержки семей с детьми. В настоящее время в России имеется наибольшее количество молодежи самых активных репродуктивных возрастов (рис. 2).

Кроме того, это последнее поколение, в котором более половины были детьми второй и последующей очередности рождения. Они в большей степени, чем единственные в семье дети, являются носителями ценности двух-трехдетной семьи. После 2010 г. вступают в репродуктивный период поколения, где преобладают единственные дети.

¹ Заседание Клуба экспертов «Демографическая перспектива», 21.11.2006. — http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=1&idArt=643

Рисунок 4.
Динамика суммарного коэффициента рождаемости в РФ за 1981–2013 гг.

Для того чтобы в долгосрочной перспективе наше население не убывало, необходимо, чтобы на смену двум родителям приходили двое детей, то есть суммарный коэффициент рождаемости был не менее 2,15 – это уровень простого воспроизводства населения при текущей смертности. Однако из-за особенностей российской половозрастной пирамиды, даже если мы в самое ближайшее время каким-то чудесным образом достигнем суммарного коэффициента рождаемости 2,15, т.е. воспроизводить себя будут только репродуктивные контингенты, у нас еще много лет будет идти депопуляция за счет накопленного неблагоприятного для воспроизводства потенциала из-за того, что будут вымирать старшие, более многочисленные поколения (см. рис. 2). Следовательно, нужно, чтобы суммарный коэффициент рождаемости был еще выше. Отсюда приходим к выводу, что *целевым ориентиром для нашей демографической политики должна стать семья с 3–4 детьми*, так как только такая семья способна вытащить Россию из трясины депопуляции. Именно такая семья должна получить наибольшую экономическую и моральную поддержку со стороны государства и общества.

Однако данные социологических обследований еще не так давно показывали снижение ценности семейного образа жизни, ослабление потребности в двух и более детях, благоприятное отношение к одноплодности и явное повышение ценности бездетной семьи. Например, по данным всероссийского опроса 1600 мужчин и женщин «Левада-центра» в июне 2006 года, среднее число детей, которое семья может себе позволить, составило 1,57. При этом 10% полагали, что лучше не иметь детей вообще, чтобы не ущемлять себя. Результаты переписи свидетельствуют о все большем распространении внебрачных сожительств (табл. 2), что конечно, отнюдь не способствует высокой рождаемости, так как брачное состояние является важнейшим фактором уровня рождаемости. Даже только откладывание регистрации брака, зачастую, ведет к откладыванию рождения детей, которое может и не реализоваться вовсе, например, по причине ухудшения здоровья, развода, экономического кризиса, с сопутствующими ему ростом безработицы или угрозой потери работы, снижением доходов и т.д.

Таблица 2

**Доля состоящих в незарегистрированном браке, по данным переписи населения 2010 г.,
% от числа состоящих в браке**

Возраст, лет	Женщины (18–44 года)	Мужчины (18–59 лет)
До 25	27,6	33,1
25–29	17,4	19,5
30–34	16,2	16,5
35–39	15,2	15,9
40 и старше	13,5	11,8

Другая проблема заключается в том, что все больше людей не только не хотят, но и не могут иметь детей по причине плохого здоровья, в том числе бесплодия. Частота бесплодных браков в России составляет 15–20%. По данным ВОЗ, показатель 15% является критическим, при котором бесплодие может рассматриваться как фактор, значительно влияющий на демографические показатели в стране и представляющий собой серьезную государственную проблему. Важнейшими причинами бесплодия являются перенесенные аборт и заболевания, передающиеся преимущественно половым путем.

Россия стала первой в мире страной, узаконившей аборт. В 1920 г. вышло постановление «Об искусственном прерывании беременности», которое допускало бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности по желанию женщины. В других странах легализация абортов началась гораздо позднее как следствие «сексуальной революции». Так, например, в 1967 г. – в Великобритании, в 1973 г. – в США, в 1975 г. – во Франции и Австрии, в 1976 г. – в ФРГ, в 1978 г. – в Италии. А в некоторых странах, в том числе европейских, они запрещены до сих пор.

Аборты не только весьма существенно (в два и более раза) снижают текущую рождаемость, но и сокращают рождаемость в будущем через рост заболеваемости репродуктивной сферы, в том числе бесплодия и проблем с вынашиванием и рождением детей в будущем, ослабляют здоровье будущих матерей и их новорожденных детей. По закону наше государство, которое более двух десятилетий находилось в состоянии депопуляции, включает данную «услугу» в перечень, финансируемый за счет обязательного медицинского страхования наравне с медицинской помощью в случае беременности, родов и в послеродовом периоде, то есть бесплатно для желающих.

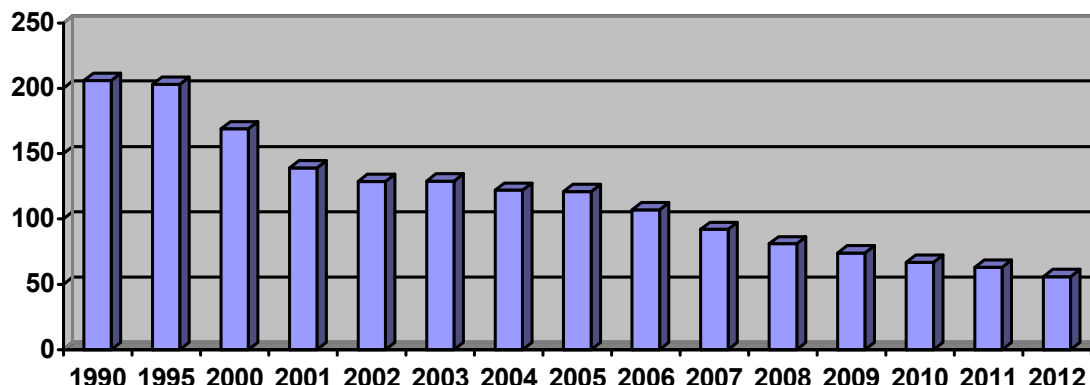

Рисунок 5.
Прерывание беременности (аборт), на 100 родов

Несмотря на уменьшение числа абортов, их количество все еще остается очень большим (рис. 5), а это – важнейший интегральный показатель социального неблагополучия. Только в 2007 г. их число стало меньше числа родов. Причем данные официальной статистики не учитывают абортов, производимых в частных клиниках, в которых прерывание беременности порой на любом сроке – это лишь вопрос уплаченной суммы, а также фармакологических безоперационных абортов на ранних сроках. В 2012 г. в России было произведено 1 064 тыс. абортов (в 1990 г. – 4 103 тыс.), почти 3 тыс. в день, но общество не бьет по этому поводу тревогу.

Если бы удалось сохранить хотя бы часть из этих беременностей, никакой депопуляции бы не было. Оценка демографических потерь, связанных с абортами, показывает огромные резервы восстановления численности российского населения в XXI веке и возможности роста его демографического потенциала.

Среди причин, мешающих рождению ребенка, при наличии желания иметь еще детей, доминируют материальные и жилищные проблемы, общая неуверенность в завтрашнем дне. В современных условиях иметь даже одного ребенка экономически невыгодно. А уж 3–4 ребенка с очень высокой степенью вероятности и надолго повергнут семью в нищету.

Таким образом, несмотря на все принимаемые меры и положительные сдвиги в изменении демографической ситуации, *в числе важнейших задач органов власти остается решение тех проблем современной семьи, которые обусловили существование в нашей стране феномена отложенных рождений: бедности, отсутствия жилья или плохих жилищных условий, отсутствия условий для сочетания трудовой деятельности с родительскими обязанностями, отсутствия полноценной инфраструктуры оказания качественных и доступных для каждой семьи социальных услуг.*

Нельзя сворачивать мероприятия, которые уже доказали свою эффективность. В частности, речь идет о материнском капитале, с предложениями отменить который после 2016 г. выступал Минфин. Наоборот, нужно усиливать и расширять меры поддержки семей с детьми, так как впереди нас ждут очень сложные времена на фоне развивающегося мирового кризиса. Важнейшее отличие материнского капитала от пособий, которыми предлагали его заменить, состоит в том, что он способствует решению жилищных проблем семьям с детьми. Кроме того, эта мера стимулирует жилищное строительство и, еще шире, экономику, в том числе занятость и пополнение местных бюджетов, особенно на селе и в малых городах, то есть положительно влияет на региональное развитие. Почти весь материнский капитал (97%) расходуется на жилье, 60% ипотечных кредитов берутся с использованием материнского капитала¹.

Без изменения системы ценностей рассчитывать на повышение уровня рождаемости при условии улучшения материального положения нельзя. Необходимо проводить работу по созданию привлекательного образа устойчивой семьи с детьми через средства массовой информации, образовательные программы, рекламу и т.д. Нужно воспитывать у молодежи ответственное отношение к материнству и отцовству, к продолжению своего рода, в том числе сохранению и укреплению своего здоровья как основы здоровья будущих поколений. Показывать больше положительных, созидательных примеров из жизни.

В связи с этим необходимо в корне пересмотреть политику в отношении СМИ, и в первую очередь телевидения как самого массового и доступного, которые стали средством морального разложения общества, внедрения в общественное сознание негативных образцов поведения как общественного, так и семейного, жесткой и ежедневной пропаганды образа жизни, весьма далекого от традиционных ценностей. Разрушительные образы, тиражируемые массмедиа, оказывают самое негативное влияние на нашу жизнь и, таким образом, подрывают национальную безопасность страны, в том числе демографическую.

¹ Семьям будет дано больше прав на использование маткапитала. – <http://izvestia.ru/news/558962>

Депопуляционные и миграционные процессы двух последних десятилетий оказали влияние и на изменение национального состава населения. Со времен переписи 1989 г. происходит абсолютное и относительное снижение численности русского населения, причем ускоряющимися темпами (табл. 3). *Сокращение численности и доли государственного этноса в общей численности населения России несет с собой риск существенной деформации в будущем этнодемографической и, возможно, этнополитической ситуации.*

Таблица 3

Динамика численности и доли русских во всем населении по результатам переписей

Годы переписей	1970	1979	1989	2002	2010
Численность всего, тыс.	129 941,2	137 409,9 (7 469)*	147 021,9 (9 612)	145 166,7 (–1 855)	142 856,5 (–2 310)
Численность русских, тыс.	107 747,6	113 521,9 (5 774)	119 865,9 (6 344)	115 889,1 (–3 977)	111 016,9 (–4 872)
Доля русских во всем населении, %	82,9	82,6 (–0,3)	81,5 (–1,1)	79,8 (–1,7)	77,7 (–2,1)

*В скобках здесь и далее – прирост или сокращение по отношению к данным предыдущей переписи.

Несмотря на длительное общее сокращение численности населения России, численность населения трудоспособного возраста, продолжая тенденции прошлых лет, росла до 2006 г. включительно. Увеличение ее происходило в основном за счет пополнения молодого населения, вступающего в трудоспособный возраст, вследствие относительно высокой рождаемости 1980-х годов. С 2007 г. численность населения трудоспособного возраста вступила в длительный период сокращения (рис. 6). За 2006–2026 гг. по среднему варианту прогноза Росстата она уменьшится более чем на 12 млн. чел., а доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения снизится с 62,9% до 54,2%. Одновременно будет происходить рост численности и доли населения старше трудоспособного возраста – более чем на 10 млн. чел. и с 20,5 до 27,9% соответственно. Численность и доля детей по прогнозу изменятся в меньшей степени: численность увеличится почти на 2 млн. чел., а доля – с 16,5 до 17,9% соответственно.

Из-за резкого снижения рождаемости в конце XX века с 1999 г. численность детей в России стала ниже численности населения старше трудоспособного возраста. Коэффициент замещения (число детей на 1000 человек населения старше трудоспособного возраста) по данным за 2013 г. составил только 728 и имел тенденцию к снижению – несмотря на рост числа родившихся в последние годы, рост численности населения старше трудоспособного возраста происходил быстрее.

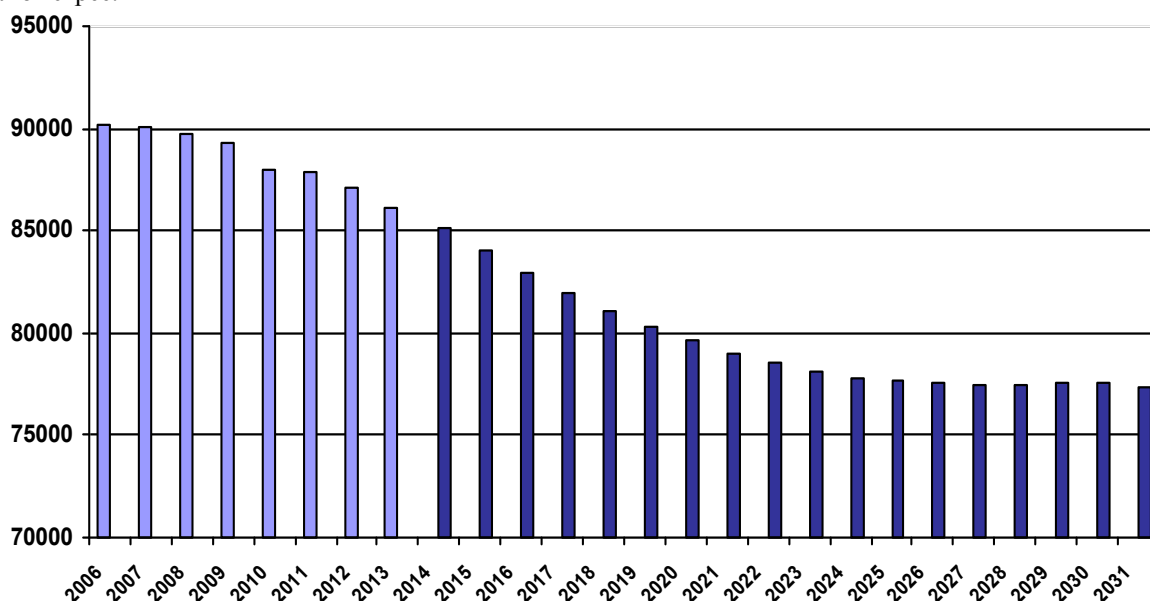

Рисунок 6.

Динамика численности населения трудоспособного возраста в России за 2006–2031 гг., на 1 января, тыс. чел. (до 2013 г. включительно – фактическая, после – по среднему варианту прогноза Росстата)

Особую тревогу вызывает увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население из-за быстрого роста числа и доли пенсионеров. Рост в обществе социальных расходов на поддержку всей инфраструктуры, обслуживающей пожилое население, может потребовать резкого увеличения налоговой нагрузки на экономику или привести к развалу пенсионной системы, что, в свою очередь, создаст острейшие социально-экономические и политические проблемы. Следует также заметить, что при прочих равных условиях старение населения приведет к снижению рождаемости, росту смертности и заболеваемости населения, что увеличит давление на систему здравоохранения, которая и сейчас явно не справляется со своими функциями.

Происходит старение и самого трудоспособного населения, соответственно ухудшается его здоровье, устаревают профессионально-квалификационные характеристики, снижается восприимчивость к новому. Уменьшение численности, доли и старение этой когорты населения значительно снижают трудовой потенциал как количественно, так и качественно, и делают весьма проблематичной реализацию оптимистичного сценария экономического роста.

Следует отметить, что заложенный в конце прошлого столетия негативный потенциал еще не успел развернуться в полную силу, и общество пока далеко не в полной мере осознает будущие угрозы, когда в трудоспособный и репродуктивный возраст вступят малочисленные поколения с худшими показателями здоровья, рожденные в годы реформ. Это скажется на всех сферах жизни российского общества, в том числе и на динамике ВВП. Очевидно, что при длительном сокращении и одновременном старении трудовых ресурсов очень трудно сохранять экономический рост или хотя бы стабильность. Небольшая передышка, подаренная «застойным» СССР 1980-х годов, должна служить не поводом к успокоению, что демографическая проблема решена и может быть снята с повестки дня, а временем для дальнейшего наращивания усилий с целью преодоления негативных последствий политики 1990-х годов.

Население, которым располагает Россия, не соответствует размерам ее территории, нуждающейся в освоении, охране границ, развитии поселенческой сети. Особенно это касается восточных регионов страны: Сибири и Дальнего Востока. Происходят прямо противоположные процессы – стягивание населения к нескольким крупным центрам оголяет уже освоенные с большим трудом территории, в том числе приграничные, не способствует благополучию сел, малых и средних городов.

Дефицит трудовых ресурсов можно преодолеть, продолжая привлекать в российскую экономику многомиллионные массы неквалифицированных иностранных трудовых мигрантов, что создает целый комплекс серьезнейших проблем в самых разных сферах, и не только в экономике, вплоть до угрозы распада государства. Другим направлением решения этой проблемы может стать переструктурирование и совершенствование экономики, повышение ее эффективности, в том числе повышение эффективности использования трудовых ресурсов.

Стратегической же целью должно стать создание условий для нормального воспроизводства своего населения и, соответственно, своих трудовых ресурсов необходимого качества. То есть следует продолжить долговременные усилия по преодолению демографического кризиса в стране, в том числе для достижения сбалансированной структуры населения. Раньше дети были залогом богатства и процветания рода, а сейчас, особенно многодетные семьи – первые кандидаты на попадание в разряд малоимущих, иметь детей экономически совершенно не выгодно. Необходимо в корне изменить эту систему, иначе наша страна в будущем рискует исчезнуть с карты мира.

Президент В.В. Путин в своем, ставшем историческим, послании Федеральному Собранию в мае 2006 г. большое внимание уделил вопросам демографии, назвав самой острой проблемой современной России именно демографическую проблему и признав, что положение в этой сфере критическое. Результаты реализации последующих мер российского государства в этой приоритетной сфере деятельности можно увидеть на рис. 1, 3 и 4.

На заседании Совета по реализации приоритетных нацпроектов и демографической политике 26 февраля 2013 г. президент отметил: «В культуре нашего народа – любовь к детям, безусловная ценность многодетной семьи. Напомню, что в начале XX века в российских семьях, причём как в дворянских, так и в крестьянских, в среднем было 6–7 детей. Сейчас у нас на одну маму приходится меньше двух ребятишек. Но социологи подтверждают: значительное число наших граждан хотело бы, чтобы в семье было трое детей и больше. Особенно велико желание продолжать род, воспитывать детей у сельских жителей. Кстати, в городах 5 процентов семей – многодетные; в сельской местности 13 процентов имеют трёх и более детей. Надо создать все условия для того, чтобы миллионы российских семей смогли сделать своё стремление, свою мечту о детях реальностью, убрать те препятствия, которые мешают семьям рожать и воспитывать детей. Решение этих проблем должно определить дальнейшее содержание демографического проекта. ... Многодетная, традиционная семья должна вновь стать символом России. И вокруг этой задачи мы должны объединить усилия государства, общества, религиозных организаций, отечественной культуры, всех неравнодушных граждан нашей страны».

Соколенко А.С.

аспирант Харьковского госуниверситета городского хозяйства

Полчанинова И.Л.

к.э.н., ст. преподаватель Харьковского госуниверситета городского хозяйства

УПРАВЛЕНИЕ ЗДОРОВЬЕМ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Ключевые слова: управление здоровьем, экономическое развитие, экономические стратегии.

В научных публикациях постоянно отмечается, что «институт управления» относится к экономической сфере деятельности, носит творческий и трудовой характер. И это верно, с тем лишь уточнением, что управление это «воздействие на человека» и все виды и формы управления – это управление людьми и человеческими отношениями, пусть даже речь идет о финансовых потоках. Но человек одновременно живет и «для себя», и в обществе, где, то и другое должно быть качественным, то есть достойным, надежным и здоровым. Здоровый организм, здоровый образ жизни, здоровое общество – все это тесно связано. Поэтому в названии нашей статьи, пусть и несколько непривычно, но весьма правомерно поставлена задача управления здоровьем, акцентирована необходимость организовывать жизнь в соответствии с экономической стратегией обеспечения и развития здоровья личности и общества. Этим мы подчеркиваем важнейшую роль здорового человека в обществе и природе, а также тесную зависимость между человеком, экономикой и социумом.

В экономике приняты термины «человеческий капитал», «интеллектуальный капитал», расцениваемый как наиболее значимая часть человеческого, «капитал развития» как движущая сила вклада человека в экономическое развитие¹. Своим трудом человек (расходуя здоровье и время) формирует экономические процессы и обеспечивает экономические результаты, создает экономический потенциал страны и его использует. В рыночной идеологии затраты труда «входят» в стоимость товара (в чем убеждал еще К. Маркс).

Биологическую, физическую и моральную усталость от труда экономика и социум компенсируют человеку целой системой поддерживающих здоровье мер, обеспечивающих восстановление сил, настроения, активности, трудоспособности. В такой традиционной постановке вопроса экономика как бы «по своему усмотрению» оперирует человеком и его трудом. А должно быть наоборот – человек должен оперировать экономическими процессами. В действительности так оно и происходит, но первично ценностная роль человека в иерархически построенной социально-экономической системе, (концепция служения экономики человеку) не четко и не всегда просматривается, а тем более – обеспечивается на практике. Чаще всего человеку отводится роль «винтика в экономической машине».

Наша позиция иная: человеку нужно вернуть его законную роль создателя и пользователя полезной для себя эффективной «экономической машины», и если эта машина не совершенна, то проектировать и строить ее новую модель. В такой постановке – управление здоровьем, экономическое обеспечение жизни, регулирование условий развития личности не выглядит «заумным» и непривычным. А уже в управлении здоровьем вполне правомерно считать центральным звеном экономическую стратегию и экономическую деятельность, включая все это вместе в гуманитарно-ориентированный системный механизм прогрессивного цивилизационного развития своего государства. При таком подходе несколько отличительно от принятых взглядов, оттеняется смысл категории «экономическая эффективность». В производственно-хозяйственной деятельности эта эффективность рассматривается в большом многообразии ресурсных ограничений, экономических норм и бюрократических излишеств. А вот в управлении здоровьем, повышении уровня жизни, в сохранении природы, в духовном росте и культурном развитии человека – простор деятельности для эффективного достижения целей практически не ограничен.

Ориентируясь на эффективность использования потенциала здоровья, правомерно относится к нему как к движущей силе экономики. В теоретическом аспекте это рассматривается как капитал, обеспечивающий развитие экономики, на что и указывают многие исследователи.

А.И. Добрынин² и соавторы отмечают, что человеческий капитал – это имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и влияют на рост доходов. В этом определении термин «здоровье» поставлен на первое место.

Со временем экономисты пришли к выводу, что человеческий капитал необходимо не просто использовать как ресурс, а поддерживать его в моральном, экономическом, физическом и трудовом состоянии, развивать этот капитал в процессе жизненного цикла человека. Но это «поддержание и развитие человеческого капитала» требует средств, т.е. вложений, инвестиций. Важнейшими направлениями вложений в человеческий капитал зарубежные экономисты

¹ Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования – СПб.: Наука, 1999. – 310 с.

² Там же.

считают образование и практическую подготовку на производстве, охрану здоровья и медицинское обслуживание, рождение детей и уход за ними.

Параллельно с человеческим капиталом, используется и понятие «капитал здоровья» – «на макроуровне формирования человеческого капитала решающее значение приобретает капитал здоровья». Укрепление здоровья требует инвестиций. Теоретическая модель инвестиций в здоровье как в человеческий капитал построена на ключевых моментах понимания жизненного цикла человека, трудовой отдачи, потерь от нетрудоспособности и преждевременного ухода из жизни. Ранний, преждевременный уход от активной деятельности – ущерб экономике, так как уходит из экономического процесса годами накопленный капитал знаний, умений, дисциплины и ответственности. Опыт свидетельствует о том, что здоровые люди более продуктивны и больше уделяют внимание образованию и интеллектуальному развитию.

К капиталу здоровья интерес проявился недавно, 15–20 лет тому назад. С учетом экономической ценности человека и в условиях ухудшения состояния здоровья в обществе, экономисты стали придавать особое значение тому факту, что заболеваемость, травматизм, инвалидность, смертность – в экономическом смысле это реальный и существенный ущерб в производстве и обороте общественных благ. Обращая на это внимание, А.И. Бабенко¹ подчеркивает, что следует разрабатывать управленческие технологии по критериям роста человеческого капитала здоровья². Сейчас инвестиции в человека или в человеческий капитал направляются и на укрепление здоровья. Отметим, что такие инвестиции долговременны и обеспечивают эффект на протяжении всей жизни человека.

Проблема здоровья в экономическом плане на данном этапе обостряется, что вызвано многими причинами. В России и на Украине проявляется негативная тенденция – снижение количества носителей человеческого капитала в трудоспособном возрасте.

Конкретные индикативные характеристики по ситуации со здоровьем в Российской Федерации приведены в табл. 1.

Таблица 1

Выборочные локальные индикаторы здоровья и системы здравоохранения (Россия).

№	Показатели	Оценка	Примечание
1	Уровень удовлетворения финансовой потребности на поддержание и восстановление здоровья	20%	От расчетной потребности
2	Доля расходов в ВВП на здравоохранение	3%	По Европейским рекомендациям 10%
3	Рождаемость	Снижение в последние годы на 30%	В самой благоприятной возрастной группе (20–24 года)
4	Превышение показателей смертности	На 50%	По сравнению со среднемировым показателем
5	Количество населения, которое не может себя обеспечить доступной ему медицинской помощью	40 млн. человек	Это чуть меньше трети населения
6	Мнение специалиста по уровню фармацевтического производства	Мы по фармацевтике отброшены на 50 лет	А. Бронштейн

Ситуация на Украине в отношении здоровья населения достаточно сложная. И оценить эту ситуацию необходимо более детально и углубленно, чем по данным нашей статистики. В мировой практике принято оценивать ситуацию и потенциал здоровья по нескольким группам показателей (индексов).

Первая группа – индексы трудоспособности

Вторая группа – факторы риска ухудшения здоровья

Третья группа – плата (цена) общества за стабилизацию запаса здоровья

В отношении трудоспособности населения отметим позитивные изменения:

На Украине³ в последние годы уменьшается количество потерянного времени по нетрудоспособности от несчастных случаев: в 2001 г. – 1029 тыс. человеко-дней, 2005 г. – 769 тыс. человеко-дней, 2010 г. – 492 тыс. человеко-дней, 2013 г. – 364 тыс. человеко-дней. Но, с другой стороны – по рискам для здоровья – проблемы большие и имеют тенденцию к усложнению. По данным ВОЗ 60% заболеваний человечества связаны с употреблением некачественной воды. На Украине более 60% воды питьевой не соответствует сегодняшним требованиям к ее качеству, хотя в этот процент входит вода, соответствующая действующим в стране стандартам.

По рекомендациям ВОЗ и соответствующих структур ЕС общие расходы на здравоохранение должны быть не менее 10% ВВП. А у нас на Украине – в пределах 5–7%. При этом доля государства составляет 57,6% (в Великобритании 81%). Общие затраты на охрану здоровья на Украине 108,9 млрд. грн. (2012 г.) В этой сумме государственной поддержки – 57,2%, частных денег домохозяйств – 42,6%, международных организаций – 0,2%⁴.

¹ Бабенко А. И. Методология разработки стратегии охраны здоровья населения // Бюл. СО РАМН. 2004. – № 2(12). – С. 176–179.

² Жаліло Л.І., Мартинюк О.І. Стратегія змін у сфері охорони здоров'я в умовах соціально-економічних реформ в Україні.

³ Попченко Т.П. Реформування сфери охорони здоров'я в Україні: організаційне, нормативно-правове та фінансово-економічне забезпечення. / аналіт. доп. – К.: НІСД, 2012. – 96 с.

⁴ Манов В. Реформы в постсоциалистическом государстве: опыт Болгарии. – М.: Экономика, 2000. – 297 с.

Общие затраты в % к ВВП в 2013 г. – 7,7%. Относительно стран мира, это значительная доля, поскольку Польша тратит 6,7% ВВП, Эстония – 6,0%, Россия – 6,2%. Но выделяемых сумм явно недостаточно, потому что объем ВВП на Украине находится на достаточно низком уровне по сравнению с другими государствами, в т.ч. и с Россией. Распределение денежных средств по функциям медицинского обеспечения представлено в таких пропорциях:

- на лекарства и медицинское оборудование – 29,4%
- на стационарное лечение – 27,8%
- на амбулаторное лечение – 18,5%
- на реабилитацию (в основном на санаторное лечение) – 3,8%
- на сопутствующие услуги и профилактику – 6,5%
- другие затраты – 14,0%

Следовательно больше половины затрат направляется на лекарства, оборудование и стационарное лечение, тогда как на предупреждение заболеваний и санаторное лечение направляется не больше 10% общих затрат на охрану здоровья. Недостатков в системе охраны здоровья достаточно¹. Например, нельзя считать приемлемым то, что из суммы денежных средств, направляемых в больницы – 72,4% тратится на оплату труда персоналу, 9,8% – на коммунальные платежи и только 16,5% на производство услуг. 99,7% выручки предприятий розничной торговли лекарствами и медицинскими товарами поступает от населения. В развитых странах 30–60% средств, получаемых лечебно-профилактическими заведениями (в том числе на лекарства) поступает от государства и местных органов.

Опираясь на цифры в бюджете на здравоохранение (6–7%) мы пытаемся себя убедить, что все наши беды со здоровьем от недофинансирования. С этим спорить сложно. Но не стоит так упрощенно смотреть на статьи бюджета. Следует учесть, что в бюджете есть много и других составляющих, работающих на здоровье: это дотации и субсидии на ЖКХ, расходы на развитие спорта и культуры, на реформы. Но вот другая сторона – это чрезмерно завышенные цены на лекарства. Если сравнить с другой неотъемлемой частью жизнеобеспечения населения – вода, тепло, жильё (отрасль ЖКХ), то ситуация явно нелогична. Вся коммунальная система ЖКХ Украины убыточна, а лекарства, операции, пребывание в больнице обеспечивают двойную прибыль на затраты.

Общий объём финансирования охраны здоровья из государственного и местного бюджетов – 41,07 млрд. грн. (2010 г). Но структура расходования этих средств неэффективна. «Только 4–5% затрат, необходимых для медикаментозного обеспечения сферы здоровья, покрывается за счёт бюджета – все остальные затраты ложатся на пациентов даже в условиях стационарного лечения. Большую часть (больше 80%) стоимости лекарств оплачивают пациенты, тогда как треть общих затрат СОЗ направляются на медикаментозное обеспечение»². На Украине объём продаж лекарств отечественного производства составляет 24,5, а 75,5% – это импортные средства.

Украина имеет излишек фонда койко-мест – 9,73 на 10 000 населения, что в 1,7 раз превышает аналогичные показатели в странах Европы. Вызывает беспокойство и высокий темп старения населения: в 1991 г. – 19%, в 2013 г. – 22% жителей с возрастом более 60-ти лет.

Дополняют оценку жизни и здоровья населения Украины и данные, относительно индикаторов развития человеческой жизни (табл. 2)

Таблица 2

Отдельные индикаторы человеческого развития (Украина)

Показатели	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Расходы сводного бюджета на охрану здоровья в % к : ВВП	...	4,8	2,9	3,5	4,0	4,1	3,8	4,1	4,2
общей суммы налогов из бюджета	...	10,7	10,2	10,9	11,9	11,8	11,7	11,9	12,2
Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет*	70,7	67,2	67,9	68,0	69,3	70,4	71,0	71,2	...
Общий коэффициент смертности, %	12,1	15,4	15,4	16,6	15,3	15,2	14,5	14,5	14,6
Коэффициент смертности детей в возрасте до 1 года, %	12,8	14,7	11,9	10,0	9,4	9,1	9,0	8,4	8,0
Количество населения в расчете на одного доктора, человек	228	222	218	209	204	203	203	209	208

* Показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении до 2011 года рассчитывается за два смежных года.

Ситуация со здоровьем на Украине, которая отражена в статистике не будет представлена полно, если не углубиться в отраслевую экономику, сферу здравоохранения, индивидуальные оценки людей и социологические опросы. Специалисты отмечают, что на здоровье нации влияет общее экономическое состояние (а оно кризисное), рыночные механизмы и условия, социальная инфраструктура, состояние природной и техногенной среды, образ жизни, ментальность, традиции. Здоровье формируется во взаимодействии психофизиологических, экономических, экологических и социальных факторов, а следовательно, и институт здоровья и здорового образа жизни должен быть построен с учетом этого взаимодействия. И первый вопрос, на который необходимо ответить – в какой мере «здоровье» является национальным богатством и фактором экономического роста?

¹ Лехан В.Н. Перспективы развития системы здравоохранения в Украине: стратегия, тактика и риски реализации. Ч. 2. – <http://www.likar.info/pro/article-46930>

² Жаліло Л.І., Мартинюк О.І. Стратегія змін у сфері охорони здоров'я в умовах соціально-економічних реформ в Україні.

Ответ частично зависит и от роли рынка в формировании и защите здоровья. В рыночных условиях происходит переход на платную медицину, отпускаются «тормоза» на цены (лекарство, медоборудование), укрепляет свои позиции медицинское страхование. Но рынок хорош в относительно здоровом обществе, здоровом биологически, экономически, социально.

На Украине проводимые преобразования создали в результате крайнее обнищание населения, кризисную ситуацию в экономике, недопустимое расслоение на «бедных и богатых», падение духа и неадекватное отношение к здоровью. Платные услуги стали практически недоступны населению. Видимо, не случайно в последние годы ученые всё больше стали применять не термин «общественное здоровье», а термин «экономика здоровья», подчёркивая этим возрастающую роль экономических составляющих в механизме управления здоровьем, с чем мы вполне согласны. В плане оценки факторов, влияющих на здоровье человека, предлагаем обратить внимание на их многообразие и комплексность (рис. 1).

Не вдаваясь в детальный анализ влияния отдельных факторов (которое зависит и от индивидуальных особенностей человека), отметим относительно выверенные учёными оценки: среди всех факторов 60% влияния на здоровье оказывает образ жизни, с учётом условий жизни, 15–20% влияния оказывает наследственность и только на 10–15% влияет состояние медицины и медицинского обслуживания.

Рисунок 1.
Факторы отрицательного влияния на здоровье

На «стыке» образа жизни человека и государственной политики экономического развития страны находится сложный противоречивый объект, плохо поддающийся управлению – вредные привычки и государственная политика по отношению к ним.

«Аргументы недели» № 49 (317) от 5–11 декабря 2014 года: в статье «Что делать с сигаретным терроризмом» приводят данные о нелегальном сигаретном рынке и в целом об этой индустрии, работающей на удовлетворение «вредных привычек». За 2014 год объём «нелегального курева» вырос почти в 2 раза и составил 15% от его общего оборота. В нём ввезенная из-за границы контрабанда составляет 60%, а контрафактные сигареты – 40%. Налоговая составляющая в сигаретном секторе рынка – от 40 до 80% от цены сигарет.

Мало кого волнует «ущербная для здоровья» сторона этого негативного процесса: волнует больше, а то и всецело, экономическая сторона». Обеспокоен автор статьи (а с ним, вероятно и вся политическая и управленческая элиты) лишь тем, что эти «незаконные деньги» идут не в бюджет, а в карманы «организаторов незаконного бизнеса». По оценкам участников рынка потери для государства составляют до 2 млрд. грн. А ведь все акцизы приносят в бюджет около 10% доходов. И что делает государство, заботясь о бюджете? – Увеличивает налоговую нагрузку: с 2008 по 2014 год – в 13 раз. Уже в 2014 году табачные акцизы повышали 3 раза.

В 2013 году бюджет собрал 17,9 млрд. грн. «сигаретных» налогов, в 2014 – 17,2 (это снижение за счет уменьшения производства в легальном секторе). Получается, что концепция пополнения бюджета путем роста акцизов себя не оправдывает – растет доля «контрабасы» и «контрафакта». И здесь уже не только государственные чиновники «в расстройстве», но и представители общественного сектора. Так, Ю. Бондарев – член правления общественного союза «Национальная организация розничной торговли» заявил во время круглого стола: «Нелегальная табачная продукция уничтожает украинскую экономику». Как видим, вопрос об ухудшении здоровья нации по причинам курения остается без внимания.

Медицина, согласно своей статистике, утверждает, что курение является основным фактором риска развития 20 видов болезней, а укорачивает жизнь – 120 тысячам человек в год. Свою негативную роль для здоровья человека и общества играет и употребление алкоголя (15–20 литров алкоголя в год на человека). На Украине на данный период только хронических алкоголиков около 700 тысяч человек. Вот здесь и просматривается сфера деятельности для бинарной системы управления: экономикой и здоровьем вместе.

На наш взгляд сильное государство не имеет права строить пополнение бюджета на торговле алкоголем, табаком, на ухудшении здоровья населения, на непосильном налоге. Государственная машина, строящая свою экономическую стратегию на пагубных страстях людей и на их пороках, нормальному обществу не нужна. По крайней мере – это не должно входить в ее долговременную экономическую стратегию. Экономика и этика государства должны быть другими. Нормальное государство также не должно зарабатывать в свой бюджет на торговле смертоносным оружием. Военно-стратегическая доктрина «для себя» – это верно и необходимо. Но международный бизнес на вооружении – это уже граничит с преступностью против человечества, так как представляет собой угрозу здоровью и жизни не как-то отдельным «плохим странам», а живым нормальным людям, в какой бы стране они не жили.

Вот почему в экономической стратегии «здоровья» речь не ограничивается только спортом, туризмом, медицинской и организацией отдыха. Сейчас на Украине: на семь миллионов со времен независимости сократилась численность населения (в том числе и путем миграции), высокая смертность, низкая средняя продолжительность жизни – на 4–8 лет меньше, чем в европейских странах. Украина занимает первые места в рейтинге Европейских стран по распространению СПИДа и детской смертности. Дополняет «мозаику» негативов тот факт, что на Украине «не актуализируется должным образом здоровый образ жизни и не реализуется государственная стратегия здорового способа жизни»¹. Такая ситуация требует к себе не просто внимания, а действительно важных управленческих решений – перестройки и реформ. Но в этих реформах нельзя ограничиваться только изменениями в медицинской и медико-охранной области. Проблему следует видеть и ставить в широком смысле, как стратегию формирования в стране института здоровья и комплексного механизма управления здоровьем.

В этой бинарной модели функционал здоровья может быть записан таким образом:

$Z = f \{O_{\text{ж}}, Э_{\text{к}}, Л, М_{\text{з}}, Г_{\text{п}}, Р_{\text{у}}\} * K_1 K_2$, где

Z – состояние здоровья;

$Э_{\text{к}}$ – состояние экономики;

$O_{\text{ж}}$ – образ жизни;

$Л$ – личное отношение человека к здоровью;

$М_{\text{з}}$ – состояние медицины, медицинского обслуживания и системы рекреации (оздоровления);

$Г_{\text{п}}$ – государственная политика в сфере здоровья;

$Р_{\text{у}}$ – занятость, трудовая напряженность и условия труда;

K_1 – региональный корректировочный коэффициент;

K_2 – фактор развития страховой и платной медицины.

На наш взгляд эти составляющие расставлены в ранговый ряд по силе влияния, хотя ранг влияния может быть изменен в зависимости от личного отношения к своему здоровью и в зависимости от снижения уровня «теневых платежей» в системе охраны здоровья.

Достаточно высокую часть (10%) население тратит на так называемые теневые платежи за медицинские услуги². Приведенные данные и мнения специалистов убеждают, что существующая система здравоохранения на Украине находится в кризисном состоянии, не способна обеспечить потребности населения в медицинской помощи и медицинских услугах, нуждается в новой экономической стратегии ее развития.

В настоящее время на Украине вызревает «третья волна» реформ. Как следует из представленных концептуальных положений в этой работе «главной целью реформ отрасли является построение новой модели охраны здоровья, которая бы обеспечила равный и справедливый доступ населения к обеспечению услугами охраны здоровья при сохранении социально принятого объема государственных гарантий. Вместе с этим доказано, что как факторы болезней, так и возможность управления ими, выходят за пределы компетенции области здравоохранения».

Таким образом, возникает необходимость более широкого подхода к изменениям в сфере здравоохранения, который бы обеспечил ее эффективную связь с другими отраслями и секторами сферы услуг, обеспечивающими поддержку и улучшение здоровья населения, равный доступ к качественным медицинским услугам в случае заболевания, полноценную реабилитацию и восстановление работоспособности.

Исходя из наших подходов к феномену здоровья, сложной критической ситуации в этой сфере и понимания ключевой роли в обществе задач управления процессом восстановления и укрепления здоровья, стратегия должна быть нацелена на определение путей решения этой проблемы на Украине. Видим мы такое решение в нескольких аспектах.

Первое, что реально возможно, это пересмотр государственной политики в этом вопросе. Второе – диагностика и концептуальная разработка реформ, имея в виду не только реформу Министерства охраны здоровья, а и реформу в целях создания нового института национального здоровья, что значительно шире отраслевого подхода. Третье – постановка программной методологии управления здоровьем нации и разработка проектной части экономической стра-

¹ Попченко Т.П. Реформування сфери охорони здоров'я в Україні: організаційне, нормативно-правове та фінансово-економічне забезпечення. / аналіт. доп. – К.: НІСД, 2012. – 96 с.

² Там же.

тегии для ее реализации. Четвертое – необходимо задействовать пусковые механизмы и стимулы для решения проблемы здоровья.

Сделаем некоторые уточнения в отношении экономической стратегии в сфере здоровья. Роль и задачи стратегии – заменить спонтанный, несбалансированный процесс управления национальным здоровьем на сбалансированный институциональный механизм, способный ввести этот процесс в координаты регулируемых параметров.

Из различных идей и подходов к понятию и содержанию термина «стратегия» отберем наиболее характерные, которые определяют стратегию как:

- план действий;
- видение будущего и путей продвижения к нему;
- логику поведения;
- метод проектирования ориентиров и действий.

На наш взгляд, все эти компоненты в стратегии присутствуют и могут быть представлены в разных комбинациях. Отметим только, что качественная стратегия максимально учитывает: закономерности развития, возможные механизмы противодействия факторам, препятствующим развитию, а также стимулы, обеспечивающие эффект позитивных взаимодействий всех участников решения проблемы. Для стратегии характерна определенная устойчивость ее основы, системная прочность, защитная обеспеченность своей генеральной линии. Стратегия – это вместе цель, прогноз, план и его обеспеченность, система решений по размещению ресурсов. В стратегии цели не должны быть оторваны от реальных возможностей и от главных инструментов их достижения. В этом смысле «стратегия ближе к проекту, чем к плану. Более того, стратегия включает в себя, кроме внутренних желаний и ресурсов, также оптимизационные и адаптивные возможности отладки отношений с внешней средой. Интегрировано такой взгляд В. Манов сформулировал в следующем определении: «Стратегия – это генератор возможностей развития»¹. А это значит, что в стратегии «экономика и менеджмент» тесно взаимодействуют.

С позиций влияния на развитие системы национального здоровья производственно-экономического и рыночно-обменного процесса необходимо уточнить содержание и задачи экономической стратегии управления здоровьем. По содержанию, экономическая стратегия управления здоровьем – это комплексная система приоритетов, мероприятий, ресурсов и действий, обеспечивающих целевые изменения и улучшающих в заданных оценках здоровье населения на длительный период времени. Задача такой стратегии – исходя из ситуационного анализа и целевых установок, сформировать организационные, экономические и управленческие механизмы трансформации системы здоровья в новое состояние на реально доступных ресурсах и в условиях адаптации к нестабильности во внешней среде. Эта стратегия является адресной только по отношению к феномену «здоровье», а системно-кластерной – по отношению к участникам ее разработки и выполнения (государство, бизнес, ведомства, общество и др.).

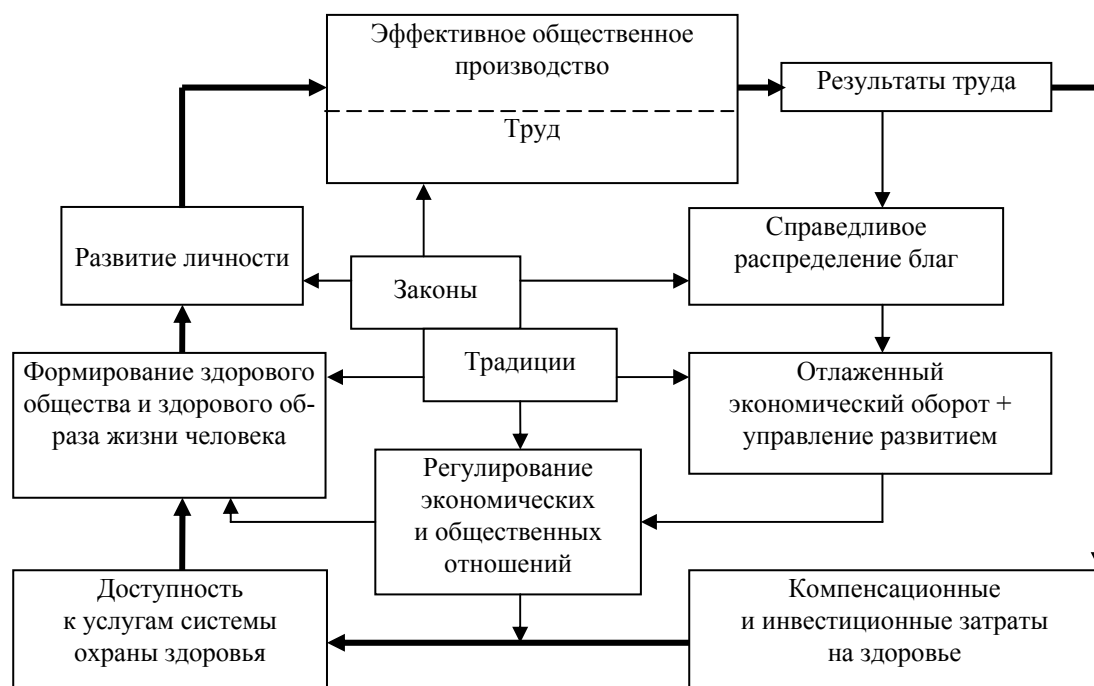

Рисунок 2.
Циклограмма связи «здоровье – труд – экономический результат»

Формируя стратегические задания, примем как аксиому, что здоровье как категория общественная – это не только здоровый образ жизни отдельной личности, не только предупреждение болезней (профилактика) и борьба с заболеваемостью, но и здоровый социум, гуманные правила человеческих отношений, признание ценности человека, справедливости, приоритета духовных и моральных ценностей в обществе. В настоящее время в медицинской терминологии используется понятие «социальная медицина», в который вкладывается смысл, прежде всего, исследователь-

¹ Цит. соч.

ского характера, как науки об общественном здоровье и здравоохранении. В широком смысле это научное направление можно отнести к философии – как ее социальный отдел. Относят ее и к социальным наукам, в контексте изучения благополучия и здоровья социума. Подключая к экономике социальный аспект, мы подчеркиваем, что подходы к здоровью состоят из медико-биологического, медико-социального, социоэкономического, эколого-системного блоков, т.е. управление здоровьем рассматривается во взаимодействии знаний естественных и общественных наук. Расстановка акцентов на «естественном» и «социальном» приводит нас к следующему: естественное (биологическое) здоровье определяется как жизнеспособность, жизненный потенциал. Социальное здоровье, прежде всего, оценивается как трудоспособность, участие в экономическом процессе и в общественной жизни. Трудовая, производственная, экономическая составляющая в здоровье имеет свои количественные измерения, в т. ч. и в денежном выражении затрат, выгод, объемов инвестиций. Связь здоровья человека, трудовой деятельности и экономических результатов показана на рис. 2.

Как следует из приведенного рисунка на систему связей здоровья, труда и благ влияют законы, традиции, установившиеся отношения. А здоровье формируется в условиях доступа к труду и к услугам охраны здоровья.

Экономический концентрат стратегии управления здоровьем в своей предметно-объектной сфере внимания включает оценивание и программирование следующих составляющих:

- ❖ Оценка ситуации в сфере «здоровья»;
- ❖ Заболеваемость и последствия;
- ❖ Факторы влияния на здоровье;
- ❖ Потенциал здоровья как экономический капитал;
- ❖ Ущерб, убытки в трудовом (экономическом) секторе человеческой деятельности;
- ❖ Потенциал (ресурс), возможности восстания и укрепления здоровья;
- ❖ Инвестиции в здоровье и их ожидаемый эффект;
- ❖ Механизмы восстановления и укрепления здоровья.

Общая модель управления здоровьем представлена на рис. 3.

Рисунок 3.
Общая модель управления здоровьем

В соответствии с разработками 2014 года структурной частью экономической стратегии признается реформирование СОЗ. Задания и мероприятия реформ СОЗ приведены в табл. 3.

Таблица 3

Система главных направлений и мероприятий реформирования охраны здоровья

Задания и мероприятия	Трудности и препятствия
Переход на трехуровневую систему финансирования	Четкий механизм не установлен
Формирование центров первой помощи	Организационно-технические сложности
Реформирование экстренной медицинской помощи	Информационная и техническая неготовность. Недостаток мест размещения станций
Социально-экономическая защита медицинских работников	Недостаток средств и недоработка механизмов стимулирования
Приоритетность профилактики	нет готовности даже в концептуальном плане
Перестройка финансово-экономических механизмов (комбинированная модель: бюджет, рынок, внебюджетная поддержка)	Ориентация на страховую систему и ограничение рыночной составляющей
Обеспечение кадрами и повышение качества услуг	Проблемная ситуация особенно в сельской местности
Комплекс мероприятий вне СОЗ	Работа с населением по культуре и здоровому образу жизни
Взаимодействие с системами спорта, туризма, с профсоюзами, работодателями	Поиск кластерной модели обеспечения «здоровья»

Наука и практика в вопросах выбора путей и средств решения проблемных ситуаций иногда стоят на разных позициях. Экономическая практика нередко требует «затянуть пояса», а экономическая наука этому не учит. Она учит прогрессу, движению, развитию. И развитию экономики не «во имя самой себя», а во имя человека, общества, цивилизационного самосовершенствования. Практика же ставит во главу процессов развития – экономическое производство, накопление богатства, максимальное использование природных ресурсов и человеческих сил, что тоже вполне оправдано. Однако паритет и баланс между экономикой, экологией и здоровьем нации не должен формироваться не спонтанно, не рыночными механизмами. Задача поддержания оптимальных соотношений в модели «институт здоровья» всецело ложится на управление, способное регулировать стихийные процессы, преобразуя их в планомерно программируемые механизмы развития общества.

Лучшей моделью интеграции усилий на обеспечение здоровья являются кластерные формы¹ (рис. 4). В системе охраны здоровья решается только часть общей проблемы и при этом, как показано на рис. 4 система работает не изолировано «сама по себе», а с участием других структур государственной системы. Формируемая кластерная модель построена на интеграции взаимодействий участников системы обеспечения здоровья.

На представленной модели (рис. 5) «Управление здоровьем» сами факторы его определяющие, структурированы на составные части (наследственность, образ жизни, организация труда и отдыха, медобслуживания, системы питания и экологическая среда). Выделено три блока системы управления (управление, регулирование, поддержка). Управление и регулирование в основе своей осуществляется государством, обществом, человеком в рамках своих потребностей и возможностей. Управляющая система направляет свои усилия на развитие институтов здравоохранения, санаторно-курортного комплекса и рекреации, фарминдустрии, институтов семьи и спорта.

Управление использует механизмы реформ, регулирования трудовой занятости и охраны труда, обеспечение стандартов достойного уровня жизни, защиты материнства. Ключевая роль в этой модели отведена экономической стратегии, но именно в части ее задач в обеспечении здоровья. Эта стратегия включает в себя анализ и прогноз затрат на здоровье человека, источники обеспечения, регулировку цен, инвестиционные проекты, организацию эффективной трудовой деятельности, льготные механизмы, социальную и экономическую ответственность бизнеса. Стратегия осуществляется на основе взаимодействия рыночных условий оказания услуг, нормативно-правовых регуляторов и распределительных механизмов (преференции, льготы, трансферы, страховки и др.).

Качественная стратегия должна быть эксклюзивной, нешаблонной. Должна иметь внутреннюю креативную изюминку, может и не совсем понятную для других. Мы называем это «скрытая внутренняя» установка на свои планы и на поведение системы – это идейно-методологический стержень стратегии, выстроенный на знаниях, желаниях, целях и социально-психологическом настрое. Это тонкая струна стратегии, некий резонатор и мультипликатор. Каждый стратегический менеджер сам должен понять и построить эту скрытую внутреннюю установку. Антикризисные зарубежные специалисты по управлению, знакомясь с СССР в период сворачивания холодной войны, отмечали, что наши руководители – супер-мастера стратегии «выкручиваться» из сложных ситуаций, а в США – стратегия иная: руководители и менеджеры все делают для того, чтобы в такие ситуации не попадаться. Это и есть пример двух разных стратегий, каждая из которых со своей внутренней изюминкой, тактико-стратегической установкой.

¹ Пастернак О.И., Горболов Р. В. Кластер у системи охорони здоров'я // Проблеми розвитку внешнеэкономических связей и привлечения иностранных инвестиций: региональный аспект. – С. 886.

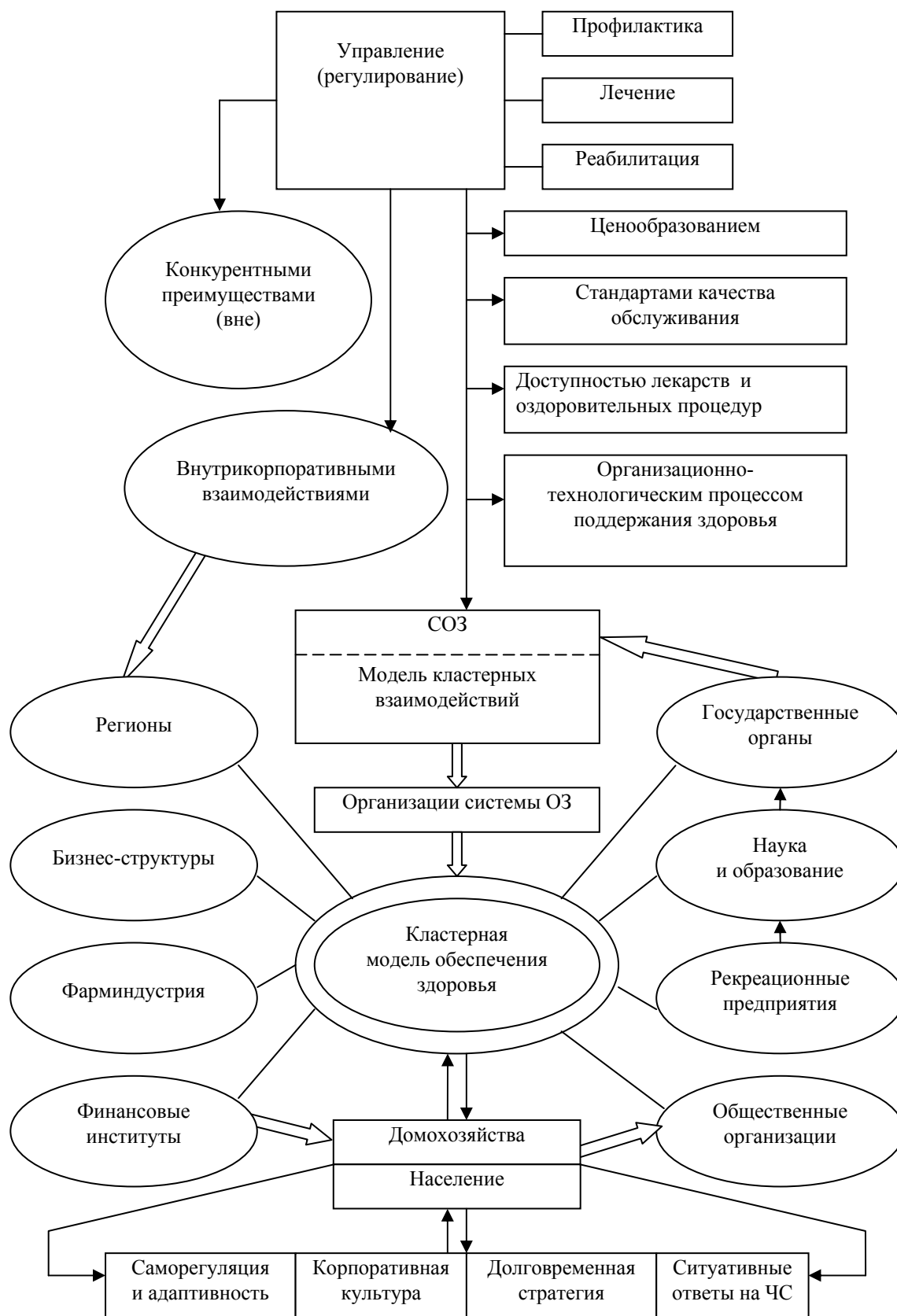

Рисунок 4.
Участники и задачи управления в кластерной модели обеспечения здоровья

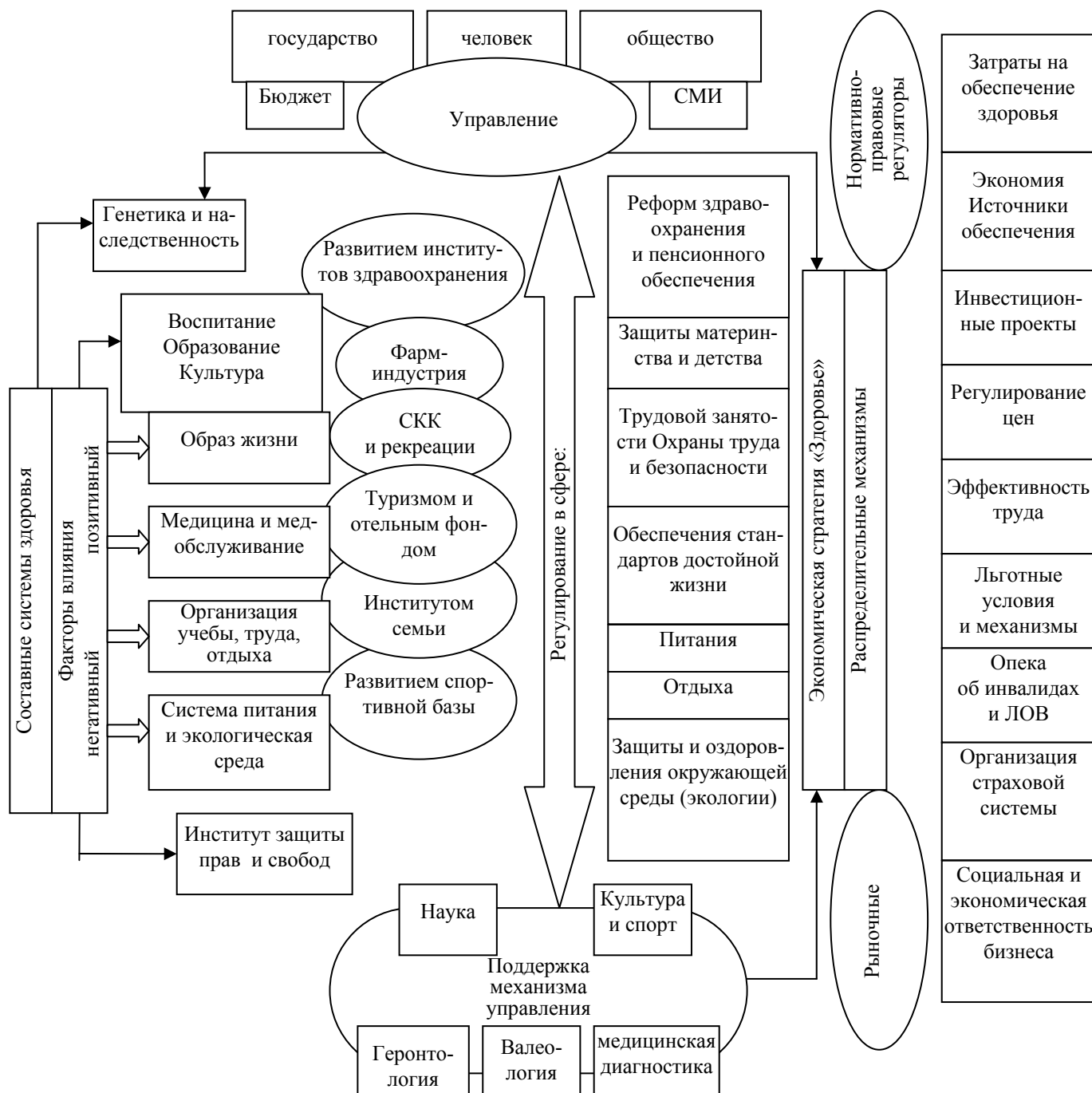

Рисунок 5.
Концептуальная модель «Управления здоровьем» – роль экономической стратегии

Таким образом в представленной модели здоровье как объект управления и регулирования рассматривается как триада «человек, общество, экологическая среда», которая формирует свою экономическую политику как базовую идеологию общества, где экономика не самоцель, а способ реализации человеческих потребностей и интересов, не только потребитель способностей и труда человека, но и инструмент, обеспечивающий достойную жизнь человека как главную ценность общества.

По В. Ленину «каждая кухарка должна управлять государством». По нашему мнению, не надо кухарке управлять государством, но своим здоровьем и здоровьем близких она управлять должна и может. А для этого должна знать, что она хочет и как это делать. А самое главное, должна иметь доступ к рычагам такого управления, иметь способность и возможность, в т. ч. экономическую возможность.

Сам же механизм управления использует многообразие рычагов (рис. 6).

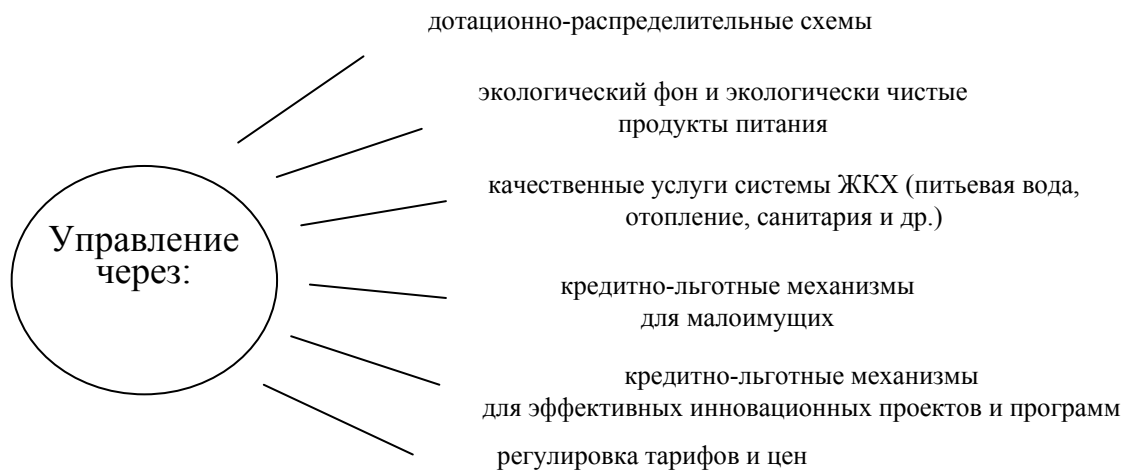

Рисунок 6.
Составные механизма управления здоровьем

Отметим значимость управления доступностью человека к жизненно важным ресурсам, медицинским и рекреационно-оздоровительным услугам (в т. ч. по фактору достаточности денежных средств). Наличие доступности «только для богатых» противоречит принципу справедливости, хоть и находится в согласии с принципом неравенства, вполне допустимым в механизмах развития.

Отсюда ставится задача повысить уровень ответственности за здоровье во всех структурах общества, а не только в системе охраны здоровья (рис. 7).

Рисунок 7.

Формирование ответственности всех структур общества за состояние здоровья личности и нации

Давний незавершенный спор в отношении влияния экономики, в т.ч. и на здоровье, со стороны государственного (местного) административного управления и рынка. Мы не ставим вопрос – что главней и сильнее, даже «что выгоднее»? Это, на наш взгляд, некорректная постановка. А корректно подойти таким образом.

Во-первых – должен быть баланс сил, противовес, динамическое равновесие. А некая мера, константа проявляет себя только временно.

Во-вторых – каждая из этих составляющих имеет свои «разрешающие» возможности и свои механизмы. К примеру, если говорить о механизмах, то у административного управления они распределительные, у рыночного – регуляторные; у административного – они регламентационно-нормативные, у рыночного – маркетингово-конъюнктурные...

В управлении здоровьем, на наш взгляд, можно обозначить рациональные пропорции степени влияния на здоровье различных участников системы управления. Экспертная оценка таких пропорций представлена в табл. 4.

Степень влияния участников на здоровье (экспертная оценка)

№ п/п	Участники	Степень влияния
1	Государственная администрация	20%
2	Бизнес-структуры и работодатели	15%
3	Профсоюзы	20%
4	Медицинские, оздоровительные, рекреационные учреждения	20%
5	Органы местного самоуправления	15%
6	Институт культуры здоровья	10%
	Итого:	100%

В этой схеме влияние «максимум и на равных» определено для госсистемы, профсоюзов и медико-оздоровительной группы участников, а минимум – для института культуры здоровья в силу его неразвитости в нашем обществе. Бизнес-структуры и органы местного самоуправления до усиления своей роли в обеспечении здоровья населения, на наш взгляд, еще «не дозрели», поскольку в слабой экономике весьма ограничены в ресурсах для этих целей.

Фадеева Т.А.

н.с. ИСЭПН РАН

fadeevatoma@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РФ В СВЕТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: миграционные процессы, миграционная политика, инновационное развитие.

Миграция населения – это сложный социально-экономический, а для переселений на постоянное место жительства, демографический процесс¹, который является неотъемлемой частью развития любого общества на всех его этапах. Для современного российского общества в свете модернизации и инновационного развития России процессы трансформации миграции населения очень важны. К сожалению, на сегодняшний день, так часто упоминаемый термин «трансформация миграции населения», не имеет общепринятого толкования, и, в связи с этим, зачастую используется не совсем адекватно. Миграция населения – это пересечение административно-территориальных границ поселения (и в широком – «перемещение», и в узком – «переселение» значения термина migration). Суть термина «трансформация» – это коренное преобразование структур, форм и способов, изменение целевой направленности. Поэтому автору представляется, что правомернее использовать не термин «трансформация миграции», как это повсеместно имеет место в современной научной литературе, а термин «трансформация проявлений миграции населения», или «трансформация типов, видов, форм и т.д. миграции населения». «Трансформация миграции населения» может рассматриваться как «преобразование структур, форм и способов миграции, изменение ее целевой направленности». В связи с этим, термин «трансформация миграции населения» означает, с одной стороны, процесс преобразования, коренного изменения проявлений миграции населения в рамках ее типов, видов и форм. С другой стороны, соответственно, представляет собой изменение соотношений между различными типами, видами и формами миграции населения;

В чем важность терминологического уточнения термина «трансформация миграции населения» в свете модернизации и инновационного развития России? На взгляд автора, это необходимо для того, чтобы рассмотреть и творчески адаптировать к этим новым условиям – процессу реконструкции общественной системы с целью ускорения развития, внедрения новейших достижений науки и техники в жизнь – очень важную для этого развития государственную политику регулирования миграции населения. И осуществить это на основе богатого исторического опыта регулирования миграции населения в России. Причем именно не в целом, а с точки зрения выделения ключевых типов, видов и форм миграции населения, которые имели приоритетную поддержку государства на том или ином этапе. Еще раз подчеркнем, что представляется правильнее пользоваться не термином «трансформация миграции населения», а термином «трансформация проявлений миграции», и рассматривать отдельно трансформацию типов, видов и форм миграции, поскольку миграция, ее суть – территориальное перемещение, переселение с пересечением административно-территориальных границ поселения, не меняется.

Учитывая вышесказанное, трансформация проявлений миграции: типов, видов и форм, в условиях модернизации и инновационного развития России подразумевает необходимость соответствующего управления со стороны общества, иными словами – определенной политики. Как отмечает Л.Л. Рыбаковский: «в сложной системе управления – политика ее основная часть, придающая управлению целевую направленность и определяющая направления, средства и методы достижения поставленных целей. Все остальные элементы управления (анализ ситуации, прогнозирование, организационные структуры, кадровое обеспечение и др.) носят соподчиненный характер. Сами по себе они могут обслуживать любую политику, как, кстати, и ее отсутствие. Стало быть, политика – это то горючее, благодаря которому механизм управления приобретает целенаправленный характер»². «Двумя неотъемлемыми, но различными по своему смыслу частями любой политики являются концепция и программа (план) действий»³. Причем концепция логически должна быть всегда первична, поскольку концепция: «это система идей, взглядов, определяющая границы правового и идеологического пространства, в рамках которого могут формироваться программные документы»⁴, которые включают, с одной стороны, блок законодательных, правовых документов, и блок конкретных мероприятий той

¹ См. Ионцев В.А. К вопросу о формировании и развитии самостоятельной науки о миграции населения // Расселение населения, памяти Б.С. Хорева (1932–2003) Сборник статей 2 / Под ред. И.А. Даниловой, Н.Г. Джанаевой, Р.В. Дмитриева. – М.: МАКС. Пресс, 2012. – С. 312–313.

² Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – С. 241.

³ Там же, с. 247.

⁴ Там же, а также в кн.: Демография для практических работников: Методические рекомендации для специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-Информ, 2014. – С. 228.

или иной программы, с другой стороны. Эти вопросы в подробности в новейшем изложении также рассмотрены Л.Л. Рыбаковским¹.

В приведенных выше цитатах заключена основа одной из наших гипотез: только в случае наличия научно-обоснованной политики в области миграции населения следует говорить о реальном и эффективном (а не формально провозглашенном, но не эффективно осуществляемом) регулирующем воздействии государства на миграцию населения. Причем как в целом, так и по отдельным ее проявлениям: типам, видам и формам. Исходя из данной гипотезы, на наш взгляд, в случае отсутствия научно-обоснованной разработки политики в области миграции населения даже сам факт наличия специальных организационных структур для управления миграционными процессами, с одной стороны, и наличие принятых на государственном уровне миграционных программ, с другой стороны, не могут свидетельствовать об эффективном воздействии государства на миграционные процессы.

По мнению Л.Л. Рыбаковского², двоякое понимание взаимоотношений социальной и демографической, в том числе и миграционной политики основано на двояком определении структуры социальных процессов. Эта двойственность сводится к представлению социального либо в широком, либо в узком значении слова «социальное». Если в широком смысле – это все, что связано в той или иной степени с жизнедеятельностью человека, то в узком – только то, что связано с изменениями качественных характеристик самого населения, его занятости, а также уровня и качества жизни. При этом социальное в узком смысле слова может быть также представлено двояко: с одной стороны, как социальное развитие, с другой стороны, и как изменение социального статуса.

В случае широкого понимания социального демографическая политика, в том числе и миграционная политика, выступает в качестве составной части социальной политики. Но если социальное рассматривать в узком понимании, то в этом случае демографическая политика столь же самостоятельна, как и социальная политика. При этом следует четко разделять, что если объектом социальной политики в узком смысле этого слова являются качественные аспекты жизнедеятельности человека, в то время как объектом демографической политики – воспроизводство и миграция населения, т.е. его количественные параметры.

С одной стороны, социальный характер миграции населения обуславливает тесную взаимосвязь миграции населения с другими социальными процессами (а в случае их широкого определения – в том числе и демографическими). Определяет, соответственно, влияние на миграцию населения и ее проявлений и социальной, и демографической политики. С другой стороны, экономический характер миграции населения обуславливает ее тесную взаимосвязь с экономическим развитием, соответственно, с экономической политикой государства, «с геополитикой, так как выступает мощным рычагом перераспределения населения по территории страны, национальной политикой, в силу того, что миграция населения находится в тесной связи с этническими процессами»³.

При этом следует помнить, что в этих взаимосвязях, в соответствии с широким определением социальных процессов, миграция населения и ее основных проявлений – типов, видов и форм, выступает, во-первых, как результат социального развития, а во-вторых, как фактор этого социального развития. То же самое можно сказать и об экономическом развитии, для которого миграция населения является, с одной стороны, его результатом, а, с другой стороны, его же фактором. Общеизвестно, что влияние экономики на развитие миграционных процессов является доминирующим, в рамках настоящей статьи остановимся лишь на социальных аспектах миграции населения. Точнее, на влиянии миграции населения на демографическое развитие России.

Л.Л. Рыбаковский подчеркивает⁴, что в зависимости от природы управленческого объекта возможны два типа воздействия на него: непосредственное (что характерно для естественных процессов) и опосредованное (что характерно для социальных процессов). В первом случае воздействие осуществляется на естественные процессы путем целенаправленного воздействия на условия, в которых функционирует объект управления, т.е. непосредственно. А во втором случае прямое управление объектом не возможно, так как воздействие осуществляется на человека, и поэтому это управление опосредовано поведением человека. Это очень важно понимать и постоянно об этом помнить, поскольку именно в этом заключается специфика управления социальными процессами, которая заключается в том, что необходимо не только обеспечивать определенные усилия со стороны государства, но и предусмотреть возможность адекватного принятия этих усилий со стороны населения.

Мы разделяем точку зрения Л.Л. Рыбаковского, высказанную в 2005 г.: «В тех случаях, когда властные структуры игнорируют положение о том, что социальная политика – это политика для людей, ее эффективность в лучшем случае приближается к нулю. Этим можно объяснить все имевшие место в последние 15 лет провалы в сфере социальной политики России. В числе которых, и, казалось бы, очень разумные усилия по замене льгот денежными выплатами».⁵ Интересно, что именно на вышеприведенный пример указал и Президент В.В. Путин, полемизируя с А.Л. Кудриным в прямом эфире 26 апреля 2013 г.

Миграция населения – это сложный социально-экономический процесс, в котором, как отмечалось выше, только переселения на постоянное место жительства следует рассматривать как чисто демографический процесс, выступающий в качестве компонента демографического развития территории. При этом миграция населения выступает, во-

¹ Более подробно см. в кн.: Демография для практических работников: Методические рекомендации для специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-Информ, 2014. – С. 228–230.

² Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – С. 241–249.

³ Спиридонов А.Н. Миграционная политика в России, ее эволюция и пути совершенствования: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.э.н. – М., 2007. – С. 9.

⁴ Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – С. 241–249.

⁵ Там же, с. 242.

первых, как результат и социального (как отмечалось ранее), и экономического развития, а во-вторых, миграция населения выступает, одновременно, и как фактор и социального, и экономического развития. В соответствии с этим необходимо, чтобы каждая из этих функциональных ролей миграции населения занимала свое место при изучении миграции населения как компонента (составной части) демографического развития и, одновременно, представляла собой особый объект при разработке миграционной политики, особенно – ее концепции.

В первом качестве (как результат других социальных процессов) миграция населения и ее проявления испытывает на себе влияние всего комплекса присущих тому или иному историческому периоду социальных условий. Тенденции и результаты миграционных процессов для всех их типов, видов и форм, в рамках того или иного периода времени (в том числе, особенно, и в современном, постсоветском периоде) не могут не отражать тех современных общих социальных закономерностей, в рамках которых они складываются, с одной стороны. С другой стороны, проявления миграции, одновременно, не могут не подвергаться воздействию ситуативных факторов. Под последними факторами подразумеваются конкретные временные и территориальные (иными словами – региональные) особенности развития. С этой точки зрения, можно сказать, что миграционные потоки всех типов, видов и форм, на всех территориальных уровнях (страна, регион, поселение), с одной стороны, в определенной мере априори универсальны, но с другой стороны, они одновременно и специфичны. Иными словами, различные проявления миграции населения: типы, виды, формы и т.д., в каждый момент, с одной стороны, имеют как общие, так и вполне определенные специфические особенности на всех вышеназванных уровнях: общегосударственном, региональном и поселенном.

Данное обстоятельство принципиально, и в методологическом отношении его нельзя не учитывать при разработке теоретических подходов к оценке результатов и последствий миграции населения. Последствия миграции населения всегда конкретны. Их нельзя не соотносить с теми социально-политическими, экономическими, демографическими и другими условиями, в которых они формируются и компонентами которых являются на определенный момент времени. На прикладном уровне такой аспект изучения миграции населения особенно значим для разработки мер миграционной политики, которые должны учитывать как общие, так и особенно – специфические особенности миграционных процессов. Понятно, что данный аспект миграции населения значим даже не столько на общероссийском, сколько на региональном уровне миграционной политики, в том числе, особенно – для региональных миграционных программ.

Для региональной миграционной политики эта особенность – одновременно универсальность и специфичность миграционных процессов и трансформация всех типов, видов и форм, обязательно должна найти отражение в рамках концепций соответствующих региональных миграционных программ, которые должны обеспечить условия для реализации ее конкретных целей с учетом этих обоих моментов. С учетом, с одной стороны, социального характера миграции населения и ее проявлений, следовательно, связи с социальной политикой в стране в целом – т.е. на федеральном уровне, с другой стороны, со спецификой социальной политики в данном регионе. То же самое следует сказать и по отношению к экономической политике. Вывод: необходимо учитывать особенности общегосударственной миграционной политики, и брать ее за основу как своеобразную канву для разработки конкретной региональной миграционной политики. Но при этом всегда помнить, что неучтенную в этой общегосударственной миграционной политике специфику миграции: и как фактора, и как результата социальной политики на ее территории, специфику для данного региона, необходимо отразить для всех основных типов, видов и форм миграции населения. Во всех ее трех частях, последовательность разработки которых играет (как считает Л.Л. Рыбаковский, и автор разделяет эту точку зрения), важнейшее, если не сказать – основополагающее, значение: сначала – концепции, затем, законодательного ее обеспечения, и только уже на их основе – конкретных мероприятий региональной миграционной программы.

При этом сложность заключается в том, что, к сожалению, в постсоветский период не соблюдается именно эта, необходимая для разработки эффективной и действенной миграционной программы, вышеназванная последовательность в разработке всех составных частей миграционной политики, прежде всего, на общероссийском уровне.

В российской практике наблюдалась обратная картина, когда в условиях отсутствия принципиально новой концепции миграционной политики РФ в переходный период к рыночной экономике, исходя из сложившейся миграционной ситуации первых «шоковых» лет, сначала была принята республиканская долговременная программа «Миграция». Она была утверждена Правительством Российской Федерации 18 мая 1992г., опережая разработку концепции, которая подразумевает постановку стратегической цели миграционной политики.

Таким образом, получается, что сначала была разработана и профинансирована конкретная, подчеркнем еще раз – долгосрочная, миграционная программа, принятая без определения целей миграционной политики! И это – в кардинально изменившейся в стране социально-политической, социально-экономической и социально-демографической ситуации. Но при этом уже с определением основных направлений миграционной политики России. Последние, как отмечает О.Д. Воробьева, «были впервые сформулированы в республиканской долговременной программе «Миграция»¹. Интересно отметить, что эта программа трижды корректировалась и просуществовала до 2002 г., т.е. фактически до времени утверждения Правительством РФ в сентябре 2001 г. Концепции демографического развития РФ на период до 2015г. И хотя это была концепция демографического развития в целом, на наш взгляд, именно в ней были, обоснованно с научной точки зрения, сформулированы цели миграционной политики. Приведем их список. Прежде всего, «регулирование миграционных потоков в целях создания действенных механизмов замещения естественной убыли населения Российской Федерации; повышение эффективности использования миграционных потоков путем достижения соответствия их объемов, направлений и состава интересам социально-экономического развития Россий-

¹ Воробьева О.Д. Трансформация системы регулирования миграционных процессов в России // Миграционные процессы в России / Под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2014. – С. 368.

ской Федерации; обеспечение интеграции мигрантов в российское общество и формирование толерантного к ним отношения»¹. Однако эти цели, как это ни парадоксально, так и не были повторены и поставлены во главу угла одобренной Правительством РФ лишь в 2003 г. (наконец-то), уже непосредственно Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. В которой, по мнению, даже зам. руководителя ФМС России, М.Л. Тюркина, «основные концептуальные положения носят декларативный характер»². Этот вариант, принятый под влиянием, к сожалению, событий 11 сентября 2001 г. в США, которые «скорректировали» миграционные политики многих стран, для Российской Федерации был неадекватен социально-демографическому и социально-экономическому развитию страны в то время, поскольку был фактически полностью ориентирован на борьбу с незаконной миграцией населения³. В нем был сделан упор на контроль над иммиграцией иностранных граждан, их пребыванием и проживанием, трудовой деятельностью. Это, безусловно, являлось важной частью регулирования миграционной подвижностью населения, но такой подход не позволяет сформулировать и разработать цели стратегически выстроенной, а значит, эффективной миграционной политики. И это притом, что проект концепции, адекватно отвечающий объективным условиям России на рубеже веков, уже был к этому времени разработан, но, к сожалению, так и не был утвержден Правительством РФ еще в конце 1990-х гг., о чем неоднократно писалось в научной литературе⁴.

Проект 1999 г. представлял логически выстроенное единство концепции регулирования миграционных процессов (как системы идей, которая обеспечивает и придает целевую направленность), причем с упором на регулирование так называемого традиционного экономического типа миграции населения. Первый проект отразил произошедшую к концу века трансформацию типа вынужденных миграций в тип добровольных миграций, был адекватным в отражении влияния миграции населения на социально-демографическое развитие России в изменившейся социально-политической и социально-экономической ситуации на рубеже веков. Мы разделяем мнение тех ученых, которые считают первый проект более адекватным в определении целей регулирования миграцией населения, определении основных направлений по сравнению с утвержденной в 2003 г. концепцией.

Было ли в современных условиях перехода к модернизации и инновационному развитию России что-то и позитивное в практике регулирования миграцией населения? Да, были. Например, автор разделяет мнение О.Д. Воробьевой, что таким моментом был «принципиально новый подход к регулированию миграционных процессов, позволивший сократить нелегальную составляющую до минимальных масштабов был предпринят в 2007 году. Он заключался в практическом переходе от разрешительного порядка получения права на трудовую деятельность в России к уведомительному, как то и предусматривает законодательство. Это сразу дало всплеск официально зарегистрированной численности иностранной рабочей силы в стране с 1717 тыс. в 2007 году до 2400 тыс. человек в 2008 году, позволило сократить нелегальную составляющую. Но эта практика была кратковременной»⁵. Приведенные цифры свидетельствуют, как предпринимаемые на уровне государства усилия по совершенствованию миграции населения на уровне определенных ее типов, могут дать значительный и краткосрочный эффект.

Но повторим еще раз, что, к сожалению, с момента распада СССР вплоть до 1995г., отсутствовал не только опыт разработки научно-обоснованной концепции регулирования миграции населения Российской Федерации, но и отсутствовало понимание и признания на государственном уровне необходимости такой разработки. Это, на наш взгляд, и привело к существенным просчетам в регулировании миграции населения и трансформаций ее проявлений в изменившихся социально-политических условиях, в том числе особенно – в первые годы так называемого «шокового» периода. Не позволило осознать возможность наиболее эффективной реализации, использования 25-ти миллионного потенциала русских, оказавшихся за пределами России в новых независимых государствах, плюс еще 3 миллиона представителей народов России⁶, который именно в первые годы после распада Союза ССР, был в максимальной степени готов к реализации в Россию. И даже после утверждения в сентябре 2001 г. Правительством Российской Федерации «Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г.», где были четко сформулированы цели именно миграционной политики, на государственном уровне данное понимание, на наш взгляд, не было достигнуто. Представляется, что назначение МВД ответственным за разработку новой Концепции миграции Российской Федерации и теоретически, и практически было нецелесообразно. Оно предопределило ориентированность этой концепции на предупреждение незаконной миграции и борьбу с терроризмом. Для трансформации проявлений миграции населения в эпоху модернизации и инновационного развития России следует рассматривать этот шаг как выбор неэффективного вектора управления развитием процессов миграции в нашей стране.

К сожалению, такая позиция представляет одну из двух основных точек зрения на государственную миграционную политику в 2000-х годах. В первой предлагается жестко ограничивать приток иммигрантов силовыми методами. Во второй, наоборот, предлагается стимулировать любую иммиграцию, но в первую очередь – русскоязычных граждан бывшего СССР, иными словами – соотечественников. Мы согласны с О.Д. Воробьевой в том, что обе эти точ-

¹ Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации № 1270-р от 24 сентября 2001 г. Раздел II.

² Тюркин М.Л. Миграционная система России: монография. – М.: Изд. дом Стратегия, 2005. – С. 269.

³ А как известно, даже по мнению специалистов МОТ, такие меры, как усиление пограничного контроля и депортация, имеют ограниченную эффективность.

⁴ Мукомель В.И. Миграционная политика России: постсоветские контексты / Институт социологии РАН. – М.: Диполь-Т, 2005. – С. 121–123; О.Д. Воробьева. Трансформация системы регулирования миграционных процессов в России // Миграционные процессы в России / Под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2014.

⁵ Воробьева О.Д. Трансформация системы регулирования миграционных процессов в России // Миграционные процессы в России / Под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2014. – С. 374.

⁶ Научный доклад «Миграция русского населения в России». – М.: ИС ЦСД, 1992. – С. 6.

ки зрения – «крайности, но между ними существуют различные комбинации, сочетающие различные подходы. И те и другие, безусловно, имеют под собой основания»¹. Объективно основанием для их существования в условиях демографического кризиса является и снижение численности трудоспособного населения, и массовая незаконная миграция представителей нероссийских этносов и другое.

На сегодняшний день особенно верным представляется мнение О.Д. Воробьевой, что «решение нелегальной трудовой миграции лежит в плоскости экономической политики, а не миграционной»². И то, что этот специалист в недалеком прошлом находился на высокой руководящей работе в ФМС России, должно заставить обратить внимание на следующую оценку современной миграционной политики нашей страны: «Нынешнюю «миграционную практику» трудно оценить как успешную, соответствующую национальным интересам России, так как она по всем официальным и неофициальным данным, очевидно, приводит к сокращению миграционного притока и прироста населения и увеличению нелегальной миграции, т.е. к эффектам, противоположным тем, которые провозглашены в качестве основных целей государственного регулирования демографических и миграционных процессов»³.

¹ Воробьева О.Д. Трансформация системы регулирования миграционных процессов в России // Миграционные процессы в России / Под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2014. – С. 378.

² Там же, с. 380.

³ Там же с. 377.

Фетисова С.Л.

к.п.н., профессор факультета физической культуры и спорта РГПУ, Санкт-Петербург
fctset@bk.ru

Фокин А.М.

к.п.н., преподаватель факультета физической культуры и спорта РГПУ studio_grand@list.ru

Несмеянов А.А.

д.м.н., профессор, академик РАЕН, директор клиники «НОРДМЕД», Санкт-Петербург
org@piterbasket.com

ВРАЧЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА СОСТОЯНИЕМ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И НАЧАЛЬНОГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ЗАНИМАЮЩИХСЯ МИНИ-ПИТЕРБАСКЕТОМ

Ключевые слова: физическая подготовка детей дошкольного и младшего школьного возраста, врачебный контроль, питеербаскет.

В процессе обучения детей дошкольного и младшего школьного возраста двигательным умениям необходимо опираться на особенности физиологии и основополагающие морфобиомеханические закономерности, знание которых позволяет совершенствовать этот процесс. Формирование жизненно-важных органов и систем, двигательных навыков в процессе занятий физическими упражнениями может быть успешным при наличии научного подхода к реализации различных средств и методов физической культуры. При этом необходимо учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей на различных этапах их развития. Особенности адаптации детей дошкольного и младшего школьного возраста к физическим нагрузкам связаны с уровнем морфофункционального созревания их организма (6).

У детей дошкольного и младшего школьного возраста нервные центры характеризуются высокой возбудимостью, относительно слабым развитием процессов торможения. Дети отличаются быстрой утомляемостью, недостаточным развитием произвольного внимания и сильно выраженными ориентировочными реакциями.

К основным этапам развития моторных функций и совершенствования управления движениями у детей относятся:

- Первый год жизни – формирование основных поз.
- До 3-х лет – создание основного фонда движений.
- В возрасте 3–6 лет – созревание механизма кольцевого рефлекторного регулирования с ведущей ролью зрительных обратных связей.
- В возрасте 7–9 лет – усовершенствование кольцевого рефлекторного механизма с ведущей ролью проприоцептивных обратных связей.
- В 10–11 лет – созревание механизма центральных команд (программного управления).

Физические качества у детей формируются гетерохронно, в разные возрастные периоды. Для развития каждого качества имеются определенные сенситивные периоды онтогенеза, когда может быть получен наибольший прирост. Они имеют специфические особенности проявления и индивидуальную программу развития, определяемую генетически. На протяжении дошкольного и младшего школьного возраста происходит постепенное нарастание физиологической лабильности нервных центров и подвижности нервных процессов. Основное ускорение развития быстроты начинается с 10-летнего возраста. Время простой двигательной реакции на свет в 2–3 года составляет 0,6–0,8 с., к возрасту 5–7 лет это время сокращается до 0,3–0,4 с., но еще вдвое превышает величины взрослых.

Возрастная динамика развития физических качеств у мальчиков (по Бальсевич В.К., 2000)

Возраст, лет	Время реакции, мс	Теппинг-тест, дв./10 с	Скорость бега, м/с	Высота прыжка, см
5–6	286,0	47,8	4,07	25,6
7–8	219,7	53,9	4,83	30,6
9–10	207,0	55,8	5,09	35,1

Широко распространен в практике теппинг-тест – количество постукиваний кистью в максимальном темпе за 10 сек. За период с 5 до 11 лет этот показатель нарастает в среднем у мальчиков от 47,8 до 62,4 движения. Скорость бега увеличивается и за этот период нарастает у мальчиков примерно в 1,5 раза.

Абсолютная мышечная сила в дошкольном и младшем школьном возрасте нарастает умеренно. Относительная сила почти не изменяется, так как прирост мышечной силы не превышает прироста массы тела. Лишь с 6–7 лет, когда скорость прироста силы начинает опережать прирост веса, относительная сила ребенка начинает увеличиваться. За период от 4 до 7 лет сила различных мышц увеличивается примерно в 1,5–2 раза.

Скоростно-силовые возможности ребенка развиваются постепенно. Дети 5–6 лет осваивают лишь около половины прыжковых упражнений. Основной прирост происходит лишь после 11 лет. Средние показатели прыжка в длину с места в 4 года составляют 47 см, в 7 лет – 116 см; прыжка в высоту в 4 г. – 14 см, в 7 лет – 26 см.

Общая выносливость начинает увеличиваться в младшем школьном возрасте, когда достаточного развития достигают сердечно-сосудистая и дыхательная системы, и увеличивается МПК. В возрасте 7–11 лет заметно увеличивается выносливость к аэробной работе, но не растет выносливость к анаэробной работе.

В дошкольном возрасте быстро растет точность метания в цель, точность прыжка. В структуре основных двигательных способностей у детей 3–6 лет ловкость составляет 52–57%. Наибольшие сдвиги координационных способностей обнаруживаются после 7 лет. Показатели координации и точности движений у 7–8 летних детей в 1,5–2 раза хуже, чем у 14–15 летних. Они резко ухудшаются при малейшей недостаточности зрительной информации. На 30–50% они менее стабильны, чем у 11–12 летних детей.

Гибкость одно из самых ранних по развитию качеств. Начиная с 4 лет, она быстро совершенствуется на всем протяжении дошкольного и младшего школьного возраста благодаря хорошей растяжимости мышечных волокон и связочного аппарата у детей.

Физическое развитие в дошкольном возрасте обусловливается непрерывным изменением основных антропометрических показателей: роста, массы тела, окружности головы, грудной клетки. Так анализ развития детей, занимающихся теннисом на протяжении трех лет (см. 9) показал прирост всех физических качеств:

- По показателям физического развития: прибавка в росте в среднем на 16,6 см (16%), в весе – на 6,7 кг (45%), окружности грудной клетки: при вдохе – на 5,8 см (11%), выдохе – на 6,9 см (12,5%);

- По показателям физической подготовленности: в метании теннисного мяча – на 940 см (254%), в метании набивного мяча – на 230 см (176%), в прыжках с места вперед – на 64,4 см (90%), в гибкости – на 5,9 см, в виси на руках – на 40 сек (159%).

Влияние физических упражнений положительно сказывается на уровне физического развития детей и на улучшении пропорций телосложения.

Опорно-двигательная система ребенка продолжает свое развитие к моменту окончания ДООУ. Формирование скелета тесно связано с интенсивным развитием мускулатуры, сухожилий и связочно-суставного аппарата.

В дошкольном периоде происходит интенсивная перестройка деятельности сердечно-сосудистой и дыхательной систем на более экономичный и эффективный уровень работы, в связи с чем возрастает потенциал детей при выполнении мышечной деятельности.

Согласно исследованиям Г.П. Юрко, на протяжении дошкольного возраста выделяют третий, пятый и седьмой год жизни, когда происходит не только количественный рост, но и существенная перестройка функций организма. При этом перестройка деятельности основных энергообеспечивающих систем предшествует таковой в двигательной функции, что создает предпосылки для последовательного воздействия в эти критические периоды средствами физического воспитания. Также выявлено, что возраст от 4 до 5 лет отличается наибольшей интенсивностью и гармоничностью развития.

Правильное дозирование физических нагрузок является одной из самых сложных задач в деятельности специалиста по физической культуре. В дошкольном учреждении при оценке двигательной активности объем движений определяется количеством шагов в сутки (7; 8). Количество шагов в сутки должно составлять: дети 3 лет – 9–9,5 тыс., 4 лет – 10–10,5 тыс., 5 лет – 11–12 тыс., 6 лет – 13–13,5 тыс. Большое значение на занятиях физическими упражнениями имеет интенсивность применяемых нагрузок. Так, в пробах на велоэргометре наибольший прирост объема выполняемой работы наблюдался лишь при выполнении нагрузок умеренной мощности (50% от максимального темпа pedalирования). Самый большой прирост выносливости наблюдается в период от 7–8 лет до 9–10 лет (6). Об интенсивности двигательной деятельности судят по характеру пульса. Частота сердечных сокращений характеризует физиологическую стоимость различных упражнений.

Колебания частоты сердечных сокращений при выполнении различных физических упражнений у детей 5–7 лет (в мин.)

Виды физических упражнений	Частота сердечных сокращений	Время восстановления (мин)
Общеразвивающие упражнения	100–140	1–2
Умеренная ходьба	120–150	1–2
Осложненная ходьба, ходьба по лестнице	130–160	3
Бег на месте	130–170	3
Бег средней интенсивности	150–180	3–4
Медленный бег трусцой	150–170	2–3
Прыжки в длину	130–165	1–2
Прыжки со скакалкой	140–170	3
Подскоки	130–160	2–3
Равновесие	120–150	1
Езда на велосипеде	130–160	3
Игра в мяч	145–195	3

Таблица приводится по кн.: Медико-педагогический контроль за физическим воспитанием детей дошкольного возраста: Метод. Рекомендации / М-во здравоохранения СССР. – М., 1982.

Систематические занятия физическими упражнениями совершенно необходимы растущему организму. Повышенный двигательный режим у дошкольников увеличивает темпы созревания всех органов и систем организма. Ускоряет развитие физических качеств.

Увеличение моторной плотности физкультурных занятий в дошкольных учреждениях на 20–25% за счет введения элементов различных игр и эстафет в течение года дает заметный прирост силы и скоростно-силовых возможностей, особенно у мальчиков, повышая дальность прыжка по сравнению с обычным режимом при низкой моторной плотности занятий.

Младший школьный возраст является благоприятным для разучивания новых движений. Считают, что с 5 до 10 лет ребенок усваивает примерно 90% общего объема приобретаемых в жизни двигательных навыков. При систематических занятиях физическими упражнениями в период от 7–8 до 10–11 лет существенно увеличиваются аэробные возможности организма, особенно при работе 70–80% мощности от максимальной.

Для определения оценки работоспособности используется адаптированный тест PWC170.

Возрастная динамика показателей физической работоспособности у мальчиков, занимающихся мини-питербаскетом (Зузик Ю.А.)

Возраст, лет	Пульс в покое, уд./мин	Физическая работоспособность при пульсе 170, кг/мин	Относительная работоспособность при пульсе 170, кг/мин
3–4	100–102	127–149	8.1–8.9
4–5	96–102	195–237	10.5–11.7
6.5	107	307	12,0
7	107	296	10,9
8	102	313	10,7
9	99	392	12,2
10	89	398	12,4

Многолетние исследования показали, что укрепление здоровья, повышение работоспособности детей наиболее эффективно совершенствуется в подвижных играх и эстафетах. Направленные подвижные игры могут развивать любые двигательные качества детей в зависимости от организации. Систематическое использование физических упражнений с использованием игрового и соревновательного метода, помогает качественно совершенствовать физические качества, активизирует работоспособность нервной системы. В игровой деятельности ребенку отводится определенная роль, где он самостоятельно воспроизводит движения, характерные для игровой ситуации. Таким образом, игра создаёт оптимальные условия для двигательных действий ребенка.

Таким образом, сведения о возрастных особенностях морфофункционального развития дошкольников являются основой для более эффективного использования средств физического воспитания, повышения их умственной и физической работоспособности.

В последние годы существенно расширились возможности проведения исследований по проблемам физической культуры дошкольников. Благодаря интеграции России в мировое научно-педагогическое сообщество, отечественным ученым открываются новые возможности, новые инструментарии, доступные для использования в научных исследованиях в области физической культуры (2).

Одним из наиболее перспективных направлений можно считать использование мониторов сердечного ритма для оценки реакции организма детей на различные физические нагрузки и выполнение физических упражнений разной степени сложности.

Целью исследования являлось выявление реакции ЧСС детей 5–6 лет на различные виды физических нагрузок при выполнении ими физических упражнений, разрешенных общеобразовательной программой для детей дошкольного и начального школьного возраста, занимающихся мини-питербаскетом, с использованием аппарата POLAR.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Определить реакцию ЧСС мальчиков и девочек 5–6 лет при выполнении ими различных физических упражнений;
2. Выявить зависимость между показателями ЧСС и физической подготовленностью детей, их состоянием здоровья и другими факторами.
3. Рассчитать параметры для построения балльной системы оценки результатов ЧСС на различные виды физических нагрузок отдельно для мальчиков и девочек 5–6 лет.

Для решения поставленных задач нами было проведено предварительное исследование, в котором приняли участие руководители физического воспитания и более 130 детей 5–6 лет ГБДОУ г. Санкт-Петербурга (2).

При проведении исследования учитывались сведения (портфолио) об анамнезе ребенка, группа здоровья, физическое развитие, физическая подготовленность.

Во время занятий детям предлагалось выполнить различные упражнения с использованием основных видов движений в течение 30–35 минут. Данное занятие включало в себя такие физические упражнения, как ходьба со средней скоростью (в темпе 2 шага в сек, 1,6 м/с, бег в течение 3-х мин со скоростью 2,2 м/с; полоса препятствий, включающая упражнения скоростно-силового и силового характера, дриблинг, упражнения на пресс, сит-тест, упражнения на равновесие).

В результате проведенных занятий были получены данные ЧСС детей (56 мальчиков и 56 девочек) на различные виды физических упражнений. После проведения необходимых вычислений были получены данные, с помощью

которых стал возможен дальнейший расчет балльных «коридоров» по 9-ти балльной шкале, который позволяет привести к единой оценке результаты, измеренные в разных метрических системах (метрах, секундах).

Полученные предварительные данные позволили рассчитать параметры балльной системы оценки результатов ЧСС для мальчиков и девочек на различные физические упражнения.

Сравнительный анализ результатов мальчиков, занимающихся по 9-тибалльной системе

ФИО	Ходьба /балл	Бег/балл	Полоса/балл	Отбивание мяча/балл	Пресс/балл
Фадеев Влад	8	6	7	7	7
Тимофеев Александр	6	6	7	8	6
Гросс Андрей	5	6	6–7	8	5
Петунин Артем	3	5	3	5	4
Исмаилов Рамин	9	7	8	8	8
Красов Дима	6–7	8	7	7	6
Рудаков Сева	6	7	7	9	6

Сравнительный анализ результатов девочек, занимающихся по 9-тибалльной системе

ФИО	Ходьба/балл	Бег/балл	Полоса/балл	Отбивание мяча/балл	Пресс/балл
Галактионова Лиза	4	6	5	5	7
Мурзина Илона	4	7	7	6	4
Рыбакова Яна	5	5	6	5	3
Зыкова Лиза	4	5	2	6	3

Результаты ЧСС у девочек оказались несколько лучше, чем у мальчиков.

На наш взгляд это может быть связано с тем, что девочки лучше физически подготовлены, меньше отвлекались при выполнении упражнений на внешние факторы, у них хорошо сформированы навыки в предложенных видах движений.

Шкала оценок показателей ЧСС в основных движениях мальчиков 5–6 лет

Ходьба		Отбивание мяча от пола 2 мин в движении	
Балл	Интервал результатов	Балл	Интервал результатов
9	134,9	9	186,96
8	131,086 – 134,83	8	180,639 – 186,837
7	127,26 – 131,01	7	174,31 – 180,51
6	123,44 – 127,19	6	167,99 – 174,18
5	123,37 – 119,55	5	161,54 – 167,86
4	119,48 – 115,73	4	155,22 – 161,41
3	115,66 – 111,91	3	148,89 – 155,09
2	111,83 – 108,09	2	142,56 – 148,76
1	108,02	1	142,44
Бег		Пресс 30 движений за 1,5 мин	
Балл	Интервал результатов	Балл	Интервал результатов
9	196,08	9	160,45
8	185,01 – 195,87	8	153,5 – 160,3
7	175,55 – 185,61	7	146,57 – 153,38
6	165,28 – 175,347	6	139,63 – 146,44
5	154,82 – 165,08	5	132,56 – 139,5
4	144,55 – 154,613	4	125,62 – 132,43
3	134,29 – 144,35	3	118,68 – 125,482
2	124,02 – 134,09	2	111,74 – 118,55
1	123,82	1	111,602
Полоса препятствий		Сит-тест 3 мин	
Балл	Интервал результатов	Балл	Интервал результатов
9	184,835	9	148,36
8	177,55 – 184,69	8	143,52 – 148,267
7	170,27 – 177,41	7	138,67 – 143,42
6	162,99 – 170,13	6	133,83 – 138,57
5	155,57 – 162,85	5	128,89 – 133,73
4	148,29 – 155,425	4	124,04 – 128,79
3	141,01 – 148,15	3	119,2 – 123,95
2	133,73 – 140,865	2	114,35 – 119,1
1	133,585	1	114,26

Шкала оценок показателей ЧСС в основных движениях девочек 5-6 лет

Ходьба		Отбивание мяча от пола 2 мин в движении	
Балл	Интервал результатов	Балл	Интервал результатов
9	152,4	9	194,16
8	145,76 – 151,9	8	186,76 – 194,02
7	139,5 – 145,63	7	179,35 – 186,61
6	133,17 – 139,3	6	171,95 – 179,2
5	126,75 – 133,04	5	164,4 – 171,8
4	126,63 – 120,46	4	157,0 – 164,25
3	120,34 – 114,2	3	149,59 – 156,85
2	114,04 – 107,87	2	142,18 – 149,44
1	107,75	1	142,04
Бег		Пресс 30 движений за 1,5 мин	
Балл	Интервал результатов	Балл	Интервал результатов
9	196,9	9	156,73
8	186,7-196,7	8	151,64 – 156,63
7	176,6-186,5	7	146,54 – 151,54
6	166,4-176,4	6	141,45 – 146,44
5	156,13-166,2	5	136,25 – 141,35
4	146,0 – 155,9	4	131,16 – 136,15
3	135,9 – 145,8	3	126,06 – 131,06
2	125,7 – 135,7	2	120,97 – 125,96
1	125,5	1	120,87
Полоса препятствий		Сит-тест 3 мин	
Балл	Интервал результатов	Балл	Интервал результатов
9	192,35	9	153,39
8	183,84 – 192,19	8	147,49 – 153,285
7	175,34 – 183,675	7	142,494 – 147,835
6	166,825 – 175,165	6	137,04 – 142,385
5	158,145 – 166,65	5	131,485 – 136,935
4	149,635 – 157,975	4	126,035 – 131,376
3	141,125 – 149,46	3	126,035 – 131,376
2	132,615 – 140,96	2	120,585 – 125,92
1	132,45	1	115,026

Корреляционный анализ, показал наибольшее количество разнообразных по силе достоверных связей между показателями частоты сердечных сокращений при разных видах физических упражнений и отсутствие зависимостей между показателями анамнеза и показателями реакции ЧСС на физическую нагрузку. Это указывает на невозможность использования данных анамнеза при прогнозировании реакции ЧСС на физическую нагрузку у детей 5–7 лет.

Дискриминантный анализ показал, что невозможно выделить факторы или группу факторов, которые могли бы прогнозировать принадлежность ребенка к той или иной группе. В этой связи был сделан вывод о том, что невозможно упростить процедуру оценки уровня реакции ЧСС ребенка на физическую нагрузку при помощи использования косвенных показателей, логически связанных с состоянием ЧСС ребенка. Поэтому для корректной оценки уровня реакции ЧСС ребенка на физическую нагрузку необходимо использование инструментальных способов – функциональных проб, мониторинга реакции ЧСС при помощи мониторов сердечного ритма. Необходимо отметить, что, несмотря на логическую связь рассматриваемых нами косвенных показателей оценки реакции ЧСС на физическую нагрузку, экспериментально статистически достоверных взаимосвязей обнаружено не было. Объяснений тому может быть несколько:

- 1) Данные об анамнезе ребенка в ДОУ ведутся не достаточно корректно и не отражают все полноты необходимой информации.
- 2) Выбранные нами косвенные показатели (группа здоровья, диагноз и др.) не имеют достоверных связей с реакцией ЧСС на физическую нагрузку.

Список литературы

1. Бальсевич В.К. Онтоткинезиология человека. – М.: Теория и практика физической культуры, 2000. – 275 с.
2. Вегера А.И., Петренко Н.Л., Соловьева Т.В. // Современное состояние проблемы подготовки специалистов по физической культуре и перспектив развития: Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции «Герценовские чтения» / Под общ. ред. Г.Н. Пономарева, Р.М. Кадырова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 209–214.
3. Власов А.М. Комплексный контроль физической подготовленности и морфофункционального состояния юных баскетболистов 12–15 лет дис. канд. пед. наук. – М., 2004. – 143 с.
4. Гайдадина И.И. Повышение уровня физической культуры детей 5–6 лет на основе интенсификации совместной с родителями физкультурно-спортивной деятельности дис. канд. пед. наук. – Краснодар, 2010. – 227 с.
5. Губа В.П. Основы распознавания раннего спортивного таланта: Учеб. Пособие для высших учебных заведений физической культуры. – М.: Терра-Спорт, 2003. – 208 с.
6. Солодков А.С., Сологуб Е.Б. Возрастная физиология: Учебное пособие / СПбГАФК им. П.Ф. Лёвафта. – СПб., 2001. – 187 с.

7. Филиппова С.О., Волосникова Т.В., Петренкина Н.Л., Лукина Г.Г., Бауэр О.П. // Развитие физической культуры и физкультурного образования в новых социокультурных условиях: матер. Науч.-практ. Конф. «Герценовские чтения». – СПб.: Стратегия будущего, 2007. – С. 63–67.
8. Филиппова С.О., Пономарев Г.Н. Теория и методика физической культуры дошкольников: Учеб. пособие для студентов академий, университетов, институтов физической культуры педагогических вузов. – СПб.: Детство-Пресс; М.: Сфера, 2010. – 615 с.
9. Журавина А.Ю. Комплексная методика обучения дошкольников 3–6 лет основам тенниса дис. канд. пед. наук. – М., 2014. – 150 с.

ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ (БИБЛИОТЕКИ, АРХИВЫ, МУЗЕИ) В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Волкова В.Н.

д.э.н., профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ КАК ОСНОВА НЕГЭНТРОПИЙНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: институты социальной памяти, энтропийные и негэнтропийные процессы в обществе, социальная память, научные коммуникации.

Для исследования роли институтов социальной памяти и коммуникационного пространства предлагается отобразить его как самоорганизующуюся систему с активными элементами.

1. Наличие в системах с активными элементами одновременно энтропийных и негэнтропийных процессов

Одна из основных принципиальных закономерностей сложных систем – способность противостоять энтропийным (разрушающим систему) тенденциям и проявлять негэнтропийные тенденции. Именно эта закономерность принципиально отличает развивающиеся открытые системы с активными элементами от закрытых систем, для которых справедлив закон физики – стремление системы занять минимальное энергетическое состояние, т.е. к возрастанию энтропии («второе начало термодинамики» или просто «второе начало»).

При применении этого закона для осмысления процессов в живых и социально-экономических системах процесс возрастания энтропии в закрытых системах, изолированных от других систем, объясняют таким образом: «...В технике это называется амортизацией, в химии – деструкцией, а в биологии – старением» [3, с. 5]. Такие процессы наблюдаются на практике и в социально-экономических системах.

По Л. фон Берталанфи [1] способность противостоять энтропийным (разрушающим систему) тенденциям и проявлять негэнтропийные тенденции обусловлена наличием **активных элементов**. Эти элементы стимулируют обмен материальными, энергетическими и информационными продуктами со средой и проявляют собственные «инициативы». Благодаря действию активных элементов в системах нарушается закономерность возрастания энтропии (аналогичная второму закону термодинамики, действующему в закрытых системах, так называемому «второму началу») и наблюдаются негэнтропийные тенденции, т.е. *самоорганизация и развитие*.

Энтропийно-негэнтропийные процессы сложно трактовать в упрощенных терминах.

С одной стороны, существует представление об энтропии как о хаосе, мере неупорядоченности системы, а о негэнтропии как мере упорядоченности. Но, с другой стороны, именно негэнтропийные тенденции являются основой развития (травинка пробивает асфальт благодаря этой тенденции), любых инноваций, а они дестабилизируют систему, вносят нестабильность, т.е. неупорядоченность («креативное разрушение» по В. Зомбарту и Й. Шумпетеру). В то же время энтропийные тенденции, напротив, стабилизируют состояние системы, поскольку минимальное энергетическое состояние, к которому они приводят – самое устойчивое.

2. Информация – основа негэнтропийных тенденций и процессов

Анализ истории появления представлений об источниках негэнтропийных тенденций позволяет осознать, что их источником является *информация*. Становление этого понятия связано с рядом предшествующих понятий и философских концепций, близких терминов и определений, вводимых философами античности, средних веков и последующих периодов развития науки: *эйдос*, *идея*, *форма* (*In-form* – в форме), *мысль*, *сведения*, *знание*, *разъяснение* (лат. *informatio*) [8, 11], которые использовались для обозначения явлений и процессов, связанных с негэнтропийными тенденциями. Эти формы до появления собственно термина «информация» **Ю.Ю. Черный** называет *протоинформацией*.

«... Подобно тому как музыка может рождаться из природной стихии в результате подражания ей (например, из шума прибоя), возможно допустить наличие некоторой протоинформации в живой или даже неживой природе. Вероятно, между человеческим сознанием как частью природы и другими натуральными феноменами нет непроходимой границы. А потому на низших эволюционных уровнях информация оказывается тоже присутствующей, «разлитой», хотя и не в столь явной форме, когда речь идет о смысле, представленном в человеческом сознании» [13, с. 234].

3. Информация – категория, парная материи

Диалектический подход предполагает, что для развития необходимы парные категории, что подтверждается развитием представлений о материи и сопутствующих категорий – от эйдоса до информации. В диалектике Г. Гегеля информации соответствует «абсолютная идея», с которой он начинает процесс эволюции, что вызвало критику в материалистической философии. Ф. Энгельс попытался убрать абсолютную идею и представить процесс развития без нее («Диалектика природы»), что не получилось. Вместо абсолютной идеи в теории К. Маркса – Ф. Энгельса предлагается понятие «самодвижение целостности», т.е. наличие неких активных начал, которые обеспечивают развитие. В современной атрибутивной теории информация предполагается неотъемлемым свойством (атрибутом) материи, и поэтому она может проявлять себя во всех объектах, процессах и явлениях как живой, так и неживой природы [10]. Таким образом, развитие понятия «Информация» привело ученых к выводу, что ее можно рассматривать как субстанцию, определяющую единство и развитие мира, категорию парную материи.

4. Осмысление информационных процессов с точки зрения теории систем

Модель преобразования информации Ф.Е. Темникова

В 1970-е гг. Ф.Е. Темников для осмысления функций преобразования информации предложил модель, приведенную на рис. 1 и 2, на которых введены следующие обозначения: C – связь, M – «память», K – расчет (обработка); R – «рассудок»; P – политика [3].

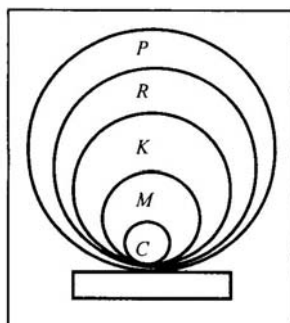

Рисунок 1

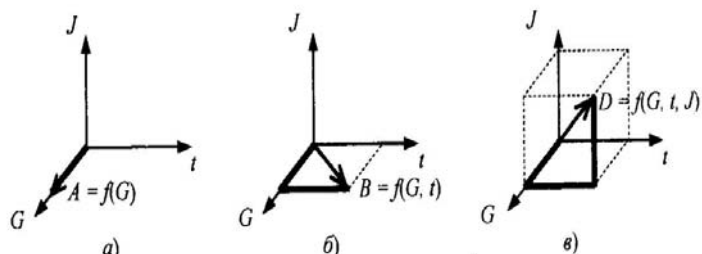

Рисунок 2

Передача информации в пространстве иллюстрируется рис. 2, а. Передача в пространстве и во времени – на рис. 2, б. Преобразование информации по трем координатам – пространство G , время t и обработка J – на рис. 2, в.

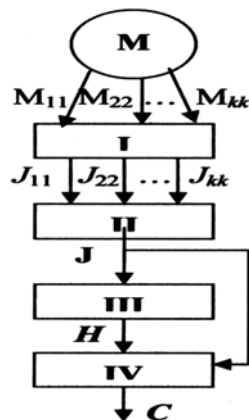

Рисунок 3

Модель преобразования информации А.А. Денисова

Понятие отражения и преобразования информации по А.А. Денисову, предложенное в (1974 г.) [5], иллюстрируется рис. 3, на котором обозначено:

M – материальные свойства;

J – чувственная информация или информация восприятия;

H – логическая информация или сущность, значимость, потенциал;

$C = J \cap H$ – информационная сложность, содержание, смысл.

Необходимость переработки первичной информации

Модели Ф.Е. Темникова и А.А. Денисова позволяют сделать вывод о том, что первично полученная, воспринятая информация преобразуется. Причем не только передается во времени (память), но и перерабатывается: у

Ф.Е. Темникова – К, и в последующем – R и P); у А.А.Денисова – первично воспринятая информация J преобразуется – в сущность, потенциал H и смысл C , т.е. происходит осмысление информации, при этом вводятся оценки информации восприятия J и значимости (потенциала) H [3, 5], что позволяет оценить смысл ее сбора, хранения и использования для конкретных приложений.

4. Роль институтов социальной памяти и научных коммуникаций

Осмысление роли энтропийно-негэнтропийных процессов в развитии общества позволяет глубже осознать роль *институтов социальной памяти и научных коммуникаций* как основы создания эмерджентных свойств системы, т.е. появления у нее принципиально новых, неожиданных свойств, способствующих развитию системы.

Негэнтропийные тенденции обеспечиваются передачей накопленной новой информации от предыдущего поколения к последующему, что осуществляется различными способами, основные из которых приведены на рис. 4.

Рисунок 4.

Способы передачи информации от предшествующего поколения к последующему

Библиотеки, музеи, архивы и др. хранилища информации играют важнейшую роль. Они накапливают информацию и передают информацию от предшествующего поколения к последующему, сохраняя ее в течение длительных периодов с момента возникновения.

В то же время при оформлении информации в виде документов, создании хранилищ, архивов она в определенной мере «омертвляется», и необходимы меры по ее «оживлению», т.е. обеспечивающие активизацию ее использования. В музеях эту роль выполняют гиды; в библиотеках – библиографы, информационные работники справочно-информационных фондов. Однако при росте источников информации, при усложнении общественных и информационно-коммуникационных процессов нужны и специальные формы, обеспечивающие активизацию использования информации.

Кроме того, модели Ф.Е. Темникова и А.А. Денисова обращают внимание на тот факт, что для активизации практического использования информации ее необходимо преобразовывать, перерабатывать.

5. Роль научно-технической информации и органов НТИ

Исследование информационных процессов на практике приводит к заключению, что не любая информация способствует развитию системы.

В 1960-е годы была осознана роль *научно-технической информации* как основы развития науки, которая является основой негэнтропийных тенденций в социальной системе, основой развития всех сфер общества. В большинстве развитых стран из разрозненных информационных служб были созданы *центры* НТИ, а в ряде стран – и национальные системы НТИ, а в нашей стране такая система формировалась централизованно как *Государственная система научно-технической информации* (ГСНТИ) [7, 12], расширяющая возможности библиотек, являющихся основными хранилищами культурного наследия любого общества, путем создания специальных органов НТИ, выполняющих функции обработки (реферирование, подготовка обзорных, экспресс-информаций, ориентированных на развитие науки в различных отраслях, аналитических обзоров и т.п.), избирательного распространения научно-технической информации, издания сигнальных информаций). В тот же период 1960–1970-х гг. была осознана значимость научных коммуникаций как одного «из важнейших компонентов сложнейшего социального явления, называемого наукой» [8].

Для углубленного исследования информационно-коммуникационных процессов и роли различных институтов, обеспечивающих переработку информации, полезно использовать закономерности теории систем.

6. Осмысление информационных и коммуникационных процессов с точки зрения закономерностей теории систем [3]

Закономерность целостности (эмерджентность) приводит к появлению у системы новых свойств, которых не было у ее элементов, что усиливает действие отдельно возникающих негэнтропийных факторов, которые в социально-

экономических системах реализуются в форме инноваций. *Закономерность иерархичности* приводит к усилению процесса появления новых, в том числе непредсказуемых и неконтролируемых свойств любой системы, общества.

Любая развивающаяся система находится, как правило, между состоянием абсолютной *целостности* и абсолютной *аддитивности*, т.е. распадом системы, и выделяемое состояние системы (ее «срез») можно охарактеризовать степенью проявления одного из этих свойств или тенденций к его нарастанию или уменьшению. На основе информационного подхода А.А. Денисов ввел сравнительные количественные оценки степени целостности α и коэффициента использования свойств элементов β в целом [3]. В соответствии с *закономерностью историчности* существует «жизненный цикл» любых процессов.

Исследования показали, что эффективность функционирования системы вначале при возрастании степени регулирования (α) увеличивается, а при чрезмерном регулировании начинает снижаться, поскольку подавляются инициативы (негэнтропийные тенденции), способствующие развитию системы, а это отрицательно влияет на рост эффективности системы, а в последующем может привести систему к гибели. Снижение эффективности функционирования системы можно объяснить тем, что в числе новых свойств системы (в том числе общества), появляющихся в результате проявления закономерностей *эмерджентности* и *иерархичности*, могут быть не только *способствующие развитию системы*, но и свойства, *опасные для ее существования*, несущие разрушающие факторы.

При этом целостность обеспечивается не только регулированием «сверху», но и усилением связности (связь – ограничение свободы элементов) (например, в компьютерных сетях, в результате чего в них проявляются негативные процессы – коммуникационный тоталитаризм, ограничивающий свободу компонентов сети).

Заключение

Таким образом, осмысление роли энтропийно-негэнтропийных процессов в развитии общества позволяет глубже осознать роль институтов социальной памяти и научных коммуникаций как основы создания эмерджентных свойств системы, способствующих развитию системы.

В то же время при оформлении информации в виде документов, создании хранилищ, архивов она в определенной мере «омертвевает», и необходимы меры по ее «оживлению», т.е. обеспечивающие активизацию ее использования, что возможно на основе реализации функций переработки информации, обеспечиваемых органами системы научно-технической информации.

Исследование энтропийно-негэнтропийных и коммуникационных процессов с точки зрения закономерностей теории систем позволяет сделать вывод о том, что для развития общества необходимо создание *единого информационного пространства*, объединяющего все информационные ресурсы общества и системы социальной памяти, включая библиотеки, органы НТИ, музеи, архивы, локальные базы данных, хранилища информации, ресурсы Интернет.

При этом в настоящее время осознается возрастающее воздействие новых технологий на информационно-коммуникационные процессы, увеличение степени целостности за счет увеличения взаимосвязей в сетях (*связь – ограничение степени свободы элементов*), в большой степени за счет компьютеризации, что иногда квалифицируют как «коммуникативный тоталитаризм». Следовательно, необходимо искать формы управления энтропийно-негэнтропийными процессами.

Представляется целесообразным создание системы управления объединением институтов социальной памяти, но не на основе жестких принципов управления, а на основе принципов, исследуемых в других междисциплинарных научных направлениях, и в частности, в *тектологии* (всеобщей организационной науке), предложенной А.А. Богдановым [2], *теории координации* М. Месаровича [5], обеспечивающих возможность постоянного анализа состояния системы и корректировки ее на основе координирующих воздействий.

Список литературы

1. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.
2. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука: Тектология. В 2-х кн. – М.: 1905 – 1924.
3. Волкова В.Н., Денисов А.А. Теория систем и системный анализ: учебник. – М.: Юрайт, 2014. – 616 с.
4. Граве П.С., Растринин Л.А. Кибернетика и психика. – Рига: Зинатне, 1973. – 96 с.
5. Денисов А.А. Современные проблемы системного анализа: учебник. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2008. – 304 с.
6. Месарович М. Теория иерархических многоуровневых систем / М. Месарович, Д. Мако, И. Такахара. – М.: Мир, 1973. – 344 с.
7. Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы информатики. – М.: Наука, 1968. – 756 с.
8. Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научные коммуникации и информатика – М.: Наука, 1976. – 435 с.
9. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 2001.
10. Техническое задание на совершенствование Единой системы научно-технической информации в стране. – М.: ГКНТ СМ СССР, 1972. – 34 с.
11. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. – М.: Наука, 1975.
12. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф.Губский и др. 2003.
13. Черный Ю.Ю. Послесловие к 7-му заседанию семинара «Методологические проблемы наук об информации» / Теория и практика общественной научной информации: сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН. – М., 2014. – Вып. 22. – С. 234.

Гринченко С.Н.

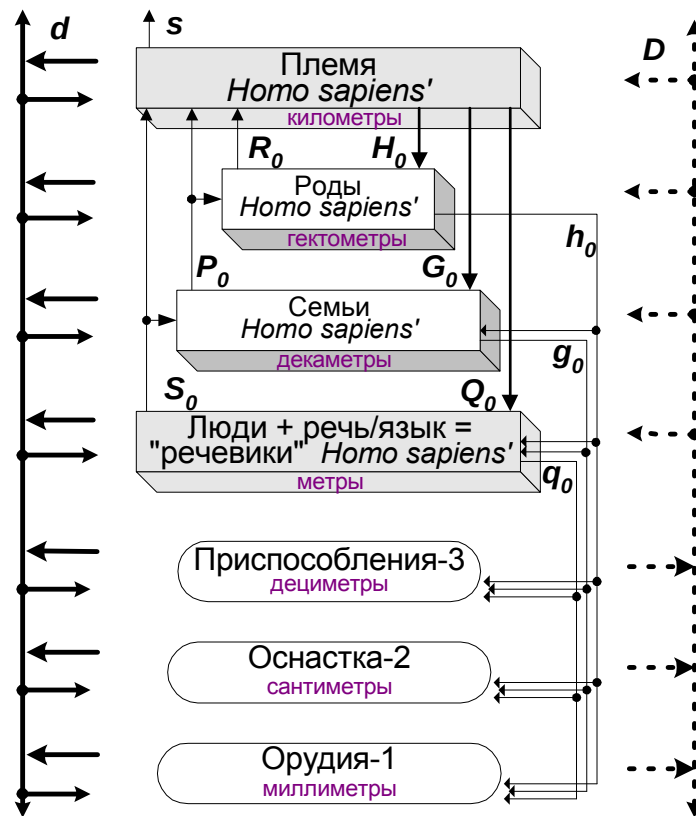
д.т.н., профессор, гл.н.с. Института проблем информатики РАН

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМНОЙ ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ключевые слова: иерархическая самоуправляющаяся система Человечества, оптимизационная системная память, социальная память, кибернетическое системное представление.

С позиции методологов исторической науки, **социальная память** – это накопление и сохранение в памяти человечества опыта всех прошлых поколений¹. Но это объяснение всего лишь переформулирует понятие «социальная память» в столь же неопределённое понятие «память человечества», не детализируя, что же это такое, как осуществляется накопление, сохранение и – главное! – считывание информации, сохранённой в такой памяти.

Обратимся от методологии истории к методологии кибернетики. Ранее нами² было показано, что с точки зрения информатико-кибернетической концепции описания структуры и приспособительного поведения системы **живого оптимизационная системная память** – результат адаптивных влияний представителей вышележащих иерархических ярусов на структуру вложенных в них нижележащих – выступает в роли одной из трёх фундаментальных сущностей, наряду с поисковой активностью и целевыми критериями (поисковой оптимизации энергетики живого).

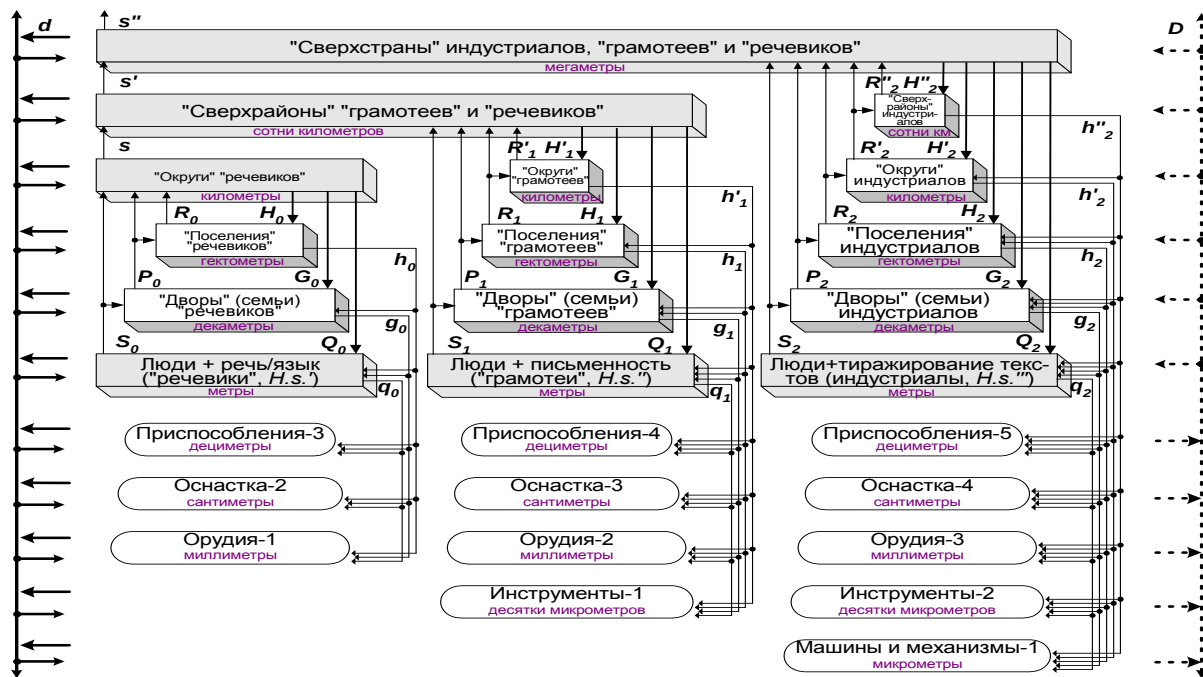

Рисунок 3.

Схема взаимодействия (коэволюции) трёх подсистем личностно-производственно-социальной системы Человечества, происходящего в период от середины XV века до середины XX века (т.е. между промышленным и компьютерным информационными переворотами)

С кибернетической точки зрения¹, культура – это совокупность результатов антропогенной деятельности, отраженных в системной памяти (оптимизационной + антропогенной) всех составляющих личностно-производственно-социальной системы Человечества. Очевидно, что здесь «культура» понимается в самом широком, «лотмановском», смысле.

И тогда в формуле

системная память = культура = социальная память

все три термина можно рассматривать как различные наименования одной и той же сущности, – или, другими словами, как различные ракурсы взгляда на неё.

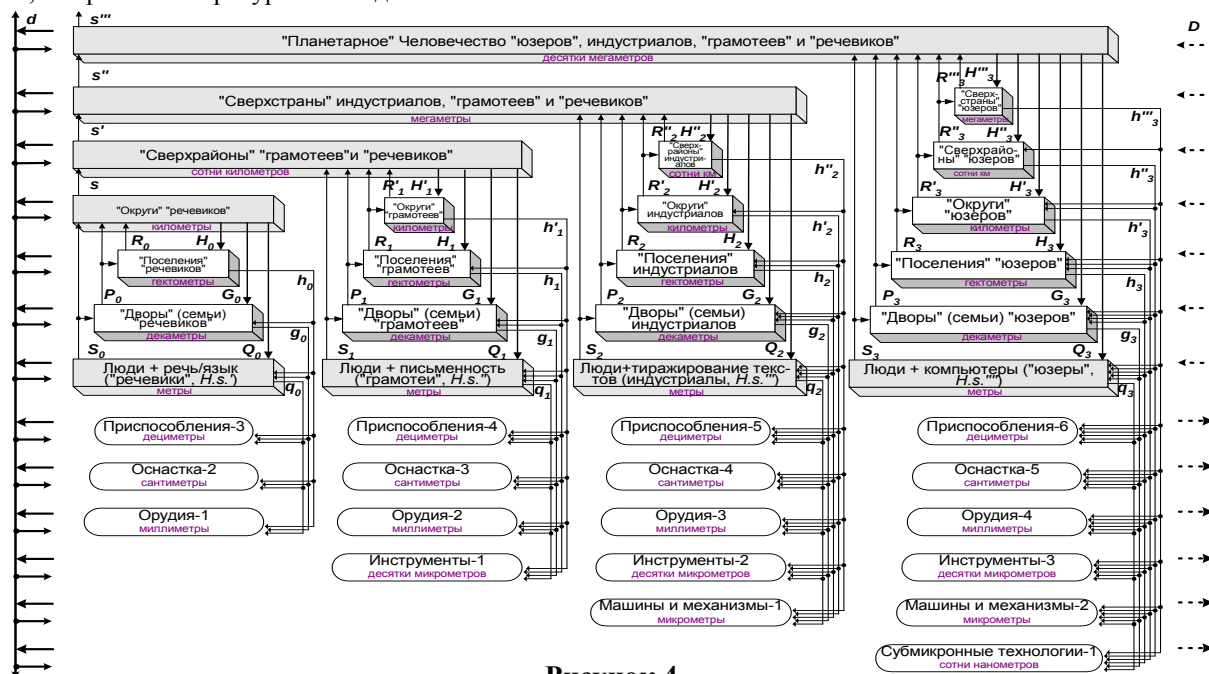

Рисунок 4.

Схема взаимодействия (коэволюции) четырёх подсистем личностно-производственно-социальной системы Человечества, происходящего в период от 1946 г. до 1979 г. (между информационными переворотами компьютерным и последующим за ним сетевым)

¹ Гринченко С.Н. Культура как многомерная система: информатико-кибернетический аспект // Грани познания: наука, философия, культура в 21-м веке. Кн. 2. – М.: Наука, 2007. – С. 367–395; Гринченко С.Н. Культура как системная составляющая Человечества // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. – № 3 (19). – С. 55–63.

В редуцированном же виде эта формула сводится к виду

системная память = социальная память,

что даёт возможность обогатить представление о социальной памяти, используя характеристики системной памяти.

Более же узкая трактовка термина «культура» – например, как «Культура (от лат. cultura – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание), исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях»¹ или «Культура – это специфически человеческий способ бытия»² – влечёт и более узкое понимание термина «социальная память».

А именно: поскольку «системная память» необходимо ассоциируется с самым широким представлением о культуре, можно констатировать, что в узком смысле «социальная память» будет выступать как *элемент* системной памяти.

Таким образом, на базе междисциплинарного информатико-кибернетического языка описания структуры и приспособительного поведения природных систем (включая Человечество) может быть реализован переход от **терминологии** (как «естественно сложившейся совокупности терминов определенных областей знания или их фрагментов»³) в области социального знания к **терминосистеме** (как «упорядоченной терминологии с зафиксированными отношениями между терминами, отражающими отношения между называемыми этими терминами понятиями»⁴).

¹ Зильберман Д.Б., Межуев В.М. Культура // БСЭ, том 13. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – С. 594–597.

² Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 7.

³ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Терминология>

⁴ Там же.

Зеленина Н.В.

директор Музея новейшей истории г. Подольска

Зеленина Е.В.

с.н.с. Музея новейшей истории г. Подольска

МУЗЕЙ – СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПАМЯТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: институты социальной памяти, музейная деятельность, национальная идентичность.

Любой народ, любое человеческое сообщество, любое государство, любая цивилизация, проходя по исторической линейке времени, обязательно оставляют культурные вехи. Этот культурный багаж имеет тенденцию накапливаться в социальных хранилищах памяти – музеях. Люди, живущие в общем социально-культурном и политико-культурном пространстве, нуждаются в общем комплексе, едином для всех, ценностей и установок. Эти идеи, ценности, нормы, мысли, накапливаясь в исторической памяти народа, определяют содержание и направленность национального общественного сознания, политического поведения и философской мысли. Этот комплекс можно условно назвать парадигмой, т.е. универсальным фундаментом социума, на котором формируется национальная идентичность народа. Термин «идентичность», получивший широкое употребление в современном языке, весьма расплывчат по своему смысловому содержанию. В российской академической традиции слово идентичность иногда заменяется на самосознание¹, однако едва ли эти два понятия являются полностью синонимичными. Термином идентичность обозначают чувство человека, выражающее его сопринадлежность к какой-либо группе, тождественность с ее членами. Тогда национальная идентичность – это чувство сопринадлежности человека к определенному государству или нации, разделяемое с группой людей независимо от гражданства индивида. Что же понимает под национальной идентичностью рядовой член нашего общества? Скорее всего, это некий целостный образ, который индивид составляет о самом себе и о своей нации. Попробуем ответить на вопрос о том, как у индивида формируется национальная идентичность. В современном мире в формировании национальной идентичности участвует множество социальных институтов, причем каждый из этих агентов социализации отвечает за определенный фрагмент формирования мировоззрения и миропонимания у рядового члена общества. Условно этот процесс может продолжаться на протяжении всей жизни индивида. Наиболее важным итогом этого сложнейшего процесса является формирование национальной идентичности. Какова роль музея в этом процессе? Современный музей сегодня меняется вместе с обществом. Новые требования современного мира заставляют меняться и социальные институты, в том числе и музеи, библиотеки, архивы. Мультикультурное пространство каждой нации заставляет музейных работников по-иному взглянуть на свою рабочую территорию и выстраивать экспозицию таким образом, чтобы музей стал полноценным участником процесса формирования национальной идентичности. Отвечая на вопросы: «КТО Я?», «ОТКУДА Я?», «КТО РЯДОМ СО МНОЙ?» музей помогает человеку сформировать ощущение сопричастности к своему народу, к своей исторической памяти. Зачастую именно музей является наиболее доступным социальным институтом памяти, где человек может найти быстрые ответы на множество вопросов. К сожалению, сегодня вопросов больше, чем ответов. Очень важно, на наш взгляд, что в музее накапливается исторический материал, который является своеобразным индикатором, позволяющим судить о месте того или иного народа в общем пространстве мировой цивилизации. В любом музее время замирает в той исторической временной плоскости, которой соответствуют накопленные экспонаты и фонды. Независимо, в какой музей пришел человек (любой музей это маленькое хранилище памяти своего народа), в музее человек обязательно должен получить ответ на все свои вопросы. В ходе изучения музейной экспозиции, внимательно рассматривая документы и экспонаты, включаясь в исторический срез эпохи, человека начинает определять свой специфический портрет, свой неповторимый этнографический образ через проникновение в историю своего народа и своей нации. Если человек ушел из музея и у него не сложилось чувство сопричастности к национальному наследию, не возникло чувство гордости за историческое прошлое своего народа, значит, музейное пространство не работает, а является просто справочным стендом. Быстро меняющееся время заставляет быстро меняться и социальные институты памяти. Каждый музей должен сегодня уметь выстраивать свое музейное пространство таким образом, чтобы историческая память народа являлась важным фактором формирования национальной идентичности, именно историческая память во многом питается сознание отдельно взятого человека, группы, коллектива, общества. Современные музейные, библиотечные, архивные системы, активно включаясь в процессы социализации и индивидуализации, сами идентифицируют себя с помощью исторической сопричастности к памяти народа в его историческом прошлом. Музей занимает свое неповторимое место в этой системе. У музея среди всех социальных институтов памяти самый широкий

¹ См.: Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – СПб.: Наука, 2013.

набор возможностей для демонстрации различных исторических фрагментов доступным широкому зрителю способом.

Современное информационное пространство стало в последние годы всепроникающим и общедоступным для многочисленной аудитории. Легкость проникновения в информационные потоки позволяет каждому считать себя сопричастным к формированию национальной идентичности. Неокрепшая психика молодого поколения не всегда правильно позволяет расставить приоритеты в информационной базе исторического развития своего народа. В современном вихревом потоке информации у человека может сложиться ложное представление о месте своего народа в мировом геополитическом пространстве, а забвение прошлого может затруднить понимание собственной идентификации с соответствующим сообществом.

Видение себя, позиционирование и оценка в данном сообществе – это и есть результат национальной истории и культуры, транслирующейся из поколения в поколение, хранящейся в социальных институтах памяти. Сегодня музей – это не просто хранилище исторических артефактов и коллекций, музей сегодня – место, где ведется огромная научная работа по различным направлениям: систематизация фондов, электронная обработка экспонатов, построение современной экспозиции и интерпретация исторических фактов. Музейный работник, которого в недавнем прошлом воспринимали как хранителя экспонатов, сегодня становится ответственным за причастность индивида к национальной идентичности.

Современный процесс глобализации обостряет национально-культурные отношения, которые сегодня выходят на уровень глобальной проблемы. С одной стороны, глобализация делает прозрачными границы между народами и государствами, ставит под вопрос прежнюю роль национального государства и связанную с ним национальную составляющую идентичности. С другой стороны, та же самая глобализация, способствуя сближению и интеграции различных социальных и этнических общностей, усиливает потребность в определении своей культурной и цивилизационной идентичности. На это обстоятельство, в частности, указывал С. Хантингтон: «Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации». Проблема идентичности также остро встает как перед отдельной личностью, так и перед этносами, народностями, различными сообществами. Проблема в ближайшем будущем может перерасти в кризис, а кризис идентичности опасен тем, что может привести к потере исторической памяти, утрате веры в национальный идеал. Обесценивание национальных и культурных ценностей всегда приводило к разрывам в исторической времени любого народа. Если народ в период кризиса начинает уничтожать хранилища памяти, значит, пришло время кризиса национальной идентичности. А кризис национальной идентичности – это регресс общества. Чем опасна такая ситуация – тем что в такой нестабильной ситуации всегда найдется желающий взять на себя миссию вывести народ из кризиса, предлагая самые простые способы, например революции, тоталитарные режимы. Утешает только то, что процессы глобализации в культурной и социальной сфере происходят медленнее, чем в экономической сфере. Таким образом, глобализация стремится перемолоть национальную идентичность, растворить ее в глобальных процессах экономизации, демократизации, информатизации, культурной стандартизации и ценностной универсализации. Национальная идентичность отвечает на этот вызов глобализации усилением национализма в рамках национальных сообществ, а также дроблением этих сообществ на более мелкие, т.е. субнациональные. По мысли Р. Робертсона и Х. Хондкера, современная глобализация задает глобальную рамку, в которой цивилизации, регионы, национальные государства, этнические сообщества получают возможность реконструировать свою историю и идентичность. Следует также отметить, что национальная идентичность в современном мире размывается не только процессами глобализации, сегодня информационная революция создает мощные предпосылки для процессов глобализации, т.е. создания единого экономического, правового и информационного пространства, составляющих важнейшие предпосылки формирования единой человеческой цивилизации. В условиях информационной открытости всего мира, повсеместной доступности СМИ, прежде всего телевизионных, появляется широкая возможность выбора, что бросает вызов как отдельным индивидам, так и целым национальным сообществам. В числе последних оказывается и национальное государство, культурное ядро которого размывается. Это в свою очередь ведет к возникновению совершенно нового типа человека, человека мира, которого условно можно назвать «хомо глобалис». С другой стороны, мы видим, что все нации и народы, в том числе и малые, отчаянно борются за свою национальную идентичность. Как следствие, это приводит к стремительному росту числа национальных государств. Если в начале XX в. их было около 50, то в начале XXI в. — уже 250, а к середине нашего столетия это число может удвоиться. Понятно, что стремительное увеличение национальных государств отражает понимание национальными элитами того, что глобальная культурная универсализация будет означать смерть национальных культур. Самоопределение малых народов — это своего рода протест против такой культурной глобализации, и в этом своем качестве он является позитивной тенденцией. Однако этот процесс порождает и национальный эгоизм, что создает новые проблемы для мира XXI в. Этнокультурная динамика дает возможность тесно связать локальные культуры своих «малых родин», законспектировать их в музеях. В такой ситуации у музея появляется уникальная возможность стать толерантной площадкой, где можно вести диалог между различными точками зрения на национальную идентичность. Музейные перспективы неисчерпаемы, история постоянно подбрасывает материал для пополнения музейных хранилищ. Следовательно, историческая память способствует не только консолидации с национальной общностью, но и способствует отождествлению человека с этой общностью, помогая найти ответы на многие вопросы, касающиеся формирования национальной идентичности. Кстати национальная общность также меняется в процессе истории, и следовательно, национальная идентичность тоже под-
лежит историзации.

Корнева-Чаева И.А.

член Ассоциации искусствоведов, с.н.с. Архива РАН

РОЛЬ МУЗЕЯ В ПРОЦЕССЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ МУЗЕЙНОЙ ГРУППЫ АРХИВА РАН

Ключевые слова: *популяризация науки и культурных ценностей, музейное дело, Музей истории Академии наук.*

В апреле 2008 года Президиум Российской Академии наук принял решение о создании Музея истории Академии наук и поручил Архиву РАН осуществлять научно-методическое руководство проектом. В Архиве была сформирована Музейная группа, задачами которой помимо специального комплектования и учета музейного фонда, стало создание концепции Музея истории Академии наук и организация выставок, посвященных знаменитым ученым и научным исследованиям. В основе концепции Будущего музея лежат как научно-исследовательские, так и просветительские задачи, а также идея формирования в обществе целостного представления о развитии отечественной фундаментальной науки и Академии наук как ее авангарда, занимающего почетное место среди крупнейших научных учреждений в мире, о ее значении в мировом научном процессе и развитии России в целом¹.

Будущий Музей истории АН – институция, призванная способствовать популяризации идей науки, принадлежащая к типу просветительских общедоступных музеев, история которых в России начинается с основания в 1714 году Кунсткамеры, ставшей одним из первых учреждений Академии наук. Исторически музейное дело в России ориентировалось на немецкую модель просветительского музея, организованного по хронологически-монографическому принципу и рассчитанного на полноту и систематичность демонстрации научного и художественного материала. Сотрудники Музейной группы дискутируют о выборе хронологической модели для построения экспозиции. На сегодняшний день предпочтение отдается идее демонстрации истории РАН как этапов деятельности ее Президентов и успехов науки в годы их пребывания на посту Академии. Поскольку одной из важнейших задач будущего Музея является популяризация документального наследия Архива Академии наук, его экспозиция должна будет отражать специфику АРАН. Опираясь на такие категории материалов Архива, как документы личного происхождения, рукописи научного наследия и следы научных трудов, мы можем взглянуть на состав АН с нового ракурса как на специфическую социальную группу. С другой стороны, точка зрения на АН как институт социальной памяти позволяет выявить другую специфическую черту АРАН: его документы, главным образом, XX века, описывают историю прикладного научного знания, призванного решать политические и экономические задачи государственного значения. Архив РАН в этом аспекте – эхо влияния научных открытий на общество, эхо восприятия обществом этой идеи. На примере работы Музейной группы мы наблюдаем процесс слияния двух институтов социальной памяти – Архива и Музея. Музей, с одной стороны, является «ветвью», произрастающей из «тела» Архива, с другой стороны, Музей, напрямую обращаясь к широкой публике, транслирует массовому зрителю в доступных зрелищных формах главный посыл Архива – пробуждение «уснувшей» социальной памяти².

За короткий срок существования Музейной группы осуществлены несколько выставок «Значки и медали из коллекции АРАН», «Земля Обручева», «Я взялся за эксперимент», «Искусство новых технологий», разработаны две образовательные программы. Основной задачей этих выставок стала разработка методологии презентации огромного наследия старейшего отечественного архива, что позволит реализовать стремление Музейной группы, опираясь на фонды Архива, выйти за рамки чисто академической среды. Детские образовательные программы направлены на пробуждение у подрастающего поколения интереса к такому роду деятельности, как наука, и создание положительного образа ученого.

11 октября 2014 года открылась музейно-документальная выставка «Я взялся за эксперимент», посвященная жизни выдающегося ученого, химика-органика, организатора науки, Президента АН СССР Александра Николаевича Несмеянова (1899-1980), создающая целостный многогранный образ личности этого ученого, писавшего картины и стихи. Благодаря дару ИНЭОС, который он основал и возглавил, воссоздан рабочий кабинет ученого 1950-х гг. – один из важных разделов будущей экспозиции будущего Музея истории Академии наук, который на сегодняшний день является частью экспозиции, предназначенной для проведения интерактивных занятий с детьми школьного возраста.

¹ Рыбкина Н.П., Ильинская В.Г. К вопросу о создании музея Академии наук // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. – М.: Архив РАН, 2013. – С. 430–434.

² Старостин Е.В. Архивы в системе социальной памяти российского общества // Социальная память в институциональном измерении: Постсоветский архив. – М., 2010; Материалы семинара Центра россиеведения. РАН. ИНИОН. Центр россиеведения. – М., 2010. – 88 с. – <http://libed.ru/knigi-nauka/660993-1-rossiyskaya-akademiya-nauk-institut-nauchnoy-informacii-obschestvennim-naukam-socialnaya-pamyat-institucionalnom.php>.

Разрабатывая не только методологию, но и форму презентации архивного наследия, сотрудники Музейной группы изучают потенциал системы музейного экспонирования, базирующейся на принципе визуализации. В связи с этим мы решили обратиться к современному актуальному искусству и организовать выставку «Искусство новых технологий».

Во второй половине прошлого столетия вслед за научно-технической революцией произошла «технологическая революция» в искусстве, позволившая значительно расширить традиционный набор материалов и техник тем художникам, которым уже не хватало масла на холсте, металла и камня в скульптуре. Изменилась видовая и жанровая структура современного искусства, возникли новые формы синтеза в сфере визуальности, объединяющие живопись, кино, фотографию, литературу, философию и научные достижения.

В выставке, организованной Музейной группой Архива Российской Академии наук, приняли участие художники, уже успевшие стать классиками современного искусства: Франциско Инфанте и Нонна Горюнова, Гор Чахал, Татьяна Баданина, Владимир Наседкин, Татьяна и Сергей Костриковы, Ольга Чернышова. Творчество всех представленных авторов опирается на научные открытия, все они тяготеют к метафорическому высказыванию, используя для этого неклассические с точки зрения традиционного искусства средства – арт-объекты в инсталляциях, видео и фото-арт.

Франциско Инфанте и Нонна Горюнова, создавая свои «артефакты», стали основоположниками синтетического пространственного искусства. Помещая в природное пространство закрепленный на невидимой леске рукотворный объект, создающий с природой единое целое, художники фотографируют полученную конструкцию. Напечатанный снимок и есть «артефакт», образ исполненный «ощущением реальности умозрительных идей, реальности вымышленных оптических конструкций»¹. Творчество Татьяны Баданиной, представленное в жанре инсталляций, обращено к истокам символических форм языка культуры, к архетипическим темам и образам, среди которых первенствуют свет, пространство и время. Ольга Чернышова, обращаясь к видео-арту, превращает обыденное в метафорическое с чувством любования повседневностью, окрашенным легкой иронией. Инсталляция Сергея и Татьяны Костриковых «Несколько историй из жизни яиц» – интерпретация вечной темы зарождения жизни. Гор Чахал обращается к традиции сакрального искусства – Литургия, Фаворский Свет, Божественные энергии, пространство иконы стали темами его композиций, выполненных в технике компьютерной живописи. Будучи дипломированным специалистом в области прикладной математики, художник использует научный инструментарий для создания особого «приборного зрения», необходимого для восприятия сущности образа. Он изобрел новый способ фотосъемки, при котором используется линза Френеля для достижения эффекта обратной перспективы, укоренившейся в традиции иконописания.

Поиски оптимальной формы музейного экспонирования обеспечивают выполнение одной из важнейших функций будущего Музея истории РАН – создание в яркой художественно-эмоциональной форме целостного научно-обоснованного образа истории РАН. Следующий проект – выставка «Документ. От бересты к научному труду», открытие которой состоялось 4 декабря 2013 года, призван решать и другие задачи: поиск новых форм и принципов интерактивной демонстрации, позволяющих исследовать историю и развитие науки и активизировать изучение истории РАН к предстоящему 300-летию юбилею, а также исследование и формирование зрительской аудитории будущего Музея.

Это – первая выставка, посвященная развитию документа, ориентированная на широкий круг зрителей, в том числе (и прежде всего) на школьников. На выставке представлены редко экспонируемые материалы Архива РАН, древние и современные носители письменности, в том числе разнообразные чертежи XVIII–XX веков, рисунки и карты. Учитывая сложность показа подобных материалов публике, мало знакомой с архивным делом, авторами использован композиционно-художественный принцип экспонирования, а также интерактивный метод демонстрации.

Структура выставки «Документ. От бересты к научному труду» отражает многообразие исторического контекста развития документа и демонстрирует путь возникновения и движения письменности, ее развитие в России параллельно с научными знаниями, наукой. При экспонировании документов и предметов авторы постарались раскрыть взаимосвязь и взаимовлияние развития способов письма и появления новых носителей информации с развитием науки в России, что особенно характерно для второй половины XX – начала XXI веков. Основную методологическую идею авторского коллектива выставки можно назвать методом содержательного кластера. Этот экспозиционный принцип, включающий лайт-бокс, стенд и витрину, позволяет более выпукло раскрывать каждую из тем выставки. Интерактивной составляющей выставки стала возможность написать своими руками текст глаголицей и кириллицей на бересте, восковой табличке или на бумаге гусиным пером.

От замысла до воплощения прошел год, выставка в Архиве РАН открыта на длительный период (не менее двух лет). К концу декабря 2014 года ее посетило уже более 30 экскурсионных групп, преимущественно младшего и среднего школьного возраста. Успех этой выставки мы оцениваем не по восторженным отзывам в книге, лежащей в экспозиции, а по тому, с каким интересом дети воспринимают не только увлекательные интерактивные занятия, особенно возможность попробовать писать, как в старину, но и такие сложные темы, как научные биографии ученых, начиная с М.В. Ломоносова, история Академии наук, развитие самых разных областей науки и техники. Большим интересом пользуются темы развития оптики от воссозданной в экспозиции камеры-обскуры до голографических изображений, астрономия от астрологии до телескопов и, конечно, история письменности. Изучение экспозиции выставки «Документ» и проведение интерактивных занятий может стать для школьников, стоящих перед выбором профессии, мощным имиджевым фактором в пользу привлекательности научного образа жизни, научной картины мира, научного поиска.

¹ «Артефакты» Франциско Инфанте и Нонны Горюновой. Выставка в Московском музее современного искусства. – М., 2006. – www.museum.ru/N28289

Лопатина Н.В.

к.п.н., профессор, зав. кафедрой библиотековедения и книговедения Московского государственного института культуры

БИБЛИОТЕКА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: информатизация общества, библиотечное дело.

Изучение будущего библиотеки в информационном обществе требует особого внимания не только к технико-технологическим новациям модернизирующим библиотечные процессы, но и к изменениям социально-гуманитарного характера, связанным с реализацией основных функций библиотеки.

Рассматривая библиотеку как социальный институт, целесообразно опираться на понимание социального института как исторически сложившихся форм организации и регулирования общественной жизни, обеспечивающих выполнение социальных функций и включающих совокупность норм, ролей, предписаний, образцов поведения, специальных учреждений (библиотека как организация), систему контроля.

Библиотека встроена в социальные структуры общества прошлого и настоящего, реализуя нормы и правила функционирования в обществе информации и знаний и удовлетворения информационных потребностей. Она сохраняет социально-ролевую цепочку «библиотекарь – читатель». Изменения, обусловленные социальными, политическими, экономическими, культурными процессами, технологическим развитием, существенно корректируют общественные отношения в области функционирования в обществе информации и знаний и удовлетворения информационных потребностей ввиду перехода инструментария информационной деятельности на новый виток развития.

В то же время эффективность библиотеки как социального института зависит от степени соответствия формально-правовых норм неформальным социокультурным нормам и степени соответствия реальных практик формальным и неформальным нормам. Специфика библиотеки как социального института в условиях информатизации заключается в более сильных позициях неформальных социокультурных норм, контроля именно культурными механизмами, а не правовыми: общественным мнением, моральными оценками, встречным поведением, инициативами, социальными диффузиями новаций, адаптационными процессами и т.д.

На основе теории Т. Парсонса дифференцируются явные и неявные функции библиотеки. Если основная функция библиотеки как социального института выступает ее сущностной основой, гомеостатизирующим элементом и, одновременно, адаптационным и развивающим механизмом, то «добавленная» функция удовлетворяет потребностям других социальных институтов или определённых социальных групп, что нередко препятствует реализации именно основной функции и вызывает дисфункциональное состояние.

На наш взгляд, культуросозидающие, идеологические, образовательные, политические, культурно-просветительные, социально-управленческие и любые другие задачи библиотеки, определяемые в библиотековедении как ее социальные функции, в конкретных социально-исторических условиях, в отдельных фрагментах социального пространства оказываются или представляются более развитыми, нежели основные функции библиотеки как социального института, регулирующего процессы обращения информации в обществе.

Изучение «производных функций» библиотеки как социального института приоритетно для библиотековедения и представляет несомненный интерес для социологии. Р. Мертон подчеркивал, что если ограничивать изучение социального института только явными функциями, то происходит просто искусная регистрация уже известных систем поведения, а «открытия в области скрытых функций представляют собой больший прирост социологического знания, чем открытия в области явных функций».¹

Рассматривая удовлетворение информационных потребностей и обеспечение доступности опубликованной информации как основную функцию библиотеки как социального института, а остальные функции как следствие ее реализации, можно отметить, что в библиотеке до последнего времени не наблюдалось серьезного расхождения между «реальной» и «формальной» деятельностью, несмотря на полиструктурность ведомственного регулирования библиотечного дела. Наблюдаемый сегодня крен в сторону «производных» функций, например, приоритет досуговой и рекреационной функции библиотеки над информационной, не может, на наш взгляд, рассматриваться как дисфункция данного социального института. Это – показатель нестабильности общества, который, тем не менее, должен насторожить информационно-библиотечную науку, в частности те её школы, которые активно применяют социологический подход в решении актуальных проблем теории и практики.

Наблюдается описанное многими социологами явление: формируется представление о том, что институт успешно функционирует, хотя «производная» функция фактически препятствует реализации основной в результате пе-

¹ Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты. / Под ред. В.И. Добренькова. – М., 1994. – С. 433.

перераспределения финансирования. Социологический подход к этой библиотечной проблеме позволяет увидеть, что усиление культурно-досуговой функции библиотеки реализует потребности государственного управления и экономики как социальных институтов. В данном случае можно говорить о стимулируемой государством подмене основной функции библиотеки как социального института «производной» функцией. Следуя современным интеграционным тенденциям в управлении социальной сферой, не только библиотека, но и другие социальные институты дисфункционализируются вследствие именно неопределённости, трансформации функций.

Прослеживается определенная аналогия и с результатами исследования Т. Веблена¹ в выявленном современном отношении к библиотеке и книге. Позитивные отклики о библиотеке как социальном институте нередко отражают не столько способность современных библиотек к реализации основной функции, сколько символическое восприятие библиотеки как «храма культуры». Многие участники глубинных интервью и фокус-групп, не являющиеся пользователями библиотек, не считают возможным демонстрировать индифферентное отношение к чтению и книге и отказ от библиотеки из-за нежелания прослыть «некультурным» человеком.

Специфика дисфункций библиотеки как социального института состоит в том, что информатизация обусловила ситуацию, когда изменившиеся социальные потребности не нашли адекватного отражения в деятельности данного социального института. Диффузия ИКТ-новаций, новых информационно-коммуникативных форматов сформировала новые габитусы, новые модели повседневного поведения, информационные потребности нового качества. С одной стороны, естественна и понятна дисфункция библиотеки в начальные этапы информатизации, которая выразилась в неопределенности целей ее деятельности в условиях появления мощных субститутов, в падении ее социального престижа и авторитета, в трансформации её отдельных функций в «ритуальную», «символическую» деятельность (не направленную на достижение рациональной). По мнению Т.И. Заславской, «социальные функции институтов в периоды интенсивных преобразований выполняются некомплексно, некачественно»². Кроме того, информатизация предполагает длительность, многообразие и постоянство изменений информационной среды, поэтому для библиотеки как социального института трансформации характерны и разнообразны. Это подтверждает слова В.А. Ядова о том, что «нормой бытия социальных институтов является как раз не их стабильность, а именно изменения, реагирующие на динамизм социально-экономических и иных процессов»³.

С другой стороны, персонализация на уровне ведомственного управления, попытки продлить традиционный социальный уклад библиотеки, оставить неизменными её функции вызвала стагнацию библиотеки как социального института. Основной акцент был сделан на функцию сохранения материальной культуры, в то время как общество выдвигало потребность в доступности не только материального, но и нематериального информационного и культурного наследия. Таким образом, сформировался лаг между социальной потребностью и реальными возможностями библиотеки как социального института.

Одним из показателей этого выступает особое явление – правила и нормы, составляющие основу институционализации, разделяет только библиотекарь, а массовый актор (читатель) – нет. Это и находит проявление в снижении количества пользователей библиотек. Новые правила и институциональные нормы на начальных этапах формирования вступают в конфликт с традиционными структурами библиотечного дела.

Массовый потребитель является ведущим социальным субъектом информационной сферы, забрав у библиотекаря лидерство в определении форматов и содержании взаимодействия. Это обусловлено следующими факторами: приоритетом в эффекте присутствия в современных социально-информационных системах; информационной активности; возможностями трансляции своих требований и впечатлений в различные фрагменты социального пространства (в том числе и государственной власти); правами публичной оценки социальной эффективности библиотеки; возможностями устанавливать свои неформальные правила и нетрадиционные образцы информационного поведения. Изменение социального статуса библиотеки и библиотекаря обусловлено упущенными возможностями на начальных этапах информатизации; отставанием от массового актора и адаптивностью; усилением субституциональной конкуренции. В этих условиях встаёт задача «двойной обратной связи», взаимных приспособлений библиотекаря и массового актора, который по сути дела вывел библиотеку из своих повседневных практик.

Содержание рассматриваемой научно-практической задачи заключается не только в констатации трансформационных явлений и проблем, но и в достижении целевой совместимости стратегий и инструментария проектирования библиотечной деятельности в новых социальных, экономических, политических и культурных условиях.

Решение поставленной научной задачи предполагает ее декомпозицию, исходя из концептуальных приоритетов в построении гипотезы. С одной стороны, можно предположить, что развитие библиотеки в современном обществе определяется влиянием исключительно факторов внешней среды: социальных, технологических, экономических, политических – и происходит в рамках адаптивной модели. С другой стороны, деятельностно-активистская парадигма социального развития (Э. Гидденс, Дж. Александер, П. Штомпка, В.А. Ядов и др.)⁴ позволяет выдвинуть гипотезу об

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984. – 368 с.

² Заславская Т.И. Современное российское общество: социальные механизмы трансформации. – М.: Дело, 2004. – С. 114.

³ Ядов В.А. Современная социологическая теория как концептуальная база исследований российских трансформаций. – СПб., 2009. – С. 40.

⁴ Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.; Ядов В.А. Современная социологическая теория как концептуальная база исследований российских трансформаций. – СПб., 2009. – 138 с.; Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. – М.: Практикс, 2013. – 630 с.; Штомпка П. Социология: анализ современного общества / Пер. с польского С.М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.

определяющей роли самой библиотеки в процессах ее развития в конкретных исторических условиях, в удовлетворении социальных потребностей, которое реализует библиотека «руками» библиотекаря.

Воспроизводство библиотеки как социального института в современных условиях – это результат квалифицированной деятельности библиотекаря, а структура библиотечных практик создается в зоне взаимодействия смыслов, норм и власти. Не структура влияет на библиотекаря, а библиотекарь может взаимодействовать с ней или противодействовать ей, при этом происходит воспроизводство социальных отношений, обладающих актуальными характеристиками. Библиотека как социальный институт не только ограничивает своими структурными рамками действия библиотекаря как актора, но и одновременно стимулирует его участие в дальнейшем институциональном строительстве, вплоть до изменения самой структуры социального института.

Основной конфликт профессионального библиотечного сообщества заключается в противостоянии двух профессиональных позиций – активно-деятельностной и адаптивной. Он пронизывает все статусные уровни (от простого библиотекаря до профессиональной элиты). Социальными регуляторами поведения профессиональных акторов выступают не нормы и типовые модели поведения в социально-профессиональной среде, а индивидуальный выбор личности, ее ценности и мотивы, которые, тем не менее, со временем образуют нормы и типовые модели поведения.

Миссия библиотекаря в ситуации институциональной аномии заключается в разрешении этого конфликта и воспроизводстве тех социальных отношений, которые лежат в основе библиотеки как социального института в новых условиях общественного развития. На наш взгляд, перспективны следующие направления развития социальных отношений библиотекаря и читателя:

- 1) расширение разнообразия социально-ролевых цепочек, в которые интегрирован библиотекарь;
- 2) реструктуризация классических цепочек «библиотекарь – читатель» и «библиотекарь – общество» в условиях изменения роли читателя. Ставится задача синергетической адаптации социальных систем посредством ценностных (культурных) и поведенческих изменений библиотекаря и других акторов (коэволюционных механизмов и реверсивности в продвижении норм и новаций; мультиуровневости отношений; новых трансформаций функций библиотеки как социального института);
- 3) персонализация библиотечных технологий и полиакторность в структурировании и функционировании информационного пространства (трансляция изменений с микро-уровня на макро-уровень; новые социальные роли библиотекаря в отношениях «автор – читатель»; информационная культура как условие дилетантизма; габитус 2.0; читательский консьюмеризм);
- 4) дифференциация общества и государства как потребителей библиотекаря (усиление участия библиотекаря в стратегической ориентации информационной инфраструктуры общества; преодоление примитивизации и архаизации социальных функций библиотекаря в государственных заданиях).

Социальные задачи современной библиотеки видятся следующим образом:

- 1) обеспечение доступности разнообразия способов удовлетворения информационных и других потребностей, имеющих информационную природу для потребителей всех уровней;
- 2) сбалансированное (в соответствии с общественными потребностями) распределение информационных ресурсов в социальном пространстве; реализация политики равных возможностей и доступности информационного разнообразия;
- 3) упорядочение социального взаимодействия, связанного с функционированием в обществе информации и знания (от личностно-психологических до макросоциальных уровней); учёт интересов всех участников социально-информационных процессов;
- 4) информационная аналитика культуры, науки, политики, основанная на изучении информационных потребностей, массивов и потоков, позволяющая определять перспективные направления развития данных социальных институтов;
- 5) содействие социализации и продвижению гуманитарно-ориентированных типовых моделей поведения.

Любин В.П.

д.и.н., в.н.с. ИНИОН РАН

Громан К.М.

переводчик-синхронист

ДВОРЦОВАЯ БИБЛИОТЕКА, МУЗЕИ И ПАМЯТНИКИ ГОРОДА ГОТЫ КАК ПРИМЕР СОХРАНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Ключевые слова: библиотека, музеи и памятники города Готы; институты социальной памяти.

Расположенный в «свободном государстве (республике)» Тюрингия город Гота средний по немецким масштабам город. «Город барокко» Гота, несмотря на свою невеликость в демографическом плане, располагает примечательными и уникальными культурными ценностями. О том, что из себя представляют эти ценности и как городские власти и сами горожане сохраняют социальную и историческую память, пойдет речь в докладе.

В конце войны, благодаря отказу одного из трезвомыслящих немецких офицеров подчиниться бессмысленным приказам по уничтожению памятников культуры и самого города, удалось спасти замок и другие строения Готы. Благодарные горожане чтят его память. После капитуляции Германии в 1945 г. в городе, как и в других местах Тюрингии, первоначально стояли американские войска, которые согласно договоренностям Ялты и Потсдама вскоре покинули Готу. По сообщению экскурсовода, они не увезли какие-либо культурные ценности, в том числе книги Дворцовой библиотеки. Но это сделали пришедшие им на смену представители при частях Советской армии. Эти части несколько десятилетий во времена ГДР размещались в Готе, так что не одно поколение солдат и офицеров познакомилось со старинным немецким городом. Войска, ставшие к тому времени российскими, покинули город согласно договору с ФРГ в 1994 г. Бывшие советские казармы используются теперь городом в других целях.

Сама Дворцовая библиотека Готы, расположенная в замке Фриденштайн, строительство которого завершено к 1656 году, сохраняется в идеальном состоянии.

История замка-дворца Фриденштайн восходит к эпохе Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Она закончилась Вестфальским миром, определением границ стран Западной Европы. В 1643 году герцог Эрнст Саксен-Готский распорядился выстроить замок на месте старого, который был разрушен в ходе военных действий. Свое символичное название «камень мира» (Friedenstein) он получил в знак окончания войны. Замок стал одним из чудес германского мира. Равного ему по размерам здания в стиле барокко не существует. Размеры дворца символизируют силу и власть, длина только северного крыла здания составляет 100 м, а боковые крылья достигают 140 м.

При замке была выстроена, как это полагалось в те времена при дворцах, тоже и российских, оранжерея. Весьма интересна система подземных ходов под замком, так называемые казематы. В расположенном на территории дворцового комплекса музее представлены картины, мебель, фарфор, золотые и серебряные изделия, знаменитая коллекция Готского мюнцкабинета насчитывает 150 тысяч монет и медалей разных времен. Всё принадлежало герцогам Саксен-Готским.

Готская дворцовая библиотека в том виде, как она сохраняется до нынешних времен, была создана весьма образованным представителем Готской династии Эрнстом дер Фромме, бронзовый памятник которому установлен перед главным фасадом дворца. Библиотека была основана Эрнстом I в 1640–1650-е годы, и с XVIII в. располагается в восточной части замка.

Дворцовой библиотеке Готы с недавних времен присвоено название исследовательская библиотека. Она одна из наиболее значимых «исторических» библиотек Германии. В ней хранятся многочисленные книги из собрания герцогского дома Саксен-Гота-Альтенбург, и кроме того, книги и атласы, выпущенные знаменитым географическим издательством Юстуса Пертеса, известного еще и своим регулярно выходившим с XVIII в. уникальным справочником о европейской знати. Наряду со средневековыми рукописями и примечательными восточными изданиями в библиотеке находятся значимые собрания, связанные с историей протестантизма накануне эпохи Просвещения. Здесь хранятся 680 тыс. печатных изданий, 10 тыс. рукописей, 185 тыс. различных географических карт, а документы архива занимают 800 метров на полках. Готская дворцовая библиотека – это конкретный, положительный пример сохранения социальной памяти. Она связана с веками истории привилегированных и подчиненных слоев общества не только Готы, но и Тюрингии, Германии, Европы.

В одном из флигелей дворца расположен филиал Эрфуртского университета. Исследовательская библиотека Готы стала его частью. Университет проводит многие международные научные конференции, в одной из которых 24–25 июля 2014 г. участвовали авторы этого доклада.

С 2006 г. работу дворцовой библиотеки поддерживает Фонд содействия, он разрабатывает программы мероприятий и предоставляет стипендии для проведения научной работы ученым, защитившим диссертации.

К югу от замка Фриденштайн в 1879 г. было закончено строительство Герцогского музея. Здесь посетители могут видеть многочисленные интересные собрания произведений искусства, имеющих мировое значение. С 1950 по 2010 гг., во времена ГДР, в здании существовал Музей природы. В 2013 г. музей вернул свой прежний статус, в нем снова выставлены произведения искусства разных эпох – от древности до нового времени. Среди них одно из самых старых собраний египетских мумий и находок из захоронений Древнего Египта. Неподражаемым шедевром является картина одного из старых немецких мастеров «Влюбленная пара» – это визитная карточка музея. Музей может гордиться имеющимися в экспозиции работами обоих Кранахов (Лукас Кранах одно время проживал в Готе, этот дом неподалеку от замка сохранился). В музее выставлены также коллекция голландских мастеров, скульптуры Жана-Антуана Гудона, произведения Рубенса и Каспара Давида Фридриха. Имеются коллекции фарфора из знаменитого Майсена, фабрик Тюрингии, а также стран Азии. Весомая часть представлена интересными экспонатами бывшего Музея природы.

Еще одна достопримечательность Готы – старинный театр эпохи барокко, первый в Германии профессиональный театр. Он носит имя Экхофа, создателя национального театрального искусства. Экхоф долго работал в Готе. Театр расположен в пределах замка, можно войти в его зал. Интерьеры сходны с интерьерами театра в Останкинском дворце и других театров того времени. В театре во время фестивалей искусства барокко, они бывают обычно в конце августа, проходят разнообразные спектакли.

Улицы исторического центра, ратуша, прямоугольная центральная площадь, ряд церквей, особая архитектура зданий школ и гимназий, высшего торгового училища, первого в стране, – это свидетельства истории, хранилища социальной и исторической памяти. Летом задействованы городские фонтаны, наследие искусства времени барокко. В архитектуру города хорошо вписаны здания старых и новых гостиниц.

На одной из нецентральных улиц разместился комплекс музея «Тиволи». Это историческое место тесно связано с историей германской социал-демократии XIX–XX вв. В 1875 г. именно здесь была принята знаменитая Готская программа социал-демократов (раскритикованная К. Марксом). На протяжении XX века «Тиволи» был местом важных исторических встреч левых сил Германии.

Оригинальные, не имеющиеся в других городах Германии сооружения находятся на территории центрального городского кладбища. Это первые в стране колумбарии и крематории, их создание относится к последней четверти XIX века. Там похоронена знаменитая Берта фон Зутнер, пацифистка и феминистка, ставшая в 1905 г. первой женщиной – лауреатом Нобелевской премии мира. По памятникам кладбища – жителям Готы, погибшим в мировых войнах, и другим, из разных эпох, можно прочесть историю города. В одной из частей кладбища имеются захоронения советских воинов, поддерживаемые в очень хорошем состоянии могилы и памятник (он сооружен в 1946 г.).

Заслуживают внимания живописные окрестности Готы, природные памятники Тюрингского леса, притягательные для большого числа туристов. Старинная трамвайная линия ведет к интересному по своей архитектуре ипподрому и далее к излюбленному горожанами и туристами месту отдыха – курортному городку Табарц. От него проложены туристские тропы в красивейшие места Тюрингского леса. Излюбленной целью туристов является гора Инзельберг. Её высота 916 метров, с вершины открываются великолепные виды. Тем, кому не нравится карабкаться в гору, туристические фирмы предлагают спуститься вниз, в прохладные и летом шахты и пещеры со сталактитами, где местные рудокопы когда-то добывали серебро. Старинные селения вокруг Готы и Табарца, например, Фишбах дают еще один пример сохранения социальной памяти. В местной церкви Фишбаха висят интересно исполненные доски с именами погибших в двух мировых войнах.

От Готы и Табарца можно добраться до соседнего Айзенаха. Город, как и Гота, славится тем, что здесь ковалась история германского рабочего движения, создавались первые социал-демократические организации. Существует музей рабочего движения, рядом стоит памятник из времен ГДР. Плакаты напоминают, что в 2017 г. исполнится 500 лет с начала движения немецкого протестантства, которое возглавил Мартин Лютер. Особого внимания заслуживает находящийся недалеко от Айзенаха исторический памятник из реестра ЮНЕСКО – крепость Вартбург. Именно там, это обязательно отражено в экскурсиях (есть и проспекты на русском языке), находится небольшая комната, где Лютер быстро, не отвлекаясь от главного дела его жизни, перевел на немецкий Библию. Его перевод до сих пор широко используется в церковной практике и считается классическим.

В последние десятилетия в Готе, Айзенахе и других старинных тюрингских городах были вложены большие средства в поддержание культурного наследия. Помогли средства, полученные от общегерманского налога «солидарности» (в просторечии: «соли»), для восстановления «новых земель». Его действие заканчивается в 2019 г., но после долгих общественных дебатов правительство намерено его продлить и использовать эти средства для поддержки также и сталкивающихся с острыми проблемами благоустройства «старых» земель.

Итак, Гота и её окрестности действительно могут служить положительным примером бережного сохранения исторической и социальной памяти.

Авторы советуют участникам конференции при возможности посетить Готу, увидеть все своими глазами. Это оставит незабываемое впечатление.

Обедков А.П.

к.геогр.н., доцент, зав. кафедрой филиала Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Сыктывкар

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГОРОДА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА КАК ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРНО- ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА

Ключевые слова: Региональная и культурная политика, исторические города России, объекты культурного наследия, развитие туризма, культурно-познавательный туризм, Северо-Западный федеральный округ.

Представление об историческом городе формировалось в отечественных гуманитарных науках на протяжении всего последнего столетия. Однако активное использование словосочетания «исторический город» в науке и культуре началось лишь с конца 1960-х гг., когда этот термин впервые попал в официальные документы. До того, как понятие «исторический город» было введено в законодательную практику, в научном обиходе использовались близкие ему по смыслу словосочетания «старый город» или «древний город». Как правило, к их числу относили населённые пункты, получившие городской статус до 1918 г. Между тем исследователям феномена исторического поселения всегда было очевидно, что возрастная характеристика, хотя и является одним из важных признаков понятия «исторический город», но не исчерпывает его содержание.

В настоящее время понятие «исторический город» используется в профессионально-научном обиходе архитекторами и градостроителями, географами-урбанистами и правоведами, искусствоведами и культурологами, историками и краеведами. Между тем представители различных наук по-своему трактуют сущность понятия «исторический город», зачастую ограничиваясь лишь своими специфическими аспектами исследования. Отсутствие комплексности и системности при рассмотрении понятия «исторический город» затрудняет создание устоявшегося и общепризнанного в науке определения, отражающего все основные точки зрения по поводу сущности исторического города.

Исторические города чаще всего исследуют в рамках проблематики сохранения и возрождения культурного наследия. В то же время исторические города являются одним из важнейших элементов экономического, историко-культурного и экологического каркасов региона, отражающим важнейшие вехи его исторического развития, хозяйственного освоения, заселения и обживания. Поэтому их изучение является обязательной ступенью познания эволюции сети поселений и систем городского расселения населения, позволяющей сформировать представление о типичных городах региона.

Процесс формирования научного представления об историческом городе логично начинать с рассмотрения фундаментального понятия города как продукта экономического, социального и культурного развития общества в его сочетании с метафорическим определением «исторический», которое отражает соединение в его развитии одновременно прошлого и настоящего, а также ростки будущего. Такой подход позволяет рассматривать город как историческую категорию, разворачивающуюся во времени. На наш взгляд, исторический город – поселение с продолжительным непрерывным или прерванным историко-культурным и городским стажем, в процессе длительной эволюции которого были накоплены и сохранились многочисленные исторически ценные объекты архитектурно-градостроительного, исторического и культурного наследия в их подлинной исторической среде. При этом важно понимать, что любой исторический город является хранителем исторической памяти и представляет собой специфический комплекс объектов материальной недвижимой культуры и природно-антропогенную геосистему, сформировавшуюся в границах территориально ограниченного пространства, нуждающегося в режиме особой охраны, эксплуатации и управления.

Сравнительно немногочисленные исторические города играют важную роль в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО), являясь хранителями исторической памяти, центрами сосредоточения культурного наследия и развития культурно-познавательного туризма. Среди федеральных округов РФ он лидирует как по числу объектов культурного наследия федерального значения (43% от их общего числа), так и их удельному весу (39%) в общем количестве объектов культурного наследия федерального и регионального значения. Культурное наследие СЗФО сосредоточено главным образом в исторических городах, которые представляют особый интерес для туристских организаций, специализированных на внутреннем и въездном туризме. Практически во всех регионах СЗФО имеются привлекательные для туристов историко-культурные объекты и достопримечательности, известные не только в России, но и за рубежом.

Согласно приложению к Постановлению Правительства РФ от 26 ноября 2001 г. № 815 «Федеральная целевая программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)» в пределах СЗФО статус исторических поселений получили 60 городов, что составило 14,0% от общего числа исторических городов России. Подавляющее большинство исторических городов (58, или 96,1%) из официального списка получило городской статус до 1918 г. и относится к категории старых городов. Многие из них (24, или 41,4%) получили городской статус и

стали уездными центрами в годы екатерининской реформы 1775-1785 гг. Самыми древними среди городов Северо-Запада России являются Великий Новгород и Белозёрск, основанные соответственно в 859 и 862 гг. Урбанистическая структура исторических городов Северо-Запада России характеризуется преобладанием малых и полусредних городов, на долю которых приходится около 75% от их общего числа в СЗФО.

Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 года № 1546-р, действие Федеральной целевой программы «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)» было прекращено с 1 января 2007 г. В связи с этим возник вопрос о легитимности приведённого в этой программе перечня исторических поселений. В соответствии с Приказом Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ от 29 июля 2010 г. № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений» список исторических поселений России сократился в 10,4 раза (с 427 до 41), или в 10,4 раза, а в СЗФО – в 8,6 раза (с 60 до 7). Статус исторических поселений был подтверждён только у городов Белозёрск, Великий Устюг, Выборг, Каргополь, Санкт-Петербург, Сольвычегодск, Тотьма. Таким образом, ныне исторические города имеются на территории только 4 (г. Санкт-Петербург, Архангельская, Вологодская и Ленинградская области) из 11 субъектов РФ, которые входят в состав СЗФО.

Вполне понятное желание федерального правительства перекроить официальный список исторических городов страны в сторону его существенного сокращения нанесёт непоправимый урон культурному наследию страны. Между тем важнейшей задачей государства по пути возрождения исторических городов и создания в них комфортных условий для жизни горожан было бы не сокращение, а расширение официального перечня исторических поселений. По нашим расчётам, расширенный список подобных поселений в границах СЗФО должен включать 117 существующих и бывших городов, которые в разные годы имели официальный статус города. В их числе – 74 существующих города, 8 посёлков городского типа и 18 сельских населённых пунктов, 2 упразднённых и 15 поглощённых города.

Для России всегда была характерна тесная связь туризма с культурно-познавательными мотивами, что нашло отражение в преимущественном развитии культурно-познавательного туризма по сравнению с другими направлениями туризма. Историко-культурное наследие и туризм становятся ведущими градообразующими элементами. Будущее исторических городов и регионов во многом зависит от уровня развития их социокультурной, информационной и туристической инфраструктуры. Наиболее предпочтительным, эффективным способом развития культурно-познавательного туризма является путь согласованной работы учреждений культуры и туристских фирм, государственных и региональных структур управления. Очень важно, чтобы объекты историко-культурного наследия российских регионов стали предметом заботы региональных органов управления и объектом государственного стратегического планирования, которое должно предусматривать совместную работу учреждений культуры и туристских фирм по формированию новых масштабных туристских проектов, удовлетворяющих разнообразный спрос современных туристов.

Среди привлекательных для туризма исторических городов СЗФО особое место занимают города с объектами, внесённые в Основной и Предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Официальный статус объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО существенно повышает престиж исторических территорий и управляющих ими учреждений, способствует их популяризации и вовлечённости в важнейшие мировые туристские маршруты. Поэтому уже сам факт их включения в данный Список даёт возможность привлечь дополнительные инвестиции из ряда международных фондов и, в первую очередь, из Фонда Всемирного наследия ЮНЕСКО, как на ведение реставрационных работ объектов культурного наследия, так и на комплексное развитие инфраструктуры в регионе.

В 1990 г. исторический центр и связанные с ним комплексы памятников, дворцово-парковые ансамбли Ломоносова, Павловска, Петродворца и Пушкина, а также фортификационные сооружения Кронштадта первыми в среди российских достопримечательностей были включены в официальный Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В 1992 г. всемирное признание получили памятники исторического центра и окрестностей древнейшего русского города Великого Новгорода. В связи с изменением административно-территориального устройства ныне эти объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО размещаются в городской черте Санкт-Петербурга, Гатчины, Шлиссельбурга и Великого Новгорода (табл. 1).

Таблица 1

Города СЗФО в Списке объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО

Название городов, субъект РФ	Объекты культурного наследия под охраной ЮНЕСКО	Время создания	Год внесения в список	№ в списке объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО
Санкт-Петербург	Исторический центр и связанные с ним комплексы памятников, дворцово-парковые ансамбли Ломоносова, Павловска, Петродворца и Пушкина, фортификационные сооружения Кронштадта.	XVIII–XX вв.	1990	540
Гатчина, Ленинградская область	Исторический центр города и дворцово-парковый ансамбль.			
Шлиссельбург, Ленинградская область	Исторический центр города и крепость «Орешек».			
Великий Новгород, Новгородская область	Исторические памятники центра и его окрестностей.	XI–XVII вв.	1992	604

В предварительном Перечне на вхождение в Основной список Всемирного наследия ЮНЕСКО ныне находятся 2 объекта с ценными памятниками архитектуры мирового значения. Они расположены на территории Псковской области, главным образом в районе Пскова и его окрестностей, а также города Печоры и древнерусской крепости Изборск. Исторические города, переведённые из Предварительного списка в Основной список Всемирного наследия ЮНЕСКО, одновременно с этим получают ряд реальных и потенциальных преимуществ, позволяющих обратить внимание мировой общественности на историко-культурное наследие конкретного города и дать дополнительные гарантии его сохранности в интересах нынешних и будущих поколений (табл. 2).

Таблица 2

Исторические города СЗФО в Предварительном перечне объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО

Название существующих и бывших городов, субъект РФ	Объекты культурного наследия, внесённые в Предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО	Время создания	Год внесения в Предварительный список
Псков, Изборск, Печоры, Псковская область	«Большой Псков»: исторический центр города и связанные с ним памятники древнего Пскова, Труворово городище, Мирожский и Псково-Печорский монастыри, Изборская крепость, Изборский посад.	XII–XVI вв.	2002
Псков, Псковская область	Архитектурный ансамбль Псковского кремля (Кром культовый)	VI–XIX вв.	2010

В последние годы в России стали уделять больше внимания развитию туризма. Перспективы развития туристского комплекса во многом зависят от усиления государственного регулирования туристской сферы на общенациональном уровне, которое должно сочетаться с современной стратегией продвижения региональных туристских продуктов. Формы государственного регулирования могут варьировать от прямых государственных инвестиций в туристскую инфраструктуру, подготовку кадров для социально-культурного сервиса и туризма, научное и рекламно-информационное обеспечение до налоговых и таможенных льгот, стимулирующих приток инвестиций в местную туристскую индустрию.

Самое известное семейство туристских маршрутов Северо-Запада России – «Серебряное кольцо России». Они проходят по древнерусским городам, крепостям и православным монастырям Новгородской земли, в которых сохранились уникальные для России памятники истории и культуры. В состав «Серебряного кольца» входит ряд исторических поселений Новгородской (Великий Новгород, Старая Русса), Псковской (Псков, Великие Луки, Изборск, Печоры, Порхов), Ленинградской (Выборг, Ивангород, Кингисепп, Приозёрск, Старая Ладога, Тихвин, Шлиссельбург) и Вологодской (Вологда, Белозёрск, Кириллов, Ферапонтово) областей с наиболее ценным историческим и культурным наследием. В настоящее время решается вопрос о включении в «Серебряное кольцо» расположенных неподалёку исторических поселений Карелии (Валаам, Олонец, Сортавала). При поддержке администрации СЗФО разрабатывается перспективная концепция создания туристско-рекреационной зоны «Серебряное кольцо». Между тем за пределами этого достаточно известного туристского маршрута остаются многие исторические поселения, располагающие ценным культурным наследием и большим туристским потенциалом.

В рамках общей инвестиционной политики в исторических городах СЗФО в качестве приоритетных следует обозначить туристские проекты и объекты, которые позволят получить сравнительно быструю отдачу с последующим целевым использованием полученных средств в сфере туризма и смежных с ним отраслей. Среди возможных направлений развития культурно-познавательного туризма и возможных проектов их реализации на базе исторических городов целесообразно наметить следующие:

- разработка региональных схем развития туризма в регионах СЗФО, располагающих сравнительно развитой сетью исторических городских поселений, включая бывшие и исчезнувшие города;
- приоритетное развитие городов Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Пскова и Вологды как признанных центров развития культурно-познавательного туризма в России;
- оценка туристского потенциала и разработка индивидуальных стратегий развития и функционирования исторических городов СЗФО как центров развития культурно-познавательного туризма регионального значения;
- всемерное развитие ностальгического, мемориального, религиозного, экологического и этнографического туризма как специфических направлений развития культурно-познавательного туризма на базе исторических городов СЗФО;
- обоснование и реализация новых сетевых туристских маршрутов по историческим путям транспортно-хозяйственного освоения и заселения регионов СЗФО;
- содействие развитию народных ремёсел и художественных промыслов, основанных на использовании местных ресурсов и традиционных занятий, в центрах развития туризма;
- создание системы информационно-рекламной поддержки туристских предприятий и туристских продуктов исторических поселений СЗФО.

Разработка и внедрение механизма экономического развития исторических городов как центров развития туризма потребует значительных инвестиций в реставрацию объектов недвижимого культурного наследия, реконструкцию транспортной инфраструктуры и создание туристского сервиса. Реализация этой задачи является дополнительным фактором роста экономического развития многих исторических городов и прилегающих к ним территорий, способствуя росту числа рабочих мест и расширению возможностей получения дополнительных заработков для местного населения, социально-экономической стабильности, инвестиционной привлекательности и пополнению город-

ского бюджета. Всё это должно придать развитию отечественного туризма характер важнейшей бюджетообразующей и экономически выгодной отрасли экономики.

В настоящее время развитие туризма всё чаще рассматривается в качестве одного из наиболее перспективных направлений структурной перестройки и повышения эффективности функционирования региональной экономики, оказывающего стимулирующее воздействие на смежные отрасли и виды экономической деятельности, включая производство товаров народного потребления, сельское хозяйство, транспорт и связь. Целенаправленное формирование конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса в регионах СЗФО позволит обеспечить необходимые условия для активизации внутреннего и въездного туризма путём удовлетворения потребностей местного населения, российских и иностранных туристов к многочисленным достопримечательностям, туристским продуктам и рекреационным услугам.

Многочисленные поселения, отнесённые в разные годы к категории исторических решениями коллегий Министерства культуры и Госстроя России, до сих пор не удостоены официального статуса «исторических городов», закреплённого соответствующим постановлением Правительства РФ. Отсутствие данного статуса существенно затрудняет саму возможность формирования и проведения в этих городах специфической городской и градостроительной политики. Одной из её актуальных задач должны стать выявление и устранение проблемных ситуаций в области сохранения и развития культурного наследия исторических городов.

В современном обществе постепенно укрепляется осознание необходимости сохранения и возрождения историко-культурного наследия исторических городов как одной из важнейших задач общегосударственного значения. Возрождение и сохранение историко-культурной среды исторических городов для нынешнего и будущих поколений страны должно стать одной из важнейших задач государственной и региональной культурной политики, направленной на сохранение и популяризацию культурного наследия народов России во всём его многообразии.

Соколова Н.Ю.
с.н.с. ИНИОН РАН
nadja0471@mail.ru

ИНСТИТУТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ (ОПЫТ КИТАЯ И РОССИИ)

Ключевые слова: *культурная политика России и Китая, институты социальной памяти, библиотечное дело.*

В настоящее время феномен социальной памяти изучают различные социальные и гуманитарные науки. В частности, в библиотековедении социальная память изучается во взаимосвязи с проблемами социальных коммуникаций и библиотечно-информационной деятельности.

Угол рассмотрения понятия «социальной памяти» у разных наук свой, поэтому и само это понятие трактуется по-разному.

Так, например, известный библиотековед А.В. Соколов трактует социальную память как «движение воплощенных в знаковой форме смыслов в социальном времени»¹

Согласно Социологическому словарю социальная память понимается как совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению².

Под институтами социальной памяти сегодня специалисты понимают, прежде всего, учреждения науки, культуры и образования – научно-исследовательские институты, научно-информационные центры, библиотеки, архивы, музеи, вузы, школы. Т.е., учреждения, выполняющие в обществе функции кумуляции и трансляции социального опыта следующим поколениям³.

Специалисты отмечают, что сегодня социальная память все увереннее становится одним из ключевых элементов, определяющих не только настоящее состояние общества, но и активно формирующих его будущее. Она может способствовать ускорению одних социальных, политических процессов и одновременно тормозить и блокировать другие⁴. В современном мире институты социальной памяти активно используются, прежде всего, политическими и государственными деятелями для управления различными процессами, происходящими как внутри общества, так и на международной арене. Также институты социальной памяти активно привлекаются в качестве инструментов «мягкой силы».

Исследователи считают, что в условиях глобализации, растущей экономической и гуманитарно-информационной взаимозависимости стран роль военной («жесткой») силы относительно уменьшилась по сравнению другими («мягкими») факторами⁵.

Отмечается, что основами «мягкой силы» являются культурные и политические ценности и институты. Но культура является ключом и душой «мягкой силы».

Так, например, с резким экономическим развитием Китая в последние десятилетия и усилением его влияния на международной арене китайские руководители ставят на повестку дня вопрос о «мягкой силе» страны⁶.

Новым руководством КНР, пришедшим к власти в 2012 г., была выдвинута концепция так называемой «китайской мечты». Она соединяет планы «национального возрождения» со среднесрочными и долгосрочными целями развития страны. Одновременно «китайская мечта» заняла приоритетное место в идейно-пропагандистской работе внутри Китая и за его пределами и выступает в качестве инструмента сплочения китайского общества и формирования позитивного образа страны за рубежом. Кроме того, эта концепция сопрягается с реализацией представленных ранее в

¹ Соколов А.В. Социальная память // Глава 3 из кн.: Соколов А.В. Социальные коммуникации: учеб. для бакалавров, обучающихся по направлению подготовки 071900.62 «Библиотечно-информационная деятельность» / А.В. Соколов; науч. ред. Г.В. Михеева. – Санкт-Петербург: Профессия, 2014. – С. 133–182.

² Память социальная // Социологический словарь. – <http://enc-dic.com/sociology/Pamjat-Socialnaja-6588>

³ Дворкина М.Я. Библиотечно-информационная деятельность: теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде. – М.: ФАИР, 2009. – 256 с. – (Спец. издат. проект для библиотек).

⁴ Мекаева Ю.Ю. Социальная память как инструмент социального влияния: автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01. – М., 2011. – 23 с.

⁵ Новикова О.Н. Введение // Актуальные проблемы Европы. – М., 2014. – № 3: «Мягкая» и «жесткая» сила во внешней политике европейских стран. – С. 7–13.

⁶ Галеева А.А. Китай: планы новой культурной революции // Культура в современном мире. 2013. – № 2. – <http://infoculture.rsl.ru>

докладе Ху Цзиньтао двух «столетних целей». Речь идет о «завершении всестороннего строительства общества малого благосостояния» к 100-летию образования КПК (2021 г.) и о «создании сильного богатого, демократического, цивилизованного, гармоничного, социалистического, модернизированного государства» к 100-летию образования КНР (2049 г.).¹

В современных работах китайских ученых и программных документах КПК важными составными элементами строительства «социализма с китайской спецификой» являются «дело культуры» и «индустрия культуры». В широком смысле, «дело культуры» – это развитие и создание различных форм «социалистической духовной культуры», оно определяет культурную политику и стратегию развития культуры в целом. С началом реформ была выдвинута концепция «индустрии культуры» («вэньхуа чанъе»), и культуру стали понимать как феномен, имеющий индустриальные свойства и подчиняющийся закону рыночной стоимости².

В 2009 г. в КНР был разработан и принят «План активизации культурных индустрий». Практические меры, необходимые для активизации культурных индустрий в стране, включают: снижение входных барьеров для отечественных и иностранных предпринимателей в сфере культуры, правительственные инвестиции, льготную налоговую политику, поддержку со стороны финансового сектора, создание правительственного фонда культурных проектов³.

В частности, в докладе⁴, посвященном истории и современному состоянию библиотек Китая, представленном на очередном Конгрессе ИФЛА в г. Сингапуре в 2013 г. отмечается, что библиотеки являются важной частью культурного сегмента КНР. Система публичных библиотек в стране получила развитие с началом так называемой политики реформ и открытости после 1978 г. Все эти годы прослеживалась стабильная динамика роста числа публичных библиотек (табл. 1). Уточняется, что эти статистические сведения не учитывают армейские, сельскохозяйственные (фермерские), партийные и другие специальные библиотеки. Учтены только публичные общедоступные бесплатные библиотеки.

Таблица 1

Динамика роста числа публичных библиотек КНР за 1978–2007 гг.⁵

Table 3: Statistical Results of the Number of Public Libraries during 1978-2007			
Year	No. of Libraries	Year	No. of Libraries
1978	1218	1993	2579
1979	1651	1994	2596
1980	1732	1995	2608
1981	1787	1996	2620
1982	1889	1997	2628
1983	2038	1998	2652
1984	2217	1999	2669
1985	2344	2000	2677
1986	2406	2001	2696
1987	2440	2002	2697
1988	2485	2003	2709
1989	2512	2004	2720
1990	2527	2005	2762
1991	2535	2006	2778
1992	2565	2007	2791

Среди проблем развития современной сети публичных библиотек КНР китайские специалисты отмечают неравномерность в их распределении:

– количество публичных библиотек в городских районах выше, чем в сельской местности;

– количество публичных библиотек больше в восточных провинциях, чем в экономически неразвитых западных и центральных областях.

Кроме того, в связи с постоянным ростом количества зарегистрированных читателей (имеющих библиотечный абонемент) и приходом новых технологий (рис. 1, 2) обнаружился острый дефицит высококвалифицированных библиотечных кадров.

¹ Ломанов А.В. «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Дзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: К 65-летию КНР / РАН; Ин-т Дальн. Востока; Гл. ред. Титаренко М.Л. – М.: ИД «Форум», 2014. – С. 40–56.

² Турушева Н.В. Политика Коммунистической партии Китая в области культуры в период реформ: 1978-2012 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Томск, 2013. – 22 с. – <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000447903>

³ Галеева А.А. Китай: планы новой культурной революции...

⁴ Yi, Zhixian History of Library Developments in China. // IFLA WLIC, 2013. – Singapore.- Future Libraries: Infinite Possibilities in Session 164. – Library History Special Interest Group. – <http://library.ifla.org/143>

⁵ Там же, с. 8.

Figure 5.2 Public Library Cards and Distribution by Jurisdiction

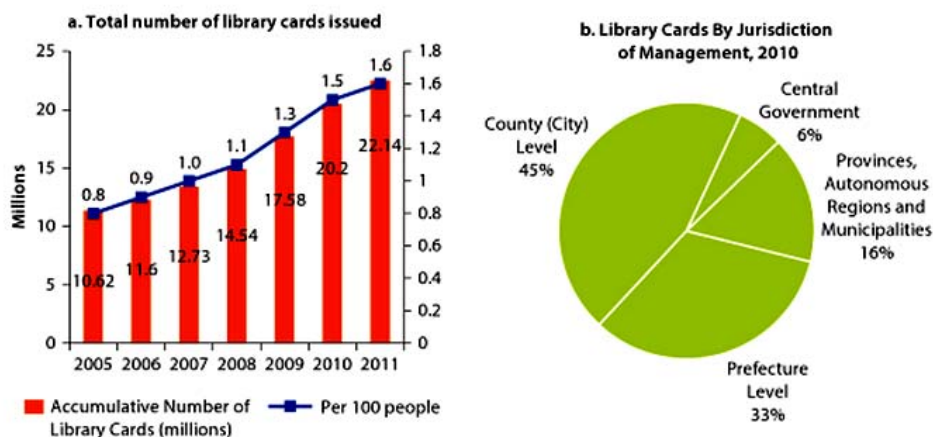

Рисунок 1

На рис. 1 показана динамика роста количества зарегистрированных читателей (с библиотечным абонементом) публичных библиотек и их соотношение к общему количеству населения, а также их распределение (в %) по административным территориальным единицам страны по признаку подчинения библиотек (библиотеки префектур, автономных округов, городские и т.п.). Отмечается, что в данной статистике также не учтены читатели специальных библиотек. Китайские специалисты говорят о том, что количество публичных библиотек на долю населения еще слишком мало, но ведется работа в данной области¹.

Figure 5.3 Computers and Terminals in Electronic Media Reading Rooms in Public Libraries

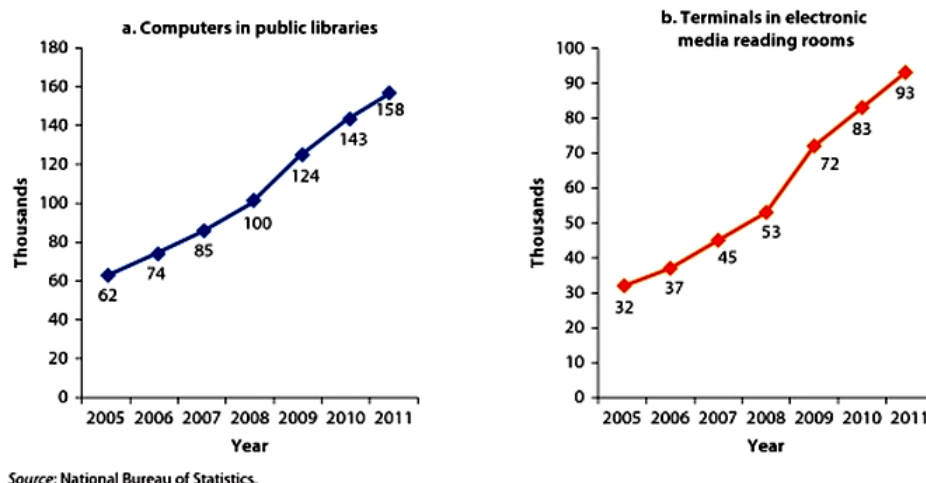

Рисунок 2

На рис. 2 показана статистика динамики обеспеченности публичных библиотек КНР компьютерами и терминалами в специальных залах для чтения электронных медиа².

Китайские специалисты отмечают, что для успешного развития библиотечной системы КНР необходимым условием является гармоничное развитие социальной, политической, экономической, культурной и образовательной среды страны³.

По данным Министерства культуры РФ, в 2013 г. общее количество российских библиотек составило около 130 тыс. По данным ГИВЦ, в РФ в 2013 году действовало 40820 публичных библиотек. Из них в отрасли культуры находится 39 288 библиотек. Охват населения РФ библиотечным обслуживанием в 2013 году составил более 36%. Число общедоступных библиотек на одну тысячу жителей РФ составляет 3,5⁴.

Но это обобщенные количественные показатели деятельности российских библиотек, которые не отражают их реального положения.

¹ Yi, Zhixian History of Library Developments in China...

² Сведения на рис.1,2 взяты из кн. Information and Communications in the Chinese Countryside: A Study of Three Provinces/ M. Minges, K. Kimura et. al. – Washington: World Bank Publications, 2014. – 96 p.

³ Yi, Zhixian History of Library Developments in China...

⁴ Информационные ресурсы культуры. Библиотечно-информационная деятельность // Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 г. – [М.], [2013]. – С. 161–169. – <http://mkrf.ru/report/gosoklad>

И чиновники от культуры, и библиотечные специалисты сошлись во мнении¹, что региональные библиотечные сети РФ в настоящее время претерпевают существенную трансформацию, что связано с оптимизацией бюджетных расходов. В 2013 г. оптимизация региональных библиотечных систем осуществлялась путем их реструктуризации: самостоятельные библиотеки интегрировались в более крупные учреждения клубного типа (в рамках норм закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ). Библиотечные специалисты отмечают, что подобная «оптимизация» приводит к выхолащиванию основополагающих функций библиотеки, а именно мемориальной, кумулятивной и коммуникативной, и низведению ее деятельности лишь к одной производной функции – досуговой.

В области науки и научных библиотек в 2013 г. также был предпринят ряд реорганизационных мер², которые повлекли за собой изменение их организационного ландшафта. Находится под угрозой срыва вся система комплектования академических (и не только) библиотек³.

Представление о технической оснащенности библиотек и их потенциале в оказании библиотечно-библиографических услуг на основе использования современных информационных технологий можно почерпнуть из данных экономико-статистического исследования библиотек России, проведенного в 2011 г.⁴ (табл. 2)

Таблица 2

Характеристика технической оснащенности библиотек РФ

Наименование показателя	ВСЕГО	в т. ч. по федеральным округам							
		Центральный	Южный	Северо-Западный	Дальневосточный	Сибирский	Уральский	Приволжский	Северо-Кавказский
Доля библиотек (в % от общего числа), оснащенных:									
компьютерной техникой (имеющих персональные компьютеры)	43,5	37,3	59,1	53,7	47,3	49,5	50,2	40,3	18,1
копировально-множительной техникой	55,0	46,4	68,6	80,6	59,7	63,7	82,2	44,0	18,0
транспортными средствами	2,4	2,9	2,8	3,6	2,4	1,9	2,9	1,6	2,0
средствами телефонной связи (имеющих номера телефонов)	19,5	21,0	25,0	25,9	23,0	17,5	19,2	16,9	12,3
средствами ИКТ (имеющих доступ в Интернет),	20,6	17,4	26,6	25,3	18,2	23,1	25,4	20,6	6,7
— из них имеющих собственные Интернет-сайты	2,1	1,8	2,9	3,0	1,6	2,3	3,0	1,7	1,2

Из таблицы следует, что, например, доступ в Интернет по состоянию на 2011 г. имели всего около 21% всех российских библиотек. Кроме того, библиотеки практически не обеспечены транспортом и не телефонизированы. О каких высоких технологиях можно вести речь в такой ситуации?

Очень актуальным для отрасли является кадровый вопрос. Данные экономико-статистического наблюдения наглядно отражают дефицит высокопрофессиональных библиотечных работников. Так, при относительно высоком уровне квалификации (более 90% работников библиотек имеют высшее и среднее профессиональное образование), менее половины из них имеют специальную (библиотечную) подготовку. Не менее остро стоят вопросы омоложения кадров, формирования кадрового резерва, необходимости привлечения молодежи в сферу культуры. Так, по статистике около 22% всех библиотечных работников имеют возраст 55 лет и старше⁵.

¹ См. Информационные ресурсы культуры. Библиотечно-информационная деятельность. // Государственный доклад о состоянии культуры... С. 163; Аврамова М.Б. Трансформации сети государственных и муниципальных библиотек РФ. – <http://clrf.nlr.ru/analitika/10158-avramova-transformatsii-seti>

² См., например: О реорганизации Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственная общественно-политическая библиотека» и Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственная публичная историческая библиотека России»: Приказ Министерства культуры РФ от 12 апреля 2013 г. № 376; О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ.

³ Субботин А. Не исключать из получателей. Академические библиотеки продолжают борьбу за обязательные экземпляры // Поиск. – М., №50 (2014). 12.12.2014. – <http://www.poisknews.ru/theme/publications/12637>

⁴ Статистическое наблюдение библиотек Российской Федерации / Рос. ассоц. электрон. биб-к; Манилова Т.Л., Груздев И.А., Зайцева Л.Н. – [2011 г.]. – http://www.aselibrary.ru/digital_resources/projects/statlib/statlib3460

⁵ Статистическое наблюдение библиотек Российской Федерации...

К сожалению, чиновники и библиотечные специалисты пока не пришли к единому мнению о роли российской библиотеки как социального института в современном обществе¹.

И если библиотечные специалисты выступают за активную позицию библиотеки в общественной жизни, социальных коммуникациях, то наши российские чиновники отводят отечественным библиотекам куда более скромную, даже пассивную, роль в деле взаимодействия с обществом. Это подтверждает, в частности, и вышеприведенная статистика по материально-техническому обеспечению и кадровому потенциалу российских библиотек.

В 2013 г. была принята новая «Концепция внешней политики РФ». «Мягкая» сила определяется в документе как «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы»².

24 декабря 2014 г. Указом Президента РФ №808 утверждены «Основы государственной культурной политики». Так, целями государственной культурной политики РФ провозглашены «формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития, передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения, обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам».

Среди задач государственной культурной политики в новом документе отмечено, в частности, усиление роли различных организаций культуры, в том числе музеев, библиотек, архивов, в деле исторического и культурного просвещения и воспитания, а также приоритетное развитие гуманитарных наук как наук о человеке, его духовной, нравственной, культурной и общественной деятельности³.

Будем надеяться, что позиции библиотечных специалистов и чиновников о роли библиотеки в современном российском обществе будут, наконец-то, едины. Ибо библиотека, по выражению М.Я. Дворкиной, является «памятью культуры»⁴. Она в числе прочих институтов социальной памяти, таких как, например, архив, музей, ответственна за кумуляцию социального опыта, культурных образцов и передачу, трансляцию их последующим поколениям.

Библиотека расширяет возможности человеческой памяти, является ее хранителем, выступает своеобразным «мостиком», связующим звеном, призванным объединять прошлое, настоящее и будущее.

¹ См., например: Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки утвержден / Центральн. б-ки субъектов РФ. – <http://clrf.nlr.ru/sobytia/10166-modelnyj-standart-utverzhdjon>; Басов, С. Публичная библиотека как социальный модератор / Российский Совет по междунар. делам (РСМД). – http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4145#top

² Новикова О.Н. Введение // Актуальные проблемы Европы. – М., 2014. – № 3...

³ «Основы государственной культурной политики». Утв. 24 декабря 2014 г. Указом Президента РФ №808. – <http://kremlin.ru/news/47325>

⁴ Дворкина М.Я. Библиотека как память культуры // Теория и практика обществ.-науч. информ. – М., 2002. – Вып. 17. – С. 50–53.

Тимощук Е.А.

к. филос. н., доцент Владимирского филиала МФЮА
e@timos.elcom.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕСКРИПЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова: социальная модернизация, социальная память, феноменологическая дескрипция, социокультурная феноменология.

В данной работе мы исходим из того, что для того, чтобы обновлять общество, необходимо его знать. Э. Гуссерль, озабоченный проектом создания точного инструмента познания, использовал метод феноменологической дескрипции различных типов переживаний и горизонтов опыта. Его метод заключается не только в картографировании внутреннего пространства, он включает работу по улучшению саморефлексии через способность к удержанию своего мышления от автоматизмов, установок, стереотипов. Отчасти благодаря феноменологическому движению сегодня можно говорить уже о новом типе рациональности, которое включает в себя такие гносеологические операторы как коммуникативность, респонзивность, способность к рифремингу, а также близко таким этическим операторам как экологичность и гуманизм. Феноменологическое описание нацелено на нахождение наиболее достоверной территории между личностью и миром, что достигается в «субъективном переживании в его формальной всеобщности» (К. Ясперс) благодаря: 1) отказу от заранее сформулированных гипотез и концепций, 2) обоюдном восприятии значения переживаний и пережитого¹.

Социокультурная феноменология (Р. Ингарден, А. Шюц, П. Бергман, Т. Лукман и др.) исходит из того, что процедура описания уровней репрезентации объекта не может быть избыточной. Переход от описания к объяснению возможен лишь после выявления максимального количества контекстов. Несомненно, невозможно описать все отражения объекта в обществе и культуре, ибо они бесконечны, однако совершенно необходимо выявить доминирующие и миноритарные дискурсы.

В классической науке описание сопутствует базовым методам эмпирического уровня познания наряду с наблюдением, счётом, измерением, экспериментом, моделированием. Известно, что в гуманитарном познании редко когда возможны эксперимент и моделирование, однако если повышать качество первичных процедур (наблюдение, описание, счёт, измерение), это будет способствовать улучшению качества знаний об обществе. К тому же неклассическая наука поднимает вопрос о достоверности таких процедур как объяснение и изменение мира. Поэтому исходный пункт феноменологии как участника неклассического дискурса – рефлексия и фиксация жизни сознания при отказе от любых непроясненных предпосылок. Сознание и внешний мир предметов одновременно едины и отличны. Сознание не может быть безобъектным (даже, если, как в буддизме, они устраняются, присутствия как негативные внеположенности) и объекты не могут быть объектами без сознания. Природа, общество, культура имеют природу проективных сущностей в связи с сознанием, они перетекают как объекты в сознание и обратно как направления деятельности в различных модусах сознания, однако не мистико-метафизическим путём, но как intersubjective конструкты жизненных миров. Мир вещей и мир для нас одновременно остаются нераздельными и несводимыми, внешними и внутренними, смыслами и коррелятами.

«Zu den Sachen selbst!» – это волевое решение отстраненно наблюдать все связи между сознанием и предметами, подвергать описанию их мифологическое, обыденно-прагматическое, религиозное, научное, художественное и иное содержание; проследить причинно-следственную разборку/сборку смысловых конструктов; фиксировать феноменологическое поле значений фокус группы. Дескриптивный контент-анализ в социокультурной феноменологии всегда сопровождается интенс-анализом общего смыслового поля жизненного мира, демаркацией чистого сознания и условий его функционирования в социо-политических дискурсах.

Не является ли феноменологическая установка ещё одним психологизмом наряду с идеализмом, материализмом, натурализмом, техницизмом, историцизмом, логицизмом, панисламизмом и т.п.? Принципиальное её отличие заключается в попытке bracketирования (вынесения за скобки) собственных когнитивно-волевых актов для получения максимально точного описания. Чтобы дескрипция была достоверной, она должна быть строгой, т.е. сопровождаться отказом от высказываний оценки и объяснения.

Процедура вынесения за скобки содержания сознания является своего рода мысленным экспериментом, аналогией задержки дыхания во время рентгеноскопии лёгких. При этом предмет рассматривается как с содержательно-смысловой стороны (миф, религия, наука, повседневность, искусство, политика и т.д.), так и с функционально-коммуникативной (как коррелят ощущения, восприятия, воображения, умозаключения, желания, сомнения, фантазии, мира-

¹ Ромек Е. Феноменологический метод и дилемма психиатрии: Бинсвангер и Гуссерль. – http://elena.romek.ru/romek_3.htm

жа и др.). Исследователь должен стараться не быть охваченным ни смысловой, ни функциональной характеристикой объекта в сознании. Тогда он может описать целый спектр конститутивных значений, функций и акциденций предмета в сознании. Дескрипция предстаёт в феноменологии когнитивно-волевым актом самоисследования, самообнаружения сознания в чистой форме, лишённого иллюзий, заблуждений, помутнений, стереотипов и догм. Описание позволяет выявить потенциальные вариации потока конститутивности сознания и его предметностей. Этим оно отличается от наивного описания обыденного сознания, где граница между интенциональным и телесным не рефлексивируется. Нормальный способ функционирования живых систем – это в своём опыте не проводить различий между познанием и условиями познания. Для детей естественно в своей наивной установке хватать луну, звёзды, радугу, однако по мере эволюции сознания мы усваиваем, что не всё, что мы ощущаем, находится в нашей инструментальной сфере. Через критичность и самопознание человек преодолевает границы обыденного и повседневного.

При наивном описании политических событий указываются лица, действия и внешние причины: сторонники евроинтеграции захватили в ноябре 2013 г. здание киевской администрации, выступая за смену правительства. Феноменологическая установка – это реконструкция множества описаний одного и того же социокультурного факта в его intersубъективных отражениях, а также метаописание (граничащее с интерпретацией) их интенций: 1) Майдан – это совесть нации, свет реабилитированной человечности, 2) Россия и Европа делят рынок сбыта, 3) бунт молодёжи против коррупционеров-стариков, 4) происходит распад искусственного государственного образования, 5) олигархи делят власть руками романтиков, 6) Польша и Прибалтика добиваются ослабления своего конкурента, 7) США и Евросоюз экспортируют инфляцию на Восток и т.п. Разные точки сборки реальности конституируют многообразие дискурсов – националистических, региональных, технократических, романтических, антинатовских, пророссийских, антипутинских, пропутинских, антиевропейских, проевропейских и т.д.

При этом феноменологическое метаописание должно быть максимальным устранённым от субъективного плана: «на Украине (как и в целом в мире) происходят сложные социокультурные и политико-экономические процессы». В метаописании мы выносим за скобки ценности, интересы, амбиции, цели разных жизненных миров (украинской, польской, российской, европейской политической элиты, партий, лидеров и разных групп населения). В результате наше метаописание получается слишком абстрактным и отстранённым, но мы можем созерцать сущность вне эмпирического содержания, вынося за скобки вопрос об объяснении и изменении действительности. Мы получаем таким образом два пласта – один эмпирический, intersубъективный, а второй – феноменологический, общий, идеальный. Генерализация интенциональностей не связана с конкретной памятью или интересами, она надстраивается над частными жизненными мирами, которые возможны как конституирующиеся процессы личной истории и внутреннего времени¹.

Сопряжение внутреннего времени участников жизненных миров образует историю народа, нации, государства. Высшими генерализациями смысловых полей выступают всемирная история и ноосферная история Земли как субъекта Галактики, Вселенной, Бесконечности. Сегодня, когда человечество пришло к пониманию глобальности всех микропроцессов, обнаруживается новая историческая сущность и цель философии – выработка универсального типа рациональности, созидание смысловых структур устойчивого развития и управления. В этом ноосферном процессе участвуют все области генерации значений – мифы и эзотерика, предпринимательство и спорт, религии и мифы, искусства и науки, а также все жизненные миры – от малых народностей до суперэтносов. Критический дух философии позволяет освобождать ростки будущего от старых форм, будь то невежество, религиозный фундаментализм, коммунистический утопизм, монополистическая капиталократия, неофашизм, этический релятивизм, гомосексуальный либерализм и пр. Эти и другие культурные каркасы, которые мешают развитию человечества как вселенского рода необходимо подвергать феноменологическому анализу, переходя на более общие уровни генерализации, открывая бесконечные идеалы будущего, созидая общее смысловое поле универсума.

Стратегия феноменологической дескрипции является этическим требованием к учёному, педагогу, государственному служащему. Её можно назвать долгом интеллектуальной честности, продолжающим объективизм Аристотеля, методологизм Декарта, категорический императив Канта. Все задачи национального стратегического проектирования и модернизации страны, повышения конкурентоспособности в сырьевом, энергетическом, транспортно-промышленном и высокотехнологическом комплексах, энергоэффективность экономики, повышение правосознания, профилактика экстремизма и терроризма, формирование здорового образа жизни, – упираются в необходимость формирования этических элит.

Феноменологическая дескрипция особенно важна для понимания механизмов институализации социальной памяти (библиотеки, музеи, архивы, архитектура, традиции, религии, техника и пр.) в изменяющемся мире.

На переломных моментах развития истории обостряются противоречия этноконфессиональных идентичностей, исторических и региональных мифов, межкультурной коммуникации. Феноменология исходит из того, что все социокультурные системы – язык, право, государство, экономика, миф, религия, философия, история, искусство и т.д. – это интенциональные объекты, поддерживаемые коллективным сознанием и социальной памятью. Маршрутизация потоков социальной памяти осуществляется не классически, т.е. не через принудительную унификацию, а через актуализацию малого². Феноменологическая дескрипция стремится к учёту всех социокультурных процессов и фактов.

Согласно А.-Т. Тименецки, ключевой модальностью онтопознания (творческого потока жизни) выступает память, креативный мотор по продвижению моментов логоса в потоке жизни. Бесчисленные мнемонические узлы акти-

¹ Молчанов В.И. Феноменология (Э. Гуссерль) // Введение в философию. – М., 2003. – С. 213–217.

² Тимошук А.С. Традиционная культура: сущность и существование / Дис. ... докт. филос. наук. – Нижний Новгород, 2007. – С. 182–240.

визируются в связи с вопросительной направленностью самоиндивидуации. Какие-то моменты логоса выходят на первый план сознания, иные ослабевают, отступают, переходят в фоновый режим, становятся сумерками для новых дорожек логоса. Находясь в депозитарии, конститутивные мнемонические моменты могут быть пробуждены и наполнены новым содержанием для развития. Они являются, своего рода, узлами кайроса, создающими чувство истории и понимания¹.

Превращение времени в сознание и *vice versa* можно хорошо рассмотреть на примере социальных институтов, которые, реагируя на вызовы времени, генерируют защитный пояс коллективной памяти. Через распределение сети овнешненных мест социальная память осознаёт себя как темпоральную, осуществляя синтез пространства во время. Конститутивность, таким образом, позволяет сделать некоторые самозамкнутые заключения, например, Анаксагор: «всё во всем» относительно коллективной памяти, а также социального времени и пространства или, по крайней мере, связать воедино сознание, время и пространство.

Тименецки сравнивает конститутивность со свободной нарративной, художественным повествованием, используя термин «fabulating, fabulation» (фабулизация), означающий в литературоведении слияние повседневности с мифическим, магическим и фантастическим, стирание границ между трагическим и комическим, ужасным и смешным, серьёзным и тривиальным. Анна-Тереза определяет фабулизацию как функцию образного мышления по интенциональному проектированию и преобразению базовых фактов жизненного мира в соответствии с наклонностями, видением и иными факторами человеческого состояния. В результате генерируются прототипы человеческого характера, поведения, социальной организации, образы будущего; устанавливаются идеалы культуры².

Введение такого термина указывает на связи постмодернизма и феноменологии, которые сближаются в акцентуации потоковости жизни, трансформативности и модульности: стагис – это лишь точки сборки реальности. Фабулизация, нарративность, единичность оказывают сегодня даже влияние на естественные науки и медицину³.

Фабулизация даёт ориентировки в разрешении вопросов, связанных с выживанием, ответом на вопросы «что будет потом», «почему». Чтобы разобраться в тонкостях жизни, вывести эти квесты из глубины подсознания мы запускаем многочисленные перспективы, которые с помощью философии выходят за рамки непосредственных индивидуальных и межличностных знаний. Фабулизация – это самое сердце человеческого существования и коммуникации. Преодолевая ограниченность своей судьбы, люди ищут связи со всей жизнью, историей, эволюцией, стремясь вложить в наследование способы переживания и постижения жизни. Этот коллективный опыт формируется, фильтруется поколениями и становится моделью для опыта последующих. Сверхзадача в этом квесте жизни – это не просто повторить спираль развития, а создать сферу на более высоком ценностно-смысловом уровне. Эти визуализации могут принимать формы мифов, религии, а могут достигать глубин личностного бытия через формы науки и философии⁴.

Говоря о фабулизации человеческой истории, Анна-Тереза выходит на тему социальной памяти, рассуждая о том, как логос соединяет туманные контуры прошлого с живым чувством настоящего, когда обусловленные жизненные миры стремятся разрешить вопросы «Почему это произошло со мной?», «Почему я страдаю?». Так из психической сферы мы переходим область в совместных коммуникативных действий. Войны, техногенные катастрофы, стихийные бедствия, болезни – все это приобретает особое значение для человека в той мере, в которой они запускают процесс вопрошания логоса и создание нарративов. Удачи и неудачи существования цивилизации – это всё узлы кайроса, отражающиеся в фабулизации истории человечества. Тайники наших личных квестов – виртуальная арена, открытая для подготовки почвы для дальнейших шагов жизни. Таким образом, прошлое может толковаться из различных углов зрения и мгновенная синхронизация потоков жизни вряд ли возможна. То, что мы называем историей – это дискретные фазы связывания смыслов, которые интерпретируются в течение нескольких поколений, однако ценность для человека следует искать в узловых моментах кайроса.

Идеалы, стремления, установки, передаваемые из поколения в поколение и создающие культурную традицию – это нити индивидуального и коллективного разума, соединяющие ткань социальной реальности. Отношения к нынешней ситуации, определяемые в самостоятельной одинаковости, формируют онтопоэтическую последовательность индивидуализации. Движение логоса жизни вперёд осуществляется через диалектические фазы дискретности и непрерывности, динамика и стагиса. Коммуникация и коллективные действия сообществ живых существ способствуют возрастанию сложности мира⁵.

Если феноменология – это различение сознания и его содержания, то диалогическая парадигма (Бахтин, Бубер), близкая феноменологии, – это разотождествление участников коммуникативного процесса и их диалогового пространства. При этом феноменологическими точками схождения выступают их смысловые параллели, участки историко-социальной памяти.

Социальная память представляет собой процесс ткачества социально-культурного материала или множества нитей intersubъективных эстафет, некоторые из которых поднимаются из полустёртого прошлого, иные – из ожиданий будущего, третьи – из маргинального опыта Другого настоящего. Образ вечных прях судьбы мира является рас-

¹ Tymieniecka A.-T. Phenomenology as the inspirational force of our times // Phenomenology World-wide: Foundations – Expanding Dynamics – Life Engagements: A Guide for Research and Study. Analecta Husserliana – Dordrecht, 2002. – Vol. 80. – P. XVI.

² Tymieniecka A.-T. Logos and Life // Analecta Husserliana: The Passions of the Soul and the Elements in the Ontopoiesis of Culture. Kluwer Academic Publishers, 1990. – P. 36

³ Лехциер В.Л. Нарративные черты медицины в интерпретации Риты Шэрон / Вестник СамГУ. 2012. – № 8/1 (99). – С. 19–24.

⁴ Tymieniecka A.-T. Logos' Timing of Life ... P. XVII.

⁵ Ibid., p. XVIII–XIX.

пространственной индоевропейской парадигмой. На санскрите они называются «липикара», писцы, в скандинавско-европейской мифологии – норны, мойры, парки (нити судьбы). Постмодернистские образы социальной памяти – средневековые рукописи с рисунками, заметками, отсылками на полях (маргиналии); записи текст на текст (палимпсест); сотворчество сознательного и коллективного бессознательного.

В респонзивной феноменологии Б. Вальденфельса генезис социальной памяти обусловлен отличиями, создающими многомерность и неоднородность социальной среды. Дискурсы истории, этики, эстетики, естественных наук, мифа, религии, политики и т.п. – всё это разные ответы на инаковость другого, стратегии его описания. Каждый другой дискурс – одновременно чужой, т.к. не вписывается в одномоментно схватываемое единство нашего порядка. Чуждость заставляет вербализировать наши различия в социальных дискурсах и создаёт обильные потоки социальной памяти в виде языков повседневности, высокой литературы, науки, права и т.п. Вся история не может быть всей без фиксации различий и повторений во всех потоках социальной памяти. Поскольку это невозможно, то прошлое остаётся такой же загадкой, как и будущее. Лучший исторический метод познания даёт феноменология. Это метод аналогии-ирирующей апперцепции, или моделирование прошлого исходя из неизменности сущности человека.

Далее мы рассмотрим существование социокультурных объектов и социальной памяти на примере таких процессуальных концептов как «бутстрап», «точка сборки», «points de capiton, points of ancrage, quilting points» (анкерные точки, стежки)», «конкретизация», что позволит нам продемонстрировать, как интенциональность культуры, её соединительно-лучевая функция, связана с проективностью сознания, без чего культура является просто системой мёртвых отсылок, суммой пустых референций. Конкретизация – одна из наиболее важных категорий социокультурной феноменологии.

Если взять термин «феномен» как он используется в природоведении, то мы получим, что феноменология – это наука о явлениях, сродни фенологии, изучающей сезонные изменения природы. Существенно, что по Гуссерлю, феномен нельзя изучать как чисто объективную данность, он имеет многогранное отражение в субъекте познания, «явление есть процесс самообнаружения – то, что “выявляет себя”¹. В этом смысле мы истолковываем, например, название картины А. Иванова “Явление Христа народу”¹. В феноменологии не может быть кантовских «ding an sich», объект существует всегда во множестве конкретизаций, он конфигурируется из многообразия контекстов. Сущность не противопоставляется явлению, она становится явлением на разных уровнях порядка, «бутстрапируется» (ткётся, сшивается) на новых и новых горизонтах социокультурного смыслотворчества. Особенно это относится к социокультурным объектам, где каждый эйдос образует феноменологическую сущность нового порядка. Таким образом, феномен – это процессуальный фрагмент реальности, схваченный индивидуальным или коллективным сознанием.

Термин бутстрап (шнуровка) пришёл из Англии, где рабочие придумали быструю систему крепежа на обуви. Этот когнитивный концепт прижился в теоретической физике и системогенетике, где стал указывать на комплексное свойство связанность-конфигуративность-генеративность и означает возможность пластичного соединения, не исключаящую и иные модели связей². Социокультурная среда подвергается постоянной зашнуровке/расшнуровке по самым неожиданным краям. Если культуру представить в виде текста, то элементами сшивания предстают символы, понятия, суждения и целые нарративы, образуя проект незавершённого палимпсеста – полустертых проступающих писем, отсылающим к иным контекстам (Ж. Женетт, М. Фуко). Культурные агенты негоцируют наслоения культурных смыслов, текстов, из которых они сшивают новые.

Концепция бутстрапа лежит в основе паутинообразной нелокальной онтологии, где все объекты образуют единую целостность. Если классическая социальная онтология исходила из иерархического строения мира, где элементы связаны стабильными причинно-следственными зависимостями, то новый, неклассический тип порядка, основан на идее самоперестройки структур социального бытия.

Другим термином, способствующим пониманию соединительно-лучевой функции социокультурной реальности, является «точка сборки», постмодернистское ноу-хау, пришедшее из эзотерики К. Кастанеды, который исходил из того, что энергоинформационные потоки Вселенной фокусируются под определённым градусом, формируя настройку сознания и чтобы увидеть иные миры, необходимо изменить угол точки сборки или состояние сознания.

У Лакана «points de capiton» – узел отношений отношения означаемого и означаемого. В отличие от Соссюра французский аналитик не усматривает устойчивых социально-семантических систем, а обнаруживает их изменчивое скользящее состояние.

Однако самая весомая разработка этой соединительно-лучевой функции культуры и общества осуществлена в работах Р. Ингардена, который опирался на позицию онтологического и эпистемологического реализма, которая значительно отличается от позиции трансцендентального реализма Гуссерля. По Гуссерлю, процесс познания конституируется трансцендентальным эго. У Ингардена, чувственно данный мир выступает реальной основой процесса познания. На основании полученных чувственных данных трансцендентальное сознание конституирует через эйдетическую интуицию сами сущности вещей. С другой стороны, конкретизация Р. Ингардена продолжает традицию Гуссерля по снятию «естественной установки», обычного состояния сознания, не обращенного на себя, не занятого самоанализом.

Исходя из изоморфизма текста и социокультурной реальности, текст можно представить как социокультурный объект, а культуру и общество рассматривать как текст. Литературное произведение, анализу которых больше всего времени посвятил Р. Ингарден, есть результат смыслового творчества автора, закрепляющего мысленный образ произведения в предложениях, не является авторским. Существование произведения зависит от идеальных значений, ко-

¹ Киссель М.А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. – Л., 1976. – С. 19.

² Казанский А.Б. Модели организационно замкнутых систем и контуры развития новых подходов в области искусственного интеллекта и когнитивной науки. – <http://spkurdyumov.narod.ru/kazanskiy.htm>

торые вызывает звучание текста. Происхождение такого рода объектов польский эстетик считал деривационно-интенциональным: бытие реальных физических вещей выступает основанием существования художественных образов наряду с интенциональными актами сознания как причиной порождения художественных объектов. К такого рода объектам можно отнести все культурные артефакты. Произведения искусства, достижения науки и техники, мораль и право и т.д. – все это не является исключительным порождением трансцендентального эго. Наряду с актами чистого сознания источником культуры являются реальные физические объекты, а также вся социокультурная реальность¹.

Точки неопределенности представляют основной критерий, который позволяет отличать эмпирические объекты от интенциональных. Они также позволяют Ингардену поставить онтологически и гносеологически фундаментальную проблему свободы вещей. В социокультурном контексте это означает, что проблема заключается не в том, что мир существует/не существует, познаваем/непознаваем, а в том через какие модусы он является для меня и значимых мне жизненных миров.

Эстетические и социокультурные объекты представляют собой «схематическую формацию» с точками неопределенности, которые заполняются во время индивидуального прочтения эстетического/ социокультурного объекта. Так, если в реальной жизни линия поведения наглядна, то в эстетическом объекте зритель восстанавливает неочевидные детали. Например, в литературном произведении, читатель сам конструирует недокументированные детали эстетического объекта: это может быть место нахождения героя, его осанка, питание, фон, окружение, интерьер и т.п. Текст как бы задает скелет эстетического объекта, а читатель наращивает его плоть.

Таким образом, феноменологический образ социума и культуры предстаёт как сложная, динамическая целостность, образующая лоскутные соединения между гетерогенными агентами. Одна из целей науки – делать мир «простым», понятным, однако неосторожные действия «бритвой Оккама» могут привести к непоправимым ошибкам редукционизма. Сложность мира заключается в: 1) множественности элементов, составляющих систему, 2) их одновременной гомогенности и гетерогенности, 3) их симультанной изменчивости и устойчивости, 4) системности данных объектов, их способности устанавливать, разрывать и устанавливать новые когерентные связи. Поэтому метафора бутстрапа представляет значительную когнитивную ценность для феноменологической картины социокультурной реальности. Она коррелирует с феноменологической конкретизацией как точкой сборки социальных процессов, а также подходом постмодернизма к миру как совокупности событий, а не вещей.

Гуссерль выдвинул лозунг «назад, к вещам», полагая, что это выведет философию из патовой позиции позитивизма и идеализма: одни утверждали независимое положение объекта, а вторые – субъекта. Вместо постановки глобальных проблем бытия мира философия должна обратиться к тому, как происходит апперцепция, «схватывание» вещи в актах сознания, как происходит наслоение прошлого опыта, предрассудков, предположений. Гуссерль изменяет своему призыву, отождествляя реальные предметы с данностями сознания, что чревато субъективизмом и психологизмом: «Ингарден считает необходимым указать на решительное различие между познаваемыми вещами и содержанием сознания... Гуссерль склонен рассматривать саму действительность в качестве интенционального объекта... реальное без остатка переходит в идеальное как интенцируемое. Ингарден противопоставляет интенциональное бытие как нечто совершенно своеобразное»².

В процессе обращения к эстетическому объекту в точках неопределенности происходит конкретизация (у Гуссерля это называется переживание аспектов интенциональных актов). Конкретизация эстетического объекта – это способ установления связей между текстом и вызванными им схем прочтения. Ингарден ввел это понятие для процессуального развития точек неопределенности текста: «...следует различать *само произведение* художественной литературы как художественный объект и его эстетическую *конкретизацию* как объект эстетический»³. Если точки неопределенности текста являются первым инструментом умножения смыслов эстетического объекта, то конкретизация является вторым. Вкупе «схематичность» артефакта и его конкретизация дают тексту мощный ресурс потенциальности и интертекстуальности.

Ближайшим коррелятом конкретизации является актуализация, действие по переводу некоторой возможности в действительность, при которой другие возможности остаются не реализованными. Р. Ингарден указывал на смысловую близость термина «конкретизация» более известному «актуализация», сам он, однако, предпочитал свой вариант⁴.

Конкретизация Р. Ингардена – это феноменологическая процедура, но уже не самоисследования, а функционирования сознания в поливариантных условиях: «...то целое, в котором произведение выступает как уже дополненное и измененное читателем в процессе чтения, я называю *конкретизацией* литературного произведения. В ряде своих деталей конкретизация выходит за пределы того, что содержится в самом произведении и что составляет ее ось, или костяк. В силу этого конкретизация может обогатить читателя такими данными, вызвать такое волнение и другие психические реакции, каких не могло бы дать ему то же самое произведение, если бы оно воспринималось как нагой скелет. Конкретизация литературного произведения, и особенно произведения художественной литературы, является *результатом взаимодействия двух различных факторов*: самого произведения и читателя, в особенности творческой, воссоздающей деятельности последнего, которая проявляется в процессе чтения»⁵.

¹ Wendland Z. Hermeneutic principle of understanding and Roman Ingarden's interpretation of aesthetic object as two convergent ways of argumentation strengthening the need of dialogue and communication. – <http://www.crvp.org/conf/Istanbul/abstracts/wendland.htm>

² Ханин Д.М. Указ. соч., с. 112–113.

³ Ингарден Р. Исследования по эстетике. – М., 1962. – С. 71.

⁴ Ingarden R. The Letters Pro and Con // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1970. – Vol. 28, N 4. – P. 541–542.

⁵ Ингарден Р. Исследования по эстетике. – М., 1962. – С. 73.

Р. Ингарден обратил внимание на множественность конкретизаций, возможность их несовпадения с самим текстом. Каждое обращение к произведению, сделанное через какое-то время, рождает новые канвы конкретизации или углубляет старую конкретизацию, обогащает ее дополнительными смыслами. Допуская, что между произведением и его конкретизацией может лежать пропасть, Ингарден ограничивается избранными конкретизациями: конкретизация языково-звукового слоя произведения, актуализация видов произведения. «Благодаря охарактеризованным выше изменениям, отличающим конкретизацию от самого произведения применительно к слоям звучаний, значений и видов, *достигается устранение многих мест неполной определенности* (прежде всего) *изнутри слоя изображаемых предметов*. Мы устраняем их, дополняя отдельные предметы или целые предметные ситуации теми компонентами или моментами, которые мы как бы вставляем в эти места»¹.

Ингарден исследует траектории конкретизации, выясняет причины ее векторов. Места, не обладающие исчерпывающей определенностью, подвергаются конкретизации: «способ, которым осуществляется это дополнение, имеет решающее значение как для *степени верности реконструкции* произведения, так и для *эстетической ценности*,

Конкретизация как никогда ранее востребована в культурной динамике вследствие усилившейся социальной атомизации. Индивид вопиет о своей уникальной потребности в самоактуализации. Экономика направлена на диверсификацию товаров потребления, политика – на работу с малыми группами, юриспруденция – на индивидуализацию наказания, образование – на выбор индивидуальной программы обучения, наука – на case studies, религия – на дробление, почкование и сектанство, сфера услуг – на создание собственного профиля, персонализация имиджа. Общее состояние культуры можно охарактеризовать как ценностно-смысловое расслоение. При этом эксфолиация (умножение) индивидуальностей не закончена, она продолжает расти по мере того, как все новые и новые ценностно-смысловые локальности становятся доступными на мировой ярмарке культуры. Возможно сейчас, как никогда ранее, требуется усиление преподавания философии, как наиболее генерализующей дисциплины, чтобы уравновесить крен в единичное. Конкретизация в новых культурных условиях выступает посредником, коммуникатором между разными смысловыми средами.

Таким образом, феноменологическая дескрипция учит нас учитывать онтологическую неоднородность социальной памяти. Социальное памятование уже не может осуществляться через универсальность, общезначимость. Существование культурных ценностей и смыслов продолжается в разнородных художественных, религиозных и иных группах благодаря интенциональности сознания. Поэтому одной из важнейших компетенций в области общественных дисциплин должно быть понимание открытости социокультурного мира, его незавершенности, контекстуальности.

¹ Ингарден Р. Исследования... С. 82.

РЕГИОНЫ И ГОРОДА РОССИИ: СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В ПРОЕКТАХ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Абдулаев Ш.-С. О.

д.т.н., профессор, гл.н.с. Института социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН

Черкашин В.И.

д.г.-м.н., профессор, директор Института геологии Дагестанского НЦ РАН

Дохолян С.В.

д.э.н., профессор, директор Института социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН

Садыкова А.М.

м.н.с. Института социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ

Ключевые слова: инновационное развитие, региональная политика, модернизация, устойчивое развитие.

Развитие мировой экономической системы, основанной на рыночных отношениях, определило направление развития технического прогресса. Суть этого направления состояла в разработке технических систем и технологических процессов с целью повышения производительности труда для получения, в конечном итоге, максимальной прибыли. Указанное направление развития технического прогресса на современном этапе мировой экономики дискредитировало себя. Причинами такой дискретизации явились неустойчивость социально-экономического развития, в результате которого появилась безработица, расточительно использовались дефицитные природные ресурсы, преданы забвению требования экологии и охраны окружающей среды. Все это привело к неравномерности развития территорий не только на планетарном уровне, но и в различных географических зонах, регионах, в странах и субъектах этих стран. К такому выводу пришел Римский клуб – международная неправительственная организация, которая изучает глобальные проблемы развития человечества [1].

На современном этапе экономического развития человеческого социума успешность экономической деятельности определяется производительностью труда и прибылью. Одновременно наблюдается переход к экономике знаний, интеллектуальной собственности, и в конечном итоге происходит переход к информационному обществу, которое в свою очередь приводит к экономике нематериальных потоков финансов. Следствием этих преобразований является неустойчивость социально-экономического развития геотерий и разрушение природной среды в результате нещадной эксплуатации источников естественных ресурсов, включая человеческий капитал.

Россия и в том числе Дагестан, переживает исторический период формирования новой рыночной экономики, основанной на разработке новых технологий, на производстве нового продукта, удовлетворяющего внутренний спрос и конкурентоспособного на внешнем рынке, а не на продаже природных ресурсов (нефть, газ и т.д.)

Главной целью стратегии развития человеческого социума является достижение достойного уровня качества жизни населения, которое определяется множеством факторов.

Решение эколого-экономических проблем целесообразно вести в следующих направлениях:

- принятие концепции устойчивого социально-экономического развития с учетом экологических ограничений;
- разработка предложений, по институциональному преобразованию экономики субъекта, обеспечивающих эффективное управление;
- определение существенных факторов устойчивого развития экономики субъекта РФ;
- формирование экономической и производственной специализации субъектов РФ;
- разработка инновационно-исследовательских и производственных структур для модернизации промышленности субъектов РФ.

В основу решений сформулированных выше проблем должна быть положена концепция устойчивого развития человеческого социума.

Российская Федерация, а именно её федеральные экономические структуры не смогли организовать управление и регулирование экономикой, обеспечить равномерность развития регионов с учетом геоэкономического и геополитического положения, объема всех видов ресурсов, включая трудовые ресурсы и другие индикативные показатели, в том числе валовый региональный продукт (ВРП), производительность труда и т.д. Без знания вышеуказанных индикативных показателей невозможно определить, на каком уровне мы находимся, как корректировать вектор социально-экономического развития. Без понимания этого обстоятельства наше развитие напоминает «бег по кругу». На это об-

ращает внимание и Президент России В.В. Путин: «Мы должны быть готовы к тому, что спад производства и кризисные явления в мировой финансовой системе могут отразиться на нашей экономике». А готовы ли регионы страны к таким событиям? И каковы должны быть действия региональных органов власти по управлению экономикой? Рассмотрим в этой связи удельный вес субъектов в общероссийских основных социально-экономических показателях в 2011 г. Сравнивая, например, Смоленскую область и Дагестан, можно заметить, что при приблизительно одинаковой площади территории, Дагестан имеет больше основных фондов (это ресурсы), а обрабатывающего производства – меньше более чем в 6 раз, производство и распределение электроэнергии, газа и воды в 3 раза меньше. Сравнивая Ставропольский край и Дагестан, одинаковые приблизительно по численности населения, географическим и климатическим условиям, обнаруживаем, что в Дагестане обрабатывающих производств почти в 7 раз меньше, производство и распределение электроэнергии, газа и воды меньше более чем в 4 раза. Аналогичная ситуация наблюдается при сравнении по многим другим показателям, что свидетельствует о неэффективности существующих механизмов управления и отсутствии политической воли федерального центра по обеспечению фактической равномерности развития регионов в России.

Принимая во внимание, что Республика Дагестан является одним из старейших нефтегазодобывающих регионов России, что она располагает минерально-сырьевыми ресурсами термальных рассолов, и занимала передовые позиции среди республик Северного Кавказа по этим ресурсам, необходимо:

- провести оценку прогнозных ресурсов углеводородов и термальных вод по всей территории Дагестана и аудит существующих запасов нефти, газа и редкометалльных элементов термальных рассолов;
- составить комплексную программу освоения новых месторождений нефти, газа и термальных рассолов с обоснованием основных направлений геологоразведочных работ на перспективу.

Только на этой основе можно повысить эффективность добычи углеводородов, доведя его до уровня, соответствующего потенциальным возможностям Республики Дагестан, а также организовать добычу и разработку современных технологий извлечения редкометалльных элементов из термальных рассолов.

Эффективное использование минерально-сырьевых ресурсов является одним из основных направлений в решении многих экономических задач, в том числе и в удвоении ВВП. Об этом говорил и президент нашей страны, признав это одной из основных стратегических задач на ближайшее будущее.

Из вышеизложенного следует, что для Республики Дагестан принципиально важна стратегия повышения эффективности использования природных ресурсов и организация охраны окружающих нас геотерий. Для этого необходимы новые подходы и методы управления природными ресурсами, основанные на современных информационных технологиях, достижениях вычислительной техники, математики и программных средств. Суть этих новых подходов и методов сводится к переходу к естественному капитализму с рыночной экономикой, который учитывает все известные и исследованные процессы в биосфере, включая и процессы, происходящие в человеческом социуме [2].

Следующим направлением обеспечения устойчивого и позитивного развития человеческого социума является технология эффективного государственного управления в Российской Федерации и в его субъектах.

В настоящее время доля роста показателей социально-экономического развития, обусловленная инновационным развитием сферы производства, еще незначительна, низка эффективность использования природных ресурсов, не соблюдаются требования и нормы по охране окружающей среды. Эти негативные явления определяют неустойчивость экономического развития и связанное с этим ухудшение качества жизни человека. К числу негативных факторов, определявших, в некотором смысле, сложившуюся ситуацию в экономической, социальной и духовно-нравственной сфере нашей республики, относится и неразвитость гражданского общества в Дагестане [2].

Наличие этих негативных факторов и их анализ применительно к РД приводит к выводу о необходимости институциональных преобразований. Ранее такие предложения нами публиковались, но они не были замечены [3, 4, 5].

Суть этих преобразований в субъектах РФ, в том числе, и в РД состоит, в первую очередь, в решении следующих задач:

- оптимизировать структуру государственного управления экономикой субъекта в рыночном пространстве;
- организовать государственно-частное партнерство (ГЧП) и разработать механизмы его реализации.

В основу оптимизации государственной структуры управления должно быть положено определение приоритетных критических технологий и критических программ для каждого субъекта РФ.

Организация ГЧП должна базироваться на обоснованной государственной политике по формированию социальной ответственности бизнеса.

Для конструктивного решения этих задач уже имеется достаточное число нормативно-правовых актов как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ.

Оптимизация структуры государственного управления субъекта РФ должна осуществляться на основе показателей имеющихся природных ресурсов, научно-технического и производственного потенциала, демографической ситуации, а также ограничений, связанных с охраной окружающей среды. Эти же показатели должны определять критические технологии и критические программы для субъектов РФ, в том числе и Дагестана.

В РД при определении специализации промышленного производства должен учитываться избыток трудовых ресурсов (большая безработица среди трудовой части населения), а также осознание необходимости выпуска законченной товарной продукции (транспортное средство, станок, самолет и т.д.), а не специализированных агрегатов ограниченной серии. Только такое производство позволяет обеспечить мультипликативный эффект для организации, например, выпуска технологического оборудования агропромышленного производства, выпуска медико-биологического оборудования и электронных агрегатов для диагностики и физиотерапии и т.д.

Таким производством может быть машиностроительный комплекс. Сформировать такой комплекс можно организовав внутреннюю кооперацию промышленных предприятий РД. Такая кооперация позволит шире использовать научно-технический и инновационный потенциал Республики Дагестан.

Для определения экономической и производственной специализации Дагестана в постиндустриальном периоде жизни общества, необходимо устранить дотационность, сделать республику самодостаточной по основным социально-экономическим показателям. Для этого требуется развитое промышленное производство, в основе которого современные инновации, модернизация или обновление всего парка основных фондов, новые уклады технологического развития.

Специализация сферы промышленного производства РД позволит решить следующие задачи:

- занятость трудовых ресурсов;
- существенное расширение налоговой базы;
- выпуск продукции, востребованной, в первую очередь, прикаспийскими странами;
- обновление основных фондов и на этой основе расширение оборонзаказа;
- разработку программы конверсии оборонного производства;
- широкое использование мультипликативного эффекта для развития транспортной инфраструктуры и развития других направлений промышленного производства вплоть до агропромышленного производства.

Интерес к влиянию инноваций на экономическое развитие резко усилился со второй половины прошлого столетия на волне развития микроэлектроники, вычислительной техники, достижений в химии, физики, биологии, медицине и других областях науки, которые наглядно продемонстрировали превращение научных исследований в инструмент повышения конкурентоспособности целых отраслей, национальных экономик и локальных экономических систем. Сегодня уже представляется достаточно очевидным, что повышение конкурентоспособности экономики возможно только через ее модернизацию на базе усиления инновационной деятельности.

В общем виде к инновационной деятельности можно отнести:

- выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ по созданию инновационного продукта;
- комплексное научно-технологическое, индикативное планирование и целевое программирование, организация и нормативно-правовое обеспечение работ по созданию инновационного продукта;
- технологическое переоснащение и подготовку производства для выпуска инновационного продукта (услуги), технологии;
- проведение испытаний и освоение потребителем инновационного продукта;
- управление процессами коммерциализации технологий;
- деятельность по продвижению инновационного продукта на внутреннем и внешнем рынке, включая правовую защиту результатов интеллектуальной деятельности, использованных в продукте;
- создание и развитие инновационной инфраструктуры;
- передачу либо приобретение прав Российской Федерацией или другими правообладателями на объекты интеллектуальной собственности, включая их вовлечение в гражданско-правовой оборот;
- экспертизу, консультационные, информационные, юридические и иные услуги.

Одним из главных направлений развития и стимулирования инновационной деятельности является создание инновационной инфраструктуры, под которой понимается совокупность объектов инновационной деятельности и взаимосвязей между ними, которые производят новые знания и новшества, преобразуют их в новые продукты и услуги, обеспечивают их распространение и потребление в рыночных условиях. Инновационная инфраструктура является связующим звеном между результатами научных исследований и рынком, государством и предпринимательским сектором экономики.

Анализ развития инновационной деятельности в Российской Федерации показывает целесообразность интегрирования различных форм этой деятельности с конкретной социально-экономической системой и управление через административно-территориальные органы исполнительной власти, которые определяют правила функционирования и взаимодействия участников инновационного процесса через формирование нормативно-правовой среды. Этим объясняется, что основу сегодняшней инфраструктуры национальной инновационной системы составляют недавно созданное АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», Инновационный центр «Сколково», центры трансфера технологий, инновационно-технологические центры, технопарки и территории высоких технологий, фонды поддержки научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, фонды стартового и венчурного финансирования, центры подготовки специализированных кадров (персонала) и информационного обеспечения инновационной деятельности.

Принимая во внимание отсутствие в республике отраслевых научно-исследовательских и проектно-конструкторских учреждений, а также недостаточную эффективность функционирования существующих субъектов инновационной деятельности, следует признать целесообразным создание в Дагестане Республиканского единого инновационно-исследовательского центра, по аналогии с проектом «Сколково» и других подобных зарубежных центров, работа которого была бы сконцентрирована, с одной стороны, на поддержке приоритетных для нашей республики направлений развития науки, техники и технологий, а с другой, инициировала создание перспективных высокотехнологичных производственных участков. Наличие Единого инновационно-исследовательского центра с производственной площадкой для создания и тестирования макетных образцов и новых технологических решений позволило бы решать следующие задачи:

- содействие в организации НИОКР и разработке прототипа нового продукта;

- обеспечение доступа к современному оборудованию и технологиям всех участников инновационного процесса, в особенности малых и средних предприятий;
- обеспечение доступа к профессиональным консультациям по широкому спектру вопросов – финансовых, экономических, маркетинговых, внешнеэкономической деятельности;
- сбалансированную подготовку кадров по всем направлениям, обеспечивающим инновационную деятельность;
- оказание помощи в доступе к научно-технической, патентной и маркетинговой информации как субъектам инновационной деятельности, так и потенциальным потребителям;
- создание предпосылок для привлечения коммерческих ресурсов в инновационные предприятия;
- содействие в продвижении наукоемкой продукции на внутренний и мировые рынки.

Социально-экономическая функция деятельности Единого инновационно-исследовательского центра предполагает тесное сотрудничество с органами власти и местного самоуправления, определение задач и выработку совместных решений по реализации этих задач, а также применение инновационных технологий в государственном и муниципальном управлении, в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Накопленный научно-исследовательский потенциал и создаваемая производственная база позволят в перспективе выполнять и работы на договорной основе для различных организаций (инновационный аутсорсинг). Это позволит действующим субъектам экономики внедрять перспективные разработки, оптимизируя затраты на содержание конструкторских и научно-исследовательских подразделений в своем штате.

Помимо представленной инфраструктуры и технологии инновационной деятельности в форме инновационно-исследовательского центра необходима и промышленно-производственная инфраструктура, способная выпускать серийную продукцию, конкурентоспособную на мировом рынке.

Список литературы

1. Черкашин В.И., Абдулаев Ш.-С.О. Новая концепция устойчивости эколого-экономического развития горных экосистем (на примере РД) // Аридные экосистемы. 2014. – Т. 20, № 4961. – С. 5–10.
2. Абдулаев Ш.-С.О. Преобразования гражданского общества для повышения эффективности региональной инновационной экономики // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Общее и особенное в формировании гражданского общества на Северном Кавказе» (30 мая 2014 г., ДГУ). – Махачкала, 2014. – С. 21–23.
3. Абдулаев Ш.-С.О. Структурные преобразования в экономике региона на основе формирования инновационной экономики // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы государственной политики регионального развития России». – М.: Научный эксперт, 2008. Секция 3 электронной части.
4. Абдулаев Ш.-С.О. Роль власти в формировании региональной инновационной экономики // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и власть: проблема коммуникаций». – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 354–361.
5. Абдулаев Ш.-С.О., Садыкова А.М. Региональная экономика и кластерная организация производства // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. – № 1. – С. 34–38.
6. Абдулаев Ш.-С.О. Новая парадигма регионального инновационного политического, социально-экономического и культурного развития регионов (на примере Республики Дагестан) // Труды Седьмой международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития» (26–27 мая 2011 г., ИНИОН РАН). – М., 2011. – С. 9–12.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели 2012 / Статистический сборник. – М., 2012.
8. Абдулаев Ш.-С.О. К стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан // Вестник ДНЦ. – Махачкала, 2004. – № 17.
9. Абдулаев Ш.-С.О. Пути развития и направления реструктуризации промышленности Дагестана для устойчивого развития и интегрирования в единое экономическое пространство России // Вестник ДНЦ. – Махачкала, 2005. – № 20.
10. Абдулаев Ш.-С.О., Садыкова А.М. Преобразование региональной экономики и ее устойчивое развитие в условиях глобализации // Труды Восьмой международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии и механизмы модернизации инновационного и технологического развития» (31 мая – 1 июня 2012 г., ИНИОН РАН). – М., 2012. – Ч. 2.
11. Абдулаев Ш.-С.О., Садыкова А.М. Об экономической и производственной специализации субъектов РФ (на примере РД) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. – № 3. – С. 91–94.
12. Проект Федерального закона № 555597-6 «О промышленной политике в Российской Федерации» (вносится Правительством РФ).

Алексеев А.В.

к.э.н., доцент, зав. отделом «Темпы и пропорции промышленного производства» Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск
avale@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ: РЕАЛЬНЫЙ ИЛИ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ?

Ключевые слова: государственные программы, региональное развитие, программные методы управления.

Пять направлений развития. В Российской Федерации наблюдается активный переход к программным методам управления экономикой. К настоящему времени разработано более сорока государственных программ, которые сгруппированы по пяти основным направлениям: новое качество жизни, инновационное развитие и модернизация экономики, эффективное государство, сбалансированное региональное развитие, обеспечение национальной безопасности. Государственная программа – это система мероприятий и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности¹. Таким образом, государственные программы – не просто рядовые документы, подготовленные в аппарате Правительства РФ, это отражение видения исполнительной властью путей построения современной экономики в стране.

Сбалансированное региональное развитие. Не ставя задачи рассмотреть все разработанные программы, сосредоточимся на направлении «сбалансированное региональное развитие». Сразу отметим, что логика структурирования комплекса программ ясна не до конца. Казалось бы, должна быть одна общая программа, по сути, концепция, на принципах которой разрабатываются программы развития отдельных регионов и комплекс региональных программ развития. Но концептуальных программ две, а региональных всего четыре. Конечно, необходимость в программах развития Калининградской области, Дальнего Востока и Байкальского региона, Кавказского федерального округа и Арктической зоны не вызывает сомнения, но в РФ есть еще немало регионов, которые также нуждаются в развитии.

Рассмотрим программы «Региональная политика и федеративные отношения» и «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации». Цель первой программы – обеспечение сбалансированного развития субъектов Российской Федерации². Второй – обеспечение равных условий для устойчивого исполнения расходных обязательств субъектов Российской Федерации и повышения качества управления государственными финансами субъектов Российской Федерации и муниципальными финансами³. Таким образом, собственно за региональное развитие отвечает программа «Региональная политика и федеративные отношения». Программа «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации» ориентирована на повышение качества исполнения государственных обязательств перед гражданами РФ.

Для эффективного исполнения обязательств требуется создание соответствующей материальной основы. Остановимся подробнее на том, как предполагается решать эту проблему в рамках программы «Региональная политика и федеративные отношения». В формулировке цели программы обращает на себя внимание термин «сбалансированное развитие». Не «ускоренное», не «динамичное», ни даже «инновационное», а именно «сбалансированное». Но термин «сбалансированное» неоднозначен. Под сбалансированностью можно понимать и воспроизводство ранее сложившейся несбалансированности и стремление привести сложившуюся несбалансированность в рамках различных регионов к сбалансированности. Более того, в последнем случае можно идти к балансу со стороны доведения слаборазвитых регионов до уровня высокоразвитых, а можно и к низведению высокоразвитых до уровня низко развитых. Понятно, что последний вариант никто всерьез не рассматривает, но ясно и то, что при принятом императиве достижения сбалансированности в смысле равенства, реализация второго варианта существенно проще первого. В программе явно имеется в виду сбалансированность второго типа, исходящая из того, что российские регионы значительно отличаются по

¹ Портал государственных программ Российской Федерации. Перечень государственных программ. <http://www.gosprogramma.gov.ru/Main/Start>

² Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 307 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Региональная политика и федеративные отношения" // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – № 18, часть I, ст. 2153.

³ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 310 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации». "Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – № 18, часть II, ст. 2156.

уровню социально-экономического развития. В программе констатируется необходимость сосредоточиться на уменьшении разрыва по основным показателям социально-экономического развития между наиболее развитыми и отстающими регионами и принять меры, направленные на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации.

Здесь не уйти от вопроса: «А нам действительно требуется сбалансированное развитие?». Ведь в пользу несбалансированного развития можно найти не меньше аргументов. Так, можно не без оснований утверждать, что сейчас нам как раз требуется несбалансированное, в частности опережающее развитие, например, арктической зоны. Или опережающее развитие одних регионов по отношению к другим не противоречит принципу сбалансированного развития, лежащего в основе программы? Внятного ответа на этот вопрос в программе нет. При желании ее основные положения можно интерпретировать по-разному. Но невнятность текста, желание разработчиков оставить себе поле для маневра, возможно, хороший прием в дипломатии, но не в программном документе. Исполнителям программы не видны ее реальные приоритеты, не ясно, что же на самом деле скрывается под «гладкими» формулировками. Итог известен: программа, не успев начаться, превращается в очередной документ для отчета о проделанной работе соответствующего ведомства, но никак не руководством для заинтересованных лиц к активным действиям.

Сомнения в управленческой силе представленного инструментария усиливаются при обращении к показателям ожидаемых результатов реализации программы. Так, основной целевой индикатор программы сформулирован как: «Сокращение дифференциации соотношения темпов роста показателей экономического развития (реальные располагаемые денежные доходы населения, объем инвестиций в основной капитал, объем налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации) по 10 субъектам Российской Федерации с наибольшим значением и 10 субъектам Российской Федерации с наименьшим значением показателей с 1,35 до 1,1»¹.

Выбор целевого индикатора в формате «все в кучу» (и доходы, и инвестиции, и налоги) странен. Такой подход не бесспорен для федеративного государства с более или менее сбалансировано развитыми регионами. Но еще менее он объясним для России, где требуется опережающее развитие не самых развитых восточных регионов, причем как по экономическим, так и по политическим соображениям.

Действительно, курс на выравнивание денежных доходов населения в южных и северных регионах страны требует аргументации, которой в программе нет. Не меньше вопросов вызывает и ориентация программы на выравнивание инвестиций в регионах, находящихся на разной стадии развития. То, что инвестиционную активность необходимо усилить во всех регионах, сомнения не вызывает, но почему ее нужно выравнивать?

Еще большее недоумение вызывает задача уравнивания налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета РФ. На период действия программы стоит задача развить и, тем самым, выбить основания у «мирового сообщества» для разговоров, а, впоследствии, возможно, и действий по мягкому или жесткому отторжению у России ее восточных и арктических территорий. Сколько-нибудь значимое налоговое наполнение бюджета, которое, безусловно, возникнет как следствие освоения этих территорий, дело более отдаленного будущего. Не вложившись в развитие северных и восточных регионов требовать от них равного по отношению к центральным и южным районам страны налогового вклада, означает, что ни о каком реальном развитии здесь речь не идет. Таким образом, основной целевой индикатор программы ориентирует ее участников на достижение скорее каких-то бухгалтерских, а не стратегических целей.

Остальные целевые показатели программы имеют скорее социально-политическую, а не экономическую направленность и напрямую не задают стимулы для интенсивного экономического развития отдельных регионов. Как формулировка программы, так и ее основной целевой индикатор несут в себе некоторую двусмысленность: по своему пафосу программа ориентирована на то, чтобы все регионы России стали высокоразвитыми, а по внутренней логике – чтобы они были более или менее едины, прежде всего, в социально-экономическом смысле. При кажущемся сходстве указанных подходов, внутренне они существенно различны. Поднять слаборазвитые регионы до уровня высокоразвитых – сложная задача, обратная же – опустить высокоразвитые регионы до уровня слаборазвитых существенно более проста в реализации. В главном оценочном показателе успешности реализации программы, таким образом, заложена мощная мина: уравнивать всех в бедности гораздо проще, чем поднять бедных до уровня богатых. Есть риск, что когда с ответственных за реализацию программы начнут спрашивать за исполнение показателя «сокращение дифференциации» они выйдут на требуемые параметры, но на низком, а не на высоком как изначально, очевидно, задумывалось уровне.

Рассмотрим задачи, которые предполагается решить, чтобы достичь заявленной в программе цели. Задачи сформулированы достаточно четко:

- стимулирование органов государственной власти к наращиванию собственного экономического потенциала;
- совершенствование федеративных отношений, укрепление российской нации,
- стимулирование переселения соотечественников в РФ, решение демографических проблем, в первую очередь на территориях приоритетного заселения².

Достаточно ли решить эти задачи, чтобы реализовать цель программы? Ответ зависит от трактовки понимания цели. Если понимать ее как достижение равенства в условной бедности, то – да. Если как «равенства в богатстве» – вряд ли.

¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 307 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации». «Региональная политика и федеративные отношения» // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – № 18, часть I, ст. 2153.

² Там же.

Действительно, развитие региона определяется тремя группами факторов: финансовыми, кадровыми и институциональными¹. С 2013 по 2020 гг. на реализацию программы предполагается выделить 155 млрд. руб. С учетом того, что инвестиции в основной капитал в РФ в 2013 г. составили 13,3 трлн. руб. программа явно не претендует на реализацию каких-либо значимых инвестиционных проектов, выравнивающих технологический базис российских регионов.

Таким образом, создание материальной основы для успешного развития российских регионов в рамках программы не предполагается. Это обстоятельство только усиливает значимость отражения в программе оставшихся двух факторов.

Однако переоценивать заложенный в программе потенциал кадрового роста в регионах не стоит. Основные усилия здесь направлены на повышение качества кадрового обеспечения органов местного самоуправления. Задача, безусловно, важная, но непосредственно на сбалансированное развитие регионов не влияющая.

Отдельная подпрограмма в кадровом блоке «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Задача тоже важная, но скорее в гуманитарном и политическом, чем в экономическом смысле. Так, в подпрограмме речь идет даже не о переселенцах, а о «количестве выданных свидетельств участника» подпрограммы (примерно по 30 тыс. в год), что на фоне 144 млн. населения России не делает погоды ни на российском рынке труда, ни в региональном развитии.

Институциональная составляющая программы потенциально сильнее. «Потенциально» потому, что хотя в тексте программы сказано много правильных слов о планируемых изменениях в законах и иных законодательных актах РФ в целях оптимизации механизмов и условий делегирования полномочий РФ органам государственной власти субъектов РФ, так и остается неясным, в чем именно они будут заключаться, и почему эти решения приведут к ожидаемому сбалансированному развитию.

Несколько необычно представлены риски реализации программы:

- ведомственный подход при совершенствовании разграничения полномочий;
- отсутствие системного подхода при перераспределении полномочий между уровнями власти;
- недостаточное материально-техническое и финансовое обеспечение полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- отсутствие надлежащего кадрового обеспечения для реализации полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления, в том числе при обеспечении квалифицированными кадрами территориальных органов федеральных органов исполнительной власти.

Согласно теории риск-менеджмента это не риски, это их причины – вполне определенные (не вероятностные) факты, которые порождают неопределенность. Эти причины могут вызвать (а могут и не вызвать) вероятностное событие – риск, например, невыход на заданные параметры целевых индикаторов. Если же риск произошел, то у него могут быть последствия, а могут и не быть. Например, недостижение цели программы либо по качеству реализации цели, либо не выдерживание сроков, либо выход за рамки утвержденного бюджета. Здесь важно определиться, на какую часть связки «причина риска – риск – последствия риска» следует направить усилия по сокращению влияния риска. Если реагировать на последствия риска, придется менять команду, реализующую программу, сдвигать сроки, выделять дополнительные деньги; если на сам риск – изыскивать дополнительные человеческие и финансовые ресурсы для выхода на соответствующие целевые показатели, а если на причину риска – следует вначале разобраться с ведомственным подходом, правильно определить полномочия, усилить кадровый состав исполнителей программы и т.п.

В программе апелляция к причинам риска решена весьма изящно: «управление указанными рисками планируется осуществлять в рамках деятельности Правительственной комиссии по проведению административной реформы»². То есть если что-то пойдет не так – все вопросы к Правительственной комиссии, а не к ответственным за реализацию программы.

Проведенный анализ показывает: принятая программа нуждается в доработке. Основное направление – более строгое следование методологии программного подхода. В первую очередь это: уточнение и более строгое обоснование цели проекта, жесткое выстраивание вертикальной логики достижения цели проекта (цель-задачи-виды деятельности с соответствующей иерархизацией разработанных подпрограмм и планом-графиком их реализации), уточнение системы объективно-проверяемых индикаторов для каждого уровня вертикальной логики, выделение ресурсов (как финансовых, так и организационно-правовых), достаточных для выхода на целевые ориентиры соответствующего уровня.

Программный метод обладает бесспорным управленческим потенциалом. Однако этот потенциал работает, когда проектная деятельность выстроена в строгом соответствии с методологией метода. Если же метод правится под ограничения «текущего момента», то ожидать выхода на целевые индикаторы программ в заданные сроки и в рамках выделенного бюджета не приходится. Тем не менее, проведенный анализ показывает, что даже сравнительно небольшая корректировка представленного документа будет способствовать тому, сбалансированное региональное развитие будет достигнуто благодаря, а не параллельно рассмотренной государственной программе.

¹ Алексеев А.В. Структурные и институциональные условия становления инновационной экономики // Регион: экономика и социология. – Новосибирск, 2011. – № 1. – С. 91–103.

² Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 307 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации». «Региональная политика и федеративные отношения» // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – № 18, часть I, ст. 2153.

Ахмедуев А.Ш.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН,
г. Махачкала
achmeduev@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПУТИ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ДАГЕСТАНА ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Ключевые слова: инновационный потенциал, региональное развитие, Республика Дагестан.

Концепция долгосрочного развития России до 2020 г. предусматривает, что новая экономика – экономика знаний и высоких технологий к 2020 г. станет одним из ведущих секторов национальной экономики. Доля экономики знаний и высокотехнологичного сектора в валовом внутреннем продукте к 2020 г. должна составлять не менее 17–20%. Доля промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна возрасти до 40-50%, а доля инновационной продукции в общем объеме выпуска – до 25–35%. Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. предусмотрено увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте к 2018 г. в 1,3 раза относительно уровня 2011 г.¹

Президент РФ В.В. Путин в своем Послании Федеральному собранию Российской Федерации особо подчеркнул, что нам нужно создать новые технологии и конкурентную продукцию, снять критическую зависимость от зарубежных технологий и промышленной продукции². «В современной экономике важнейшим фактором развития и обеспечения конкурентоспособности является не физический капитал и материальные активы, а знания, достижения науки, их материализация в новые технологии, продукты и услуги»³.

В свете этих задач в Республике Дагестан необходимо совершить подлинную научно-техническую революцию, обеспечивающую преодоление существующего отставания и достижения намечаемых до 2020 г. среднероссийских показателей. Для Дагестана это не просто первоочередная стратегическая цель, но и острейший вызов современности, от ответа на который в условиях глобализации и открытого мирового рынка зависит жизнеспособность экономики.

Серьезную тревогу вызывает оцениваемый с позиций этих императивов и долгосрочных целей технический и технологический уровень экономики республики. По многим показателям Дагестан существенно отстает от средних достижений не только по стране, но и по СКФО и отдельным его субъектам. Удельный вес инновационных товаров (работ, услуг) в общем объеме отгруженных товаров в РД снизился с 2,8% в 2000 г. до 0,1% в 2013 г., тогда как по стране, СКФО и большинству субъектов СКФО он существенно вырос (см. табл. 1). По этому важнейшему показателю, характеризующему технический уровень и конкурентоспособность экономики, республика (0,1%) отстает от среднего уровня по стране (9,2%) в 92 раза, СКФО (6,4%) – в 64 раза, Ставропольского края (9,7%) – в 97 раз, Карачаево-Черкесской республики (4,2%) – в 4 раза.

Таблица 1

Объем инновационных товаров (работ, услуг) в общем объеме отгруженных товаров (работ, услуг), %⁴

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Российская Федерация	4,4	5,0	4,7	4,6	5,0	4,5	4,8	6,3	8,0	9,2
Северо-Кавказский федеральный округ	0,6	2,0	3,7	5,5	9,4	6,9	8,5	9,1	7,8	6,4
Республика Дагестан	2,8	2,4	5,5	3,5	3,2	0,8	5,9	0,3	0,9	0,1
Кабардино-Балкарская Республика	0,1	3,1	3,5	1,8	1,4	3,7	7,4	6,7	3,0	3,3
Республика Ингушетия	...	...	...	...	...	0,1	0,1	0,2	1,1	–
Карачаево-Черкесская Республика	0,0	0,5	4,7	1,5	8,5	1,2	12,0	24,1	4,2	0,4
Республика Северная Осетия – Алания	...	0,1	0,1	0,2	0,0	0,4	1,8	0,3	0,2	–
Чеченская Республика	...	...	...	...	...	...	13,6	0,6	0,0	–
Ставропольский край	0,7	2,3	4,0	7,5	13,3	9,5	9,1	9,9	11,1	9,7

¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г.

³ Ахмедуев А.Ш., Рабаданова К.А. Инновационный потенциал модернизации экономики Дагестана // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. – № 4. – С. 269.

⁴ Здесь и далее для составления таблиц и расчетов использованы: Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Росстат, 2012, 2013, 2014.

В последние годы в Республике Дагестан не наблюдается также устойчивой тенденции усиления инновационной активности организаций. Например, удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в 2002 г., составлял 14,5%, а в 2013 г. снизился до 10,3%. В Российской Федерации удельный вес таких организаций вырос с 8,8 в 2000 г. до 10,1% в 2013 г., а в СКФО снизился с 6,2 до 5,9% (см. табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в общем числе организаций, %

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Российская Федерация	8,8	9,7	9,9	10,0	9,4	9,3	9,5	10,4	10,3	10,1
Северо-Кавказский федеральный округ	6,2	8,2	7,0	5,9	5,2	5,8	6,2	5,2	6,4	5,9
Республика Дагестан	6,4	9,2	10,9	10,7	8,3	7,9	6,7	2,9	6,5	10,3
Кабардино-Балкарская Республика	3,5	6,8	7,4	3,2	4,1	6,2	8,3	9,9	9,4	9,3
Республика Ингушетия	...	...	...	...	...	...	...	5,9	—	—
Карачаево-Черкесская Республика	10,5	10,8	7,3	8,6	5,3	5,6	4,3	4,3	2,8	2,7
Республика Северная Осетия – Алания	3,2	2,1	2,5	4,4	3,3	5,5	7,7	5,4	4,5	5,3
Чеченская Республика	...	...	...	...	...	...	0,8	0,8	—	—
Ставропольский край	7,6	10,5	8,1	6,9	7,2	7,3	7,2	5,8	8,8	8,1

Из вышесказанного вытекает, что инновационная модернизация экономики для Дагестана является неотложной стратегической задачей. Для этого представляется необходимым обеспечить дальнейшее развитие инновационной системы, существенно укрепить инновационный потенциал, поднять эффективность внедрения в производство и коммерциализации современных достижений науки и техники.

В Республике Дагестан в настоящее время имеется определенный инновационный потенциал. Однако этот потенциал, во-первых, крайне слаб и недостаточен для современной модернизации экономики; во-вторых, практически не развивается; в-третьих, организационно не сформирован и не управляется; в-четвертых, используется неэффективно.

Численность персонала, занятого в Дагестане научными исследованиями и разработками в последние годы колебалась существенно и с 2000 по 2007 гг. выросла с 1776 чел. до 1910 чел., а к 2013 г. снизилась до 1561 чел. В республике изобретательская деятельность, если верить статистическим данным, в последние годы развивается высокими темпами (см. табл. 3). Но масштабы этой работы и главное – использование изобретений и полезных моделей в производстве совершенно не соответствуют современным требованиям.

Таблица 3

Состояние изобретательской работы в РД, СКФО и РФ

	2000 г.	2005 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 в % к	
						2000 г.	2005 г.
Выдано патентов, ед. на изобретения:							
РД	52	78	50	603	271	5,2 п.	3,5 п.
СКФО	218	338	393	994	581	2,7 п.	171,9
РФ	14420	19447	20339	22481	21378	148,3	109,9
на полезные модели:							
РД	1	22	30	27	19	19,0 п.	86,4
СКФО	22	80	123	124	179	8,1 п.	2,2 п.
РФ	4033	6958	10571	11152	12154	3,0 п.	174,7
Всего:							
РД	53	100	80	630	190	5,5 п.	190,0
СКФО	240	418	516	1118	760	3,2 п.	181,8
РФ	18453	26405	30910	33633	33532	181,7	127,0

Общее количество выданных патентов на изобретения и полезные модели за 2001–2013 гг. возросло в Российской Федерации в 61,8 раз, в СКФО – в 3,2 раза, а в РД – в 5,5 раза (см. табл. 3).

Реализация инновационных проектов и новых разработок в республике встречает значительные трудности. Это связано с недостатком финансирования и отсутствием у предприятий оборотных финансовых средств и инвестиций, а также физическим и моральным износом основных фондов. Эти обстоятельства определили, что в РД в 2003 году было создано только 3 передовых производственных технологий, в 2004 – 4, в 2005 – 4, в 2006 – 5, 2007 – 13, а в последующие годы произошло снижение и в 2011 г. было создано 8, в 2012 г. – 7 и в 2013 г. – 9 передовых производственных технологий.

Вместе с тем в Республике Дагестан количество используемых передовых производственных технологий 2002–2010 годы увеличивалось высокими темпами, но в 2011–2013 гг. произошло резкое снижение и в 2013 г. составило 30,0% к 2005 и 23,8% к 2010 г.

Существенное отставание Дагестана во всех сферах инновационного процесса обусловлено недостатком ресурсов на эти цели и прежде всего финансовых. Обращает на себя внимание, что внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к общему объему ВРП в РД ниже в 5,2 раза, чем в России и в 1,7 раза, чем в СКФО.

Финансовое обеспечение инновационного процесса характеризует динамика внутренних затрат на научные исследования и разработки в расчете на душу населения и на одного занятого в экономике (см. табл. 4). Эти показатели

в Республике Дагестан в действующих ценах стабильно растут высокими темпами. Однако средний размер внутренних затрат на научные исследования и разработки на душу населения ниже среднероссийского в СКФО в 13,5 раза, в РД – в 17,3 раза, и на одного занятого в экономике соответственно – в СКФО в 10,2 раза, в РД – в 12,3 раза. Эти показатели по РД на душу населения ниже по сравнению с СКФО – в 1,3 раза и на одного занятого – в 1,2 раза.

Таблица 4

Внутренние затраты на научные исследования и разработки, в действующих ценах, (рубль)

	На душу населения					На одного занятого в экономике				
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.
РФ	524	1611	3663	4882	5219	1189	3455	7745	10 297	11 043
СКФО	36	104	280	361	385	117	329	796	1015	1079
% к РФ	6,9	6,5	7,6	7,4	7,4	9,8	9,5	10,3	9,9	9,8
РД	30	76	231	296	301	92	235	711	889	898
% к РФ	5,7	4,7	6,3	6,1	5,8	7,8	6,8	9,2	8,6	8,1
% к СКФО	83,3	73,1	82,5	82,0	78,2	78,6	71,4	89,0	87,6	83,2

Еще более удручающе выглядят показатели состояния затрат на технологические инновации в стране, СКФО и особенно в Республике Дагестан. Доля Республики Дагестан в общем объеме затрат на технологические инновации России в целом практически равна нулю, в СКФО составляет всего 1,8%. Тенденция такова, что доля Дагестана в подобных затратах СКФО, составлявшая в 2000 г. 0,9%, с 2002 г. возросла и в 2004 г. составляла 4,6%, но к 2012 г. снизилась до 0,8% и в 2013 г. до 1,8% (см. табл. 5).

Затраты на технологические инновации к общему объему ВРП в РФ и СКФО имеет тенденцию роста. В РФ эта доля возросла с 0,36% в 2000 г. до 1,8% в 2012 г., по СКФО с 0,16% до 0,2%, а в РД осталась на том же уровне – 0,01% (см. таблицу 5). Такая величина затрат, учитывая зарубежный опыт, является ничтожной и не способствует интенсивному использованию инноваций и модернизации экономики. Такой объем затрат не может гарантировать использование имеющегося инновационного потенциала и обеспечить перелом в развитии инновационной деятельности.

Таблица 5

Затраты на технологические инновации в РД, СКФО и РФ

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Доля РД в общем объеме затрат на технологические инновации, % по:										
РФ	0,0	0,04	0,03	0,04	0,03	0,01	0,01	0,0	0,0	0,0
СКФО	0,9	3,2	2,4	4,3	1,6	1,7	0,8	1,6	1,8	1,8
Затраты на технологические инновации к общему объему ВРП, % по:										
РФ	0,36	0,79	0,94	0,84	0,91	1,25	1,07	1,6	1,8	...
СКФО	0,16	0,52	0,6	0,34	0,67	0,38	0,73	0,2	0,2	...
РД	0,01	0,06	0,05	0,05	0,04	0,04	0,02	0,01	0,01	...

Первоочередной стратегической задачей является создание республиканской инновационной системы, объединяющей и координирующей инновационную деятельность всех академических и отраслевых научных подразделений, вузов, исследовательских, проектно-конструкторских и технологических звеньев предприятий, организаций, предпринимательских объединений.

Одной из основных составляющих системы являются институциональные структуры, организационно и функционально определяющие четкую ориентацию на поэтапное осуществление всей инновационной деятельности в республике. От их организованности, компетентности и активности зависит успех и эффективность инновационной деятельности.

Мировой и отечественный опыт показывает, что одним из основных условий развития современной экономики знаний является массовое формирование и распространение инновационного предпринимательства. «Ключевым фактором эффективного функционирования инновационной системы России в рыночных условиях должно стать появление крупных компаний, заинтересованных в постоянном обновлении структуры выпуска продукции под давлением конкурентной среды»¹.

Становление и развитие венчурного бизнеса требует создания надежного финансового обеспечения. Эту задачу необходимо решать в нескольких направлениях: во-первых, путем создания государственного финансового инновационного фонда и введения иных форм финансовой поддержки инновационного бизнеса; во-вторых, путем формирования совместных государственно-частных венчурных инвестиционных, страховых, кредитных и иных фондов; в-третьих, путем формирования частного и корпоративного венчурного капитала (фондов) за счет вложений частных лиц и предприятий, организаций, банков, страховых компаний, общественных (некоммерческих) организаций и т.д.

Самым надежным и перспективным направлением финансового обеспечения всей инновационной деятельности, по нашему мнению, является создание специального республиканского государственно-частного инвестиционно-

¹ Экономика России в условиях глобализации. – М.: Институт экономики РАН, 2006. – С. 178.

го банка развития инновационной сферы, основной задачей которого является накопление средств из всех возможных источников и направление их на реализацию приоритетных инновационных проектов.

Одним из важных факторов инновационного преобразования экономики должна стать экономическая и инновационная политика. «Для успешной реализации инновационной деятельности необходима продуманная и согласованная инновационная политика»¹.

На данном этапе становления рыночной экономики важную роль в формировании и развитии инновационной сферы должно играть государственное стратегическое управление. Необходимость государственного регулирования инновационной деятельности обусловлена тем, что в разных секторах экономики существуют неодинаковые стимулы к созданию инноваций. Среди факторов, влияющих на сокращение стимулов хозяйствующих субъектов к инновациям, прежде всего выделяется отсутствие (недостаток) финансовых ресурсов для проведения исследований и разработок. Система финансирования как один из основных инструментов реализации государственной политики в области инновационной деятельности в условиях перехода к рыночным отношениям в научно-технической сфере должна адекватно реагировать на изменяющиеся условия экономической жизни в целях достижения максимально возможной эффективности².

Для определения задач модернизации экономики региона и осуществления функций республиканской инновационной системы назрела необходимость формирования государственного органа управления инновационной деятельностью (в статусе Агентства, Комитета или Координационного центра), функцией которого является объединение усилий проектных, творческих команд и динамично развивающихся компаний, которые готовы впитывать передовые разработки, подключить ведущие университеты, исследовательские центры, Дагестанский научный центр РАН, крупные деловые объединения региона и т.д.

Предлагаемые меры, на наш взгляд, будут способствовать дальнейшему развитию и консолидации инновационных ресурсов, формированию и дальнейшему развитию единой региональной инновационной системы, рациональному использованию ее потенциала для модернизации экономики.

¹ Петросянц Д.В., Симонов К.В. Подготовка менеджеров в сфере инноваций: коррекция спроса и согласование предложений // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. – № 1. – С. 235.

² Романов В.В. К проблеме исследования эволюции моделей инновационного процесса // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. – № 1. – С. 288.

Бабинцев В.П.

д. филос. н., профессор, зав. кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
babintsev@bsu.edu.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО КАК СУБЪЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ СУБЪЕКТА РФ И ОСНОВНОЙ ОППОНЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЮРОКРАТИИ

Ключевые слова: модернизация, региональное развитие, бюрократия, интеллектуальное сообщество, интеллектуальная элита, имитации.

Перспектива модернизации российских регионов довольно жестко связана с повышением интеллектуальной активности основных субъектов социального процесса. Одним из них является региональное интеллектуальное сообщество, которое не только способно обеспечивать решение многочисленных разнородных проблем, но и выступать в качестве основного оппонента региональной бюрократии. Последнее обстоятельство является крайне важным, поскольку современная бюрократия не просто представляет собой административно-управленческий феномен, но формирует комплекс представлений, символов и социокультурных смыслов, служащих источником и целевой ориентацией субкультурных модификаций поведенческих реакций предельно широкого референтного (по отношению к бюрократической системе) окружения. Все чаще большие социальные группы «подстраиваются» под модели поведения, изначально присущие чиновникам, осознанно или неосознанно воспринимают их как образцы поведения. Симптомом распространения восходящих к таким образцам практик служит, в частности, устойчиво высокий конкурс среди молодых людей, поступающих на обучение по специальности, а, в последнее время, по направлению «Государственное и муниципальное управление».

Феномен бюрократии, нашел свое воплощение и за пределами государства, а в ряде случаев безотносительно к нему (церковная иерархия, корпоративный менеджмент). И сегодня его целесообразно анализировать как субкультурное образование, которое в духовном отношении не просто претендует на превращение в культурный мейнстрим, но в единственно возможную культурно-цивилизационную реальность, агрессивную (хотя и в различной степени) по отношению к любым контрагентам. Более того, именно вне государственных и муниципальных рамок бюрократия в последнее время последовательно раскрывается как специфический ценностно-смысловой комплекс. Применяемые ею административные процедуры являются способом реализации мировоззренческих установок и ориентаций, их логическим предметным воплощением. Мифологемы и предметно-практическая деятельность бюрократической системы институционализируются в виде многочисленных организаций и структур. Современное государство, как и органически связанные с ним органы местного самоуправления, представляет собой только один из механизмов реализации бюрократической идентичности, который уже нельзя рассматривать в качестве единственно возможного способа ее самовыражения и самореализации.

При этом негосударственная бюрократия технологически грамотно презентует себя, учитывая, что даже подозрение на идентичность ее представителей с чиновничеством может стать основанием для негативного восприятия их населением. Действительно, специалист в области управления (администратор), действующий за пределами государственных и муниципальных органов, формально не является чиновником, в традиционном значении данного понятия. И публично он чаще всего не будет идентифицировать себя с государственным или муниципальным служащим, в том числе и, подчиняясь инстинкту самосохранения, но, фактически, сегодня этот человек реализует ценности и смыслы, первоначально оформившиеся в рамках государственно-бюрократических структур. Именно в этом качестве он выступает конкретным носителем специфической бюрократической субкультуры. И именно данный признак сегодня крайне важен для определения реального статуса администратора, характера и результатов влияния на общественные процессы.

Именно интеллектуальное сообщество, включающее в себя на региональном уровне относительно небольшую группу людей, обладающих высокими интеллектуальными способностями, проявляющих социальную активность в сфере умственного труда и использующих свой интеллект в качестве ресурса как для обеспечения жизненного успеха, так и для решения общественных проблем потенциально способно оппонировать бюрократии в ходе модернизационного развития.

Наиболее характерной чертой представителей этого сообщества является специфический способ освоения социальной реальности, в основе которого лежит осмысление ее преимущественно в форме понятийно-логических конструкций и использование для разработки и реализации жизненных стратегий научно-обоснованных концепций. Границы интеллектуального сообщества всегда размыты, поскольку включение в него или – напротив – исключение не нуждаются в формальных актах, но опираются на взаимное признание или отказ в нем. Интеграция в интеллектуаль-

ное сообщество жестко не связана и с фактором преимущественного занятия умственным трудом, так как последний далеко не всегда носит интеллектуальный характер.

В рамках интеллектуального сообщества и за счет его ресурсов формируется интеллектуальная элита, отличающаяся от других элит тем, что, во-первых, направляет свою активность преимущественно не на внешних контрагентов (за исключением налаживания коммуникаций с интеллектуалами), но на свою внутреннюю среду. В этом контексте можно утверждать, что деятельность интеллектуалов в известной мере «несоциальна» в веберовском понимании. Однако в отличие от бюрократии ее «несоциальность» не вырастает в «антисоциальность». Это, скорее, некоторая отрешенность от повседневности, возвышение над нею. И не случайно действительных, а не искусственно номинированных, представителей интеллектуального сообщества бывает трудно включить в практическую деятельность, на что довольно часто сетуют практические работники. Тем не менее, нельзя не учитывать, что практика «номинации» (назначения) интеллектуалов чиновниками в последнее время в регионах становится довольно обычным делом. Модными, в частности, становятся созданные властью интеллектуальные клубы и центры. А это существенно влияет на позиционирование интеллектуального сообщества.

Во-вторых, поскольку способность к интеллектуальной деятельности является главным условием вхождения в интеллектуальное сообщество, возможности превращения формирующейся в его пространстве элиты в наследственную, значительно меньше, чем у других элит. Тем не менее, и в данном отношении в последнее время наблюдаются изменения, выражающиеся в том, что часть представителей интеллектуальной элиты использует формальные механизмы передачи своего символического капитала детям и внукам, не обладающим необходимыми способностями (например, путем подготовки и защиты заказных диссертаций).

В-третьих, интеллектуальная деятельность изначально не требует жесткой организации, построения иерархий. Ее субъекты тяготеют, скорее, к самоорганизации и саморегулированию; они в высшей мере автономны. Безусловно, постоянно предпринимаются попытки внешнего регулирования деятельности интеллектуалов. Но обычно они заканчиваются либо формированием упомянутого выше «околобюрократического» окружения и – в перспективе – деградацией и дискредитацией интеллектуального процесса, либо организаторы не достигают своих целей.

В российских регионах чаще всего реализуется первый вариант, поскольку интеллектуальное сообщество в них, как правило, исключительно сильно зависит от власти и не способно активно сопротивляться воздействию государственных и муниципальных структур. Эта зависимость является следствием комбинации многих причин, среди которых выделяются: недостаточная востребованность интеллектуальной деятельности и ограниченность возможностей ее ресурсного обеспечения; малочисленность имеющих внешнюю поддержку, признанных на федеральном и международном уровне научных и образовательных школ; дефицит у региональных интеллектуалов опыта сопротивления административному давлению.

Региональное интеллектуальное сообщество может быть структурировано. В нем выделяются, по меньшей мере, три группы, влияние которых на общественные процессы различно. Во-первых, так называемые «технари», занимающиеся научно-образовательной деятельностью в технической сфере. Эта группа в большинстве своем индифферентна по отношению к системе управления, слабо ориентируется в ней и, как правило, включается в подобную деятельность эпизодически, испытывая потребность в решении тех или иных проблем. «Социологи», к числу которых можно отнести специалистов, которые связаны с научно-образовательными процессами, непосредственно относящимися к функционированию общества (политологи, социологи, экономисты, управленцы). Они наиболее компетентны в сфере управления и чаще всего ангажируются бюрократией как для подготовки реальных проектов, так и для имитации их научного обеспечения. «Гуманитарии», представляющие собой специалистов, чья деятельность связана с творческими науками. Для них администраторами обычно отводится роль формирования позитивного имиджа региона и системы управления, в частности.

Различие в позициях и, соответственно, в интересах интеллектуалов не способствует артикуляции и агрегации их сообществом требований в отношении бюрократической системы.

Вполне естественным является вопрос: в какой мере региональное интеллектуальное сообщество готово и способно оказать противодействие экспансии бюрократической субкультуры. Рассмотрим один из его аспектов мы попытались в ходе экспертного опроса по проблеме бюрократизации социальной среды, проведенного в пяти субъектах РФ (опрошено 24 эксперта) – Белгородской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областях. Среди опрошенных представители интеллектуального сообщества (ученые, преподаватели вузов) составили 67%. Разумеется, данный состав экспертов не отражает всей структуры интеллектуального сообщества в регионе, но позволяет довольно ясно представить позицию его ядра, представленного именно учеными и преподавателями учреждений ВПО.

Результаты опроса показали, что в своем большинстве региональные интеллектуалы негативно оценивают процесс бюрократизации в России. Но только 57% экспертов, отнесенных нами к интеллектуальному сообществу, абсолютно согласны с утверждением об усилении тенденции к бюрократизации России. 43% выбрали вариант «скорее да, чем нет». Эксперты в своем абсолютном большинстве убеждены, что чаще всего бюрократизация выражается в росте численности чиновников и возрастании роли документации в общественных практиках (в обоих случаях по 68%). Значительно реже участники опроса связывают ее с формализацией отношений между людьми, с обезличиванием этих отношений и превращением чиновника в «героя нашего времени» (все три позиции отметили по 31% экспертов).

Представляется, что полученное распределение экспертных мнений довольно отчетливо свидетельствует о преобладании в интеллектуальной среде внешнего, формального восприятия бюрократизации. К сожалению, многие интеллектуалы не связывают с нею глубоких ценностно-нормативных изменений в жизни всего российского общества, углубляющих и обостряющих противоречие между естественными стереотипами сознания и поведения основной массы населения и административной корпорацией. Это противоречие существовало на протяжении всей истории рос-

сийской государственности и выражалось в том, что «обычный человек» (крестьянин, интеллигент, рабочий или буржуа) не понимал чиновника. Правда, как правило, относился к нему не столько враждебно, сколько насмешливо иронически, усматривая в чиновничьей среде своего рода неизбежное зло, досадную неприятность, с которой следует смириться: («Ведь власти, на то и власти, а мы лишь простой народ» – С. Есенин – одно из характерных клише такого восприятия).

Мир чиновника был по отношению к материнской отечественной культуре трансцендентным миром, с которым допустимо было сосуществовать, но не следовало конфликтовать в силу вероятных не всегда гибельных, но все же неприятных последствий. Чиновника, особенно чиновника низшего ранга, даже жалели и, в любом случае не намеревались уподобляться его сущности, поскольку это предполагало бы ломку традиционных, не всегда комфортных, но «человеческих» взаимоотношений.

Но изменения, происходящие в настоящее время, диаметрально меняют акценты. В результате таких изменений формально-обезличенные отношения и связи, наиболее типичные для одной социальной группы, приобретают универсальный характер. Отсутствие ясного представления о качественном характере совершающихся перемен создает весьма опасную по своим последствиям не только для интеллектуального сообщества, но и для общества в целом ситуацию. Современные интеллектуалы в регионах склонны обращать основное внимание на, несомненно, болезненное, но далеко не главное негативное следствие бюрократизации – коррупцию (68%). Заметно меньшая доля респондентов (56%) обращают внимание на усиление имитационного характера жизнедеятельности и на нарастание отчуждения между людьми (25%).

Ссылка на имитации, как на негативное следствие бюрократического тренда, может быть оценена в качестве позитивной черты интеллектуального концепта бюрократизации, поскольку в значительной степени именно в имитационных практиках выражаются негативные для российской (в основе своей русской, православно-христианской культуры). Имитации превращают естественные отношения в их подделку, при этом симуляции и фальшивки, нередко довольно точно фиксируемые даже обыденным сознанием, не только наделяются положительным ценностным содержанием, но выводятся за рамки критики.

Тем не менее, значительно более тяжелые культурно-цивилизационные последствия имеет формализация отношений между людьми, разрушающая веками складывающуюся культуру доверия. И неспособность представителей интеллектуального сообщества понять и адекватно оценить данный процесс, вероятнее всего, свидетельствует о значительном влиянии на них стереотипов массового сознания.

Несмотря на это, 81% экспертов согласились (правда, с различной степенью определенности) с утверждением о формировании в России субкультуры бюрократии. И 62% из них в качестве наиболее характерной ее особенности признали имитации; 50% – формализм. Тем самым, интеллектуалы, фактически, подтверждают глубинный характер совершающихся в результате нарастания бюрократии изменений, оставляя надежду на их способность в перспективе осмыслить реальные последствия перемен и свою позицию по отношению к результатам социокультурных трансформаций.

Однако, судя по всему, в настоящее время интеллектуалы в регионах не имеют достаточного для определенных заключений представления о бюрократии, прежде всего, в ее чиновничьей ипостаси. Все опрошенные (87% абсолютно) убеждены: сознание чиновников неизбежно мутирует. Но экспертам довольно сложно четко фиксировать эти мутации. Мнения об их характере заметно разделились. 50% связывают их с утверждением представления о безусловной собственной правоте; 43% – с невосприимчивостью к критике; столько же с групповой солидарностью; 37% – с консерватизмом и такая же доля – с повышенной лояльностью к руководству; 31% – с распространением ситуативной морали.

Но все же большая часть выбранных экспертами вариантов ответа позволяет предполагать: они более или менее отчетливо представляют негативные последствия бюрократизации, связанные, прежде всего, с изменением ценностно-смысловых паттернов сознания администраторов. Правда, остаются большие сомнения относительно того, насколько глубоко и адекватно реальности это представление. Региональные интеллектуалы, скорее всего, не видят всей серьезности ситуации, складывающейся в рамках систем управления различного уровня и различной сложности. Для них – бюрократизация выступает в виде суммы технологических издержек, с которыми можно вполне успешно бороться. Оптимистично рассматривают, в частности, перспективы успешной борьбы с негативными проявлениями бюрократии 63% экспертов. И только 25% убеждены с большей или меньшей степенью определенности в обратном.

Чрезмерный оптимизм в отношении развития социальных процессов, скорее всего, является типичной чертой мировоззрения представителей региональных интеллектуальных сообществ, являя собой довольно естественное следствие их оторванности от реальных механизмов управления. В конечном итоге, это нередко оборачивалось для интеллектуалов издержками, в том числе конкурентными потерями в соперничестве за ресурсы с другими группами. В отношении конкуренции с бюрократией можно прогнозировать, что подобные издержки уже сегодня являются весьма значительными и, очевидно, еще более увеличатся в перспективе.

Проблема заключается в том, что интеллектуальное сообщество занимает в регионах пространство, являющееся предметом особых (и вполне естественных) притязаний административно-управленческого аппарата, более или менее отчетливо понимающего, что интеллектуальный ресурс является в настоящее время перспективным источником увеличения власти и материального благополучия. Этот ресурс, с точки зрения управленцев, давно и неправомерно присвоен теми, кого они привыкли называть интеллигентами. То есть, людьми, не владеющими технологиями обеспечения жизненного успеха и лишь в силу стечения обстоятельств сохраняющими некий авторитет и влияние. Факторы, в прошлом обеспечивавшие интеллектуалам известную независимость и даже поддержку со стороны бюрократии, сегодня существенно девальвировались, а потому могут игнорироваться администраторами, которые рассчитывают за

счет присвоения интеллектуального ресурса (а такое присвоение в силу ошибочного представления о возможности создавать его по аналогии с другими видами ресурсов они считают естественным) дополнительно укрепить свои позиции или, по меньшей мере, обеспечить себе заметное превосходство по отношению к возможной интеллектуальной оппозиции.

Практика последних лет выявила комплекс обеспечивающих решение данной задачи технологических решений.

Во-первых, это приобретающая все более массовый характер процедура фабрикации квазиинтеллектуальных статусов административных работников (в первую очередь, чиновников) посредством получения ученых степеней и званий. В довольно редких случаях она реализуется за счет собственных усилий соискателя, в большинстве представляет собой процесс коллективного творчества специально нанятых для этого интеллектуалов. Следует заметить, что здравомыслящим силам в государстве и обществе до настоящего времени не удалось противостоять практике фабрикации.

Во-вторых, создание при административных структурах собственных псевдоинтеллектуальных центров, к работе в которых привлекаются управляемые научные работники и преподаватели. В результате формируются сервильные научные корпорации, обслуживающие интересы заказчиков.

Сервильность особенно характерна для социологов в регионах, где ограничен спрос на исследования, а органы государственной и – частично – муниципальной власти могут выступать как надежный заказчик, гарантирующий более или менее достойную оплату труда ученых. К тому же на региональном уровне сохраняются эффективно действующие рычаги косвенного влияния власти на исследователей. Используя их, органы регионального управления способны довольно легко обеспечить появление и публикацию комплиментарного социологического материала, чаще всего необходимого им для организации избирательных кампаний и создания собственного позитивного имиджа.

В-третьих, дискредитация независимых научных центров и отдельных ученых или, в «лучшем случае», создание барьеров для получения ими доступа к информации, позволяющей осуществить анализ социальных процессов, особенно тех, что реализуются в сфере управления. Для этого чаще всего применяется практика контроля и неофициальной цензуры, мотивируемая государственными интересами.

Несмотря на то, что эти и другие решения и действия заключаются в симуляции смыслов и беззастенчивой подмене содержания формой, отчетливо фиксируемой на уровне здравого смысла, они рассматриваются как вполне достаточные и обоснованные, поскольку соответствуют общей логике бюрократического мышления.

Практика показывает, что в сложившихся в настоящее время в российских регионах условиях противостояние бюрократии и интеллектуального сообщества носит по преимуществу виртуальный характер: слишком несопоставим ресурсный потенциал оппонентов. Но не менее очевидным является то, что тотальное доминирование бюрократии губительно для социума, и стратегически ориентированная власть, несмотря на то, что исторически предопределена опираться на бюрократическую систему, должна принимать меры, чтобы усилить интеллектуальную оппозицию.

В данной связи представляется возможной реализация следующих действий:

– создание системы формирования интеллектуальной элиты, путем ее целенаправленной селекции, начиная с системы дошкольного образования. В основу этой деятельности должен быть положен принцип создания максимально возможных условий для свободного творчества детей и молодежи, их самореализации. Однако довольно очевидно, что такие возможности не может предоставить современная система образования, ориентированная на воспроизводство формальных практик, перегруженная отчетностью и гипертрофированными механизмами контроля. Поскольку изменить ситуацию, определяющуюся федеральными структурами, в рамках самой системы не представляется возможным, целесообразно создавать альтернативные площадки, образованные по сетевому принципу и обеспечивающие простор для интеллектуальной деятельности. Креативное образование должно уйти за пределы постоянно дискредитирующей себя формальной системы, получив при этом поддержку государственной и муниципальной власти и институтов гражданского общества;

– конституирование системы интеллектуальных клубов, центров, семинаров, в рамках которых должны обсуждаться значимые для региона проблемы. При этом сам факт обсуждения на таких площадках должен стать необходимым условием последующего принятия управленческого решения. Безусловно, неизбежным препятствием в данной связи является традиционная пассивность населения. Но, во-первых, не следует делать подобные структуры массовыми; во-вторых, необходимо мотивировать к участию в их деятельности креативно мыслящих граждан, и главным мотиватором в данном случае является то, что рекомендации интеллектуального сообщества, действительно, реализуются;

– повышение имиджа интеллектуального труда посредством СМИ, Интернет-технологий, системы публичных мероприятий с участием руководителей регионов;

– стимулирование перспективных научных разработок в области управления. Для этого целесообразно использовать механизм предоставления региональных и муниципальных грантов при условии их профессионального отбора с участием как представителей властных структур, так и научной общественности;

– постоянное обновление состава действующих в субъектах РФ экспертных групп за счет включения в них молодых ученых; более того, представляется перспективной идея привлечения к аналитической и экспертной деятельности аспирантов и даже студентов.

Блохин В.Н.

старший преподаватель Белорусской государственной сельскохозяйственной академии
vik-1987@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Ключевые слова: *развитие сельских территорий, приграничное сотрудничество России и Беларуси, межрегиональная интеграция, сельское хозяйство, приоритетные национальные проекты, продовольственная безопасность.*

Во многих странах за развитием сельских территорий ведется постоянное наблюдение с целью определения социальных и экономических изменений. Очевидно, что системный анализ происходящих в селе процессов позволяет правильно реагировать на них, оптимизируя меры государственного регулирования, способствующие достижению сбалансированного развития села и приближению уровня жизни в сельской местности к городскому¹.

В силу особенностей социальной структуры населения, неразвитости социальной и инженерной инфраструктуры сельские территории всегда более уязвимы в сравнении с городом. Этому положению должна противопоставляться сильная государственная протекционистская политика, которая позволяет решать социальные проблемы села через создание приоритетных условий развития сельских территорий.

На сегодняшний день проблема более глубокого и конкретного знания аграрного реформирования в России и Беларуси, его социальных последствий для различных групп сельского населения проработана недостаточно².

В условиях рыночной экономики значительно меняется спектр проблем развития села, структура сельской территории, ярче обозначаются трудности, с которыми сталкиваются жители села как ведущие свое хозяйство, так и не занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью. В настоящее время меняется и трактовка понятия «политика развития села». Преобладают подходы, когда село рассматривают как территориальную, а не секторальную единицу. В этих условиях становится очевидным, что для идентификации и формирования политики развития села недостаточно показателей, которые использовались для характеристики сельского хозяйства.

Современное состояние сельских территорий России и Беларуси во многом определяется совокупностью неоднозначных событий прошлого, большинство из которых вошло в историю в статусе социально-политического или экономического катаклизма.

На протяжении XX в. в России и Беларуси не было ни одного десятилетия, в котором не происходили бы крупные политические или экономические события, имеющие долговременные негативные последствия для благополучия рядовой семьи, в связи с чем, основной задачей большей части населения было выживание, а не развитие. В XX в. ни одно поколение не выросло, не испытав продовольственной проблемы – если не массовый голод и военная разруха, то карточная система или дефицит.

Общая социально-экономическая нестабильность развития как России, так и Беларуси, особенно сильно отразилась на крестьянстве и сельском хозяйстве, ключевая роль которых в достижении национальной безопасности страны часто существенно принижалась³.

С начала 1992 г. Россия вступила на путь «шоковой терапии». Кардинальные реформы экономики сопровождались серьезными негативными последствиями для всех регионов России. Произошло снижение объемов производства товаров и услуг, упала интенсивность межрегиональных связей, снизились доходы населения, выросла безработица. В этих условиях приоритетом социально-экономической политики, осуществлявшейся в регионах, стало не развитие и экономический рост, а удержание ситуации, преодоление многочисленных проблем⁴.

Экономическая реформа предусматривала радикальные преобразования в российском аграрном секторе. Она включала в себя реорганизацию колхозов и совхозов, проведение земельной реформы, развитие частного сектора аграрной экономики и была нацелена на повышение социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения. Трудовым коллективам было предоставлено право выбора форм хозяйствования, а каждый работник получил право свободного выхода из состава коллективного хозяйства. Сельскохозяйственные работники и ряд других

¹ Григоренко А.В., Запольский М.И. Интеграция субъектов сельских территорий: некоторые подходы по оценке их деятельности // Вестник НАН Беларуси. 2008. – № 1. – С. 18–23.

² Ильин И.Е. Сельский социум в условиях либеральных реформ // Социология. Журнал российской социологической ассоциации. 2007. – № 1. – С. 189–198.

³ Леметти Ю.А. Базовые проблемы перехода сельского хозяйства России на путь устойчивого развития. – <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/07/14/1267421123/1.pdf>

⁴ Суспицын С.А. Пространственные трансформации экономики России в контрастных сценариях ее развития: постановка проблемы и эмпирические оценки // Регион: экономика и социология. 2006. – № 1. – С. 51–71.

категорий сельского населения были наделены имущественными и земельными паями, что обеспечило им определенный стартовый капитал для организации собственного дела на кооперативных или индивидуальных началах. В ходе реформы произошла институционализация новых форм хозяйствования, ставшая основой формирования многоукладной аграрной экономики¹.

К началу либеральной трансформации социалистической экономики Россия и нынешние страны СНГ занимали 8,7% в мировом агропромышленном производстве, 6,35% – в мировом агропромышленном экспорте и на 29% превышали среднемировой уровень производства на душу населения. При этом Россия превышала мировой уровень производства ВВП на душу населения на 20,5% и отставала от США в этом плане лишь в 3,6 раза.

После кризиса 1990-х гг. доля постсоветских государств в мировом агропромышленном производстве упала до 3,1%. А по реальному выпуску продовольствия на душу населения Россия пропустила вперед Китай, Индию и Северную Африку. При этом Россия отставала от среднемирового уровня производства ВВП в 1,5 раза, а от США уже в 6,4 раза².

Таким образом, село как социально-территориальная подсистема общества вступила в стадию системной деградации. Суть этого тревожного для России процесса характеризуется следующими тенденциями: утратой естественно-природной окультуренности, одичанием значительных сельских пространств. Сельское хозяйство России за время реформ понесло наибольшие потери³.

Белорусские сельские территории также не избежали многочисленных проблем и вызовов. Во времена Советского Союза Беларусь занимала лидирующие позиции по уровню развития сельского хозяйства⁴.

В 1990-е гг. с приобретением независимости в Беларуси начался переходный этап формирования рыночной экономики. Аграрная реформа предопределила проблемы разгосударствления и приватизации собственности, многообразия форм собственности и хозяйствования, движения имущества, создания действенных рыночных механизмов взаимоотношений между партнерами по кооперации, материально-техническому обслуживанию, производству и реализации продукции⁵.

Однако либеральные реформы 90-х гг. привели к разрушению прежней системы государственных дотаций сельскому хозяйству и росту убыточных сельскохозяйственных предприятий. Материальная база сельхозпроизводства была подорвана, технико-экономический потенциал снизился, диспаритет цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты достиг космических пропорций. Заработная плата жителей села составляла в эквиваленте примерно 10 долларов США⁶.

Проблема развития сельских территорий России и Беларуси является одной из острейших и наиболее трудно решаемых. Сегодня она актуальна, как и в начале XX в. Начатый недавно процесс становления фермерских хозяйств практически остановился, сельские территории пустеют. Последствия этих процессов имеют не только экономическое, но и серьезное культурное и геополитическое значение. Происходит сокращение культурного и социально-экономического пространства России и Беларуси, а это уже важная политическая проблема. Она настоятельно требует принятия эффективных решений⁷.

Развитие сельских территорий зависит прежде всего от успешного осуществления важных направлений, мер и механизмов агропродовольственной политики государства, и в этом большую роль играет эффективное применение целевых программ.

Целевая программа позволяет определить основную цель, описать все уровни решения проблемы и требуемые для этого ресурсы, проконтролировать расходование выделенных средств и степень достижения поставленной цели. Кроме того, целевые программы позволяют сконцентрировать дефицитные ресурсы на наиболее приоритетных направлениях, поэтому являются эффективным инструментом государственного регулирования АПК⁸.

В России реализуется приоритетный национальный проект «Развитие АПК», федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» (от 29.12.2006) включающий Доктрину продовольственной безопасности и концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. В Беларуси действует «Программа устойчивого развития села», Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. Эти инициативы актуализируют необходимость научного осмысления источников возрождения села.

¹ Калугина З.И. Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион: экономика и социология. 2010. – № 3. – С. 115–135.

² Захаров А.Н. О перспективах развития российского АПК // Социс. – М., 2006. – № 7. – <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-07/zaharov.pdf>.

³ Воронцов А.В. Социально-экономическое положение современного российского села в зеркале статистики // Общество. Среда. Развитие. 2011. – № 1. – С. 138–143.

⁴ Блохин В.Н. Социально-экономические проблемы развития сельских территорий российско-белорусского приграничья // Материалы международной научно-практической конференции «Приграничные территории: проблемы и перспективы развития» (18–21 октября 2012). – Кызыл, 2012. – С. 36–37.

⁵ Экономика организаций и отраслей агропромышленного комплекса. В 2 кн. Кн. 1. Под общ. ред. акад. В.Г. Гусакова. – Минск: Белорусская наука, 2007. – 891 с.

⁶ Пролесковский О.В., Криштапович Л.Е., Белорусский путь. – Минск: ИАЦ при Администрации Президента Республики Беларусь, 2009. – 416 с.

⁷ Шпакова Р.П. Макс Вебер: «Аграрный вопрос» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. – Т. 7, № 2 (26). – С. 61–76.

⁸ Семирханова О.Н. Целевая программа как эффективный инструмент регулирования АПК // Труды вольного экономического общества России. – М., 2011. – Т. 151. – С. 428–451.

Национальный проект «Развитие АПК» стал первой в истории новой России попыткой целевого государственного программирования развития аграрного сектора. Применявшиеся до этого программы господдержки отдельных отраслей и программы общего характера (включая принятую в 2002 г. Федеральную программу «Социальное развитие села до 2010 г.») были недостаточно профинансированы (в 2004 г. аграрный сектор при доле в ВВП в 5,4% имел втрое меньшую долю в расходах федерального бюджета), слабо сбалансированы в межотраслевом и межрегиональном аспектах, почти ежегодно корректировались условия и размеры господдержки другим хозяйствам, дезориентируя и дестимулируя их¹.

Агросфера России является важнейшим ресурсным резервом планеты – это 10% мировой пашни и 55% мирового чернозема. По вполне адекватным оценкам, российский аграрный потенциал в состоянии качественно прокормить 2–2,5 млрд. человек. Вопрос в том, получится ли этот потенциал не только сохранить, но и реализовать.

Средняя производительность труда в аграрном секторе России в 1,5–3,5 раза ниже, чем в странах с развитой рыночной экономикой. В итоге, в настоящее время РФ производит только 1,5% мировой сельскохозяйственной продукции².

За годы реформ негативные явления в российском селе усугубились и приобрели застойный характер. Возникли и прогрессируют такие проблемы, как безработица, резкое расслоение сельского социума на бедных и богатых, физический распад социальной сферы, угрожающее нарастание депопуляционных процессов, деградация нравственных отношений.

В 2013 г. завершился мониторинг социально-трудовой сферы села, который был инициирован Центром социальной политики и мониторинга сельского развития ГНУ ВНИИЭСХ.

В результате 15-летних наблюдений за изменениями в состоянии и тенденциях в социально-трудовой сфере сельских территорий было отмечено, что трансформационный период России сопровождался огромными социальными издержками, которые легли в большей мере на сельское население. Уровень общей безработицы на селе почти вдвое выше, чем в городе (8,5 против 4,5%). Только 34% сельских безработных состоят на регистрационном учете. Остальные социально не защищены на рынке труда, не получают пособия по безработице, помощи в трудоустройстве, профессиональной ориентации, подготовке и переподготовке. Среди сельской молодежи 15–29 лет уровень безработицы достигает 13,9%, а городской — 8,3%. Фактические масштабы сельской безработицы намного больше.

Нарастает абсолютная разница в размере заработной платы в сельском хозяйстве и в целом по экономике. Доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в сельских поселениях России в 1,9 раза больше, чем в городских. Коэффициент локализации бедности в сельской местности, выражающий соотношение между долей сельского населения в общей численности населения и его долей в численности малоимущих, увеличился с 1,18 в 2000 г. до 1,55 в 2012 г. По данным социологических обследований, более половины жителей села находится, по их мнению, в очень трудной жизненной ситуации, в том числе 9% оценивают ее как бедственное положение, которое терпеть уже невозможно.

При этом основная масса сельчан не ждет благоприятных перемен в среднесрочной перспективе. В то, что село твердо встает на путь возрождения и устойчивого развития, будет восстановлена роль российского крестьянина как основного кормильца народонаселения страны, верят только 14% респондентов, остальные не видят «света в конце туннеля», в том числе 39,5% считают, что село станет еще более обезлюдевшим и заброшенным.

Неблагоприятный социально-психологический климат в сельском социуме продуцирует широкомасштабные миграционные настроения: 29,1% жителей села, в том числе 50% молодежи, либо точно намереваются уехать, либо задумываются об отъезде. Основной причиной миграционных настроений являются низкие доходы³.

В развитых странах мира поддержка села осуществляется из федерального, а не регионального, как в России, бюджета. И это правильно. Ведь за продовольственную безопасность, как и оборону, должно отвечать государство. Но в реальности этого нет.

В рамках ВТО Россия добилась права поддержки и модернизации села на сумму в пределах 9 млрд. долларов в год. Однако в поддержку и модернизацию села в настоящее время вкладывается примерно 4,5 млрд. долларов в год. К тому же и эти средства идут не на прямую производителю. Поэтому долги сельского хозяйства России равны годовому валовому доходу всего АПК страны⁴.

Основными причинами относительно медленной модернизации отрасли сельского хозяйства являются:

1. Посттрансформационные шоки.
2. Неблагоприятные общие макроэкономические условия функционирования сельского хозяйства.
3. Низкие уровни структурно-технологической модернизации отрасли, обновления основных производственных фондов и воспроизводства природно-экологического потенциала.

¹ Фрумкин Б.Е. Национальный проект по агропромышленному комплексу и развитие сельского хозяйства России // Труды вольного экономического общества России. – М., 2010. – Т. 99. – С. 188–205.

² Корнекова С.Ю., Абдулхамидов Э.Д. Государственная поддержка животноводства – условие продовольственной безопасности России // Общество. Среда. Развитие. 2013. – № 4. – С. 31–34.

³ Рушицкая О.А., Рушицкая О.Е. Социальные аспекты несостоятельности сельскохозяйственных предприятий // Аграрный вестник Урала. 2014. – № 8 (126). – С. 101–104.

⁴ Коробейников М.А. Виртуальная аграрная политика России: судьбы российского крестьянства // Труды вольного экономического общества России. – М., 2013. – Т. 170. – С. 42–58.

4. Финансовая неустойчивость отрасли (диспаритет цен, нестабильность рынков сельскохозяйственной продукции, недостаточный приток инвестиций на развитие отрасли, незначительные по сравнению с ЕС, США объемы государственной поддержки).

5. Невысокий уровень развития сельской социальной инфраструктуры¹.

В настоящее время при стабилизации внутрисоциальной обстановки в Российской Федерации особую опасность для динамичного развития сельских территорий представляют геополитические угрозы. Так, в 2014 г. в ответ на введенные санкции, Российская Федерация резко ограничила импорт продовольственных товаров из стран Западной Европы, США, Австралии и других.

В связи с этим запретом в Российской Федерации возникает проблема импортозамещения. Ведь в 2013 г. на приобретение продовольствия по импорту в РФ было израсходовано 43,5 млрд. долларов.

В создавшихся условиях проблема обеспечения продовольственной независимости, а вместе с ней и развития сельских территорий, должна решаться комплексно.

Российской Федерации необходим пересмотр аграрной политики. Основной задачей должно стать увеличение государственной финансовой поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и других актуальных направлений, способствующих позитивному развитию АПК страны.

К плановому финансированию сельского хозяйства, определенному бюджетом Российской Федерации необходимо прибавить 10–12 млрд. долларов, которые по оценкам российских и зарубежных аналитиков, будут высвобождены из общих расходов на импорт².

Таким образом, для обеспечения эффективной динамики сельских территорий России необходимо:

во-первых, это новые технологии, которые должны внедряться, начиная от личного подсобного хозяйства и заканчивая крупнейшими агрохолдингами;

во-вторых, сокращение, прежде всего издержек производства;

в-третьих, это непосредственно поддержка государством аграрного сектора экономики, как важнейшего для сельских территорий;

в-четвертых, формирование качественной и оперативной информации о состоянии земель, о посевах, об урожае, о ситуации на рынках, о балансе производства и потребления сельскохозяйственной продукции и т.д.

За первые двадцать лет преобразований произошло заметное снижение экономической и социальной роли российских регионов приграничных с Беларусью. При этом доля приграничных с Беларусью регионов России в общей численности населения страны стремительно уменьшается. Российско-белорусское приграничье в последнее время активно теряло население как за счет естественного движения, так и миграции. Общая численность населения Псковской, Смоленской и Брянской областей в 2000 г. составляла 3,471 млн. чел (2,3% населения РФ), а в 2012 г. – 2,912 млн. чел. (2% населения РФ)³. Население Витебской, Гомельской и Могилевской области Беларуси составляет 4,031 млн. чел. (2011 г.), а это 40,7% населения республики.

Таким образом, в 1991–2011 годах районы российского приграничья потеряли более 15% своего населения, районы белорусского приграничья понесли несколько меньшие потери – около 12%. Наибольшее сокращение численности населения приграничных российских областей имело место в административных районах, непосредственно прилегающих к белорусско-российской границе. Именно для этих административных образований распад СССР стал наиболее болезненным. Данные территории быстро познали все негативные эффекты нового приграничного положения, трудности развития в новых условиях. До распада СССР приграничные с Беларусью районы Брянской, Псковской и Смоленской областей по большинству параметров социально-экономического развития превосходили средние показатели своих областей. В постсоветский период в приграничной зоне произошли глубокие социально-экономические изменения, которые отразились как на демографической ситуации, так и на состоянии системы расселения, масштабах и структуре хозяйственной деятельности.

Существенно снизилась роль приграничных областей России по валовому региональному продукту, сельскохозяйственному производству, инвестициям в основной капитал, экспорту. В 2010 году на эти три области России приходилось лишь 2,02% сельскохозяйственного производства, 1,12% инвестиций в основной капитал, 0,27% российского экспорта, всего 1,19% основных фондов страны, что значительно меньше, чем двадцать лет назад.

Тогда как именно приграничные области России и Беларуси должны были первыми ощутить позитивные эффекты от российско-белорусской интеграции, выиграть от заключения различных договоров и соглашений в экономической и социальной сферах⁴.

На различных политических и экономических уровнях государственного и регионального управления неоднократно отмечались успехи в интеграции двух стран, включая их приграничные районы. Однако, судя по результатам, граница между двумя государствами пока не стала зоной активного контакта и взаимодействия, а кооперация не переросла в активную приграничную интеграцию⁵.

¹ Усенко Л.Н. Сельское хозяйство в России: уроки финансово-экономического кризиса в глобализационном аграрном рынке // Труды вольного экономического общества России. – М., 2010. – Т. 134. – С. 99–102.

² Донник И.М., Воронин Б.А. Риски и угрозы для продовольственной безопасности российского государства // Аграрный вестник Урала. 2014. – № 9 (127). – С. 78–80.

³ Часовский В.И. Трансграничное экономическое сотрудничество российских и белорусских регионов // Псковский региональный журнал. 2014. – № 17. – С. 108–117.

⁴ Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен / Смол. гуманитарный ун-т; под ред. А.П. Катровского и Ю.П. Ковалева. – Смоленск: Универсум, 2012. – 288 с.

⁵ Там же.

В хозяйственном и демографическом плане приграничные с Беларусью регионы в целом являются депрессивными, имеющими нерентабельное сельское хозяйство и недостаточно развитую транспортную инфраструктуру.

В развитии межрегионального экономического сотрудничества России и Беларуси имеются серьезные проблемы, не в последнюю очередь связанные с различиями в экономических моделях, используемых государствами. Можно выделить несколько групп «факторов-ограничителей» межрегиональной интеграции.

1. Отсутствие специальных целевых программ на областном уровне для приграничных районов.
2. Недостаточное внимание, уделяемое развитию приграничных регионов на межгосударственном уровне в рамках Союзного государства России и Беларуси.
3. Неэффективное управление и дефицит инициативы местных властей.
4. Нехватка инвестиционных ресурсов.
5. Коррупция и криминализованность (этот показатель в России вдвое выше, чем в Беларуси), деформирующие все хозяйственные отношения.
6. Несовершенство законодательной базы¹.

Однако приграничные территории России и Беларуси должны максимально использовать т.н. эффект приграничного соседства. Этот эффект обусловлен не просто исторически сложившимися однотипными культурно-цивилизационными комплексами, но и прагматически – отсутствием языковых барьеров; наличием у деловых кругов ближних стран большей информации о возможностях сотрудничества по сравнению с удаленными регионами; возможностью экономии на транспортных издержках и координации производственных цепочек².

В начале XXI в. произошло существенное изменение отношения к сельским территориям Беларуси – значительно увеличилась государственная поддержка сельского хозяйства Республики. Только с 2004 по 2009 г. она увеличилась почти в три раза. Аграрии, с одной стороны, должны быть довольны этим, воспринимая все возрастающую поддержку государства как безусловное признание большой общественной значимости своего труда, а с другой – не могут не ощущать свою ущербность, понимая, что сами они не в состоянии справляться со своими прямыми обязанностями. Так, с 2003 г. централизованная государственная поддержка сельского хозяйства Беларуси неизменно превышала создаваемый в отрасли валовой доход.

Такое положение, конечно же, нельзя признать нормальным. Особенно с учетом того, что сельское хозяйство является базовой отраслью национальной экономики Беларуси. Таковым его сделала макроэкономическая политика, дискриминационная по отношению к аграрной сфере, и прежде всего «ножницы цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары, с помощью которых из аграрной отрасли откачиваются огромные средства, в итоге без помощи государства не удается обеспечить даже простое сельскохозяйственное воспроизводство, не говоря уже о расширенном.

Подобная аграрная политика проводится в Беларуси скорее в порядке копирования соответствующей политики советских времен, нежели исходя из осознания ее целесообразности. Как известно, на протяжении всей истории Советского Союза село неизменно выступало донором для промышленности и других сфер народного хозяйства, которые были признаны более приоритетными³.

В Беларуси по-прежнему доминирует коллективная форма организации аграрных предприятий. В Республике только 14% земли находится в руках хозяев (домашних хозяйств и частных предприятий). С такой структурой собственности основного актива в аграрном секторе – земли – выиграть конкурентную борьбу на рынке сельскохозяйственной продукции не удавалось ни одной стране мира⁴.

К такой аграрной политике многие настолько привыкли, что казалось, будто иной она просто не может быть. Именно поэтому она так успешно, не претерпев особых изменений, перекочевала из централизованно планируемой экономики СССР в переходную экономику Беларуси. По сути, изменились лишь формы и периодичность государственной поддержки сельского хозяйства, но экономическая сущность и целевая направленность этой поддержки – возврат аграрной сфере части чрезмерно изъятых из нее доходов – остались прежними.

В чем состоят основные ограничения, возможности и перспективы перехода на путь модернизации и инновационного развития сельских территорий российско-белорусского приграничья как одной из основных составляющих общего устойчивого развития обоих государств? Единой точки зрения и однозначных ответов на эти вопросы нет до сих пор, а двадцатилетний процесс реформирования в аграрной сфере так и не достиг основных целевых установок и продолжает находиться в стадии становления. Опыт аграрных реформ в России и Беларуси свидетельствует о том, что оптимистичные прогнозы о качественном преобразовании аграрной сферы и без институциональных преобразований не вполне обоснованы, а имеющийся экономический потенциал аграрного сектора обоих государств может так и остаться нереализованным⁵.

В России одним из важнейших формальных институтов, который должен способствовать модернизации и динамичному развитию сельских территорий, стал институт частной собственности на землю. Практика хозяйствования

¹ Часовский В.И. Трансграничное экономическое сотрудничество российских и белорусских регионов // Псковский региональный журнал. 2014. – № 17. – С. 108–117.

² Левяш И.Я. Белорусско-российское приграничье в перспективе СНГ и Союзного государства Беларуси и России // Беларуская думка. 2011. – № 11. – С. 96–103.

³ Лыч Г.М. Государственная поддержка сельского хозяйства: нужны радикальные коррективы // Вестник НАН Беларуси. 2011. – № 3. – С. 71–79.

⁴ Заико Л. Ф., Романчук Я. Ч. Беларусь: дорога в будущее – Минск: Тверской Полиграфический комбинат, 2005. – 447 с.

⁵ Максимова Т.П. Институциональные условия модернизации в аграрной сфере отечественной экономики: ограничения, возможности, перспективы // Труды вольного экономического общества России. – М., 2012. – Т. 156. – С. 191–209.

за годы рыночных реформ показала, что сам факт частной собственности не решает проблемы повышения эффективности и роста производительности в аграрной сфере и экономике. В результате проведенных реформ в России ориентировочная численность собственников земельных долей составила более 12 млн. человек, но на начало 2010 года только 1,4 млн. осуществили государственную регистрацию прав (11%).

До настоящего времени в России остаются неотработанными в полной мере правовые механизмы, позволяющие преодолеть трудности реализации прав собственников земельных долей. Соответственно, у потенциальных сельхозпроизводителей происходит постепенная утрата доверия к институту частной собственности на землю, снижение мотивации и фактора эффективности традиционно бережного крестьянского отношения к земельному ресурсу. Поэтому несовершенство института частной собственности можно рассматривать в качестве одного из ключевых ограничений поступательного реформирования российского аграрного сектора и реализации современной стратегии модернизации.

В числе одного из ключевых направлений совершенствования и развития неформальных институтов при общей модернизации аграрного сектора можно выделить, например, такие, как воспитание престижности и значимости работы на земле, уважительного отношения к земельным ресурсам, начиная с детского возраста; уважительного отношения к любым формам работы в аграрной сфере, продукты производства которой удовлетворяют и будут удовлетворять первичные потребности при любом типе и уровне развития экономической системы.

Таким образом, опыт рыночной трансформации аграрной сферы России показывает, что объективной предпосылкой технологической модернизации аграрного производства является, прежде всего, институциональная модернизация, обеспечивающая формальные и неформальные институциональные изменения, которые, в свою очередь, детерминируют технологическую и социальную модернизацию аграрной сферы. Основными особенностями, которые необходимо учитывать в процессе модернизации сельских территорий являются: во-первых, специфика институциональной модернизации аграрной экономики России проявляется именно в наложении процессов рыночной трансформации национальной экономики на ее ускоренную интеграцию в глобализирующееся мировое хозяйство и необходимость ускоренного ответа на вызовы мировой продовольственной проблемы. Мировые экономические вызовы становятся теми внешними факторами, которые оказывают косвенное влияние и на дальнейший вектор внутренней трансформации в аграрном секторе России. Во-вторых, модернизация институтов – процесс сложный и объективно достаточно длительный (возможно, нескольких десятилетий, а что касается неформальных институтов – не одного поколения), поскольку он охватывает системные изменения всех институтов, включая экономические, политические, социальные. Помимо этого, как показывает практика хозяйствования, далеко не все скачки институциональных преобразований адекватно вписываются в эволюционную траекторию развития аграрного сектора экономики. В-третьих, при реформировании аграрного сектора недооценена роль и влияние неформальных институтов. Например, сохранение и грамотное использование накопленных поколениями традиций, опыта, национальной идеи и т.д. могли бы стать дополнительными внутренними факторами трансформации аграрного сектора по пути его общей модернизации¹.

Среди главных целей современного территориального развития России и Беларуси можно выделить следующие: укрепление единого экономического пространства, гармоничное развитие всех регионов на основе их оптимальной специализации в общегосударственном и международном разделении труда, использование ресурсного потенциала и других конкурентных преимуществ.

Реализация стратегии развития сельских территорий российско-белорусского приграничья должна включать этапы:

1. Завершение переходного периода.
2. Осуществление крупных программ, способных привести к качественным изменениям в размещении производства, природопользования и состояния окружающей среды, системах расселения.
3. Начало выхода регионов на траекторию устойчивого развития².

Будущее сельских территорий — это новое качество жизни всего населения. И, естественно, оно потребует значительного усложнения сельской экономики, когда в комплексе с крупными интегрированными структурами там будут работать фермерские хозяйства и предприятия несельскохозяйственного профиля. При этом важно добиться рационального сочетания экономической эффективности крупных хозяйств и социальной эффективности малого и среднего бизнеса, производящего товары и услуги. Крупные хозяйства дают лучшую себестоимость серийной массовой продукции. Малые предприятия, наоборот, дают уникальное качество товаров и определяют уровень социальной насыщенности, комфортности и качества сельской жизни.

¹ Максимова Т.П. Институциональные условия модернизации в аграрной сфере отечественной экономики: ограничения, возможности, перспективы // Труды вольного экономического общества России. – М., 2012. – Т. 156. – С. 191–209.

² Басангова К.М. Стратегия территориального развития Российской Федерации // Общество. Среда. Развитие. 2011. – № 1. – С. 4–7.

Богачев Ю.С.

д.ф.-м.н., гл.н.с. Финансового университета

Васильева Л.В.

к.э.н., в.н.с. Финансового университета

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ключевые слова: инновационный потенциал, динамика регионального развития, экономика регионов РФ, федеральные университеты.

Для устойчивого развития экономики России в соответствии с планом первоочередных антикризисных мер необходим переход от сырьевой модели к инновационной, в которой основная задача – обеспечение импортозамещения основных потребностей национальной экономики, опережающее развитие высокотехнологичного сектора, диверсификация экспорта на основе повышения доли машин, оборудования, технологий [6].

Определение уровня социально-экономического развития субъектов РФ (регионов) позволяет оценить способность их экономики формировать инновационный сектор в соответствии с тенденциями развития рынка [1]. Мировой опыт свидетельствует, что только наличие инновационного потенциала способствует устойчивому развитию экономики страны и субъектов федерации. Для достижения этого по рекомендации ОЭСР [3, 5] необходимо, чтобы вклад в валовой региональный продукт (ВРП) отраслей обрабатывающей промышленности был не менее 20%. При этом 47% вклада должно приходиться на высокотехнологичные отрасли промышленности. В связи с этим, исследование структурных пропорций различных сегментов экономики (доля их в ВРП) позволит оценить возможность устойчивого динамичного развития регионов [4, 5].

Инновационный путь развития предполагает наиболее эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, создание устойчивых взаимосвязей науки, образования, реальных секторов экономики (производства). Только опираясь на интеллектуальный потенциал, можно формировать инновационную систему [1, 7].

Сосредоточением интеллектуального потенциала страны в настоящее время являются федеральные университеты. За период 2006–2011 гг. на территории РФ создано девять федеральных университетов, основной целью которых является развитие системы высшего профессионального образования на основе оптимизации региональных образовательных структур и укрепления связей образовательных учреждений высшего образования с экономикой и социальной сферой федеральных округов.

Деятельность университетов должна соответствовать задачам развития научно-технологических комплексов (НТК) регионов, способствовать повышению их инновационного потенциала, технологических возможностей и обеспечивать новое содержание профессионального образования, ориентированного на приоритетные направления развития регионов. На базе вузовской науки можно создать платформы преобразования научно-технических достижений в конкурентное преимущество того или иного региона. С этой точки зрения целесообразно оценить способность экономики этих регионов производить высокотехнологичную конкурентоспособную на мировом рынке продукцию [2].

С учетом вышеизложенного, в настоящей работе проводилось исследование социально-экономического и инновационного развития для 9 субъектов РФ, в которых расположены федеральные университеты: Архангельская область, Калининградская область, Ростовская область, Ставропольский край, Республика Татарстан, Свердловская область, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Приморский край. Проведенный нами анализ охватывал временные рамки – до создания и деятельности ФУ (2006 год) и весь период их деятельности по состоянию на конец 2012 года с тем, чтобы оценить изменения в развитии регионов и влияние на эти процессы федеральных университетов, как интеллектуальной силы. В качестве информационной базы использовалась официальная статистика Росстата.

Основным макроэкономическим показателем экономической активности и благосостояния регионов является валовой региональный продукт (ВРП). ВРП и производные от него показатели (валовой региональный продукт на душу населения) характеризуют совокупный спрос и предложение. Относительная динамика величины индекса валового регионального продукта на душу населения и рейтинг региона представлены в табл. 1. Индекс определен как отношение величины валового регионального продукта на душу населения к таковой по РФ в целом.

Из данных табл. 1 следует, что для всех регионов (кроме Красноярского края) в исследуемый период ВРП на душу населения рос большими темпами, чем по РФ в целом. Тем не менее, в 2012 году пять регионов имеют индекс ВРП меньший, чем по федерации. Обращает на себя внимание заметный рост индекса в Якутии. В других регионах, имеющих индекс выше общероссийского (Красноярский край, Архангельская область, Республика Татарстан), он изменился незначительно. В отдельных регионах (Красноярский край, Архангельская область, Приморский край) отмечается неустойчивый характер развития экономики – волнообразное изменение индекса с уменьшением его значений

в 2012 году. Шесть регионов в меньшей степени ощутили последствия кризиса 2008 года: индекс существенно не изменился.

Таблица 1

Относительная динамика величины индекса валового регионального продукта на душу населения по субъектам Российской Федерации в 2006–2012 гг.

	2006 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.
<i>В целом по РФ</i>	1	1	1	1	1
Республика Саха (Якутия)	1,38	1,36	1,53	1,53	1,62
Красноярский край	1,30	1,10	1,18	1,41	1,20
Архангельская область	1,08	0,97	1,16	1,15	1,11
Республика Татарстан	1,02	1,03	1,04	1,00	1,08
Свердловская область	0,96	0,9	0,85	0,92	0,99
Приморский край	0,69	0,68	0,84	0,91	0,82
Калининградская область	0,70	0,81	0,81	0,79	0,80
Ростовская область	0,5	0,56	0,58	0,58	0,57
Ставропольский край	0,42	0,42	0,45	0,45	0,44

Анализ отраслевой структуры экономики регионов показывает, что производственная составляющая валовой добавленной стоимости (сельское и лесное хозяйство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства) значительно разнится по ним и находится в диапазоне от 14,2% (Приморский край) до 49,5% (Красноярский край). При этом в четырех регионах она превышает 40%: Красноярский край (49,5%), Республика Саха (Якутия) (47,2%), Республика Татарстан (45,6%), Архангельская область (41,3%).

Внутри этой промышленной группы отраслей прослеживается специфика регионов, обусловленная их природно-климатическими условиями. Так, вклад обрабатывающих отраслей в ВДС региона наиболее существенен в Красноярском крае (30,7%), Свердловской области (27,1%), Калининградской области (22,2%). Следует отметить, что в экономике развитых стран, в основе которой сбалансированная отраслевая структура, обрабатывающие производства входят в основное ядро и их вклад в ВВП составляет порядка 20%. Эти отрасли являются локомотивом технико-экономического развития, обеспечивая его устойчивость. Сокращение доли обрабатывающих отраслей промышленности, соответственно, может привести к кризисным явлениям [5].

Для оценки структурных изменений была изучена и оценена динамика структуры ВРП по основным отраслям. В качестве базового периода выбран докризисный 2006 год. В табл. 2 приведены данные о структурных сдвигах к 2012 году.

Таблица 2

Структура ВРП 2012 года в сравнении с 2006 годом, %

Регионы	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство		Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства		Производство и распределение электроэнергии, газа и воды		Изменение доли производственной сферы
	2012 г.	2012 г. к 2006 г.	2012 г.	2012 г. к 2006 г.	2012 г.	2012 г. к 2006 г.	2012 г.	2012 г. к 2006 г.	
Российская Федерация	4,2	-0,7	11,2	-0,5	17,3	-1,4	3,8	0,3	-2,3
Архангельская область	2,9	-1,4	25,8	5,1	12,6	-2,4	2,7	1,1	2,4
Калининградская область	4,6	-1,9	4,8	-7,9	22,2	8,1	3,3	1	0,7
Ростовская область	11,2	-0,2	1	-0,3	17,9	-0,5	5	0,3	-0,7
Ставропольский край	10,4	-3,3	0,8	-2	12,1	-2,7	5,6	-0,7	-8,7
Республика Татарстан	6	-1,9	21,3	-6,5	18,3	-3	2,5	0,2	-11,2
Свердловская область	2,4	-1,5	1,9	-1,6	27,1	-6,4	4	0,2	-9,3
Красноярский край	3,6	-0,5	15,2	11,5	30,7	-21,7	3,5	-0,2	-7,2
Республика Саха (Якутия)	2,3	-1,7	42,9	3,9	2	0	3,8	0,2	2,4
Приморский край	4,2	-1,7	1,2	-0,6	8,8	-0,7	3,7	0,1	-2,9

Выделенные в таблице производственные отрасли являются определяющими в плане создания условий для инновационных преобразований. Как следует из табл. 2, практически по всем данным отраслям наблюдается снижение их удельного веса в ВРП, однако в каждом регионе есть свои особенности. Основные изменения произошли в двух отраслях – «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства». В Калининградской области наблюдается изменение структуры ВРП в сторону увеличения доли обрабатывающих производств (на 8,1%) и уменьшения доли добывающей промышленности (на 7,9%). В Красноярском крае, напротив, рост добывающей отрасли на 11,5% и уменьшение на 21,7% доли обрабатывающих производств. В Свердловской области основные изменения произошли в сфере обрабатывающих производств – уменьшение их доли на 6,4%. По всем остальным регионам наблюдается в меньшей степени значимое уменьшение группы производящих отраслей.

Таким образом, анализ структурных изменений экономики регионов за период 2006–2012 гг. свидетельствует об уменьшении доли отраслей производства в структуре ВРП (изменение суммарной доли от 0,7 до 11,2%) и, соответственно, увеличении доли сферы услуг. Соответственно, подобная динамика развития отраслей не подтверждает переход регионов к инновационной экономике.

Одним из показателей, измеряющих уровень жизни населения, являются доходы. Индекс доходов населения характеризует изменение спроса на рынке с одной стороны и восприимчивость к развитию высокотехнологичных отраслей экономики с другой стороны, поскольку на первом этапе этого развития увеличивается безработица и это отражается на доходах населения. Поэтому, если среднедушевые денежные доходы ходятся на критическом уровне, то регион не готов с социальной точки зрения к развитию высокотехнологичных отраслей. В табл. 3 представлены данные об индексе среднедушевых доходов населения изучаемых регионов.

Таблица 3

Индекс среднедушевых денежных доходов по субъектам Российской Федерации

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Российская Федерация	1,00	1,00	1,00	1,00
Республика Саха (Якутия)	1,25	1,22	1,23	1,23
Свердловская область	1,17	1,17	1,20	1,20
Республика Татарстан	0,94	0,97	0,97	1,04
Архангельская область	1,04	1,03	1,03	1,03
Красноярский край	1,01	0,96	0,97	0,96
Приморский край	0,92	0,91	0,92	0,92
Калининградская область	0,87	0,85	0,81	0,84
Ростовская область	0,76	0,77	0,77	0,78
Ставропольский край	0,67	0,69	0,69	0,73

Практически динамика социального развития всех регионов после кризиса 2008 года была одинакова, кроме Татарстана, где ситуация заметно лучше. Самый низкий уровень доходов в Ставропольском крае – 73,0% от среднероссийского уровня. Неустойчивая позиция отмечается также у Ростовской области, Калининградской области, Приморского края.

Сопоставление данных об индексах валового регионального продукта на душу населения, изменения доли производственной сферы, индексах среднедушевых денежных доходов (табл. 1, 2, 3) позволяет выявить основные драйверы развития субъектов федерации. Так, в Республике Татарстан заметно большими темпами вырос ВРП на душу населения, но при этом доля вклада в ВРП производственной сферы уменьшилась на 11,2% (табл. 2), при этом доходы населения росли большими темпами, чем в целом по РФ. Это может свидетельствовать о том, что основным драйвером является сектор услуг – торговля, финансы и пр. Напротив, в Калининградской области также большими темпами рос ВРП в сравнении с общероссийским, но происходило это за счет роста доли обрабатывающих производств. Тем не менее, при этом отмечается некоторое уменьшение роста денежных доходов. Подобная ситуация свидетельствует о структурных диспропорциях в распределении доходов.

Для оценки способности развития производственного сектора, являющегося локомотивом инновационного развития, необходимо проанализировать динамику показателей, характеризующих технический уровень предприятий и организаций, их вовлеченность в процесс выпуска инновационной продукции, состояние дел в сфере внешнеэкономической деятельности, внедрение передовых технологий.

Одним из важных факторов, влияющих на эффективность деятельности отраслей экономики, является уровень технического состояния производственных мощностей, который оценивается степенью износа основных фондов (табл. 4).

Таблица 4

Степень износа основных фондов на конец года по субъектам Российской Федерации, по полному кругу организаций, %

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Российская Федерация	45,3	45,3	47,1	47,9	47,7
Приморский край	49,8	49,4	50,6	55,3	60,6
Республика Татарстан	51,1	53,2	54,7	37,5	55,0
Ставропольский край	49,0	49,9	51,2	52,0	53,6
Свердловская область	49,6	49,6	50,3	56,9	49,2
Красноярский край	48,1	46,4	46,9	47,4	46,9
Калининградская область	43,1	42,7	43,5	41,0	45,2
Ростовская область	42,2	42,0	42,5	43,5	43,9
Архангельская область	42,0	41,4	41,4	42,8	42,7
Республика Саха (Якутия)	35,6	41,8	43,7	43,9	36,7

В целом по Российской Федерации износ основных фондов на конец 2012 года составил 47,7%. При этом по четырем из рассматриваемых девяти регионов значения этого показателя выше. Отметим тот факт, что в данную группу попадает Республика Татарстан (износ 55,0%), в структуре отраслей экономики которой определяющими являются производственные отрасли. Относительно лучшие показатели оценки состояния основных фондов отмечаются в Республике Саха (Якутия) – 36,7%.

Анализ динамики изменения значений данного показателя за последние 5 лет показывает, что по отдельным регионам проводилось обновление основных фондов, Наиболее активно это проявилось в Красноярском крае, Архан-

гельской области, Республики Саха (Якутия)). Негативная динамика состояния основных средств отмечается в Приморском крае, Ставропольском крае, Ростовской области.

Информация о долях продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте представлена в табл. 5.

Таблица 5

Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте, %

Регионы	2011 г.	2012 г.
Российская Федерация	19,1	19,7
Калининградская область	22,4	23,3
Ставропольский край	22,8	22,6
Свердловская область	22,3	22,6
Ростовская область	21,2	20,4
Республика Татарстан	18,4	20,2
Приморский край	16,6	17,6
Архангельская область	16,9	17,5
Красноярский край	13,9	15,2
Республика Саха (Якутия)	12,7	12,7

Первые позиции в рейтинге занимают регионы с менее значимой производственной составляющей валовой добавленной стоимости (порядка 30% и ниже), у них же доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей превышает общероссийский уровень. Четыре региона имеют уровень доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП ниже, чем в целом по Российской Федерации (Приморский край, Архангельская область, Красноярский край, Республика Саха (Якутия)).

Ситуация во внешнеторговой сфере характеризует интеграцию региона в мировую экономику, конкурентоспособность и степень зависимости от импорта ее экономики. Последнее особенно актуально в плане повышения технического уровня, внедрения передовых технологий. Общие обороты внешней торговли и оценка внешнеторгового обмена приведены в табл. 6.

Таблица 6

Обороты внешней торговля (в фактически действовавших ценах. млн. долларов США)

	2005 г.			2012 г.			Динамика индекса внешне-торгового обмена (2012 г. к 2005 г.)
	Объем экспорта (млн. долларов США)	Объем импорта (млн. долларов США)	Индекс внешне-торгового обмена*	Объем экспорта (млн. долларов США)	Объем импорта (млн. долларов США)	Индекс внешне-торгового обмена*	
Российская Федерация	241 473	98 708	0,42	525 334	314 150	0,25	-0,17
Архангельская область	1037,3	131,7	0,77	2784	265,2	0,83	0,05
Калининградская область	859,6	3796,6	-0,63	1844,2	12 156	-0,74	-0,11
Ростовская область	1816	2047,5	-0,06	5717	4957	0,07	0,13
Ставропольский край	641,2	177,8	0,56	1084	811	0,14	-0,42
Республика Татарстан	89 62,2	564,2	0,88	22158	3617	0,72	-0,16
Свердловская область	6013,7	1590,4	0,58	10729	4013	0,46	-0,13
Красноярский край	6214,9	647,2	0,81	8316	1959	0,62	-0,19
Республика Саха (Якутия)	2151,8	70,6	0,94	4708	132,4	0,95	0,01
Приморский край	1049,2	2208,1	-0,36	1983,8	6699,4	-0,54	-0,19

* Индекс внешнеторгового обмена – отношение разницы объемов экспорта и импорта к суммарному объему внешнеторгового оборота.

В 2012 году практически у всех регионов, за исключением Калининградской области и Приморского края, объем экспорта превышает объем импорта. По абсолютным значениям лидером в экспорте является Республика Татарстан (на уровне 4% от соответствующего объема в целом по РФ). Максимальные значения индекса внешнеторгового обмена отмечаются у Архангельской области, Республики Татарстан, Республики Саха (Якутия). В области отрицательных значений этого индекса – Калининградская область и Приморский край, где объем импорта существенно превышает объем экспорта. В целом, динамика изменений индекса внешнеторгового обмена за период 2006–2012 гг. у пяти регионов отрицательная (снижение значений этого показателя к базовому периоду), у четырех регионов – положительная.

В плане оценки состояния перехода регионов к инновационной экономике наибольший интерес представляет соотношение объемов экспорта и импорта по группе товаров «Машины, оборудование и транспортные средства» (табл. 7).

По отдельным регионам объемы экспорта и импорта по стратегически важной группе товаров «Машины, оборудование и транспортные средства» имеют небольшие значения (например, Республика Саха (Якутия)). При этом практически у всех наблюдается значительное преобладание оборотов импорта над экспортом: отрицательные значения индекса внешнеторгового обмена в диапазоне от 0,16 до 0,85.

Соотношение экспорта и импорта по группе товаров «Машины, оборудование и транспортные средства» в 2012 г., (млн. долларов США)

	Машины, оборудование и транспортные средства (группы 84-90)		Индекс внешнеторгового обмена
	экспорт	импорт	
Российская Федерация	26 539	157 556	-0,71
Архангельская область	140	194	-0,16
Калининградская область	789	7122	-0,80
Ростовская область	448	1827	-0,61
Ставропольский край	62,7	271	-0,62
Республика Татарстан	1609	2699	-0,25
Свердловская область	1932	1853	0,02
Красноярский край	91,6	1120	-0,85
Республика Саха (Якутия)	12	69,9	-0,71
Приморский край	263	2791	-0,83

Обороты экспорта и импорта технологий и услуг технического характера по субъектам РФ и оценка внешне-торгового обмена приведены в табл. 8.

Таблица 8

Экспорт и импорт технологий и услуг технического характера (млн. долларов США)

Регионы	2005 г.			2012 г.			Динамика ин- декса внешне- торгового об- мена (2012 г. к 2005 г.)
	Объем экспорта (млн. долларов США)	Объем импорта (млн. долла- ров США)	Индекс внешнетор- гового об- мена*	Объем экспорта (млн. долла- ров США)	Объем импорта (млн. долла- ров США)	Индекс внешнетор- гового об- мена*	
Российская Федерация	1 800 317	2 365 778	-0,14	4 503 575	5 015 118	-0,05	0,08
Архангельская область	33,5	1511,3	-0,96	2452,1	37783,5	-0,88	0,08
Калининградская область	2426,6	4323,8	-0,28	82154,6	9472,9	0,79	1,07
Ростовская область	2093,8	391,2	0,69	1547	1603,8	-0,02	-0,70
Ставропольский край	50,6	9512,2	-0,99	366,1	20 582,5	-0,97	0,02
Республика Татарстан	64 178,7	136 048,9	-0,36	22 302,6	443 164,1	-0,90	-0,55
Свердловская область	5446,2	4122,7	0,14	26 559,5	95 829,6	-0,57	-0,70
Красноярский край	5122,9	0	1,00	33052,6	390 869,6	-0,84	-1,84
Республика Саха (Якутия)	11586	53	0,99	13154	255	0,96	-0,03
Приморский край	55,9	0	1,00	401,1	53	0,77	-0,23

В абсолютном исчислении объемы экспортно-импортных операций существенно разнятся по регионам. Так, в 2012 году диапазон оборотов экспорта сложился в пределах от 366,1 млн. долларов США (Ставропольский край) до 82 154,6 (Калининградская область) млн. долларов США, диапазон оборотов импорта – 390 869,6 млн. долларов США (Красноярский край) до 53,0 млн. долларов США (Приморский край). По большинству регионов отмечается многократное превышение оборотов импорта технологий и услуг технического характера над экспортом, о чем свидетельствует отрицательное значение индекса внешнеторгового обмена. Только три региона (Калининградская область, Республика Саха (Якутия), Приморский край) имеют существенное превышение оборотов экспорта над импортом. Ситуация в 2012 году по сравнению с 2005 годом ухудшилась для большинства регионов: при росте внешнеторговых оборотов в абсолютном исчислении динамика индекса внешнеторгового обмена отрицательная у 6 регионов. В зоне положительных значений индекса три региона: Калининградская область (1,07); Архангельская область (0,08); Ставропольский край (0,02).

Соотношение количества созданных и используемых передовых производственных технологий позволяет оценить уровень обновления технологий (табл. 9).

Анализ данных о соотношении созданных и используемых передовых производственных технологий свидетельствует о низком уровне обновления производственной сферы на основе отечественных разработок, как в целом по РФ, так и по рассматриваемым регионам. Так, сравнение данных 2012 года с 2005 годом показывает положительную динамику изменений соответствующего показателя (на 0,3%) в целом по РФ. При этом в группе исследуемых регионов положение ухудшилось по 5 регионам, по одному региону (Свердловская область) нет изменений, незначительное улучшение по Республике Саха (Якутия), наилучшее положение в Республике Татарстан (уровень обновления увеличился на 0,8%).

Таким образом, оценивая вышеизложенное, можно заключить, что динамика значений основных показателей, характеризующих социально-экономическое и инновационное развитие регионов за период 2006–2012 гг. не подтверждает наличие активной фазы перехода регионов к инновационной экономике:

– структурные изменения экономики происходят в сторону уменьшения доли отраслей производства и, соответственно, увеличения доли сферы услуг;

Соотношение созданных и используемых передовых производственных технологий (2006 г. и 2012 г.)

	2006 г.			2012 г.			Динамика уровня обновления технологий, %
	Используемые технологии, единицы	Созданные технологии, единицы	Уровень обновления технологий*, %	Используемые технологии, единицы	Созданные технологии, единицы	Уровень обновления технологий*, %	
Российская Федерация	168 311	735	0,4	191 372	1332	0,7	0,3
Архангельская область	494	10	2,0	1367	20	1,5	-0,6
Калининградская область	785	5	0,6	1050	3	0,3	-0,4
Ростовская область	2050	10	0,5	2822	12	0,4	-0,1
Ставропольский край	617	5	0,8	819	–	0,0	-0,8
Республика Татарстан	2200	3	0,1	5151	46	0,9	0,8
Свердловская область	7577	55	0,07	10 704	74	0,7	0,0
Красноярский край	948	17	1,8	2261	38	1,7	-0,1
Республика Саха (Якутия)	546	–	0,0	880	2	0,2	0,2
Приморский край	1104	–	0,0	1204	11	0,9	0,9

*Соотношение созданных и используемых технологий.

– невысокий уровень доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей регионов в ВРП (от 23,3 до 12,7%);

– наблюдается значительное преобладание оборотов импорта над экспортом: по стратегически важной группе товаров «Машины, оборудование и транспортные средства» – отрицательные значения индекса внешнеторгового обмена машинами и оборудованием в диапазоне от 0,16 до 0,85;

– отрицательная динамика индекса внешнеторгового обмена (2012 г. к 2006 г.) на рынке технологий и услуг технического характера для большинства регионов;

– низкий уровень обновления производственной сферы передовыми технологиями, созданными на основе отечественных разработок, по рассматриваемым регионам (от 0,07% до 1,7% от используемых технологий в 2012 году) с отрицательной динамикой данного показателя по большинству регионов (2012 год по отношению к 2006 году).

Полученные результаты косвенно свидетельствуют о том, что недостаточно задействован научно-технологический потенциал регионов, в частности федеральных университетов, в инновационных преобразованиях [2].

Для характеристики системы преобразования идеи в инновационные продукты необходимо оценить ее основные элементы. В настоящей работе мы предлагаем совокупность показателей и индикаторов вовлеченности интеллектуального потенциала (вузовской науки, науки предпринимательского сектора) субъектов федерации в инновационные преобразования, которые дополняют существующую систему показателей и индикаторов Росстата в части оценки научно-технологического потенциала (табл. 10, 11).

В частности, база Росстата в настоящее время включает показатели по учету кадрового потенциала развития науки в предпринимательском секторе (численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в предпринимательском секторе (из них – исследователи)), учету потенциала воспроизводства специалистов высшей квалификации и их востребованности (численность выпускников вузов, в том числе по естественным и техническим наукам, численность выпускников вузов по естественным и техническим наукам, трудоустроившихся в организациях сектора реальной экономики региона), оценке эффективности научной деятельности научных и образовательных организаций (доход, получаемый научными и образовательными организациями от выполнения контрактов на НИОКР, от лицензий на право использования ОИС, роялти и пр., консультаций, экспертиз и услуг по инжинирингу и пр.). В то же время, официальной статистикой не отслеживается востребованность кадрового потенциала образовательных учреждений в научных исследованиях, в том числе в совместных исследованиях с предпринимательским сектором.

Таблица 10

Дополнительные показатели для оценки научно-технологического потенциала субъекта федерации

№	Характеристика	Показатели
1	Кадровый потенциал научных исследований образовательных учреждений	Численность профессорско-преподавательского персонала (НПР) образовательных учреждений высшего образования, участвующих в научных исследованиях и разработках, Общая численность персонала, занятого исследованиями и разработками и научных и образовательных организациях
2	Влад НПР вузов в воспроизводство ОИС	Выдано патентов на ОИС научным и образовательным организациям (в т.ч. на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и др.),
3	Востребованность ОИС НПР вузов	Использовано ОИС (в т.ч. на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и др.), выданных научным и образовательным организациям
4	Экономический эффект	Доход, получаемый научными и образовательными организациями от выполнения контрактов с организациями субъекта федерации на НИОКР, от лицензий на право использования ОИС, роялти и пр., консультаций, экспертиз и услуг по инжинирингу и пр.

Эти показатели дают возможность оценить значимость вузовской науки (реальное включение ученых вузов) в научном секторе региона. На базе предложенных новых показателей рассчитываются соответствующие индикаторы для оценки уровня научно-технологического потенциала субъекта федерации (табл. 11).

Таблица 11

Дополнительные индикаторы для оценки научно-технологического потенциала субъекта федерации

№	Индикатор	Размерность
1	Доля персонала, занятого научными исследованиями и разработками в предпринимательском секторе (из них – исследователи), от общей численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками	%
2	Доля профессорско-преподавательского персонала (НПР) образовательных учреждений высшего образования, участвующих в научных исследованиях и разработках	%
3	Доля выпускников вузов по естественным и техническим наукам в общей численности выпускников	%
4	Индекс доли выпускников вузов по естественным и техническим наукам в общей численности выпускников за последние 5 лет	
5	Доля выпускников вузов по естественным и техническим наукам, трудоустроившихся в организациях сектора реальной экономики региона, в общей численности соответствующей группы выпускников	%
6	Доля патентов на ОИС, выданных научным и образовательным организациям (в т.ч. на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и др.), в общем числе патентов по региону	%
7	Доля используемых ОИС (в т.ч. на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и др.), полученных научными и образовательными организациями, в общем числе выданных патентов на ОИС	%
8	Индекс доли патентов на ОИС, выданных научным и образовательным организациям (в т.ч. на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и др.), в общем числе патентов по региону	единиц
9	Индекс доли используемых ОИС (в т.ч. на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и др.), полученных научными и образовательными организациями, в общем числе выданных патентов на ОИС	единиц
10	Доля дохода, получаемый научными и образовательными организациями от выполнения контрактов на НИОКР, от лицензий на право использования ОИС, роялти и пр., консультаций, экспертиз и услуг по инжинирингу и пр., в общем объеме финансирования	%
11	Индекс доли дохода, получаемого научными и образовательными организациями от выполнения контрактов на НИОКР, от лицензий на право использования ОИС, роялти и пр., консультаций, экспертиз и услуг по инжинирингу и пр., в общем объеме финансирования, за 5 лет	единиц
12	Доля дохода, получаемого научными и образовательными организациями от выполнения контрактов с организациями субъекта федерации на НИОКР, от лицензий на право использования ОИС, роялти и пр., консультаций, экспертиз и услуг по инжинирингу и пр.	%
13	Индекс доли дохода, получаемого научными и образовательными организациями от выполнения контрактов с организациями субъекта федерации на НИОКР, от лицензий на право использования ОИС, роялти и пр., консультаций, экспертиз и услуг по инжинирингу и пр., за 5 лет	единиц

Разработанные предложения по индикативной оценке состояния и динамики развития научно-исследовательского сектора в системе образовательных учреждений и предпринимательских организаций дают возможность выявить основные проблемы экономики региона в целом и дифференцированно по отраслям экономики (наука, образование, промышленность)

Список литературы

1. Акаев А.А., Михайлушкин А.И., Соколов В.Н., Сарыгулов А.И. Инвестиции и экономические сценарии инновационно-технологического развития Российской Федерации на основе логистических моделей. Прогноз инновационно-технологического развития России на период до 2030 года. – М.: МИСК, 2008. – С. 192–226.
2. Аузан А. Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. – М., 2013. – № 3. – С. 266–286.
3. Бендилов М.А., Фролов И.Э. Высокотехнологичный сектор промышленности России. Состояние, тенденции, механизмы инновационного развития. – М.: Наука, 2007. – 584 с.
4. Дежина И., Пономарев А. Перспективные производственные технологии: новые акценты в развитии промышленности // Форсайт. – М., 2014. – № 2. – С. 16–29.
5. Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / Отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 352 с.
6. Фролов И.Э. Наукоемкий высокотехнологичный комплекс России: эффективность принятых антикризисных мер и модернизационный потенциал // Модернизация. Инновации, Развитие. 2010. – № 3. – С. 4–17.
7. Яковец Ю.В. Прогноз технологического развития мира и России и стратегия инновационного прорыва. – М.: МИСК, 2008. – 36 с.

Валинурова Л.С.

д.э.н., профессор
valinurovalilia@mail.ru

Казакова О.Б.

д.э.н., профессор
kazakovaohana@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬЮ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, муниципальное развитие, качество управления, городское хозяйство.

На современном этапе эффективность народного хозяйства, в частности инвестиционного процесса, может быть достигнута лишь на основе сочетания элементов рыночной и плановой экономических систем, что, несомненно, должно отразиться на принципах и методах управления инвестиционным процессом.

Муниципальное регулирование инвестиционной деятельности осуществляется уполномоченным органом местного самоуправления.

Для регулирования инвестиционной деятельности на муниципальном уровне используют следующие формы и методы:

- разработка, утверждение и осуществление муниципальных инвестиционных проектов;
- проведение экспертизы инвестиционных проектов в соответствии с законодательством;
- размещение средств бюджета муниципального образования для финансирования инвестиционных проектов в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд. Размещение указанных средств осуществляется на возвратной и срочной основах с уплатой процентов за пользование ими в размерах, определяемых нормативными правовыми актами о местных бюджетах, либо на условиях закрепления в муниципальной собственности соответствующей части акций создаваемого акционерного общества, которые реализуются через определенный срок на рынке ценных бумаг с направлением выручки от реализации в доходы местных бюджетов;
- вовлечение в инвестиционный процесс временно приостановленных и законсервированныхстроек и объектов, находящихся в собственности муниципального образования;
- установление субъектам инвестиционной деятельности льгот по уплате местных налогов;
- предоставление субъектам инвестиционной деятельности не противоречащих законодательству Российской Федерации льготных условий пользования землей и другими природными ресурсами, находящимися в муниципальной собственности;
- выпуск муниципальных займов в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- расширение использования средств населения и иных внебюджетных источников финансирования жилищного строительства и строительства объектов социально-культурного назначения;
- предоставление на конкурсной основе муниципальных гарантий по инвестиционным проектам за счет средств бюджета муниципального образования.

Нефинансовая поддержка инвестиционной деятельности может осуществляться органами местного самоуправления в следующих формах: информационная и консультационная поддержка; организационная поддержка.

Организация информационного обеспечения инвестиционной деятельности предусматривает: создание баз данных на объекты муниципальной собственности и земельные участки, пригодные для реализации инвестиционных проектов в целях предоставления информации потенциальным инвесторам, в том числе размещение данной информации в сети Интернет; оказание методической и консультационной помощи организациям, осуществляющим инвестиционную деятельность; публикацию информационно-аналитических материалов об инвестиционной деятельности на территории района в прессе¹.

Организационная муниципальная поддержка может включать в себя: оказание содействия для включения в федеральные, региональные и муниципальные программы социально значимых и наиболее эффективных инвестиционных проектов; организацию семинаров, конференций по проблемам осуществления инвестиционной деятельности, ярмарок инвестиционных проектов и др.

¹ Валинурова Л.С., Казакова О.Б. Оценка инвестиционной привлекательности регионов Приволжского федерального округа: факторы и условия привлечения инвестиций // Региональная экономика и управление. 2013. – № 4 (36). – <http://region.mcnip.ru>

В интересах повышения инвестиционной привлекательности формируются инвестиционные паспорта и размещают их на сайте муниципального образования, обеспечивая потенциальных инвесторов первоначальной информацией о возможности ведения бизнеса. В 2013 г. в Республике Башкортостан Приказом Министерства экономического развития создан институт инвестиционного уполномоченного, в задачи которого входит совершенствование инвестиционной политики и сопровождение реализации инвестиционных проектов в муниципальном образовании.

Несмотря на то, что отдельные элементы механизма управления инвестиционной привлекательностью муниципального образования успешно функционируют (например, инвестиционные паспорта, семинары и т.п.) системных изменений в формировании благоприятных условий инвестирования на муниципальном уровне, к сожалению, не наблюдается. Одной из причин низкой результативности реализуемых мер является отсутствие комплексной оценки состояния инвестиционной сферы в муниципальном образовании.

Детальный анализ движения инвестиционных потоков позволяет сделать вывод, о том, что определяющими факторами формирования благоприятного инвестиционного климата в муниципальном образовании, и, как следствие, его конкурентоспособности, являются инвестиционная активность и инвестиционная привлекательность¹.

При определении инвестиционной привлекательности муниципальных образований, необходимо также учитывать коммерческие интересы инвестора. Для инвестора важным является доходность вложенного капитала и риски, связанные с этим вложением. Учитывая это, для оценки инвестиционной привлекательности предлагается использовать модель, включающую две составляющие²:

1) экономическую составляющую, которая оценивает доходность инвестируемых средств;

2) рисковую составляющую, которая оценивает совокупный риск, связанный с вложением средств в муниципальное образование.

Экономическая составляющая – это доходность (рентабельность) вложенных средств, она определяется как отношение прибыли или дохода муниципального образования к вложенным средствам.

Оценку рискованной составляющей целесообразно осуществлять на основе оценки влияния факторов риска на возможные потери инвестора. Согласно результатам проведенного анализа к таким факторам следует отнести: политический, инфраструктурный, институциональный, производственный, инновационный, информационный, финансовый, кадровый, потребительский, социальный, криминогенный и др. Рисковая составляющая показывает, какая часть доходов будет потеряна в результате проявления рисков. Поэтому комплексный показатель инвестиционной привлекательности муниципального образования следует определять как разность между значением экономической составляющей и величиной возможных потерь от инвестиционной деятельности.

Показатель инвестиционной привлекательности отражает эффективность инвестиций. Поэтому, опираясь на значения показателя инвестиционной привлекательности, муниципальные образования можно классифицировать согласно выделенным в табл. 1 группам.

Таблица 1

Классификация муниципальных образований по инвестиционной привлекательности

Характеристика муниципального образования	Значение показателя инвестиционной привлекательности
Муниципальные образования с высокой инвестиционной привлекательностью. Экономика устойчива к кризисам, с диверсифицированной структурой производства, развитой инфраструктурой, устойчивым законодательством, квалифицированным кадровым потенциалом. Относительно благоприятные экологическая и криминогенная ситуации	Более 40%
Муниципальные образования с инвестиционной привлекательностью выше среднего. Высокий уровень производства, возможные отклонения определяются социально-политическими факторами	От 20% до 40%
Муниципальные образования со средней инвестиционной привлекательностью, для которых характерно стабильное развитие социально-экономической сферы	От 10% до 20%
Муниципальные образования с инвестиционной привлекательностью ниже среднего, ранее отличавшиеся высоким уровнем производства, но в настоящий момент их жизнь зависит от целенаправленности государственной поддержки	От 5% до 10%
Муниципальные образования с низкой инвестиционной привлекательностью. Значительный спад производства. Государственная поддержка необходима в целях замедления темпов снижения экономики и социальной сферы	Менее 5%

Второй характеристикой состояния инвестиционного климата выступает инвестиционная активность, которая характеризует интенсивность инвестиций, осуществляемых в экономику муниципального образования. В зависимости от значений инвестиционной активности можно выделить муниципальные образования с высокой инвестиционной активностью (интенсивность инвестиционной деятельности характеризуется значением более 1,6), с инвестиционной активностью выше среднего (темп роста инвестиций от 1,4 до 1,6), средней инвестиционной активностью (интенсивность инвестиций от 1,2 до 1,4), инвестиционной активностью ниже среднего (темп роста инвестиций от 1,0 до 1,2),

¹ Казакова О.Б. Оценка конкурентоспособности муниципальных образований // Муниципальная власть в современном мире: поиск ответов на вызовы времени: материалы Междунар. науч.-практ. конференции: в 2 т. / Ред. кол.: С.Н. Лаврентьев [и др.]. – Уфа: БАГС У, 2013. – Т.2. – С. 81–86.

² Валинурова Л. С., Казакова О. Б. Управление инвестиционной деятельностью: учебник. – М.: КНОРУС, 2005. – 384 с.

низкой инвестиционной активностью (интенсивность инвестиций менее 1,0, характерно снижение абсолютного объема инвестиций в экономику муниципального образования).

Учитывая, что при высокой инвестиционной привлекательности, инвестиционная активность может характеризоваться невысоким уровнем, предлагается для оценки инвестиционного климата муниципальных образований, и, как следствие, их инвестиционной привлекательности использовать следующую матрицу (табл. 2).

Таблица 2

Матрица оценки инвестиционного климата и определения уровня инвестиционной привлекательности муниципальных образований

	Низкая инвестиционная привлекательность (менее 5%)	Инвестиционная привлекательность ниже среднего (от 5% до 10%)	Средняя инвестиционная привлекательность (от 10% до 20%)	Инвестиционная привлекательность выше среднего (от 20% до 40%)	Высокая инвестиционная привлекательность (более 40%)		
Высокая инвестиционная активность (более 160%)	Инвестиционный климат недостаточно благоприятный, однако, уровень инвестиционной привлекательности муниципальных образований выше среднего		Благоприятный инвестиционный климат, высокий уровень инвестиционной привлекательности муниципальных образований				
Инвестиционная активность выше среднего (от 140% до 160%)							
Средняя инвестиционная активность (от 120% до 140%)			Инвестиционный климат удовлетворительный, уровень инвестиционной привлекательности муниципальных образований средний	Инвестиционный климат достаточно благоприятный, однако, уровень инвестиционной привлекательности муниципальных образований ниже среднего			
Инвестиционная активность ниже среднего (от 100% до 120%)	Неблагоприятный инвестиционный климат, низкий уровень инвестиционной привлекательности муниципальных образований						
Низкая инвестиционная активность (менее 100%)							

Апробация предлагаемого подхода осуществлена на информационных массивах муниципальных образований Республики Башкортостан. На основе полученных данных муниципальные образования распределяются следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Распределение муниципальных образований Республики Башкортостан по инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности

	Низкая инвестиционная привлекательность	Инвестиционная привлекательность ниже среднего	Средняя инвестиционная привлекательность	Инвестиционная привлекательность выше среднего	Высокая инвестиционная привлекательность
Высокая инвестиционная активность	Абзелиловский р-н; Бижбулякский р-н; Благоварский р-н; Буздякский р-н; Иглинский р-н; Мечетлинский р-н; Уфимский р-н; Шаранский р-н; г. Кумертау	Дуванский р-н; Кармаскалинский р-н; Баймакский р-н	Салаватский р-н; Чекмагушевский р-н; г. Сибай		Учалинский р-н
Инвестиционная активность выше среднего	Благовещенский р-н; Куюргазинский р-н	Гафурийский р-н; Стерлибашевский р-н	Илишевский р-н; г. Агидель		Белорецкий р-н; г. Уфа
Средняя инвестиционная активность	Бурзянский р-н; Ишимбайский р-н; Мелеuzовский р-н	Белебеевский р-н; Нуримановский р-н	Аургазинский р-н; Балтачевский р-н; Бирский р-н	Стерлитамакский р-н; г. Нефтекамск; г. Стерлитамак	г. Октябрьский
Инвестиционная активность ниже среднего	Архангельский р-н; Белокатайский р-н; Кугарчинский р-н; Кушнаренковский р-н; Федоровский р-н; Янаульский р-н	Ермекеевский р-н; Чишминский р-н	Бакалинский р-н	Хайбуллинский р-н	г. Салават; Татышлинский р-н
Низкая инвестиционная активность	Аскинский р-н; Давлекановский р-н; Зилаирский р-н; Калтасинский р-н; Караидельский р-н; Кигинский р-н; Краснокамский р-н; Мишкинский р-н	Альшеевский р-н; Бураевский р-н; Дюртюлинский р-н; Зианчуринский р-н	Миякинский р-н	Туймазинский р-н	

Как свидетельствуют результаты проведенных расчетов, существенная доля муниципальных образований Республики Башкортостан характеризуется неблагоприятным инвестиционным климатом и низким уровнем инвестиционной привлекательности. Прежде всего, это определяется неиспользованием специфических конкурентных преимуществ территории и смещением приоритетов на традиционные источники роста. Так, муниципальные образования, попавшие в эту группу, характеризуются разнообразием флоры и фауны, а туристско-рекреационный бизнес не получил в них должного развития.

Из всех муниципальных образований Республики Башкортостан высокой привлекательностью характеризуются только 6 территорий. Они отличаются развитой производственной базой, наличием транспортных узлов, развитой инфраструктурой, а также активной поддержкой реализуемых инвестиционных проектов и программ со стороны республиканских и федеральных властей.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить высокий уровень дифференциации муниципальных образований Республики Башкортостан по состоянию инвестиционного климата и уровню инвестиционной активности, что определяет необходимость реализации дифференцированного подхода к принятию управленческих решений и разработки стратегии повышения их конкурентных преимуществ.

Вертинская Т.С.¹

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ Г. МИНСКА КАК СТОЛИЧНОЙ АГЛОМЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ, НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ

Ключевые слова: столичные агломерации, стратегии развития города, управление городским развитием.

1. Проблемы и вызовы социально-экономического развития г. Минска

Как показал анализ состояния и тенденций социально-экономического развития за период 2008–2013 годы, Минск, по сравнению с областями Беларуси, остается лидером по многим социально экономическим показателям. Столица имеет наивысшие значения показателей по уровню ВРП на душу населения, объемам экспорта товаров, инвестиций, розничного товарооборота, а также показателям, характеризующим трудовой потенциал, и некоторым другим, уступая только Гомельской области в удельном весе производства продукции промышленного комплекса в общем объеме. При этом анализ позволил выявить и ряд наметившихся в последнее время негативных тенденций.

Структура экономики города не соответствует мировым тенденциям начала постиндустриального этапа развития городской экономики и имеющимся конкурентным преимуществам столицы. Так, в экономике города преобладают производства материалоемкой промышленной продукции крупных предприятий машиностроения. Современные высокотехнологичные производства по выпуску наукоемкой продукции присутствуют в незначительной доле. Неконкурентоспособность отдельных видов производимой промышленной продукции приводит к проблемам ее сбыта. В сфере услуг имеет место преимущественная ориентация на сегменты традиционных услуг (оптовая торговля, недвижимость, транспорт, логистика и т. д.), которые отличаются относительно невысокой долей добавленной стоимости и не требуют высоких квалификаций, характерных для высокотехнологичных услуг. Наблюдается чрезмерный рост посреднических функций столицы, связанных в том числе с оптовым товарооборотом товаров, которые не производятся в городе (калийные удобрения, нефть).

Следует отметить нереализованность имеющегося в городе потенциала для развития ряда сфер, которые важны, прежде всего, для обеспечения высокого качества жизни (образование, здравоохранение), недостаточный уровень развития инфраструктурных объектов по отдельным направлениям экономической деятельности, в том числе по развитию бизнеса, стартапов в инновационной сфере, деловых услуг, отсутствие технологий коммерциализации изобретений и инноваций. Все это – на фоне сохранения слабой восприимчивости к инновациям субъектов хозяйствования, в том числе малого и среднего бизнеса.

В области развития человеческого потенциала для г. Минска характерны благоприятная демографическая ситуация и позитивные тенденции развития рынка труда. В частности, конкурентные преимущества столицы связаны с высоким удельным весом трудоспособных в общей численности населения, миграционной привлекательностью города, относительно высокой продолжительностью жизни, образовательным и профессиональным уровнем рабочей силы. Столица характеризуется также высокой экономической активностью и занятостью населения, включая самозанятость. В то же время в г. Минске прослеживается ряд негативных тенденций в области человеческого развития, способных повлиять на социально-экономическое положение столицы в будущем:

- отставание динамики изменений в структуре занятости населения по сравнению с изменениями в структуре ВРП г. Минска;
- чрезмерный рост численности населения Минска при ограниченных территориально-планировочных ресурсах города;
- тенденции старения населения и снижения численности граждан в трудоспособном возрасте;
- рост миграционных потоков в Минск, причем более чем на 90% за счет внутренних мигрантов из областей, а также «утечка» за рубеж наиболее мобильных и квалифицированных молодых специалистов вместе с их предпринимательскими проектами;
- невостребованность на столичном рынке труда «высоких компетенций», что сопровождается тем, что значительное количество дипломированных специалистов в г. Минске занято на рабочих местах, не требующих полученной ими квалификации;
- скрытая безработица на производстве в виде перевода работников на неполный рабочий день (неделю) и предоставление отпусков по инициативе администрации;

¹ Вертинская Татьяна Сергеевна – к.э.н., зав. отделом мировой экономики и внешнеэкономических исследований Института экономики Национальной академии наук Беларуси. E-mail: vert.region@economics.basnet.by

- разрыв в квалификационных требованиях образовательных стандартов высшего, среднего и профессионально-технического образования и в требованиях к квалификациям работников со стороны организаций-заказчиков кадров;
- фрагментарность политики по обеспечению учения на протяжении всей жизни (формального, неформального и спонтанного (информального) учения всех возрастных групп);
- значительная дифференциация в доходах жителей г. Минска;
- снижение экологической комфортности среды проживания населения: проблемы загрязнения окружающего воздуха автомобильными выбросами в силу интенсивного процесса автомобилизации населения, инертность в принятии жестких решений по введению платы за въезд на отдельные городские территории (исторический центр, лесопарковые зоны и др.) и внедрению экологических стандартов на автотранспорт.

2. Концептуальные подходы к стратегическому развитию г. Минска

Стратегическое развитие столицы в перспективе до 2030 года предполагает уточнение основных приоритетов и совершенствование механизмов социально-экономического развития. В числе основных драйверов целесообразно выделить следующие:

Первое, более полное использование имеющихся конкурентных преимуществ городской экономики и повышение региональной конкурентоспособности. Это включает комплексный и интегрированный подход, ориентированный на учет синергии всех аспектов конкурентоспособности на региональном уровне (экономическая, экологическая, социальная, инновационная, институциональная составляющие развития региона). Его реализация может обеспечить воспроизводство региона на новой качественной основе, формируя более привлекательные по сравнению с другими регионами условия для экономической деятельности, а также проживания и отдыха населения с расширением индивидуальных возможностей человека удовлетворять свои потребности и реализовывать свой творческий потенциал.

Второе, повышение эффективности промышленного комплекса на базе внедрения новых технологий, создание инновационной и информационно-коммуникационной среды и формирования Минска как города инновационного развития.

Третье, оптимизация структуры сферы услуг: сокращение доли торговли и рост услуг, связанных с выполнением столичных функций, в том числе медицинских, туристических услуг.

Четвертое, реализация энергоэффективного подхода, который выражается как минимум в реализации энергосберегающих типов строительных проектов, внедрении ресурсосберегающих технологий на транспорте.

Пятое, развитие человеческого потенциала столицы, что включает учет различий интересов различных групп населения столицы (пенсионеры; предприниматели, государственные служащие, студенческая молодежь, рабочая молодежь, дети, креативный класс: *специалисты-профессионалы, обеспечивающие устойчивый рост приоритетных для города экономических секторов, креативный класс, являющийся источником новых видов деятельности и новых стандартов и образов жизни; средний класс, являющийся структурообразующей группой для всех экономических секторов города и всех уровней потребления, образования и досуга, иммигранты и др.*);

- обеспечение равенства доступа различных социальных групп и слоев общества к социальным благам и уменьшение дифференциации в уровне и качестве жизни.

Шестое, совершенствование городского хозяйства столицы, что включает формирование как объекта особого управления в предстоящий период жилищно-коммунальное хозяйство, общественный транспорт, социальное обслуживание (реформирование системы управления, приоритетное финансирование, внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в управление городским хозяйством и др.).

Седьмое, реализация кластерного подхода к развитию основных видов экономической деятельности г. Минска, обеспечивающий повышение эффективности, комплексности развития, а также учет тенденции формирования столичной агломерации.

Восьмое, в области пространственного развития совершенствование политики размещения на основе реализации **принципа полицентричности**, предполагающего равномерное распределение административной, деловой, культурной, образовательной, рекреационной активности по всему городскому пространству.

Девятое, совершенствование системы управления развитием столицы с учетом процессов формирования Минской агломерации и обеспечения интегрированных подходов к выполнению столичных функций и развития экономики региона.

3. Совершенствование политики размещения

В области политики размещения в белорусской столице имеются слабые стороны. Наиболее острой проблемой выступает тенденция к увеличению плотности населения г. Минска –100 чел. на кв. м., что значительно выше, чем в ряде мировых столиц. Как одно из последствий – практически исчерпанность пропускной способности транспортных магистралей города.

Обнаруживается нерациональное использование производственных площадей города, сохраняется практика размещения экологически вредных промышленных производств в пределах городской черты. При этом существует со стороны руководителей ведомств и предприятий противодействие выносу промышленных производств за пределы города под предлогом высокой стоимости работ, необходимости сохранения занятости, возможностью получения доходов от сдачи в аренду производственных площадок.

Имеет место неравномерность в использовании городского пространства и снижение комфортности проживания. Это определяет необходимость формирования деловых подцентров, выравнивания обеспеченности периферийных районов всеми видами услуг и объектами социально-культурной, коммунальной и энергетической инфраструктуры.

В целом в политике размещения не учитываются новые формы размещения. В лучшем случае присутствует формальный подход к их использованию, как это имеет место, например, при формировании кластеров, без учета реальных интересов и достижения возможных эффектов.

На концептуальном уровне могут быть определены новые факторы, которые следует учитывать при размещении экономических и социальных объектов в столице¹. В современных условиях при размещении производительных сил становятся важными не только традиционные факторы (транспортные, материальные, трудовые издержки). Появляются ранее не используемые формы организации экономической деятельности, новые формы территориальной концентрации экономических активов, новые способы взаимодействия между экономическими агентами, обеспечивающие достижение синергии эффектов.

1) Развитие рыночных отношений сопровождается гибкостью деятельности предприятий, включающей изменение направления работы, выбора поставщиков и т.п. Поэтому основным инструментом реализации политики размещения становится *инфраструктурное обустройство территории* (для иностранных инвесторов – создание площадок, обустроенных инфраструктурой и др.)

2) Значимая роль начинает принадлежать *нематериальным факторам*. Речь идет, прежде всего, о культурных условиях как *неосознанных активах территории* – ее имидже, местной идентичности, а также культурных и человеческих ресурсах как накопленном потенциале навыков, умений местных жителей, их образовательном уровне.

3) Совершенствование размещения производительных сил должно учитывать новые *тенденции структурных сдвигов*: опережающее развитие наукоемких, высокотехнологичных производств, формирование высокопроизводительного сектора «зеленой экономики», базирующейся на энергосбережении, внедрении экологически чистых технологий, возобновляемых и альтернативных источниках энергии, эффективных технологиях переработки отходов.

4) Приоритет следует отдать инновационному развитию, внедрению новых технологий и обеспечению интенсивной коммуникации между хозяйствующими субъектами за счет постоянного спонтанного генерирования нового знания и инноваций, что определяет появление новых механизмов взаимодействия между субъектами: ассоциаций территориальных кластеров; индустриальных парков, инновационных долин, наукоградов, интеллектуальных платформ научно-технологических парков.

5) Еще один аспект трансформации политики размещения связан с процессом адаптации пространственной структуры промышленности (ее децентрализация, рассредоточение) к новому *малому и среднему размеру предприятий и сетевым формам коммуникаций*.

6) Для повышения эффективности размещения производительных сил новые промышленные предприятия и организации других видов экономической деятельности должны создаваться с учетом *формирования региональных кластеров*, комплексного развития регионов. Это позволит обеспечить более высокую эффективность производства, получать максимальную прибыль при рациональном использовании местного природно-ресурсного потенциала, сохранении и улучшении экологических условий жизни населения во всех регионах.

7) Размещение производительных сил республики следует ориентировать на *человека*, который является ведущим элементом, главной производительной силой. Поэтому размещение новых производств должно осуществляться с учетом совершенствования системы расселения, усиления роли человеческого фактора, ориентации на уровень образования и соответственно на места концентрации высокообразованных трудовых ресурсов, а также близости к местам проживания.

4. Система управления столичной агломерацией: приоритеты и механизмы обеспечения

В области управления городским развитием столицы следует отметить следующие проблемы.

1. Отсутствие специальной политики по формированию отраслей и сфер специализации экономики города, отвечающим интересам столичной городской экономики и проживающему населению. В области промышленной политики наблюдается, с одной стороны, сохранение тех отраслей и предприятий, которые в краткосрочной перспективе способны обеспечивать занятость, формировать бюджет города, причем в ряде случаев за счет поступлений от аренды производственных площадей. С другой стороны, отчетливо просматривается отсутствие ориентации на поддержку и формирование производств по таким критериям как уровень экологичности, инновационности, конкурентоспособности продукции, в том числе на внешних рынках.

2. Несмотря на усиление взаимосвязей города Минска с прилегающими территориями и городами-спутниками органы местного управления и самоуправления г. Минска имеют ограниченность компетенций в вопросах управления реально складывающейся агломерацией, отсутствуют механизмы согласования интересов с местной властью Минского района и Минской области.

3. Не применяется кластерный подход к развитию промышленности и сферы услуг, с учетом прилегающих территорий в пределах формирующейся агломерации.

¹ Богданович А.В. Методологические подходы к размещению производительных сил на современном этапе социально-экономического развития Республики Беларусь // Экономический бюллетень НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь. 2012. – № 7. – С. 4–10.

4. Не достигнуто единство и сбалансированность социально-экономического, инновационного, культурного, экологического и международного аспектов развития столицы.

5. В области инвестиционной политики не используется конкурентный потенциал г. Минска для привлечения иностранных инвестиций.

6. Отмечается неакцентированная с учетом интересов столицы миграционная политика, которая сопровождается нерегулируемой маятниковой миграцией в силу недостаточной координации управленческих решений Мингорисполкома, Миноблисполкома и местных органов власти городов-спутников, сохранение низко квалифицированных мест, заполняемых мигрантами.

7. Политика в области занятости не дифференцирована в отношении различных социальных групп, что может привести к недоиспользованию потенциала высококвалифицированных молодых кадров, недостаточной включенности пенсионного возраста лиц в трудовую деятельность.

Совершенствование управления столичной агломерацией должно осуществляться на основе долгосрочной стратегии ее социально-экономического развития, позволяющей согласованно и эффективно применять всю совокупность экономических, административно-правовых и архитектурно-планировочных методов территориального управления.

Особенности г. Минска, как столицы республики, в значительной мере определяют основные направления, возможные инструменты и механизмы регулирования социально-экономического, пространственного и инфраструктурного развития как самого города, так и формирующейся столичной агломерации в границах пригородной зоны.

Первоочередными мерами для формирования на современном этапе Минской агломерации должно быть *развитие городов-спутников*. Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2014 г. № 214 статус города-спутника г. Минска придано городам Дзержинску, Заславлю, Логойску, Смолевичам, Фаниполи и г.п. Руденск¹. Эти городские поселения должны стать «точками роста» Минской агломерации, способствовать «разгрузке г. Минска» и перспективного расселения минчан за пределами существующих границ Минска на территории Минской области.

Для целенаправленного формирования и эффективного развития городов-спутников г. Минска необходимо, чтобы они стали едиными объектами государственного управления и местного самоуправления. В настоящее время управление каждого из них осуществляется в соответствии с законами Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь», «Об архитектурной градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь» и др.²

Города-спутники имеют различный правовой статус как административно-территориальные и территориальные единицы. Среди предполагаемых к развитию 12 городов-спутников г. Минска один город областного подчинения, 3 города являются районными центрами города, 5 городских и 1 рабочий поселок имеют районное подчинение. Все это необходимо учитывать при формировании системы управления городами-спутниками и Минской агломерацией.

С учетом международного опыта управления крупными городами и городскими агломерациями, а также объективно существующих тесных взаимосвязей между Минском и его городами-спутниками, создание единого органа управления позволит обеспечить:

- комплексное развитие г. Минска и городов-спутников, возможность реализации стратегических задач;
- устранение ряда несоответствий между существующей системой административно-территориального деления и реально складывающимися социально-экономическими общностями, отражающих объективный процесс агломерирования;
- создание единого экономического пространства, единого рынка труда и жилья в границах ежедневных транспортных передвижений населения;
- формирование более рациональной системы расселения и обеспечение баланса между производственной и социальной инфраструктурой, обеспечение оптимального сочетания ландшафтно-рекреационных и застраиваемых территорий как в г. Минске, так и в пригородной зоне;
- создание и охрану единого природно-экологического комплекса на территории Минской агломерации, обеспечение рационального природопользования;
- осуществление комплексного градостроительного планирования и согласование развития Минска и городов-спутников, что позволит создать более экономичную и рациональную систему транспортного и инженерного обслуживания;
- более эффективное согласование экономических и структурных преобразований для предотвращения неоправданных расходов для производственной и социальной инфраструктуры;
- расширение доступа населения городов-спутников к информационным, социальным и культурным услугам г. Минска.

¹ Указ Президента Республики Беларусь 7 мая 2014 г. № 214 «О развитии городов-спутников» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 04.05.2014 1/14998.

² Закон Республики Беларусь 4 января 2010 г. № 108-3 «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (в ред. Закона Республики Беларусь от 04.01.2014 № 130-3) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 6 января 2010 г. № 2/1660; Закон Республики Беларусь 5 мая 1998 г. № 154-3 «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» (в ред. Закона Республики Беларусь от 07.01.2012 г. № 346-3) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 20 марта 2001 г. № 2/686.

В целом отношения между г. Минском и Минской агломерацией и городами-спутниками должны строиться на принципах партнерства путем заключения договоров по направлениям, представляющим взаимный интерес.

В частности, Минский городской исполнительный комитет должен принимать участие:

- в строительстве и финансировании единой транспортной, инженерной инфраструктуры, в том числе обеспечивать компенсацию части затрат на перевозки пассажиров в города-спутники;
- проводить согласованную жилищную политику и принимать участие в строительстве жилья, в том числе в виде компенсации льготных ставок по кредитам для жителей г. Минска, желающих жить и работать в городах-спутниках;
- горисполкому Минска следует брать на себя часть расходов с переездом и трудоустройством своих жителей;
- в части реализации промышленной политики необходимо обеспечивать переподготовку кадров, высвобождающихся в ходе реструктуризации промышленных объектов городов-центров, участвовать в финансировании и строительстве совместных инфраструктурных объектов; принимать участие в разработке кластерных стратегий развития производства и сферы услуг¹.

В качестве дополнительных организационных структур управления развитием столичной агломерации и городов-спутников могут рассматриваться следующие. На первоначальном этапе важно организовать при Минском горисполкоме Совет по развитию городов-спутников. В его состав должны входить по одному представителю (начальники управлений или отделов экономики или архитектуры и строительства) рай- и горисполкомов городов-спутников.

Одновременно может быть создана *Ассоциация городов-спутников города Минска* (в соответствии с Законом «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» местные Советы имеют право объединяться на добровольной основе в ассоциации). Такая ассоциация важна как площадка участия местных сообществ и институтов гражданского общества в развитии городов-спутников, консолидации усилий по реализации региональных и местных инициатив.

В перспективе для целенаправленного и комплексного развития Минской агломерации возможно создать самостоятельную административно-территориальную единицу – **Минский столичный округ**, в границах которого должно осуществляться территориальное регулирование и координация экономических и демографических процессов, обеспечивающих комплексное развитие и рациональную территориальную организацию жизни общества.

Управление городами-спутниками должно осуществляться на основе формирования нового механизма, ориентированного на использование экономических рычагов и стимулов для максимально полного учета интересов как города-центра, так и формирующейся агломерации.

С помощью финансово-экономических мер необходимо поощрять перенос промышленных предприятий из Минска в города-спутники. Целесообразно выдавать для этого займы и безвозвратные ссуды, пособие на перевод персонала, снижать тарифы на электроэнергию и организовывать скоростное транспортное сообщение с городами-спутниками.

Государству необходимо активно воздействовать на развитие городов-спутников, используя для этого различные меры и рыночные механизмы, объединяя предпринимателей, инициативы населения и общественно-политические институты.

Важно обеспечить *привлекательный миграционный имидж городов-спутников*. Для этого необходимо улучшить условия проживания жителей в городах-спутниках для повышения мотивации жителей столицы и областных центров к переезду в эти города, создать благоприятную среду жизнедеятельности и обеспечить комплексное и сбалансированное развитие городов-спутников за счет создания необходимой социальной инфраструктуры и новых производств с учетом потребностей переселяемого населения. Целесообразно проводить мероприятия по улучшению эстетического облика существующих жилых районов городов-спутников, повышению уровня и комфорта транспортного обслуживания, снижению затрат времени на передвижение населения, организацию рационального взаимодействия отдельных видов транспорта для перевозок пассажиров в города-спутники и обратно. В качестве одного из перспективных способов повышения миграционной привлекательности городов-спутников следует рассматривать повышение государственных минимальных социальных стандартов обслуживания жителей городов-спутников до нормативных показателей столицы и областных центров².

Развитие городов-спутников должно осуществляться в тесной взаимосвязи с г. Минском, в том числе через *развитие кооперации со средними и крупными промышленными предприятиями на кластерной основе*. Для этих целей можно использовать систему аутсорсинга, определяемого как выведение производства определенной части продукции за пределы основного предприятия. Система аутсорсинга является одним из эффективных инструментов создания новых высокотехнологичных производств и новых высокоэффективных рабочих мест в городах-спутниках.

В основе механизма развития столичной агломерации на базе городов-спутников должны лежать механизмы саморазвития их экономики. В числе мероприятий по созданию институциональных условий для саморазвития следует рассматривать:

- организацию филиалов колледжей, кафедр вузов, учебно-производственных участков ряда промышленных предприятий;

¹ Вертинская Т.С., Кельник А.В., Богданович А.В. [и др.]. Концептуальная модель управления городами-спутниками г. Минска. – Мн., Беларусская наука, 2010. – 146 с.

² Богданович А.В. Совершенствование территориальной организации производительных сил Республики Беларусь // Экономика. Моделирование. Прогнозирование: сб. науч. тр. / Ред. коллегия: М.К. Кравцов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2013. – Вып. 7. – С. 32–38.

– создание гарантийного фонда для поддержки субъектов МСБ (малого и среднего бизнеса) на базе фонда поддержки малого предпринимательства совместно с региональной сетью инфраструктуры (в связи с отсутствием или недостатком у субъектов МСБ залогового обеспечения) и выделение средств из регионального бюджета на программу гарантирования кредитных рисков МСБ;

– организацию так называемого рынка производственных площадок (неиспользуемые здания, объекты незавершенного строительства, площадки под новое строительство) для предпринимателей с возможностью компенсации затрат на снос зданий сельскохозяйственного назначения за счет средств республиканского фонда охраны природы (Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды);

– создание сети площадок в городах-спутниках для регулярного взаимодействия бизнеса, научно-образовательных структур и власти (технопарки, бизнес-парки и другие объекты инновационной инфраструктуры)¹.

Это может стать толчком для включения субъектов малого и среднего предпринимательства в производственные технологические цепочки крупных производств Минска и областных центров на основе развития мелкосерийных производств, организации производства комплектующих и сопутствующих товаров, переработки отходов производства крупных промышленных организаций, а также включение микро- и малых организаций в процесс кооперации, формирование высокотехнологичных региональных кластеров.

Развитие производственной и социальной инфраструктуры следует осуществлять на основе активизации государственно-частного партнерства. Для осуществления целенаправленной инвестиционной политики целесообразно создание Ассоциации и Республиканского фонда поддержки развития городов-спутников.

¹ Вертинская Т.С., Богданович А.В. [и др.] // Концептуальные положения регионального развития Республики Беларусь до 2015 года / Институт экономики НАН Беларуси.- Минск: Право и экономика, 2009. – 105 с.; Богданович А.В. Совершенствование территориальной организации производительных сил Республики Беларусь // Экономика. Моделирование. Прогнозирование: сб. науч. тр. / Ред. коллегия: М.К. Кравцов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2013. – Вып. 7. – С. 32–38.

Глизна М.Ю.

аспирант, г. Харьков

Лысенко М.В.

соискатель, г. Харьков

РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ БАРЬЕРОВ

Ключевые слова: *малый бизнес, экономика Украины, инновационное развитие, региональное развитие.*

Мировое сообщество построено на распределительных механизмах использования в экономической деятельности природных ресурсов, труда, капитала, знаний. И это распределение в каждый исторический период имеет свои пропорции, свои структурные формы, и свои методы изменения этих пропорций и форм. Один из таких методов – создание разных по масштабу и по нормативно-правовому статусу организационных форм в экономической системе. Наше время – это время доминирования в экономической системе знаний, информации, инновационных продуктов. Запуск в экономический оборот этих интеллектуальных ресурсов уже не требует, как ранее, их концентрации в крупных организационных формах. Безусловно, индустриальные гиганты, крупные финансовые структуры, международные корпорации, глобальные торговые сети и сейчас удерживают свои лидирующие позиции в экономике, но все большая доля экономического оборота объективно и закономерно переходит от них к организационным структурам с малой численностью персонала и малыми основными фондами. Эти структуры принято называть подразделениями малого и среднего бизнеса (МСБ).

Цель статьи – обобщить теоретические положения феномена МСБ и сформировать систему задач преодоления барьеров на пути укрепления позиций этого сектора экономики в региональной политике развития территорий Украины.

С позиций малых организационных форм и индивидуального участия предпринимателей в общественно-полезной деятельности проблема МСБ может быть рассмотрена в более широком контексте. При таком подходе мы имеем модель системы со значительно расширенными функциями, с большей сферой охвата экономики и социума и с большей сетью взаимосвязей и взаимовлияний (рис. 1).

Из всех зарегистрированных в стране субъектов хозяйствования более 80% – физические лица. Наибольший их удельный вес в Одесской, Киевской, Харьковской, Хмельницкой, Черновицкой областях (по 30÷35 чел. на 1000 населения). Низкую плотность (20÷22 предпринимателя на 1000 граждан) имеют Тернопольская, Ровенская, Львовская области. На наш взгляд, такая дифференциация или неравномерность не является показательной – регионы скорее близки, чем отличны между собой по этому показателю, что можно расценивать как равное стремление инноваторов в обществе к самостоятельному участию в бизнес-деятельности¹. Этот весьма положительный факт позволяет прогнозировать, что при улучшении институциональной среды и урезании «прав» (а точнее, произвола бюрократии) в Украине МСБ займет лидирующие позиции, по крайней мере на ее внутреннем рынке.

Региональная политика в развитии МСБ в самом начале старта имела возможность получить достаточно высокие результаты по механизму внедрения «Программ развития предпринимательства». Но это не произошло в силу трех причин: недостатка финансовых средств в распоряжении местной власти, непонимания и нежелания аппарата местного самоуправления развивать МСБ, архаический характер кредитно-инвестиционной системы, нацеленной на изыскание прибыли от операций финансового оборота, а не от эффекта кредитования инновационных проектов.

Мощным сдерживающим фактором на пути развития малого бизнеса выступают хозяева и менеджеры крупного бизнеса. Это от них исходит подавляющее большинство факторов отрицательного влияния на МСБ. Этот негатив продуцируется и поддерживается в политической и государственной олигархически коррумпированных системах (распределительная, бюджетная, налоговая, судебная). Сейчас решать вопросы на верхнем уровне власти в состоянии только крупный бизнес, который это и делает, ограничивая свободы и интересы МСБ. Крупные игроки также диктуют и правила игры на рынках, в т.ч. и внешних.

Согласно данным Федерации работодателей Украины 85% национальной экономики создается приблизительно тремя сотнями крупных предприятий, а малым и средним бизнесом генерируется (по разным оценкам) от 7 до 15% ВВП. Это без учета физических лиц-предпринимателей.

Согласно оценке В.Быковца (генеральный директор Союза предпринимателей малых, средних и приватизированных предприятий Украины) в структуре МСБ 60% занимает торговля и предоставление услуг, 8÷10% вклад МСБ в производство и сельское хозяйство, менее 8% в строительство. Доля же физических лиц-предпринимателей составляет 5,7% в ВВП.

¹ Бизнес в регионах // Дело. - <http://delo.ua>

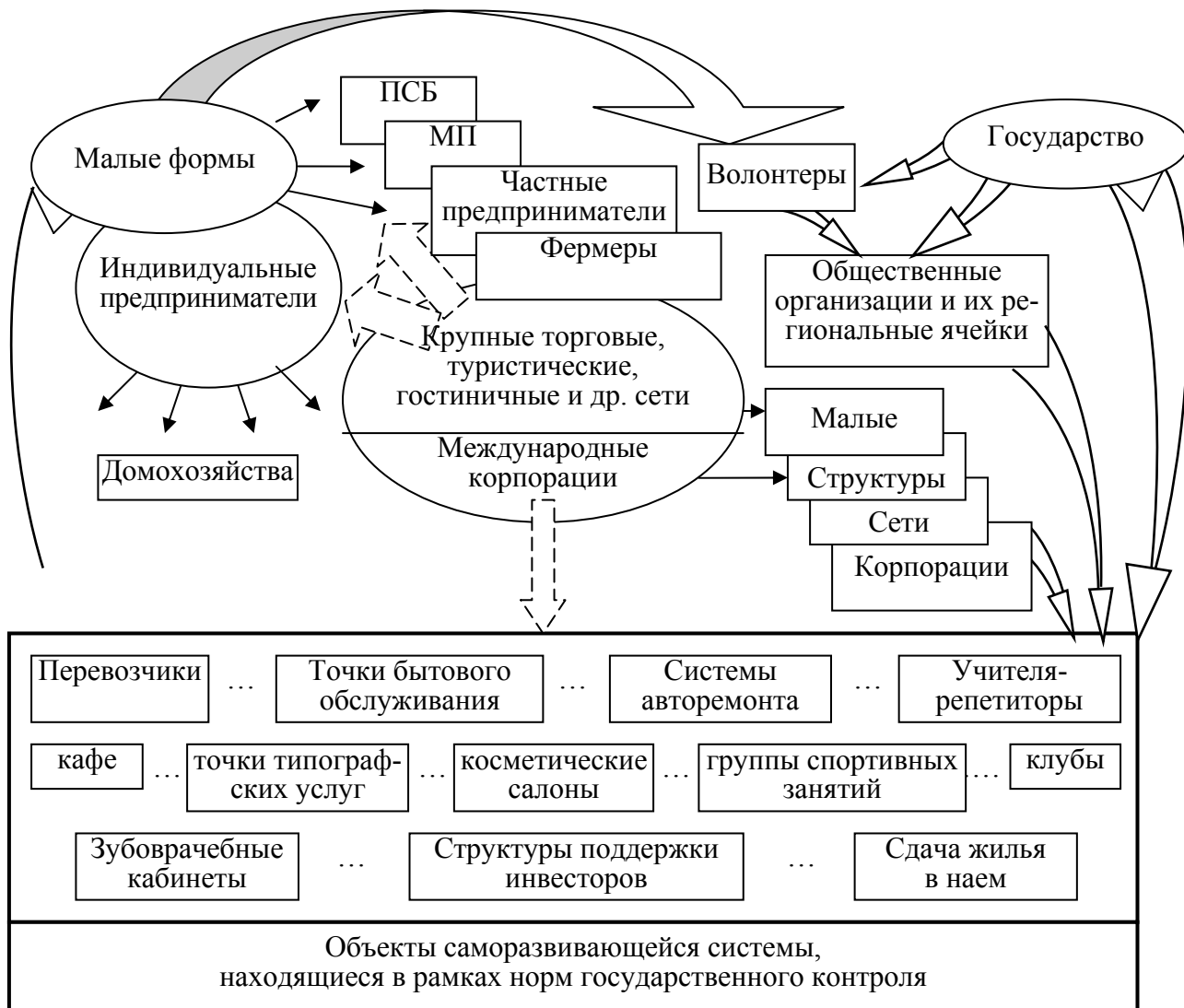

Рисунок 1.
Связь малых структур в системе самоорганизации и развития

Крупный бизнес живет по имперской идеологии, он подчиняет, завоевывает рынки, борется с конкурентами, вытесняет или поглощает малый бизнес, подключает к себе ресурсы государственного потенциала, причем очень часто на невыгодных для государства условиях.

В сфере же малого бизнеса, живущего по идеям локальности и ограниченности своего «дела», контакты с крупным бизнесом, как правило, малочисленны и малоприбыльны, но если они возникают, то ценятся за стабильность и постоянство. Малый бизнес тяготеет к ассоциативным формам «укрупнения», а крупный – к монопольным. В целом «бизнес» – это прибыльная деятельность, стратегия на прибыль¹. Обеспечение этой прибыльности зависит от масштабов бизнеса и от умения управлять бизнесом.

Крупный бизнес живет в среде небольшого количества «акул» бизнеса, в среде распределенного, относительно прогнозируемого налогового «рынка», на который малый бизнес практически не оказывает существенного влияния. Случайности на рынках крупного бизнеса редки, и если они возникают, то либо «долго и упорно» готовятся конкурентами, либо специально формируются политиками.

Крупный или малый бизнес в спорте, где клубы в количестве 20÷30 человек (футболистов), которых до сотни в мире, формируют миллиардные потоки денег. То же наблюдается и в профессиональном боксе — встреча двух боксеров вызывает огромные потоки денег. Где здесь граница между малым и крупным бизнесом? Персонала мало, а массивы денег огромны. Видимо в концепции разделения бизнеса на крупный и малый следует рассмотреть и объем оборота денег. Большой объем оборота – большой бизнес, малый оборот – малый бизнес. Это определитель бизнеса не по числу персонала, а по обороту денежной массы.

Отношения между крупным и малым бизнесом могут быть разными: партнерскими, корпоративными, «никакими», антагонистическими, но чаще – крупный препятствует развитию малого. Это, например, показательно в развитии альтернативной энергетики (геотермальные, солнечные, биологические технологии и др.). Технически и даже экономически уже можно было осуществить перевод автотранспорта с бензина и газа на электричество, но такие

¹ Веремеева Т. Малый и средний бизнес в Украине: пути выживания. - <http://ubr.ua/basiess-practics/275169>; Янченко З.Б. Малий бізнес України: регіональні аспекти розвитку / Академія муніципального управління. – www.dy.nauka.com.ua

трансформации не произошли. Вполне допустимо предположить, что хозяева нефтегазовых концернов противостоят развитию альтернативной энергетики, которая пока живет в структуре малого бизнеса.

Достаточно распространенным и устойчивым мнением считается правило выделять, обособливать малый бизнес из других организационных форм ведения хозяйственно-экономической деятельности по количеству работающих на предприятии, в группе¹. Безусловно, это удобный признак: например, до 20 чел. (малый), 20÷100 (средний), 100÷200 («полутяжелый»), более 200 человек – крупный бизнес. Можно выбрать и другие цифры численного определителя.

Но граница «разделения бизнеса» может пролегать и через оценивание по другим критериям или признакам. Например, по степени свободы, независимости, самостоятельности в выборе.

Тогда малый бизнес – это бизнес мало зависимый от крупного, от госструктуры, от «чужого» влияния. Он более зависим от своей идеологии, от конкурентов и условий рынка. К примеру, так может быть независим ученый в своих взглядах от уже существующих теорий и убеждений, хотя он, безусловно, зависим от фактов и доказательств. Следовательно, уточняя сущность и особенности малого бизнеса, мы приходим к выводу о том, что он должен, прежде всего, быть адаптивным в смысле выживания и инновационным в смысле востребованности обществом.

Объединяя две эти плохо совместимые между собой характеристики (адаптивность и инновационность), малый бизнес использует их вместе для решения проблем и преодоления преград в процессе своего развития. А таких преград множество: нехватка ресурсов, рыночные сложности, аппаратная бюрократия, налоговый пресс, общая кризисная ситуация в стране, ущербная для МСБ государственная политика и др. Дополняют систему преград и конфликтных ситуаций механизмы спланированного и организованного сопротивления, как это происходит в отношениях с крупным бизнесом. В таких условиях предприятиям МСБ определенные надежды надо возлагать на свои способности, возможности и деловые качества, воплощая свой арсенал факторов успеха в стратегию достижения целей и в тактику преодоления препятствий.

В соответствии с данными, представленными Всемирным банком (Давос, 2014 – Отчет о глобальной конкурентоспособности), проблемы, которые мешают развитию бизнеса на Украине, можно разделить на три ранговые группы: 1) доступ к финансам, коррупция, бюрократия – имеют влияние 46,5%; 2) налоговая система, нестабильная политика, законодательство – 33,7%; 3) смешанные факторы: нехватка ресурсов, трудовое законодательство, проблемы медицины, низкий рейтинг этики рабочей силы и прочее – 24,4% (среднее значение влияния одного фактора ~ 2,36%, min – 0,6, max – 3,7).

На наш взгляд, эти оценки реально представляют структуру и силу влияния «негативов», но по оценкам на конец 2014 года в третьей группе факторов – «инфляция» и «нехватку ресурсов», влияние значительно большее – 15%, против приведенных 8,8%.

Продукция малого бизнеса, в том числе и услуги, имеют низкий уровень конкуренции на внутреннем рынке, потому что этот рынок в основном продуктовый и вещевой, а кроме того на 90% загружен импортом². Перспективы улучшения ситуации в этом сегменте рынка не обнадеживающие, следовательно МСБ должен искать себе новую нишу. И такая ниша есть.

В государственной системе частные предприниматели и структуры малого бизнеса вносят свой существенный вклад в базовые процессы общественного развития и этот вклад достаточно значимый и многоплановый. Структура и характер вклада ЧП и МСБ показаны на рис. 2.

На рис. 2 показано, что в общественном развитии вклад ЧП и МСБ проявляется в таких базовых процессах как обеспечение трудовой занятости (сами себе и другим организуют трудовые места), жизнеобеспечение домохозяйств (экономический процесс, направленный на удовлетворение потребностей семьи, близких), развитие внутреннего рынка (частные предприниматели и мелкие предприятия в основном реализуют себя на внутреннем рынке), развитие национальной экономики (снижается нагрузка на государство в части производства товаров и услуг и обеспечивается поступление средств в бюджет), общественное развитие – вклад в процессы демонополизации, демократизации, перестройки управленческих институтов.

Все три составляющих укрепляются тем, что для ЧП и МСБ характерны: высокий уровень самоуправления; работают механизмы правовой, экономической и гражданской ответственности; стимулом выступает креатив стремления к развитию и улучшению себя, своего бизнеса, окружающей среды. Количественное изменение роли ЧП и МСБ в этих процессах, оценки эффекта отмеченных факторов влияния в науке и в практике пока не отработаны. В перспективе это заинтересует исследователей, но на данном этапе важнее обеспечить масштабы и темпы развития самих ЧП и МСБ, и особенно в сфере инновационных технологий и продуктов³.

На Украине имеется высокий образовательный, научно-технический и интеллектуальный потенциал, готовый при определенной поддержке государственной системы и местной власти активно включиться в инновационный процесс, который так необходим для развития национальной конкурентоспособной экономики⁴.

¹ Мищенко В. А., Мозенков О.В., Чжу Ли Уэюань. Анализ состояния малого бизнеса в Украине // Вісник НТУ «ХПІ». 2013. – № 50 (1023). – С. 116–121.

² Карпченко Ю.В. Инновации в малом бизнесе. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого; Шипович М.А., Паламарчук А.А. Проблемы развития малого бизнеса в Украине и пути их преодоления./ web-ресурс НПК «VI Международная научно-практ. конф. «Наука в информационном пространстве». - www.confcontact.com/201100916/yur.shi.htm

³ Центр развития малого бизнеса «Харьковские технологии». - <http://www.inno.kharkov.ua>

⁴ Митник У. Шляхи усунення законодавчих та нормативних протиріч у сфері державного управління.

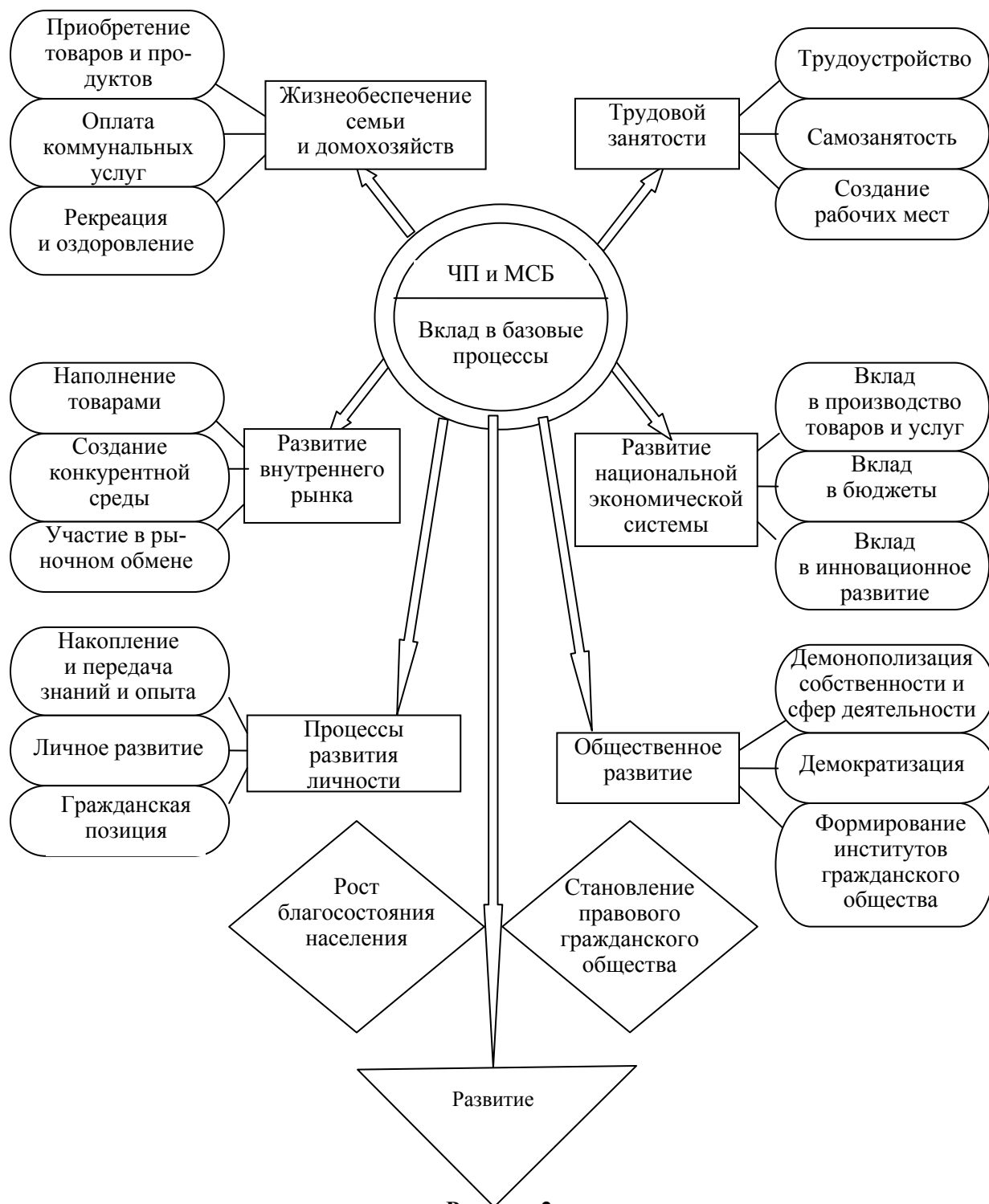

Рисунок 2.
Основные направления вклада ЧП и МСБ в развитие экономики и общества

На этот счет в научных кругах обсуждается грандиозная и вполне рациональная идея создания в центрах научно-технического интеллекта (Киев, Львов, Харьков, Одесса, Днепропетровск, Сумы и др.) наукоградов, технопарков, инновационных кластеров. Но реальная программа осуществления этой идеи пока не сформирована. Значительно ближе к реальности – поддержать движение инновационного прорыва в виде малых организационных форм – МСБ. В регионах уже сейчас работают небольшие коллективы в этой сфере: создают приборы (газоанализаторы, средства физиотерапии, экотехнологии и др.), в системе Интернет разрабатывают и продают (в основном за рубежом) программные продукты, разрабатывают и внедряют малые средства для энергосберегающих технологий. В одном Харькове можно отобрать из уже готовых научно-технических разработок сотни коммерческих проектов с высокой степенью готовности к внедрению. Для этого в регионах должен быть сформирован специальный организационно-экономический механизм, основы которого уже изложены в Пилотном проекте «Региональной информационной системы» (РИС). Основной состав участников РИС могут образовать предприятия малого бизнеса и физические лица-предприниматели. По этому поводу некоторые склонны считать, что тормозом такой идеи является отсутствие финансовых средств. Но финансовые средства «живут» в экономическом обороте, поток которого практически неиссякаем и безразмерен. Проблема только в умении его направить в коммерчески выгодные проекты, а это уже не столько задача

отдельного предпринимателя, сколько государственной системы, ее политики и механизмов управления инновационной экономикой, т.е. инновационным капиталом в соответствии с разными организационными формами его использования. Именно в этой среде, а не в торговле и бытовых услугах, МСБ способен генерировать самый эффективный импульс экономического развития.

Инновационная научно-техническая среда деятельности для малого бизнеса в таких крупных городах как Харьков, Одесса, Киев, Львов является в такой же степени актуальной, как и реально востребованной. В этих городах за десятилетия сформировался ёмкий и разнопрофильный научно-образовательный и производственно-технический капитал, который при использовании может в корне изменить ситуацию конкурентоспособности Украины на рынках. Вся проблема в том, что пока этот процесс запуска инновационной волны не происходит, и в первую очередь, по причинам недооценки государством значения малого бизнеса в инновационной экономике.

Тем не менее, зоны и ростки нового и перспективного в организации и поддержке малого бизнеса на Украине себя проявляют довольно активно. Показательной в этом может быть и ситуация в Харьковском регионе¹. Как следует из подготовленных к «Форуму малых технологических кампаний» материалов (Форум состоялся 6 декабря 2013 года в Харькове) – в малом бизнесе лидирующие позиции заняли организации и предприниматели торговли, сферы услуг, строительства, системы питания. «Предприятий, разрабатывающих и производящих новые продукты и услуги, особенно наукоёмких, среди них очень мало, но сколько – никто не знает, т.к. никакого отдельного учета по ним не ведется, специфика их работы, проблемы и возможности развития никем не анализируется. Такие предприятия как бы выпали из зоны внимания как государства, так и крупного бизнеса»².

Однако малый инновационный бизнес в Харькове дорогу себе пробивает. Этому способствуют такие устойчиво функционирующие структуры как Центр развития малого бизнеса «Харьковские технологии», Северо-Восточный научный центр Академии наук Украины, Кластер инновационной инфраструктуры Харьковской области, Лига предпринимательских инициатив и др. Эти организации при поддержке зарубежных партнеров проводят обучение инновационных предпринимателей, осуществляют экспертизу проектов, оказывают консультации. В числе проектов, на которых сконцентрированы усилия зарубежных и отечественных организаторов связи науки с производством, отметим:

- Харьковская инновационная платформа – задача содействия разработке программ научно-технического и инновационного развития;
- Смотр-форум малых технологических компаний – выявление и инвентаризация инновационных ресурсов;
- Проект SUAFRJ-EPC – поддержка агропроизводственного сектора в рамках программы сотрудничества Стран Восточного Партнерства;
- Проект Inco Nct Ear – сфера взаимодействия: энергетика, здравоохранение, изменение климата;
- Проект SEWRE-R21 направлен на усиление связей с ЕС по реализации концепции «От исследований к инновациям». Задачи – планирование связей, анализ возможностей трансфера технологий, обмен лучшими практиками в сфере знаний и технологий (посредством проведения тренингов);
- Программа «Опытные эксперты из Нидерландов» (РИМ) – осуществляет консультационную поддержку малых и средних предприятий всех форм собственности; оказание помощи по поиску бизнес-партнеров в Голландии. Голландская программа берет на себя расходы на транспорт и проживание приглашаемого предпринимателя.

Уже этот далеко не полный перечень организаций и их проектов по поддержке малого инновационного бизнеса показывает, что усилиями администрации и инициативных менеджеров реально расширяются возможности развития этого бизнеса в Харьковском регионе.

Для Харькова в этой сфере может быть полезно использован и российский опыт. В России на ранних стадиях развития малого бизнеса, как и на Украине, большим препятствием было «фактическое отсутствие инфраструктуры поддержки малого бизнеса»³. Постепенно эта составляющая инновационного процесса уменьшает свой негатив. Уже на 2001 год «в 24 регионах России создано 50 инновационно-технологических центров, в которые входят сотни мелких технологических предприятий». В поддержку малого инновационного бизнеса вкладывает свои усилия и Ассоциация «Технопарк». Эта ассоциация объединяет 90 российских и зарубежных членов и курирует 50 технопарков, среди которых 30% устойчиво функционирующих.

Однако основной промышленный комплекс России в инновационном развитии отстает. По данным экспертной оценки освоение инноваций в промышленности осуществляют только 6,2% промышленных предприятий. Однако отдельные отрасли промышленности (медоборудования, нефтехимической, металлургии) показывают лучшие результаты (11÷17% инновационно активных предприятий), машиностроение — 7,9%.

Из изложенного материала следует, что как Украина, так и Россия, имеют достаточно обширный, но «точечный» опыт успешного развития малого бизнеса и из этого следует рассмотреть две задачи:

- отобрать из этого опыта самое лучшее в организационно-экономическом отношении;
- создать интегрированную инфраструктуру поддержки малого бизнеса.

Как показывает история передовых стран мира, вторая задача наиболее эффективно может быть решена в концепции создания Национальной инновационной системы, в которой отлаживаются (регулируются) отношения между крупным и малым бизнесом, определяются приоритеты и создаются комплексные программы поддержки лучших проектов на их переходном этапе от науки к производству.

¹ <http://www.inno.kharkov.ua>

² Карпченко Ю.В.

³ Цыганов А.Г. Инновации в малом бизнесе (Институциональный аспект) // Инновационная экономика России. 2008. – декабрь-февраль. – С. 168.

Горшкова Е.В.

к.э.н., доцент РЭУ

gorshkova.lena2011@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ КОНТРОЛЕРОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА

Ключевые слова: общественный транспорт, система профтехобразования, подготовка контролеров.

Проблемы общественного транспорта современных крупных городов постоянно находятся в центре внимания органов власти в связи с тем, что транспортная система обеспечивает жизнедеятельность хозяйствующих субъектов, поддерживает на высоком уровне качество жизни горожан, их социальную и трудовую мобильность. Неконтролируемый рост личного автотранспорта, плохое состояние дорожного полотна, неразвитость транспортной инфраструктуры порождают ухудшение пропускной способности дорог, рост дорожно-транспортных происшествий, становятся угрозой самому существованию городов.

Позиция столичного руководства изложена в Государственной программе города Москвы «Развитие транспортной системы на 2012–2016 гг.» (далее – Программа), целью которой является «обеспечение комфортных условий жизнедеятельности населения города Москвы путем развития устойчиво функционирующей, экономически эффективной, привлекательной и доступной для всех слоев населения системы городского пассажирского транспорта города Москвы в сочетании с развитием водного и железнодорожного транспорта». Одной из основных задач Программы названа реализация принципов доминирования общественного транспорта. До 2016 г. намечено увеличить объем перевозок общественным транспортом на 40% за счет повышения скорости передвижения и уменьшения времени на посадку пассажиров в крупных транспортно-пересадочных узлах.

Для реализации крупных транспортных проектов, контроля оплаты проезда и провоза багажа пассажирами общественного транспорта при Департаменте транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы в 2011 году создано Государственное казенное учреждение города Москвы «Организатор перевозок» (далее – Учреждение).

Контроль правил проезда и провоза багажа на городском общественном транспорте осуществляют должностные лица – специалисты-контролеры.

Контролером считают должностное лицо, которое осуществляет проверки в различных сферах экономики, некоторые специальности прямо указывают на род занятий: контролер ОТК, кассир-контролер, финансовый контролер, контролер ЖКХ, контролер банка и т.д.

Специалист-контролер на транспорте профессия не новая, еще в Мосгортрансе, который осуществляет перевозки пассажиров наземным транспортом, было создано подразделение, работники которого осуществляли контроль за проездом и провозом багажа.

Существенное отличие специалистов-контролеров Учреждения – то, что должностные лица этой организации уполномочены рассматривать дела и составлять протоколы об административных правонарушениях, а также изымать персонифицированные льготные карты. Для осуществления профессиональной деятельности контролеры должны обладать необходимыми теоретическими знаниями, особенно в области административного права, и практическими навыками. Законодательная база, определяющая порядок пассажирских перевозок в городе Москве и контроль за их осуществлением, достаточно обширная. Перечислим основные нормативные правовые акты, которые должен знать специалист-контролер:

- ФЗ №195 от 30.12.2001 г. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»;
- Закон города Москвы от 21.11.2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 14.02.2009 г. № 112 «Правила перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом»;
- Постановление Правительства Москвы от 02.09.2008 г. № 797-ПП «Правила пользования наземным городским транспортом общего пользования (трамваями, троллейбусами, автобусами) в городе Москве»;
- Постановление Правительства Москвы от 16.09.2008 г. № 844-ПП «Правила пользования Московским метрополитеном»;
- инструкции и методические рекомендации по вопросам осуществления контроля на транспорте;
- тарифы на перевозку пассажиров и провоз багажа, виды проездных документов, льготные категории граждан;
- правила работы с переносным устройством контроля (ПУСК)
- правила техники безопасности, производственной санитарии, противопожарной безопасности, установленные в Учреждении;
- регламент работы автоматизированной системой контроля прохода (АСКП), установленной в транспортных средствах.

И это далеко не полный перечень документов, с которыми должен ознакомиться новый работник.

Профессия специалист-контролер относится к социоэкономическому типу, предметом труда в ней является человек, профессии этого типа предполагают постоянную работу с людьми и постоянное общение в ходе профессиональной деятельности. До 80% рабочего времени контролера занято общением и 20% – оформлением процессуальных документов.

Количество людей, с которыми общается контролер за рабочую смену, может достигать 200–300 человек, поэтому контролеру необходимо иметь развитые коммуникативные способности, быть эмоционально устойчивым, уметь управлять конфликтными ситуациями, т.е. знать основы делового общения и конфликтологии.

В требованиях к образованию на вакансии контролера работодатель указывает высшее и среднее профессиональное, стаж работы от 3 лет, знание Кодекса РФ об административных правонарушениях, правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом, нормативных актов по вопросам осуществления контроля на транспорте, тарифов на перевозку пассажиров и провоза багажа, виды проездных документов, видов документов, на основании которых предоставляется право бесплатного проезда или на неполную оплату проезда.

В обязанности контролера входит:

- проведение контроля правил пользования наземным городским пассажирским транспортом города Москвы и привлечение к административной ответственности лиц, виновных в их нарушении;
- составление протоколов по делам об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена статьями 5.3, 10.1, 10.5 КоАП города Москвы;
- рассмотрение дел об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена статьями 10.1 и 10.5 КоАП города Москвы;
- изъятие социальных карт, в случае их использования для проезда на наземном городском пассажирском транспорте общего пользования (трамвай, троллейбус, автобус) лицами, не являющимися держателями соответствующих социальных карт.

Требования к личностным качествам: психологическая устойчивость, выдержка, тактичность в общении, уравновешенность, разборчивый почерк, грамотная речь и правописание.

На должность претендуют кандидаты, имеющие в основном среднее и среднее профессиональное образование.

Невысокий уровень предложений труда связан с низкой оплатой (32600 руб./мес.), отсутствием социального пакета, некомфортными условиями работы (передвижное рабочее место, улично-дорожная сеть, загазованность, электромагнитное излучение). В метрополитене, трамвае, троллейбусе огромные низкочастотные электромагнитные поля превышают норму в несколько сотен раз, что негативно сказывается на работе сердечнососудистой системы.

Для эффективного выполнения должностных обязанностей, подготовки контролеров к будущей деятельности в организации создана система внутрифирменного обучения персонала (далее – профессиональная подготовка). Целью обучения является формирование новых трудовых функций, связанных с выполнением должностных обязанностей, расширение и углубление специальных знаний и навыков.

Профессиональная подготовка осуществляется в соответствии с программой, учебно-тематическим планом, расписанием учебных занятий и другой документацией, необходимой для работы.

Содержание программ и учебно-тематических планов постоянно пересматривается при изменении нормативной правовой базы. В программу курса включены лекции, практические занятия и стажировка на линии. Контролеры получают раздаточный материал: учебно-методические и справочно-информационные пособия, помогающие им заниматься самостоятельно.

Во время обучения контролеры знакомятся с основами административного законодательства, с внутренними нормативными документами учреждения, осваивают методику правильного оформления процессуальных документов в соответствии с требованиями, предъявляемыми законодательством Российской Федерации и города Москвы.

Работа контролера общественного транспорта связана с высокими нервно-психическими нагрузками, большим количеством конфликтных ситуаций, поэтому в программу обучения включается занятие по основам делового общения и конфликтологии, во время которого формируются навыки разрешения конфликтов, даются рекомендации по поведению с агрессивными пассажирами.

Контролеры слушают лекцию по профилактике коррупционных правонарушений и правового просвещения работников, которая является одним из элементов комплекса мероприятий по выполнению Национального плана противодействия коррупции на 2012–2013 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.03.2012 № 297.

За 2013 год в Учреждении освоили новую трудовую функцию 731 человек, за 9 месяцев 2014 года – 356 человек. Штаты в основном укомплектованы и число вновь принятых работников уменьшилось по сравнению с прошлым годом.

В настоящее время обучение проводится по 40-часовой программе по 8 академических часов в день, 5 дней в неделю. В среднем, из группы в 10 чел. не сдают зачеты 2–3 человека, или до 30% от общего числа слушателей. В 2015 году для улучшения успеваемости планируется перейти на 70-часовую программу первоначального обучения, а также готовится курс лекций для дистанционного обучения.

После окончания обучения контролеры должны знать и понимать: нормативно-правовые документы, регламентирующие их деятельность, а также права и обязанности при выполнении должностных функций.

Среди компетенций, которыми должны обладать контролеры, можно выделить основные:

- использование нормативных правовых актов Российской Федерации и города Москвы, регламентирующих деятельность контролеров, в практической деятельности;
- правильная квалификация выявленных нарушений административного законодательства Российской Федерации и города Москвы на общественном транспорте;
- в соответствии с действующим законодательством оформление процессуальных документов по делам об административных правонарушениях;
- умение вести себя в конфликтной ситуации, особенно с агрессивными пассажирами;
- знание приемов снятия стресса и умение применять их на практике;
- применение при исполнении должностных обязанностей требования безопасности.

Подготовкой контролеров для различных сфер деятельности занимается множество учебных учреждений: экономические вузы готовят контролеров бухгалтерского учета, аудита, финансов, налоговых инспекторов, технические вузы – контролеров ОТК.

Специализированных учебных учреждений, готовящих контролеров общественного транспорта не существует, считается, что эта профессия не нуждается в специальном образовании.

Система профтехобразования в настоящее время недостаточно эффективно работает, не полностью соответствует заявкам экономики на квалифицированные кадры, нуждается в модернизации, качественном обновлении. Неудовлетворительное положение дел в воспроизведении трудового потенциала во многих организациях решают самостоятельно посредством внутрифирменного обучения и подготовки специалистов нужной квалификации.

Таким образом, внутрифирменное обучение в Учреждении – единственный вариант подготовить контролеров к выполнению должностных обязанностей, адаптировать их к новым условиям работы.

Гудкова А.А.

к.э.н., начальник отдела НИИ РИНКЦЭ
ang-gudkova@yandex.ru

Турко Т.И.

к.б.н., директор центра НИИ РИНКЦЭ
ttamara@extech.ru

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА

Ключевые слова: инновационная деятельность, инновационная активность предприятий, технологические инновации, региональное развитие, регионы РФ, территории опережающего развития, инновационные кластеры.

Экономика субъекта Российской Федерации является подсистемой национального народнохозяйственного комплекса, функционируя в соответствии с общими требованиями развития российской экономики с учетом региональных особенностей. Государственное регулирование инновационного развития на территории субъекта Российской Федерации обусловлено ролью инновационной сферы в развитии региона, которая выражается в ее способности обеспечить техническое перевооружение производства и повышение конкурентоспособности производимой в регионе продукции.

О недостаточном развитии инновационной деятельности в регионах Российской Федерации свидетельствуют статистические данные об уровне инновационной активности организаций промышленного производства и сферы услуг. В 2009–2013 гг. величина этого показателя по организациям, осуществляющим технологические, организационные и маркетинговые инновации варьировала в целом по стране в диапазоне 7,7–9,1%, а организаций, осуществляющих технологические инновации, –7,7–8,9% (см. табл. 1¹).

Таблица 1

Удельный вес организаций, осуществлявших инновации, по федеральным округам, %

	Технологические, организационные, маркетинговые инновации					Технологические инновации				
	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Российская Федерация	9,3	9,5	10,4	10,3	10,1	7,7	7,9	8,9	9,1	8,9
Федеральные округа										
Центральный	8,8	8,6	10,2	10,9	10,7	7,4	7,3	8,8	9,7	9,6
Северо-Западный	9,5	9,4	11,2	11,0	10,7	8,2	7,6	9,5	9,5	9,2
Южный	7,2	7,5	6,5	7,4	7,2	6,1	6,2	5,3	6,3	6,2
Северо-Кавказский	5,8	6,2	5,2	6,4	5,9	4,8	5,0	4,2	5,6	5,3
Приволжский	12,8	12,3	12,7	11,9	11,7	10,5	10,2	11,2	10,8	10,4
Уральский	10,2	11,5	11,5	10,6	9,6	8,1	9,6	9,8	9,0	8,0
Сибирский	7,3	8,2	8,8	8,5	9,1	6,1	6,8	7,6	7,7	8,2
Дальневосточный	8,3	8,6	11,2	10,8	9,5	6,5	7,0	9,6	9,6	8,3

Инновационная активность организаций в большинстве федеральных округов характеризовалась отсутствием устойчивой динамики. При этом положительные результаты были достигнуты, к примеру, организациями Поволжья. Здесь величина удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, отмечалась выше среднероссийского уровня (10,2–11,2%).

Заметное отставание по уровню инновационной активности от других округов было характерно для Южного и Северо-Кавказского округов – от 6,5 до 7,5% и от 5,2 до 6,2% соответственно по организациям, осуществляющим все виды инноваций.

¹ Составлено по данным Росстата России за 2009–2013 гг. «Регионы России. Социально-экономические показатели». – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications. Данные за 2013 г. здесь и далее приведены по состоянию на 04.09.2014 г.

Относительно устойчивая динамика этого показателя отмечалась в Центральном (ЦФО) и Сибирском (СФО) федеральных округах. Анализ показателей инновационной активности в субъектах Российской Федерации этих двух федеральных округов позволил выявить следующие тенденции¹.

В ЦФО лидером инновационного развития является г. Москва, что обусловлено максимальной концентрацией интеллектуального потенциала, во многом влияющего на уровень наукоемкого производства, темпы обновления экономики и распространение инноваций. В 2013 г. общий уровень инновационной активности организаций, сосредоточенных в г. Москве, составил 18,3%, а осуществляющих технологические инновации – 17,4%, что выше среднего показателя как по организациям промышленного производства Российской Федерации в целом, так и по ЦФО.

Устойчивое инновационное развитие на протяжении трех последних лет в части осуществления технологических инноваций было характерно для организаций Липецкой области (с 8,8% в 2011 г. до 15,6% в 2013 г.). Данному обстоятельству способствовали крупные инвестиционные проекты, направленные на глубокую модернизацию существующих крупных металлургических производств и расширение производственных мощностей по производству продукции повышенной технологической готовности.

Сопутствующим фактором роста уровня инновационной активности в части осуществления технологических инноваций в Тверской области (с 3,5% в 2009 г. до 9,2% в 2013 г.) являлось использование механизма государственно-частного партнерства для развития промышленных площадок и индустриальных парков.

Среди субъектов Российской Федерации ЦФО затруднительно выделить очевидных аутсайдеров. Выше приведенный пример по Тверской области продемонстрировал как за счет проведения соответствующих мероприятий в рамках государственной региональной инновационной политики можно получить положительные результаты.

В СФО положительные результаты по осуществлению инноваций показывает четверть регионов округа. В их число входят Республика Алтай, Алтайский и Красноярский края, Томская область. Это регионы со сбалансированной промышленной экономикой и сравнительно высоким уровнем развития инфраструктуры и освоенности территории. Здесь сосредоточен основной научно-образовательный потенциал, организации обрабатывающей и перерабатывающей промышленности.

По уровню инновационной активности наиболее динамичное развитие характерно для Республики Алтай, в которой за 2009–2013 гг. этот показатель по организациям, осуществляющим все виды инноваций, вырос с 5,5% до 19,4%. Ведущими отраслями являются промышленность строительных материалов, пищевая промышленность, цветная металлургия, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность.

Фактором, способствующим росту уровня инновационной активности организаций Томской и Новосибирской областей, является наличие научных центров и национальных исследовательских университетов. За 2009–2013 гг. уровень инновационной активности организаций Томской области, осуществляющих технологические инновации, составлял 10,1–15,5%, что выше не только по округу (8,2% в 2013 г.), но и по Российской Федерации в целом (8,9% в 2013 г.). В Новосибирской области этот показатель увеличился с 4,3% в 2009 г. до 9,4% в 2013 г.

Кемеровская область, входящая в состав СФО, по инновационности производства значительно уступает другим регионам округа. Уровень инновационной активности организаций, осуществляющих все виды инноваций, в 2009–2013 гг. составлял 4,6–6,4%, а организаций, осуществляющих технологические инновации, – 3,9–5,1%. При этом следует отметить, что регион является промышленным и характеризуется ярко выраженной специализацией, относительно высоким уровнем развития ресурсных отраслей. Ведущими отраслями промышленности Кемеровской области являются черная и цветная металлургия, угольная промышленность, электроэнергетика, химическая промышленность, машиностроение и металлообработка. Вывод, который следует из выше сказанного, заключается в необходимости усиления мер государственного регулирования инновационной деятельности в регионе.

Важным фактором, обеспечивающим инновационное развитие, является интенсивность затрат на технологические инновации. Как следует из данных табл. 2, во всех федеральных округах отсутствует устойчивая динамика показателя удельного веса затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг.

Таблица 2

Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, по федеральным округам Российской Федерации, %

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Российская Федерация	1,93	1,55	2,20	2,52	2,90
Федеральные округа					
Центральный	1,78	1,54	3,16	3,32	2,90
Северо-Западный	1,46	1,23	2,09	2,02	3,72
Южный	0,80	0,76	0,94	2,22	2,22
Северо-Кавказский	1,16	2,01	0,60	0,83	1,49
Приволжский	1,90	1,49	2,38	3,27	3,57
Уральский	1,97	1,85	1,59	1,47	1,81
Сибирский	1,20	1,60	1,57	1,90	2,93
Дальневосточный	7,88	2,25	2,11	2,75	2,79

¹ Здесь и далее источником получения статистической информации в разрезе регионов являются сборники Росстата России за 2009–2013 гг. «Регионы России. Социально-экономические показатели». – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications

При этом в 2013 г. в трех федеральных округах (Северо-Западном (С-ЗФО), Приволжском (ПрФО) и Сибирском) достигнутое значение показателя интенсивности на технологические инновации было выше средней по Российской Федерации величины: 3,72, 3,57 и 2,93% по округам соответственно.

Анализ статистических данных по регионам С-ЗФО показал наличие устойчивой динамики интенсивности затрат на технологические инновации в двух субъектах региона:

– в г. Санкт-Петербурге; показатель доли затрат на технологические инновации в общем объеме произведенной в этом субъекте Российской Федерации продукции увеличился с 1,82% в 2009 г. до 3,64% в 2013 г.;

– в Ленинградской области – с 2,89% до 16,7%. Примечательно, что средства, направляемые на технологическое обновление производства области, в 2013 г. по сравнению с предыдущим годом возросли в 6,6 раза.

В ПрФО в 2013 г. показатель интенсивности затрат на технологические инновации почти в половине регионов превысил средний по округу уровень (в размере 3,57%). Это такие промышленные регионы округа как Республика Татарстан (величина показателя составила 4,21%), Чувашская Республика (3,97%), Пермский край (3,38%), Нижегородская (6,39%), Пензенская (4,47%) и Самарская области (6,30%).

В Красноярском крае, входящим в состав СФО, величина показателя удельного веса затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг в 2013 г. существенно превысила уровень прошлых лет, составив 6,37% (к примеру, 1,33% в 2009 г. и 2,37% в 2012 г.). Достижение такого максимального значения было обеспечено за счет увеличения средств, направляемых на технические перевооружение предприятий края (в 2,7 раза по сравнению с предыдущим годом).

В другом регионе СФО – в Омской области – значение этого показателя на протяжении периода 2009–2013 гг. оставалось выше среднего по округу. Но при этом следует отметить его снижение: с 9,12% в 2010 г., 4,25% в 2011 г., 3,46% в 2012 г., до 3,42% в 2013 г.

Положительная динамика интенсивности затрат на технологические инновации была характерна для организаций Томской области: от 1,02% в 2010 г., 1,54%–1,56% в 2011–2012 гг. и 2,74% в 2013 г.

Рост объемов инновационной продукции в разрезе федеральных округов фиксировался во всех округах за исключением Южного округа. При этом устойчивая динамика роста этого показателя была характерна для ПрФО (9,3% в 2009 г. – 14,2% в 2013 г.) и Дальневосточного округов (с 1,6% до 23,5%). Практически в 3 раза ниже среднего по стране уровня показатель удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг сложился в Уральском и Дальневосточном федеральных округах (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %

	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг				
	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Российская Федерация	4,5	4,8	6,3	8,0	9,2
Федеральные округа					
Центральный	4,4	4,3	5,5	10,2	11,4
Северо-Западный	3,1	4,1	5,2	7,3	9,3
Южный	6,1	6,5	3,7	3,0	3,4
Северо-Кавказский	6,9	8,5	9,1	7,8	6,4
Приволжский	9,3	10,2	11,3	12,7	14,2
Уральский	2,1	2,2	2,7	2,1	2,6
Сибирский	1,5	1,5	2,2	2,7	3,3
Дальневосточный	1,6	1,5	20,3	22,6	23,5

На активизацию инновационной деятельности оказывают влияние два стратегических фактора: стратегии инновационных предприятий и стратегии развития федеральных округов (стратегии развития регионов).

Типология стратегий инновационных предприятий, представленная в «Российском инновационном индексе»¹, основана на различиях в уровне конкурентоспособности инноваций и способности компаний к созданию нового знания или заимствованию готовых нововведений. Авторы выделяют следующие типы стратегий инновационных предприятий:

- инноваторы на международном рынке;
- инноваторы на национальном рынке;
- имитаторы на международном рынке (компании, способные обеспечить заимствование и дальнейшее распространение передовых технологий);
- имитаторы на национальном рынке (компании, разрабатывающие собственными силами инновации, не являющиеся новыми для приоритетных рынков компаний);
- технологические заимствования (инновации для компаний разрабатывают сторонние организации);
- незавершенные инновации (компании, вовлеченные в инновационную деятельность, но при этом не осуществившие внедрение нововведений).

¹ Российский инновационный индекс / Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – С. 18.

Доля организаций, реализующих первые два типа стратегий, составляет не более 7,0% от общего числа инновационно-активных организаций страны.

Принципиально новые технологии используют не более 10,0% инновационно-активных организаций страны. В 2012 г. доля организаций, создавших (разрабатывающих) принципиально новые технологии составила 9,1% (от 492 организаций), а создавших новые для России технологии – 90,9%¹.

Основная часть организаций, создавших (разрабатывающих) в 2012 г. передовые производственные технологии, расположена в ЦФО (доля округа составила 28,9%), ПрФО (24,6%) и С-ЗФО (19,9%). Именно в этих округах было создано наибольшее количество новых для России и принципиально новых технологий: в Центральном – 28,9%, Северо-Западном – 24,2% и Приволжском – 19,3% от общего числа разработанных в стране передовых производственных технологий (1323 единицы).

Авторы «Российского инновационного индекса» отмечают, что наиболее распространенным типом стратегии инновационных предприятий является пассивное технологическое заимствование. Доля предприятий, ориентированных на этот тип стратегии, составляет немногим более 34,0%².

Региональное инновационное развитие предполагает решение проблемы активизации инновационной деятельности двумя путями. Первый – на уровне самого предприятия посредством повышения эффективности структуры управления за счет выбора рациональной технологии управления. Второй – использование инструментов и механизмов, предусмотренных в стратегиях развития территорий.

Ориентация на повышение конкурентоспособности регионов предполагает проведение технологического перевооружения промышленности, получение реальной «отдачи» от регионального научно-технического комплекса, усиление кооперирования технологических и производственно-сбытовых связей.

Для создания конкурентоспособной продукции необходимо обеспечить замену морально устаревшего и физически изношенного оборудования. Практика показывает, что решение этой проблемы обеспечивается по следующим направлениям:

- проведение точечной реструктуризации производственных процессов путем закупки необходимого для переоснащения предприятий передового оборудования;

- внедрение в производство технологий, основанных на результатах НИОКР.

Реализация этих направлений обеспечивается за счет инвестиционных проектов. Эффективность инвестиций зависит от ряда факторов, значительными из которых являются: норма прибыли на вложенный капитал, сроки окупаемости проекта, соотношение между средней по периоду инвестиций нормой прибыли и инфляцией и др.

Инвестиционные проекты различаются временными горизонтами планирования. Кроме того они связаны с неопределенностью изменений во внешней среде (к примеру, влиянием санкций со стороны Европейского Союза против российской компании).

Зачастую проекты с относительно небольшими горизонтами планирования направлены на замену физически изношенного и морально устаревшего оборудования и закупку зарубежных технологий. Здесь важно, как отмечается в Послании Президента Российской Федерации от 04.12.2014 г.³, снять зависимость от зарубежных технологий, а также учитывать то, что на мировой рынок поступает уже подверженная моральному износу продукция (оборудование, технологии), поэтому за рубежом должно приобретаться действительно уникальное оборудование. Инвестиционные проекты, связанные с закупками морально устаревшего импортного оборудования и технологий, являются сдерживающими для технологического развития промышленности регионов.

Наличие в регионе научно-технического комплекса, его финансовое обеспечение оказывает влияние на формирование среды инновационного развития промышленного производства. Особенно негативным является снижение затрат на науку как по абсолютным, так и относительным показателям. В таблице 4 отражена динамика макроэкономических показателей, формирующих среду для развития промышленности, в разрезе федеральных округов.

Таблица 4

Макроэкономические показатели в разрезе федеральных округов

Года	Внутренние затраты на исследования и разработки (в текущих ценах, млн. руб.)	Валовой региональный продукт (ВРП) (в текущих ценах, млн. руб.)	Внутренние затраты на исследования и разработки к ВРП, %	Инвестиции в основной капитал (млн. руб.)
1	2	3	4	5
Центральный федеральный округ				
2005	120 183,	4 586 797,8	2,6	964 158
2007	206 465,2	7 849 633,7	2,6	1 779 599
2009	277 118,3	12 927 399,3	2,1	1 928 138
2012	36 906,5	16 170 448,5	2,3	2 689 587

¹ Статистическая форма 1-технология «Сведения о разработке и использовании передовых производственных технологий» за 2012 г.

² Российский инновационный индекс /Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – С. 18.

³ <http://www.kremlin.ru/news/47173>

1	2	3	4	5
Северо-Западный федеральный округ				
2005	30 988,3	1 475 445,8	2,1	483 265
2007	48 087,8	2 168 428,2	2,2	832 478
2009	64 643,9	3 400 346,8	1,9	933 693
2012	100 002,7	4 710 926,6	2,1	1 449 190
Южный и Северо-Кавказский федеральный округ				
2005	6799,8	1 085 520,6	0,7	338 421
2007	12 752,5	1 611 037,4	0,8	696 799
2009	14 550,1	2 744 849,7	0,5	976 467
2012	15 471,7	3 809 923,3	0,4	1 629 381
Приволжский федеральный округ				
2005	38 240,0	2 414 936,4	1,6	609 499
2007	51 207,1	3 519 037,4	1,5	1 148 397
2009	63 513,7	5 349 089,1	1,2	1 279 154
2012	109 155,0	6 987 511,5	1,6	1 980 652
Уральский федеральный округ				
2005	13 749,2	2 613 950,2	0,5	593 370
2007	21 300,1	3 772 730,5	0,6	1 113 151
2009	24 294,3	4 859 429,7	0,5	1 337 857
2012	40 420,2	6 270 016,8	0,6	1 994 686
Сибирский федеральный округ				
2005	15 001,1	1 693 933,8	0,9	346 105
2007	23 846,7	2 390 625,3	1,0	708 951
2009	31 539,5	3 491 449,3	0,9	834 593
2012	47 011,7	4 795 595,4	1,0	1 416 604
Дальневосточный федеральный округ				
2005	4923,6	684 508,1	0,7	276 291
2007	7421,0	980 959,3	0,8	436 849
2009	10 174,6	1 547 812,6	0,7	686 111
2012	12 144,6	2 520 793,5	0,5	940 142

В целом по Российской Федерации отношение внутренних затрат на исследования и разработки к валовому внутреннему продукту в 2005–2011 гг. составило 1,07% в 2005 г., 1,25% в 2009 г. и 1,12% в 2011 г.¹

В Южном, Северо-Кавказском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах достигнутые значения показателя внутренних затрат на исследования и разработки к региональному внутреннему продукту фиксировались на уровне более низком, чем общероссийский уровень (табл. 4). Сохранение такой динамики является негативной тенденцией и является предпосылкой к деградации производства регионов.

Общеизвестно, что регулирование комплексного развития регионов охватывает территориальный и отраслевой аспекты. Это выдвигает требования к формированию, трансформации и развитию территориальных производственных систем через воздействие на систему отраслевого регионального производства. Речь идет о комплексном подходе к региональному экономическому развитию, который «... дополняет эффективную территориальную специализацию, обеспечивает более успешное развитие отраслей специализации, диверсифицирует отраслевую структуру хозяйства региона и тем самым повышает устойчивость функционирования и развития всего территориального производственно-социального комплекса»².

Важнейшими факторами, влияющими на структуру промышленности региона, являются:

- планируемые темпы развития отраслей регионального производства;
- специализация, концентрация и кооперация производства;
- научно-технический прогресс;
- сырьевые ресурсы региона;
- позиция региона в федеральном округе, в стране и на мировом рынке и др.

Принятые в регионах стратегии социально-экономического развития отражают цели и направления развития территорий на тот или иной период, основываясь на следующей идеологии:

- поляризованное развитие территорий посредством формирования кластеров. Это направление развития обусловлено тем, что регионы, как правило, обладают набором отраслей и предприятий, имеющих конкурентоспособный потенциал роста. Тем самым образуются «полюса или точки роста», стимулирующие рост других предприятий и отраслей. За счет лидирующих отраслей порождается эффект агломерации, основанный на объединении в рамках определенной территории дополняющих друг друга видов деятельности («зоны влияния»);
- ориентация на инновационное развитие региона посредством проведения инновационной политики, направленной на стимулирование инновационной деятельности, высокотехнологичных отраслей и предприятий.

Такой подход к развитию территорий строится по схеме «территориального пространства потоков» (финансы, технологии, человеческий капитал).

¹ Наука России в цифрах: 2012. Стат. сб. – М.: ЦИСН, 2012. – С. 75.

² Бандурин В., Чуб Б. Оценка инвестиционного потенциала субъектной российской экономики на мезоуровне. – М.: Буквица, 2001.

Так, в ЦФО при реализации основных положений Стратегии социально-экономического развития округа на период до 2020 года в число важных направлений государственной инновационной политики входит выявление возможностей для формирования кластеров в различных сферах экономики, создание условий для их развития с учетом перспективной экономической специализации.

Кластеры, которые созданы, а также формируемые, отражают научно-технический и инновационный потенциал и специфику развития отдельных регионов ЦФО, в частности: Белгородской области – биофармацевтика; Курской области – биотехнологии и фармацевтика, производство автокомпонентов, запасных частей и техники для агропромышленного комплекса; Брянской области – транспортное машиностроение, производство дорожно-строительной и сельскохозяйственной техники; Воронежской области – нефтегазохимическая промышленность, сельскохозяйственное машиностроение и радиоэлектронная промышленность и др.

В С-ЗФО усилия органов исполнительной власти регионов сосредоточены на развитии территорий, которые имеют наилучшие условия для формирования и развития «полюсов роста». В частности, созданы промышленные кластеры автомобилестроения, металлургии, мебельной промышленности, производства стройматериалов, оборудования и машин для жилищно-коммунального хозяйства, медицинского оборудования, фармацевтики, судостроения и радиоэлектроники. Центрами для локализации кластерных производств являются г. Санкт-Петербург, областные центры округа, а также города Череповец (металлургия) и Северодвинск (судостроение).

В Уральском федеральном округе на базе крупных инвестиционных проектов формируются зоны опережающего развития (к примеру, Урал Промышленный – Урал Полярный, Полуостров Ямал), территориальные промышленные кластеры, ориентированные на добычу и глубокую переработку сырья, производство энергии с использованием высококомеханизированных, ресурсосберегающих инновационных технологий (Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ).

Направления развития территорий, описанные на примере трех федеральных округов, показывают, что они вписываются в логику формирования территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) с определенной отраслевой специализацией. В функции ТОР, в частности, входит развитие экономических связей между регионами, входящими в состав федерального округа.

Правовой режим ТОРов установлен Федеральным законом от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ». В соответствии с законом ТОР – это часть территории субъекта РФ (включая ЗАТО), на которой в соответствии с решением Правительства РФ установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

Особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности на территории ТОР включает в себя, в том числе: особенности налогообложения резидентов; применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны; приоритетное подключение к объектам инфраструктуры территории опережающего социально-экономического развития.

Федеральным законом установлены также особенности:

- регулирования отдельных отношений, связанных с функционированием территории опережающего социально-экономического развития (особенности осуществления трудовой, медицинской, образовательной деятельности и т.д.);
- создания и функционирования институтов развития Дальнего Востока (отдельные меры государственной поддержки субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа);
- создания территорий опережающего социально-экономического развития в монопрофильных муниципальных образованиях РФ (моногородах).

До 2014 г. инновационные стратегии развития федеральных округов реализовывались через инновационные программы (проекты) и мероприятия, которые предусматривались в программах развития регионов. Программы (проекты) формировались на основе следующих системообразующих принципов:

- использование бюджетных ассигнований в качестве «катализатора» для привлечения внебюджетных средств;
- создание условий для сотрудничества органов исполнительной власти, бизнеса, некоммерческих и общественных организаций на основе сочетания экономических интересов и взаимных обязательств;
- содействие формированию кластеров по приоритетным направлениям инновационной деятельности.

Реализация построенной на этих принципах программы должна была обеспечивать:

- непрерывность инновационного цикла;
- сбалансированность этапов при ориентации на конечный результат – серийный выпуск наукоемкой конкурентоспособной продукции;
- ориентацию инноваций на решение наиболее актуальных задач технологического перевооружения и др.

Анализ реализации региональных программ показал, что они не обеспечивали в достаточной мере формирование устойчивых потоков технологий. Хотя эти программы в определенной степени и содействовали развитию того или иного элемента инновационной системы, однако не учитывали основного фактора (принципа) инновационной экономики – обеспечение эффективного взаимодействия всех ее элементов. По своей сути, программы, несмотря на название «инновационная программа», инновационными не являлись. Статус инновационной программы предполагает обеспечение непрерывности цикла «исследования – разработка – производство – реализация».

В качестве примера можно сослаться на государственные программы двух регионов, в которых эти программы были сформированы с учетом обеспечения непрерывности инновационного цикла:

– государственная программа «Экономическое развитие Вологодской области на 2014-2020 годы», утвержденная постановлением Правительства Вологодской области от 28.10.2013 № 1111 (в ее состав входит подраздел «Наука и инновации Вологодской области»);

– государственная программа «Развитие промышленности и инноваций Нижегородской области», утвержденная постановлением Правительства Нижегородской области от 30.04.2014 № 297.

Принимая во внимание неизбежность и даже полезность эволюционного подхода, в качестве базового механизма координации региональных государственных программ и регионального заказа целесообразно рассматривать стратегии инновационного развития федеральных округов. При этом практическая реализация стратегий федеральных округов потребует внесения изменений в формирование реестра продукции, поставляемой по региональному заказу.

Важным направлением региональной государственной инновационной политики является формирование кластеров. Для экономики субъектов Российской Федерации кластеры являются своеобразными «точками роста», что обусловлено развитием взаимосвязей внутри кластера за счет свободного обмена информацией и быстрого распространения новшеств по каналам поставщиков или потребителей.

В настоящее время федеральные органы исполнительной власти оказывают поддержку существующим кластерам и концентрируют усилия на создании новых сетей, сами становясь участниками сетей. Эффективность функционирования кластеров может быть обеспечена за счет реализации следующих мероприятий:

– создание межрегиональных институтов поддержки развития кластеров (центров кластерного развития для субъектов малого и среднего предпринимательства, ассоциаций и объединений предприятий, фондов финансовой поддержки кластерных проектов) и разработку долгосрочных стратегий развития кластеров;

– развитие всех видов инфраструктуры (транспортной, энергетической, инженерной, социальной, научно-образовательной, финансовой и пр.), направленной на улучшение условий конкуренции и облегчение создания новых предприятий в развиваемых кластерах, в том числе путем создания специальных форм пространственной организации (технопарки, промышленные парки, особые экономические зоны и т.д.);

– разработка программ поддержки предприятий развиваемых кластеров, включая поддержку экспорта производимой продукции, поддержку приобретения и внедрения критических технологий, новейшего оборудования, улучшение корпоративного управления, обмена опытом между участниками кластеров.

Основные приоритеты кластерной политики должны определяться, исходя из выделения нескольких групп отраслей с различным уровнем и потенциалом, значением для экономики области, наличием факторов производства, масштаба рынков, на котором присутствуют предприятия, а также прогнозной динамики развития основных рынков сбыта.

Именно на формирование новых инновационных кластеров и организацию их сетевого взаимодействия должно быть направлено решение проблемы догоняющего развития в ряде федеральных округов с низкой динамикой инновационного развития (например, в Северо-Кавказском округе). Такое взаимодействие может быть обеспечено за счет реализации сетевых проектов в научно-инновационной сфере, активизации деятельности центров коллективного пользования и научно-инновационной активности ведущих высших учебных заведений.

Подводя общий итог, следует отметить, что дальнейшие перспективы инновационного развития регионов связаны с пространственной трансформацией страны в соответствии с задачами социально-экономического роста территорий.

Гуриева Л.К.

д.э.н., профессор Финансового университета (Владикавказский филиал)
443879@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: *миграционные процессы, региональное развитие, стратегическая конкурентоспособность.*

Миграция населения – это сложный процесс, который касается многих сторон социально-экономической, общественно-политической, национально-культурной жизни всех стран и регионов. Миграционный процесс имеет сложные формы проявления и сложные последствия. Интенсивные миграционные процессы приводят к существенным изменениям социальной структуры населения и его территориального размещения. За счет миграции происходит обмен навыками труда, производственным опытом. Она способствует развитию личности, оказывает влияние на семейный состав, на половозрастную структуру, а также на профессиональную и отраслевую мобильность.

Миграция также оказывает непосредственное воздействие на демографические процессы. В результате миграционных перемещений происходят изменения в половозрастной структуре населения в тех районах, откуда идет отток мигрантов и куда идет приток мигрантов. Там, где отток превышает темпы воспроизводства населения, его численность сокращается, это приводит к снижению рождаемости, так как мигрирует в основном молодое поколение. В этих районах увеличивается численность населения старшего поколения. А в районах, куда мигрирует молодое население, увеличивается уровень воспроизводства населения. Не менее активную роль миграция играет в процессах урбанизации, так как происходит неравномерное расселение населения в городах и селах: люди покидают сельские местности и переезжают в города.

Но самое главное с точки зрения развития экономики это то, что миграция участвует в территориальном перераспределении населения и трудовых ресурсов, в развитии качественных характеристик экономики региона. Привлечение высококвалифицированных специалистов в регионы позволяет осваивать технически сложные производства. Часто переселенцы создают новые города, сельскохозяйственные предприятия, промышленные объекты, это повышает экономический потенциал территории. Но неорганизованные массовые переезды мигрантов в районы, где низок уровень социально-экономического развития, может вызвать сложности с материальными и культурно-бытовыми условиями жизни населения в таких районах, мигранты имеют некоторые сложности с приживаемостью, ухудшается текучесть населения. А факт массового приезда вынужденных переселенцев требует больших расходов на предоставление им жилья, социальных выплат, обеспечение рабочими местами.

Огромное влияние миграция оказывает на рынок труда. При выезде населения из региона сокращается предложение рабочей силы, при въезде – увеличивается. В данном случае конкуренция на рынке рабочей силы обостряется.

Современные межгосударственные миграционные потоки ориентированы из менее развитых в более развитые страны и регионы с высоким уровнем заработной платы и лучшими социально-экономическими условиями. Так, Россия и США, по данным 2013 года, стали мировыми лидерами по числу мигрантов. Согласно данным доклада, подготовленного департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам, Россия занимает второе место в мире после США по количеству мигрантов, проживающих в стране: в США в настоящее время проживает 45,8 млн. мигрантов, а в России сейчас находится более 11 млн. мигрантов [1, с. 1].

По оценкам экспертов ООН в различные виды миграции в мире ежегодно вовлечено около 2–3% населения. В некоторых странах эта цифра может быть гораздо выше – например, ежегодно только во внутренних миграциях в США участвуют до 15% населения [2, с. 14], в России эта цифра составляет около 1–2%, если учитывать миграцию, связанную со сменой места жительства, или 5–6% с учетом различных форм временной миграции. [3, с. 3].

Показатели и факторы миграции в Российской Федерации как самого большого по территории и одного из самых многонациональных государств в разных регионах различны, что требует со стороны региональных органов государственного управления постановки эффективной системы постоянного мониторинга миграционных потоков, профессиональной экспертной оценки причин, лежащих в основе смены жительства людей, и разработки мер краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного регулирования миграционных потоков с учетом стратегических целей социально-экономического развития регионов и Российской Федерации в целом.

Благодаря своему геополитическому положению и природно-климатическим условиям Северный Кавказ традиционно являлся принимающей территорией как для россиян, так и для жителей других стран. Например, за 1990–2010 гг. миграционный прирост населения района составил 1,1 млн. человек. Такие масштабы иммиграции во все субъекты СКФО, за исключением Чеченской Республики, были связаны с Чеченской войной и межнациональными конфликтами на Северном Кавказе, ухудшением социально-экономического положения и общественно политической обстановки на постсоветском пространстве. В последние годы ситуация резко изменилась, и регионы СКФО уже

имеют отрицательное сальдо миграции, о чем свидетельствуют данные табл. 1. По сути, положительное сальдо миграции наблюдается только в Республике Ингушетия и Ставропольском крае, причем с явной тенденцией к сокращению в 2013 году, что подтверждается официальными данными региональных органов статистики субъектов СКФО.

Таким образом, субъекты Северо-Кавказского федерального округа из традиционно принимающих всего за 2 года де факто стали покидаемыми.

Таблица 1

Коэффициенты миграционного прироста населения по субъектам Северо-Кавказского федерального округа РФ в 2000–2012 гг. (миграционный прирост за год на 10 000 человек населения)

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Северо-Кавказский федеральный округ	–1	39	43	83	30	29	6	–10	–41
Республика Дагестан	72	154	179	153	73	92	147	–52	–82
Республика Ингушетия	2466	–485	–364	–177	–91	–135	216	380	92
Кабардино-Балкарская Республика	88	–158	–120	–48	–43	–36	–86	–75	–72
Карачаево-Черкесская Республика	39	110	98	20	79	25	–19	–134	–99
Республика Северная Осетия – Алания	85	–9	–26	–26	–27	–21	–0,4	–66	–87
Чеченская Республика	–1771	–18	–16	190	–33	–84	–574	–58	–35
Ставропольский край	41	97	64	111	60	63	65	49	8

Составлено по: Демографический ежегодник России. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012; Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.

Для Республики Северная Осетия-Алания миграция – явление не новое; на ее территории всегда происходили довольно масштабные внешние или внутренние миграционные процессы. Интенсивность направления и структура миграционных потоков менялась в зависимости от созданной общественно-политической, социально-экономической или военно-террористической обстановки на том или ином историческом этапе [4, с. 121–125; 5, с. 60–63; 6]. Общую миграционную обстановку Северной Осетии в последнее десятилетие можно оценить по данным табл. 2 и рис. 1.

Как видно из рис. 1, поток убывающего населения растет сравнительно большими темпами, а с 2010 года отрицательное сальдо миграции РСО-Алания растет по экспоненте.

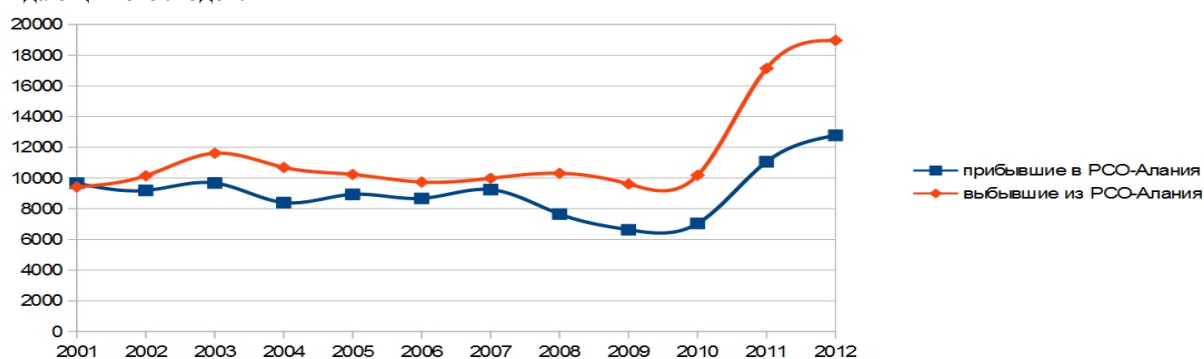
Таблица 2

Общая миграционная подвижность населения РСО – Алания в период 2001–2012 гг., человек

Годы	Абсолютные данные		
	прибывшие	выбывшие	Сальдо («+» увеличение численности населения, «–» уменьшение численности населения)
2001	9657	9416	241
2002	9192	10 149	–957
2003	9674	11 615	–1991
2004	8403	10 694	–2291
2005	8935	10 231	–1296
2006	8675	9739	–1064
2007	9245	9983	–738
2008	7652	10 307	–2655
2009	6632	9611	–2979
2010	7037	10 179	–3142
2011	11 057	17 139	–6082
2012	12 775	18 960	–6185

Составлено по: Демографический ежегодник России. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012; Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.

Анализ данных табл. 2 и рис. 1 показывает, что в 2001–2012 гг. наблюдается как рост прибывающих в регион, так и рост покидающих его людей.

Источник: составлено по данным таблицы 2.

Рисунок 1.
Миграционные потоки населения РСО – Алания в период 2001–2012 гг., человек

**Естественный прирост населения в регионах Северо-Кавказского федерального округа
в 2011–2012 гг.**

	Всего, человек			На 1000 человек населения		
	Родившихся	умерших	естественный прирост	Родившихся	умерших	естественный прирост
Северо-Кавказский федеральный округ						
2011	165 890	80 277	85 613	17,5	8,5	9,0
2012	166 020	78 823	87 197	17,4	8,3	9,1
Республика Дагестан						
2011	54 646	16 872	37 774	18,7	5,8	12,9
2012	56 186	16 642	39 544	19,1	5,7	13,4
Республика Ингушетия						
2011	11 408	1705	9703	27,0	4,0	23,0
2012	9350	1595	7755	21,4	3,7	17,7
Кабардино-Балкарская Республика						
2011	12 926	8107	4819	15,0	9,4	5,6
2012	13 786	7709	6077	16,0	9,0	7,0
Карачаево-Черкесская Республика						
2011	6284	4696	1588	13,2	9,9	3,3
2012	6499	4633	1866	13,7	9,8	3,9
Республика Северная Осетия-Алания						
2011	10 398	7765	2633	14,6	10,9	3,7
2012	10 801	7525	3276	15,3	10,6	4,7
Чеченская Республика						
2011	37 339	6840	30 499	29,0	5,3	23,7
2012	34 385	7192	27 193	26,2	5,5	20,7
Ставропольский край						
2011	32 889	34 292	-1403	11,8	12,3	-0,5
2012	35 013	33 527	1486	12,6	12,0	0,6

Составлено по: Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.

Нарастание отрицательного сальдо миграции в условиях не вполне благоприятной демографической ситуации (как видно из табл. 3, естественный прирост населения в РСО-Алания составил в 2011 году 3,7 промилле, а в 2012 году 4,7 промилле при средних показателях СКФО в 9,0 и 9,1 промилле соответственно) наносит ощутимый урон трудовому и демографическому потенциалу республики, снижая его стратегическую конкурентоспособность.

Интенсивность влияния миграции на численность и качественные характеристики трудовых ресурсов во многом зависит не только от масштабов миграции, но и от половозрастного состава мигрантов. По последним статистическим данным, среди всех зафиксированных лиц, выбывших из Северной Осетии, в трудоспособном возрасте находилось 74,0%. При этом около половины мигрантов – это молодежь в возрасте до 35 лет. Среди прибывших это соотношение следующее: 75 и 12%.

Такая возрастная структура миграции населения, естественно, уменьшает численность трудовых ресурсов, ухудшает демографический потенциал РСО-Алания и, наоборот, увеличивает ее в регионах, где прибывающие потоки по своим масштабам превышают выбывающие потоки.

В миграционных потоках разным удельным весом представлены мужчины и женщины. Это также воздействует на демографическую обстановку и на структуру рабочей силы, поскольку мужчины и женщины владеют разными навыками, разными трудовыми возможностями. Из всех прибывших в республику в прошлом году мужчины составляли – 44,8%, женщины – 55,2%.

На численность и структуру населения республики по-разному влияют миграционные связи с российскими регионами, со странами СНГ и с дальним зарубежьем. Все эти потоки объединяются под общим названием – «внешние республиканские миграционные связи». О масштабах и динамике международных миграционных связей РСО-Алания дают представление приведённые данные в табл. 4.

В табл. 4 отражена миграционная связь как с республиками бывшего Советского Союза, так и со странами дальнего зарубежья. Следует отметить, что в прибывающих миграционных потоках РСО-Алания страны дальнего зарубежья играют незначительную роль: всего за 2001–2012 гг. из стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья в Северную Осетию прибыло 17,9 тыс. чел., из них 97,4% составляли мигранты из стран бывшего Советского Союза, а остальные 2,6% – бывшие жители дальнего зарубежья.

В структуре выбывающих потоков вырисовывается иная картина: значительная часть мигрирующих из Северной Осетии уезжает в дальнее зарубежье. В период 2001–2012 гг. численность выбывших из Северной Осетии в страны СНГ, Балтии и дальнего зарубежья составила 2,3 тыс. чел, из них 64,6% уехали в бывшие республики СССР, а остальные 35,4% – в страны дальнего зарубежья.

Вместе с тем интенсивность международных миграционных связей Северной Осетии в последние годы значительно уменьшается. Однако изменение размеров прибывших и выбывших за границу происходят разными темпами.

За анализируемый период коэффициент прибытия уменьшился с 3,5 до 2,1 промилле. При этом коэффициент выбытия уменьшился лишь на 0,4 пункта – с 0,5 до 0,1 промилле

Таблица 4

Международная миграция населения Республики Северная Осетия-Алания в 2001–2012 гг.

Годы	Абсолютные данные, человек			На 1000 чел.		
	прибывшие	выбывшие	сальдо	прибывшие	выбывшие	сальдо
2001	2503	376	2127	3,5	0,5	3,0
2002	1692	284	1408	2,4	0,4	2,0
2003	874	192	682	1,2	0,2	1,0
2004	1425	223	1202	2,0	0,3	1,7
2005	1762	288	1474	2,5	0,4	2,1
2006	2272	253	2019	3,2	0,4	2,8
2007	2983	195	2762	4,2	0,3	3,9
2008	1917	198	1719	2,7	0,3	2,4
2009	1299	187	1112	1,9	0,3	1,6
2010	1168	114	1054	1,7	0,2	1,5
2011	1498	105	1393	1,5	0,2	1,3
2012	1754	255	1499	1,7	0,2	1,4

Составлено по: Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010; Демографический ежегодник России. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012; Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.

Несмотря на уменьшение в международных миграционных связях Северная Осетия сохраняет положительное сальдо миграции. Это происходит за счёт бывших республик Советского Союза. С дальним зарубежьем Осетия имеет отрицательное сальдо миграции, объем которого за указанный период составил 2,1 тыс. чел. Среди стран СНГ и Балтии у Северной Осетии особо интенсивные и положительные миграционные связи с Грузией, Казахстаном, республиками средней Азии. Не очень интенсивное, но положительное сальдо миграции имеется также с Арменией, Азербайджаном, Украиной и т.д. Отрицательное сальдо миграции за указанный период зафиксирован лишь с Белоруссией. Такая тенденция прослеживается почти весь анализируемый период. Общее отрицательное внешнереспубликанское сальдо миграции в основном обеспечивается за счёт миграционных связей с другими субъектами РФ (табл. 5).

Таблица 5

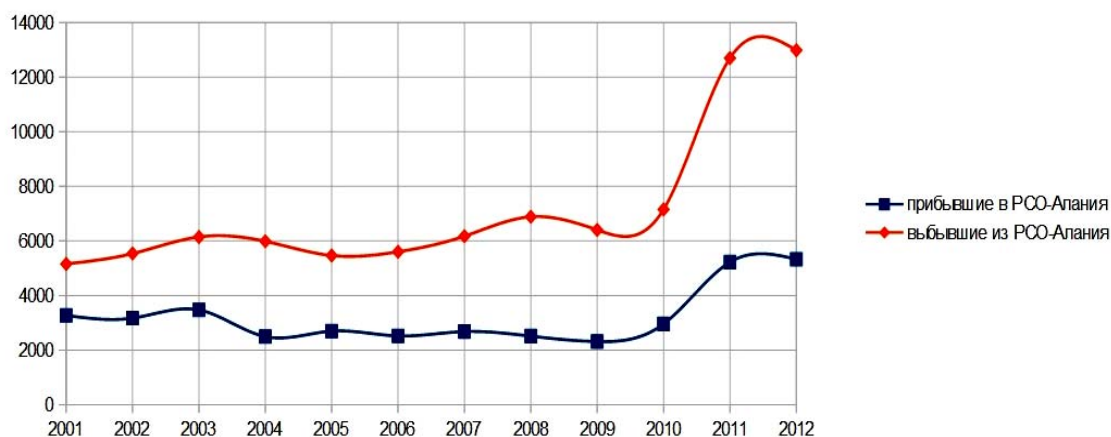
Миграционные связи населения Северной Осетии с регионами Российской Федерации в 2001–2012 гг.

Годы	Абсолютные данные, человек			На 1000 чел.		
	прибывшие	выбывшие	сальдо	прибывшие	выбывшие	сальдо
2001	3271	5157	–1886	4,6	7,3	–2,7
2002	3171	5536	–2365	4,5	7,8	–3,3
2003	3472	6145	–2673	4,9	8,7	–3,8
2004	2493	5986	–3493	3,5	8,4	–5,2
2005	2695	5465	–2770	3,8	7,7	–3,9
2006	2519	5602	–3083	3,6	8,0	–4,4
2007	2678	6173	–3495	3,8	8,8	–5,0
2008	2511	6885	–4374	3,6	9,8	–6,2
2009	2313	6404	–4091	3,3	9,1	–5,8
2010	2957	7153	–4196	4,2	10,2	–6,0
2011	5223	12698	–7475	2,7	11,3	–8,6
2012	5327	12986	–7659	2,9	11,6	–8,7

Составлено по: Сайт «Северная Осетиястат». Официальная статистика. Население. – http://osetstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/osetstat/ru/statistics/population

Как видно из табл. 5, за 11 лет наблюдений из разных российских регионов в Северную Осетию прибыло 38 630 чел., выбыло же в эти регионы 86 190 чел., отрицательное сальдо составило 47 560 чел. При этом сальдо миграции с российскими регионами не только отрицательно за весь анализируемый период, но и существенно нарастает в последние три года (рис. 2).

Интенсивность прибытия из других регионов России в Северную Осетию, так же, как и из-за рубежа, в целом уменьшается. Так, если в 2001 году коэффициент прибытия из российских регионов в Республику Северная Осетия-Алания составил 4,6 промилле, то в 2012 г. он равнялся 2,9 промилле. Что же касается интенсивности выбытия в эти регионы, она, наоборот, увеличился с 7,3 промилле в 2001 г. до 11,6 промилле в 2012 году. В результате таких динамических показателей интенсивность отрицательного сальдо миграции увеличилась с минус 2,7 промилле в 2001 г. до минус 8,7 промилле 2012 году.

Источник: составлено по данным таблицы 5.

Рисунок 2.

Динамика общей миграции РСО-Алания с регионами Российской Федерации в 2001–2012 гг.

Внутри России самые масштабные миграционные связи Северная Осетия – Алания имеет с соседними регионами юга России, особенно со Ставропольским и Краснодарским краями, а также с Ростовской областью (табл. 6). С другими регионами имеются менее интенсивные миграционные связи. С большинством регионов России Республика Северная Осетия-Алания имеет отрицательное сальдо миграции.

Рассмотрим внутреннюю и национальную миграции, оказывающие существенное влияние на изменения демографической структуры, этнический состав, воспроизводство населения, социальное движение и другие стороны жизнедеятельности населения.

Таблица 6

Распределение мигрантов РСО-Алания по территории прибытия и выбытия в пределах Российской Федерации в 2012 году, человек

	Число прибывших	Число выбывших	Сальдо
Миграция с Российскими регионами – всего	2511	6885	–4374
В том числе:			
Центральный ФО	368	1862	–1494
Северо-Западный ФО	143	615	–472
Приволжский ФО	167	322	–155
Уральский ФО	115	201	–86
Сибирский ФО	152	313	–161
Дальневосточный ФО	130	165	–35
ЮФО и СКФО	1436	3407	–1971
В том числе:			
Республика Дагестан	136	90	46
Республика Ингушетия	106	942	–836
Кабардино-Балкарская Республика	230	220	10
Чеченская республика	96	75	21
Краснодарский край	153	638	–485
Ставропольский край	415	832	–417
Волгоградская область	69	80	–11
Ростовская область	153	384	–231

Составлено по: Сайт «Северная Осетиястат». Официальная статистика. Население. – http://osetstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/osetstat/ru/statistics/population

В течение многих лет население интенсивно перемещалось из сельских местностей в города. Такая тенденция была характерна как для России в целом, так и для Северной Осетии. Это уменьшало трудовой и демографический потенциал села. В последние несколько лет наблюдается обратная картина – люди интенсивно мигрируют в обратном направлении – из городов в села. Такую тенденцию можно считать положительным явлением как с точки зрения экономики, так и с точки зрения демографического развития.

В отдельных сельских районах РСО-Алания такая тенденция статистически заметна, однако в целом по региону пока наблюдается отстающая тенденция миграции из села в город.

Анализ изменения национальной структуры населения показывает, что в период 2002–2010 гг. в РСО-Алания заметно сократилась численность населения русской, армянской, грузинской, украинской, греческой и татарской национальностей (табл. 7).

Национальный состав населения РСО–Алания в 2002–2010 гг.

Народ	Численность, перепись 2002 года, человек (*)	Численность, перепись 2010 года, человек
Осетины ↗	445 310 (62,7%)	459 688 (64,5%)
Русские ↘	164 734 (23,2%)	147 090 (20,6%)
Ингуши ↗	24 442 (4,1%)	28 336 (4,0%)
Армяне ↘	17 147 (2,4%)	16 235 (2,3%)
Кумыки ↗	12 659 (1,8%)	16 092 (2,3%)
Грузины ↘	10 803 (1,5%)	9 095 (1,3%)
Турки ↗	2835	3383
Украинцы ↘	5198	3251
Азербайджанцы ↗	2429	2857
Кабардинцы ↘	2902	2802
Чеченцы ↘	3383	2264
Греки ↘	2332	1880
Цыгане ↗	1553	1684
Корейцы ↘	1841	1458
Татары ↘	2108	1411

Источник: Население Северной Осетии. – https://ru.wikipedia.org/wiki/Северная_Осетия

* Показаны народы с численностью более 1000 человек

В этой связи считаем, что для РСО–Алания важной задачей является работа по привлечению для постоянного проживания в регион русского и русскоязычного населения из государств – участников СНГ, прежде всего высококвалифицированных специалистов армянской, грузинской, украинской, кабардинской, чеченской и греческой и других национальностей.

Оценивая влияние миграционных потоков на половозрастную структуру населения, следует отметить, что в РСО–Алания на промежутке 2000–2013 гг. возрастная структура населения региона несколько ухудшилась. Так, численность лиц моложе трудоспособного возраста сократилась на 19,7 тыс. человек, при одновременном увеличении численности трудоспособного населения на 23,5 тыс. чел. и численности населения пенсионного возраста на 8,8 тыс. человек. Как видно из данных табл. 8, в 2000 году удельный вес лиц старше трудоспособного возраста в общей структуре населения составлял 20,4%, а лиц моложе трудоспособного возраста – 23,3%. В 2013 году это соотношение изменилось в пользу пенсионеров и составило 21,3 и 20,1% соответственно. При этом доля граждан трудоспособного возраста также возросла с 56,3 до 58,6%.

Таблица 8

Возрастная структура РСО–Алания в 2000–2013 гг., тыс. человек

	2000 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к 2000 г. ³
Численность населения, всего, тыс. чел. ¹	693,6	708,8	711,5	711,7	711,7	712,5	709,0	706,1	12,5
Из общей численности населения: моложе трудоспособного возраста	161,3	141,1	140,9	140,5	141,0	141,0	140,7	141,6	–19,7
в трудоспособном возрасте ²	390,7	427,1	428,3	428,0	425,7	424,4	419,9	414,2	23,5
старше трудоспособного возраста	141,5	140,6	142,3	143,2	145,0	147,1	148,4	150,3	8,8

¹ Оценка на 1 января соответствующего года.

² Мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года.

³ Абсолютное изменение численности: «+» – увеличение численности населения,

«–» – уменьшение численности населения

Рассчитано по: Сайт «Северная Осетиястат». Официальная статистика. Население. – http://osetstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/osetstat/ru/statistics/population

В этой связи актуальным является анализ занятости в регионе. Данные таблицы 9 свидетельствуют об остроте молодежной безработицы среди сельского населения региона. Уровень зарегистрированной безработицы среди молодежи в возрасте 20–29 лет в сельской местности составляет 24,1%. Достаточно высокий уровень безработицы в селе и среди людей в возрасте 30–49 лет: 13,6%. А среди городского населения самый высокий уровень безработицы – 7,1% – среди лиц 30–49 лет.

Таблица 9

Уровень зарегистрированной безработицы по возрастным группам в РСО – Алания в 2012–2013 гг., в %

	Всего	20–29 лет	30–49 лет	50–59 лет
Городское население	3,5	2,1	7,1	5,3
Сельское население	18,6	24,1	13,6	17,5

Источник: Данные Комитета РСО–Алания по занятости населения.

Очевидно, что перед Правительством РСО-Алания стоит актуальная задача разработки миграционной политики. По нашему мнению, разработке подлежат как минимум, два альтернативных прогнозных сценария:

Сценарий 1. Поддержание сложившейся тенденции отрицательного миграционного потока с реализацией политики по созданию всяческих условий для выезда людей из региона, прежде всего в ближние и дальние регионы России. Эта политика касается, в первую очередь, образованной молодежи и лиц трудоспособного возраста. Организационно-управленческий механизм реализации такой миграционной политики хорошо просматривается в Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года [12]. Констатируя факт крайне неблагоприятной ситуации на рынке труда во всех субъектах Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, разработчики Стратегии в качестве одного из «ключевых направлений в области развития рынка труда» считают необходимым «создание условий для развития территориальной мобильности граждан, а именно трудоустройство жителей Северо-Кавказского федерального округа в других регионах Российской Федерации» [12, с. 16]. Для этого ими предлагается создание Агентства по трудовой миграции [12, с. 96].

И действительно, количество безработных в Северо-Кавказском федеральном округе в 2015 году может превысить 400 тыс. человек, а возможности по обеспечению занятости населения в округе на сегодняшний день существенно ограничены, поэтому одним из вариантов решения этой проблемы в среднесрочной перспективе может стать учреждение агентства по трудовой миграции. Такое агентство может быть учреждено как в составе института развития, так и в форме самостоятельной организации.

Основные функции агентства, согласно замыслу разработчиков Стратегии, должны распределяться по следующим направлениям: переговоры с работодателями; привлечение населения; организация переезда и проживания работников; контроль соблюдения прав работников [12, с. 96].

В рамках первого направления агентство может осуществлять следующие функции: поиск потенциальных работодателей вне Северо-Кавказского федерального округа (в первую очередь крупных государственных и государственно-частных строительных организаций); проведение переговоров об условиях привлечения рабочей силы из Северо-Кавказского федерального округа; заключение единого договора с работодателем.

Для привлечения населения Агентство может активно предлагать вакансии населению Северо-Кавказского федерального округа, в первую очередь безработным; заключать договоры с работниками на поиск вакансий.

В сфере осуществления контроля за соблюдением прав работников функциями агентства могут выступать: контроль соблюдения прав работников во время проведения работ, в том числе условий проживания, питания, соблюдения техники безопасности, соблюдения условий по зарплате; реагирование на жалобы работников.

В результате деятельности Агентства предполагается не только значительно сократить безработицу, но и занять до 10 процентов рынка рабочей силы в Российской Федерации (около 250 тыс. человек) [12, с. 97].

То есть реализация политики управляемой миграции населения из регионов СКФО вполне реализуема, поскольку она вписывается в утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации Стратегию социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Однако при этом следует четко представлять, что возрастная структура коренного населения региона претерпит дальнейшую деградацию, а естественный рост численности населения будут обеспечивать приехавшие из других регионов и стран СНГ мигранты. С одной стороны, спадет напряженность на рынке труда (сократится спрос прежде всего на высококвалифицированные рабочие места), будут стабильно ниже цены на жилье и услуги, однако с другой, – будет наблюдаться обезлюживание сельской местности, сокращение численности студентов и образованной молодежи, падение качества городской среды, снижение инвестиционной привлекательности региональной экономики; возможно обострение межнациональных и межконфессиональных конфликтов, рост теневой экономики и экономических преступлений, усиление коррупции и падение общественно-политической стабильности.

Считаем, что этот сценарий, может решить проблемы безработицы и стабилизировать общеэкономическое равновесие в среднесрочной перспективе, однако в целом он приведет к падению стратегической конкурентоспособности региональной экономики, под которой автором понимается система ее высших свойств в обозримой перспективе, обеспечивающая лидирующие позиции региона в мировых обменах и создающая условия для достижения высокого дохода собственникам всех видов капиталов на данной территории [13, с. 45–46].

Реализация стратегической конкурентоспособности региональной экономики невозможна без активной миграционной политики, направленной на привлечение в регион нового человеческого капитала. В этой связи рассмотрим второй альтернативный сценарий миграционной политики.

Сценарий 2. Реализация активной миграционной политики, направленной на создание устойчивого положительного миграционного потока из ближних и дальних регионов России, а также из-за рубежа. Эта политика касается, в первую очередь, образованной молодежи и лиц трудоспособного возраста. Она направлена на повышение качества человеческого капитала региона и качества жизни людей. Такая политика является инструментом реализации стратегии формирования конкурентоспособности региональной экономики.

Считаем, что системные качества конкурентоспособности достигаются на основе устойчивого экономического развития региона [13]. Говоря иначе, стратегическая конкурентоспособность региональной экономики – это внешнее системное свойство региона, возникающее при определенных условиях и как следствие его внутреннего свойства – устойчивости развития региональной экономики. К таким условиям относятся целенаправленно создаваемые региональной властью и инновационно ориентированным бизнесом системы воспроизводства и использования знаний, воплощения их в инновации; механизмы их расширенного воспроизводства и капитализации; положительная динамика развития передовых технологий в регионе, обеспечивающих устойчиво высокие темпы роста ВРП; наличие значимых

ниш на национальном рынке, а также механизмов проникновения регионального бизнеса на перспективные глобальные рынки [14, 15].

Точка зрения автора о взаимосвязи понятий общей и экономической конкурентоспособности региона и качества жизни населения региона состоит в следующем:

1. Несмотря на существующую взаимосвязь между показателями экономического роста и индикаторами качества жизни населения, было бы неправильно полагать, что жизненные ценности людей обеспечиваются только факторами материального порядка. Следовательно, экономическая конкурентоспособность инновационно ориентированного региона – это ведущий, но не единственный фактор его общей конкурентоспособности, а рост экономики региона – лишь один из путей повышения качества жизни населения.

2. В XXI веке региональная экономика не может опираться только на внутренние факторы и источники развития. В силу целого ряда рыночно обусловленных причин региональным фирмам выгодно привлекать внешние ресурсы экономики, тем более, если это позволяет осваивать новые рынки сбыта. Благодаря усилению обменов меняется статус и положение региона в международном разделении труда, меняется структура и производительность региональной экономики, получает ускоренное развитие вся инфраструктура региона, происходит рост доходов собственников капиталов, растёт благосостояние населения.

3. Принятие целостной трактовки конкурентоспособности инновационно ориентированного региона и ведущей роли человеческого капитала в системе факторов ее обеспечения существенно влияет на методологию формирования конкурентной стратегии региона, которая должна быть нацелена на повышение качества жизни людей (включая уровень жизни, качество образования и здравоохранения, качество окружающей среды, качество социальных отношений, качество трудовой и предпринимательской жизни, качество инфраструктуры) средствами достижения конкурентоспособности региональной экономики.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что за прошедшее десятилетие в РСО-Алания сложились неблагоприятные для конкурентоспособного социально-экономического развития региона миграционные потоки: во-первых, устойчиво нарастает поток лиц трудоспособного возраста, уезжающих в соседние и дальние регионы России; во-вторых, растёт численность мигрантов из экономически менее развитых стран СНГ, приезжающих в РСО-Алания в поисках лучшей доли и надежде больших заработков. Это привело к выраженному изменению национальной, возрастной и социальной структур населения. Требуется разработка активной миграционной политики региона, целенаправленной на стабилизацию имеющегося и возвращение ранее выбывшего коренного многонационального населения Северной Осетии.

Считаем, что новому региональному правительству РСО-Алания, формирование которого должно произойти в 2015 году после переизбрания главы региона, необходимо четко определиться с механизмами модернизации экономики, ее инновационного обновления и достижения конкурентоспособного развития Северной Осетии, население которой – и цель, и средство развития. Следует переломить негативные тенденции миграции населения и направить все усилия на создание новых высокотехнологичных и высокооплачиваемых рабочих мест. Такие задачи поставлены Президентом РФ, они прописаны в известных Указах Президента России 2012 года.

Организационно-управленческий механизм реализации активной миграционной политики, способствующей достижению стратегической конкурентоспособности региона, по нашему мнению, следует прописать и в Стратегии долгосрочного социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального, и соответствующей стратегии Республики Северная Осетия-Алания.

Список литературы

1. Россия и США – лидеры по числу мигрантов. – <http://emigrant.name/novosti-immigracii/rossiya-ssha-lidery-migrantov.html>
2. Миграционное движение населения: теория, политика, практика, перспективы / Под ред. Воробьевой О.Д., Топилина А.В. – М., 2013.
3. Локосова В.В., Рыбаковский Л.Л. Миграционные процессы в России. – М., 2014.
4. Каберты Н.Г., Гайтова А.Ф. Сущность и необходимость проведения региональной демографической политики // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. – № 2.
5. Каберты Н.Г. О Необходимости разработки и реализации миграционной политики, общей для Южной и Северной Осетии // Вестник Владикавказского научного центра. 2010. – Т. 10. – № 3.
6. Гуриева Л.К., Каберты Н.Г. Миграция в Республике Северная Осетия-Алания: итоги десятилетия // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Сборник Международной научно-практической конференции. -Ставрополь: СКФУ, 2014.
7. Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.
8. Демографический ежегодник России. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012.
9. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010.
10. Сайт «Северная Осетиястат». Население. – http://osetstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/osetstat/ru/statistics/population
11. Сайт «Википедия». Население Северной Осетии. – https://ru.wikipedia.org/wiki/Северная_Осетия.
12. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 г. № 1485-р.
13. Гуриева Л.К. Конкурентоспособность инновационно ориентированного региона. – Владикавказ, 2008.
14. Гуриева Л.К. Система стратегий в государственном регулировании инновационной деятельности регионов // Инновации. – СПб., 2006. – № 3.
15. Гуриева Л.К. Новые подходы к инновационному развитию регионов // Гуманитарные и социальные науки. 2013. – № 5.

Дартау Л.А.

к.т.н., в.н.с. Института проблем управления РАН
dartau@mail.ru

МУНИЦИПАЛИТЕТЫ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С НАСЕЛЕНИЕМ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НА МЕСТАХ

Как известно, в Российской Федерации муниципальная власть – наиболее приближенный к населению определенной территории уровень государственной (местной) власти, основной обязанностью которой (с корреспондирующей ей ответственностью) является обеспечение жизнедеятельности населения на местах. В последние 20 постперестроечных лет не прекращаются многочисленные попытки реформирования и совершенствования государственной системы управления¹. Одним из последних примеров является серия майских Указов Президента РФ В.В. Путина за № 596-606 от 7-05-2012 года, касающихся вопросов социальной защиты граждан, создания рынка доступного жилья, развития образования, поддержки семьи, материнства и детства, совершенствования системы здравоохранения и формирования здорового образа жизни. Так, на основании Указа № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», Правительству Российской Федерации поручается обеспечить достижение ряда показателей, в том числе: **«уровень удовлетворенности граждан Российской Федерации... качеством предоставления государственных и муниципальных услуг к 2018 году – не менее 90 процентов»**. И далее, **«...обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих: установление критериев и порядка оценки гражданами (в том числе с использованием информационных технологий)... предприятий и учреждений, ... осуществляющих оказание услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований»** (выделено автором).

Для оценки практической деятельности государственных структур относительно недавно (середина XX века) появилось понятие **качества жизни**, которое быстро завоевало ключевое место сначала в общественных науках, а затем и во всех остальных, так или иначе касающихся благополучия человека. Как следствие – многообразие определений качества жизни, использующих соответствующую той или иной научной дисциплине терминологию. В число показателей качества жизни стали включать ранее не учитываемые, например, здоровье, образование и др., исчисление которых плохо поддается какой-либо формализации и представлению в денежном эквиваленте. Однако общей для всех определений особенностью является необходимость учета субъективной (со стороны самого человека) составляющей в оценках качества собственной жизни, что предполагает регулярные репрезентативные опросы граждан со стороны местных администраций. В контексте данной статьи используется необходимое для дальнейшего изложения определение Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ): **«Качество жизни – степень восприятия отдельными людьми или группами людей того, что их потребности удовлетворяются, а необходимые для достижения благополучия и самореализации возможности предоставляются»**².

Основные положения, касающиеся взгляда на здоровье со стороны мирового научного сообщества, остаются неизменными с конца 1970-х гг. Согласно последней редакции Всемирной декларации по здравоохранению (ВОЗ, май, 1998 г.): **«...обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав каждого человека, и действуя таким образом, мы подтверждаем достоинство и ценность каждого человека, а также равные права, равные обязанности и равную ответственность всех в отношении здоровья. Мы признаем, что улучшение здоровья и благосостояния людей являются конечной целью социального и экономического развития»**³.

Констатация того факта, что текущее здоровье населения является важнейшей характеристикой уровня развития мирового сообщества в целом, была зафиксирована еще раньше в резолюции Всемирной ассамблеи здравоохранения (1981 г.): **«энергия человека, получаемая за счет улучшения здоровья, должна направляться на обеспечение экономического и социального развития, а экономическое и социальное развитие должно быть использовано для улучшения здоровья людей»**⁴. И далее, **«улучшение здоровья является не только результатом подлинно социально-экономического развития в отличие от простого экономического роста, но оно также является основным вкладом в**

¹ Тихонов А.В. Гражданская экспертиза проблем реформирования властно-управленческой вертикали // Модернизации общественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзеvских чтений (21–22 ноября 2013 г.) / Редколлегия: А.В. Тихонов (отв. ред.) и др. – М.: Институт социологии РАН, 2014. – С.11-34.

² Основы политики достижения здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ (Европейская серия по достижению здоровья для всех. – № 6), 1999. – 310 с.

³ Здоровье-21: Основы политики достижения здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ: введение // Европейская серия по достижению здоровья для всех. 1998. – № 5. – С. 1–2.

⁴ Здоровье для всех к 2000 году – глобальная стратегия / Документ ВОЗ WHA34/5. 1981. – С. 28.

такое развитие». Как следствие, «каждая страна должна с учетом особенностей своей инфраструктуры здравоохранения разработать собственные способы реализации рекомендаций ВОЗ». В этом же документе указывается, «что первичная медико-санитарная помощь (в инфраструктуру которой в России входят ведомственные и территориальные поликлиники, женские консультации и ряд специализированных диспансеров) является основным инструментом достижения здоровья для всех».

Здоровье соответственно может рассматриваться как «в связке» с болезнью, что до последнего времени было характерно для научного и общественного мышления и восприятия, так и в связке с качеством жизни, в этом случае феномен здоровья приобретает характер социально-экономической категории. И в данном контексте не таким уж неожиданным выглядит утверждение: Если исходить непосредственно из значения термина **жизнедеятельность** – то есть деятельность, направленная на поддержание жизни – **интегральным критерием** оценки «услуг, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований» может быть только **здоровье** этого населения.

Для решения поставленных перед Правительством крупномасштабных задач такого рода Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН (ИПУ РАН) имеет ряд конкретных предложений, основанных на более чем 25-летнем опыте работы по проблемам изучения, измерения и управления здоровьем. В работах ИПУ РАН деятельность, направленная на поддержание здоровья (его сохранение и развитие), рассмотренная с общесистемных позиций, исследуется на основе кибернетического подхода, а точнее, – принципов теории управления, базирующихся на общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе. Сегодня этот подход объединяет множество научных дисциплин под названием «Общая теория управления» и дает право переноса достигнутых результатов из одной прикладной области в другую. Все вышесказанное может быть названо **Теоретико-управленческий подход** или, сокращенно, **ТУ-подход** к изучению здоровья. Показано, что с позиций ТУ-подхода, здоровье является феноменом, возникающим в результате управления¹. Без управления этот феномен исчезает. Как следствие, прекращается и жизнь, хотя все компоненты системы (организма) продолжают некоторое время существовать. Затем исчезают и они. Именно с этого времени словосочетание «управление здоровьем» присутствует во всех последующих публикациях группы разработчиков².

Используя ТУ-подход, можно «увидеть» механизм «принуждения граждан» к управлению собственным здоровьем, основанному не на рефлексах и инстинктах, а использующему современные знания, и обеспечивающему ответственность конкретного человека за конечный результат. Все удалось объединить в конструктивную организационно-правовую технологию, которая позволяет начать процесс управления здоровьем и качеством жизни «здесь и сейчас».

Накопленные медицинской наукой знания о влиянии факторов риска для здоровья на возраст дожития и о роли самого индивида в способности уменьшать их отрицательный вклад, привели к необходимости рассмотрения вопроса о повышении ответственности самих граждан за текущий уровень здоровья. То есть о возрастании доли профилактических мероприятий, в которых главную роль играет сам человек, а реальная (конечная) цель управления здоровьем для конкретного индивида может звучать так: Прожить как можно дольше, болея как можно меньше.

Принципиальной особенностью наступившего периода развития цивилизации становится «обеспечение» здоровья за счет системного управления этим здоровьем тремя основными субъектами: человеком (он – главный), государством (оно определяет правила «игры» через организационно-правовые технологии) и здравоохранением (оно – является источником знаний и практик для такого управления). Этому периоду соответствует предлагаемая в работе новая организационная парадигма развития первичного здравоохранения – переход от предоставления медицинской помощи (услуг) исключительно по обращаемости к совместному с гражданином управлению здоровьем.

Для обеспечения жизнедеятельности населения на местах в современных государствах существуют перечисленные выше многочисленные структуры, предназначенные для удовлетворения соответствующих потребностей населения. Как оказалось, их перечень полностью совпадает с понятием «детерминанты здоровья»³, введенном ВОЗ для обозначения влияния на здоровье человека продукции и услуг этих предприятий. Такое сопоставление наглядно демонстрирует, что практически любое неблагополучие в сфере жизнеобеспечения со стороны государства в итоге может опосредованно повлиять на здоровье конкретного человека, а возможность оценки населением качества их услуг в процессе собеседования по вопросам здоровья и в помещении поликлиники (как показал наш многолетний опыт) воспринимается населением совершенно естественно⁴.

Однако при относительно удовлетворительном функционировании этих структур (что характерно для современной социально-экономической обстановки развитых странах, включая Россию), основной резерв для реализации потенциала здоровья и долголетия конкретным человеком оказывается «заключенным» в недоступной для внешнего

¹ Дартау Л.А. Феномен здоровья. Концепция и прикладные аспекты. // Проблемы управления. – М., 2005. – № 5. – С. 92–98.

² Дартау Л.А., Захаров В.Н. Медико-социальные аспекты мониторинга здоровья населения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 1999. – № 3. – С. 10–14.

³ Dahlgren G., Whitehead M. Policies and strategies to promote social equity in health: background document to WHO – strategy paper for Europe. – Stockholm: Institute for Future Studies, 1991. (Цит. по [1], с. 94.).

⁴ Потанина Ю.А., Дартау Л.А., Белоконов О.В. Компьютерная технология ЭДИФАР как средство сбора данных от населения (для разработки социальной политики на местах) – М.: Московский лицей, 1999. – 205 с.; Дартау Л.А., Мизерницкий Ю.Л., Стефанюк А.Р. Здоровье человека и качество жизни: проблемы и особенности управления. – М.: СИНТЕГ, 2009. – 400 с.

управления области «неприкосновенности частной жизни»¹. С юридической точки зрения здоровье относится к нематериальным, неотделимым благам, которыми человек обладает по факту рождения. Сохранение (развитие) этого блага осуществляется самим человеком в рамках привычек и навыков повседневной жизни, то есть в рамках частной жизни, в свою очередь охраняемой конституцией от внешнего вмешательства. Указанное обстоятельство еще раз подтверждает положение ВОЗ о том, что решение проблем здоровья лежит вне сферы деятельности системы здравоохранения, и не позволяет привлечь человека к реальной ответственности за утраченное здоровье. **Но разделить с ним эту ответственность, можно!** Другими словами, возникает необходимость создания соответствующей сферы общественных взаимоотношений на основе социального партнерства, то есть объединения в отдельную систему человека и лица, облеченного по отношению к нему со стороны Государства административным ресурсом (властью и средствами) в местах, где люди живут, работают и учатся. Такими лицами, в первую очередь, являются представители муниципальной власти, а также работодатели и руководители учреждений образования, расположенных на территории, подконтрольной конкретному муниципалитету.

Под **Государством** в данной работе подразумевается не столько совокупность официальных органов власти, опирающихся в необходимых случаях на средства и меры принуждения, сколько способ организации общества. А именно, **Государство** рассматривается в качестве «регулятора» общественных отношений, возникающих в системе «Государство-Гражданин», между относительно автономными «элементами» общества (гражданами) в процессе их жизнедеятельности.

Приняв постулат о том, что все в мире системно, а общественные отношения выстраиваются в государстве по иерархическому принципу, можно найти выход из создавшегося положения, а именно, разделить с человеком ответственность за его здоровье с представителем (лицом), ближайшего к нему уровня власти. Таким условиям удовлетворяет система, состоящая, как минимум, из двух субъектов – конкретного индивида, здоровье которого подлежит управлению, и лица, обладающего по отношению к нему административным ресурсом (властью и средствами). В этой паре возможно формирование таких взаимоотношений, которые позволяют перейти от умозрительных рассуждений по поводу «ответственности» самой личности за свое здоровье к конкретным должностным обязанностям и ответственности сторон за совместный конечный результат. Отметим здесь, что в качестве государства могут выступать любые объединения граждан, в которых существуют законодательно оформленные отношения между людьми. Примерами таких объединений могут быть предприятия, школы, вузы, а также территориальные объединения граждан с муниципальной властью во главе. В первую очередь, это – работодатели и руководители образовательных учреждений. Между ними и гражданами уже существует официально оформленный документ в виде «Трудового договора» или «Устава образовательного учреждения», в отсутствии которых невозможны совместная деятельность и правовое регулирование производственных отношений. В рамках дополнительного соглашения к этому документу и появляется возможность реализации процесса управления здоровьем конкретного работника (учащегося).

Предлагая принятие здоровья как **меры** качества жизни, ВОЗ напрямую связывает социально-экономическое развитие общества с его усилиями, направленными на поддержание и сохранение здоровья населения. И сегодня, в конечном итоге, помимо обеспечения приемлемых социально-экономических условий, «без активного участия самих людей многие возможности для укрепления и защиты их здоровья и повышения благополучия утрачиваются» (ВОЗ, 2012), что подтверждает необходимость объединения «усилий» властей по обеспечению жизнедеятельности на местах с «усилиями» самого населения. Такое объединение потребует, в свою очередь, формализации общественных отношений по поводу здоровья, которые в настоящее время отсутствуют в социуме ввиду отсутствия второго субъекта этих отношений помимо самого человека – носителя и «собственника» этого здоровья.

Исследования влияния на здоровье многочисленных факторов среды обитания и образа жизни начались в ИПУ РАН с 1985 года. Для этих целей были разработаны информационная технология и компьютерная система ЭДИФАР по сбору данных о жалобах на здоровье и социальное благополучие в диалоговом режиме «Пациент-Компьютер»². Первые же испытания продемонстрировали абсолютно **адекватную психологическую реакцию** людей на обстановку доврачебного кабинета, в котором осуществлялся прием пациентов. В настоящее время у разработчиков системы ЭДИФАР имеются результаты обработки и анализа более 25 000 электронных анкет, заполненных во время собеседования с респондентами на тему более десятка различных вопросников. Почти в каждом из них есть вопросы об оценке гражданами деятельности поликлиники и других учреждений, подконтрольных власти на местах. Опросы показывают, и это подтверждается как отечественными исследованиями, так и зарубежными, что население в целом оценивает действительность (социальную реальность) выше, чем это делают специалисты, причем иногда – в разы. Это касается как оценки ощущения благополучия (счастья), так и оценок уровня жизни, материального обеспечения, жилья, питания и пр. К основным государственным институтам, непосредственно влияющим на ощущение благополучия в повседневной жизни, граждане относят, в первую очередь, школы и поликлиники.

Вторыми по значимости были обнаруженные разработчиками факты «стабилизации» и «репрезентативности» накапливаемых в процессе сбора данных. Эти уникальные факты позволили рассмотреть возможность использования интерактивного диалога населения с компьютером **не только для практических целей медицинской профи-**

¹ Дартау Л.А., Пишита А.Н. Правовые аспекты государственной деятельности по сохранению здоровья населения РФ // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 5. Часть I. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 540–546

² Петровский А.М., Дартау Л.А., Мошавили Р.Р., Теленев П.А., Жунусов З.М., Чазова Л.В., Маркова Е.В., Левшин В.Ф., Чуркин А.А., Раюшкин В.А., Лебедь Е.И., Ефремов Л.И. Применение системы ЭДИФАР для изучения здоровья населения при массовых профилактических обследованиях / Препринт. – М.: Институт проблем управления, 1991. – 43 с.

лактики, но и для более широкого круга вопросов социального характера. Результат оказался весьма существенным. Становилось очевидным, что доврачебный кабинет территориальной поликлиники может (одновременно!) служить местом **репрезентативного общения с населением** по вопросам качества жизни как для администрации на местах, так и для специалистов многочисленных дисциплин по изучению человека. С учетом сложившихся на сегодняшний день вызовов к государственному управлению, такой кабинет может выполнять и функции информационно-аналитического **центра мониторинга качества жизни при местной администрации**, согласно Указу № 601. Объединение их «под одной крышей» поликлиники является организационным приемом, основанием для которого служит как упомянутое выше совокупное влияние на здоровье человека практически всех структур жизнеобеспечения на местах, так и необходимость (в случае обнаружения во время процедуры собеседования отклонений в здоровье) последующего поэтапного участия специалистов медицинского профиля¹.

Особо отметим, что для работодателей и местной власти расходы на обслуживание мониторинга здоровья и диспансеризацию по предлагаемой схеме невелики, с учетом того, что многим гражданам вообще никакие дополнительные обследования не понадобятся, а все сведется к конфиденциальному обучению пациента правилам здорового образа жизни по результатам скрининга. А коль скоро Гражданин является ключевой фигурой в формировании (управлении) собственным здоровьем, то он же имеет право на оценку деятельности структур местной власти, к которым относятся и поликлиники. База данных «Компьютерной системы ЭДИФАР» позволит на конфиденциальной основе (с должной защитой персональных данных пациента) отслеживать в подразделении динамику индивидуального здоровья и тренды основных интегральных показателей отдельно по учреждениям и территориальным образованиям. При достаточном периоде эксплуатации (начиная с 5 лет), эффективность затрат на поддержание деятельности подразделения можно будет соотнести не только с уменьшением расходов на лечение, но и снижением смертности, особенно в трудоспособных возрастах.

В результате предлагаемых действий прогнозируется синергетический эффект, который, с одной стороны, приведет к снижению напряженности в обществе и взаимных претензий сторон в здравоохранной деятельности государства. А с другой стороны, гармонизирует общественные отношения в целом и повысит общий уровень удовлетворенности граждан услугами по жизнеобеспечению населения, предоставляемыми им со стороны муниципальной власти. Коротко: **«Совместное управление здоровьем в системе «Государство-Гражданин» позволит принципиально изменить характер здравоохранной деятельности и гармонизировать отношения в обществе практически во всех сферах».**

Используя организационно-правовую технологию и с помощью системы ЭДИФАР, администрация на местах получает возможность **узнавать и оценивать знания, мнения и мотивации населения**. Сюда могут быть включены такие показатели, как **уровень и качество жизни**, а также **отношение населения к социальным и экологическим проблемам на данной территории**. Поскольку не только в научном, но уже и в общественном сознании все эти понятия непосредственно связываются со здоровьем и адекватно воспринимаются в обстановке доврачебного кабинета. Таким образом, появляется возможность оперативно контролировать (измерять) ситуацию с качеством жизни на местном, территориальном уровне и на её основе формировать управляющие воздействия на социально-экономическую обстановку через конкретных индивидов.

¹ Венедиктов Д.Д., Дартау Л.А. К концепции здравоохранения РФ: почему её нет и кому она нужна? / Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2012. – Ч. 1. – С. 596–601.

Донцов Д.Г.

доктор архитектуры, профессор Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета

Юшкова Н.Г.

кандидат архитектуры, доцент Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета

АДАПТАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ К СТРАТЕГИЧЕСКИМ ИНИЦИАТИВАМ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ: ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ СВОДНОГО ПЛАНА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ДО 2020 ГОДА

Ключевые слова: *территориальное планирование, инновационно-технологическое развитие, социально-экономическое развитие Волгоградской области.*

2014 год ознаменован появлением в нашей стране административно-управленческого тренда – обновления документов планирования регионов и муниципальных районов, для которого предполагаются серьезные расходы бюджета и формирование целевых показателей развития на два десятилетия вперед (в очередной раз). Очевидны причины его появления, предполагающего именно такое развитие событий: они обусловлены принятием в 2014 г. Федерально-го закона «О стратегическом планировании», а также явной нереализуемостью существующих документов планирования из-за ошибок при их разработке, что подтверждается многочисленными экспертами. Оспорить сложившуюся ситуацию не просто, да и необходимости в этом нет. Обязательность проведения обновлений документов стратегического планирования не означает наличие четкости относительно их содержания, но, в принципе, возможны следующие варианты: изменения и дополнения; корректировка содержания; адаптация основных положений. Но выбор приоритетного варианта может быть сделан только на научно-теоретической основе, необходимой для совершенствования методологии планирования развития региона. При этом большое значение имеет выявление причин недостаточно высокой эффективности действующих документов, анализ исходных положений которых, включая правильность их применения, покажет актуальность алгоритмов, инструментов, и мероприятий. С одной стороны, действующие политические основы и принципы государственного управления и социально-экономические ориентиры не изменились: их преемственное развитие происходит с относительным постоянством, а, с другой стороны, сохраняются институциональные основы планирования даже при обновлении законодательных и нормативных актов. В частности, несмотря на изменения в Градостроительном кодексе Российской Федерации¹ (ГК РФ), на содержание документов территориального планирования это не оказывает влияния, включая и методологию, и методику их разработки. Очевидно, что подобные изменения и дополнения, разрешенные федеральным законодательством, могут вноситься ежедневно, иными словами, оперативно. В то же время неизбежные колебания состояния социально-экономической ситуации требуют работы по адаптации основных положений документов планирования. Данными предпосылками определяется выбор вектора обновления в рамках возникшего тренда как наиболее обоснованного и уместного.

В настоящий момент документы территориального планирования разработаны как для Волгоградской области (Схема территориального планирования Волгоградской области, утвержденная постановлением Главы администрации Волгоградской области от 14 сентября 2009 г. № 337-п.), так и для всех муниципальных образований (муниципальных районов и поселений), процесс подготовки, согласования и утверждения которых происходит на основании «Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года» (утвержденной Законом Волгоградской области от 21 ноября 2008 г. № 1778-ОД (ред. Закона Волгоградской области от 20 марта 2012 г. № 28-ОД)). Тем самым задача, обозначенная в ГК РФ, ограниченная определенными сроками (01 января 2014 года), была решена, за исключением 52 сельских поселений, принявших решение об отсутствии необходимости разработки таких документов. Согласно данным официального сайта Министерства строительства Волгоградской области, к середине 2014 года было утверждено 425 документов территориального планирования. При всем том по-прежнему не сформулированы даже основы политики пространственного развития региона, что не позволяет дать оценку основным положениям утвержденных документов территориального планирования и выработать принципы их реализации. Реализуемые Правительством Волгоградской области программы, включая адресные инвестиционные программы отраслевых министерств, оказались не состоятельными в пространственном аспекте, что приводит к диспропорциям в развитии региона и невозможности его устойчивого развития в перспективе.

Политика пространственного развития в ведущих регионах России не может осуществляться в отрыве от разработки и утверждения единых принципов на основе программно-целевого подхода (с формулировкой стратегических целей, направлений, результатов и целевых показателей) и обоснования эффективных в современных условиях

¹ Федеральный закон Российской Федерации Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ.

средств территориального планирования. Тенденции пространственного развития Волгоградского региона, сложившиеся в условиях экономического роста, оказались устойчивыми к внешним воздействиям, экономический кризис и посткризисное восстановление экономики не привели к существенному изменению пространственных пропорций производства и потребления, не разрушили действовавших схем использования территории. Базовой тенденцией пространственного развития рассматриваемого региона, по аналогии со многими субъектами РФ, является усиление концентрации человеческого капитала, инфраструктуры, ресурсов будущего в крупных городах, выполняющих специализированные интернациональные функции в мировом разделении труда.

Анализ «Генеральной схемы комплексной территориальной организации Волгоградской области» (1995 г.) показал, что возникновение феномена агломерационной формы расселения на базе крупнейшего города – Волгоградско-Волжской агломерации – происходило в противопоставление низкому уровню урбанизации большинства административных центров области. Наиболее активный период ее формирования, приходящийся на конец 1950 – начало 1960-х годов, начался со строительства Волжской ГЭС и города-спутника Волжский. Под агломерацией понимается пространственно и функционально единая группировка поселений городского типа, составляющая общую социально-экономическую систему. Теоретически, форма пространственного развития Волгоградско-Волжской агломерации имела предпосылки обеспечить высокую динамику роста экономических показателей, однако наличие данного потенциала не было оценено должным образом, но вместе с тем он позволил смягчить реакции экономики региона на негативные проявления.

Территориальная структура сельскохозяйственного производства оказалась более консервативной в отношении восприятия современных импульсов регионального развития: высокие темпы роста экономических процессов и вызываемые ими сдвиги в пространственной структуре производства если и происходят, то в районах, располагающих наиболее благоприятными условиями для развития сельского хозяйства, а также государственной поддержкой сельхозпроизводителей, участников специальных программ. Но эти положительные тенденции не меняют в целом ситуации, связанной с сохраняющейся высокой долей сельского населения в районах, производительность труда в сельском хозяйстве остается крайне низкой. Региональный экономический рост в перспективе будет существенно определяться развитием технической базы производств – поставщиков продуктов питания и обеспечивающих сырьевую базу предприятий пищевой промышленности. В результате определились следующие диспропорции в территориальном развитии Волгоградской области: проживание большей части населения субъекта федерации (67 процентов) в трех городах (Волжский, Камышин, Михайловка); высокий износ основных жилищных фондов; относительно низкий уровень жизни населения (с существенным отставанием уровня доходов населения области от среднероссийских показателей); низкая обеспеченность объектами социальной и инженерно-технической инфраструктуры населенных пунктов области, а также недостаточно высокое их качество).

Быстрое развитие Волгоградско-Волжской агломерации, «поглотившей» с 1959 г. по 1975 г. 80% прирастающего населения области, с достижением общей численности населения к 1995 году 1,4 млн. человек, или 53% всего населения области (начиная с 1990 года не превышающего 0,5% в год) с колебанием темпов его роста от 3,2 до 6,5% в год. Территориальные пропорции распределения трудовых ресурсов и человеческого капитала оказываются более стабильными, чем пропорции распределения производства и инвестиций, что является результатом низкой мобильности населения. Региональная структура занятости в период 2000–2010 гг. почти не изменялась. Направления незначительных структурных изменений занятости соответствовали тенденциям распределения экономического роста и в условиях проявления кризисных явлений остались стабильными. Сохраняются существенные региональные различия в уровне жизни населения, которые, в частности, проявляются в дифференциации качества жизни населения и изменении ожидаемой продолжительности жизни.

В Волгоградской области, в отличие от инновационно-развитых регионов, процессы институциональных преобразований происходят инерционно, несмотря на наличие приоритетов стратегического развития: образования, здравоохранения, промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительного комплекса, сферы жилищно-коммунального хозяйства, социальной сферы, обеспечивающих инвестиционную привлекательность региона. Инерция не способствует развитию региональных инновационных систем (РИС)¹. Но экономика Волгоградской области имеет определенный запас стратегически важных ресурсов для развития, образующих конкурентные преимущества региона, что позволяет планировать деятельность по его территориально-пространственному развитию в соответствии с институциональными требованиями и с учетом диспропорции социально-экономического развития региона. К конкурентным преимуществам региона относятся:

- высокая степень обеспеченности трудовыми ресурсами;
- наличие широкого спектра ресурсного потенциала развития, включая достаточное количество минерально-сырьевых ресурсов (нефть, газ, калийные соли, бишофит), уникальных природных и рекреационных ресурсов, с известностью, выходящей за пределы области, способствующие развитию туризма, отдыха и оздоровления населения;

¹ Постановление Правительства Волгоградской области от 09 декабря 2013 г. № 696-п «Об утверждении государственной программы Волгоградской области “Экономическое развитие и инновационная экономика” на 2014 – 2016 годы», раскрывающее принципиальные положения формирования РИС. РИС очень разнородны по своему составу и характеристикам, а для поддержки инновационной активности используются различные инструменты, обеспеченные государственной поддержкой, включая технопарки в сфере высоких технологий, наукограды, особые экономические зоны технико-внедренческого типа, реализация мегапроектов в технологических платформах, создаются структуры финансовой поддержки инноваций. Так, подавляющая часть таких элементов инновационной системы сконцентрирована в европейской части страны в Центральном, Приволжском и Северо-Западном федеральных округах.

- высокий промышленный потенциал (наличие более 4 тысяч промышленных предприятий, в том числе крупных и средних – около 500, составляющих около 30 процентов от объемов промышленного производства Южного федерального округа);
- многоотраслевая ориентация промышленного производства с высокой долей обрабатывающих производств, создающая предпосылки устойчивого развития экономики региона;
- благоприятные условия для развития высокоэффективного сельскохозяйственного производства (Волгоградская область входит в первую десятку субъектов Российской Федерации по производству зерна);
- развитая инженерная инфраструктура и наличие свободных энергетических мощностей;
- значительный научно-технический и инновационный потенциал;
- близость к европейским и мировым рынкам, что обеспечивает внутренние, межрегиональные, внешнеторговые и транзитные связи региона;
- выгодное географическое положение, способствующее активному товарообмену с близлежащими регионами и участию в формировании международных транспортных коридоров;
- мощный транспортный комплекс, связывающий территории европейской части России со странами Закавказья, Средней и Центральной Азии: железнодорожный узел, магистральные автодороги, международный аэропорт, Волго-Донской судоходный канал. Волгоград имеет выход в акватории морских портов Каспийского, Черного, Азовского, Балтийского и Баренцева морей.

Дополнительные возможности для развития Волгоградской области открываются в связи с ее подготовкой к проведению Чемпионата мира по футболу 2018 года.

Таким образом, территориально-отраслевое развитие области в современных условиях определяется следующими *стратегическими целями*:

- преодоление негативных тенденций снижения численности населения, создание условий для ее роста в городах и населенных пунктах;
- обеспечение благоприятных условий для реализации инвестиционных проектов и ведения бизнеса;
- создание и постоянное повышение комфортных условий жизнедеятельности населения (обеспечение прав человека на благоприятные условия жизнедеятельности);
- постоянное оперативное информирование населения о планировании развития, правовых режимах использования территории, реализации проектов строительства.

Стратегическим ориентиром социально-экономического развития Российской Федерации, определенным в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года¹, является переход к инновационной, социально ориентированной модели экономического роста страны в долгосрочной перспективе. Экономический кризис не изменил глобальных приоритетов развития страны и его общего вектора в сторону усиления инновационных факторов, однако, сказался на количественных параметрах развития, прежде всего в среднесрочном аспекте. Сценарий инновационного развития, принятый в качестве основы развития региона, характеризуется усилением инвестиционной направленности экономического роста и укреплением позиций области в российской и мировой экономике, опирается на создание современной транспортной инфраструктуры и конкурентоспособного сектора высокотехнологичных производств, наряду с модернизацией энерго-сырьевого комплекса, предполагает превращение инновационных факторов в ведущий источник экономического роста и прорыв в повышении эффективности использования человеческого капитала, что позволяет планировать улучшение параметров социального развития региона. В 2030 году Волгоградская область должна укрепить свои позиции как регион инновационных технологий и рекреационных ресурсов с развитой экономикой, обеспечивающей стабильный рост качества жизни населения.

Сценарий инновационного развития опирается на использование конкурентных преимуществ экономики не только в традиционных секторах (энергетика, транспорт, аграрный сектор), но и в новых наукоемких секторах и «экономике знаний» и масштабное изменение структуры регионального экспорта. Он предусматривает:

- создание эффективной национальной инновационной системы и развертывание долгосрочных программ и проектов, обеспечивающих лидирующие позиции в отдельных сегментах мировых рынков средне- и высокотехнологичных товаров и услуг;
- глубокую модернизацию социальной инфраструктуры, включая образование, здравоохранение, жилищный сектор, обеспечивающую существенное повышение качества человеческого капитала и стандартов жизни населения;
- модернизацию инфраструктурных отраслей экономики: транспорта, включая реализацию проектов высокоскоростных железнодорожных магистралей и новой сетки региональных и местных авиаперевозок, что обеспечит качественно иной уровень мобильности населения, а также электроэнергетики при более высокой эффективности энергосбережения;
- создание сети конкурентоспособных инновационных кластеров, новых региональных центров экономического развития.

Выявлены также основные характеристики инновационного сценария социально-экономического развития, в пространственном аспекте:

- специализация на рынках сырья с глубоким уровнем переработки и высокотехнологичной продукции, а также увеличение доли сбалансированных отраслей и экономики знаний;

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

- рост производительности труда в 1,4 раза к 2018 году и в 2,3 раза к 2030 году;
- переход половины населения области в «средний класс», вызывающий трансформации в социальной сфере;
- масштабная модернизация транспортной системы к 2025-2030 гг., строительство высокоскоростных магистралей;
- формирование центров инновационного развития;
- сокращение регионального неравенства.

Оценку достижению стратегических целей инновационного сценария развития в конкретном регионе могут дать основные характеристики, имеющие непосредственное выражение в территориальном аспекте:

- удовлетворенность населения медицинской помощью и качеством общего образования;
- привлечение инвестиций в основной капитал;
- общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя области;
- увеличение доли протяженности автомобильных дорог с твердым покрытием общего пользования регионального или федерального значения, соответствующих нормативным требованиям транспортно-эксплуатационных показателей.

Таким образом, сформировались *приоритетные направления территориально-отраслевого развития* области в современных условиях:

- административно-хозяйственное районирование территории;
- совершенствование расселения населения;
- обеспечение комфортности проживания;
- создание территориально-планировочного геосервиса — геоинформационной системы (ГИС).

Направление реорганизации административно-хозяйственного районирования региона предусматривает распределение муниципальных образований по зонам развития, выделяемым с учетом наиболее рентабельных приоритетных направлений производства и полного цикла переработки продукции, климатических и географических особенностей, исходя из общности экономики, территориальной близости расположения и радиуса транспортной доступности. Зоны опережающего развития, обладающие потенциалом ускоренного развития, выделены в особую категорию объектов региональной политики.

На территории Волгоградской области определены пять зон (Волгоградская агломерация, Котельниковская промышленная зона, Эльтонская зона и Камышинский текстильный кластер), в том числе:

Первая зона развития (режим: модернизация и строительство) — Волгоградская агломерация – новых производств на предприятиях с высокой добавленной стоимостью, которые включаются в инновационный химический кластер, химико-фармацевтический кластер Волгоградского инновационного территориального кластера по производству современных строительных материалов и высокочистых химических продуктов. Инновационный кластер создается на основе Светлоярского и Наримановского месторождений хлористого магния, автомобильного кластера, радиоэлектронного кластера. Предусматривается создание промышленных (индустриальных) парков в Волгоградской области на базе ЗАО «Волжский трубный завод», ООО «ИППГ “Волга Бас”», технологического парка на базе **Волжского научно-технического комплекса (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Волгоградский государственный технический университет»**. Во второй зоне развития (режим: создание нового стратегического направления по глубокой переработке калийных руд) находится Котельниковская промышленная зона. Третья зона развития (режим: развитие рекреационных ресурсов) включает зону озера Эльтон. В четвертой зоне развития планируется формирование инновационного территориального кластера «Камышинский текстиль», который включается в объединение предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства и реализации товаров и услуг текстильной промышленности. На территории этой зоны предусматривается активная работа по привлечению других стратегических инвесторов для формирования потенциала ускоренного развития.

Направление совершенствования расселения населения основано на сохранении опорного каркаса расселения, являющегося результатом предшествующего этапа развития как всей территории области, так и отдельных поселений. Современная региональная система расселения находится в зависимости от его развития, который составляют общегосударственные (основные) межрегиональные (дополнительные) и региональные (вспомогательные) связи, как правило, совпадающие с основными транспортными направлениями. Линейно-полосовые структуры (ЛПС) сформировались вдоль основных транспортных магистралей – Москва-Волгоград-Астрахань, Волгоград – Саратов, Волгоград – Шахты, Волгоград – Астрахань. В качестве основных структурных элементов областной системы расселения (каркаса расселения) выделяются: ЛПС урбанизации, формирующиеся в виде цепочки поселений вдоль связей – структуроформирующих узлов (СФУ), являющихся организующим ядром опорных центров сети поселений вокруг ЛПС и СФУ. Главными опорными центрами расселения населения области (каркаса расселения) в предлагаемом зонировании региона становятся в настоящее время города: Волгоград, Волжский, Калач-на-Дону, Николаевск, Камышин, Новоанниск, Михайловка, Фролово как основные места концентрации основных производств, включая транспортные узлы, дополняемые населенными пунктами, расположенными на главных транспортных осях.

Направление обеспечения комфортности проживания в процедуре подготовки документов территориального планирования и проектов планировок закрепляется посредством соблюдения региональных нормативов градострои-

тельного проектирования (РН ГП),¹ представленных совокупностью установленных в целях обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека расчетных показателей минимально допустимого уровня обеспеченности объектами обслуживания населения, муниципальных образований и максимально допустимого уровня территориальной доступности таких объектов населением².

Направление создания территориально-планировочного геосервиса – геоинформационной системы (ГИС) – связано с реорганизацией действующего ресурса, используемого в настоящее время Правительством Волгоградской области для повышения инвестиционной привлекательности региона, который аккумулирует информацию об инвестиционных проектах по отраслевому признаку, их местоположению и основных технико-экономических показателях, о заключенных договорах государственно-частных партнерств (ГЧП) в формате реального времени, с отражением хронометража событий. Потребности в реорганизации обусловлены проявлением новых тенденций, таких как определение долгосрочных приоритетов развития региона, в их корреспондировании с Концепцией долгосрочного развития Российской Федерации и конкретизированы в документах стратегического характера, принятых в Южном федеральном округе³, а также стратегиях развития отраслей и крупных компаний, с выраженной пространственной составляющей сценариев развития. Влияние тенденций комплексно скажется на изменении принципов организации подобных порталов.

Перспективы пространственного развития Южного федерального округа при реализации инновационного сценария определяются следующими факторами:

- модернизацией традиционных видов промышленного и агропромышленного производства с привлечением крупных производителей технологий и диверсификацией экономики округа за счет развития высоких технологий, что позволит округу стать основным в Российской Федерации поставщиком на отечественный и зарубежный рынки широкого перечня продукции нового типа;

- созданием эффективной региональной инновационной системы, включающей научно-инновационный комплекс, федеральный университет, ряд инновационных зон и кластеров, превращением округа — инновационного аутсайдера — в базовый для России ареал технико-технологического прорыва в сфере агропромышленного комплекса, энергетики, рекреации, логистики;

- развитием сервисного сектора, базирующегося на развитии современных высокотехнологичных видов услуг, а также финансовых и страховых услуг, перспективных кластеров финансовых, деловых и образовательных услуг, научных разработок и прикладных исследований, высокотехнологичных производств, в том числе информационных технологий, во взаимосвязанных агломерациях Ростова-на-Дону, Краснодара, Волгограда, известных оздоровительных, горнолыжных и приморских курортов с последующим распространением инфраструктурных инвестиций государственного уровня на новые курортные центры;

- формированием на базе крупных агломераций округа (Ростовской, Волгоградской и Краснодарской) торговых, транспортно-логистических и финансовых центров общенационального и межрегионального значения.

- реализацией транспортно-транзитных преимуществ округа путем формирования ряда транспортных магистралей, транспортных узлов и транспортно-логистических комплексов международного и межрегионального значения; развитием транспортной и таможенной логистики в Краснодарском крае, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях на основе использования системы международных транспортных коридоров (зон грузовых портов, авиа- и железнодорожных узлов), поддержкой интеграции транспортных систем в «Большое Средиземноморье» (Южная Европа, Ближний Восток и Северная Африка), развитием экономических связей со странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Основными пространственными преимуществами Волгоградской области, по сравнению с другими субъектами ЮФО, являются:

- выдающееся в масштабах Евразии транспортно-географическое положение, обусловленное наличием Волго-Каспийского пути из Северной и Центральной Европы в страны Средней, Юго-Западной и Южной Азии, а также наличием Транссибирско-Черноморского пути;

- наиболее благоприятные для проживания, отдыха и для сельского хозяйства природно-климатические условия и природно-ресурсный потенциал;

¹ Данный термин используется в практике регионального управления на основе положений ГК РФ, в котором РН ГП представлены «де-юре» как инструмент оптимизации сугубо градостроительных (пространственных решений), в то время как возможности и содержание нормативы, «де-факто» позволяют им распространяться широко в систему регионального менеджмента при решении различных задач и проблем региональной экономики.

² Региональные и местные нормативы градостроительного проектирования содержат минимальные расчетные показатели обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека (в том числе объектами социального и коммунально-бытового назначения, доступности таких объектов для населения (включая инвалидов), объектами инженерной, транспортной инфраструктур, благоустройства территории). РНГП устанавливают совокупность расчетных показателей минимально допустимого уровня обеспеченности объектами регионального значения, относящимися к областям, иными объектами регионального значения населения и расчетных показателей максимально допустимого уровня территориальной доступности таких объектов для населения. Они могут устанавливать предельные значения расчетных показателей минимально допустимого уровня обеспеченности объектами местного значения, населения муниципального образования и предельные значения расчетных показателей максимально допустимого уровня территориальной доступности таких объектов для населения муниципальных образований.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05 сентября 2011 г. № 1538-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа до 2020 года».

– мощный промышленно-производственный потенциал, занимающий в некоторых отраслях агропромышленного комплекса, сельскохозяйственного машиностроения, металлургии, химии и нефтехимии, пищевой промышленности ведущие позиции в стране;

Вместе с тем, наряду с преимуществами, исследуемый регион имеет слабо диверсифицированную отраслевую структуру экономики, сравнительно низкий уровень производительности труда в большинстве ключевых отраслей и секторов экономики, недостаточно высокую инновационную активность и незначительное присутствие в области высокотехнологичных видов деятельности. Кроме того, в регионе отсутствуют лидирующие инновационно-образовательные кластеры, сохраняется несоответствие профессионально-квалификационного состава рабочей силы долгосрочным приоритетам развития, отмечены значительные межрегиональные и межмуниципальные деформации по степени экономической активности и уровню жизни населения, ограниченность инфраструктурных процессов.

Современные государственные институты должны быть сформированы в рамках системы территориально-пространственного управления развитием. Планируется создать дополнительные стимулы к развитию агломерационных образований, обеспечить повышение самостоятельности органов власти местного самоуправления (в том числе бюджетной самостоятельности). Предстоит обеспечить эффективное разграничение полномочий между федеральным и региональным уровнями власти. Будет сформирована сбалансированная модель бюджетного федерализма, снизится число дотационных регионов, повысится собственная налоговая обеспеченность региональных и муниципальных бюджетов.

Таким образом, определены *ключевые достижения* территориально-отраслевого развития области по приоритетным направлениям:

- оптимизация сети объектов социального обслуживания населения;
- формирование зон: активных инвестиционных и бизнес процессов, жилищного строительства и внутреннего туризма;
- увеличение инвестиционного потенциала Волгоградской области путем совершенствования инвестиционного портала.

Обширная система документов стратегического планирования и плановых мероприятий на региональном уровне выражает в целом региональную политику территориального развития. Связанность и адаптация положений документов достигается благодаря единому программно-целевому подходу, суть которого в синхронизации социально-экономических процессов развития в обществе (континууме и социумах) и процессов улучшения состояния и освоения территории (строительство объектов структуры и инфраструктуры территории для комфортных условий проживания и ведения бизнеса). Именно эти выявленные достижения пространственно-стратегического планирования предлагается использовать в качестве основных положений *Сводного плана социально-экономического развития Волгоградской области*, разработанного коллективом ученых и специалистов (в том числе и с участием авторов данной статьи) на принципах согласования ключевых документов Российской Федерации и Волгоградской области. Этот документ содержит оценку ситуации приоритетных отраслей экономики и инвестиционной сферы, характеристику направлений реализации конкурентных преимуществ области, описание проблемных вопросов, цели, задачи и мероприятия по реализации и созданию необходимых условий для активизации деятельности органами исполнительной власти в регионе, субъектов региональной экономики. Реализация сформулированных задач и мероприятий будет способствовать комплексному пространственному развитию Волгоградской области, обеспечению эффективности использования территории, улучшению качества жизни населения, информированию населения о планировании развития территории Волгоградской области. Изложенные тенденции и предложения представляют собой формулировку концепции стратегического планирования региона, при котором интегрируются институты социально-экономического и территориального планирования и представляют собой теоретическую основу обновленной модели стратегического планирования – пространственно-стратегического планирования. Для практической реализации модели целесообразно при губернаторе региона создать специальный орган, например, Совет по пространственно-стратегическому планированию, либо передать эти функции Совету по размещению производительных сил, вырабатывающему основные положения по пространственно-стратегическому планированию, которые должны стать частью Послания губернатора региональному Законодательному собранию и Правительству региона. На их основании вносятся соответствующие корректировки в Стратегию социально-экономического развития и Схему территориального планирования региона и муниципальных образований, либо они подготавливаются заново. В этой части послания Губернатора устанавливаются механизмы и инструменты управления территориальным развитием региона, а также средства государственного регулирования. Их внедрение в деятельность уполномоченных государственных и муниципальных органов по планированию обеспечит принятие «адаптивных» управленческих решений – появление региональных программ и проектов, планов мероприятий и уменьшит количество дорожных карт, решающих текущие проблемы развития региона.

Дохолян С.В.

д.э.н., профессор, директор Института социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА¹

Ключевые слова: *региональное развитие, социально-экономическая политика.*

В современных российских условиях формирование новых подходов к устойчивому развитию региональных экономик, характеризующихся диспропорциональностью и асинхронностью, представляет повышенный интерес. Наличие фундаментальных подходов к обоснованию концепции устойчивого развития на мезо- и макроуровнях в настоящее время сочетается с практическим отсутствием системных теоретико-модельных представлений о механизмах управления устойчивым развитием социально-экономической системы мезоуровня. Концептуальные основы управления устойчивым развитием социально-экономических систем отдельных регионов, хотя и учитывают общероссийские подходы к управлению устойчивым развитием, тем не менее, формируются под влиянием особенностей системной организации экономики конкретного региона.[13]

Формирование социально-экономической политики региона – это комплекс организационных мероприятий по разработке, контролю и координации выполнения управленческих решений по достижению целей социально-экономического устойчивого развития региона. Реальная реализация крупных инвестиционных проектов и программ возможна лишь в рамках конкретных региональных образований России в рамках их программ социально-экономического развития, т.к. любой инвестиционный проект или программа осуществляется в рамках экономической, правовой и организационной системы региона (основываясь на федеральной вертикали) и не могут быть рассмотрены вне социальной и экономической среды, его инвестиционной инфраструктуры; инвестиционные и организационные проблемы проекта или программы не могут быть разрешены вне поддержки региональных властей (в том числе и финансовой), вне использования законодательных и налоговых инструментов органов региональной власти; корректно²; программы развития регионов могут представить реальный механизм реформирования экономики региона и выхода его из общеэкономического кризиса [25].

В настоящее время в условиях новых экономических отношений и развития многоукладности экономики перед руководством страны стоит задача разработки новых методов управления социально-экономическим развитием регионов.

Объектами исследования региональной экономики являются природный, производственный и человеческий потенциал, инфраструктура, социальная сфера, качество жизни населения и отдельные объекты производства. Региональная экономика изучает связи между этими объектами, между отдельными регионами страны и с другими странами. Именно благодаря этим связям происходит формирование системы региона как единого целого. При этом экономика каждого региона становится частью одной или нескольких региональных систем, а национальная экономика рассматривается как система взаимодействующих регионов разного ранга.

На мезоуровне субъектом управления социально-экономическим развитием региона являются органы власти региона. Под управлением мы понимаем сознательное воздействие со стороны субъекта управления и его органов, принимающих решение, на людей и экономические объекты с целью получения желаемых результатов.

Любая наука начинается с базовых понятий и определений, постулатов. В.И. Колесников писал: «Во всякой науке, как показывает история научных знаний, самым трудным и сложным делом оказываются исходные положения и понятия. В математике таковым оказывается понятие о числе, в физике – понятие о материи и энергии, в биологии – учение о «первичном» живом веществе – клетке, в географии – учение о районах» [18, с. 57].

В региональной экономике такими базовыми понятиями являются «социально-экономическая система», «территория», «регион», «район».

Социально-экономическая система является сложной вероятностной динамической системой, анализирующей материальное производство, распределение и обмен благ. По определению В.И. Колесникова, «система – это совокупность взаимосвязанных элементов, совместно реализующих определенные цели. Надсистема – окружающая систему среда, в которой функционирует система. Подсистема – подмножество элементов, реализующих цели, согласованные с целями системы» [18, с. 235]. Степень сложности системы оценивают по трем определяющим свойствам: во-первых,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-02-00094а).

² В соответствии с требованиями федерального уровня) сформированные и принятые региональными законодательными и исполнительными органами субъекта Российской Федерации экономические, инвестиционные и социальные приоритеты могут позволить создать инвестиционным проектам не только необходимую поддержку (налоговые льготы, защита интересов инвестора), но и обеспечение гарантиями соответствующего уровня (регионального, федерального).

«изменение одной переменной будет влиять на многие другие переменные системы, и лишь редко линейным образом» [5, с. 28]; во-вторых, существование множественных обратных связей; в-третьих, наличие в системе состоящих, соперничающих сторон.

Все эти свойства присущи региону. Сложность системы определяется через множество переменных, большое количество параметров и различных состояний, а также через множество взаимосвязей между ними. Согласно одной из наиболее широко распространенных классификаций систем, по степени сложности, все системы могут быть подразделены на три класса: простые, сложные и сверхсложные. Регион относится к сверхсложным системам, которые точно и подробно описать невозможно.

Свойства сложных социально-экономических систем, как объекта управления, следующие: эмерджентность – это свойство, определяющее существование у системы таких свойств, которых нет ни у одного из элементов системы, взятых в отдельности¹; массовый характер наблюдений²; под влиянием среды происходит изменение параметров и структуры всей экономической системы в целом, т.е. экономическая система является динамичной системой; на состояние экономической системы большое влияние оказывают различные случайные процессы. Кроме того, любая экономическая система в значительной степени зависит и от принятия различных политических и законодательных решений, которые нельзя заранее спрогнозировать. Поэтому для моделирования экономических систем необходимо применение теории вероятности и математической статистики; процессы, протекающие в любой экономической системе³, всегда зависят от окружающей среды, т.е. ее невозможно изолировать, чтобы рассматривать в чистом виде.

Появляющиеся новые факторы вызывают активную и не всегда предсказуемую реакцию социально-экономических систем.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что регион как объект управления представляет собой сверхсложную, вероятностную, динамическую и открытую систему. Для изучения сложных и сверхсложных систем необходима их декомпозиция, т.е. выделение отдельных частей (подсистем), каждая из которых обладает относительной целостностью и собственными целями. Регион можно разбить как минимум на две подсистемы: управляющую и управляемую. Управляемая система в свою очередь может быть подразделена на функциональные и территориально обособленные подсистемы. Функциональная подсистема – это подсистема, которую можно рассматривать как самостоятельный объект управления со стороны органов регионального управления. К ним можно отнести экономическую, экологическую, демографическую и др. подсистемы.

Другим важным понятием региональной экономики является понятие «территория». По определению А.Б. Алаева [1, с. 67], «территория – часть твердой поверхности Земли с присущими ей природными и антропогенными свойствами и ресурсами, характеризующаяся протяженностью (площадью) как особым видом «пространственного» ресурса и географическим положением и другими качествами». Но любая территория неоднородна по своим национальным, социально-экономическим, историческим и другим признакам. Естественно возникает необходимость разбиения территории на однородные по своим признакам единицы. При этом для обозначения таких единиц используются различные термины: регион, район, анклав, зона и т.д.

В нашей стране большинство исследователей региональной экономики сходятся во мнении, что регионом необходимо считать субъект Федерации. Понятие «регион» используется и в других науках, в частности в географии и строительстве, где понятие «регион» основано на других критериях.

Большое многообразие критериев не позволяет дать единого достаточно короткого определения региона, т.к. регион одновременно рассматривается с различных позиций.

Регион – это целостная система. Региону как системе присуще большое число взаимосвязанных подсистем, сложность управления, неполнота информации о состоянии элементов системы. Функционирование региона невозможно без участия населения, поэтому для того чтобы эффективно управлять регионом, необходимо учитывать социальный фактор.

С точки зрения А.Г. Гранберга [8, с. 260] и с ними согласны многие исследователи, регион характеризуют следующие черты: единство и целостность региона; общность и единство экономики; комплексность хозяйства; наличие определенного контингента населения, обладающего соответствующим уровнем образования, квалификации и традиционно сложившимися навыками производства; выход на рынок с использованием имеющихся ресурсов, таких как труд, земля и капитал; специализация; управляемость.

Без целостности региона невозможно рационально и эффективно использовать природные ресурсы региона, оптимально формировать внутри- и межрегиональные связи и т.п. [11, с. 21]. Эффективное социально-экономическое развитие региона невозможно без сбалансированного и согласованного, т.е. комплексного, развития производительных сил. При этом формировать специализацию надо таким образом, чтобы не нарушить пропорционального развития экономики региона в целом [24, с. 167].

Социально-экономическая система региона состоит из пяти подсистем: системообразующая база; системообслуживающий комплекс; экология; население; инфраструктура рынка.

¹ Свойство эмерджентности является результатом возникновения синергических связей, которые усиливают общий эффект до величины большей суммы эффектов отдельных элементов системы, т.е. появляется необходимость моделирования экономико-социальной системы в целом.

² Закономерности, наблюдаемые при моделировании экономических процессов, трудно обнаружить с помощью ограниченного числа наблюдений. В силу этого при моделировании экономико-социальных систем необходимо использовать большой массив статистической информации.

³ Независимо от того чтобы ни моделировали: отдельную фирму, экономику отдельного региона или всей страны.

Таким образом, можно дать следующее определение региона: регион – это часть территории страны, со своими границами, и которая обладает следующими свойствами: комплексность, неделимость, специализация и управляемость.

Регионы России различаются уникальным разнообразием. Эта уникальность определяется огромными размерами страны, которая занимает по своему географическому положению несколько природных зон: от тундры до субтропиков и от пустынь до сибирских лесов. Россия многонациональная страна, народы, проживающие на территории Российской Федерации, различаются культурой и историческим наследием. Еще одним фактором, определяющим разнообразие России, – это доставшаяся в наследие от СССР пространственная организация хозяйств. В результате мы сейчас имеем огромную концентрацию производств, узкую специализацию многих регионов, огромные расстояния между производителями и потребителями, города, которые существовали только для того, чтобы обслуживать одно какое-либо предприятие, сращивание социальной инфраструктуры с производственными предприятиями, зоны экологических бедствий, критическое состояние малых городов, деградацию села [8, с. 44].

В настоящее время имеется много различных классификаций регионов. Согласно классификации, предложенной Советом по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству, регионы делятся на депрессивные и относительно благополучные, на высокоразвитые, развивающиеся и слаборазвитые. Также регионы делятся по природно-географическим условиям, геополитическому положению, климату и транспортному обеспечению [21, с. 345].

С нашей точки зрения, регион – это многоцелевая социально-экономическая система, со своими внутренними и внешними связями, своей системой показателей измерения целей и многообразием путей их достижения. При анализе и моделировании региональных социально-экономических систем необходимо учитывать следующие характерные особенности:

- ❖ регион – это не только экономическая, но и социальная система и поэтому при управлении регионом необходимо учитывать психологические факторы, долгосрочные интересы общества;
- ❖ регион является изменяющейся во времени, динамической системой¹;
- ❖ регион необходимо исследовать с использованием методов системного анализа, т.к. регион – это сложная слабоструктурированная система;
- ❖ регион – это адаптивная саморегулирующая система;
- ❖ существует конфликт между целями стратегического планирования и краткосрочными решениями;
- ❖ необходимым условием нормального развития региона является поддержание экономического равновесия (баланса ресурсов в системе);
- ❖ социально-экономическая система региона, как объект изучения характеризуется:
- ❖ качеством знаний о системе, большим количеством экспертных-оценочных знаний;
- ❖ слабоструктурированностью задач управления социально-экономическим развитием региона;
- ❖ высоким уровнем внешней и внутренней неопределенности.

Следствием этих неопределенностей является зачастую только качественный характер оценки результата принимаемых решений [4, с. 5].

В настоящее время существует четыре основные парадигмы с позиций, которых рассматривается региона. Это регион-рынок, регион-квазигосударство, регион-квазикорпорация и регион-социум. Кроме основных, существуют и другие парадигмы, например регион-подсистема информационного общества или регион-участник интернализации и глобализации экономики.

Парадигма «регион-социум» рассматривает регион как общество людей, проживающих на определенной территории. При использовании этого подхода на передний план выдвигается социальная жизнь населения, развитие систем образования, здравоохранения, культуры, проблемы экологии. Этот подход шире чисто экономических подходов.

С точки зрения парадигмы «регион-квазигосударство», регион рассматривается как отдельная подсистема национальной экономики. При использовании этой парадигмы социально-экономического развития региона центр передает региону значительную часть своих полномочий.

Использование парадигмы «регион-квазикорпорация» оправдано, если регион рассматривается как крупный субъект экономической деятельности. Здесь регион – это участник конкурентной борьбы за рынки товаров и услуг, администрация которых проводит политику защиты региональных производителей и потребителей. Во всем мире, и в России в частности, существуют градообразующие предприятия. На примере таких городов очень четко прослеживается эта парадигма, т.к., оказывая поддержку и защиту предприятий, город обеспечивает свое социально-экономическое развитие.

Парадигма «регион-рынок» рассматривает регион как рынок, имеющий свои границы, акцентирует внимание на общих условиях экономического развития, основных чертах рынков труда, капитала, товаров и услуг.

Между регионом и государством наблюдается определенное сходство. При рассмотрении региона как государства используются неоклассические и неокейнсианские модели. Микроэкономический подход целесообразно привлекать, если необходимо учитывать внутренние различия региона. Такой подход соответствует парадигмам «регион-квазикорпорация» и «регион-рынок». Макроэкономический анализ региональной макроэкономики больше соответствует парадигме «регион-квазигосударство», и он используется для гомогенных регионов.

1 Следовательно, для эффективного управления регионом необходимо учитывать динамику развития региона, постоянно ее анализировать, учитывать жизненные циклы региона и его отдельных частей.

В последние годы в связи с бурным развитием компьютерных технологий и сети Internet все большее влияние на социально-экономическое развитие регионов получила парадигма «регион-подсистема информационного общества».

Другой особенностью социально-экономического развития является массовое применение инноваций. Это связано с бурным развитием науки, техники и технологий. Если в середине XX в. объем знаний удваивался за тридцать лет, то в настоящее время, по разным оценкам, он утраивается за десять лет. Причем данная тенденция, вероятно, будет усиливаться.

Так же как и любая система экономика региона должна развиваться устойчиво. Устойчивое развитие подразумевает длительное сохранение условий для сбалансированного воспроизводства многостороннего потенциала региона. Недопустимо развитие региона за счет невозможной эксплуатации каких-либо ресурсов, будь то природный ресурс, человеческий или основные производственные фонды, т.к. это рано или поздно приводит к кризисным явлениям с непредсказуемыми социально-экономическими последствиями [5, с. 32].

Наиболее серьезные научные исследования в отечественной регионалистике, не уступающие мировому уровню, связаны с разработкой и применением методов стратегического управления и планирования. Разрабатывая планы развития региона, необходимо учитывать все стороны его социально-экономической жизни, смоделировать различные сценарии развития региона и выбрать из них лучший. При моделировании социально-экономического развития региона возникает проблема сбора объективных данных. Да и предприятия порой выдают искаженную информацию, причем руководство этих предприятий за свои действия никакой ответственности не несет.

Для социально-экономического развития региона в первую очередь необходимо разработать научно обоснованную долгосрочную стратегию развития, которая бы определяла цели, способы их достижения, различные сценарии развития событий и их прогнозные оценки. Исходя из стратегии развития региона, ориентируясь на эффективную работу системы, можно обеспечить единственное решение.

Для разработки стратегии социально-экономического развития, как слабоструктурированной системы, с большим количеством сложных взаимосвязанных параметров применяются методы теории системного анализа. В настоящее время на практике управления регионами применяются следующие модификации системного подхода: системно-комплексный подход; системно-программный подход; системно-мультипликационный подход; системно-нормативный подход; системно-динамический подход.

Любое эффективное управление какой-либо системой, и в частности управление социально-экономическим развитием региона, требует предвидения, определения и изменения целей, в условиях изменяющейся ситуации. Это и привело к появлению ситуационной теории управления, которая является дальнейшим развитием теории систем. Основной тезис ситуационного управления – не существует унифицированного метода управления, метод управления зависит от создавшейся ситуации.

Как отмечалось ранее, региональная социально-экономическая система имеет сложную структуру. Из нее можно выделить такие подсистемы, как производственная и непроизводственная подсистемы, население, финансовые ресурсы, внешнеэкономическая подсистема и т.д.

Модель устойчивого социально-экономического развития региона в настоящее время наиболее эффективно можно реализовать, рассматривая регион как адаптивную, слабоструктурированную, самоорганизующуюся систему.

Практика показывает, что наиболее эффективное управление реальными социально-экономическими объектами во многом определяется использованием адаптивного механизма в процессе управления. Адаптивной считается система, которая обладает способностью приспособиться к динамике внутренних и внешних условий. Как считает М.Х. Мескон [23, с. 476], основа современного управления – это адаптация, т.к. постоянно накапливающееся несоответствие внешних условий и способов функционирования социально-экономической системы неизбежно приводит к кризисным ситуациям. Совместно с понятием «адаптация» имеется и понятие «адаптивное управление». Адаптивное управление – это управление в случае неполной информации об управляемом процессе, причем управление модифицируется по мере получения информации, накопленный опыт используется для улучшения работы системы.

Особенностью современных методов управления экономическим развитием региона является то, что, во-первых, управление становится стратегическим, а во-вторых, экономическое развитие территории и эффективное управление этим процессом становятся задачей не только управленческой подсистемы региона, но и общественных групп населения [2, с. 112].

При рассмотрении регионального управления, с точки зрения институционального подхода, необходимо включать в предмет исследования институты, которые определяют «правила игры» и мотивацию деятельности социальных субъектов. При определении социально-экономического развития региона следует учитывать институциональные изменения в социальной сфере, в какой мере намечаемые преобразования будут поддержаны различными группами населения, представляющими соответствующие институты¹. Кроме того, необходимо учитывать взаимосвязь политических и экономических институтов.

В Российской Федерации в настоящее время административно-территориальное деление не отвечает «классическому» институту, при котором четко разграничены сферы компетенции и ответственности. Но такое положение вещей не должно привести к замене сложившегося института административно-территориального деления, он должен, может и будет совершенствоваться. Сказанное можно отнести и к иерархии регионов и поселений.

¹ Например, Г. Минцберг, выполнив анализ решений правительства Великобритании по преодолению кризисных явлений в некоторых регионах страны, пришел к выводу, что они базировались только на явных параметрах (безработица, миграция, политическая нестабильность), решения не учитывали глубинных процессов, происходящих в социальной жизни этих регионов. В результате антикризисные программы оказались малоэффективны [24, с. 235].

Разрабатывая стратегию социально-экономического развития региона, необходимо проанализировать взаимосвязи и противоречия между институтами. В российской экономике таких противоречий более чем достаточно, например, между рыночной, цивилизованной идеологией частного предпринимательства и неформальными (а точнее полукриминальными) правилами отечественного бизнеса.

С точки зрения методологии управления развитием мало внимания уделяется институту предпринимательства. Формирование которого в ближайшие десятилетия будет определяться сложившимися формальными и неформальными правилами.

При использовании институционального подхода необходимо решить несколько задач:

1. ершенствование системы существующих социально-экономических институтов, исходя их следующей последовательности управления социально-экономическим развитием региона: диагностика → прогнозирование → разработка социально-экономической политики → программирование → контроль реализации программ. На основе институционального подхода, который заключается в систематизации и упорядочивании взаимоотношений между институтами, можно выделить три уровня приоритетных задач: решение социальных проблем региона; обеспечение эффективной работы экономики; экологическая безопасность региона. В методологическом плане следует учесть и отечественный опыт программно-целевого планирования и зарубежный опыт. Решая методологические вопросы программирования, академик А.Г. Гранберг рекомендует включить в общую программу развития региона, следующие разделы: анализ экономического и социального развития¹; оценка предпосылок и конкурентных преимуществ²; обоснование стратегии экономического и социального развития региона; определение конкретных методов деятельности и программных мероприятий по реализации региональной стратегии; разработка механизма финансового и организационного обеспечения намечаемых мероприятий [10, с. 87].

2. енаправленное, опережающее, по сравнению с преобразованиями, развитие институциональной системы. Подтверждением необходимости решения данной задачи является приватизация.

3. анизация мониторинга институциональной региональной экономики. Решение этой задачи обеспечит устойчивость социально-экономической ситуации.

4. ершенствование института государственного предпринимательства. В настоящее время государство обладает значительной собственностью. Это и фактически находящиеся в руках государства естественные монополии, значительные пакеты акций крупных предприятий и т.п. Управление этой собственностью требует значительной модернизации института государственного предпринимательства.

Регулирование пространственного развития экономики регионов является центральным элементом региональной социально-экономической политики.

Как региональная политика страны, так и территориальная политика субъекта Российской Федерации ориентированы на достижение двух групп взаимосвязанных, целей – экономических и социальных. Соответственно, можно выделить две группы, задач. Первая группа – экономические задачи, которые заключаются в формировании конкурентоспособной (как минимум, во внутрироссийском масштабе) региональной экономики. В числе основных задач экономической направленности: поддержка и укрепление экономического лидерства адаптированных к рынку модернизирующихся муниципальных образований, в том числе за счет развития рыночной и производственной инфраструктур; содействие эффективной специализации муниципальных экономик с учетом имеющихся у них конкурентных преимуществ; формирование эффективных (с точки зрения повышения конкурентоспособности) межмуниципальных связей.

Особую значимость в достижении экономических целей в процессе реализации региональной политики приобретает инновационный характер выстраиваемой экономики, который предполагает: развитие научно-технического и образовательного потенциала крупнейших и крупных городов региона; создание сети территориально-производственных кластеров, направленных на развитие высокотехнологичного производства и глубокую переработку сырья; развитие крупных транспортно-логистических и производственных узлов; использование механизма создания особых экономических зон [19, С.11].

В числе основных задач территориальной политики региона, характеризующихся социальной направленностью: поддержка необходимых территориальных пропорций в развитии его экономики, недопущение чрезмерной дифференциации территориальных образований по уровню экономического развития; опережающее развитие наиболее перспективных, но развивающихся недостаточными темпами муниципальных образований; повышение за счет этого сбалансированности пространственного регионального развития; поддержка в максимально возможной мере экономики депрессивных муниципальных образований, в том числе за счет использования форм прямой поддержки; формирование эффективных³ межмуниципальных связей, пространственная интеграция сильных и слабых в экономическом отношении муниципальных образований.

Достижение социальных целей формирование равноценных условий жизни населения вне зависимости от места проживания обуславливают рассмотрение в качестве приоритетных так называемых проблемных, территорий⁴.

Соотношение между экономическими и социальными целями территориальной политики региона не столь однозначно, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, обеспечение конкурентоспособности экономики

¹ На основе данных за 3-5 лет выявить основные тенденции и наиболее острые проблемы в экономике региона.

² Анализ совокупного социально-экономического потенциала территории.

³ С позиций выравнивания уровня развития экономики различных муниципальных образований.

⁴ Сельских поселений с численностью до 100 человек, поселений с отсутствием общественного производства, монофункциональных городов и т.д.

региона является необходимым и обязательным условием формирования достойного уровня жизни населения территориального образования. С другой стороны, концентрация ресурсов на решении экономических задач «подрывает» функционирование социальной сферы, региона. Зачастую необходимым условием получения значимых экономических результатов является усиление социальной неоднородности, в том числе и в территориальном разрезе.

Противоречие между экономическими и социальными целями развития территориальных систем носит неустранимый характер. Имманентно присущее региональной политике противоречие разрешается путем постоянного, в зависимости от этапа развития экономики региона, изменения приоритетов территориальной политики.

Как свидетельствует практика регионального развития в развитых странах, в период кризиса и необходимости накопления ресурсов приоритет отдается достижению экономических целей; в периоды стабильного развития экономики на первый план выходит достижение социальных целей.

Однако при любом раскладе протекционистская политика в отношении слаборазвитых территорий должна иметь место. Другими словами, даже в периоды депрессии и выхода экономики из кризиса патерналистские начала в регулировании пространственного развития экономики региона, выраженные в той или иной мере, определяемой наличием ресурсов, являются обязательными. Региональная политика страны, как и территориальная политика региона в целом по своей сути социальны. Поэтому конечная их цель должна заключаться в повышении благосостояния и качества жизни населения, обеспечении равного доступа жителей различных территориальных образований к бюджетным услугам, гарантирующим реализацию конституционных прав граждан.

Экономические цели¹ должны носить по отношению к конечной цели региональной территориальной политики подчиненный характер.

Достижение как экономических, так и социальных целей в процессе регулирования пространственного развития экономики региона основывается на ряде принципов. Важнейший из них – примат общерегиональных целей развития над муниципальными, обеспечивающий эффективное развитие регионального рынка и преодоление в определенной мере внутрирегиональной асимметрии.

Второй принцип – принцип многополярного развития региона, позволяющий сформировать пространство развития для различных по своей специализации муниципальных образований, использовать в полной мере все преимущества территориального многообразия условий экономической деятельности населения. Реализация этого принципа предполагает стимулирование экономического развития территориальных социально-экономических систем путем создания новых центров роста.

Третий принцип – «компенсационный», предполагающий в отношении депрессивных территорий «установление комплекса особых мер развития – субсидий, направленных не только на выравнивание бюджетной обеспеченности, но и на поддержку региональных проектов развития, проектов, финансируемых за счет средств Инвестиционного фонда, особых экономических зон» [19, с. 1].

С учетом охарактеризованных выше целей и принципов территориальной политики можно обозначить ее основные направления, в числе которых: формирование нормативно-правовой базы пространственного развития экономики региона; формирование документов, определяющих перспективы территориального развития региона²; совершенствование территориальной организации хозяйства региона, нивелирование территориальных диспропорций в его развитии; совершенствование взаимодействия органов государственной власти с муниципальными образованиями и хозяйствующими субъектами³; развитие институциональной инфраструктуры территориальной политики региона; модернизация административно-территориальной структуры региона в целях укрепления экономики муниципальных образований; мониторинг территориального разреза социально-экономического развития региона и т.д.

Формирование основополагающих документов в области региональной политики активно ведется с начала 90-х гг. XX в. Так, Аналитическим центром при Президенте Российской Федерации в 1993 г. была разработана «Стратегия регионального развития России», а спустя год – «Программа помощи кризисным регионам». В течение 1993–1995 гг. программы региональной политики были предложены Министерством по проблемам национальностей и региональной политики; Министерством экономики (экономические аспекты), парламентской группой «Новая региональная политика», Российским географическим обществом. С участием международных экспертов реализованы два проекта по российской региональной политике в рамках ТАСИС (1998 и 2000 гг.). Однако до настоящего времени эти документы не реализованы. Нет общепринятой концепции регионального развития и, соответственно, эффективных законов в этой области. [3] За последние четыре года на суд общественности Минрегионразвития РФ представило два документа, касающиеся перспектив пространственного развития России. Первый из них получил название «Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации» (2005 г.); второй – «Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации» (2008 г.) Поскольку идеология и основополагающие принципы этих документов имеют важное значение, рассмотрим их подробнее.

В качестве стратегических целей региональной политики в «Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации» предложены: обеспечение глобальной конкурентоспособности России и ее регионов; стимулирование процесса новой «регионализации» – консолидация ресурсов российских регионов для ускоренного экономического роста и изменения структуры экономики; развитие человеческого капитала, повышение простран-

¹ Устранение территориальных диспропорций, формирование конкурентоспособной региональной экономики, достижение комплексного социально-экономического развития региона.

² Схем территориального развития, концепций и программ территориального развития, территориальных аспектов планов развития отраслей и т.п.

³ В части пространственного развития экономики региона.

венной и квалификационной мобильности населения; улучшение экологической ситуации в регионах Российской Федерации для сбалансированности экономического развития; повышение качества управления и использования общественных финансов на субфедеральном уровне [19, с. 31–32].

В проекте рассматриваемой Концепции четко прослеживается установка на отказ от региональной политики, направленной на выравнивание социально-экономического развития регионов. В отличие от региональной политики, разработанной для России в конце 1990-х гг. экспертами Европейского сообщества [29], Концепцией предусматривалось: создание регионов – «локомотивов роста» («опорных регионов»), генерирующих инновационно-инвестиционное воздействие на остальную территорию; в части административно-территориального деления страны – укрупнение юрисдикции для выделения системы «опорных регионов» внутри страны, возможность признания за ними другого статуса, чем у обычных административно-территориальных единиц; в части базового механизма управления – направление государственных капитальных вложений на развитие связанности «опорных регионов» с глобальной экономикой и другими регионами страны, снятие барьеров для распространения инноваций.

Для территорий, не получивших статуса опорного региона, государственную поддержку предлагалось направить в первую очередь на обеспечение равного доступа населения этой территории к бюджетным услугам, гарантирующим реализацию конституционных прав граждан. [19, с. 26]

Концепция поляризованного развития регионов была подвергнута со стороны научной общественности и представителей регионов серьезной критике прежде всего за ориентацию главным образом на цели экономического развития страны и ее регионов и фактическое забвение задачи выравнивания уровней социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Таким образом, реализация ее так и не состоялась, о чем свидетельствуют результаты опроса региональных экспертов, проведенного в августе-сентябре 2005 г. Фондом развития информационной политики и информационным агентством «Росбалт» [17, 30].

Заметим, что ученые и практики имели на то серьезные теоретические основания. Так, по мнению шведского ученого Г. Мюрдаля, высказанному еще в 50-х гг. XX в., «свободная игра рыночных сил обычно ведет к углублению, а не к сглаживанию межрайонных различий. ... Действие рыночных сил обуславливает тенденцию к концентрации растущих отраслей в некоторых районах. Этот процесс постепенно приобретает кумулятивный характер, ибо по мере концентрации здесь производства все сильнее проявляются эффекты агломерации, которые, преломляясь в специфической форме «внешней экономии», способствуют дальнейшей концентрации в этих районах частных инвестиций» [33]. При этом преимущества отсталых районов, прежде всего наличие свободной и дешевой рабочей силы, недостаточны для обеспечения эффективного противодействия этой тенденции. Возникает «принцип круговой причинности», приводящий к постепенной концентрации преимуществ у «сильных» и недостатков «слабых» районов.

Противодействие со стороны научной общественности привело к тому, что «Стратегия социально-экономического развития регионов Российской Федерации» официально не была утверждена. В 2008 г. Министерство регионального развития Российской Федерации подготовило проект «Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации». Вопрос целеполагания в новой Концепции, как отмечалось ранее, решен по-иному. Базовой целью региональной политики в Российской Федерации, согласно новой Концепции, признается обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Это предполагает, с одной стороны, сокращение различий в уровне социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, с другой стороны, обеспечение баланса между наращиванием экономического потенциала субъектов Российской Федерации и обеспечением комфортной среды обитания для населения, созданием равных возможностей для граждан Российской Федерации независимо от места проживания в реализации своих социальных и экономических прав и удовлетворении потребностей [19, с. 2].

В этих целях проектом Концепции предусмотрено три основных направления совершенствования региональной политики: совершенствование системы стратегического планирования социально-экономического развития регионов; совершенствование налогово-бюджетных инструментов региональной политики; развитие федеративных отношений и местного самоуправления.

Сравнительный анализ «Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации» и «Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации» показывает, что между ними имеются заметные различия. Наиболее принципиальной является позиция по отношению к роли государства в экономическом развитии.

«Стратегия социально-экономического развития регионов Российской Федерации» базировалась на теории экономического равновесия, согласно которой происходит постепенное выравнивание уровня экономического развития регионов и, с учетом этого, вмешательство государства в экономическое развитие регионов признается нецелесообразным. Авторы «Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации» в большей мере опираются на теорию кумулятивного роста, согласно которой диспропорции в социально-экономическом развитии территорий, нарастают, в связи с чем необходимо проведение активной, региональной политики.

Тем не менее, в сравниваемых концепциях регионального развития гораздо больше общих моментов, чем различий. Объективно это обусловлено тем, что и «Стратегия социально-экономического развития регионов Российской Федерации», и «Концепция совершенствования региональной политики в РФ» базируются на одной и той же теории поляризованного развития (полюсов роста). Теория поляризованного развития, выдвинутая французским экономистом Ф. Перру, получила, как известно, широкое признание в западной и в особенности в европейской экономической науке. В ее основе лежит представление о ведущей роли отраслевой структуры экономики в первую очередь лидирующих отраслей, создающих новые товары и услуги. Те центры и ареалы экономического пространства, где размещаются предприятия лидирующих отраслей, становятся полюсами притяжения факторов производства, поскольку обеспечи-

вают наиболее эффективное их использование, что приводит к концентрации предприятий и формированию полюсов экономического роста.

В этой теории, как отмечал А.Я. Якобсон, «однородные районы противопоставляются поляризованным, т.е. организованным вокруг полюса развития. Таким образом, однородность, рассматривается как исторический этап в развитии территории, а поляризация района или превращение его в комплексный район – как прогрессивное явление» [32, с. 32].

Определяющее влияние теория полюсов роста оказала и на идеологию регионального раздела проекта «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации», подготовленного в августе 2008 г. Министерством экономического развития Российской Федерации. В частности, одно из направлений региональной политики, предусмотренное данной Концепцией, – развитие научно-технического и образовательного потенциала городов основывается на теории полюсов роста развитой французским ученым Ж. Будвилем, который показал, что в качестве полюсов роста можно рассматривать не только совокупность, предприятий, лидирующих отраслей, но и конкретные территории (населенные пункты), выполняющие в экономике страны или региона функции источника инноваций и прогресса. Региональный полюс роста представляет собой набор развивающихся и расширяющихся отраслей размещенных в урбанизированной зоне и способных вызывать дальнейшее развитие экономической деятельности во все зоне своего влияния.

Таким образом, полюс роста можно трактовать как географическую агломерацию экономической активности или как совокупность городов, располагающих комплексом быстро развивающихся производств.

Другое направление региональной политики – создание сети территориально-производственных кластеров, ориентированных на высокотехнологичное производство и глубокую переработку сырья – опирается на научные разработки Х. Ласуэна. Он выдвинул предположение, что, во-первых, полюсом роста может быть региональный комплекс предприятий, связанных с экспортом региона (а не просто с ведущей отраслью), во-вторых, система полюсов и каждый из них в отдельности растут за счет импульсов рожденных общенациональным спросом, передающимся через экспортный сектор региона, в-третьих, импульс роста передается второстепенным отраслям через посредство рыночных связей между предприятиями, а также географической периферии.

Наконец, такое направление региональной политики, предусмотренное проектом «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации», как развитие крупных транспортно-логистических и производственных узлов, в качестве теоретических начал использует идеи «осей развития» П. Потье. По его мнению, территории, расположенные между полюсами роста и обеспечивающие транспортную связь, получают дополнительный импульс роста благодаря увеличению грузопотоков, распространению инноваций, развитию инфраструктуры. Поэтому они превращаются в оси (коридоры) развития, определяющие вместе с полюсами роста пространственный каркас экономического роста большого региона [7, с. 86–87].

Представляется, что для обеспечения устойчивого развития федеральных округов, регионов и территорий, повышения надежности их производственно-хозяйственных и научных связей, перехода к инновационному типу их развития наиболее соответствующим является регулятивное планирование, целями которого выступают как управление и согласование деятельности предприятий в рамках государственного сектора, так и активное воздействие на поведение частного сектора. Регулятивное планирование позволяет повысить роль государства как субъекта инвестиционно-хозяйственной деятельности и оптимизировать отношения с регионами посредством более активного использования различных форм прямого и косвенного воздействия на спрос и предложение приоритетных видов продукции. В этих целях государство в лице его федеральных и региональных органов призвано существенно активизировать свою функцию «рядового» инвестора, вкладывающего бюджетные средства в эффективные с точки зрения рыночной конъюнктуры и региональных интересов производства, обеспечивая дополнительный приток капиталов в приоритетные сферы структурной перестройки и регионы¹; расширить практику инвестирования бюджетных средств в развитие тех производств, сфер и инфраструктурных объектов, эффективность которых выходит за рамки действующих рыночных критериев, носит мультипликативный характер (импортозамещающие, экспортно-ориентированные производства и др.), имеет высокий социальный эффект как на региональном, так и на макроэкономическом уровне; активнее использовать имеющиеся в его распоряжении средства для изменения и закрепления в интересах РФ критериев эффективности, повышения их универсальности и точности²; значительный эффект может быть получен в результате проведения активной социальной политики по преодолению аномалий дифференциации доходов различных групп и слоев населения как внутри отдельных регионов, так и между регионами по формированию общероссийского рынка труда посредством всемерного развития интеграционных процессов и создания механизмов, способных оперативно реагировать на любые нарушения равновесия в конъюнктуре отдельных рынков рабочей силы³. Принципиально важным

¹ Подобная предпринимательская функция государства целесообразна и оправдана в той мере, в какой складывается недостаток средств частного капитала для реализации эффективных проектов. Но она оправдана и в случаях приоритетного решения федеральных задач регионального социально-экономического и экологического развития, когда частный капитал не заинтересован в увеличении инвестиций.

² Подобные инвестиционные расходы крайне необходимы для поддержания определенного курса национальной валюты, регулирования в интересах развития ставки банковского процента, использования методов ускоренной амортизации, установления налоговых и иных льгот и т.п.

³ Основу последнего должны составить создание правовых и организационно-экономических условий повышения территориальной и межотраслевой мобильности рабочей силы, формирование единой информационной системы спроса и предложения рабочей силы и маркетинга рынка труда, совершенствование оплаты труда с учетом региональных особенностей и др.

считаем создание систем мониторинга социально-трудовой сферы на уровне макрорегионов, позволяющих органам государственной власти и управления принимать решения, адекватные реальной ситуации на рынке труда [14].

Региональная политика России призвана сегодня обеспечить баланс общегосударственных и региональных интересов. Внешне может показаться, что сущность федеральной региональной политики должна сводиться к реализации общегосударственных интересов, сохранению и развитию единых федеральных пространств во всех сферах жизни. Но эта реализация общегосударственных интересов практически невозможна без диалога с региональными лидерами по принципу: что выгодно государству, должно быть выгодно и регионам. Необходим поиск новых механизмов сочетания федеральных и региональных интересов. Вместе с тем необходимо отметить, что ряд ученых считают, что современной России необходима принципиально новая региональная социально-экономическая политика, формирующаяся на уровне субъектов Федерации.

Одной из особенностей новой политики будет являться формирование соответствующей требованиям внутренней и внешней среды организационной структуры управления формированием и реализацией региональной социально-экономической политики. В свою очередь, формирование эффективной мезоуровневой социально-экономической политики предполагает решение двуединой задачи: во-первых, необходимо обеспечить достижение целей региональной политики посредством интеграции их в иерархию целей реализации социально-экономической политики региона, и, во-вторых, сформировать условия для обеспечения положительной поступательной динамики мезоуровневых подсистем, что предполагает учет индивидуальных целей и особенностей развития региона и устранение возникающих противоречий между целями региональной политики страны и указанными индивидуальными особенностями, которые определяют цели развития на мезоуровне. Данная двойственность определяет требования к выбору типа структуры управления разработкой и реализацией социально-экономической политики на мезоуровне, включающие возможность двойного подчинения исполнителей с одной стороны и необходимость обеспечения адекватной и оперативной реакции на изменения во внутренней и внешней среде с другой.

Список литературы

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М., 1983.
2. Андреев С.Ю. Совершенствование организационно-экономических механизмов управления региональной экономикой. – СПб., 1998. – 280 с.
3. Артоболевский С.С. Региональная политика, направленная на снижение пространственных экономических и социальных диспропорций в Российской Федерации (концепция) // Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. – Новосибирск, 2000.
4. Белоусов А.Р. Этапы становления российской модели воспроизводства // Пробл. прогнозирования. – М., 2001. – № 2. – С. 4–23.
5. Бетин О.И., Колончин К.В., Юрьев В.М. Региональная экономика: Монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Державина, 2003.
6. Гапоненко А.Л., Полянский В.Г. Развитие региона: цели, закономерности, методы управления: монография. – М., 1999. – С. 23.
7. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М., 2000. – С. 86–87.
8. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: о структуре методологии и содержании (авторский комментарий) // Российский экономический журнал. – М., 2000. – № 11–12. – С. 44.
9. Гранберг А.Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. – М., 2001. – №9. – С. 23–28.
10. Гринберг Р.С. Региональная экономика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 543 с.
11. Гутник В.П. Социальное рыночное хозяйство: опыт Германии // Общество и экономика. 1997. – № 1–2. – С. 58–91.
12. Дохолян С.В. Методологические аспекты формирования региональной социально-экономической политики / С.В. Дохолян, В.З. Петросянц, А.М. Садыкова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. – № 3. – С. 78–84.
13. Дохолян С.В. Управление устойчивым развитием территориальных социально-экономических систем мезорегиона // Экономика и предпринимательство. 2011. – № 6. – С. 14–22.
14. Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. – М.: Изд-во ВЦИОМ, 1997. – С. 50–67, 283–299 и др.
15. Зубко Н.М. Экономическая теория. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 704 с.
16. Иванов А.И. Реформирование органов местного самоуправления и построение межбюджетных отношений // Финансы. – М., 2002. – № 12. – С. 16–19.
17. Кинев А.В. Поляризованное развитие или поляризация без развития // Региональная экспертиза. 2005. – № 14.
18. Колесников В.И. Предпосылки и условия устойчивого развития экономики: региональный аспект (на материалах Ставропольского края): Дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Ставрополь, 2000.
19. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации / Министерство регионального развития Российской Федерации. – М., 2003. – С. 31–32.
20. Лексин В.Н., Швецов А.И. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития: монография. – М., 2000. – С. 26.
21. Львов Д.С., Гранберг А.Г., Ерошина А.П. Стратегическое управление: регион, город, предприятие. – М.: Экономика, 2004. – 605 с.
22. Марков В.Д., Кузнецов С.А. Стратегический менеджмент: курс лекций. – М.: ИНФРА-М, 2005.
23. Мескон М.Х. Основы менеджмента: Пер. с англ. / М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Дело, 1992. – 702 с.
24. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпелл Д. Школа стратегий. – СПб.: Знание, 2000.
25. Нехаев С.А. Формирование программ социально-экономического развития регионов России в условиях глобализации мировой экономики. – <http://www.minregion.ru>
26. Петров Н.В. Стратегическое планирование. – СПб.: Знание, 2003. – С. 163.
27. Петросянц В.З. Критерии и факторы экономического роста региона / В.З. Петросянц, С.В. Дохолян // Проблемы современной экономики. 2007. – № 4. – С. 245–250.
28. Петросянц В.З. Эконометрическая модель прогнозирования и сценарные варианты модернизации региональной экономики / В.З. Петросянц, С.В. Дохолян, А.С. Каллаева // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. – № 1. – С. 4–17.
29. Региональное развитие: опыт России и Европейского союза. – М., 2000.

30. Туровский Р.Ф. Размышления о региональной политике в России // Региональная экспертиза. 2005. – № 14.
31. Штульберг Б.М., Введенский В.Г. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации: монография. – М., 2000. С.47.
32. Якобсон А.Я. Территориальная организация региональной политики. – Новосибирск, 1994. – С. 14.
33. Myrdal G. Economic Theory and Under-Developed Regions. – L., 1957. – P. 34.

Дымченко Е.В.

д. э. н., профессор Харьковского государственного университета городского хозяйства

Драпеза Я.В.

аспирант Харьковского государственного университета городского хозяйства

ПРИТОК ИНВЕСТИЦИЙ В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО МОЖНО СДЕЛАТЬ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, инвестиции в ЖКХ, экономика Украины.

Современная рыночная экономика представляет собой многопрофильный производственно-хозяйственный агрегат, одновременно работающий на внутренний и внешний рынок и при этом испытывающий сильное влияние государственной системы, ее национальных интересов, сложившихся традиций и инновационных тенденций. В отраслевой структуре украинской экономики эти тенденции проявляют себя довольно неоднозначно.

В частности в тех отраслях, где доминирует ориентация на внешние рынки, «правила игры» более изменчивы и адаптируемы к международной ситуации. Там же, где отрасль приоритетно обслуживает внутренний рынок, сохраняются консервативные позиции. Последнее относится и к сфере жилищно-коммунальных услуг, которую чаще всего называют жилищно-коммунальным хозяйством (ЖКХ). ЖКХ в экономике и в социуме – довольно масштабная структура, рассредоточенная по всей территории страны, с крупными многопрофильными генерирующими и сетевыми структурами во всех городах, с непрерывным циклом производства и с мощными потоками денежных средств. Как чрезвычайно важный, социально значимый объект ЖКХ находится под пристальным вниманием государства и общества, однако это не избавляет его от перманентных кризисных состояний.

Стоимость основных фондов ЖКХ Украины составляет 200 млрд. грн., в отрасли работает 800 тыс. работников, специалистов, управленцев¹. В России 3,3 млрд. кв. м жилого фонда, 2,5 трлн. руб. стоимость основных фондов, работает 2,5 млн. служащих и рабочих, объем выполненных услуг 4 трлн. руб., что составляет 8% ВВП России².

Состояние отрасли как на Украине, так и в России – неудовлетворительно, а платежеспособность населения в отношении услуг ЖКХ находится на низком уровне.

С экономических позиций самый большой негатив в деятельности ЖКХ – это его убыточность. На Украине убытки в системе ЖКХ в 2013 году составили более 4 млрд. грн., а в 2014 г. рост убыточности наблюдался в 21 из 25 регионов. С убыточностью отрасли коррелирует и ситуация с ее долговыми обязательствами – еще на большем уровне: дебиторская задолженность – 13,6 млрд. грн., кредиторская – 24,2 млрд. грн. В кредиторской задолженности – 90% задолженность за энергоносители. Обращает на себя внимание и то, что ЖКХ – самый крупный потребитель энергоресурсов (более 32% в объеме общенационального потребления). При этом, энергоемкость ЖКХ в 2–3 раза выше, чем аналогичных объектов в развитых странах Европейского Союза³. Существует множество и других факторов, благодаря которым ЖКХ становится «непосильной ношей» для экономики и социума Украины (в России ситуация вряд ли лучше) – износ фондов, запредельные потери ресурсов (воды, тепла, электроэнергии, газа), неотлаженная система тарифов, неплатежеспособность потребителей, среди которых население, бюджетные организации, бизнес-структуры. Отсюда вывод – ситуация не предкризисная, а кризисно-аварийная и надо искать из нее выход. Но простого решения в данном случае просто нет. Выход из сложившейся ситуации может быть обеспечен в результате сложной, длительной, трудоемкой и финансово затратной работы, направленной на адекватное реформирование отрасли ЖКХ.

На наш взгляд, не любые изменения, пусть даже и прогрессивные, можно относить к категории «реформы», а только те из них, которые обеспечивают существенные, значительные обновления экономических, правовых, организационных и управленческих отношений. Так, в Программу реформ на 2010–2014 год на Украине включены масштабные технико-модернизационные проекты, которые можно отнести к процессам реконструкции, модернизации, реинжиниринга. В структуре реформ им, безусловно, место есть, но это не суть самих реформ. Реформа в ЖКХ – это, прежде всего перестройка экономических механизмов, внедрение институциональных, правовых и управленческих нововведений, смена форм собственности, стратегических ориентиров, взглядов, методов работы с потребителями. С этих позиций мы рассматриваем реформы как изменения, касающиеся собственно экономической политики, т.е. «надстройки» над производственно-распределительной базой, а модернизация и реинжиниринг относятся к перестройке основ производственного базиса и производственных процессов.

¹ Паспорт житлово-комунального господарства України. – Київ, 2013.

² Модель города. Анализ жилищно-коммунальной сферы. – http://www.mista.ru/gorod/diplom/1_3.htm

³ Комиссарова Л.А. Развитие жилищно-коммунального хозяйства. Европейский опыт в управлении ЖКХ. – http://cyberleninka.ru/viewer_images/14363804/p/png

Уточнение сущности реформ в ЖКХ, в принципе, имеет некоторую теоретическую значимость, но оно само по себе мало продуктивно в практике проведения этих реформ. Согласно ранее принятым решениям 2014 год является конечным этапом Программы реформ (2010–2014), однако реальных изменений, намеченных в этой программе, не произошло. Реформы пробуксовывают и, видимо, все надо начинать сначала. Кратко попробуем охарактеризовать барьеры и причины несостоявшихся реформ. Очевидной и лежащей на поверхности является одна из них – отсутствие финансовых средств в убыточной отрасли. Но есть и другие причины, не менее значимые. Объединим их в два блока.

Первый – неготовность руководства и персонала отрасли к реформам. И эта «неготовность» граничит со скрытым сопротивлением инновациям и переменам.

И второй блок – наличие ряда общекризисных условий, в результате чего внимание высшего руководства направлено на множество других равнозначных проблем. К первому и второму блоку причин пробуксовки реформ следует добавить такой важный «блокиратор» развития как отсутствие стимулов. А при многочисленных барьерах и отсутствии стимулов баланс сил складывается в пользу консервативной устойчивости ЖКХ, т.е. «пусть все остается так как есть».

Но «так как есть» долго продолжаться не может – потенциал негативов, накапливаясь, подводит старую систему к слому.

В ЖКХ структурно и функционально различаются два сектора – ресурсобеспечивающий (вода, газ, тепло) и жилищный (квартиры). При всей теснейшей их связи между собой – они разной природы. Первый образуют естественные монополии. Второй имеет частнособственническую принадлежность. И подходы к их реформированию должны быть разными. В обоих секторах создать реальную конкурентную среду весьма затруднительно. Однако зарубежный опыт показывает, что варианты серьезного обновления организации работы и экономики в ЖКХ существуют. Англия, Америка, европейские страны, Япония, Китай ситуацию в ЖКХ существенно изменили¹. В половине из развитых стран предприятия ЖКХ работают бездотационно и с прибылью. В некоторых странах даже ресурсный сектор ЖКХ значительно снизил уровень монополизации и допустил конкуренцию. В секторе жилья все эксплуатационные и управленческие задачи взяли на себя самоорганизованные товарищества: с них мы копируем свои ОСМД. За рубежом введена масса разнотипных регуляторов, которые время от времени переналаживаются и перенастраиваются: тарифные, квотные, нормативные, льготные, частотно-собственнические и другие. И самое главное: инвесторы охотно вкладывают свои капиталы в объекты ЖКХ, что особенно заметно в таких странах как Польша, Чехословакия, Эстония, т.е. в странах с близким нам административным прошлым².

Следовательно, задача реформирования отрасли ЖКХ, эффективной работы ее предприятий и организаций и перехода на качественно новый уровень не безнадежна, а решается даже в сложных экономических условиях нашего времени. Центральный стержень решения – приток инвестиций, причем не только извне системы, но и изнутри. Чтобы приток инвестиций активно задействовать, необходимо сделать предприятия ЖКХ прибыльными, чтобы бизнес был заинтересован вкладывать свои капиталы в ЖКХ.

На рис. 1 показаны основные блоки системной методологии вывода ЖКХ на безубыточный уровень работы и эффективные механизмы развития. В основе предлагаемого подхода лежит многопрофильный анализ (аудит) проблем, ресурсов и возможностей, подготовка к реформам, проектная разработка реформ, инвестиционное обеспечение (из разных источников), новая тарифная политика и двойной контроль процесса реформ и развития ЖКХ (государственный и общественный).

Для притока инвестиций в ЖКХ есть вполне объективные факторы – преимущества «а» и есть «недоработанные» задачи в привлечении инвесторов «б». К первой группе – «а» относим: ЖКХ имеет устойчивый и четко определяемый спрос – в системе физически и юридически прикреплен весь массив потребителей, т.е. отрасль имеет огромный и четко закрепленный рынок; в системе огромный и стабильный поток денежных средств; продукция и услуги поддаются количественному измерению, т.е. есть возможность получения надежной и точной инфляции; система работает на высоком уровне управляемости, т.е. на уровне автоматизированных технологических режимов. Отмеченные характеристики делают ЖКХ весьма привлекательным для инвесторов. К группе «б» относим: неразвитость инвестиционного менеджмента, пробуксовывание реформ, недопустимо высокий уровень потерь ресурсов, сложность и нечеткость тарифного регулирования, зачастую построенного не на экономических, а на политических расчетах.

В тарифной политике призывы и подходы к «подтягиванию» тарифов до существующего уровня себестоимости себя не оправдали: мы видим, что двух-трехкратный рост тарифов ситуации не меняет. Значит надо «работать» сначала на снижение потерь и нерациональных расходов и вводить жесткий общественный контроль за деятельностью ЖКХ.

Также, «идя в рынок», сначала надо усилить функцию национального регулирования, а затем только вводить рыночные механизмы. Но «национальное регулирование» надо вернуть на уровень регионов.

Зарубежный опыт кое-что проясняет в этом вопросе. В последнее десятилетие практически все страны Центральной и Восточной Европы поддержали процесс роста тарифов на все коммунальные услуги и, одновременно, использовали целевые дотационные механизмы для определенных групп граждан³. Но такой рост тарифов должен происходить в мероприятиях и координатах сдерживания. Механизмами сдерживания роста тарифов является развитие

¹ Голубова М.И. Международный опыт реформирования ЖКХ // Сборник научных трудов. Серия «Экономика». Сев. Кав. ГТУ. – Ставрополь, 2002. – 180 с.

² Ряховская А.Н., Таги-Заде Ф.Г. Концепция и практика коммунальной реформы // Жилищно-коммунальное хозяйство. 2006. – № 8.

³ Аналитический отчет по результатам реализации проекта «Национальный мониторинг реформ в Украине» ГО «Ресурсный центр для ОСМД». Львов, – 2012.

конкуренции, дифференциация тарифов (богатые помогают бедным), внедрение эффективных инноваций, диверсификация услуг (холдинговая и кластерная структура управления ЖКХ), внедрение кондоминиумов, активная деятельность по энергосбережению и уменьшению потерь ресурсов.

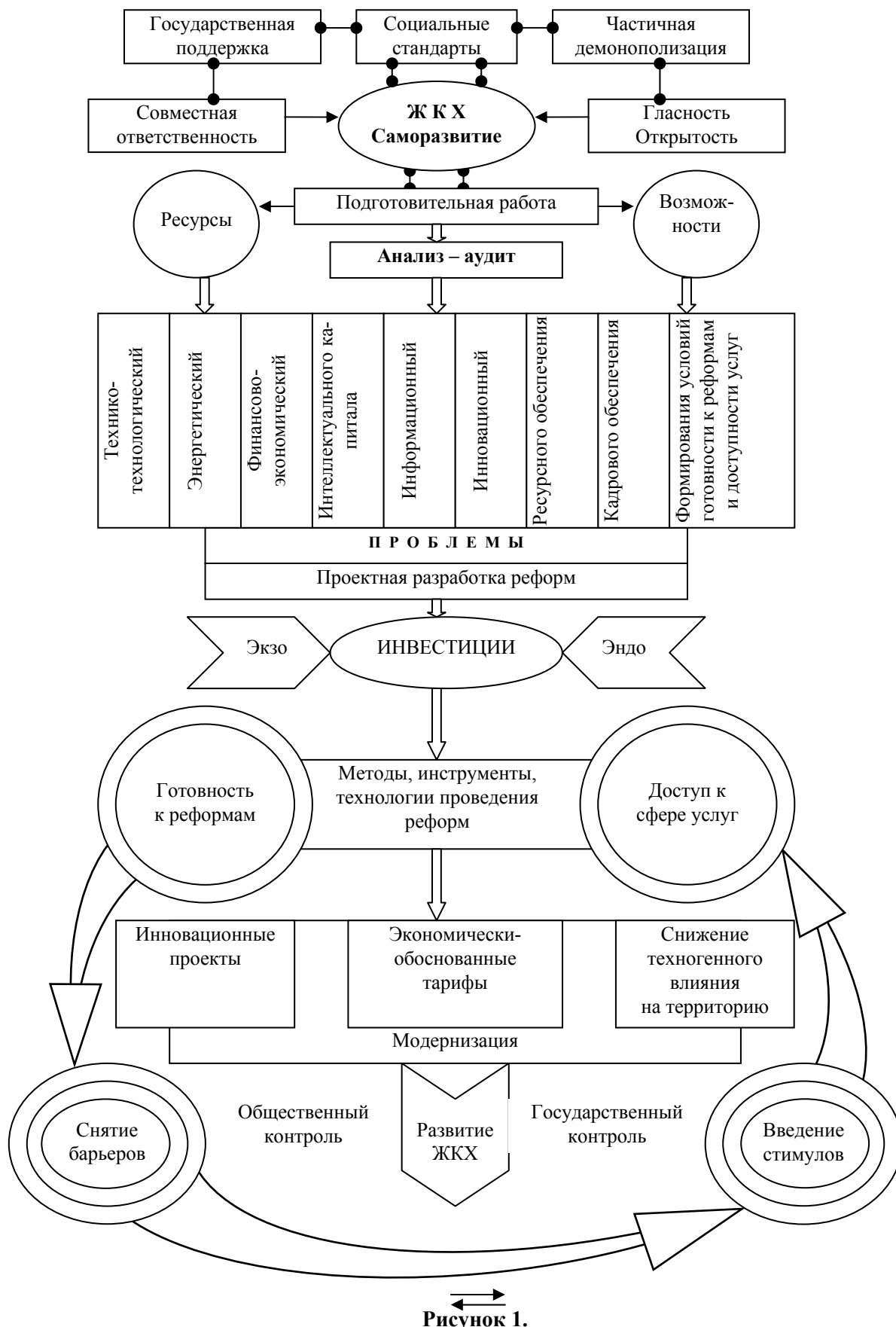

Рисунок 1.
Модель «Реформы Инвестиции»

Как видим и в этом аспекте развития ЖКХ нужны изменения реформационного характера. Этим изменениям нужен механизм поддержки и первичный весомый «импульс запуска» (рис. 2).

Рисунок 2.

Модель поддержки реформационного процесса в ЖКХ с «импульсом запуска»

В «импульс запуска реформ» входят несколько составляющих: изменение дотационной политики, формирование кластерных моделей и пересмотр тарифной политики¹. Дотационную политику в ЖКХ, которую проводит государство, необходимо сменить, апробировав экспериментально несколько схем, выделив средства:

- на погашение долговых обязательств самим предприятиям ЖКХ;
- по долгам потребителей;
- на отдельные инновационные проекты (вклад);
- в виде резервирования гарантийных сумм;
- на проведение реформ;
- на создание и запуск «ОСББ».

Новый подход в бюджетной поддержке ЖКХ в перечисленных и иных вариантах ставит своей целью изменить действующую практику: нерационально дотировать существующую бесхозяйственность, лучше дотировать перемены в этой системе. В отношении кластерной методологии организационной перестройки ЖКХ можно определить следующие особенности подхода и практические задачи (рис. 3).

Кластерные модели возможны и приемлемы в условиях значительных изменений во внешней среде ЖКХ, т.е. новые формы требуют реформ в самой системе местного самоуправления². Требуют они также интеграции и «сшивки» информационных блоков в масштабах региона. На данный момент даже между предприятиями ЖКГ разного профиля (тепло, вода, дорожно-транспортная сеть, зеленое хозяйство и др.) информационный обмен не налажен. Кластер также требует корпоративной культуры в отношениях, к примеру, синхронизации по времени процедур пересмотра тарифов.

Отсюда, по факту, и отрасль ЖКХ и территория в целом требуют определенной подготовки к кластеризации. Но сама возможность построения кластерных моделей в системе ЖКХ может привести к прогрессивным результатам. На рис. 3 отмечены весомые позитивы новой формы – это экономические операционные связи, распределенные риски, согласованные тарифы и др.

Для притока инвестиций в ЖКХ достаточно весомым фактором доверия к объектам этой отрасли может стать новый уровень управления. На наш взгляд, инвестору более понятна и приемлема оценка управления в ЖКХ не в структурно-функциональном разрезе (кто и что делает), а в разрезе тех составляющих управленческой деятельности, которые определяют целостность и надежность управления именно реформами в ЖКХ. Такой подход представлен на рис. 4.

Как следует из приведенного рисунка, концентрация внимания и управленческих решений на институциональном обеспечении, ресурсном и кадровом, в т. ч. на использовании интеллектуального капитала, должна послужить позитивным сигналом для инвесторов в части снижения для них рисков при вхождении в отрасль.

В новом подходе инвестиции из разных источников имеют свои сферы использования, каждая из которых отмечается производственными, экономическими, социальными и другими характеристиками. Источниками финансирования (инвестирования) ЖКХ можно управлять селективно, к примеру: из госбюджета – финансировать неприбыльные программы и общепроектные проработки; иностранные инвестиции – направить на модернизационные

¹ Дымченко Е.В. Жилищно-коммунальное хозяйство в реформационном процессе: анализ проектирование, управления. – Харьков: ХНАМГ, 2009. – 356 с.

² Пупырев Е.И. Реформа ЖКХ – концепция и реалии // Жилищно-коммунальное хозяйство. – 2006. – № 9.

проекты; с иностранных фондов помощи – на формирование корпоративной культуры отношений; с малого бизнеса – в локальные, мелкие проекты с коротким сроком окупаемости; с крупного бизнеса – на энергосбережение; с местного бюджета – на развитие инфраструктуры. Средства самих предприятий ЖКХ – направлять на капитальный ремонт сооружений и оборудования.

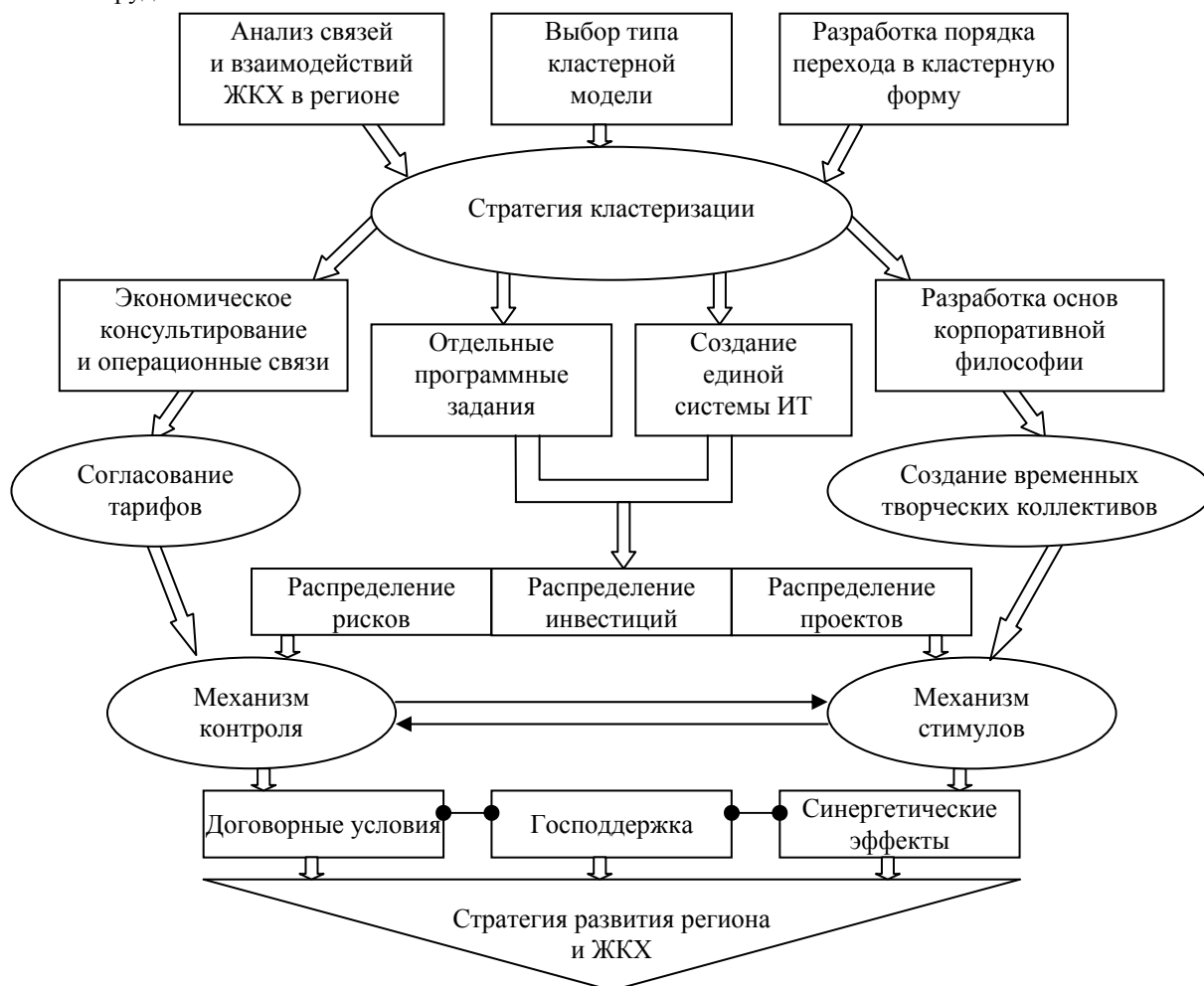

Рисунок 3.
Особенности создания кластерных моделей в ЖКХ

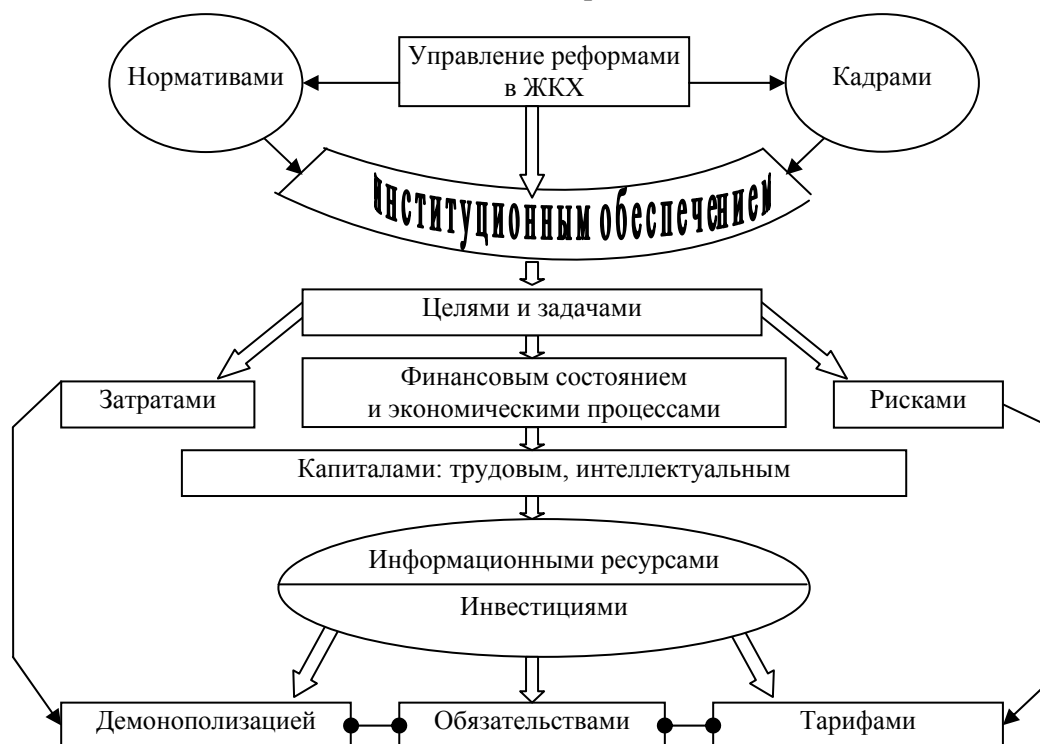

Рисунок 4.
Продвижение реформ в ЖКХ с целью привлечения инвестиций

Для поддержки реформ в ЖКХ на Украине надо сформировать и задействовать национальную целевую систему кредитования предприятий ЖКХ (институт кредитования) и государственный инвестиционный фонд развития ЖКХ, что укрепит веру инвесторов в реальность позитивных перемен в Украине на жизненно важном направлении для ее населения.

Иванов В.А.

д.э.н. профессор, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН

СПЕЦИФИКА И БАРЬЕРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

Ключевые слова: модернизация аграрного производства, региональное развитие, северные регионы России, Республика Коми.

Модернизация аграрного производства в районах Севера и Арктики диктуется необходимостью преодоления отсталости его технико-технологического уровня, обеспечения населения свежими биологически полноценными продуктами питания, рационального использования природного и человеческого капитала, повышения уровня и качества жизни крестьян.

В период рыночных реформ в северных и арктических территориях произошло разрушение материально-технической базы сельского хозяйства, уменьшение обрабатываемых земель, поголовья животных, численности работников, ухудшение их профессионального уровня и качества жизни, падение производства всех видов сельскохозяйственной продукции.

Реальные тенденции в аграрном секторе могут привести к его ликвидации и запустению веками обжитых сельских территорий. Ключевым направлением выхода из кризисного положения сельского хозяйства является его модернизация.

Данная работа посвящена специфике, возможностям и ограничениям развития модернизационных процессов в аграрном секторе Республики Коми.

Особенности развития сельского хозяйства

Республика Коми занимает 2,4% территории России. При большой площади относительно небольшая часть территории используется для сельскохозяйственных целей – 0,96%. Доля наиболее продуктивных угодий – пашни – составляет лишь 0,3% площади, в то время как по стране этот показатель равен 7,9%. Распаханность достигает 25% против 60% в среднем по Российской Федерации. Низкая освоенность территории республики объясняется неблагоприятными для сельского хозяйства природными условиями, огромными площадями, занятыми лесом, и малой ее населенностью.

В составе сельскохозяйственных угодий преобладают естественные сенокосы и пастбища. На гектар пахотных земель приходится 2,7 га лугов. Для республики характерна не только низкая сельскохозяйственная освоенность территории, но и неравномерность размещения по сельскохозяйственным зонам и муниципальным образованиям. Основные площади сельхозугодий сосредоточены в южной и центральной части региона. В отраслевой структуре преобладает молочно-мясное скотоводство, птицеводство, свиноводство и оленеводство. Растениеводство специализируется на производстве картофеля и овощей, а также обеспечивает сочными и грубыми кормами животноводство.

В настоящее время на долю сельского хозяйства приходится всего лишь 2,4% валового регионального продукта Республики Коми, 0,5 – основных фондов, 0,3 – инвестиций в основной капитал, 1,4% – среднегодовой численности занятых в экономике. Но при этом сельское хозяйство выполняет многообразные народнохозяйственные функции: не только обеспечивает население свежими биологически полноценными продуктами питания, но и является базой развития пищевой промышленности, стабилизирует занятость, препятствует монополизации локальных продовольственных рынков отдельными поставщиками продукции, сдерживает цены на продовольствие, завозимое из-за пределов региона, сохраняет традиционный уклад жизни села, способствует сохранению коренными народами своей духовности, культуры, традиций, нравственности, улучшению демографической ситуации, сохранению окружающей среды и природного ландшафта, развитию туризма.

Республика Коми имеет низкую долю продовольственного обеспечения за счет собственных ресурсов. Сейчас этот уровень составляет по мясу и мясoproдуктам 26%, молоку и молокопродуктам – 25, яйцу и яйцепродуктам – 64, картофелю – 84, овощам – 25%. Вполне естественно, когда в северную республику завозится теплолюбивая продукция (бахчевые, фрукты) и большинство видов продуктов питания промышленной переработки, таких как сахар, чай, растительное масло, мука, крупы, овощные консервы; но противоестественно, когда завозится и основная часть потребляемой здесь мясомолочной и овощной продукции. Производство на месте этих видов продуктов питания – объективная необходимость.

Приоритетными направлениями развития аграрного и промыслового хозяйства Республики Коми являются: производство социально значимых продуктов питания – картофеля, овощей местного ассортимента, цельного молока, парного мяса, диетического яйца; сохранение и развитие традиционных отраслей, а также сбор дикорастущих грибов и ягод и их переработка.

Агроприродный потенциал региона позволяет вести эффективное производство картофеля, овощей местного ассортимента, молока, мяса и яиц. Хорошие возможности имеются для развития скотоводства (наличие крупных массивов пойменных лугов в бассейнах расположенных здесь рек – потенциальные объемы кормов с них превышают 80 тыс. т корм. ед.). Эта отрасль обеспечивает свежими молочно-мясными продуктами, круглогодичную занятость, а также позволяет наиболее рационально использовать сенокосы, пастбища и лесные участки. Скотоводство следует рассматривать в качестве стратегического направления в развитии аграрного сектора. Важность ускоренной модернизации этой отрасли связана с тем, что в 2012 г. в расчете на человека в год в республике молока производилось 70, а говядины лишь 3,4 кг, что составило соответственно 16 и 8% от научно обоснованной нормы потребления.

Благоприятные условия для ведения сельского хозяйства имеют южные районы республики. В них значительное развитие могут получить семеноводство зерновых и многолетних трав, производство зерна, картофеля, овощей, молока и мяса крупного рогатого скота. Производимая продукция будет направляться на улучшение обеспечения населения Арктического субрегиона Республики Коми, а при определенных условиях – и Ненецкого автономного округа.

Продукция традиционных отраслей (оленоводство, рыболовство, охотничий промысел, сбор дикорастущих грибов и ягод) конкурентоспособна не только на региональном, но и национальном, и международных рынках.

Население республики ощущает огромную потребность в свежих биологически полноценных молочных продуктах, говядине и телятине, производимых в сельской периферии. В качестве предпосылки для технико-технологического и социально-экономического развития аграрной сферы выступает индустриальный характер развития республики, позволяющий направлять значительные бюджетные средства для модернизации отрасли и комплексного развития сельских территорий.

Республика располагает возможностями для производства органической продукции, от реализации которой можно получать своего рода рентный доход. Решение модернизационных и социальных задач сделает скотоводство в перспективе экспортером органической продукции. Преимущества северного сельского хозяйства для производства экологических продуктов питания успешно используют скандинавские фермеры. Финляндия объявила сельское хозяйство всей страны экологической отраслью, производящей только экологическую продукцию по стандартам ЕС. На ее производство Централизованный Фонд ЕС выделяет повышенные субсидии¹.

Факторы и условия, влияющие на развитие сельского хозяйства, показаны на рис. 1.

Рисунок 1.
Факторы и условия, способствующие развитию сельского хозяйства Республики Коми
Ограничения модернизации

Главным барьером развития аграрного сектора на основе модернизации остается разрушение материально-технической базы сельхозорганизаций из-за резкого сокращения инвестиций. В период реформирования доля сельского хозяйства в общем объеме инвестиций в основной капитал по экономике Республики Коми снизилась с 5,7% в 1990 г.

¹ Пошкус Б.И. Что нового в системе поддержки сельского хозяйства в странах Европейского Союза // Глобализация и аграрная экономика России: тенденции, возможные стратегии и риски. – М. ВИАПИ им. А.А. Никонова: «Энциклопедия Российских деревень», 2011. – С. 197–200.

до 1,2% в 1995 г. и до 0,3% в 2012 г. Отметим, что доля сельского хозяйства в валовом региональном продукте составляет 2,4%.

Парк тракторов в сельхозорганизациях за 1990–2012 гг. сократился в 7,6 раза, машин для посева – 10,3, пресс-подборщиков – 4,1, кормоуборочных комбайнов – 4,6, картофелеуборочных комбайнов – 11,7 раза, машин для внесения твердых органических удобрений – в 25,0, машин для внесения жидких органических удобрений – в 11,3, доильных установок – в 10,5, объем энергетических мощностей – в 5,5 раза. Обновление техники до реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» приостановилось. Если в 1990 г. введено 2,8 тыс. ското-мест для крупного рогатого скота, то в 2012 г. – лишь 20. Износ основных фондов увеличился почти в два раза и достиг 48%.

Для ведущей отрасли сельского хозяйства – скотоводства характерна низкая инвестиционная привлекательность. Эта отрасль мало доходна, инвестиционные проекты окупаются через 11–13 лет, что не побуждает частный капитал осуществлять инвестиции в его развитие. Экономическая оценка инновационно-инвестиционных проектов по строительству молочных ферм на 100 и 200 коров, в приарктическом Удорском районе Республики Коми с использованием новейших технологий, а также при достижении высокой продуктивности коров (5500 кг) и соответствии принципам производства органической продукции, показала, что при существующей господдержке инновационно-инвестиционной деятельности и доходов сельхозпроизводителей указанные проекты окупятся через 12,5 и 11,3 года при сроке предоставляемого кредита на 8 лет. Только при увеличении прямой господдержки в 2–3 раза дисконтированный срок окупаемости составит 7,1–7,4 года¹. Следовательно, главным фактором повышения инвестиционной привлекательности является увеличение размеров прямой финансовой поддержки.

В качестве ограничения модернизации аграрного производства выступает неблагоприятная внешняя среда. В настоящее время она характеризуется неэквивалентным межотраслевым обменом, приведшим к усилению диспаритета цен на сельхозпродукцию и промышленные средства производства, монополизмом I и III сфер АПК, неотлаженностью ценовой и налоговой политик, недоступностью льготного кредита. Препятствием модернизации аграрного сектора являются ограниченные собственные источники инвестиций из-за низкой доходности отрасли. Уровень рентабельности сельскохозяйственного производства даже с учетом субсидий в два-три раза ниже нормы, необходимой для осуществления расширенного воспроизводства. Крайне недостаточна доходность производства молока, а производство говядины убыточно. Условия вступления страны в ВТО, приведшие к сокращению прямой поддержки сельского хозяйства, отрицательно сказались на доходности сельхозпроизводителей. В 2013 г. произошло снижение рентабельности аграрной продукции (за исключением мяса птицы) (табл. 1.)

Отрицательно на модернизацию аграрного производства влияют недостаточный уровень и неэффективные механизмы территориального распределения финансовой поддержки. Существующие ее размеры не позволяют не только развивать отрасль на инновационной основе, но и сдерживать падение производства. Объемы бюджетной поддержки не учитывают вклад зоны Севера в производство биологически полноценных продуктов питания, специфику специализации сельского хозяйства, уровень развития транспортной и социальной инфраструктуры. Основная тяжесть финансовой поддержки сельхозтоваропроизводителей ложится на региональный бюджет. В 2013 г. из консолидированного бюджета Коми было направлено 86,6% субсидий, из федерального – 13,4. В ходе реализации Программы развития агропродовольственного сектора республики до 2020 г. это соотношение в пользу регионального бюджета увеличится.

Таблица 1

Рентабельность, убыточность (-) производства продукции в сельхозорганизациях Республики Коми, %

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Рентабельность всей продукции	12,5	13,3	12,7	5,2
В том числе				
Растениеводства	-13,5	-6,8	-7,2	-17,6
Животноводства	15,3	15,2	14,9	2,1
Картофель	11,2	-7,9	2,7	-1,4
Овощи открытого грунта	-8,7	-56,3	-38,6	-25,0
Овощи закрытого грунта	-21,7	4,0	3,4	-23,2
Продукция животноводства в переработанном виде				
Молоко	10,1	9,0	7,6	-35,5
Говядина	-28,8	-21,4	-20,7	-41,0
Свинина	15,4	10,8	9,3	-26,2
Оленина	51,7	62,8	61,4	19,2
Мясо птицы	62,9	22,7	41,5	75,3
Яйцо	10,3	16,0	14,6	-2,1
Реализация продукции в переработанном виде				
Молочная продукция	-48,3	-47,8	-41,4	-27,7
Крупный рогатый скот	-48,3	-47,8	-44,3	-53,7
Свинина	6,3	9,6	9,1	0,3
Оленина	9,6	9,7	9,5	-0,3
Птица	36,6	31,1	32,6	31,1

Источник: Годовые отчеты.

¹ Иванов В.А. Аграрный сектор Севера России: трансформационные процессы, перспективы и механизмы устойчивого развития. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. – 168 с.

В настоящее время господдержку получают в основном сельхозорганизации, наиболее обеспеченные финансовыми ресурсами. Из общей суммы субсидий сельскому хозяйству Республики Коми сельхозпроизводителям периферийных районов в 2012 г. было направлено только 12% при их доле в объеме валовой аграрной продукции 18%. На технико-технологическую модернизацию товаропроизводителям этих районов направляется лишь 11 % субсидий от общего объема финансовой поддержки по данному направлению. Для подъема рентабельности и увеличения инвестиционных возможностей модернизации аграрного производства необходимо увеличить объем прямой государственной поддержки в 3–4 раза. Ускорение модернизации отрасли и инфраструктуры сельской местности потребует выделения также государственных капитальных вложений.

Для скорейшего перевода аграрной экономики на новую технико-технологическую основу предлагается усилить роль федерального бюджета. Из федерального бюджета целесообразно осуществлять господдержку на увеличение поголовья крупного рогатого скота и оленей, объемов говядины, оленины и молока; компенсировать часть стоимости приобретаемой современной техники и высокопроизводительного оборудования, минеральных удобрений, горючего, запасных частей, комбикормов, тарифы в размере 50% при транспортировке железнодорожным и водным транспортом материально-технических ресурсов; субсидировать процентные ставки по кредитам; выделять субсидии на ликвидацию бедности среди сельского населения. Потребуется также разработка и принятие федеральных целевых программ по развитию оленеводства и ликвидации бедности сельского населения.

Существенным тормозом модернизационных процессов является неустойчивый сбыт аграрной продукции, вытеснение местных сельхозпроизводителей с продовольственных рынков. В целях стимулирования сбыта местной сельхозпродукции, повышения конкурентоспособности сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств региональным и муниципальным органам власти, руководству аграрных хозяйствующих субъектов следует активизировать внутренний спрос. Для чего необходимо наладить контрактную систему, обеспечивающую приоритет при закупках продукции в региональные и муниципальные фонды местной продукции, используемой для обеспечения населения биологически полноценными продуктами питания, бесплатного питания детей и школьников и отоваривания продовольственных талонов малоимущим. Потребуется также ликвидация монополии заготовительных, посреднических и перерабатывающих структур путем перевода на кооперативную основу цикла переработки и реализации продукции.

К числу основных социальных факторов и условий, ограничивающих модернизацию сельского хозяйства, относятся:

- низкие доходы сельского населения, существенный разрыв в уровне оплаты труда между работниками сельского хозяйства и других отраслей. В 2012 г. среднемесячная зарплата в отрасли составляла 54% от средней по экономике республики. В периферийных сельских районах зарплата в агропроизводстве ниже прожиточного минимума трудоспособного населения;

- дефицит и отток квалифицированных кадров. В 2012 г. не имели высшего или среднего профессионального образования 21,1% (в 1990 – лишь 0,7%) руководителей организаций, 28,7% руководителей среднего звена, 3,9% из числа главных специалистов и 20,1% из числа специалистов. В настоящее время на одну сельхозорганизацию приходится только 4 специалиста с высшим и 4 – со средним образованием. В 1980-е годы на один совхоз приходилось в среднем по 8 специалистов с высшим и 40 специалистов со средним профессиональным образованием¹;

- значительное отставание сельской местности от города по развитию социальной инфраструктуры и качеству сферы услуг. Индивидуальный жилой фонд на селе практически не имеет коммунальных удобств. Доля ветхого и аварийного жилищного фонда в сельской местности составляет 22% против 9 в городе. Жилищный фонд села обеспечен водопроводом – в четыре, канализацией – в пять, центральным отоплением – в три, газом – в два, горячим водоснабжением – в девять, ваннами – в восемь раз меньше, чем в городе. Особенно велика доля ветхих и аварийных помещений в таких удаленных районах как Троицко-Печорский (41% всего жилого фонда), Койгородский (35%), Усть-Куломский (34%);

- низкая транспортная доступность сельского населения и возможности получения основных видов социальных благ (услуг образования, здравоохранения, культуры, бытового обслуживания). Крайне недостаточна обеспеченность удаленных сельских районов дорогами. Из шести периферийных районов лишь два (Койгородский и Усть-Куломский) имеют транспортную связь с г. Сыктывкар по дорогам с твердым покрытием. За годы реформ число дошкольных учреждений сократилось на 45%, образовательных учреждений – на 33, больничных учреждений – на 50, учреждений культурно-досугового типа – на 24%. Обеспеченность сельского населения врачами по сравнению с городским ниже в три, а медицинским персоналом – в два раза. Из-за недостаточных объемов строительства и курса на концентрацию образования, здравоохранения, культуры, при неразвитой дорожной сети, мобильных форм обслуживания, снижается территориальная доступность этих видов услуг для сельского населения.

Основные барьеры модернизации аграрной сферы периферийных территорий показаны на рис. 2.

Со вступлением страны в ВТО сельское хозяйство северных и арктических территорий, не преодолев кризисных явлений 1990–2000 гг., столкнется с новыми проблемами технико-технологического и социально-экономического развития отрасли. К прогнозируемым рискам и угрозам следует отнести: снижение инвестиционной привлекательности и рентабельности предприятий и хозяйств, что делает проблематичной модернизацию отраслей аграрного сектора; невыполнение показателей Доктрины продовольственной безопасности России; банкротство сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств из-за низкой конкурентоспособности; сокращение рабочих мест и налоговых по-

¹ Терентьев В.В. Кадровое обеспечение модернизации сельского хозяйства северных и арктических территорий (на примере Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. – № 4(28). – С. 151–165.

ступлений от агропродовольственного сектора; снижение доходов и уровня жизни крестьян. В связи с этим особую значимость приобретает выработка комплекса мер по недопущению ухудшения социально-экономической ситуации агропромышленного хозяйства в новых условиях.

Рисунок 2.
Ограничения модернизации аграрного сектора

Влияние реализации национального проекта «Развитие АПК» на активизацию модернизации сельского хозяйства

Некоторые позитивные перемены в модернизации сельского хозяйства происходят в связи с реализацией с 2006 г. национального проекта «Развитие АПК», трансформированного в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (табл. 2).

В рамках Госпрограммы реализован ряд проектов в птицеводстве (ОАО «Птицефабрика Зеленецкая», ОАО «Птицефабрика Интинская») в молочном скотоводстве (ОАО «Южное», СПК «Маджа»), в овощеводстве защищенного грунта (ОАО «Пригородный»).

Таблица 2

Выполнение некоторых целевых индикаторов реализации мероприятий Государственной программы развития агропродовольственного сектора Республики Коми

Мероприятие	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Приобретение техники сельхозорганизациями, шт.						
Тракторы	32	65	27	31	34	29
Комбайны кормоуборочные	4	6	3	6	8	6
Энергообеспеченность сельхозорганизаций на 100 га посевной площади, л.с.	267	254	341	291	270	263
Внесение минеральных удобрений в пересчете на 100% питательных веществ, тыс. т.	0,4	0,6	0,7	0,8	0,7	0,8
Доля удобрений площади сельхозкультур, %	18	25	27	30	31	23
Доля площадей, засеваемых элитными семенами, %	0,1	0,2	0,1	1,3	1,8	1,7
Доля племенного скота в общем поголовье, %	9,0	9,2	21,8	21,9	25,0	24,3
Объем субсидируемых кредитов (займов), млн. руб.	490	757	880	795	836	814
В том числе инвестиционных	183	303	567	526	609	581
Производство продукции, тыс. т						
Скот и птица на убой (в живом весе)	28,8	28,3	28,6	30,7	31,7	31,0
Молоко	61,8	62,6	61,6	62,4	61,7	57,3

Источник: 1. Агропромышленный комплекс Республики Коми: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2013. 2. Агропромышленный комплекс Республики Коми: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2014.

Приведем пример модернизации свиноводческого комплекса в составе ОАО «Птицефабрика Зеленецкая», которая начата в конце 2008 г. Предусматривается ввод в эксплуатацию и реконструкцию 23 свинарников, системы отопления, вентиляции, навозоудаления и кормления, строительство репродукторного цеха, цеха переработки мясной

продукции и переработки биологических отходов (боинские отходы, навоз). Оборудование закуплено в Германии (ООО «Хартман»). Инвестиции в проект составляют 1,2 млрд. руб. Источники инвестиций – чистая прибыль предприятия, льготные кредиты, субсидии на продукцию свиноводства (0,9 млрд. руб.), субсидии из республиканского бюджета на техническое и технологическое перевооружение (40 млн. руб.), субсидии на приобретение племенного скота (8 млн. руб.). Чистый дисконтированный доход составит 697,1 млн. руб., внутренняя норма рентабельности – 36,9%, дисконтированный срок окупаемости – 5,6 года. В результате технического перевооружения предприятия поголовье свиней увеличится с 6,5 в 2008 г. до 35 тыс. голов в 2015 г., производство свинины в живом весе – с 0,7 до 6,6 тыс. т. Чистая прибыль с начала реализации проекта составит 1513,4 млн. руб., а при выходе на проектную мощность – более 500 млн. руб. в год. Основные технологические процессы предусмотрено автоматизировать. В результате реконструкции затраты на корма снизятся на 30%, а затраты на тепло и электроэнергию – на 70%. Утилизация навоза позволит улучшить экологическую ситуацию, снизить риски возникновения эпидемий. Все работники пройдут переподготовку.

В настоящее время преобладает тенденция создания крупных аграрных предприятий в городах и пригородных зонах. Конечно, крупные агропромышленные предприятия нужно развивать. Но это не решает ключевые задачи модернизации сельской жизни. Основные риски и угрозы приоритетного развития пригородного аграрного производства и деградации его сельской периферии связаны: с невозможностью решить проблему продовольственной безопасности страны и ее регионов, обеспечить население экологически безопасной (органической) продукцией; появлением негативных эффектов воздействия на окружающую среду в пригородных зонах и на здоровье потребителей пищевых продуктов; колоссальными государственными расходами для занятости крестьян несельскохозяйственными видами деятельности.

Государство не должно сворачивать в периферийных районах сельскохозяйственное производство, а наоборот, необходимо ускорить его модернизацию. В перспективе огромные сельские территории зоны Севера с учетом активизации модернизационной и инновационной деятельности смогут обеспечить население ее субъектов органической продукцией. По мере насыщения внутреннего рынка экологическими продуктами сельская периферия может стать экспортером органической продукции.

Для сельской периферии северных и арктических территорий нужна другая модернизация, а именно создание адаптивно-ландшафтных систем земледелия, современных агротехнологий с переходом на биологизацию и производство экологически безопасных продуктов питания. Важным моментом модернизации является подключение к техническому прогрессу сельских домохозяйств и дачных усадеб. Их необходимо обеспечить средствами малой механизации. В сельских поселениях целесообразно организовать технические станции общего пользования (прокат машин и механизмов). Малые формы сельского хозяйства могут оказаться более восприимчивыми (по сравнению с крупными предприятиями) к использованию новых технологий. Модернизация в этом направлении может существенно укрепить экономическую основу жизнедеятельности коренного населения Севера и Арктики.

Иванов С.Е.

к.э.н., н.с. Института социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда
ivanov.sergey.evlg@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Ключевые слова: диверсификация промышленного производства, программы регионального развития.

Последствия мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. до сих пор оказывают негативное влияние на развитие большинства российских регионов, в особенности с моноструктурной экономикой, в которых экономический рост сменился резким и довольно значительным спадом промышленного производства.

Возврат региональных экономик на траекторию устойчивого развития оказался возможным за счет диверсификации промышленного производства, которая позволила обеспечить устойчивый рост ВРП, поддержание внутреннего спроса, поиск возможностей ухода от сырьевой направленности экономики, повышение конкурентоспособности обрабатывающих отраслей, повышение благосостояния граждан, создание новых рабочих мест, снижение уровня безработицы, повышение заработной платы. При этом нужно учесть, что каждый из регионов обладает индивидуальными особенностями и требует особых подходов к реализации процесса диверсификации производства, позволяющего снизить совокупные издержки, повысить эффективность производства, устойчивость и безопасность экономики региона, установить ее оптимальный для системы производства и обращения товаров уровень, что и является одним из его основных заданий. В этой связи насущной необходимостью является исследование условий и факторов обеспечения высоких темпов промышленного роста региона посредством диверсификации структуры его производственного комплекса.

На сегодняшний день диверсификация предприятий является одним из самых распространенных и перспективных направлений роста и развития организаций, а в некоторых случаях – это единственный путь предприятий к выживанию. Поэтому все больше предприятий сталкивается с необходимостью принятия решения о диверсификации своей деятельности. В свою очередь комплексная диверсификация промышленности в рамках региона позволяет максимально адаптироваться к существующим рыночным условиям, снизить риски при изменении экономической конъюнктуры, а также активно конкурировать на мировых рынках ТС и ВТО.

Необходимо отметить, что развитие диверсификации как конкретной формы реорганизации производства обусловлено разделением общественного труда и снижением эффективности традиционного производства, которое развивалось преимущественно за счет внутренних источников роста эффективности, и внутренней неустойчивостью рыночного хозяйства в целом¹. Специализация и диверсификация обуславливают различные принципы организации производства. В основе специализации производства лежит общественное разделение труда. Диверсификация развивается на принципах соединения различных видов труда. Специализация обеспечивает целесообразное расчленение и обособление труда и производства, диверсификация предполагает его разумное объединение. При этом чем больше развивается разделение труда и специализация, тем больше видов и сфер производства можно объединить в процессе диверсификации.

Следовательно, степень диверсификации производства для предприятия определяется его способностью управлять большим количеством номенклатурных потоков: чем уже специализация предприятия и чем сбалансированнее рынок его продукции, тем меньше уровень мотивации для диверсификации. Диверсификация является сложным и непрерывным процессом, требующим длительной подготовки и планирования, поскольку требует одновременного развития многих не связанных друг с другом видов производств и элементов общественных отношений². Соответственно каждое из предприятий в разрезе долгосрочных программ своего развития должно предусматривать дополнительные возможности расширения объемов производства по следующим направлениям:

1. Определение возможности диверсификации предприятия (отрасли), нацеленной на производство смежных групп товаров, товаров-спутников, товаров-заменителей. В данном случае необходима активизация процессов корпоратизации общественного производства для масштабной кооперации предпринимательской деятельности в рамках не только производства, но и сбыта товаров, определения уровня потребности в них, вытеснения иностранных конкурентов, лоббирования государственных интересов и др. Иными словами диверсификация промышленного комплекса на базе интегрированных производственных систем является, с одной стороны, необходимой мерой активизации дея-

¹ Государственная экономическая политика и экономическая доктрина России: к умной нравственной экономике / Под ред. С.С. Сулакшина. Т. 1. – М.: Научный эксперт, 2008. – 840 с.

² Булов В.А. Экономика. – М.: Высшая школа, 2000.

тельности предприятий промышленного комплекса, а с другой – эффективной формой взаимодействий предприятий, объединяемых единой целью и процессом.

2. Оценка теоретических (управляемость процесса) и технических возможностей использования имеющихся ресурсов для других видов деятельности, анализ затрат на изменение технологии, регламентов, условий лицензирования и патентования, наличие отечественных или зарубежных разработок, доступ к имеющемуся опыту производства, к рынкам сырья и др.

Следует также учитывать существование внутренней и внешней диверсификации. При внутренней диверсификации в составе действующего предприятия открывают новые производственные участки и цеха, экспериментальные лаборатории и иные производства. При внешней диверсификации создают подразделения вне действующего предприятия. Следовательно, непосредственным объектом реализации процесса диверсификации является предприятие, каким бы масштабом производства оно не обладало. Как отмечает Н.В. Линдер, раньше «диверсификация бизнеса была нацелена на выстраивание его оптимальной структуры. Теперь общий вектор развития изменился, начался процесс объединения фрагментированного экономического пространства страны. Под влиянием фактора глобализации многие компании перешли к более рациональному построению своих промышленных активов, улучшая корпоративную структуру, укрепляя права собственности, докупая менее крупные активы и оптимизируя вертикальную и горизонтальную интеграцию взаимосвязанных производств. Все эти процессы имеют территориальную проекцию, отражающую рост или снижение присутствия бизнеса в регионах»¹.

В свою очередь А. Нешиной отмечает, что с точки зрения стратегического управления «пропорциональность экономики может быть обеспечена только государственными институтами. Рынок доказал свою неспособность в решении этой задачи. Именно государство, используя нормативно-экономические инструменты, должно регулировать обеспечение основных макроэкономических пропорций (между накоплением и потреблением, межвидовыми производствами, производительностью труда и его оплатой, основными и оборотными средствами, централизованными и децентрализованными финансовыми ресурсами, между сбережениями и инвестициями и др.). Среди подобных инструментов важнейшими являются: системы ценообразования, ставок налогообложения, кредитов, тарифов грузоперевозок, нормативов материальных, трудовых и финансовых затрат, удельных капитальных вложений и т.д.»². Поэтому, не задаваясь вопросом, откуда взять финансовые ресурсы на производственно-технологическую и социально-экономическую реструктуризацию промышленного сектора, региональным органам власти важно контролировать необходимые и достаточные условия, наличие или соблюдение которых и будет определять целесообразность и эффективность процесса диверсификации:

1. Необходимые условия:

- перенасыщение внутреннего рынка товаров и услуг (по критерию ассортимента продукции, покупательной способности потребителей, соотношения импорта-экспорта);
- недостаток или избыток ресурсов для производства имеющихся товаров;
- перепроизводство товаров и услуг;
- неравномерная нагрузка на инфраструктуру;
- значительные колебания на рынке труда;
- отрицательное сальдо прироста населения.

2. Достаточные условия:

- наличие ресурсов для расширения масштабов производства;
- нерациональное распределение прибавочной стоимости;
- наличие льготных программ регионального развития или кредитования;
- внесение изменений в законодательство (создание свободных экономических зон, территорий приоритетного развития, изменения в налогообложении).

А вот относительно того, где взять ресурсы, А. Нешиной обоснованно утверждает, что «экономическое развитие России как самодостаточного государства должно опираться на собственные внутренние ресурсы: природные (полезные ископаемые, в т.ч. нефть, газ, лесные и водные ресурсы, которые должны быть в общественной (государственной) собственности); промышленный потенциал, локомотивом развития которого должно выступить машиностроение; человеческий потенциал, имея в виду относительно высокий индекс развития человеческого потенциала и, в частности, высокий образовательный уровень населения (0,933); финансовые ресурсы, повышение эффективности использования которых требует прежде всего изменения роли ЦБ РФ в формировании денежных ресурсов, ограничения оттока капитала, урегулирования корпоративных внешних заимствований»³.

Тем не менее, диверсификация является лишь одним из направлений реструктуризации промышленного комплекса, так как существующие проблемы необходимо рассматривать комплексно, начиная с момента добычи сырья, его последующей переработки, производства продукции и конечного потребления произведенных товаров и услуг. Проблемы, перекосы и дисбалансы могут возникать в любом из звеньев данной цепочки, и не всегда диверсификация является очевидным выходом из сложившейся для производителя или органов управления регионом ситуации. Отрицательным примером диверсификации может служить реорганизация Кузнецкого металлургического комбината, поделенного «на несколько компаний, многие из которых после череды перемены собственников и банкротств прекра-

¹ Линдер Н.В. Стратегии диверсифицированного роста и определение оптимальных границ крупных промышленных бизнес групп // Эффективное антикризисное управление. 2014. – № 1.

² Нешиной А.С. Промышленный потенциал России и степень его использования // Федерализм. 2014. – № 3.

³ Там же.

тили деятельность. Их место заняли ферромарганцевое производство (организовано Сибирской горно-металлургической компанией на месте бывшего литейного цеха КМК), Новокузнецкий вагоностроительный завод и даже предприятие по выпуску кастрюль и чайников (компания «Сибирские товары» – осколок того же КМК, в советские годы выпускавшего и эмалированную посуду). По сути, на площадке комбината без всякой помощи властей, административных согласований и громких PR-акций стихийно сформировался большой промышленный brownfield-парк. Главным в нем остается «Евраз», владеющий большей частью инфраструктуры всей площадки – от инженерных сетей до железнодорожных путей (ТЭЦ была продана). И это, пожалуй, лучший из вариантов, на которые мог рассчитывать КМК»¹.

Данный пример говорит о том, что диверсификация является лишь одним из альтернативных вариантов решения задачи перераспределения ресурсов и повышения экономического роста. Так, для ликвидации узких мест в производстве или конечном потреблении какого-либо вида продукции существует два пути: диверсификация имеющихся производственных мощностей или ввод в строй новых. В данном случае по ряду показателей технологического, экономического, финансового, социального и экологического характера определяется экономическая целесообразность принятия того или иного решения.

Современные условия управления территорией на уровне региона не допускают прямого вмешательства в планы развития частных предпринимательских структур. Однако нельзя не учитывать тот факт, что предприятия, находящиеся на определенной территории, непосредственно зависят от региональных органов управления по целому ряду вопросов:

- приватизация, землепользование и выдача концессий;
- тарифная и ценовая политика;
- социальная политика;
- инфраструктурное обеспечение;
- жилищно-коммунальное хозяйство;
- проблемы экологии.

Поэтому процесс диверсификации во многом зависит не столько от наличия материальных, человеческих или финансовых ресурсов на его обеспечение, сколько от наличия баланса интересов между властью и бизнесом, позволяющего минимизировать транзакционные издержки на этапе предпроектной подготовки инвестиционных программ, а также соответствующих федеральных или территориальных планов развития.

С точки зрения регионального управления необходимо также учитывать, что диверсификация может выступать как антикризисная мера. Однако здесь важно понимать, что в условиях кризиса неуправляемая диверсификация носит хаотичный характер и нацелена сугубо на «выживание» предприятий, которое мало согласуется с действительными приоритетами равномерного, сбалансированного развития промышленного комплекса и долгосрочными планами развития территорий.

Следовательно, региональные органы власти, равно как и предприятия, должны сформировать портфель возможных вариантов промышленного развития (диверсификации), согласованных по ряду критериев: сроки реализации проектов, их стоимость, затраты на продвижение товаров, расчет баланса стоимости и целесообразности (с точки зрения долгосрочности) вносимых в промышленную структуру изменений, возможные рынки сбыта (с учетом оплаченного спроса, территориальной принадлежности) и др. При этом немаловажным фактором является прогнозируемая продолжительность и глубина кризисных явлений, их анализ с точки зрения масштаба (региональный, отраслевой, государственный, мировой, цивилизационный), объема ресурсов, требуемых не только для преодоления кризиса, но и для сохранения имеющихся производственных мощностей в работоспособном состоянии.

Подобная программа диверсификации (далее Программа) необходима, прежде всего, с точки зрения регионального управления для предотвращения распыления не бесконечных ресурсов на реализацию мало согласованных друг с другом проектов с одновременной потерей имеющихся преимуществ основного производства.

Однако разработка Программы диверсификации на региональном уровне в отличие от предприятия, предполагает также учет увеличения нагрузки на региональную инфраструктуру, нуждающуюся в долгосрочных инвестициях на развитие «мультиинфраструктуры, объединяющей интеллектуальную энергетику, «умный» транспорт, проактивные телекоммуникационные сети»². Так, если на уровне предприятия оцениваются риски, связанные с повышением интенсивности эксплуатации зданий, сооружений, машин и оборудования, транспортных средств, то региональный уровень предполагает оценку рисков, связанных с увеличением нагрузки на социальную и транспортную инфраструктуру, инженерные и информационные сети и т.д.

Анализ целей регионального развития и соотношение приоритетов территориального развития с развитием промышленного комплекса региона во многом определяет направления оценки эффективности управления в первую очередь на региональном уровне, поскольку уровень предприятия (или группы предприятий) даст лишь показатели результативности их работы и внутренней производственно-экономической эффективности. В свою очередь региональные органы власти должны быть ориентированы на «развитие конкуренции на всех стадиях процесса промышленного производства, формирование рынков сырья, товаров и услуг, выведение научно-технической и проектной политики из-под исключительного контроля крупных компаний, усиление воздействия организаций, представляющих

¹ Попов А. Кузнецкая металлургическая революция // Эксперт. – М., 2014. – № 11.

² Якунин В.И. Интегральный проект солидарного развития на Евро-Азиатском континенте (научно-практическая концепция) // Вестник РАН. – М., 2014. – № 8.

профессиональное сообщество»¹. Поэтому с точки зрения регионального управления Программа диверсификации промышленного комплекса региона должна отвечать на ряд вопросов:

- что является объектом диверсификации;
- кто является субъектом данного процесса;
- каков законодательный (нормативный) режим реализации Программы;
- какова устойчивость (гарантированность) источников инвестиционных и других ресурсов в средне- и долгосрочной перспективе;
- каков уровень доступа к информации и степень ее детализации о ситуации на рынке товаров и услуг, рынке труда, доступных источниках финансирования и др.;
- каково возможное влияние диверсификации на экологическую ситуацию в регионе;
- будут ли решены дополнительные социально-экономические задачи, прямо не связанные с диверсификацией территориального промышленного комплекса.

При планировании мероприятий по улучшению региональной инфраструктуры с учетом критерия диверсификации необходимо выполнить анализ внутренних и транзитных транспортных потоков, материальных и финансовых ресурсов с последующим выделением приоритетных направлений для первоочередного строительства или ремонта инфраструктурных объектов, ускоряющих либо удешевляющих процесс диверсификации производства в целом.

Таким образом, комплексная Программа диверсификации промышленного комплекса региона должна содержать следующую информацию:

1. Объект диверсификации как сфера приложения определенных материальных, финансовых и организационных ресурсов, описанный в виде некоего бизнес-плана или иного проектного документа.
2. Субъект (участники) процесса диверсификации – предприятие или группа предприятий, являющиеся основным исполнителем проектного документа по диверсификации производства.
3. Характеристика режимов максимального благоприятствования со стороны региональных (федеральных) органов власти с дополнительной информацией об особенностях нормативной базы, в рамках которой будет реализован проект.
4. Информация об источниках финансирования: временные характеристики их привлечения, происхождение (отечественные, зарубежные), частичная или полная обеспеченность проекта финансовыми средствами и т.д.
5. Данные об обеспеченности проекта трудовыми ресурсами: характеристика ситуации на рынке труда по профессионально-квалификационному составу, возрастные ограничения, наличие инфраструктуры по подготовке и переподготовке необходимых кадров и сроки подготовки, оценка возможностей и стоимости обеспечения проекта трудовыми ресурсами за счет миграции трудоспособного населения, сезонность.
6. Характеристика рынков сырья (внутренние, внешние) и рынков сбыта произведенной продукции (внутренние, внешние), оплаченный спрос и возможности конечного потребления продукции на территории региона.
7. Степень задействования существующих (реализуемых) проектов, позволяющих увеличить скоординированность решения общих задач (например, инфраструктурных проектов).
8. Возможные изменения в экологической нагрузке на территорию.
9. Описание дополнительных социально-экономических проблем территории, которые будут решены в ходе реализации программы диверсификации.

Кроме этого, с точки зрения эффективной реализации подобная Программа должна удовлетворять целому ряду объективных критериев и быть:

1. Эволюционной, то есть опирающейся на принципы планомерного, устойчивого развития экономики, на учет основных экономических законов, объективная природа которых проявляется вне зависимости от знания или незнания этих законов участниками социально-экономических отношений. При этом недопустимой с целью достижения краткосрочных эффектов является “революционная” перетряска сложившихся экономических и нормативных условий хозяйствования.
2. Концептуальной, чтобы в условиях ограниченности материальных, финансовых и человеческих ресурсов, а также с учетом технологических особенностей реализации проектов, определять четкие, единичные приоритеты регионального развития, распределив их на этапы реализации по 2–3 года в соответствии со степенью актуальности, источникам финансирования и уровню сложности. При этом переход к следующему этапу определяется достижением запланированных показателей по предыдущему этапу.
3. Комплексной, чтобы учитывать максимум возможных центров активности и проблемных аспектов развития региона для одновременной реализации основных и второстепенных задач развития. Комплексность программы позволит минимизировать затраты на ликвидацию просчетов, допущенных на этапе разработки структурных реформ.
4. Сбалансированной, чтобы исключить дисбаланс промышленного развития в сторону отраслевой моноориентации производства. Исключением является объективная природно-сырьевая специфика региона и необходимость решать стратегические задачи территориального развития.
5. Экономически обоснованной, что в целом предполагает определение реальной обеспеченности Программы необходимыми ресурсами в рамках запланированного периода реализации с одновременной оценкой по отдельным этапам возможности их ритмичного использования. Необходимой является экспертная оценка новых инвестиционных проектов и контроль достигнутых результатов по выполненным и текущим проектам, предполагающих полное или долевое государственное финансирование.

¹ Крюков В. Вызов возвращения государства // Эксперт. – М., 2014. – № 10.

6. Социально ориентированной, чтобы активизация любых программ промышленного развития территории прямо или косвенно решала проблемы социальной сферы, которая дополнительно способствует не только повышению уровня социально-экономического развития региона, но и обеспечивает поддержку реформ населением, увеличивает уровень доверия к власти и закрепляет устойчивые положительные изменения в динамике роста социальных стандартов жизнедеятельности и жизнеобеспечения.

7. Преемственной, чтобы вне зависимости от смены первых лиц в руководстве региона процессы диверсификации промышленного комплекса поддерживались на предусмотренном Программой уровне и в соответствии с утвержденной долгосрочной стратегией регионального развития.

Разработка подобных Программ позволит сформулировать конкретные приоритеты, цели и направления интенсификации региональной политики развития территории, которая, с одной стороны, должна предусматривать повышение конкурентоспособности производства, модернизацию промышленности, более полную загрузку производственных мощностей, сохранение производственного потенциала, разработку инновационных вариантов использования сырья, материалов, технологий, усиление безотходности производства, а с другой – повышать уровень благосостояния населения, расширять возможности создания новых рабочих мест, способствовать снижению уровня безработицы, повышению заработной платы, расширению пакета социальных льгот, переподготовке кадров и др. Комплексный и системный подход в решении указанных проблем в целом позволит вывести региональную промышленность на качественно новый уровень развития, повысить эффективность использования внутрирегиональных ресурсных возможностей, расширить долю межтерриториального, российского и международного рынков, увеличить бюджетную самостоятельность региона, его социальную, финансовую устойчивость и обеспечить в конечном итоге независимость территории от внешних неблагоприятных воздействий.

Исмаилова В.С.

к.э.н., доцент, Уфимский государственный авиационный технический университет

Исмаилова А.Р.

студент УГАТУ

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ – ПЕРСПЕКТИВА КОНКУРЕНТНОГО ПРЕИМУЩЕСТВА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: конкурентоспособность территорий, инновационная активность муниципальных образований, экономическая безопасность муниципалитета.

Keywords: competitiveness of territories, innovative activity municipal formations, economic security of the municipality.

На современном этапе развития России экономический рост невозможен без использования результатов инновационной деятельности, последних достижений науки и техники, новшеств в организационной и управленческой сфере. Новации, внедряемые в экономику страны, влияют на развитие производительных сил, воспроизводство и конкурентоспособность её продукции на мировом рынке. Преодоление отставания в инновационном развитии районов, городов и регионов в целом возможно только за счет усиления предпринимательской деятельности в инновационной сфере.

Решение данных проблем будет возможно при налаживании и усилении эффективных связей между фундаментальной и прикладной наукой, с одной стороны, производством инновационных продуктов и завоеванием рынка, с другой, а также при создании значимых стимулов к организации новых инновационных фирм и предприятий со значительным потенциалом роста.

В настоящее время, когда в России формируется экономика, основанная на генерации, распространении и использовании знаний, динамику экономического роста, уровень конкурентоспособности территорий в национальном и мировом масштабе, степень обеспечения национальной безопасности стали определять достижения в области науки и технологий. Как свидетельствует мировой опыт, эффективность национальной, региональной и муниципальной экономики определяется степенью развития инновационных процессов, для которых в равной мере важными компонентами являются как получение новых знаний, так и передача их в производственные секторы и социальную сферу.

Для повышения конкурентных преимуществ территорий первостепенное внимание должно быть уделено следующим направлениям:

1) активизация экономического потенциала территорий – регионов и муниципальных образований. Формирование конкурентоспособной экономики должно опираться не только на имеющиеся преимущества и ресурсы развития, определяющие экономический потенциал территории, но, в первую очередь, на совокупность возможностей, средств и условий развития территориальных систем, составляющую экономический потенциал конкретной территории (региона, муниципального образования). Именно на региональном и местном уровнях управления зачастую сосредоточены механизмы реализации мер, применяемых федеральным правительством;

2) переход к инновационному типу экономического развития, способному обеспечить непрерывное обновление технической и технологической базы производства, освоение и выпуск новой конкурентоспособной продукции, проникновение на мировые рынки товаров и услуг и, вследствие этого, усиление конкурентных преимуществ территории.

Таким образом, инновационное развитие муниципального образования можно определить как управляемый процесс изменений в различных сферах жизнедеятельности муниципального образования, основанный на развитии наукоемких отраслей, широком внедрении новшеств, использовании существующих возможностей, реализация которых требует применения новых методов и технологий, направленных на достижение высокого качества жизни населения.

Разнообразие взглядов на определение влияния инноваций на территориальное развитие обуславливает необходимость изучения отечественных и зарубежных подходов к теории экономического роста.

Основные принципы управления инновационным развитием территории:

1) принцип приоритетности долгосрочных целей – долгосрочный характер и высокая степень неопределенности возможных результатов внедрения инноваций определяет необходимость видения долгосрочной перспективы развития территории на основе активизации и развития имеющегося инновационного потенциала, для чего необходима разработка стратегии инновационного развития территории;

2) принцип государственного участия – государство устанавливает правила функционирования и взаимодействия участников инновационного процесса через формирование правового поля, поэтому наиболее ценными являются те виды государственной политики, которые стремятся улучшить взаимодействие между различными участниками инновационного процесса и повысить способность к инновациям, в частности, к внедрению новых технологий;

3) принцип адаптации проявляется в приспособлении системы управления инновационным развитием к меняющимся условиям. Так, в фазе депрессии обычная рыночная стратегия, связанная с максимизацией прибыли, сменяется стратегией минимизации потерь и уменьшения неопределенности; кроме этого, появление новых технологий, услуг и методов управления приводят к существенным изменениям в потребностях общества, социальном поведении, что приводит к необходимости адаптации организационной системы управления к сложившимся условиям;

4) принцип межотраслевого взаимодействия – наиболее сильные конкурентные преимущества территории появляются при объединении фирм различных отраслей, взаимно способствующих росту конкурентоспособности друг друга, в кластеры. Важной отличительной чертой кластера является его инновационная ориентированность, проявляющаяся в быстром освоении новейших видов техники и технологии производства с последующим выходом на новые рынки;

5) принцип эффективности – внедрение инноваций на уровне территориальных экономических систем должно быть направлено на получение экономического, социального, экологического, научно-технического и других эффектов.

Важное место в совокупности мер поддержки инновационного развития территорий занимает установление особых правовых, организационных и экономических условий для хозяйствующих субъектов. Выделение территорий инновационного развития (технопарки, технико-внедренческие зоны, технополисы, наукограды, закрытые административно-территориальные образования) в особую группу и особый объект управления связано с тем, что на таких территориях происходит наиболее интенсивное межотраслевое взаимодействие, что способствует скорейшему внедрению инноваций на рынок и удовлетворению спросов потребителей. В статье обоснована необходимость рассмотрения территорий инновационного развития в пределах муниципального образования, так как подобные модели являются реальными «точками роста», а также способны играть роль центров регионального и государственного развития.

Своевременные инновации обеспечивают муниципальной системе возможность быстрого реагирования на изменения внешней среды и адекватное изменение внутренних параметров. Долгосрочные инновационные проекты способны даже опережать изменения. Адекватная реакция на внешние изменения и повышенная гибкость муниципалитета за счет постоянных инноваций позволяют создать мощную муниципальную систему безопасности, получить дополнительную силу и власть на внешних рынках.

Низшим состоянием муниципальной системы является ее безопасность. Она связана с соблюдением и защитой интересов общества в целом и граждан в частности.

Система безопасности муниципального уровня призвана обеспечить защиту интересов всех компонентов муниципального образования. В трудах отечественных ученых описаны разные подходы к классификации элементов региональной и национальной безопасности, например, выделяют демографическую, экономическую, духовно-нравственную, информационную, экологическую, политическую, оборонную, социальную безопасность.

Частью общей безопасности является экономическая безопасность. Наиболее кратким и точным, на наш взгляд, является следующее определение: экономическая безопасность муниципалитета – состояние экономики и факторов влияния, при котором муниципальная система успешно защищает интересы власти, общества и личности¹.

Без обеспечения экономической безопасности практически невозможно решить ни одну из проблем, стоящих перед муниципалитетом. Однако нельзя забывать про другие компоненты муниципальной безопасности: социальную, рыночную и властную.

В состоянии безопасности муниципальная система обладает некоторыми свойствами:

- Динамичность – торможение. Внутри запускается механизм торможения, который не допускает внутренних изменений в системе.

- Нелинейность – линейность, разные компоненты имеют одинаковое значения для функционирования системы, что не позволяет проранжировать их по степени значимости.

- Детерминированность – отсутствует, поскольку система линейна, что не позволяет определить направление ее развития.

- Открытость – закрытость. Все компоненты и уровни муниципалитета изолированы от внешней среды, в результате чего нет перекачки энергии, необходимой для развития.

- Чувствительность – грубая неспособность воспринимать внешние воздействия в силу закрытости. Восприятие только самых мощных воздействий, реагирование только на сильные сигналы.

- Рефлексивность – отсутствует модель самой системы и окружающей ее внешней среды. Основная модель реагирования на внешнюю среду – защита.

- Адаптивность – косность. Муниципалитет существует сравнительно долгое время без изменений.

- Активность – пассивность. Цель и способы принятия решений отсутствуют.

В состоянии безопасности возможны незначительные вынужденные инновации, которые позволяют ей выживать. В связи с этим, считают Табурчак П.П. и Тумик В.М., инновационная деятельность становится главным условием выживания производителя продукции в условиях рынка. Инновационная деятельность дает территории существенные преимущества по сравнению с другими территориями и увеличивает, в конечном счете, прибыльность его деятельности.

Второй уровень состояния муниципальной системы – конкурентоспособность.

¹ Методология обеспечения экономической безопасности на основе стратегического маркетингового планирования и управления / Зиннуров У.Г., Исмаилова В.С. – М.: Издательство МАИ, 2004. – 375 с.

Й. Шумпетер определял конкуренцию как соперничество старого с новым, с инновациями. Поскольку в основе инноваций лежат знания, Нобелевский лауреат по экономике 1974 года, австрийский ученый Фридрих А. Фон Хайек отмечает, что конкуренция – процесс, посредством которого люди получают и передают знания.

Конкурентоспособность возникает на основе стратегического позиционирования на рынке. Конкурентоспособность – способность товара или субъекта рыночных отношений выступать на рынке наравне с присутствующими там аналогичными товарами и субъектами.

Понятие конкурентоспособности относительно. На рынке всегда есть лидер. Это вовсе не означает, что он обладает самой высокой эффективностью. Это лишь означает его более высокую эффективность по сравнению с другими. Различают высокую, среднюю, низкую конкурентоспособность.

Подход к оценке конкурентоспособности муниципалитета можно сформулировать, опираясь на концепцию конкурентоспособности страны, предложенную М. Портером. Он выделяет четыре обособленные стадии конкурентоспособности национальной экономики:

- Факторов производства – природных ресурсов, благоприятных климатических условий, дешевой рабочей силы. Экономика уязвима, факторы истощаются и обесцениваются.

- Инвестиций – в оборудование и новые технологии, приобретение лицензии, создание совместных предприятий. В результате создаются новые факторы и современная инфраструктура. Важная роль отводится государственному регулированию в сфере распределения инвестиций по приоритетам.

- Инноваций – за счет осуществления фирмами нововведений, создания новых технологий, формирования и развития новых отраслей науки и производства, возникающих на стыке традиционных. Повышается сопротивляемость к мировым макроэкономическим колебаниям. Наиболее эффективно косвенное государственное регулирование – стимулирование создания все более прогрессивных факторов, повышение качества внутреннего спроса, поощрение новых сфер приложения капитала и т.д.

- Насыщения – неизбежный застой в экономике и спад производства. Заинтересованность инвесторов и менеджеров в осуществлении инноваций снижается, возникает стремление к безрисковой деятельности. Фирмы уделяют больше внимания сохранению достигнутых рыночных позиций, чем их усилению. Сужается круг конкурентоспособных отраслей, что в конечном итоге способствует экономическому спаду.

Эти же стадии характерны для развития муниципальной системы. Портер утверждает, что конкурентное преимущество низкого ранга (сырье) не дает долгосрочных преимуществ. Необходимо развивать преимущества более высокого ранга (технологии, дифференциация на основе уникальности товаров и услуг), как, например, это делает Китай. Преимущества более высокого ранга обычно возможны на основе долгосрочных и интенсивных капиталовложений в производственные мощности, при постоянной модернизации производства.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что между муниципалитетами существует постоянная борьба за внимание федеральной и региональной власти, ресурсы, внешние и внутренние рынки. Среди ресурсов приоритетными можно назвать финансовые и трудовые¹.

Конкурентоспособность муниципалитета необходимо постоянно измерять. По мнению А.Г. Гранберга, в последние годы идея интегрированных индикаторов получает все более широкое развитие при построении «индексов» и «рейтингов» предпринимательского и инновационного климата, инвестиционной и внешнеторговой привлекательности регионов и т.п. с целью объективизации представлений об условиях развития соответствующих видов экономической деятельности в разных регионах.

Чаще всего конкурентоспособность рассматривают как показатель, характеризующий устойчивость системы при изменениях внешней среды. По нашему мнению, конкурентоспособность целесообразнее рассматривать как показатель устойчивого развития муниципалитета в любых изменяющихся условиях. Такой подход позволит рассматривать конкурентоспособность как динамичный процесс, а не как статичное состояние.

Конкурентоспособность оценивается по каждому из составных элементов: социуму, рынку, экономике, власти. Для социума основной показатель – уровень жизни населения. Он может состоять из доходов, наличия свободного времени, возможности проведения досуга и т.д. Для рынка такими показателями являются уровень развития (степень удовлетворения), суммарная емкость и др. Основной показатель развития экономики региона – производительность, то есть отношение объема произведенных товаров к объему используемых ресурсов. Для власти – ее сила. Критерием оценки силы государственных органов служит рейтинг у населения. Важна также функциональность структуры органов власти, степень их влияния на все компоненты муниципальной системы.

Таким образом, интегральная конкурентоспособность муниципалитета определяется четырьмя основными характеристиками: богатый социум, развитые рынки, производительная экономика, сильная власть. Уровень конкурентоспособности муниципалитета определяется силой его влияния на другие муниципалитеты и возможности лоббирования своих интересов на более высоких уровнях власти РФ.

Муниципалитет в состоянии конкурентоспособности обладают определенными свойствами:

- Динамичность – внутри запускается механизм движения, который вызывает внутренние изменения в системе.
- Нелинейность – баланс между разными компонентами системы, что помогает делать акцент в разное время на разных компонентах в соответствии с требованиями конкурентоспособности.
- Детерминированность – изменчива конъюнктура.

¹ Инвестиционная политика на территории муниципального образования / Под ред. В.И. Шеина. – М.: РИЦ “Муниципальная власть”, 2001.

- **Открытость** – полуоткрытость. Часть подсистем открыты для контактов с внешней средой (например, шпионажа за конкурентами), а часть – закрыты, особенно те, что связаны с новыми разработками.
- **Чувствительность** – избирательная способность воспринимать внешние воздействия, реакция на сигналы средней силы.
- **Рефлексивность** – модель самой себя и окружающей ее среды ограничена партнерством, выгодным для повышения конкурентоспособности на основе равенства с другими.
- **Адаптивность** – система изменяет внутренние параметры в соответствии с требованиями внешней среды.
- **Активность** – имеет изменчивую систему целей и постоянно меняющиеся в соответствии с конъюнктурой способы принятия решений.

Конкурентоспособность муниципалитета позволяет обеспечить инновации, сравнимые с теми, которые проводят конкуренты. Секрет конкурентоспособности системы кроется в неявном знании. Такое знание нелегко передавать. Даже находясь внутри системы невозможно понять, что составляет основу успеха.

Высшим состоянием муниципалитета является инновационность.

Поскольку рынки развиваются, источники конкурентоспособного преимущества мигрируют от непрерывного усовершенствования до радикальных изменений. Последние кроются в способности принять технологические инновации. Особенно это касается доминирующих сегодня на рынке информационных и телекоммуникационных технологий.

В основе инновационности лежат также и постоянные изменения. Состояние системы радикально лучше, чем у других. Критерий – в исследования вкладывается больше средств, чем в основные фонды.

Основным источником развития территории являются творческие личности. Они служат источником инноваций на основе использования эвристических методов. Образованные творческие личности – это фундамент национальной, региональной и муниципальной инновационных систем. А муниципалитет является базовым уровнем национальной инновационной системы.

Уровень инновационности системы определяется ее инновационным потенциалом. Инновационный потенциал муниципалитета – способность и готовность муниципалитета осуществить эффективную инновационную деятельность. Способность – это наличие и сбалансированность структуры потенциала (ресурсов, необходимых для инновационной деятельности). Готовность – это достаточность уровня развития потенциала и имеющихся ресурсов для осуществления инновационной деятельности.

В состоянии инновационности:

- **Динамичность** – ускорение. Внутри запускается механизм ускорения, который позволяет очень быстро проводить внутренние изменения в системе.
- **Нелинейность** – акцент на самые существенные компоненты системы, что помогает развивать самые эффективные подсистемы с точки зрения самой системы.
- **Детерминированность** – четко выраженная предопределенная значимость в системе определенных параметров.
- **Открытость** – почти полная. Любой компонент и уровень системы связан с внешней средой, поскольку не результат работы системы инновационен, а сама система, которую конкуренты скопировать просто не способны.
- **Чувствительность** – тонкая. Способность воспринимать мельчайшие внешние воздействия, даже самые слабые сигналы, что очень важно для улавливания зарождающихся тенденций.
- **Рефлексивность** – имеет четкую модель самой системы и окружающей ее среды, что позволяет эффективно нападать и в итоге занимать доминирующее положение.
- **Адаптивность** – конфронтация. Система изменяет внутренние параметры, игнорируя требования внешней среды.
- **Активность** – агрессивность. Имеет ярко выраженную собственную систему целей и индивидуальные способы принятия решений. Обостряет противоречия с внешней средой.

Для повышения инновационности территории необходимы радикальные инновации без учета текущей конкурентоспособности.

Для реформирования социально-экономической системы России необходимо использовать мощный инновационный потенциал муниципалитетов. Именно на них нужно сделать основную ставку в активизации инновационных процессов. Как на самые подвижные, адаптивные и креативные части общей системы. На муниципальном уровне происходит генерация инноваций, а на региональном и федеральном – диффузия и тиражирование.

В современном мире роль движущей силы социально-экономического развития территорий и повышения их конкурентоспособности все чаще отводится инновациям. Способность инноваций к генерации различного рода общественных эффектов позволяет им воздействовать на повышение уровня и качества жизни людей, обеспечивать национальную безопасность.

В свою очередь, эффективность национальной, региональной и муниципальной экономики определяется степенью развития инновационных процессов, для которых в равной мере важными компонентами являются как получение новых знаний, так и передача их в производственную и социальную сферы. Таким образом, под инновационным развитием территории, в том числе муниципального образования, нами понимается управляемый процесс изменений в различных сферах жизнедеятельности территории, основанный на широком внедрении новшеств, использовании существующих возможностей, реализация которых требует применения новых методов и технологий, направленных на достижение высокого качества жизни населения.

Происходящее в последнее время усиление конкуренции между отраслями, расположенными на определенной территории, а также между самими территориями, которая проявляется в их соперничестве с целью завоевания различных групп потребителей местных ресурсов и услуг, а также привлечения новых источников финансирования для

социально-экономического развития территории, обуславливает необходимость создания благоприятных условий, стимулирующих прогрессивные структурно-технологические изменения производства.

Однако в современном мире, когда одним из главных факторов, обеспечивающих конкурентоспособность территории, является ее инновационность, выражающаяся как в способности территории к генерации собственных инноваций, так и в способности воспринимать инновации со стороны, недостаточно просто обеспечить базовые условия функционирования экономики. Необходимо добиться более высокой, чем у конкурентов, эффективности использования этих условий. Именно поэтому важным условием территориального развития является нахождение эффективного сочетания усилий по развитию и укреплению ресурсной базы отраслей и разработок наряду с осуществлением разнообразных институциональных и организационно-хозяйственных преобразований, которые призваны активизировать имеющийся инновационный потенциал, создать реальный спрос на инновации внутри территории и обеспечить долгосрочное ее развитие.

В связи с существующим многообразием факторов (например, повышение конкурентоспособности хозяйствующего субъекта; получение в долгосрочной перспективе дохода на капитал, вложенный в инновационный продукт; изменение в производственном процессе, в сфере управления; совершенствование технологий производственного и организационного процесса; снижение ресурсоемкости выпускаемой продукции; повышение профессионализма менеджмента и работников, влияющих на появление спроса на технологические, продуктовые, организационно-управленческие и другие инновации, и как следствие, обуславливающих необходимость формирования территориального рынка инноваций, можно сделать вывод о том, что в современных рыночных условиях разработка инновационного продукта должна быть сосредоточена на конкретных рыночных потребностях хозяйствующих субъектов¹.

Инновационное развитие муниципального образования, характеризующееся как интенсивное и эндогенное, должно проходить через поиск внутренних ресурсов для развития, поэтому при разработке инновационной стратегии муниципального образования помимо таких традиционных способов оценки стартовых условий для развития, как анализ рынка, отраслевой анализ, особое внимание должно уделяться оценке инновационного потенциала территории. От состояния инновационного потенциала зависят масштаб и качество результатов исследований и научно-технических разработок, а, следовательно, и потенциальная возможность появления инноваций на территории муниципальных образований.

Предложенный подход к оценке инновационного потенциала муниципального образования на основе использования индекса инновационной активности (определяющего способность территории к созданию инноваций) и индекса инновационной восприимчивости (определяющего степень готовности структур муниципального образования к внедрению инноваций), позволяет выявить максимальные возможности использования факторов инновационного развития территории и произвести выбор определенной инновационной стратегии.

Одним из определяющих условий выявления конкурентных преимуществ и приоритетных направлений долгосрочного муниципального развития, является активизация партнерства между всеми участниками жизнедеятельности территории.

Таким образом, при разработке инновационной стратегии муниципального образования необходима организация сотрудничества между различными участниками ее реализации (местной администрации, населения, науки и бизнеса), в результате которого разрабатывается концепция долгосрочного инновационного развития территории.

Сегодня от качества и результативности управленческой деятельности, от эффективности работы местных органов власти во многом зависит состояние муниципального хозяйства, сбалансированность местного бюджета, эффективность использования объектов муниципальной собственности, уровень развития малого предпринимательства, благосостояние жителей муниципального образования и процесс социально-экономического развития территории муниципального образования в целом.

¹ Гришина И., Шахназаров А., Ройзман И. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей // Инвестиции в России. 2001. – № 4. – С. 5–16.

Кабанов В.Н.

д.э.н., профессор Воронежского экономико-правового института и Волгоградского института бизнеса
kabanovvn@yandex.ru

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ¹

Ключевые слова: социально-экономическая политика, региональные органы власти и управления, оценка эффективности управления.

Исследования системы оценки эффективности местного самоуправления², выполняемые автором, привели к выводу о возможности расширения области применения разработанной автором методики вычисления соответствующих показателей и критериев. Если муниципальные образования рассматривать как элементы региональной социально-экономической системы, то в этом случае возникает возможность для количественной оценки эффективности государственной политики в субъекте РФ. Такая оценка не является альтернативой действующей нормативной системе количественной оценки эффективности регионального и муниципального управления³.

Прежде чем представить авторский подход к оценке эффективности региональной социально-экономической политики, целесообразно остановиться на публикациях появившихся за последние 2 года (2013–2014 гг.) в российской научной электронной библиотеке⁴. В качестве безусловного позитива следует отметить заинтересованность молодых исследователей этой проблемой.

С точки зрения автора наиболее полный обзор отечественных подходов к количественной оценке эффективности региональной социально-экономической политике приведен в работе С. С. Макарычева⁵ и И.В. Ковалевой. В этой публикации приводится порядок рейтинговой оценки, предлагаемой СОПС⁶, а также принципы такой оценки, изложенные в работах А.Г. Гранберга. Компаративный анализ пяти методик (табл. 1, с. 48) приводится в работе Ю.В. Задорожневой⁷. Обращает на себя внимание, что ведущее место отведено молодым исследователям индексу развития человеческого потенциала, используемому в практической деятельности ООН почти 20 лет. К числу обзоров отечественного и зарубежного опыта и принципов измерения эффективности социально-экономической политики, а также систематизации понятий, используемых при выполнении вычислительных процедур, относится публикация Ш.З. Ризаханова⁸.

К числу авторских подходов к количественному измерению критериев эффективности региональной социально-экономической политики следует отнести работы:

– Дубищев В.П., Глушко А.Д.⁹ (г. Полтава, Украина), предлагающих для оценки использовать положение значения частного интегрального показателя на диапазоне измерений (от минимального до максимального значения рассматриваемого массива значений, уравнение 1 и 2 на с. 45), что совпадает с принципами вычислений, применяемыми в методике ООН по определению индекса развития человеческого потенциала;

– Поважный А.С., Бандура М.В.¹⁰ (Донецк, Украина) основываются на методе экспертных оценок, основанном на известной методике бальной оценки;

¹ Работа выполнена за счет гранта Международного научного фонда экономических исследований им. Н.П. Федоренко, выделенного на исследования по теме: «Формирование структуры бюджета муниципального образования, обеспечивающей максимальный прирост качества жизни населения».

² Кабанов В.Н. Оценка эффективности местного самоуправления. Бизнес, образование, право // Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. – № 2. – С. 123–132.

³ Указ Президента РФ № 1199, от 12.08.2012г. «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ».

⁴ <http://elibrary.ru/defaultx.asp>

⁵ Макарычев С.С., Ковалева И.В. Оценка эффективности социально-экономической политики региона // Вестник Алтайского аграрного университета. 2013. – № 2 (100). – С. 129–132.

⁶ СОПС – Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития РФ и РАН РФ.

⁷ Задорожнева Ю.В. Компаративный анализ методик оценки эффективности реализации социально-экономической политики региона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2013. – № 2 (23). – С. 47–54.

⁸ Ризаханов Ш.З. Теоретические основы оценки эффективности реализации социально-экономической политики государства на уровне региона // Вестник Дагестанского государственного университета. 2014. – № 5. – С. 99 – 102.

⁹ Дубищев В. П., Глушко А. Д. Комплексная оценка эффективности государственной регуляторной политики Бизнес, образование, право // Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. – № 4 (25). – С. 42–46.

¹⁰ Поважный А.С., Бандура М.В. Структурные диспропорции социально-экономического развития регионов Украины // Менеджер. Вісник Донецького державного університету управління. 2013. – № 2 (64). – С. 5–13.

- ранговая корреляция значений валового регионального продукта и численности населения описана в публикации Поздняковой Т.М.¹;
- интересное применение матрицы (традиционно применяемой при выполнении SWOT-анализа) для анализа количественного значения индикаторов при выравнивании бюджетов описано в работе А.В. Ярошепта²;
- предложение, обладающее высоким научным и практическим потенциалом и состоящее в совместной количественной оценке критериев эффективности территориального и социально-экономического развития приводится в статье Н.Г. Юшковой³;
- весьма оригинальное решение по графическому разделению социальной (по оси ординат) и экономической (по оси абсцисс) политики предложено в работе Г.Г. Ахмадиевой и Г.Г. Ахмадиевой⁴ (рис. 1, с. 2), которые предлагают для количественной оценки использовать угол наклона результирующего вектора (табл. 1, с. 4), что совпадает с принципиальной идеей автора.

Если принять действующий нормативный принцип оценки эффективности: отношение результата к затратам, тогда для оценки эффективности региональной социально-экономической политики необходимо и достаточно установить систему количественного измерения результата и затрат. Можно утверждать, что в настоящее время достигнуто единство в понимании результата региональной социально-экономической политики среди отечественных исследователей и сотрудников органов государственного управления. Такое единство подтверждается тем, что практически все региональные программы развития предусматривают рост качества жизни населения. Если согласиться с подходом ООН, использующей для измерения этого показателя без малого 20 лет индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), тогда при помощи методов измерения, признанных мировым сообществом, несложно вычислить количественное значение такого результата применительно к муниципальным районам.

Что касается затрат, то реализация региональной социально-экономической политики, в большинстве случаев, осуществляется за счет средств бюджетов субъектов РФ. Такие расходы бюджетов целесообразно рассматривать как инвестиции в человеческий капитал, поскольку основные статьи расходов влияют на изменение частных интегральных показателей, составляющих ИРЧП (доходы, доступность образования, продолжительность жизни). Наиболее детальное обоснование такого подхода приводится в диссертационном исследовании Е.В. Тихомировой⁵. Важно обратить внимание, что абсолютное значение расходов бюджетов не дает объективной картины для сравнения муниципальных районов между собой. Для преодоления этого затруднения рекомендуется рассматривать расходы муниципального бюджета на одного жителя.

В качестве объекта-представителя нами рассматривается Волгоградская область, для которой приводятся данные, описывающие изменение ИРЧП (H) и расходы бюджета муниципального района в расчете на одного жителя (G) за 4 года (2010–2013). Для наглядности количественные значения представлены в виде 2-х графических изображений. На рис. 1 а,б показано изменение значения ИРЧП (H), а на рис. 2 а, б – динамика изменения расходов бюджетов муниципальных районов в расчете на одного жителя (G).

На рис. 1а приводится распределение значений ИРЧП (H) муниципальных районов Волгоградской области. Несложно увидеть динамику изменения результата региональной социально-экономической политики: если в первые 2 года наблюдался рост качества жизни, то следующие 2 года показывают устойчивую динамику снижения этого показателя. Наибольшую наглядность при выполнении оценки по значению интегрального показателя ИРЧП (H) обеспечивает построение кривых накопленных вероятностей (рис. 1б). С его помощью можно установить величину перемещения по оси абсцисс влево или вправо относительно начала координат (рис. 1б).

Рост расходов муниципальных бюджетов на одного жителя (рис. 2 а, б) объясняется с одной стороны (числитель) положительной динамикой налоговых и неналоговых доходов, а с другой – снижением численности населения (знаменатель). То есть государственные и муниципальные инвестиции в качество жизни населения растут, а количественный показатель, описывающий результат – снижается. Однако обычные методы сопоставления не позволяют находить причины, которые привели к сложившемуся положению.

Дальнейшие исследования взаимного влияния H и G привели к выводу о необходимости использовать методы математической статистики, применяемые для оценки существования зависимости между двумя массивами значений (коэффициент Пирсона). Выполненные вычисления подтвердили гипотезу о существовании прямо пропорциональной зависимости между ИРЧП (H) и расходами муниципального бюджета на 1 жителя (G). Поскольку одной из важнейших характеристик прямой линии, описывающей прямо пропорциональную зависимость, является тангенс угла наклона (k), то для количественной оценки эффективности региональной социально-экономической политики рекомендовано использовать значение этого коэффициента. При наличии двух массивов значений, находящихся в

¹ Позднякова Т.М. Способы оценки эффективности перспективных направлений региональной политики // Journal of economic regulation. 2014. – Т. 5, № 2. – С. 90–96.

² Ярошепта А.В. Методический подход к оценке конкурентных позиций территории в целях повышения эффективности межбюджетного выравнивания // Интернет-журнал Науковедение. 2013. – № 5 (18). – С. 98.

³ Юшкова Н.Г. Совершенствование системы регионального планирования: предпосылки и императивы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2014. – № 1. – С. 31–42.

⁴ Ахмадиева Г.Г., Ахмадиева Г.Г. Геометрия в экономике: оценка бюджетной политики и определение тенденций в социально-экономическом развитии территорий // Региональная экономика и управление. Электронный научный журнал. 2013. – № 4 (36). – С. 1–15.

⁵ Тихомирова Е.В. Регулирование инвестиций в развитие человеческого капитала на муниципальном уровне. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.э.н. – СПб., 2013. – 22 с.

прямолинейной зависимости (коэффициент Пирсона выше 0,6), для вычисления параметров уравнения прямой, наиболее часто применяется метод наименьших квадратов.

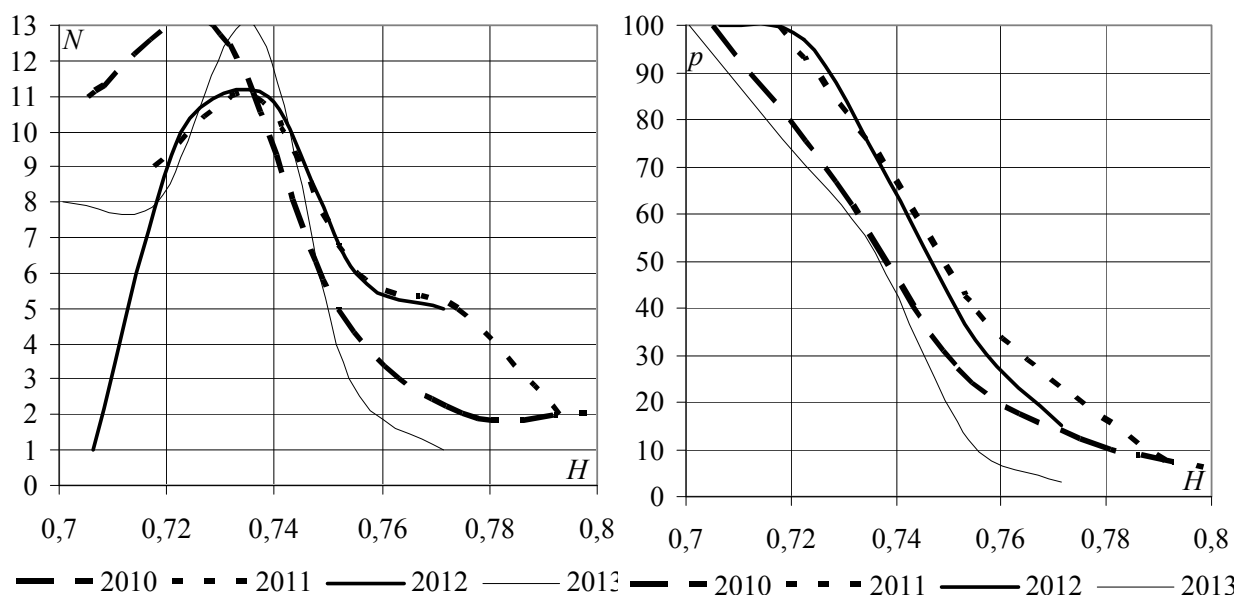

Рисунок 1.

Распределение значений ИРЧП (H) для муниципальных районов Волгоградской области (2010–2013 гг.): а) функция распределения для каждого года; б) кумулятивные кривые распределения (кривые накопленных вероятностей) для каждого года

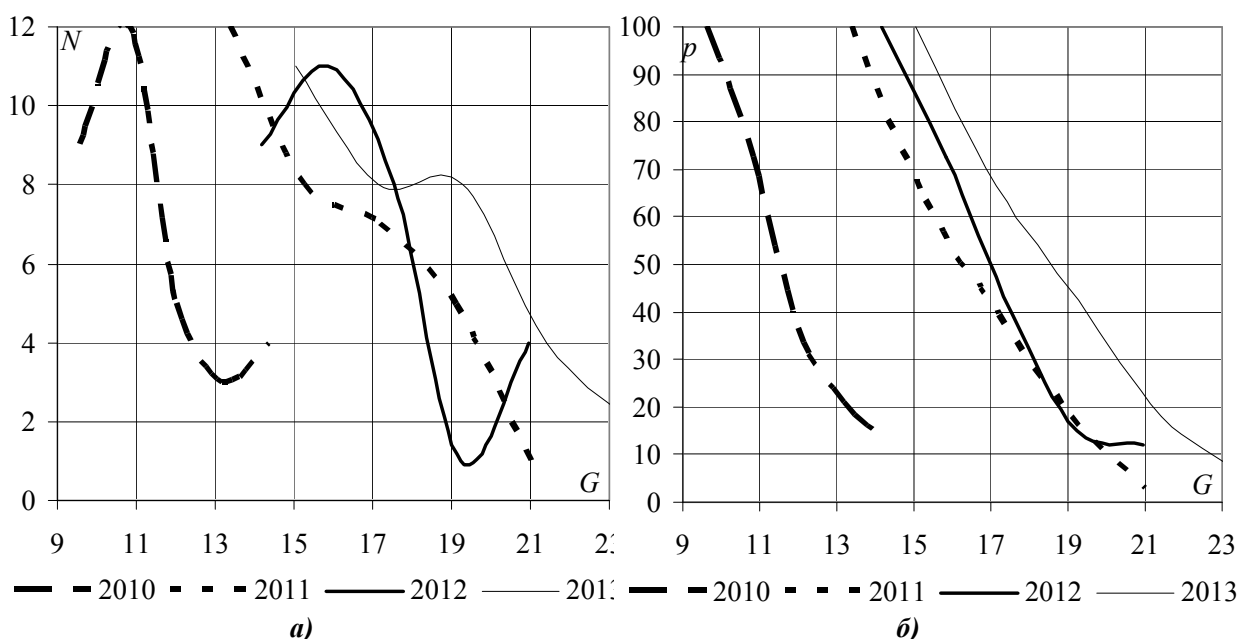

Рисунок 2.

Распределение расходов бюджетов муниципальных районов на одного жителя (G) для Волгоградской области (2010–2013 гг.): а) функция распределения для каждого года; б) кумулятивные кривые распределения (кривые накопленных вероятностей) для каждого года

Значение тангенса угла наклона, вычисленного для каждого муниципального района по значениям H и G , может применяться для оценки эффективности как региональной, так и муниципальной социально-экономической политики. Распределение коэффициентов, характеризующих эффективность регионального и муниципального управления (k) в Волгоградской области приведено на рис. 3.

Если угол наклона прямой, отражающей зависимость ИРЧП (H) от расходов муниципального бюджета на 1 жителя (G), рассматривать в качестве количественного показателя для оценки региональной социально-экономической политики, то по кривым, приведенным на рис. 3, несложно сделать вывод о снижении эффективности муниципального и регионального управления. Такой вывод обосновывается положением кривых относительно начала координат и относительно друг друга. Поскольку кривая, описывающая совокупность распределения коэффициента k за 2011 – 2013 гг. находится ближе к началу координат, то очевиден вывод об ухудшении состояния системы в целом.

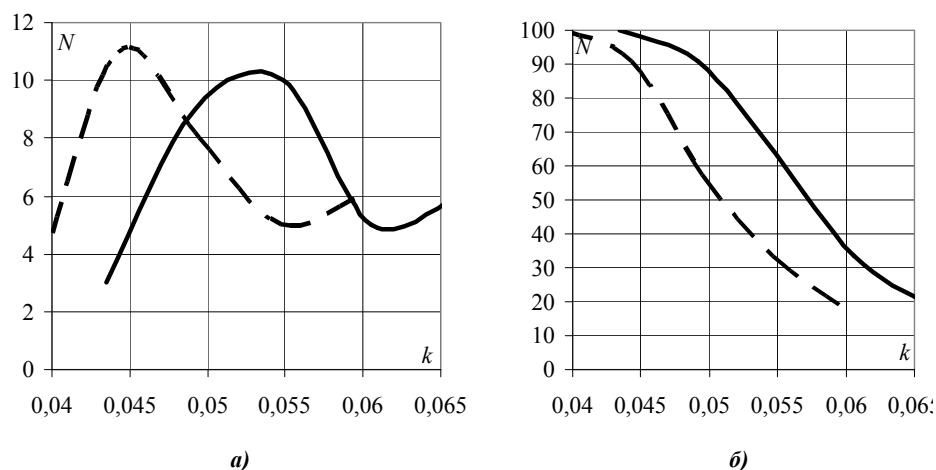

Рисунок 3.

Распределение показателя, характеризующего эффективность региональной социально-экономической политики в Волгоградской области (2010 – 2012 гг. – сплошная линия, 2011–2013 гг. – пунктирная линия): а) функция распределения k ; б) кумулятивные кривые распределения (кривые накопленных вероятностей) для k

Предлагаемая система оценки в настоящее время проходит апробацию применительно к реальным условиям различных субъектов РФ. В результате проверки сходимости фактических и расчетных значений предполагается получить оценку достоверности. Необходимо подчеркнуть, что описанный подход обладает высоким потенциалом для развития. В качестве примера можно привести решение задачи о распределении дотаций регионального бюджета муниципальным районам в зависимости от эффективности управления (по значению коэффициента k). Использование математических методов применяемых к описанию процессов перехода от порядка к хаосу может обеспечить получение таких векторов развития, которые будут способствовать выравниванию условий жизни в поселениях, расположенных на территории субъекта РФ.

Калугина З.И.¹

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Ключевые слова: региональное развитие, человеческий капитал, социальное неравенство.

Экономисты называют 20-е и 21-е столетие эпохой человеческого капитала в связи с тем, что, во-первых, экономическая отдача от человеческого капитала превышает отдачу от капитала физического, а во-вторых, обладание человеческим капиталом многократно усиливает конкурентные позиции его владельцев на рынке труда и повышает их социальный статус. Как и любой другой исчерпаемый ресурс, человеческий капитал требует определенных затрат на воспроизводство и развитие. Основными видами вложений в него считаются образование, охрана здоровья, миграция, воспитание подрастающего поколения. Выгоды от инвестиций в человеческий капитал многообразны.² Предлагаемая читателю статья посвящена проблемам воспроизводства и накопления человеческого капитала в регионах Сибири как источника и ресурса их развития.

Региональные особенности развития человеческого капитала

Подготовка ежегодных докладов по развитию человеческого потенциала в субъектах Российской Федерации позволяет выявить региональные особенности человеческого развития, оценить динамику индексов, обозначить наиболее острые проблемы, специфические для сибирских регионов, определить масштабы потерь. Анализ, выполненный нами ранее³, показал, что динамика развития человеческого потенциала в Сибири за период с 1998–2009 гг. была положительной, но совокупные и частные индексы развития человеческого потенциала были заметно ниже среднероссийских показателей. Сибирь с позиции человеческого развития представляет собой весьма неоднородную территорию. Контрасты по отдельным составляющим ИРЧП настолько велики, что создается впечатление, будто речь идет не о разных субъектах СФО, а об отдельных государствах. В Сибири представлены как территории-лидеры, демонстрирующие высокие качественные характеристики населения и успехи экономики, так и территории-аутсайдеры, занимающие наиболее низкие позиции в рейтинге регионов России по уровню человеческого развития. Это касается, в первую очередь, автономных республик и округов, где проживают коренные народности Сибири. В целом за анализируемый период все сибирские регионы имели положительную динамику, но темпы развития были недостаточны для качественного прорыва в социальной сфере. Поэтому Сибири в первом десятилетии 2000-х годов не удалось вырваться из колеи депривированной российской провинции и преодолеть хроническое отставание в социально-экономическом развитии.

В докладе о человеческом развитии 2013 г. представлены данные ПРООН по Индексу человеческого развития в регионах Российской Федерации, рассчитанные по итогам 2010 года⁴. Основная идея авторов доклада заключается в том, что России необходима новая парадигма развития, которая способна обеспечить благосостояние общества без избыточного давления на природу и человека.

Представленные в докладе данные о развитии человеческого потенциала по регионам России позволяют сделать следующие выводы. В 2010 г. среди сибирских регионов индекс человеческого развития быстрее всего вырос в Красноярском крае, главным образом, благодаря опережающему экономическому росту. В Республике Тыва – постоянном аутсайдере на шкале человеческого развития – выросла продолжительность жизни и другие показатели Индекса. Наиболее сбалансированное развитие человеческого потенциала наблюдалось в Томской области, которая имеет высокий рейтинг по всем трем индикаторам ИЧР. На протяжении всего наблюдаемого периода области удалось уверенно превосходить среднероссийскую планку. Разница в экономическом развитии самого богатого в регионе Красноярского края и самой бедной республики Тыва достигает 3,6 раза. Различия в ожидаемой продолжительности жизни населения в самой благополучной в этом отношении Новосибирской области и самой неблагополучной республике Тыва составляет более 8 лет.

¹ Калугина Земфира Ивановна – д.соц.н., профессор, гл.н.с. Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск. E-mail: zima@ieie.nsc.ru

² Капелюшников Р. Сколько стоит человеческий капитал России? // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 1. – С. 27–47; № 2. – С. 24–46.

³ Калугина З.И. Социальные тренды регионов Сибири // Регион: экономика и социология. 2013. – № 2. – С. 197–214; Калугина З.И. Депривация населения Сибири как угроза модернизации экономики // Россия и современный мир. – М., 2013. – №4 (81). – С. 171–183.

⁴ Индекс человеческого развития регионов России рассчитан по старой методике ПРООН в связи с отсутствием официальных статистических данных о средней и ожидаемой продолжительности обучения.

Все приграничные территории Сибирского федерального округа¹ в 2010 г. имели более низкие значения интегрального индекса человеческого развития по сравнению со средними республиканскими показателями. При этом республики Тыва, Алтай и Забайкальский край замыкают рейтинг регионов по ИЧР, занимая соответственно 80-е, 78 и 72 место. Они отстают от других регионов как по уровню социально-экономического развития, так и по другим показателям, характеризующим уровень человеческого развития. В 2010 г. ИЧР в данных регионах был равен соответственно: 0,750; 0,777; 0,790. К аутсайдерам примыкает республика Бурятия, занимающая 69 место в рейтинге регионов России по уровню человеческого развития. Немногим лучше была ситуация в Алтайском крае, занимавшем по ИЧР 56-е место в Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Индекс человеческого развития в РФ и в регионах Сибири в 2010 году

Регион	ВВП, ППС	Индекс дохода	Продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность, %	Доля учащихся, %	Индекс образования	ИЧР	Место в рейтинге
Россия	19 674	0,882	68,83	0,731	99,7	0,755	0,916	0,843	
Красноярский край	27 100	0,935	67,76	0,713	99,6	0,754	0,915	0,854	7
Томская область	20 638	0,890	68,61	0,727	99,7	0,828	0,941	0,852	9
Кемеровская область	20 891	0,892	65,66	0,678	99,7	0,720	0,905	0,825	27
Иркутская область	17 745	0,864	65,62	0,675	99,6	0,785	0,926	0,822	31
Республика Хакасия	14 079	0,826	67,26	0,704	99,7	0,742	0,912	0,814	42
Омская область	16 591	0,853	68,83	0,731	99,5	0,821	0,937	0,840	13
Новосибирская область	13 745	0,822	69,18	0,736	99,6	0,806	0,933	0,830	22
Алтайский край	10 690	0,780	68,54	0,726	99,5	0,738	0,909	0,805	56
Республика Бурятия	10 771	0,781	65,93	0,682	99,5	0,785	0,925	0,796	69
Забайкальский край	12 224	0,802	64,73	0,662	99,5	0,725	0,905	0,790	72
Республика Алтай	7605	0,723	65,92	0,682	99,5	0,788	0,926	0,777	78
Республика Тыва	8064	0,733	61,00	0,600	99,6	0,762	0,918	0,750	80

Источник: Устойчивое развитие: вызовы РИО. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / Под общей ред. С.Н.Бобылева. – М., 2013. – <http://www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf>.

Тем не менее, по международным стандартам, семь регионов Сибири входили в группу регионов с высоким уровнем развития человеческого потенциала (ИРЧП от 0,8 до 0,9), а четыре региона (республики Бурятия, Алтай, Тыва и Забайкальский край), входили в группу со средним уровнем человеческого развития (ИРЧП от 0,5 до 0,8). На сегодняшний день в Сибири нет регионов с очень высоким и низким (по международной классификации) уровнем человеческого развития. Напомним, что по данным за 2010 г. в России только г. Москва входила в число регионов с очень высоким уровнем человеческого развития, ИРЧП=0,931². Санкт-Петербург за последний год наблюдения переместился в группу со средним уровнем человеческого развития.

По отдельным параметрам индекса человеческого развития сибирские регионы имеют более высокие показатели по сравнению со среднероссийскими. Так, Красноярский край имел более высокие показатели экономического развития. Валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности на душу населения здесь составлял 27 100 долл. США против 19 674 – по РФ в целом. Индекс дохода соответственно был на уровне 0,935 против 0,882. Томская область превосходила среднероссийские показатели по всем основным параметрам человеческого развития за исключением ожидаемой продолжительности жизни и индексу долголетия. Новосибирская область, напротив, имела более высокие показатели по ожидаемой продолжительности жизни и индексу образования, но значительно уступало среднероссийским показателям по экономическим параметрам. ВВП на душу населения в Новосибирской области был в 2010 г. на 30% ниже среднероссийского уровня. Таким образом, на сегодняшний день среди сибирских регионов нет ни одного, который опережал бы средне республиканский уровень по всем составляющим ИЧР.

Бедность населения Сибири как барьер развития человеческого капитала

Проведенные нами исследования позволяют сделать вывод о том, что существенное отставание Сибири по уровню человеческого развития обусловлено дефицитом ресурсов для индивидуального инвестирования в развитие человеческого потенциала, недостаточным уровнем развития социальной инфраструктуры и низкой социальной и территориальной доступностью образовательных услуг и рекреационных ресурсов вследствие недостаточных социальных расходов государства.

Расчеты ресурсной обеспеченности воспроизводства человеческого потенциала в регионах Сибири, выполненные по методике Всероссийского Центра уровня жизни, показывают, что в целом по стране дефицит ресурсов для накопления и развития человеческого капитала испытывают 34% россиян и 45% жителей Сибири. Их денежные доходы

¹ Из 12 субъектов СФО 7 регионов являются приграничными, имеющими общую границу с сопредельными государствами. Омская, Новосибирская области и Алтайский край граничат с Казахстаном, а республики Алтай, Тыва, Бурятия и Забайкальский край имеют общую границу с Монголией и Китаем.

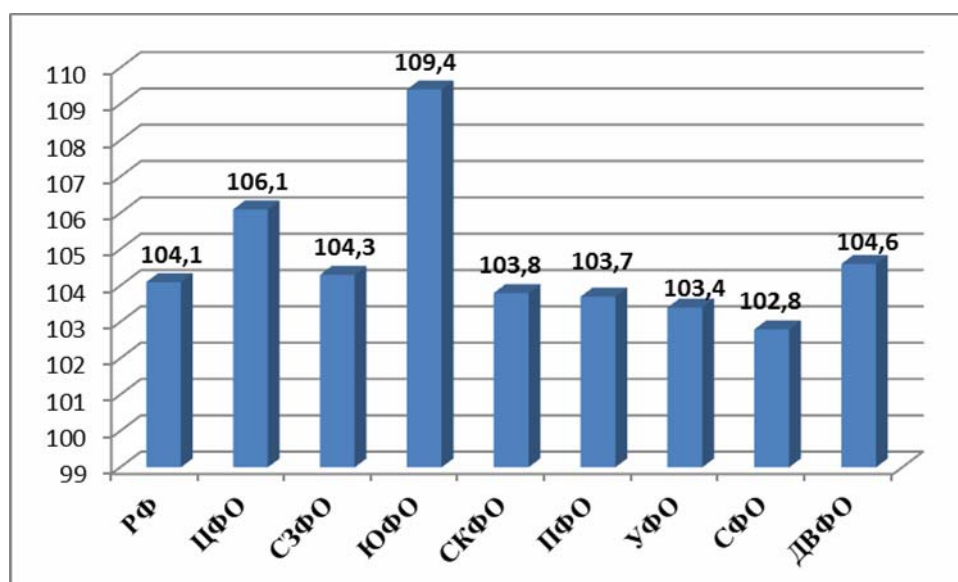
² Доклад о развитии человеческого потенциала в регионах России на 2013 год [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – <http://gtmarket.ru/news/2013/06/17/6014> Ежегодные национальные доклады предоставляют самые свежие из имеющихся на сегодня данные для анализа региональной дифференциации по человеческому развитию.

были ниже минимального потребительского бюджета, а значит, они не располагали достаточными ресурсами для обеспечения развивающего типа потребления, необходимого для расширенного воспроизводства человеческого потенциала. Развивающий характер потребления обеспечен лишь каждому десятому россиянину и каждому двадцатому сибиряку. Остальным обеспечен восстановительный тип потребления.

Главной причиной ресурсного дефицита воспроизводства человеческого потенциала в России является низкая оплата труда, которая остается одним из главных источников формирования доходов россиян. В 2012 г. ее доля в общем объеме денежных доходов населения составляла 65,7%. По данным за 2012 г., средняя номинальная начисленная заработная плата сибиряков была ниже среднероссийской – на 2,8 тыс. рублей в месяц, несмотря на то, что они трудятся и живут в менее благоприятных условиях¹.

В результате на территории Сибири сформировалась зона крайней бедности населения. Так, в 2012 г. уровень бедности в республике Тыва превышал 28% отметку, в Алтайском крае – 20% отметку, а в остальных субъектах СФО масштабы бедности были немногим меньше. И только в Кемеровской области уровень бедности был ниже среднероссийского. В целом уровень бедности населения в субъектах Сибирского федерального округа превышал среднероссийские показатели в 1,5–2,5 раза². Динамика среднедушевых доходов населения Сибири свидетельствует о том, что такое положение дел законсервировано на ближайшую перспективу (рис. 1).

Сложившаяся система оплаты труда в коммерческом и государственном секторах экономики, а также проводимая государством политика формирования и распределения доходов привели к *невиданному социальному расслоению общества*. С годами пропасть между богатыми и бедными в современной России только увеличивается. Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) увеличился с 8,0 в 1992 г. до 16,4 в 2012 г.³. В результате примерно половина общей величины доходов в РФ и в СФО сосредоточена в пятой наиболее обеспеченной группе населения, примерно столько же приходится на все остальные группы.

Источник: Социально-экономическое положение России. 2013 год. – М.: ФСГС, 2013. – С. 430, 431.

Рисунок 1.

Динамика реальных денежных доходов населения, январь-ноябрь 2013 г. в % к январю-ноябрю 2012 г., по округам РФ

Усиливающийся имущественный разрыв между богатыми и бедными наряду с фискальными кризисами и новыми экономическими потрясениями отнесены к числу *главных опасностей для мира в ближайшие годы*. Об этом говорится в докладе Всемирного экономического форума «Глобальные риски 2014». В документе также высказывается предупреждение о том, что возможности существующих систем глобального управления недостаточны для борьбы с глобальными рисками⁴.

Альтернатива неравенству – повышение социальной справедливости, которая укрепляет устойчивость общества и способствует человеческому развитию. Как отмечалось в Докладе о человеческом развитии 2011 г., большинство социальных доктрин развитых стран ориентированы на снижение неравенства и создание равных возможностей для всех. Для современной России такой вектор развития наиболее актуален. *На повестке дня стоит задача перераспределения ресурсов в пользу отдельных категорий населения или формирование новой модели социального государства*⁵.

Президент В. Путин вынужден признать, что в России неравенство доходов сочетается с неравенством возможностей – создание социальных лифтов – одна из ключевых задач, поставленных им. Необоснованные социальные не-

¹ Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. /Росстат. – М., 2013. – С. 145, 151–152.

² Там же, с. 167.

³ Россия в цифрах. 2014: Крат. стат. сб./Росстат. – М., 2014. – С. 130.

⁴ Global Risk Report 2014 // <http://gtmarket.ru/news/2014/01/17/6578>

⁵ Май В. Между модернизацией и застоем: экономическая политика 2012 года // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 2. – С. 9.

равенства являются одной из причин региональных и отраслевых различий в уровне развития человеческого капитала, который является интегральным показателем уровня жизни и благосостояния населения. Однако социальная политика России не способствует снижению необоснованных социальных различий в уровне и качестве жизни социально-экономических слоев населения.

Значительное отставание в уровне и качестве жизни населения регионов Сибири сохраняется и поныне. По данным государственной статистики за 2012 г. среднедушевые денежные доходы (в месяц) сибиряков были примерно на 20% ниже средне российского уровня и на 40% ниже, чем в Центральном федеральном округе: 18 322,0 руб. против 23 058 руб., и 29 721 руб. соответственно. Самыми низкими душевыми доходами располагали жители Тывы, Алтайского края, республики Алтай соответственно: 11 933 – 13 629 – 14 278 руб. в месяц¹.

Между тем суровые природно-климатические условия, отдаленность от Центра, мест рекреации и отдыха требуют значительно больших затрат чем в европейской части России. Существующий районный коэффициент далеко не полностью возмещает дополнительные затраты сибиряков. Расчетная величина прожиточного минимума не соответствует реальной стоимости жизни в Сибири. Меры, которые принимает правительство по введению льготных тарифов на авиаперевозки для жителей Дальнего Востока и некоторых регионов Сибири также не решают проблему существующих асимметрий.

Неслучайно поэтому все сибирские регионы (за исключением Омской и Новосибирской области) имеют более низкие показатели долголетия, здесь расположены зоны экстремально высокой смертности. Основная причина высокой смертности населения – недопустимо низкий уровень жизни, неблагоприятные природно-климатические условия, сложная экологическая ситуация, низкая социальная и территориальная доступность качественных медицинских услуг и зон отдыха.

И если природный фактор является неустранимым, то меры социальной политики, направленные на компенсацию дополнительных расходов, связанных с более высокими затратами сибиряков на отопление, одежду, питание, транспортные расходы и др., могут способствовать выравниванию условий проживания в разных регионах страны. Однако ныне применяемый районный коэффициент лишь частично выполняет выравнивающую функцию, а отставание Сибири по темпам роста заработной платы и других денежных доходов населения, лишь закрепляют ранее сформировавшуюся необоснованную социально-территориальную дифференциацию в уровне и качестве жизни, что отрицательно сказывается на настроениях и миграционных планах сибиряков. Тем не менее, в последние годы наблюдаются положительные тенденции, что выразилось в увеличении естественного прироста населения округа. Если в 2010 г. в СФО естественная убыль населения составила 851 человек, то в 2011 г. тенденция сокращения населения была переломлена. Естественный прирост населения в округе составил в 2011 г. 6851 чел., а в 2012 г. – 24 827 чел.²

Чтобы закрепить положительные тенденции, средняя номинальная заработная плата, по мнению известных экономистов, должна быть увеличена как минимум в два-три раза. Существенное повышение производительности труда на основе расширения высокотехнологичного сектора экономики, и соответственно сегмента высококвалифицированного высокооплачиваемого труда может быть достигнуто только при наличии институциональных условий, стимулирующих активную инвестиционную деятельность отечественного и иностранного бизнеса.

Потери человеческого капитала в Сибири: масштабы и последствия

Для определения масштабов человеческого капитала и его потерь обратимся к стоимостной оценке человеческого капитала, выполненной Р. Капелюшниковым по методике Д. Джоргенсона и Б. Фраумени на основе пожизненных заработков экономически активного населения (рыночной части человеческого капитала)³. Согласно этим расчетам, среднестатистический россиянин в 2010 г. владел человеческим капиталом в объеме 6,1 млн. рублей в номинальном исчислении или 2,6 млн. руб. – в реальном выражении⁴. В международном эквиваленте человеческий капитал каждого россиянина составлял – 381,5 тыс. долл. США. При этом в межпереписной период (2002–2010 гг.) каждый россиянин, по расчетам Р.Капелюшникова, увеличил номинальный запас своего человеческого капитала более чем в 5 раз, что предполагает ежегодные темпы прироста порядка 22%. Суммарно запасы человеческого капитала в России превышали объем ВВП в 11–13 раз, а физического капитала – в 4–5 раз⁵.

Факторами, влияющими на общую величину человеческого капитала в том или ином регионе, согласно расчетам Р. Капелюшникова, являются численность населения, его гендерная и возрастная структура, продолжительность жизни и уровень образования населения. Международные исследования показали, что мужчины, как правило, располагают большими запасами человеческого капитала, чем женщины. Эта закономерность универсальна и распространяется, по мнению Р. Капелюшникова, и на Россию. По расчетам Р.Капелюшникова, доля женщин в общем запасе человеческого капитала России составляла в 2010 г. 41,6%, а мужчин – 58,4%. Более образованное население при прочих равных условиях располагает большим человеческим капиталом по сравнению с менее образованным населением.

¹ Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 146–147.

² Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 97.

³ При определении «рыночной» части человеческого капитала нижняя граница трудоспособного возраста задавалась равной 15, а верхняя – 64 годам.

⁴ При дефлировании по индексу потребительских цен.

⁵ Капелюшников Р. Сколько стоит человеческий капитал России? // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 1. – С. 27–47; № 2. – С. 24–46.

Одним из факторов, влияющих на величину пожизненных заработков индивидов, является также ожидаемая продолжительность жизни и уровень экономической активности населения.

Абсолютные потери человеческого капитала в Сибири. Динамика численности населения в субъектах СФО в перестроечный период времени свидетельствует о том, что по сравнению с 1990 г. численность населения в регионе сократилась почти на 2 млн. человек. По мнению специалистов, это произошло вследствие депопуляции и длительно-го миграционного оттока населения¹. Незначительное увеличение численности населения наблюдалось в республиках Тыва и Алтай вследствие естественного прироста населения.

Миграционный прирост населения наблюдался только в трех сибирских регионах: в Новосибирской и Томской областях, а также в Красноярском крае: соответственно 81, 79 и 28 человек на 10 тысяч населения. При этом 9 из 12 сибирских регионов имели отрицательное сальдо миграции. Потери численности населения в трудоспособном возрасте оказались менее значительными вследствие изменения возрастной структуры населения. За рассматриваемый период времени доля населения трудоспособных возрастов увеличилась с 56,9 до 61%, а доля населения моложе трудоспособного возраста сократилась на 8,8 процентных пункта с 26,9 до 18,1%, что негативно скажется на численности трудовых ресурсов Сибири в последующие годы².

В результате суммарные потери населения в трудоспособном возрасте в округе составили 280 тыс. человек. По этой причине потери человеческого капитала в Сибири составили, согласно нашим расчетам по методике Р. Капелюшникова, не менее 1,7 трлн. рублей в номинальном и 0,7 трлн. руб. в реальном выражении, что составляет в международном эквиваленте 106,8 млрд. долларов США³.

Потери человеческого капитала из-за низкой продолжительности жизни сибиряков. Низкая ресурсная обеспеченность воспроизводства человеческого потенциала в Сибири является одной из главных причин преждевременной и высокой смертности населения. Результатами исследований доказано, что главными предпосылками преждевременной смертности населения являются бедность, низкий уровень образования, безработица и неполная занятость населения⁴. Поэтому во многих странах политика в области охраны здоровья направлена в первую очередь на устранение экономического неравенства регионов и групп населения.

Свою лепту в неблагоприятную ситуацию в регионах Сибири внесла так называемая «оптимизация» объектов социальной инфраструктуры. Исследования показывают, что территориальная концентрация сети социальных учреждений повышает эффективность бюджетного финансирования социальных отраслей и качество предоставляемых услуг. При этом резко снижается их территориальная доступность для населения⁵. Из-за неразвитости транспортной инфраструктуры, дисперсности расселения, характерных для регионов Сибири, «рационализация» сети социальных услуг приводит к большим социальным издержкам, что сказывается на состоянии здоровья и ранней смертности населения.

Среди сибирских регионов самые высокие показатели смертности и низкой продолжительности жизни населения наблюдаются в Республике Тыва. Ожидаемая продолжительность жизни у мужчин в 2011 г. составляла 56,25 лет, а у женщин – 66,58 лет. Уровень бедности населения Республики, превышающий в этот период 30% отметку и уровень общей безработицы – 18,4% – самые высокие среди сибирских регионов, а уровень образования населения – самый низкий. В расчете на 1000 человек в Республике Тыва приходилось 152 чел. с высшим образованием и 300 – со средним профессиональным образованием против 197 и 314 чел. в среднем по СФО⁶.

В среднем ожидаемая продолжительность жизни сибиряков в 2011 г. была ниже среднероссийского уровня на 2,11 лет. Суммарное число лет, которые не доживают сибиряки по сравнению с остальными россиянами, составляет 40631 тыс. лет, что эквивалентно потере 579,4 тыс. чел. Соответственно потери человеческого капитала вследствие низкой продолжительности жизни сибиряков исчисляются суммой в 3,5 трлн. руб. в номинальном, 1,5 трлн. руб. – в реальном и 221 млрд. долл. США – в международном эквиваленте.

Потери человеческого капитала из-за более низкого уровня образования сибиряков

В период с конца 90-х по конец 2000-х гг. уровень образованности сибиряков в целом вырос, но в ряде регионов наблюдалось снижение данного индекса. Такое явление можно объяснить, во-первых, тем, что социально-экономические катаклизмы, которыми были насыщены 1990–2000-е годы, вынуждали часть молодежи прекращать обучение и искать оплачиваемое место работы. Во-вторых, в этот период времени некоторые учебные заведения переходили на ускоренный курс подготовки специалистов, что также сказалось на доле учащихся в составе населения от

¹ Соболева С.В., Григорьев Ю.А., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Воспроизводство и формирование населения сибирского приграничья: оценка преимуществ и угроз // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2013. – Т. 13, вып. 2. – С. 142–156.

² Там же, с. 67.

³ В расчетах рыночной части человеческого капитала мы исходим из допущения, что нижняя граница трудоспособного возраста равна 15, а верхняя – 55–60 годам, т.е. суммарно рыночная часть человеческого капитала равна человеческому капиталу населения трудоспособного возраста.

⁴ Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период / Под ред. В.М. Школьников, В.В. Червякова. Институт международных исследований семьи, 2000; Неравенство и смертность в России / Под ред. Е.М.Андреева, В.М. Школьников, Т.М. Малевой. 2000; Денисенко М. Население России до 2025 года // Pro et Contra. – М., 2012. – № 4–5 (56). – С. 153–170.

⁵ Зубаревич Н. Социальная дифференциация регионов и городов // Pro et Contra. – М., 2012. – № 4–5 (56). – С. 135–152.

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 135, 191, 235, 191.

6 до 23 лет (один из индикаторов, характеризующих уровень образования населения). Третьим фактором, влияющим на численность учащейся молодежи, стало появление и экспансия сегмента платных образовательных услуг.

Так, с 1995/1996 учебного года по 2009/2010 гг. доля студентов, обучающихся на платной основе в государственных учебных учреждениях, увеличилась с 13,0 до 62,7%, а в средних специальных учебных заведениях – с 12,2 до 30,7%¹. Однако платная сфера образовательных услуг доступна не всем группам населения. Согласно статистическим данным доля затрат на образовательные услуги в крайних доходных группах различается почти втрое. *Высокий уровень бедности населения является одной из причин более низкого уровня профессионального образования сибиряков.* С этим связано ожидаемое сокращение запасов человеческого капитала сибиряков, так как расчеты Р. Капелюшникова показали, что с повышением уровня образования и годовые и пожизненные заработки демонстрируют отчетливую тенденцию к росту. Сложность перевода категориальных показателей уровней образования в число лет обучения, что предусмотрено методикой Джоргенсона-Фраумени, не позволяет нам сделать количественные расчеты потерь человеческого капитала в Сибири вследствие образовательного фактора. Мы можем говорить лишь о том, что потери такого рода существуют.

Гендерные потери человеческого капитала в Сибири. По расчетам Р.Капелюшникова, гендерные различия в объемах накопленного капитала в России весьма значительны. По оценкам за 2010 г., стоимость человеческого капитала, приходящегося на одну женщину, не достигала даже 5 млн. руб., а приходящегося на одного мужчину приближалась к 7,5 млн. руб. Другими словами, человеческий капитал российских мужчин был примерно на 1/3 больше, чем у женщин, вследствие более низкого уровня занятости и оплаты труда последних².

По данным за 2011 г., средний возраст мужчин, занятых в экономике России, составлял 39,5 лет, а женщин – 40,5 лет. При этом уровень занятости женщин в возрасте до 34 лет – меньше по сравнению с мужчинами, что связано с рождением детей и получением образования. Повышается уровень занятости женщин в возрасте 35–54 лет – и вновь снижается в пенсионном возрасте. Характерно, что уровень образования работающих женщин выше, чем у мужчин. Доля работающих, имеющих высшее профессиональное образование, составляла в 2011 г. среди женщин – 33,2%, а среди мужчин – 26%. Среднее профессиональное образование имели 31,8% работающих женщин и 22,2% работающих мужчин³. Меньше доля женщин, имеющих среднее общее образование и ниже. Если оценки человеческого капитала российских мужчин и женщин, выполненные Р. Капелюшниковым, верны, значит, в России имеет место гендерная дискриминация в оплате труда и занимаемых профессионально-должностных позициях.

Суммарные потери человеческого капитала регионов Сибири. Подводя итоги вышесказанному, можно утверждать, что регионы Сибири, включая приграничные территории, вследствие неблагоприятных природно-климатических условий, низкого качества жизни и отсутствия перспектив развития интенсивно теряют население, а с ним и человеческий капитал. Помимо этого потери человеческого капитала в Сибири обусловлены также низкой продолжительностью жизни сибиряков и недостаточно высоким уровнем профессионального образования населения. Гендерные «потери» человеческого капитала обусловлены дискриминационным положением женщин на рынке труда. В условиях дефицита квалифицированной рабочей силы количественные и качественные потери человеческого капитала можно рассматривать как сдерживающий фактор регионального развития.

Значимость Сибири в развитии экономики страны, острота демографической ситуации с необходимостью ставить вопрос о создании благоприятных условий для проживания и труда в суровых природно-климатических условиях. Речь идет, в первую очередь, о модернизации отраслей, обеспечивающих развитие человеческого капитала. Перспективным направлением наращивания человеческого капитала Сибири может стать создание условий для обучения, сохранения здоровья и развития многочисленных молодых когорт населения национальных республик Тыва и Алтай. Высоким потенциалом обладает также зарубежная молодежь, обучающаяся в вузах сибирских регионов. При активной миграционной и социальной политике часть ее могла бы остаться в Сибири на постоянное место жительства. Только комплексное развитие всех сибирских регионов даст наибольший экономический эффект и позволит им успешно развиваться в будущем.

¹ Молодежь в России. 2010. Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. – С. 81.

² Капелюшников Р. Сколько стоит человеческий капитал России? // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 2. – С. 38.

³ Российский статистический ежегодник. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 137.

Кандрокова М.М.

к.э.н., в.н.с. Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского НЦ РАН
Kandrokova-marina@mail.ru

Туменова С.А.

к.э.н., с.н.с. Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского НЦ РАН
swetasoz@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА: МОДЕЛЬ, СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ

Ключевые слова инновации, инновационная деятельность, инновационное развитие, инновационный потенциал региона, модель инновационной системы, направления развития, региональная инновационная система.

Keywords: innovations, innovative activity, innovative development, innovative capacity of the region, model of innovative system, direction of development, regional innovative system.

В современной экономике активизация инновационных процессов во многом связана с проводимой государственной политикой. Для ускорения инновационной деятельности необходимо формирование национальной инновационной системы (НИС), т.е. создание системы отношений между элементами национального экономического комплекса, обеспечивающих хозяйственное развитие и рост качества жизни на базе нововведений. Суть системы состоит в создании инновационного равноправного партнерства государственной власти и бизнеса. При этом государство поддерживает научно-технический сектор и систему образования, обеспечивает свободный доступ к результатам научных исследований в государственном секторе, создает условия для их коммерческого использования, необходимую инновационную инфраструктуру, систему подготовки квалифицированного персонала и нормативно-правовую базу для стимулирования инновационного предпринимательства. Бизнес берет на себя коммерческий риск работы на рынке инновационной продукции. Важными факторами такого партнерства являются взаимное доверие и надежные гарантии, которые должны быть подкреплены законодательно. Целью национальной инновационной системы является обеспечение устойчивого развития экономики страны на основе эффективного использования интеллектуального потенциала, генерации, распространения и реализации новых знаний¹.

НИС имеет определенную инфраструктуру, которая обеспечивает функционирование системы. К инфраструктуре относятся инновационно-технологические центры, бизнес-инкубаторы, технопарки. Они предназначены для ускоренной передачи разработок в производство, освоения высокотехнологичных и конкурентоспособных видов продукции².

Предпосылками формирования национальной инновационной системы являются обмен результатами инновационной деятельности; инновационные интересы, состоящие из стремлений к улучшению, социально-экономического статуса за счет инноваций и тяги к новизне, разнообразию; инновационные ценности, находящие практическое воплощение в инновационных стратегиях фирм, регионов, государства и т.д.

Инновационная система формируется под влиянием множества объективных для данной страны факторов, включая ее размеры, наличие природных и трудовых ресурсов, особенности исторического развития институтов государства и форм предпринимательской деятельности. Эти факторы являются долгосрочными детерминантами направления и скорости эволюции инновационной активности. Кроме того, каждая НИС характеризуется определенной структурой и некоторой степенью упорядоченностью, предполагающая достаточную стабильность институционального взаимодействия (при этом в каждой стране складывается своя конфигурация институциональных элементов).

Наиболее простая модель, описывающая взаимодействие элементов НИС, показывает, что роль частного сектора заключается в разработке технологий на основе собственных исследований и рыночном освоении инноваций, роль государства – в содействии производству фундаментальных знаний и комплекса технологий стратегического (военного) характера, а также в создании инфраструктуры и благоприятных институциональных условий для инновационной деятельности. В рамках этой общей модели формируются национальные особенности НИС: большая или меньшая роль государства и частного сектора в выполнении указанных функций; относительное значение крупного и мелкого бизнеса; соотношение фундаментальных и прикладных исследований и разработок; динамика развития и отраслевая структура инновационной деятельности.

¹ Санду И., Рыженкова Н. Проблемы и стратегии формирования региональных инновационных систем. – www.vniiesh.ru/documents/document_9531

² Там же.

Таким образом, национальная инновационная система определяет стратегию развития инновационной деятельности в стране, но при этом учитывается, что страна состоит из регионов, которые и определяют уровень ее (страны) развития. Исходя из этого, можно утверждать, что формирование региональных инновационных систем в рамках НИС является важным аспектом социально-экономического развития региона.

Региональная инновационная система (РИС) относится к классу сложных организационных динамических структур открытого типа, поведение которых трудно формализовать и прогнозировать. Поэтому проблема создания эффективного механизма управления требует особого внимания.

Как отмечает И. Санду, в методологическом плане инновационная система представляет собой целостную систему. Социальное значение имеют не разрозненные попытки использовать конкретные разработки в конкретном производстве, не частичные меры по отлаживанию тех или иных звеньев инфраструктуры инновационного процесса, а формирование целостной гибкой и динамичной инновационной системы, способной решать проблему изменения или модернизации технологического базиса общества. Поэтому методология системного подхода приобретает здесь принципиальное значение не только в теоретическом, но и практическом плане¹. А в целом, методологические подходы определяются целями, которые ставятся перед инновационной системой, а таковыми могут быть: создание дополнительных рабочих мест, развитие прогрессивных технологий, создание новых продуктов и услуг, повышение конкурентоспособности региональной экономической системы и т.д.

А.М. Мухамедьяров и Э.А. Диваева определяют региональную инновационную систему «как комплекс (совокупность) организаций, иницирующих и осуществляющих процесс производства знаний, их распространение и использование. Эти организации способствуют финансово-экономическому, правовому, информационному обеспечению инновационных процессов и функционируют в едином социокультурном пространстве, взаимосвязаны между собой и имеют устойчивые взаимоотношения»².

К.А. Задумкин, под РИС понимает, комплекс учреждений и организаций различных форм собственности, находящихся на территории региона и осуществляющих создание и распространение новых технологий. Данный комплекс осуществляет свое функционирование с учетом и под воздействием национальной инновационной системы и социально-экономической политики региона³.

По мнению М.К. Файзуллоева, «региональная инновационная система (РИС), представляет собой совокупность взаимосвязанных организаций (структур), занятых производством и (или) коммерческой реализацией знаний и технологий, и комплекса институтов правового, материально-финансового, информационного и социального характера, обеспечивающих взаимодействие образовательных, научных, предпринимательских и некоммерческих организаций и структур во всех сферах экономики и общественной жизни на региональном уровне»⁴.

Проанализировав различные определения региональной инновационной системы, которые встречаются в экономической литературе, Е.Ерохина выделяет следующие общие черты РИС:

- система представляет собой совокупность институтов, иницирующих, создающих и распространяющих инновации в виде новых видов продукции, технологий и т.д.;
- работоспособность в подсистемах определяют знания и их носитель – человек;
- система выполняет основные и специфические функции. К основным функциям относятся прогнозирование, планирование, организация, координация, стимулирование и контроль. Специфические функции системы – производство, генерация, распространение и использование знаний;
- необходимое условие существования системы – наличие связей и сложившихся типов отношений между элементами и подсистемами.

Понятно, что перечисленные черты являются общими, но при формировании РИС в регионах необходимо учитывать особенности субъектов хозяйствования региона, основные «источники» инноваций, потребителей новых продуктов и технологий, реальные возможности коммерциализаций.

В системе РИС, как правило, выделяют следующие подсистемы:

- региональная социально-экономическая политика;
- производство знаний;
- поддержка знаний (регулирование, финансово-экономическое и нормативно-правовое обеспечение);
- распространение знаний;
- использование знаний и реализация их результатов;
- система производства наукоёмкой продукции и услуг;
- подготовка и обеспечение инновационной восприимчивости;
- система региональной инновационной инфраструктуры;
- система образования и профессиональной подготовки и переподготовки кадров;
- оценка и защита результатов интеллектуальной собственности;
- информационное обеспечение и подготовка научно-методической базы;

¹ Санду И., Рыженкова Н. Проблемы и стратегии формирования региональных инновационных систем. – www.vniiesh.ru/documents/document_9531 Там же.

² Диваева Э.А., Мухамедьяров А.М. Региональные инновационные системы: развитие, функционирование, оценка, эффективность. – Уфа: АН РБ; Гилем, 2010.

³ Задумкин К.А. Региональные инновационные системы: теория и практика формирования. – Вологда: Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2008.

⁴ Файзуллоев М. К. Формирование РИС и развитие региональной инновационной системы: состояние и проблемы. – <http://refdb.ru/look/1211235.html>

– инновационное и научно-техническое региональное законодательство¹.

В этой совокупности подсистем, Н.Е. Егоров предлагает обратить особое внимание на три подсистемы РИС: подсистема генерации знаний, подсистема трансфера и инкубации технологий, подсистема наукоемкого бизнеса. Такое выделение составляющих РИС, по его мнению, позволит осуществлять целенаправленное воздействие на региональный инновационный процесс на трех основных его этапах: генерации нового знания, его передачи и превращения в инновацию. Кроме того, совокупное присутствие в регионе этих трех элементов является необходимым условием формирования модели РИС и инновационного развития территории².

Основная цель создания РИС заключается в том, чтобы повысить уровень функционирования социально-экономической системы, каковым является регион, за счет использования инноваций. Инновационная система, таким образом, предполагает, во-первых, создание производственных и научных компаний нового типа, ориентированных на создание и освоение экономических и социально эффективных нововведений, во-вторых, развитие инфраструктуры, обслуживающей процесс освоения и коммерциализации разработок, и, в-третьих, повышение роли государства в координации и финансировании фундаментальной науки, образования и инновационной инфраструктуры³.

Для создания эффективной РИС необходимо учесть следующие обстоятельства:

– необходимо повысить спрос на инновации со стороны большей части отраслей региональной экономики, поскольку в настоящее время инновационная активность сконцентрирована в узком числе секторов, а технологическое обновление производства опирается преимущественно на импорт технологий, а не на отечественные разработки;

– повысить эффективность сектора генерации знаний (фундаментальной и прикладной науки), так как происходит постепенная утрата созданных в предыдущие годы заделов, старение кадров, имеет место снижение уровня исследований, слабая интеграция в мировой рынок инноваций и отсутствует ориентация на потребности региональной экономики;

– преодолеть фрагментарность созданной региональной инновационной инфраструктуры, поскольку многие его элементы созданы, но не поддерживают инновационный процесс на протяжении всего хода генерации, коммерциализации и внедрения инноваций на уровне регионов;

– создание при региональных администрациях специального отдела или центра, отвечающего за поиск и внедрение инноваций, поиск инноваций как внутри региона, так и за его пределами;

– совершенствование системы организованного и нормативного правового сопровождения разработки, принятия и реализации программ инновационного развития региона;

Решение этих проблем создаст реальную основу для формирования региональных инновационных систем как определенной части национальной инновационной системы.

Как отмечает Е. Ерохина, в мировой экономике выработан и апробирован на практике ряд организационно-экономических мер, способствующих интенсификации процесса регионального инновационного развития, таких как:

– осуществление специальных целевых программ на общегосударственном, региональном и местном уровнях;

– прямые государственные субсидии и целевые ассигнования региональных (местных) органов власти;

– местные налоговые льготы, направленные на стимулирование инновационной деятельности предприятий;

– формирование научных парков и региональных центров передовых технологий и создание инкубаторов малого бизнеса;

– привлечение венчурного капитала и мобилизация ресурсов частного сектора для решения задач регионального развития;

– формирование предпринимательских сетей и кластеров;

– совершенствование информационной, коммуникационной и финансовой инфраструктуры;

– организация управленческого консультирования предпринимателей и другие меры⁴.

Суммируя изложенное выше, хотим предложить свое видение РИС. По нашему мнению, региональная инновационная система представляет собой элемент в социально-экономической системе региона, основными функциями которого являются обеспечение эффективных и отлаженных взаимосвязей между всеми участниками инновационного процесса, консолидация науки, образования, бизнеса и государства на взаимовыгодной основе, генерация знаний и распространение новых знаний, производство и внедрение новшеств в производственный процесс, развитие инфраструктурного и информационного обеспечения инновационной деятельности, разработка стратегии управления инновационным развитием, интеграция в национальную инновационную систему. Конечным предназначением инновационной системы является создание условий для достижения высокого уровня социально-экономического развития региона.

По мнению В.В. Монастырского, в качестве параметров для качественной оценки региональной инновационной системы можно признать производство высокотехнологичной продукции в регионе, информационное обеспечение инновационной системы, инновационные связи: наука – производство-рынок, инновационные консультационные услуги, внутрироссийское и международное сотрудничество в инновационной сфере, замкнутые территории инновационного развития, благоприятный инновационный климат, кадровое обеспечение инновационного процесса, под-

¹ Ерохина Е. Структура и особенности региональной инновационной системы // Проблемы теории и практики управления. – М., 2013. – № 2.

² Егоров Н.Е. Инновационное развитие экономики региона на основе кластерного подхода. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – С. 27.

³ Батов Г.Х., Кандрокова М.М. Развитие инновационных процессов в АПК региона / ИИПРУ КБНЦ РАН. 2010.

⁴ Ерохина Е. Управление инновационной деятельностью: опыт зарубежных стран // Проблемы теории и практики управления. – М., 2012. – № 7–8.

держка создания и развития инновационной структуры, целевое финансирование инновационных систем (программ) за счет бюджета Федерации¹.

Рассмотрим состояние и особенности функционирования региональной инновационной системы в КБР. Но предварительно уточним состояние инновационной деятельности и инновационного развития в республике.

Таблица 1

Основные параметры инновационного развития региона (КБР)

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, ед.	14	14	14	14
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.	727	677	704	695
Выдано патентов на изобретения и полезные модели, ед.	65	78	61	73
Число патентов на изобретения, выданных на 100 исследователей,	23	21	19	17
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн. руб.	393,1	436,2	484,6	453,8
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, в процентах от ВРП, %	0,62	0,59	0,57	0,52
Инновационная активность организаций, %	6,2	8,3	9,9	9,6
Число используемых передовых производственных технологий, ед.	79	192	263	307
Совокупный уровень инновационной активности организаций, %	3,8	3,3	3,6	3,4
Созданные производственные технологии, ед.	1	3	4	1
Удельный вес организаций осуществляющих инновации, в общем числе организаций (технологические) %	6,6	6,8	4,2	4,9
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн. руб.	233,1	281,4	255,9	264,8
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции, %	3,7	7,4	6,7	3,0
Уровень инновационности региона (субъекта), %	1,1	2,6	2,2	—
Обеспеченность персональными компьютерами в организациях, в расчете на 100 работников, ед.	28	30	32	38

Источник: Стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели». – М., 2013.

Как показывает табл. 1, на инновационное развитие КБР оказывают влияние различные факторы, которые в совокупности не имеют должного эффекта. В республике 14 организаций, выполняющих научные исследования и разработки, в них работают около 700 чел. Результативность деятельности этих организаций выражается количеством выданных патентов и их числом на 100 исследователей. Эти показатели характеризуются низкими значениями.

Как известно, эффективность функционирования экономики зависит от объема финансирования, то же самое относится и к научной деятельности. По объему и степени финансирования науки можно косвенно определить ее состояние. Что касается КБР, внутренние затраты на научные исследования и разработки находятся на низком уровне и составляют менее одного процента от валового регионального продукта (ВРП). В 2011 году они составили 0,57% от ВРП, 2012 – 0,52%. (по РФ они равны 1,3–1,4% ВВП). Данный аспект оказывает непосредственное влияние на создание и использование новых производственных технологий и выпуск инновационных товаров и услуг. В КБР в 2012 году создана только одна производственная технология, хотя предприятиями республики используются 307 технологий.

Низкий уровень создаваемых производственных технологий обуславливает малую степень их применения. Так, в Дагестане количество используемых производственных технологий составляет 437 единиц, в Ингушетии их нет, в Кабардино-Балкарии – 307, Карачаево-Черкесии – 76, Северной Осетии-Алании – 19, Чечне – 194, Ставропольском крае – 819. По поводу предоставленных показателей встает вопрос, высоки ли они или низки, как их оценить? На наш взгляд, их надо сопоставить с количеством производственных предприятий в экономике субъекта. Например, в экономике Кабардино-Балкарской Республики число производственных предприятий составляет 4968 единиц, из них 307 используют современную технологию, что соответствует 6,1%, то есть, очевидно, низкий уровень применения новых технологий. Аналогичная ситуация и в других субъектах округа.

На поставленный вопрос хорошо «отвечает» и другой показатель – инновационная активность организаций. По СКФО он составляет – 6,4%, в Кабардино-Балкарской Республике – 9,9%. Среднероссийский показатель инновационной активности организаций составляет 10,3%.

С обозначенными индикаторами хорошо коррелирует показатель удельного веса инновационных товаров в общем объеме отгруженной продукции, который составил в 2010 году 7,4%, 2011 – 6,7%, 2012 году 3,0%. Имеет место тенденция к уменьшению инновационной доли в общем объеме производства. В аналогичном положении находится и уровень инновационности экономики (УИЭ), которая определяется как отношение объема инновационной продукции к валовому региональному продукту, выраженный в процентах. Уровень инновационности экономики КБР ниже, чем по СКФО, по округу УИЭ за исследуемый период составил 2,8%, а в КБР – 2,0%.

Все перечисленные проблемы связаны с низким уровнем инновационной деятельности, под которым понимается вид деятельности, связанный с внедрением в производство технологически новых продуктов или услуг. Инновационная деятельность предполагает целый комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, и именно в своей совокупности они приводят к инновациям.

Таким образом, сложившееся в КБР положение в сфере инновационной деятельности не обеспечивает создание базы для технологического прорыва и, соответственно, кардинального ускорения экономического развития. В связи с этим важно правильно определить стратегический вектор инновационной деятельности, направленный на поддержку

¹ Монастырский В.В. Состояние и перспективы развития инновационной системы Карачаево-Черкесской Республики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2008. – №2(13).

преобразований в наукоемких отраслях и переход к эффективной и быстро растущей экономике знаний, наукоемких производств, высоких технологий и интенсивных инноваций. Как показывает опыт передовых в инновационном развитии регионов РФ, при должном управлении, инновационные стратегии могут выступать в роли катализатора регионального развития и, в качестве инструмента по реализации такой стратегии может выступить региональная инновационная система.

На наш взгляд, каждый регион должен иметь свою региональную инновационную систему, которая создается и формируется с учетом особенностей данного региона, его слабых и сильных сторон.

Что касается КБР, то ключевыми являются следующие проблемы:

- низкий уровень управления научно-технической и инновационной деятельностью в республике;
- недостаточное число конкурентоспособных разработок и технологий высокой степени готовности;
- низкий уровень развития инновационной и информационной инфраструктур;
- низкий уровень финансово-экономического обеспечения инновационной деятельности;
- слабая поддержка производственно-технологической инновационной деятельности;
- недостаток высококвалифицированных кадров для новой экономики, основанной на знаниях;
- низкий уровень социокультурной среды, которая не отвечает требованиям экономики знаний.

Для КБР наиболее результативным может быть создание трехблочной инновационной системы, которая включает в себя основную, обеспечивающую и управленческую, деятельность.¹

Основная деятельность *предполагает выделение главных участников, формирующих профиль научно-технического задела, обеспечивающих основной объем инновационной наукоемкой продукции в ВРП. На основе выделения основной деятельности определяется специфика республиканской инновационной системы.*

Кроме того, в рамках основной деятельности выделяются два сегмента: продукты и услуги, что позволяет определить ещё один уровень специфики республики. Дело в том, что различного рода научно-технические услуги могут занимать высокую долю в ВРП, что является признаком наличия инновационного процесса на территории.

Обеспечивающая деятельность способствует *функционированию инновационного процесса в республике. В состав блока входят: образование – как источник квалифицированных кадров для удовлетворения потребности в трудовых ресурсах региональной инновационной системы; сфера фундаментальной науки, которая служит генератором идей для инновационной деятельности; инновационная инфраструктура, которая обеспечивает продвижение на рынок результатов научной деятельности.*

Управленческая деятельность обеспечивает координацию и стимулирование инновационной деятельности в рамках республики (региона), а также формирует стратегическую инновационную политику.

Отдельно, на наш взгляд необходимо отметить наличие в системе такого элемента как рынок, который может являться как внутренним сегментом, так и внешним по отношению к самой системе. Причем необходимым условием эффективности функционирования инновационной системы региона является наличие институциональных связей данного элемента со всеми другими компонентами системы.

В целом, региональная инновационная система должна стать связующим звеном между социально-экономической политикой региона, наукой, образованием, наукоемкой промышленностью и рынком и обладать достаточной устойчивостью, позволяющей ей нормально функционировать в условиях возможной дестабилизации экономической ситуации. Кроме того, от РИС требуется способность интегрироваться в инновационные системы более высокого уровня².

Региональная инновационная система должна стать частью социально-экономической системы, в рамках которой она функционирует, откуда и поступает основной поток ресурсов: трудовых, материальных, информационных, финансовых. Основное предназначение РИС – обеспечение эффективной жизнедеятельности инновационной системы, которая будет способствовать активному экономическому росту, а значит, изменению качественных характеристик социально-экономического положения населения. Она должна входит в национальную инновационную систему, которая не только формирует вектор дальнейшего развития инновационных систем региона, но и всей страны.

Важным шагом, показывающим важность развития инновационной деятельности и заинтересованность в ней власти, может стать выделение инновационной тематики в отдельный блок, который будет курировать специальный административный орган. Аналогичные структуры целесообразно создать и на уровне муниципальных образований.

Практика поддержки инновационной деятельности в различных регионах России показывает, что указанный орган может функционировать в одной из следующих организационно-правовых форм:³

- департамент в структуре областной исполнительной власти;
- государственное учреждение (агентство);
- государственное унитарное предприятие;
- некоммерческое партнерство;
- автономная некоммерческая организация;
- подразделение ведущего высшего учебного заведения.

¹ Чистякова Н.О. Региональная инновационная система: модель, структура, специфика // Инновации. – СПб., 2007. – № 4.

² Файзуллоев М.К. Формирование РИС и развитие региональной инновационной системы: состояние и проблемы. – <http://refdb.ru/look/1211235.html>

³ Абаев А.Л. Региональная инновационная система как элемент организационно-экономического механизма инновационной политики // Проблемы управления здравоохранением. 2008. – № 3. – С. 15.

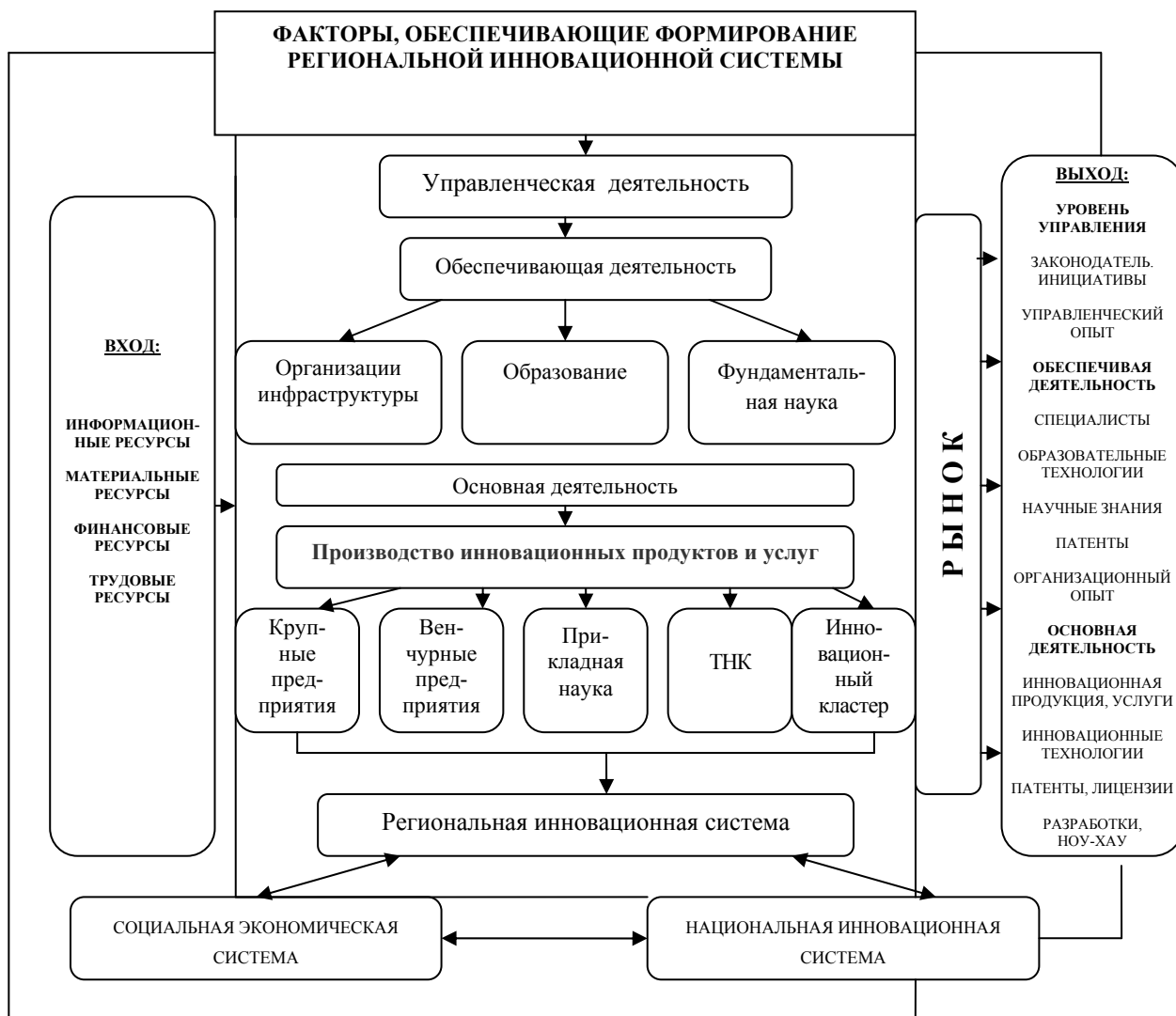

Рисунок 1.
Общая модель региональной инновационной системы КБР

Работа этого органа должна включать в себя два основных блока: создание общего благоприятного климата для ведения инновационной деятельности и целенаправленная поддержка приоритетных для региона направлений инновационного развития.

В целом создание региональных инновационных систем (РИС) в рамках национальной инновационной системы является одним из важнейших факторов, влияющих на формирование эффективного экономического механизма инновационной политики. Организация региональной инновационной системы позволит на уровне региона решать приоритетные задачи в области развития научно-технической и инновационной деятельности и участия в национальной инновационной системе. Региональная инновационная система позволит создать благоприятную внешнюю среду и формировать внутренние стимулы для роста социального капитала, технологической модернизации производств и развития отраслей новой экономики. Создание региональной инновационной системы должно обеспечить повышение качества жизни населения, достижение экономического роста, создать экономические, правовые и организационные условия для перехода на инновационный путь развития, построение инновационной экономики.

Важной проблемой, требующей решения в системе республиканской инновационной системы, является опережающее создание в республике эффективного механизма информационного обеспечения инновационной деятельности. Результативность этого механизма в значительной мере зависит от качества непрерывного социально-экономического мониторинга республики. Подобный мониторинг должен охватить наблюдение, анализ, оценку и прогноз экономической, социальной, экологической, научной и инновационной обстановки в республике с целью подготовки управленческих решений и рекомендаций, направленных на улучшение и развитие инновационной деятельности. Мониторинг как инновационных процессов, так и более общих процессов структурных преобразований экономики нацеливает республику на эффективное управление этими процессами. Поэтому одной из основных функций в области информационного обеспечения инновационной экономики должна стать, функция автоматизированного мониторинга структурных преобразований. Роль, которая отводится данной функций, заключается в постоянном поддержании, обновлении и эксплуатации инновационных банков данных и знаний. При этом надо исходить из того, что субъектам инновационной деятельности нужна в первую очередь информация, которая содержала бы упорядоченную соответствующим образом технико-экономическую, конъюнктурно-коммерческую, статистическую информацию, сведения о характеристиках промышленной продукции, технологий, машин и оборудования, материалов, типов услуг

и т.п. Создание на уровне республики (региона) отраслей и предприятий подобной принципиально новой информационной структуры – автоматизированной интегрированной информационной системы, ориентированной на комплексное информационное обеспечение инновационной экономики, будет способствовать успешному решению важнейших задач по обеспечению конкурентоспособности предприятий республики.

Стратегическая цель, которая стоит перед экономикой РФ, заключается в необходимости перехода на новый путь развития. Понятно, что альтернативой может быть только создание инновационной экономики. Инновационная экономика – это экономика, основанная на знаниях, инновациях, на доброжелательном восприятии новых идей, новых машин, систем и технологий, на готовности их практической реализации в различных сферах человеческой деятельности. Она выделяет особую роль знаний и инноваций, прежде всего, знаний научных. В инновационной экономике под влиянием научных и технологических знаний традиционные сферы материального производства трансформируются и радикально меняют свою технологическую основу, ибо производство, не опирающееся на новые знания и инновации, в инновационной экономике оказывается нежизнеспособным.

Таким образом, предложенная модель РИС может стать важным инструментом для анализа инновационных процессов, происходящих в регионе, позволит оценить происхождение и структуру ресурсных потоков, ориентировать предприятия региона на использование инноваций, спрогнозировать риски и эффекты, связанные с внедрением новшеств, обеспечить перевод региона на принципы стратегического управления.

Капицына Д.В.

аспирант, с.н.с. МГТУ им. Носова, г. Магнитогорск

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Ключевые слова: муниципальное управление, контроль, надзор, мониторинг, муниципальная правовая политика.

Государственное и муниципальное управление в качестве процессуального элемента включает различные виды внутреннего и публичного контроля. Контроль – одна из политических форм осуществления функций государства – не может обойтись без нормативной формализации, и, по определению, предполагает обязательное сопровождение регламентами и стандартами. Данная статья имеет задачу выявить соотношения понятий «контроль» и «мониторинг» и конкретизировать их для характеристики более узкой области правоотношений, подвергаемой мониторингу, а именно, муниципальной правовой политики.

Конкретизация муниципальной правовой политики становится все актуальнее. И обращение к контролю и мониторингу дает возможность такую конкретизацию осуществлять. В теории права и юридической практике применяются понятия «контроль», «надзор», «мониторинг», нередко употребляется словосочетание «контрольно-надзорная функция». Но не проведено строгое разграничение «контроля» и «мониторинга»¹. Так, определение контроля как функции по выявлению отклонений фактических параметров от нормативных можно в значительной степени отнести и к содержанию понятия «мониторинг».

И контроль, и надзор, и мониторинг являются, с одной стороны, управляющими воздействиями, с другой, сами под влиянием управляющих воздействий уполномоченного субъекта принимают различные формализованные состояния. Они стали неотъемлемыми процессуальными элементами правовой политики. Трудно выявить признаки, позволяющие развести эти понятия, отражающие такую ёмкую формализуемую деятельность. Но наука стремится уходить от синонимии разных по объёму понятий. Разные научные термины, как правило, предполагают различительные признаки, что позволяет осуществлять дефиницию (определение). От правильных определений понятий во многом зависит успех институционализации понятия, сопровождающей формализованное правотворчество – принятие законов, подзаконных актов, правовых актов местного самоуправления.

Благодаря разработке концепций, доктрин, стратегий, предваряющих принятие закона, понятия включаются в доктринальные и нормативные акты, в механизм административно-правовых режимов. Можно отметить, что контроль и надзор сочетаются обязательно с проверкой деятельности органа государственной власти или негосударственной организации и предполагают определённые административно-правовые санкции. Можно выделить собственно контроль, в ходе которого проверяется законность и целесообразность деятельности, и надзор («суженный контроль»), ограничивающийся только проверкой законности. Мониторинг же связан больше с наблюдением за процессом.

Но такое различие относительно и не может удовлетворять во всех случаях. Мониторингу в определённых условиях можно придать такой же формально-правовой статус как и контролю (надзору). Думается, что различие контроля, надзора и мониторинга лежит и в другой плоскости, а именно, в характере административно-процессуального режима, администрирования отношений между управляющими и управляемыми. Контроль может быть и «снизу», и «сверху». Надзор же предполагает специальные полномочия органов государственной власти по отношению к другим органам (включённым и не включённым в прямую должностную иерархию), а также к негосударственным организациям и предприятиям. Так ст. 77 Федерального закона № 131 закрепляет надзор прокуратуры за исполнением органами местного самоуправления (должностными лицами) Конституции, законодательства, уставов и других правовых актов муниципальных образований. Термин «надзор» переходит в названия органов исполнительной власти – Росздравнадзор, Роспотребнадзор. Он является более формализованным (регламентированным) и предполагает возможность наложения санкций.

Итак, контроль, надзор, мониторинг – это отличающиеся по характеру и степени формализации виды одной родовой деятельности – контрольной. Правовой мониторинг – это особый вид контрольной деятельности, в которой действия каких-либо организаций контролируются в течение определённого периода времени с определённой частотой. По правилам, закреплённым нормами права, эти действия сравниваются с образцами (стандартами). В определённых условиях контроль и надзор могут приобретать характер мониторинга, но чаще мониторинг служит методом и инструментом контроля (надзора).

¹ Муниципальный контроль в Российской Федерации. Аналитический доклад / Министерство экономического развития Российской Федерации. – М., 2011.

В 2000-х гг. активно продвигалась идея «мониторинга правового пространства и правоприменительной практики», что придавало мониторингу значение всеохватывающего контроля правовых явлений. Термин «правовое пространство» появляется в Указе Президента РФ¹. К понятию «мониторинг правового пространства» можно относить отслеживание порядка прохождения законопроектов в законодательных (представительных) органах государственной и муниципальной власти разного уровня, их доработки, принятия, отклонения, действий органов исполнительной власти, управления в негосударственных организациях, правоотношений производителя и потребителя и т.д., а также ещё интерпретационные процессы судов, органов юстиции, счетных палат, общественных палат, анализ правосознания общества, восприятия гражданами Конституции, законов, нормотворчества общественных организаций и движений.

Представляется, что это понятие скорее социологическое, чем юридическое. Оно более широкое, чем «правовой мониторинг» и «правовой контроль» по включаемым в его объём объектам, субъектам, методам, результатам. Накоплен определённый опыт проведения таких мониторингов. Так в 2008 г. проводился Всероссийский мониторинг внедрения административных регламентов (головной исполнитель исследования ГУ- ВШЭ), выявивший, в частности, обратную связь – положительное отношение граждан и госслужащих к внедрению регламентов. Более узкое понятие – «мониторинг законодательства». В процессуальном понимании и определении это понятие предполагает, что в качестве объекта предстаёт характер изменения правовых объектов, прежде всего, законов, соответствие порядка принятия, формы и содержания нормативных правовых актов определённым принципам и критериям (стандартам).

Мониторинг правоприменения также очень объёмное направление, помогающее выявлять пробелы и дефекты законодательства (и его эффективность) в процессе их применения, когда проявляются различные противоречия и конфликты интересов. Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. №657 обозначил структуру, содержание такого мониторинга как комплексной и плановой деятельности по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу нормативных правовых актов различного уровня².

Сравнение объёма и содержания понятий приводит к выводу, что логично признать примерно равнозначными понятия «правовой мониторинг» и «мониторинг законодательства и правоприменения». Это вполне приемлемо для характеристики правовой политики. Определим их как процесс использования механизма информационного, аналитического, интерпретационного, экспертного сопровождения правотворчества и правоприменения, а также как метод государственного правового контроля, предполагающий периодическое отслеживание правовых отношений и норм. Если же говорить о целевой направленности, то правовой мониторинг, в более строгом определении, предполагает наблюдение, анализ, оценку на основе определённых процедур самих норм (формализованного правотворчества) и правоприменительных актов на предмет соответствия заданным нормативным требованиям (стандартам). Помимо норм отслеживаются также законопроекты, документы, сопровождающие законодательство и правоприменение, характеризующие перемены в законодательстве и организации власти, происходящие благодаря принятию и внедрению правовых норм.

Усилиями разных инстанций, осуществляющих контроль за нормами, постепенно создаются условия (хотя медленно и нелинейно) для превращения этой деятельности в систему, влияющую на правовое пространство от маленького поселения до муниципального управления в мегаполисах³. Эта система взаимодействует с оценкой эффективности деятельности муниципальных органов⁴, регистрационным, финансовым контролем, контролем за осуществлением переданных государственных полномочий и обширным направлением надзора и мониторинга за законностью принимаемых нормативных правовых актов муниципальных органов. Понятие «правовой мониторинг» включает в себя и более узкое по объёму понятие «мониторинг формализованного правотворчества» («нормоконтроль»), т.е. наблюдение (в рамках компетенции должностного лица, органа государственной или муниципальной власти) за соответствием принимаемых нормативных правовых актов требованиям принципов и ценностей права, Конституции, норм законодательства. Он предполагает анализ и оценку качества актов, проверяемых компетентными органами на основе утверждённых процедур. Правовой мониторинг в муниципальном управлении должен обеспечить законность, эффективность, ответственность в деятельности муниципалитетов.

Формализованное правотворчество в муниципальном правовом пространстве России носит повседневный и массовый характер. Муниципальный процесс к тому же является ещё и контингентным, т.е. зависимым от множества внесистемных и случайных факторов, а потому трудно поддающимся учёту и контролю. Нехватка квалифицированных кадров на муниципальном уровне стала «притчей во языцех», что затрудняет качественное и стабильное правотворчество, систематизацию правовых актов, проведение самого мониторинга. Достаточно представить себе более 24 тысяч муниципальных образований в России, в каждом из которых в конкретных, нередко неповторимых местных условиях принимаются правовые акты. Но парадокс в том, что эта контингентность обуславливает всё большую востребованность правового мониторинга муниципального правотворчества⁵.

¹ Указ Президента РФ от 10 августа 2000 г. № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации».

³ Рагозина Л.Г. Итоги мониторинга результатов реализации реформы местного самоуправления, осуществленного Институтом экономики города // Вопросы местного самоуправления. 2010. – № 4. – С. 4–14.

⁴ Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов (в ред. Указа Президента РФ от 13.05.2010. № 579).

⁵ Капицына Д.В. Правовой мониторинг (понятие, направления, субъекты, уровни) // Конституционное и муниципальное право. 2008. – № 8. – С. 25–28.

Мониторинг формализованного муниципального правотворчества (МФМП) включается в правовую политику, в том числе, контролирующую деятельность различных органов государственной (муниципальной) власти и создаваемых ими учреждений (центров). Он весьма объёмен и многообразен, т.к. в нём участвуют федеральные органы, органы государственной власти субъектов РФ, сами муниципальные органы. Постепенно создаются условия для превращения МФМП в систему, влияющую на правовое пространство множества поселений от села до мегаполиса. Такой мониторинг предполагает разработку на основе закона (устава) требований к качеству норм, соответствующие критерии, показатели, индикаторы, включённые в стандарты.

Кроме того, МФМП как процесс предполагает наличие достаточного документального обеспечения характеристик объектов мониторинга (положения о муниципальных нормативных актах, реестры, перечни, классификаторы) и формализации процедур проведения самого мониторинга (порядки, инструкции, регламенты, заключения, экспертизы, отчёты должностных лиц). Заметны успехи в формировании нормативной базы мониторинга.

Происходит становление нормативной базы МФМП. Разрабатываются административные регламенты и другие документы на уровне субъектов РФ. Например, принималось Постановление Правительства Москвы от 13 марта 2007 г. «О формировании системы правового мониторинга в г. Москве и внесении изменений в отдельные правовые акты г. Москвы». В Иркутске работает областное государственное научно-исследовательское казённое учреждение «Институт законодательства имени М.М. Сперанского», занимающееся мониторингом муниципальных правовых актов, повышением квалификации специалистов по муниципальному контролю и мониторингу. Институт выпускает еженедельно специальные бюллетени правовых актов по муниципальным образованиям всей России. Подобный институт эффективно действует и в Воронежской области¹.

Сегодня в этом плане немало делается и на уровне муниципалитетов. Власти муниципальных образований принимают довольно объёмные, структурированные положения о мониторинге муниципальных правовых актов. Они содержат развёрнутые определения мониторинга, его цели и задач, составляющих элементов, видов, объектов, субъектов, ожидаемых результатов, порядка, плана, этапов, правового поля и т.д. Полезная работа – разработка и принятие положений, закрепляющих характеристики объекта мониторинга – муниципальных правовых актов. Для этого создаются комиссии (отделы) по мониторингу муниципальных правовых актов и практике их применения.

Всё это свидетельствует о постепенном развёртывании кропотливой работы, помогающей на местах совершенствовать муниципальную правовую политику, в том числе такую ее область как правотворчество, проводить его анализ, что способствует приведению муниципальных правовых актов в соответствие с Конституцией и законодательством России, созданию условий для эффективности местного самоуправления².

¹ См., например, Положение о порядке проведения мониторинга муниципальных правовых актов муниципального образования г. Новый Уренгой». Утверждено постановлением Главы муниципального образования г. Новый Уренгой Ямало-Ненецкого автономного округа от 14 мая 2009 г. «Об утверждении Положения о мониторинге нормативных правовых актов органов местного самоуправления Верхнемамонского муниципального района Воронежской области. Утверждено Решением Совета народных депутатов Верхнемамонского муниципального района Воронежской области от 9 ноября 2011 г.

² Акмалова А.А. Особенности местного самоуправления в Российской Федерации. Теория вопроса и опыт регулирования. – М.: Прометей, 2002. – 212 с.

Клименко Л.В.

к.соц.н., доцент Южного федерального университета
lucl@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ УСТАНОВКИ ЖИТЕЛЕЙ ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА

Ключевые слова: гражданско-правовые установки, этносоциальные процессы, поликультурный регион.

Юг России, включающий в себя современные территории Южного и Северо-Кавказского федерального округов, отличается многообразием этнического, культурного и конфессионального состава населения, а также различным уровнем социально-экономического развития входящих в него субъектов. Поэтому в этом макрорегионе проявились все современные этносоциальные процессы – социальная консолидация и этноразобшение, модернизация и архаизация социальных и экономических отношений, продвижение к активной гражданственности и возврат к охранительному патернализму в социальных установках.

В то же время, ценности, установки и модели поведения, которые задаются институтами права, в случае их надэтнического универсалистского содержания, являются важным слагаемым эффективной модернизации социальных отношений. «При всех катаклизмах, которые бурлят на поверхности социальной жизни, на этом ценностном уровне общественной ментальности не может быть резкой ломки, но происходящие именно здесь изменения являются главными индикаторами того, насколько серьезны, то есть насколько радикальны и устойчивы перемены, идущие в обществе, и какова их реальная направленность»¹.

Одной из важнейших задач всего комплекса социально-политического и экономического реформирования российского общества является становление каждого гражданина в качестве активного и полноценного участника социально-экономических отношений, обретение им статуса полноправного члена общества, т.е. формирование гражданственности. Все это делает чрезвычайно актуальным изучение содержательных особенностей и тенденций трансформации гражданско-правовых установок разнородного населения южно-российского макрорегиона в контексте формирования интегративных связей, соответствующих модернистскому типу общества.

Поэтому в настоящей статье представлены отдельные результаты прикладного социологического исследований правовой культуры населения Юга России, реализованного в трёх административно-территориальных образованиях Юга России – Ростовской области (2010 г., опрошено 374 человек), Республике Адыгея (2011 г., опрошено 210 человек) и Республике Ингушетия (2011 г., 254 человека)². Метод опроса – стандартизированное интервью. Отбор респондентов по возрастным и образовательным квотам происходил по месту проживания (крупные города) методом маршрутной выборки.

Для выявления вектора трансформации политико-правовых ценностей и поведенческих установок в южно-российском регионе использовались также эмпирические результаты прикладных этносоциологических исследований, собранные коллективом кафедры социальных коммуникаций и технологий ЮФУ при участии автора и под руководством проф. Денисовой в 2000–2001 гг.³

При сопоставлении количественных данных мы исходили из следующей типологии субрегионов Юга России, основанной на критерии степени модернизированности их социально-экономического развития:

1) «модернизированный» тип – «русскоязычные» субъекты с достаточно выраженным уровнем урбанизированности и индустриализации, население которых ориентировано на тип социальных отношений соответствующих модернистскому обществу (Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край);

¹ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: Монография. – М.: Российская академия правосудия, 2012. – С. 4.

² В Ростовской области (г. Ростов-на-Дону) в 2010 г. было опрошено 48,4% мужчин и 51,6% женщин, а также 92% от всего массива респондентов составили русские по национальности. В Республике Адыгея (г. Майкоп) в 2011 г. приняло участие в 43% мужчин и 57% женщин, 71% – адыгов. В выборке опроса были пропорционально представлены основные возрастные и социально-профессиональные подгруппы респондентов.

³ В 2000–2001 гг. коллективом каф. социальных коммуникаций и технологий РГПУ при участии автора было проведено социологическое исследование среди титульного населения республик Северного Кавказа: Кабардино-Балкарии (г. Нальчик, г. Прохладный), Северной Осетии-Алании (г. Владикавказ, г. Моздок), Республики Адыгея (г. Майкоп). В Кабардино-Балкарии опрошено 94 балкарца, Адыгее – 69 адыгов, Северной Осетии-Алании – 86 осетин. Социологическое исследование реализовывалось по разведывательному типу. В выборке опроса были пропорционально представлены основные возрастные и социально-профессиональные подгруппы респондентов.

2) «переходный» тип – северокавказские республики, представляющие переходный тип между традиционным и индустриальным уровнем социально-экономического развития (республики, включающие адыгские этнические группы – Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, а также Северная Осетия-Алания);

3) «традиционалистский» тип – республики, преимущественно, традиционной культуры с демодернизированной экономикой, население которых относится к нахско-дагестанской группе (Ингушетия, Чечня, Дагестан).

Такое сегментирование макрорегиона Северного Кавказа обосновано в работах многих исследователей¹. Как правило, социокультурные процессы в данных субрегионах протекают однотипно, что позволяет в сравнительном анализе использовать разные территориальные субъекты Юга России, представляющие одну и ту же типологическую группу.

Эффективность функционирования правовой системы в сфере регуляции и интеграции общества, наряду с институционализацией права, предполагает интернализацию гражданами правовых ценностей. Нормативно-правовая система современной России, отраженная в законах, официальных документах, декларациях и пр., предполагает в качестве основы своего воспроизводства гражданско-активистской тип правовой культуры граждан. Он отличается ценностным отношением к праву как к оптимальной форме регуляции социальных отношений, приоритетом прав и свобод личности, зависимости реализации гражданских прав от механизма разделения властей и утверждения принципа верховенства закона. Такой тип правовой культуры свидетельствует о готовности граждан руководствоваться принципами права в практической жизни.

Базовой категорией правовой культуры является понятие «**право**». Гражданско-активистский тип правосознания характеризуется признанием правовой системы в качестве основания гражданского общества и правового государства. Исходя из этой точки зрения, мы сопоставили отношение к институту права у жителей южно-российского региона, принадлежащих к различным территориальным образованиям.

Результаты опроса 2010–2011 гг. показывают, что основное большинство опрошенных, особенно в республиках Северного Кавказа, воспринимают право через нормативы, обеспечивающие равенство и справедливость, защиту от произвола (66,3% респондентов в Ростовской области, 90,3% – в Адыгее и 94,4% – в Ингушетии). Вызывают ассоциации с правом такие понятия как свобода и ответственности в большей степени среди жителей Ростовской области (75,9% – в РО, 65,5% – в РА и 56,3% – в РИ).

Представление о праве в контексте государственных институтов, властных установлений и законов, т.е. в ограничительных коннотациях, характерно для 75,5% жителей Ростовской области и более чем половины опрошенного населения северокавказских республик (65,4% – в Адыгее и 58,8% – в Ингушетии). Видят в праве прямые ограничения поведения индивида через принуждение и наказание ещё 36,4% респондентов «ростовского» сегмента, 23,1% – «адыгейского» и 19,8% – «ингушского».

Другими словами, результаты опроса выявляют несколько содержательных векторов правопонимания, представленных на современном этапе в массовом сознании жителей Юга России: 1) трактовка права как системы свобод, прав и ответственности – гражданский тип правосознания; 2) понимание права как определенных государственных рамок, ограничивающих и контролирующих поведение индивида – этатистский; 3) восприятие права как гаранта обеспечения справедливости и равенства, т.е. охранительные коннотации.

В результате, можно зафиксировать, что в настоящее время для представителей северокавказских республик в большей степени актуальна охранительная функция права как гаранта справедливости и защиты от произвола. Тогда как для населения «русскоязычного» субрегиона характерно наличие связи права с ответственностью и соблюдением прав других людей. Причем выраженность этого компонента правовой культуры убывает от «ростовского» сегмента к «адыгейскому» и далее «ингушскому», где представлена в наименьшем процентном выражении. Однако для более чем половины жителей Юга России характерна также трактовка права как предписания государственной власти. И в этом отношении зависимость обратная – более всего этатистский тип правопонимания выражен среди респондентов из Ростовской области, а менее всего среди жителей рассматриваемых северокавказских республик.

В свою очередь, результаты этносоциологических опросов 2000–2001 гг. показали, что для населения северокавказских республик, относящихся по уровню социально-экономического развития к «переходному» типу, более десяти лет назад в похожей степени были актуальны защитные функции права (РСО-А – 83,7%, КБР – 95,8% и РА – 95,6%) и гражданские смыслы правопонимания (на свободу и ответственность указали 46,5% осетин, 54,2% балкарцев и 69,6% адыгейцев).

Этатистские акценты в интерпретации права обнаруживают 34,9% представителей титульного этноса в Северной Осетии, 29,1% балкарцев и практически вдвое больше адыгейцев – 60,8%.

Тесно связанной с понятием «право» является категория «**государство**». Правовая система обеспечивает социальный порядок посредством государства, как актора и гаранта закона. Анализ этого аспекта правового сознания в настоящее время представляется особенно актуальным. Российские реформы 90-х годов в политико-правовой сфере были направлены на формирование основ правового государства, которое невозможно без активистской политико-правовой культуры населения.

В то же время, понимание и, соответственно, отношение к государству как к центральному институту политической системы в развитых демократиях является скорее нейтрально-дистанцированным. Так, у большинства жителей

¹ См.: Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов н/Д: РГПУ, 2003; Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. – Ростов н/Д., 1996; Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Сборник научных статей / Гл. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2010.

Франции (70%), для которых характерна носителями высокого уровня развития правовой культуры активистского типа, государство ассоциируется, как правило, с политической организацией страны¹.

Что касается населения Юга России, то на современном этапе данная позиция больше всего характерна для жителей Адыгеи (41,9%) и в меньшей степени – для представителей «ростовского» (29,9%) и «ингушского» (17,7%) сегментов. С более эмоционально насыщенными понятиями «отечество» и «родина» государство ассоциируют около четвертой доли опрошенных из трех рассматриваемых групп. Обращает на себя внимание, что наибольшее число респондентов, для которых государство выступает в качестве воплощения защиты и безопасности, фиксируется в «ингушском» сегменте (24,2% в РИ против 3,3% в РО и 7,5% в РА). Примерно в равной степени респонденты воспринимают государство как этнокультурное сообщество (от 14,5 до 17,9%) или же аппарат управления и подавления (от 16,2 до 17,7%) (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов групп респондентов на вопрос: «С чем ассоциируется понятие государство?»

№	Вариант ответа	Опрос 2010–2011 гг.		
		Ростовская обл.	Адыгея	Ингушетия
1	сообщество людей, нация, культура	17,9	15,2	14,5
2	политическая организация, правовые институты	29,9	41,9	17,7
3	аппарат управления и подавления	17,4	16,2	17,7
4	отечество, родина	24,5	26,7	23,4
5	это то, что позволяет мне чувствовать себя в безопасности	3,3	7,6	24,2
6	это чиновники	4,9	5,7	8,9
7	место, где я сейчас живу	6,0	7,6	5,6
	Всего	103,9	120,9	112,0

В свою очередь, материалы опроса 2000–2001 гг. фиксировали, что чаще всего осетины и балкарцы ассоциировали государство с отечеством и родиной. Указывали варианты ответов, которые определяют государство как сообщество людей, нацию от 18,1 до 27,9% опрошенных трех рассматриваемых республик. Еще от пятой до четвертой доли респондентов выражали нейтральные политико-правовые ассоциации с государством. Более чем десять лет назад были относительно мало выражены охранительные коннотации в отношении государства (от 8,3 до 14%). Зато гораздо чаще, чем на современном этапе встречались определения государства через привязку к месту настоящего проживания респондента (16,7% – в КБР, 21,7% – в РА) (табл. 2).

Таким образом, за рассматриваемый период проведения двух исследований проявляется тенденция сокращения эмоционально окрашенных и ситуативно-территориальных ассоциаций с государством. Кроме того, результаты опроса показали в Адыгее от 2000 г. к 2011 г. увеличение степени эмоционально-нейтрального восприятия государства как одного из правовых институтов (гражданственный тип правосознания). И максимальную выраженность на современном этапе в сознании населения Ингушетии защитной функции государства (охранительный тип).

Таблица 2

Распределение ответов групп респондентов на вопрос: «С чем ассоциируется понятие государство?»

№	Вариант ответа	Опрос 2000–2001 гг.		
		Северная Осетия	КБР (балкарцы)	Адыгея
1	сообщество людей, нация, культура	27,9	18,1	21,7
2	политическая организация, правовые институты	20,9	20,8	26,1
3	аппарат управления и подавления	9,3	13,9	13,0
4	отечество, родина	30,2	40,3	26,1
5	это то, что позволяет мне чувствовать себя в безопасности	14,0	8,3	8,7
6	это чиновники	4,7	5,6	0,0
7	место, где я сейчас живу	7,0	16,7	21,7
	Всего	114,0	123,7	117,3

Восприятие респондентами опроса 2010–2011 гг. ещё одной базовой категории современного правового пространства – *свободы* – характеризуется следующими показателями. Выбрали вариант определения свободы как возможности достижения своих интересов, учитывая интересы и нужды других людей, только четвертая доля жителей Ростовской области (27,8%) и Адыгеи (25,7%), тогда как среди опрошенного населения Ингушетии этот показатель достигает уже 49,2%. Трактовка свободы в разрешительной коннотации – «реализация своих интересов в рамках, ограниченных законом» в большей степени характерна для представителей «адыгейской» группы (34,3%). А также около пятой части опрошенных в Ростовской области и Адыгее склонны приписывать понятию свободы внеправовой статус – «неограниченная возможность реализации своих интересов». Можно заключить, таким образом, что у жителей разных административно-территориальных образований в неодинаковой степени проявляется гражданственное понимание категории свободы (см. табл. 3).

¹ Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и Франции. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 65.

Распределение ответов групп респондентов на вопрос: «Свобода это...»

№	Вариант ответа	Опрос 2010–2011 гг.		
		Ростовская обл.	Адыгея	Ингушетия
1	неограниченная возможность реализации своих интересов	19,8	21,9	11,9
2	обладание собственностью, которая позволяет реализовывать любые желания	15,0	12,4	7,1
3	возможность достижения своих интересов, учитывая интересы и нужды других людей	27,8	25,7	49,2
4	реализация своих интересов в рамках, ограниченных законом	16,0	34,3	16,7
5	возможность выбирать линию своего поведения на основе добра и справедливости	17,7	19,0	23,0
6	другое	6,4	3,8	4,0
	Всего	102,7	117,1	111,9

Что касается исследования 2000–2001 гг., то можно увидеть, что осетины и балкарцы более всего были ориентированы на восприятие свободы в гражданственном смысле (37,2 и 33,6% соответственно). В то же время от пятой до четвертой доли опрошенных из данных республик трактуют свободу во внеправовом контексте. В Адыгее в ответах на этот вопрос чаще всего встречалось морально-этическое определение свободы как возможности выбирать линию своего поведения на основе добра и справедливости (30,4%) (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов групп респондентов на вопрос: «Свобода это...»

№	Вариант ответа	Опрос 2000–2001 гг.		
		Северная Осетия	КБР (балкарцы)	Адыгея
1	неограниченная возможность реализации своих интересов	20,9	28,2	13,0
2	обладание собственностью, которая позволяет реализовывать любые желания	18,6	16,0	17,4
3	возможность достижения своих интересов, учитывая интересы и нужды других людей	37,2	33,6	21,7
4	реализация своих интересов в рамках, ограниченных законом	18,6	19,9	21,7
5	возможность выбирать линию своего поведения на основе добра и справедливости	25,6	16,0	30,4
6	другое	11,3	0,8	0,0
	Всего	132,6	114,5	104,4

Современные опросы показывают также разницу в иерархии ценностей «русскоязычного» и северокавказского субрегионов. В частности, в исследовании 2010–2011 гг. при выборе наиболее значимых *гражданских прав* среди респондентов Ростовской области лидируют по важности свобода слова (44,4%), свобода совести (27,3%) и свобода информации (23,5%). В то же время в Адыгее и Ингушетии на первые места по степени приоритетности выходит вариант ответа «равенство независимо от расовой и национальной принадлежности» (49,5% – в РА и 38,6% – в РИ). Хотя, для многих опрошенных из Адыгеи и Ингушетии важны также и права свободно высказывать свои мнения (36,2 и 23,6% соответственно), право искать информацию, задавать вопросы (23,8 и 23,6%) (см. табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов групп респондентов на вопрос:
«Какие права человека Вы считаете наиболее важными для нормальной жизни людей?»**

№	Вариант ответа	Опрос 2010–2011 гг.		
		Ростовская обл.	Адыгея	Ингушетия
1	свобода совести – право иметь свои взгляды, верить в то, во что хочет человек	27,3	21,9	15,7
2	свобода слова – право высказывать мнения, распространять свои взгляды	44,4	36,2	23,6
3	свобода информации – право искать информацию, задавать вопросы	23,5	23,8	23,6
4	свобода передвижений – право выбора места проживания	13,9	23,8	16,5
5	свобода избирательного права	16,6	10,5	8,7
6	равенство прав мужчин и женщин	13,4	14,3	5,5
7	равенство независимо от расовой и национальной принадлежности	21,9	49,5	38,6
8	право на защиту национальной культуры	8,6	16,2	10,2
9	свобода от унижительного или оскорбительного отношения	17,1	22,9	6,3
	Всего	186,7	219,1	148,7

Результаты опроса в 2000–2001 гг. фиксировали, что в республиках Северного Кавказа, относящихся по критерию модернизации к «переходному» типу, также были наиболее приоритетны позиции равенства независимо от расовой и национальной принадлежности (32,6% осетин, 43,1% балкарцев и 47,8% адыгейцев). Ещё от 25,6 до 39,1% опрошенных трех групп указывали на важность защиты национальной культуры. Помимо этого, в осетинской подгруппе лидировали свобода слова (41,9%), в балкарской и адыгской – свобода совести (41,7 и 43,5% соответственно). В свою очередь, равенство прав мужчин и женщин заботило больше всего респондентов из Адыгеи (30,4%), а свобода избирательного права – из Кабардино-Балкарии (см. табл. 6).

Таким образом, значимость проблем этнического равенства среди опрошенных, проживающих в разных по типу республиках в разное время проведения исследований, по всей видимости, коренится в сохраняющейся остроте вопросов межнациональной напряженности и этностатусных конфликтов в регионе. Тем более что вначале 2000-х для представителей титульных этносов также были более актуальными вопросы о защите национальных культур. В Адыгее за рассматриваемый период более чем в два раза уменьшилось число тех респондентов, кто придает особое значение свободе совести и гендерному паритету. В то же время, для современных жителей субрегиона «модернизированного» типа важнее те права, которые связаны с возможностями высказывать свое мнение, иметь свои собственные взгляды, получать доступ к информации.

Таблица 6

Распределение ответов групп респондентов на вопрос:
«Какие права человека Вы считаете наиболее важными для нормальной жизни людей?»

№	Вариант ответа	Опрос 2000–2001 гг.		
		Северная Осетия	КБР (балкарцы)	Адыгея
1	свобода совести	32,6	41,7	43,5
2	свобода слова	41,9	27,8	30,4
3	свобода информации	30,2	22,2	26,1
4	свобода передвижений	27,9	19,4	26,1
5	свобода избирательного права	9,3	20,8	-
6	равенство прав мужчин и женщин	9,3	16,7	30,4
7	равенство независимо от расовой и национальной принадлежности	32,6	43,1	47,8
8	право на защиту национальной культуры	25,6	26,4	39,1
9	свобода от унижительного или оскорбительного отношения	23,3	18,1	21,7
	Всего	232,7	236,2	265,1

Между тем, на современном этапе не более 1/3 опрошенных жителей Юга России признают абсолютную значимость гражданских прав, т.е. считают, что права человека не могут быть ограничены ни при каких условиях (29,9% – в РО, 31,1% – в РА и 23,8% – в РИ). Причем только в «ростовском» субрегионе этот вариант наиболее популярен, тогда как для адыгейцев и ингушей на первое место по числу ответов выходит позиция, согласно которой права человека допустимо ограничивать «если это нужно для поддержания порядка и стабильности» (20,3% – в РО, 38,8% – в РА и 29,4% – в РИ) (см. табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов групп респондентов на вопрос:
«В каких случаях допустимо ограничение прав человека»

№	Вариант ответа	Опрос 2010–2011 гг.		
		Ростовская обл.	Адыгея	Ингушетия
1	если это нужно для защиты прав другого человека	18,2	25,2	16,7
2	если это нужно для поддержания порядка и стабильности	20,3	38,8	29,4
3	если это нужно для улучшения экономического положения людей	9,6	4,9	10,3
4	если это нужно при расследовании преступлений	14,4	20,4	21,4
5	если это нужно при борьбе со стихийными бедствиями	8,6	20,4	13,5
6	если это нужно при военных действиях	14,4	15,5	9,5
7	права человека не могут быть ограничены ни при каких условиях	29,9	31,1	23,8
8	другое	2,1	3,9	1,6
	Всего	117,6	160,2	126,2

Наличие установок на неукоснительное соблюдение прав человека демонстрировали во время опроса в 2000–2001 гг. также от 27,9 до 34,8% жителей республик Северного Кавказа. И на первое место по числу ответов данная характеристика правовой культуры выходила только в адыгейской подгруппе. Тогда как среди осетин и балкарцев чаще всего встречался вариант допустимости ограничения прав человека с целью поддержания порядка и стабильности (см. табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов групп респондентов на вопрос:
«В каких случаях допустимо ограничение прав человека»

№	Вариант ответа	Опрос 2000–2001 гг.		
		Северная Осетия	КБР (балкарцы)	Адыгея
1	если это нужно для защиты прав другого человека	11,6	23,4	4,4
2	если это нужно для поддержания порядка и стабильности	30,2	38,9	13,0
3	если это нужно для улучшения экономического положения людей	20,9	15,3	4,4
4	если это нужно при расследовании преступлений	18,6	6,9	4,4
5	если это нужно при борьбе со стихийными бедствиями	7,0	16,7	17,4
6	если это нужно при военных действиях	11,6	5,6	17,4
7	права человека не могут быть ограничены ни при каких условиях	27,9	29,2	34,8
8	другое	4,7	0,0	4,4
	Всего	132,6	138,9	100,0

Далее, в социологическом исследовании правовой культуры населения Юга России задавался вопрос о том, почему люди *подчиняются закону*, даже если он им не нравится. Результаты опроса выявляют, что для респондентов всех рассматриваемых этнотерриториальных групп с начала 2000-х годов до настоящего времени характерна *очень устойчивая связь закона как поведенческой нормы с традицией и наказанием*.

В частности, на современном этапе основная доля опрошенных ростовского, адыгейского и ингушского сегментов признает, что даже в случаях несогласия с законом ему следуют, так как «законы не принято нарушать» и «потому что боятся наказания», «нет другого выхода». На этом фоне, первая позиция традиционного, общепринятого следования закону характеризует наибольшее число респондентов из «адыгейской» подгруппы (37,1%). Другая установка следования закону, связанная с наказанием, часто встречается среди жителей Ростовской области, а также населения Адыгеи (34,5%). Безальтернативность законодательных установлений отмечают еще по пятой доли представителей обеих республик (см. табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов групп респондентов на вопрос: «Бывает, что людям не нравится закон, в котором выражена правовая норма, но они подчиняются ему. Почему они это делают?»

№	Вариант ответа	Опрос 2010–2011 гг.		
		Ростовская обл.	Адыгея	Ингушетия
1	потому что законы не принято нарушать	19,5	37,1	19,2
2	потому что боятся наказания	33,0	33,3	24,0
3	они думают: если все будут нарушать закон, жизнь станет опаснее	11,9	3,8	13,6
4	боятся осуждения своего поведения людьми, обществом	10,8	2,9	14,4
5	им всё равно	4,3	5,7	10,4
6	затрудняюсь ответить	9,7	5,7	4,8
7	нет другого выхода	13,0	20,0	20,8
	Всего	102,2	108,5	107,2

При опросе в 2000–2001 гг. была также обнаружена мотивация принудительного следования закону вследствие давления традиций (наибольшее выражение среди балкарцев – 55,6%) и неотвратимости наказания (более всего среди осетин – 41,9% и адыгейцев – 47,8%). Кроме того, за прошедший период в адыгейском сегменте уменьшилось обоснование следования закону из-за боязни наказания и увеличение связи закона с традицией (табл. 10).

Таблица 10

Распределение ответов групп респондентов на вопрос: «Бывает, что людям не нравится закон, в котором выражена правовая норма, но они подчиняются ему. Почему они это делают?»

№	Вариант ответа	Опрос 2000–2001 гг.		
		Северная Осетия	КБР (балкарцы)	Адыгея
1	потому что законы не принято нарушать	34,9	55,6	26,1
2	потому что боятся наказания	41,9	26,4	47,8
3	они думают: если все будут нарушать закон, станет опаснее	9,3	8,3	21,7
4	боятся осуждения своего поведения людьми, обществом	4,7	5,6	8,7
5	им всё равно	7,0	0,0	0,0
6	затрудняюсь ответить	4,7	11,1	0,0
7	нет другого выхода	2,3	0,0	0,0
	Всего	104,7	106,9	104,4

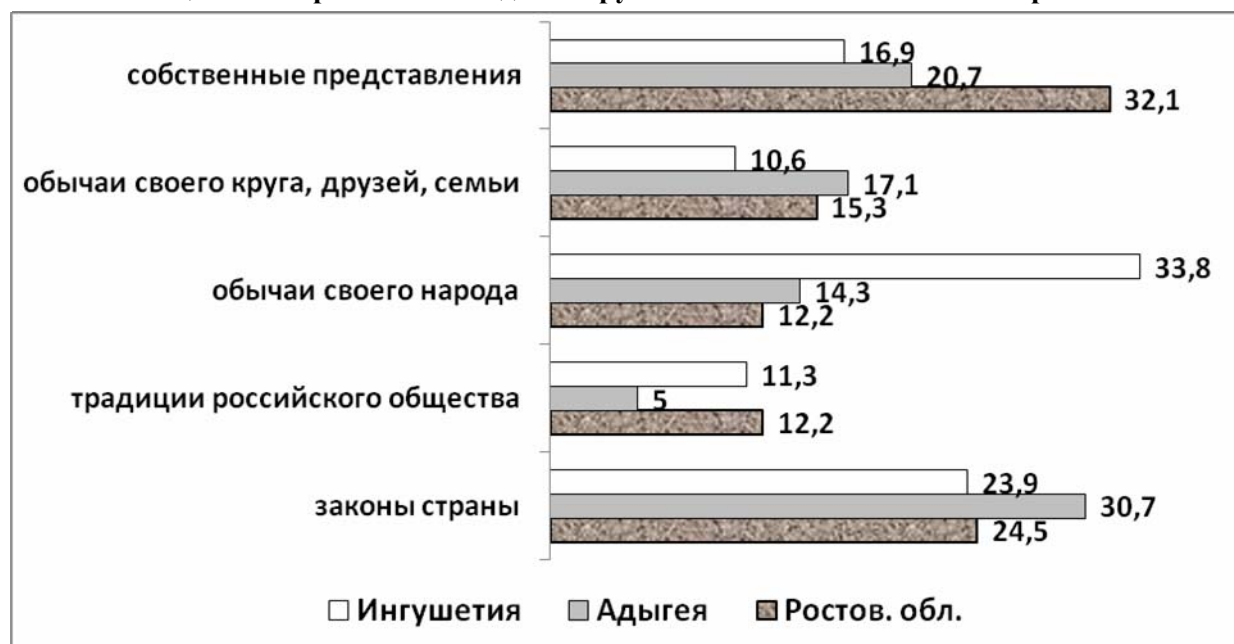
Источниками политико-правовых практик современного населения Ростовской области выступают свои собственные представления (32,1%) и законы страны (т.е. стандартизированные абстрактные нормы) (24,5%). Почти в два раза менее популярны ориентации на традиции русского общества (12,2%) и коллективные нормы непосредственной среды (обычаи народа – 12,2%, обычаи своего круга – 15,3%) (диагр. 1).

Для адыгейцев законы страны как источник социально-правового поведения выходит на первое место по число ответов (30,7%), далее располагаются позиции «свои собственные представления» (20,7%) и «обычаи своего круга, друзей, семьи» (17,1%). Сходную структуру демонстрируют и адыгейцы. Отклонение здесь – в сторону увеличения сегмента, ориентирующегося на коллективные нормы (диагр. 1).

Доминирование традиций и норм этнической культуры народа наблюдается в структуре поведенческих установок ингушей (33,8%). Законы страны как источник социально-правового поведения указывают еще четвертая доля респондентов этого сегмента. На собственные представления и нормы своего круга ориентируются ещё 16,9% и 10,6% опрошенных соответственно (диагр. 1).

Диаграмма 1

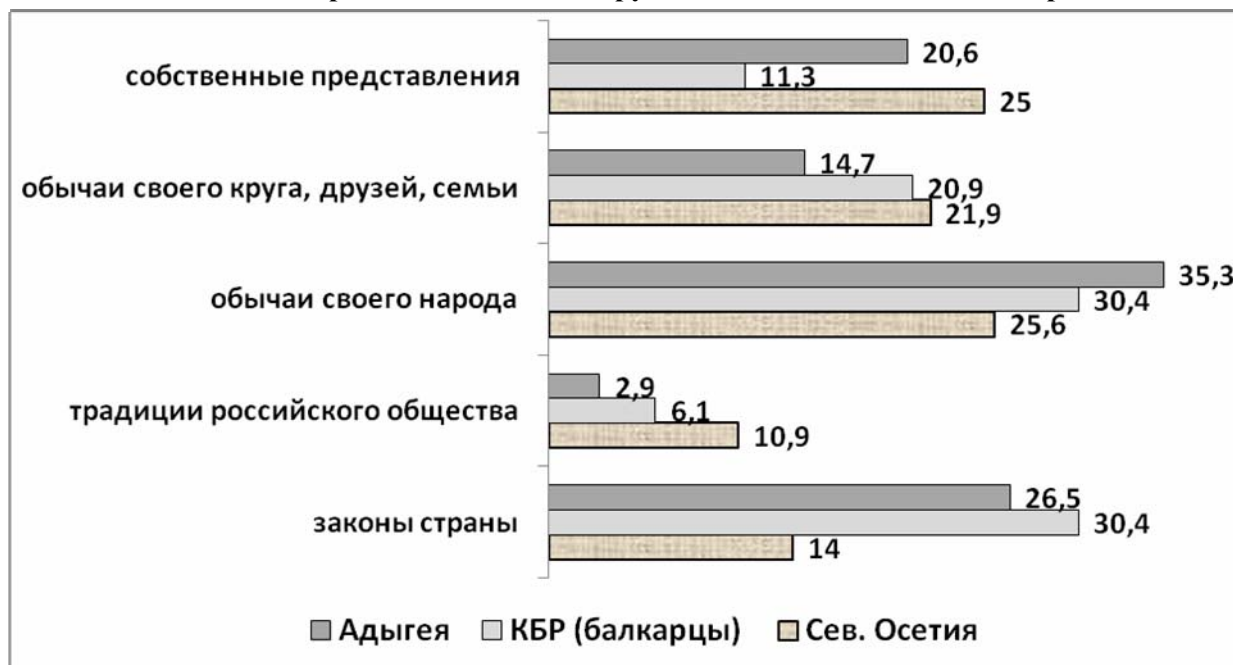
Источники социально-правового поведения групп населения Юга России. Опрос 2010–2011 гг.

В свою очередь, при опросе в начале 2000-х гг. среди титульного населения Северной Осетии выявлялась слабость ориентиров на установления, идущие от государства и российского общества. В противовес этому фиксировалась достаточно высокая ориентация на собственные представления или представления «своего круга» (в совокупности 46,9% респондентов в РСО-А против 32,2% – в КБР и 35,3% – в РА). Балкарцы и адыгейцы были в большей степени ориентированы на этические традиции своего народа (в 30,4% – в КБР и 26,5% – в РА против 14% – в РСО-А). А также самый большой процент указаний на использование законов страны в качестве источника социально-правового поведения фиксировался среди балкарцев (30,4% – в КБР против 14% – в РСО-А и 26,5% – в РА) (диагр. 2).

Диаграмма 2

Источники социально-правового поведения групп населения Юга России. Опрос 2000–2001 гг.

Таким образом, в результате проделанного анализа материалов этносоциологических исследований можно сделать следующие выводы:

1. На современном этапе правовые ценности жителей различных по типу субрегионов Юга России отличаются размытостью и противоречивостью. Абсолютная значимость гражданских прав не является ценностной максимой для большинства опрошенных жителей макрорегиона ни в начале 2000-х годов, ни десятилетие спустя. С одной стороны, фиксируется значимость гражданских прав, с другой стороны, проявляется и готовность населения к ограничению прав человека со стороны государства в целях укрепления безопасности и нормализации экономической обстановки.

2. Этнокультурная специфика правовых ценностей проявляется в том, что в условиях нестабильности этнополитического развития Северного Кавказа для жителей республик в разное время проведения опросов важным явля-

лось право на равенство независимо от национальной принадлежности. Тогда как представители «русскоязычного» субрегиона в большей степени ориентированы на информационно-демократические права и свободы. А также в ростовском сегменте чаще встречается внеинституциональный индивидуализм ценностно-правовых установок

3. Общим местом в правовых установках различных этнотерриториальных групп является слабая выраженность гражданской мотивации правового поведения, когда в сознании респондентов с начала 2000-х годов до настоящего времени сохраняется устойчивая связь закона как поведенческой нормы с традицией и наказанием. На этом фоне является тяготение современных жителей Ростовской области и Адыгеи к гражданскому типу правовой активности.

4. В то же время институционализация этничности, пропаганда этничности как способа организации социума, восстановление в латентной форме (а в некоторых случаях и открытой форме) норм адатно-шариатного судопроизводства оказали влияние на жителей Ингушетии, в правовом поведении которых чаще всего актуализируются этнические традиции. Поэтому возрождение системы обычного права обусловлено её этнической индикативностью, тогда как позитивное право выступает, как правило, в надэтнической форме.

5. Таким образом, по параметрам содержания и тенденции трансформации ценностных представлений установок в сфере права фиксируется большая выраженность гражданско-активистского типа правовой культуры в ростовском и адыгейском субрегионах. Тогда как тенденция демодернизации гражданско-правовых установок, выражающаяся в ориентации на этнические традиции в ущерб законодательным установлениям и нормам фиксируется среди жителей Ингушетии.

Кожевникова Н.И.

к.э.н., в.н.с. ИСПИ РАН

demal@mail.ru

ТРАНСПОРТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВЛИЯНИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *развитие транспорта в Сибири и на Дальнем Востоке, демографические процессы, инновационное развитие.*

Роль транспорта в развитии той или иной территории играет одну из основных ролей. Не исключение, а наоборот, ярчайшее подтверждение этому – пример развития всех без исключения сторон жизни, в том числе – особенно, демографического развития, регионов Сибири и Дальнего Востока. Причем и в далекой исторической ретроспективе, и сегодня. Например, еще в далеком прошлом М.В. Ломоносов писал, что богатство России прирастать Сибирью будет. В Российской Империи, царские чиновники создавая Министерство путей сообщения, не зря его называли министерством путей сообщения. В этом названии была заложена глубокая и системная идея о единстве транспортных сетей России – и железнодорожных, и водных, и морских, и гужевых.

К сожалению, эта идея единства по разным объективным и субъективным причинам со временем, по мере развития различных способов перемещения грузов и пассажиров в пространстве была размыта. Ставка была сделана на железнодорожный транспорт, на строительство Сибирской железной дороги. В то время это было объективно оправдано, и было задолго до этого строительство пророчески предвосхищено словами министра путей сообщения Российской Империи П.П. Мельникова. Он писал: «Железные дороги крайне необходимы России, они, можно сказать, выдуманы для нее более чем для какой-либо другой страны Европы. Климат России и ее пространства содействуют их особенно драгоценными для нашего Отечества»¹. На наш взгляд этот вывод не потерял своей актуальности, более того, стал еще более актуален.

Например, в настоящее время ведущие российские ученые предлагают проект строительства Интегральной Евразийской Транспортной Системы (далее – ИЕТС)². На наш взгляд, это особенно важно на сегодняшний день для Российской Федерации в целом. По мнению Г.В. Осипова, «строительство магистрали укрепит безопасность России и станет мотором, который оживит поврежденные кризисом или дремлющие силы всех сфер страны и народа». Этот вывод Г.В. Осипов добавил к оценке главных эффектов данного мегапроекта. А именно: к геополитической стабилизации, укрепления связности России, ввода в оборот природных богатств Сибири и Дальнего Востока, поворота потоков миграции населения на Восток, выгоде от экспорта транспортных услуг, превращения Зауралья в плацдарм инновационного развития и модернизации.

Важность транспорта, в том числе – железнодорожного, для развития и освоения Сибири и Дальнего Востока, по-прежнему, общепризнанна. Ведь для миграционного перераспределения населения в слабо освоенные восточные и северные российские регионы железнодорожный транспорт играет важнейшую роль. А необходимость такого перераспределения признана практически всеми учеными, необходимость повышения мобильности населения – одна из неотложных задач современности для российского государства. Это подчеркивалось еще в первой Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, которая была утверждена Правительством Российской Федерации в сентябре 2001г. Пусть не напрямую, а косвенно. Там говорилось: «в целях регулирования внутренней миграции должны быть разработаны меры, направленные на повышение территориальной мобильности рабочей силы, а также механизмы поддержания жизнедеятельности и экономического развития субъектов Российской Федерации»³. Косвенно, поскольку не шла напрямую речь о развитии транспортной составляющей российских территорий и регионов, но указание на необходимость разработки мер для повышения территориальной мобильности рабочей силы об этом свидетельствовало.

В научной литературе имеется большое число работ, посвященных вопросам повышения мобильности рабочей силы, в том числе, и по Сибири, где, например, показана зависимость и «влияние интенсивности межрайонного миграционного обмена с сопредельными территориями от их местоположения в 300-километровой зоне тяготения к железнодорожным коммуникационным линиям; доказана необходимость проведения общерегиональной миграционной политики, направленной на закрепление трудовых ресурсов по всей протяженности транспортных коммуникаций,

¹ Мельников П.П. Отчет о поездке в Западную Европу и Америку. – СПб., 1838. – С. 7.

² Интегральная евразийская транспортная система. Научный совет при Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания». Проект Интегральной евразийской транспортной системы. – М., 2007.

³ Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации № 1270-р от 24 сентября 2001 г.

являющихся важнейшим фактором интенсивного демографического и экономического развития Сибири, а также обеспечения геополитических интересов Российской Федерации»¹.

На наш взгляд, точка зрения П.П.Мельникова, высказанная почти два века назад, для Российской Федерации, особенно – Сибири и Дальнего Востока, остается актуальной. Здесь железнодорожный транспорт – основополагающий. Это определяется тем, что автотранспорт, который во многих развитых странах выходит на первое место по объемам грузоперевозок, в слабо освоенных российских территориях, такой первостепенной роли играть, по крайней мере, для Сибири и Дальнего Востока, не может. Для их территорий, особенно с экстремальными природно-климатическими условиями, огромной амплитудой колебания температур на протяжении года (поскольку это является особенно неблагоприятным фактором развития автомобильных дорог с асфальтовым покрытием), данная проблема не позволяет в обозримой перспективе сделать именно этот вид транспорта здесь ведущим.

Однако в рамках настоящей статьи, мы не будем говорить о геополитическом значении вышеназванных точек зрения, остановимся на рассмотрении транспортных особенностей регионов Сибири и Дальнего Востока в координатах модернизации России и их влияния на демографический фактор инновационного развития Российской Федерации в начале третьего тысячелетия.

В исторической ретроспективе освоение огромных территорий Сибири и дальнего Востока начались с последней четверти XVI века, когда первый русский отряд под командованием Ермака пересек Уральский хребет, а к 1639 г. русские появляются уже и на берегах Охотского моря. Огромные территории, очень слабо заселенные в то время, с легкостью присоединяются к России, а местное население начинает платить дань пушниной, с чего, собственно говоря, и началось освоение огромных природных ресурсов Сибири и дальнего Востока. Землепроходцы в XVII–XVIII веках, шли за пушниной по северу Сибири, а широкомасштабного сельскохозяйственного заселения до конца XIX века, начала строительства Транссибирской железной дороги, не было. После ее строительства начался наибольший приток населения, который пришелся на начало XX века. В советское время миграционные потоки продолжали предшествующие долгосрочные тенденции: шло заселение Урала, Сибири и Дальнего Востока. Исследование истории развития населения Сибири, начиная с эпохи ее активного освоения в XVII век и до наших дней, «позволило выявить три основных типа формирования населения, в основе выделения которых лежит соотношение источников динамики населения. Оно, в свою очередь, определило темпы его изменения, направление эволюции основных структур (возрастно-половой, этно-региональной, урбанизационной и др.), характер расселения. Так, период с 17 в. характеризуется доминированием миграционного прироста, который определяет: быстрые темпы роста населения, значительные изменения в структуре расселения на территории Сибири и темпах урбанизации, «омоложение» возрастной структуры и «русификацию» этнического состава населения. Иначе выглядит период с 19 в. Он отличается доминированием естественного прироста, который определяет темпы роста населения, незначительно выше, чем в целом по России, а, следовательно, относительную стабилизацию его возрастных, этнических и региональных пропорций. Периоды формирования населения, сменяя друг друга, определяли общую динамику роста населения Сибири на протяжении 17–20 вв. Логика их развития свидетельствует о постепенном переходе от преимущественно внешних (миграционных) к преимущественно внутренним (воспроизводственным) факторам формирования населения Сибири с очевидными последствиями изменения его структур. Все транспортные сети, а железная дорога – особенно, в дореволюционной России играли роль распределительной системы, которая определяла возможности размещения населения по различным районам в соответствии с текущими и стратегическими интересами российского государства»².

В условиях плановой экономики наличие транспортных сетей в определенной мере лимитировало, а следовательно, и фактически определяло возможные направления государственного планирования массовых перемещений населения по территории страны, в основном, с запада на восток. В настоящее время, к сожалению, разгосударствление транспортных сетей, и особенно – железных дорог, ведет к усугублению современных негативных демографических тенденций – естественной убыли населения на территориях, где устойчивый миграционный отток населения отразил неравномерность развала экономики в кризисных социально-экономических условиях. В настоящий момент проблема совершенствования транспортных сетей становится приоритетной. Объясняется это тем, что для страны с такой громадной слабозаселенной территорией, обладающей колоссальными природными ресурсами, большое значение имеет, как бы важным это не было, даже не динамика населения, а его расселение, ухудшение которого часто происходит из-за непродуманных управленческих решений. В этой связи России надо радикально пересмотреть расстановку своих приоритетов, в частности, направить усилия и средства не столько на рост численности населения, сколько на его более рациональное перераспределение по территории. А в связи с модернизацией и инновационным развитием России – эта задача актуализируется еще больше, и, соответственно, роль транспортной составляющей в этом развитии выходит на первый план.

Исторически развитие различных видов транспорта отдельно друг от друга было отчасти вызвано разделением ответственности за определенные виды транспорта внутри государственных структур. Поэтому для создания комплексной транспортной системы необходимо координировать разработку политики на самом высоком государственном уровне. В некоторых странах предпринимаются инициативы по созданию благоприятных условий для такой координации. В числе этих стран можно назвать Таиланд и Сингапур, где единые министерства отвечают за планирование работы всех видов транспорта. В советской России эти вопросы были актуальны. Так, например, еще Г.М. Кржижановский писал, что вопрос об использовании богатств Сибири, об утилизации этих богатств – это даже

¹ Дроздов О.В. Транспортный фактор демографического развития Сибири. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.э.н. – Омск, 2007. – С. 6.

² Там же, с. 7–8.

не вопрос СССР, а вопрос мирового порядка. В Российской Федерации вопрос об объединении ресурсов министерства транспорта и путей сообщения также является весьма актуальным¹.

¹ Гришанова А.Г. Миграционные мосты в Евразии: старые партнеры и новые возможности // Миграционное право. 2012. – № 4. – С. 2–5.

Кузьминых Н.А.

к.э.н., доцент Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета
kashatan@inbox.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ ОБЛИК ТЕРРИТОРИИ

Ключевые слова: инновационное развитие, имидж региона, региональное развитие.

В современных условиях хозяйствования перед органами управления стоит задача недопущения развертывания кризисных явлений в экономике. В режиме введения санкций в отношении России и снижения цен на нефтепродукты выход из сложившейся ситуации видится в активизации инновационной деятельности, в формировании благоприятного инновационного облика территории.

Сегодня часто используются такие понятия как «имидж инновационной территории» и «репутация инновационной территории».

На основе разграничения И.С. Важениной понятий имиджа и репутации территории представим определения «имидж инновационной территории» и «репутация инновационной территории»¹.

Имидж инновационной территории – это набор ощущений и образных, эмоционально окрашенных представлений людей, которые возникают по поводу особенностей инновационного развития данной территории. В первую очередь данные представления складываются на основе информации, поступающей из СМИ. Учитывая это, имидж инновационной территории – это субъективная оценка населения. При этом у каждого человека есть свои принципы и критерии оценки.

В свою очередь репутация инновационной территории – это определенный комплекс социально-экономических отношений, складывающихся между людьми по поводу производства (воспроизводства), распределения и потребления инноваций. Репутация инновационной территории является основой для разрешения противоречия между интересами инновационной деятельности территории и отдельных потребителей инноваций. Репутация инновационной территории выглядит как объективно сложившаяся и подтвержденная практикой совокупность ценностных убеждений и рациональных мнений об инновационной территории, сформировавшихся у людей (человека) на основе полученной достоверной информации об ее инновационном развитии, личного опыта взаимодействия или опосредованных контактов.

В свою очередь, инновационный облик территории формируется на основе статистических данных, материалов Ассоциации инновационных регионов России, различных министерств и ведомств. Так, по данным Института статистических исследований и экономики знаний «Высшей школы экономики» за 2012 год² лидерами рейтинга регионов по уровню инновационного развития стали Москва, Республика Татарстан и Санкт-Петербург. В первую группу наиболее инновационных регионов вошли Нижегородская область, Калужская область, Чувашская Республика, Свердловская область, Томская область, Московская область, Ульяновская область, Пермский край, Новосибирская область. Замыкают рейтинг Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Чеченская Республика.

По данным Росстата в 2013 году ситуация изменяется по ряду показателей. Например, наиболее инновационно-активными территориями по показателю удельного веса организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в 2013 году, в общем числе обследованных организаций Российской Федерации являются Чукотский автономный округ (25,0%), Магаданская область (24,6%), Республика Татарстан (21,0%). Данный показатель по тройке лидеров превышает среднероссийский уровень в 2,5–2,0 раза. При этом данные регионы являются лидерами и в разрезе отдельных видов инноваций. Так, наибольший удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в 2013 году, в общем числе обследованных организаций имеют Чукотский автономный округ (21,4%), Магаданская область (19,6%), Республика Татарстан (18,7%), удельный вес организаций, осуществлявших маркетинговые инновации – Чукотский автономный округ (7,1%), Республика Татарстан (4,6%), Магаданская область (2,9%), удельный вес организаций, осуществлявших организационные инновации – Магаданская область (8,0%), Республика Татарстан (5,7%), Чукотский автономный округ (3,6%). Вместе с тем наблюдается превышение среднероссийского показателя по удельному весу технологических инноваций в 2,4–2,1 раза, по удельному весу маркетинговых инноваций – в 3,7–1,5 раза, по удельному весу организационных инноваций – в 2,8–1,2 раза.

В целом ситуация по ряду показателей складывается таким образом, что прослеживается значительный разрыв между группой лидеров – это единицы, и группой аутсайдеров – это большинство территорий, имеющих значения показателей ниже среднероссийского уровня.

¹ Важенина И. С. Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Екатеринбург, 2008.

² <http://www.hse.ru/primarydata/rir2012>

Вместе с тем для создания благоприятного инновационного облика, необходимо исходить из законов, принципов и подходов, характеризующих особенности управления инновационным развитием. При этом основными законами управления инновационным развитием территории являются¹:

- законы диалектики, раскрывающие сущность явлений, их причинно-следственные связи и показывающие развитие инновационных процессов во времени;
- закон синергии, предполагающий реализацию совокупности ряда мероприятий по управлению инновационным развитием территории как единого целого организма, совместный результат осуществления которых превышает сумму результатов их отдельной реализации различными элементами социально-экономической системы;
- закон информационной упорядоченности, подразумевающий обладание максимально большим объемом информации о состоянии внутренней и внешней среде территории и его структурировании в процессе управления инновационным развитием.

Содержание управления инновационным развитием определяется принципами – стержневыми идеями, которые лежат в основе процесса управления, обусловленными природой органов управления и условиями его осуществления. Как показал анализ экономической литературы, существует множество принципов управления, но универсальный набор отсутствует. В связи с этим предлагается следующая система принципов, среди которых выделяются:

- 1) принцип целеполагания раскрывает четкое формулирование целей инновационного развития и подкрепление механизмами их достижения исходя из инновационных возможностей региона;
- 2) принцип контролируемости подразумевает контроль субъекта управления региональной социально-экономической системой за реализацией программных мероприятий выстраивания эффективных инновационных процессов, использования бюджетных средств;
- 3) принцип межотраслевого взаимодействия характеризует отношения по реализации конкурентных преимуществ региона в рамках объединения организаций различных сфер деятельности в процессе распределения, использования инновационных ресурсов и их преобразования в инновационные товары и услуги;
- 4) принцип эффективности подразумевает получение различного рода эффектов (экономического, социального, экологического, научно-технического и др.) от осуществления инновационной деятельности;
- 5) принцип научности реализует разработку мероприятий и воздействий на основе научных достижений с учетом объективных законов и закономерностей системного управления;
- 6) принцип государственно-частного партнерства подразумевает эффективное взаимодействие органов государственной власти и бизнес-структур, интегрирующих свои усилия в единый инновационный процесс;
- 7) принцип адаптивной ориентации позволяет в постоянно меняющихся внешних и внутренних условиях хозяйствования приспосабливаться к ним;
- 8) принцип инновационного конвейера представляет собой постоянный, систематический процесс генерации новых идей, создания и диффузии инноваций².

Предложенный состав принципов является теоретической основой оценки реального состояния инновационного облика территории, отражает реализацию непрерывных взаимосвязанных действий, основанных на интенсивном внедрении инноваций во все процессы развития, и позволяет обеспечить эффективное использование внутренних и внешних факторов, определяющих эффективность функционирования региона. Данные принципы систематизированы на основе оптимального соотношения, обеспечивая исключение дублирования, являются универсальными.

Современное управление инновационным развитием территории должно опираться на интегрированную совокупность современных научных концептуальных подходов:

- 1) системный подход, подразумевающий использование совокупности методов, которые применяются при исследовании объектов инновационной деятельности в виде системы, что позволяет обеспечить эффективное управление инновационным развитием;
- 2) ресурсно-рыночный подход, базирующийся на положениях теории ресурсного обмена и теории рынка, который отражает использование ресурсов различного рода в процессе формирования и развития рыночной инновационной среды;
- 3) стратегико-маркетинговый подход, предусматривающий ориентацию стратегического характера инновационной деятельности региона на потребителей;
- 4) эволюционно-воспроизводственный подход, раскрывающий непрерывное движение и возобновление инновационного процесса во времени;
- 5) интеграционный подход, обеспечивающий усиление взаимодействия и углубление взаимосвязей между элементами региональной социально-экономической системы, а также с другими социально-экономическими системами;
- 6) комплексный подход, учитывающий различные факторы и условия инновационного развития региона в современной экономике;
- 7) процессно-ситуационный подход, рассматривающий цепь непрерывных взаимосвязанных действий по управлению инновационным развитием региона в определенной ситуации³.

¹ Кузьминых Н.А. Новый взгляд на модель управления инновационным развитием социально-экономической системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. – № 3. – С. 116–123.

² Там же.

³ Там же.

Данные подходы систематизированы согласно их роли в управлении инновационным развитием, охватывая все стороны инновационного процесса. Новым является выделение ресурсно-рыночного и стратегико-маркетингового подходов в связи с развитием рыночных отношений.

Таким образом, можно сделать вывод, что инновационный облик территории представляется как имидж и репутация. В свою очередь, комплексная субъективная и объективная оценка дает нам представление о состоянии инновационного развития региона и позволяет обосновывать ряд мероприятий по созданию благоприятного инновационного облика территории. Так, в ходе исследования обоснованы законы, принципы и подходы к формированию благоприятного облика территории, раскрывающие системный и комплексный характер инновационного развития.

Кундиус В.А.

д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики АПК, директор НИИ экономики и инновационного развития АПК
Алтайского государственного аграрного университета
kundiusv@mail.ru

Ан Е.А.

к.э.н., доцент КазНУ им. аль-Фараби, Казахстан

КЛАСТЕРНАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

В условиях смены парадигмы региональной политики — от поддержки регионов за счёт средств федерального бюджета через различные программы помощи и развития к созданию и поддержанию условий для их саморазвития — возрастает значимость интеграционного взаимодействия территорий. Использование многообразных форм интеграционного взаимодействия экономических систем различного уровня служит важнейшей движущей силой самореализации и развития территорий, наращивания их потенциала и более эффективного использования конкурентных преимуществ. При этом бесспорно, что чем полнее субъекты Федерации и муниципальные образования будут использовать потенциал интеграционного взаимодействия и развития, тем активнее будут происходить процессы адаптации региональной экономики к современным бизнес-стратегиям и, соответственно, возникнут новые возможности для самореализации территорий.

Варианты интеграционного взаимодействия хозяйствующих субъектов различного уровня современные исследователи разделили на две мегаформы: территориальную (межгосударственную, межрегиональную), осуществляемую, преимущественно, по инициативе федеральных, региональных или местных органов власти и управления; и производственную (вертикальную, горизонтальную и др.) интеграцию, осуществляемую по инициативе предприятий и организаций, субъектов предпринимательской деятельности.

Кроме того, появляются различные комбинированные формы сотрудничества, на основе которых экономика получает импульсы как к поддержанию равновесного стабильного состояния, так и к самореализации и саморазвитию.

В современных условиях, по нашему мнению, целесообразна и третья мегаформа интеграционного взаимодействия не только хозяйствующих субъектов, но и инновационных кластеров, субъектов инновационной инфраструктуры, научных и образовательных учреждений в сфере научных исследований, разработок и реализации инновационных проектов, подготовки высококвалифицированных кадров для инновационной экономики.

В условиях цикличности воспроизводственного процесса постоянное совершенствование средств производства, революционные перевороты в технике и технологиях объективно обуславливают изменения в интеллектуальном взаимодействии. Научно-технический прогресс способствует усилению интеграционных процессов не только в производственном кооперировании и торгово-экономическом сотрудничестве хозяйствующих субъектов регионов и стран, но и в научной, образовательной среде, в сферах научных разработок. При этом происходит ускорение выработки новых научных знаний, повышается качество подготовки инновационно-активных и инновационно-восприимчивых кадров без учета территориальных и политических границ.

Объединительный принцип даёт очевидный эффект не столько от «сложения сил», экономических потенциалов участников интеграционного процесса, сколько за счёт синергетического эффекта, возникающего в результате нового качества сотрудничества. Подобный эффект, характеризующийся повышением качества, значимости и ценности нового образования, возникает у любой системы, объединяющей самостоятельных участников, однако величина эффекта во многом определяется уровнем и формой интеграции.

В этом плане стремление регионов к самореализации вполне согласуется с участием их в интеграционных проектах, поскольку при этом собственные конкурентные преимущества можно дополнить конкурентными преимуществами партнёров, укрепив тем самым свои позиции на внешних рынках. Вместе с тем для экономики современной России, как и Казахстана, где целенаправленное регулирование ещё преобладает над рыночным саморегулированием, определяющее значение для результативной реализации потенциала экономической интеграции как на национальном, так и на региональном (муниципальном) уровнях, имеет качество институтов интеграции.

Совместное решение вопросов создания и развития инновационной инфраструктуры обуславливает стабильные причинно-следственные связи, основанные на экономических и социальных интересах, которые в современных условиях не могут быть ограничены рамками отдельно взятого региона или межстрановыми барьерами. При этом формируется реальная основа долгосрочного сотрудничества регионов, формируются «полюса роста» и базис инновационного развития территорий.

Так, по оценкам Ю. Кормнова, Россия без кооперации с другими странами СНГ может производить лишь около 67% прежних объемов продукции, без поставок из России Казахстан может выпускать только 48% прежних объемов продукции, Украина – около 30%, Азербайджан – 15%, Белоруссия – 16%. Разрыв хозяйственных связей обусловил спад производства в странах СНГ примерно на 40–50% [1].

В ходе индустриального развития в рыночной среде создаются новые конкурентные условия, основанные на научно-технических прорывах, – ноу-хау мирового значения. Главные источники стабильного положения страны в глобальном экономическом пространстве основаны на развитии человеческого капитала, интеллекта, способности генерировать инновации. В современных условиях, при обеспечении макро-конкурентоспособности, кроме таких традиционных показателей, как производственные затраты на единицу совокупных затрат труда и капитала, внутренняя ситуация в стране, баланс социальных и политических сил и т.п., большую роль играют и такие факторы, как объем инвестиций в новые технологии, уровень науки и профессионального образования. Достичь реального прогресса в этих сферах более рациональным путем возможно на основе межстранового сотрудничества, прежде всего, на основе потенциалов сопредельных территорий.

Ученые, прогнозируя инновационное развитие мировой экономики в долгосрочной перспективе, предвидят в первой половине XXI века научно-технологический переворот, связанный с переходом от пятого к шестому технологическому укладу, становлением общества знаний и постиндустриального технологического способа производства. При этом возможны два сценария развития: инерционно-рыночный и сценарий инновационного прорыва. Однозначно то, что эти процессы будут происходить в условиях глобализации, формирования единого, дифференцированного по странам и регионам с особым географическим положением социально-экономического и экологического пространства. В этих условиях приоритетным признается развитие исследований в университетах во взаимодействии с научными учреждениями и производством.

Большое значение имеют также региональные проекты в области высоких технологий, в том числе проекты сопредельных территорий дружественных стран, имеющих исторически сложившееся интеграционное взаимодействие, в частности, России и Казахстана.

Модернизация региональной экономики возможна на основе создания региональных зон роста, в которых есть тройной альянс физического, человеческого и социального капиталов. При этом базовой платформой инновационной экономики в современном обществе объективно являются не только наука и образование, но и их альянс с производством.

Следовательно, очередной этап в реализации стратегии инновационного развития экономики и общества – поиск перспективных направлений развития образования и науки на основе их интеграционной связности с экономическими субъектами и пространственной интеграции применительно к трансграничному региону во взаимодействии с сопредельными территориями иностранного государства.

Формирование инновационной экономики в России, без которой невозможно дальнейшее социально-экономическое развитие, является комплексной экономической, социальной и политической задачей, решение которой лежит на пути создания, развития и интеграции региональных зон роста при концентрации в них физического, человеческого и социального капиталов. Инновации неизбежно связаны с инвестициями. Решить проблему инвестиционного обеспечения невозможно одновременно и даже за короткий период времени. Модернизация региональной экономики возможна на основе создания региональных зон роста, в которых наличествует тройной альянс физического, человеческого и социального капиталов.

При этом базовой платформой инновационной экономики в современном обществе объективно являются наука и образование в прямом взаимодействии с практикой. Развитие интеграционного взаимодействия образования, науки и бизнеса обуславливают необходимые политические, нормативно-правовые, экономические и социально-культурные условия. В связи с общностью целей и задач в науке, образовании и практике объективно формируются интеграционные связи в этой сфере между учеными и практиками не только отдельных территорий краев или областей, но и межстрановых, особенно приграничных территорий.

Интеграционная связность науки, образования и производства трансграничных территорий определяется действием экономических законов. Одной из наиболее известных системных закономерностей является закон подобия части и целого, или биогеографический закон. Именно этот закон лежит в основе редукционизма: исследуя часть, можно надеяться понять некоторые закономерности целого. Например, исследуя структурные закономерности организации интегрированного объединения, можно вынести определенные суждения о мегаэкономике. Однако, используя этот закон, следует помнить о том, что подобие не означает идентичность, и для систем справедлива аксиома эмерджентности: целое всегда имеет особые свойства, отсутствующие в его подсистемах.

Следовательно, очередной этап в реализации стратегии инновационного развития экономики и общества – поиск перспективных направлений развития образования и науки на основе их интеграционной связности с экономическими субъектами не только в рамках ограниченного пространства регионов, но и на основе интеграции сопредельных и трансграничных регионов территорий с особым географическим положением.

Россию и Казахстан, особенно их трансграничные территории, объединяют исторически сложившиеся взаимодействия проживающих на этих территориях народов в сфере экономики, науки, образования, культуры. В последние годы казахстанская экономика имела высокие темпы роста. Производство валового внутреннего продукта в стране за последние 10 лет увеличилось в 2,2 раза и превысило уровень 1990 г. на 36,6%. Однако, инновационное развитие не достигло таких же темпов. Доля инновационной продукции в ВВП снизилась в этот период с 1,19 до 0,49%, но заложенный в эти годы инновационный потенциал создает предпосылки для ускорения инновационного развития.

Опыт развитых стран свидетельствует, что прирост ВВП на 75–80% достигается за счет новых знаний, воплощаемых в технике, технологиях, организации производства.

Казахстан в настоящее время характеризуется низкой долей участия на мировом рынке наукоемкой продукции. Как известно, доля страны на мировом рынке наукоемкой продукции является обобщающим показателем эффективности научно-технической и инновационной деятельности.

В этой связи государственная политика правительства Республики Казахстан еще в большей мере должна быть направлена на стимулирование инновационной деятельности экономических субъектов, привлечение инвестиций; определение приоритетов инновационного развития; формирование и развитие инновационной инфраструктуры; участие государства в реализации крупных инновационных проектов; международное сотрудничество в сфере инновационной деятельности.

Конкурентная среда региона характеризуется показателями состояния научно-технического потенциала и инновационной активности предприятий, степени активности рынка инноваций, интеллектуального капитала и технологического обмена. В этой связи проблема и задача общества – формирование инновационной восприимчивости экономики.

В обеспечении процесса инновационного развития важно не только создать необходимые условия для инновационной деятельности и довести РИД до стадии технологического внедрения, обеспечить производство промышленных образцов – важно восприятие их в производстве.

Инновационную восприимчивость производства обеспечивают высококвалифицированные работники, специалисты, менеджеры. Исключительная роль в этом сценарии отводится высшему и профессиональному образованию. В Казахстане рост численности квалифицированных специалистов является в целом положительным, однако динамика кадрового потенциала при сопоставлении ее с экономическим развитием страны недостаточна.

В этой связи реализуется идея нового проекта «Интеллектуальная нация-2020», что предполагает три принципиальных момента: инновационное развитие системы образования, информационную революцию и духовное воспитание молодежи. Это позволит Казахстану стать страной с конкурентоспособным человеческим капиталом.

Таким образом, проблемы развития кадрового научного потенциала в Республике Казахстан во многом созвучны проблемам России и могли бы быть успешно решены в условиях пространственной интеграции науки, образования и производственных систем трансграничных территорий. При этом используется потенциал науки и интеграционных формирований России, деятельности технопарков Казахстана, опыт Казахстана в трансформации технических вузов в инновационные университеты. В частности, перехода на уровневую систему подготовки специалистов, привлечения иностранных инвестиций и иностранного капитала в экономику, научных достижений и инновационных разработок обеих стран, опыт использования Национального инновационного, Венчурного инновационного фонда. Это обеспечивает ускорение развития науки, образования, производственных систем в обеих странах. Результат – достижение конкурентного иммунитета экономик приграничных регионов и стран в целом. Реализация указанных принципов трансформации нашла отражение в инновационной модели «Университет-Технопарк». Особое место в этой модели занимает взаимодействие университетской среды с предпринимательской, которое оказывает значимое воздействие на формирование инновационной модели университета. В качестве организационно-управленческой формы трансграничного взаимодействия нами предложен кластер науки, образования и производства.

Опыт многих стран и отдельных регионов показывает, что одной из наиболее эффективных форм экономического управления являются кластеры. Главная особенность кластера – его инновационная ориентированность. Опыт США по государственной поддержке и стимулированию формирования инновационных кластеров, в частности, Силиконовой долины, показал, что инновационные кластеры могут быть созданы и могут эффективно работать в регионах – там, где высока концентрация взаимосвязанных отраслей. При этом предполагается взаимодействие кластеров, сформированных по отраслевому и технологическому признакам с инновационным отраслевым кластером региона.

В качестве организационной формы инновационного научно-образовательного кластера трансграничных территорий предложен консорциум, который представляет собой добровольное объединение юридических и отчасти физических лиц с целью взаимного сотрудничества при сохранении самостоятельности и юридической независимости входящих в него членов.

Кластер науки, образования и производства территориально объединяет научные, образовательные, маркетинговые, специализированные производственные фирмы, объединения, другие инфраструктурные объекты трансграничных регионов. При этом появляется возможность совместной реализации инновационных проектов и программ, включая инновационное образование, подготовку инновационных активных кадров, динамику цен и объемов регионального производства товаров и услуг.

Организационно-правовая форма кластера науки, образования и производства – некоммерческое партнерство (консорциум), что соответствует казахстанскому и российскому законодательству.

Центральной компанией является Инновационный научно – образовательный центр, в котором работают координационный совет, экспертный совет, группа стратегического инновационного менеджмента, формируются стратегия и механизмы инновационного развития трансграничных территорий.

Экономическая целесообразность создания кластера науки, образования и производства трансграничных территорий – объединение потенциалов и усилий взаимодействующих организаций и предприятий в ускорении реализации стратегии инновационного развития экономики, создание объединенной опытно-экспериментальной базы университетов, НИИ, производственных систем, проведение совместных исследований и использование результатов научных разработок, интеллектуального потенциала, результатов инновационной деятельности, инфраструктуры, экономия транзакционных издержек.

Значимой составляющей стратегии развития кластера науки, образования и производства трансграничных территорий становится взаимодействие с Инновационным кластером в Казахском национальном университете им. Аль-Фараби. Основная задача кластера – практическая реализация инновационных разработок ученых, поддержка дальнейших исследований и трансграничных проектов. В частности, инновационных проектов, которые целесообразно реализовать как трансграничные: «Производство борсодержащего полимерного фосфорного удобрения ФОСКАБОР», «Разработка и внедрение экологически безопасной технологии переработки органической фракции твердых бытовых отходов», «Создание биотехнологического комплекса «Вермикюльтура» для переработки отходов сельскохозяйственного производства с целью получения высококачественных кормовых добавок и биогумуса» и других.

Реализация этих проектов в кластере науки, образования и производства трансграничных территорий будет иметь важное народнохозяйственное значение как для Республики Казахстан, так и для Российской Федерации, прежде всего – для экономики приграничных территорий ВКО и Алтайского края.

Целесообразно совместное использование Бизнес-инкубатора инновационного кластера субъектами кластера науки, образования и производства трансграничных территорий. Бизнес-инкубатор является структурной составляющей комплекса, обеспечивающей управление инновационными процессами. Планируется, что в здании будет трудоустроено не менее 100 чел., разделенных по функциональным обязанностям на 8 департаментов, в том числе: управляющая дирекция Инновационного кластера; финансовый департамент; департамент бухгалтерского учета и аудита; патентный и юридический отдел; маркетинговый отдел; департамент закупок и снабжения; департамент человеческих ресурсов; административный департамент.

В здании Технопарка инновационного кластера будет проводиться разработка и доведение инновационного процесса до опытного освоения. В Технопарке будут проводить научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы как минимум 9 подразделений по 25 перспективным инновационным проектам. Стоит отметить, что в перспективе количество подразделений и, соответственно, количество реализуемых инновационных проектов могут возрасти многократно. В Производственном центре инновационного кластера в основном будет расположено производственное оборудование. Важно отметить, что идея включения Производственного центра в Комплекс основывалась на необходимости производства инновационной продукции в ограниченном количестве с целью испытания опытных образцов и предоставления их производственным компаниям – потенциальным партнерам.

Системный подход к проблеме инновационного развития территорий, прежде всего его базиса – пространственной интеграции науки, образования, производства – предполагает разработку адекватного организационно-экономического механизма, методов и инструментов воздействия на эти процессы.

Организационно-экономический механизм пространственной интеграции науки, образования и производства региона представляет собой комплекс конкретных форм и методов управления, с помощью которых реализуются стратегии, и обеспечивается процесс инновационного социально-экономического развития территорий.

Разработка экономического механизма развития кластера науки, образования и производства трансграничного региона с позиций системного подхода и стратегического менеджмента предполагает построение блок-схемы дерева целей, которое строится по иерархическому принципу с распределением по степени важности совокупности экономических задач, по уровням (ветвям дерева).

Вершина дерева целей – генеральная цель. Ей подчинены подцели первого, второго, третьего и других уровней.

В частности, в данном случае генеральная цель – обеспечение социально-экономического развития регионов на основе формирования базиса инновационной активности экономических субъектов.

Подцелями первого уровня являются организация и поддержка фундаментальных исследований, второго уровня – проведение совместных прикладных исследований, третьего уровня – организация инновационных разработок, опытных производств. Подцели четвертого уровня – организация производства новой техники во взаимосвязи с инновационными технологиями, пятого – обеспечение применения новой техники и технологий в производстве качественно новых продукции и услуг, которые в свою очередь предполагают достижение экономического, экологического и социального равновесия, достижение целей информационного обеспечения, создание рынков и рыночной инфраструктуры (подцели седьмого уровня). Подцели восьмого уровня предполагают решение проблем и достижение подцелей девятого уровня, затем – решение проблем следующего уровня и т.д. Каждому подуровню целей соответствуют адекватные механизмы. Построение дерева целей завершается разработкой стратегических и тактических планов, прогнозов, конкретных управленческих решений.

На каждой стадии (подсистеме) осуществляется оценка разработок по соответствующим показателям, характеризующим процессы развития научного потенциала, освоение новой техники и технологий.

Конкурентная среда региона характеризуется показателями состояния научно-технического потенциала и инновационной активности предприятий, технологического обмена; сложившихся форм интеграции и кооперации экономических субъектов. Однако без соответствующего изменения макроэкономических механизмов, необходимых политических решений в стране в целом, и в регионах в частности, повышение их конкурентоспособности и инновационной активности представляется маловероятным.

В создании инновационной экономики важная роль принадлежит государству, которое не только проводит инновационную политику, но и осуществляет экономическое регулирование инновационных процессов. Финансирование инновационных программ и инвестиционных проектов может полностью осуществляться государством либо на основе софинансирования, а также посредством венчурных компаний, объединений, крупного бизнеса, создания лизинговых фондов и др. При этом государство определяет приоритеты в инновационной деятельности; перспективных производствах, определяя виды продукции и услуг, которые становятся предметом государственного заказа, координирует стратегическое планирование, разработку и выполнение государственных программ, стимулирует участие ча-

стного капитала в инновационных проектах, организует экспертизу инновационных проектов и программ, создание и развитие инновационной инфраструктуры.

Действенные механизмы интеграционных процессов формируются в инновационных кластерах науки, образования и производства. Процесс интеграционной связности требует управления им. Основная управленческая идея – процессный подход – состоит в том, что предприятия рассматриваются не только как совокупность структурных подразделений, но и как совокупность бизнес-процессов, причем грани между подразделениями не принимаются во внимание. Другой формой, требующей большей юридической проработки, является создание представительства объединенных в кластер экономических субъектов и определение его функций – таких, как мониторинг рынка, в том числе рынка инноваций, продвижение научных и инновационных разработок, новой продукции и услуг, рекламы и т.п. (рис. 1).

В целом организационно-экономический механизм реализации стратегии интеграционной связности науки, образования и производства включает в себя правовое, организационное, финансовое, научное, кадровое и информационное обеспечение, а также мониторинг.

В научно-образовательный кластер может входить любое количество участников на гибких условиях построения взаимоотношений между ними. Такое сотрудничество взаимовыгодно для всех сторон: вкладчики финансовых ресурсов экономят на налогах и получают прибыль от вложенного капитала; финансируемое предприятие получает «живые» деньги без волокиты, как в случаях выпуска акций и получения кредита, государство имеет социальный и экономический эффект.

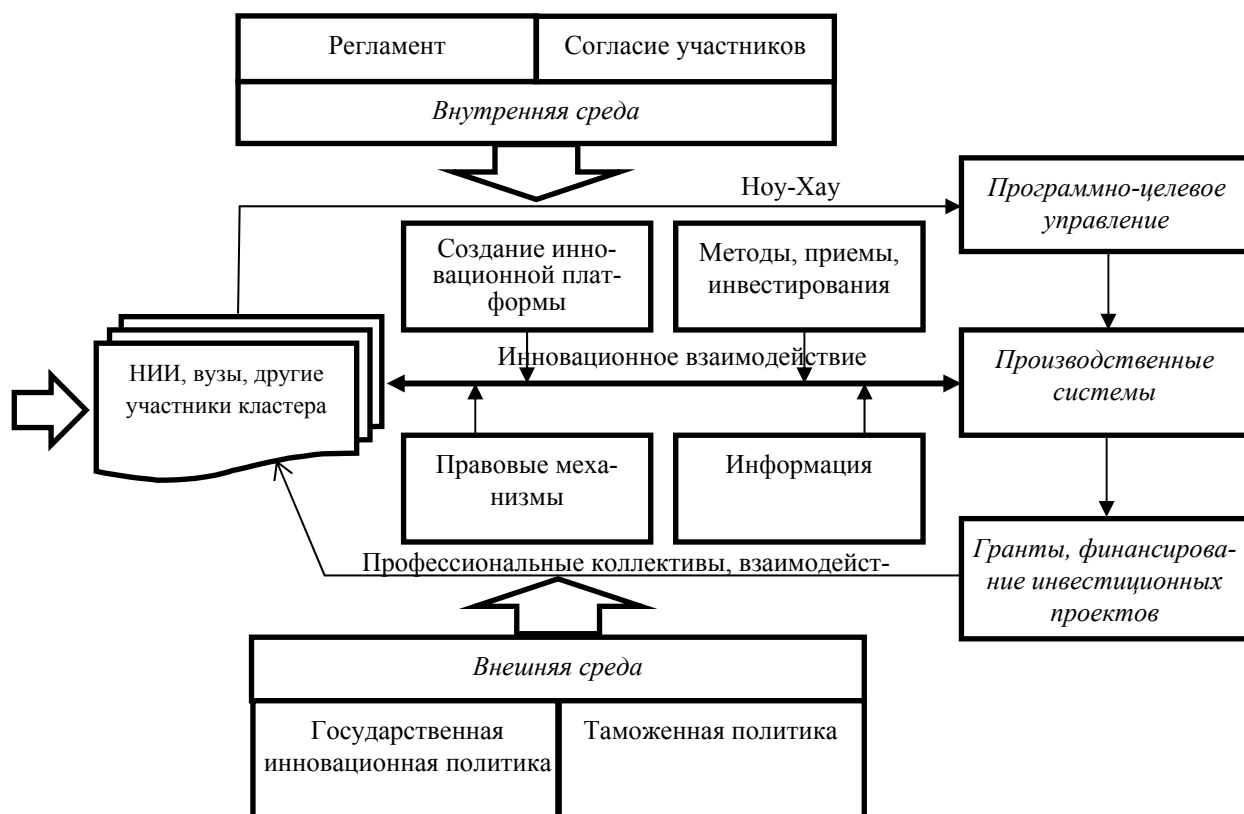

Рисунок 1.
Механизм взаимосвязи университетов и предприятий

Зачастую инициаторами и главными участниками научно-исследовательских партнерств оказываются сами инновационные предприятия, осваивающие новую технологию или создающие новый продукт. Финансирование в таких случаях, как правило, необходимо для завершения внедренческой стадии и часто может исходить от основателей и сотрудников партнерства.

Распространение научно-исследовательских партнерств в развитых странах мира объясняется использованием широкого спектра элементов финансовой системы – традиционных кредитных инструментов, венчурного капитала, программно-целевых субсидий и т.д. Перспективным является использование франчайзинга во взаимодействии субъектов научно-образовательного кластера, когда имеют место комплексы исключительных прав, включая товарный знак, имущественный или технологический комплекс, патенты, ноу-хау и иные успешные формы ведения бизнеса. По данным статистики, предприятия, диверсифицируемые посредством франчайзинга, в меньшей степени подвержены банкротству нежели создаваемые самостоятельно, без достаточного опыта, в новых условиях хозяйствования.

Список литературы

1. Кормнов Ю. Кооперация как фактор преодоления кризиса // Экономист. – М., 1999. – № 7. – С. 33.
2. Портер М. Конкуренция: Пер. с англ. – М.: Вильямс, 2000. – 495 с.
3. www.raexpert.ru – официальный Интернет – сайт рейтингового агентства «Эксперт-РА».

Лапин Н.И.

д. филос. н., член-корреспондент РАН, гл. н. с., руководитель центра Института философии РАН, советник РАН

Беляева Л.А.

д. соц. н., гл. н. с. Института философии РАН

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ДИСТАНЦИИ МЕЖДУ СОСТОЯНИЯМИ МОДЕРНИЗИРОВАННОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ РОССИИ

Ключевые слова: модернизация, социокультурное пространство, миграция, демографические ресурсы, нематериальный капитал, устойчивость дистанций модернизированности, модернизационные кластеры, интегрирующая модернизация.

Прогресс общества, а в случае современной России – его модернизация, зависят от способности дать адекватный ответ на вызовы внешней среды и вызовы внутренние. Оставим в стороне геополитические вызовы внешнего характера, связанные с положением России в мире, отношениями со странами и международными организациями, сосредоточив свое внимание на внутренних вызовах. Хотя задачи модернизации возникают, как правило, в истории России систематически как реакция на вызов Запада, (а теперь и Востока), на внешние угрозы и обстоятельства конкуренции в эффективности развития. Они играют обычно более важную роль, чем внутренние вызовы, побуждающие к социально-экономическим и политическим преобразованиям.

Внутренние вызовы, которые будут предметом рассмотрения в статье, можно условно разделить на три группы: вызовы, рождаемые природной средой; вызовы, определяемые демографическими проблемами и вызовы, исходящие из состояния нематериального капитала общества.

Пространство России: препятствие или стимул модернизации?

Модернизация российского общества требует всемерного учета его пространственных характеристик. Россия одна из немногих «больших стран», в которых пространство обуславливает многие процессы экономического и социокультурного развития. Длительное время Россия расширяла и осваивала пространство и это способствовало ее развитию. Сегодня пространственное расширение уже не может в такой же степени стимулировать развитие страны, центр внимания должен переноситься на внутреннее состояние территорий. Стоят задачи обустроить имеющееся пространство для его гармонического, сбалансированного развития и более комфортной и благополучной жизни населения.

Большой размер страны оказывает как негативное, так и позитивное влияние на ее развитие. С одной стороны, протяженность территории России дает значительные природные ресурсы во всем их разнообразии, но с другой, богатство этих ресурсов рождает соблазн использовать данное природой физическое богатство в ущерб производству и наращиванию других – рукотворных видов богатств и нефизических ресурсов – человеческих, культурных, социальных, для решения государственных задач и повышения благосостояния населения. По данным исследования, проведенного Всемирным банком, в России природных богатств в расчете на душу населения в 2 раза больше, чем в США, но существует значительное отставание по созданному человеком богатству (предприятия, дороги, школы, больницы и т.д.) – от США отставание составляет более 5 раз. Еще больше разрыв в уровне нематериальных ресурсов общества, которые характеризуют уровень и качество образования, медицинской помощи, эффективность институтов, предназначенных для управления, предоставления государственных услуг и регулирования предпринимательской деятельности: он составляет 26 раз по сравнению с США¹.

В России переключение с эксплуатации природных ресурсов на высокотехнологичные производства и информационные технологии, вступление в конкурентные отношения с развитыми странами мира по этим показателям – постоянно обсуждаемая проблема и поставленная руководством страны задача, но она не получает пока удовлетворительного решения. В других странах мира, также обладающих огромными природными ресурсами – Канаде, Австралии, Чили, Норвегии, смогли использовать доходы от них на развитие других секторов экономики, в том числе на развитие институтов и социальной сферы – здравоохранения, образования, а также частного предпринимательства.

Важной пространственной социокультурной характеристикой России, обуславливающей сложности ее модернизации, является ее асимметричная этнотерриториальная конструкция, когда одновременно существует этнокультурная гомогенность и гетерогенность². Русские составляют в России государствообразующую основу, включая более

¹ The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium, Environmental and development, World Bank, 2011. – P. 179, 181. – worldbank.org

² Туровский Р.Ф. Бремя пространства как политическая проблема России // Логос. 2005. – № 1. – С. 127–128.

80% всего населения страны. В большинстве ФО и также в большинстве субъектов федерации (82 региона из 88) русские составляют от более 50 до 95% населения. С другой стороны, в составе России даже после распада СССР остались крайне разнородные периферии и даже ядра (в случае народов Севера) различных культурных миров Евразии. Сохранились небольшие этнические ареалы вдоль границ (Северный Кавказ, Южная Сибирь, Север). Наличие сложной системы этнических периферий заставляет Россию учитывать национальный фактор в своей региональной политике. Последняя, в свою очередь, оказывается в прямой и очень сильной зависимости от уровня местного национализма, от исторических противоречий между русскими и другими народами, от амбиций национальных элит и т.п.¹ Асимметричность этнотерриториальной конструкции пространства оказывает свое влияние и на процессы модернизации регионов. Вследствие невозможности одновременного развития модернизации во всех регионах в силу ограниченности ресурсов и в условиях зависимости регионов от Центра, недостаточной четкой артикуляции местными элитами интересов периферийных регионов, этнические окраины исторически заметно отстают в уровне модернизации от других регионов. Модернизационное развитие страны оказывается также асимметричным.

Массовые перемещения населения и модернизация

Влияние на социокультурную модернизацию пространственного фактора и ограниченность ресурсов обусловили характер локализации точек развития на территории страны, которыми стали почти везде центры регионов и крупные города. В их ряду такие исключительные территории развития как Москва и столичная область, а также Санкт-Петербург и Ленинградская область. Их притяжение для инвестиций, для молодых образованных жителей всей России усиливает эффект асимметричного строения пространства. Сейчас более 86% валового регионального продукта производится в пяти ФО Европейской части страны и здесь же обитает 73,6% населения². В настоящее время впервые в истории России наблюдается процесс стягивания населения с Севера и Востока к наиболее заселенному европейскому Центру, остальная территория все более обретает статус периферии. Происходит снижение плотности населения на больших пространствах Востока и Севера, что препятствует модернизации этих регионов. Здесь присутствует так называемое «очаговое» расселение, концентрирующееся вокруг природных баз ресурсов, объектов инфраструктуры.

Росту плотности населения восточных и северных регионов препятствует депопуляция и межрегиональная миграция. В Центральном и Северо-Западном округах в последние годы замечен прирост населения, в Южном и Уральском округах прирост снизился, а в остальных округах – Северо-Кавказском, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном наблюдаются отрицательные показатели миграционного прироста.

Внутри каждого федерального округа большие показатели миграционного прироста показывают регионы с более высоким уровнем модернизации. Так, в Центральном округе это Московская область (коэффициент миграционного прироста 157), Москва (коэффициент 89); в Северо-Западном округе Ленинградская область (156) и Санкт-Петербург (148); в Южном округе – Краснодарский край (87); в Приволжском Федеральном округе – Нижегородская (21) и Самарская (16) области; в Уральском округе – Тюменская область (59) и Ханты-Мансийский автономный округ (32); в Сибирском округе Новосибирская (80) и Томская (45) области; в Дальневосточном округе все регионы показывают отрицательный прирост, максимальный отрицательный показатель в Магаданской области (–137). Другой тренд миграции в России – в направлении из сельской местности в города. Во всех округах кроме Центрального коэффициент миграционного прироста сельского населения отрицательный. В ЦФО в половине регионов положительные значения коэффициентов миграции в сельской местности, и самый большой был в 2011 г. у Московской области (163). Привлекательность столичной агломерации для мигрантов как внутренних, так и внешних объясняется возможностями найти работу и заработок на развивающихся территориях, в том числе в столице.

Свою лепту в изменение численности населения округов вносит и международная трудовая миграция, в основном из стран СНГ. В течение последних лет Россия принимает в год до 600 000 мигрантов, их общее число достигает, по разным оценкам, от 7 до 12 млн. человек, т.е. от 5 до 8% населения страны. Формированию поликультурного общества препятствует существенное различие религиозных и культурных традиций большинства принимающего населения и иммигрантов. Необходимо разрабатывать стратегию адаптации их к жизни в России, укоренения их в стране. При этом важно избегать возникновения гетто в крупных городах, где взаимоотношения мигрантов с коренными жителями, особенно с молодежью – одна из острейших проблем, нельзя также допускать доминирования иммигрантских общин в небольших населенных пунктах. Необходима внятная миграционная политика, регулирующая поток мигрантов и исключающая нелегальную миграцию, важно адаптировать мигрантов к жизни в России, в том числе с использованием их социокультурных ресурсов.

Свою негативную роль на развертывание модернизации в России оказывает эмиграция последних 20-ти лет. Она слабо изучена – ее масштабы, качественный состав, географические направления оцениваются весьма приблизительно. Но можно констатировать, что эта миграция в основном не имеет экономических мотивов, по крайней мере, этот мотив не является сегодня ведущим. Эмигрируют в основном представители среднего класса с хорошим образованием – от студентов до крупных ученых и артистов. По некоторым оценкам, выехало из страны около 2 млн. человек. Согласно социологическим данным, потенциал миграции из России вырос за последние 10 лет, достигнув 13%

¹ Туровский Р.Ф. Российское и европейское пространства: культурно-географический подход // Известия РАН. Серия географическая. – М., 1993. – № 2. – С 116–122.

² http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

населения, еще 35% готовы уехать за рубеж на заработки¹. Россия заняла на всемирном рынке место поставщика материальных ресурсов и образованных представителей среднего класса, одновременно продолжая двигаться в направлении деиндустриализации экономики и снижения качества человеческого капитала.

Демографические проблемы и человеческий капитал в России

Существенным вызовом для модернизации страны является состояние демографических проблем, необходимость осознания их сложности и возможностей регулирования со стороны общества. Времена, когда можно было делать ставку на безграничные людские ресурсы России, безвозвратно ушли в прошлое. Современная модернизация, с учетом огромности пространства страны, возможна только при сбережении «человеческого капитала» и его наращивании.

Россия с некоторым запаздыванием по сравнению в Европой продолжает находиться в так называемом демографическом переходе, – переходе от многовекового равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. За последние 20 лет было достигнуто равновесие между численностью родившихся и численностью умерших при низких показателях рождений (13,3 на 1000 человек населения), например по сравнению с 1960 г. (23,2)². В результате в 2012 г. естественный прирост практически был нулевым. Наиболее важный показатель – снизившийся коэффициент младенческой смертности – более чем в 2 раза по сравнению с 1992 г., достигший в 2012 г. 8,6. Это приблизило Россию к европейским странам (здесь коэффициент младенческой смертности менее 5).

В 2013 г., по предварительным данным Статкомитета, в России впервые с 1992 г. зафиксирован прирост населения, когда число зарегистрированных рождений было на 22 тыс. больше, чем зарегистрированных смертей. Оценки таких данных различные – от оптимистических до пессимистических. По мнению некоторых демографов, прирост в 2013 году скорее случаен, чем закономерен: самым мощным фактором, который привел к снижению числа смертей в России в 2013 году, является возрастная структура населения – сейчас в возрастах максимальной смертности находится самое малочисленное население в стране.

Неустойчивость роста численности населения, его зависимость от внешней миграции (в основном это низкоквалифицированные работники) заставляет признать, что демографические проблемы выходят на первый план в развитии страны по пути индустриализации и модернизации. По прогнозам, численность экономически активного населения с высоким уровнем человеческого капитала будет относительно снижаться, что будет ограничивать возможности экономического роста и модернизации. Уже сейчас фиксируется снижение индекса человеческого развития в России по сравнению с другими странами мира с 0,802 до 0,788 (2012 г.)³.

При разработке долгосрочных стратегий развития необходимо принимать во внимание напряженность с демографическими ресурсами, их явный дефицит, который будет только усиливаться. По среднему варианту прогноза Госкомстата, население России с 2014 по 2030 г. уменьшится на 1 млн. 942 тыс. человек, при этом сократится численность трудоспособного населения с 59,3 до 54,6% от общей численности населения, что соответственно повысит коэффициент демографической нагрузки с 688 до, например, 831 человека нетрудоспособных на 1000 человек трудоспособных. При этом одновременно прогнозируется снижение естественного прироста до –4,6 на 1000 человек. Основным сглаживающим фактором депопуляции останется миграция. Россия сталкивается с необходимостью учитывать все отмеченные тенденции демографического перехода и в то же время стоит перед вызовами своего огромного пространства, требующего объективно большего числа жителей. Эта проблема еще более актуализируется, если учесть что депопуляция в регионах идет, как правило, параллельно с социально-экономической стагнацией, когда недостаток свободных и подготовленных трудовых ресурсов останавливает реализацию масштабных проектов⁴. Недостаток демографических ресурсов актуализирует переход от сырьевой к наукоемкой высокотехнологичной модели развития. Для такой модели необходимо развитие нематериального капитала общества.

Нематериальный капитал – главный ресурс модернизации

Нематериальный капитал – это комплекс долгосрочных ресурсов развития общества/предприятия/индивида, воплощенных в объектах, не имеющих физического, материального существования. При широком подходе в составе нематериального капитала можно выделить человеческий, культурный, социальный и символический капиталы. Их отличительная особенность – тесная взаимосвязь и взаимообусловленность. Например, при развитых человеческом и культурном капиталах в России отдача от них значительно ниже, чем в других странах с близкими показателями. Препятствия создают институты и особенности социального капитала в стране. Социальный капитал – наименее исследованный элемент нематериального капитала общества в силу его латентности и даже трудной уловимости для исследования. Он воплощается в социальных сетях, нормах поведения, поддержках и кооперациях ради получения

¹ Доклад «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике» / Под ред. академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. – М., 2013. – С. 33. – <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=4f0a07fe-8853-4eda-9428-574f5fcf0654>

² Демографический ежегодник. 2013. – http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm

³ Доклад о человеческом развитии. 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. – N.Y., 2013. – С. 15.

⁴ Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской федерации: междисциплинарный синтез. – М.: Медиа-пресс, 2013. – С. 558–559.

взаимной выгоды. Социальный капитал существует и функционирует на микроуровне (индивид, малая группа, семья), мезоуровне (предприятия, организации) и макроуровне (общество).

На макроуровне – уровне всего общества или больших территориальных образований – социальный капитал может возникать в результате высокой степени идентификации людей с этой общностью – как взаимная поддержка, солидарность, взаимопомощь, организация взаимных действий. В современной России наблюдается активизация акций поддержки, прежде всего в ситуациях чрезвычайных, когда требуется помощь в экстренных, катастрофических случаях. Но в повседневной жизни последние десятилетия отмечены ослаблением социальных и человеческих связей, изменениями в самоидентификации людей. Это неизбежное следствие радикальных изменений экономических и политических структур, кризисов развития, особенностей социальной политики государства. Более всего настораживает в самоидентификации значительная утрата чувства близости со своими соотечественниками. По данным мониторинга ЦИСИ Института философии РАН (руководитель мониторинга Н.И. Лапин), всего за 4 года – с 2006 по 2010 на 16% сократилось число тех, кто ощущает близость с жителями России. Таких людей теперь менее 40%. Еще меньше их в группах с высшим образованием, среди жителей больших городов, Москвы и в возрастной группе 25–35 лет.

Ядром социального капитала в обществе является доверие. Компаративистский анализ социального доверия по данным Европейского социального исследования (ESS) показал, что среди 23 европейских стран Россия занимает только 16-е место с индексом 4,47 по 10-балльной шкале (рис. 1). Доверие, отсутствие напряжения в ментальных и психологических состояниях по поводу социального окружения и взаимодействия с институтами общества служит необходимым социальным фоном, чтобы низкоресурсные группы не чувствовали себя маргиналами, а образованные и активные не стремились покинуть Россию, могли использовать способности и знания в своей стране.

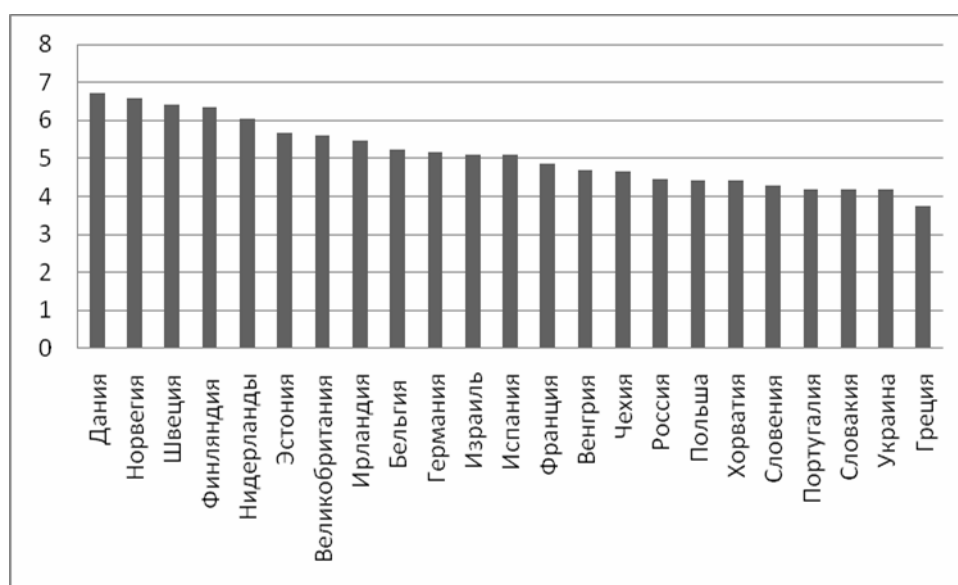

Рисунок 1.
Индекс доверия ESS-2010
(средний балл по 10-балльной шкале по трем вопросам о доверии между людьми)

Сравнение России и стран, участвовавших в ESS, показало, что в России один из самых низких уровней доверия судебной-правовой системе, очень низкий – полиции, вообще широко распространено недоверие к окружающим людям. По всем этим показателям Россия находится в последней пятерке стран, участвовавших в исследовании. Кроме того в России высок уровень коррупции, в частности индекс взяточничества со стороны полиции уступает только одной стране – Украине.

Можно констатировать, что коррупционные отношения являются *системным элементом в экономике и социальной сфере в России*, превратились в социальный институт, утверждающий в обществе неформальные правила взаимодействия. Надеяться на ее искоренение и даже сокращение было бы иллюзией, особенно в свете расширения государственного регулирования во всех сферах жизни.

Состояние социального капитала, требующий своего совершенствования человеческий капитал, особенности политического режима в стране активно влияют на отношение населения к демократическому устройству общества (рис. 2).

Оказалось, что населением России важность жизни в стране с демократической формой правления была оценена ниже, чем во всех странах Европы, на уровне 6,56 баллов по 10-ти балльной шкале. Но и при оценке реальной демократии в своей стране российское население также дало одну из самых низких оценок среди всех стран – 4,40 балла. Здесь Россия уступила только Болгарии (4,05 балла). Такое мнение населения заслуживает самого пристального внимания – это не просто разочарование в демократическом пути развития для России, а как бы итоговая оценка развития последних двух десятилетий, когда были дискредитированы сами демократические преобразования и население признало, что оно само не в состоянии заботиться самостоятельно о своем благополучии, а больше надеется на государство, на его ресурсы. По данным статистики, сейчас происходит увеличение доли населения, которое наряду с чиновничеством зависит от распределения бюджета и социальных выплат, при сокращении у населения доходов от бизнеса. Это создает социальную базу для отказа от модернизационной модели развития.

Рисунок 2.
Оценка демократии в странах Европы. ESS-2012 (по 10-ти балльной шкале)

Общества с развитым социальным капиталом, включающим высокий уровень доверия, сильную гражданскую идентичность, приверженные демократии, имеют более благоприятные возможности для модернизации, особенно современной – информационной. Можно предполагать, что состояние социального капитала оказывает влияние на уровень модернизированности российских регионов.

Дистанции между состояниями модернизированности макрорегионов как субцивилизационными пространствами

Анализ процессов социоэкономической модернизации убеждает, что не только между субъектами РФ, но и между федеральными округами как макрорегиональными сообществами **устойчиво сохраняются значительные дистанции** между состояниями их модернизированности, что провоцирует риски, опасные для целостности Российской Федерации¹.

Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют, что в 2000-2010 гг. **повысилась** **качество** состояний (типов) модернизированности семи из восьми федеральных округов. Однако, по сути, за этот период **лишь модифицировалась** **прежняя иерархия модернизированности федеральных округов** и **увеличилась дистанция между некоторыми из них**. Южный и Северо-Кавказский ФО остались в низких состояниях (тип 2); вновь на одну ступень выше их оказались Приволжский, Сибирский и Дальневосточный ФО (тип 3); но все эти 5 ФО остались **на стадии первичной модернизации**. Вместе с тем, теперь уже не один, а три ФО **оказались на стадии вторичной модернизации** (не только Северо-Западный, но также Центральный и Уральский ФО, которые поднялись сразу на две ступени – соответственно, в типы 5 и 4); при этом Центральный ФО вышел на один уровень с Северо-Западным ФО, а Уральский ФО по-прежнему отстает от них, но дистанцировался от Сибирского и Дальневосточного округов (он поднялся в тип 4, а два зауральских округа – лишь в тип 3).

Заметим, что дело не просто в неравномерности модернизации в различных регионах. Она наблюдается во всех странах мира. Более существенно **сохранение иерархии дистанций** между состояниями модернизированности регионов, даже в условиях их позитивной динамики – прежде всего, на уровне регионов, а обобщенно – и на уровне федеральных округов России. Анализ данных позволил выделить **четыре модернизационных кластера федеральных округов России**, которые различаются состояниями модернизированности и векторами эволюции этих состояний (см. табл. 1).

Прежде всего, это два кластера макрорегионов, находящихся на **первичной стадии модернизации**. **(1) Низкий кластер** образуют Южный и Северо-Кавказский округа: их характеризует заторможенное, сравнительно поздно начавшееся повышение состояний первичной модернизации, лимитированное фазами роста или перехода к зрелости. **(2) Средний кластер** составляют Приволжский, Сибирский и Дальневосточный округа, которые, с некоторым запаздыванием, все же достигли третьей фазы первичной модернизации – фазы зрелости, но не преодолели барьера завершающей, четвертой ее фазы – фазы перехода к вторичной модернизации.

¹ Состояние модернизированности федеральных округов России оценивается по методике профессора Хэ, руководителя Центра исследований модернизации Академии наук Китая. В этой методике используются оценочные индикаторы, предложенные американским профессором А.Инкелесом, и данные международной статистики.

Состояния модернизированности и модернизационные кластеры федеральных округов России*

Стадии модернизации, федеральные округа	Векторы динамики (2000–2010 гг.)	Уровни ИИСБ, 2010 г.	Характер отклонений составляющих от ИИМ, 2010 г.
ВТОРИЧНАЯ (ИНФОРМАЦИОННАЯ) СТАДИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ (ВМ)			
(4) Высокий модернизационный кластер			
Северо-Западный	Устойчивость ВМ (тип 5, фаза роста)	С	Опережают социальная и когнитивная составляющие
Центральный	Переход к ВМ (к типу 5, фаза роста)	В	Опережают социальная и когнитивная составляющие.
РОССИЯ	Переход к ВМ (к типу 5; фаза роста)	ВС	Опережает социальная составляющая
(3) Выше среднего модернизационный кластер			
Уральский	Переход к ВМ (к типу 4; фаза начала)	НС	Опережает социальная составляющая
ПЕРВИЧНАЯ (ИНДУСТРИАЛЬНАЯ) СТАДИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ (ПМ)			
(2) Средний модернизационный кластер			
Приволжский	Повышение ПМ (к типу 3; фаза зрелости)	НС	Опережает социальная составляющая
Сибирский	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, фаза зрелости)	НС	Отстают экономическая и когнитивная составляющие
Дальневосточный	Заторможенное повышение ПМ (к типу 3, фаза зрелости)	НС	Отстает когнитивная составляющая
(1) Низкий модернизационный кластер			
Южный	Заторможенное повышение ПМ (к типам 2, 3, фазы роста и зрелости)	НС	Отстают экономическая и когнитивная составляющие
Северо-Кавказский	Заторможенное повышение ПМ (к типу 2, фаза роста)	Н	Отстают экономическая и когнитивная составляющие

* *Обозначения, источник.* ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ. ИИМ – интегрированный индекс модернизации; он включает три субиндекса, или три составляющие модернизации: экономическая; социальная; когнитивная или знаниевая. фиксировано положение субиндексов относительно значений ИИМ: «опережает (выше)» или отстает («ниже»). Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. Федеральные округа расположены аналогично хронологической нумерации двух стадий модернизации, снизу вверх: от хронологически ранних, начальных значений типов модернизированности к более поздним значениям, с более развитым их содержанием. Если динамика состояний повышающая, в правом столбце отмечены опережающие составляющие (выше ИИМ), а если динамика не повышающая или заторможенная, то отмечены отстающие составляющие (ниже ИИМ). Таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).

Еще два кластера образуют макрорегионы, вступившие во **вторичную стадию модернизации**. (3) Модернизационный кластер **выше среднего** представляет один федеральный округ – Уральский. Благодаря нефти и газу автономных округов Тюменской области (ХМАО и ЯНАО) и промышленности Свердловской области он уже к 2005 г. вошел в стадию вторичной модернизации и сохранил эту позицию к 2010 г. (4) **Высокий кластер** образуют Северо-Западный и Центральный федеральные округа, которые во многом благодаря своим столицам уже в 2000 и 2005 гг. вошли во **вторичную стадию социоэкономической модернизации** и находятся в фазах ее начала и роста.

Наличие макрорегионов, а в их составе – регионов, существенно различающихся по состояниям модернизированности, чревато социально-политическими рисками. Особенно чувствительны и рискоопасны такие ситуации для **приграничных субъектов** Российской Федерации. Напомним, что в Российской Федерации 28 ее субъектов – приграничные.

Социоэкономические и социокультурные различия между территориями служат почвой для активизации национал-сепаратистских настроений. Эти настроения, особенно если их носители финансируются извне, образуют мобилизационный потенциал для становления идеологических платформ и лозунгов, которые с помощью информационных технологий используются для рекрутирования активистов социально-политических групп и движений, вынашивающих планы отделения тех или иных регионов от России.

Однако достаточно ли интерпретировать выявленные различия между модернизированностью макрорегионов только в рамках процессов модернизации? Не таятся ли за ними более глубокие социокультурные основания, имеющие цивилизационный характер?

Социокультурное пространство России многомерно. В процессе его формирования как целостной цивилизации происходит его структурирование на многомерные субцивилизационные пространства с нечеткими границами. Недавно созданные федеральные округа как административно-управленческие структуры, при всей ограниченности их функций задачами вертикали власти, способствуют консолидации их регионов в субцивилизационные образования.

Предварительно можно выделить три преимущественно русские, православные субцивилизационные пространства: Русско-Европейское (в целом три федеральных округа: Центральный, Северо-Западный, Южный); Уральское; Сибирское. В целом они культурно и социально однородны, в некоторых случаях могут включать инокультурные регионы; вместе с тем, они существенно различаются природными ресурсами и климатическими условиями, находятся в разных стадиях (или фазах) социоэкономической и социокультурной модернизации (развития) – это *эволюционно-стадиальные субцивилизационные пространства*; в 2012 г. их население составляло 68,2% от общей численности населения России.

Так же предварительно можно выделить три сложно-устроенные, комплексные субцивилизационные пространства: Приволжское, Дальневосточное, Северо-Кавказское. Они заметно отличаются от первой группы и между собой по характеру культуры (языкам, конфессиям, традициям), отчасти и по некоторым чертам социума (более выражены азиатские практики этатизма и др.) – это более *комплексные социокультурные субцивилизационные пространства*; в 2012 г. их население составляло 31,8% от общей численности населения России.

Отдельного внимания заслуживают субцивилизационные характеристики Приарктического ареала России, который может включать регионы нескольких федеральных округов.

Существование или формирование нескольких субцивилизационных пространств не умаляет значения того, что **каждое из них является частью пространства российской цивилизации**. Их объединяет многовековая история совместной жизнедеятельности населения, традиционно толерантное взаимодействие разных культур и конфессий, системно взаимозависимые экономические, социальные, политические и иные жизненно значимые интересы. Не в последнюю очередь – *сходная структура базовых ценностей населения регионов и макрорегионов*: наш всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России», продолжающийся около четверти века, в сочетании с социокультурными портретами почти трети регионов России, устойчиво показывает: около 70% функциональных ценностных позиций населения большинства регионов аналогичны общероссийским, а различаются – около 30%. В регионах наблюдается, в основном, тот же, что и в России в целом, толерантный симбиоз альтернативных ценностных позиций (77–80% поддерживают гуманизм, который служит интегрирующим ядром ценностного сознания россиян, а 9–11% – вседозволенную авторитарность, выступающую конфликтогенной периферией массового ценностного сознания). Такие сходства скрепляют социокультурное пространство российской цивилизации, но в то же время свидетельствуют о глубокой укорененности факторов стагнации, или тормозов ее модернизации, одним из которых является отмеченный толерантный симбиоз ценностных позиций.

Вместе с тем, каждое субцивилизационное пространство находится в той или иной стадии-фазе формирования-развития. Субцивилизационные характеристики федеральных округов или близких им социокультурных территорий недостаточно изучены. Необходимы специальные исследования их состояний и динамики.

Вызывает тревогу, что практическое значение цивилизационных факторов эволюции России недооценено, в том числе сужены возможности регионов как действительных **субъектов** развития и реализации человеческого потенциала населения. Недооценены **риски**, которые возникают на почве дистанций между состояниями модернизованности макрорегионов (федеральных округов) как субцивилизационных пространств.

Сказанное означает, что охарактеризованные в начале статьи дистанции между состояниями модернизованности макрорегионов заключают в себе более сложные проблемы и угрозы, нежели собственно экономические или политические. Они требуют соответствующего подхода к уяснению их причин и поискам решений.

Для снижения этих и других рисков необходима взвешенная стратегия модернизации России, комплексного ее развития как цивилизации. Кратко говоря, необходимо использовать стратегию **поэтапной интегрирующей модернизации макрорегионов** как субцивилизационных пространств.

Мальцева И.С.

к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
maltseva@iespn.komisc.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АГРАРНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

Ключевые слова: региональное развитие, северные регионы России, сельское хозяйство Республики Коми.

Характеристика аграрного пространства Республики Коми

Специалисты отмечают, что региональное пространство России неоднородно вследствие исторически сложившихся условий и недостаточности мер по регулированию процесса выравнивания¹. Признаками экономического пространства Республики Коми, как и других северных регионов России, которые обострили процессы рыночный преобразований, являются: большие расстояния, не сжатые взаимосвязями между населенными пунктами и людьми; разорванность, фрагментарность пространства и низкая мобильность факторов производства и населения; низкая плотность деятельности и населения в дискомфортных условиях, преодоление которых требует больших затрат. Их следствием стали депрессия и депопуляция, которые усилились в северных территориях.

Проблему социально-экономической слабости сельских территорий актуализируют нарастающие угрозы выполнения их функций. Анализ ситуации в Республике Коми показывает сокращение числа, людности и постарение населения; спад объемов, а во многих случаях «вымывание» базовых для села агро- и лесопроизводства; негативную трансформацию и нормативное несовершенство традиционного ресурсопользования; замещение производства бюджетной сферой, работой населения на выезде; «обвал» социального сервиса (бытовое обслуживание исчезло, первичная сеть здравоохранения и образования «рационализируется», специализированные медицинские услуги слабо доступны, материально-техническая база изношена, кадры не омолаживаются); ухудшение транспортной доступности услуг (мосты требуют ремонта, пропали паромы, нет малой авиации, реже автобусное сообщение), «экономические расстояния» выросли; теплоснабжение технически износилось, а экономически стало недоступно; жилья строится мало, его благоустроенность – низкая².

Суровый климат, бедные почвы, обширные площади, занятые лесом, малая заселенность определили низкую сельскохозяйственную освоенность территории Республики Коми. Доля сельскохозяйственных угодий составляет 0,96%, а доля наиболее продуктивных угодий – пашни – лишь 0,3% общей площади. В составе сельскохозяйственных угодий преобладают естественные сенокосы и пастбища, на гектар пахотных земель приходится 2,7 гектара кормовых угодий. Значительные территории занимают оленьи пастбища на севере республики. Наиболее продуктивные угодья – пашня – в среднем по республике используется лишь на 38%, отсталый уровень применяемых агротехнологий приводит к снижению почвенного плодородия.

Сельскохозяйственное производство республики характеризуют: неравномерность размещения и слабая связанность сельскохозяйственного производства с отраслями, перерабатывающими сельхозпродукцию и снабжающими ресурсами; зональная смена специализации производства растениеводческой и животноводческой продукции (на юге) на производство животноводческой продукции (на севере); пригородная концентрация крупного сельскохозяйственного производства (вокруг столицы производится 58% всей сельхозпродукции); несовпадение территорий, производящих продукцию (юг и центр республики), и потребляющих ее (центр и север республики); преобладание малых сельскохозяйственных организаций.

Субъектами аграрного пространства являются сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства населения. Сельскохозяйственное производство в виде личного подсобного хозяйства осуществляется во всех населенных пунктах Республики Коми, являясь своеобразным «экономическим фоном», их насчитывается 90,2 тыс. ед. Товарное производство сельскохозяйственной продукции осуществляют 154 сельскохозяйственных организаций, 398 крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) во всех муниципальных образованиях республики.

За 2009–2013 гг. произошло сокращение производственных ресурсов отрасли. Численность работников сельского хозяйства уменьшилась более чем на 23%. Ухудшилась техническая оснащенность сельскохозяйственных орга-

¹ Гринчель Б.М., Назарова Е.А., КошкарOVA О.И. Методический подход к измерению трансформации экономического пространства регионов России под воздействием инновационного развития и модернизации // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. – № 5. – С. 64–76.

² Отчет по государственному контракту № 23-22-13 на выполнение НИР «Разработка схемы размещения дорожной и транспортной сети Республики Коми» (заключительный) / Сыктывкарский лесной институт. – Сыктывкар, 2014, 368 с. (рукопись).

низаций, что определило крайне низкий уровень производительности труда в отрасли. Энергетические ресурсы сократились на 12%, тракторный парк – на 19%. Нагрузка пашни на один трактор увеличилась на 23% и превышает нагрузку на трактор в западных странах в 2,2–6,5 раз¹. Поголовье крупного рогатого скота и коров за 2009–2013 гг. сократилось соответственно на 8,5 и 15% или на 3354 гол. и на 2856 гол., причем поголовье коров сокращалось более быстрыми темпами. Поголовье свиней в республике также сократилось на 13,9%. Несмотря на негативные тенденции, сложившиеся в отрасли, за период 2009–2012 гг. объем валовой продукции сельского хозяйства вырос на 38,5%, или на 2455,5 тыс. руб.

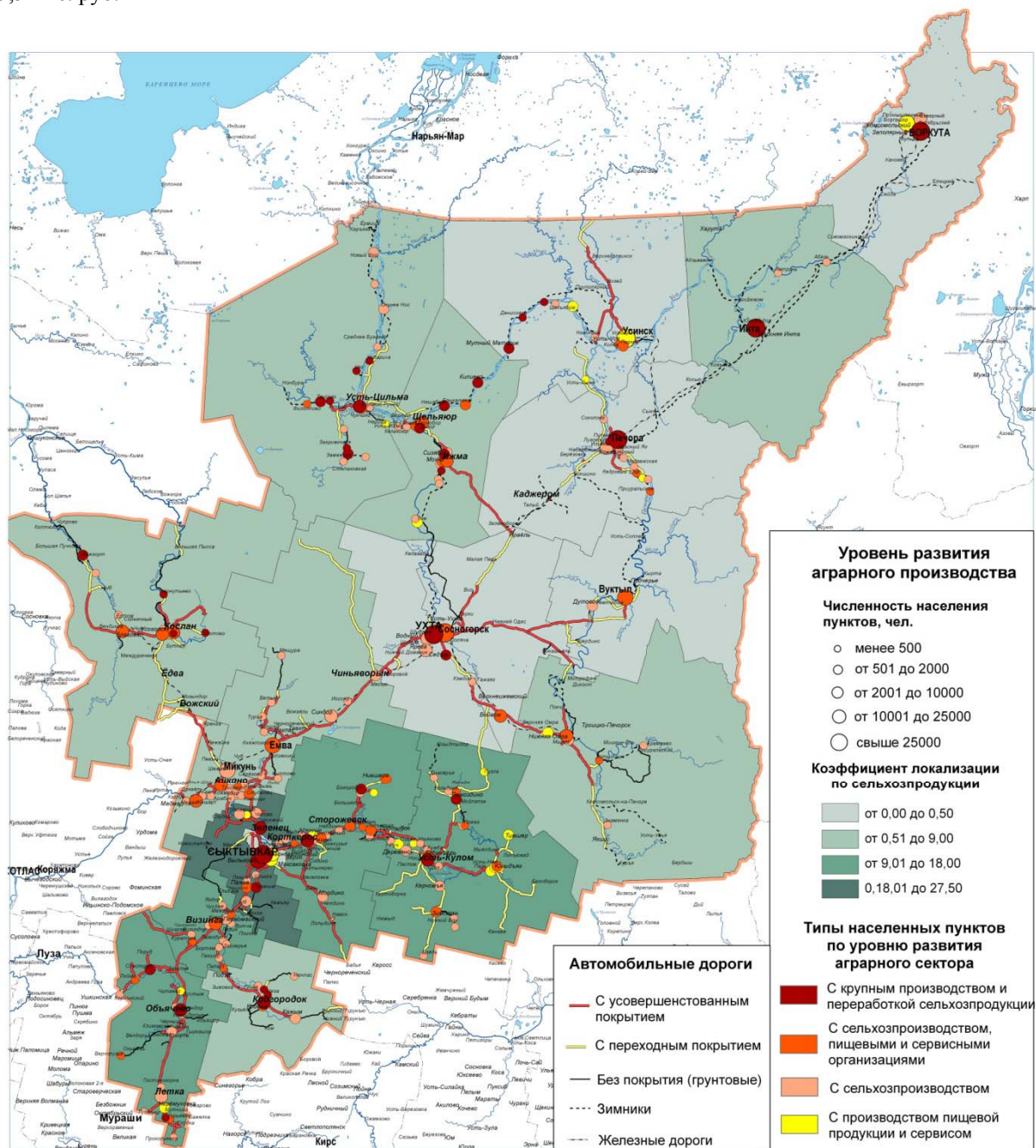

Рисунок 1.
Уровень развития аграрного пространства Республики Коми

Анализ выявил недостаточный уровень инфраструктурного развития для эффективного ведения сельскохозяйственного производства. Только в 81% населенных пунктов, в которых расположены сельхозорганизации и фермеры, имеется доступ к автодорогам с усовершенствованным и переходным покрытием для связи с райцентрами и магистральными путями сообщения. В Республике Коми лишь 27% населенных пунктов, в которых расположены сельхозорганизации и фермеры, обеспечены централизованным электроснабжением с эффективным теплоснабжением (при котором тарифы производителей на тепло ниже предельного уровня). В республике 7% населенных пунктов с товарным

¹ При выполнении раздела использованы материала Комистата [1] и Годовые отчеты сельскохозяйственных организаций Республики Коми за 2012–2013 гг.

сельхозпроизводством не имеют централизованного электроснабжения и лишь 14% газифицированы¹. Низок уровень развития сельскохозяйственной производственной² и социальной инфраструктуры.

Анализ оценки потенциала аграрного сектора Республики Коми позволил определить достаточно низкий уровень его развития во всех муниципальных образованиях (кроме ГО «Сыктывкар и МР «Сыктывдинский»), а также концентрацию аграрного производства в центрах муниципальных районов, городских округов, поселений. В процессе исследования с целью оценки аграрного потенциала был оценен уровень развития аграрного производства в разрезе муниципальных районов (на основе коэффициента локализации сельхозпроизводства) (см. рис. 1).

Аграрный потенциал определяется наличием товарного сельскохозяйственного производства и связан с более высокой добавленной стоимостью, генерируемой перерабатывающими сельскохозяйственную продукцию производствами

Тенденции трансформации аграрного пространства

Трансформационные процессы в сельскохозяйственном производстве связаны с устойчивой тенденцией сокращения производственного потенциала сельскохозяйственного производства в Республике Коми. Одновременно продолжают процессы концентрации производства на крупных предприятиях и углубление специализации производства в малом аграрном бизнесе.

Отраслевая структура сельского хозяйства не претерпела существенных изменений, однако сельскохозяйственные организации диверсифицировали свою деятельность в направлении развития дополнительных сфер деятельности (рыбоводства и рыболовства, туризма и других). В отрасли животноводства (которая производит две трети продукции в денежном выражении) происходит уменьшение поголовья крупного рогатого скота, и птицы практически на всей территории республики (за исключением ОАО «Зеленецкая птицефабрика», п. Зеленец). Следует отметить положительную тенденцию развития перерабатывающих производств – рост объемов производства молочной и мясной продукции в муниципальных образованиях за счет технического перевооружения и модернизации отрасли.

В сельскохозяйственном производстве усиливается тенденция дефицита квалифицированных кадров. На рынке труда сложился дисбаланс спроса и предложения за счет несогласованности между учебными заведениями и работодателями о потребности в специалистах аграрных специальностей и социальной сферы. Слабо развита взаимосвязь рыночного спроса с системой профессионального образования, профессионального заказа, инвестирования в обучение специалистов.

Еще одной тенденцией является нарастание степени физического и морального износа основных средств и недостаточность собственных средств организаций для их обновления и модернизации. Из 120 эксплуатируемых животноводческих помещений для крупного рогатого скота 26 (22%) находятся в аварийном состоянии, 54 (45%) сильно изношены и требуют капитального ремонта. За период с 2006 по 2013 год построено 3 коровника на 900 голов в капитальном исполнении, 7 – в деревянном исполнении (на замену развалившимся). Реконструкция проведена в 7 животноводческих помещениях (6%), в 11 проведена замена оборудования – модернизация (9%), ещё 7 помещений находятся в стадии реконструкции.

С использованием новых современных технологий в животноводстве эксплуатируются: пять коровников, рассчитанных на содержание 1400 голов в крупных организациях (три – в ООО племхоз «Измайловский», один – в ООО «Нёбдинский» и один – в ООО «Южное»), в которых содержится 16% от общей численности поголовья коров в сельхозорганизациях. Остальное поголовье содержится в помещениях с использованием технологий 70–80-х годов прошлого столетия, сопровождающихся высоким уровнем тяжёлого ручного, низкооплачиваемого труда. Темпы осуществления строительства, модернизации и технического перевооружения, хотя и несколько возросли в последние годы, однако не достаточны для развития сельхозпроизводства на современной технической основе.

Одним из основных структурных сдвигов является рост объема и доли производства сельхозпродукции в крестьянских (фермерских) хозяйствах, а также развитие их взаимодействия и специализации. Одновременно происходит сокращение производства продукции (особенно животноводческой) в личных подсобных хозяйствах населения. Крупные крестьянские (фермерские) хозяйства по масштабам деятельности приближаются к малым аграрным предприятиям. Более того, ряд крупных крестьянских фермерских хозяйств, увеличивая масштабы производства, преобразовался в сельскохозяйственные организации. Такими примерами, являются: ООО Крестьянское хозяйство «ЕЛЕНА» (МО МР «Княжпогостский», г. Емва), ООО Крестьянское хозяйство «Мичаин» (МО МР «Корткеросский», с. Додзь), ООО Фермерское хозяйство «Фауна» (МО ГО «Ухта»). Формированию достаточно крупных КФХ способствует предоставление грантов на поддержку начинающих фермеров и развитие семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств на условиях софинансирования расходов из федерального бюджета. Следует отметить формирование «квазиагломераций» – групп организаций, связанных продуктовой цепочкой «сырье-переработка» и образующих своеобразные микросети аграрного производства вокруг перерабатывающих производств, которые охватывают сельхозорганизации, КФХ и личные подсобные хозяйства населения. Такие образования наблюдаются в муниципальных районах «Сыктывдинский», «Корткеросский», «Усть-Вымский», «Удорский», «Ижемский» и «Усть-

¹ Отчет по государственному контракту № 23-22-13 на выполнение НИР «Разработка схемы размещения дорожной и транспортной сети Республики Коми» (заключительный) / Сыктывкарский лесной институт. – Сыктывкар, 2014, 368 с. (рукопись).

² Мальцева И.С. Сельская инфраструктура и государственные программы развития АПК // Четвертый всероссийский научный семинар «Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2014». – Сыктывкар: ИСЭиЭПС. – Ч. 2. – С. 111–118.

Цилемский». Исследование показало, что постепенно и очень медленно формируется малый и мельчайший аграрный бизнес, имеющий перспективы для развития и играющий важную роль в экономическом развитии сельских поселений.

Перспективы развития АПК

Анализ стратегий развития муниципальных образований до 2020 г. и инвестиционных проектов, намеченных к реализации (по материалам Минсельхозпрода РК, Министерства экономического развития РК, Министерства развития промышленности и транспорта Республики Коми) позволил определить круг инвестиционных проектов, намеченных к реализации в АПК. Следует отметить, что реализация инвестиционных проектов направлена в основном на техническое перевооружение и реконструкцию действующих производств (за исключением создания новых КФХ), то есть территориальное размещение сельскохозяйственного производства коренным образом не изменится. Особенно noteworthy инвестиционных проектов является активное участие в них наряду с сельскохозяйственными предприятиями фермеров и организаций потребительской кооперации. Наиболее активно инвестиционные проекты будут реализовываться в с. Койгородок, с. Выльгорт, п. Седьдор (СП Ужга МО МР «Койгородский»), с. Усть-Цильма (МО МР «Усть-Цилемский») – по четыре – шесть инвестиционных проектов. По три инвестиционных проекта намечены к реализации г. Печора, г. Инта, д. Ла́ста (СП Ижма МО МР «Ижемский»), с. Сизябск (СП Ижма МО МР «Ижемский»), с. Грива (СП Грива МО МР «Койгородский»), с. Нижний Воч (МО МР «Усть-Куломский»). По два инвестиционных проекта предусмотрены к осуществлению в 19 населенных пунктах.

В 50 населенных пунктах запланирована реализация одного аграрного инвестиционного проекта. Однако в составе этих проектов есть достаточно крупные – по реконструкции свиноводческого комплекса ОАО «Зеленецкая птицефабрика» в с. Зеленец (МО МР «Сыктывдинский»), строительству теплиц в ООО «Пригородный» в г. Сыктывкар, строительству и реконструкции животноводческих помещений в сельскохозяйственных организациях в 13 НП, а также строительству убойного цеха и цеха переработки мяса в д. Талица (МО МР «Прилузский»).

Основная масса проектов направлена на развитие животноводства и переработки сельскохозяйственной продукции (примерно поровну). Две трети инвестиционных проектов по развитию животноводства планируют строительство и реконструкцию помещений по содержанию крупного рогатого скота, а также свиноферм. Инвестиционные проекты предусматривают создание ферм по выращиванию овец, кроликов, индюков.

В рамках реализации проектов по развитию переработки сельскохозяйственной продукции планируется строительство и реконструкция 17 убойных пунктов и цехов, 18 производств по переработке мяса и 12 – молока, а также строительство пекарен, производств по переработке рыбы, дикоросов, овощей, меда. Намечены два проекта по возведению теплиц и три – по розливу минеральной воды. Также предусмотрена реализация пяти проектов, направленных на организацию производств по приему дикоросов и овощей. Заслуживает интереса инвестиционные проекты по строительству агрогородков в п. Гуляшор (МО МР «Прилузский») и п. Озерном (МО МР «Печора»). Кроме развития сельхозпроизводства и переработки сельхозпродукции, предполагается развитие туризма, сбор и переработка дикоросов, жилищное строительство.

Развитию сельскохозяйственного производства способствует предоставление грантов на поддержку начинающих фермеров и развитие семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств на условиях софинансирования расходов из федерального бюджета. В 2014 г. завершаются основные работы по строительству первой в республике семейной животноводческой фермы на 100 коров в МО МР «Прилузский» и свиноводческой фермы на 350 голов в МО ГО «Ухта». Также к концу 2014 г. должны быть завершены основные строительные работы (по условиям предоставления грантов 2013г.) у пяти начинающих фермеров из МО МР «Усть – Цилемский», МО МР «Прилузский», МО МР «Сыктывдинский» и МО МР «Усть – Вымский» и трех фермеров, получивших гранты на развитие семейных животноводческих ферм (на 198 скотомест для крупного рогатого скота в МО МР «Корткеросский» и МО МР «Сысольский» и для содержания свиней в МО ГО «Ухта»). Данные тенденции способствуют росту масштабов аграрного производства в населенных пунктах, как правило, приближенных к рынкам сбыта и имеющим круглогодичное транспортное сообщение с муниципальными и республиканскими центрами. Основой реализации данных проектов являются инновационные технологии, которые позволят осуществлять производство достаточно эффективно, и что особенно важно – обеспечить население продовольствием, создать современные рабочие места и конкуренцию на рынке.

Реализация всех намеченных проектов не приведет к значительному росту сельскохозяйственного производства в республике, однако позволит резко снизить темпы его падения (особенно в молочно-мясном скотоводстве) и улучшить показатели эффективности сельскохозяйственного производства. Кроме того, реализация проектов позволит сохранить рабочие места и сделать их привлекательными для молодежи.

Михайлова Е.В.

к.э.н., доцент Волгоградского государственного аграрного университета

СИСТЕМА ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: региональное развитие, стратегии экономического развития регионов, экономический потенциал регионов, Волгоградская область.

Разработка стратегий экономического развития регионов предполагает анализ и оценку потенциала их экономического развития. Оценка потенциала развития региона, поиск механизмов совершенствования процесса регионального развития является одним из наиболее актуальных вопросов повышения качества управления народным хозяйством.

Понятие «экономический потенциал» широко используется в научной литературе. Вместе с тем его содержание неоднозначно трактуется в разных источниках и не имеет единого определения. Одни исследователи под экономическим потенциалом понимают совокупность ресурсной, промышленной, финансовой, инновационной сфер и других сфер, итогом развития которых является рост уровня благосостояния населения¹. Другие считают, что это способность экономики производить определённые блага заданного качества и доводить их до потребителя². По мнению Бостановой А.И. экономический потенциал характеризуется величиной национального богатства, совокупного и конечного продукта, национального дохода, стоимости основных фондов, абсолютными размерами производства жизненно важных видов продукции. Он определяет общие возможности региона или страны в целом³. Соглашаясь с данным подходом, необходимо отметить, что устойчивое экономическое развитие регионов обеспечивается определёнными наиболее эффективными видами экономической деятельности. Поэтому, когда мы говорим о потенциале экономического развития региона, мы должны выявить наиболее приоритетные виды экономической деятельности, которые бы давали наибольший прирост собственных доходов в региональный бюджет и увеличивали занятость населения.

Выбор приоритетов, на которые будут направлены ресурсы региона и государства, требует определения тех видов экономической деятельности, которые давали бы наибольший прирост налоговых доходов в региональный бюджет с одного рабочего места. Для этого необходимо рассчитать следующие показатели:

1. Определить добавленную стоимость, создаваемую одним рабочим местом по видам экономической деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Добавленная стоимость, создаваемая одним рабочим местом по видам экономической деятельности в Волгоградской области в 2008–2012 гг., тыс. руб.

Вид экономической деятельности	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	260,287	233,553	230,571	282,175	274,698
Добыча полезных ископаемых	3497,123	3311,529	4495,283	5947,710	6156,418
Обрабатывающие производства	628,097	440,656	616,609	689,538	805,160
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	395,581	426,035	416,551	453,958	411,155
Строительство	248,193	211,611	257,659	317,771	368,620
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	214,783	212,789	269,115	319,100	360,468
Гостиницы и рестораны	170,945	140,470	89,508	102,862	187,142
Транспорт и связь	340,424	435,440	325,486	380,269	593,693
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	581,848	446,462	281,332	296,655	560,625
Образование	117,968	155,402	108,155	123,174	211,253
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	193,197	238,578	146,703	180,557	326,494
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	97,914	109,859	60,298	87,115	168,795
Другие виды деятельности	314,051	334,384	221,456	250,049	521,013

¹ Чижова Н.А. К вопросу о социально-экономическом потенциале региона: теоретический аспект // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. – № 7(105). – С. 109–112.

² Малиновская Н.В. Понятие «экономический потенциал» в современной литературе // Вестник Челябинского университета. Сер. 8, Экономика. Социология. Социальная работа. 2006. – № 5. – С. 61–64.

³ Бостанова А.И. Методы оценки социально-экономического потенциала региона // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. – № 42 (6). – С. 11.

Из табл. 1 видно, что в анализируемом периоде добавленная стоимость, создаваемая одним рабочим местом в Волгоградской области, увеличивалась по всем видам экономической деятельности. При этом наибольший прирост наблюдается по «Добыче полезных ископаемых» – на 76,04%, и больше всего добавленной стоимости создает одно рабочее место именно в этом виде экономической деятельности. На втором месте стоят «Обрабатывающие производства», затем «Транспорт и связь».

Для упрощения дальнейших расчетов разделим виды экономической деятельности на две составляющие:

– виды экономической деятельности, образующие производственную сферу экономики: «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство», «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», «Строительство»;

– виды экономической деятельности, которые можно отнести к сфере обслуживания: «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования», «Гостиницы и рестораны», «Транспорт и связь», «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», «Образование», «Здравоохранение и предоставление социальных услуг», «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг», «Другие виды деятельности».

1. Определим добавленную стоимость, создаваемую одним рабочим местом по сферам экономики (рис. 1).

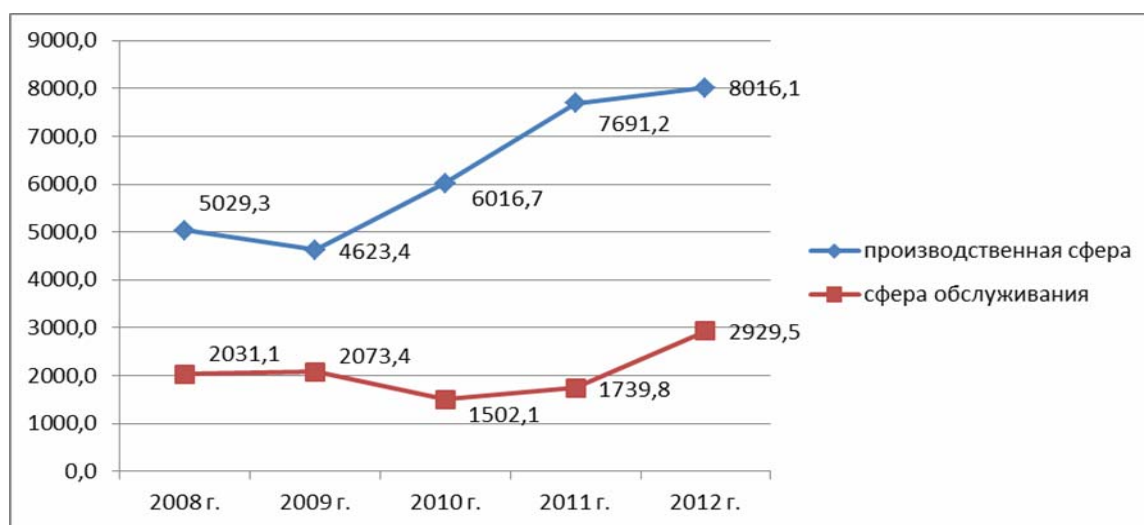

Рисунок 1.

Динамика добавленной стоимости, создаваемой одним рабочим местом по сферам экономики в Волгоградской области в 2008–2012 гг., тыс. руб.

На рис. 1 видно, что добавленная стоимость, создаваемая одним рабочим местом в производственной сфере, в несколько раз превышает аналогичный показатель в сфере обслуживания. Поэтому в дальнейшем расчеты будем производить по видам экономической деятельности, составляющим производственную сферу экономики.

2. Произвести расчет основных налоговых поступлений в региональный бюджет по видам экономической деятельности.

Основные налоговые доходы регионального бюджета формируются за счет:

– налога на прибыль организаций по ставке 18 %, установленной для зачисления указанного налога в бюджеты субъектов Российской Федерации – по нормативу 100%;

– налога на доходы физических лиц по ставке 13% – по нормативу 85%¹;

– налога на имущество организаций по ставке 2,2% – по нормативу 100%.

Другие виды действующих налогов не распространяются на большинство субъектов хозяйственной деятельности, и отражают специфику предпринимательства, например, акцизы уплачиваются при производстве и реализации подакцизных товаров (не всех, а только тех которые определены действующим законодательством). Налог на добычу полезных ископаемых в виде углеводородов является федеральным и в региональный бюджет зачисляется всего 5%. Поэтому в связи с небольшой суммой мы его в расчетах не учитываем.

Представим на рис. 2 динамику основных налоговых доходов бюджета Волгоградской области, поступающих по видам экономической деятельности производственной сферы.

Из рис. 2 видно, что больше всего налоговых доходов в бюджет Волгоградской области приносят «Обрабатывающие производства», на втором месте до 2011 года было «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», но в 2012 году, произошло резкое сокращение налоговых поступлений от этого вида экономической деятельности и на второе место вышло «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство».

¹ Система ГАРАНТ. – <http://base.garant.ru/12112604/8/#ixzz3QRPxGgIH>

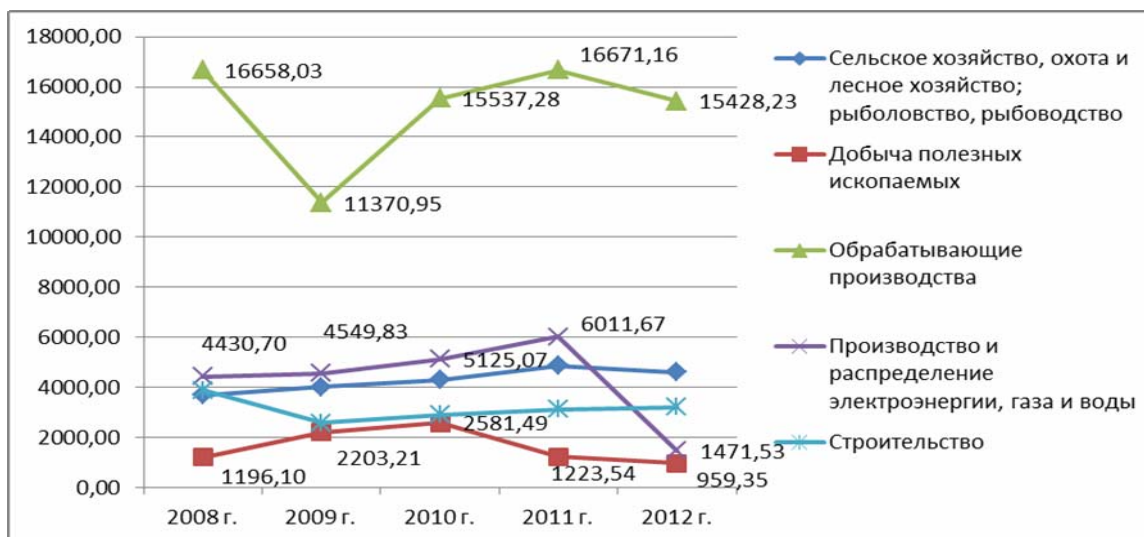

Рисунок 2.

Динамика основных налоговых доходов бюджета Волгоградской области, поступающих по видам экономической деятельности производственной сферы в 2008–2012 гг., млн. руб.

3. Определить сумму налоговых поступлений в региональный бюджет с одного рабочего места по видам экономической деятельности (рис. 3).

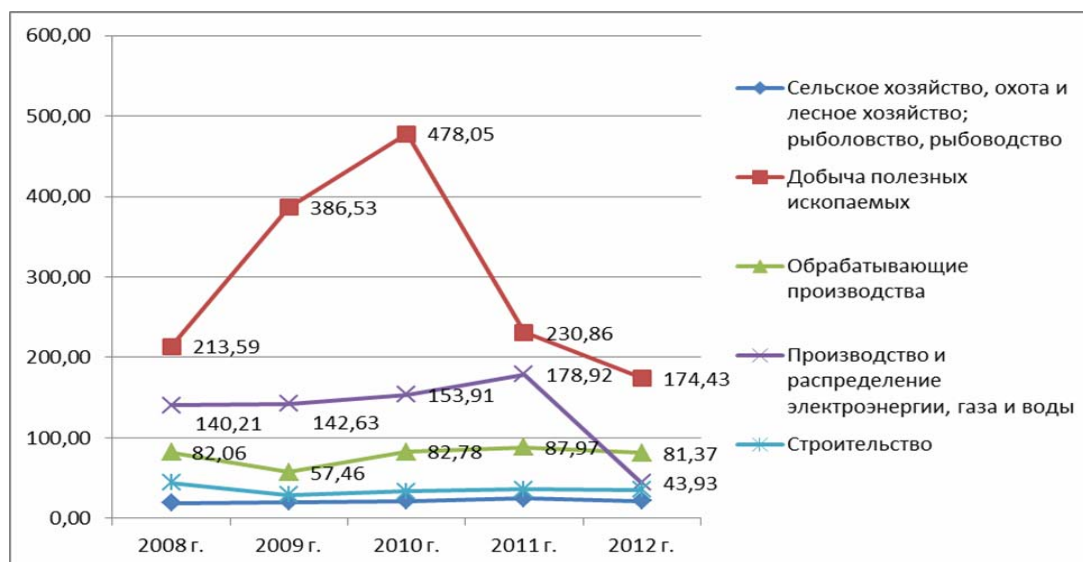

Рисунок 3.

Динамика основных налоговых поступлений в бюджет Волгоградской области с одного рабочего места по видам экономической деятельности производственной сферы в 2008–2012 гг., тыс. руб.

По данным анализируемого периода самые высокие налоговые поступления с одного рабочего места в бюджет Волгоградской области приходятся на «Добычу полезных ископаемых», несмотря на то, что в 2011 году произошло резкое сокращение их суммы из-за снижения прибыли в данном виде деятельности и как следствие уменьшения платежей по налогу на прибыль. В 2012 году данная тенденция продолжилась, но еще сократились поступления и по налогу на имущество организаций за счет ликвидации части основных фондов. В 2012 году аналогичная ситуация наблюдается в секторе «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». Более стабильным видом экономической деятельности по поступлению налогов в региональный бюджет с одного рабочего места является «Обрабатывающие производства».

4. Рассчитать среднюю стоимость одного рабочего места по видам экономической деятельности (фондовооруженность труда).

Расчет осуществляется путем деления стоимости основных фондов на численность занятых по видам экономической деятельности (табл. 2). Рост данного показателя является одним из важнейших факторов повышения производительности труда, ускорения социально-экономического развития региона.

В Волгоградской области в период с 2008 по 2012 г. фондовооруженность труда по всем видам экономической деятельности сократилась в несколько раз, что в конечном итоге уменьшило сумму налоговых доходов регионального бюджета. По среднему значению стоимость одного рабочего места наиболее высока в отрасли «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», далее идет «Добыча полезных ископаемых», и на третьем месте «Обрабатывающие производства».

Динамика стоимости одного рабочего места по виду экономической деятельности в Волгоградской области в 2008–2012 гг., тыс. руб.

Вид экономической деятельности	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Сред. знач.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	296,70	299,43	313,28	319,66	35,33	252,88
Добыча полезных ископаемых	2137,68	2453,33	2984,26	3541,89	883,09	2400,05
Обрабатывающие производства	455,20	539,74	616,82	742,66	135,47	497,98
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5113,29	5059,31	5308,80	6507,38	222,39	4442,23
Строительство	141,24	171,73	196,25	209,27	47,03	153,10

5. Определить сумму инвестиций в приоритетный вид экономической деятельности, необходимой для покрытия бюджетного дефицита.

Для данного расчета необходимо рассчитать количество создаваемых рабочих мест в том виде экономической деятельности, которые давали бы наибольшее поступление налогов в региональный бюджет по формуле:

$$\text{Кол} - \text{во рабочих мест} = \frac{\text{Дефицит бюджета}}{\text{сумма налогов с 1 раб. места}} \quad (1).$$

Например, при прогнозируемом дефиците областного бюджета на трехлетнюю перспективу (в 2016 году) в размере 8 383 816,4 тыс. рублей¹ количество создаваемых рабочих мест по видам экономической деятельности представлено в табл. 3.

Таблица 3

Количество рабочих мест по видам экономической деятельности необходимых для покрытия дефицита бюджета Волгоградской области в 2016 году, тыс. чел.

Вид экономической деятельности	Прогноз, тыс. чел.
Добыча полезных ископаемых	48,07
Обрабатывающие производства	103,03
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	190,86

Необходимый объем инвестиций для создания этих рабочих мест определяется средней стоимостью одного рабочего места по видам экономической деятельности и представлен в табл. 4.

Таблица 4

Требуемый объем инвестиций для покрытия прогнозируемого дефицита областного бюджета в 2016 году по видам экономической деятельности, млн. руб.

Вид экономической деятельности	Прогноз инвестиций, млн. руб.
Добыча полезных ископаемых	115 358,51
Обрабатывающие производства	51 306,99
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	847 852,33

Из представленных расчетов видно, что наибольшее количество рабочих мест и объемов инвестиций требует такой вид экономической деятельности как «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» – 847 852,33 млн. руб. Наименьшими по объему инвестиций являются «Обрабатывающие производства» – 51 306,99 млн. руб., при этом количество вновь создаваемых рабочих мест – 103,03 тыс. чел., и наибольшую долю в налоговых поступлениях областного бюджета занимает именно этот вид экономической деятельности. Поэтому Администрации Волгоградской области можно порекомендовать привлечь дополнительные инвестиции для создания производственных мощностей в таком виде экономической деятельности как «Обрабатывающие производства».

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы: 1) используемый потенциал экономического развития региона характеризуется, по меньшей мере, 4 показателями. Оценка текущих значений и анализ их динамики позволяет приблизиться к оценке таких показателей экономического развития как конкурентоспособность и устойчивость; 2) определенный набор статистических показателей выявляет наиболее приоритетные виды экономической деятельности, максимально увеличивающие доходы регионального бюджета; 3) использование данной методики позволяет определять требуемые объемы инвестиций для создания производственных мощностей в приоритетном виде экономической деятельности.

¹ Закон Волгоградской области № 182-ОД от 20 декабря 2013 года «Об областном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов».

Морозенкова О.В.

к.э.н., н.с. Института экономики РАН

ПОДГОТОВКА РОССИЙСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ОСВОЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: подготовка кадров, арктические территории.

Сегодня подготовкой кадров для работы в Арктике занимается созданная в декабре 2009 г. «Арктическая ассоциация университетов России». Её учредителями являются: Архангельский государственный технический университет, с 2010 г. Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; Кольский научный центр РАН; Мурманский государственный технический университет; Петрозаводский государственный университет; Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М. Книповича; Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина. Сюда целесообразно также подключение вновь созданного Дальневосточного федерального университета во Владивостоке с похожими задачами и профилем подготовки кадров¹.

Цель ассоциации состоит в организации совместной деятельности университетов и научных учреждений по подготовке квалифицированных кадров и проведению научных исследований, обеспечивающей изучение, эффективное комплексное освоение, сохранение и переработку углеводородных, минеральных и биологических ресурсов в Арктическом регионе России².

Северный (Арктический) федеральный университет (САФУ) на сегодняшний день является крупнейшим научным центром Северо-Западного и Арктического регионов. Приоритетным направлением деятельности Университета на сегодняшний день является научное изучение Арктики.

На сегодняшний день САФУ реализует более 50-ти международных проектов. Партнерами САФУ по проектам являются ведущие образовательные и научно-исследовательские учреждения, органы государственной власти, частные инновационные предприятия и некоммерческие партнерства северных регионов России, Норвегии, Финляндии, Швеции, США и Канады. Целью совместной работы по проектам является содействие решению актуальных вопросов развития Арктики и субарктических территорий, включая рациональное недропользование, охрану окружающей среды, использование альтернативных источников энергии, обеспечение безопасности, повышение качества жизни коренных народов Севера, создание и совершенствование программ подготовки специалистов для работы в Арктике³.

На заседании Объединенной Рабочей группы по образованию и науке Совета Баренцева Евро-Арктического региона, 9 октября 2014 г., участники подвели итоги работы группы за предыдущий период под председательством САФУ и Университета Тромсё (Норвегия). Среди основных результатов: разработка предложений в Киркенесскую декларацию 2.0, принятую в октябре 2013 года на министерском уровне и задавшую новые ориентиры обновленного регионального формата научно-образовательного партнерства на следующие 20 лет, выработка предложений в План действий по предотвращению негативных последствий изменений климата и План действий по развитию туризма в Баренцевом регионе. Под эгидой группы проведена серия семинаров для вузов Северо-Запада России и начата разработка образовательных модулей по внедрению методологии чистого производства и экологически значимого потребления в образовательный процесс, организован семинар по продвижению научной экспертизы северных вузов и планированию совместных проектов в рамках программы ЕС по научно-технологическому сотрудничеству «Горизонт 2020» в Брюсселе в ноябре 2013 года⁴.

Основные направления совместных научных исследований САФУ и Арктического Университета Тромсё – это, прежде всего, развитие северной полярной медицины, здравоохранения, защита окружающей среды и блок вопросов, посвященный социально-гуманитарной сфере. Очень важны исследования, связанные с методами экологически безо-

¹ Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) создан с целью поддержки формирования региональной экономики инновационного типа, подготовки и закрепления высококвалифицированных кадров. Одной из ведущих является нефтегазовая отрасль. Планы интенсивного освоения ресурсов шельфа дальневосточных и арктических морей требуют доведения до промышленного уровня и внедрения в практику конкурентоспособных технологий диагностики, которые должны повысить информативность, оперативность и доступность анализов, обеспечить объективный выбор способов поддержания эксплуатационной надёжности и безопасности ледостойких оснований нефтегазопромысловых платформ для условий шельфа острова Сахалин и северных морей России. – <http://www.dvfu.ru>

² Арктическая ассоциация университетов России. – http://narfu.ru/arctic/regulatory_documents.

³ Онлайн-конференция. САФУ: подведение итогов 2012 года. На вопросы отвечала ректор Северного Арктического федерального университета Елена Кудряшова. 26.12.2012. – <http://pressria.ru/online/601221244.html>

⁴ В САФУ состоялось заседание Объединенной Рабочей группы по образованию и науке Совета Баренцева Евро-Арктического региона. 10.10.2014. – http://narfu.ru/international/news/?ELEMENT_ID=176041

пасной технологии освоения нефтегазовых месторождений Арктического шельфа. В последние три-четыре года появилось новое направление, связанное с лесной биотехнологией. Биоресурсы и, прежде всего, древесина северных пород, является важнейшим объектом для исследования¹.

Новый этап двухлетнего председательства САФУ реализует совместно с Лапландским университетом Финляндии. В рамках новой повестки сотрудничества следующие ключевые задачи: усиление роли группы в реализации приоритетных задач программ председательства на национальном (Баренцев Евро-Арктический Совет) и на региональном уровне (Баренцев Региональный Совет), активное участие северных вузов в реализации Плана действий Баренцева региона по предупреждению негативных последствий изменения климата и Плана действий по транспорту, расширение сетевого взаимодействия с другими тематическими группами Совета БЕАР и синергии с другими региональными форматами взаимодействия на Севере, развитие партнерства с властью и бизнесом в рамках конкретных проектов и программ².

25 сентября 2014 г. на базе Института комплексной безопасности САФУ состоялось заседание рабочей группы международного проекта MARPART. В международной исследовательской группе проекта участвовали эксперты и молодые ученые из 9 университетов России, Норвегии, Исландии и Гренландии.

Участниками встречи были представлены системы готовности и реагирования в чрезвычайных ситуациях в своих странах, намечены дальнейшие планы и мероприятия проекта. В частности, на следующем этапе работы партнерам предстоит провести прогнозирование развития морской деятельности и рисков в Арктике до 2020 года, сравнить организационные структуры и имеющиеся ресурсы системы обеспечения готовности к ЧС, изучить возможности расширения взаимодействия вовлеченных организаций на трансграничном уровне, выступить наблюдателями международных учений на воде и разработать сценарий чрезвычайной ситуации на нефтяной платформе, в ликвидации которой предполагается взаимодействие всех служб национальных систем готовности³.

Через реализацию программ партнерства с университетами Канады у САФУ появляется возможность развития новых направлений, связанных с изучением Арктики: климатологии, океанографии, гляциологии; возможность участия в совместных проектах по изучению изменения климата и изучению морского льда, технологий, связанных с судостроением и судоходством, спасательными операциями в Арктике, строительством в условиях холодного климата, производства и переработки биомассы и развития других альтернативных источников энергии, безопасного и устойчивого использования ресурсов Севера. В числе приоритетных направлений сотрудничества – визиты канадских профессоров в САФУ, обменные программы для студентов и аспирантов, совместные семинары и исследовательские проекты⁴.

Проект СЕТИА «Окружающая среда прибрежных территорий, технологии и инновации в Арктике», реализуемого в рамках Программы сотрудничества ЕС и России «Европейский инструмент соседства и партнерства – Коларктик», рассчитанный до 2014 года, является уже четвертым проектом, реализуемым в настоящее время САФУ в рамках программы «Коларктик».

Общей целью проекта является развитие экологических знаний и внедрение инновационных решений в экологии, технологии и образовании, направленных на снижение антропогенной нагрузки в прибрежных районах Баренцева региона. Проект предусматривает решение следующих практических задач: сравнение и гармонизация методов изучения и критериев экологической уязвимости прибрежных экосистем; изучение камчатского краба как потенциального индикатора загрязнений в Баренцевом море; разработка и применение природоохранных технологий ликвидации нефтеразливов, включая использование искусственных сорбентов и водорослей. Создание и внедрение новой междисциплинарной образовательной программы, призванной объединить различные области знаний и опыт северных партнеров в вопросах сохранения окружающей среды, способствует повышению уровня подготовки специалистов для освоения арктических территорий и континентального шельфа, а также позволит расширить границы академической мобильности студентов и преподавателей университетов-участников проекта⁵.

Расширение объемов экспорта углеводородного сырья из регионов Российского Севера и Сахалина, активизация транспортных потоков на Северном морском пути благодаря транзитному потенциалу его использования, строительство новых портовых комплексов в восточной части Финского залива предопределили увеличение потребности в специалистах, компетентных в области управления морскими судами в сложных ледовых условиях. Строительство новых ледоколов, нефтяных танкеров, газозовов и других типов судов усиленного ледового класса также требует соответствующего кадрового обеспечения⁶.

¹ По словам начальника научно-исследовательского управления САФУ, Александра Гурьева. – http://narfu.ru/international/news/?ELEMENT_ID=175074

² В САФУ состоялось заседание Объединенной Рабочей группы по образованию и науке Совета Баренцева Евро-Арктического региона. 10.10.2014. – http://narfu.ru/international/news/?ELEMENT_ID=17604

³ Заседание рабочей группы международного проекта MARPART «Готовность к чрезвычайным ситуациям на море и развитие международного сотрудничества на Крайнем Севере». 30.09.2014. – http://narfu.ru/international/news/?ELEMENT_ID=175052

⁴ Арктический университет подружился с Канадой. – http://suglov.ru/abiturient/a_news/1766

⁵ САФУ участвует в разработке совместной магистерской программы «Управление охраной окружающей среды в Арктике». – <http://narfu.ru/life/news/main/22412>

⁶ Интервью ректора Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова (ГУМРФ) Сергея Барышника о подготовке кадров для работы на Северном морском пути. 19.09.2013. – <http://www.mfgumrf.ru/5748542184/9611182366>

ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова¹ имеет десятки международных договоров с различными зарубежными университетами, компаниями, ассоциациями, которые позволяют повышать качество обучения и вести передовую научную деятельность, реализует сотрудничество с зарубежными судоходными компаниями в области подготовки судовых специалистов.

На основе договорных отношений с судоходными компаниями ежегодно до 100 курсантов проходят плавпрактику на судах зарубежных компаний, таких как Stena (Швеция), Boskalis (Нидерланды), Nor-Gaz (Норвегия), Wessels (Германия) и других².

По данным Мурманского государственного технического университета (МГТУ) на специалистов морского профиля, технических специальностей количество заявок организаций-потребителей превышает количество выпускников, что является показателем необходимости государственной поддержки вузов, осуществляющих подготовку инженерных кадров³.

МГТУ является участником ряда международных научных проектов и программ. Ведется активная работа по расширению географии сотрудничества вуза, установлению контактов с вузами Норвегии, Германии, Великобритании, Нидерландов, Польши, Исландии, Франции, идет поиск новых форм сотрудничества с уже существующими иностранными вузами-партнерами⁴.

В 2013 году МГТУ продлил договор с ООО «Статойл АСА» (Норвегия) о реализации совместного проекта. Общей целью проекта в долгосрочной перспективе является повышение качества строительства и эксплуатации нефтяных и газовых скважин на шельфе Арктических морей с помощью применения разработанных в ходе проекта рецептур технологических жидкостей и повышение уровня профессиональных компетенций будущих специалистов нефтегазовой отрасли⁵. Также МГТУ заключил договор о сотрудничестве с компанией АО «Тоталь Разведка Разработка Россия» (российское подразделение французской группы Total). Обе компании уделяют особое внимание поддержке специалистов-инженеров в нефтегазовой отрасли путем оказания стипендиальной поддержки студентам, аспирантам, закупки учебной литературы и оборудования⁶.

В последнее время в климатической системе Арктики был замечен феномен, который называется – «изменения климата Арктики». Чрезвычайное усиление циклонической доли и рост температур привел к значительным изменениям в Ледовитом Океане. Наблюдается аномальный рост температур атлантических вод, проникающих в Северно-ледовитый океан, который в некоторых районах превзошел средние значения за весь исторический период наблюдений. Такие сильные аномалии климатообразующих процессов (атмосферных, ледовых и океанографических) привели к необходимости более полной и надежной оценки состояния и прогноза состояния климатической системы и природной среды Арктики. В данном случае важно проследить взаимосвязь между потоками тепла, циклонической деятельностью атмосферной циркуляции, осадками, снежным покровом, ледниками, реками, почвенным покровом, антропогенными факторами⁷.

Совместная ААНИИ/НПИ Арктическая лаборатория по изучению климата им. Фрама (FAL), основанная Арктическим и Антарктическим научно-исследовательским институтом Росгидромета и Норвежским Полярным Институтом, таким исследованиям уделяет серьезное внимание.

Архипелаг Шпицберген является оптимальным объектом-индикатором для упомянутых видов исследований⁸. Там находится норвежский университет, и наши специалисты ездят туда на практику. Хотя это территория Норвегии, статус ее таков, что все страны мира могут вести там научные наблюдения и даже добывать полезные ископаемые, что и делает российская фирма «Арктик-уголь».

Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (ААНИИ) успешно развивает сотрудничество с научными центрами многих зарубежных стран: Германии, США, Норвегии, Швеции, Финляндии, Японии, Южной Кореи, Польши, Англии и Канады⁹.

В рамках международных соглашений РАН с зарубежными научными организациями осуществляются совместные исследовательские проекты и научные программы, рабочие встречи и консультации, стажировки ученых в целях повышения их профессиональной подготовки, прямые связи с научными коллективами.

Согласно Концепции внешней политики одним из внешнеполитических приоритетов России является сотрудничество со странами Баренцева/Евроарктического региона¹⁰ и Арктики. Россия ставит перед собой цели по защите интересов коренных народов, сохранению и расширению присутствия в Арктике.

¹ Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова.

² Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. – Международные программы и проекты. http://gumrf.ru/intdejat_mpp.html

³ <http://www.mstu.edu.ru/info>

⁴ Отчет о научно-исследовательской деятельности МГТУ за 2013 год. Том 2. – С. 122. – <http://www.mstu.edu.ru/science/results>

⁵ Разработка инновационных и экологически безопасных рецептур технологических жидкостей. – <http://www.mstu.edu.ru/info/inter/projects/-30052013.shtml>

⁶ Отчет о научно-исследовательской деятельности МГТУ за 2013 год. Том 2. – С. 123. – <http://www.mstu.edu.ru/science/results>

⁷ «Fram» Arctic Climate Research Laboratory. – <http://www.fram.nw.ru/indexrus1.html>

⁸ Там же.

⁹ Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт». – http://www.aari.nw.ru/main.htm?http://www.aari.nw.ru/ann80th/ann85_interviu.html

¹⁰ Регион включает в себя губернии Норвегии: Нурланн, Тромс, Финнмарк, лены Швеции Вестерботтен и Норрботтен, провинции Финляндии: Лапландия, Северная Остроботния и Каинуу, и регионы России: Мурманская область, Архангельская область, Республика Коми, Ненецкий автономный округ и Республика Карелия.

В Декларации сотрудничества в Баренцевом Евро-Арктическом регионе, подписанной в Киркенесе в 1993 году, странами определены приоритетные направления сотрудничества в регионе: содействие региональному развитию, поддержка коренного населения (в том числе повышение доступности образования и языкового обучения), развитие науки и техники (включая продвижение современных технологий для холодного климата), совместная подготовка научных кадров и специалистов. Страны признали важность научно-технического сотрудничества в области геологии, океанографии, атмосферной физики, экологии и охраны окружающей среды, а также в таких отраслях экономики как строительство, рыболовство, аквакультура, лесное хозяйство, горная промышленность, разработка ресурсов шельфа, транспорт и связь. В Декларации отмечены следующие формы сотрудничества между странами: обмен информацией, создание совместных научных лабораторий и организация экспедиций.

Институциональной площадкой для реализации межвузовского сотрудничества служит «Баренцев трансграничный университет», представляющий собой альянс университетов региона, где помимо программ обмена студентов и преподавателей, совместных научно-исследовательских проектов реализуются совместные магистерские программы.

Программы и проекты в Баренцевом/Евроарктическом регионе финансируются Россией и ЕС. Так, между РФ и европейским сообществом заключено соглашение о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества «Коларктик» (Стокгольм, 18 ноября 2009 год)¹.

Россия сотрудничает со странами Арктики в рамках Арктического Совета (в состав которого входят Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия и Швеция). В 2011 году заключена Нуукская декларация (по случаю Седьмой Министерской сессии Арктического совета), в которой страны заявили о своем намерении сотрудничать в области науки и образования по таким предметным сферам как экология и окружающая среда, естественные, гуманитарные и социальные науки.

Механизмом развития академической мобильности в регионе служит Арктический университет, представляющий собой консорциум университетов и исследовательских центров России, Норвегии, Финляндии, Швеции, США, Исландии. Университет реализует студенческие обмены, обмены преподавателями (Программа NorthTREX), а также совместную образовательную программу «Бакалавр циркумполярных наук»².

Реализация совместных программ и проектов в области образования, науки и культуры отмечены только в 6% международных соглашений. Существующие международные соглашения не в полной мере отвечают задачам модернизации российского образования. Наибольшее количество международных соглашений в области образования, науки и культуры направлено на поддержку физических обменов. Обмены учеными и научными сотрудниками предусмотрены в 21,8% многосторонних соглашений; специалистами и сотрудниками предприятий – 18,3%; студентами и аспирантами – 19,7%; преподавателями вузов – 18,6%, школьниками – 3,1%, школьными учителями – 2,1%. Меньше всего соглашений направлены на обмены молодыми учеными (1,7% соглашений), в то время как «омоложение» российской науки является актуальной задачей развития научного сектора³.

¹ Результаты систематизации и оценки механизмов сотрудничества России с зарубежными странами в целях развития академической мобильности: нормативно-правовая база, инструменты, практики. Национальный Фонд Подготовки Кадров. 2013. – С. 35–36. – http://intpr.ntf.ru/DswMedia/rezul-taty_i_sistematizacii.pdf

² Там же.

³ Там же, с. 74.

Морунова Г.В.

к.э.н., доцент СПбГЭУ
morunova2009@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ И МОНИТОРИНГ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: *качество управления, финансовые показатели эффективности органов местного самоуправления; программно-целевой подход к оценке эффективности.*

На современном этапе актуализирован вопрос разработки и внедрения научно-обоснованных, ключевых показателей управления региональными и муниципальными финансами, что обусловлено принятием Программы создания условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 310 (далее – Программа)¹. В рамках Программы предполагается решение следующих основных задач: завершить полноценное внедрение программно-целевых методов управления в бюджетный процесс; осуществить совершенствование государственного и муниципального финансового контроля с целью его ориентации на оценку эффективности бюджетных расходов и т.д. Необходимо отметить, что с начала бюджетной и административной реформ в данном направлении работа ведется постоянно. Следует также отметить, что за последние десятилетия изменился подход к финансовому контролю органов власти всех уровней, и с 2000-х годов преобладает понимание финансовой контрольной деятельности – как поставщика, интерпретатора информации для руководства (контроль ключевых показателей, оперативной деятельности контролируемого объекта)². При этом следует предположить, что показатели оценки качества управления финансами должны быть одними из ключевых показателей в оценке эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления (ОМСУ). Так, рассмотрев Методику мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов (далее – Методика), утвержденную Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317³, видим, что оценка деятельности проводится по 9 направлениям, сокращено общее количество показателей со 140 до 40, раздел «Финансы» вообще был исключен. Бюджетные показатели включены в раздел «Организация муниципального управления», но в нем отсутствует очень важный показатель: «Общий объем расходов бюджета муниципального образования (руб./чел.)». В рамках данной статьи мы не ставим задачу подробного анализа бюджетно-финансовых показателей исследуемой Методики, отметим только, что они носят в основном оперативный характер, и не учитывают программно-целевые методы управления в бюджетном процессе. Кроме того, при проведении анализа докладов об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городского округа администрации Ленинградской области (см. табл. 1)⁴ 2011 г. (до внедрения Методики) и 2012 года, можно сделать вывод, что результаты управления финансами все меньше влияют на итоговую оценку деятельности ОМСУ. Например, первое место в рейтинге по разделу «Финансы» в 2011 году занял Приозерский район, в итоговой оценке – 2-е место. Итоговая оценка качества управления финансами и платежеспособности муниципальных образований по Ленинградской области с 2011 года Приозерского района лежит в пределах 23–25 баллов (что является достаточно хорошим результатом), а вот Выборгский район стабильно находится на последних позициях, но при этом занимает первые места в организации местного управления.

Представляется, что при внесении некоторых изменений рассмотренная Методика мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов может стать основой для перехода к программно-целевому подходу к управлению ОМСУ.

¹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 310 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации».

² Карминский А.М., Фалько С.Г., Жевага А.А., Иванова Н.Ю. Контроллинг: учебник. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 336 с.

³ Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. «607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

⁴ Итоги оценки качества управления финансами и платежеспособности муниципальных образований Ленинградской области за 2013 год. – http://finance.lenobl.ru/Files/file/itogi_otsenki_za_2013_god.doc

Ранжирование показателей мониторинга эффективности¹

Муниципальный район (городской округ)	№ места по разделу «Финансы» 2011 год	№ места Итоговое ранжирование 2011 год	№ места по разделу «Экономическое развитие» 2012 год	№ места по разделу «Организация муниципального управления» 2012 год	Удовлетворен- ность населения (%) 2011 год	Удовлетворен- ность населения (%) 2012 год
Бокситогорский	7	13	16	14	43	56
Волосовский	11	12	12	8	39	67
Волховский	12	10	8	2	45	50
Всеволожский	13	14	2	13	43	58
Выборгский	3	1	15	1	58	48
Гатчинский	4	7	1	15	58	61
Кингисеппский	17	6	5	10	56	47
Киришский	6	9	14	12	51	57
Кировский	15	15	9	6	47	61
Лодейнопольский	9	4	6	4	45	38
Ломоносовский	14	16	13	18	40	44
Лужский	18	18	18	16	92	55
Подпорожский	5	17	17	17	45	58
Приозерский	1	2	3	7	50	57
Сланцевский	16	11	11	11	72	58
Сосновоборский ГО	10	8	7	3	44	53
Тихвинский	8	2	4	9	47	52
Тосненский	2	5	10	5	42	48

В данном случае предлагается оперативные показатели дополнить показателями, измеряющими достижение целей – показателями эффективности деятельности распределенных по четырем перспективам (население/клиенты, финансы, процессы, обучение и рост). В перспективу «Финансы» следует включить результаты реализации Программы создания условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами, повышения устойчивости бюджетов. Приоритетным показателем Методики принять показатель «Удовлетворенность населения».

Предлагаемая типовая форма доклада может быть представлена в следующем виде (см. табл. 2).

Таблица 2

Предлагаемые перспективы

Оперативные показатели	Целевые показатели
1	2
Финансы	
Общий объем расходов бюджета муниципального образования	Показатели финансовой устойчивости Показатели бюджетной эффективности программ и т.д.
Объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 жителя	
Доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (за исключением поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) в общем объеме собственных доходов бюджета муниципального образования (без учета субвенций)	
Доля основных фондов организаций муниципальной формы собственности, находящихся в стадии банкротства, в основных фондах организаций муниципальной формы собственности (на конец года по полной учетной стоимости)	
Процессы	
1) экономическое развитие;	Целевые показатели по направлениям деятельности...
2) дошкольное образование;	
3) общее и дополнительное образование;	
4) культура;	
5) физическая культура и спорт.	
6) жилищное строительство и обеспечение граждан жильем;	Целевые показатели по направлениям деятельности...
7) жилищно-коммунальное хозяйство;	
4) культура;	
5) физическая культура и спорт;	
6) жилищное строительство и обеспечение граждан жильем;	Целевые показатели по направлениям деятельности...
7) жилищно-коммунальное хозяйство;	
8) организация муниципального управления (за исключением показателей включенных в блок – Финансы и показателей отнесенных к блоку – Население);	
9) энергосбережение и повышение энергетической эффективности.	

¹ Сводные доклады Ленинградской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городского округа 2010–2012 г.г. – http://lenobl.ru/local_government/monitoring_msu/2012

1	2
Население (клиенты)	
Удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления городского округа (муниципального района)	Целевые показатели степени удовлетворенности
Среднегодовая численность постоянного населения	
Обучение и рост	
Показатели кадрового потенциала	Целевой показатель по уровню квалификации

Таким образом, анализируя методику мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов на примере Ленинградской области, можно сделать вывод, что мониторинг эффективности деятельности органов местного самоуправления в обязательном порядке должен включать результаты оценки качества управления финансами. При этом первоочередным шагом должно стать включение отдельным разделом в оценку эффективности деятельности целевых финансовых показателей.

Мурзина И.Я.

доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург
ekb-ural@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ¹

Ключевые слова: региональное развитие, региональный кластер, регионализация образования, культурологическое образование, инновационное развитие.

Модернизационные процессы в образовании сегодня связаны не только с необходимостью обеспечения высокого качества, соответствующего мировым стандартам, но и как условие инновационного развития страны. Изменение содержания, форм и методов работы, введение федеральных государственных образовательных стандартов, ориентация на мировые практики оценки знаний и умений обучающихся – все это должно обеспечить качественный рост. Идущие сегодня процессы более активны на общероссийском уровне: в основе лежит идея о едином образовательном пространстве Российской Федерации и, соответственно, акцентирование именно общих требований и направлений модернизации для всех территорий страны. Регионы как активные субъекты образовательного поля могут определять собственные векторы развития, соотносясь с общегосударственными.

На протяжении 1990-начала 2000-х годов на территории Российской Федерации активно шел процесс регионализации образования, учитывающий при отборе содержания образования и определения технологий учебно-воспитательного процесса, географические, исторические, социально-политические, этнические, хозяйственно-экономические и др. особенностей территории. Регионализация началась с 1992 г., после разделения законом «Об образовании» прав и обязанностей федеральных и местных властей, учреждений образования, обеспечивая защиту и развитие национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства. В это время активно создавались учебные программы и курсы, посвященные региональной истории, культуре, географии.

Продуктивность этого подхода очевидна, поскольку были созданы условия для осознания территориями России своего «лица», понимания, с одной стороны, значимости места, в котором человек живет, с другой, вписанности региона в историю и сегодняшний день огромной страны. В результате, в Законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012) в ст. 8.1. закрепляется норма: «К полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования относятся: разработка и реализация региональных программ развития образования с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и других особенностей субъектов Российской Федерации»². Однако значительное большинство российских регионов эту норму толкуют скорее как осуществление требований федерального уровня, нежели как поиск собственного вектора развития. Сохраняется опасность, что наработанный в предыдущие десятилетия опыт может оказаться невостребованным.

Как показывают исследования, процессы становления и формирования культурной идентичности, обретения этнической и региональной идентичности находились и находятся в тесной связи с задачами, решаемыми образованием. Если с этой точки зрения взглянуть на регионализацию образования, то становится очевидным, что обращение к региональной истории, внимание, а зачастую и культивирование собственной уникальности во многом определяли характер социально-культурного развития в территориях. Не вступая в дискуссию с теми, кто убежден, что процессы регионализации являются исключительно проявлением деятельности политических элит и потому вредны, отметим значимость этой деятельности для становления гражданско-патриотических чувств молодого поколения.

Есть еще один аспект, который необходимо упомянуть, говоря о значении регионализации образования, он связан с созданием условий для развития человеческого потенциала в стране в целом и в регионах, в частности. Общеизвестно, что уровень развития страны связан не столько с ростом материального благосостояния, сколько с обеспечением возможностей для человека в выборе предпочтительного образа жизни, обеспечивающего самореализацию. По данным доклада ООН, индекс развития человеческого потенциала России достаточно высок, что позволяет ей находиться на 57 месте (по данным 2013 г.)³. Среди регионов России Свердловская область, например, занимает 10 место по рейтингу качества жизни, при этом по экономическим показателям она занимает 6 место по суммарному валовому

¹ Доклад подготовлен в рамках работы по госзаданию №2014/392, НИР № 1881.

² Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». – <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>

³ Индекс развития человеческого потенциала. – <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>

региональному продукту (данные «РИА Рейтинг» в 2014 г.)¹. Очевидно несоответствие между экономическими показателями и качеством жизни на территории. Если принять как аксиому идею взаимообусловленности качества жизни и образа жизни, то можно утверждать, что существует прямая зависимость между уровнем развития человеческого потенциала и социально-экономическими перспективами территории.

На наш взгляд, значение регионализации образования для обеспечения инновационного развития регионов осознается не в полной мере. Думается, что качество жизни зависит, в том числе, и от признания ценности места жизни, ответственности за его развитие и шире – судьбу, осознании себя его неотъемлемой частью. В противном случае формируется не ответственная гражданская позиция, а ощущение временщика-кочевника.

В опубликованном докладе Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Глобальные риски 2015» (Global Risk Report 2015) особое место уделяется влиянию геополитики на экономические процессы в мире и связанные с ними «межгосударственные конфликты с региональными последствиями»². В большой степени эти риски проецируются на внутреннее развитие отдельных стран. И Россия не исключение.

Образование можно рассматривать как специфический механизм влияния на социальное развитие, который при определенном подходе может компенсировать негативный эффект, позволяя решать не только демографические вопросы, обеспечивать здоровьесбережение или занятость населения, но и создавать благоприятную социально-культурную среду. В этой связи особое место приобретает гуманитарное образование, понимаемое в самом широком смысле как комплекс дисциплин, предметом изучения которых является человек как социокультурное существо.

Основой гуманитарного образования является признание нескольких постулатов: «человек – не средство, а цель», «культура для всех и для каждого», «свобода и справедливость являются условиями существования социальных систем», «образовательные стратегии обеспечивают духовное развитие человека». Содержание гуманитарного образования предполагает создание такой учебной ситуации, в которой человек является активным субъектом, способным к обсуждению сложных смысложизненных проблем, с развитым критическим мышлением, позволяющим выработать собственное отношение к социально-культурной действительности, готовым выбирать такое направление деятельности, которое обеспечит личностную самореализацию.

Принятые и реализуемые в настоящее время федеральные государственные образовательные стандарты для общеобразовательных школ в качестве первой задачи определяют «воспитание российской гражданской идентичности: патриотизма, уважения к Отечеству, прошлому и настоящему многонационального народа России; осознание своей этнической принадлежности, знание истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России и человечества; усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества; воспитание чувства ответственности и долга перед Родиной»³, тем самым подчеркивая единство множественности, свойственное России как полиэтническому и поликонфессиональному целому.

Важной вехой на этом пути становится развитие культурологической составляющей социально-гуманитарного образования, или – культурологического образования. Под культурологическим образованием мы понимаем не только и не столько профессиональную подготовку будущих культурологов, сколько составной компонент и результирующую системы гуманитарного образования, в рамках которого осуществляется целенаправленный процесс воспитания и обучения, опирающийся на трансляцию и воспроизводство ценностей культуры, созданных в процессе духовной, интеллектуальной, творческой деятельности людей и отвечающих целям самореализации человека и общества⁴.

Потребностью времени является создание системы знаний-ориентиров в социально-культурном пространстве современного мира, которая может быть осуществлена на всех уровнях образования (от детского сада до поствузовского образования) как реализация идей «Образование для жизни» и «Образование на протяжении всей жизни». Определение культурологического образования как интегрирующего фактора предполагает создание такой образовательной модели, в которой с наибольшей эффективностью реализовывались бы поставленные задачи.

Введем понятие регионального кластера культурологического образования, который, на наш взгляд, позволяет решить как содержательные, так и институциональные задачи. Региональный кластер культурологического образования выступает в качестве системообразующего элемента культурно-образовательного пространства территории. Он включает в себя субъектов культурно-образовательного пространства региона (учреждения образования, культуры, религиозные организации, этнокультурные организации и пр.), а также образовательные и культурные ресурсы в их единстве. Региональный кластер позволяет решить организационные проблемы, обеспечивающие взаимодействие сфер образования и культуры (прежде всего через сетевое взаимодействие), содержательные вопросы (через создание единого информационного поля), выявить возможности для инновационного экономического развития (через активизацию творческих индустрий).

Условием функционирования регионального кластера культурологического образования является взаимодействие субъектов культурно-образовательного пространства. Нескоординированность и фрагментарность деятельности субъектов регионального культурно-образовательного пространства приводят к тому, что сферы образования и культуры, несмотря на активно ведущуюся деятельность, воспринимаются как обособленные, в то время как их коопера-

¹ Исследование «РИА Рейтинг»: Рейтинг качества жизни регионов России в 2014 году. – <http://gtmarket.ru/news/2014/12/22/7021>

² Всемирный экономический форум опубликовал доклад «Глобальные риски 2015». – <http://gtmarket.ru/news/2015/01/15/7042>

³ Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. – <http://минобрнауки.рф/документы/938>

⁴ Мурзина И.Я. Культурологическое образование сегодня: необходимо или достаточно // Современные проблемы науки и образования. 2014. – № 6. – <http://www.science-education.ru/120-16602>

ция могла бы стать одним из условий для повышения привлекательности и конкурентоспособности Уральского региона, который наряду с традиционно-стереотипным представлением об «опорном крае державы» мог бы приобретать новые черты.

Возможными направлениями функционирования регионального кластера культурологического образования нам видится создание единого регионального контента, содержательно обеспечивающего систему образования региона; определение направлений т.н. культурологизации образования, включающей как учебные курсы (дисциплины), так и создание программ развития школ на основе культурологического подхода; и изменения в содержании подготовки учителей в педагогических вузах (направления культурно-просветительной практики, учебные интегрированные курсы, формы дополнительного образования – просветительные и культурно-образовательные проекты, которые реализуют, с одной стороны, требования профессионального стандарта, с другой, позволяют создать условия для образования на протяжении всей жизни); организация сетевого взаимодействия учреждений образования и культуры разного уровня и ведомственной подчиненности; создание информационно-ресурсных центров, обеспечивающих организационно-методическую поддержку региональной системе образования.

Таким образом, решается ряд актуальных задач, стоящих перед системой образования: модернизация содержания образования предполагает не только обновление учебных программ и курсов, но и разработку в рамках основных образовательных программ вариативной части как системы по приобщению/освоению/присвоению ценностей региональной и национальной культуры. Включение новых курсов, программ, видов деятельности по освоению регионального культурно-образовательного пространства выступает в качестве одного из условий становления положительного образа территории в сознании ее жителей и, как следствие, формирование позитивной региональной идентичности. Результатом такой деятельности становится обретение возможности самопроявления и творческой деятельности в родном регионе, чем обеспечивается не только индивидуальное развитие отдельного человека, но и реализация культуротворческого потенциала территории.

Обедков А.П.

к.геогр.н., доцент. зав. кафедрой филиала Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Сыктывкар

БОЛЬШИЕ ГОРОДА КАК ОРГАНИЗУЮЩИЕ ЦЕНТРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

Ключевые слова: *большие города, урбанизация, модернизация, северные территории России.*

Современная Россия – высокоурбанизированная северная страна. На долю районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей приходится 69,6% всей площади Российской Федерации. В пределах северных территорий сосредоточена подавляющая часть практически всех видов топливно-энергетических, минерально-сырьевых, земельных, лесных, биологических и водных ресурсов России, являющихся крупнейшим источником и резервом природных ресурсов мирового значения. Начавшееся в 60-е гг. прошлого столетия широкомасштабное освоение северных территорий России выдвинуло их в число ведущих производителей и поставщиков стратегических видов сырья и топлива, цветных металлов, лесобумажной и рыбной продукции, обеспечивающих потребности как внутреннего, так и внешнего рынка. На протяжении последних десятилетий советского и постсоветского времени северные территории вносят решающий вклад в формирование государственного бюджета и экспортного потенциала страны.

Хозяйственное освоение и заселение северных территорий России объективно связано с индустриализацией, стимулировавшей активизацию миграционных и урбанизационных процессов. Главной движущей силой северной урбанизации выступает экономическая целесообразность освоения природных ресурсов, в которых испытывают нарастающий дефицит районы старого промышленного освоения. Между тем эффективное освоение природных ресурсов и хозяйственное развитие северных территорий невозможно без целенаправленного формирования рационально организованной сети городских населённых пунктов и разноразмерных систем городского расселения, обеспечивающих необходимые социальные условия для адаптации населения к проживанию в дискомфортных условиях Российского Севера.

Каждый новый этап развития производительных сил Российского Севера требовал корректировки расселенческой сети и сопровождался совершенствованием систем городского расселения. Становление сети северных городов в дореволюционный период лишь наметило первоначальные центры колонизации и заселения северных территорий. Современные черты пространственной структуры городского расселения зоны Севера сложились в советское время в ходе активизации её хозяйственного освоения. Сохраняя инерционность в своём развитии, она приобрела ряд характерных черт, определяющих специфику северной урбанизации.

Одним из важнейших результатов промышленного освоения Российского Севера явилось формирование достаточно разветвлённой городской сети. В качестве первоочередных объектов индустриализации северных территорий выступили в то время немногочисленные и малолюдные малые города Европейского Севера, получившие городской статус в дореволюционный период. Активизация промышленного развития и транспортного строительства в этом макрорегионе Российского Севера вызвала стремительный рост численности населения портовых городов Архангельска и Мурманска.

Непрерывный рост числа северных городов, наблюдавшийся на протяжении всего советского периода, со временем привёл к трансформации урбанистической структуры зоны Севера России. С конца 30-х гг. прошлого века, когда на Российском Севере появился первый большой город (Архангельск), в его урбанистической структуре представлены города всех основных категорий людности. В полувековой период между переписями населения 1939 и 1989 гг., когда общее число северных городов увеличилось в 3,2 раза (с 42 до 134), число малых городов зоны Севера возросло в 2,6 раза (с 34 до 87), средних городов – в 7 раз (с 3 до 21), больших городов – в 8,5 раза (с 2 до 17).

В послевоенный период число больших городов Севера увеличилось главным образом за счёт северных городов Сибири и Дальнего Востока, где началась реализация целевых комплексных народнохозяйственных программ и формирование программно-целевых территориально-производственных комплексов. Расширение сети больших городов придало необходимую завершенность процессу развития региональных систем городского расселения северных территорий. К концу 1950-х гг. число северных городов, преодолевших рубеж в 100 тыс. человек, увеличилось до 4, к концу 1970-х гг. – до 15, а с середины 1980-х гг. – до 17. С этого времени их число практически не меняется, но время от времени происходит ротация их состава.

В межпереписной период с 1989 по 2002 г. вместо выбывших в группу статистически средних городов Магадана и Воркуты, в категорию больших городов впервые вошли Нефтеюганск и Кызыл. В межпереписной период с 2002 по 2010 г. группу больших городов покинули Усть-Илимск и Ухта. Однако даже в условиях продолжающегося сокращения численности постоянного населения Воркута, Магадан, Усть-Илимск и Ухта сохраняют все основные черты больших городов (табл. 1).

Динамика больших городов в городской сети в границах законодательно утверждённых северных территорий России (по данным всеобщих переписей населения)

Группы городов по людности, тыс. человек	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Города Севера, всего	39	79	93	105	125	148	142
в том числе категория:							
большие (100,0–499,9)	2	4	11	15	17	17	17
доля больших городов, %	5,0	5,1	11,8	14,3	13,6	11,4	11,9
крупные (250,0–499,9)	1	1	2	3	7	6	7
доля крупных городов, %	2,5	1,3	2,1	2,9	5,6	4,0	4,9

Источник: Статистические ежегодники «Народное хозяйство РСФСР» 1960–1990 гг.; Численность и размещение населения. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т.1); Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2011.

Урбанистическая структура северных городов характеризуется повышенной долей малых и крупных городов на фоне пониженной доли средних городов и при полном отсутствии крупнейших городов с численностью постоянного населения свыше 500 тыс. человек. При этом высокая доля малых городов (людностью до 50 тыс. человек) обеспечивается главным образом за счёт мелких (людностью до 5 тыс. человек) и полусредних (людностью от 20 до 50 тыс. человек) городов. По данным переписи населения 2010 г., на долю малых городов приходилось 79,6% от общего количества северных городов и 34,1% от общей численности жителей городов Севера России. Аналогичные среднероссийские показатели существенно ниже и составляют соответственно 71,0 и 17,2% (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика урбанистической структуры России и законодательно утверждённых северных территорий (по данным переписи населения 2010 года)

Территория	Людность, тыс. человек					
	до 49,9	50–100	100–249,9	250–500	свыше 500	всего
Число городов						
Российская Федерация	781	155	91	36	37	1100
северные территории	113	12	10	7	–	142
Доля городов различной людности в общем количестве городов, %						
Российская Федерация	71,0	14,1	8,3	3,3	3,3	100
северные территории	79,6	8,5	7,0	4,9	–	100
Численность населения, проживающего в городах, тыс. человек						
Российская Федерация	16445	11083	13817	14574	39819	95916
северные территории	2327	838	1655	2012	–	6832
Доля жителей городов различной людности в общей численности проживающих в городах, %						
Российская Федерация	17,2	11,6	14,4	15,2	41,6	100
северные территории	34,1	12,3	24,2	29,4	–	100

Источник: Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2011.

Смена тенденций урбанистического развития северных регионов страны, которая произошла в постсоветский период, не затронула только города с численностью постоянного населения свыше 100 тыс. человек. Их число (17) остаётся неизменным с конца 1980-х гг. По данным последней переписи населения, удельный вес этой категории городов составил 11,9% от общего количества северных городов, а доля проживающих в этих городах 53,6%, что ниже аналогичных среднероссийских показателей – 14,9 и 71,2%.

По данным переписи населения 2010 г., в границах районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей насчитывается 17 больших городов. Большинство из них (12, или 70,6%) возникли как населённые пункты ещё в до-революционный период, из них 8 получили городские права до 1917 г. и потому отнесены к числу старых городов. В их числе – города Архангельск (1613 г.), Петрозаводск (1777 г.), Сыктывкар (1780 г.), Сургут (1782 г.), Якутск (1790 г.), Петропавловск-Камчатский (1822 г.), Кызыл (1914 г.) и Мурманск (1916 г.). Остальные большие города были образованы в советское время. В довоенный период городами стали Комсомольск-на-Амуре (1932 г.) и Северодвинск (1938 г.), в послевоенный период – Южно-Сахалинск (1946 г.), Норильск (1953 г.), Братск (1955 г.), Нефтеюганск (1967 г.), Нижневартовск (1972 г.), Новый Уренгой (1980 г.) и Ноябрьск (1982 г.).

Одним из важнейших индикаторов роста больших городов является динамика численности населения, которая является косвенным показателем их социально-экономического благополучия. В послевоенный период практически во всех больших городах Российского Севера наблюдался устойчивый рост людности. Однако вслед за ухудшением экономической ситуации в них начиналось сокращение людности. Первым из числа больших городов зоны Севера начал терять население Норильск, который с конца 1970-х годов по настоящее время имеет отрицательную динамику роста населения. Во второй половине 1980-х гг. к нему присоединились Архангельск, Братск, Комсомольск-на-Амуре, Мурманск и Северодвинск.

По данным переписи населения 2010 г., для большинства (9 из 17, или 52,9%) городов этой категории людности характерен медленный рост численности постоянного населения, что позволяет отнести их к числу растущих в демографическом отношении. Среди них выделяются 5 западно-сибирских городов нефтегазопромышленного профиля (Нефтеюганск, Нижневартовск, Новый Уренгой, Ноябрьск, Сургут) и 4 столичных города (Кызыл, Петрозаводск, Сыктывкар, Якутск). В последние годы наметился рост численности населения в Южно-Сахалинске. Для остальных 8 больших городов определяющей тенденцией демографического развития является снижение людности после достижения максимальной численности населения. Несмотря на существенные потери демографического потенциала, состав наиболее людных городов макрорегионов Российского Севера на протяжении последних десятилетий остаётся неизменным. Со времени основания самым населённым городом Европейского Севера и Российского Севера в целом остаётся Архангельск, Западно-Сибирского Севера – Сургут, Восточно-Сибирского Севера – Братск. На Дальневосточном Севере на ведущие позиции вышел Якутск, сменивший многолетнего лидера – Комсомольск-на-Амуре (табл. 3).

Таблица 3

Ранжирование по людности больших городов в границах районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (по данным всеобщих переписей населения 2002 и 2010 гг.)

Название города	Субъект Российской Федерации	09.10.2002		16.10.2010		Прирост насе- ния, число жителей
		Число жителей	Ранг	Число жителей	Ранг	
Крупные города						
Архангельск	Архангельская область	356 051	1	348 716	1	–7335
Мурманск	Мурманская область	336 137	2	307 664	2	–28 473
Сургут	Ханты-Мансийский АО – Югра	285 027	3	306 703	3	+21 676
Якутск	Республика Саха (Якутия)	210 642	9	269 486	4	+58 844
Комсомольск-на-Амуре	Хабаровский край	281 035	4	263 906	5	–17 129
Петрозаводск	Республика Карелия	266 160	5	263 540	6	–2620
Нижневартовск	Ханты-Мансийский АО – Югра	239 044	7	251 860	7	+12 816
Большие города						
Братск	Иркутская область	259 335	6	246 348	8	–12 987
Сыктывкар	Республика Коми	230 011	8	235 006	9	+4995
Северодвинск	Архангельская область	201 551	10	192 265	10	–9286
Южно-Сахалинск	Сахалинская область	175 085	12	181 727	11	+6642
Петропавловск-Камчатский	Камчатский край	198 028	11	179 526	12	–18 502
Норильск	Красноярский край	134 832	13	175 301	13	+40 469
Нефтеюганск	Ханты-Мансийский АО – Югра	107 830	14	123 276	14	+15 446
Ноябрьск	Ямало-Ненецкий АО	96 440	19	110 572	15	+14 132
Кызыл	Республика Тыва	104 105	15	109 906	16	+5801
Новый Уренгой	Ямало-Ненецкий АО	94 456	20	104 144	17	+9688

Источник: Численность и размещение населения. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т.1); Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2011.

Вследствие продолжающегося стягивания жителей Российского Севера в более перспективные городские населённые пункты и, прежде всего, в большие города с конца 1990-х гг. происходит постепенный рост численности проживающего в них населения на фоне непрерывного уменьшения среднего размера самих больших городов. Ныне эта тенденция характерна для всех северных районов, но наиболее ярко процесс концентрации городского населения в больших городах проявляется на Восточно-Сибирском Севере, где в больших городах проживает почти 3/5 горожан (табл. 4).

Таблица 4

Большие города в урбанистической структуре городов Российской Федерации и макрорегионов расселения Российского Севера (по данным переписи населения 2010 г.)

Северные территории в границах районов Севера и приравненных к ним местностей	Число городов		Доля больших городов к общему числу городов, %	Численность населения в городах, тыс. человек		Доля жителей больших городов в общей численности населения городов, %
	всего	большие города		всего	большие города	
РФ, в целом	1100	164	14,9	97 527	70 228	72,0
Российский Север	142	17	12,0	6835	3670	53,7
из них:						
Европейский Север	53	5	9,4	2537	1348	53,1
Западно-Сибирский Север	27	5	18,5	1703	895	52,6
Восточно-Сибирский Север	19	3	15,8	926	532	57,5
Дальневосточный Север	43	4	9,3	1669	895	53,6

Источник: Численность и размещение населения. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т./ Федер. служба гос. статистики; Т.1); Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2011.

В зависимости от места и роли больших городов в региональной системе расселения большие города Севера могут быть отнесены одному из двух основных типов: 1) опорные многофункциональные центры, выполняющие центральные функции; 2) специализированные отраслевые центры с чётко выраженной профилирующей функцией, определяющей характер всей деятельности города. К первым относятся столицы республик (Кызыл, Петрозаводск, Сыктывкар, Якутск), административные центры субъектов РФ (Архангельск, Мурманск, Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск) и центры ресурсно-отраслевых районов межрайонного значения (Норильск, Сургут). Второй тип больших городов Севера представлен значительными специализированными центрами добывающей (Нефтеюганск, Нижневартовск, Новый Уренгой, Ноябрьск) и обрабатывающей (Братск, Комсомольск-на-Амуре, Северодвинск) промышленности. Города этого типа выполняют роль подцентров в сложившихся системах городского расселения.

В формировании градообразующей базы больших городов Севера ведущую роль играют профилирующие межотраслевые и отраслевые комплексы, что нехарактерно для большинства больших городов районов старого промышленного освоения. Промышленный профиль Нефтеюганска, Нового Уренгоя, Ноябрьска и Сургута определяет топливно-энергетический комплекс, Норильска и Братска – металлургический комплекс, Комсомольска-на-Амуре и Северодвинска – машиностроительный комплекс, Архангельска, Братска, Петрозаводска и Сыктывкара – лесопромышленный комплекс, Мурманска, Петропавловска-Камчатского и Южно-Сахалинска – рыбопромышленный комплекс. Лишь город Кызыл, законодательно включённый в состав районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей только в 1993 г., не имеет ярко выраженного промышленного профиля, представляя собой своеобразный конгломерат не связанных между собой отдельных предприятий различных отраслей промышленности.

В условиях зоны Севера с её обширными слабозаселёнными территориями и значительными расстояниями между соседними поселениями существенно возрастает роль агломерированных форм городского расселения. Первыми точками роста городских агломераций на Российском Севере стали первые большие города – Архангельск и Мурманск. Однако для того, чтобы они стали ядрами полноценных агломераций, потребовалось более трёх десятилетий. В результате начавшегося в первой половине 1960-х гг. широкомасштабного промышленного освоения северных территорий на Европейском Севере ускорилось формирование Петрозаводской, Сыктывкарской, Воркутинской, Ухтинской, Апатитско-Мончегорской и Котласской городских агломераций. В пределах Западно-Сибирского Севера обозначились контуры и состав Сургутско-Нефтеюганской и Нижневартовской городских агломераций, Восточно-Сибирского Севера – Норильской и Братской городских агломераций, на Дальневосточном Севере – Камчатской, Комсомольской-на-Амуре, Магаданской, Петропавловск-Камчатской, Южно-Сахалинской и Якутской городских агломераций.

По данным всеобщей переписи населения 2010 г., в границах Российского Севера сформировалось 15 городских агломераций с численностью постоянного городского населения свыше 100 тыс. человек, из них 2 (Архангельская и Сургутско-Нефтеюганская) являются крупными (свыше 500 тыс. человек) и 12 средними городскими агломерациями. Самая людная среди северных агломераций России Архангельская городская агломерация, объединяющая 3 города с общей численностью городского населения 581,6 тыс. человек, не имеет равных по этому показателю в мире. Самой малолюдной является Воркутинская городская агломерация во главе с бывшим большим городом. Она отвечает практически всем основным критериям и свойствам полноценной агломерации кроме численности городского населения, которая составила всего 94,6 тыс. человек. Ядро Архангельской, Сургутско-Нефтеюганской, Мурманской, Петрозаводской, Комсомольской-на-Амуре и Якутской агломераций образуют крупные города (250–500 тыс. человек), Нижневартовской, Сыктывкарской, Камчатской, Южно-Сахалинской городских агломераций – большие города (100–250 тыс. человек), Апатитско-Мончегорской, Ухтинской, Магаданской, Котласской и Воркутинской городских агломераций – статистически средние по людности города (50–100 тыс. человек).

Процесс городского агломерирования северных территорий отличается большой неравномерностью, которая во многом отражает очерёдность их колонизации, заселения и освоения. В соответствии с ходом хозяйственного освоения северных территорий большинство городских агломераций находится на Европейском и Дальневосточном Севере, отличающихся более выгодным экономико-географическим положением по сравнению с внутренними территориями Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского Севера. К настоящему времени на Европейском Севере сформировалось 8 городских агломераций, на Дальневосточном Севере – 5, на Западно-Сибирском Севере – 2 и на Восточно-Сибирском Севере – ни одной. При этом в процесс городского агломерирования на Европейском Севере вовлечено 2105,9 тыс. жителей городов и посёлков городского типа, Дальневосточного Севера – 1215,7 тыс. человек, Западно-Сибирского Севера – 1002,5 тыс. человек, что составило соответственно 48,7%, 28,1 и 23,2% всего городского населения, проживающего в составе северных агломераций. Между тем за последние 10–15 лет число городских агломераций Российского Севера сократилось в результате административно-территориальных преобразований, связанных с укрупнением больших городов за счёт включения в их состав некоторых поселений-спутников. По этой причине список северных агломераций в 1999 г. покинула Братская агломерация, а в 2004 г. – Норильская городская агломерация. В городскую черту Братска были включены 4 посёлка городского типа (Бикей, Осиновка, Чекановский, Порожский), а в состав Норильска – города Талнах и Кайеркан.

В зависимости от характера динамики городского населения северные агломерации можно разделить на 3 неравные по составу группы. Самая многочисленная из них охватывает 12 городских агломераций с устойчивой депопуляцией населения на протяжении последних 20 лет. Большинство (7, или 58,3%) агломераций этой группы расположено на Европейском Севере. Наибольшие демографические потери понесла Воркутинская городская агломерация. С 1989 по 2010 г. численность её городского населения уменьшилась в 2,2 раза, или на 54,2%. В рассматриваемый период на 30–35% сократилось городское население Норильской (на 33,9%), Апатитско-Мончегорской (на 33,5%) и Котласской (на 30,7%) городских агломераций, на 20–30% – Камчатской (на 29,3%), Мурманской (на 26,4%) и Магадан-

ской (на 23,4%) городских агломераций, на 10–20% – Архангельской (на 19,1%), Комсомольской-на-Амуре (на 18,4%), Братской (на 12,8%) и Ухтинской (на 12,0%) городских агломераций. При этом всего на 6,9% уменьшилось число городских жителей в пределах Петрозаводской городской агломерации. В целом же по Российскому Северу численность городского населения, вовлечённого в процессы агломерирования, сократилась на 674,7 тыс. человек, или на 12,4% (табл. 4).

Таблица 4

**Динамика людности городских агломераций макрорегионов Российского Севера
(по данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.)**

Ранг	Городские агломерации	Людность ГА, тыс. человек			Прирост населения, %		
		1989 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г. к 1989 г.	2010 г. к 2002 г.	2010 г. к 1989 г.
	Европейский Север	2679,5	2219,8	2105,9	82,8	94,9	78,6
1	Архангельская	718,9	604,7	581,6	84,1	96,2	80,9
2	Мурманская	619,6	498,8	455,9	80,5	91,4	73,6
3	Петрозаводская	322,4	305,3	300,2	94,7	98,3	93,1
4	Сыктывкарская	235,4	244,6	249,8	103,9	102,1	106,1
5	Апатитско-Мончегорская	235,7	173,4	156,8	73,6	90,4	66,5
6	Ухтинская	164,6	148,7	144,9	90,3	97,4	88,0
7	Котласская	176,3	132,2	122,1	75,0	92,4	69,3
8	Воркутинская	206,6	112,1	94,6	54,3	84,4	45,8
	Западно-Сибирский Север	829,0	940,2	1002,4	113,4	106,6	120,9
1	Сургутско-Нефтеюганская	451,1	533,6	575,8	118,3	107,9	127,6
2	Нижневартовская	377,9	406,6	426,6	107,6	104,9	112,9
	Восточно-Сибирский Север	573,6	504,7	444,2	88,0	88,0	77,4
1	Братская	308,4	284,1	268,9	92,1	94,6	87,2
2	Норильская	265,2	220,6	175,3	83,2	79,5	66,1
	Дальневосточный Север	1360,8	1202,9	1215,7	88,4	101,1	89,3
1	Комсомольская-на-Амуре	409,0	357,8	333,6	87,5	93,2	81,6
2	Якутская	224,1	232,5	292,0	103,7	125,6	130,3
3	Камчатская	344,5	265,4	243,6	77,0	91,8	70,7
4	Южно-Сахалинская	239,8	232,4	236,6	96,9	101,8	98,7
5	Магаданская	143,4	114,8	109,9	80,0	95,7	76,6
	Российский Север	5442,9	4867,6	4768,2	89,4	98,0	87,6

Источник: Численность и размещение населения. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т.1); Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2011.

Большинство (10 из 15, или 66,7%) северных агломераций являются моноцентрическими и отличаются повышенной концентрацией городского населения в городе-центре. На Европейском Севере к их числу относятся Воркутинская, Мурманская, Петрозаводская, Сыктывкарская агломерации, на Западно-Сибирском Севере – Нижневартовская агломерация, на Дальневосточном Севере – Камчатская, Комсомольская-на-Амуре, Магаданская, Южно-Сахалинская и Якутская городские агломерации. В период между переписями населения 1989 и 2010 гг. в большинстве моноцентрических агломераций наблюдалось непрерывное повышение удельного веса города-центра по отношению ко второму по людности городскому населённому пункту. В противовес этой преобладающей тенденции в Сургутско-Нефтеюганской, Нижневартовской и Камчатской городских агломерациях постепенно увеличивалась доля проживающих во втором по людности городском населённом пункте. По данным переписи населения 2010 г., наибольшая концентрация городского населения в городе-центре по отношению ко второму городскому населённому пункту была в Якутской (96,5%) и Сыктывкарской (96,3%) агломерациях, а наименьшая – в Камчатской (78,0%) и Нижневартовской (81,4%) агломерациях.

По формальным признакам к полицентрическим относятся Апатитско-Мончегорская, Архангельская, Котласская, Сургутско-Нефтеюганская и Ухтинская городские агломерации. В агломерациях этого вида доля второго по людности городского населённого пункта превышает 25% от численности населения города-центра. В период между переписями населения 1989 и 2010 гг. в Сургутско-Нефтеюганской полицентрической агломерации наблюдался устойчивый рост города-центра по отношению ко второму по людности город, в Архангельской агломерации – непрерывное снижение, а в остальных полицентрических агломерациях было отмечено снижение с 2002 по 2010 г. вслед за ростом, наблюдавшимся в предыдущий межпереписной период. По данным переписи населения 2010 г., отношение второго по людности городского населённого пункта к городу-центру варьировало от 27,9% в Ухтинской агломерации до 76,0% – в Апатитско-Мончегорской агломерации.

В зависимости от значимости и доли ядра в общей численности населения северные агломерации могут быть отнесены к трём неравным по составу группам. В Котласской городской агломерации доля ядра немногим менее 50%, в Апатитско-Мончегорской, Архангельской, Воркутинской, Камчатской, Мурманской, Нижневартовской, Сургутско-Нефтеюганской, Ухтинской и Южно-Сахалинской агломерациях – от 50 до 74,9%, в Комсомольской-на-Амуре, Магаданской, Петрозаводской, Сыктывкарской и Якутской агломерациях – свыше 75%. При этом минимальная доля ядра отмечена в Котласской (49,6%), а максимальная – в Якутской (89,0%) агломерации.

Большинство северных агломераций являются многофункциональными и многоотраслевыми. Их развитие и функционирование связано с выполнением промышленной, организационно-хозяйственной, транспортной и транзитно-коммуникационной функций, а также с научно-технической подготовкой территории (НТПТ) и подготовкой кадров. В отдельных случаях их дополняют туристская и рекреационная, таможенная и внешнеэкономическая, оборонная и военно-стратегическая функции. Промышленный профиль северных агломераций во многом определяют отрасли и производства топливно-энергетического, лесопромышленного, горнопромышленного и рыбопромышленного комплексов. Топливно-энергетический комплекс является профилирующим для Воркутинской, Нижневартовской, Сургутско-Нефтеюганской и Ухтинской агломераций, горнопромышленный комплекс – Апатитско-Мончегорской, Магаданской и Якутской агломераций, лесопромышленный комплекс – Архангельской, Котласской и Сыктывкарской агломераций, машиностроительный комплекс – Комсомольской-на-Амуре, Петрозаводской и Ухтинской агломераций, военно-промышленный комплекс – Архангельской и Комсомольской-на-Амуре агломераций, рыбопромышленный комплекс – Камчатской, Мурманской и Южно-Сахалинской агломераций.

В условиях курса на модернизацию и инновационный сценарий развития агломерирование становится ключевым инструментом развития северных территорий, создающим более комфортную среду для появления новых видов экономической деятельности, повышения уровня занятости и качества жизни населения. В этих условиях дальнейшее совершенствование территориальной организации производства и расселения населения на Российском Севере связано с реализацией системы мер, направленных на укрепление опорного каркаса системы расселения на основе более согласованного развития его линейно-узловой и агломерационно-городской подсистем, транспортной инфраструктуры и расселенческой сети. Это позволит сформировать агломерацию как единое административно-правовое, природно-экологическое, социально-экономическое и инвестиционное пространство с общей инфраструктурой и единой схемой развития.

В настоящее время основными проблемами развития и функционирования больших городов Российского Севера являются проблемы регулирования развития и роста; преобладание производственных функций при ведущей роли промышленности; трудоизбыточность и старение населения; рост числа безработных и слоя малоимущих; неконтролируемый рост городской территории и нерациональное её использование; наступление на природу пригородной зоны и общее экологическое неблагополучие. В условиях урбанизированных северных территорий, где высокая плотность населения сочетается с наибольшей концентрацией производства и технической нагрузкой, данные проблемы должны решаться на основе экономических рычагов и регуляторов роста, совершенствования городского планирования и управления, форм обслуживания населения и условий его жизни, а также с учётом экологических ограничений и предпосылок возникновения неблагоприятных экологических ситуаций. При этом в споре о принципах и методах городской политики в отношении больших городов Севера должна быть учтена не только позиция сторонников ограничения демографического роста и территориального разрастания, но и точка зрения тех, кто выступает за регулируемый рост и более полное использование их многогранного потенциала, выполнение ими прежде всего разнообразных непродовственных функций и превращение в города-лидеры социально-экономического и инновационного развития.

Отсутствие на зарубежном Севере в аналогичных природно-климатических условиях городов с численностью населения свыше 100 тыс. человек лишь подтверждает специфический характер освоения Российского Севера, а также необходимость проведения продуманной стратегии его дальнейшего развития с опорой прежде всего на отечественный опыт его заселения и обживания. Государственная политика в отношении северных территорий страны должна быть направлена не только на сохранение сформировавшегося в советский период трудового потенциала, адаптированного к суровым северным условиям, но и на расширение демографической ёмкости северных территорий за счёт углубления специализации и диверсификации производства, создания надёжной инфраструктуры и повышения продовольственной безопасности северян.

Существующие на Севере большие города сформировались как форпосты хозяйственного освоения, значительные промышленные и транспортные узлы, важные информационные, транзитно-коммуникационные, научно-образовательные и культурные центры периферийных северных территорий. Большинство из них являются центрами научно-технической подготовки и плацдармами освоения северных территорий. В новых условиях потенциальными нишами роста больших городов Севера должна стать «новая индустриализация», направленная на модернизацию традиционных отраслей топливно-сырьевой специализации и обслуживающей её транспортной инфраструктуры, повышение глубины переработки сырья и топлива, сохранение потенциала имеющихся высокотехнологичных отраслей и создание новых высокотехнологичных рабочих мест. Это позволит превратить большие города в очаги возрождения промышленности и инфраструктуры, узлы транзитных коридоров транспортных коммуникаций. Таким образом, в новых условиях будет возрастать роль больших городов как полюсов роста и пространственного развития, центров инновационно-технологического развития и модернизации северных территорий России.

Петросянц В.З.

д.э.н., профессор, гл. н. с. Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ¹

Ключевые слова: *региональная экономика, проблемные регионы, инновационное развитие.*

Федеративное устройство российского государства функционально должно обеспечивать его территориальную целостность и сохранение единого экономического пространства с позиций признания равноправности всех субъектов Федерации, их относительной самостоятельности в решении внутрирегиональных проблем экономического развития и социального обустройства. Концептуальную основу такой организации отношений между Федеральным Центром и регионами должны составлять два принципа. Во-первых, признание того, что носителем интересов региона является проживающее на его территории население. Во-вторых, рассмотрение региона в качестве целостной социально-экономической системы, специфика которой определяется не только географическим положением, природно-климатическими условиями, наличием на данной территории того или иного множества производств, но и, прежде всего, исторически сложившимся образом жизни местного населения, его менталитета. Необходимость следования этим принципам наиболее ярко проявляется в национальных автономиях (республиках и округах), поскольку при прочих равных условиях сильное влияние на хозяйственную специфику этих территориальных образований оказывают этнический и религиозный факторы².

Социально-экономические и политические преобразования в современной России, децентрализация власти усложнили проблемы регионального обустройства страны, выдвинули на первый план пространственные аспекты развития российского общества. Более того, обострение политической ситуации, введение со стороны США, Евросоюза и других стран НАТО экономических санкций актуализируют вопросы эффективного использования резервов социально-экономического развития регионов, определяют необходимость в формировании принципиально иной среды для решения социальных и экономических проблем в рамках их взаимодействия с Федеральным Центром и между собой.

В этих условиях перед регионами стоят задачи не только в обеспечении стабилизации и устойчивости, но и в эффективной реализации своего хозяйственного потенциала в перспективе. То есть, вопросы стратегического поведения субъектов, хозяйствующих на территории того или иного региона, приобретают особое значение, становятся объектом повышенного внимания, поскольку конкурентоспособность и прибыльность производимой продукции во многом зависят от способности товаропроизводителей гибко реагировать на динамичное движение рынка, использовать его конъюнктуру и механизм цен, информационные технологии и коммуникации.

В современных условиях необходимы новые формы и методы регулирования регионального развития, ориентированные на сохранение в регионе ресурсного и биоклиматического потенциала, на стимулирование деловой и инвестиционной активности с позиций повышения конкурентных позиций региона на российском и мировом рынках. Исключительная сложность проблемы формирования стратегических приоритетов регионального развития и последующая их реализация в условиях трансформационных изменений в экономике и обществе, с одной стороны, объясняется отсутствием практического опыта, недостаточностью научного обеспечения, с другой, доминированием политических конъюнктурных интересов.

Крайне важным является и то, что региональная экономика не может сегодня рассматриваться в отрыве от процессов глобализации, имеющих разнообразные проявления. В настоящее время тенденции мировой экономики убедительно показывают усиление роли масштабов инновационной деятельности и ускорения инновационных процессов в экономическом развитии, охватывающих не только технологические и организационные, но и социальные нововведения. Все это подтверждает тотальный характер инновационной деятельности. Конкурентоспособность регионального производства заключается не только в борьбе на существующем рынке, но и в борьбе за новые рынки посредством создания новых товаров и услуг. Отсюда следует необходимость скорейшего перехода экономики России и ее регионов на инновационный тип развития³.

С другой стороны, хозяйственная деятельность региона оказывает все большее воздействие на целостность территориальных экосистем, которые обеспечивают жизненно важные функции системы жизнеобеспечения. Действи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-02-00069а.

² Петросянц В.З. Критерии и факторы экономического роста региона / В.З. Петросянц, С.Д. Дохолян // Проблемы современной экономики – № 4, 2007. С. 245-250.

³ Петросянц В.З. Инновационный путь модернизации экономики Дагестана / В.З. Петросянц, Д.В. Петросянц // Региональные проблемы преобразования экономики. 2009. – № 2. – С. 23–31.

тельно, качество жизни как интегральная категория, определяемая относительным уровнем социально-экономического благополучия населения на данной территории, формируется не только под воздействием экономических, культурных, духовных и др., но и экологических факторов. Поэтому сохранение качества окружающей природной среды становится приоритетно-стратегической задачей, поскольку от ее решения зависит качество жизни населения региона и, прежде всего, уровень его здоровья.

В этих условиях одной из ключевых проблем социально-экономического обустройства страны и ее регионов становится задача создания эффективного инструментария стратегического регулирования регионального развития. Регулирование, в рамках которого осуществляется целенаправленная реализация стратегических приоритетов и преимуществ конкретного региона в процессе развития.

Особую значимость вопросы стратегического регулирования регионального развития приобретают применительно к проблемным территориям в составе Российской Федерации, к которым относится большая часть субъектов (республики) Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Это обусловлено, прежде всего, его современным геополитическим положением, историей освоения и исключительно сложным этническим составом населения. Развитие этого региона следует рассматривать как важнейшее средство обеспечения целостности государства, укрепления экономики России, упрочения ее позиций в Каспийском регионе и ликвидации очагов политической напряженности.

Определяя миссию северокавказских субъектов в составе СКФО, необходимо выделить два аспекта. С одной стороны, эти территориальные образования, являясь субъектами Российской Федерации, призваны, во-первых, обеспечивать целостность российского государства в рамках федеративных отношений, стать южным опорно-связующим регионом России в торгово-экономическом и культурно-политическом аспектах взаимодействия со странами Прикаспия и Ближнего Востока. Во-вторых, предоставлять другим регионам разнообразные туристско-рекреационные услуги, конкурентоспособную продукцию сельскохозяйственного и промышленного производства, а также формировать общую направленность развития как округа в целом, так и каждого региона, каждого муниципального образования (города, районы) за счет построения эффективной организации взаимодействия между органами государственной власти различного уровня, местного самоуправления, деловыми и общественными кругами.

Стратегии развития северокавказских республик при всем многообразии их конкретного содержания должны базироваться на следующих положениях:

- северокавказские республики – государственные образования в составе Российской Федерации;
- стратегии социально-экономического развития северокавказских республик должны выстраиваться с позиций обеспечения равноправного, свободного, самобытного развития всех народов, проживающих на их территориях, при сохранении национального, гражданского мира, государственного единства и политической стабильности;
- фундаментальной основой такой позиции является укрепление экономической суверенности северокавказских республик, их самостоятельности в решении вопросов развития и размещения производительных сил на своих территориях;
- межрегиональные хозяйственные отношения республик строятся на намерении властей и населения сохранять единое экономическое пространство и целостность российского государства, на признании равноправности всех его субъектов¹.

Анализ социально-экономического состояния северокавказских республик показывает, что они располагают благоприятными условиями для развития агропромышленного комплекса, туризма, санаторно-курортной сферы, электроэнергетики, ряда добывающих и обрабатывающих секторов промышленности, транспортно-логистических структур, строительной индустрии.

Однако эти и другие преимущества республик Северного Кавказа остаются недостаточно реализованными. По большинству ключевых социально-экономических показателей на душу населения северокавказские республики длительное время существенно отстают от среднероссийского уровня. Например, по ВРП на душу населения эти республики в среднем отстают более чем в три раза, по заработной плате – примерно в два раза, а по объему промышленного производства около семи раз.

Основным источником бюджетных доходов республик СКФО являются безвозмездные поступления. Их доля по итогам 2013 года составляет значительную часть бюджетов республик от 56% в Кабардино-Балкарской Республики до 86–89% в Ингушской и Чеченской республиках. Снижение дотационности региональных бюджетов этих субъектов СКФО в сложившихся условиях становится одной из ключевых стратегических задач.

Уровень развития промышленности в северокавказских республиках в целом можно охарактеризовать как низкий. В структуре ВРП ее доля колеблется от 4,6% в Ингушской Республики до 23,5% в Карачаево-Черкесской Республике, а в целом по всем республикам СКФО составляет немногим более 11% против 29% в среднем по РФ, что отражает низкую степень их индустриализации.

Несколько выше в ВРП доля сельского хозяйства – порядка 15%, тогда как доля оптовой и розничной торговли достигает 20%, что в целом свидетельствует о слабости реального сектора экономики республик Северного Кавказа.

Недостаточная развитость экономики и благоприятная демографическая ситуация (северокавказские республики являются одними из немногих регионов РФ, где имеет место стабильный рост населения) порождают крайне высокий уровень безработицы: от 10,6% в Республике Северная Осетия-Алания до 55% в Республике Ингушетия против 8,4% в среднем по РФ.

¹ Петросянц В.З. Эконометрическая модель прогнозирования и сценарные варианты модернизации региональной экономики / В.З. Петросянц, С.Д. Дохолян, А.С. Каллаева // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. – № 1. – С. 4–17.

Вместе с тем, каждая республика располагает рентообразующими природными ресурсами, создающими необходимые условия для подъема экономики и формирования собственной экономической базы социального строительства в интересах местного населения и страны в целом. Природно-климатические ресурсы территории создают благоприятные условия для жизни и здоровья, развития туризма, отдельных направлений сельского хозяйства, а также электроэнергетики. При этом отраслевые приоритеты в сфере промышленного производства по республикам СКФО различны. Для Республики Дагестан ключевыми приоритетами являются производство строительных материалов, пищевая промышленность, добыча минералов и руд, топливная промышленность, легкая промышленность, электроэнергетика. Для Ингушетии – легкая промышленность, топливная промышленность, производство строительных материалов. Для Кабардино-Балкарской Республики – легкая промышленность, добыча минералов и руд, металлургическая промышленность. Для Карачаево-Черкесской Республики – легкая промышленность, добыча минералов и руд, производство строительных материалов, металлургия; для Республики Северная Осетия-Алания – производство строительных материалов, легкая промышленность, металлургия, добыча минералов и руд, химическая промышленность. В Чеченской Республике приоритетами являются производство строительных материалов, топливная промышленность, пищевая промышленность, легкая промышленность.

Здесь же следует отметить, что в республиках СКФО сложилась одна из наиболее благоприятных экологических ситуаций на территории РФ, которая во многом связана с низким уровнем индустриализации и сравнительно небольшим количеством вредных производств. С учетом этого сохранение окружающей среды и хорошей экологии становится одной из ключевых задач в рамках реализации стратегии развития северокавказских республик.

Не менее важной стратегической задачей в условиях структурной перестройки становится переориентация республик на приоритет экономики знаний, развитие высокотехнологических секторов производства и, как следствие, вхождения в режим инновационного развития. В свою очередь эти и другие преобразования предполагают создание в республиках СКФО эффективной инновационной инфраструктуры, неотъемлемой частью которой является система высшего образования в тесном взаимодействии с научно-исследовательскими учреждениями (инновационно-образовательный кластер). Такого рода кластер призван играть роль не только «производителя» квалифицированных кадров для нужд модернизирующихся экономик, но и мощных исследовательских центров, центров экспертизы и консультирования, центров развития человеческого капитала.

Следует отметить, что в условиях рынка и демократизации общественных отношений предпринимательские структуры и гражданские институты становятся относительно свободными в принятии решений, прямо или косвенно воздействующих на региональное развитие. Поэтому региональные власти всех уровней (правительства и администрации субъектов Федерации, муниципалитеты и другие органы управления) должны иметь в виду то, что даже в пределах подведомственных территорий они не имеют в своих руках достаточных административно-правовых и экономических рычагов управления процессами социально-экономического обустройства и развития с позиций региональных и местных интересов.

Объективно возникает необходимость в поиске механизмов стратегического регулирования регионального развития, обеспечивающего согласование усилий всех влиятельных сил, осуществляющих свою деятельность и/или реализующих свои интересы на территории данного региона.

С точки зрения теории стратегическое регулирование, как процесс реализации приоритетов регионального развития, в условиях усложнения условий хозяйствования и ведения бизнеса представляет собой системный инструментарий умения приспосабливаться к изменениям внешней среды и при этом выдерживать курс на достижение высокой в широком смысле конкурентоспособности региона в целом. Поэтому в качестве одной из важнейших функций стратегического регулирования регионального развития является способность быстрой адаптации хозяйственной системы региона к изменениям внешней среды¹.

То есть, в условиях рыночной экономики, нарастающей сложности, стохастичности, системности процессов современной деятельности стратегическое регулирование регионального развития становится объективно необходимой и реально востребованной экономической категорией, составляющими которой выступают управленческий, маркетинговый, информационный и правовой аспекты.

К главным задачам стратегического регулирования регионального развития следует отнести обеспечение конкурентоспособности, оптимальное распределение ресурсов, реализацию приоритетов и основных целей, капитализацию сильных сторон региона и нивелирование слабых. В обобщенном виде к основным функциям стратегического регулирования вообще и применительно к региональному развитию, в частности, следует отнести: диагностическую, измерительную, прогнозную, дифференцирующую, защитную, информационно-накопительную, стимулирующую.

Развитие любого региона с учетом отмеченных характеристик должно быть направлено на достижение самодостаточности всех хозяйствующих субъектов, эффективное использование имеющегося ресурсного потенциала, повышение качества жизни населения. Под самодостаточностью следует понимать функционирование и развитие региона преимущественно за счет внутренних финансово-экономических источников, позволяющих обеспечить расширенное воспроизводство, совершенствование структуры региональной социально-экономической системы, повышение качества и уровня жизни населения. Самодостаточность региона в современных условиях хозяйствования становится главным ориентиром и связующим звеном всей системы приоритетов стратегии регионального развития. Сущность самодостаточности вытекает из объективной необходимости эквивалентного участия региона в территориальном разделении труда и комплексности экономического и социального развития. Самодостаточность оправдана

¹ Петросянц В.З. Стратегическое регулирование развития проблемных регионов в составе СКФО // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 2. – С. 2–11.

лишь тогда, когда она обеспечивает выполнение вышеуказанных функций и разрешение объективных противоречий регионального воспроизводственного процесса, не допускает изоляции региона и создания благополучия региона за счет общенациональных интересов и других регионов или в ущерб долгосрочным интересам. Поэтому разработка стратегии и последующая ее реализация в рамках стратегического регулирования с ориентацией на самодостаточность требует взвешенного подхода к выработке нормативных положений, регулирующих финансово-экономические отношения между регионом, хозяйствующими субъектами и населением, а также регионом и федеральным уровнем управления. Самодостаточность позволяет обеспечить эквивалентность внутри региональных и межрегиональных связей, когда каждый регион, в соответствии со своими экономическими и социальными интересами, определяет свое участие в совместном с другими регионами решении межрегиональных проблем.

Следует отметить, что при обосновании приоритетов регионального развития должны рассматриваться комплексно практически все факторы и условия, воздействующие на эффективность функционирования такой большой и сложной социально-экономической системы как регион. Это обоснование, помимо целевых установок, оценки в широком смысле ресурсного потенциала, должно, прежде всего, включать инвестиционную политику и ее инновационную составляющую. Дело заключается в том, что в условиях рыночной экономики регионы не могут эффективно развиваться без четко выраженной инвестиционной политики, включающей выбор источников финансирования, формирование современных институтов законодательной и нормативно-правовой базы, определение органов, ответственных за реализацию инвестиционной политики, привлечение инвестиций, работу с инвесторами. По сути, региональная инвестиционная политика представляет собой комплекс мер по стимулированию инвестиционных процессов, направленных на обеспечение устойчивого социально-экономического развития территории, является ключевым блоком системы стратегического регулирования развития региона. Одной из основных ее задач становится создание благоприятного инвестиционного климата, воздействующего на приток капитала в различные сферы экономики. Инвестиционный климат во многом зависит от состояния и диверсифицированности экономической среды, перспектив и тенденций экономического развития территории, наличия долгосрочных программ социально-экономического развития, степени развитости рыночных отношений, финансового рынка и рынка инвестиционных услуг, устойчивости власти на территории, ее авторитетности, политической поляризации населения, уровня социальной напряженности и уровня преступности. Именно инвестиционный климат, эффективность региональной инвестиционной политики становятся ключевым фактором реализации инновационно ориентированного развития субъектов в составе СКФО. Фактически, какие бы не выстраивались грандиозные перспективы социально-экономического развития северокавказских республик, без соответствующего притока инвестиций их реализация практически не осуществима¹.

Все это в совокупности с хозяйственными различиями регионов России обозначает важность и значимость создания эффективного механизма стратегического регулирования регионального развития, обеспечивающего устойчивый экономический рост и интеграцию российских территорий в рамках федеративных отношений.

¹ Петросянц В.З. Формы и методы реализации инвестиционных процессов депрессивном регионе / В.З. Петросянц, С.Д. Дохолян // Региональная экономика: теория и практика. 2008. – № 26. – С. 36–43.

Плотников А.Н.

д.э.н., профессор Саратовского государственного технического университета
a.n.plotnikov@mail.ru

Шамьенова Г.Р.

докторант Саратовского государственного технического университета

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ИНВЕСТИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРИТОРИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: региональная экономика, инновационная деятельность, инвестиции.

В основу формирования механизма инвестирования инновационной деятельности положена авторская концепция создания системы инвестирования инноваций (СИИ)¹. Суть этой концепции² заключается в том, что она базируется на определённых принципах и положениях:

1. СИИ должна функционировать в соответствии с действующим законодательством в области использования инвестиций и инноваций, с концепциями инновационной политики на уровне федерации и регионов, с концепциями развития науки и техники, а также системы высшего образования. СИИ, в конечном итоге, является основой механизма осуществления инвестиционной и инновационной политики на уровне федерации, регионов, а также на уровне отдельных фирм и компаний.

2. СИИ с одной стороны – централизована, а с другой – децентрализована. Она централизована в той части, в которой настроена на обеспечение приоритетов развития федерации и регионов, а также реализации важнейших инвестиционных и инновационных проектов и программ³. СИИ децентрализована в той части, в которой она нацелена на обеспечение продвижения проектов, не имеющих большого общественного значения.

3. СИИ исходит из того, что в основу системы управления экономикой на уровне федерации и регионов должны быть положены программно-целевой подход (ПЦП) и система управления проектом (СУП). Применение ПЦП позволяет осуществлять декомпозицию глобальной цели как федерации, так и регионов в области развития инновационной деятельности, на локальные цели по конкретным направлениям, типам и видам промышленной продукции. Использование ПЦП и СУП позволяет определять средства и пути достижения целей, формировать инвестиционные и инновационные проекты, которые становятся основой аналогичных инвестиционных и инновационных программ, создавать программы социально-экономического развития федерации и регионов.

4. СИИ предполагает при моделировании долговременного инновационного развития использование взаимосвязанных показателей в виде параметров инновационной деятельности.

5. СИИ направлена на постоянное обновление продукции, открытие новых сфер, принципов, идей, что требует развития фундаментальных исследований и проведение опережающих прикладных научно-исследовательских работ.

6. СИИ предполагает, что при управлении инвестициями в инновационную деятельность, должна использоваться система параметров, распределённых во времени и пространстве (по направлениям, регионам, объектам и т.д.). Параметры должны характеризовать как инвестиционный, так и инновационный потенциалы, результаты инвестиционной и инновационной деятельности, инновационную активность и риски.

7. СИИ предполагает принять в качестве объекта управления инновационные проекты. Это объясняется тем, что необходимость в их реализации возникает в связи с наличием соответствующего спроса на инновационную продукцию. Выбор проектов осуществляется с использованием проектного анализа.

8. СИИ исходит из того, что главным при оценке инновационных программ и проектов является обеспечение целей (задач). Необходимые для их достижения средства являются второстепенными. Такая задача решается путем поиска альтернатив, для чего нами предлагается новый критерий – показатель комплексной эффективности. В этом показателе, наряду с аналитическими результатами эффективности учитываются и косвенные факторы с помощью экспертной оценки.

¹ Плотников А.Н. Организационно-экономический механизм инвестирования инновационной деятельности: Теория и методология. Дис. на соискание ученой степени доктора экономических наук. Саратов: СГТУ, 2003. – 368 с. – <http://www.dissercat.com/content/organizatsionno-ekonomicheskii-mekhanizm-investirovaniya-innovatsionnoi-deyatelnosti-teoriya>

² Плотников А.Н. Концептуальные положения формирования и функционирования инвестиционных механизмов инновационной деятельности в региональном разрезе // Новоселовские чтения: Материалы 20-й Международной научно-технической конференции. – Уфа: Изд-во Уфим. гос. нефтян. техн. ун-та, 2004. – С. 116–119.

³ Atoyan V.R., Stepanov A.A., Plotnikov A.N., Kazakova N.V. Models and methods of estimation and selection of innovation projects' ways. Critical Infrastructures. Book of Abstracts Delft 2001. 5th International Conference on Technology, Policy and Innovation. – P. 121–134.

9. СИИ при принятии проектных решений требует выполнение анализа и выбора альтернатив проектов, а также проведение более глубокого анализа выбранных инновационных проектов. Процесс принятия решений достаточно многообразен и должен включать процедуры движения, сбора и обработки информации, прогнозирования ситуации, определения критериев и возможных ограничений.

10. В СИИ в качестве источников инвестирования инновационных проектов рекомендуется использование средств различного уровня бюджетов, различных внебюджетных фондов. Немаловажными источниками становятся также собственные средства фирм и компаний, средства акционерных обществ, средства различных инвесторов, включая иностранные инвестиции, банковские кредиты. Для инновационных проектов, имеющих обычно высокий инвестиционный риск нами рекомендуется использование разнообразных схем накопления и расходования инвестиций. Процесс инвестирования инновационных проектов состоит из проектного анализа, предварительных исследований инвестиционных возможностей, подготовки инвестиционных предложений, заключения инвестиционных контрактов, организации финансирования проектов, контроля за расходованием инвестиционно-финансовых ресурсов, возврата или возмещения израсходованных средств.

11. СИИ исходит из того, что для достижения поставленных целей по производству и реализации инновационной продукции рекомендуется применение методов управления инвестиционным проектом как системой (СУИП). Назначением СУИП, в данном случае, становится обеспечение экономической эффективности такого уровня, который превышает норму дисконта, устраивающую инвестора.

12. СИИ предполагает, что управление инновационной деятельностью федерации и регионов и конкретными инвестиционными проектами следует осуществлять на основе применения современных информационных технологий, развитых банков и баз данных.

В соответствии с разработанной авторами концепцией создания системы инвестирования инноваций (СИИ) предлагается организационно-экономический механизм управления инвестициями в инновации территориального образования (территориального субъекта) (МУИВТО). Такой механизм представляет собой совокупность положений, методов, приемов, мероприятий, обеспечивающих переход определенного территориального образования на инновационный путь развития на основе поиска источников и рационального использования инвестиций¹.

МУИВТО строится на рациональном сочетании централизации и децентрализации. Централизация состоит в ориентации территориального образования на глобальную цель – обеспечение конкурентоспособности его продукции. Управление процессом инноваций должно быть возложено на соответствующее министерство в сфере экономики территориального образования. Выполнение фундаментальных исследований, проведение инновационных исследований по перспективным направлениям следует возложить на научно-инновационный комплексы (НИК). Такие НИК могут создаваться на базе ведущих университетов. Они обладают большей частью научных кадров территориального образования, имеют исследовательские лаборатории, технопарки, в составе которых малые инновационные предприятия, способные не только изобретать, но и производить и реализовывать экспериментальные образцы инновационной продукции. Реализация крупных инновационных проектов может быть централизована в части управления крупной корпорацией. Управление же отдельными инновационными проектами, научно-производственной работой НИК, может быть децентрализовано.

В СИИ могут участвовать любые предприятия и организации территориального образования, в том числе НИК. Не исключается возможность участия в создании СИИ также физических лиц. Как юридические, так и физические лица участвуют в этом процессе, предлагая идеи (замыслы), а также непосредственно проекты. Все это происходит на конкурсной основе. При формировании СИИ нет необходимости создать новые органы управления. Достаточно передача новых полномочий действующим службам и организациям.

Долгосрочные цели территориального образования определяются при формировании его стратегии развития. В свою очередь она разрабатывается в соответствии с закономерностями развития мира в целом. Стратегия развития формируется с учетом специфики конкретного территориального образования. Ее может разрабатывать группа ученых НИК.

Долгосрочная стратегия инновационного развития территориального образования, на наш взгляд, должна разрабатываться в неразрывной связи со стратегией его социально-экономического развития². Долгосрочная стратегия инновационного развития территориального образования, на наш взгляд, должна разрабатываться по отраслевым направлениям. Такие направления, в свою очередь, должны формировать ведомства в соответствии с имеющимися целевыми проблемами. Одно из обязательных условий стратегии инновационного развития территориального образования должно быть предложение альтернатив для решения имеющихся проблем.

Системное рассмотрение долгосрочной стратегии социально-экономического и инновационного развития территориального образования требует использования программно-целевого метода (ПЦМ). Использование ПЦМ предполагает составление дерева целей, которое разбивается на цели, на задачи, а в дальнейшем на средства и пути решения этих задач.

В схеме дерева целей показывается взаимосвязь целей, задач и средств. Их весовые характеристики оцениваются экспертами. Определяется степень влияния задач на цели и средств на задачи. Таким образом, ПЦМ необходим в СИИ для распределения инвестиционных ресурсов по отдельным ведомственным направлениям.

¹ Плотников А.Н. Механизм инвестирования инновационной деятельности: монография. – Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2003. – 216 с.

² Плотников А.Н. Механизм формирования инвестиционной политики: монография. – Саратов: СГТУ, 2000. – 180 с.

Для распределения инвестиционных ресурсов по ведомственным мероприятиям инновационного развития территориального образования предлагается авторская модель действий в складывающихся ситуациях. Она предназначена для выбора мероприятий из имеющихся, а также для составления прогноза, плана и принятия управленческого решений. Определяются цели в виде ожидаемых результатов по направлениям инновационного развития территориального образования. Для реализации целей предусматривается выполнение намечаемых мероприятий. Их осуществление происходит посредством реализации отдельных мероприятий.

Такая модель изображается в форме иерархического ориентированного графа – дерева решений (мероприятий)¹. Достижение вершин графа означает выполнение комплекса или отдельных мероприятий и тем самым достижение поставленных целей. Дуги графа показывают на то, что между мероприятиями существует технологическая зависимость.

С точки зрения экономики вершина графа характеризуется показателями эффективности или затратами, а также степенью вероятности завершения и получения эффекта. К показателям эффективности следует отнести чистый дисконтированный доход (ЧДД), а для объектов социально-экологической значимости – показатель комплексной эффективности (Эк). Показатели эффективности рассчитываются с учетом факторов риска².

Аналитические исследования проводятся по отраслевым направлениям соответствующими ведомствами. Такие исследования включают рассмотрение состояния экономики территориального образования, выявление имеющихся проблем. Для решения выявленных проблем выдвигаются альтернативные пути их решения и разрабатываются соответствующие мероприятия. К проведению аналитических исследований могут быть привлечены ученые НИК.

Выбор варианта инновационного проекта из имеющихся альтернатив проводится на конкурсной основе с применением экспертного анализа. Его проводят специалисты различного профиля.

Для инновационных проектов, имеющих не столько экономическую выгоду, сколько социальную или политическую значимость, авторами предлагается показатель комплексной эффективности проекта. Расчетным путем определяются показатели экономической эффективности (в частности ЧДД или ВНД). Они используются для сравнения вариантов решений. Для каждого альтернативного решения определяется характеристика веса по всем его составляющим. Значение характеристики веса каждого составляющего находится в пределах 100 единиц. Веса показателей экономической эффективности для альтернатив будут соответствовать тем пропорциям, которые получены в результате расчетов. С учетом экспертного анализа определяются показатели комплексной эффективности.

Предлагаемая система показателей может быть дополнена общими и частными показателями результатов инновационной деятельности в натуральном выражении. Но существует сложность в получении достоверных данных по этим показателям. Нами предлагается использовать данные оперативных сводок органов управления территориальных образований, а также результаты экспертных оценок по инновационным проектам. Для оценки состояния инновационной деятельности индикатором при анализе могут служить пределы отклонений показателей или их нормативное значение³.

При сравнении фактических показателей с ранее запланированными может быть использована система стандартов в принятии решений. Такие стандарты разрабатываются на основе, выявленных в результате анализа типовых ситуаций. В этом случае для оценки состояния блоков показателей, на наш взгляд, следует использовать трехбалльную систему с оценками: неудовлетворительно, удовлетворительно и вполне удовлетворительно. Состояние оценок разных позволяет получить стандартные решения для их принятия в управлении инвестициями в инновационные проекты.

Процесс регулирования инвестированием в инновационные проекты, таким образом, осуществляется на основе изучения отклонений показателей от плана и от установленных индикаторов. Использование такого механизма позволяет не только исследовать складывающуюся ситуацию, но и принимать соответствующие решения по регулированию. Исследование показателей в динамике показателей позволяет прогнозировать развитие ситуации в инвестировании инновационной деятельности. Стандартные процедуры принятия решений формализуются, поддаются алгоритмизации, программированию и компьютерной обработке.

¹ Плотников А.Н. Организационно-экономический механизм инвестирования инновационной деятельности: Теория и методология. Дис. на соискание ученой степени доктора экономических наук. Саратов: СГТУ, 2003. – 368 с. – <http://www.dissercat.com/content/organizatsionno-ekonomicheskii-mekhanizm-investirovaniya-innovatsionnoi-deyatelnosti-teoriya>

² Плотников А.Н., Денисов В.Т. Критерии принятия инвестиционного решения в условиях неопределенности и риска. Материалы четвертой международной научной конференции «Проблемы экономической интеграции Украины в Европейский Союз: инвестиционный аспект». 13–15 вересня 1999 г., Ялта – Форос. – С. 14–21.

³ Плотников А.Н., Ефименко И.Б., Казакова Н.В. Механизм управления инвестициями в инновационную деятельность региона: монография. – Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2002. – 160 с.

Поплыко В.И.

к.э.н., доцент, Белорусский государственный экономический университет, Минск

ИННОВАЦИОННОЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Ключевые слова: региональная экономика, инновационно-технологическое развитие, Республика Беларусь.

В условиях современного общества инновационный процесс пронизывает всю экономику страны. Странам с трансформационным типом экономики, включая Беларусь, необходимо “подтягивать” свое народное хозяйство, в первую очередь, промышленность до необходимого технологического уровня через инновационный процесс. Инновационный тип развития подразумевает способность экономики к непрерывному совершенствованию и трансформации.

Инновационное развитие региона не является новой темой для мирового сообщества: в мире всегда существовали территориальные «очаги» науки и новых технологий, однако осознание ее приоритетности, выделение как главного направления регионального регулирования экономики в индустриально развитых странах относят к началу 1990-х гг. Изменение роли региона в осуществлении инновационной деятельности проявляется, в том числе в смене объекта государственного регулирования: от «научной политики» (Science Policy) в 1960–1970-х гг., к «научно-технологической политике» (Science and Technology Policy S&T) в 1970–1980-х гг., в 1980–1990-х гг. – к политике, основанной на сочетании технологий и экономики (Economy and Technology Policy – E&T) и, наконец, в начале 1990-х гг. во многих развитых странах практически синхронно начался процесс объединения научной, промышленной политики, частично экономической и региональной в инновационную политику, в последние годы именуемую New Economic Geography (NEG)¹.

Представляется целесообразным дать оценку региональным особенностям инновационного развития экономики Беларуси. Для этого воспользуемся статистическими методами анализа фактических данных по административным районам страны за 2011–2013 гг. Здесь нужно отметить следующий подход. Если в районе расположены несколько городов или городских поселений, их показатели суммируются и зачисляются на «баланс» конкретного территориального административного образования. Инновационное развитие экономики имеет множество характеристик. В качестве показателя возьмем удельный вес отгруженной инновационной продукции районом в исследуемом году. Здесь нужно отметить, что из 118 районов в исследуемом периоде только по 76 имелись отчетные данные за 2011–2013 гг. В 42 территориальных административных образованиях промышленные предприятия не выпускали инновационную продукцию².

Первоначально проведем кластерный анализ районов по выбранным признакам для разбиения на группы. Этот анализ представляет собой совокупность методов классификации многомерных наблюдений или объектов, основанных на определении понятия расстояния между объектами с последующим выделением из них групп, «сгустков» наблюдений (кластеров, таксонов). Кластерный анализ используется при исследовании структуры совокупностей социально-экономических показателей или объектов: предприятий, регионов, социологических анкет, коллективов и т.д. Методы кластерного анализа позволяют разбить изучаемую совокупность объектов на группы «схожих» объектов, называемых *кластерами*³.

Большинство методов кластеризации (иерархической группировки) являются *агломеративными* (объединительными) – они начинают с создания элементарных кластеров, каждый из которых состоит ровно из одного исходного наблюдения (одной точки), а на каждом последующем шаге происходит объединение двух наиболее близких кластеров в один. Момент окончания этого процесса может задаваться исследователем (например, указанием требуемого числа кластеров или максимального расстояния, при котором допустимо объединение). Графическое изображение процесса объединения кластеров может быть получено с помощью *дендрограммы* – дерева объединения кластеров.

Данный подход позволит нам проверить гипотезу о существовании групп инновационных районов, объединить их по определенным признакам, избежать слепой «интерпретации» полученных результатов чисто эмпирическим и

¹ Научная электронная библиотека [Электронный ресурс] / Гуриева, Л.К. Новые подходы к инновационному развитию регионов // Гуманитарные и социальные науки 2013. № 5, с. 35 – 42. Режим доступа. Научная электронная библиотека.: <http://elibrary.ru/defaultx.asp>. Дата доступа: 11.01.2015.

² Промышленность // Социально-экономическое развитие регионов Республики Беларусь за январь-декабрь 2011 г. Т. 1. – http://belstat.gov.by/bgd/public_Bulletin_Regions_1.rar

³ Тюрин Ю.Н., Макаров А.А. Анализ данных на компьютере / Под ред. В.Э. Фигурнова. – М.: Финансы и статистика, 1995. – 384 с.

формальным путем. В процессе исследований расчеты проводились с помощью статистического пакета STATGRAPHICS (Statistical Graphics System)¹.

Как меру близости объектов используем квадрат евклидового расстояния для получения результатов. Принцип работы иерархических агломеративных процедур состоит в последовательном объединении групп элементов сначала самых близких, а затем все более отдаленных друг от друга. По координатам центроидов можно судить о том, какие переменные играют наибольшую роль в каждом кластере. В методе Варда расстояние между двумя кластерами – сумма квадратов между двумя кластерами, суммированными по всем переменным. Этот метод объединяет кластеры, которые имеют небольшое количество наблюдений, и имеет тенденцию выделять кластеры, которые имеют приблизительно то же самое число членов. Данные будут группироваться по схожести наблюдаемых объектов.

Итоги проведенных расчетов приведены в табл. 1. В сводке кластерного анализа представлены результаты распределения районов по группам. Количество административных образований, объединенных в группы, колеблется от 19 до 33, их доля, соответственно от 25 до 43,4%. Самое главное заключается в том, что расчеты координат центроидов дают представление о некой средней величине признаков каждого кластера. Таким образом, можно получить как количественную (число объектов), так и качественную характеристику (по признакам) каждой выделенной группы районов.

Таблица 1

Результаты кластерного анализа

Кластер	Количество районов	Координаты центроидов			В % к итогу
		удельный вес отгруженной инновационной продукции, в % за 2011 г.	удельный вес отгруженной инновационной продукции, в % за 2012 г.	удельный вес отгруженной инновационной продукции, в % за 2013 г.	
1	33	9,06	11,87	8,24	43,4
2	24	1,95	3,09	3,33	31,6
3	19	23,9	31,18	32,75	25,0
Итого	76	17,4	17,9	17,8	100,0

Рассчитано автором. Источники: Промышленность // Социально-экономическое развитие регионов Республики Беларусь за январь-декабрь 2012 г. Т.1. – http://belstat.gov.by/bgd/public_reg_12_12_vol1.rar; Промышленность // Социально-экономическое развитие регионов Республики Беларусь за январь-декабрь 2013 г. Т. 1. – http://belstat.gov.by/bgd/public_bulletin/index_393

В результате кластерного анализа всех территориально-административных образований по 1 признаку за 20011-2013 гг. были сформированы следующие группы:

- первая, которая отличается невысокими значениями удельного веса отгруженной инновационной продукции. В данную группу входит максимальное число районов – 33. Одновременно данные территории характеризуются небольшими значениями (почти в 1,5 – 2 раза ниже среднереспубликанских показателей);

- вторая, включающая в себя районы с наихудшими показателями инновационного развития. Они состоят из районов, в которых доля инновационной продукции составляет всего 2–3,3%. По числу административных районов она занимает 2 место;

- третья, которая объединяет территории с самыми высокими показателями инновационного развития. Промышленные организации, располагающиеся в районах, относящихся к данной группе, составляют одну четверть от числа исследуемых районов.

Данная группировка районов позволяет условно их разделить на три совокупности. Первая, объединяющая наиболее эффективные инновационные районы 3 группы, общим количеством 19. Вторая, с худшими производственными показателями, включающие 1 и 2 кластеры. Третья, включающая территории, на которых не зафиксированы инновационные производства.

Проведенный многомерный анализ дает представление о региональном распределении аграрных районов. Группы складывались следующим образом:

1. Бешенковичский, Верхнедвинский, Глубокский, Лепельский, Миорский, Оршанский, Полоцкий, Поставский, Гомельский, Жлобинский, Мозырский, Речицкий, Новогрудский, Борисовский, Крупский, Минский, Кричевский, Могилевский, Шкловский;

2. Барановичский, Березовский, Ганцевичский, Дрогичинский, Жабинковский, Лунинецкий, Браславский, Витебский, Докшицкий, Толочинский, Чашникский, Шумилинский, Ветковский, Добрушский, Житковичский, Наровлянский, Светлогорский, Хойникский, Волковысский, Гродненский, Зельвенский, Лидский, Мостовский, Островецкий, Ошмянский, Слонимский, Сморгонский, Щучинский, Березинский, Дзержинский, Пуховичский, Стародорожский, Узденский, Бобруйский, Осиповичский, Брестский, Ивацевичский, Кобринский, Ляховичский, Малоритский, Пинский, Пружанский, Городокский, Сенненский, Рогачевский, Дятловский, Кореличский, Свислочьский, Вилейский, Воложинский, Клецкий, Молодечненский, Несвижский, Слуцкий, Смолевичский, Солигорский, Червенский;

3. Ивановский, Каменецкий, Столинский, Дубровенский, Лиозненский, Россонский, Ушачский, Шарковщинский, Брагинский, Буда-Кошелевский, Ельский, Калинковичский, Кормянский, Лельчицкий, Лоевский, Октябрьский, Петриковский, Чечерский, Берестовицкий, Вороновский, Ивьевский, Копыльский, Логойский, Любанский, Мядель-

¹ STATGRAPHICS Plus For Windows. User Manuals. Manugistics Inc., USA. 1995.

ский, Столбцовский, Бельничский, Быховский, Глусский, Горецкий, Дрибинский, Кировский, Климовичский, Кличевский, Костюковичский, Краснопольский, Круглянский, Мстиславский, Славгородский, Хотимский, Чаусский, Чериковский.

Полученные группы районов территориально формируют «пейзаж». Их географическое взаимодействие представлено следующим образом:

первая, которая включает 25 районов в центральной, северо- и юго-восточной части страны;

вторая, включающая 57 района центральной и западной части страны в направлении Центр-Запад;

третья, состоящая из 42 районов с отсутствием производств инновационной продукции. Они расположены в Полесье и на востоке страны (большой части Могилевской области).

В Республике Беларусь существует неразвитый рынок технологий и инновационной инфраструктуры, сложность нормативной правовой базы, «непрозрачность» финансовых потоков и другие. Все это приводит как к низкому спросу на инновационную продукцию (услуги), так и низкому предложению со стороны производителей.

Дальнейшее развитие промышленности требует, в первую очередь, выработки эффективной инновационной стратегии, которая должна учитывать реальные возможности экономики, приоритетные направления инвестиций, которые должны быть, направлены на комплексное техническое перевооружение перспективных производств. С этой целью должен действовать набор стимулов и мотивов, который обеспечивал бы постоянную готовность отраслей промышленности вводить новшества, модернизировать экономику, ускорять ее развитие.

Рабаданова А.А.

к.э.н., н.с. Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН

НАПРАВЛЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова: экономика региона, структурная перестройка экономики, модернизация экономики.

Модернизация региона в решающей степени зависит от структурной перестройки его экономики, формирования производственной структуры, отвечающей критериям развитой индустриальной экономики. При этом модернизация экономики, диверсификация ее реального сектора не могут быть осуществлены спонтанно, на основе исключительно механизмов рыночного саморегулирования. Особенно это актуально для проблемных регионов, где активная государственная структурная политика является объективной необходимостью.

Роль государства в проведении структурной политики заключается не в управлении конкретными предприятиями или их опеке, а в разработке приоритетов и полюсов роста для формирования долговременной политики, ориентированной на достижение устойчивого развития на основе обеспечения продовольственной, энергетической и экономической безопасности региона.

Оптимальное развитие региональной экономики возможно только на основе разработки механизмов, регулирующих структурные сдвиги в регионе. В связи с этим в процессе формирования и реализации структурной политики региона необходимо решить следующие задачи:

- трансформацию сложившихся отраслевых пропорций;
- техническую модернизацию и обновление производства;
- обеспечение выпуска конкурентоспособной продукции;
- формирование новой размерной структуры экономики региона;
- рационализацию системы хозяйственных связей.

В качестве результирующего параметра данных преобразований выступает адаптация производительных сил региона к требованиям рыночной экономики, адаптивно включенной в мировые хозяйственные связи.

Структурная политика региона должна исходить из необходимости преодоления отставания развития, диверсификации экономики и расширения собственных возможностей финансирования, интенсивного развития социально значимых услуг.

При формировании структурной политики региона необходимо ответить на следующие важные вопросы:

- какие отрасли производства и направления деятельности следует целенаправленно поддерживать и развивать для придания устойчивости и динамизма региональной экономике;
- какие институциональные и правовые условия должны быть созданы для ее целенаправленной поддержки;
- какие меры и механизмы государственной поддержки необходимы для обеспечения структурных изменений в экономике региона.

При оценке темпов и перспектив развития региона на первый план выступает степень инвестиционной активности. В связи с этим со стороны региональных органов власти целесообразно направить свои усилия на стимулирование инвестиционной активности в регионе, что предусматривает:

- 1) реализацию мероприятий по созданию благоприятной среды для осуществления экономической деятельности хозяйствующих субъектов;
- 2) повышение экономической активности в регионе за счет политики привлечения ее из-за пределов территории;
- 3) трансформацию структуры форм собственности хозяйственных единиц, функционирующих на региональном рынке, включая развитие новых видов предпринимательства;
- 4) поддержку существующих производств с целью повышения их конкурентоспособности путем предоставления им различных услуг;
- 5) реализацию жизненно важных для региона проектов при непосредственном участии региональных органов власти.

Формирование и реализация эффективной структурной политики региона позволит минимизировать противоречия и несогласованность территориального развития, обеспечить решение социально-экономических проблем и повысить инвестиционную привлекательность региона.

А это в свою очередь позволит регионам России скорее включиться в мировые инновационные процессы, использовать важнейшие нововведения, в том числе в области организации и управления, повысить уровень человеческого потенциала. Только при этих условиях регион может извлекать полезный эффект из неизбежных процессов глобализации, а не становиться их жертвой.

Рабцевич А.А.

ассистент Башкирского государственного университета
cruiser333@yandex.ru

ПОКАЗАТЕЛИ, ПОТЕНЦИАЛЬНО ПРИМЕНИМЫЕ ДЛЯ АНАЛИЗА ИННОВАЦИОННОЙ ОРИЕНТАЦИИ СУБЪЕКТОВ РЫНКА ТРУДА

Ключевые слова: инновационное развитие, рынок труда, муниципальная статистика.

Keywords: innovative development, labor market, municipal statistics.

Экономический, ресурсный, демографический и другие срезы социально-экономической системы региона обуславливают характерные черты формирования и специфику региональных рынков труда. Широкий спектр подходов к анализу содержания и управлению рынком труда, предполагающих, в основном, обособленное рассмотрение как отдельных элементов, так и целостного состояния, включает также и системный подход, который получил особенно сильное распространение в современных российских исследованиях рынка труда¹. Исходя из системного подхода, можно выделить три уровня рынка труда и, соответственно, различных факторов, воздействующих на него: макроуровень (федеральный), мезоуровень (региональный) и микроуровень (муниципальный, местный, локальный).

Поскольку регионы Российской Федерации практически не имеют опыта принятия системных решений в области институционального регулирования без согласования с федеральным Центром, ключевая роль в трансформации внутреннего содержания и отношений на рынке труда должна принадлежать инициативам, главная цель которых – формирование механизма взаимодействия и согласования интересов работника и работодателя. Таким образом, институциональным базисом самого существования рынка труда становятся совокупность экономико-правовых форм собственности, пополнение и уточнение законодательства о труде, контроль над исполнением контрактов и др.

Исследование регионального рынка труда как объекта управления объективно требует рассмотрения его принадлежности к конкретному территориальному образованию и должно в максимальной степени учитывать специфику рынков труда каждого городского округа и муниципального района, тесно связанную с историческими, экономическими, географическими, демографическими, этническими и другими условиями.

Регулирование территориального развития региональной властью органически связано с отраслевым развитием, так как они представляют две формы целостного процесса общественного разделения труда. Кроме того, региональный рынок труда, как известно, охватывает всю систему взаимосвязей предложения рабочей силы и спроса на нее в рамках региона. Рынок труда зависит от институциональных факторов сильнее любого другого рынка, поскольку рабочая сила – специфический товар, выполняющий как экономические, так и социальные функции.

В.П. Колесов, А.А. Пороховский, В.А. Зубенко и другие ученые, по нашему мнению, обоснованно считают, что для России в глобализирующемся мире «такой параметр, как дешевизна рабочей силы, практически утратил свое значение. Решающим фактором конкурентоспособности, и, соответственно, объектом управленческого воздействия становится качество рабочей силы: уровень образования, профессиональная подготовка, квалификация, опыт работы»². Кроме этого, например, А.И. Бикчантаева указывает: «В российской экономике в настоящее время не прослеживаются даже попытки преодоления отставания профессионально-квалификационной структуры трудовых ресурсов от требований, предъявляемых постиндустриальным экономическим укладом»³.

Действительно, проблема несоответствия спроса и предложения рабочей силы на локальном рынке труда является наиболее острой для городских округов и муниципальных районов. Как указывает В.В. Суворова, именно в муниципальных образованиях, то есть в конкретных городах, районах, селах для большинства населения «протекают все три периода его жизни: дотрудовой, трудовой, посттрудоустройной». На местном уровне «сосредоточена большая часть проблем, связанных с формированием и развитием трудового потенциала и социально-трудовых отношений, поэтому и решаться они должны на местном уровне»⁴.

Также общеизвестна невозможность эффективно и существенно повлиять на развитие социально-трудовых отношений на уровне городского округа или муниципального района, если осуществлять управляющие воздействия в отношении одного субъекта локального рынка труда (например, работника как исполнителя производственного про-

¹ Баторова Е.М. Регулирование регионального рынка труда как социально-экономической подсистемы региона: автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Улан-Удэ, 2006. – С. 10.

² Колесов В.П. Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России / В.П. Колесов, А.А. Пороховский, В.А. Зубенко; Под ред. В.П. Колесова. – М.: Экономический факультет МГУ им М.В. Ломоносова, ТЕИС, 2002. – С. 566.

³ Бикчантаева А.И. Трансформация рынка труда в условиях модернизации структуры общественного производства (теоретико-методологический аспект): автореферат дис. ... докт. экон. наук: 08.00.01. – Казань, 2012. – С. 30.

⁴ Суворова В.В. Теоретические подходы к проблеме регулирования социально-трудовых отношений в муниципальных образованиях // Вестник СамГУ. 2005. – № 4(38). – С. 52.

цесса), при этом не учитывая потенциал другого участника производственного процесса (работодателя как носителя организаторских способностей в производственном процессе и собственника средств производства).

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ определяет полномочия структур муниципальной власти, ключевым из которых является реализация программ комплексного социально-экономического развития муниципальных образований, включающая требующие оценки стадии планирования и прогнозирования, а также завершающие контрольные процедуры².

В исследованиях различных авторов анализируется большое число целевых программ, однако несмотря на широкое применение программного метода и целевых программ в вопросах интенсификации социально-экономического развития регионов, на уровне городских округов и муниципальных районов такая практика недостаточно распространена. Вместе с тем, субрегиональный уровень является наиболее значимым в развитии территорий, поскольку все экономические и социальные связи между субъектами экономических отношений и само протекание производственного процесса происходит непосредственно в муниципалитетах.

Между тем до сих пор вопросы методического обеспечения мониторинга социально-экономических процессов в регионе остаются не до конца разработанными, прежде всего, это касается «процедур отслеживания результатов реализуемых стратегий»³, и, в первую очередь – стратегии инновационного развития, заявленной высшим руководством страны⁴. Кроме этого, как справедливо указывает Т.С. Кальчук, важнейшей проблемой любой методологии развития социально-экономических систем, заключается «в необходимости осуществления анализа социально-экономического состояния территориальных систем, позволяющего выделить «болевы точки», определить основные проблемы, которые необходимо преодолеть в процессе ее комплексного социально-экономического развития»⁵. Данные тезисы актуальны и для нашего исследования.

В современных российских реалиях отчетливо видна несформированность полноценной системы управления инновационным развитием регионов, внедрение которой имеет большое практическое значение для выполнения задач, связанных с организацией регионального социально-экономического развития и инновационного экономического роста муниципальных образований. Федеральные органы власти озабочены поднятием общего уровня развития страны и в силу этого отслеживают кардинальные диспропорции социально-экономического «ландшафта», осуществляя регулирование (административными или экономическими воздействиями) потоков капитала в те или иные территории и отрасли. В целях инновационного развития на уровне муниципальных образований руководство должно осуществляться региональными властями.

Под «инновационной ориентацией» рынка труда нами понимается свойство рынка труда, выражающееся в наличии способности его субъектов (как представителей труда и капитала), исходя из имеющихся качеств и характеристик деятельности, реализовывать инновационную стратегию⁶.

Под инновационно-ориентированным рынком труда региона нами понимается региональный рынок труда, имеющий устойчивые прогрессивные изменения, в котором все его субъекты (работник, работодатель и государство) готовы принять и реализовать инновационную стратегию и нацелены на дальнейшее инновационное развитие региона⁷.

Для количественной характеристики инновационной ориентации рынка труда (по его субъектам) в разрезе городских округов и муниципальных районов⁸, нами была разработана система индикаторов инновационной ориентации рынка труда⁹.

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Российская газета. – М., 2003. – № 202, 8 октября.

² См.: Мозголин Б.С. Система мониторинга в программно-целевом управлении региональным развитием (на примере Томской области): автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Томск, 2006. – 24 с.; Головки И.С. Комплексные программы социально-экономического развития муниципальных образований: опыт, проблемы, рекомендации / И.С. Головки, Т.В. Псарева, Е.В. Репина-Гаврикова, И.А. Назаренко; Под общ. ред. Т.В. Псаревой. – Новосибирск: Сибирское соглашение, 2006. – 544 с. и др.

³ Сорокина Н.Ю. Методика мониторинга результатов стратегии наращивания трудового потенциала трудонедостаточного региона // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2011. – Вып. 3, ч. 1. – С. 102.

⁴ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – № 1 от 02 января 2012г., ст. 216.

⁵ Кальчук Т.С. Комплексная оценка инновационно-инвестиционного состояния муниципального образования // Прометей. 2011. – № 2 (35). – С. 39.

⁶ Рабцевич А.А. Механизм инновационной ориентации трудовых ресурсов в экономике региона // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. – № 8. – С. 58.

⁷ Рабцевич А.А. Инновационная ориентация рынка труда в экономическом развитии региона // Известия ИГЭА (БГУЭП) (электронный журнал). 2014. – № 4. – eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19299

⁸ Рабцевич А.А. Факторный анализ инновационной ориентации рынка труда Республики Башкортостан и концептуальные основы ее достижения // Приоритетные направления в развитии современного общества: междисциплинарные исследования: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, 09 октября 2014 г. – Белгород: БГТУ им. В.Г. Шухова, 2014; Рабцевич А.А. Инновационная ориентация субъектов локальных рынков труда в городских округах Республики Башкортостан // Мегаполис – территория инноваций: политика, экономика, культура, репутационный капитал: материалы Международной научно-практической конференции, 17 октября 2014 г. – М.: Федерация мира и согласия, 2014. – С. 116–125.

⁹ Рабцевич А.А. Методические основы анализа инновационной ориентации рынка труда / А.А. Рабцевич, А.В. Янгиров // Экономика и предпринимательство. 2013. – № 12–4. – С. 215–223; Рабцевич А.А. Методические основы исследования инновационной ориентации работника // Известия ИГЭА. 2014. – № 4. – С. 106–116; Рабцевич А.А. Методические основы исследования инновационной ориентации работодателя // Экономика и сервис: от теории к практике: материалы II Международной заочной научно-практической конференции, 7 мая 2014 г. – Владимир: ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2014. – С. 140–148.

В оценке инновационной ориентации рынка труда решающее значение имеет тот факт, что система индикаторов взаимосвязана с характеристиками демографического, образовательного, производственного и иных «потенциалов», отражающих тот или иной срез социально-экономической системы региона. В первую очередь, требуется расширить рамки сравнительного анализа базовых показателей (для расчета индикаторов инновационной ориентации) во времени, другими словами – детализировать годовые показатели до более малых периодов (квартал, месяц), в целях отслеживания динамики их изменения в более детализированном временном периоде, что значительно повысит достоверность проводимого исследования, результаты которого будут апробированы на более обширном фактическом материале. Кроме того, может выявиться необходимость расширить обоснованный перечень показателей и отказаться от показателей, по которым, например, перестают поступать данные в связи с изменением методологии статистического наблюдения государственных статистических служб.

Анализ основных путей интенсификации и эффективности использования инновационных возможностей работника и работодателя на локальном рынке труда предполагает также определение потенциала использования показателей, используемых исследователями для анализа различных аспектов рынка труда (в части связанной с ним инновационной активности субъектов), адаптированных нами к условиям муниципального уровня и представленных в табл. 1.

Таблица 1

Индикаторы, потенциально возможные к использованию в измерении инновационной ориентации локального (муниципального) рынка труда

	Индикатор	Формула и базовые показатели расчета, ед. изм.	Аспекты инновационной ориентации, раскрываемые индикатором
1	Качество рабочей силы	$Kp/c = D_{кв.} / D_{в.обр.} + D_{ср.кв.} / D_{ср.обр.}$, где $D_{кв.}$ – Доля квалифицированной рабочей силы в общей численности занятых; $D_{в.обр.}$ – Доля лиц с высшим проф. образованием в общей численности занятых; $D_{ср.кв.}$ – Доля занятых со средним уровнем квалификации; $D_{ср.обр.}$ – Доля лиц со средним проф. образованием в общей численности занятых.	Качество рабочей силы по квалификации
2	Коэффициент напряженности (Нагрузка незанятого населения на одну заявленную вакансию)	$K_n = Ч_б / Ч_в$, где $Ч_б$ – общая численность безработных, чел.; $Ч_в$ – численность вакансий, заявленных работодателями, шт.	Несовпадение спроса и предложения рабочей силы. Объем структурной безработицы.
3	Продолжительность поиска работы, мес.	Не вычисляется. Данные из служб занятости.	Активность рабочей силы в поиске работы
4	Рентабельность трудового потенциала	$R_{тп} = \Pi / \Phi_{зп\text{пром}}$, где Π – Прибыль от обычной деятельности до налогообложения, тыс. руб.; $\Phi_{зп\text{пром}}$ – Фонд заработной платы занятых в промышленности, тыс. руб.	Эффективность использования трудового потенциала
5	Доля инновационного риска	$I_r = (K_{ип} / K) (O_{ти} / O_t)$, где $K_{ип}$ – Количество организаций, осуществляющих инновационную деятельность, шт.; K – Общий объем организаций, шт.; $O_{ти}$ – Объем инновационной продукции, тыс. руб. O_t – Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, тыс. руб.	Риск инновационной деятельности
6	Индекс деловой активности	$I_{да} = V_{мп} / C_{чрмп}$, где $V_{мп}$ – Объем оборота малых предприятий, тыс. руб.; $C_{чрмп}$ – Среднесписочная численность работников малых предприятий, чел.	Деловая активность малых предприятий, уровень создаваемого дохода
7	Экономическая эффективность муниципального образования	$K_{ээ} = V_{ту} - 3 / 3$, где $V_{ту}$ – Объем реализованной продукции и услуг, тыс. руб.; 3 – Материальные затраты на создание добавленной стоимости, тыс. руб.; В свою очередь, $V_{ту} - 3 = ДС$ – добавленная стоимость, созданная всеми предприятиями, учреждениями и организациями, зарегистрированными в муниципальном образовании, тыс. руб.	Показывает имеющийся уровень эффективности производства на территории округа/района
8	Социальная нагрузка на 1 работника	$C_n = (Ч_n - C_{чр}) / C_{чр}$, где $Ч_n$ – Общая численность населения, чел.; $C_{чр}$ – Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций, чел.	Отражает социальную нагрузку на экономику.
9	Уровень заработной платы в структуре внутреннего муниципального продукта (отгрузки товаров)	$У_{зп} = \Phi_{зп} / O_t$, где $\Phi_{зп}$ – Фонд заработной платы занятых в промышленности, тыс. руб.; O_t – Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, тыс. руб.	Эффективность использования трудового потенциала

Выделенные нами индикаторы определяются деятельностью основных субъектов регионального рынка труда (совокупного работника и работодателя) и обосновываются как имеющие тесную связь с инновационным развитием территорий в работах многочисленных авторов, однако в отношении данных индикаторов отсутствуют статистические данные по базовым показателям, необходимые для их количественной оценки.

1. Качество рабочей силы. Для оценки параметров качественного и структурного соответствия рабочей силы и рабочих мест в разрезе профессионально-квалификационных групп и видов экономической деятельности С.Г. Кузнецовым и И.И. Мухиной предложено использовать интегрированные показатели, объединяющие в себе ряд качественных характеристик рабочей силы и системы рабочих мест. В качестве показателя, адекватно характеризующего качественные характеристики рабочей силы, данные исследователи предлагают «коэффициент качества рабочей силы», «содержательный смысл которого определяется соотношением численности занятых в экономике страны по уровню квалификации и образования»¹. В свою очередь, высококвалифицированная качественная рабочая сила является ключевым фактором инновационного развития экономики.

2. Коэффициент напряженности, нагрузка незанятого населения на одну заявленную вакансию.

3. Продолжительность поиска работы. В своих исследованиях Е.Н. Дубровская предложила и систематизировала показатели оценки воспроизводства рабочей силы, позволяющие произвести оценку текущего состояния ее воспроизводства на разных фазах воспроизводственного процесса. Так, в фазе «обмен», «распределение» выделяются показатели «коэффициент напряженности», позволяющий определить несовпадение структуры спроса и предложения рабочей силы, и «продолжительность поиска работы», которая отражает активность местных трудовых ресурсов в поиске работы. По мнению Е.Н. Дубровской, одним из результатов воспроизводства рабочей силы должно стать «увеличение доли инновационно-активной рабочей силы»².

4. Рентабельность трудового потенциала. В.Н. Ковалев и Е.А. Атаева разработали и предложили механизм экономического стимулирования эффективности использования трудового потенциала, количественно иллюстрируемый «нормативным коэффициентом рентабельности трудового потенциала...»³. Способность эффективизировать использование способностей работников в производственном процессе отражает готовность работодателя к реализации инновационной стратегии развития.

5. Доля инновационного риска. При оценке уровня развития региональных инновационных систем П.А. Ивановым одним из наиболее существенных факторов, характеризующих степень риска при реализации инновационных преобразований в регионе, признается «доля инновационного риска»⁴. Фактически, данный показатель отражает концентрацию производства инноваций, соответственно, чем больше концентрация – тем больше риск инновационной деятельности.

6. Индекс деловой активности. Данный показатель, как утверждают Н.В. Исаева и Л.В. Охотникова, характеризует фактическую эффективность отдачи трудовых затрат, что позволяет проанализировать роль предпринимательства в экономике городского округа или муниципального района и выполнить прогноз развития деловой активности населения»⁵. В процессе сокращения традиционных видов экономической деятельности и перехода региональной экономики на инновационный путь развития, важность исполнения социальной и экономической функции малым бизнесом усиливается, что подтверждает справедливость отнесения высокой деловой активности населения к факторам инновационного развития региона.

7. Экономическая эффективность муниципального образования. В диссертации Б.В. Савенкова разработаны и обоснованы критерии жизнеспособности и экономической эффективности муниципального образования, а повышение результатов деятельности местных хозяйствующих субъектов предложено отождествлять с ростом добавленной стоимости. Высокая экономическая эффективность муниципального образования выступает как результат процессов самоорганизации и саморазвития на территории⁶. По нашему мнению, эффективность деятельности предприятия определяет способность работодателя использовать внедренные инновации, обеспечивать максимальное приложение трудовых усилий работников в интересах производства и оптимизировать производственный процесс, что отвечает инновационному развитию.

8. Социальная нагрузка. Повышение социальной нагрузки, как указывается в авторитетных источниках, негативно отражается на деловой активности, в особенности – на инвестиционной и инновационной деятельности предприятий. В условиях увеличения социальной нагрузки дополнительное изъятие оборотных средств неизбежно ведет к снижению инвестиционных потоков и замедлению экономического роста, что, в свою очередь, выражается в обостре-

¹ Кузнецов С.Г. Методология прогнозирования эффективной структуры занятости в условиях инновационного сценария макроэкономического развития / С.Г. Кузнецов, И.И. Мухина // Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: ИНП РАН, МАКС Пресс, 2008. – С. 808.

² Дубровская, Е.Н. Особенности воспроизводства рабочей силы в современной экономической системе России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. – Челябинск, 2012. – С. 19.

³ Атаева Е.А. Управление трудовыми ресурсами в системе дисциплин при обучении экономистов по труду / Е.А. Атаева, В.Н. Ковалев // Проблемы трудовой и профессиональной подготовки: научно-методический сборник. – Славянск: СДПУ, 2004. – Вып. 9. – С. 55.

⁴ Иванов П.А. Методика оценки уровня развития региональной инновационной системы // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 342–344. – teoria-practica.ru

⁵ Исаева Н.В. Деловая активность населения как фактор развития муниципальных образований / Н.В. Исаева, Л.В. Охотникова // Экономика и социум. 2012. – № 5. – С. 335–340. – iur.ru

⁶ Савенков Б.В. Оценка жизнеспособности муниципального образования: автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Челябинск, 2002. – С. 9–14.

нии имеющихся экономических и социальных проблем, а также делает невозможным решение долгосрочных задач, таких как модернизация экономики¹. В работах Т.М. Малевой и О.В. Синявской социальная нагрузка на занятое население исчисляется как «отношение числа занятых к числу пенсионеров»², мы же включаем в показатель все население, не занятое в общественном производстве (региональном производственном процессе).

9. Уровень заработной платы в структуре внутреннего муниципального продукта. В исследованиях В.Н. Ковалева и Е.А. Атаевой ставится задача выбора сопоставимого показателя измерения уровня трудового потенциала и эффективности его использования, отражающего напряженность, качество и производительную силу труда, а также затраты рабочего времени. По мнению данных ученых, «уровень заработной платы в структуре внутреннего валового продукта», отвечая данным требованиям, позволяет выявлять «обратные зависимости между изменением уровня трудового потенциала и эффективностью его использования»³. Кроме того, в международных отчетах содержится вывод о том, что увеличение доли заработной платы в совокупном продукте происходит в периоды снижения экономической активности (рецессии), а сокращение – в период экономического подъема⁴, что означает совпадение трендов инновационного развития экономики и динамики данного показателя.

Выполнение приведенных выше задач и совершенствование алгоритма исследования инновационной ориентации позволит значительно повысить качество методологии и методики анализа рынков труда территорий любого уровня.

¹ Политика повышения налоговой нагрузки на бизнес с 2011 г. // События и комментарии. Сайт Института комплексных стратегических исследований. 2011. – № 1. – icss.ac.ru

² Малева Т.М. Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. Аналитический доклад Независимого института социальной политики / Т.М. Малева, О.В. Синявская. – М.: Поматур, 2005. – С. 8.

³ Атаева Е.А. Управление трудовыми ресурсами в системе дисциплин при обучении экономистов по труду / Е.А. Атаева, В.Н. Ковалев // Проблемы трудовой и профессиональной подготовки: научно-методический сборник. – Славянск: СДПУ, 2004. – Вып. 9. – С. 54.

⁴ Доклад «Заработная плата в мире в 2010–2011 гг.». Политика в области заработной платы в период кризиса. = Global Wage Report 2010/2011: Wage policies in times of crisis. – М.: MOT, 2010. – 140с. С. 22–25.

Радионова С.П.

к.э.н., доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ (РЕГИОНА, РАЙОНА)

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционные проекты, государственно-частное партнерство, стратегия, социально-экономическое развитие, принципы комплексного развития территории, инфраструктурные проекты, кластерный подход, финансовые модели, секьюритизация активов, проектные риски, экономическая эффективность.

Keywords: investments, investment projects, public-private partnerships, strategy, socio-economic development, innovation development, the principles of integrated territorial development, infrastructure projects, the cluster approach, financial model, asset securities, project risks, economic efficiency.

При разработке инвестиционных проектов по развитию транспортно-логистической инфраструктуры в регионе (районе) с использованием механизма государственно-частного партнерства (ГЧП), необходимо учитывать интересы государства и бизнеса как непосредственных участников (инвесторов) данного проекта, а также широкий диапазон бизнес-деятельности, который может быть связан с создаваемым объектом и предусмотрен в стратегических направлениях развития региона, в т.ч. в реализации планов социально-экономического развития региона. Механизм ГЧП должен разрабатываться не для развития или строительства одного экономически или социально-значимого объекта, а для комплекса объектов, важность (значимость) которых зафиксирована, например, в «дорожной карте» региона. Это может быть комплекс объектов, в той или иной степени связанных между собой, целостность в данном случае трактуется через подчиненность единой целевой установке. Важной проблемой является построение эффективных финансовых моделей с использованием механизмов ГЧП.

В предлагаемом контексте финансовые модели на основе ГЧП должны отражать интересы предприятий территориального кластера и учитывать принципы комплексного развития территории района. Кроме этого, развитая транспортно-логистическая инфраструктура способствует интенсификации процесса взаимодействия предприятий, расположенных на данной территории (кластерный подход). Предприятия могут заключать межфирменные соглашения о совместных поставках, факторинге и др., что ведет к сокращению издержек, распределению риска, повышению конкурентоспособности и улучшению имиджа. Использование комплексного подхода для реализации инвестиционной стратегии региона (района), которая учитывает не только создание новых объектов, но и сосуществование, а в лучшем случае – формирование преимуществ, полученных на основе межфирменных связей между функционирующими предприятиями территориального кластера, приводит к еще одной проблеме – проблеме эффективных стратегических альянсов. Основная проблема деятельности альянсов связана с различиями в деловых культурах компаний партнеров. Здесь следует отметить проявившуюся в последнее время тенденцию опережающего роста нематериальных активов по сравнению с материальными активами и, в частности, рост инвестиций в корпоративную культуру и в человеческий капитал, что в дальнейшем окажет влияние на инновационное развитие предприятий. Использование механизмов ГЧП при реализации комплексного плана развития территории может сочетаться и с другими финансовыми механизмами, например, секьюритизацией активов и фандрейзингом.

Существует несколько определений ГЧП, универсальным (принятым и используемым в официальных документах и научной литературе) является следующее: «Государственно-частное партнерство – это институциональный, организационно-финансовый и имущественный альянс между государством и бизнесом в целях совместной и скоординированной реализации общественно значимых инвестиционных проектов и программ в широком спектре отраслей национальной экономики (в диапазоне от промышленности и НИОКР до сферы услуг)» [1]. Актуальным на современном этапе развития России является следующее определение ГЧП: «Государственно-частное партнерство – это долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество государства и бизнеса, направленное на реализацию социально значимых проектов в целях обеспечения эффективности использования имущества, находящегося в собственности государства, повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям, реализация проектов, направленных на развитие образования, здравоохранения, социального обслуживания населения, физической культуры, спорта, культуры, туризма, транспортной и инженерной инфраструктур, инфраструктуры связи и телекоммуникаций, достигаемое посредством привлечения частных ресурсов и разделения рисков между партнерами» [2]. Механизмы ГЧП чаще всего используются при реализации инвестиционных проектов развития транспортно-логистической инфраструктуры региона. Разработанная Министерством транспорта РФ Транспортная стратегия России на период до 2030 г. предусматривает: формирование опорной транспортной сети без разрывов и узких мест; ликвидацию диспропорций в уровне развития транспортной инфраструктуры в отдельных регионах страны; реализацию приоритетных инфраструктурных

проектов, обеспечивающих единство транспортной системы. В свою очередь системный целевой подход позволит инфраструктурным проектам стать базой для формирования системы инновационно-инвестиционных проектов, приоритетность которых определяется социально-экономической стратегией развития региона (района). В соответствии с этим представляет интерес определение транспортно-логистической инфраструктуры в контексте социально-экономического развития региона, которое приводится в работе [3]: «Транспортно-логистическая инфраструктура представляет собой совокупность отраслей, предприятий и организаций, входящих в эти отрасли, а также видов их деятельности, обеспечивающих организационно-экономическое взаимодействие в рамках логистического процесса, осуществляемого хозяйствующими субъектами на основе принципов экономической эффективности как национальной экономики в целом, так и ее экономических субъектов в условиях конъюнктурных колебаний рынка». Системообразующими элементами формирования транспортно-логистической инфраструктуры в России становятся транспортные узлы, магистральные и местные пути сообщения, контейнерные и грузоперерабатывающие терминалы, мультимодальные транспортно-логистические центры (МТЛЦ).

Каждый регион должен быть заинтересован как в разработке реальной концепции развития транспортно-логистической системы, так и в создании программы ее реализации совместно с комплексом других инвестиционных проектов данного региона. Инвестирование в интермодальную инфраструктуру будет зависеть от местных инициатив, от возможностей в привлечении финансовых средств из региональных и федеральных программ, от возможностей операторов интермодальных перевозок. Транспортно-логистическая инфраструктура является частью транспортно-логистической системы (ТЛС), в которую входят объекты и субъекты транспортной и логистической инфраструктуры вместе с финансовыми, материальными, и информационными потоками между ними, обеспечивающими выполнение функций транспортировки, хранения, распределения товаров, а также сопровождения товарных потоков (информационного и правового). С учетом определений, приведенных выше, использование механизма ГЧП и других механизмов финансирования при разработке базового инфраструктурного инвестиционного проекта региона (района) позволит частному бизнесу в дальнейшем участвовать в сопутствующих (сопряженных) инвестиционных проектах (возможно и разной отраслевой принадлежности). Следует еще акцентировать внимание на том, что в сфере инфраструктуры торгового рынка не создается новая продукция, но увеличивается стоимость уже созданной продукции в производственном секторе экономики. Добавленная инфраструктурой стоимость, включает расходы на управление, маркировку, экспедирование, погрузку, выгрузку, транспортировку, складскую обработку, хранение, страхование, охрану и продажу товаров, включая налоги, акцизы, пошлины. Появляется новая проблема – проблема оптимизации затрат, связанная не только с эффективным функционированием транспортно-логистической инфраструктуры, но и с оптимизацией затрат торговых предприятий, т.к. сегодня доля таких добавленных затрат нередко превышает 1/3 конечной цены, по которой реализуется продукция в нашей стране. Не только логистика играет стратегически важную роль в сокращении указанных затрат и ускорении продвижения товаропотоков, но также важно внедрять системы оптимизации затрат на торговых предприятиях. Важна и система мониторинга расходов торговых предприятий по таким блокам как: условно-переменные расходы, т.е. связанные с созданием добавленной стоимости (перемещение, хранение, переработка и упаковка уже созданных потребительных стоимостей); условно-постоянные расходы, связанные с обслуживанием процесса купли-продажи товара (денежные и кредитные расчеты, ведение учета, расходы на рекламу, расходы на изучение спроса, расходы на АУП и др.); условно-постоянные расходы, связанные с издержками обращения в сфере потребления (нахождение, покупка и доставка покупателям товаров на дом). Это поможет снизить цены на товары для конечного потребителя на рынке.

Кроме создания и функционирования торговых предприятий, в комплекс рассматриваемых инвестиционных проектов могут входить проекты, связанные с открытием культурных, образовательных, просветительских центров, жилищно-коммунальных служб, предприятий малого бизнеса, инновационных фирм. Для этих инвестиционных проектов также могут быть использованы различные схемы финансирования, в том числе и механизм ГЧП, так как текущий уровень бюджетного финансирования недостаточен, в т.ч. и для опережающего развития транспортного комплекса России. В настоящее время сложно оценить перспективы использования ГЧП, так как отсутствуют коммуникативные навыки между представителями различных общественных институтов, бизнес-сообществ, а также слабо используется системный подход при реализации инфраструктурных инвестиционных проектов на конкретной территории. Эти недостатки относятся к издержкам развивающейся рыночной экономики. Министерством транспорта РФ создан экспертный совет по развитию ГЧП, в который вошли эксперты, представляющие различные бизнес-ассоциации и союзы. Поиск совместных решений связан с мерой ответственности, распределением рисков, более эффективным использованием средств налогоплательщиков и определением эффекта для дальнейшего развития региона (например, разработка специального раздела бизнес-плана инвестиционного проекта, посвященного прогнозу регионального развития). Предполагается, что ГЧП станет основой развития и модернизации транспортно-логистической инфраструктуры, и на российском логистическом рынке появятся новые транспортно-экспедиторские и складские операторы, логистические компании, образованные, в том числе, на принципах ГЧП.

Транспортная стратегия в качестве основной формы партнерства определяет концессии. Государство, как правило, берет на себя инфраструктурные объекты – ЛЭП, автодороги, мосты, железные дороги, нефтепроводы причалы и т.п. Задача бизнеса – строительство складских помещений и сервисных транспортно-грузовых центров. В рамках партнерства государство может заниматься выделением земли, подготовкой участка к инвестициям и организацией режима особого благоприятствования в виде всевозможных преференций.

Санкт-Петербург стал одним из первых субъектов Российской Федерации, который начал применять механизмы ГЧП при реализации инвестиционных проектов. Город разработал собственную законодательную базу, позволяющую инвесторам максимально эффективно взаимодействовать с региональными властями. В Санкт-Петербурге осу-

шествуются такие значимые проекты ГЧП, как строительство Западного скоростного диаметра, реконструкция аэропорта Пулково и др. В России на сегодняшний день принято более 70 региональных законов о ГЧП, но только в 20-ти регионах привлекаются частные инвестиции на основе ГЧП. Возможности закона о Концессиях используется только на 5%¹. На федеральном уровне на сегодняшний день действует только ФЗ №115 «О концессионных соглашениях» принятый в июле 2006 года (в ред. Федерального от 21.07.2014 № 265-ФЗ). С 2014 г. в соответствии с изменениями появилась новая схема строительства в рамках сотрудничества с Инвестиционным фондом РФ с применением модели «*Tax increment funding*», которая включает возмещение затрат инвестора на создание инфраструктурных объектов из средств бюджета. Помимо федерального законодательства в сфере ГЧП, в Санкт-Петербурге действует также ряд законов, регламентирующих инвестиционную деятельность на уровне региона. Эти законы способствуют реализации стратегически важных проектов [5,6,7,8,9]. Анализируя Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (с изменениями и дополнениями) и Закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 г. № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» можно сделать вывод, что частному сектору выгоднее заключать соглашение на основании регионального закона. Ключевым фактором является возможность передачи объекта соглашения в залог для обеспечения финансирования проекта. Фактически банкам легко взять в залог здания, но очень сложно взять в залог будущие денежные потоки проекта, что не позволяет рынку проектного финансирования развиваться. Для решения этих проблем следует применять другие формы финансирования, например, секьюритизацию активов предприятий [11].

Сложности привлечения инвестиций через проекты ГЧП в первую очередь связаны с непониманием механизма ГЧП. Сущность проектов ГЧП заключается в передаче функций государства по строительству, реконструкции, модернизации, обслуживанию и эксплуатации объектов инфраструктуры частному сектору. Однако объектом ГЧП могут быть любые функции общественного сектора, выполнение которых закрепляется за частной стороной. ГЧП объединяет два рода деятельности: инвестиции в объекты инфраструктуры и оказание услуг с помощью данных объектов либо их эксплуатация². В проектах ГЧП выделяются два этапа: затратный этап, связанный с инвестированием денежных средств в объекты инфраструктуры или объекты общественного сектора услуг; доходный этап, на котором на этих объектах оказываются услуги, и осуществляется возврат инвестиций. Наличие доходного этапа является одним из основных отличий проектов ГЧП от государственного заказа. При этом источником дохода по проекту ГЧП может быть как выручка от оказания услуг частным лицам, так и платежи из бюджета. Если затратный этап в целом сравним с государственным заказом по срокам, то доходный этап имеет долгосрочный характер, обусловленный возвратом средств частному инвестору. Средний срок реализации проектов ГЧП составляет более 10 лет. Это в свою очередь приводит к более высокой стоимости предпроектных и подготовительных работ по проектам ГЧП. ГЧП также предполагает распределение проектных рисков между сторонами-участниками (это обязательное условие отношений ГЧП). Поиск оптимального распределения рисков в зависимости от специфики проекта ГЧП является сложной задачей, так как меру риска определяет каждый партнер самостоятельно, руководствуясь общим правилом: каждый риск по проекту несет та сторона, которая способна наилучшим образом им управлять.

Вместе с перечнем новых инвестиционных проектов, реализуемых на базе инфраструктурного проекта с применением механизма ГЧП, можно решать проблемы предприятий территориального кластера, которые связаны с обеспечением динамичного социально-экономического развития региона, но имеющие другой механизм финансирования. Совместное использование этих механизмов может повысить эффективность использования бюджетных средств, ускорить реализацию проектов, увеличить качество и объем услуг за счет инвестиций, привлекаемых из внебюджетных источников. С точки зрения государственного регулирования экономики, ГЧП и другие механизмы финансирования (дополняющие) направлены на привлечение частных инвесторов в ресурсно-затратные и капиталоемкие инфраструктурные проекты, а также на обеспечение развития инновационной (опережающей) экономики, производственной деятельности в широком спектре отраслей экономики, на повышение уровня жизни населения. Основной принцип концепции ГЧП: государство определяет, в каких транспортно-логистических услугах, и в какой инфраструктуре нуждается экономика, а частные инвесторы выдвигают встречные предложения, которые в наибольшей степени должны соответствовать требованиям государства и потребностям населения и бизнеса. Используя кластерный подход, можно рассматривать всю совокупность предприятий, расположенных на данной территории, возможности их участия в инвестиционных проектах, связанных с развитием инфраструктуры. Источником финансирования может в данном случае быть проектный фандрайзинг. Реструктуризация предприятий на основе секьюритизации активов позволит получить средства и использовать их на развитие бизнес-линии предприятия, сопряженной с развитием (строительством) инфраструктурных объектов. В соответствии с внедрением новой модели финансирования бюджетных учреждений возможно сотрудничество с частными инвесторами по направлению «платные услуги» и т.д. Формы ГЧП, методы реализации инвестиционных проектов, система требований к параметрам и условиям привлечения в проект частного капитала формулируются на основании разработанной концепции транспортно-логистической инфраструктуры. ГЧП включает множество форм, которые используются в широком спектре инфраструктурных отраслей и инвестиционных сделок. Интересная классификация форм ГЧП приводится в работе [4]:

– *сервисные контракты* (государственные контракты на выполнение работ и оказание общественных услуг; поставка продукции для государственных нужд; контракты технической помощи);

¹ Данные Центра развития Государственного частного партнерства.

² Engel E., Fischer R., Galetovic A. Public-private partnerships: when and how / Centro de Economia Aplicada. Universidad de Chile, 2008.

– *управляющие контракты* (государственные контракты на обслуживание объекта, на доверительное управление объектом, «под ключ» – государство финансирует, а частный сектор проектирует объект, строит и управляет);

– *финансовые контракты* (государственные гарантии по кредитам, предоставляемым коммерческими банками частному бизнесу; предоставление льготных кредитов или организация льготных лизинговых схем частному бизнесу; государственное субсидирование процентов, выплачиваемых по кредитам, предоставленных коммерческими банками частному бизнесу);

– *арендные контракты и временная передача различных видов прав* (лизинг – обязанности арендатора: обслуживание, взимание платы и платежи государству за пользование; соглашение о разделе продукции: передача частным производителем части выпускаемой продукции государству в качестве оплаты права реализации конкретного проекта; инвестиционный контракт – государство отказывается на определенный срок от получения фискальных доходов, давая частному предпринимателю завершить с использованием указанных средств инвестиционный проект, реализация которого имеет социально-экономический эффект);

– *концессионное соглашение в виде основных вариантов (схем) отношений государства и частного бизнеса:*

BOT (Build-Operate-Transfer) – строительство-управление-передача (предполагает право пользования объектом частным партнером (без права собственности) в течение срока соглашения о ГЧП);

BOO – (Build-Own-Operate) – строительство-владение-управление (предполагает право собственности частного партнера на объект в течение и по завершении срока соглашения о ГЧП);

BOOT – (Build-Own-Operate-Transfer) – строительство-владение-управление-передача (предполагает право собственности частного партнера на объект в течение определенного срока, после которого объект передается государству);

BTO – (Build-Transfer-Operate) – строительство-передача-классическая концессия;

DBFM – (Design-Build-Finance-Maintain) – проектирование-строительство-финансирование-эксплуатация (предполагает обязательства частного партнера выполнить данные функции);

– дополнительные варианты:

DBO – (Design-Build-Operate) – проектирование-строительство-эксплуатация (не связан с отношениями собственности); ODB – (Operate-Build-Design) – эксплуатация-проектирование-строительство; BBO – (Buy-Build-Operate) – покупка-строительство-управление (форма продажи, восстановление и расширение существующего объекта в целях эффективного управления);

– акционерное или долевое участие государства и частного капитала в совместных предприятиях (зависимость степени «силы» влияния государства и частного бизнеса – партнеров).

Концессионные соглашения, которые включают полный цикл работ, являются наиболее востребованным механизмом сотрудничества частными инвесторами. Прогрессивной формой государственно-частного партнерства являются долгосрочные инвестиционные соглашения: операторские соглашения на содержание, ремонт автомобильных дорог; арендные соглашения с инвестиционными обязательствами. Помимо контрактных механизмов ГЧП к нашим инструментам относится создание управляющих компаний, административного центра, специализированной проектной компании (так называемой СПК), которые аккумулируют финансовые ресурсы, направленные на реализацию (администрирование) комплексных проектов развития территории. Важным инструментом привлечения внебюджетных инвестиций является выпуск облигаций специальных проектных компаний. Управление проектами ГЧП требует от органов государственной и муниципальной власти новых управленческих компетенций. В мире сейчас нет единого представления о том, в какой законодательной форме должно быть оформлено ГЧП. В некоторых развитых странах единого закона нет, а основные принципы ГЧП заложены в различные законодательные акты и нормы гражданского права (Франция, Англия, Япония, Австралия). В других странах приняты отдельные законы о ГЧП (Германия, Бразилия и ряд стран Восточной Европы). В Европе инвесторы вкладываются в транспортную инфраструктуру (аэропорты, мосты, порты, железнодорожный транспорт, метро), а также в проекты в области туризма, информационных технологий, строительство больниц, объектов ЖКХ, мест отдыха, школ. Наибольший опыт имеют в этой области Великобритания и Франция. Проекты ГЧП получили широкое распространение в Германии в начале нулевых годов на фоне дефицита средств бюджетов различного уровня. В настоящее время в Германии активно обсуждается вопрос о передаче на управление в частные руки многих объектов культурного наследия.

Одним из ключевых показателей, позволяющих сравнивать успешность государств в развитии транспортно-логистического комплекса, является качество логистической (транспортно-информационной) инфраструктуры (оценивается в баллах, ниже приведена бальная оценка по данным Всемирного банка). Одной из причин низкой оценки качества логистической (транспортно-информационной) инфраструктуры в России является низкая проработанность механизмов инвестирования в эти объекты посредством ГЧП, отсутствие методических разработок оценки качественного состояния транспортно-логистической инфраструктуры, технологии амортизации ее качества, низкая оценка роли экологической составляющей в развитии транспортно-логистической инфраструктуры, отсутствие комплексной проработки механизмов финансирования инвестиций. Самую высокую оценку качества (max – 5 баллов) имеет Германия – 4,26; Сингапур и Нидерланды – 4,15; США – 4,14; Швеция – 4,13; Финляндия, Гонконг, Бельгия – 4,12; Россия – 2,45.

Наиболее часто разработка проектов ГЧП осуществляется в процессе формирования долгосрочных планов и программ развития. В этом случае могут быть реализованы два подхода к разработке проектов ГЧП: по инициативе органов исполнительной власти; по инициативе частных компаний. Органы исполнительной власти могут выделить проекты ГЧП путем оценки потенциальной эффективности применения ГЧП (в т. ч. по сравнению с государственным заказом) и возможностей привлечения внебюджетных средств на реализацию инфраструктурных инвестиционных проектов. Принятие проектов ГЧП на основе частных инициатив происходит с учетом экспертного мнения представи-

телей коммерческих и негосударственных некоммерческих организаций. В соответствии с соглашением о ГЧП по законодательству г. Санкт-Петербурга частному инвестору выделяются земельные участки, необходимые для проектирования и строительства объекта. Частный инвестор за счет собственных и (или) привлеченных средств обязуется выполнить проектирование и строительство объекта соглашения. После завершения строительства объект находится в собственности частного инвестора до момента передачи в собственность города. Таким образом, после ввода в эксплуатацию и государственной регистрации объекта заключается договор купли-продажи в отношении объекта на условиях, установленных в соглашении, и город обязан принять их по акту приема-передачи при условии исполнения частным инвестором обязательств. Бюджетное финансирование проекта предполагается осуществлять путем выкупа объекта и компенсации расходов на содержание и ремонт. Компенсация расходов на создание объекта (совокупный основной платеж) включает в себя суммы выплат по созданию объекта (цена выкупа) и сумму процентов за рассрочку платежей по оплате суммы выплат по созданию объекта. При формировании конкурсного предложения по размеру совокупного основного платежа партнер должен учитывать доходы от коммерческой эксплуатации объекта, которое будет разрешено условиями соглашения. Компенсация расходов на содержание и ремонт должна включать все расходы, связанные с содержанием и ремонтом объекта, и не включает расходы, связанные с их коммерческой эксплуатацией. В соответствии со ст. 6 Закона о ГЧП объектом соглашения о ГЧП могут выступать объекты транспортной инфраструктуры. Необходимо понимать, что разработка проектов ГЧП требует больших ресурсов и компетенций, чем стандартных инвестиционных проектов, реализуемых в рамках государственного заказа.

Первичный отбор проектов ГЧП осуществляют по следующим критериям: технологическая реализуемость (технологические риски, технологическая реализуемость, нормативные ограничения); социально-экономическая эффективность (сравнение плановых результатов по проекту с приоритетами программных документов); эффективность ГЧП (оценка «*value for money*», определение оптимальной формы: ГЧП, госзаказ, субсидии и др.). Традиционный государственный контракт не предусматривает возможности привлечения внебюджетных средств и длительной рассрочки и компенсации всех затрат подрядчика, например, процентов по взятым кредитам.

Финансирование проектов ГЧП имеет более сложную по сравнению с государственным муниципальным заказом структуру статей расходов и источников финансирования. Состав статей расходов по финансированию проекта ГЧП:

- затраты на предпроектный этап (разработка проектно-сметной документации, разработка финансовой, инвестиционной и контрактной документации). Эти издержки относятся к рисковым безвозвратным издержкам, в настоящее время есть решения о компенсации некоторой части этих издержек;
- затраты на реализацию проекта;
- капитальные затраты (осуществляются за счет средств частных инвесторов с возможным софинансированием из бюджета);
- текущие затраты (включают затраты на эксплуатацию и содержание инфраструктурного объекта, покрываются за счет средств бюджета либо выручки от оказания услуг).

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации финансирование капитальных затрат по проекту ГЧП может осуществляться при помощи следующих инструментов: доленое финансирование, включая собственные средства частного инвестора и средства Фонда национального благосостояния; долговое финансирование: облигационный займ, включая средства пенсионных фондов, привлекаемые посредством выпуска ипотечных, корпоративных и концессионных облигаций; кредиты российских и международных финансовых институтов, в том числе с использованием инструментов проектного финансирования; кредиты государственных и коммерческих банков; гранты международных финансовых институтов. ГЧП предполагает отличную от государственного заказа структуру финансирования инфраструктурных инвестиционных проектов, так как вложения распределяются на более длительном временном отрезке за счет использования долговых инструментов. Таким образом, решения по реализации проектов ГЧП сильно зависят от проводимой политики в сфере государственного долга. ГЧП является эффективным способом привлечения инвестиций в транспортно-логистическую инфраструктуру, если бюджет имеет стабильные источники финансирования и приемлемую долговую нагрузку. Проекты, использующие механизм ГЧП, должны иметь некую общую базу, но при этом каждый проект имеет свою специфику риска. Реализация инвестиционных проектов в строительстве пока возможна только на принципах либо концессионных соглашений, либо проектного финансирования с использованием определенных гарантий со стороны региона. При реализации комплексного плана развития территории на основе реализуемого инфраструктурного проекта можно предложить в качестве финансовой модели для возведения последующих объектов в районе с участием государства и частного бизнеса использовать механизм ГЧП в сочетании с механизмом секьюритизации активов. Механизм секьюритизации активов в качестве инновационной техники финансирования используется в условиях ограниченного доступа предприятий к рынку капитала и недостатка собственных ликвидных средств. Финансовые модели на основе ГЧП и секьюритизации активов используются в интересах предприятий территориального кластера и учитывают принципы комплексного развития территории района. Например, реализация этих механизмов может быть использована при создании следующих объектов:

- а) Размещение СпецЮрЛица (SPV- финансовая компания, осуществляющая выпуск облигаций на рынке капитала и предоставляющая поступления от эмиссии в виде займа) – формат ГЧП – аренда (льготная аренда на объекте культурного наследия);

В г. Санкт-Петербург и исторических пригородах много объектов культурного наследия и в соответствии с законодательством Санкт-Петербурга можно предложить арендовать помещение на льготных условиях. Если объект используется арендатором в целях осуществления социально значимого вида деятельности, то арендатор помимо льготной арендной платы, установленной в соответствии с Законодательством Санкт-Петербурга, имеет право на по-

лучение льгот по арендной плате за объекты нежилого фонда в соответствии с Законом Санкт-Петербурга «О порядке предоставления льгот по арендной плате за объекты нежилого фонда, арендодателем которых является Санкт-Петербург». Например, в отношении объектов культурного наследия есть законодательный акт: Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1005 «Об утверждении Положения об установлении льготной арендной платы и ее размеров юридическим и физическим лицам, владеющим на праве аренды находящимися в федеральной собственности объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации, вложившим свои средства в работы по их сохранению и обеспечившим выполнение этих работ».

б) Строительство складского комплекса многопрофильным строительным предприятием. В данном случае можно применить механизм секьюритизации активов на основе портфеля арендных контрактов. Если строительное предприятие будет строить складской модуль, который будет использоваться государственными учреждениями в качестве распределительного пункта по госзаказу, то можно применить механизм ГЧП [10];

Проектируется и строится складской комплекс на собственные средства частного инвестора. Срок строительства 2 года. Первоначальные объемы финансирования определяются на основе объемов строительно-монтажных работ, пуско-наладочных работ и объеме затрат на создание инфраструктуры объекта. Оборудование для оснащения склада можно приобрести в лизинг (финансовая аренда). С фирмой SPV начинается работа после завершения строительства складского объекта. Секьюритизируемым активом являются денежные права требования арендодателя (оригинатора) по договору аренды складских помещений. Для этого между оригинатором и SPV заключается договор займа, по которому оригинатор получает денежные средства, вырученные от продажи инвесторам ценных бумаг (выпуск SPV). Обеспечением исполнения обязательств оригинатора по договору служит залог построенной недвижимости – складских помещений. Погашение кредита и соответственно выплаты по облигациям производятся за счет арендных платежей или в случае дефолта за счет средств, вырученных при обращении взыскания на предмет залога. Предприятие сдает в аренду складские помещения, договор оформляется на срок 5 лет, далее договор пересматривается на следующий 5-летний срок. По проекту рассчитывается потенциальный валовый доход по аренде (ПВД) и дисконтированный ПВД (ДПВД) с учетом всех клиентов, что равно стоимости залога построенного современного складского комплекса. Чистый операционный доход (ЧОД) от клиентов варьирует от 17 до 27% (этот процент является ставкой дисконтирования по ПВД). Далее рассчитываются дисконтированные операционные расходы (ДОР) за пять лет в совокупности по клиентам, что является суммой по договору займа между оригинатором и SPV. Доходность облигаций, а также дополнительные доходы инвесторов должны быть на уровне безрисковой ставки (не менее 3%), ставка инфляции учитывается по данным ЦБ. В совокупности эти проценты составляют процент наращивания и дисконтирования по операционным расходам. Следует отметить, что величина ДПВД < ДОР. Это объясняется тем, что при конструировании альтернатив использования ПВД, который является ежегодной постоянной величиной в течение 5-ти лет согласно договорам, будущая стоимость этих активов определяется исходя из доходности данного бизнеса (17–27%). Операционные расходы (ОР) ежегодно меняются в зависимости от уровня инфляции и выплат инвесторам. Поэтому будущая стоимость ОР определяется текущей инфляцией, доходностью облигаций и дополнительными доходами инвесторов. В данном случае ДПВД и ДОР не являются сравнимыми величинами. Сравнимыми они будут только в том случае, если будут дисконтироваться под один и тот же процент, но вычисленные таким образом суммы необходимы для определения стоимости залога (ДПВД) и суммы по договору займа между оригинатором и SPV. При определении достаточности ПВД для покрытия наращенных ОР, вычисляется показатель СПРЭД. В данном случае, он является величиной положительной по всем клиентам и является достаточной величиной. Из СПРЭДа выплачивается сумма дополнительного обеспечения (банковские услуги, расходы SPV, расходы рейтингового агентства, проектирование, строительство и эксплуатация офисного объекта (сдача в аренду коммунальным службам района);

с) Строительство объекта для аренды коммунальными организациями: проектирование и строительство за счет краткосрочных кредитных ресурсов; далее – модель секьюритизации коммунальных платежей (денежный поток от населения за коммунальные платежи идет на погашение облигаций)

Интерес представляет модель секьюритизации коммунальных платежей, когда инфраструктура сначала строится за счет краткосрочных кредитных ресурсов, затем построенный объект выкупается SPV фирмой за счет выпуска облигаций. Коммунальные организации арендуют на долгосрочных условиях объект. Тариф медленно, но растет, а денежный поток от населения за коммунальные платежи идет на погашение облигаций и расчета с SPV.

д) Строительство объекта оздоровительного центра: проектирование, строительство, текущий ремонт, обслуживание – концессионное соглашение (ГЧП).

Проектирование и строительство оздоровительного центра для населения района осуществляется на условиях концессии и далее выкупается государством. Частная фирма участвует в проектировании и строительстве, а затем арендует помещение – открывает филиал своей фирмы, связанный с профилем возведенного объекта.

Разработка методики выбора способа привлечения инвестиций в развитие транспортно-логистической инфраструктуры региона должна базироваться на принципе информационной открытости. Бизнес должен быть осведомлен о том, какие именно проекты государство предполагает реализовать, какие из этих проектов имеют потенциал привлечения частного капитала, какие проекты государство готово реализовать в формате ГЧП. Создание эффективного механизма социально-экономического развития региона на основе использования ГЧП в инвестиционных проектах создания транспортно-логистической инфраструктуры должно базироваться на эффективном взаимодействии государственных структур и бизнеса, при приоритетной роли государственных структур. Это соответствует современной парадигме экономического развития, вовлечению субъектов малого и среднего бизнеса в процессы инновационно-инвестиционного развития региона. Уточнение концессионного законодательства приведет к активизации бизнес-сообщества относительно участия в инвестиционных проектах с использованием механизма ГЧП. Актуальным явля-

ется включение специального раздела бизнес-плана инвестиционного проекта, посвященного прогнозу регионального развития. Важно отметить, что непременным условием создания эффективной транспортно-логистической инфраструктуры является построение реалистичного сценария развития экономики региона на длительный период, либо системы сценарных условий, позволяющих моделировать ее наиболее вероятную траекторию. Рассмотренная финансовая модель предполагает использование механизма ГЧП и механизма секьюритизации активов для реализации инвестиционных проектов. Секьюритизация – это финансирование или рефинансирование каких-либо активов компании, генерирующих доход, путем «преобразования» таких активов в торгуемую, ликвидную форму через выпуск облигаций или иных ценных бумаг. «Плюсы» секьюритизации – для предприятий – удешевление и увеличение продолжительности кредитов, для инвесторов – альтернативный источник долгосрочных и качественных инструментов инвестирования. Стороны секьюритизации должны иметь возможность заключать широкий спектр соглашений, направленных на повышение надежности структур секьюритизации и обеспечение защиты инвесторов.

В качестве системообразующего проекта рассматривается объект транспортно-логистической инфраструктуры района. Далее выбирается несколько близлежащих объектов, которые планируется возвести в соответствии с планами социально-экономического развития района, а также рассматриваются инициативные проекты частного бизнеса (территориального кластера). Применительно к выбранному перечню объектов рассматриваются различные финансовые модели на основе ГЧП (различные форматы) и секьюритизации активов. Механизм секьюритизации активов в качестве инновационной техники финансирования используется в условиях ограниченного доступа предприятий к рынку капитала и недостатка собственных ликвидных средств для реализации инвестиционных проектов. Заключается договор займа между предприятием и СпецОрЛицом (финансовая компания), которая осуществляет выпуск облигаций, обеспеченных требованиями по арендным платежам, и далее передает вырученные средства предприятию. В данном случае секьюритизация активов осуществляется по Европейской модели секьюритизации, при которой выпуск облигаций обеспечивается активами, которые остаются на балансе предприятия.

Список литературы и источников

1. Закон Санкт-Петербурга от 30.07.1998 № 185-36 «О государственной поддержке инвестиционной деятельности на территории Санкт-Петербурга».
2. Закон Санкт-Петербурга от 17.06.2004 № 282-43 «О порядке предоставления объектов недвижимости, находящихся в собственности Санкт-Петербурга, для строительства и реконструкции».
3. Закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах».
4. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 30 декабря 2010 г. N 1813 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга при подготовке и принятии решений о предоставлении объектов недвижимости для строительства, реконструкции, приспособления для современного использования» (с изменениями и дополнениями)
5. Правительство Санкт-Петербурга Постановление от 31 марта 2009 года № 346 и № 347 «О мерах по развитию государственно-частных партнерств в Санкт-Петербурге (с изменениями на 15 февраля 2012 года)» и «О мерах по реализации Закона Санкт-Петербурга “Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах” (с изменениями на 15 мая 2012 года)».
6. Воротников А. Организация управления проектами государственно-частного партнерства // Государственная служба. – М., 2010. – № 3. – С. 12–15.
7. ГЧП. Финансирование проектов и приобретения инфраструктуры в России. Euromoney Seminar. Москва. 3–4 марта 2008 г.
8. Кизим А.А., Демченко А.О. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры как инструмента конкурентоспособности отечественных предприятий в системе мирохозяйственных связей // Экономическое устойчивое развитие. 2011.
9. Кизим А.А., Демченко А.О. Российская экономическая модель: содержание и структура. Колл. монография. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2002.
10. Радионова С.П. Использование механизма секьюритизации активов для повышения доходности собственного капитала предприятия и снижения уровня риска /Радионова С.П., Вохминов К.М. // Диалог государства и гражданского общества в современной России: политико-правовые, социально-экономические, социокультурные и информационные аспекты. Материалы Международной научно-практической конференции, Нижний Тагил, 5 мая, 2012. – С.- 274–278
11. Улюкаев С.С. Секьюритизация активов и секьюритизация банковских активов: как отличать, понимать и трактовать // Экономическая политика. 2010. – № 1.

Радковская Е.В.

к.э.н., доцент Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург
rev_urgeu@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: региональное развитие, устойчивое развитие, социально-экономическая система, дисфункция, дисфункциональность территории, методика корректировки дисфункциональности

Keywords: regional development, sustainable development, socio-economic system, dysfunction, dysfunctionality of territory, methodology of correction dysfunctionality.

Важнейшей целью изучения и непрерывного мониторинга социально-экономического положения территорий региона является разработка и уточнение стратегий развития, направленных на эффективное функционирование экономики региона и ее развитие в постоянно изменяющихся условиях. Изменение внешних условий, которые формируют тенденции не только региональной, но и мировой экономики, неизбежно приводит к изменению внутрирегиональных условий и, следовательно, должно отражаться в трансформации тактических целей, а возможно, и стратегических направлений региональной экономической политики. Так, если для обеспечения перехода к стабильным рыночным отношениям была разработана долговременная программа экономической модернизации, то наложение нового сильнотенезующего фактора, такого как мировой экономический кризис или, к примеру, введение экономических межгосударственных санкций, требует если не полной переработки программы, то, по крайней мере, ее серьезной корректировки. Даже воздействие менее значительных по масштабам факторов может существенно влиять на текущее состояние и тенденции развития регионов, при этом тем больше, чем теснее данный фактор связан с конкретным регионом. Поэтому перманентное отслеживание происходящих изменений, анализ трансформации экономических параметров должны стать неотъемлемой частью региональной политики, при этом выполнять роль не абстрактной отчетно-исследовательской задачи, а быть реальным стимулом к оперативному реагированию на возникающие ситуации.

Одной из задач, в решении которых такой анализ может быть использован, является решение важнейшей задачи государственной региональной политики – сглаживания чрезмерной дифференциации территорий по уровню социально-экономического развития. В некоторой степени существенная дифференциация уровней развития различных территорий страны, в частности, субъектов РФ, обуславливается объективной разницей природно-климатических, историко-географических, экономических, национальных и иных условий. Однако усугубление различий в большой мере определяется трудностями реализации сбалансированной региональной политики в условиях перехода к рыночным отношениям как в масштабе страны, так и на уровне субъектов Федерации.

К сожалению, с течением времени эта проблема не теряет своей остроты. Разница в значениях показателей, характеризующих различные аспекты уровня социально-экономического развития и качества жизни населения разных регионов, достигает иногда критических значений. К примеру, разница в значениях величины ВРП на душу населения по данным Федеральной службы государственной статистики¹ составляла за период с 1998 по 2012 гг. от 16,8 (2012 г.) до 38,6 раз (2005 г.), без отдельного учета территорий Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов (рис. 1).

Несмотря на некоторое сокращение разрыва в последние годы, величины разницы свидетельствуют о серьезности проблемы, которая, по мнению многих авторов, не только препятствует адаптации отстающих регионов к новым условиям глобализационных процессов, но и провоцирует социальные и межнациональные конфликты².

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

² См. подробнее Морошкина М.В. Исследование различий развития российских регионов на основе динамики и уровня валового регионального продукта // NB: Экономика, тренды и управление. 2013. – № 1. – С. 64–90. DOI: 10.7256/2306-4595.2013.1.822. – http://e-notabene.ru/etc/article_822.html; Федотов Л.Н. Модернизация регионов: основные подходы // Политика и общество. 2012. – № 11. – С. 62–68; Шильцин Е.А. Вопросы оценки региональной асимметрии (на примере России). – <http://do.gendocs.ru/docs/index-169523.html>; Литягин Н.Н. Значение инвестиций как фактора социально-экономического развития // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2012. – № 1. – С. 67–80; Зубаревич Н.В. Социальная дифференциация регионов и городов России // SPERO. 2008. – № 9. – С. 7–22. – <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/527820>; Цыганов В.В. Российские центры капитала // NB: Национальная безопасность. 2013. – № 1. – С. 290–346. – http://www.e-notabene.ru/nb/article_241.html; Погодина И.В., Мищенко З.В., Фраймович Д.Ю. Многоуровневый подход к определению оптимальных индикаторов региональной безопасности на основе экономико-математического моделирования // Национальная безопасность. – М., 2012. – № 2. – С. 124–130.

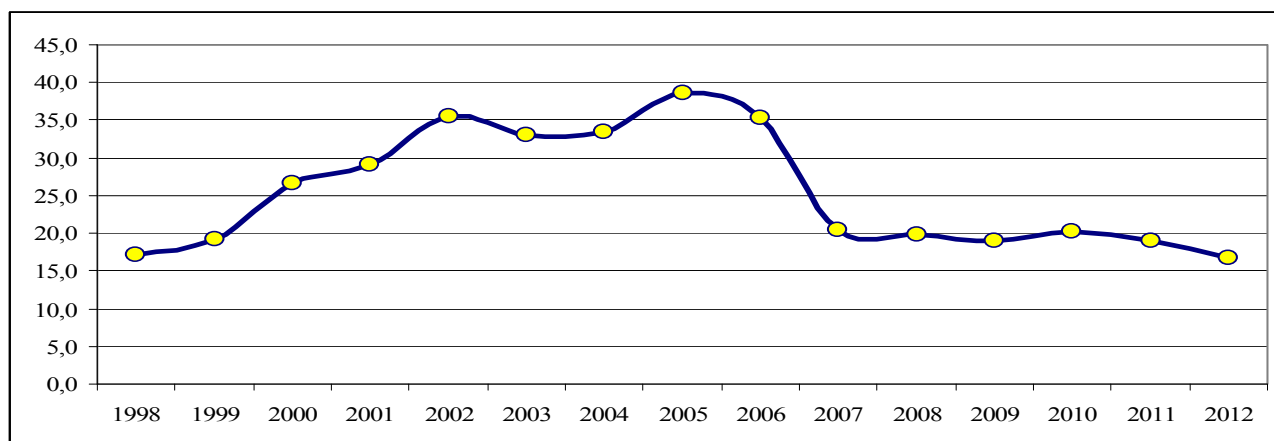

Рисунок 1.

Соотношение максимального и минимального объема ВРП на душу населения по субъектам РФ за 1998–2012 гг.

Как указывается в Федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)», «контрастные отличия в условиях жизни населения центра и периферии, различных регионов страны воспринимаются обществом как нарушение принципов социальной справедливости и могут приводить к усилению центробежных тенденций и сепаратизма. Поэтому стратегически важным для России является проведение сильной государственной региональной политики, направленной на сглаживание чрезмерной дифференциации территорий в уровнях социально-экономического развития»¹.

Важнейшим рычагом региональной политики, направленной на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития регионов, которое должно привести к сокращению различий между регионами, но не в ущерб развитию территории Российской Федерации в целом, является экономическое стимулирование реализации потенциалов и достижения устойчивого социально-экономического развития каждого из российских регионов. При этом, на наш взгляд, использование любого из богатого арсенала инструментов федеральной региональной политики, направленной на стимулирование экономического развития регионов – таких как федеральные целевые программы, софинансирование региональных проектов из Инвестиционного фонда РФ, фондовая проблемно-отраслевая поддержка, бюджетные дотации, развитие особых экономических зон, применение дифференцированных инвестиционных режимов для различных регионов и др. – требует в обязательном порядке разработки системы адекватных количественных оценок объективно необходимых инвестиций в региональную экономику с целью обеспечения устойчивого развития.

Хотя устойчивость экономического развития территории и не является к настоящему моменту классическим общепринятым понятием в силу многообразия трактовок и подходов к данному явлению, но принципиальный смысл понятия достаточно устоялся в исследовательских кругах. Разногласия вызывает, фактически, способ количественной оценки уровня устойчивости. Надо отметить, что универсального метода измерения устойчивости на данный момент нет, что вполне объяснимо различием целей, которые ставят перед собой разные исследователи. Предметная область – регион – рассматривается ими в разнообразных плоскостях и сечениях, что порождает потребность использования разнообразных методик.

Предлагая свое видение возможного пути оценивания устойчивости развития региона, мы рассматриваем социально-экономическую систему региона с точки зрения ее функциональности. Понятие системы, употребляемое практически во всех сферах жизнедеятельности, имеет множество определений, в зависимости от области и целей использования. Наиболее подходящим для нашего исследования нам представляется определение И.Б. Родионова²: «система – это полный, целостный набор элементов (компонентов), взаимосвязанных и взаимодействующих между собой так, чтобы могла реализоваться функция системы». Принципиальным здесь мы считаем целеполагающее предназначение системы – выполнять возложенные на нее функции.

Социально-экономическую систему общества мы определяем как совокупность всех социальных и экономических процессов во всей полноте их структурного взаимодействия и взаимопереплетения, совершающихся в обществе на основе действующих в нем норм. С позиций устойчивого развития мы рассматриваем социально-экономическую систему региона как подсистему (компонент) государственной социально-экономической системы, инициирующую все социальные и экономические процессы в регионе на основе использования региональных ресурсов в структурном взаимодействии региональных объектов, субъектов и институтов, целью которого является устойчивое развитие региона в социальном, экономическом и экологическом плане.

Обеспечение оптимальной работы системы в целом подразумевает, с одной стороны, максимально стабильное функционирование каждого из элементов системы, а с другой стороны – отлаженное взаимодействие всех элементов (подсистем) в рамках рассматриваемой организационной структуры. Элементами социально-экономической системы

¹ Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)». Интернет-сервер «АКДИ Экономика и жизнь». – <http://www.akdi.ru/econom/program/region.htm#1>

² Родионов И.Б. Теория систем и системный анализ. – <http://victor-safronov.narod.ru/systems-analysis/lectures/rodionov/00.html>

региона являются территории, а точнее – социально-экономические системы территорий, входящих в состав региона. Поэтому на региональном уровне функция контроля и обеспечения приемлемого уровня развития территорий становится одной из важнейших.

В рамках решения этой задачи необходимо умение четко определять, в работе каких элементов системы наблюдается функциональный сбой – дисфункция. Мы вводим это понятие – дисфункция – для экономической системы и ее элементов как показатель нарушений в процессе оптимального – или, по крайней мере, нормального – функционирования системы, имеющего целью ее устойчивое развитие¹.

Таким образом, дисфункция выступает как индикатор несоответствия совокупности результирующих параметров, характеризующих элемент (подсистему) общим требованиям оптимального функционирования системы. В практическом смысле дисфункция сигнализирует о наличии значительного отклонения анализируемого показателя (параметра) элемента от оптимальных величин, задаваемых пределами допустимых для нормальной работы элемента значений. В региональных и территориальных исследованиях дисфункция является показателем существенного нарушения стабильности процесса развития, оказывающего негативное влияние на всю социально-экономическую систему региона.

Мы считаем, что в экономических исследованиях дисфункция может и должна рассматриваться как численно измеряемая величина. Важнейший практический смысл введения показателя экономической дисфункции заключается в возможности не только качественного установления нестабильно работающих элементов системы, но и – что очень важно – в возможности количественного определения величины этой нестабильности. В этом случае значение дисфункции для различных территорий региона будет дифференцированно отражать степень нестабильности развития каждой из территорий.

Рассматривая дисфункциональность как препятствие для устойчивого развития территорий, усиливающую, в числе прочего, дифференциацию социально-экономического положения субъектов РФ, мы считаем, что использование любых методов экономического стимулирования развития проблемных территорий должно базироваться на расчитываемых – на основе реальных и актуальных статистических данных – параметрах.

Таким образом, возникает необходимость, во-первых, в перманентном мониторинге социально-экономического положения территорий как элементов экономической системы региона и, во-вторых, в наличии методики, позволяющей определить текущий уровень развития каждой из территорий и уровень необходимого содействия – в частности, финансового – для обеспечения равномерного развития системы в целом. Выяснение параметров дисфункциональности развития территорий дает возможность разработать комплекс мер, направленных на устранение выявленной депрессивности и нестабильности тенденций развития территорий региона.

Для решения поставленной задачи необходима, помимо выбора конкретного комплекса действий, разработка методики количественной оценки размеров оказываемой проблемным территориям поддержки. Предлагаемая нами методика такой оценки направлена, в конечном счете, на оказание помощи тем территориям, показатели развития которых свидетельствуют о неблагоприятном по сравнению с остальными территориями региона положении. Меры, предпринимаемые для улучшения состояния проблемных территорий, должны приводить, в итоге, к выравниванию социально-экономического положения всех территорий региона и стимулированию их устойчивого развития.

Поскольку мы рассматриваем проблему неустойчивости развития с двух сторон – как проблемность состояния (депрессивность) и как неустойчивость тренда развития территории, то, основываясь на результатах анализа, проводимого по обоим указанным направлениям, корректировочные меры также должны разрабатываться как для ликвидации дисфункции состояния, так и для устранения дисфункции неустойчивости тенденции. Это означает, что необходим расчет количественной оценки объемов поддержки проблемных территорий, являющихся дисфункциональными по I типу, и оценки объемов поддержки территорий, имеющих реально неустойчивый (нестабильный) тренд развития, т.е. территорий, дисфункциональных по II типу. Расчет данных оценок является одним из корректировочных инструментов в анализе дисфункциональности, направленном на достижение устойчивого развития территорий региона.

Разработанная нами методика исследования дисфункциональности территорий региона базируется на количественном расчете величины дисфункции, определяемой как негативное отклонение исследуемого социально-экономического параметра территории от оптимального для данного ареала (территории) критерия. Данная методика позволяет упорядочить распределение финансовых потоков сообразно реальным территориальным показателям стабильности функционирования социально-экономической системы территорий любого рассматриваемого ареала. Общий смысл применения методики корректировки проблемного состояния территорий региона заключается в расчете оценок объемов поддержки проблемных территорий, служащих конкретизированными по показателям оценками инвестиционных вложений в наиболее проблемные отрасли этих территорий.

Программно реализованная нами математическая модель распределения выделенных средств дает возможность не только выявить наиболее проблемные в выбранном аспекте территории, но и количественно оценить размеры поддержки таких территорий для выравнивания общего положения, поэтому может позиционироваться как функция корректировки состояния проблемных территорий.

Фактически, функция корректировки позволяет – на основе имеющихся статистических данных – охарактеризовать как состояние, так и процесс устойчивости развития на территориях исследуемого ареала за рассматриваемый период времени относительно выбранного ряда показателей. Поскольку рассчитанная корректировочная функция отражает баланс между благополучными и проблемными территориями исследуемого ареала, то она является весьма полезным инструментом оценки реального состояния и прогнозирования вероятного развития региона в целом.

¹ См. подробнее: Радковская Е.В. Дисфункции в региональном развитии. – Lambert Academic Publishing, 2013.

Результаты применения методики исследования дисфункциональности территорий региона могут использоваться органами исполнительной власти на различных таксономических уровнях. Однако мы считаем, что наиболее оптимальным в качестве полигона изучения является уровень экономического района. Такой выбор оправдан исторически сложившимися глубокими внутренними связями между территориями экономического района, а также относительной близостью их социально-экономических укладов. Административно-политическое деление на федеральные округа в случае исследования социально-экономических взаимосвязей предоставляет меньше возможностей для решения ключевых проблем выравнивания уровня развития территорий ареала, нежели исторически и географически обусловленное подразделение на экономические районы, поскольку в меньшей степени ориентировано на сопоставление и учет сходных в социальном и экономическом плане черт достаточно близких территорий региона.

При этом следует отметить, что разработанная методика является универсальным средством корректирующего анализа, пригодным для использования ее на любых уровнях районирования. Используемый математический аппарат позволяет произвести все необходимые расчеты для выработки рекомендаций по активизации социально-экономической политики для ареала произвольного уровня – от локального до федерального. Приоритет в определении релевантности соотнесения методического подхода к определенному варианту социально-экономического градиентирования принадлежит исследователю, который должен основываться на сопоставимости статистических данных рассматриваемых территорий и достижимости поставленных в исследовании целей.

Реализация разработанной нами методики корректирующего анализа в виде программного модуля (КАРТ) позволяет определить конкретные направления действий по повышению устойчивости развития территорий, без самостоятельного выполнения сложных специализированных расчетов, на основе реальных статистических данных, гарантирующих достоверность получаемых результатов.

Результаты проведенного исследования в прикладном плане могут использоваться органами федерального, регионального и муниципального управления для углубленного анализа современного состояния и тенденций развития социально-экономических процессов на территориях региона, при выработке стратегий развития субъектов РФ, проектов и программ развития конкретных территорий, построении прогнозов, разработке активной региональной социально-ориентированной политики.

Методика исследования дисфункциональности была апробирована на полигоне Уральского экономического района. Результат анализа представляется в виде четкой характеристики показателей социально-экономического развития, содержащей значения дисфункций состояния и развития для каждой из территорий региона. Рассчитанные значения дисфункций могут быть использованы не только в качестве аналитического инструмента при сравнении положений территорий между собой, но и в качестве базы для дальнейшей разработки мероприятий по смягчению выявленных дисфункций.

Мы надеемся, что использование предлагаемого нами подхода, связанного с расчетом функции корректировки состояния и масштабов поддержки проблемных территорий, поможет внести свой вклад в осуществление стабилизационно-стимулирующих функций управления развитием территориальных социально-экономических систем.

Рисин И.Е.

д.э.н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и территориального управления Воронежского государственного университета

Бунин Д.А.

аспирант Воронежского института экономики и социального управления

ИНСТРУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРУПНОГО ГОРОДА

Ключевые слова: стратегическое управление, промышленное развитие, крупные города России.

Повышение эффективности публичного управления развитием индустриальных комплексов крупных городов России сопряжено, по нашему мнению, с апробацией инструментария стратегического управления.

Следует, однако, учесть, что Федеральным законом Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» отраслевые стратегии определены в качестве программного документа, разрабатываемого в обязательном порядке только на федеральном уровне. Для муниципального уровня ввод инструментов стратегического управления, во-первых, регламентируется диспозитивной нормой, т.е. не является обязательным. Во-вторых, их состав ограничен только стратегией развития муниципального образования и планом мероприятий по ее реализации.

Тем не менее, полагаем, что крупные города России, реально располагающие значительным индустриальным потенциалом, могут и должны в рамках стратегии социально-экономического развития муниципального образования иметь субстратегию развития промышленности. Приставка суб- призвана акцентировать производность названной отраслевой стратегии, ее детерминированность целевыми установками и стратегическими приоритетами развития муниципального образования в целом. Вместе с тем, следует учитывать, что отраслевая стратегия будет изначально иметь высокий уровень конкретизации целей развития промышленности и предусматривать селективный выбор инструментов, обеспечивающих их эффективное достижение.

В основе нашего предложения о целесообразности разработки стратегии развития промышленности крупного города – учет полномочий, закрепленных Федеральным законом Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ, за органами местного самоуправления в сфере стратегического планирования. К ним отнесены: определение долгосрочных целей и задач муниципального управления и социально-экономического развития муниципальных образований, согласованных с приоритетами и целями социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; разработка, рассмотрение, утверждение и реализация документов стратегического планирования по вопросам, отнесенным к полномочиям органов местного самоуправления; мониторинг и контроль реализации документов стратегического планирования, утвержденных органами местного самоуправления.

Эффективность применения такого инструмента стратегического управления развитием экономики муниципального образования, как отраслевая стратегия, сопряжена с четким определением необходимого и достаточного состава задач, которые должны быть решены ее разработчиками.

Заметим, что указанным федеральным законом установлена структурная композиция только стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, обязательными элементами которой являются: оценка текущей ситуации; определение целей, задач и направлений развития; показатели; ожидаемые результаты; оценка финансовых ресурсов, необходимых для реализации стратегии; информация о государственных программах.

Полагаем, что как для этого вида стратегии, так и для стратегий иных уровней экономики, предложенный законодателями формат не является достаточным.

По нашему мнению, технология разработки стратегии развития промышленности крупного города, обеспечивающая необходимый уровень ее качества, должна включать ряд обязательных этапов и соответствующих им задач:

1. Этап предплановый, включающий решение следующих основных задач:

1.1. Оценка современного состояния промышленности крупного города и устойчивых трендов ее развития.

1.2. Оценка степени достижения целей развития промышленности города, предусмотренных действующими программными документами регионального и муниципального управления (Стратегией социально-экономического развития субъекта РФ, Программой социально-экономического развития субъекта РФ, Программой социально-экономического развития города, целевыми программами регионального и местного уровней).

1.3. Оценка экономического потенциала развития промышленности города.

1.4. Прогноз развития промышленности на долгосрочный период.

2. Этап плановый, включающий решение следующих основных задач:

2.1. Постановку целей развития промышленности города на долгосрочный период и определение состава целевых показателей.

- 2.2. Оценку условий и факторов достижения целей развития промышленности города.
- 2.3. Оценку существующих и прогнозируемых ограничений и рисков достижения целей.
- 2.4. Определение стратегических альтернатив развития промышленности города, их ресурсного, в том числе, финансового обеспечения и ожидаемых результатов.
- 2.5. Обоснование и содержательную характеристику стратегии развития промышленности (стратегические направления и сферы реализации, ожидаемые результаты).
- 2.6. Ожидаемые социально-экономические результаты (эффекты) реализации стратегии развития промышленности.

3. Этап, обеспечивающий реализацию стратегии, включающий решение следующих основных задач:

- 3.1. Обоснование механизма реализации стратегии развития промышленности города.
- 3.2. Определение системы индикаторов достижения целей развития промышленности города.
- 3.3. Установление временных интервалов контроля соответствия плановых и фактических результатов.
- 3.4. Разработка «дорожной карты» реализации стратегии.
- 3.5. Установление порядка коррекции целевых установок и ресурсного обеспечения стратегии промышленного развития города.

Необходимым методическим моментом является определение требований к качеству результатов, полученных при решении указанных выше задач. В этой связи, сфокусируем внимание на следующем.

1. Оценка современного состояния промышленности крупного города должна обеспечить характеристику:

- ее институциональной структуры (распределение организаций по формам собственности, организационно-правовым формам предпринимательской деятельности, участие организаций в перспективных формах пространственной организации бизнеса – кластерах, технопарках и др.);
- ее технической базы (стоимость и структура основного капитала, его износ и нынешний темп обновления, фондоотдача, масштабы и сферы применения технологий разных технологических укладов);
- ее воздействия на экосистему региона (дифференцированно по видам экономической деятельности);
- условий труда работников (соответствующих санитарно-гигиеническим нормам), их доходов (соотношение доходов со средней заработной платой в экономике региона);
- производительности труда;
- привлеченных инвестиций (объем, структура, тип инвестора и др.);
- инновационной деятельности (использование передовых технологий, внедрение технологических новаций, выпуск инновационной продукции, услуг).

2. Оценка экономического потенциала промышленности крупного города должна обеспечить характеристику ее:

- производственного потенциала и уровень его использования (величина основного капитала, его технологическая структура, новые технологии; наличие и возможности развития импортозамещающего и экспортоориентированного производства);
- трудового потенциала (численность занятых, профессиональная и возрастная структура рабочей силы; распределение трудовых ресурсов по видам экономической деятельности);
- инвестиционного потенциала (объем и структура инвестиций в основной капитал, в технологические инновации; объем финансирования целевых программ федерального и регионального уровней в развитие промышленности);
- инновационного потенциала (число организаций, выполнявших исследования и разработки; численность персонала, занятого исследованиями и разработками; внутренние затраты на исследования и разработки; число созданных передовых технологий; число использованных передовых технологий; устойчивость связей индустриального сектора с научными организациями и вузами, широта сферы распространения наукоемких производств и др.).

3. Состав прогнозируемых условий и факторов, ограничений и рисков достижения целей развития промышленности города должен включать детерминирующие их достижение характеристики ее внутренней и внешней (включающей национальный и глобальный уровни анализа) среды.

4. В состав целей развития промышленности должны быть включены экономические, социальные, экологические характеристики ее основных параметров. Состав показателей развития отрасли должен соответствовать установленным целям. Основные показатели развития промышленности должны быть даны по отдельным видам экономической деятельности. Показатели реализации стратегии и их значения устанавливаются для каждого этапа реализации стратегии развития отрасли.

5. К разработке стратегии должны быть привлечены основные группы стейкхолдеров, способных своими ресурсами и действиями оказать воздействие на реализацию стратегии (представители крупного бизнеса, стратегические инвесторы, представители институтов гражданского общества – торгово-промышленной палаты, эксперты и др.).

6. Состав ожидаемых эффектов реализации стратегии должен учитывать разнообразие сфер их проявления (на макро и мезо- уровнях), и основные интересы участников этого процесса.

7. Механизм реализации стратегии должен включать методы и инструменты, посредством которых органы власти совместно с менеджментом хозяйствующих субъектов способны обеспечить достижение поставленных целей развития промышленности. Важно конкретизировать положения, раскрывающие состав инструментов управления и рекомендуемые алгоритмы их использования.

8. Порядок организации мониторинга реализации стратегии должен предусматривать этапы, применительно к которым осуществляется проверка соответствия фактической траектории развития отрасли плановой, предусмотренной стратегией развития отрасли. Этапы реализации стратегии выделяются с учетом установленной периодичности

бюджетного планирования: три года (для первого этапа реализации стратегии и текущего периода бюджетного планирования) и три – шесть лет (для последующих этапов).

9. Разработка «дорожной карты» реализации стратегии предусматривает определение основных мер, реализуемых органами власти (субъекта РФ, местного самоуправления), в том числе, совместно с менеджментом промышленных предприятий и организаций, участвующих в развитии их экономического потенциала.

10. Результаты мониторинга могут явиться основанием для обоснованной корректировки Стратегии, включая индикаторы и меры по их достижению. Основанием для корректировки могут служить:

- изменения условий и факторов развития промышленности крупного города, носящие объективный характер;
- цели и задачи Стратегии развития субъекта РФ, расширяющие зону ответственности органов публичной власти региона;
- необходимость и возможность изменения скоростей реализации целей, поставленных в Стратегии развития промышленности.

В развернутой характеристике нуждаются инструменты, впервые вводимые в муниципальную практику и востребованные в решении отдельных задач стратегического управления.

В их составе обратим внимание на инструменты, обеспечивающие реализацию технологии разработки стратегии с привлечением большого количества людей, представляющих разные группы населения. Речь идет о краудсорсинге, позволяющем использовать потенциал современных информационно-коммуникативных технологий для сбора информации, поступающей от жителей и других стейкхолдеров, учет мнений и оценок которых востребован в обосновании целей промышленной политики и механизма ее реализации.

Полагаем, что потенциал краудсорсинга в стратегическом планировании может быть реализован посредством использования таких каналов и средств связи, как:

- опросы общественного мнения, в том числе, проводимые в социальных сетях и семинары, организуемые муниципалитетом с целью обсуждения их результатов;
- разработка и поддержание специального интерактивного веб-сайта для распространения информации о целях и векторах развития города, в том числе, связанных с промышленностью и ее воздействием на различные социально-экономические процессы (занятость, доходы, экология и др.);
- Интернет-конференции по проблемам промышленного развития с участием представителей органов публичного управления, бизнеса, институтов гражданского общества;
- тематические дискуссии по сценариям промышленного развития, общественные презентации стратегии и «дорожной карты» в режиме он-лайн; общение с руководителями городской администрации по вопросам промышленного развития в Интернете и др.

Другой инструмент – «Дорожная карта», который в последнее время осваивается в практике государственного управления на федеральном уровне. По нашему мнению, его организационный потенциал может быть повышен, если будет модифицирована структура «Дорожной карты». Полагаем, что ее необходимыми компонентами должны быть:

- стратегические цели;
- состав основных мероприятий, реализуемых для достижения целей;
- состав органов исполнительной власти администрации города, ответственных за реализацию мероприятий;
- долевое участие органов власти и бизнеса в реализации значимых капиталоемких мероприятий;
- основные социально-экономические эффекты, ожидаемые от реализации мероприятий;
- целевые индикаторы с привязкой к временным интервалам.

Полагаем, что состав основных стратегических целей в «Дорожной карте» может быть представлен следующим образом:

- повышение уровня инновационности промышленности крупного города;
- повышение производительности труда в промышленности;
- повышение уровня занятости и доходов работников;
- повышение уровня интеграции промышленности крупного города в национальную и мировую экономику;
- повышение уровня экологизации промышленного производства.

В составе инструментов, обеспечивающих реализацию стратегии развития промышленности крупного города, важную роль призваны сыграть проекты, основанные на партнерских отношениях органов публичной (государственной и местной) власти и бизнеса. Их целесообразно определять как проекты общественно-частного партнерства (ОЧП).

На наш взгляд, такие проекты должны разрабатываться с учетом следующих требований:

1. В составе участников их разработки и реализации – органы местного самоуправления, органы регионального управления, бизнес. Целесообразно следующим образом распределить между ними основные функции:

А) органы местного самоуправления – инициирование проекта; определение его предмета, целей и ожидаемых социально-экономических результатов; оценка ресурсных возможностей местного бюджета; мобилизация частных инвестиций; организация и контроль реализации проекта;

Б) органы государственного управления субъектом РФ – субсидиарная финансовая поддержка проекта; мобилизация частных инвестиций;

В) бизнес – инициирование проекта; участие в определении его предмета, целей и ожидаемых социально-экономических результатов; оценка объема частных инвестиций; мобилизация частных инвестиций; организация и контроль реализации проекта.

2. В состав основных целей, реализуемых посредством проектов ОЧП, оправданно включить следующие:

- создание новых точек экономического роста, обеспечивающих появление промышленных производств, развивающих существующие в индустриальном секторе конкурентные преимущества муниципального образования и региона, или формирующих новые;
- формирование сетевых структур, основанных на межотраслевой интеграции и предусматривающих участие субъектов хозяйствования других муниципальных образований. Такие проекты должны содержать необходимое институциональное обеспечение таких «точек» (кластеры, технопарки, промышленные парки и др.), а для включения других муниципальных образований – определение конкретной формы межмуниципального сотрудничества;
- техническая модернизация действующих предприятий и освоение ими новых видов конкурентоспособной продукции, расширяющей возможности импортозамещения или диверсифицирующей структуру экспорта.

Симагин Ю.А.

к.геогр.н., доцент Финансового университета, с.н.с. ИСЭПН РАН

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МОНООТРАСЛЕВЫХ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РОССИИ

Ключевые слова: моноотраслевые города, поселки городского типа, тенденции развития, система расселения.

Keywords: monoacrylate cities, townships, development trends, settlement system.

Проблемы развития моноотраслевых городов актуальны в настоящее время во многих странах мира. Они обострились в условиях глобального экономического кризиса, начавшегося в 2008 году, когда многие фирмы, успешные ранее, оказались не способны обеспечить сохранение прежнего уровня жизни не только для своих работников и их семей, но и для всего населения городов, где размещались их предприятия и учреждения. Все эти города зависели от успешной деятельности и перспектив развития главного предприятия (фирмы) своего города, и оказались не готовыми к быстрым переменам.

В Российской Федерации, в отличие от подавляющего большинства стран мира, существует две категории городских населенных пунктов – города и поселки городского типа (ПГТ). По действующему законодательству, в обоих случаях преобладающей сферой занятости жителей являются несельскохозяйственные отрасли экономики (85% занятых и более). ПГТ отличаются от города численностью населения: в городах должно проживать не менее 12 тыс. жителей, а в ПГТ – не менее 2–3 тыс. На практике строгие статистические критерии используются только при выделении новых городов и ПГТ – существующие населенные пункты могут им не соответствовать на протяжении многих лет.

Максимальным количеством ПГТ в России было в начале 1991 года, когда их насчитывалось около 2,2 тыс. Росло население ПГТ, как и городов, в основном за счет миграции сельских жителей. Демографического потенциала сельского населения страны хватало на рост и городов, и ПГТ. При этом в города мигранты из сельской местности переселялись интенсивнее, чем в поселки, о чем говорит снижение доли жителей ПГТ от городского населения страны начиная с конца 1950-х гг. По данным всеобщей переписи населения 1959 года в ПГТ проживало 15,3% городских жителей страны, а в 2002 году – уже только 9,9%. Средний размер одного ПГТ, достигнув максимума по данным всеобщей переписи населения переписи 1939 года (7,1 тыс. человек), в дальнейшем имел тенденцию к снижению, которая была нарушена лишь в первой половине 1980-х гг. В 2010 году средняя численность населения одного ПГТ в России составила 6,1 тыс. человек. Снижение средней численности населения одного ПГТ говорит о том, что и в советское время большинство поселков городского типа страны не имели перспектив преобразования в города.

Произошедшие изменения в основном закономерно связаны с процессами, шедшими в стране с начала 1990-х гг.: разрушением плановой социалистической экономики, радикальным изменением административного законодательства, демократизацией общества. Не случайно наиболее масштабные преобразования ПГТ в сельские населенные пункты пришлось на 1991–1992 гг. (проведение радикальных рыночных реформ), 1999 год (последствия тяжелейшего финансово-экономического кризиса 1998 года), 2004–2005 гг. (начало реализации закона ФЗ №131 «О местном самоуправлении»).

При этом очень важным отличием поселков городского типа от городов стало то, что они в большинстве своем монофункциональны. Города, как правило, выполняют сразу несколько функций (в них развиты разные отрасли экономики), хотя часто среди них можно выделить преобладающую. Чем крупнее город, тем сильнее у него выражена многофункциональность. Именно поэтому ПГТ, отличающиеся сравнительно небольшими размерами, как правило, монофункциональны. В их хозяйственной структуре обычно резко преобладает одна отрасль экономики, одна отрасль промышленности или даже только одно предприятие. Особенно ярко это отличие проявляется в условиях рыночной экономики, когда кризис градообразующей отрасли (остановка ведущего предприятия) может привести к коллапсу всей социально-экономической жизни того или иного городского населенного пункта. Таким образом, современная социально-экономическая ситуация и перспективы развития ПГТ России существенно различаются в зависимости от того, к какому функциональному типу они относятся.

В итоге, по выполняемым функциям все ПГТ России можно разделить на 11 типов, большинство из которых будут иметь еще и подтипы: 1) райцентр: а) внутрирайонного значения, б) межрайонного значения, в) центры субъектов Российской Федерации; 2) пригородный центр: а) сразу образовавшийся как пригородный (дачный) поселок, б) в прошлом – ПГТ другого типа, ставший пригородным; 3) «остаточные» поселки без градообразующих организаций: а) в прошлом центры тяжелой обрабатывающей промышленности, б) в прошлом центры легкой или пищевой промышленности, в) в прошлом центры добывающей промышленности, г) в прошлом транспортные центры, д) в прошлом центры строительства, е) в прошлом центры другого типа; 4) центры тяжелой обрабатывающей промышленности, а именно: а) металлургии, б) машиностроения, в) химической промышленности, г) деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, д) промышленности строительных материалов, е) электроэнергетики;

5) центры легкой или пищевой обрабатывающей промышленности: а) центры легкой промышленности, б) центры пищевой промышленности; 6) центры добывающей промышленности и лесозаготовок, а именно: а) добычи топлива (нефти, газа, угля, торфа), б) добычи руд черных и цветных металлов, алмазов, в) добычи минерально-строительного и химического сырья, г) лесозаготовок; 7) центры строительства: а) промышленных объектов (электростанций), б) транспортных магистралей; 8) транспортные центры: а) железнодорожного транспорта, б) автомобильного транспорта, в) речного транспорта, г) морского транспорта, д) авиационного транспорта; 9) научные центры; 10) военные центры: а) ЗАТО военно-морского флота, б) ЗАТО войск ракетных, космических и ПВО, в) не ЗАТО; 11) курортные центры. При этом можно не считать монофункциональными ПГТ трех типов – районные центры, пригородные центры и «остаточные» поселки без градообразующих предприятий. В сумме на момент всеобщей переписи населения 2010 года они составляли около 40% ПГТ страны. Большинство поселков городского типа России (около 60%) являются монофункциональными.

Самый распространенный тип поселков городского типа в настоящее время – центры добывающей промышленности. Многие ПГТ этого типа в ходе своего развития стали как городами (они были расположены около крупных месторождений или стали организующими центрами для группы месторождений), так и «остаточными» поселками или сельскими населенными пунктами (расположены около исчерпавшихся месторождений). В целом социально-экономическая ситуация в центрах добывающей промышленности в настоящее время относительно стабильна, так как продукция соответствующих градообразующих предприятий продолжает пользоваться спросом в России и за рубежом. Но в центрах добычи некоторых руд и строительного сырья возможна остановка производства в любой момент, так как металлургия и строительство в условиях современного глобального экономического кризиса стали наиболее депрессивными отраслями экономики.

Еще один тип, часто встречающийся в современной России – центр тяжелой обрабатывающей промышленности. Территориально поселки типа распространены преимущественно в Главной полосе расселения, включающей почти всю европейскую часть страны (кроме самого севера) и регионы юга азиатской части России. Большинство из ПГТ типа (металлургические, машиностроительные, промышленности строительных материалов) в настоящее время оказались в очень тяжелом положении, так как градообразующие предприятия находятся на грани остановки или уже остановились. Соответственно, значительная часть трудоспособного населения лишилась работы, резко сократились поступления в муниципальные бюджеты, обострились проблемы социальной инфраструктуры. При этом именно обрабатывающая промышленность в перспективе должна стать ведущей в экономике России. Поэтому ПГТ этого типа нуждаются в специальных программах поддержки и развития.

Доля центров легкой и пищевой промышленности во всех ПГТ России последовательно снижалась практически на всем протяжении 1939–2010 гг. (6,2% ПГТ в 2010 году). Но внутри этого подтипа происходило постепенное перераспределение между подтипами. Доля центров легкой промышленности (с текстильными фабриками, льнозаводами, кожевенно-обувными фабриками и т.п. предприятиями) постепенно снижалась, тогда как доля центров пищевой промышленности возрастала. И к 2010 году пищевые центры (54% ПГТ типа) обогнали по количеству центры легкой промышленности (46%). При этом центры легкой промышленности встречаются преимущественно в регионах Центральной России. Центры пищевой промышленности распространены в основном или в южных регионах страны (с заводами по переработке сахара, овощей и фруктов, винограда и другой продукции растениеводства), или на северных и восточных территориях (с сыро-маслодельными, рыбными др. заводами по переработке продукции животноводства и рыболовства). Для центров пищевой промышленности характерна зависимость градообразующих предприятий от местной сырьевой базы, которую формируют сельхозпредприятия, выращивающие овощи и фрукты, производящие молоко, мясо и другую продукцию в определенных объемах с большими колебаниями от года к году. Сильное влияние на пищевые предприятия оказывает также сезонность сельхозпроизводства. В итоге оказывается, что пищевые предприятия тесно связаны с сельским хозяйством в составе единого агропромышленного комплекса. Социально-экономическое положение этих поселков довольно стабильно, так как продукты питания – это в основном товары малоэластичного спроса, сбыт которых не подвержен серьезным колебаниям в условиях любых кризисов. Центры легкой промышленности в своей производственной деятельности, наоборот, как правило, не зависят от местной сырьевой базы, перерабатывая преимущественно сельскохозяйственное сырье, но поставляемое из отдаленных районов или даже других государств. Поэтому в некоторых случаях предприятия легкой промышленности стали крупными, а разросшиеся поселения при них получили статус городов. Но характерными для городских поселений центров легкой промышленности, как и пищевой, являются все-таки не крупные предприятия с небольшими поселками при них. И они, соответственно, сильно зависят от внешней рыночной среды. В условиях современного глобального экономического кризиса эти поселки могут оказаться на грани экономического коллапса и социального взрыва.

Таким образом, большинство поселков городского типа страны являются монофункциональными. Их динамика развития, современная социально-экономическая ситуация и перспективы существования зависят от того, к какому именно функциональному типу относится тот или иной поселок. Для наиболее проблемных типов поселков необходимо разработка специальных программ поддержки и социально-экономического развития на федеральном и региональном уровнях.

Стыров М.М.

к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
styrovmm@mail.ru

Колечков Д.В.

к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
kdb1970@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: инновационное развитие, инвестиционно-инновационная деятельность, северные регионы России.

Задача перехода российской экономики на инновационный путь развития очень актуальна: это во многом определяется внутренними проблемами и потребностями жизни людей, диктуется общемировыми тенденциями хозяйственного развития, достаточно обосновано в научной и философско-общественной мысли и решительно обозначено в качестве магистрального направления руководством страны.

В регионах Севера России¹ все упомянутые вопросы приобретают особое звучание. Во-первых, сами по себе эти территории чрезвычайно важны для хозяйства страны: здесь проживает лишь около 5% населения страны, но концентрируется около 13% промышленного производства, пятая часть инвестиций и основных фондов, формируется более ¼ всех налоговых поступлений, добывается более 80% углеводородного сырья, цветных металлов и многих других видов природных ресурсов². Во-вторых, очень велико значение Севера для внешней политики: он занимает примерно 44% территории государства и граничит по суше и воде с четырьмя иностранными державами: Норвегией, Финляндией, Японией и США. Прогнозируется возрастание геополитической роли арктических территорий в ближайшем будущем в связи с их огромным биологическим и минеральным ресурсным потенциалом, а также пространственным, транспортным, военным, экологическим и рекреационным значением³. То же справедливо и по отношению к Азиатско-тихоокеанскому региону, с упором на экономическое сотрудничество с зарубежными соседями. В-третьих, общеизвестные особенности и трудности жизни здесь становятся управленческими вызовами, побуждающими искать их преодоление в том числе путем более активного использования новых знаний, умений, технологий⁴.

И еще один важный момент. За почти 25-летний период ослабления роли государства в регулировании экономики в число первостепенных выдвинулись проблемы неравномерности отраслевого и пространственного развития⁵. Речь идет об обеспечении достойных условий жизни людей в отдаленных территориях и о преодолении гипертрофированного развития добывающих экспортно-сырьевых производств в ущерб обрабатывающим. Нет нужды специально доказывать, что эти застарелые неурядицы России особенно болезненны в северных регионах. Это и побуждает к изучению состояния и тенденций развития их инновационно-инвестиционной системы.

Специфика Севера состоит в том, что здесь особенно высока роль промышленности в экономике вообще и в инновационном развитии в частности: ее доля в основных показателях (добавленной стоимости, выручке, основных фондах, инвестициях) вдвое выше, чем в среднем по стране и составляет 50–70%, а доля в инновационных затратах и продукции практически монопольна – 97–99% (в среднем по России – около 75%).

Каждый регион совершенно уникален, неповторим. Однако при научном изучении не обойтись без некоторых обобщений, выделения характерных черт. Чтение научных публикаций⁶ и беседы со специалистами предприятий и

¹ К числу северных регионов нами отнесены субъекты РФ, территории которых полностью включены в районы Крайнего Севера или приравненные им территории (в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029 с последующими изменениями и дополнениями): республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Камчатский край, Архангельская, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Чукотский автономные округа.

² Здесь и далее рассчитано авторами по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы Росстата. – <http://fedstat.ru>

³ Селин В.С., Башмакова Е.П. Значение северных и арктических регионов в новых геоэкономических условиях развития России // Регион: экономика и социология. 2010. – № 3. – С. 40–56.

⁴ Лаженцев В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития: монография. – Екатеринбург; Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения РАН, 2014. – 236 с.; Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. – М.: Книжный Дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 544 с.

⁵ Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / Под ред. Н.Я.Петракова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2011. – 448 с.

⁶ Например: Инновационные процессы в Карелии: анализ, моделирование и управление / Институт экономики КарНЦ РАН. Под общей ред. П.В. Дружинина. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – 202 с.; Вишняков А.А., Шихвердиев П.А. Проблемы создания инновационной инфраструктуры в северном регионе (на примере Республики Коми) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. 2008. – № 4; Цукерман В.А. Проблемы и перспективы инновационно-технологического развития экономики Севера // Экономика и управление. 2007. – № 6.

органов власти показывают, что инновационному развитию регионов Севера в целом присущи те же проблемы, что остальным регионам России: косность делового мышления, нехватка квалифицированных управленцев и специалистов, дефицит финансовых ресурсов, несогласованность системы управления, неконкурентоспособность по сравнению с зарубежными производителями оборудования, монополизм и недобросовестная конкуренция, разрыв между наукой и практикой, повышенные риски хозяйственной деятельности и др.

Общие же преимущества северных территорий состоят во владении обширными и зачастую уникальными природными ресурсами (минерально-сырьевыми, биологическими, пространственными), сохранении экологически чистых неосвоенных пространств, формировании значительных дополнительных доходов бюджетной системы за счёт природной ренты, наличии мощного научного и образовательного потенциала, а также в приграничном положении, открывающем широкие возможности для сотрудничества с зарубежными партнёрами.

Специфические трудности инновационно-инвестиционной деятельности на Севере общеизвестны. В первую очередь это периферийность, холодовая дискомфортность, ресурсность, этничность, слабая освоенность пространства¹. Производными от этих черт являются такие хозяйственные особенности как северное удорожание затрат, повышенные транзакционные издержки, доминирование добывающих отраслей, дефицит рабочих и особенно квалифицированных специалистов. И ещё одна характерная черта: преобладание «колониального» типа экономики, что проявляется в утечке финансовых ресурсов, закреплении преимущественно сырьевых и устаревших технологических укладов, пренебрежении экологическими и социальными проблемами территорий, несамостоятельности предприятий в своём инвестиционном и инновационном развитии, высокой зависимости бюджетов от крупнейших налогоплательщиков².

Анализ, выполненный авторами³, свидетельствует, что регионы Севера по сравнению с другими субъектами Федерации характеризуются сравнительно более высокой инвестиционной активностью, но значительно отстают по уровню инновационной составляющей в капиталовложениях. При этом их общей чертой является огромный перекося в сторону добывающих отраслей и выраженное отставание обрабатывающих производств.

Как показывает обзор стратегий развития, все северные регионы, как, впрочем, и остальные субъекты Российской Федерации, решительно заявили о намерении переналадки своей экономики на постиндустриальный модернизационно-инновационный путь развития. И практически в каждом регионе уже сделаны конкретные шаги в этом направлении: приняты соответствующие законодательные акты, созданы органы государственного управления, действует система финансовых и организационных стимулов и льгот для предприятий, налажено сотрудничество с федеральными фондами поддержки и иными объектами инфраструктуры, проводятся различные конкурсы и ярмарки, активизируется информационно-консультационная поддержка, функционируют образовательные программы, запускаются механизмы государственно-частного партнёрства.

Однако инновационная инфраструктура в разных территориях развита неодинаково и имеет свои специфические черты. Исследованию этих отличий и посвящена настоящая статья. Основное внимание уделено технологической инфраструктуре, и в меньшей степени – финансовой. Сбытовая, информационно-консультационная, кадровая её составляющие не рассматривались.

Среди северных регионов с точки зрения инновационно-инвестиционной активности можно выделить регионы с довольно высоким уровнем инвестиционной и инновационной активности в сфере обрабатывающих производств (Карелия, Архангельская область) и регионы с сильным преобладанием добывающих производств и значительной долей связанной с ними обрабатывающей промышленности (Республики Коми и Якутия, Камчатский край, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Чукотский автономные округа)⁴. В настоящей статье в качестве будут рассмотрены особенности инновационно-инвестиционной инфраструктуры представителей каждой группы: Республики Карелия и Республики Коми.

Республика Карелия является одним из наиболее инновационно-активных регионов Севера России. Важнейшим его преимуществом является удобное географическое положение: общая граница с Финляндией, близость к другим странам Европы, сравнительно небольшая удалённость от Москвы и Санкт-Петербурга. Всё это открывает широкие возможности для экспорта и импорта продукции и технологий, привлечения инвестиций, развития человеческого потенциала, осуществления совместных научных и производственных проектов. Карелия весьма богата природными ресурсами: лесом, полезными ископаемыми, биологическим потенциалом. Но при этом природно-климатические условия здесь гораздо менее суровы, чем в отдалённых территориях Сибири и Дальнего Востока, что снижает коэффициент северного удорожания затрат и благоприятствует социально-экономическому развитию.

В регионе довольно высок уровень академической и вузовской науки и образования, действует Карельский научный центр РАН. Во многом благодаря этому информационно-креативная среда в республике оценивается выше, чем в среднем по России⁵.

¹ Дмитриева Т.Е. Системы географических знаний. – Иркутск: Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2008. – С. 28–32.

² Селин В.С., Цукерман В.А. Современные особенности и тенденции инновационных процессов на Севере России // Вестник МГТУ. – М., 2011. – Т.14, № 2. – С. 423–426.

³ Стыров М.М., Колечков Д.В. Инвестиционная активность промышленности северных регионов России // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 40 (367). – С. 10–22.

⁴ Там же.

⁵ Сайт инновационного центра Северо-Западного федерального округа. – <http://innovator-nw.ru/severo-zapadnyj-fo/respublika-kareliya>.

Отраслевые приоритеты инновационного развития довольно широки: информационные технологии, пищевая промышленность, нанотехнологии, биотехнологии, приборостроение, лесной комплекс, горная промышленность, экология, медицина, ядерная энергетика.

В регионе немало как крупных, так и малых и средних инновационно-активных предприятий, создающих и внедряющих передовые технологии. Число собственно инфраструктурных элементов инновационной системы составляет несколько десятков и является, как считают власти, в настоящий момент достаточным для республики¹.

Наиболее важным инфраструктурным инновационным звеном, фактически главным технопарком региона является Петрозаводский государственный университет, включающий в себя множество специализированных структурных подразделений и малых предприятий: IT-парк, студенческий бизнес-инкубатор, научно-образовательный центр, центр коллективного пользования научным оборудованием, центр трансфера технологий, центр консалтинга и экспертизы инновационных проектов, инновационно-технологический центр разработки и внедрения новых технологий и инвестиционных проектов в лесопромышленном и горнопромышленном комплексах, инновационно-технологический центр в области элементной базы электронных устройств и сетевых технологий, инновационно-технологический центр «Полярная звезда» и другие. Университет ведёт совместные проекты с отечественными и зарубежными предприятиями и госструктурами, осуществляет прикладные разработки, организует выставки, сотрудничает с федеральными фондами поддержки инвестиций и инноваций, занимается патентной деятельностью².

Не так много связей с практикой видится у Карельского научного центра РАН. Здесь создано несколько центров коллективного пользования оборудованием и одно-два инновационно-технологических подразделения. Это кажущееся отставание, по всей видимости, связано с более фундаментальным характером исследований, прямой задачей разработок в дело без специальных организационных структур, а также отчасти может объясняться недостаточным освещением этой работы в СМИ.

В республике действует инновационный бизнес-инкубатор – организация, предоставляющая малым предприятиям помещения в аренду и оказывающая консультативные услуги.

К ключевым научным проектам, которые планируется реализовать до 2020 года, относится создание инновационно-технологических кампуса и комплекса ПетрГУ и КарНЦ РАН. Кампус ПетрГУ будет включать в себя центры оксидной наноэлектроники, энергоэффективности, альтернативной энергетики, трансфера лесных технологий, инновационно-технологический парк инженерных наук, гуманитарный центр, Дом международного культурного сотрудничества, садово-аграрный научно-образовательный комплекс и прочие объекты сопутствующей инфраструктуры. Деятельность Инновационно-технологического комплекса КарНЦ РАН ориентирована на биотехнологические исследования и разработки в области промышленной минералогии и на получение новых материалов. В его состав войдут центр экологических технологий и охраны окружающей среды, биотехнологический центр, центр исследований наноматериалов и шунгитов, опытно-испытательный центр технологической минералогии и центр микробиологических исследований. Оба проекта предполагают создание инфраструктуры для поддержки малых инновационных компаний и продвижения их продукции на внешние рынки³.

В регионе также делается ставка на создание кластеров: *биотехнологического*, в рамках которого предполагается развитие рыбоводческих комплексов и марикультуры на Белом море и во внутренних водоемах, а также переработка марикультуры с получением высокотехнологичных биотехнологических видов продукции, а также *экологического* для внедрения «зеленых» технологий.

По словам руководства региона, в ближайшие годы в Карелии построят четыре технопарк⁴а, в т.ч. в сфере допустимых технологий и биотехнологий.

Республика Коми имеет достаточно развитую структуру экономики, ориентированную прежде всего на добычу и переработку богатых природных ресурсов. Слабым местом региона является отдалённое по сравнению с другими регионами Европейского Севера транспортное положение, значительно увеличивающее затраты на доставку сырья и вывоз готовой продукции.

Подавляющая часть нововведений формируется путём приобретения крупными и средними (реже – малыми) предприятиями передового оборудования в зарубежных странах по причине его превосходства по надёжности, экономичности, качеству выпускаемой продукции и другим характеристикам. Лишь по некоторым позициям предприятия предпочитают технику российского производства.

Чаще всего при модернизации производства речь идёт о технологических, а не о продуктовых инновациях. Не меняя кардинально самого продукта, предприятия обычно ставят себе цель улучшить его отдельные характеристики, снизить затраты (особенно энергетические, в силу их большого удельного веса и быстрого роста, и на оплату труда), повысить надёжность производственного процесса, увеличить объём выпуска, обеспечить соответствие экологическим требованиям.

Как показывают беседы со специалистами, ключевым фактором интенсивности инновационного процесса на предприятии является его финансовое состояние, что в свою очередь, очень сильно зависит от отраслевой принадлежности. Масштабная модернизация за последние десятилетия была проведена в нефтеперерабатывающей, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей (в части крупных лесопильных предприятий и плитного производства), текстиль-

¹ Сайт Правительства Республики Карелия. – http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Development/inn_pot.html

² Сайт Петрозаводского государственного университета. – http://www.petrstu.ru/Structure/Innov_vr/PDII/news.html?action=single&id=5057

³ Сайт «Торгово-промышленные ведомости». – http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/4538.html

⁴ Сайт «Карелинформ». – http://karelinform.ru/news/business/51502/za_dva_goda_v_karelii_planiruyut_postroit_chetyre_tehnoparka

но-швейной промышленности, имеющих достаточную рентабельность. Естественно, что имеют возможность финансировать инновационные программы и крупнейшие нефтедобывающие компании. В тепло- и электроэнергетике осуществлять модернизацию оборудования препятствуют чрезвычайно жёсткие тарифные ограничения.

Помимо дефицита финансовых ресурсов в качестве главных препятствий для инновационного развития предприятия называют нехватку квалифицированных кадров, а также чрезмерное бюрократическое давление и недоброжелательное отношение со стороны органов власти.

Однако многие предприятия не занимаются модернизационно-инновационным развитием не из-за невозможности, а из-за нежелания. Вполне понятное препятствие на этом пути – инерционность, ведь в существующий технологический уклад вложены большие деньги, он тесно интегрирован с другими звеньями продуктовой цепочки. Сильно сказывается монополизм, недобросовестная конкуренция, нежелание вести экономическую борьбу честными методами, стремление извлекать выгоду не за счёт действительной эффективности, а путём «ограждения» своей позиции на рынке. Из внутренних причин можно назвать консерватизм менеджмента, нежелание принимать на себя большие финансовые и технологические риски, связанные с инновациями, неуверенность в экономической и политической ситуации. Порой предприятиям не даёт ходу отсутствие спроса на новую продукцию, непривычность или дороговизна её для покупателей. Такая ситуация, например, складывается с некоторыми технологиями деревянного домостроения, а также с топливными брикетами и пеллетами.

Также многих сегодня беспокоит гуманитарный аспект инновационного развития, т.е. влияние прогресса на внутренний мир человека, его духовное развитие. Давно замечено, что здесь возникают такие негативные моменты, как зависимость от техники (особенно от информационно-коммуникационных сетей), сужение культурных интересов, физическая (и не только) деградация способностей человека. Всё это заставляет с большой осторожностью воспринимать инновации.

Обрисованная картина поведения предприятий определяет облик инновационно-инвестиционной инфраструктуры в регионе. Поскольку главный поток инноваций в промышленности региона формируется путём приобретения зарубежной техники, то собственно технологическая инфраструктура предприятиям не нужна, они решают все вопросы напрямую с производителями оборудования. Главная поддержка, которую предприятия хотели бы видеть от государства в данном отношении – финансовая, а именно прямое субсидирование, возмещение процентных ставок, организация льготного кредитования, предоставление государственных гарантий, налоговые льготы. Правительство работает во всех этих направлениях, существует несколько программ поддержки, однако в силу ограниченности финансовых ресурсов (тем более в настоящее время, в условиях разворачивающегося кризиса и острого дефицита республиканского бюджета), её объёмы весьма скромны.

Специализированных организаций инновационно-технологической инфраструктуры в Республике Коми почти нет. Много лет действует «Бизнес-инкубатор» в Эжвинском районе г. Сыктывкара, но фактически он является местом льготной аренды для малых предприятий сферы обслуживания и торговли, инновационной же составляющей в развитие бизнеса, тем более производственного, почти не вносит. Но зато на базе данной организации проводятся семинары, обучение, консультации, которые могут настроить предпринимателей на новый тип делового мышления. В этом же направлении ведёт работу «Городской центр предпринимательства и инноваций» в г. Сыктывкаре.

Академическая и вузовская наука в регионе создаёт определённый спектр изобретений, пригодных для внедрения в практику. Развивается и сотрудничество академической науки с бизнесом. Институты Коми НЦ УрО РАН выполняют немало исследований и внедрений по заказу промышленных предприятий в сфере освоения биологических и минерально-сырьевых ресурсов, экологии, химического и агропромышленного производства, энергетики и других отраслей. Создаются соответствующие небольшие подразделения и предприятия при вузах. Всё это, безусловно, формирует благоприятную почву для перестройки экономики региона на «знаниевую» основу, но пока не оказывает заметного влияния на технологический уклад.

Участники этого процесса отмечают следующие трудности: со стороны академической науки – недостаточность объёма разработок, готовых к практическому применению из-за отсутствия реальных стимулов у учёных. Со стороны предприятий – неблагоприятное финансовое состояние отечественной промышленности, особенно обрабатывающих производств, что не позволяет ей строить серьёзные планы развития. И, наконец, отмечается отсутствие общей глубокой заинтересованности всех сторон в инновационном развитии: как государства, так и предприятий и науки. Результат: во многом деятельность в данной сфере идёт ради галочки, шума, рекламы.

Как и в других регионах, в Республике Коми обсуждаются идеи создания кластеров и технопарков. Так, идёт работа над созданием биотехнологического кластера (технопарка) при Коми научном центре УрО РАН, ориентированного на комплексное использование отходов лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Дискутировался проект формирования нефтегазового кластера в г. Ухта. Разработана концепция создания широкопрофильного технопарка в г. Сыктывкаре, ориентированного на технологии, связанные с энергоэффективностью, комплексным и рациональным использованием природных ресурсов, информационные технологии, биотехнологии и др.

В регионе есть ряд малых и средних предприятий, которые непосредственно занимаются разработкой и внедрением нововведений. Также существует определённая группа индивидуальных изобретателей и рационализаторов. Именно на их поддержку в основном и ориентированы правительственные программы и конкурсы, в т.ч. в сотрудничестве с федеральными органами власти.

Так, например, один из организаторов программы «У.М.Н.И.К.» говорит, что она, конечно, пока почти не даёт конкретного экономического эффекта, проекты не доходят до практики. Чаще всего из-за их собственного невысокого уровня, а также неразвитости культуры инвестирования в инновации у бизнесменов, недобросовестной конкуренции,

коррупции, нездоровой сроченности производителей с потребителями, понятной экономической инерционности крупных предприятий, их нежелания менять технологию, наличия лёгкого заработка на торговле, эксплуатации природных ресурсов. Иногда – из-за склонности представителей госвласти к традиционным путям развития и их неверия в возможность мощного результата за счёт инноваций. Однако мышление людей постепенно меняется, и в этом главная цель таких программ. Благодаря программе сложился хороший экспертный совет, своеобразная инновационная «тусовка» власти, бизнеса и науки. Бизнесмены не спешат вкладываться, но присматриваются, созревают для новых решений.

Итак, краткий обзор особенностей инновационно-инвестиционной системы двух северных регионов – республик Карелии и Коми – позволяет выделить специфические черты зоны Севера в условиях перехода на постиндустриальную экономику, а также заставляет задуматься о некоторых общих принципах развития страны:

1). Основной поток инноваций носит технологический характер и формируется посредством приобретения промышленного оборудования в зарубежных странах.

2). Магистральный путь развития экономики северных регионов – совершенствование технологий добычи природных ресурсов и повышение степени их переработки.

3). Специализированная технологическая инфраструктура крупным промышленным предприятиям вряд ли нужна, их основная потребность – помощь в финансировании инновационных программ. Инфраструктурные решения способны поддержать малые предприятия и их объединения – кластеры.

4). Регионы обладают определённым потенциалом создания инноваций в университетско-академическом комплексе. Однако реальная передача этих изобретений в практику по разным причинам пока довольно слаба и не оказывает кардинального влияния на хозяйственный уклад.

4). Трудности перестройки отечественной экономики на постиндустриальный путь развития носят очень сложный и многосторонний характер. Вряд ли можно найти главную и всеобъясняющую причину отставания России от других стран, но, по-видимому, большая часть препятствий коренится в менталитете людей. В международных сравнениях необходимо также учитывать чрезвычайно неодинаковые культурно-исторические и природно-географические условия развития стран.

5). В «пробуксовке» инновационной модернизации экономики можно выделить два поведения предприятий: «хочу, но не могу» и «могу, но не хочу». Соответственно, для первой группы предприятий нужно создавать соответствующие условия, в первую очередь финансовые и кадровые. Для второй – стимулы.

6). Широкое обсуждение темы инноваций и модернизации и множество принимаемых на всех уровнях мер свидетельствует о её актуальности. Однако многочисленные препоны говорят о том, что процесс пока «не созрел» для своего практического успеха. Нынешний финансовый кризис может дополнительно усугубить проблемы развития российской экономики, а может открыть новые возможности для неё, в т.ч. и неожиданные.

7). В порывах по инновационно-технологическому развитию экономики не следует увлекаться стремлением во что бы то ни стало достигнуть уровня зарубежных государств, а нужно уделять большее внимание гуманитарным аспектам, потому что прогресс и вообще экономическое развитие не являются самодовлеющей ценностью, могут приносить не только благо, но и разрушение. Хозяйственное благополучие не есть высшая и достаточная цель жизни человека, но призвано быть средством, служить подлинному, высшему идеалу.

8). России не стоит ни огульно отрицать, ни безоглядно принимать все достижения зарубежных стран, а формировать и реализовывать собственный путь развития, воспринимая все лучшее извне, базируясь на своём историческом опыте, руководствуясь интересами своего народа и опираясь в наибольшей степени на его собственные возможности.

Сухотин А.Б.

к.э.н., с.н.с. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН
forac@yandex.ru

Чернова Л.С.

к.э.н., с.н.с. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН
chelsy45@rambler.ru

УРОВНИ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ – РЕТРОАНАЛИЗ (2000–2008 гг.)

Ключевые слова: *экономическая политика, эффективность экономики, региональное развитие.*

Проблемы оценки народнохозяйственной политики представляются неизменно актуальными для разработки ориентиров будущих экономических преобразований. Авторами предпринята попытка на основе аналитического подхода к статистическому анализу динамических свойств региональной структуры обнаружить существующие резервы управления общеэкономической системы в целях обеспечения дальнейшего развития народного хозяйства и перехода его на интенсивный путь развития. Мы опираемся на отраженные в макроэкономической методологии исследования условий общего равновесия, которые возможно сопоставить с реальными свойствами процесса согласования результатов и затрат субъектов региональных отношений, а, следовательно, описать их характер и основные источники достижения эффективного развития. Проблема согласования интересов относится к исследованию динамических свойств и различий между возможными группами участников макроэкономических отношений, в которых способна развиваться эффективная координация хозяйственных процессов. В этом направлении исследований особенное внимание уделяется вопросам оценки возможных макроструктурных отношений, обеспечивающих условия экономического и регионального развития, а также достижения общего согласия.

Надо отметить, что данная проблема – проблема согласования интересов – в разных формах обсуждалась специалистами в рамках теории «терапевтического эффекта» Дж. Хэкмана, «конституциональных правил» Дж. Бьюкенена, исследований условий рыночного равновесия В. Хильдебрантом, Р.Ж. Ауманном, К. Эрроу и Г. Дебре. Работы этих авторов явились, своего рода, развитием, казалось, изначально далеких друг от друга идей В. Парето, В. Леонтьева и П. Самуэльсона в сферах оптимизации межотраслевого баланса. Модели, применяемые ранее, в основном в теории международной торговли и специфических факторов – более чем подходят для описания влияния сложных, структурообразующих факторов, составляющих условия достижения рыночного равновесия основными группами потребителей. Со времен работ А. Пигу, Л.Вальраса, М. Аллэ, П. Самуэльсона и др. стало формироваться и развиваться последующими учеными представление об эффективном развитии экономики как средстве обеспечения роста общественного благосостояния и общей полезности, которая сводит воедино множество индивидуальных потребительских предпочтений. Существуют разные аспекты общественно-экономической эффективности, среди которых можно выделить так называемый Парето-оптимум, описывающий предел согласования интересов участников хозяйственных отношений. В конкурентной экономике существуют признаки движения как к согласованной деятельности экономических агентов, так и к потере всяческих связей между ними.

Из всего богатства методологических знаний и наработок в изучении проблем макроэкономики выделим направление, которое, как мы полагаем, в наибольшей степени соответствует процессам упорядочивания и согласования интересов различных частей экономической системы – координационный подход. Координационный подход предполагает исследование процессов упорядочивания и согласования интересов в экономике, которые способны приводить партнеров к общему согласию, консенсусу. Процессы согласования интересов участников хозяйственной деятельности зависят от различий в структуре их организации, которая становится важнейшим условием реализации целевых функций экономического развития. Это обеспечивается через понимание общих правил или функций, в рамках которых действуют субъекты с целью достижения наилучших значений особой мета-функции – функции полезности, способной служить универсальной оценкой пользы для всех участников их совместной хозяйственной деятельности.

В продолжение этих подходов предлагается обратить внимание на уровень присутствия в экономических отношениях необходимых условий для их дальнейшего развития, связанных со способностью согласовательных процедур добиваться взаимодействия или балансов по ключевым структурообразующим процессам экономики. Одним из ключевых балансовых соотношений, в той или иной форме присутствующих в любой экономике, является баланс совокупного спроса и предложения. Следует пояснить, что наш подход связан с поиском устойчивых оценок развития, т.е. прогнозирования народного хозяйства в динамике, свидетельствующих о приближении к общепользным целям или удалении от них. В данном подходе обратим внимание на то, что показатели производства валового внутреннего продукта (ВВП), а также сходного с ним валового внутреннего продукта регионов (ВРП), кроме всего прочего, демонстрируют количественное выражение имеющихся в экономике согласованных оценок развития. По этой причине та-

кое большое значение имеют относительные показатели вклада отдельных участников общественного производства относительно тренда «наилучшего развития».

Исследования, представленные в этой работе, опираются на тот факт, что управление национальной и региональной экономикой имеют дело с взаимноинтегрированными системами хозяйственных отношений. Это означает, что исследование оценок уровней экономического развития территориальных образований строится на общем основании, в котором необходимо выявить и оценить условия формирования оценок согласия, принятых в качестве их общей макроэкономической, соизмеримой природы. Поэтому представляется актуальным дополнить существующие исследования методами современного экономико-статистического анализа. Он позволяет описывать известные макроэкономические характеристики крупных территорий (структуру распределения валового регионального продукта) в системе категорий – динамики показателей взаимосвязи удельных весов регионов в общей сумме ВРП.

Оценка качества структуры регионов, то есть распределение их по доходам, способна быть объективной и поддается измерениям, по результатам которых можно судить об уровне согласований и перспективах реального роста хозяйственной системы в целом без привязки к свойствам каких-либо, в том числе, и базовых цен. Данный подход позволяет судить о свойствах реального экономического роста как индикатора изменений условий развития народного хозяйства, основанного исключительно на базовых показателях согласовательного процесса. Важным является то, что свойства организационной структуры хозяйственных агентов, динамика ее изменений позволяет напрямую судить о характере тенденций экономического развития в терминах таких общеизвестных макроэкономических показателей, как валовой внутренний продукт (ВВП), валовой региональный продукт (ВРП), валовая добавленная стоимость и т.п.

Наиболее определенными различиями в структуре хозяйственной организации обладает разделение участников (регионов) на высокодоходные и низкодоходные. Первая группа (высокодоходная группа) сформирована из регионов, чьи доходы являются наиболее высокими и сумма их доходов составляет половину суммы всего ВРП. Оставшаяся группа регионов, на долю которых в совокупности приходится также половина совокупного ВРП, составляет группу низкодоходных регионов.

Как ранее говорилось, в динамике в случае приближения к общеэкономическому равновесию пропадают искажения, вызывающие несоответствие между вкладами и результатами участников хозяйственной деятельности. Эти процессы согласуются со снятием излишних ограничений на совокупный спрос, дают дорогу реализации максимальных значений общей полезности и упорядочивают распределение доходов участников общего хозяйственного процесса.

Из анализа совместных решений функции согласия в матричной форме следует, что наилучший порядок заключается в сближении по доходам представителей высокодоходной группы регионов и, наоборот, большей дифференциацией в менее доходной группе. При описании характеристик качества координации интересов их удобно представить в виде стандартных показателей отклонений, рассчитанных по формулам среднеквадратических и среднеэмпирических значений, демонстрирующих сближения и расхождения между этими группами.

Посмотрим на результаты расчетов существовавших как положительных, так и отрицательных направлений роста экономики в 2000–2008 годах, который представлен как изменение показателей среднеарифметического и среднеквадратического отклонений для различных доходных групп. (См. табл. 1). На основании этих теоретических выводов может быть показано, что общему выравниванию доходов однозначно соответствует дифференциация уровней доходов менее успешных групп населения, например территорий регионов. Все вместе территории с подобными характеристиками потребителей, соответствуют общей экономике, обладающей свойством выравнивания общего дохода. С другой стороны, при обратном характере зависимости среди высокодоходных и менее доходных регионах, в общей экономике, наблюдается рост дифференциации общего дохода. Конкретно эти зависимости можно наблюдать в данных, приведенных в табл. 1 (рассчитанных для распределения регионов по их долям в сумме ВРП по материалам статистического сборника «Национальные счета в России за 2002-2009 гг.» по региональной структуре ВРП в 2000–2008 годах [1, с. 250]).

Таблица 1

Расчет стандартных отклонений в различных по доходам регионах

Наименование показателя	Группы регионов	2000 г.	2007 г.	2008 г.
высокодоходные регионы		50,9	50,6	50,5
менее доходные регионы		49,1	49,4	49,5
среднеарифметическая	высокодоходные	5,656	7,229	7,214
среднеэмпирическая	высокодоходные	6,363	8,433	8,417
среднеарифметическая	низкодоходные	0,692	0,677	0,678
среднеэмпирическая	низкодоходные	0,701	0,686	0,688

По результатам проведенного анализа распределения долей общей суммы ВРП среди наиболее благополучных и менее благополучных регионов РФ мы можем сделать ряд важных обобщений. Прежде всего, обращает на себя внимание сама долевая структура произведенного валового регионального продукта. Доля лишь одной Москвы достигает практически до 25% от суммы всего ВРП, произведенного на территории Российской Федерации. Это огромная диспропорция обращает на себя внимание еще и потому, что собственного производства в Москве в настоящее время осталось очень мало [1, с. 250].

Значительная доля от общей суммы ВРП (около 10%) принадлежит Тюменской области – региону, существующему в основном за счет добычи нефти и газа. Остальные крупные регионы из наиболее благополучной группы (чья доля в сумме достигает 50%) дают в сумме своих долей не более 15%. А наиболее крупные из них не достигают и 5%.

Уже такая простая фиксация существующего положения позволяет говорить о наличии чрезмерной дифференциации среди крупных регионов и значительных проблемах и трудностях, связанных с ее преодолением.

Оценка изменения стандартных отклонений, согласно принятой нами выше схеме оценки направлений развития экономики региональных отношений, позволяет выделить в нем ряд особенных временных периодов. Положение в системе региональных отношений продолжало ухудшаться вплоть до 2007 года. Дифференциация по реальной заработной плате выросла с 2001–2002 гг. почти на 20%, с 2004–2005 – тоже на 20%. [2, с. 171]. В 2008 году результаты расчетов впервые зафиксировали, что стандартное отклонение по доходам в наиболее благополучных регионах уменьшилось на 0,15 по среднеарифметическому отклонению и на 0,16 – по среднеэмпирическому отклонению. Это свидетельствует о крайне малом изменении структуры распределения наиболее благополучных регионов по долям ВРП в сторону сближения их доходов. Однако такой слабый результат по снижению дифференциации обращает на себя внимание и требует вразумительного объяснения.

На первый взгляд может показаться, что меры по общему оздоровлению экономики получили наглядное подтверждение в общем улучшении структуры снижения региональной дифференциации в 2008 году и прежде всего среди крупных регионов. К сожалению, общемировой экономической кризис, который случился в этот период, не позволяет наблюдать, насколько продолжительным могло быть это улучшение. Однако представляется вполне правомочным выяснить действительные источники таких улучшений. Первой гипотезой, которую следует рассмотреть, является предположение, что общемировой кризис 2008 года не имел таких уж серьезных предпосылок в российской экономике, а был привнесен в нее как бы извне, в результате накопившихся диспропорций общемировой финансово-экономической системой. В этом случае положительную оценку могли бы получить какие-либо из мер российского правительства по укреплению федеративных отношений. Здесь следует напомнить, что в период между 2000–2008 годами произошли существенные изменения, были образованы федеральные округа, введен институт полпредства, почти повсеместно губернаторы стали назначаться Президентом [3]. Однако более внимательное изучение условий, в которых оказались российская экономика и государство в этот период, подвергают сомнению однозначность теоретических оценок внутреннего состояния народного хозяйства и региональной экономики.

С начала 2000-х годов рост цен на нефть становится устойчивым трендом, который не мог не оказать влияния на условия развития экономик практически каждой страны по всему миру. Имея большие разведанные и готовые к добыче запасы нефти и газа, Россия еще в советское время стала одним из основных экспортеров энергоресурсов во множество стран, в том числе и те, чья экономика принадлежит к наиболее крупным и развитым в мире. Нет ничего удивительного в том, что значительная часть отечественной экономики стала работать на нефтяной сектор. Вопрос, который в этой связи представляется действительно важным – было больше пользы или ущерба для экономики России от экспорта энергоресурсов? Вряд ли ответ на этот вопрос относится только к номинальным количественным показателям. Гораздо важнее понять, что продажа энергоресурсов способна существенно изменить условия производства для остальной экономики России. Поэтому ответ на этот вопрос не может быть простым, и данная проблема нуждается в дополнительном исследовании. Сейчас мы можем только обратить внимание на значительный рост цен на нефть, от которого зависят цены на другие энергоресурсы. Вслед за ростом цен в 2000–2005 годах росли и объемы поставок энергоресурсов из РФ. Падению цен на нефть в кризисном, 2008 году, также соответствовало снижение отечественных поставок энергоресурсов [4, с. 716]. Поэтому представляется показательным для описания ориентиров значительного сектора отечественной экономики, наряду с табл. 2 – экспорта важнейших товаров энергетического сектора хозяйства, привести график изменения мировых цен на нефть за последние 30 лет [5].

Таблица 2

Экспорт основных товаров РФ

	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Нефть сырая, млн. т	145	253	243	247	247
Нефтепродукты, млн. т	62,7	97,1	118	124	133
Газ, млрд. куб. м	194	207	195	168	147

Рисунок 2.
Помесячная динамика цен на нефть за 30 лет

Среднегодовые цены на нефть марки Brent (\$ за баррель)

№№	год	значение	№№	год	значение
1	1982	33.4	17	1998	12.7
2	1983	29.8	18	1999	17.7
3	1984	28.7	19	2000	28.3
4	1985	27.6	20	2001	24.4
5	1986	14.4	21	2002	25
6	1987	18.4	22	2003	28.9
7	1988	15	23	2004	38.3
8	1989	18.2	24	2005	54.4
9	1990	23.7	25	2006	65.4
10	1991	20	26	2007	72.7
11	1992	19.4	27	2008	97.7
12	1993	17	28	2009	61.9
13	1994	15.8	29	2010	79.6
14	1995	17.1	30	2011	111
15	1996	20.5	31	2012	121.4
16	1997	19.1	32	2013	108.8

Обратить внимание на рост мировых цен на нефть при исследовании условий общеэкономического и регионального развития заставляет особая значимость экспорта для производства страны. Складывается убеждение, что экспорт значительного количества энергоресурсов по ряду причин способен оказывать влияние на источники формирования спроса на другие факторы производства в экономике и вместе с этим менять важнейшие условия производства вне зависимости от решающих балансовых соотношений экономики. В рамках данной гипотезы возможно допустить дополнительные дисбалансы спроса и предложения, формирующего стоимостные значения валового внутреннего продукта страны и валового продукта для регионов Российской Федерации. По этой причине оценки условий согласованного формирования совокупного спроса могут иметь неоднозначные толкования. Если бы могло быть доказано, что рост экспорта энергоресурсов из Российской Федерации не оказал существенного влияния на формирование базовых экономических условий, то показатели среднеарифметического отклонения, демонстрировавшего по принятым нами критериям роста согласия, могли бы свидетельствовать о действенности обширных реформ региональных отношений для их экономического развития. Однако приведенные выше соображения о возможном влиянии на существенные факторы экономического развития роста экспорта энергоресурсов из РФ в 2000–2007 годах не позволяют без необходимых дополнительных исследований делать какие-либо окончательные выводы.

Представляется полезным для содержательного анализа общеэкономического развития РФ за период 2000–2008 гг. сопоставить приведенные данные с известными показателями темпов роста валового внутреннего продукта страны за аналогичный период (см. табл. 4). [4, с. 36].

Таблица 4

Темпы роста (снижения) валового внутреннего продукта в постоянных ценах, в процентах к предыдущему году за 2000–2009 гг.

Годы	2000	2005	2006	2007	2008	2009
%	110,0	106,4	108,2	108,5	105,2	92,2

Темпы роста ВВП в сопоставимых ценах достаточно оперативно отражают влияние внешних и внутренних факторов, способствующих изменению условий экономического роста. Между тем, предлагаемый нами анализ общеэкономического рынка способен, на наш взгляд, уточнить реальные условия экономического развития по сравнению с практикуемым анализом на основе темпов роста ВВП. Обратим внимание, что оба подхода отмечают снижение базовых показателей: в одном случае – оценок согласованного развития наиболее успешных регионов, а в другом случае – темпов роста ВВП. Конкретно, в первом случае среднее эмпирическое отклонение растет с 6,363 в 2000 году до 8,433 вплоть до 2007 года. За этот же период темп прироста валового внутреннего продукта сократился со 110,0% в 2000 году до 108,5% в 2007 году. Существует, однако, важное расхождение за изменениями результатов экономического развития страны за один и тот же период. Предлагаемый авторами способ расчета общерегионального развития отмечает за год (в 2008 году против 2007 года) улучшение согласованного развития регионов и, соответственно, значений среднего эмпирического показателя с 8,433 до 8,417. Наблюдение за темпами роста ВВП за тот же год демонстрирует замедление темпов со 108,5% в 2007 году до 105,2% в 2008 году. Указанное противоречие требует дополнительного исследования. Заранее нельзя сказать, что, например, анализ развития экономики страны, исходя только из темпов роста ВВП, искажает реальные процессы экономики, а координатный подход дает более точную картину экономических изменений. Если говорить о внутренних (эндогенных) процессах экономического развития, базирующихся на фундаментальных элементах экономической системы, всегда обладающих одними и теми же характеристиками, то показатели, полученные из анализа среднеэмпирических оценок согласованного регионального развития, дают более справедливые сведения о реальном потенциале экономического развития. Действие кризиса 2008 года по-настоящему серьезно отразилось в данных за 2009 год, зафиксировавших не только относительное снижение роста, но и абсолют-

ное падение темпов роста до 92,2%. Представляется вполне вероятным, что изменения внутренней экономической структуры отечественной экономики произошли раньше 2008 года, до начала общемирового экономического кризиса. Источниками экономического роста и развития страны перестали быть факторы, формирующиеся только на основании собственных ресурсов экономики. Показатель среднеэмпирического отклонения согласованности регионального развития в этом случае фиксирует структурные изменения, происходящие не за счет увеличения собственного производства добавочных результатов и ресурсов экономики, а за счет притока дополнительных ресурсов извне. Было бы приятно считать, что с 2000 по 2008 годы процессы развития российской экономики начали преодолевать отрицательные тенденции начала 2000-х. Отчасти анализ темпов роста также подтверждает наличие положительных тенденций общеэкономического развития во второй половине первого десятилетия 2000-х годов. Темпы роста ВВП российской экономики стали расти в 2007–2008 гг. и составляли 108,2 и 108,5% в процентах к предыдущему году. Эти показатели ниже темпа роста ВВП в 2000 году, который составлял 110%, однако, падение темпа роста ВВП до 105,2% в первый год кризиса оставляет открытым вопрос о причинах этого падения. Было ли оно вызвано внутренними процессами, происходящими в российской экономике, которые развивались согласованно с условиями предшествующими общемировому кризису, либо кризис для российской экономики являлся в основном внешним фактором. Данные среднеэмпирического отклонения согласованного регионального развития, отметившие сближение экономического развития передовых регионов с 8,433 до 8,417, скорее всего, свидетельствует о действенности экономической политики и мер, предпринятых правительством по стабилизации российской экономики. Этот результат, который можно считать вызовом последующим исследователям, делает необходимым еще раз внимательно присмотреться к мерам экономической политики, обеспечивающим такой результат.

Список литературы

1. Национальные счета в России в 2002–2009 годах. Росстат. 2010.
2. Российский статистический ежегодник. Росстат. 2009.
3. Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – М., 2009. – Т.2, № 4.
4. Российский статистический ежегодник. Госкомстат. 2011.
5. <http://newsruss.ru/doc>; Брагинский О.Б. Цены на нефть: история, прогноз, влияние на экономику // Российский химический журнал. 2008. – Т. 52, № 6.

Третьяк В.П.

д. э. н., профессор Московского государственного университета технологий и управления

Сагина О.А.

старший преподаватель Московского государственного университета технологий и управления

НЕОБХОДИМЫ ЛИ ДОРОЖНЫЕ КАРТЫ ПО АРКТИКЕ?

Ключевые слова: дорожные карты, Арктика, Форсайт.

Keywords: road map, Arctic regions, Foresight.

Арктика играет особую роль в глобальных процессах, определяющих климат Земли. Природа Арктики весьма чувствительна к воздействию извне и очень медленно восстанавливается после неразумного вмешательства. В докладе, подготовленном группой мониторинга Арктического совета, в который входят Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США и Швеция, сообщается, что Арктика сильно загрязнена устойчивыми к разложению органическими веществами, которые обнаруживаются не только в почве, но и в организмах животных¹.

Многие проблемы Арктики имеют циркумполярный характер, и в их решении большую роль должна играть международная кооперация. Это направление сотрудничества начало интенсивно развиваться с начала 90-х гг. прошлого века. Так, в 1989 г. Финляндия, Канада, Дания (Гренландия), Исландия, Норвегия, Швеция, СССР и США начали совместную работу по охране окружающей среды в этом регионе.

Ещё в 20-е гг. прошлого века пять стран – СССР, Норвегия, Дания, США и Канада – с молчаливого согласия остальных поделили Арктику на отдельные сектора. Каждая из пяти претендовавших на океанские воды «заполярных» стран просто продолжила свои границы по меридианам до Северного полюса. Естественно, что России при этом досталось около трети всей площади шельфа Арктики. Однако в последние годы многие страны стали находить такое решение несправедливым, особенно в свете прогнозируемого освобождения полярных морей ото льда, возможности за счёт этого расширить международное судоходство и начать добычу углеводородов в морях Северного Ледовитого океана.

Основанием для начала разговоров о переделе Северного Ледовитого океана стала подписанная в 1982 г. Конвенция ООН по морскому праву. Согласно ст. 76 этого документа, права пяти названных выше государств, территории которых частично расположены внутри Полярного круга, распространяются исключительно на их экономические зоны (200 морских миль от побережья, или примерно 370 км). Только в пределах этой зоны государствам разрешено разведывать и разрабатывать месторождения полезных ископаемых².

В Арктике имеет место межстрановый конфликт интересов. Следовательно, наиболее цивилизованный путь разрешения конфликтов есть процесс проведения *Арктического Форсайта* стран, имеющих здесь географические сектора.

Форсайт как новейшая технология, позволит сформулировать развилки в понимании интересов различных стран, что позволит:

1. активно участвовать в формировании будущего Арктики всем заинтересованным государствам,
2. самым быстрым образом согласовывать разнонаправленные партикулярные интересы различных участников процесса происходящих изменений в Арктике,
3. заглядывать в будущее развитие интересующего явления Арктики,
4. выявлять слабые сигналы, которые будут доминировать в грядущем будущем,
5. способствовать самоактивизации участников зарождающегося будущего Арктики в деле его претворения по собственной инициативе,
6. формировать сценарии пиксельных картинок зарождающегося будущего Арктики глазами экспертов стран, участников Арктического Форсайта.

Хотелось бы высказать особо предостережение о том, что добротные дорожные карты не делаются «на коленке». Их нельзя нарисовать в ходе скоропалительной Форсайт сессии, т.е. на встрече заинтересованных людей, даже очень квалифицированных. В этом случае даже созданная дорожная карта осведомленными в технике людьми, может в лучшем случае только проиллюстрировать учебные навыки к построению дорожной карты. Настоящая дорожная карта политического типа – продукт работы специально подготовленных профессионалов, опирающихся в своих построениях на материалах проведенного фундаментального Форсайта³ Арктики с учетом интересов разных стран.

¹ Арктика: перспективы развития // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36212>

² Международно-правовые вопросы освоения Арктики [Электронный ресурс] // Известия, сайт новостей. 2007. – 8 сентября. – <http://www.izvestia.ru/media-center/conference924/index.html>

³ См. подробнее: Третьяк В.П. Дорожная карта» как инструмент технологии Форсайт // Новые знания. 2013. – март, № 25.

Такая дорожная карта именуется картой для внешней среды (roadmap of environment) и призвана дать ответ на следующие вопросы: что мы можем сделать, чтобы защитить нашу окружающую среду или остановить ухудшение ее качества, подразумевая не только изменение климата, но и истощение ресурсов, дефицит источников энергии и исчезновение видов? Можем ли мы ожидать, что наши усилия будут достаточными для изменения будущего? Какими должны быть наши цели в сфере взаимодействия с внешней средой?¹

Технология, именуемая роудмэппингом (Roadmapping), достаточно юная. Она зародилась в недрах приемов *внутрифирменного* стратегического управления, осуществляемого корпорациями. Следовательно, использовать этот инструмент по отношению к социальным преобразованиям или для анализа проблем территориального развития впрямую вряд ли продуктивно. Технология разработки дорожных карт базируется на хорошо известном методе оценки и анализа программ PERT², который описывает различные альтернативные пути, из которых можно выделить критический (оптимальный) путь. Данный способ использовался в 1950-х годах и в последующие годы ВМС США при разработке проекта по созданию ракетного комплекса «Полярис».

Американская авиаракетная компания Дуглас по выпуску космической и военной авиатехники (ныне объединившаяся с «Боингом») использовала метод дорожных карт для описания необходимых этапов подготовки гипотетического полета на Марс в начале 60-х годов. Многие фирмы, как, например, Моторола в середине 80-х гг. использовали эту технологию с целью определения научно-исследовательских проектов, которые должны быть реализованы при разработке *нового продукта*.

Со временем были разработаны модификации процесса разработки дорожных карт, в т.ч. включение в методологию вероятностных оценок времени, необходимого для перемещения от одного технологического узла до другого или от одной технологии до другой, что позволило использовать ее для оценки сроков окончания работ. Вследствие этого, технология картирования получила дальнейшее развитие в виде различных вариаций, включая метод анализа последовательности разработки технологий (TSA – Technology Sequence Analysis), который подразумевает использование статистических методов моделирования оценок времени, необходимого для достижения целей.

Применение технологии Roadmapping было обнародовано компанией Моторола примерно в середине 70-х годов двадцатого века. На рубеже XX столетия она получила быстрое развитие не только в компаниях, но и при решении некоторых международных проблем³.

Таблица 1

Roadmapping в «GoogleTM index»

	Feb 04	May 04	Aug 04	Nov 04	Feb 05	May 05	Aug 05
«technology roadmapping»	3,5	3,55	3,85	11,2	9,68	8,42	10,8
«technology roadmap»	52,4	56,8	63,3	153	175	164	168
«roadmapping»	12,2	14	15,4	38,1	41,6	46,8	67,8
«innovation roadmapping»	40	43	43	71	134	71	10
«innovation roadmap»	733	609	843	1,19	1,3	726	3,71
«business roadmapping»	122	149	171	245	240	188	256
«business roadmap»	6,74	4,81	4,55	11,7	11	8,87	9,21
«strategic roadmapping»	225	176	319	559	677	507	3,91
«strategic roadmap»	4,68	5,15	5,17	13	15,3	19	22
«technology route mapping»	24	25	47	24	25	17	26
«technology route map»	72	132	97	119	107	72	94
«science roadmap»	–	–	674	1,23	820	727	588
«program roadmap»	–	–	714	821	797	514	792
«market roadmap»	–	–	488	1,72	1,85	1,69	1,79
«industry roadmap»	–	–	2,64	6,42	7,25	8,68	8.090
«customer roadmap»	–	–	111	174	182	149	193
«product roadmap»	–	–	26,8	61,2	72,3	97,3	120
«service roadmap»	–	–	803	1,09	1,05	983	1,04
«production roadmap»	–	–	154	207	222	218	363
«enterprise roadmap»	–	–	356	463	494	467	672
«application roadmap»	–	–	5,57	5,18	5,22	5,21	5,4
«process roadmap»	–	–	712	880	1,44	551	749
«design roadmap»	–	–	881	1,21	1,21	1,13	1,28
«engineering roadmap»	–	–	945	631	1,31	1,05	651
«policy roadmap»	–	–	1,69	5,84	4,94	643	880
«infrastructure roadmap»	–	–	587	747	845	781	850
«risk roadmap»	–	–	73	70	69	80	81
«investment roadmap»	–	–	403	557	622	550	649
«roadmap for peace»	–	–	9,85	18,9	17,9	15,8	16,5

¹ Джемала М. Корпоративная «дорожная карта»// Российский журнал менеджмента. 2008. – Т.6, № 4.

² PERT- метод подразумевает изображение шагов, которые необходимо сделать на пути к достижению цели, в виде схемы (графа), то есть в виде дорожной карты.

³ Израиль и Палестина решили обусловить подписание соглашения выполнением плана «дорожная карта». – http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2007-11/10/content_519947.htm

Технология картирования настолько новая, что не совсем канонизировано даже ее название. Во всемирной паутине существует несколько наименований данной технологии. По результатам поиска в системе «Google TM index» были получены следующие интересные данные по вариантам названия технологии дорожных карт.

Из таблицы видно, насколько разнятся названия примерно одной и той же технологии. В качестве рабочего названия изберем Roadmapping¹ или картирование.

В арктической зоне России было выделено 27 районов (11 – на суше, 16 – в морях и прибрежной зоне), получивших наименование «импактных», где эти процессы уже привели к сильнейшей трансформации естественного геохимического фона, загрязнению атмосферы, деградации растительного покрова, почвы и грунтов, внедрению вредных веществ в цепи питания, повышенной заболеваемости населения². Здесь можно проводить национальный Форсайт Арктики России, а область применения отечественного Форсайта можно включить и к проблеме потепления, и функционирования северного пути, и авиа коридоры через северный полюс, и решение экологических проблем, и формировать отечественную дорожную карту Арктики. На основе проведенного Форсайт анализа можно формировать отечественную дорожную карту Арктики именуемой картой для внешней среды (roadmap of environment).

¹ Третьяк В.П. Форсайт в вопросах и ответах. – М., 2011. – С. 38.

² Моргунов Б. А. Методология учёта экологического фактора в процессе выработки стратегии устойчивого развития арктической зоны России / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. – СПб., 2006.

Третьякова Л.А.

д.э.н., профессор, зав. кафедрой Белгородского государственного национального исследовательского университета
lora_tretyakova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Ключевые слова: *региональное развитие, конкурентоспособность, глобальные риски, инвестиционный имидж.*

Явления макроэкономической нестабильности, нарушения воспроизводственных, отраслевых и региональных пропорций в условиях агрессивного влияния факторов глобализации определяют особую актуальность разработки комплексных универсальных механизмов устойчивого регионального развития и экономического роста. Научный интерес к проблемам сбалансированного экономического развития и стабильного экономического роста вызвал множество трактовок механизма устойчивого регионального развития и диапазона факторной зависимости, что является отражением эволюции экономических отношений и изменений состава гносеологического инструментария научного знания.

При всем многообразии трактовок содержания экономического роста и условий его достижения общепризнанным выступает тезис о том, что под экономическим ростом понимается объективная степень развития национального хозяйства, увеличивающая реальный объем производства (ВВП) на основе динамичного роста средней производительности труда в обществе. В этом контексте актуальным стратегическим целеполаганием регионального развития является обеспечение конкурентоспособности как оптимально выгодного сочетания человеческого капитала, технико-технологического потенциала, институционального пространства и инвестиционного климата региона.

Экономическому росту в современных условиях способствует, прежде всего, активное развитие инвестиционных процессов, определяющих масштабность и диапазон инновационных производственных процессов. Интенсивность инвестиционных потоков в производство определяет степень экономического роста, формируя плоскость конкурентоспособности, при этом инвестиции характеризуются важной особенностью – в момент вложения инвестиций они повышают совокупный спрос, а в последующие периоды увеличение объема производственных мощностей определяет совокупное предложение.

Для обеспечения устойчивой динамики регионального развития в контексте активизации инвестиционных процессов прямые иностранные инвестиции – необходимый фактор, определяющий не только приток финансовых средств на территорию, но и неотъемлемый инновационный компонент, основанный на трансфере производственных и управленческих технологий.

Региональный экономический рост необходимо рассматривать в контексте концепции динамической эффективности, которая в отличие от статического подхода к экономической эффективности основана на признании постоянного изменения состава и объемов факторов производства в результате реализации ресурсного потенциала субъектов предпринимательства, а также изменения стратегических целей развития – определяющим является факторное влияние временного периода [6].

При определении методических основ формирования конкурентоспособности региона на основе инвестиционно привлекательного имиджа регион можно рассматривать как открытую социально-экономическую систему, основанную на природно-ресурсном потенциале, формирующем конкурентные региональные преимущества, вариативность использования которых определяет эффективность формирования общего национального экономического пространства [4].

В качестве допущения при исследовании инвестиционного имиджа региона, последний можно рассматривать в качестве открытой экономики, экономическими агентами которой выступают все субъекты предпринимательства (фирмы), государство и инвесторы. Основопологающей целью деятельности субъектов предпринимательства является максимизация прибыли, что в конечном итоге увеличивает стоимость предпринимательской единицы. Стратегически цели инвестора максимально совпадают с целями предпринимательской деятельности и заключаются в обеспечении максимально возможной доходности вложений с условием их безопасности, потенциального роста и ликвидности. Деятельность государства определяется в соответствии с экзогенными для него целями и задачами стратегии общественного развития, устанавливаемыми на основе нормативных стандартов, сложившихся и принятых в обществе.

При разработке стратегии формирования конкурентоспособности региона на основе инвестиционно привлекательного имиджа региона надо учитывать тот факт, что в современной экономической науке используют достаточно тесно связанные между собой понятия – инвестиционный климат и инвестиционный имидж, причем если первое достаточно широко известно, то «имидж» в контексте «инвестиционный» распространено незначительно.

Инвестиционный климат представляет собой систему объективных условий вложения капитала с целью максимизации получения прибыли, состоящую из широкого диапазона компонент, определяющих и регулирующих условия жизнедеятельности общества. Инвестиционный климат целесообразно рассматривать как открытую совокупность экономических, социальных, политических, правовых, культурных условий, обеспечивающих целесообразность вложений в отраслевые сегменты экономики, в предпринимательские структуры, регионы и государства [1].

Инвестиционный имидж региона – это результирующий временной итог многофакторной модели регионально-го исторического развития, выраженный совокупностью представлений, устойчиво воспроизводящихся в массовом и (или) индивидуальном сознании потенциальных инвесторов. Инвестиционный имидж всегда отражает уникальные особенности региона, при этом являясь производным от инвестиционного климата, инвестиционный имидж определяется базовой системой информации, содержащей весь диапазон сведений о регионе и его особенностях.

Региональный экономический рост определяется вариативной совокупностью альтернатив реализации предпринимательской инициативы при наличии единого регионального экономического пространства и общенациональных институтов. Основными условиями устойчивого экономического развития региона являются условия общего экономического роста, т.е. увеличение реального объема производства (ВВП) на основе динамичного роста средней производительности труда в обществе, соответствие стратегических целей регионального развития содержанию ресурсного потенциала региона, достижение максимальной самодостаточности структуры производства и структуры потребления.

Состояние и объективная оценка инвестиционного климата формируются не только под влиянием оценки экономических процессов и явлений, но в значительной степени с учетом такого фактора как информация, которая представляет собой сведения, получаемые участниками инвестиционной системы при адаптивном управлении процессами инвестирования. Динамичность развития инвестиционных процессов напрямую связана с устойчиво и автоматически воспроизводимым соответствием между инвестиционным климатом и инвестиционным имиджем.

Объективные оценки, подтверждающие экономический рост в регионе, не всегда являются условием улучшения инвестиционного имиджа, однако позитивная аналитика динамики инвестиционного климата определяет инвестиционный имидж. Данная закономерность позволяет сделать вывод о том, что эффективность процесса инвестирования в региональную экономику находится в прямой зависимости от системы мер, направленных на улучшение инвестиционного климата. В этом контексте вопрос о прямой зависимости улучшения инвестиционного климата и инвестиционного имиджа остается спорным, так как практические свидетельства улучшения инвестиционного климата не всегда подтверждаются свидетельствами улучшения инвестиционного имиджа [8, 12].

Международный опыт показывает, что имиджевая составляющая инвестиционного климата региона имеет значение, и существует объективная возможность увеличения инвестиционных вложений через реализацию прогрессивной, научно-обоснованной имиджевой политики.

При разработке концепции формирования инвестиционно привлекательного имиджа региона необходимо учитывать различную степень влияния государства на инвестиционный имидж.

Инвестиционный имидж страны и региона находится в прямой зависимости от экономической политики государства и группы факторов (внешних и внутренних – внешнеэкономическая политика, социально-экономические условия инновационной деятельности, научно-технический потенциал отраслей и регионов и т.д.), степень воздействия которых может меняться от агрессивной до лояльно-позитивной. Влияние на инвестиционный имидж отдельных секторов, отраслей или предпринимательских структур в большей степени определяется промышленной политикой, приоритеты, а также инструменты которой отражаются в программах социально-экономического развития и отраслевых стратегиях [5, 14].

Выделяют два основных варианта формирования инвестиционно привлекательного имиджа: в рамках конкретного субъекта предпринимательской деятельности и в рамках государственного регулирования через министерства и ведомства.

Международный опыт формирования инвестиционно привлекательного имиджа показывает, что агентства по привлечению инвестиций (Investment Promotion Agencies, IPA) достигают лучших результатов при большей независимости от системы исполнительной власти и это с учетом того факта, что их финансирование осуществляется (около 80 %) из государственного бюджета. [3, 13]

Субъект предпринимательской деятельности, самостоятельно занимаясь привлечением инвестиций, обладает большей гибкостью и вариативностью в принятии решений. Самостоятельность субъектов предпринимательства позволяет избежать возможных конфликтов интересов, с которыми могут сталкиваться министерства и ведомства, решающие проблемы улучшения инвестиционного имиджа. Например, презентация конкретных инвестиционных проектов через органы исполнительной власти может быть интерпретирована потенциальными инвесторами как фактическая ответственность этого органа за достоверность представленной информации.

Безусловным достоинством самостоятельного поиска инвесторов предпринимательскими структурами является возможность широкого привлечения частных инвестиций и сбережений населения к реализации программ по улучшению инвестиционного имиджа. Через прямое взаимодействие инвесторов с субъектами предпринимательства развивается основа для частно-государственного партнерства в области реализации инвестиционных проектов, а также формируются дополнительные источники финансирования деятельности по укреплению инвестиционного имиджа.

Не лишена преимуществ и организация кампании по поддержке инвестиционного имиджа региона в рамках деятельности органа исполнительной власти, при которой синергический эффект дает взаимодополнение функций поддержания имиджа и функций по привлечению иностранных инвестиций, возложенных на соответствующий орган

исполнительной власти. Сопряженность функций на уровне региональных органов власти в ряде случаев позволяет обеспечивать экономию средств, предназначенных на реализацию инвестиционной политики.

Таким образом, на практике при выборе сценария формирования инвестиционно привлекательного имиджа региона (рис. 1), возможными являются оба варианта управления имиджевыми действиями, хотя первый вариант, как показывает практика, имеет больше преимуществ.

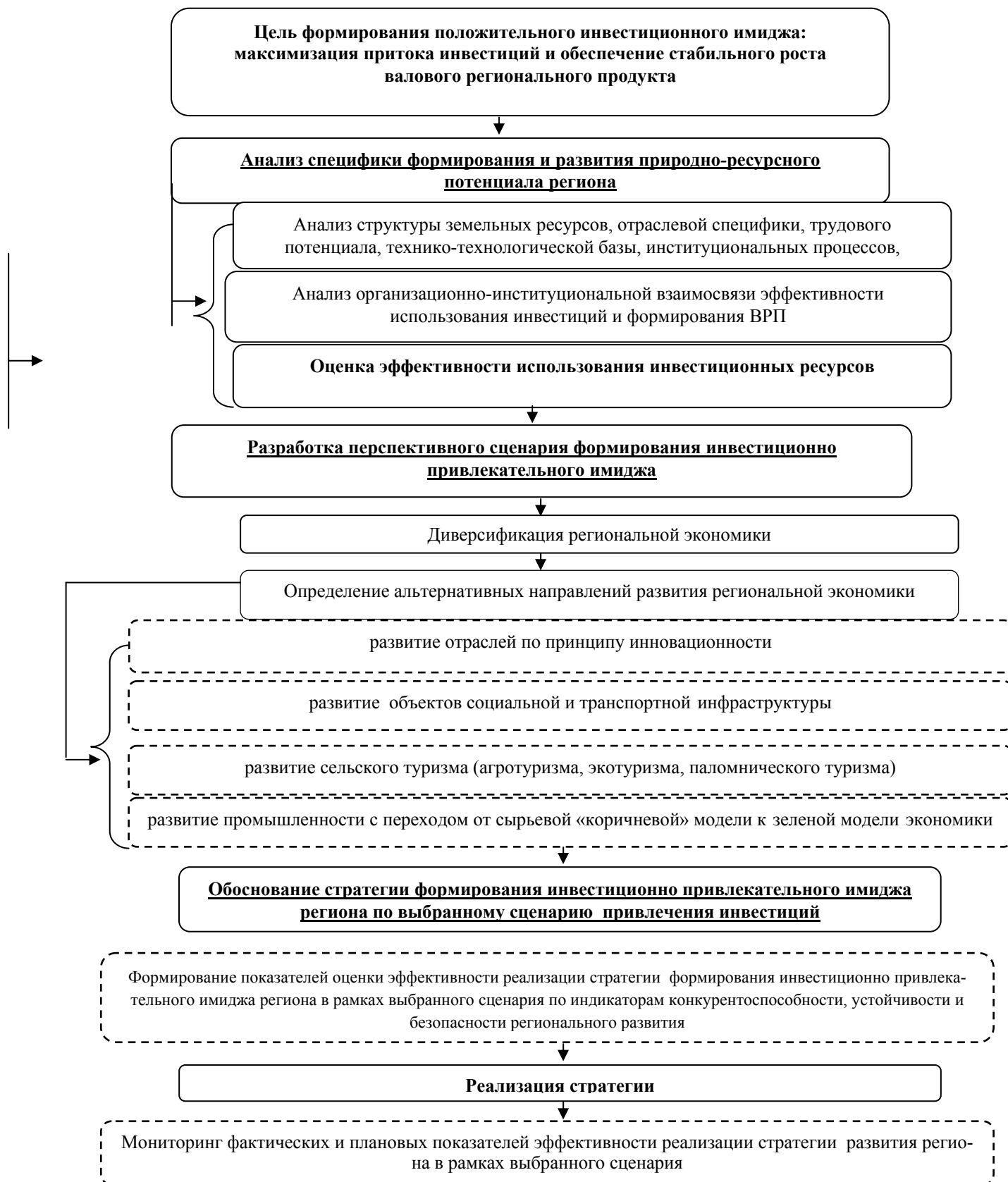

Рисунок 1.
**Концептуальная схема выбора сценария формирования конкурентоспособности региона на основе
инвестиционно привлекательного имиджа региона**

Наиболее распространенная форма привлечения инвестиционных ресурсов – это целевые программы и проекты. При этом на современном этапе особый акцент делается не на национальные целевые программы, инициированные Правительством РФ, а на целевые программы отраслей, которые помимо технико-технологического обоснования программных мероприятий разрабатывают стратегию привлечения инвестиций. При этом вопросы формирования инвестиционно привлекательного имиджа региона и инвестиционного климата должны решаться одновременно, что позволит достичь положительного результата в притоке инвестиций и в итоге – решения стратегических задач социально-экономического развития.

Практика регионального развития показывает, что это обусловлено во многом различием элементов трансформационного и транзакционного потенциала, включая значительные различия состояния инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности [8, 10]

Разнородность индикаторов конкурентоспособности обуславливается в том числе:

а) различиями в интересах субъектов организационно-экономического пространства региона, что, в свою очередь, во многом обусловлено разными системами целеполагания, дифференциацией ресурсного потенциала, степенью риска инвестирования;

б) неоднозначностью в изменении конкурентоспособности регионов, когда отдельные составляющие конкурентоспособности регионального развития (такие, например, как макроэкономическая ситуация или экспортная конъюнктура) заметно улучшаются, а другие (например, система экономических санкций, коррупция или взаимоотношения субъектов предпринимательской деятельности и органов государственной и муниципальной власти в системе институционального пространства) – заметно ухудшаются;

в) отсутствием универсальной, многоэлементной информационной системы условий и возможностей инвестирования в региональные отраслевые сегменты.

Заинтересованность в формировании стабильной конкурентоспособной региональной экономической системы, в создании и поддержании положительного инвестиционного имиджа, создании адаптивной информационной компоненты должна быть у всей институциональной системы региона, обеспечивающей принятие решений на политическом уровне в области экономики, но в большей степени у субъектов предпринимательской деятельности. Не случайно мировой опыт реализации инвестиционных программ развития территорий показывает, что бизнес-структуры принимают активное участие не только в формировании конкурентных преимуществ, развивая собственную сферу предпринимательства, но нередко финансируют имиджевые мероприятия территорий [11, 2].

Формирование конкурентоспособности региона – процесс длительный и сложный, важнейшим условием его развития является экономическая зрелость и готовность всех участников региональной производственно-экономической системы к принятию решений по развитию территории через обеспечение инвестиционной привлекательности. В современных условиях органы государственной и муниципальной власти должны обеспечивать качественные характеристики планирования развития территорий, соответственно обеспечивая информационную, проектную и обучающую поддержку инвестиционной деятельности в регионе.

Подводя итог, надо отметить, что формирование конкурентоспособности региона на основе инвестиционно привлекательного имиджа возможно только при создании условий для динамичного социально-экономического развития, основанного на максимальном использовании экономического потенциала, наиболее полно учитывающего интересы субъектов предпринимательской деятельности. Только на принципах взаимодействия и взаимосогласованности между всеми элементами системы экономического развития региона, органами местного самоуправления и государственной властью возможно достижение стратегических и тактических целей формирования конкурентоспособности региона.

Список литературы

1. Бернштам Е. Сравнительный анализ инвестиционных преимуществ федеральных округов // Экономист. – М., 2002. – № 10. – С. 55–59.
2. Булатов А. Россия в мировом инвестиционном процессе // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 1. – С. 74–84.
3. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010. – 48 с.
4. Гусева К. Ранжирование субъектов Российской Федерации по степени благоприятности инвестиционного климата // Вопросы экономики. – М., 1996. – № 6. – С. 90–99.
5. Ильина С.А. Сущность категории «инвестиционный климат» и категории «инвестиционная привлекательность» // Молодой ученый. 2012. – № 5. – С. 153–157
6. Ильин И.В. Роль и значение имиджа страны в условиях глобализации / И.В. Ильин, О.Г. Леонов // Социально-гуманитарные знания. – М., 2008. – № 5. – С. 17–28.
7. Мартишин Е.М. Эволюционные механизмы модернизации в стратегии региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 13(340). – С. 9–19.
8. Мингалева Ж.А., Гершанок Г.А. Устойчивое развитие региона: инновации, экономическая безопасность, конкурентоспособность // Экономика региона. 2012. – № 3. – С. 68–77.
9. Скрипниченко Д.Ю. Основные положения современной концепции динамической эффективности экономики «Россия в ВТО: проблемы, задачи, перспективы». Сборник научных статей. Вып. 13. – СПб.: НОУ ВПО «Институт бизнеса и права», 2012. – С. 113–117.
10. Третьякова Л.А. Концептуальные основы устойчивого регионального развития в условиях глобализации // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 18(345). – С. 2–11.
11. Территориальная конкуренция в экономическом пространстве / Важенин С.Г., Берсенов В.Л., Важенина И.С., Татаркин А.И.. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. – 540 с.

12. Татаркин А.И. Инновационное развитие России: от политических призывов к антикризисным действиям // Современные тенденции развития бизнеса и бизнес-образования в России: материалы Международной научно-практической конференции (18–19 марта 2010 г.) / Под редакцией В.П. Горшенина. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – С. 3–14.
13. Тамбовцев В.Л. Роль рынка для институтов в институциональной эволюции // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. – Т. 3, № 4. – С. 28–36.
14. Турченко В. Н. Социально-экономические основы экологического кризиса и перехода к устойчивому развитию в России // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. – № 1. – С. 38–44.

Царьков А.С.

к.т.н., профессор НИУ ВШЭ, Нижний Новгород

ИТ-СФЕРА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: информационные технологии, региональная экономика, инновационные кластеры, финансовый кризис, Нижегородская область.

1. Введение

На сегодняшний момент приоритетными целями экономической политики как развитых, так и развивающихся государств являются рост национальной конкурентоспособности, расширение доли высокотехнологичных национальных компаний на внутреннем и мировом рынках, и повышение эффективности их деятельности. Одним из важнейших инструментов повышения конкурентоспособности являются инновационные кластеры, позволяющие существенно стабилизировать динамику региональных экономик в условиях кризисных явлений, что особенно наглядно проявляется в развитии ИТ-сферы.

Целью нашего исследования являлось изучение перспектив развития ИТ-сферы как эффективного фактора стабилизации и развития региональной экономики в кризисных и посткризисных ситуациях, а также анализ существующих и потенциальных источников инвестиций, которые могут рассматриваться в качестве вероятных и благоприятных движущих сил, способствующих протеканию инновационных процессов. Для достижения данной цели были проанализированы глобальные и национальные тенденции на рынке информационных и компьютерных технологий, особенности реализации государственной инновационной политики в рамках региональной стратегии развития, возможности финансирования проектной деятельности в сфере ИТ, а также рассмотрены различные механизмы, способствующие стабилизации региональной экономики.

Мировая практика свидетельствует о том, что за последние два десятилетия процесс формирования инновационных кластеров происходил довольно активно. По оценке ведущих экспертов, на сегодняшний день подобными кластерами охвачено около 50% экономик ведущих стран мира¹. Как показывает рейтинг зарубежных стран по критерию «Развитость стран в технологическом и инновационном отношении» 2013 г.², страны находящиеся в начале рейтинга наиболее успешно справились с кризисом. Всего отдел разведывательной экономической информации (EIU) оценил 60 стран. В ходе исследования учитывались: экономическая ситуация в стране, развитость ИТ-инфраструктуры и научно-исследовательских разработок. Возглавил страновой рейтинг Китай, за ним последовали США, Япония, Южная Корея, Великобритания, Австралия, Тайвань, Швеция, Дания, Канада.

Действительно в настоящее время одна из наиболее интересных и развитых систем поддержки инновационных кластеров находится в Китае, что позволило ему добиться больших экономических успехов и стать быстро развивающимся государством в группе «восходящих рынков». Так, по данным Мирового банка, в 2000–2011 годах рост ВВП Китая, несмотря на мировой кризис, составлял в среднем 10,2% в год. Существенная доля роста ВВП была обеспечена за счет высокой инновационной активности, в том числе и в ИТ-сфере³.

2. Влияние мирового финансового кризиса 2007–2011 гг. на ИТ-сферу

Мировой финансовый кризис начал проявляться в данной сфере с середины 2008 г. и достиг своего пика в 2009 г. По данным представленным CNewsAnalytics (с учетом информации IDC и Real-IT), хорошо видно, что динамика ИТ-рынка в России в 2008 году напоминала динамику аналогичного падения в 1998 г. Ниже, в табл. 1 и 2 приведены сравнительные данные как за 1998 г, так и 2008 год, включая прогноз и реальные данные на 2009 год⁴.

¹ Инновационно-технологические кластеры стран – членов МЦНТИ / Информационный материал. 2013. – <http://icsti.ru/uploaded/201304/cluster.pdf>

² Foreign Clusters Classification. – <http://www.techrepublic.com>

³ Государственные программы поддержки инновационной сферы Китая. – <http://www.gmu-countries.ru/asia/china/nis-programs.html>

⁴ ИТ-отрасль в условиях кризиса. – http://www.aselibrary.ru/digital_resources/journal/irr/2009/number_5

Динамика ИТ – рынка в России (относительно предыдущего года, %)

Сегменты рынка	1998 г.	2008 г.	2009 г. (прогноз)
Аппаратное обеспечение	–34	8	–35
Программное обеспечение	–21	15	–20
ИТ-услуги	–9	27	5

Следует отметить, что на отечественном рынке объемы продаж программного обеспечения (ПО), существенная доля которого разрабатывается в России, были тогда весьма значительны. Так, в 2008 году (по данным фирмы «1С»), продажи ПО общего назначения составили 1390 \$ млн., ПО делового назначения – 1190 \$ млн., домашнего ПО – 660 \$ млн., причем средний рост объемов продаж возрос на 33%.

Весь же рынок в целом, по данным специалистов из Real-IT, за 2008 г. вырос на 12.7 % (до 5 млрд.), причем затраты на ИТ-ресурсы росли на протяжении всех четырех кварталов. Данные по фактическим затратам и динамике роста за 2008 г., а также наиболее кризисный 2009 г. представлены в табл. 2¹.

Таблица 2

Затраты на ИТ в мире (\$ млрд.)

Сегменты рынка	Затраты, 2008 г.	Рост, в 2008 г., (%)	Затраты, 2009 г.	Рост, в 2009 г., (%)
Аппаратное обеспечение	381	2,8	324,3	–14,9
Программное обеспечение	221,9	10,3	222,6	0,3
ИТ-услуги	809,5	7,6	796,1	1,7

Как видно из сравнения данных табл. 1 и 2 прогнозные цифры на 2009 год оказались более пессимистичными, чем реально достигнутые показатели. Национальный и региональные рынки отреагировали на кризис увеличением жизненного цикла использования приобретенного оборудования, что привело к снижению спроса на готовые продукты. Резко сократились затраты на закупку вычислительной техники и приглашение специалистов со стороны. Предпочтения корпоративных, а также частных пользователей стали смещаться в сторону более дешевых продуктов. Это ситуация хорошо иллюстрируется данными по изменению удельных весов затрат организаций Нижегородской области на информационные и коммуникационные технологии, табл. 3.

Таблица 3

Распределение затрат организаций на информационные и коммуникационные технологии по видам (в процентах к итогу) ²	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Затраты на информационные и коммуникационные технологии – всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе:							
на приобретение вычислительной техники	33,3	25,1	16,9	20,4	23,0	23,2	25,3
на приобретение программных средств	17,2	15,9	20,6	14,5	19,9	31,7	16,3
на оплату услуг электросвязи	25,1	35,0	37,0	40,6	31,3	25,7	25,6
из них на оплату доступа к сети Интернет	7,0	7,8	6,5	9,2	5,8	5,4	5,5
на обучение сотрудников,	0,8	3,7	0,9	0,7	0,4	0,4	0,3
на оплату услуг сторонних организаций и специалистов	15,9	15,5	13,2	16,8	15,2	13,1	18,2
прочие затраты	7,7	4,8	11,4	7,0	10,2	5,9	14,3

При этом разные категории ПО пострадали по-разному, а на некоторых из них кризис практически не отразился. Востребованными остались системы безопасности (антивирусы, сетевые экраны и др.). Их поставки в \$ сократились на 14%, а в рублях выросли на 23%³.

Рынок ИТ услуг сильно зависит от состояния экономики, поэтому типичными проявлениями кризиса стали: сокращение клиентской базы, переход клиентов на более дешёвые услуги, рост дебиторской задолженности, снижение инвестиций, сокращение штатов. По опубликованной статистике⁴, количество ИТ специалистов, которые были заняты поиском работы, увеличилось к середине 2009 года более чем на четверть по сравнению с докризисным периодом. В октябре 2008 г. в Москве прошёл CNews FORUM⁵. Поставщики решений в сфере ИТ, а также представители крупнейших заказчиков определяли тенденции развития отрасли в стране. Для преодоления кризисных явлений было решено сделать акценты на:

1. Эффективность работы государственного аппарата (государственные заказы, ИТ аутсорсинг в сфере государственных услуг);
2. Оптимизацию существующих проектов и ресурсов;
3. Эффективное использование существующих технологий;

¹ ИТ-отрасль в условиях кризиса. – http://www.aselibrary.ru/digital_resources/journal/irr/2009/number_5

² http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/resources/7d7785804e5e0b018fc3cf3a7deadf49

³ ИТ-отрасль в условиях кризиса. – http://www.aselibrary.ru/digital_resources/journal/irr/2009/number_5

⁴ Кризис 2008 – 2009 годов и его влияние на информационные технологии. – <http://www.cisco.demos.ru/art01/0002.html>

⁵ CNews FORUM 2008: как ИТ-бизнесу пережить кризис? <http://rutube.ru/video/114d45bbc069c3c53fc916f381ab5d33>

4. Внедрение новых технологий (аутсорсинговый принцип, свободное ПО, ПО как услуга, виртуализация и др.).

Благодаря принятым мерам ИТ-сфера относительно спокойно перенесла финансово-экономический кризис 2008–2009 годов, во всяком случае, намного лучше, чем в 1998 г. Это подтверждается и данными двух последующих лет. Несмотря на кризисный спад до –16%, с 2010 г. ИТ – компании начали интенсивно увеличивать темпы роста, и отрасль быстро вышла на докризисный уровень, рис. 1.

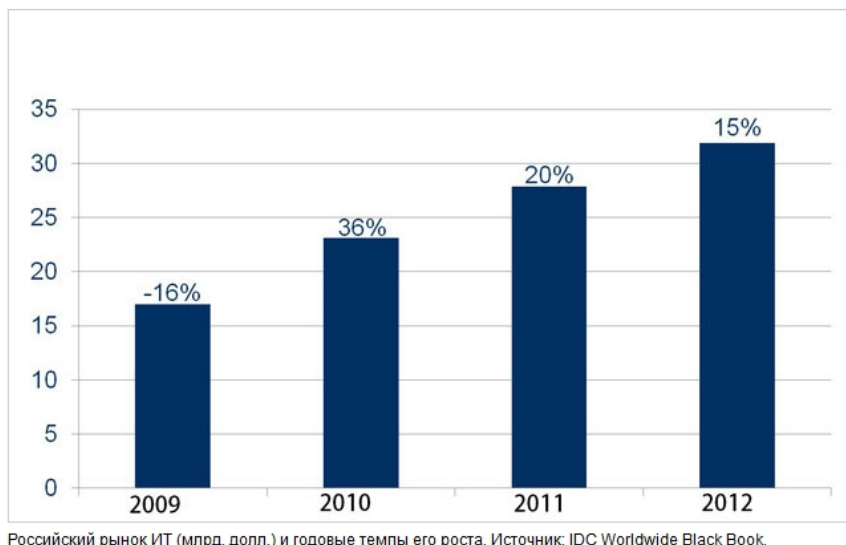

Рисунок 1.
Российский рынок ИТ (млрд. \$)¹

Подобные тенденции наблюдались и в динамике темпов роста ИТ-сферы Нижегородской области, поскольку в ней сосредоточен целый ряд кластеров и высокотехнологичных компаний, успешно работающих на рынках не только в России, но и за рубежом. Сравнительно кратковременный спад по сравнению с другими отраслями и быстрые темпы роста рынка позволяют считать развитие данной сфере действительно эффективным фактором стабилизации не только национальной, но и региональной экономики.

3. Стратегические аспекты развития региональной ИТ-сферы на примере Нижегородской области

К стратегическим аспектам можно отнести: создание благоприятного инновационного климата, формирование в стратегии развития области акцента на инновационные кластеры и поддержку ИТ-сферы, создание механизмов инноваций, привлечение к финансированию Институтов развития.

Инновационная привлекательность Нижегородской области. Один из важнейших аспектов поддержки и развития ИТ-сферы связан с привлечением в регион российских и зарубежных инвестиций. Для оценки региональной привлекательности служат всевозможные рейтинги. В соответствии с российским рейтингом, построенным по принципу наиболее благоприятных условий, необходимых для продвижения инновационных решений и создания новых ИТ – кластеров², Нижегородская область занимает 4-ое место и входит в пятерку лидеров – регионов.

Из зарубежных рейтингов можно сослаться на рейтинг инновационных городов планеты на 2012-2013 годы, который опубликовало инновационное австралийское агентство 2thinknow. Данное агентство признается одним из самых авторитетных и объективных в мире. Всего в рейтинг попали 20 российских городов, в том числе Н. Новгород³. В процессе составления рейтинга было проанализировано 1540 городов мира по 162 параметрам. В результате в итоговый список вошли 445 городов, которые в свою очередь были поделены на пять подгрупп: Nexus (ядро), Hub (центр), Node (узел), Influencer (влиятельный) и Upstart (новичок).

Американские города Бостон, Нью-Йорк и столица Австрии – Вена были признаны самыми инновационными. Среди российских городов первой оказалась Москва (это 74-е место в рейтинге, индекс 47). Н. Новгород получил индекс 39 и был размещен в подгруппе Influencer. В эту группу вошли базовые города, которые могут составить в ряде сегментов конкуренцию на глобальном уровне и, конечно, обладающие определённым потенциалом.

Сейчас Нижегородская область занимает по инновационному потенциалу 3–4 места среди регионов России, и входит в первую десятку регионов России по объемам проводимых научных исследований⁴.

Поэтому регион является привлекательным для иностранных инвесторов. Согласно показателям объем инвестиций за 2005–2011 гг. возрос в 9 раз. Объем прямых зарубежных инвестиций увеличился в 17,7 раза. По этому показателю Нижегородская область значительно опережает Россию, где темп роста 140,9 процента к 2005 г.¹.

¹ Кризис 2008–2009 годов и его влияние на информационные технологии. – <http://www.cisco.demos.ru/art01/0002.html>

² Карта инновационной России. – <http://innovation.gov.ru/map>

³ 2thinknow Innovation services and programs. – <http://www.2thinknow.com>

⁴ Нижний вошел в рейтинг инновационных городов планеты как обладающий потенциалом. – <http://progorodnn.ru/news/2/67592.html>

Полученные рейтинги также играют важную роль при взаимодействии с национальными Институтами развития, которые стимулируют инновационные процессы на основе государственно-частного партнерства. К числу наиболее активно действующих институтов развития можно отнести: Агентство стратегических инициатив, Внешэкономбанк, ОАО РВК, ОАО «РОСНАНО», Рынок инноваций и инвестиций, Российский фонд технологического развития, Фонд развития и Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Сколково), Фонд развития малых форм предприятий в научно технической сфере.

Каждый из них обеспечивает одну или несколько из четырех стадий реализации инновационных проектов: старт, становление, рост, расширение и реструктуризация. На стадии старта работает Посевной Фонд РВК; на стадии становления – Венчурные Фонды / Региональные Фонды РВК; Росинфокоминвест присутствует на двух стадиях – становление и рост; Роснано, Российский банк развития и Банк развития (Внешэкономбанк) оказывают поддержку проектам на последних стадиях. Также в ПФО функционирует Ассоциация бизнес-ангелов «Стартовые Инвестиции».

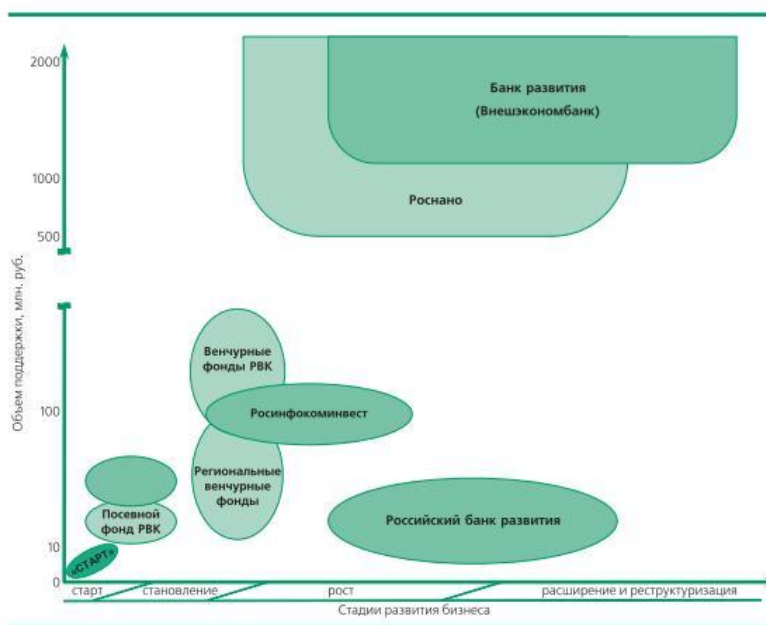

Рисунок 2.

Объемы поддержки, которую оказывают институты развития бизнесу на разных стадиях развития²

Для регионов наибольший интерес представляют фонды с участием капитала ОАО «РВК», который фактически выполняет роль фонда фондов. До 25% всех ресурсов фонда инвестируется в ИТ-сферу (первое место по объему инвестирования). Однако анализ распределения инвестиций фондов с участием капитала ОАО «РВК»³ по крупным городам и регионам, показывает, что на Нижний Новгород и Нижегородскую область приходится лишь 2,20 и 0,84% инвестиций соответственно, что также является потенциальным ресурсом для роста. В то же время для Перми он составляет – 3,18%, а для Казани – 2,40%.

Формирование поддержки ИТ -сферы и стратегия развития Нижегородской области – 2020

Несмотря на кризис и коррекцию планов регионального правительства объективные условия для развития ИТ сферы остались неизменными. В соответствии с *зонально-отраслевым* подходом в области было выделено четыре основные зоны: Лесопромышленная зона; Промышленная и научно-образовательная зона; Инновационная зона; Агропромышленная зона, рис. 3.

Как видно из рис. 3, компании ИТ – сферы находятся в достаточно выгодном географическом положении – в зоне, обозначенной на карте треугольником – Нижний Новгород, Лукоянов и Навашино (это крупные промышленные предприятия, транспортные узлы с логистическими коридорами), которое способствует оптимальной реализации инновационного потенциала.

Реализация *отраслевого* подхода базируется на анализе и выделении портфеля базовых отраслей региона, попадающих в «красный коридор». Ниже на рис. 4 показаны различные сектора экономики и наличие условий для их развития. «Красный коридор» на рисунке определяет уровень привлекательности отраслей, при этом отрасли, находящиеся выше границ «красного коридора» (пунктирная линия), являются более приоритетными.

¹ Программа социально-экономического развития Нижегородской области на 2012–2015 годы (план реализации программы утвержден распоряжением Правительства Нижегородской области от 29 декабря 2012 года № 2918-р).

² Механизмы государственной поддержки. – <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2013/25323/3929.pdf>

³ Распределение инвестиций фондов с участием капитала ОАО «РВК». – https://www.rusventure.ru/ru/innovative_projects/?fund=&sector=&modern=&year=&status=&city=%D0%9D%D0%B8%D0%B6%D0%BD%D0%B8%D0%B9+%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4.

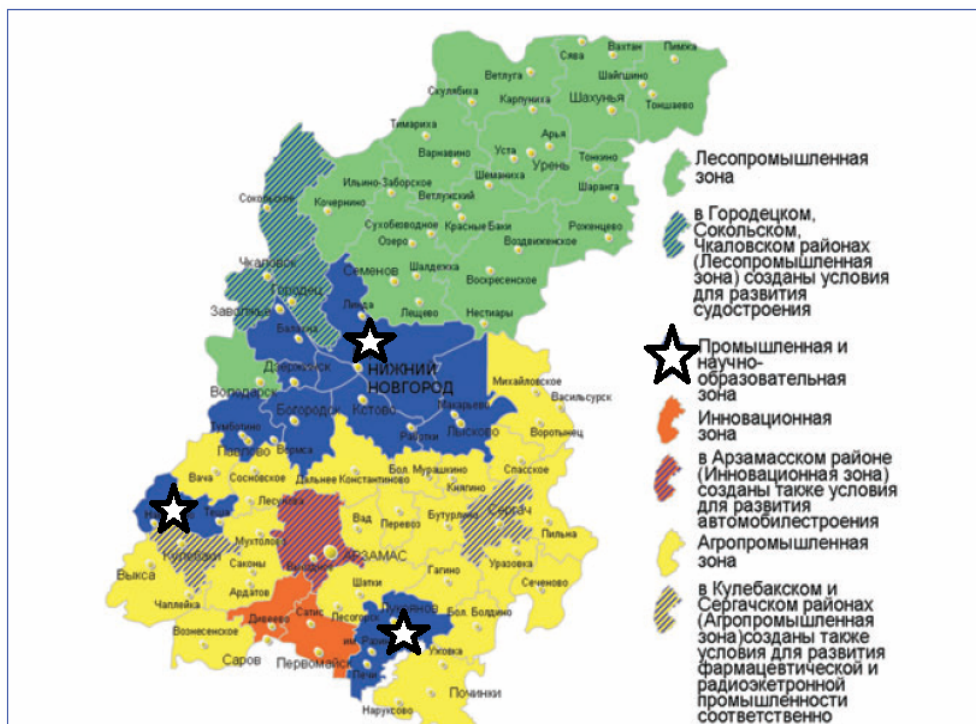

Рисунок 3.
Зоны экономического деления по отраслям¹

Рисунок 4.
Портфель базовых отраслей региона²

Как следует из данных, представленных на рис. 4, ИТ – отрасль является весьма привлекательной и потому одной из наиболее приоритетных, поскольку расположена значительно выше «красного коридора». Именно поэтому ИТ-сфера определена как одно из четырех приоритетных направлений стратегии развития Нижегородской области³. Её выделение в приоритетное направление обусловлено тем, что перспективы её развития тесно связаны с другими отраслями, поскольку она играет существенную роль в повышении их конкурентоспособности. Уже сейчас оборонный комплекс – машиностроение (авиа- и судостроение), радиоэлектроника и приборостроение растёт на 12-17% ежегодно, обеспечивая увеличивающуюся загрузку ИТ-компаний.

Согласно Стратегии – 2020, наибольшее количество трудоспособного населения Нижегородской области будет трудиться в секторах: автомобилестроение, нефтехимической и других, являющихся крупными потребителями ком-

¹ Стратегия развития Нижегородской области на период до 2020 г. – <http://minec.government-nnov.ru/?id=1678>

² Программа социально-экономического развития Нижегородской области на 2012–2015 годы (план реализации программы утвержден распоряжением Правительства Нижегородской области от 29 декабря 2012 года № 2918-р).

³ Там же.

паний IT-разработчиков. Это предполагало резкое возрастание численности занятых в секторе информационных технологий (с 2,78 тыс. чел. в 2005 г. на 8,39 тыс. чел в 2020 г.), рис. 5.

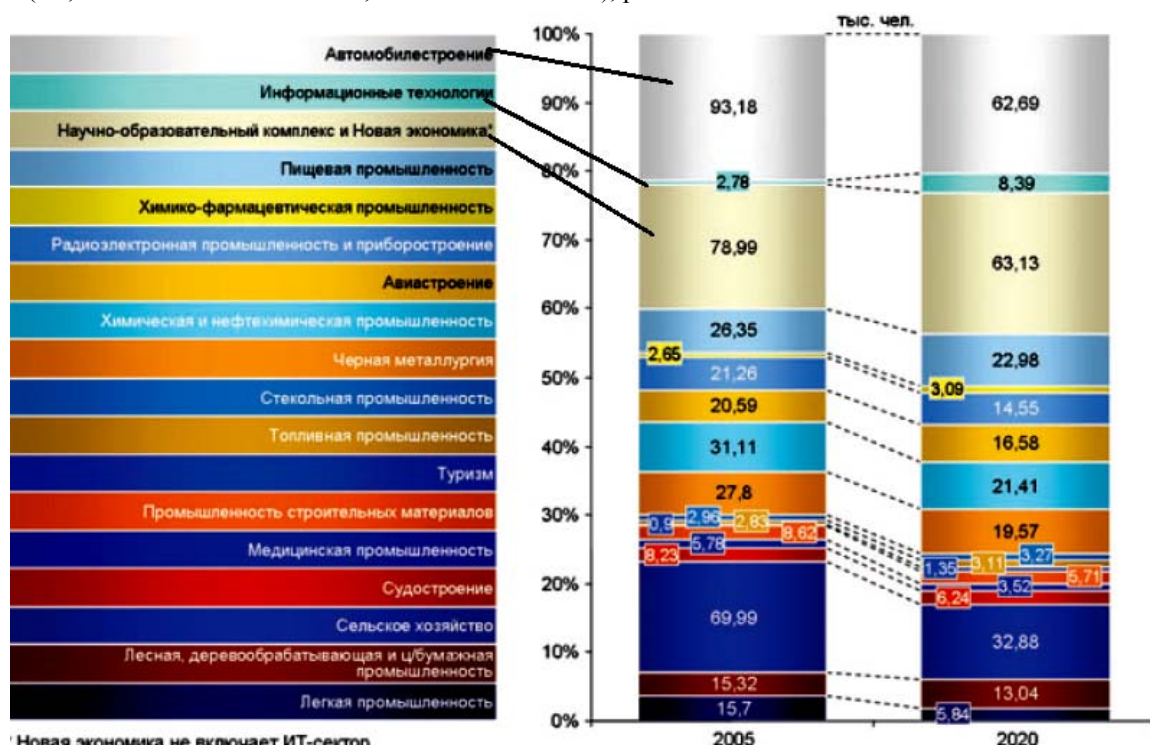

Рисунок 5.

Прогноз структуры занятости в базовых секторах экономики Нижегородской области при наиболее вероятном сценарии развития¹

К 2020 году планировалось, что по объему годовых доходов ведущее место займут занятые в научно-образовательном комплексе и новой экономике, и автомобилестроении. В информационных технологиях годовой доход занятых в них увеличится с 750 млн. руб. до 5418 млн. руб. на 2020 г.

Информационные технологии и научно-образовательный комплекс будут относиться к тем отраслям, которые займут наибольшую долю в совокупном объеме выручки в экономике Нижегородской области. Согласно стратегии в секторе IT-технологии выручка могла бы вырасти с 3193 млн. руб. в 2005 г. до 32 307 млн. руб. в 2020 г., что, несомненно, положительно скажется на региональном бюджете. Несмотря на кризисные явления такой рост весьма вероятен при реалистичном сценарии развития, поскольку данные статистики показывают, что если в 2003 году вычислительную технику использовали только 77,9% организаций, то 2013 году уже 96,9% организаций. Еще более внушительным является рост применения информационных технологий и Интернета: 2003 г. – 41,5% и 2014 – 93,4².

Создание механизмов поддержки инноваций в сфере IT

Необходимость создания действенных механизмов поддержки инновационных процессов вызвана потребностями научно-образовательного комплекса, на базе которого создаются условия для инновационной активности в сфере IT. В настоящее время в регионе существует значительный потенциал в науке и образовании. Выполнением научных исследований и разработок занимаются 88 организаций, в том числе: 52 научно-исследовательских института (НИИ) и организации, основным видом деятельности которых являются научные исследования и разработки; 17 организаций обрабатывающих производств; 14 вузов; 5 организаций других видов экономической деятельности, имеющих подразделения, осуществляющие научные исследования и разработки. Научные исследования и разработки выполняют более 38 тысяч человек³.

Основную роль в создании механизмов поддержки инноваций и координации работ в сфере IT играют государственные органы Нижегородской области. Их основные функции и особенности взаимодействия представлены на рис. 6.

Решающую роль в разработке стратегии развития инновационной активности играет Совет по науке и инновационной политике, который был создан 19 апреля 2010 года. Этот коллегиальный и совещательный орган был сформирован в целях обеспечения взаимодействия промышленных предприятий, научных организаций и органов исполнительной власти для проведения эффективной инновационной, научной и промышленной политики⁴. Основным исполнителем решений, принятых Советом, является региональное Министерство промышленности и инноваций.

¹ Стратегия развития Нижегородской области на период до 2020 г. – <http://minec.government-nnov.ru/?id=1678>

² http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/resources/e3621c804e5e0b968fcfcf3a7deadf49

³ http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/resources/69e9be8045d03a7ab6d2fee75978d42e

⁴ Нормативная правовая база инновационной деятельности Нижегородской области. – <http://minprom.government-nnov.ru/?id=16353>

Рисунок 6.

Процесс управления инновационным развитием ИТ-сферы в Нижегородской области

В ходе реализации данной схемы на территории области появилась реально действующая инновационная инфраструктура, позволившая охватить все этапы инновационной активности – от возникновения идеи до внедрения. Это позволяет сформировать эффективно функционирующие элементы различных ИТ-кластеров, включая и малые инновационные предприятия, созданные при вузах и научных учреждениях. Для предприятий ставка по налогу на прибыль может быть снижена до 4,5% в зависимости от удельного веса выручки, которая была получена от реализации приоритетного инновационного проекта, и в общей сумме выручки от реализации товаров. Среди других применяемых мер государственной поддержки можно указать следующие:

1. Финансирование инновационного проекта за счет средств областного бюджета;
2. Предоставление инвестиционного налогового кредита;
3. Предоставление государственных гарантий по обеспечению возврата привлекаемых денежных средств;
4. Частичная компенсация процентной ставки по кредитам коммерческих банков, которые привлекаются для реализации приоритетных инновационных проектов;
5. Освобождение от арендной платы за земельные участки, которые используются для реализации приоритетного инновационного проекта, в части платежей, зачисляемых в областной бюджет.

Важную роль, особенно на стадиях посева и становления, играет система грантов. Так, ежегодно в 2009–2013 гг. на выплаты грантов предусматривалось до 30 млн. рублей (25 млн. руб. из бюджета Фонда). Предельный размер гранта не может превышать более 200 000 рублей¹. Министерство промышленности и инноваций Нижегородской области проводит ежегодный конкурсный отбор инновационных проектов. Цель конкурса – отбор и присвоение проектам статуса приоритетных, а также оказание мер государственной поддержки в соответствии с Законом Нижегородской области от 14.02.2006г. № 4-3 «О государственной поддержке инновационной деятельности в Нижегородской области».

¹ Нормативная правовая база инновационной деятельности Нижегородской области. – <http://minprom.government-nnov.ru/?id=16353>

Результаты

Всего за 9 лет работы процедуры Инвестиционного совета прошли 9850 инвестиционных проектов. Суммарный объем инвестиций по проектам составит порядка 2,9 трлн. руб., планируется создание около 248 тыс. новых современных рабочих мест. Статус приоритетного был присвоен 84 проектам на общую сумму 386,12 млрд. рублей. Наибольшие объемы инвестиций по решению Совета были предусмотрены в открытый технопарк «Опора» (г. Саров), «IT-парк Анкудиновка», Инновационно-технологический центр (ИТЦ) Нижегородского госуниверситета им.Н.И. Лобачевского, Нижегородский инновационный бизнес-инкубатор (НИБИ), Технопарк Нижегородский научный центр РАН, Региональный центр наноиндустрии, Региональный венчурный фонд, Нижегородский научно-информационный центр и др.

Так, в технопарк «Опора» (член Международной ассоциации технопарков (IASP). Резиденты: Intel, Nokia Siemens Networks, МТС, Интеллект Телеком и др.) было привлечено 1 млрд. долларов, из них: 0,5 млрд. долларов – средства федерального бюджета РФ и региона; 0,5 млрд. долларов – средства частных инвесторов. В «IT-парк Анкудиновка», в соответствии с утвержденными программами до 2014 года вкладывается ещё порядка 3,6 млрд. руб.¹

За счет формирования IT-кластеров происходит улучшение социально-экономической ситуации: обеспечение высоких темпов экономического роста, создание новых рабочих мест, развитие приоритетных отраслей. Только в результате деятельности бизнес-инкубатора и «IT-парк Анкудиновка» к 2016 году по прогнозам Правительства области должно быть создано порядка 1860 рабочих мест, привлечено и размещено на площадях инкубатора порядка 100 малых инновационных компаний. Средняя выработка на резидента составит около 37,6 млн. руб. Ожидается рост ежегодных налоговых поступлений до 580 млн. руб. И эти показатели реальны². Об этом свидетельствуют темпы роста основных показателей. Ниже в табл. 4 и на рис.7 приведены показатели компаний резидентов двух бизнес-инкубаторов, специализирующихся в области высоких технологий и в частности в IT –сфере.

Таблица 4

Показатели деятельности компаний-резидентов ГУ «Нижегородский инновационный бизнес-инкубатор» и компаний-резидентов бизнес-инкубатора и «IT-парка Анкудиновка»

№ п/п	Наименование показателя	2011 год	2012 год
1.	Объём продаж, тыс. руб.	10 201	37 317
2.	Налоги и платежи во внебюджетные фонды, тыс. руб.	3152	4845
3.	Персонал, чел.	66	111
4.	Средняя заработная плата, тыс. руб.	15	15
5.	Количество компаний, размещенных в отчётный период, шт.	20	27

На рис. 7. представлена информация о динамике роста налогов и платежей, которая наглядно показывает достаточно высокую активность инновационных предприятий в кризисный и посткризисный периоды³.

Изложенные подходы по поддержке инновационных процессов дали положительный эффект в кризисных и посткризисных ситуациях. Так, количество организаций, выполнявших научные исследования и разработки, сократившееся в 2009 до 90, вновь увеличилось до 96 в 2013 году, хотя и не достигло численности 2007 года – 107⁴. Однако число малых инновационных предприятий при вузах возросло за тот же период на 20%, что свидетельствует об их высокой жизнеспособности.

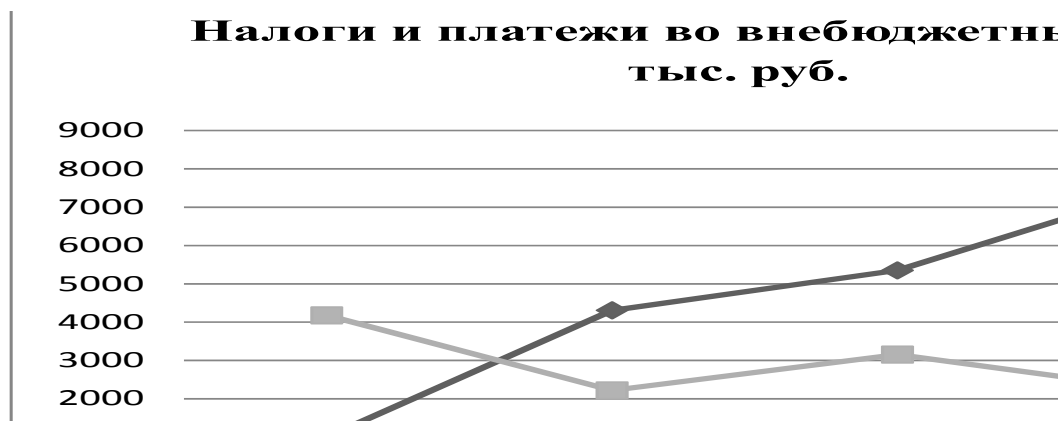

Рисунок 7.

Сравнение динамики налоговых отчислений и платежей во внебюджетные фонды компаний-резидентов и компаний-выпускников ГУ «НИБИ».

¹ Официальный сайт Министерства промышленности и инноваций Нижегородской области – <http://minprom.government-nnov.ru/> <http://minprom.government-nnov.ru/?id=16641>

² Отчет о выполнении государственных услуг ГУ «Нижегородский инновационный бизнес-инкубатор» в соответствии с утвержденным государственным заданием на 2012 год. – <http://minprom.government-nnov.ru/?id=16361>

³ Там же.

⁴ Официальный сайт Нижегородкомстата. – http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/resources/69e9be8045d03a7ab6d2fee75978d42e

Показатели инновационной активности в ИТ-сфере, также указывают на возрастание удельного веса организаций, осуществляющих инновации, удельного веса инновационных товаров, увеличение затрат на технологические инновации¹.

Таблица 5

Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий; научные исследования и разработки

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, в %	5,3	6,0	14,1	14,2	12,2
Отгружено инновационные товары, млн. руб. в том числе, работы, услуги	4123,6	3687,1	21 953,2	19 569,9	23 154,5
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, в процентах	9,0	7,9	21,6	19,7	23,1
Затраты на технологические инновации, млн. руб.	2772,5	1965,0	15 563,0	18 224,4	18 022,9

4. Выводы

Как показали исследования, в региональной экономике несмотря на кризисные явления имеются: достаточно устойчивый рынок ИТ-сферы, обусловленный, в том числе, заказами растущей оборонной промышленности, вполне реальные и потенциальные источники инноваций, а также эффективная поддержка государственных органов. Всё это может рассматриваться в качестве основных движущих сил развития ИТ-сферы, существенно повышающей конкурентоспособность и социально-экономическую стабильность региона.

В то же время мировая конъюнктура динамично меняется. Поэтому, учитывая отечественный и зарубежный опыт, для повышения конкурентоспособности ИТ-сферы предлагается ряд мер.

Для технопарков, являющихся ключевыми элементами ИТ-кластеров, следует проводить сбалансированную политику льгот по отношению к предприятиям на своей территории, которая учитывает:

- Высокотехнологичность и наукоемкость выпускаемой продукции,
- Конкурентоспособность,
- Экспортный потенциал,
- Участие зарубежных инвесторов,
- Ожидаемый темп роста рентабельности рынка.

Эту политику целесообразно сочетать с преференциями, которые могут заключаться в следующем:

•Компании, подтвердившие высокотехнологичный статус или имеющие иностранные инвестиции, могут вернуть в производство 15% выплаченных налогов,

•Производственные компании с периодом производства более 10 лет и иностранным капиталом в первые два года после получения прибыли освобождаются от налогов, а с 3-го по 5-й год выплачивают половину налогов.

¹ Официальный сайт Нижегородкомстата. – http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/resources/69e9be8045d03a7ab6d2fee75978d42e

Шеркунов С.А.
к.э.н., доцент РГГУ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Ключевые слова: региональное развитие, региональная политика, межрегиональное сотрудничество.

Следует констатировать, что до настоящего времени отсутствуют системные исследования вопросов межрегионального взаимодействия и сотрудничества регионов – субъектов Российской Федерации по совместному использованию ресурсной базы, развитию транспортной инфраструктуры, решению проблем охраны окружающей природной среды. Вместе с тем, поиск эффективных приёмов и методов межрегионального взаимодействия, создания так называемой «коммуникативной среды»¹, изыскание возможностей использования инструментов интеграции и кооперации в целях достижения качественно нового уровня развития российских регионов – субъектов сотрудничества является актуальной проблемой. Как подчёркивают известные учёные-экономисты Д.С. Львов, В.А. Гневко и В.Е. Рохчин, потребность в межрегиональной интеграции и кооперации «возникает достаточно часто в ситуациях, когда регионы испытывают дефицит ресурсов для достижения стратегических целей своего социально-экономического развития либо стремятся усилить и расширить конкурентные преимущества»².

Мы разделяем точку зрения Е.П. Пешковой и других исследователей, проявляющих убеждённость в том, что региональная политика должна базироваться не только на вертикали «государство – регион», но и развиваться в горизонтальном направлении, по линии «регион – регион»³. Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия «Северо-Запад», «Северный Кавказ», «Большая Волга», которые в большей или меньшей степени дали положительный результат, тем самым могут рассматриваться в качестве форм доинтеграционного сотрудничества регионов и заложить основы для формирования надрегиональных кластеров, объединяющих группы регионов мезоуровня.

Кластерная теория по своей сути не исключает процесса кластеростроительства в границах крупных урбанизированных территорий – мегаполисов «классического типа», как правило, включающих значительное число населённых пунктов, административно входящих в состав различных субъектов Российской Федерации.

В ряде научных исследований в целях определения стратегического вектора развития и основных направлений инвестирования, ставится вопрос о выделении «ядра роста» – отрасли, или группы отраслей, способных при направлении инвестиционных потоков на их развитие, задать импульс к развитию других отраслей и принести максимальный мультипликативный эффект⁴.

Как нам представляется, выделяемые в регионах точки роста задают систему координат, тем самым обеспечивая формирование пространства для создания кластера надрегионального уровня.

Кластер как форма территориальной организации населения и хозяйства имеет явные преимущества по отношению к территориально-производственному комплексу (ТПК), концепцию которого ещё в 1920–1930-е годы разработал видный учёный, специалист в области экономической географии Н.Н. Колосовский, так как кластер максимально учитывает рыночный механизм, что имеет крайне важное значение в нынешних условиях хозяйствования⁵. Следует указать на то, что далеко не каждый сформировавшийся в годы советской власти ТПК, приобретает возможности для преобразования его в кластер, так как эти структуры не имеют единой природы, их различают подходы к формированию. Более того, на современной экономической карте России вряд ли найдётся хотя бы один, эффективно функционирующий ТПК.

Кластерный подход в большей степени соотносится с принципом поляризованного развития, реализация которого предусмотрена проводимой Федеральным центром государственной региональной политикой, направленной на создание опорной сети регионов, выступающих в качестве «локомотивов роста». В качестве таковых должны восприниматься субъекты Российской Федерации, обладающие значительным экономическим и инновационно-инвестицион-

¹ Косиненко Е.В. Механизмы координации в системе регионального управления. – Майкоп: Издательство МГТУ, 2009. – С. 39.

² Львов Д.С., Гневко В.А., Рохчин В.Е. Актуальные проблемы реформирования и стратегического управления развитием России: методологические аспекты решения: монография. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2007. – С. 126.

³ См.: Пешкова Е.П. Теоретико-методологические основы регулирования экономических процессов в регионе: монография. – Ростов-н/Д.: Ростовский государственный экономический университет, 2000. – С. 99.

⁴ См., например: Лебедева Т.И. Основы формирования стратегии социально-экономического развития региона в условиях рыночной экономики: монография / Институт экономики УрО РАН. – Екатеринбург; Ижевск: Издательство Института экономики УрО РАН, 2004. – С. 50–133.

⁵ См., например: Иваненко Л.В. Управление регионом: концепция мегакластерной организации экономики: монография / Самарский научный центр РАН. – Самара: Издательство СамНЦ РАН, 2008. – С. 34.

ным потенциалом, характеризующиеся чрезвычайно высокой степенью диверсификации промышленных структур, а также группы регионов – субъектов Российской Федерации, взявших курс на усиление межрегиональных взаимосвязей.

Формирование кластера надрегионального уровня как формы реализации интеграционного взаимодействия регионов мезоуровня напрямую связано с созданием в его границах территории опережающего развития.

Очевидно, что достижение наиболее высоких форм интеграционного взаимодействия способствует повышению степени бюджетной самостоятельности регионов. По данным экономических исследований¹, Россия по показателю бюджетной самостоятельности субъектов Федерации с коэффициентом 0,33 уступает таким странам, как Колумбия и Пакистан (коэффициенты 0,50 и 0,53 соответственно). В развитых демократиях, подобные показатели существенно выше. Так в ФРГ и Канаде показатель бюджетной самостоятельности регионов соотносится с коэффициентом, равным 0,79; в США – равным 0,88. При этом следует учитывать, что в ряду стран с федеративным устройством Россия имеет наибольшее число субъектов Федерации – 85.

Политика, направленная на межрегиональное взаимодействие и сотрудничество, должна предусматривать разработку и реализацию регионами – субъектами Российской Федерации совместных флагманских маркетинговых проектов в различных сферах жизнедеятельности общества, ресурсную и организационную поддержку потенциально доходных проектов и инициатив, «реанимацию» застывших брендов (например, «Золотое Кольцо России»). Данная работа, как нам представляется, должна основываться, в первую очередь, на принципах государственно-частного партнёрства.

Богатый опыт формирования и реализации флагманских маркетинговых проектов имеют европейские страны, где в качестве основных объектов проектирования выступают промышленные площадки, транспортные системы, историко-культурные и селитебные зоны городов.

Флагманские маркетинговые проекты, нацеленные на создание инновационных производств, ультрасовременных деловых центров, зон наиболее высокой инвестиционной и экономической активности реализованы в Турине, Италия («Зона Линготто»), Бирмингеме, Великобритания («Миллениум Пойнт» – центр науки, образования и активного отдыха), Лиле, Франция («Евролиль – новая зона бизнеса»), Утрехте, Нидерланды («Утрехт-Центр»), Бильбао, Испания (Многофункциональная зона «Водный фронт»).

С развитием транспортной инфраструктуры связаны флагманские маркетинговые проекты, успешно реализованные в Мюнхене (Преобразование зоны Главного вокзала и строительство нового аэропорта), Мальмё, Швеция (Городской тоннель), Барселоне, Испания (Модернизация международного аэропорта, расширение морского порта). Как флагманский маркетинговый проект, реализованный в рамках межрегионального и межмуниципального взаимодействия интерпретируется проект по строительству высокоскоростной железной дороги Турин – Милан (Италия).

К крупным флагманским маркетинговым проектам, реализуемым в целях сохранения природного и историко-культурного наследия, развития туризма и рекреации следует отнести создание ландшафтного парка «Блюменау» (г. Мюнхен, ФРГ), модели экопарка в г. Барселона (Испания), реализацию проекта «Лиль – культурная столица Европы» (Франция). Современные жилые микрорайоны, отвечающие всем требованиям экологической безопасности и классифицируемые как флагманские маркетинговые проекты являются гордостью гг. Турин (Италия), Стокгольм (Швеция), Роттердам (Нидерланды)².

Удачным примером инициации процесса межрегионального взаимодействия является опыт властей французского г. Нанси по использованию преимуществ экономико- и транспортно-географического положения для усиления организационной роли города в формировании территории динамического развития «Метрополия Нанси – Мец» как части большого приграничного региона «Саар – Лотарингия – Люксембург – Рейн – Южная Валлония»³. Определены генеральные направления развития метрополии, – это создание надлежащих условий для внедрения результатов научно-исследовательской и инновационной деятельности в производство и, соответственно, достижение новых конкурентных преимуществ в выпуске промышленной продукции; формирование единой, отвечающей самым современным требованиям транспортной и телекоммуникационной системы, постепенный перевод общественного транспорта на экологически чистые источники энергии; усиление туристско-рекреационной и культурной составляющих, развитие очага искусства в стиле модерн, известного на весь мир под названием «Школа Нанси»; проведение политики, направленной на повышение сопричастности населения в решении насущных проблем и задач, создание сплочённого местного сообщества.

Развитие метрополии Большого Лиона, где упор делается на формирование «объединенной конкурентоспособной агломерации»⁴ и создание региона притяжения инноваций «Нант – Сен-Назэр» во Франции также являются показательными примерами реализации принципа межрегионального взаимодействия. В своём монографическом исследовании Н.Е. Костылева приводит аргументы в пользу того, что территория «Нант – Сен-Назэр» функционирует «всё более интегрировано и представляет площадку для совместных проектов, реализуемых участниками экономического сотрудничества, объединёнными в Ассоциацию коммун устья Луары»⁵. Ассоциация коммун устья Луары, в состав которой вошли регион Луары, Генеральный совет Атлантической Луары, города – «полюсы метрополии» Нант и Сен-Назэр, торговые палаты городов, автономный порт и портовые партнёры, была создана ещё в 1985 году. Её деятель-

¹ См.: Пешкова Е.П. Указ. соч. – С. 134.

² См.: Костылева Н.Е. Инновационные методы повышения конкурентоспособности городов и регионов: монография / Институт проблем региональной экономики Российской Академии наук (ИРЭ РАН). – СПб.: ИРЭ РАН, 2005. – С. 102–107.

³ Там же, с. 158–162.

⁴ Un regard Millénaire 3. Une agglomération compétitive et rassemblée: 21 priorités pour le XXI siècle. 2000. – N 21.

⁵ Костылева Н.Е. Указ. соч. – С. 168.

ность направлена на формирование исключительных условий для развития международной атлантической зоны устья Луары путём поддержки процессов «инкубирования» новых видов экономической деятельности и стимулирования экспортных операций. Ассоциацией финансируются научно-исследовательские работы и проекты, связанные с поиском оптимальной модели развития трансрегиональной территории. В пределах метрополии действует система единого транспортного билета «Метросеан», обеспечивающего проезд населения в пригородных поездах, на автобусе и трамвае. Организация регулярного транспортного сообщения между гг. Нант, Сен-Назэр и Круазик, утверждение нового расписания движения поездов, составленного с учётом общественного мнения, является ещё одним положительным результатом деятельности местных властей по реализации принципа межрегионального взаимодействия¹.

Определённый интерес представляет система межрегионального взаимодействия, сложившаяся в Швейцарии, которая по форме государственного устройства определённый период классифицировалась специалистами как конфедерация, а в настоящее время относится к числу федеративных государств. Регионы Швейцарии именуются кантонами. Центральное правительство не обладает рычагами воздействия на управление кантонами, которые наделены правом формирования собственного законодательства. Вместе с тем, в Швейцарии высока роль институтов межрегионального взаимодействия. На встречах глав финансовых департаментов кантонов, изучаются новые методы и формы управления региональными финансами. С 1992 года Конференция кантонов публикует сравнительный анализ финансового состояния регионов страны. В рамках межрегионального сотрудничества происходит обсуждение ключевых проблем, связанных с дальнейшим развитием законодательной базы, совершенствованием системы местного самоуправления².

Практика конкурентного развития регионов сложилась в ФРГ. В конце 1990-х годов Федеральной службой строительства и регионального развития совместно с органами государственной статистики была разработана и внедрена единая система показателей социально-экономического развития регионов – земель ФРГ³. Снижение тех или иных показателей развития отдельной территории на фоне показателей развития других регионов, побуждает региональные власти к корректировке проводимой политики, поиску способов выравнивания, выработке более эффективных механизмов управления территориями.

К перспективным формам межрегионального взаимодействия следует отнести сетевое партнёрство – формальное или неформальное объединение регионов с целью обмена опытом и распространения нововведений во всех сферах жизнедеятельности, включая управление региональным развитием. Успешная практика реализации идеи сетевого партнёрства на межрегиональном уровне сложилась в ФРГ и Дании, где созданы Союзы регионов⁴.

Как нам представляется, на современном этапе межрегиональное сотрудничество не должно сводиться только к обмену опытом, организации того или иного вида деятельности, апробации и внедрению в практику управления инновационных технологий, заимствованных в ходе проведения выставок, форумов, конференций и семинаров, выездных мероприятий. Большой эффект даст реализация совместных межрегиональных инвестиционных проектов и программ, направленных на создание полного цикла производств, развитие транспортной инфраструктуры, формирование современных логистических комплексов, а также технопарков и технополисов мирового уровня, призванных стать ключевыми элементами кластеров надрегионального уровня. Кластеростроительство, относящееся к инновационным формам территориального развития, является признаком перехода к новой модели управления сложноорганизуемыми социально-экономическими системами.

¹ См.: Паламар Д.И., Шеркунов С.А. Французская модель управления: учебные материалы. – М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2007. – 154 с.; Un regard Millénaire 3. Une agglomération compétitive et rassemblée: 21 priorités pour le XXI siècle. 2000. – N 21.

² См.: Яремко Н.И. Рекомендации по введению практики стратегического планирования и других элементов бюджетирования, ориентированных на результат, в регионах Российской Федерации. – М.: Триада, 2006. – С. 7-8.

³ См.: Яремко Н.И. Указ. соч. – С. 8.

⁴ См.: Костылева Н.Е. Указ. соч. – С. 139.

Янгиров А.В.

д.э.н., доцент, заместитель директора по научной работе Института экономики, финансов и бизнеса
Башкирского государственного университета
jangirovav@list.ru.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Ключевые слова: *региональное развитие, экономический потенциал региона.*

В условиях как плановой, так и рыночной экономики исследование потенциала экономических систем является сложным и многогранным. Категория потенциала в экономической науке занимает не менее важное место, чем такие фундаментальные категории, как труд, земля, капитал, стоимость и др.

Одним из первых, кто рассматривал категорию потенциала как главное содержание планирования экономического развития, был В.С. Немчинов. Он писал: «Основой советской экономической теории развития является теория социалистического расширенного воспроизводства. Важнейшее положение советской теории экономического развития состоит в том, что темпы и характер последующего развития народного хозяйства зависят от исходных структурных пропорций национальной экономики, от так называемых структурных потенциалов каждого предыдущего периода. Плановое обеспечение необходимых изменений этих потенциалов расширенного воспроизводства является важнейшей задачей экономической политики»¹. Иначе говоря, категория потенциала выдвигается на первый план как при разработке народнохозяйственного плана, так и при определении коренных задач социально-экономического развития. Намеченный В.С. Немчиновым потенциалистский подход к определению как плановых пропорций, так и всего социально-экономического развития, в настоящее время составляет главное методологическое содержание системных экономических исследований, основу понимания системы моделей, положенных в сочетании с принципом деятельности в качестве главного содержания при разработке долговременной стратегической линии совершенствования системы социально-экономических отношений. Н.П. Федоренко также считает, что категория «потенциал» стала ведущей не только при определении текущих задач социально-экономической политики, но, прежде всего, при планировании и прогнозировании развития национальной экономики в длительном разрезе².

Слово «потенциал» происходит от лат. *potentia*, что означает «сила, мощь, возможность»³. Есть также точка зрения⁴, раскрывающая понятие потенциала как совокупность средств, ресурсов, возможностей для достижения какой-либо цели.

Первый всплеск интереса к потенциалу макроэкономической системы можно заметить в конце 1970-х и в течение 1980-х гг., когда появились работы, направленные на определение сущности, структуры, количественной оценки экономического (социально-экономического) потенциала⁵.

Все многообразие подходов к определению экономического потенциала можно условно объединить в 5 точек зрения⁶.

Согласно первой точке зрения, экономический потенциал понимается как совокупная способность отраслей народного хозяйства. В частности, этот термин понимается Б.М. Мочаловым как «совокупная способность отраслей народного хозяйства производить промышленную, сельскохозяйственную продукцию, осуществлять капитальное строительство, перевозить грузы, оказывать услуги населению»⁷.

¹ Немчинов В.С. Экономико-математические методы и модели. – М.: Соцэкгиз, 1962. – С. 159.

² Федоренко Н.П. Вопросы экономической теории. – М.: Наука, 1994. – С. 43

³ Экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – 2-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. – 1280 с.

⁴ Лапушинская Г.К., Баженова Т.Ю. Социально-экономический потенциал региона и его влияние на развитие территории. – http://university-alt.tversu.ru/conference_jubilee/Lapushin.doc

⁵ Задоя А.А. Народнохозяйственный потенциал и интенсивное воспроизводство. – Киев; Донецк: Вища шк., 1986 – 153 с.; Самоукин А.И. Потенциал нематериального производства. – М.: Знание, 1991. – 62 с.; Экономический потенциал развитого социализма / Под ред. Б.М. Мочалова. – М.: Экономика, 1982. – 280 с.; Экономический потенциал Страны Советов / Под ред. Н.М. Кириенко. – Киев: Вища школа, 1982. – 296 с.

⁶ Экономический потенциал Республики Башкортостан: монография / [Янгиров А.В. и др.]; под ред. А.В. Янгирова; Федеральное агентство по образованию, Гос. учреждение высш. проф. образования «Башкирский гос. ун-т», Нефтекам. фил. – Нефтекамск, 2008. – 179 с.

⁷ Экономический потенциал развитого социализма / Под ред. Б.М. Мочалова. – М.: Экономика, 1982. – С. 7.

Согласно второй точке зрения, понятие потенциала ограничивается объемом наличных ресурсов (используемых и неиспользуемых) и даже подменяется ими. Такой подход прослеживается в публикациях Б.П. Плышевского¹, А.Н. Цыгичко².

Однако будет справедливо отметить, что ресурсы, являясь носителями потенциала, отнюдь не определяют его величину и границы³. Кроме того, простое наличие ресурсов не предполагает их совместимость и используемость. Понятие «потенциал» шире, чем ресурсы. Более того, одинакового количества и качества ресурсы могут составлять различные потенциалы на уровне отдельных стран, отдельных регионов. К примеру, один и тот же работник заданной квалификации будет обладать одним потенциалом в условиях плановой экономики и другим – в условиях рыночной экономики, или же его потенциал будет различаться в разных регионах одной и той же страны.

Согласно третьей точке зрения, экономический потенциал отождествляется с понятием экономической мощи и раскрывается с точки зрения фактически достигнутого уровня экономики. Примерно такой подход реализован коллективом авторов в одном из источников⁴. Кроме того, Б.М. Мочаловым также отмечается⁵, что экономический потенциал раскрывает экономическую мощь и является обобщающим ее показателем, т.е. характеризует фактически достигнутый уровень развития производительных сил на определенную дату. Экономический потенциал страны с этой позиции характеризуется следующими показателями: численностью населения, численностью трудовых ресурсов, основными производственными и непроизводственными фондами, валовым общественным продуктом и национальным доходом.

Четвертая точка зрения опирается на рассмотрение экономического потенциала как результата экономических и производственных отношений между субъектами хозяйственной деятельности. Л.И. Самоукин рассматривает экономический потенциал во взаимосвязи со свойственными каждой общественно-экономической формации производственными отношениями, возникающими между отдельными работниками, трудовыми коллективами, а также управленческим аппаратом предприятия, организации, отраслей народного хозяйства в целом по поводу полного использования их способностей к созданию материальных благ и услуг⁶. Однако при таком определении размывается четкость определения потенциала, существенно расширяется его интерпретация. Известно, что при определении любой категории приходится преодолевать противоречие между как можно более полным отражением сути явления или процесса, с одной стороны, и, с другой стороны, соблюдением принципов конкретности, краткости, что предполагает освобождение от второстепенных элементов. Чем более общим является определение категории, тем меньше его прикладная ценность.

И, наконец, пятая точка зрения встречается при определении потенциала экономической системы относительно аналогичных систем, которые могут быть взяты за эталон. К примеру, в качестве одного из подходов для определения налогового потенциала предлагается расчет максимально возможной величины налоговых поступлений, которые могут быть собраны на территории при стандартизации условий налогообложения и значении эффективности использования факторов производства на уровне лучших предприятий-эталонов⁷. Однако в таком случае получается, что лучшие предприятия или лучшие регионы будут полностью использовать налоговый потенциал, не показывая возможностей его дальнейшего наращивания.

В результате потенциал экономической системы может быть рассмотрен как источник роста национального продукта, дохода; результат сложившихся производственных отношений; показатель максимальных возможностей производства материальных и нематериальных благ; фактор роста национального богатства; средство удовлетворения общественных потребностей в экономике.

Однако более правомерным является рассмотрение не потенциала вообще, а потенциала исторически конкретного общества или страны. В силу этого сущность и содержание экономического потенциала являются отражением не только определенных материально-вещественных и природно-естественных условий общества, но и системы конкретных социально-экономических отношений. Экономический потенциал раскрывается с помощью таких параметров, как абсолютные размеры и структурное соотношение всех элементов производительных сил общества (прежде всего трудовых ресурсов и производственных фондов), их качественное состояние и параметры; достигнутый уровень и масштабы развития науки и техники; наличие природно-сырьевых ресурсов, степень их освоения и использования; территориально-отраслевое размещение производительных сил; фактически достигнутые объемы, темпы роста и структура использования производственной части национального богатства, совокупного общественного продукта, национального дохода; уровень и динамика роста производительности общественного труда, структура общественно-го производства⁸.

Если расширить один из подходов⁹, то в отношении потенциала можно выделить ряд признаков, характеризующих его как сложную систему.

¹ Плышевский Б.П.. Интенсификация производства: факторы ускорения. – М.: Экономика, 1986. – 77 с.

² Цыгичко А.Н. Новый механизм формирования эффективности. – М.: Экономика, 1990. – 191 с.

³ Социально-экономический потенциал региона / Отв. ред. М.И. Долишний. – Киев: Наукова думка, 1985. – 219 с.

⁴ Социально-экономический потенциал региона: проблемы оценки, использования и управления / Под ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 1997. – 380 с.

⁵ Экономический потенциал развитого социализма / Под ред. Б.М. Мочалова. – М.: Экономика, 1982. – С. 10.

⁶ Самоукин А.И. Потенциал нематериального производства. – М.: Знание, 1991. – С. 5.

⁷ Финансовый потенциал саморазвития региона / Под ред. Н.И. Климовой. – Уфа: Гилем, 2005. – С. 120.

⁸ Экономический потенциал Страны Советов / Под ред. Н.М. Кириенко. – Киев: Вища школа, 1982. – 296 с.

⁹ Экономический потенциал развитого социализма / Под ред. Б.М. Мочалова. – М.: Экономика, 1982. – С. 146.

Во-первых, в составе потенциала экономической системы функционируют подсистемы с явно выраженными локальными свойствами, которые в своей совокупности и образуют большую сложную систему. Такими подсистемами будут являться природно-ресурсные, материально-технические, инвестиционные, кадровые элементы. И хотя все они являются составными частями общей для них системы экономического потенциала, они обладают только им присущими свойствами и законами развития. Данная особенность потенциала ставит проблему интеграции по горизонтали свойств и возможностей отдельных его подсистем.

Во-вторых, в соответствии с иерархией структуры экономики образуется иерархическая структура потенциала экономической системы. Потенциал экономической системы страны в целом включает потенциал отдельных видов деятельности, отраслей, объединений, предприятий. В территориальном разрезе можно выделить потенциал республик, краев, областей и т.д. В свою очередь каждый из элементов потенциала экономической системы имеет собственную иерархическую структуру. Иерархической структуре потенциала свойственны двусторонние связи: верхние уровни воздействуют на нижние и сами в то же время формируются под их влиянием. Сложные, переплетающиеся взаимосвязи между элементами системы потенциала, включая обратные связи, приводят к тому, что изменение параметров одной части вызывает изменение параметров других частей и элементов потенциала. Отсюда возникает проблема управления по вертикали функционированием отдельных частей потенциала экономической системы.

В-третьих, потенциал экономической системы обладает целенаправленностью, т.е. у потенциала имеется общая цель и назначение – максимальное удовлетворение потребностей общества, которые детализируются на подцели. Можно говорить о существовании на каждом уровне системы целей, между которыми зачастую приходится находить компромиссное решение – при ограниченных возможностях как можно более полно удовлетворить безграничные потребности.

В-четвертых, потенциал экономической системы обладает большим числом частей и элементов, входов и выходов, разнообразием выполняемых функций. По количеству частей и элементов потенциал страны эквивалентен системе национального хозяйства. Через входы и выходы осуществляется взаимодействие как между отдельными элементами потенциала экономической системы, так и всего экономического потенциала с другими потенциалами государства (духовным, политическим).

В-пятых, потенциалу экономической системы присуща сложность (порой невозможность) описания на «одном» языке, необходимость использования спектра «языков», разнохарактерных и разноплановых показателей для анализа отдельных ее подсистем. Отсюда возникает проблема интеграции результатов исследования на основе специальных методов анализа в единый комплекс знаний о потенциале экономической системы. Попытки рассмотрения потенциала как системы можно встретить в ряде публикаций¹.

Разнообразие точек зрения свидетельствует о сложности и многогранности потенциала экономической системы и одновременно об отсутствии единого понимания данной категории. Это и неудивительно, так как сложность категории экономического потенциала предопределяется многоплановостью всей экономики в целом. Нами же в качестве исходного принят подход к рассмотрению экономического потенциала как экономической мощи, как фактически достигнутого уровня экономики, служащего основой производства товаров и услуг в экономической системе.

Можно выделить несколько аспектов, касающихся структуры экономического потенциала региона и отличающих его от потенциала национальной экономики. В целях оценки степени самостоятельности регионального управления, возможностей саморазвития региона и реализации региональных интересов необходимо определение внутреннего (собственного) экономического потенциала.

Так же, как и экономика региона в целом функционирует ради удовлетворения собственных потребностей и потребностей национальной экономики², так и экономический потенциал имеет два назначения: достижение общенациональных и региональных социально-экономических целей. В периоды усиления вертикали власти происходит подчинение региональных целей общенациональным, соответственно потенциал больше удовлетворяет потребности страны, а в периоды усиления горизонтали власти региональные цели могут превалировать.

Кроме того, отметим, что экономический потенциал региона не является в полном смысле региональным, так как, к примеру, расположенные на территории региона федеральные предприятия будут являться частью федерального потенциала. Эти предприятия обеспечиваются федеральными средствами, их функции связаны с выполнением федеральных программ. Этот факт дает возможность выделить в экономическом потенциале в целом и в его компонентах международный, федеральный, инорегиональный, общерегиональный и местный уровни в зависимости от принадлежности к уровню власти.

Таким образом, относительно региона можно выделить внутренний (собственный) региональный экономический потенциал и внешний потенциал³. Это деление проводится с учетом того, что, к примеру, на федеральных предприятиях могут использоваться внутренние трудовые, водные, земельные, энергетические ресурсы региона.

¹ Социально-экономический потенциал региона / Отв. ред. М.И. Долишний. – Киев: Наукова думка, 1985. – 219 с.; Проблемы формирования воспроизводственного потенциала регионов Приволжского федерального округа / Под ред. Янгирова А.В. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 150 с.; Проблемы формирования воспроизводственного потенциала Республики Башкортостан: монография / Под ред. д-ра экон. наук А.В. Янгирова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – 120 с.

² Юсупов К.Н., Янгиров А.В. Опыт системных межотраслевых и межрегиональных исследований в регионе // Экономико-математические методы исследования современных проблем экономики и общества. Отв. ред. Зулькарнай И.У. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 330–334.

³ Янгиров А.В., Юсупов К.Н., Зарипова Л.И. Измерение структуры воспроизводственных процессов в Российской Федерации // Экономика и математические методы. 2013. – № 2. – С. 112–119; Янгиров А.В., Юсупов К.Н., Зарипова Л.И. Макроэкономические проблемы формирования воспроизводственного потенциала в субъектах Приволжского федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2013. – № 18. – С. 2–11.

К федеральному потенциалу можно отнести магистральные виды транспорта (в условиях Республики Башкортостан это нефтепродукто-газопроводный, железнодорожный, воздушный и автомобильный транспорт), автомобильные дороги федерального подчинения, промышленные предприятия, учреждения науки и образования. Очевидно то, что компоненты федерального потенциала могут быть учтены на размещенных в регионе предприятиях.

Наличие высокого удельного веса федерального потенциала может поставить регион в чрезмерную зависимость от федерального центра и затрудняет региональное управление этой частью потенциала. Кроме того, к усложнению управления потенциалом ведет то, что во многих регионах наблюдается экспансия капитала из высокоразвитых субъектов (например, из Москвы). На наш взгляд, для каждого региона необходимо нахождение собственного оптимального сочетания различных форм собственности, при котором экономический потенциал использовался бы наиболее эффективно.

Но не только предприятия и основные фонды можно анализировать в приведенном аспекте. К таким элементам можно отнести также объемы федеральных бюджетных средств, расходуемых на территории региона, иностранных и инорегиональных инвестиций, поступающих на территорию региона, миграцию трудовых ресурсов (иностранных и инорегиональных).

Рассматриваемые виды потенциала региона, на наш взгляд, могут быть представлены: структурным потенциалом, т.е. потенциалом, направленным на удовлетворение потребностей всей страны, который может быть выявлен, прежде всего, с помощью показателей вывоза (экспорта); функциональным потенциалом, направленным на удовлетворение внутрирегиональных потребностей (например, пищевая промышленность); структурно-функциональным потенциалом, т.е. потенциалом, способным удовлетворить и общестрановые, и внутрирегиональные потребности.

По своему натурально-вещественному составу фонды потребления и накопления формируются как за счет местных ресурсов, так и за счет ввоза продукции из других районов. Причем предметами межрайонного обмена являются не только конечные, но и промежуточные продукты, идущие на дальнейшую переработку. Это определяет отличие схемы воспроизводства в регионе от схемы воспроизводства в национальной экономике в целом. Воспроизводственный процесс в регионе не может представлять собой замкнутый цикл. Существует обратно пропорциональная зависимость полноты воспроизводственных процессов от ранга региона: чем меньше ранг региона, тем ярче выражена степень неполноты. Если в национальной экономике РФ провести таксонометрическую иерархию по восходящим ступеням, то отмеченная выше зависимость будет выглядеть следующим образом: уровень муниципального образования – субъект Федерации – крупный экономический район – укрупненный экономический район – Восточная и Западная зоны национальной экономики – национальная экономика РФ. Начиная от низшей территориальной ступени до уровня национальной экономики РФ будут возрастать: степень комплексности хозяйства, полнота воспроизводственного процесса и соответственно увеличиваться доля конечного продукта (это связано с тем, что часть так называемого регионального «конечного» продукта фактически является промежуточным продуктом в пределах другого или вышестоящего региона).

Таким образом, концептуальные основы экономического потенциала во многом связаны с внешними факторами, роль которых по мере уменьшения ранга территории возрастает, что не может не налагать специфические черты на экономический потенциал региона.

**РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Ежегодник

Выпуск 10

Часть III

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 89,5
Уч.-изд. л. 77,6

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
Тел. /Факс +7(925) 517-6728
E-mail: inion@bk.ru